

Российская академия наук
Институт истории материальной культуры

ТРУДЫ
III (XIX)
ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
СЪЕЗДА

Великий Новгород — Старая Русса

Том I

Ответственные редакторы
Член-корреспондент РАН *Н.А. Макаров*
Член-корреспондент РАН *Е.Н. Носов*

Санкт-Петербург — Москва — Великий Новгород
2011

УДК 902/904
ББК 63.3
Т78

Организация III (XIX) Всероссийского археологического съезда и издание трудов осуществлены при финансовой поддержке Президиума РАН, Санкт-Петербургского научного центра РАН, Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, проект № 11-01-14028г), Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ, проект № 11-06-06115г)

Редакционная коллегия:

М.Ю. Вахтина, Т.С. Дорофеева, М.Т. Кашуба, Н.В. Лопатин, Л.Б. Кирчо, Е.Н. Носов, Н.В. Хвоцинская, Л.Г. Шаяхметова.

Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. — СПб-М-Великий Новгород, 2011. — 424 с.: илл.

ISBN

© Институт истории материальной культуры РАН, 2011 г.
© Авторы докладов, 2011 г.

Посвящается 100-летней годовщине проведения
XV Всероссийского археологического съезда
в г. Новгороде

Организаторы III (XIX) Всероссийского археологического съезда (Новгород — Старая Русса, 24-29 октября 2011 г.)

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
Институт археологии РАН, Москва
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Оргкомитет III (XIX) Всероссийского археологического съезда

Сопредседатели Оргкомитета –

академик А.П. Деревянко (директор ИАЭТ СО РАН, академик-секретарь ОИФН РАН)
чл.-корр. РАН Н.А. Макаров (директор ИА РАН)
чл.-корр. РАН Е.Н. Носов (директор ИИМК РАН)

Секретариат Оргкомитета –

к.и.н. О.И. Богуславский (председатель, заместитель директора ИИМК РАН), д.и.н. Е.Г. Дэвлет (ученый секретарь ИА РАН), к.и.н. С.А. Кулаков (ученый секретарь ИИМК РАН), к.и.н. Е.В. Торопова (доцент Новгородского госуниверситета), к.и.н. С.В. Трояновский (руководитель Новгородского ЦОАИ)

Члены Оргкомитета –

академик В.И. Молодин (зам. директора ИАЭТ СО РАН)
академик В.А. Тишков (директор ИЭА РАН, заместитель академика-секретаря ОИФН РАН)
академик В.Л. Янин (заведующий кафедрой археологии МГУ)
чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов (директор ИИАЭ ДНЦ РАН, председатель Президиума ДНЦ РАН)
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков (заместитель директора ИА РАН)
чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко (заведующий отделом ИА РАН)
чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (заведующий группой ИА РАН)
чл.-корр. РАН М.Б. Пиотровский (директор ГЭ)
чл.-корр. АН Татарстана Ф.Ш. Хузин (заведующий кафедрой Казанского ГУ)
чл.-корр. РАН Е.Н. Черных (заведующий лабораторией ИА РАН)
д.и.н. Н.И. Дроздов (ректор Красноярского ГПУ)
д.и.н. В.Л. Егоров (заместитель директора ГИМ)
д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин (ректор Алтайского ГУ)
д.и.н. Д.Г. Савинов (профессор кафедры археологии СПб ГУ)
д.и.н. Ю.К. Чистов (директор МАЭ РАН)
д.и.н. А.Ф. Шорин (заместитель директора ИИА УрО РАН)
д.и.н. М.В. Шуньков (заместитель директора ИАЭТ СО РАН)
Н.В. Григорьева (директор НГОМЗ)

Структура издания «Трудов III (XIX) Всероссийского археологического съезда»

Том I

Пленарные доклады

Секционные доклады

1. Культурно-исторические процессы в палеолите Евразии: расселение человека, культурогенез, материальная культура и природная среда
2. Мезолит и неолит Евразии: анализ источников, хронология, периодизация, культурная география
3. Эпоха бронзы Евразии
4. Археология античности
5. Памятники раннего железного века Евразии

Принятые сокращения

Том II

Секционные доклады

6. Археология эпохи переселения народов и раннего средневековья Евразии
7. Средневековая археология Восточной Европы
8. Археология эпохи Московского государства и Российской империи
9. Проблемы сохранения памятников археологии в современной России
10. История археологической науки и место археологии в современном обществе
11. Методы естественных наук в археологии

Принятые сокращения

Пленарные доклады

А.П. Деревянко, М.В. Шуньков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Палеолит Алтая: культурная динамика и развитие рода *Homo*

Материалы палеолитических стоянок Российской Алтая демонстрируют наиболее подробную картину становления культурных традиций первобытного населения Северной Азии. Самыми содержательными в этом отношении являются палеолитические стоянки, расположенные в северо-западной части Алтая, в пределах долины р. Ануй – Карама, Денисова пещера, Усть-Каракол, Ануй-2 и др. На этих стоянках получен значительный объем археологических, литолого-стратиграфических и палеонтологических данных, позволяющих решать вопросы хронологии и динамики культурно-исторических процессов, моделировать природное окружение первобытного населения.

К наиболее древнему этапу проникновения палеолитического человека на эту территорию относятся архаичные артефакты, обнаруженные на стоянке Карама. Галечные орудия залежали в отложениях нижнего неоплейстоцена, возраст которых, судя по совокупности аналитических данных, 600–800 тыс. лет. Раннепалеолитические материалы Карама представлены индустриями галечного типа. В техническом отношении для них характерны приемы бессистемного и параллельного скалывания заготовок. Среди продуктов расщепления представлены нуклеидно обколотые гальки с гладкими ударными площадками, а также сколы с субпараллельно оgranенным дорсалом и подготовленной площадкой. Самыми представительными категориями инвентаря являются скребла и чопперы с прямым, выпуклым или вогнутым рабочим краем. Следующую по значению группу образуют зубчатые, выемчатые и клювовидные орудия, оформленные клетонскими анкошами. Остальную часть инвентаря составляют галечные орудия с шиповидным выступом в виде носика, нуклеидные скребки с крутой или отвесной оббивкой рабочего края, массивные острия, ножи на долечных сколах.

Раннепалеолитическая галечная индустрия Карама свидетельствует о заселении территории Алтая популяциями *Homo erectus*, пришедшими, скорее всего, с первой миграционной волной из Африки. В настоящее время это наиболее древние культуросодержащие слои, выявленные на территории Северной Азии.

Следующий документированный период древнейшей истории Алтая представлен археологическими

материалами из отложений второй половины среднего неоплейстоцена. Из этих отложений получены наборы каменных изделий, которые по морфологии и стратиграфической позиции соответствуют ранним этапам среднего палеолита. Для них характерны признаки леваллуазского расщепления, использование отщепов в качестве заготовок орудий, преобладание в орудийном наборе скребел и зубчато-выемчатых форм.

Устойчивое заселение среднепалеолитическим человеком территории Алтая относится к первой половине верхнего неоплейстоцена. Среднепалеолитические индустрии Алтая развивались в рамках единой культурной традиции, внутри которой выделено несколько технических вариантов. В индустриях Денисовой пещеры и местонахождения Тюмечин-1 первичная обработка камня велась главным образом в традициях параллельного и радиального раскалывания. Леваллуазский метод расщепления представлен в развитом виде, хотя существенного влияния на технологический процесс он не оказал. В составе инвентаря преобладают скребла и зубчато-выемчатые орудия. В небольших количествах присутствуют мустьерские остроконечники, резцы и двусторонне обработанные орудия. Изделия леваллуа отличаются четкой морфологией, однако их удельный вес относительно невелик.

Несколько иной технико-типологический характер имеют индустрии стоянок Кара-Бом, Усть-Каракол, Ануй-3 и Усть-Канской пещеры. Для первичной обработки камня в них использовалось главным образом леваллуазское расщепление, в основном техника пластинчатого скола. Типологический облик инвентаря определяли леваллуазские остроконечники и удлиненные сколы леваллуа, которые сочетались с листовидными бифасами, зубчато-выемчатыми формами и орудиями верхнепалеолитической группы.

В отдельный вариант выделены среднепалеолитические материалы пещеры Окладникова и Чагырской пещеры. Они отличаются от других алтайских индустрий хорошо выраженным мустьероидным обликом и большим количеством в составе инвентаря угловых скребел типа *dejele*.

Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае происходило по двум самостоятельным линиям развития – усть-каракольской и кара-бомовской – на

основе последовательной трансформации технокомплекса среднего палеолита. В индустриях усть-каракольского варианта для получения заготовок использовались нуклеусы призматических, конусовидных и торцовых форм, в т.ч. предназначенные для снятия микропластин. В составе каменного инвентаря самые яркие группы образуют орудия т.н. ориньякской формы – концевые скребки на пластинах, скребки высокой формы, крупные пластины с ретушированными продольными краями, микропластины с притупленным краем, а также бифасиальные остроконечники листовидной формы. Другой важной особенностью этих индустрий является набор украшений и орудий из кости, в составе которого подвески из зубов животных, пронизки с рядами параллельных насечек, раковины моллюсков с искусственным отверстием, а также подвески из мягкого поделочного камня, кольцо из белого мрамора и браслет из темно-зеленого хлоритолита. Трасологическое изучение каменных украшений показало, что при их изготовлении использовались шлифовка на абразивах, полировка кожей и шкурой, а также уникальные для палеолитического времени технологии – скоростное станковое сверление и расточка инструментом в виде рашиля.

Кара-бомовский индустриальный вариант имеет хорошо выраженный пластинчатый облик. Основной технологический процесс был направлен на серийное получение крупных удлиненных сколов. Вместе с тем в этих индустриях появились признаки микропластинчатого расщепления. В составе орудий наиболее показательны изделия на пластинчатых заготовках – концевые скребки, срединные резцы, ножи с ретушированным обушком и остроконечники с уплощенным основанием, а также единичные бифасы и украшения из зубов животных.

Относительно ранняя хронологическая позиция алтайских комплексов начальной поры верхнего палеолита, позволяет предположить, что выделенные на Алтае технологические тенденции во многом предопределили основные пути развития верхнепалеолитических традиций в Северной и Восточной Азии. Кара-бомовская традиция тесно связана с распространением на этой территории пластинчатых индустрий. Усть-каракольский технический вариант стимулировал развитие в верхнем палеолите этих регионов индустрий с торцовым микрорасщеплением и производством листовидных бифасов.

Характер среднего этапа верхнего палеолита на Алтае лучше всего отражают материалы стоянки Ануй-2, чей абсолютный возраст определен в диапазоне от 23 до 27 тыс. лет. Основная часть нуклеусов этой индустрии выполнена в традициях параллельного расщепления, в т.ч. призматического, торцового и клиновидного, предназначенного для снятия микропластин. О развитой пластинчатой технике свидетельствует также относительно высокая доля удлиненных заготовок, среди которых широко представлены микропластины. В составе типологически выраженного инвентаря наибольшим разнообразием отличаются изделия верхнепалеолитической группы, в том числе концевые

скребки и скребки высокой формы, срединные асимметричные и угловые резцы, ножи с ретушированным обушком и обушком-гранью, остря и долотовидные изделия. Наиболее выразительным компонентом инвентаря, специфичным этого археологического этапа, является серия микроизделий – остря с притупленным краем граветтского типа, миниатюрные скребки, проколки и микропластины с притупленным краем.

Позднепалеолитические индустрии Алтая в целом демонстрируют дальнейшее развитие технокомплексов предшествующего этапа. Это развитие проявилось в последовательном расширении базы пластинчатого расщепления, прежде всего за счет более активного использования микропластинчатых технологий. В составе каменного инвентаря скребла, листовидные бифасы, зубчатые и выемчатые формы соседствовали с концевыми скребками на пластинах, резцами срединных разновидностей, долотовидными орудиями, микропластинами с притупленным краем. Особенно выразительны орудия и украшения из кости и зубов животных – иглы с ушком, остря-проколки, костяная основа вкладышевого орудия с пазом, подвески из зубов оленя, плоские бусины-колечки, изготовленные из скорлупы яиц страуса.

Таким образом, благодаря широкому временному охвату и большому объему фактического материала, культурно-хронологическая последовательность, выявленная на многослойных палеолитических комплексах Алтая, может рассматриваться в качестве базовой модели перехода к верхнему палеолиту в восточных районах первобытной ойкумены.

В этой связи огромный интерес представляют данные, полученные учеными Института археологии и этнографии СО РАН совместно с палеогенетиками Института эволюционной антропологии Макса Планка, позволяющие предположить существование ранее неизвестной группы гомининов. Антропологические остатки, найденные в культурном слое начальной стадии верхнего палеолита (50–40 тыс. лет назад) в Денисовой пещере, принадлежали гоминину, существенно отличавшемуся по типу митохондриальной и ядерной ДНК от неандертальца и от человека современного физического вида. Новая популяция гомининов, обозначенная как «денисовцы», сосуществовала на этой территории вместе с наиболее восточной группой неандертальцев, установленной по данным анализа мтДНК останков ископаемого человека из пещер Окладникова и Чагырской. Полученные результаты показывают, что на континенте Евразия в период верхнего плейстоцена вместе с человеком современного физического типа существовало как минимум еще две формы гомининов: форма Западной Евразии, где на основании широко известных морфологических признаков она обозначается как неандертальская, и восточная форма, к которой относятся денисовцы. Совокупность археологических данных – наборы каменных и костяных орудий, предметы символической деятельности, способы и приемы жизнеобеспечения, – свидетельствует, что для денисовцев характерно поведение человека современного физического облика.

Н.Н. Жервэ

*Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург*

П.Г. Гайдуков

Институт археологии РАН, Москва

К 100-летию XV Археологического съезда в Новгороде

В истории изучения археологической науки Всероссийские Археологические съезды (АС), проводившиеся по инициативе Московского археологического общества (МАО) с 1869 по 1911 г., занимают очень важное место. Они являются значительными вехами в становлении и развитии отечественной археологии, определяют круг теоретических и практических вопросов, связанных с региональными и общерусскими археологическими исследованиями. В 2011 г. исполнилось 100 лет со дня проведения XV АС в Новгороде, который оказался последним в дореволюционной России.

О съезде свидетельствуют различные материалы. В первую очередь это печатные издания: «Труды Московского предварительного комитета XV АС» (2 тома, 1911), «Известия XV АС в Новгороде» (1911), а также «Труды» съезда, включающие в себя статьи, материалы, документы, тексты докладов, протоколы (2 тома, 1914 и 1916). Работа съезда подробно освещалась в центральной и местной прессе. Отклики на него были помещены более чем в 90 периодических изданиях России. Не меньший интерес для изучения истории подготовки и проведения съезда имеют и архивные документы, хранящиеся, в основном, в ОПИ ГИМ (фонд Уваровых) и в ОПИ НГОМЗ (фонд Новгородского общества любителей древностей – НОЛД).

Вопрос об избрании Новгорода местом проведения очередного съезда был решен в январе 1909 г. Московским предварительным комитетом по устройству XV АС (МПК). Все предыдущие съезды, как правило, посвящались археологическому обследованию южных и центральных областей России (Одесса, Харьков, Киев, Чернигов, Москва, Ярославль). Впервые предпочтение было отдано изучению древностей Северо-Запада России в целом, и Новгородской земли в частности.

МПК проделал большую подготовительную работу: уточнил организационные и программные моменты, определил основной круг вопросов предстоящего съезда. Было намечено 23 доклада и 74 вопроса, предлагавшихся к обсуждению. Специально к съезду было опубликовано несколько источников.

Основная ответственность за подготовку и проведение XV АС легла на плечи Новгородского предварительного комитета (НПК) (в него вошло 63 человека, в том числе 23 члена НОЛД), возглавляемого губернатором Новгорода П.П. Башиловым. За 2 года своей деятельности комитет собирался 32 раза для об-

суждения самых разнообразных организационных и научных вопросов. За это время было издано четыре сборника НОЛД с материалами, документами и сообщениями по истории Новгорода; завершилось издание «Новгородики» и «Путеводителя по Новгороду» В.П. Ласковского; появилась книга Н. Романцева «О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии».

В 1909–1911 гг. в Новгородской губернии было проведено несколько археологических экспедиций, результаты которых дополнили сведения о новгородских курганах и жальниках.

НПК смог собрать более 1640 разнообразных предметов древности, которые послужили основой для организации специальной выставки. Они были размещены в двух отделах: древности первобытные, гражданские и военного быта, а также древности церковные. Каталог выставки, выпущенный к съезду, дает представление о собранных материалах. Публика могла познакомиться и с коллекцией Новгородского музея древностей.

XV АС в Новгороде работал в течение двух недель. В его работе участвовало 156 депутатов, представляющих около 80 различных научных и учебных учреждений и обществ. Всего же на съезде было более 400 участников. Предыдущий XIV АС в Чернигове (1908 г.), к примеру, насчитывал 125 депутатов и 281 участника. Новгородский съезд собрал исследователей, представлявших многие регионы Российской империи, включая Финляндию и Прибалтийские провинции, а также историков и археологов из Австрии, Германии, Голландии, Швеции. Научный уровень съезда был также высок: среди депутатов съезда было 42 профессора по разным отраслям науки.

Открытие съезда состоялось 22 июля в актовом зале Новгородской мужской гимназии. Это крупнейший в дореволюционной России археологический форум должен был стать важной вехой в истории изучения и охраны новгородских древностей. Однако, несмотря на интенсивную работу (на 32 заседаниях было заслушано и обсуждено 90 докладов), многие вопросы по истории и археологии Новгорода и Новгородской земли остались без внимания, и только 36 докладов касались новгородской старины.

Работа съезда велась по девяти секциям: общие вопросы (4 доклада); древности первобытные (13 докладов); древности историко-географические и этнографические (12 докладов); памятники искусств и ху-

дожеств, нумизматики и сфрагистики (11 докладов); древности юридические, быт хозяйственный, домашний и военный (17 докладов); древности церковные (12 докладов); древности классические, византийские, восточные и западноевропейские (3 доклада); памятники языка и письма (11 докладов); археография и архивоведение (7 докладов).

Открыла работу съезда секция церковной археологии. Два доклада ее председателя Н.В. Покровского были посвящены наиболее интересным предметам из собрания Софийской ризницы: двум Иерусалимам (сионам) и ковчегу для мощей (реликварию). Вопрос о назначении сионов бурно дискутировался.

Стремя докладом выступил П.Л. Гусев: «Иконография святых Флора и Лавра в новгородском искусстве», «Символы власти в Великом Новгороде» и «Иоанновский корпус новгородского Владычного двора как памятник искусства». Бурные дебаты, свидетелемствовавшие о большом интересе, вызвали сообщения М.Д. Приселкова «Новгородский епископ Нифонт» и А.А. Дмитриевского «О шапках в Софийской новгородской ризнице».

Вопросы охраны местных церковных памятников старины в Новгородской губернии поднял А.И. Анисимов. Докладчик предложил принять ряд конкретных мер для охраны церковных древностей: обследовать все церкви, часовни и зарегистрировать старые иконы и утварь; утратившие служебное значение древние церковные предметы переместить в Новгород, организовав специальный церковно-археологический музей; провести научную реставрацию, систематизацию и каталогизацию древних икон. Был поднят вопрос и о плохом состоянии новгородского Детинца, требовавшего безотлагательного ремонта. Архиепископ новгородский и старорусский Арсений сделал сообщение «О современном состоянии собора Св. Софии в Новгороде», остановившись на пагубных последствиях последнего ремонта, оконченного в 1900 г., и плачевном состоянии собора к 1911 г.

Доклады по первобытной археологии сделали скандинавские ученые: Т. Арне («Сношение Руси со Швецией во времена норманнов»), Г. Гальштрем (результаты исследований по берегам Белого моря и в Онежском крае, где были обнаружены интересные наскальные изображения), О. Альмгрен (о каменном веке в юго-западной Скандинавии).

Секция «Памятники юридические, быт домашний, общественный и военный» работала под председательством А.С. Лаппо-Данилевского. В сообщениях, прозвучавших на ней, говорилось о важности исследования таких документов, как судная грамота 1471 г. и писцовые книги Великого Новгорода. В отношении последних председатель указывал на необходимость разработки материала местными исследователями, хорошо знающими топографию Новгорода и Новгородской земли. Именно в этой секции было

сделано два доклада об исследовании курганов и жальников Тихвинского уезда (А.И. Колмогоровым и И.В. Аничковым).

Всеобщее внимание привлек доклад делегата от Ученого Эстонского общества Р. Гаусмана («Немецкий двор при церкви св. Петра и Павла в Новгороде»), в котором рассматривались торговые связи Новгорода с Висби и Любеком.

Среди сообщений по секции «Памятники искусств и художеств, нумизматики и сфрагистики» особенно большой интерес вызвал доклад А.И. Анисимова «О реставрации фресок церкви Федора Стратилата». В прениях по докладу участвовали А.И. Некрасов, А.А. Дмитриевский, Н.В. Покровский.

В секции «Древности историко-географические и этнографические» Новгородской земли касались сообщения Т. Арне «Новгород во времена шведского владычества по Балтийскому морю по старым картам из Стокгольмского военного архива» и доклад А.М. Андрияшева «Историко-географическая карта Шелонской пятины в начале XVI в. по писцовым книгам».

Богатый материал дала секция «Памятники языка и письма». Введенная в программу археологических съездов еще с 1872 г. секция «Археография и архивоведение» рассматривала вопросы практического характера: об изучении, хранении и использовании богатейших материалов уездных дворянских, монастырских архивов и архивов местных учреждений. Для Новгорода, обладавшего богатейшими местными церковными и гражданскими архивами, это имело большую актуальность.

Работа съезда завершилась принятием девяти постановлений, касающихся дальнейшего изучения и сохранения новгородских древностей: Софийского собора, Детинца, церковей Федора Стратилата и Спас-Нередицы.

Церемония закрытия XV АС состоялась 4 августа. Подводя его итоги, Председатель съезда гр. П.С. Уварова старалась подчеркнуть, что местное общество сделало слишком мало для реализации всей намеченной программы и главная заслуга в успешном проведении мероприятия, таким образом, принадлежала МАО. Подобное обвинение в адрес местных любителей старины вызвало вполне законное возмущение, высказывавшееся, правда, лишь в местной прессе. П.С. Уварова все же выразила надежду, что «съезд оставит в Новгороде хотя бы некоторое желание продолжать в будущем разработку местных памятников», и надежда эта оправдалась.

Съезд привлек значительное внимание к новгородским древностям, что сказалось на дальнейшем развитии археологических исследований на Северо-Западе России. Не случайно, что очередной XVI АС было решено провести в 1914 г. в Пскове.

Е.Н. Носов*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург***В.Л. Янин***Московский государственный университет, Москва*

К 1150-летию юбилею российской государственности: источники и проблемы

8 сентября 1862 г. в Новгороде состоялось торжественное открытие памятника «Тысячелетию России», на котором при огромном стечении народа присутствовали император Александр II, члены императорской семьи, правительство, Сенат, Синод, дипломатический корпус. Для участия в параде были вызваны столичные полки. Молодой выпускник Академии художеств Михаил Микешин создал памятник, соединив в одном монументе два неразрывных символа российской государственности – монархию и народоправство, шапку Мономаха и вечевой новгородский колокол. В каждую фигуру памятника и их группы он вложил глубокий смысл, а отсутствие некоторых знаковых деятелей отечественной истории (Иван Грозный) отнюдь не случайно, связано с их «особыми заслугами» перед Новгородом. Так был исполнен указ императора Николая I от 21 августа 1852 г., о признании 862 года – года призвания Рюрика, началом российской государственности. В жизнь этот указ был воплощен императором Александром II, придавшим открытию монумента всероссийское значение. Дело в том, что середина XIX столетия, после поражения России в Крымской войне, показавшего всю гнилость многих государственных структур страны, это время проведения крупных преобразований – военная реформа, судебная реформа, отмена крепостного права и т.д. При их проведении празднование Тысячелетия России должно было играть роль объединяющей общество национальной идеи, стать символом его сплочения.

Выбор для юбилея 862 г. был не случайным. В отечественной историографии уже закрепилось мнение, что призвание варягов и приход Рюрика явились важнейшим событием в начальной русской истории. Выдающийся отечественный историк XIX в. С.М. Соловьев, уверенно, заключал: «Призвание первых князей имеет великое значение в нашей истории, есть событие всероссийское, и с него справедливо начинают русскую историю. Главное, начальное явление в основании государства – это соединение разрозненных племен чрез появление среди них сосредоточивающего начала, власти. Северные племена, славянские и финские, соединились и призвали к себе это сосредоточивающее начало, эту власть».

Конечно, точный год начала государственности – 862 г., условен. Дело не только в том, что в списках древнерусских летописей, как, например, в Первой новгородской летописи, указывается и иная дата – 859 г. (именно ее вы встретите на щитах при въезде

в Великий Новгород и в многочисленной литературе о городе), а некоторые историки вообще полагают, что приход Рюрика должен быть датирован временем начала 890-х годов. Суть в том, что становление государства это не одномоментный акт, а процесс, где не может быть указано не только точного месяца, но и года. Тем не менее, время, выбранная для празднования Тысячелетия России точка отсчета – середина IX в. вполне исторична.

Государство выступает как особая форма организации социально-стратифицированного общества. Его появление предполагает возникновение централизованной формы правления, сложение территориальной общности, объединенной экономическими связями и единым административным управлением, появлением особых институтов публичной власти, осуществляющих административные, судебные, военные и культурные функции. Особую роль скрепляющего начала в этом процессе, наряду с местными административными центрами (погостами), играют города, становясь средоточием политической, экономической и военной власти, вырастая в культовые и религиозные центры территорий. Таким временем и стала середина IX в.

Для решения вопроса о государственности в нашем распоряжении есть два вида источников – письменные и археологические. К сожалению, для рассматриваемого времени они достаточно скудны. Письменные источники, прежде всего, древнерусские летописи, крайне лаконичны, представляют собой сложные своды и говорят о событиях свершившихся раньше времени, когда сами они были созданы и, во многом, опираются на легенды и предания, сохранившиеся в народной памяти. Свидетельства иностранных письменных источников также случайны, неотчетливы, и их можно привлекать только после основательной критической оценки. Археологические материалы не сообщают нам о самих событиях, не дают конкретных имен, а намечают лишь тот историко-культурный фон, на котором шло социальное расслоение общества и становление государственных институтов.

В отношении характера сложения Повести Временных лет (ПВЛ) и включенной в нее Легенды о призвании варягов, от которой отечественная наука собственнно и ведет отсчет образования русской государственности, современная филология продолжает, в своей основе, опираться на фундаментальные труды отечественного классика – академика А.А. Шахматова. Именно А.А. Шахматов текстологически обосновал

вал первичность варианта Сказания, по которому Рюрик изначально приходит в Новгород. Согласно А.А. Шахматову этот «новгородский вариант», восходящий к киевскому Начальному своду 1093-1095 гг., отраженному в Новгородской первой летописи младшего извода, был унаследован от этого свода первой редакцией ПВЛ (редакция Нестора 1111 г., до нас не дошла), и второй редакцией Сильвестра 1116 г., сохранившейся в списках лаврентьевской группы, но со следами вторичного влияния. Третья редакция была создана в 1118 г., читается по спискам ипатьевской группы, и здесь Новгород был заменен на Ладогу, скорее всего, после посещения летописцем этого города и знакомства с ладожскими легендами. Вопрос о соотношении первичности «новгородской версии» и «ладожской» детально разработан в текстологической литературе. Недавно его новый серьезный анализ был предпринят А.А. Гиппиусом.

Однако несколько лет назад с легкой подачи Д.А. Мачинского вопросу соотношения версий было придано спекулятивно-политизированное звучание далекое от академической науки с желанием обосновать столичный характер Ладоги. Мы не будем приводить здесь все специальные текстологические аргументы собранные и суммированные А.А. Гиппиусом, это глубокое и объемное филологическое исследование, а остановимся лишь на важнейших его заключениях.

«По мнению автора (Д.А. Мачинского – авт.), – пишет А.А. Гиппиус, – текстологические доказательства первоначальности «ладожской версии» столь же неоспоримы, как и археологические свидетельства большей древности Ладоги по сравнению с Новгородом». Соответственно, новгородский вариант рассказа о Рюрике рассматривается Д.А. Мачинским как тенденциозное сокращение полной и исторически достоверной ладожской версии... Д.А. Мачинский резюмирует: «Все древние и авторитетные списки ПВЛ, сохранившие полный вариант «Сказания о призвании» единогласно свидетельствуют о приоритете Ладоги, двукратно упомянутой в качестве резиденции Рюрика. В двух списках текст «Сказания» сокращен и приближен к варианту новгородского летописания за счет неумелого изъятия двукратного упоминания Ладоги, но даже в них нет имени Новгорода, как первой резиденции Рюрика». Текстологическая первичность «ладожской» версии «Сказания» представляется Д.А. Мачинскому вытекающей из этих фактов с такой однозначностью, что предпочтение, отдаваемое в исторической литературе «новгородскому» варианту, исследователь может объяснить лишь предвзятостью официальной российской историографии («от Карамзина до Кучкина»), не желающей считаться с ролью Ладоги как древнейшей столицы Руси. В ряды представителей этого официоза следовало бы записать и А.А.Шахматова...».

«Парадоксальным образом, – замечает А.А. Гиппиус – ни Начальный свод, ни третья редакция ПВЛ, ни даже имя А.А. Шахматова в статье Д.А. Мачинского не упоминаются. Отсутствуют в списке литературы и другие важнейшие работы по истории начального летописания: внимание автора ограничено в основ-

ном публикациями летописей и историческими исследованиями. Такое игнорирование собственно текстологической литературы предмета, по-видимому, не случайно: соотношение вариантов кажется Д.А. Мачинскому столь очевидным, что обращаться к этой литературе вроде бы и незачем – надо лишь не предвзято смотреть на общедоступные данные, которые говорят сами за себя».

Касаясь взглядов Д.А. Мачинского замечает А.А. Гиппиус, «мы беремся утверждать, – что эти выводы обладают лишь видимостью доказательности; что обвинительный приговор, вынесенный гипотезе А.А. Шахматова о «третьей редакции» ПВЛ, ошибочен, а представление о первичности «ладожского» варианта рассказа о Рюрике является иллюзией, вызванной недооценкой реальной сложности рукописной истории ПВЛ».

«Начнём с главного, – продолжает автор – так ли действительно текстологически бесспорен ладожский вариант? Сколь бы внушительным не казалось присутствие его в четырёх из шести полных списков ПВЛ, факт этот сам по себе ничего не говорит. Текстологическая реконструкция – не демократические выборы, исход которых определяется простым большинством голосов; здесь всё зависит от генеалогии списков, их положения в стемме». Далее А.А. Гиппиус рассматривает уже не шесть отдельных списков, а три протографических свода к которым они восходят попарно, в свою очередь две из этих пар восходят к общему их протографу – Владимирскому летописному своду, а третья к Киевскому своду, созданному около 1200 г. Текстологически сравнивая летописные своды, протографы и протопротографы А.А. Гиппиус и приходит к выводу о правильности изначальной схемы А.А. Шахматова, а ладожские фрагменты статьи Легенды о варягах обнаруживают свою не первоначальность в составе ПВЛ. Ничем этим Д.А. Мачинский не владеет. Вполне справедлива мысль А.А. Гиппиуса, что «достоверность – не слишком надёжное подспорье в определении относительной древности письменного предания об отдалённом прошлом. Навивно было бы думать, что редактирование Начальной летописи заключалось в тенденциозном искажении достоверных рассказов». Однако, оказывается, некоторые исследователи еще и в начале третьего тысячелетия так считают. И, наконец, последнее замечание – во всех списках в недатированной части ПВЛ указывается об основании словенами, расселившимися в Приильменье, города Новгорода («Словени же сядоша около езера Илмеря [и] прозвашася своим именем и сделаша град и нарекоша и Новгород»). Такое единодушие источников свидетельствует, что это не вторичные вставки, а начальный вариант, и именно он согласуется с «новгородской» версией. Текстологический анализ Сказания о призвании варягов, показывает, во-первых, что при его создании Ладога появилась не изначально, а, во-вторых, что события отраженные в нем содержат элементы исторической правды, но не являются банальной «достоверной» хроникой, как это воспринимается некоторыми авторами.

Главное. Исходя из современного понимания функций и структуры раннего государства, о которых мы уже упоминали, Ладога не обладала ими и не могла быть столицей государственной территории (единой административно и экономически) и средоточием ее административных властей, ни в середине VIII в., когда была основана, ни позднее в IX в.

Такой центр возник в середине IX в. в истоке Волхова на месте Рюрикова городища. Это и был древнейший Новгород. Раскопками доказано, что он представлял собой значительное военно-административное и торгово-ремесленное поселение в плотно освоенной славянами поселенческой округе, почти напротив главного языческого капища ильменских славян в урочище Перынь. Удалось раскопать древнейшие дубовые укрепления Городища и ров, сооруженные в середине IX в. и просуществовавшие не менее полувека. Проведение столь грандиозных строительных работ было доступно лишь организованной силе. Конструктивно укрепления Рюрикова городища имеют сходство с ранними укреплениями киевского детинца. Материальная культура поселения неотвратимо доказывает присутствие здесь княжеской дружины, включавшей значительное число варягов. По числу находок скандинавской воинской культуры Рюриково городище намного превосходит Ладогу. Здесь были и специальные ремесленники, изготовлявшие предметы в северном стиле, согласно вкусу их заказчиков. Среди обитателей были и женщины, то есть часть выходцев из Скандинавии, прежде всего, из средней Швеции, жила семьями. Сделанные находки свидетельствуют о широких международных связях Рюрикова городища и присутствии здесь представителей разных этносов – скандинавов, славян, финнов. Именно с Городища, через три года после смерти Рюрика, его приемник и родич, воевода Олег в 882 г. отправился завоевывать Смоленск и Киев.

Судя по археологическим материалам и дендрохронологии Ладога, несомненно, старше Новгорода и была основана в середине VIII в. Это один из древне-

йших русских городов. В 2003 г., по указу президента Российской Федерации от 9.XII.2002 г. В.В. Путина отмечалось 1250-летие со дня основания села Старая Ладога. Вполне обоснованно в указе нет слов о ее столичном характере. Однако, Д.А. Мачинский уверен («то, что Рюрик первоначально «седе» (сел) в Ладоге означает, что в Ладоге он «седе на столе», т.е. на том особом сидении конунга или князя, которое символизировало его власть и от коего происходит слово «столица»). Полагаем, что «особое сидение конунга или князя» (стул, кресло, трон) и «столица» это совершенно разные понятия. Столицей Древней Руси никогда не был и Новгород, вопреки утверждению того же Д.А. Мачинского, хотя административно и экономически он, в отличие от Ладоги, стал центром огромной территории. Только завоевание Киева Олегом в 882 г. впервые в российской истории создало столичный центр в современном понимании (не местонахождение княжеского престола-«стола», а главный город государства, сосредоточившего в себе множество «столов»). Общеизвестны слова Олега, сказанные им о Киеве: «Се буди мати городом Русским» (Это будет мать русским городам). «Мать городам» – калька греческого ΜΗΤΗΡ ΠΟΛΙΣ (метрополия, главный город).

Государственность в Древней Руси формировалась в двух ее центрах – на севере и на юге страны, в Новгороде и в Киеве. На севере княжеские права были во многом ограничены. Прежде всего, князья были лишены права собирать доходы на обширных территориях. Практика приглашения новгородцами князей в Новгород на определенных условиях, повторяет факт призвания варягов, на что обратил внимание еще С.М. Соловьев. Киев был завоеван Олегом, а поэтому здесь отношения князя и местной аристократии были иными. Князь обладал гораздо большими правами. Если на севере Древнерусского государства дань собиралась по погостам местной знатью и ее часть передавалась князю, то на юге сбор дани осуществлялся в форме ежегодного полюдья, то есть объезда территорий, о чем дошли до нас свидетельства древних источников.

Е.Н. Черных

Институт археологии РАН, Москва

Системный анализ серий радиоуглеродных датировок Эпохи Раннего Металла: основные результаты и проблемы исследований

1. Внедрение в арсенал археологической практики методов радиоуглеродной хронологии стало для нашей науки, вне всякого сомнения, событием номер один, причем не только для общностей эпохи голоцена, но также и для позднелепелитических культур.

2. Бурное накопление радиоуглеродных датировок в последние два десятилетия ставит перед археологами насущный вопрос о создании соответствующих баз данных и их системного анализа; такое направление исследований должно избавить или хотя бы предостеречь мно-

гих исследователей от соблазна – путем привлечения лишь единичных датировок – определять календарную хронологию не только отдельных памятников (поселений, могильников), но даже обширных культур.

3. Под системным анализом баз данных автор подразумевает:

а) четко структурированный кадастр датировок, согласно избранному и намеченному плану исследований;

б) культурная верификация каждого комплекса, с которым связана конкретная датировка, а также критическая оценка исходной культурной верификации;

в) оценка характера пробоотбора для каждой из датировок;

г) территориальное положение каждого из комплексов с обязательным использованием географических координат для возможностей анализа пространственного распределения датировок;

г) калибровка датировок по избранной исследователями программе;

в) расчет суммы вероятностей для выделенных исследователем совокупностей датировок, согласно избранной программе.

4. Таков характер и обязательный порядок системного анализа базы данных радиоуглеродных датировок, принятый в лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН. Общая база данных в лаборатории накапливалась с начала 90-х гг. прошлого столетия и превысила на сегодняшний день 4000 радиоуглеродных определений абсолютного возраста.

5. Настоящий доклад затронет кратко лишь наиболее значимые результаты обработки примерно 2700 датировок, сопряженных главным образом с различными культурами трех металлургических провинций Евразии Эпохи Раннего Металла: Балкано-Кар-

патской (~ 800 дат), Циркумпонтийской (~ 1250 датировок) и Западно-Азиатской (~650 дат); последняя в ранних работах автора именовалась Евразийской. Ниже упомянем только ряд важнейших сюжетов данной программы.

6. Выявлен период т.н. «бесконтактного» сосуществования в рамках IV тыс. до н.э., но на разных территориях, производственных центров прото-Циркумпонтийской и Балкано-Карпатской провинций.

7. Системный анализ серий радиоуглеродных датировок ряда т.н. «энеолитических» культур степной зоны Северного Причерноморья и Прикаспия позволяет ставить вопрос о слабой обоснованности культурной верификации многих памятников этой зоны, датированных в пределах конца VI – начала IV тыс. до н.э. К тому же здесь на попытках построения календарных шкал весьма негативно сказывается «синдром культурной непрерывности», присущий многим общностям Степного пояса Евразии.

8. Особое внимание в рамках прото-Циркумпонтийской металлургической провинции привлекает феномен майкопской общности, ознаменованный чрезвычайно ранним зарождением курганных скотоводческих культур.

9. В течение примерно семисот лет наблюдается сосуществование от Поднепровья до Поволжья культур ямной и катакомбной общностей; тем самым встает вопрос о нереальности выделения этапа «среднего бронзового века», по крайней мере, в пределах северной половины Циркумпонтийской провинции.

10. В ином свете предстает характер хронологической сопряженности центров Циркумпонтийской и Западно-Азиатской (Евразийской) провинции позднебронзового века.

11. Работа над анализом различных блоков этой обширной базы данных продолжается.

В.Л. Янин, Е.А. Рыбина

Московский государственный университет, Москва

Берестяные грамоты: 60 лет открытия и изучения

26 июля 2011 г. исполняется 60 лет с момента находки первой берестяной грамоты. Это событие ознаменовало собой новую эпоху в изучении истории средневековой Руси (до XV в.). За прошедшие десятилетия число берестяных грамот в Новгороде увеличилось до 1015 грамот (данные на 2010 г.). Кроме Новгорода тексты на бересте были обнаружены еще в 10 древнерусских городах: Ст.Русса – 43, Торжок – 19, Смоленск – 16, Псков – 8, Тверь – 5, Москва – 3, Звенигород Галицкий – 3, по одной – Ст.Рязань, Витебск, Мстиславль. Всего к настоящему времени известно 1115 документов на бересте.

Самая древняя грамота на бересте, найденная в Новгороде, происходит из слоя первой половины

XI в., самая поздняя – из слоя второй половины XV в. Статистика распределения берестяных писем по столетиям такова (на 2010 г.): Таблица 1.

Исключительное значение для характеристики берестяных грамот как источника имеют их четкие датировки, устанавливаемые методом дендрохронологии с точностью до 15-25 лет (в ряде случаев точнее). Это позволяет рассматривать в динамике отраженные в грамотах исторические и языковые явления, что практически невозможно сделать по другим видам источников.

Первым важнейшим результатом открытия берестяных грамот было установление замечательного для истории русской культуры явления – широкого

Век	Новгород	Другие города	Всего
XI	33	1	34
XII	413	60	473
XIII	203	17	220
XIV	278	16	294
XV	88	2	90
Без даты		4	4
Итого	1015	100	1115

распространения грамотности среди всех слоев населения, что до их находки решительно отрицалось. Среди авторов грамот встречаются бояре и ремесленники, купцы и крестьяне, воины и священники, чье авторство доказывается разнообразием почерков и особенностями письма. Нередко авторами и адресатами берестяных писем были женщины, что является своеобразным индикатором уровня культуры средневекового общества.

Обучение грамоте не было каким-то необычным событием в жизни новгородцев, о чем наглядно свидетельствуют сами берестяные грамоты. Неоднократно находки записанных на бересте древнерусских азбук, служивших в качестве пособия при обучении письму и чтению, в том числе древнейшая азбука первой половины XI в. (№ 591). Широко известен комплекс ученических упражнений жившего в XIII в. мальчика Онфима. находка древнейшей славянской книги в 2000-м году показала, как уже в начале XI в. в Новгороде учили грамоте.

Постепенно с находками новых грамот пришло осознание того, что они являются новым видом исторического источника, значение которого трудно переоценить. По сравнению с традиционными письменными источниками (летописи, договорные грамоты, различные акты) письма на бересте обладают двумя бесспорными преимуществами: 1. Массовостью и ежегодным пополнением фонда грамот новыми находками. 2. Безграничным разнообразием сюжетов. Все стороны человеческой жизни и деятельности находят отражение в берестяных текстах, рассказывающих о том, о чем молчат летописи. Накоплены десятки грамот, характеризующих землевладение, ростовщичество, торговлю, сбор дани и налогов, военные конфликты, правовые отношения, межгородские связи, семейные дела, языческие и христианские верования, подробности быта и хозяйства.

Существенной особенностью берестяных грамот является их неразрывная связь с тем археологическим комплексом, в котором они были найдены. Документы на бересте, найденные в пределах древних усадеб, позволили не только персонифицировать владельцев и жителей, но и определить их занятия и социальный статус.

Берестяные грамоты сделали неизбежным процесс интеграции гуманитарных наук, и их роль в этом процессе трудно переоценить. Они сомкнули специфические задачи археологии с проблемами общесторического и конкретно-исторического плана, считав-

шимися до сих пор сферой деятельности исследователей, работающих исключительно над изучением письменных источников. Что касается Новгорода, то в результате находок берестяных грамот претерпела изменение и научная программа раскопок в этом городе. На первое место в археологическом исследовании были поставлены такие проблемы, как возникновение Новгорода, формирование и развитие в нем социальной структуры и административного устройства, причины и способы возникновения боярской вечевой организации, основы экономического строя, возникновения боярства как правящего сословия и т.д. Таким образом, в результате открытия берестяных грамот были соединены интересы археологов и историков, специализирующихся в изучении письменных источников.

Берестяные грамоты являются бесценными документами для изучения истории русского языка, особенно древнейшего периода (XI-XV вв.). До открытия берестяных грамот наука располагала в основном памятниками, написанными на церковнославянском, т.е. книжном, языке, в то время как живой древнерусский язык практически был неизвестен и восстанавливался гипотетически. Исключительный материал дали берестяные грамоты для изучения орфографии, фонетики, морфологии, синтаксиса живого древнерусского языка. В них обнаружился целый ряд слов, не встречавшихся прежде ни в каких других памятниках, у многих уже известных слов выявлены новые ранее неотмеченные значения. Многократно расширился словарь древнейших (дохристианских) славянских имен.

Однако, значение берестяных грамот для русистики в целом гораздо шире, поскольку они дают новые сведения о состоянии русского языка в XI-XV вв., о предыстории восточнославянской ветви языков и о путях формирования современного русского языка. Кроме того, грамоты поставили перед исследователями новые научные проблемы, о существовании которых до открытия берестяных грамот никто не подозревал.

В результате предпринятого А.А.Зализняком лингвистического анализа берестяных грамот был с невероятной до сих пор полнотой охарактеризован древненовгородский диалект, впервые описаны его фонетические и морфологические признаки и выяснены характерные особенности. Ряд диалектных признаков восходит еще к праславянскому периоду и отличает новгородский диалект от всех других славян-

ских языков. Тем самым выявление древненовгородского диалекта с его особенностями разрушило традиционное представление о монолитном единстве правосточнославянского языка. Вместе с тем обособленность древненовгородского диалекта остро поставила вопрос о происхождении его носителей и о путях заселения северо-запада Руси

С самого начала в изучении берестяных грамот утвердилась заложенная А.В.Арциховским замечательная традиция – предельно быстрое академическое издание текстов берестяных грамот. По мере выхода первых томов «Новгородских грамот на бересте» тексты берестяных писем становились достоянием широкой научной общественности, проявлявшей большой интерес к новому источнику. Появились иные, чем в академических изданиях, интерпретации текстов и их комментарии. Этот процесс уточнения чтения текстов, толкования выражений, объяснения тех или иных языковых особенностей, появления новых исторических комментариев, как стало очевидно по прошествии времени, бесконечен. Особенно он активизировался в начале 80-х годов, когда к исследованию грамот обратился выдающийся лингвист А.А.Зализняк. Под его руководством был заново просмотрен

весь фонд берестяных грамот, критическому анализу было подвергнуто чтение изданных грамот, уточнены многие начертания букв, в результате чего смысл некоторых берестяных текстов изменялся до неузнаваемости по сравнению с первым прочтением, но вместе с тем становился безупречным с лингвистической точки зрения и предельно понятным по содержанию.

За прошедшие 60 лет берестяные грамоты стали объектом изучения ученых разных специальностей: археологов, историков, лингвистов, правоведов, искусствоведов и др. Изучение берестяных грамот давно перешагнуло границы России и стало предметом пристального анализа и изучения исследователями из многих стран мира: Бельгии, Голландии, Италии, Германии, Польши, США, Японии. Библиография работ, посвященных берестяным грамотам, насчитывает сотни названий.

Берестяные грамоты превратились в массовую категорию археологических находок и прочно вошли в число основных источников по истории средневековой Руси. По самым скромным подсчетам, основанным на научных данных, только в культурном слое Новгорода хранится еще не менее 20 000 древних берестяных писем.

Культурно-исторические процессы в палеолите Евразии: расселение человека, культуроогенез, материальная культура и природная среда

Е.В. Акимова

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Красноярский государственный педагогический университет, Красноярск*

Поздний палеолит зоны Красноярского водохранилища

В современном сибирском палеолитоведении сложилось устойчивое понятие «палеолит Среднего Енисея», под которым понимают палеолитические стоянки, рассредоточенные от Минусинска до (и севернее) Красноярска. Большая часть этой территории приходится на долю Красноярского водохранилища со своей техногенной спецификой. Многие проблемы связаны здесь, в первую очередь, с не прекращающимся разрушением вмещающих толщ и, соответственно, с необходимостью анализировать в большинстве своем подъемные сборы с размываемых береговых отмелей.

Наши сегодняшние представления о позднем палеолите Енисея позволяют представить более сложную картину, чем казалось возможным допустить еще лет 20 назад. В позднекаргинское время бассейн Среднего Енисея был заселен анатомически современным человеком без каких-либо проявлений монголоидности и неандерталоидности, о чем свидетельствует фрагмент лобной кости с Дербины (Бужилова и др., 2009). Памятники этого времени найдены по обоим берегам Енисея: Дербина IV, V, Усть-Малтат I, II, Покровка I, II в Дербинском заливе, Куртак IV и Каштанка III-IV в окрестностях Куртака, Сабаниха у с. Первомайское. Судя по сборам из частных коллекций, большинство объектов этого времени уже уничтожено и даже примерное их количество оценить невозможно. Даже с учетом вариаций, основными признаками для этого почти потерянного пласта являлись овальные и листовидные бифасы, скребловидные и режущие орудия на крупных пластинах, нуклеусы с элементами техники леваллуа, торцовое микрорасщепление на начальной стадии развития. Нижняя граница этих памятников, видимо, не выходит за рамки конощельского времени (30–32 тыс. л. н.). Выдвинута гипотеза привнесения верхнепалеолитической

традиции на Енисей в усть-каракольском варианте, либо развитие ее под влиянием индустрий этой линии (Стасюк, Акимова, 2008; Харевиц, 2010).

К началу сартанского времени на Енисее распространяются индустрии, названные «мелкопластинчатыми» (Лисицын, 2000), в отличие от «микропластинчатых» индустрий второй половины сартанского времени. Все памятники этой группы очень разные: с одной стороны это стоянки типа Афанасьевой горы с одноплощадочными монофронтами и пластинками-вкладышами прямоугольной формы с ретушью по одному краю и обоим концам («афанасьевский тип») и с ретушью только по усеченному концу («лиственский тип»); с другой – стоянки типа Шленки, Приморска и Тарачихи с призматическими нуклеусами и пластинками и ретушью по одному краю и усеченным прямому и диагональному концам («приморский тип») (Акимова, 2006; Акимова, 2008). Особняком пока стоят Каштанка I и Саженцы.

Проблема заключается в том, что «мелкопластинчатая традиция» не может быть связанной только со средней стадией позднего палеолита, т. к. не прекращается около 15 тыс. л. н., а развивается до конца сартанского периода. Об этом свидетельствуют стоянки залива Малтат (Дербинский район), по типологии каменного инвентаря близкие Афанасьевой горе и Тарачихе, но по возрасту относящиеся к самому концу палеолита (Акимова, 2010). Высказана гипотеза о том, что в условиях определенной изоляции в Дербинском археологическом районе сформировался своеобразный рефугиум с сохранением традиционных приемов обработки камня (Акимова, 2008).

Теперь очевидно, что варианты проявлений культур поздней стадии, датированной второй половиной сартанского времени, выходят далеко за рамки традиционной пары «афонтовская-кокоревская», даже учи-

тывая различия внутри обеих групп (Васильев, 1988). О значительно большем многообразии археологических культур на Среднем Енисее свидетельствуют не только Малтат, Конжул и Ближний Лог, но и Дербина IX, Дербина IVA, Лысый лог I и II в Дербинском заливе, Усть-Ижуй II и Абрашиха в Ижуйском заливе и др. За пределами водохранилища в окрестностях Красноярска – Уртен, Есауловка III, Солонцы, отдельные слои Лиственки. Все эти памятники располагаются по малым притокам Енисея, что предполагает, в частности, использование иных сырьевых ресурсов, кроме галечника Енисея.

К этому времени относятся три антропологические находки со стоянок Лиственка, Новоселово VI и Афонтова гора II. Однако, если дербинский человек конощельского времени является европеоидом без ка-

ких-либо признаков неандерталоидности, то у лиственского ребенка эти признаки присутствуют (Шпакова, 1997). Для афонтовского же человека характерна выраженная монголоидность (Дебец, 1946). Таким образом, к концу позднего палеолита не складывается даже видимости сколько-либо цельной картины, а археологическая пестрота подкрепляется противоречивыми друг другу антропологическими материалами.

Перспективы исследований на Красноярском водохранилище не определены. Массированные хозяйственные работы в зоне строительства Богучанской ГЭС заставили прекратить все работы на Енисее. При этом процесс разрушения берегов здесь не остановим, и полное уничтожение позднего палеолита в зоне Красноярского водохранилища в ближайшие десятилетия представляется вполне реальным.

Акимова Е.В., 2006. «Средний этап» позднего палеолита в Приенисейской Сибири // Современные проблемы археологии России. Материалы всероссийского археологического съезда. Новосибирск.

Акимова Е.В., 2008. Раннесартанская индустрия мелких пластин в финале позднего палеолита Среднего Енисея: к проблеме формирования археологических рефугиумов // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. Археология. Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырьё и приёмы обработки. СПб. Т.1.

Акимова Е.В., 2010. Финальный палеолит залива Малтат (Дербинский археологический район) // Вестник НГУ. Новосибирск.

Бужилова А.П., Добровольская М.В., Медникова М.Б., 2009. Лобная кость homo из верхнепалеолитического местонахождения Покровка II в Сибири // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. №3.

Васильев С.А., 1988. Локальные культуры и специфика верхнего палеолита Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск.

Дебец Г.Ф., 1946. Фрагмент лобной кости человека из культурного слоя стоянки Афонтова Гора II под Красноярском // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. № 8.

Лисицын Н.Ф., 2000. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья // Труды ИИМК РАН, Том II. СПб.

Стасюк И.В., Акимова Е.В., 2008. Ранние комплексы позднего палеолита Дербинского археологического района (Средняя Сибирь, Красноярское водохранилище) // Труды 2 (18) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. Т. 1.

Харевич В.М., 2010. Начальная стадия верхнего палеолита Среднего Енисея. Автореф. дисс. ... к. и. н. Новосибирск.

Шпакова Е.Г., 1997. Одонтологический материал верхнепалеолитической стоянки Лиственка (Красноярский край) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.

Х.А. Амирханов, Д.В. Ожерельев
Институт археологии РАН, Москва

Мухкай II, слой 80 – новая стоянка эпохи олдована в Центральном Дагестане

В 2005–2007 гг. в долинах рек Акуша и Усиша (Внутренний Дагестан) были обнаружены памятники эпохи раннего палеолита Айникаб I-II, Мухкай I-II, Гегалашур I-III. Мухкай II исследуется в течение 2008-2010 гг. усилиями совместной экспедицией Института археологии РАН (г. Москва) и Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (г. Махачкала) (Амирханов, 2007. С. 5–7; 20–21). Памятник находится на территории Акушинского района Республики Дагестан в 2,5 км к юго-востоку от с. Акуша. Стоянка расположена на участке высокого водораздела, сложенного рыхлыми раннеплейстоценовыми отложениями и ограниченного с запада долиной реки Акуша и с востока – долиной небольшой речки Цианшура,

впадающей в реку Усиша. Водораздел, имеющий террасовый уровень в 220–230 м, представляет собой останцовый хребет платообразной поверхности предверхнеапшеронского возраста (Варданянц, 1943. С. 49, 53; Амирханов, 2007. С. 6). Памятник приурочен к западному, крутому краю естественных обнажений водораздела и связан с небольшим останцовым гребнем, ограниченным с севера и юга глубокими промоинами ручьев. Уникальность памятника заключается в том, что мощность плейстоценовых отложений здесь достигает своего максимума (около 80 м). Эта толща представляет собой чередующиеся галечно-валунные, галечно-гравийные слои и суглинки и залегает непосредственно на коренных известняках.

За три года работ шурфом-врезкой в склон в виде двух траншей удалось вскрыть 34 м раннеплейстоценовых отложений. Исследованный разрез включает в себя 81 литологический слой, которые имеют различный генезис и структуру.

В 2010 году был получен новый богатый материал, значительно расширяющий возможности применения различных естественнонаучных методов в датировке памятника, восстановления особенностей природной среды в раннем плейстоцене и характеристики жизнедеятельности древнего человека Центрального Дагестана. В частности, было выявлено два горизонта (глубина 27 и 34 м), содержащих богатые палеофаунистические останки. Исследованиями установлено, что почти во всех слоях содержится ископаемая пыльца растений.

Важнейшим событием стало открытие в слое 80 уникального уровня обитания – стоянки базового типа с культурными останками в виде каменных изделий из кремня и связанных с ними многочисленных костей животных, являвшихся пищевыми отходами древнего человека. Стратиграфическая позиция слоя 80 тесно увязывается с единой пачкой литологических слоев 78–81 (мощность до 80 см), позволяющей предварительно охарактеризовать палеогеографические условия функционирования стоянки. Верхний слой 78 (мощность до 15 см) представляет собой коричневатый суглинок с включениями марганцевых и карбонатных солей и имеет четкий контакт с вышележащим слоем. Слой 79 (мощность до 38 см) – светло-коричневый суглинок с включением большого количества зерен марганцевых солей, карбонатных стяжений, раковин моллюсков, с незначительной примесью мелкой гальки и гравия. В слое имеются отдельные кремневые обломки. Суглинки обоих слоев имеют столбчатую структуру, контакт между ними неясный. Слои несут в себе определенные признаки, характерные для древних погребенных почв. Собственно слой 80 – это мелкий и средний галечник с незначительными включениями гравия и крупных галек известняка. Содержит многочисленные кремневые изделия. Именно с этим слоем и связана деятельность древнего человека.

Планиграфически слой неоднороден: на раскопанной площади местами он срезан склоном в более позднее время. С востока на запад его прорезает древняя промоина неглубокого водоема либо временного водотока с подпруженным руслом. Промоина имеет глубину до 30 см и четко маркирует берег водоема и границу стоянки. Русло водотока заполнено целыми и раздробленными костями раннеплейстоценовых животных, покрытыми в той или иной степени кальцитовой коркой, достигающей порой 5 см. Кальцитовая корка (каliche, калькрет) в виде крупных и средних ячеек и галек, связанных между собой раствором, подстилает практически сплошным плащом слой 80 и может указывать на достаточно засушливый климат если не во время, то непосредственно после времени функционирования стоянки и водоема (Вагнер, 2006. С. 54). Деятельность древнего человека связана с существованием этого водоема, привлекавшего многочисленные стада животных и, видимо, служивших для него объектами охоты. Всего в слое на площади 9 м² обнаружено 48 фрагментов костей и зубов животных различной видовой принадлежности и 180 кремневых изделий. Предварительная типологическая характеристика указывает на преобладание в коллекции «мелкоразмерных» орудий с определенным представителем крупных рубящих форм. Эти признаки не выходят за рамки определения индустрии олдована Центрального Дагестана (Амирханов, 2007. С. 23), но могут указывать на его фациальное разнообразие. Индустрия слоя 80 стоянки Мухкай II находит аналогии среди таких памятников олдована как Ain Hanesh (Алжир), Garba IV (Мелка Кунтуре, Эфиопия) и ряда других (Piperno, Bulgarelli-Piperno, 1974–1975; Sahnouni, de Heinzelin, 1998).

Таким образом, данные, полученные в ходе первоначальных работ на стоянке Мухкай II (слой 80), указывают на открытие *in situ* уникального уровня обитания древнего человека. Комплекс памятников Акушинской котловины (Айникаб I-V, Мухкай I-II, Гегалашур I-III) Центрального Дагестана представляет собой наиболее информативный и перспективный микрорегион для дальнейших исследований и открытий раннего палеолита и, прежде всего, олдована Северного Кавказа.

Амирханов Х.А., 2007. Исследования памятников олдована. М., ТАУС.

Варданянц Л.А., 1943. Постплиоценовая история кавказско-черноморско-каспийской области. Ереван.

Вагнер Г.А., 2006. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. Москва.

Piperno M., Bulgarelli Piperno G.M., 1974–1975. First approach to the ecological and cultural significance of the early palaeolithic occupation site of Garba IV at Melka Kunture (Ethiopia)// *Quaternaria*, XVIII, Roma.

Sahnouni M., de Heinzelin J., 1998. The site of Ain Hanesh revisited: new investigations at this Lower Pleistocene site in Northern Algeria// *Journal of Archaeological Science*. 25.

Тинит-1 – многослойный памятник верхнего– среднего палеолита в Приморском Дагестане

Стоянка Тинит-1 расположена на юге Дагестана и является многослойным объектом палеолитического времени. В ходе работ 2007–2010 гг. на объекте сплошным раскопом был изучен участок общей площадью 86 кв. м., а также заложены пять разведочных шурфов (1×2 м). Рыхлые отложения вскрыты по всей площади раскопа на глубину 3 м, а на 10 кв. м. – до 5,5 м. Выделено 9 литологических слоев, составляющих толщу субгоризонтально залегающих, переслаивающихся монотонных темно-коричневых и серо-коричневых суглинков, с незначительным содержанием мелкого обломочного материала. Генезис отложений – олово-делювиальный. Каменные артефакты на стоянке залегают на нескольких уровнях (зафиксировано 11 археогоризонтов – а. г.). Выделение археогоризонтов определялось особенностями расположения артефактов, локализованных на определенных высотных уровнях в виде небольших скоплений изделий из камня с минимальным разбросом глубин нахождения, залегающих согласно простиранию включающих их литологических подразделений. Имеющийся комплекс данных позволяет предполагать, что они являются свидетельством нескольких кратковременных эпизодов посещения данного места первобытным человеком, связаны с осуществлением охотничьей деятельности и сопровождалась разовыми эпизодами обработки каменного сырья. Все артефакты (более 1500 экз.) изготовлены из кремня и сильно окремненных пород, которые залегают в коренных условиях на расстоянии 1–2 км от памятника.

Планиграфический анализ условий залегания археологического материала, наряду с данными стратиграфии, свидетельствуют о том, что он залегают *in situ* и претерпел минимальные пространственные перемещения в постседиментационный период. Практически все изделия имеют горизонтальную или близкую таковой ориентацию, небольшой вертикальный разброс внутри археологических горизонтов и согласное залегание относительно вмещающих геологических тел. В ходе работ выделено несколько четко локализованных крупных скопления артефактов с минимальным вертикальным разбросом предметов, при этом большая часть входящих в них находок апплицируется между собой.

Основной массив находок связан со средней частью разреза (сл. 3–5), и насыщенность артефактами резко снижается к подошвенной части. Также во всех отложениях, вмещающих культурные остатки, отмечалось присутствие примазок древесного угля и раз-

розненных угольков, иногда достаточно крупных. Примечательно обнаружение в сл. 4 нескольких небольших (до 3 см) изометричных обломков охряно-красного и оранжево-красного цвета, представляющих собой тонкодисперсный агрегат гидроксидов железа, вероятно, с примесью глинистых минералов (определение Н.А. Кулик). Состав, структура материала и особенности его залегания позволяют предполагать их искусственное происхождение в суглинках слоя. Возможно, они были принесены на памятник как куски природной коричнево-оранжевой краски.

Остатки позвоночных в раскопе не обнаружены, что может объясняться как предполагаемой низкой скоростью седиментации и разрушением костей и зубов на дневной поверхности до захоронения, так и разрушающим действием агрессивной химической среды вмещающих отложений (кальций-абсорбирующие кислотные почвы), вызывающей быструю деструкцию остеологического материала.

В результате применения метода ремонтажа для части а.г. стоянки была получена серия сборок разной степени сложности, как демонстрирующих весь цикл первичного расщепления, так и отражающих один технологический этап. Наиболее показательные в этом плане материалы получены из а. г. 2 и 4, в составе шести сборок, включающих от 5 до 44 элементов. Согласно им, основным вариантом расщепления камня в верхнепалеолитических горизонтах Тинита-1 была своеобразная подпризматическая техника, направленная на получение небольших серий удлиненных заготовок. При этом зоной скалывания являлась смещающаяся в ходе утилизации выпуклость, образованная плоскостью фронта и краем негатива предыдущего скола. Общий цикл подразделяется на несколько однотипных коротких серий, когда после нескольких последовательных снятий расщепление вновь начиналось от ребра нуклеуса.

Технико-типологический анализ и данные ремонтажа позволяют отнести полученные материалы к культурно-хронологическому интервалу в рамках финала среднего – развитого верхнего палеолита (рис. 1). В а.г. 1–4 нуклеусы представлены простыми монофронтальными разновидностями параллельного принципа расщепления, направленными, в основном, на получение пластинчатых заготовок, а также единичными торцовыми формами. В нижних горизонтах (а.г. 5–11), помимо нуклеусов параллельного принципа скалывания, хорошо представлены леваллуаз-

ские ядрища, и присутствуют редкие радиальные формы. Пластины составляют значительную долю среди сколов (до 40%) во всех а. г. и чаще использовались как заготовки для орудий. Также во всех а.г. преобладают, в целом, сколы с субпараллельной огранкой дорсала и с гладкими остаточными ударными площадками. Вместе с тем, в верхних горизонтах есть сколы с точечными и линейными их разновидностями-

ми, и фиксируется прием редуцирования ударной площадки с последующей ее шлифовкой. В нижних горизонтах присутствуют сколы с фасетированными остаточными ударными площадками, которых нет в вышележащих уровнях.

Орудийный набор количественно незначителен. В верхних а. г. представлены скребки, резцы, ножи, слаборетушированные остроконечные заготовки, вы-

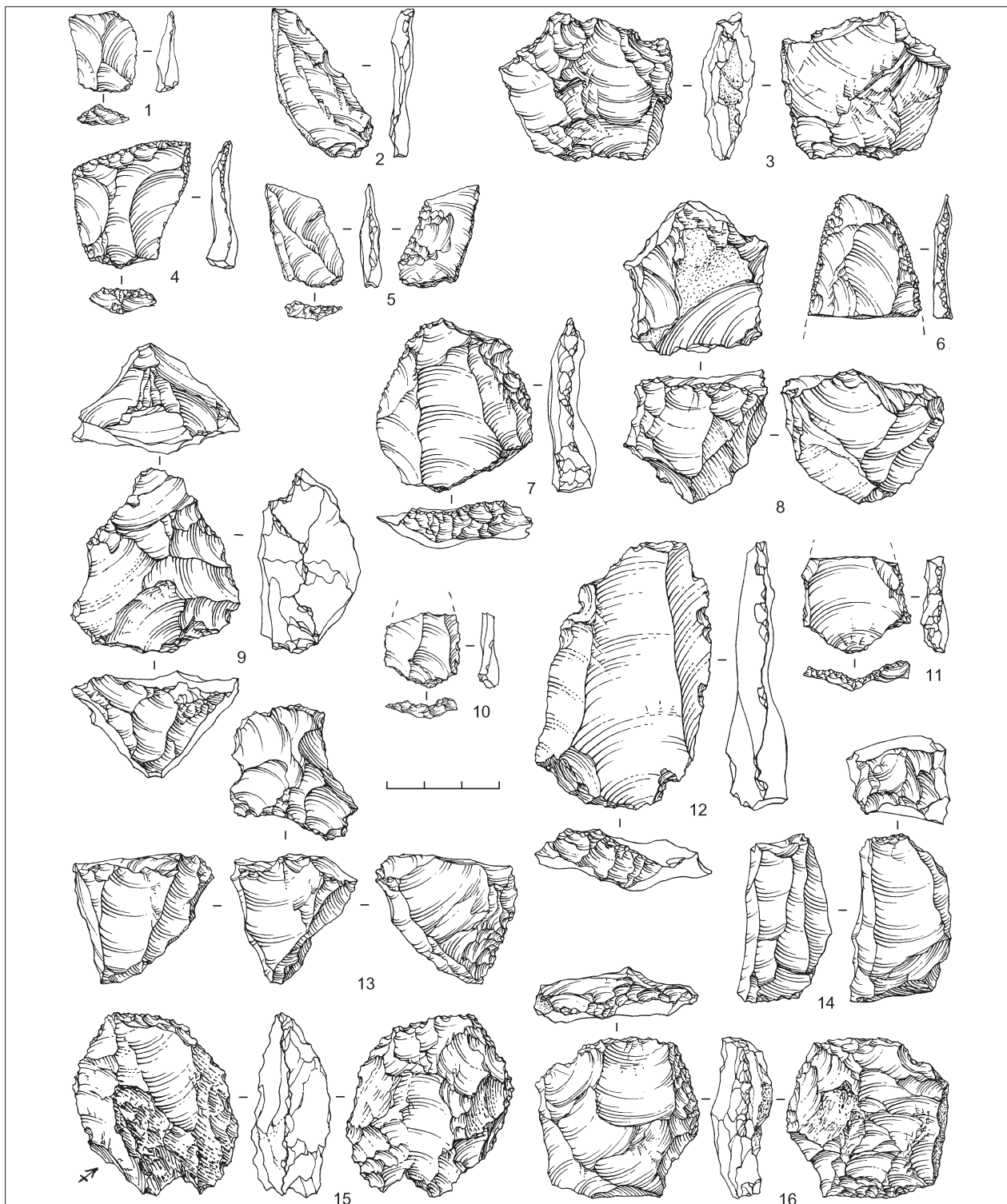

Рис. 1

Тинит-1. Раскоп. Каменные артефакты (художник А.В. Абдульманова):

1, 7, 10–12 – леваллуазские сколы; 2, 5 – ножи; 3, 8, 9, 13, 14, 16 – нуклеусы; 4, 6 – скребла; 15 – транкированно-фасетированное изделие (?). (8 – горизонт 1; 2, 4, 11, 13 – горизонт 5; 3, 6, 7, 10, 12, 14–16 – горизонт 6; 1 – горизонт 7; 5 – горизонт 8; 9 – горизонт 9)

емчатые изделия и ретушированные пластины. В нижних – наиболее многочисленными формами являются леваллуазские заготовки и орудия на них, скребла, в том числе и скребла-ножи, невыразительные скребки, ножи небольших размеров и выемчатые

изделия. Стоит отметить артефакт, диагностируемый как возможное транкированно-фасетированное орудие (а, г, б), т. е. тип, который является характерным для финальных комплексов среднего палеолита во многих индустриях Западной Азии.

Н.Б. Ахметгалеева
Курчатовский государственный
краеведческий музей, Курчатов

Основные приёмы первичного расщепления рога северного оленя по материалам верхнепалеолитической стоянки Анетовка 2 в Степном Побужье¹

Стоянка Анетовка 2 была открыта в 1978 г. и систематически изучается уже более 30 лет Причерноморской экспедицией под руководством В.Н. Станко (1978–2007 гг.) и И.В. Пиструилу (2008–2010 гг.)². За это время было вскрыто около 2000 кв.м площади, собрано более 2 млн. кремнёвых изделий и около 0,5 млн. фрагментов костей животных (Станко, 1996. С. 131). Возраст памятника определяется 18–19 тыс. лет, что соответствует максимуму последнего оледенения. Анетовка II отнесена к долговременным поселениям с круглогодичным обитанием на нем охотников на бизонов (Бибикина, Старкин, 1989). Первые материалы по обработанной кости опубликованы в коллективной монографии 1989 г. (Станко и др., 1989). За последующие годы коллекция значительно пополнилась как в количественном, так и качественном плане. Сегодня она предоставляет редкую для Восточной Европы возможность изучения технологических особенностей роговой индустрии палеолитической эпохи.

Всего было просмотрено более 600 предметов из рога северного оленя с явными следами обработки. Преимущественно использовались сброшенные рога взрослых особей.

Первым этапом при изготовлении *любого* типа изделий было обрубание первого и второго надглазничных отростков, при необходимости – среднего отростка. Следующий этап зависел от конечной цели.

В основе роговой индустрии Анетовки II лежало производство *длинных пластин-заготовок* из рога северного оленя.

Вырезание пластин из центральных штанг. Перед изготовлением пазов рог размачивался. Паза прорезались до губчатой ткани. Пластины выламыва-

лись с помощью клиньев, неоднократно вставляемых по их боковым граням. Рассмотрим схемы расположения двойных пазов:

Тип 1. Параллельные паза начинаются на боковой поверхности справа от надглазничных отростков центральной штанги и идут до короны (рис. 1: 2).

Тип 2. Паза начинаются у основания 2 надглазничного отростка и идут по передней поверхности до короны (рис. 1: 3). Это наиболее часто встречаемый тип.

Как правило, преобладает комбинация выделенных типов. Единичны вариации с тремя параллельными пазами в одной плоскости (рис. 1: 4). Есть случаи сложных сочетаний до 5 пазов на одной штанге; в этом случае добавляются паза на противоположных поверхностях.

Большая группа отходов/заготовок производства связана с **продольным расщеплением нижних отделов центральных штанг**, обломленных сразу после 2 надглазничного отростка (рис. 1: 5). Здесь выявлен ещё один вариант расположения продольных пазов (*тип 3*): Противлежащие паза прорезались от пенька по центральным осям боковых поверхностей и делили штангу пополам (рис. 1: 5А, 5Б). Это самые глубокие паза, т. к. в районе пенька мощность компакты доходит до 1,3 см. Интересно, что они встречаются только на нижних отделах штанг. Следы преднамеренной рубки ствола всегда перекрывают следы продольного резания. Отдельную группу составляют экземпляры, на которых присутствуют следы выламывания пластин по пазам 2 типа (рис. 1: 5Б). Среди всех групп есть фрагменты и с сухими изломами ствола, и с обломами по надрубку или поперечному прорубленному пазу. Зафиксирован один случай прорезания поперечного паза.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 08-01-94658а/Фр

² С огромной признательностью вспоминаю проф., д. и. н. В.Н. Станко и благодарю за приглашение к сотрудничеству и организацию первых работ. Автор выражает свою благодарность А.В. Главенчук, к.и.н. И.Ю. Пиструилу, к.б.н. А.В. Старкину.

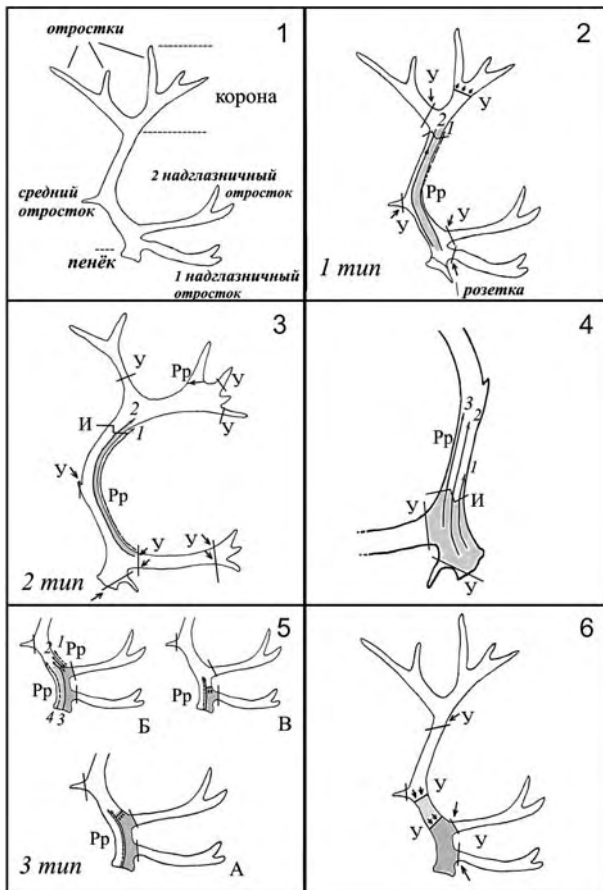

Рис. 1

Технология первичного расщепления рога северного оленя по материалам Анетовки. Условные обозначения:

И – изломы без предварительного подрубания; *У* – изломы, образовавшиеся после перелома по прорубленному пазу или после подрубания на коротком отрезке серией ударов; *Pr* – прорезание паза рецеvidным лезвием каменного орудия

Следующим компонентом первичного расщепления рога северного оленя на стоянке Анетовка II является **поперечное членение** стволов как в сочетании с продольным резанием, так и без него (рис. 1: б).

Среди нижних отделов центральных штанг преобладают экземпляры с изломами ствола рога в «сухом» состоянии, но есть, что важно, *преднамеренно обрубленные штанги*. Ствол переламывался выше второго надглазничного отростка по прорубленному по периметру пазу или после серии надрубов на ограниченном участке. На них фиксируются следы вырезания пластин по пазам 2 типа расположения, следы вырезания двух пластин по пазам 1 и 2 типа, вариации

со следами от трёх пазов. Есть экземпляры и без следов продольного резания. Отмечены также средние и верхние отделы центральных штанг со следами кольцевого обрубувания.

Отдельная группа отходов производства связана с обломом *центральных штанг ниже второго надглазничного отростка*. Среди них не менее 5 экз. пеньков с небольшим участком продольно расщепленного ствола, есть пеньки с нерасщепленным стволом, обрубленным выше первого надглазничного отростка. Предполагается, данные фрагменты связаны с удалением ненужной части. К сходным отходам производства можно отнести и розетки, выломленные из черепа по шву близко к ножке с наискосок обломленным стволом рога молодой особи.

Обработка лопастей рога. Ни в одном случае не наблюдалось наличие короны. Вероятно, она могла переламываться во время консервации, поскольку её основание частично уничтожалось при вычленении хотя бы одной пластины, либо обламывалась сразу после вычленения более двух пластин. Не вызывает сомнений и наличие целенаправленной обработки лопастей, но сведения об этом скудны. Сохранились единичные случаи обработки плоских участков лопастей и более 20 преднамеренно отделённых коронарных отростков и разветвлений. Отмечено перерубание коронарных отростков и переламывание после аккуратных надрубов, реже применялась техника резания. Единичны примеры прорезания пазов по центральным и боковым осям отростков. Выявлено два примера вырезания пластин из крупных *надглазничных отростков*.

Обращает внимание разнообразие используемых технологических схем обработки рога на Анетовке II. Основой первичного расщепления было вырезание двух и более длинных пластин-основ разной ширины и толщины. Далее они поперечно делились. Обработке в целях получения заготовок подвергались также ветви и отростки рога.

Сочетание технологических компонентов, связанных с поперечным членением рога северного оленя и использованием техники вырезания двойного паза известны начиная с материалов граветтийских памятников. Что касается вырезания сразу целой серии пластин из одной основы, то это свидетельство более развитой технологии, которая появляется не раньше эпиграветтских/мадленских технокомплексов.

Бибикова В.И., Старкин А.В., 1989. Характеристика остеологического материала из раскопок позднелеполитического поселения Анетовка 2 // Станко В.Н., Григорьева Г.В., Швайко Т.Н. Позднелеполитическое поселение Анетовка 2. Киев: Наукова думка.

Станко В.Н., Григорьева Г.В., Швайко Т.Н., 1989. Позднелеполитическое поселение Анетовка II. Киев.
Станко В.Н., 1996. Охотники на бизона в позднем палеолите Украины // Археологический альманах. Донецк. №5.

Человек из Сунгира по данным археологии

Позднепалеолитическое поселение Сунгирь – один из памятников первоначального освоения современным человеком Севера во время дунаевского интерстадиала валдайского оледенения. Исследуются культурные связи, пути расселения. Поселение Сунгирь, погребения сунгирцев дают материал для изучения образа жизни, традиций, миропонимания человека далекого прошлого.

Сунгирцы жили загонной охотой на мамонта и северного оленя, стада которых сезонно двигались вдоль рек – стока вод с таявшего ледника. Поселение расположено на мысу, на стрелке р. Клязьма и р. Сунгирь, в удобном месте для наблюдения и охоты на стада при их переправе через р. Сунгирь.

На поселении масса костей северного оленя, однако нет сброшенных рогов оленя. Видимо, охотники многократно приходили сюда в теплое время года, до наступления холодов. Судя по характеру культурного слоя, это сезонное стойбище. Четыре скопления костей в центральном раскопе могут быть реконструированы как остатки легких жилищ. В некоторых местах границы скоплений очень четкие, здесь могли быть заслоны от ветра.

Пять исследованных погребений сделаны на памяти поколения и образуют единый комплекс. Первым сделано двойное детское погребение. В двух метрах от него – погребение мужчины. Могила одинаково ориентированы; погребения мужчины и мальчика – головой на север, девочки – на юг.

На поверхности детского погребения сделано женское погребение без черепа. Женский череп захоронен на мужском погребении. Судя по отсутствию зубов и другим повреждениям, это был предмет культа. Детские погребения сопровождалось охотничьим оружием. В могиле взрослого погребен необычно высокий, широкоплечий, старый мужчина без оружия. Это мог быть старейшина рода.

Погребения делались в ямах. Перед погребением в яме разводился костер – яма освещалась. Тело погребенного и поверхность могилы засыпались охрой. Очажные ямы вокруг погребений заполнены углем, охрой, орудиями труда и могли быть ритуальными.

В мужских погребениях найдены кремневые орудия, в погребении девочки их нет. В погребения мальчика и девочки положены когти пещерного льва. На груди мальчика была скульптура лошади или сайги, а под левым плечем – крупная скульптура мамонта. Длинный ряд бус под тазовой костью мальчика ими-

тировал хвост животного. На шапке и на поясе мужчины и мальчика нашито большое количество подвесок из клыков песца, у девочки только одна такая подвеска на груди, на одежде.

Одежда сунгирцев детально реконструируется по нашитым на нее бусам из бивня мамонта. В каждом погребении найдено около 3000–3500 бус.

На головах мужчины и мальчика были шапочки, украшенные тройным рядом бус по нижнему краю и десятками подвесок из клыков песца. Головной убор девочки был более свободным, возможно, в виде капюшона.

Нательная одежда состояла из закрытых рубах, одевавшихся через голову, штанов и высокой, до колен, кожаной обуви, которая могла быть сшита со штанами. Верхняя одежда состояла из коротких плащей или накидок без рукавов, также расшитых бусами. Возможно, они имели прорезь для одевания через голову.

На руках – браслеты из бус и цельного бивня мамонта. На пальцах – цельные кольца из бивня. У мальчика и девочки рубахи сколоты на груди костяными булавками.

Число прорезей на дисках из бивня обычно кратно 4 или 7. На одежде мужчины и мальчика спереди нашито семь поперечных рядов бус и это не случайное совпадение. Количество точек в сложных орнаментах на фигурке лошади, прорезей на дисках обычно кратно 5. Это зачатки счета в палеолите.

У левого плеча мальчика в могилу положена бедренная кость человека, уникальная находка. Эпифизы кости оббиты, диафиз забит охрой. Концы кости залощены, ее могли носить на ремне в качестве омулета. Структура кости существенно отличается от структуры костей погребений. Видовая принадлежность кости не ясна. Сегодня можно сказать, это был не сунгирец.

Изучение сунгирских погребений будет продолжено. Многие яркие находки иллюстрируют широкие культурные связи и долгое бытование некоторых традиций в позднем палеолите. Так, погребение на поселении Мальта на Енисее сделано в яме, облицованной каменными плитками и засыпано охрой. Двойная фигурка на поселении Гагарино по форме повторяет двойное погребение на Сунгире. Многие наблюдения находят аналогии в этнографии. Еще предстоит системно обобщить, проанализировать все эти материалы. Это поможет понять культуру, жизнь первобытного человека, историю эпохи палеолита.

В.И. Беляева*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург***Ю.Н. Грибченко***Институт Географии РАН, Москва***Л.В. Кулаковская**

Мосолов Ров – стоянка эпохи среднего палеолита на Десне.

В районе пушкаревских стоянок на правобережье Десны были известны лишь памятники верхнего палеолита. Исключения составляла находка скребла в логу Язвы, рядом с устьем Мосолова Рва. Сейчас время это задернованный и залесенный пологий склон к р. Десне.

Во время полевых работ 1987 г. на Пушкаревских палеолитических стоянках (Новгород-Северский район Черниговской области Украины) нами были сделаны находки обработанного кремня на правом высоком склоне балки, которая носит местное название Мосолов Ров. То же название получило и местонахождение. Балка разрезает правый склон Десны в 1 км к югу от села Пушкари и создает Погон-

ский мыс, на котором находятся верхнепалеолитические стоянки. Несколько найденных нами кремней были подобраны в пашне, они имели следы искусственного расщепления, архаичный облик и глубокую патину.

Небольшая коллекция, собранная в конце 80-х, начале 90-х годов XX в. вызвала большие сомнения научных экспертов ЛОИА АН – ИИМК РАН. Высказывались предположения о том, что архаика сколов связана с богатыми сырьевыми источниками меловых склонов долины р. Десны в этом месте. В качестве сырья на местонахождении использовался местный черный пятнистый меловой кремень, покрытый белой и голубоватой патиной.

Таблица 1. Описание Ю.Н. Грибченко северной стенки шурфа В на участке правого борта балки Мосолов Ров, 2009 г. Описание дается от дневной поверхности в центральной части разреза.

№ слоя	Отложения	Мощн., м	Глуб., м
1.	Пахотный горизонт. Песок серый, среднернистый, пылеватый, гумусированный. Нижний контакт нечеткий, неровный, волнисто-языковатый.	0,20	0,20
2.	Супесь буровато-серая, неоднородная, опесчаненая, с небольшими включениями темно-серой супеси. Нижний контакт четкий, эрозионный волнистый.	0,10	0,30
3.	Слой представлен линзовидным фрагментом в правой (восточной) части разреза как заполнение пологого понижения. Слоистая темно-серая супесь и черный суглинок углистый, неоднородный. Нижний контакт четкий, ровный.	Средн. 0,10	0,40
4.	Супесь серовато-бурая, неоднородная, плотная, с включениями светло-серой супеси и коричневого суглинка. Отмечается нечеткая слоистость и признаки эрозионного размыва по нижнему контакту. Нижний контакт нечеткий, постепенный, неровный, крупно волнистый. По уровню контакта прерывистые линзы коричневого суглинка и белесой супеси. На этом уровне отмечаются многочисленные находки кремня. В южной части шурфа находки кремня образуют крупные зоны его концентрации, ограниченные сложными деформациями, связанными, вероятно, с проявлениями криогенеза. Судя по характеру размещения кремневых скоплений, их локализация в результате морозобойного растрескивания произошла после их первичного захоронения.	0,15	0,55
5.	Супесь желтовато-серая, неоднородная, опесчаненая, неясно слоистая. В слое содержатся линзы буроватой супеси. Нижний контакт нечеткий, постепенный, неровный, крупноволнистый.	0,20	0,75
6.	Супесь буровато-коричневая, опесчаненая, неоднородная, волнисто слоистая. В слое прослеживаются линзы бурого ожелезнения и скопления марганца. Отложения слоя деформированы крупной структурой, имеющей признаки сложной мерзлотной деформации. Узкое основание структуры проникает на глубину более 1,20 м. характерным является различие отложений, слагающих борта структуры. Средняя мощность слоя (вне осевой зоны структуры) около 0,35 м.	0,20	0,95
7.	Сильно деформированная слоистая толща, включающая прослойки светло-серой супеси, коричневатого суглинка и линзы серого песка. В правой части разреза отложения сложно деформированы. В левой части разреза прослойки и линзы имеют наклонное залегание – около 30°–40° падения к востоку (к центру клиновидной структуры).	Вид. 0,25	Вид. 1,20

Среди собранных материалов не было пластинчатых форм, не было хорошо определимых нуклеусов и орудий. Только в 1994–1997 гг. были сделаны находки хорошо сохранившегося остроконечника, нескольких скребковидных форм и двух фрагментов сколов с двусторонней обработкой. Два шурфа, заложенных немного выше места сборов, не обнаружили культурного слоя, они были заполнены склоновыми, флювиогляциальными песчаными отложениями. В конце 90-х и начале 2000-х годов склоны лога перестали распахиваться, и находки здесь прекратились. Вместе с тем, оставались непонятными горизонты, которые были источником находок.

В 2009 году Ю.Н. Грибченко в трех шурфах, на площадке выше склона, изучал отложение балки. В южном шурфе В на глубине 0,70–0,80 м от дневной поверхности был обнаружен горизонт залегания кремня со следами обработки, среди которого была найдена небольшая скребковидная форма. Следов обычного заполнения культурного слоя не было, не было костей, углей, чешуек кремня, пятен окрашенности. Промывка грунта этого горизонта не дала антропогенного материала, то есть культурного слоя здесь не было. Был компактный горизонт залегания кремня. Особенно очевидно было скопление в юго-западном углу шурфа В. Описание Ю.Н. Грибченко стратиграфии шурфа и геоморфологии участка дало представление об условиях залегания находок. Останемся на описании шурфа В (с находками).

Характер строения разрезов в шурфе В имеет существенные отличия от структуры отложений в шурфах А и Б, расположенных ниже по склону. Совокупность имеющихся данных, по строению рассматриваемого участка правого борта балки Мосолов Ров, полученных ранее по скважинам бурового профиля и серии разрезов береговых обрывов и оврагов, дает возможность определения общих закономерностей его формирования. Данный участок является фрагментом третьей надпойменной террасы, основание которой сложено флювиогляциальными фациями последней ледниковой эпохи среднего плейстоцена (днепровской). Аналогичное строение имеет сниженный участок Пушкаревского мыса на противоположном

(левом) борту Мосолова Рва. Этот геоморфологический уровень распространен в долине Десны и прослеживается южнее, в бассейне Среднего Днепра.

Согласно мнению Ю.Н. Грищенко, материал в шурфе «В» мог быть участком небольшой площадки, которая сохранилась на высокой террасе Мосолова Рва. Таким образом, есть основание для дальнейшего исследования местонахождения в поисках его культурного слоя.

Индустрия стоянки Мосолов Ров.

Коллекции каменных поделок немногочисленны. Она происходит из шурфа и сборов на поверхности (около 250 экз.). Присутствуют нуклеусы, отщепы и пластинчатые сколы, орудия труда, чешуйки.

Нуклеусы представлены радиальными односторонними и одноплощадочными образцами. Среди сколов большая часть имеет остатки корки на спинке. Остальные сколы вполне соответствуют радиальному способу расщепления. Технических сколов (пероформление рабочей поверхности и ударной площадки нуклеуса в процессе работы) немного.

Орудий немного: остроконечник с базальной подтеской, двояковыпуклое скребло, скребковидные формы и фрагмент плосковыпуклого двустороннего орудия. Встречены также сколы оформления двусторонних форм.

Итак, на сегодня, Мосолов Ров – первый памятник в районе Пушкарей, который можно с уверенностью отнести к среднему палеолиту. Более того, небольшое количество материала было найдено в стратиграфических условиях.

Известные здесь ранее среднепалеолитические пункты (Чулатово 3, Араповичи, Язви) представили коллекции немногочисленные и собранные на поверхности. Если проанализировать «руководящие ископаемые» из них (радиальные нуклеусы, остроконечник, скребла, т. н. «рубилы»), то можно предположить, что здесь речь идет об одном из вариантов среднепалеолитической культуры.

Учитывая наличие фрагментов двусторонних изделий, выполненных в плоско-выпуклой технике, можно с очень большой осторожностью говорить о наличии здесь какого-то варианта микока.

Е.В. Беляева

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Развитие ашельской бифасной традиции на Кавказе

Недавно в Армении были открыты раннеашельские памятники, для одного из которых получены абсолютные датировки в интервале 1,9–1,7 млн. лет назад (Любин, Беляева, в печати). Судя по этим открытиям, ашель с бифасами появился на Кавказе, по-видимому, практически одновременно с возникновени-

ем этих индустрий в Восточной Африке (около 1,6–1,7 млн. лет назад), что, вероятно, отражает высокую миграционную активность их создателей. В раннеашельских индустриях, проникших на Закавказское нагорье в раннем плейстоцене, рубила-бифасы изготавливались путем грубой обивки плитчатых,

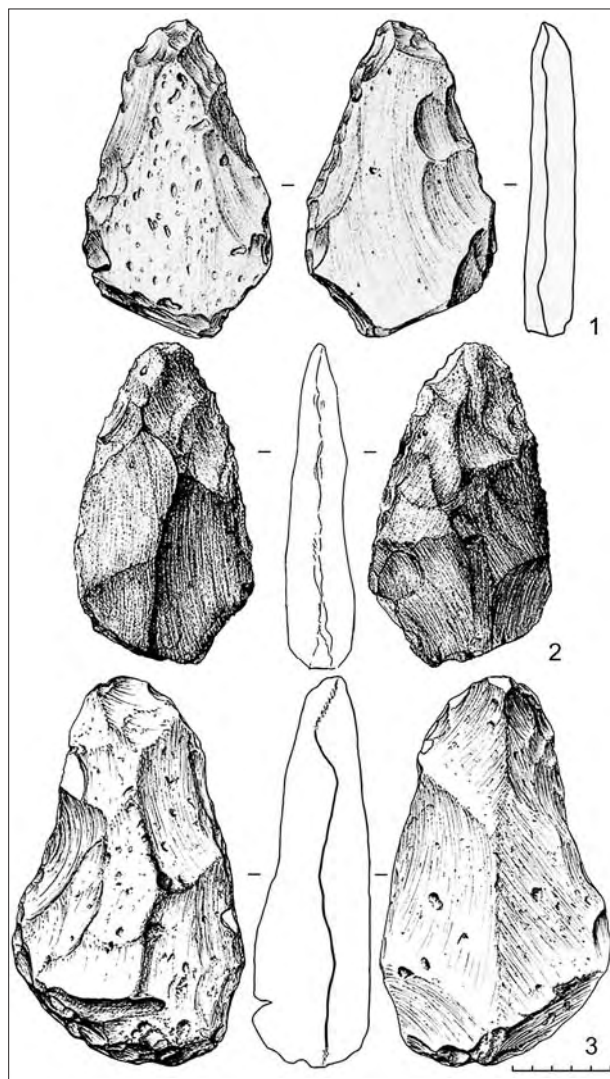

Рис. 1

Образцы ашельских бифасов из памятников Закавказского нагорья: 1, 2 – позднеашельские бифасы (Благодарное); 3 – раннеашельский бифас (Пахгахпюр)

главным образом, отдельностей вулканических пород (дацит, андезит, долерит). Среди этих бифасов преобладают крупные массивные орудия с необработанной пяткой (рис. 1: 3), и нередко встречаются обушковые формы. Подобные бифасы из местного обсидиана отсутствуют, что объяснимо более поздним возрастом большинства излияний этого сырья, а также, возможно, его хрупкостью.

Широко распространенные на Закавказском нагорье позднеашельские индустрии представлены многими сотнями рубил из дацита и обсидиана (Любин, 1998; Любин, Беляева, 2006). Их характеризуют принципиально иные технологии изготовления, свя-

занные с развитием леваллуазской техники, которые позволяют производить площадочное уплощение корпусов орудий. Бифасы приобретают более правильные формы, становятся более уплощенными и демонстрируют тщательную тонкую отделку (рис. 1: 2). Часто в качестве основных заготовок для бифасов использовались крупные отщепы (рис. 1: 1), что позволяет отнести эти индустрии к типу Large flake industry, который возник в раннем ашеле Африки и проник далее в Евразию (Sharon, 2007). Нельзя исключить, однако, и того, что эти индустрии сформировались благодаря локальной эволюции кавказского раннего и среднего ашеля, поскольку качественное и крупноразмерное вулканическое сырье, распространенное на Закавказском нагорье, чрезвычайно благоприятствовало развитию бифасных технологий в данном направлении.

Отсутствие такой благоприятствующей сырьевой базы представляется одной из главных причин постепенного угасания бифасной традиции в других районах Кавказа. Так, например, одна из наиболее крупных коллекций бифасов из стоянки Кударо 1 (Центральный Кавказ) не превышает трех десятков. Большая доля частичных бифасов на отщепах и наличие листовидных форм сближает этот комплекс с позднеашельскими индустриями Армении, чему соответствует возраст стоянки (около 350 тыс. лет назад). Однако техника леваллуа отсутствует, а некоторые бифасы имеют менее развитый облик (Любин, Беляева, 2004). Допустимо, что это отражает переход пришедшей с юга ашельской индустрии на некачественное разнородное сырье (окремненный и глинистый сланец, песчаник). Косвенным подтверждением этого предположения является тот факт, что в расположенных южнее ашельских местонахождениях Южной Осетии, бифасы которых находят соответствия как в армянских, так и в кударских материалах, эти орудия сделаны из сырья аналогичного дациту Закавказского нагорья.

Рубила, найденные в других районах Закавказья, а также в Причерноморье и на Северном Кавказе, малочисленны и разнородны. Для них характерно использование окремненного сырья, небольшие размеры, заготовки в виде галек или плоских желваков, массивность форм. Большинство этих бифасов, судя по их морфологии и отделке, должны относиться к позднему ашелю. В то же время, некоторые из этих орудий (Саратовская, гора Трапезия, Кинжал) отличаются более архаичными чертами, что позволяет предполагать и более ранние, хотя, видимо, лишь спорадические проникновения носителей бифасных традиций на север Кавказского региона.

Любин В.П., 1998. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб.

Любин В.П., Беляева Е.В., 2004. Стоянка Homo erectus в пещере Кударо (Центральный Кавказ). СПб.

Любин В.П., Беляева Е.В., 2006. Ранняя преистория Кавказа. СПб.

Любин В.П., Беляева Е.В. Раннеашельский памятник Карахач в северной Армении// Археологические вести. В печати.

Sharon G., 2007. Acheulian Large Flake Industries: Technology, Chronology and Significance// BAR Intern. Series 1701, Oxford.

Заключительная стадия позднего палеолита Байкальской Сибири¹

К заключительной (завершающей) стадии позднего палеолита относят археологические комплексы последнего гляциала МИС 2 или сартанского горизонта (sr) по сибирской климатостратиграфической шкале в хроноинтервале от 16–15 или 14–13 тыс. л. н.² (Васильев и др., 2005; Деревянко и др., 1994).

Прорыв в исследовании позднепалеолитических сибирских культур начался в 60–70-х гг. XX в. Он спровоцирован интенсивным хозяйственным освоением сибирских пространств, расширением новостроочных работ и формированием региональных археологических центров. В результате открыты и исследованы позднепалеолитические комплексы на разных территориях Сибири, определена их хронология, выделены культуры заключительной стадии позднего палеолита (Палеолит Енисея, 1991; Константинов, 1994).

Для Байкальской Сибири исследовательский интерес к докерамическим культурам сначала был направлен на выделение и обоснование мезолита, затем – на изучение более ранних отделов палеолита. Заключительная стадия позднего палеолита оказалась не обеспечена объектами и материалами. Сложилась проблемная ситуация «археологического перерыва» (Радиоуглеродная..., 1997. С. 87; Лисицын, 2000. С. 123; Медведев, 1983)

Работы последнего десятилетия позволили исследовать новые объекты, обеспеченные широким спектром данных, пересмотреть и уточнить хронологические позиции и ранее известных комплексов (Бердникова и др., 2005). Культурная наполненность и степень изученности заключительной стадии позднего палеолита Байкальской Сибири неодинакова. В силу специфики археологического поиска почти все известные стоянки этого возраста расположены по бортам притоков первого порядка магистральных водотоков (за исключением Верхней Лены), поскольку большая часть долины Ангары затоплена.

Наиболее представительная группа объектов заключительной стадии позднего палеолита располагается в долине р. Белая и на прилегающих к ней участках верхнего течения р. Ангары (нижние горизонты Усть-Белой, Галашиха, Сосновый Бор, Мальта-Мост 1, Бадай V, Черемушник II, Кулаково и др.). Небольшое количество таких объектов известно на Верхней Лене (Макарово 2, Шишкино 2, 3, Кистиневский ком-

плекс местонахождений), на Северном Байкале (Курлинский комплекс местонахождений) и в среднем течении Витима (Большой Якорь 1).

Отмечается определенная дискретность в развитии культур конца позднего палеолита Байкальской Сибири в виде условных «культурных лакун». Одна такая лакуна прослеживается для интервала 18–16 (15,5) тыс. л. н.; вторая – для интервала 14,5–12,5 (12,8) тыс. л. н.; третья – для интервала 11,5–10,3 тыс. л. н. Археологические объекты в пределах этих «лакун» немногочисленны. К первой можно отнести верхние комплексы Красного Яра 1 в долине Ангары и Бельск-Залог в долине Белой; третью в какой-то мере заполняют материалы Макарово 2 и Большого Якоря 1. Археологически не обеспеченным является период 14,5–12,8 (12,5) тыс. л. н., поскольку отсутствуют объекты с таким возрастом.

Наиболее репрезентативно представлены геоархеологические объекты возрастом 16 (15,5)–14,5 тыс. л. н. и 12,8 (12,5)–11,8 (11,5) тыс. л. н. Для заключительной стадии позднего палеолита отмечаются две морфотехнологические традиции: одна связана с использованием пластин в качестве заготовок орудий, вторая – с использованием различных сколов для тех же целей. В комплексе первой традиции клиновидные нуклеусы сочетаются с плоскофронтальными нуклеусами со скошенной площадкой для снятия крупных и средних пластин. Здесь отмечается представительная серия изделий с шипами и выемками, овальные бифасы. Для второй традиции характерно большое разнообразие форм нуклевидной обработки – призматической и клиновидной; присутствие характерных бифасов полулунной формы. Особенно ярко эти различия проявляется в материалах хроногруппы 16 (15,5)–14,5 тыс. л. н.

Но, в то же время, между комплексами с разными традициями существуют и общие черты (сочетание призматической техники и техники клиновидного нуклеуса; наличие крупных ретушированных пластин; трансверсальных резцов; овальных бифасов; чопперов, иногда чоппингов; рубящих орудий), которые в более поздних хроногруппах проявляются отчетливее. Изделия из кости и украшения присутствуют в комплексах всех хроногрупп заключительной стадии позднего палеолита.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., государственный контракт № П 363.

2 Приводится радиоуглеродный некалиброванный возраст.

Для каждой хроногруппы характерно определенное размещение стоянок на местности, связанное с особенностями стратегий освоения пространства. Имеются вариации в организации места обитания.

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Леви К.Г., Аржанникова А.В., Савельев Н.А., 2005. Позднеледниковье и раннее послеледниковье Прибайкалья как природно-культурный феномен (особенности природных и культурных процессов) // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Иркутск.
 Васильев С.А., Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Лисицын С.Н., Синицына Г.В., 2005. Поздний палеолит Евразии: палеоэкология и структура поселений. СПб.
 Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А., 1994. Палеолитоведение: Введение и основы. Новосибирск.

Отсутствие объектов в определенных временных интервалах сартана обусловлено резкими природными перестройками на территории Байкальской Сибири и изменениями стратегий жизнеобеспечения.

Константинов М.В., 1994. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ-Чита.
 Лисицын Н.Ф., 2000. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб.
 Медведев Г.И., 1983. Палеолит Южного Приангарья // Автореф. дисс. ... д. и. н. Новосибирск.
 Палеолит Енисея, 1991. / Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А., Ермолова Н.М., Лисицын Н.Ф. Ленинград.
 Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы, 1997. СПб.

А.А. Бессуднов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

А.Н. Бессуднов

Липецкий государственный педагогический университет, Липецк

Характер связи Дивногорских стоянок на Среднем Дону

В 2007–2010 гг. экспедицией Липецкого госпедуниверситета, а в последние годы и Института истории материальной культуры РАН проводились комплексные исследования верхнепалеолитических стоянок у хутора Дивногорье недалеко от впадения р. Тихая Сосна в р. Дон (Воронежская область). Помимо самого факта обнаружения новой группы памятников вблизи Костенок, интерес к ним обусловлен временем существования (13–14 тыс. л. н.), являющимся наименее изученным в регионе, и редкой в Восточной Европе связью разнофункциональных стоянок типа *место забоя – место разделки*. Хорошая сохранность фаунистического материала на Дивногорье 9, залегающего несколькими уровнями в виде практически целых скелетов дикой лошади (минимальное количество особей 49), при незначительном количестве каменного инвентаря и отсутствии порезов на костях, позволило ряду палеозоологов и почвоведов, принимавших участие в работе, интерпретировать памятник как место естественной гибели животных. При этом археологическая составляющая практически не учитывалась, а все предположения основаны на материалах одного памятника Дивногорье 9, наиболее показательных с зоологической точки зрения.

В настоящее время у хутора Дивногорье известны два палеолитических памятника и одно местонахождение расщепленного кремня. Дивногорье 1 представляет собой стоянку, возможно сезонную, со слабонасыщенным культурным слоем, но выразитель-

ной коллекцией каменного инвентаря с наличием ретушных резцов, косоусеченных острий и пластинок с притупленным краем. Среди фаунистических остатков преобладают кости конечностей преимущественно лошади, в незначительном количестве присутствуют кости северного оленя.

На Дивногорье 9 в делювиальных отложениях борта оврага в практически непо потревоженном состоянии обнаружены семь уровней залегания костей лошади, разделенных стерильными прослойками карбонатных алевролитов. Единичные кремневые изделия встречены во всех уровнях залегания, наибольшие скопления зафиксированы на пятом, шестом и четвертом уровнях: на последнем из них вскрыта «производственная площадка» с нуклеусом, унифасиальным изделием, пластинками и отщепами, поддающимися ремонту. Для каменного инвентаря характерно присутствие ретушных резцов, усеченных пластин и пластинок с притупленным краем. О процессах по разделке туш животных свидетельствует обнаруженный на шестом уровне реберный хрящ лошади с тонкими параллельными порезами по всему диаметру кости. Образование уровней залегания, вероятно, происходило в короткий хронологический промежуток.

Оба памятника геологически одновременные – на это указывают радиоуглеродные даты, преобладание в фаунистическом наборе костей лошади, одинаковая сырьевая база (качественный меловой кремень) и технико-типологическое сходство каменного инвентаря.

С высокой степенью уверенности можно предполагать синхронность существования памятников с различной функциональной направленностью. Следует отметить, что в палеолите случаи поселения человеческих коллективов вблизи мест естественной гибели диких лошадей очень редки, в отличие от мамонтовых и бизоньих костящих.

Прежде всего, это связано с низкой «строительной» ценностью костей лошади. Использование мяса из мест естественной гибели животных возможно только в зимнее время, когда костящие становятся своеобразным «холодильником». Такая интерпретация неприменима к Дивногорью 9, поскольку сезон гибели лошадей определяется по мортальному составу как летне-осенний. Это время года считается оптимальным для охоты на лошадей, когда они достигают наибольшей упитанности и группируются в большие стада. У некоторых скелетов лошадей в Дивногорье 9 Н.Д. Буровой зафиксировано отсутствие дистальных частей конечностей, которые, возможно, уносились вместе с конечностями на место стоянки и там разделялись. Фаунистический набор и характер культурного слоя в Дивногорье 1 такой интерпретации не противоречит. В пользу этого также свидетельствует геоморфологическое положение памятников: Дивногорье

1 расположено на низкой надпойменной террасе (3–5 м от уровня воды) неподалеку от источников воды; Дивногорье 9 находится в средней части оврага, прорезающего водораздельный склон, на высоте 35–40 м, что является удобным местом для загонной охоты.

Наличие порезов на костях не может являться основным или единственным доказательством разделки туш животных, а служит лишь дополнительным свидетельством. На многих долговременных стоянках, исследованных широкими площадями, порезы на костях единичны или отсутствуют вообще (Костенки 1 (I), Зарайск и др.). Это подтверждается экспериментами по разделке туш различных животных, в результате которых следы на свежих костях остаются не всегда. К тому же на некоторых стоянках следы разделки могут отсутствовать в силу плохой сохранности костного вещества.

Таким образом, в настоящее время имеется больше оснований считать Дивногорье 9 местом забоя диких лошадей с помощью загонной охоты, а Дивногорье 1 – охотничьей стоянкой со специализацией по разделке частей туш (возможно сезонной). Подобная связь разнофункциональных стоянок является редкой для Восточной Европы, а применительно к видовому составу (дикая лошадь) – уникальной.

А.П. Бужилова

*НИИ и Музей антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова,
Институт археологии РАН, Москва*

К вопросу о причинах смерти взрослого сунгирца (в контексте погребального обряда верхнепалеолитического захоронения с учетом антропологических источников)

Известное научному миру позднепалеолитическое захоронение взрослого мужчины на Сунгире отличается многочисленными проявлениями обряда, что дает основание судить о сложной и многогранной погребальной практике в эпоху палеолита и очевидной неординарности погребенного.

Судя по реконструкции автора раскопок – Н.О. Бадера, над основным захоронением располагался камень-валун и череп человека (женщины). Захоронение взрослого мужчины выделяется наличием угольной выстилки дна ямы, засыпкой костяка охрой, а также многочисленными костяными нашивками (исчисляющимися в тысячах) на верхней одежде, наличием костяных амулетов и прочих ритуальных атрибутов на теле погребенного. Тело располагалось на спине в вытянутом положении со скрещенными в об-

ласти таза руками. По мнению специалистов, оно было практически не потревожено за исключением области груди, кости которой пострадали посмертно от процессов смены температуры в периоды эпохальных климатических изменений. О.Н. Бадер отмечает, что в области колен лежал костяной и каменный ножи.

Хорошая сохранность костяка позволила многим исследователям остановиться на определенном возрастном интервале обследуемого. Он умер в зрелом возрасте, разменяв пятый десяток. При анализе погребального комплекса были предприняты попытки оценки археологического возраста методом радиоуглеродного анализа. Разброс значений оказался наибольшим при оценке непосредственно костной ткани погребенного. Суммируя данные разных лаборато-

рий можно сказать, что погребение было совершено примерно 20–28 тыс. л.н. (некалиброванные даты), в то время как данные археологии сужают этот интервал на четыре тысячи лет в сторону удревнения.

Для этого периода каменного века фиксируется несколько захоронений, объединяемых тем, что в них присутствует красная охра. В некоторых случаях охрой покрыто все тело погребенного, нередко выделяются какие-либо анатомические участки тела. Семантика применения красной охры обсуждается в разноплановых дискуссиях, но так и не предложено устраивающее всех объяснение появления такой особенности в погребальной практике человека (культ огня, крови и пр.). Эта проблема кажется более актуальной, если учесть, что традиция засыпки охрой продолжает развиваться во многих более поздних евразийских культурах.

К погребениям на Сунгире обращались многие исследователи, в том числе и антропологи; последние – благодаря хорошей сохранности трех из девяти обнаруженных на этом памятнике скелетов. Результаты антропологического исследования впервые были опубликованы в коллективном сборнике в 1984 г. В конце 90-х гг. XX в. костные останки подверглись дополнительным исследованиям современными методами. Это дало возможность, в частности, поднять вопрос о ритуальном значении погребальных комплексов, и возможном жертвоприношении детей, захороненных в совместном погребении. В 2009 году в результате пересмотра некоторых считавшихся утраченными частей скелета взрослого сунгирца, появилась возможность обсудить причины смерти не только детей, но и взрослого индивида в контексте погребального обряда.

Е.В. Булочникова

Научно-исследовательский институт и Музей антропологии МГУ, Москва

Обработанная кость и мергель Авдеево (типология и планиграфия)

Всесторонний анализ представительной коллекции обработанной кости и кости со следами использования (около 2000 предметов), а также мергеля (около 500 шт.) нового объекта Авдеево дает возможность, исходя из расположения вещей на памятнике, контекста предметов, выявления сопряженных групп, реконструировать структуру жилого пространства, выявить на нем специализированные зоны, установить отношение людей к тем или иным вещам.

Большие коллекции, подобные авдеевской и костенковской, кроме того, позволяют уточнить некоторые из дефиниций, что было и остается актуальной задачей для исследователей тех памятников восточного граветьена, где обнаружены предметы из кости и мягкого камня.

Применительно к Авдеево можно с большой степенью уверенности говорить о том, что обнаруженные на стоянке вещи не изменили своего первоначального положения и потому достоверно отражают бытовую ситуацию на момент оставления поселения древними людьми.

Планиграфический анализ обработанной кости (костяные орудия, предметы искусства), кости со следами использования (надрезы, надпилы и т. п.) не выявил очевидной закономерности в их расположении. Любая из категорий вещей встречается как в горизонтально залегающем культурном слое, так и в ямах (чаще в придонной их части). Однако вещи из культурного слоя имеют худшую сохранность и, как правило, фрагментированы. Причина кроется не только в рззнящим-

ся (в зависимости от местоположения предмета на жилой площадке) воздействию природных факторов на кость, но и в том, что вещи из слоя, скорее всего, – вещи брошенные, испорченные в процессе их эксплуатации. Изделия из кости хорошей сохранности дошли до нас во многом благодаря ямам, и, скорее всего, были забыты древними людьми (из 300 известных на новом объекте ям, только пятая их часть содержит хоть какие-то находки, и только ямы первого десятка были действительно наполнены особо «ценными вещами»).

Предметы из кости можно разделить на индивидуальные, представленные одним/двумя экземплярами и потому не поддающиеся внутри данной группы дальнейшей классификации, и массовые (игольники, ложила, лопаточки, игольники, шилья и остря), чьи дефиниции требуют уточнения.

Многочисленные игольники, ложила и др. изделия из кости, вероятно, активно использовались в повседневной жизни, при этом они часто орнаментировались.

Многие из предметов, скорее всего, были полифункциональными, часто подновлялись также как и каменные орудия, а значит, дело было не только и не столько в дефиците сырья, как считалось ранее, а в особенностях жизненной стратегии, выраженной в рациональном отношении к орудиям производства.

Массовый материал наиболее перспективен, когда речь идет о ремонтаже. Предварительная работа в этом направлении демонстрирует связь между ямами, очагами и др. объектами, расположенными на зна-

чительном расстоянии (порою более 10 метров) друг от друга. Подобные же результаты получены вследствие подбора фрагментов орудий из кремня, кварцита, а также многочисленных камней (песчаников, фосфоритов), приносимых на памятник с пока неясной для нас целью.

Результаты ремонтажа – один из факторов, из-за которого мы не можем разделить жилое пространство Авдеево на разновременные участки и особые зоны. Скорее, мы можем говорить об одновременном функционировании многих структурных элементов поселения, хотя в это трудно поверить, если иметь в виду перегруженность жилой площадки ямами, очагами и иными объектами.

Анализ распространения обломков мергеля и предметов из него дает более четкую по сравнению с костью картину. Большинство выразительных вещей связаны как раз не с ямами, а происходят из горизонтально залегающего культурного слоя и, несмотря

на то, что мергель встречается на всех участках памятника, определенная его концентрация связана с северо-западным участком поселения. В Костенках I/1 (раскопки П.П. Ефименко) высокая плотность мергеля также выявлена в северо-западной части объекта, однако искать здесь некую закономерность пока рано. В отличие от Авдеева в Костенках I/1 много мергеля обнаружено в землянках.

Судя по всему, до нас дошла малая часть изделий из кости и мергеля, да и та во многом благодаря забытым и потерянным вещам. Скорее всего, костяной инвентарь Авдеева был много богаче и разнообразнее, чем тот набор вещей, который нам сегодня известен. Близкое сходство Авдеево, Костенок I/1 и Зарайска дает нам шанс на основании изучения трех совокупностей предметов рассчитывать, что, взаимодополняя друг друга, они дадут нам целостную картину костяной и мергелевой индустрии памятников костенковской культуры.

Н.Д. Бурова

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Е.А. Петрова

Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург

Анализ скопления костей мамонта верхнепалеолитического памятника Костенки-14 (I культурный слой)

В 2007 г на верхнепалеолитическом памятнике Костенки-14 (Воронежская обл., Россия) был вскрыт I культурный слой в северной части раскопа, в котором обнаружено большое количество костей мамонта и единичные кремневые изделия, относящиеся к костенковско-авдеевской археологической культуре. Возраст слоя датируется от 22 до 19 тыс. л. н. А.А. Сеницын считал, что это скопление костей мамонта представляет собой окраинную часть поселения. Однако наши исследования позволяют по-другому интерпретировать данное скопление.

В I культурном слое определены костные остатки пяти видов млекопитающих: зайца (*Lepus tanaiticus*), волка (*Canis lupus*), песца (*Alopex lagopus*), мамонта (*Mammuthus primigenius*) и северного оленя (*Rangifer tarandus*). Было найдено 1027 костей, из них 995 принадлежит мамонту. Минимальное число особей мамонта – 12.

Остатки мамонта представлены всеми без исключения элементами скелета. Соотношение костей скелета передних и задних конечностей примерно равно. Количество черепов и бивней по сравнению с костями посткраниального скелета крайне малочисленно. Бо-

льшинство костей мамонта целые. Присутствуют анатомические группы костей передних и задних конечностей и части позвоночного столба (шейного, грудного и хвостового отделов).

Выявлены разные повреждения поверхности костей мамонта: выветренность, как низкой, так и высокой степени; единичные погрызы хищниками; порезы каменными орудиями на одной большой берцовой кости.

По степени прирастания эпифизов и морфометрическим данным был определен половой и возрастной состав мамонтов. Выделено 5 возрастных групп: 0–2 лет (включая остатки эмбрионов и новорожденных) (7,6%), 2–6 лет (7,6%), 7–13 лет (12,8%), 13–35 лет (66,6%), 40–50 лет (5,1%). Доминируют животные в возрасте от 13 до 35 лет. Остальные возрастные группы малочисленны. Основная часть костей принадлежит самкам. Возрастной и половой состав мамонтов из I слоя схож с таковым у современного африканского слона.

В ходе сравнения полученных результатов анализа с опубликованными данными по верхнепалеолитическим памятникам Восточной Европы было установлено, что исследованное скопление костей мамон-

та отличается по сохранности, по набору элементов скелета, по распределению в толще отложений, по наличию анатомических групп правых и левых костей передних и задних конечностей. Однако по этим же признакам оно наиболее схоже с естественным местонахождением Севск.

Вышесказанное позволяет предположить, что данное скопление костей мамонта, может быть отнесено к месту естественной гибели животных. Наличие небольшого количества артефактов и порезов на одной большой берцовой кости может свидетельствовать о том, что это место периодически посещали люди.

Н.Д. Бурова

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Е.А. Петрова

Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург

Археозоология IVa культурного слоя верхнепалеолитического памятника Костенки 14

Культурный слой IVa верхнепалеолитического памятника Костенки-14 представляет собой сплошное нагромождение костей дикой лошади. По мнению руководителя раскопок А.А. Сеницына — это место забоя лошадей древними охотниками.

С 1998 по 2010 гг. было изучено около 4500 костей дикой лошади (*Equus ferus* Boddaert, 1785) минимум от 35 особей. Помимо костей лошади в IVa культурном слое встречены единичные костные остатки некоторых других видов млекопитающих — зайца (*Lepus tanaïticus*), волка (*Canis lupus*), песца (*Alopex lagopus*), мамонта (*Mammuthus primigenius*).

Сохранность остеологического материала можно охарактеризовать следующим образом. Черепа сильно фрагментированы. Кости конечностей и позвонки преимущественно целые. Ребра, лопатки и тазовые кости практически все фрагментированы. Последние представлены обломками, края изломов которых совпадают с местами, являющимися критическими и наиболее уязвимыми для фрагментации в постседиментационный период. Присутствуют анатомические группы костей, в первую очередь, части позвоночного столба и дистальных отделов конечностей. Степень выветренности поверхности костных остатков варьирует от стадии 1 до 3. Имеются единичные кости с погрызами хищников. Порезы на костях каменными орудиями не обнаружены.

Остатки лошади представлены всеми без исключения элементами скелета. Количество зубов соответствует стандартному числу в черепе, а изолированные зубы, как правило, залегают на квадратах вместе с обломками черепов. Соотношение правых и левых элементов скелета конечностей примерно равно, за исключением плечевых, метакарпальных III и метатарзальных III костей (где расхождение составляет около 30 %).

Чтобы более точно провести анализ набора скелетных элементов для всех костей был вычислен

процент их содержания в коллекции (отношение наибольшего количества правого, либо левого элемента скелета к минимальному числу особей; количество отдельных элементов (позвонков, ребер, карпальных и тарзальных костей, фаланг) к их количеству в скелете и к минимальному числу особей). Процентное соотношение костных остатков разделено на четыре группы: 0–25%, 26–50%, 51–75%, 76–100% (рис. 1).

В первую группу (76–100%) входит небольшое количество элементов скелета, среди которых, в основном, кости дистальных отделов скелета конечностей, а также лопатки, плечевые и шейные позвонки.

Вторую наиболее многочисленную группу составляют костные остатки, представленные процентным соотношением от 51 до 75%. Это элементы скелета головы, два первых шейных позвонка, кости средних и частично дистальных отделов скелета конечностей.

Наименее представлены группы 26–50% (бедренные кости, крестцы, грудные и поясничные позвонки) и 0–25% (хвостовые позвонки).

К первой группе относятся элементы скелета, соответствующие как частям с низким показателем (метатарзальные III, пяточные, таранные и I фаланги), так и высоким показателем (лопатки, плечевые, шейные позвонки) пищевой ценности. Однако следует отметить, что процент содержания в коллекции лопаток составляет всего 77%, что очень близко ко второй группе, а процент плечевых костей вычислен по левым элементам (80%), тогда как по правым он — 57%.

Большой интерес представляет то, что при значительной процентной доле шейных позвонков доля черепов, атлантов и эпистрофеев существенно меньше, а между собой их количество примерно равно. Скорее всего, головы лошадей целенаправленно отделились в области двух первых шейных позвонков

древними людьми и транспортировались за пределы исследуемого памятника, а не были утрачены в ходе естественной скелетизации и различных тафономических процессов. На многих верхнепалеолитических стоянках как сезонных, так и долговременных имеются свидетельства об утилизации черепов копытных животных в качестве очень важного компонента пищи (Горелик, 2001. С. 160; Краснокутский, 1999. С. 318; Turner, 2002. Р. 46).

Малочисленность костных остатков в группах 26–50% и 0–25% объясняется, во-первых, тем, что элементы аксиального скелета (позвонки и ребра), а также верхних и средних отделов конечностей соответствуют богатым мясом частям туш, поэтому часть этих костей могла быть унесена.

Во-вторых, уровень залегания костей IVa культурного слоя связан с наклонной поверхностью с отчетливым падением в северном и западном направлениях. Поэтому низкий процент находок позвонков, особенно хвостовых, может быть связан с их смещением водой и делювиальными процессами по склону.

По времени прорезания зубов и их стертости, а также по степени прирастания эпифизов были определены пять основных возрастных групп: моложе 2 лет (11,4%), от 2 до 5 лет (20,0%), от 5 до 10 лет (31,6%), от 10 до 15 лет (22,8%), старше 15 лет (14,2%).

Половой и возрастной состав лошадей, а также данные по шлифам зубов позволяют говорить о том, что здесь в разные сезоны (в конце зимы – начале весны; в конце осени – начале зимы) погибло несколько гаремных групп.

К сожалению, здесь не рассматривается планиграфическое распределение костных остатков, но можно сказать, что наблюдается некоторая закономерность в сортировке костей.

Набор костей лошади и их соотношение, возрастной и половой состав животных, планиграфические данные и специализированный характер фаунистических остатков подтверждают сложившееся представление о IVa культурном слое как о месте периодического забоя лошадей в результате загонной охоты и частичной разделки туш.

Горелик О.Ф., 2001. Охота на лошадь в жизнеобеспечении финальнопалеолитического населения юго-восточной Украины // *Vita Antiqua*. Киев. № 3–4

Краснокутский Г.Е., 1999. Технология процесса разделки охотничьей добычи в позднем палеолите Северного Причерноморья // *Stratum plus*. СПб – Кишинев – Одесса. №1
Turner E., 2002. Solutré: an archaeozoological analysis of the Magdalenian horizon. Mainz

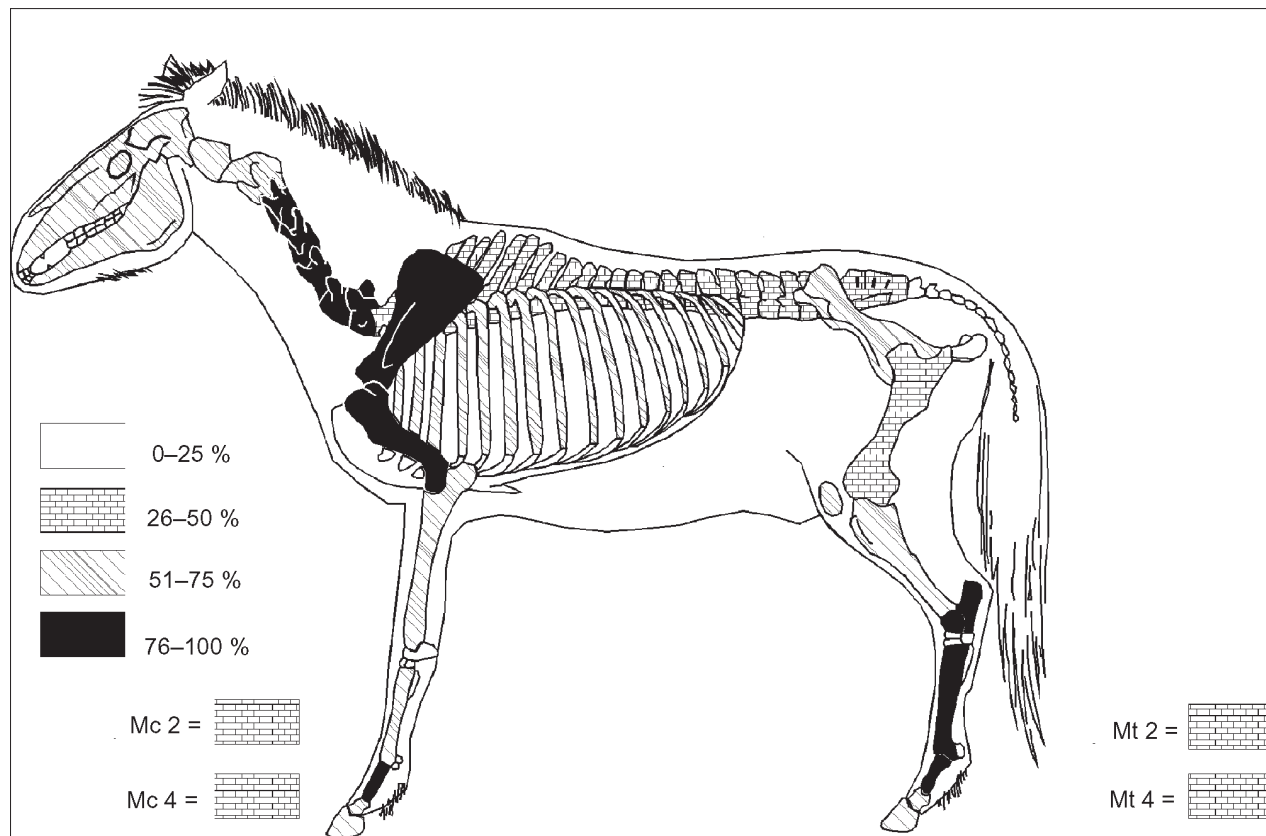

Рис. 1
Процентное соотношений элементов скелета лошади (Костенки-14, IV культурный слой)

Наследие П.И. Борисковского и современная наука о палеолите

В 2011 г. мы отмечаем столетний юбилей профессора П.И. Борисковского. Свидетель и активный участник бурного периода жизни ГАИМКА в 1930-е гг., упорный оппонент А.Н. Рогачева в дискуссиях о стадиальности и локальности в верхнем палеолите в 1950-е, П.И. Борисковский по праву входит в плеяду ведущих отечественных исследователей первобытности. Особое значение деятельности П.И. Борисковского имеет для сотрудников Отдела палеолита ИИМК РАН, коллектива, который он возглавлял на протяжении 15 лет. Именно в эти годы сформировалась современная структура отдела, основные направления полевой и публикационной деятельности. П.И. Борисковский инициировал издание монументальных трудов «Палеолит СССР» и серии «Палеолит мира». Опуская список открытых и изученных П.И. Борисковским памятников (всем известен его основополагающий вклад в дело изучения палеолита Костенок, группы пушкаревских стоянок, Амвросиевки, памятников Днестра и причерноморских степей, не говоря уже об изысканиях по древнекаменному веку Вьетнама), я хочу остановиться только на тех теоретических и методических моментах многогранной деятельности исследователя, которые перекликаются с современными тенденциями науки о палеолите.

Прежде всего, исследователь сыграл заметную роль в формировании методики изучения палеолитических жилищ и поселений. Распространенная в 1930-е гг. тактика вскрытия широких площадей, ориентированная на изучение пространственного соотношения остатков, порой приводила к утрате необходимого стратиграфического контроля. По-иному смотрел на задачу изучения слоя П.И. Борисковский (Борисковский, 1953). При раскопках Пушкарей он сочетал горизонтальную расчистку с поперечными профилями, что позволило в итоге выделить в пределах мощного культурного слоя несколько частей, соответствовавших различным периодам обитания и разрушения жилища. При раскопках Борщево II П.И. Борисковский (Борисковский, 1941) разработал альтернативную применявшейся в Костенках I методику вскрытия тонких бедных остатками горизонтов залегания. Тщательная расчистка и фиксация остатков в слое позволила ему выделить различные типы скоплений и изучить вариацию состава находок в пределах поселения.

С активным изучением позднепалеолитических поселений связан еще один интересный аспект,

а именно вопрос о функциональной интерпретации различий в инвентаре стоянок и отдельных участков культурного слоя. Эта линия исследований всецело связана с именем П.И. Борисковского, который одним из первых в мировой археологии осознал сложность факторов, влияющих на облик каменного и костяного инвентаря. Исследователь обратил внимание на зависимость состава находок от функциональных особенностей комплекса (подобным образом он объяснял бедность типов изделий в инвентаре Костенок IV), степени интенсивности работы и факта наличия/отсутствия выброса (Борисковский, 1932). Стоит отметить, что перед нами именно те факторы, которые анализируются в качестве определяющих характер индустрий в рамках «поведенческой археологии» М. Шиффера.

Далее, нельзя обойти молчанием цикл работ П.И. Борисковского по проблематике позднего палеолита Русской равнины. Говоря о развитии позднепалеолитической культуры, исследователь подчеркивал необходимость сочетать изучение общих, периодизационных моментов, с выявлением специфики конкретных памятников и их групп (Борисковский, 1963. С. 122). П.И. Борисковский предостерегал от поспешности выделения локальных образований, справедливо отмечая выборочный характер наших знаний, которые не дают реальной возможности для реконструкции так называемой «конкретной истории» палеолита, прослеживания развития и взаимного влияния отдельных групп населения.

Наконец, велик вклад ученого в глобальный сопоставительный анализ развития культуры древнего каменного века на различных континентах. Посвятив вторую половину жизни изучению азиатского палеолита, П.И. Борисковский в своих трудах развернул сложную картину смены культурных ареалов в различные эпохи.

П.И. Борисковский поддержал основные тезисы фундаментальной работы С.Н. Замятнина (Замятнин, 1951) о формировании локальных различий в культуре палеолита. Касаясь нижнего палеолита, П.И. Борисковский говорил о расплывчатом характере различий в наборах каменного инвентаря, примитивном разнообразии, свидетельствующем о неустойчивости технических навыков. Такую аморфную, слабо связанную с территориальностью, неоднородность облика индустрий он считал отражением особенностей природной среды, характера используемого сырья и хозяйственной деятельности древнейшего челове-

ка. Как и С.Н. Замятин, П.И. Борисковский (Борисковский, 1971) оставался стойким противником теории Х. Мовиуса о «двух мирах» нижнего палеолита, связанных с распространением ручных рубил и чопперов-чоппингов. Новейшие открытия ашеля в Китае и Корее, окончательно похоронившие концепцию Х. Мовиуса, свидетельствуют о прозорливости российского ученого.

Нарастание локального разнообразия культуры проявлялось в среднем палеолите. П.И. Борисковский выделил ряд факторов, влиявших на облик каменного инвентаря. Наряду с уже явно зарождающимися техническими традициями, которые ученый

в духе того времени трактовал в этническом ключе, он отмечал значимость таких моментов как особенности хозяйства, функции стоянок и специфики их исследованных участков. Не случайно П.И. Борисковский (Борисковский, 1979. С. 92) одним из немногих отечественных археологов с сочувствием отнесся к идее Л. Бинфорда о функциональной вариативности мустьерских индустрий. Подобное сложное понимание вариаций среднего палеолита куда ближе современному подходу к проблеме, чем предпринимавшиеся в свое время безуспешные попытки выделения мустьерских и даже ашельских «археологических культур».

Борисковский П.И., 1932. К вопросу о стадильности в развитии верхнего палеолита. ИГАИМК, т. 14, № 4.

Борисковский П.И., 1941. Палеолитическая стоянка Боршево II // МИА, № 2.

Борисковский П.И., 1953. Палеолит Украины. МИА, № 40.

Борисковский П.И., 1963. Очерки по палеолиту бассейна Дона. МИА, № 121.

Борисковский П.И., 1971. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л.

Борисковский П.И., 1979. Древнейшее прошлое человечества. Л.

Замятин С.Н., 1951. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Труды Института этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. XVI.

С.В. Васильев

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва.

Номо helmei или африканский центр происхождения Номо sapiens¹

Долгое время происхождение Человека разумного связывали с верхнепалеолитической эпохой. Действительно где-то в районе 40 тыс. лет тому назад первые представители Номо sapiens появляются и в Европе (Младеч V) и, вероятно, немногим раньше – в Азии (Вадыяк, Лиуцзиан). Однако палеоантропологические исследования последних двадцати лет показали нам большую древность человека современного типа, которая выходит за рамки верхнего палеолита. Ряд находок, происходящих из Африки (Элие Спрингс (ES – 11693), Бордер Кейв, Летоли 18 (LN 18), Омо 2, раскопки Мумба и т. д.), как осторожно пишут исследователи, «человека, анатомически сходного с современным» удревнили до 150–200 тыс. лет. Таким образом, Номо sapiens оказался древнее неандертальцев, что исключает возможность участия последних в эволюции сапиентных форм как прямых предков. Так кто же был прародителем современного человека? Сколько было центров его происхождения? На сегодняшний день эти вопросы решаются большинством ученых-антропологов однозначно. Безусловно, именно африканский континент мог быть прародиной современного человека, а предками его, скорее всего, были эректоидные формы типа Номо heidelbergensis, которые насе-

ляли довольно обширные территории Африки 1 млн.–200 тыс. лет тому назад.

И действительно, многие исследователи находят в среднеплейстоценовых находках, таких как Бодо, Кабве, Ндугу прогрессивные сапиентные характеристики. В связи с определением специфического сапиентного комплекса в морфологии вышеназванных экземпляров, ряд исследователей относят их к линии эволюционирующего сапиенса, используя стадильный принцип и выделяя два основных этапа: ранний архаичный сапиенс и поздний архаичный сапиенс.

Находки, которые проходят очень часто под названиями «анатомически близкие современному человеку» или «near modern», уже с середины прошлого века называют Номо helmei. Типовой экземпляр для Номо helmei – Флорисбад – изначально не считался достаточно древним (около 40 000 лет), однако последние исследования достаточно сильно удревнили эти останки до 259 000 лет. Эта находка отличается специфической мозаикой морфологических черт: развитые надбровные дуги, покатый лоб, перегиб затылочной кости, низкие орбиты, грушевидное отверстие широкое, хорошо выражен альвеолярный прогнатизм (Зубов, 2004. С. 355). Нами отмечается боль-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке проекта фундаментальных исследований президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

шое сходство находки Флорисбад, обнаруженной Т. Дрейером в Южной Африке с экземпляром из Херто (Эфиопия). Останки двух мужчин и ребенка имеют ярко выраженный затылочный перегиб, довольно высокий свод мозговой коробки, несколько редуцированный лицевой скелет и маленькие сосцевидные отростки. Схожесть экземпляров из Флорисбада и Херто более четко прослеживается в строении надорбитной и зигомаксиллярной областей. Основываясь на находке из Херто, Уайт выделил новый подвид, который обозначил как *Homo sapiens idaltu* (White et al., 2003. С. 743).

Четыре нижних челюсти и ряд фрагментов черепов, среди которых фрагмент лобной кости с надорбитной областью, были обнаружены в прибрежных

пещерах района Класиес Ривер в Южной Африке. Это уже практически сапиентные останки, имеющие довольно глубокую дату 80–120 тысяч лет тому назад.

Проведенные исследования по краниологии и краниотригонометрии находок, относимых к данному таксону, в музее человека г. Парижа (Франция) и музея естествознания г. Нью Йорка (США) показали, что выделение нового вида Дрейером в 1935 году не правомерно. Безусловно, морфологически данные экземпляры имеют большую долю сапиентных характеристик и по всем правилам таксономии должны относиться к подвиду ведущему к эволюционно более продвинутому виду *Homo sapiens*. Согласно правилам, эти находки необходимо относить к таксону *Homo heidelbergensis sapiens*.

Зубов А.А., 2004 Палеоантропологическая родословная человека. М.

White T.D., Asfaw B., DeGusta D., Gilbert H., Richards G.D., Suwa G., Howell F.C. Pleistocene *Homo sapiens* from Middle Awash, Ethiopia. 2003. // Nature, vol. 423.

С.Б. Верещагин

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет, Чита

Результаты изучения 25 горизонта поселения Усть-Менза – 1

Поселение расположено в юго-западной части Забайкальского края (12,5 км юго-западнее с. Архангельское, Красночикоийского р-на) и связано с тыловой частью высокой поймы высотой 5 м и I надпойменной террасой высотой 6 м, вытянутой вдоль правого берега р. Менза. Раскопки на поселении проводились ежегодно с 1982 по 1991 гг. Л.В. Сёминой (Екимовой). В 2007 году работы на поселении были возобновлены под руководством М.В. Константинова.

В отложениях мощностью 4,5–4,7 м выявлено 25 культурных горизонтов. Горизонты 11–25 (ранний мезолит, поздний палеолит (не древнее 13 тыс. л.н.) связаны с плейстоценовым аллювием, горизонты 1–10 (средневековье, раннее железо, бронза, неолит, поздний мезолит) – с полигенетическими и покровными отложениями голоценового возраста (Константинов, 1994).

Культурный горизонт 25 связан с тонкой песчаной прослойкой, мощностью 5–6 см, непосредственно перекрывающей русловой галечник I террасы. В пределах раскопов №1, 3, 6 поселения горизонт вскрыт на площади 193 кв. м.

Горизонт представлен двумя жилыми площадками. Первая изучалась в 1986–87 гг. Выявлена своеобразная конструкция, состоящая из кладки и очага, интерпретируемая как остаток жилища (Константинов, 2001). Кладка состоит из 206 камней, преимущественно

но хорошо окатанных валунов и слабо окатанных гнейсовых глыб, размерами от 20 до 68 см. Камни в кладке распределены неравномерно. Отчётливо представлено обрамление северо-западного и северо-восточного сектора жилища. Камни образуют сплошной дугообразный вал длиной ок. 5 м, шириной – 0,9–1,6 м, высотой 0,4–0,5 м. Плоские или уплощённые камни стоят, как правило, на ребре, плотно зажаты друг другом. В месте, где дуга имеет наибольшую ширину, камни покоятся на своих широких плоскостях. Камни, представляющие юго-западный сектор жилища, находятся вне дуги. Причиной тому послужило, по всей видимости, их сползание, в результате резкого наклона поверхности галечника в сторону реки. В юго-восточном секторе жилища дуга не имеет продолжения. В этой зоне на поверхности галечника имеются бессистемно расположенные отдельные валуны. Предположительно они и составляли здесь основание жилища. В центре жилища, вплотную примыкающей к внутренней стороне вала, расположен очаг. Он представлен зольным пятном и оконтуривающими его камнями. Пятно имеет форму овала (1,1×0,95 м), тонкая золистая масса (до 0,5 см) располагается неравномерно, местами прерывается, западает между камнями. С этим комплексом связано 14 артефактов, представленных продуктами первичного галечного, биполярного расщепления:

крупными сегментами, отщепами, первичной пластиной и двумя изделиями из кости. Сырьём для изготовления каменных орудий служил микрокварцит и микросланец, широко представленный в местном галечнике.

Вторая площадка изучалась в 2008–2009 гг. Выявлен очаг и артефакты. В состав очажной обкладки входит 15 камней различных размеров (от 10 до 40 см), представленных гальками и слабо окатанными глыбами. Очаг имеет овальную форму. Диаметр обкладки по линии С–Ю – 0,95 м, по линии З–В – 1,6 м. Углисто-сажистое заполнение – маломощное, до 0,2 см.

С очагом и околоочажным пространством связаны следующие артефакты: скребло-нож округлой формы, оформлен бифасиальной, уплощающей, разнофасеточной ретушью; фрагмент ретушированного изделия на отщепе; 4 торцовых микронуклеуса, три из которых клиновидные; 4 концевых скребка на миниатюрных отщеплах дисковидной формы; 3 боковых ребчатых скола с микронуклеусов; остриё на отщепе ромбовидной формы; обломок углового резца на мик-

ропластинке, 9 фрагментов микропластинок, 6 отщепов с ретушью; пластинка с ретушью; 57 отщепов; 6 галечных сегментов, 2 чоппера, отбойник на гальке подпрямоугольной формы, фрагменты колотых трубчатых костей. Миниатюрные изделия изготовлены из яшмоидов, халцедона, горного хрусталя. Крупные орудия оформлялись из кварцита и микросланца.

Следует отметить, что находки со второй жилищной площадки значительно дополняют облик каменной индустрии горизонта. Они позволили впервые установить существование на поселении около 12–13 тыс. л. н. развитой микротехники обработки камня.

В целом, материалы, полученные в результате многолетнего изучения культурного горизонта 25 поселения Усть-Менза-1, подтверждают пригодность поверхностей галечников для жилищно-хозяйственной деятельности в древности. А также свидетельствуют о сохранности в подобных условиях культурных остатков и жилищных конструкций финальноплейстоценовых культур юго-западного Забайкалья.

Константинов А.В., 2001. Древние жилища Забайкалья: палеолит, мезолит. Новосибирск.

Константинов М.В., 1994. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ.

Е.А. Виноградова
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Характер системы жизнеобеспечения на базовых стоянках каменнобалковской культуры

Археологическое изучение культурных слоев стоянок каменнобалковской культуры позволяет говорить о сложной планировке поселений, наличии производственных зон и жилых площадок. Количество жилых площадок существовавших одновременно позволяет говорить о численности жителей поселения в определенный момент его существования. Пристальное изучение особенностей планиграфии таких объектов помогает выявить специфику использования жилого пространства.

На стоянке Каменная Балка II (основной слой) мы можем с уверенностью говорить о одновременном существовании 4–5 жилых площадок, на которых, вероятно, могло проживать около 50 человек. Площадь каждой жилой площадки демонстрирует много внутренних связей, что показывает ремонт расщепленного кремня. Установлены связи по ремонту и между жилыми площадками (рис. 1).

Считать существование нескольких жилых площадок одновременными позволяет и направление оси расположения их очагов – с северо-запада на юго-восток. Это может свидетельствовать об основ-

ном направлении ветров в период формирования и бытования этих объектов. Ряд других выделяемых жилых площадок имеет противоположное направление оси очагов.

Некоторые жилые площадки Каменной балки II включали в себя легкие наземные жилища или ветровые заслоны. В пользу последних свидетельствует количество и характер расположения ямок с вкопанными костями, многие из которых традиционно считаются основой для укрепления вертикальных опор. Если очаги на жилых площадках Каменной балки II обычно располагаются по длинной оси жилой площадки, то ямки с вкопанными костями никак не маркируют границы жилой площадки или крупных скоплений. Они немногочисленны и обычно находятся вблизи очагов. Очевидно, они прикрывали от ветра огонь и небольшие по площади производственные места у очагов.

Анализ каменного инвентаря позволяет достаточно корректно выявлять характер деятельности, производившейся на разных участках памятника, в том числе дает возможность отмечать некоторые общие черты для

участков, определяемых в качестве жилых площадок и их существенные качественные отличия от периферийных участков стоянки. Прежде всего, это большее, чем вне площадки, разнообразие категорий орудий. Скопление большого количества одной категории орудий на конкретных участках жилой площадки свидетельствует об использовании определенных мест для одинаковой деятельности или о результате одновременной одинаковой работы нескольких людей. Также можно выявить некоторые закономерности в использовании очагов. Большинство исследуемых очагов жилых площадок использовались продолжительное время, сначала непосредственно для разведения и поддержания огня, а впоследствии – как зона эвакуации отходов.

Результаты изучения плоскостных споро-пыльцевых проб в совокупности с данными микростратиграфии и наблюдениями над расположением и взаимосвязями жилых площадок позволяют предполагать существование значительного (более 100 лет) временного промежутка между формированием некоторых жилых площадок. Тем не менее, судя по мощности культурного слоя, сложности планировки, количеству фаунистических остатков, которые по данным анализа зубного цемента добывались в течение календарного года, наличию терочных плиток для растительных пищевых ресурсов можно говорить о достаточно оседлом и стабильном существовании людей в этом районе в течение длительного времени.

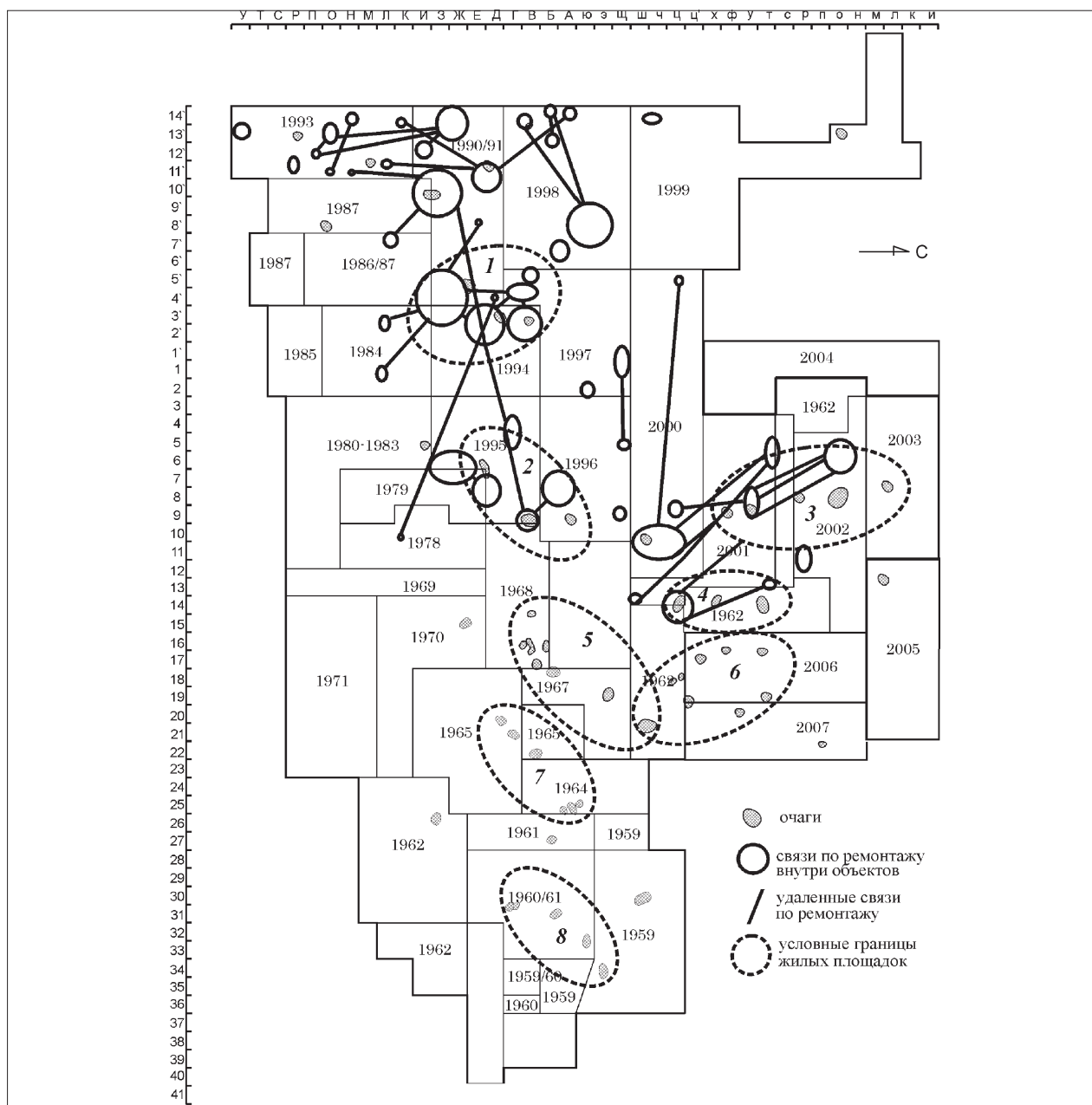

Рис. 1

Каменная балка II. Связи по ремонту жилых объектов.

Условные обозначения: а – очаги; б – связи по ремонту внутри объектов; в – удаленные связи по ремонту; г – условные границы жилых площадок.

Практика интерпретации докерамических комплексов крайнего северо-востока Азии и археологические культуры Якутии, Приамурья и Приморья

1. Значение окружающих опорных площадей и построенных на них региональных культурно-хронологических шкал для археологии Крайнего Северо-Востока Азии традиционно велико. Это связано как с относительной ненадёжностью или хронометрической неполнотой данных с большинства объектов, относимых к позднему палеолиту, так и со сложившимся транзитным восприятием территории «со стороны».
2. Наиболее стандартные резоны для сопоставлений включают: стремление датировать комплекс (например, обоснование как минимум среднесартанского возраста стоянки Бол. Хая 4 или неопределённо раннего сартанского возраста «второго компонента ульхумского палеолита»); установить то, что называется «культурные связи» или «происхождение» (например, амурские и/или приморские истоки генезиса комплекса стоянки Уптар); найти комплексу место в имеющейся системе организации материала (например, палеолитическая интерпретация стоянки Тытыльваам 4, п. 2).
3. При этом качество межрегиональных сравнений во многом определяется точностью типологических экстраполяций. На общепромышленном уровне подобные экстраполяции сейчас практически невозможны. Порой выбор корреляционного ориентира диктуют ведущие в комплексе фракции (технологические контексты): например, подчеркнута бифасиальный уптарский комплекс сопоставляется с осиповской культурой, первичное параллельное расщепление Бол. Хаи 4 – с устиновским комплексом и селемджинской культурой, а микронуклеарное расщепление стоянки Тытыльваам 4 (п. 2) – с дюктайской культурой. По логике вещей, такие сопоставления должны не только задавать хронологическую позицию объектов и оценку межрегиональной культурной динамики, но и подразумевать высокую степень промышленного соответствия и позволять реконструировать недостающие фракции.
4. Особая значимость межрегиональных сравнений не только и не столько целостных комплексов, сколько отдельных фракций определяется в значительной мере тем, что в условиях стратиграфической неопределённости наиболее надёжно доказываемая чистота отдельного технологического контекста, а в случае представительности собраний – контекстов очевидно связанных. На сегодняшний день чрезвычайно актуально исследование параллельного пластинчатого расщепления (крупных и средних форм), микроклиновидного расщепления, производства бифасиальных клинков, производства и утилизации трансверсальных резцов. При этом, познавательные ситуации складываются неоднозначно. Например, резцовая фракция приморского палеолита представляет для сравнений обширный, но скорее регионально-дифференцирующий материал; в селемджинской культуре количество хорошо сопоставимых форм ничтожно, а в дюктайском ареале немногочисленные аналоги происходят большей частью из смешанного контекста или подъёмных сборов.
5. Решение сопоставительных задач для узкорегionalных целей в качестве побочных результатов может привести к уточнению некоторых аспектов конструкций, принятых за опорные. Так, с некоторым основанием можно исключить из дюктайского арсенала категорию крупных объёмных подпризматических ядрищ, переводя их в разряд «галечных орудий» или «ядрищ поперечного расщепления» и ограничив группу продольного параллельного расщепления в основном ядрищами со скальванием по уплощённому и/или слабовыпуклому фронту, часть из которых стадияльно-технологически связана с ядрищами радиальными. А для позднего этапа селемджинской культуры можно охарактеризовать небольшую группу острий и диагональных резцов, естественно продолжающих вариационный ряд таких дальневосточных эндемиков как резцы (и лежащие в их основе острия) «устиновского» типа и острия «южно-приморского» типа (и полученные на их основе диагональные, поперечные и срединные резцы).
6. С точки зрения «пользователя» актуальными являются: диагностика локальной специфики (синдромов) региональных «эталонов», определение индикаторов «кросскультурных»

взаимодействий, чёткое представление о хронологии и хронометрии опорных культурных шкал. Ни один из нужных нам регионов пока не отвечает таким ожиданиям в полной мере. В то же время, имеющиеся данные позволяют утверждать, например, неоднородность дюктайской культуры даже на Алдане и, как следствие, возможность связать с селемджинской культурой генетически лишь комплекс Дюктайской пещеры. Комплексы же Эжанцев, Верхне-Троицкой и Тумулура пока не дают однозначных оснований для их объединения и из конструкции «селемджинская культура» выводимы.

7. Не вполне тривиальными, но необходимыми видятся следующие цели межрегиональных сопоставлений: определить структурное соответствие сравниваемых совокупностей; экстраполировать некоторые данные с «эталона»; проверить

достаточность и устойчивость имеющейся системы организации материала и/или некоторых её положений. С этих позиций уже сейчас, например, очевидно, что ни Дручак-В, ни Хета, ни Тытыльваам 4 (п. 2) в своих существенных параметрах не сопоставимы ни с одной из опорных региональных конструкций, а осиповские корреляции Упгара противоречат его почти устоявшейся «безмикрочастичной» интерпретации.

8. В настоящее время сложилась ситуация, когда, при всех источниковедческих трудностях, всё более очевидной становится специфика регионального позднего палеолита. Исследования, направленные на поиски разграничений, локального своеобразия и конкретных морфогенетических траекторий, на данном этапе кажутся не менее эвристичными, чем объединение индустрий в рамках широких традиций, вместимость которых кажется беспредельной.

Г.А. Воробьева, Н.Е. Бердникова

Иркутский государственный университет, Иркутск

Палеогеография Сартанского времени в Прибайкалье¹

В развитии социума временной интервал последнего ледникового (МИС 2) можно определить как эпоху кардинальных перемен. Он характеризуется неустойчивой природно-климатической обстановкой, главным звеном которой является рубеж плейстоцена и голоцена. В этот период в Прибайкалье культурная ситуация характеризуется дискретностью и лакунарностью, что можно объяснить резкими природно-климатическими изменениями.

Со стадией МИС 2 в Прибайкалье соотносят сартанский (sr) горизонт. Исследования природно-климатических вариаций этого интервала на территории Байкальского региона проводятся в двух направлениях. Первое – основывается на данных бурения озерных осадков: глубоководного бурения дна Байкала (Глобальные..., 2008) и мелких озер и торфяников (Bezrukova et al., 2010). Составление палеоклиматической летописи велось по кернам на основании диатомового, споро-пыльцевого анализов, по распределению биогенного кремнезема, изменениям влажности осадков, распределению глинистых минералов и целого ряда элементов «теплой» и «холодной» групп, которые накапливались в разные климатические стадии, геомагнитным изменениям и др.

По данным Байкал-бурения стадия МИС 2 в Прибайкалье характеризуется самыми бедными палино-

спектрами, почти полным отсутствием диатомовых и низким содержанием биогенного кремнезема, что свидетельствует о холодном резко-континентальном аридном климате, развитии многолетней мерзлоты и формировании степных и тундровых ландшафтов. По палинокомплексам из кернов мелководных озер в конце МИС 2 определяется потепление беллинг/аллеред, о чем свидетельствует увеличение пыльцы древесной растительности.

Второе направление связано с исследованиями отложений наземных разрезов, в основном субэриального генезиса, большей частью геоархеологических объектов (Стратиграфия..., 1990; Воробьева, 2010). В составе сартанского горизонта представлены лессовидные суглинки, эоловые пески, делювий, солифлюксий, слабо развитые почвы. Палеогеографические реконструкции построены на данных, полученных в результате комплексных стратиграфических и педолитологических исследований (Воробьева, 2010). Установлено четырехчленное деление сартанского горизонта на отдельные подгоризонты: sr₁ (24–18 тыс. л. н.), sr₂ (18–16 тыс. л. н.), sr₃ (16–14 тыс. л. н.) и sr₄ (14–10,3 тыс. л. н.)², которые имеют свои палеоклиматические и природно-событийные характеристики.

Раннесартанское время было очень неоднородно по климатической обстановке. В первую криогумид-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., государственный контракт № П 363

2 Приводится радиоуглеродный некалиброванный возраст.

ную фазу 24–21 тыс. л. н. получили повсеместное развитие солифлюкционные процессы, что рассматривается как свидетельство холодного климата и значительной влажности грунтов. Вслед за этим 21–18 тыс. л. н. наступила криоаридная фаза, оцениваемая как климатический минимум верхнего неоплейстоцена. В криоаридную фазу солифлюкция прекратилась, активизировались делювиальные и эоловые процессы.

Вторая половина сартанского времени (sr₂–sr₄, 18–10,3 тыс. л. н.) характеризовалась чередованием волн похолоданий и потеплений, колебаний увлажненности. Основным процессом субэразального осадконакопления являлось лессообразование. На этом общем фоне неоднократно активизировалось почвообразование (18–16, 15–14, 12 тыс. л. н.); эоловые процессы (16–14,5; 11,5–10,3 тыс. л. н.). В финале сартанского времени произошло глубокое и резкое похолодание, сопоставляемое с норильской стадией сартанского оледенения на севере Сибири и с поздним дриасом Европы (11–10,3 тыс. л. н., календарный возраст ~12,9–11,6 тыс. л. н.). Похолодание сопровождалось мощным криогенным трещинообразованием, не име-

ющим в Прибайкалье себе подобных на протяжении всего плейстоцена.

В сартанское время отмечен ряд катастрофических событий, спровоцированных тектоникой: массовый сход рыхлого материала со склонов, образование запруд, появление и исчезновение палеоозер. Локально в долинах рек отмечены перекосы поверхности тектонических блоков, что приводило к резкому росту скорости склоновых процессов. Установлены следы двукратных сильных размывов волной, идущей по долине Ангары (14,5–14 тыс. л. н. и 11,8–11,5 тыс. л. н.). Возможным триггером последних тектонических событий явились импактные события в финале плейстоцена (Воробьева, Бердникова, 2008; Firestone et al., 2007).

Результаты изучения палеогеографической обстановки сартанского времени Прибайкалья по педолитологическим данным, отличаются гораздо большей разноплановостью в сравнении с реконструкциями по палинологическим данным донных осадков Байкала и небольших озер Байкальского региона, что позволяет детально проследить адаптационные процессы древних сообществ в это время.

Воробьева Г.А., 2010. Почва как летопись природных событий Прибайкалья: проблемы эволюции и классификации почв. Иркутск.
 Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е., 2008. Природные и культурные феномены Прибайкалья на рубеже плейстоцена и голоцена // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М. Т. 1.
 Глобальные..., 2008. Глобальные и региональные изменения климата и природной среды позднего кайнозоя в Сибири. Новосибирск.

Стратиграфия..., 1990. Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: К XIII Конгрессу ИНКВА (КНР, 1991). Иркутск.
 Bezrukova E.V., Tarasov P.E., Solovieva N., Krivonogov S.K., Riedel F., 2010. Last glacial–interglacial vegetation and environmental dynamics in southern Siberia: Chronology, forcing and feedbacks // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. V. 296.
 Firestone R.D., West A., Kennet J.P. Becker L.; Bunch. T.E., Revay Z.S., Schultz P.H. et al., 2007. Evidence for an extraterrestrial impact 12,900 years ago that contributed to the megafaunal extinctions and the younger Dryas cooling // Proceedings of the National Academy of Sciences. Vol. 104.

Е.В. Воскресенская

Институт географии РАН, Москва

К.Н. Гаврилов

Институт археологии РАН, Москва

Новый комплекс верхнепалеолитической стоянки Хотылево 2: раскопки 2005–2010 гг.¹

Верхнепалеолитическая стоянка Хотылево 2 расположена у западной окраины села Хотылево (Брянский р-н Брянской обл.), в 25 км к северо-западу от г. Брянска. Геоморфологическое положение памятника связано с краем приводораздельной площадки на участке широкого мыса, образованного двумя древними балками, своими устьями выходящими в долину р. Десны. Культурный слой Хо-

тылево 2 зафиксирован в четырёх пунктах, получивших обозначения в буквах славянского алфавита от А до Г, в пределах широкого мыса, расположенных в его центральной и западной частях. Однако подъемный материал встречен на всем протяжении площадки мыса между двумя балками.

Археологический материал на месте расположения этого комплекса впервые был зафиксирован груп-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Новый комплекс стоянки Хотылево 2, пункт В: планиграфия и археологическая стратиграфия»), проект № 10-01-18089е

пой сотрудников Института географии РАН под руководством А.А. Величко еще в 1970-е гг. В 2003 г. на этом участке был поставлен шурф, который подтвердил перспективность его исследования. В 2005 г. на месте шурфа был заложен раскоп А, вскрывший культурный слой на площади 25 кв. м. Раскоп располагался в 45 м к югу (вверх по склону приводораздельного плато) от раскопа № 15 (2000 г., пункт А) и, соответственно, в 73 м от края площадки приводораздельного плато. В 2006 г. к раскопу А с севера был прирезан раскоп Б.

Стратиграфия отложений, перекрывающих, вмещающих и подстилающих культурный слой, достаточно традиционна для Хотылево 2. Отложения лесово-почвенно-криогенной серии, вмещающие культурный слой стоянки Хотылево 2, формировались в перигляциальной зоне валдайского оледенения в специфических криоаридных условиях. Почвенные уровни и горизонты слабой гумусированности, прослеженные в разрезе раскопов А и Б, фиксируют различные по протяженности этапы снижения скорости лесовой аккумуляции или незначительного смягчения климатических условий.

В раскопе А был вскрыт целый комплекс объектов, имеющий своеобразную пространственную структуру, которая дала основания интерпретировать данный комплекс как имеющий культовый характер. В скоплениях фаунистических остатков прослеживается преднамеренность укладки отдельных костей

мамонта, преимущественно черепов, лопаток и тазовых, их планиграфическая связь со скоплениями охры.

В раскопе Б на уровне гумусированной прослойки были зафиксированы следующие археологические объекты: а) ямы, получившие порядковые номера 4, 5 и 6 в северо-западном, центральном и северо-восточном секторах раскопа соответственно; б) скопление костного угля на квадрате В/1', располагавшееся к югу от ямы № 5; в) скопление костного угля, расщепленного кремня и охры к западу и к востоку от ямы № 6 (кв. Б/В-4' и кв. Д-4'); г) скопления охры и расщепленного кремня на кв. Г/Д-3' и Д-4'; д) вертикально и наклонно стоящие кости мамонта, преднамеренно вкопанные обитателями стоянки; е) скопления крупных костей мамонта в юго-западном и юго-восточном секторах раскопа.

На основании стратиграфических наблюдений мы можем заключить, что комплексы объектов, зафиксированные в раскопах А и Б соответственно, разновременны, и комплекс объектов, вскрытый раскопом Б, является более поздним. Взаимное расположение ям, вертикально стоящих костей мамонта, а также скопления костного угля, фрагментированных фаунистических остатков, охры и расщепленного кремня является аналогичным пространственному расположению объектов, зафиксированных Ф.М. Заверняевым в комплексе, который по нашей нумерации имеет порядковый номер 1.

Л.В. Голованова

АНО «Лаборатория доистории», Санкт-Петербург

Динамика среды и культуры в среднем и позднем палеолите Северо-Западного Кавказа

Основываясь на новых данных по палеогеографии среднего плейстоцена, можно говорить, что на северо-западном Кавказе прослеживаются как минимум четыре крупных экологических стресса, соответствующих стадиям Heinrich 6, Heinrich 5, Heinrich 4 и максимуму последнего оледенения. На ряде многослойных памятников выявлены изменения в индустриях, которые происходят после этих климатических стрессов.

На Северном Кавказе можно говорить о трех этапах существования микокских памятников. Первый этап соответствует интервалу от конца кислородно-изотопной стадии 5 до начала стадии 4 (70–60 тыс. л.н. и древнее). К нему относятся нижние слои Ильской 2, слои 3 и 2В-4 Мезмайской. Сейчас, основываясь на ЭПР датах 55–56 тыс. л. н., слой 2В-3 Мезмайской можно коррелировать со стадией Heinrich 6. Возможно, к этому же этапу относится «холодный»

слой среднего палеолита на низкогорной стоянке в Баракаевской пещере.

Ко второму этапу, который соответствует концу стадиала Heinrich 6 и межстадиала Oerel и Glinde в интервале от 55–56 до 45–42 тыс. л.н., относятся верхи слоя 2В-3, слой 2В-2 Мезмайской, и, возможно, слой 4 Монашеской пещеры. Исследования последних лет в Мезмайской пещере позволили установить наличие вулканического пепла в слое 2В-1. По химическому составу этот пепел близок пеплам горы Таш-Тебе, расположенной около Эльбруса. Слой 2В-1 можно коррелировать со стадией Heinrich 5.

Третий этап микока на Северном Кавказе соответствует межстадиалу Hengelo и последовавшему за ним похолоданию – от 42 до 40 тыс. л.н. К нему относятся Монашеская (слои 2-3Б), Губский н. 1, Матузка (слои 4В, 4С), Мезмайская (слои 2, 2А), Баранаха 4.

В развитии индустрий восточноевропейского микока на Северо-западном Кавказе достаточно четко установлена тенденция развития от ранних к поздним памятникам, которая особенно резко проявляется после стадиала Heinrich 5.

Важные события фиксируются на рубеже среднего и позднего палеолита. Вулканический пепел слоя 1D в Мезмайской пещере, который происходит от извержения на вулкане Казбек, синхронизируется с извержением С1 в Италии и соответствует стадиалу Heinrich 4, после которого в Кавказском регионе исчезают неандертальцы. Самые ранние индустрии позднего палеолита, ассоциирующиеся с ранним Homo sapiens, появляются на Северном Кавказе 35–38 тыс. л.н. К данному периоду относятся слой 1С Мезмайской пещеры и нижние горизонты пещеры Короткая. Эти индустрии имеют аналогии в раннем Ахмариене Леванта. Более поздние индустрии (33–20 тыс. л. н.) отличаются богатством и разнообразием изделий из ко-

сти (слои 1В–1,2; 1А–1,2,3). Максимум последнего оледенения фиксируется в слое 1–4 Мезмайской пещеры, датирующемся 20–16 тыс. л. н. Эпипалеолитический слой 1–3 (14–12 тыс. л. н) формировался в условиях теплого влажного климата. Индустрия этого периода включает геометрические микролиты и наконечники с боковой выемкой. Ближайшей аналогией этим материалам может служить Имеретинская культура в Грузии. Подтверждением миграций из Закавказья является анализ обсидиана, который поступал с юга Грузии. К эпипалеолиту относятся нижние горизонты Касожской пещеры, Губского навеса 7, верхний позднепалеолитический слой Губского навеса 1, слои 9–10 навеса Чыгай.

Крупные экологические кризисы в среднем плейстоцене приводили к существенным изменениям в культуре и даже замене населения в начале позднего палеолита, а также активной миграции в эпипалеолите.

Л.В. Голованова, В.Б. Дороницев
АНО «Лаборатория доистории», Санкт-Петербург

Ранние индустрии среднего палеолита в пещере Матузка

Палеогеография и хронология. В нижней пачке отложений (слои 7–5) пещеры Матузка, расположенной в долине р. Кубань, выявлены своеобразные индустрии, имеющие ранне-верхнеплейстоценовый возраст. В результате палеомагнитных и магнитных исследований отложений в слое 7 обнаружена запись геомагнитного экскурса Матузка. Экскурс Матузка подобен экскурсу Блейк, который имеет возраст около 130 тыс. л. н. По палинологическим данным, слой 7 коррелируется с земским, или микулинским межледниковьем (кислородная стадия 5e, 130 000–115 000 л.н.). Для времени образования слоя 7 характерны широколиственные леса с многочисленными древесными экзотами при климате теплом и влажном.

Слой 6 предварительно синхронизируется с межстадиалом бреруп (кислородная стадия 5c, около 105 000–90 000 л. н.). Слой 5В сопоставляется с межстадиалом оддераде (стадия 5a, около 85 000–75 000 л. н.).

Фауна. Среди крупных млекопитающих доминируют остатки кударского пещерного медведя, далее следуют остатки козла или барана, благородного оленя, кавказского козла. В слое 6 найдена копытная фаланга носорога. По количеству костей преобладают остатки пещерного медведя. Однако, подсчет соотношения по количеству предполагаемых особей обнаружил, что медведь и копытные представлены прибли-

зительно одинаково, а в слое 6 копытные даже преобладают.

Антропология. В слое 6 найден зуб человека. Зуб крупнее зубов современного человека, особенно его коронка и имеет лопатообразную морфологию (определение В.М. Харитоновой и Г.П. Романовой). В слое 5В обнаружен лингвальный фрагмент верхнего правого латерального резца. Зуб имеет выраженную лопатообразную форму. Очень сильно развит лингвальный бугорок, что типично для неандертальцев (определение А.А. Зубова).

Каменные индустрии. Коллекции слоев 5В–7 включают в общей сложности 310 артефактов, в том числе 163 изделия из кремня. Нуклеусы единичны, имеют негативы параллельных снятий и гладкие ударные площадки. В слоях 5В–7 найдены только пластинчатые отщепы, пластины отсутствуют. Ударные площадки сколов преимущественно гладкие, а подправленные – малочисленны. Простые скребла составляют основную часть орудий из слоев 5В–7, преобладают массивные продольные скребла с крутой ретушью. Двойные скребла малочисленны, поперечные скребла единичны. Отсутствуют также характерные формы угловатых скребел. Важным компонентом индустрии являются скребки. Они изготовлены на массивных сколах или фрагментах желваков кремня крутой ретушью. Из слоя 5В происходит листовидный наконечник. Специфику индустрии слоя 6 опре-

деляют бифасиальные ножи. Из слоя 7 происходит массивное скребло с утоньшенным корпусом. В слоях 6 и 7 найдены чопперы и чоппинги.

Сырьевые стратегии. Пещеры Матузка находятся в районе, где полностью отсутствует качественное кремневое сырье. Спецификой слоев 5В-7 является достаточно активное использование местного известняка. Большую часть коллекций составляют орудия, которые приносились в пещеру в готовом виде и неоднократно подправлялись.

В заключение следует отметить, что в слоях 5В-7 пещеры Матузка, предварительно датирующихся стадиями 5е-5а ОИС, зафиксирован эпизод самого раннего появления древнего человека на северо-западном Кавказе в среднем палеолите. Человек использовал пещеру преимущественно как место временной стоянки. Во всех слоях обнаружены следы огня, в слое 7 зафиксировано кострище достаточно хорошей сохранности. Индустрия имеет специфический облик и не имеет аналогов в регионе.

Ю.Н. Грибченко, Е.И. Куренкова

Институт географии РАН, Москва

Первичное расселение палеолитического человека в Центральных и Северных регионах Восточно-Европейской равнины¹

Заселение и освоение равнинных территорий Центра и Севера Восточной Европы происходило в несколько этапов на протяжении позднего плейстоцена. Первые проникновения первобытных сообществ в эти регионы фиксируются находками мустьерских стоянок в бассейнах рек – Десны (Хотылево 1, Бетово и др.), Волги (Сухая Мечетка), Камы (Гарчи 1, Пещерный Лог) и Печоры (Крутая Гора). Немногочисленные находки каменных орудий и фауны этого этапа, в большинстве случаев, перетолжены. Это ограничивает возможности хроно-стратиграфических определений возраста и продолжительности обитания мустьерских стоянок. Немногочисленные палеогеографические данные позволяют считать, что эти памятники относятся к началу позднеплейстоценовой ледниковой эпохи (Velichko, 1988; Грибченко, Куренкова, 2009). Очевидно, что широкое распространение лесных ландшафтов в более раннюю эпоху микулинского межледниковья ограничивало возможности дальних миграций мустьерских сообществ. С началом ледниковой эпохи формировались открытые перигляциальные пространства, наиболее благоприятные для расселения человека на равнинах Восточной Европы.

Более широкое расселение человека на равнинах Восточной Европы началось только в конце средневалдайского интерстадиала. Стоянки ранней поры позднего палеолита (35–28 тыс. л. н.) немногочисленны и распространены не только в центральных, но и в северо-восточных регионах. Хронология памятников этой группы основана на многочисленных датировках (¹⁴С, TL, OSL и др.) культурных слоев и вмещающих отложений. Стратиграфические пози-

ции большинства культурных слоев остаются неопределенными из-за локальных особенностей строения отложений стояночных участков (Величко и др., 1999; Грибченко, 2008; Грибченко, Куренкова, 2007). Они проявляются в значительной пространственной изменчивости многочисленных горизонтов почвообразования, сопряженных с культурными слоями. По своим морфотипическим и генетическим свойствам такие почвенные слои, как правило, не сопоставимы с широко распространенными горизонтами ископаемых почв, составляющих основу лессово-почвенной хроностратиграфии позднего плейстоцена (рис. 1). Существующие в настоящее время подходы к определениям корреляционных соотношений культурных слоев стоянок с природными событиями разных рангов, выделяемыми в позднем плейстоцене Европы, основаны, как правило, на датировках.

Использование корреляционных подходов в систематизациях палеолитических стоянок направлено на определение связей периодов функционирования местообитаний с циклами интерстадиальных ландшафтно-климатических изменений валдайской ледниковой эпохи. Это связано с распространенными представлениями о том, что периоды расселения человека были связаны с интервалами относительных потеплений и смягчений климата. В соответствии с этим, формирование любого почвенного покрова принимается как отражение подобного интерстадиального потепления. Пространственная изменчивость структурных и генетических особенностей позднеплейстоценовых почв и педоседиментов, а также разнообразие их датировок, даже в пределах

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РФФИ № 10-06-00026

небольших территорий, дают возможности выбора для корреляций различных хронологических интервалов.

В большинстве случаев, почвенные горизонты, сопряженные с культурными слоями стоянок, соответствуют не периодам потеплений, а этапам стабилизации палеоперехваток на отдельных локальных участках. Для их корреляций с подобными формациями других районов и, особенно, с циклами ландшафтно-климатических изменений регионального и глобального характера требуются более аргументированные обоснования. Учитывая то, что многочисленные стоянки позднего палеолита существовали в разных районах равнины даже в наиболее холодные периоды развития позднелейстоценовых оледенений, очевидно, что расселившись здесь человек уже не покидал освоенных пространств. Он оставался в бассейнах Днепра, Оки, Камы и Печоры (стоянки: Кирилловская, Елисеевичи, Зарайск, Талицкого, Медвежья и др.). Области ледниковых покровов, как и приледниковые зоны стока талых вод, озер, заболоченных территорий и т. д., лишали первобытные сообщества возможности расселения в бассейнах В. Волги, Сев. Двины. Наиболее благоприятные условия для миграций человека к северу сохранялись в Приуралье. Стабильные поверхности высоких террас Камы и Печоры обеспечивали первобытным сообществам ранней поры позднего палеолита (35 до 28 тыс. л. н.) возможности продвижения далеко на север.

Главная особенность позднелейстоценового расселения первобытных сообществ на равнинах Восточной Европы заключалась в том, что оно происходило в условиях постепенно развивающегося оледенения. Трансформации ландшафтов и цикличность процессов формирования отложений и рельефообразования по-разному проявлялись в отдельных регионах. Этим определялись выборы путей миграций и местообитаний человека на разных этапах позднего палеолита. Предположениям о том, что возможности первичного проникновения к северу мустьерских и позднелейстоценовых сообществ определялись климатическими условиями интерстадиальных потеплений раннего и среднего валдая, противоречат имеющиеся данные по условиям обитания человека в различных регионах равнины.

Палинологические, палеофаунистические, палеомерзлотные и другие данные для памятников широкого хронологического диапазона от 35 до 18 тыс. л. н. свидетельствуют об определенных сходствах ландшафтных условий в конце средневалдайского интерстадиала и в максимум последнего оледенения на пространствах от 52° до 60° с. ш. Это говорит о том, что человек был достаточно приспособлен к условиям обитания в перигляциальных условиях уже в самом начале освоения Восточно-Европейской равнины. Преобладающие открытые пространства с разреженной лесной растительностью, стабильные поверхности даже в условиях многолетней

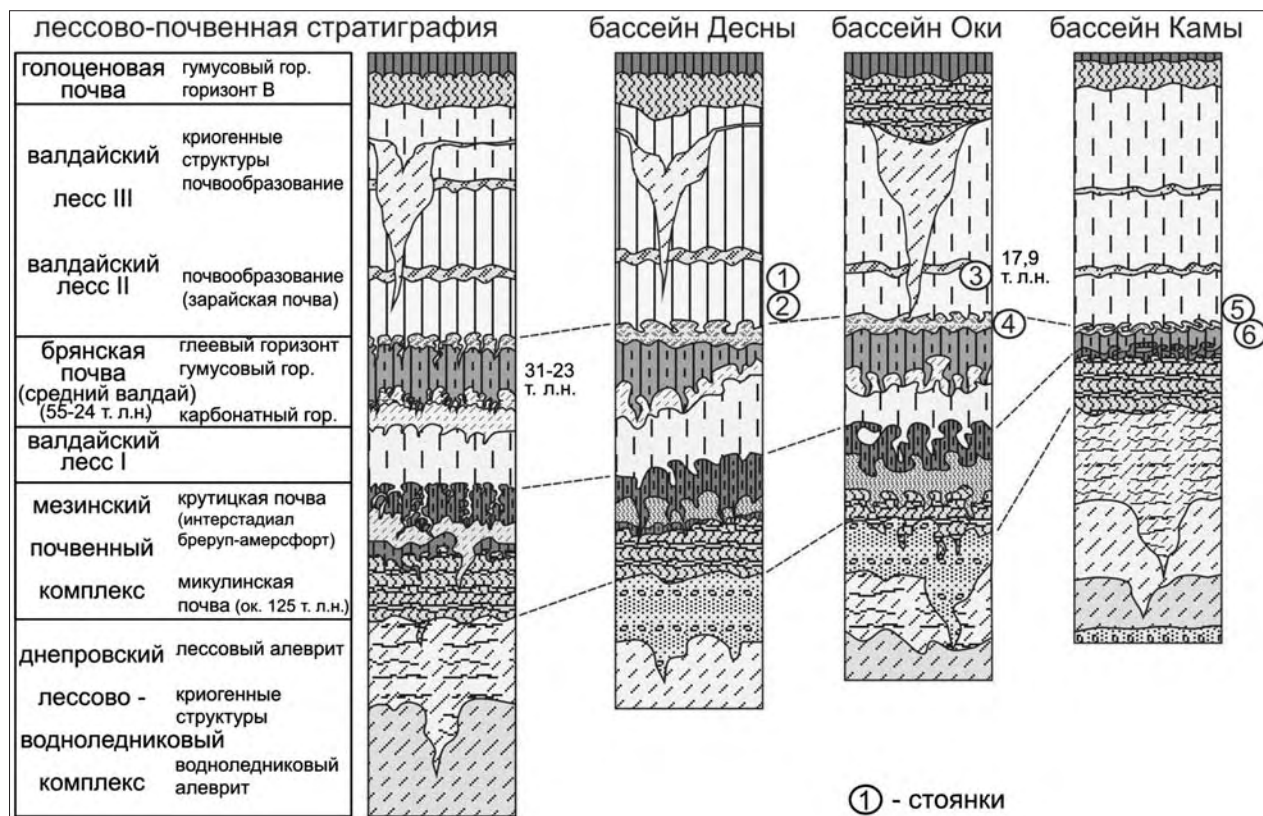

Рис. 1

Строение отложений лессово-почвенных формаций в районах распространения позднелейстоценовых стоянок и стратиграфическое положение основных памятников: 1 – Пушкари I, Погон (21–22 тыс. л. н.); 2 – Хотылево 2, 6 (24 тыс. л. н.); 3 – Зарайск (19–23 тыс. л. н.); 4 – Сунгирь (26 тыс. л. н.); 5 – Гарчи I (28 тыс. л. н.); 6 – Заозерье (31 тыс. л. н.). (1–2 – Десна; 3–4 – Ока; 5–6 – Кама)

мерзлоты, а также богатая фауна крупных млекопитающих обеспечивали первобытным сообществам

наиболее благоприятные условия для дальних миграций и обитания.

Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., Новенко Е.Ю., 1999. Геохронология палеолита Восточно-Европейской равнины // *Ландшафтно-климатические изменения, животный мир и человек в позднем плейстоцене и голоцене*, М.

Грибченко Ю.Н., 2008. Первичное расселение палеолитического и неолитического человека на Севере Восточно-Европейской равнины // *Путь на Север: окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики*. ИГ РАН. М.

Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., 2007. Роль циклов рельефообразования в расселении позднепалеолитических сообществ на Восточно-Европейской равнине // *Вопросы Антропологии*, вып. 6, ч.1.

Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., 2009. Проблемы хронологии и природные условия обитания и расселения мустьерского человека в Северной Евразии // *Вестник антропологии*. Научный альманах. М.: Проект-Ф. Вып. 17.

Velichko A.A., 1988. Geology of the Musterian in East Europe and the adjacent areas // *L'Homme de Neandertal*, Liege. V. 2.

*А.П. Деревянко, Е.П. Рыбин, Гао Син, Д. Олсен,
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск*

Ранняя пора верхнего палеолита в Северо-Западном Китае: местонахождение Лотоши

Синьцзян-Уйгурский автономный район, находящийся на северо-западе Китайской Народной Республики, занимает площадь около 1,6 млн. кв. км. Вместе с тем, эпоха палеолита вплоть до настоящего времени остается одним из наименее исследованных периодов данного региона. Находки малочисленных каменных артефактов, залегающих на поверхности, известны из района Ташкуртана (крайний запад Синьцзяна), с южных границ бассейна Тарима и из долины Иртыша. Спорадичность находок и практическая не изученность палеолитической археологии Синьцзяна особенно наглядна по сравнению с обилием комплексов каменных артефактов (некоторые из которых залегают в стратифицированном состоянии и являются радиометрически датированными), изученных на сопредельных территориях Казахстана, Российского Алтая, Монголии и бассейна реки Хуанхэ.

В июне 2004 года исследовательским отрядом, в состав которого входили участники Совместной Российско-Американско-Монгольской археологической экспедиции (руководители акад. А.П. Деревянко (ИАЭТ СОРАН) и проф. Д. Олсен (Университет Аризоны, США), а также при поддержке Китайской академии наук (д-р Гао Син) в северо-западной части Синьцзяна (Джунгария), орографически относящейся к южной части горной системы Алтая, была произведена археологическая разведка. Результатом работ стало обнаружение 32 местонахождений эпохи каменного века.

Одним из наиболее ярких объектов, выявленных в ходе разведочных работ, стало местонахождение Лотоши (округ Тачен, к северо-западу от столицы СУАР г. Урумчи). Расположенное на выходах скрытокристаллического кремнистого каменного сырья

и занимающее площадь около 3×5 км, это обширное местонахождение, очевидно, на протяжении долгого времени служило мастерской для изготовления каменных артефактов. На территории данного памятника было выявлено несколько пунктов с различной плотностью распределения находок – от нескольких единиц до нескольких сотен артефактов. Общее количество находок составляет 603 экз. Согласно степени сохранности поверхности большая часть находок имеет слабую и среднюю степень дефляции, предметы имеющие сильную степень дефляции, составляют явное меньшинство коллекции. Вместе с тем, проблемным остается вопрос о возможности разделения коллекции на культурно-хронологические группы согласно степени эоловой видоизмененности поверхности артефактов. Комплекс производит впечатление гомогенного; артефакты, различающиеся по своей степени дефляции, не образуют устойчивых сочетаний, обладающих специфической технологией раскалывания или типологией изделий.

Основываясь на характеристиках сколов и нуклеидных изделий изученной выборки, можно говорить о присутствии в данной индустрии различных методов расщепления: плоскостного леваллуазского (острийного и пластинчатого, в том числе нуклеусов для снятия широких, удлиненных пластин; – рис. 1: 1, 3, 7), радиального (представленного центростремительными нуклеусами и асимметричными укороченными сколами с конвергентной огранкой; – рис. 1: 6) и объемного (отщепового и пластинчатого – о чем свидетельствуют массивные треугольные и трапециевидные сечения сколов, а также наличие серии подпризматических нуклеусов). Последняя категория изделий представлена полуобъ-

емными нуклеусами с обработанными двусторонними сколами латералиями, характерными для индустрий ранней поры верхнего палеолита из Забайкалья и Монголии. Индекс пластинчатости для различных пунктов данного местонахождения варьирует от 19,5 до 41. Индекс фасетированности низок, не превышает 13. Большинство остаточных ударных площадок являются гладкими. Наиболее распространенными типами огранки дорсалов сколов являются параллельный однонаправленный и бипродольный (около 45%). Далее по степени представ

тельности следуют ортогональные и центростремительные типы огранения. Орудийный набор представлен скребками, ретушированными отщепами и пластинами (рис. 1: 5), скреблами, шиповидными орудиями (рис. 1: 2) и единичными бифасами полуовальной формы (рис. 1: 4).

В культурно-хронологическом отношении, несмотря на различную степень сохранности поверхности артефактов, индустрию можно отнести к ранним этапам верхнего палеолита, с возможной примесью среднепалеолитического (леваллуазские нуклеусы)

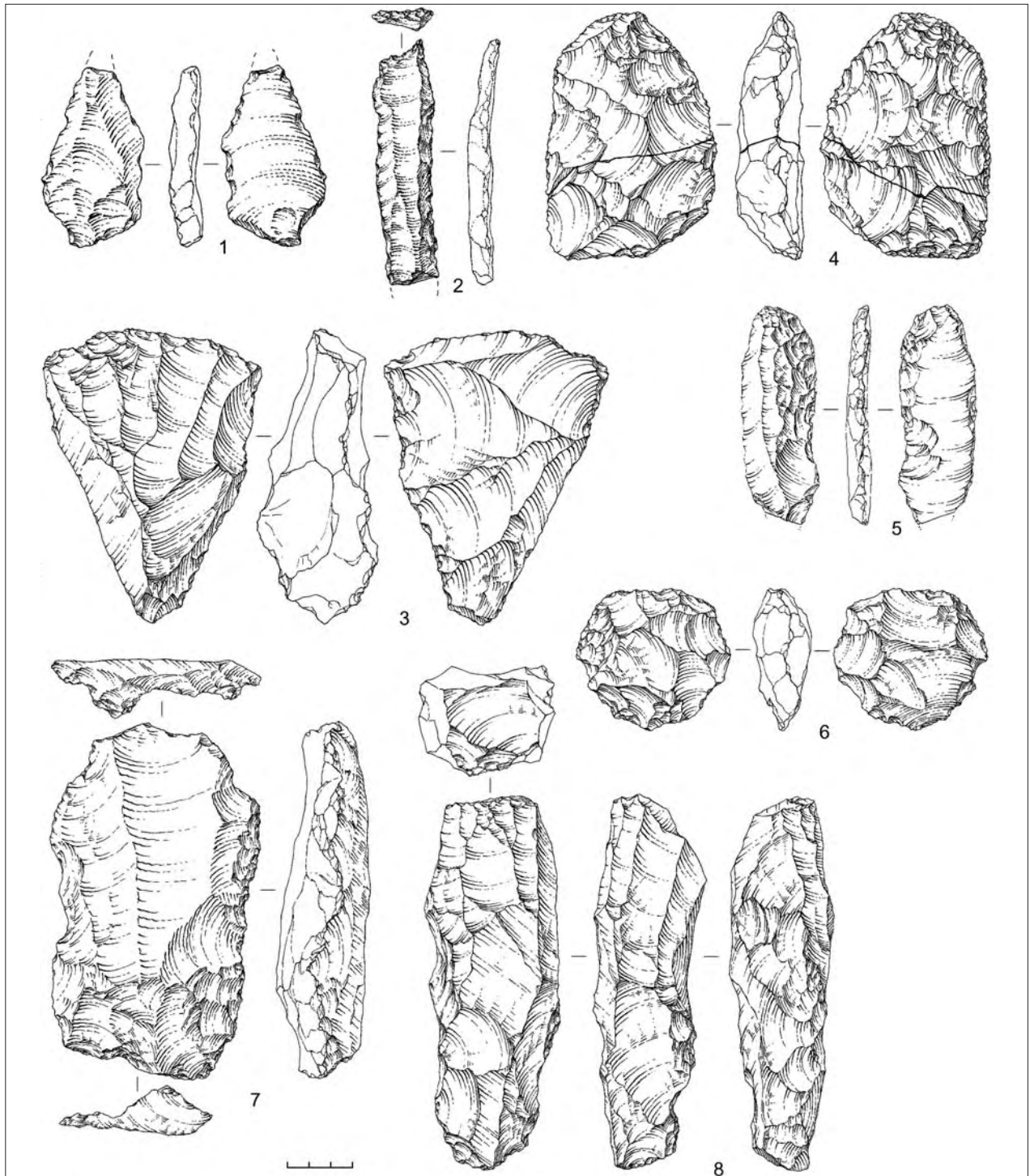

Рис. 1
Местонахождение Лотоши: 1–8 – каменные артефакты.

материала. Композиция индустрии (сочетание плоскостных и подпризматических нуклеусов для снятия пластин, радиальные и единичные леваллуазские ядрища, заметная доля пластин, шиповидных орудий, ретушированных пластин, полуовальных бифасов) находит наиболее близкие аналогии среди памятников ранней поры верхнего палеолита Забайкалья (Толбага) (Васильев, Рыбин, 2009), Монгольского Алтая и Северной Монголии (местонахождения Барлагин-Гол, стоянка Толбор-4) (Деревянко и др., 1990; Деревянко и др., 2007) а также стоянкой Шуйдунгоу (Внутренняя Монголия, Ордос) (Brantingham et al.,

2001). Область южного фаса Алтайских гор (Джунгарского коридора) на протяжении многих тысячелетий являлась естественным путем для передвижения человеческих популяций. Таким образом, изучение индустриальных комплексов местонахождения Лотоши, культурно-хронологическое определение которых является, благодаря наличию серии аналогий, достаточно надежным, позволяет предположить, что территория Синьцзяна входила в область распространения пластинчатых культур финального среднего палеолита – ранней поры верхнего палеолита Центральной Азии.

Васильев С.Г., Рыбин Е.П., 2009. Стоянка Толбага: поселенческая деятельность древнего человека в ранней стадии верхнего палеолита Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. №4 (40).

Деревянко А.П., Дорж Д., Васильевский Р.С., Ларичев В.Е., Петрин В.Т., Девяткин Е.В., Малаева Е.М., 1990. Каменный век Монголии. Палеолит и неолит Монгольского Алтая. Новосибирск.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Гунчинсүрэн Б., 2007. Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии (стоянка Толбор-4) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1.

Brantingham, P.J., Krivoshapkin, A.I., Li J., Tserendagva, Ya., 2001. The Initial Upper Paleolithic in Northeast Asia // Current Anthropology. Vol. 42.

В.Б. Доронищев

АНО «Лаборатория доистории», Санкт-Петербург

Кавказские источники в контексте раннего палеолита Западной Евразии

Стоянка Дманиси в Грузии сейчас является самым древним (1,8 млн. лет) и представительным по количеству каменных изделий и останков гоминид памятником Евразии. Индустрия чопперов и отщепов Дманиси близка пре-олдовану Африки в отсутствии ретушированных орудий на отщепах. Гоминиды Дманиси занимают промежуточное эволюционное положение между древнейшими людьми группы *H. habilis* и более развитыми *H. ergaster-erectus*, которые появляются в ископаемых источниках около 1,8 млн. лет. Древнейшие стоянки Европы, возраст которых превышает 1,0 млн. лет, документируют распространение индустрии чопперов и отщепов типа Дманиси в Средиземноморской Европе.

На Кавказе, кроме Дманиси, памятники этого типа не найдены, как и отсутствуют достоверные стоянки палеолита древнее 600 тыс. лет. На Кавказе не известны индустрии не только олдована, но и раннего ашеля, который в Западной Азии представлен единственной стратифицированной стоянкой Убейдия (1,4 млн. лет) в Израиле. В Южной Европе и на большей части Западной Азии, памятники раннего палеолита, датирующиеся от 1,0 до 0,8 млн. лет, документируют появление индустрии чопперов и ретушированных орудий на отщепах. Однако в Европе к северу от Альп и между Альпами и Кавказом достоверные сто-

янки гоминид неизвестны вплоть до начала среднего плейстоцена, или около 700–600 тыс. лет. Среднеашельская стадия ашельского технокомплекса, в интервале от 1,0 до 0,6 млн. лет, отмечает начало широкого распространения ашельских индустрий из Африки в Западную Азию и их проникновение (через Гибралтар) на Пиренейский полуостров в Европе.

Начало экспансии ашеля в Западной Европе отмечено первым появлением стоянок гоминид в умеренных зонах Европы, от юга Англии до Северного Кавказа. В интервале от 800 до 600 тыс. лет, в Европе к северу от Альп и между Альпами и Кавказом (включая Балканский полуостров) распространяются не-ашельские индустрии чопперов и орудий на отщепах. Они формируют пре-мустьерский технокомплекс индустрий. Он существует в Центральной (включая Балканы) и Восточной Европе (включая Северный Кавказ) до конца раннего палеолита около 200 тыс. л.н. В Восточной Европе и на Кавказе Треугольная пещера сейчас представляет единственный памятник палеолита, который достоверно датируется первой половиной среднего плейстоцена.

Позднеашельская стадия ашельского технокомплекса (от 600 до 200 тыс. лет) отмечена широким распространением ашельских индустрий в Западной Европе (на севере – до бассейна р. Рейн в Германии, на

юге – до бассейна р. По в Италии) и Западной Азии (включая Анатолию и Южный Кавказ). На Кавказе появление ашельских традиций изготовления рубил сейчас можно датировать около 350 тыс. лет (пещерные стоянки) или около 400 тыс. лет (местонахождения). На Южном Кавказе почти все стратифицированные комплексы позднего ашеля представлены пещерными стоянками и формируют (за исключением пещеры Цона) своеобразный локальный вариант – ашело-кудариев (в пещерах Азых, Кударо 1 и Кударо 3).

Технологическое развитие этого варианта ашеля можно проследить от 350 тыс. л. н. (слой VI Азыха) до почти 200 тыс. л. н. (Кударо 3 и верхние слои Кударо 1). Пещера Цона является самой поздней (около 200 тыс. л. н.) ашельской пещерной стоянкой на Южном Кавказе, индустрия которой резко отличается по составу бифасов от ашело-кудариев. Основанные на лавовом сырье ашельские местонахождения Армении и Грузии на Малом Кавказе формируют отличный от ашело-кудариев вариант позднего ашеля.

О.А. Дружинина

*Балтийский федеральный университет
им. И. Канта, Калининград*

М.А. Кулькова

*Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург*

Т.В. Сапелко

Институт озероведения РАН, Санкт-Петербург

И.Н. Сходнов

НИЦ «Прибалтийская археология», Калининград

Комплексные исследования стоянки Рядино 5 (Калининградская область)¹

В 2010 году были продолжены комплексные исследования стоянки Рядино 5 (предварительная датировка – поздний палеолит), открытой в 2007 г. на левом берегу р. Шешупе (Дружинина, 2009. С. 5). Вскрыто 20 кв. м памятника. В процессе работ были обнаружены участки с сохранившимся культурным слоем, получена коллекция кремневых предметов численностью около 2200 экз.

Изучение материалов раскопок позволяет сделать следующие предварительные выводы о комплексе кремневого инвентаря. Многочисленные находки продуктов расщепления свидетельствуют о том, что раскалывание кремня производилось на самом поселении. Для изготовления нуклеусов использовались, прежде всего, гальки различной формы из террасовых отложений реки. Кремь высокого качества, темно-серый и почти черный. Обнаружены нуклеусы трех форм – конусовидные одноплощадочные с круговым и односторонним фронтом скалывания (с сохранившейся желвачной коркой); подпризматические двуплощадочные; аморфные. Большинство нуклеусов – сильно сработанные, маленького размера.

Наиболее употребляемыми в качестве заготовок являлись изделия со средними размерами: отщепы 2,5–4 см, пластины 0,9–1,5 см; при этом обнаружены и крупные изделия, и микропластинки. Количество

отщепов более, чем в 4 раза превышает количество обнаруженных пластин.

Среди приемов вторичной обработки выделяются два – ретуширование и резцовый скол. Наиболее распространенным видом ретуши является затупливающая, нанесенная на спинку изделий. Техника резцового скола применялась для образования рабочей части резцов и обушковых площадок орудий.

Среди обнаруженных орудий большинство составляют скребки. Выделено несколько их типов: округлые, на средних и мелких отщепах, с плоской спинкой (иногда с галечной коркой) и с высокой спинкой, часто обработанные радиальными сколами; подчетырёхугольные вытянутые и укороченные; маленький сегментовидный скребок; концевые на разных частях пластин. В качестве заготовок резцов употреблялись пластины, сработанные нуклеусы, осколки кремня. У некоторых резцов нерабочие части боковых сторон обработаны крупной и мелкой ретушью. Обнаружено комбинированное изделие скребок-резец. Большинство пластин со следами использования и без вторичной обработки. Среди прочих выделяются острия и ножи. Найдено несколько микропластинок. В целом, прослеживается сходство отдельных черт орудийного комплекса стоянки Рядино 5 с позднепалеолитическими кремневыми комплексами ку-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №09-06-00150)

льтур Бромме и Аренсбурга на территории Литвы и Польши.

Данные геохимического анализа, проведенного на памятнике, дают возможность выявить зоны, связанные с природными процессами, а также различные функциональные зоны, обусловленные разными типами деятельности древнего человека. Зоны антропогенного влияния на площади памятника фиксировались по распределению значений компонентов антропо-

погенного характера (P_2O_5 , $CaO/(CaO+Na_2O)$, $Co_{rg.}$) и индекса химического выветривания (CIA).

Результаты палинологического анализа позволили провести реконструкцию локальных условий природной среды как в период существования стоянки, так и до прихода на рассматриваемую территорию людей. Полученные данные сопоставлены с данными спорово-пыльцевого анализа по территории Литвы.

Дружинина О.А., 2009. Отчет об археологических исследованиях (разведках) в нижнем течении р. Шешупе в Неманском

районе Калининградской области в 2008 году // Архив ИА РАН.

М.Н. Желтова

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Место каменных индустрий Костенок 4 в контексте верхнего палеолита Европы

Костенковско-Борщевский район расположен примерно в 40 км к югу от Воронежа, на высоком крутом правом берегу Дона, изрезанном глубокими древними логами, где издавна и по сию пору селились люди. О значении этого района для мирового палеолитоведения не требуется говорить подробно, это уникальное явление хорошо известно любому исследователю каменного века. Костёнки 4 (Александровская стоянка) занимают совершенно особое место среди верхнепалеолитических памятников Костёнковско-Борщевского района.

После фундаментальной публикации А.Н. Рогачева остался, тем не менее, неразрешенным ряд вопросов.

Во-первых, поскольку коллекция разделялась по горизонтам спустя некоторое время после раскопок, возникли определенные сомнения, насколько точно это можно было сделать на тех участках, где культурные горизонты были смешаны. Предложенные А.Н. Рогачевым критерии при ближайшем рассмотрении оказались недостаточно основательными.

Вторая проблема заключается в определении культурного контекста поселений верхнего и нижнего горизонтов и их индустрий. Жилища такого типа, как в верхнем горизонте, округлые в плане и с одним (пусть и сложным) очагом в центре, распространены достаточно широко во времени и пространстве. Это самая простая и функциональная форма, и за аналогиями далеко ходить не надо. Зато во всей археологии палеолита больше неизвестно ни одного жилища, подобного длинным домам нижнего горизонта. Их ни в коем случае нельзя поставить в один ряд с так называемым длинным жилищем Костенок 1, в реальном существовании которого возникает все больше обоснованных

сомнений. Вместе с тем и с трехочажным жилищем Пушкарей имеются существенные различия.

Что касается каменных индустрий, то общепризнано, что индустрия нижнего горизонта имеет ряд граветтийских черт. Тем не менее, культурный контекст ее совершенно не конкретизирован. В данной работе делается попытка определения степени сходства и различия индустрии нижнего горизонта Костенок 4 и граветтийских материалов из Ла Граветт.

Еще сложнее обстоит дело с индустрией верхнего горизонта, включающей помимо некоторых специфических типов кремневых орудий, большую серию шлифованных сланцевых изделий. Даже если признать правомерность отнесения ее к ориньякскому технокомплексу, это мало что дает для определения культурной позиции. Впрочем, надо отметить, что в последние годы на Русской равнине были обнаружены некоторые аналогии остриям александровского типа, до недавнего времени известным лишь в Костенках 4.

Исходя из представлений того времени, А.Н. Рогачев писал о том, что в Костенках 4 раннемадленский слой перекрыт солютрейским. И это было довольно трудно принять.

Сложность в понимании общей ситуации в большой степени была продиктована восприятием французской схемы хронологии верхнего палеолита. Если же отставить в сторону схему, то проблема переходит в другую плоскость, и, в сущности, проблемой быть перестает. Фактически, А.Н. Рогачёв имел это в виду, говоря об этнографических различиях в культурах палеолита. Именно изучение Александровской стоянки привело А.Н. Рогачёва к выводу о невозможности «перенесения на берега Дона западноевропейской схемы эпох верхнего палеолита».

Конечно, двусторонняя обработка в Костенках 4 не имеет отношения к солютре. Зато вполне резонным выглядит сопоставление материалов верхнего горизонта Костенок 4 с материалами слоев 36 и 38 Ложери-От Эст, начиная от характера заготовок (крупные пластины) и приемов вторичной обработки («протомадленская ретушь», оформление срединных резцов как излюбленный технологический прием), и кончая типологическим набором орудий. Но самое главное, что в этих же горизонтах, пусть в малом количестве содержатся аналогии существенным элементам индустрии нижнего горизонта – микропластинки с зубчатой ретушью, граветтийские острия, *pièces écaillées*.

Последнее обстоятельство ставит под еще больший вопрос правомерность разделения индустрии Костенок 4 на 2 горизонта сообразно типологическому набору орудий. Что касается сырья, то ситуация требует дополнительного изучения. На наш взгляд, не опирающийся пока на петрографические данные, здесь также нет твердых оснований для однозначного разделения.

К сожалению, на обширных территориях между Костенками и Ложери-От Эст похожих материалов пока не известно. Этого, пожалуй, мало, чтобы говорить о некоем «протомадленском» единстве, но вполне достаточно для того, чтобы рассматривать возможные пути миграций древнего населения.

Е.М. Инешин

Национальный научно-исследовательский Иркутский государственный технический университет, Иркутск

Проблемы археологии Северной Азии в рамках когнитивного проекта

Археология каменного века, в смысле принадлежности к парадигме, по-прежнему прибывает в ситуации науки начала XX века, когда в неё просто и не особо задумываясь привносили лексику, понятия и заимствовали методы естественных наук. На какое-то время это состояние может удовлетворять потребности в осмыслении быстро растущей фактуальной базы, но в конечном итоге приводит к растущим диспропорциям между применяемыми методами и необходимостью выработки адекватной природе археологического источника интерпретационной картины (Инешин, Тетенькин, 2010).

Многолетние исследования многослойных археологических объектов, погребённых в аллювиальных отложениях в бассейне Витима, помимо собственно археологических результатов позволили прийти к важным выводам теоретического и методологического характера: будущее развитие археологии должно развиваться в рамках когнитивного проекта. Элементы такого варианта исследований были опробованы в при раскопках многослойного археологического объекта Большой Якорь I на р. Витим. Результаты, полученные при этом, позволили перейти на качественно иной уровень анализа, например, техники расщепления бифасов до их нуклеарной стадии. В совокупности с пониманием временных (сезонных) и деятельностных рамок процессов расщепления камня это позволило прийти к выводу о связи самих процессов и их особенностей с сезоном, време-

нем обитания на стоянке и местом самой стоянки в сезонном охотничье-хозяйственном цикле древних обитателей. Хотя это повлечёт за собой и пересмотр оснований археологической периодизации, принципов выделения культур. По нашему мнению, именно в рамках когнитивного подхода удастся понять такую общую для Северной Азии проблему как расщепление бифасов вплоть до их микроварианта.

Помимо всего прочего, продолжающееся количественное накопление материалов, особенно в связи с растущими объёмами работ т. н. «производственной» археологии, приводит к «затовариванию», росту объёмов, массива не вводимых в научный обиход археологических материалов. Следствием этого является истощение «естественных запасов» археологических объектов и невозможности применения новых, более информативных методик к ранее раскопанным археологическим объектам из-за уничтожения археологического контекста в процессе раскопок.

Таким образом, позиция археолога в будущем научном развитии представляется нам позицией проектной. Проектность потребует и иных методов анализа, командной работы специалистов разного научного профиля, нового понятийного аппарата. Начало такому направлению положено на новой онтологической основе (Инешин, Тетенькин, 2010), позволившей осознать разномасштабность заниевых структур, необходимость выстраивания иной методологии научной работы.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем

плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск.

А.В. Кандыба

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Палеолитические индустрии Орхона в эпоху перехода от среднего к верхнему палеолиту

На современном этапе исследований анализ и введение в научный оборот археологических материалов памятников Орхон-1 и Орхон-7 позволяет подойти к решению многих проблем современного палеолитоведения Монголии. Это относится к динамике развития культурных традиций региона.

Палеолитические комплексы, относящиеся к эпохе перехода от среднего палеолита к верхнему, демонстрируют две хронологически и технико-типологически близкие друг другу индустрии. Первая, прослеженная на памятнике Орхон-1, отличается ярко выраженной леваллуазской традицией в первичном расщеплении. Но в то же время появляются признаки призматического скальвания. В орудийном наборе, помимо среднепалеолитических форм, отмечается появление верхнепалеолитических типов орудий, таких как проколки, скребки и др. В индустрии сколов пластинчатый компонент довольно существенен, что также отражается на заготовках для орудийных типов. Комплексы со сходными технико-типологическими характеристиками широко распространены на территории Монголии и связываются со второй миграционной волной человечества, носителями ашельской индустрии.

Несколько другая среднепалеолитическая индустрия памятника Орхон-7 демонстрирует параллельную систему расщепления при незначительном присутствии техники, направленной на получение пластинчатых заготовок. Орудийный набор представлен преимущественно группами скребел и зубчато-выемчатых изделий. Существенна доля бифасиально обработанных изделий. На протяжении среднего палеолита

та сходная технологическая традиция существовала на территории Центральной Азии.

Период ранней поры верхнего палеолита на территории Монголии связывается с распространением карабомовской индустрии. Местонахождение Орхон-7, относящееся к данному культурно-хронологическому этапу, характеризуется распространением плоскостного параллельного принципа расщепления с элементами призматического скальвания, направленного на получение пластинчатых заготовок. Незначительный орудийный набор фиксирует появление верхнепалеолитических типов, таких как долотовидное орудия, концевые скребки, при сохраняющемся доминировании скребел и группы зубчато-выемчатых орудий. При этом, можно утверждать, что подосновой орхонского ранневерхнепалеолитического комплекса является карабомовский вариант ранневерхнепалеолитической индустрии. Несмотря на некоторые вариативные различия индустрий раннего верхнего палеолита, которые, возможно, обусловлены локальными особенностями и функциональной направленностью деятельности населения, можно говорить не только о широком распространении пластинчатых индустрий, но и их дальнейшем развитии уже на основе местного сырья и существующих природно-климатических особенностей регионов.

Исследование орхонского палеолитического комплекса, относящегося к хронологическому диапазону 55–25 тыс. л. н., позволяет проследить развитие индустрии на финальном этапе среднего палеолита и переход ее в верхнепалеолитическую.

К.А. Колобова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Верхний палеолит Узбекистана: смена интерпретационной парадигмы

В настоящее время эпоха верхнего палеолита на территории Центральной Азии остается своего рода «белым пятном». Малочисленность известных на настоящее время памятников и проблематичность их стратиграфического и хронологического контекста

в значительной мере затрудняет интерпретацию культурных событий, происходивших в азиатской части Евразии в финале верхнего плейстоцена. В силу сложившейся региональной парадигмы, ряд исследователей сделали заключение о климатически обусловлен-

ной депопуляции региона на значительном хронологическом отрезке верхнего неоплейстоцена. Однако среди имеющихся в настоящее время региональных палеоэкологических данных нет четких свидетельств о столь значительном ухудшении экологической обстановки, обусловившей бы значительный перерыв в заселении древним человеком данной территории. В то же время детальные исследования культур верхнего палеолита, проводившиеся в других регионах Евразии, со значительной степенью вероятности указывают на центральноазиатское происхождение основных культурных традиций, в частности, европейского ориньяка. Таким образом, проблема малочисленности верхнепалеолитических объектов Центральной Азии (в частности на территории Казахстана, Туркменистана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана) скорее кроется в недостатках применявшейся полевой методики обнаружения новых стоянок.

Результатом применения международной археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН полевой раз-

ведочной методики, базирующейся на применении хроно-морфо-стратиграфических ГИС-моделей реконструкции палеоландшафта, стало открытие ряда новых многослойных верхнепалеолитических стоянок на территории Ташкентского оазиса и начало их исследования с использованием всего комплекса современной полевой археологии (с акцентом на естественнонаучное изучение и определение абсолютного возраста культурных отложений). Таким образом, в настоящий момент сложилась ситуация, когда стала возможна коренная смена подхода к интерпретации верхнепалеолитических индустрий региона, а также построение культурно-хронологической последовательности, охватывающей значительный этап каменного века от времени появления в регионе верхнепалеолитической культуры и до ее последующей трансформации (в результате эволюционного развития либо сторонних инноваций, обусловленных палеомиграциями или диффузией идей) в мезолитическую стадию каменного века.

М.В. Константинов

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет

Т.А. Константинова

Государственный архив Забайкальского края

Археологические исследования Г.Ф. Миллера в Забайкалье

В Госархиве Забайкальского края (ГАЗК) выявлены документы, свидетельствующие об одном из ранних по времени археологических исследований в России. Эти исследования проводились по заданию Петербургской Академии Наук профессором Г.Ф. Миллером в 1735 г. на реке Шилка в Забайкалье. Документы представлены в фонде Нерчинского воеводства; они определены как промемории (деловые письма) (ГАЗК. Ф. 10, Оп. 1, Д. 25, Л. 118–119). Они написаны Г.Ф. Миллером в Аргунском (Нерчинском) Заводе в 1735 г. и адресованы Нерчинскому воеводе Г.Ф. Дервнину.

В одной из промеморий речь идет об организации раскопок древних курганов. Ниже приводится полный текст документа с сохранением пунктуации и орфографии (но без сокращений, титло и выносных букв): «Промемория из Камчатской Экспедиции от профессора Академии Наук в Нерчинскую Воеводскую Канцелярию. Понеже мы ради изъяснения древней истории и ради исследований, какие в прежние годы в Нерчинском уезде народы жили, так же и ради собирания в Императорскую Кунст камеру древних любопытных вещей, за потребно разсудили, что некоторые из старых иноземских могиль раскопать,

и имевшиеся по левой стороне Шилки против Нижнего городища места, где таких могиль довольно находится, къ тому за наиспособнейшие признали: Того ради отправили мы для сего исследования команды нашей Студента Алексея Горланова с инструкцией, чтоб ему требовать от Нерчинской воеводской канцелярии шесть человек служивыхъ людей на вспоможение, да указ Городищенской слободы къ припащину, чтобъ ему давать на работу из тамошни жителей на каждой день по десяти человек мочных людей съ киркой и съ желтъзными и деревянными лопатами: А ежели таких снастей в Городищенской слободе не имеется то требовать бы ему оны от Нерчинской Воеводской Канцелярии. Нерчинская Воеводская Канцелярия да благоволят о всемъ вышеописанном чего он требовать будетъ, учинить по Ее Императорского Величества Указу Академии Наук Профессор Герардъ Фридрихъ Миллер своимъ и своих товарищей именем Герхардъ Фридрихъ Миллер Июля 15 дня 1735 году Съ Аргунских серебряныхъ Заводовъ.» На левом боковом поле листа сделана канцелярская помета: «№. 292 = июля 19 дня 1735 года чрез Студента Алексея Горланова». За текстом письма следует приговор Нерчинского воеводы Г.Ф. Дервнина:

«1735 году июля дня Получил съ Ее Императорского Величества в Нерчинскую Канцелярию Воевода Господин Гаврило Федорович Деревнинъ вышестоящую промеморию Слушай Приговоръ по сей оно промемории Для копки вверх по Шилке реке по левую сторону против Нижнего городища отправить шесть человек служивых людей и вы дать имъ из казны для той копки три лопатки железные две тупицы одну пешню ... а в Городище с припашену послать Указ в котором написать, чтоб ему по получении того Указа как прибудет в ту Слободу Студент Алексей Горланов со служилыми людьми и станет требовать для работы тамошны обывателей по десять человек на день мочных людей с переменной с тупицами железными и деревянными лопатами безо всякого задержания отправлять а се приготовить за ... Воевода Гаврило Деревнинъ» На левом боковом поле письма сохранилась канцелярская помета, о том, что эта запись сделана «1735 года июля 23 дня».

Приведенный документ свидетельствуют о том, что Г.Ф. Миллер организовал масштабные раскопки древних курганов, а Нерчинский воевода Г.Ф. Деревнин оказал ученым существенное содействие. Руководитель отряда Г.Ф. Миллер опирался на «Ее императорского величества Указ». Показательно, что ученый подписывал документы «своим и своих товарищей именем». К ним относились доктор медицины Иоганн Георг Гмелин, художник Иоганн-Вильгельм Люрсениус, переводчик, студент Илья Яхонтов, студент Алексей Петрович Горланов и студент Степан Петрович Крашенников (Миллер, 2005. С. 506). Из состава студентов к изучению древностей в наибольшей степени был причастен А.П. Горланов. Под его нача-

лом в раскопках погребений участвовали жители из Городищенской слободы, Нижнего городища (ныне с. Казаново Шилкинского района Забайкальского края) и соседних деревень, называемых в документе «припашину».

Архивные документы обнаруживают полное соответствие с научными публикациями Миллера. Так, в статье «О древних памятниках в уездах Селенгинском и Нерчинском» Миллер сообщал, что студентом Горлановым по его инструкциям у с. Городище раскопано 15 погребений, при этом в них был найден только один обломок черепа человека. Еще два такого же рода погребения тот же отряд раскопал на р. Уда в бассейне Селенги, обнаружив в них кости лошади. По описанию Миллера, раскопанные погребения можно было отнести к курганам только условно, поскольку они были обставлены вертикальными плитами, образующими ограды, ориентированными длинной осью по линии восток–запад (Миллер, 2005. С. 506–512).

В статье «Изъяснения о некоторых древностях, в могилах найденных» Миллер сформулировал идею о том, что погребения принадлежали кочевым татарам и мунгалам эпохи Чингис-хана; при погребальном обряде ими использовалось трупосожжение; отсутствие вещей в погребениях объяснялось изначальной бедностью народа; лошадиные кости свидетельствовали о суевериях, связанных с представлениями о жизни после смерти. Научные статьи, дополненные архивными материалами, подтверждают факт проведения Г.Ф. Миллером раскопок древних погребений на реке Шилка с глубоко осознанной научной целью – «ради разьяснения древней истории!»

Миллер Г.Ф., 2005. История Сибири. Издание третье. В 3-х т., М. Т. 1.

М.В Константинов

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет

Забайкалье: земля, проникнутая небом

Образное выражение «земля, проникнутая небом» принадлежит русскому философу Н.А. Бердяеву. Концепты «земля» и «небо» использовались им во многих сочинениях (Бердяев, 1985). Под «землей» имелось ввиду профанное, бытовое, жизненное; под «небом» – сакральное, духовное, культовое.

Археология способна поставить вопрос о том, когда «небо сошло с землею». Мерзлая земля за Байкалом сохранила уникальные памятники, свидетельствующие об обращении древних людей к небу (Константинов, 1994). На обширном по площади поселении Толбага, состоящим из ряда жилищ и относящимся к началу верхнего палеолита, найдена скульп-

птура головы медведя, выполненная из обломка позвонка шерстистого носорога. Исходя из возраста поселения, она относится к числу древнейших в мире (наиболее корректная дата – 34 860 ± 2100 л. н.) На скульптуре есть след от удара, что наводит на мысль об символическом акте умерщвления изображаемого зверя, что вполне соответствует традиции охотничьей магии.

Несмотря на обилие на поселении фаунистических остатков (лошадь, носорог и др.), костей медведя не найдено, что может свидетельствовать о табу на его добычу или же о правилах, заставляющих устранять кости медвежьего скелета с поселения

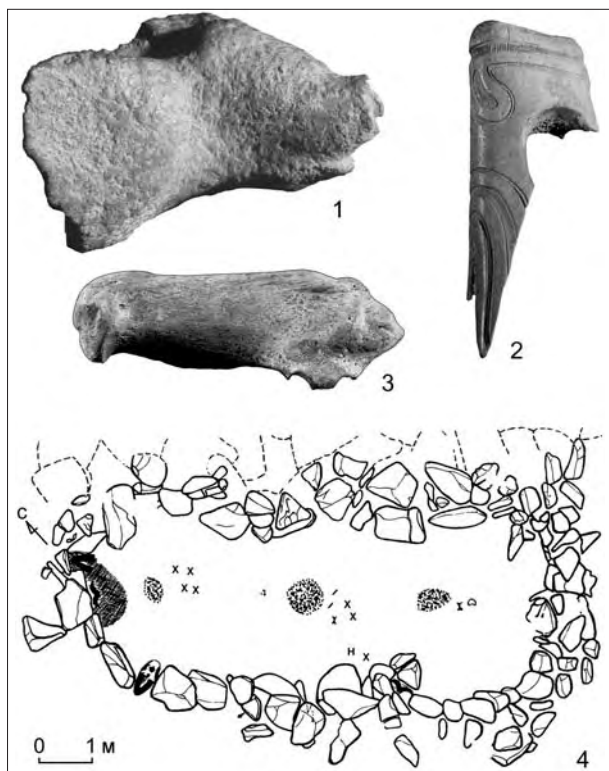

Рис. 1

1 – скульптура головы медведя, Толбага; 2 – жезл начальника, Студеное-2; 3 – скульптура головы лося, Студеное-2; 4 – жилище, Сан'ный Мыс

с последующим захоронением в отдаленном месте. Такие действия известны из сибирской этнографии. Скульптура имеет небольшие размеры (11×7,5 см), но сделана без проработки мелких деталей, что позволяет предположить: в мелкой пластике повторена крупная скульптура (натуральный макет), которая, возможно, была установлена где-то на краю древнего поселения с целью проведения магических обрядов. Скульптура, припрятанная в жилище рядом с очагом в небольшой ямке, могла восприниматься ее творцом-художником, равно как и всеми его сородичами, как оберег, спасающий от напастей и людей и жилище. Как таковая, скульптура свидетельствует о художественных способностях и абстрактном мышлении древних обитателей Толбаги, размышляющих о взаимоотношениях человека и животного на стыке реального и ирреального. Небезинтересен тот факт, что Толбага по характеру каменной индустрии весьма близка к Шуйдунгоу в Китае, изученному с участием П. Тейяра де Шардена, автора книги «Феномен человека». Исследование Толбаги также располагает к размышлениям о характере феномена раннего *Homo sapiens*, способного мыслить не только о земном, но и небесном. К тому же в Толбаге найдена не только скульптура, но и комплекс жилищ (1, 3, 4 и 12-очажных), не имеющих аналогов для начальной стадии верхнего палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии.

С жилищами, чьи основания с каменными обкладками прочно стоят на земле, а верха устремлены в небо, связан ряд моментов, распознавание которых по-

зволяет понять место человека в окружающем мире, его представления о пространстве и времени, о красоте природной и рукотворной. Не менее интересно обращение к поселению Сан'ный Мыс, где А.П. Окладниковым открыто первое за Байкалом палеолитическое жилище; после дополнительных геоархеологических исследований его возраст определяется в пределах 20–18 тыс. л. н. Обратим внимание на то, что жилище располагается у горы Тапхар, являющейся в геологическом плане останцом обтекания, и расположенной посредине необъятной по просторам впадины. И само по себе жилище на Санном Мысе особое: с массивной обкладкой из каменных плит, установленных на торцы, тремя симметрично расположенными кострищами по длинной оси, выразительными останками животных (череп носорога, рога винторогой антилопы и др.) и всего лишь несколькими кварцитовыми артефактами, которые могли использоваться при добывании огня.

Возможно высказать предположение, что жилище являлось скорее ритуальным, чем обычным бытовым. Расположенное в центре местного мира, оно посещалось охотниками по особым «небесным» случаям, при этом в качестве ритуальной наглядности в ход шли намеренно приберегаемые черепа и рога животных. Чистота и порядок в жилище, почти полное отсутствие кухонных отходов и орудий труда, ориентирует мысль в том же направлении. Тайное и сакральное, совершаемое в жилище, могло дополняться ритуальными действиями на соседнем скальном останце, который никак не мог быть оставлен человеком без внимания уже потому, что был удобен как смотровая площадка, откуда открываются прекрасные виды на р. Уда и бескрайние просторы, где-то вдали обрамленные горами.

Важные открытия «небесного» характера были сделаны на поселении Студеное-2. В аллювильной толще 2-ой террасы, на глубине порядка 6 м было расчищено жилище со следами обитания в виде очагов, разнообразных по назначению орудий, отходов производства и потребления. Особыми оказались две находки – жезл начальника и скульптура головы лося. Жезл начальника изготовлен из обломка рога северного оленя. Он фрагментирован косым изломом, его сохранившиеся размеры 2×4, 7×10 см. Поверхность жезла зашлифована, покрыта меандровым орнаментом и пропитана красной охрой. Изделие было прикопано в небольшой ямке сразу за внешней обкладкой жилища, что, возможно, связывалось с его изломом.

Голова лося выполнена из левой пяточной кости архара, сохраняет ее естественную форму, но пришлифована по всей поверхности, что придает ей некоторую художественную выразительность и допускает ритуальное назначение. Это изделие также была найдено за краем жилища. Вся совокупность находок, выявленных в Забайкалье, подтверждает, что палеолитический человек, осваивая земную твердь, был обращен к небесным началам, обеспечивающим полет мысли и твердость духа.

Бердяев Н.А., 1985. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. Париж.

Константинов М.В., 1994. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ-Чита.

А.В. Константинов, И.И. Разгильдеева
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского, Чита

Усть-Мензинский археологический комплекс: средняя пора верхнего палеолита

Усть-Мензинский археологический комплекс (Забайкальский край, Красночикойский район, 50°13'28" N, 108°37'31" E) изучается Чикойской археологической экспедицией Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского с 1980 г. (Константинов М., 1994; Константинов А., 2001; Константинов и др., 2006). Комплекс представлен рядом многослойных поселений, культурные горизонты которых относятся к периодам от мустье до раннего железного века. Наиболее представительны палеолитические горизонты. На поселении Усть-Менза-5, связанном с IV надпойменной террасой, в 4 культурном горизонте на контакте аллювия и делювия найдены артефакты, датируемые концом мустье. Палеолитические горизонты поселений Усть-Менза 1–4, которые связаны с I и II надпойменными террасами, относятся к эпохе сартанского оледенения в пределах 20,0–10,8 тыс. л.н.

Длительное время на Усть-Мензе не удавалось найти памятники, относящиеся к средней поре верхнего палеолита. Эту проблему удалось решить в ходе работ 2007–2010 гг. на новом поселении Усть-Менза-14 (Лагерная). Поселение связано с II надпойменной террасой Мензы (7,35 м над меженным уровнем реки). Первоначально поселение было выявлено и изучалось шурфом, который впоследствии был расширен до пределов раскопа размерами 5×6,5 м.

На поселении выявлен культурный горизонт, который связан с литологическим слоем V, с основанием перигляциального аллювия II надпойменной террасы. Он залегает на глубине от трех метров. Мощность культурного горизонта различна: определяется уклоном поверхности в сторону реки и сложным микрорельефом – наличием углублений-промоин, проходящих по мерзлотным клиньям полосами, пересекающими поверхность горизонта. Вмещающие отложения представлены прослоем хорошо отмытого, мелкозернистого песка белёсого цвета. Подстилает горизонт плотный слой серо-сизых илов. Раскопом вскрыта часть хозяйственного комплекса (видимые размеры 4×5,5 м), состоящего из речных валунчиков, галек,

скоплений артефактов. На одном участке площадью около метра прослеживались микровкрапления угля, вероятно в ходе дальнейших исследований возможно выявление очагов или кострищ. Поверхность практически всех артефактов сильно замыта. Анализ коллекции каменных артефактов в комплексе с микростратиграфией и планиграфией слоя, с учетом выраженной системы мерзлотных деформаций, позволяют говорить об общем хозяйственно-культурном контексте выявленных материалов и рассматривать их как единый комплекс.

Каменный инвентарь представлен крупными массивными изделиями (в основном галечными скреблами и отбракованными сырьевыми преформами-желваками), многочисленными первичными сколами и отщепами. Пространство открытой площадки структурировано камнями валунно-галечно-го типа, часть из которых использовалась в качестве отбойников и плит-наковален. Коллекция артефактов, планиграфия участка свидетельствуют об открытии фрагмента рабочей зоны с направленной деятельностью.

Характер первичных сколов указывает на использование местного сырья (метаморфизированные песчаники и сланцы, микрокварциты, кварциты, микросланцы, плохого качества яшмоиды). В то же время в коллекции имеется серия скребел и сколов из ортоклазовых риолитов, а также микросколы из качественных многоцветных яшм, халцедона, вулканического стекла, что косвенно указывает на существование изделий из них. Данные виды сырья не представлены в местных галечниках. Судя по всему, оно являлось приносным и, видимо, «дефицитным», т. к. использовалось крайне рачительно.

Коллекция каменного инвентаря насчитывает 1107 ед., из них: отщепы – 636 экз.; сколы – 227 экз.; чешуйки – 103 экз.; микропластинки и их фрагменты экз. – 10; 4 целые и 3 фрагмента пластин; оббитые желвачки и преформы – 26 экз.

К орудийному набору относятся 23 скребла на сколах, 2 концевых скребка; 10 обломков орудий с ретушированными рабочими кромками скребко-

вых форм; 8 сколов и отщеп со следами использования, вероятно в качестве ножей; 4 скобеля и комбинированное орудие скобель-нож; 2 долотовидных орудия; 2 отщепа с ретушью. Многочисленны галечные изделия, в первую очередь отбойники (40 экз.) и их фрагменты; 23 гальки, функциональное использование которых требует уточнения; 10 галечек-ретушеров из микропесчанников и микросланцев. Отмечается стандартизация форм галек-отбойников, при выборе сырья предпочтение отдавалось мелкозернистым гранитам (больше половины), кварцитам, метапесчанникам.

Состав артефактов, а также характер структуры культурного горизонта позволяет предполагать, что мелкий дебитаж был смыт интенсивным водным потоком, — отдельные чешуйки и единичные снятия обнаружены под камнями или по трещинам мерзлотных клиньев.

Константинов А.В., 2001. Древние жилища Забайкалья: Палеолит, мезолит. Новосибирск.

Константинов М.В., 1994. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. К всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996). Улан-Удэ-Чита.

В целом прослеживается полный технологический цикл — от первичного расщепления до получения и использования орудий. В рамках палеолитических горизонтов Усть-Мензинского георхеологического района впервые обнаружен комплекс с признаками стоянки-мастерской, где представлена биполярная техника расщепления на базе местного сырья. При этом, на фоне развитой микропластинчатой техники верхнепалеолитических горизонтов поселений Усть-Менза 1–4, эта индустрия выглядит достаточно архаично, что позволяет предположить более древний возраст культурного горизонта поселения Усть-Менза 14 (Лагерная). На основе стратиграфического положения и характера археологических материалов горизонт датируется временем от 20 до 24 тыс. л. н., начальной стадией сартанского криохрона (Карасёв, 2002. С. 61) и относится к средней поре верхнего палеолита.

Константинов М.В., Константинов А.В., Екимова Л.В., Разгильдеева И.И., 2006. Усть-Менза // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Новосибирск. Т. IV
Карасёв В.В., 2002. Кайнозой Забайкалья.

А.И. Кривошапкин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Индустрия грота Оби-Рахмат (Узбекистан) в контексте «комплекса современного поведения»

По мере интенсификации палеолитических исследований за пределами Европы, господствовавшая вплоть до последней четверти прошлого века в первобытной археологии стройная схема зависимости изменения типа материальной культуры от эволюции физического облика и ментальных способностей самого человека потеряла свою универсальность. Новые данные заставляют вносить весомые коррективы в сложившиеся концепции.

Так как переход от среднего к верхнему палеолиту на территории Евразии характеризуется значительным структурным изменением культуры человека, в последних исследованиях вводится термин «современный поведенческий комплекс». В это понятие включаются такие элементы, как переход к преобладанию сезонно-ориентированной преднамеренно-планируемой охотничьей деятельности (в отличие от преимущественного использования туш павших животных в эпоху среднего палеолита), заселение регионов с неблагоприятными климатическими условиями (высокогорья, пустынные и тундровые ландшафты); расширение обмена; систематическое произ-

водство орудий из некаменного сырья; преобладание экономически более эффективной пластинчатой технологии; расширение артефактного репертуара в связи с его стандартизацией и усилением функциональной специализации; выраженное проявление пространственно-структурного восприятия обживаемого пространства (в том числе выделение функциональных зон внутри поселений, усложнение конструкции очага); рост уровня мобильности групп, связанный, видимо, с появлением более сложных социальных структур; массовое появление символической и ритуальной активности.

Среди палеолитических местонахождений Центральной Азии, относящихся к финалу эпохи среднего палеолита и началу верхнего палеолита, уникальное место занимает грот Оби-Рахмат, расположенный на территории Республики Узбекистан в 100 км на восток-северо-восток от г. Ташкента, новый этап исследования которого, начатый в 1998 году, позволил провести атрибуцию обирахматской индустрии в рамках модели «современного поведенческого комплекса».

Миграции древнего населения Дальнего Востока России в эпоху камня (по результатам изучения источников обсидиана)

Одним из наиболее эффективных методов исследования доисторических контактов и миграций является определение места происхождения импортного инвентаря и путей его доставки. Наиболее надежные данные получены на основе изучения источников вулканического стекла (обсидиана) (Williams-Thorpe, 1995; Shackley, 2005). С 1992 г. проводятся систематические геоархеологические исследования источников обсидиана юга Дальнего Востока России – Приморья, Приамурья, Сахалина, а также прилегающих частей Северо-Восточной Азии (Kuzmin, 2010; Кузьмин и др., 2010).

В Приморье основным источником базальтовых вулканических стекол является Шкотовское плато на юге региона (источник «Базальтовое плато»; рис. 1). Вулканические стекла слагают корки закалки подушечных лав в нижних частях разрезов базальтовых покровов, а также встречаются в гналокластитах – стекловатых обломочных породах, образовавшихся при соприкосновении изливающейся лавы с водой. В результате водной эрозии обломки стекла поступают по склонам плато в русла рек, окатываются текучими водами и залегают на поверхности в виде галек. Именно они служили основным источником вулканического стекла отличного качества в древности. Вулканические стекла источника Базальтового плато широко использовались древними обитателями Приморья

с позднего палеолита, около 15000–10000 лет назад (далее – л. н.). Находки этого вида каменного сырья известны практически по всему Приморью (за исключением северо-восточной части), а также на юге Хабаровского края близ г. Хабаровска (рис. 1). Кратчайшее расстояние по прямой от источника до стоянок составляет в целом около 20–300 км, достигая в отдельных случаях 660 км.

Вторым по значимости источником высококачественного стекловатого сырья на древних поселениях Приморья являются обсидианы вулкана Пектусан, находящегося на границе современных КНР и КНДР за пределами России (источник «Пектусан»; рис. 1). Показательно, что на юге и в центре Приморья многие археологические памятники содержат в наборе артефактов изделия из обсидиана, происходящего из этого района (Кузьмин и др., 2010). Наиболее ранние свидетельства транспортировки обсидиана источника Пектусан в Приморье могут быть датированы финальным палеолитом, около 12 000–10 000 л. н. В неолите, особенно на его поздней стадии (зайсановская культура, датируемая около 5800–3000 л. н.), обмен обсидианом между районом источника Пектусан и югом Приморья был весьма интенсивным. Дистанция между источником Пектусан и археологическими памятниками Приморья составляет от 230 до 710 км (рис. 1). Пектусан был также важнейшим источником обсидиана для культур палеолита и неолита Корейского полуострова (рис. 1).

В Приамурье в качестве основного источника редких артефактов из вулканического стекла в комплексах неолита и палеометалла выступает, вероятно, источник «Облученское плато» на границе Амурской области и Еврейской автономной области (рис. 1). Здесь вулканические стекла найдены в коренных обнажениях базальтовых подушечных лав в районе пос. Облучье и в виде галек в русловом аллювии р. Хинган выше поселка. По геохимическому составу они близки археологическим образцам из Приамурья.

Вулканическое стекло использовалось древними обитателями Приамурья, начиная с раннего неолита (около 13 000 л. н.); расстояние от предполагаемого источника Облученское плато до мест его утилизации составляет от 65 до 700 км (рис. 1). Для Нижнего Приамурья известны случаи транспорта стекловатого сырья из более южных районов (источник Базальто-

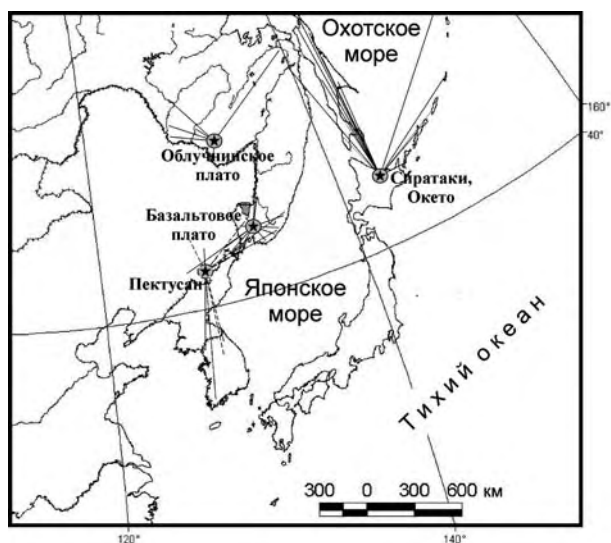

Рис. 1

Основные источники обсидиана на Дальнем Востоке России и в прилегающих районах (Kuzmin, 2010; Кузьмин и др., 2010).

вое плато; см. выше). В последнее время удалось установить наличие в Нижнем Приамурье обсидиана из источника Сиратаки (о. Хоккайдо; рис. 1) (Glascock et al., in press).

На о. Сахалин неизвестны источники высококачественного вулканического стекла; при этом в составе сырья палеолитических и неолитических памятников обсидиан составляет значительную часть (до 50%) на юге региона, тогда как в центре и на севере острова его доля минимальна (Кузьмин и др., 2010). Установлено, что все вулканическое стекло, использовавшееся для изготовления орудий, было доставлено на Сахалин с близлежащего о. Хоккайдо, в основном, из источников «Сиратаки» и «Окетто» (рис. 1). Возраст самого раннего памятника – Огоньки 5 – около 19400–17800 л. н. (Кузьмин и др., 2010). Использование обсидиана в качестве сырья на Сахалине практиковалось вплоть до эпохи палеометалла. Расстояние от источников на о. Хоккайдо до стоянок на о. Сахалин в позднем палеолите составляло от 250–300 км

в начале (около 19 000–18 000 л. н.) до 1000 км в конце (около 10 000 л. н. и позднее).

Важность полученных данных для археологии Дальнего Востока России состоит прежде всего в том, что инструментальными геохимическими методами в сочетании с данными других естественных наук надежно реконструированы масштабы, время и направления доисторических миграций. Это есть *прямые* свидетельства контактов людей из различных регионов, в отличие от археологических данных по типологии артефактов, которые в некотором смысле ограничены в возможностях реконструкций миграций и контактов. Установлено существование в каменном веке целого ряда обширных (не менее 500–1000 км в длину) систем обмена обсидианом на северо-востоке и востоке Азии: 1) на Сахалине и Хоккайдо; 2) на о. Кюсю – островах Рюкю – Корейской п-ове (Кузьмин и др., 2010); 3) на стыке современных КНР, КНДР, Республики Корея и России (с центром у вулкана Пектусан) (рис. 1).

Кузьмин Я.В., Попов В.К., Гласкок М.Д., 2010. Источники археологического обсидиана на юге Дальнего Востока России: пример междисциплинарного исследования // Человек и древности. М.

Glascock M.D., Kuzmin Y.V., Grebennikov A.V., Popov V.K., Medvedev V.E., Shewkomud I.Y., Zaitsev N.N. Obsidian provenance for prehistoric complexes in the Amur River basin (Russian Far East) // Journal of Archaeological Science (in press).

Kuzmin Ya.V., 2010. Crossing mountains, rivers, and straits: a review of the current evidence for prehistoric obsidian exchange in Northeast Asia // Crossing the Straits: Prehistoric Obsidian Source Exploitation in the North Pacific rim. Oxford.

Shackley M.S., 2005. Obsidian: Geology and Archaeology in the North American Southwest. Tucson.

Williams-Thorpe O., 1995. Obsidian in the Mediterranean and Near East: a provenancing success story // Archaeometry. V. 37.

С.А. Кулаков

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

О присутствии «ашеля» на Ахштырской пещерной стоянке (северо-западный Кавказ)

Два бифаса (рис. 1: 1, 2), обнаруженные С.Н. Замятниным в «нижнем мустьерском» 5 слое при раскопках Ахштырской пещерной стоянки в 1936–1938 гг., были названы «ручными рубилами», но однозначно рассматривались автором как «перезивание рубил на данной территории в эпоху мустье». Таким образом, первый исследователь не выделил ничего «ашельского» на памятнике.

Раскопки Ахштырской пещерной стоянки М.З. Паничкиной и Е.А. Векиловой в 1961 г. также дали в 7 слое «ручное рубило», которое, по мнению авторов, «сходно с ручными рубилами финального ашеля» (рис. 1: 3).

Однако Е.А. Векилова в итоговых статьях, посвященных её раскопкам Ахштырской пещерной стоянки в 1961–1965 гг., отнесла находки двух ахштырских «ручных рубил» (в 1965 г. было найдено ещё одно) (рис. 1: 3, 4) к «нижнему мустьерскому», «самому

древнему» слою 5а и первая высказала «предположение о позднеашельском времени первоначального заселения Ахштырской пещеры».

В.П. Любин в 1989 г., написал о связи «ашельского облика ручных рубил» с «охристо-красной и охристо-желтой глиной» – слой 7 и о «довюрмском возрасте этих находок». Ещё более определённо выразился об «ашеле» в Ахштырской пещерной стоянке В.П. Любин в монографии 1998 г. «Ахштырская пещера» рассматривается им как ашельский памятник, куда «первые ашельские пришельцы» заселились «во второй половине или конце среднего плейстоцена». Но наряду с этим, он высказывается о вероятной «связи ашельских орудий с останцами желто-бурого суглинка» и о смешении «ашельских орудий» с «мустьерскими материалами».

В настоящее время, наиболее подробно для Западного Кавказа «ашельская эпоха» рассмотрена в моно-

графии В.Е. Щелинского. «Ашельские находки Ахштырской пещеры» датируются автором «концом среднего плейстоцена, т. е. эпохой днепровского оледенения Русской равнины и OIS 6». Основное культурное своеобразие ашеля Западного Кавказа видится автором в переживании «ашельских традиций» до «начала последней ледниковой эпохи». Индустрии «ашельских памятников побережья» имеют «выраженный леваллуазский характер», отличаются «малочисленностью» «двусторонне обработанных орудий». «Возможно, региональной спецификой является наличие..., наряду

с рубилами, двусторонне обработанных обушковых ножей (кайльмессеров)».

Работы Причерноморской экспедиции ИИМК РАН в 1999–2008 гг. на Ахштырской пещерной стоянке предоставили некоторые новые данные для рассмотрения проявлений «ашеля» на памятнике. Согласно новым данным, представляется, что пещера стала доступной в среднем плейстоцене, около 200 тыс. л. н. Нижние слои колонки отложений – 9, 8 и 7, пещерные глины и галечник – пустые и стерильные – сформировались, скорее всего, ещё до того как

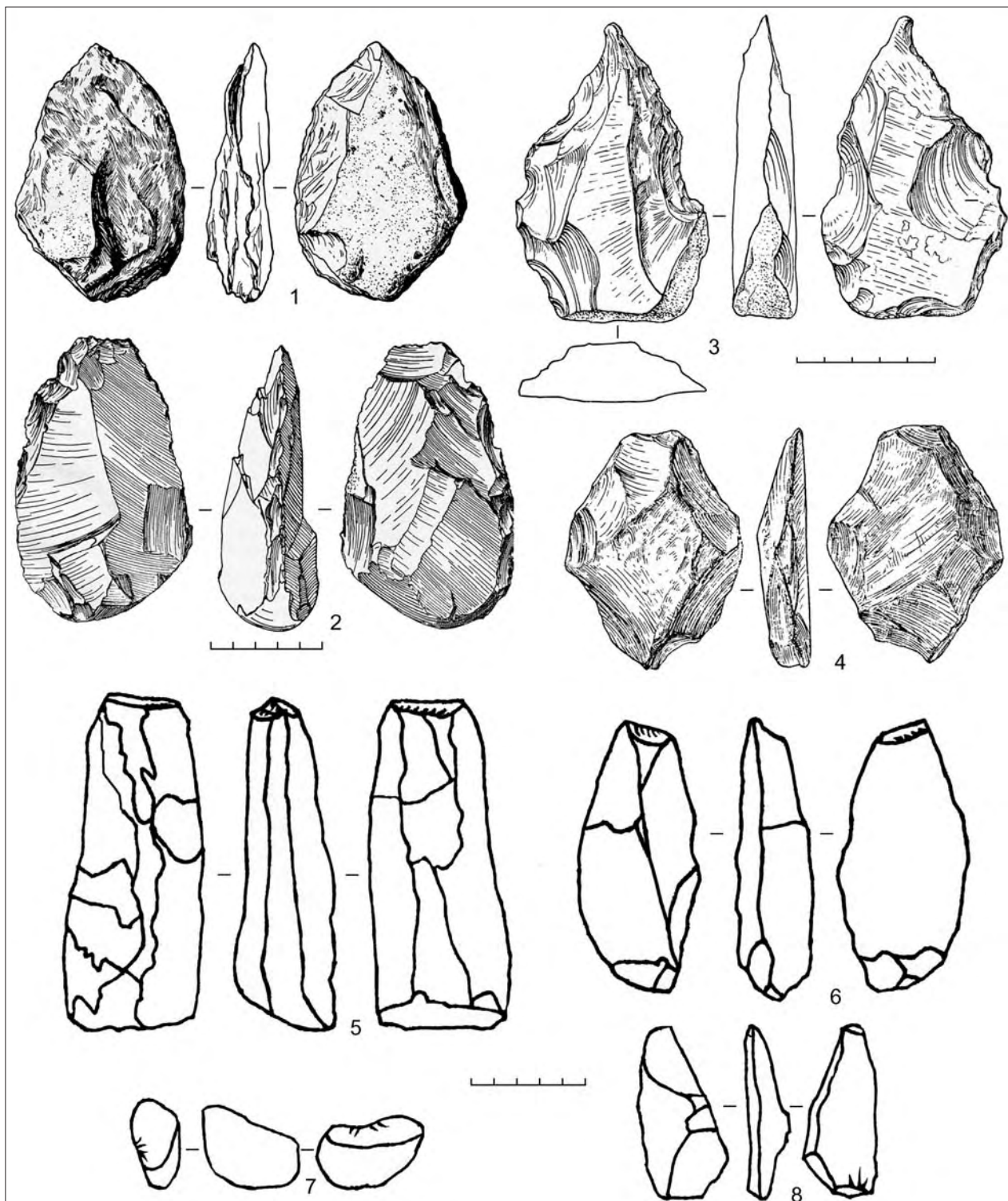

Рис. 1

полость была открыта рекой. Середина слоя 7 имеет РТЛ дату $306\ 000 \pm 61\ 000$ л.н. В слое 6/2 – сером и серо-сизом суглинке, залегающим в виде линзы, в раскопе 1999–2008 гг., было обнаружено четыре предмета, которые, возможно, имеют отношение к человеческой деятельности. Слой 6/1, сизо-коричневатобурый суглинок – достоверный уровень первоначального обживания и заселения пещеры человеком – демонстрирует нам теплые и влажные климатические условия, скорее всего, микулинского (рисс-вюрмского) межледникового. РТЛ дата $112\ 000 \pm 22\ 000$ л.н. для середины слоя 5/2, перекрывающего самый древний горизонт обитания человека в пещере, подтверждает межледниковую его позицию.

Археологические материалы в виде артефактов и манупортов впервые встречены в слое 6/2 на глубине до 530 см от репера. Этот слой, по всей видимости, формировался в промоине слоя 7 в условиях сильного обводнения пещеры.

Все эти предметы изготовлены из сходного сырья, предварительно определяемого как «сильно окварцованный доломит или известняк», которое имеет прямые аналогии в галечнике древнем и современном р. Мзымта. Отдельности сырья – гальки хорошо окатанные, разноразмерные, самой разнообразной конфигурации, в основном тёмно-серого, серого и зеленовато-серого цветов.

Все четыре находки имеют одинаковую степень сохранности. Они оглажены и слегка окатаны, все поверхности изделий покрыты очень прочной известкостойкой корочкой серого цвета, которая полностью скрывает морфологию вещей и практически не поддаётся очистке. Поэтому определение этих изделий имеет достаточно условный характер и их рисунки, в связи с этим, даны без точной прорисовки рельефа и направлений снятий сколов (без «волны»).

Два предмета коллекции, условно определяемые как «грубо рубящие орудия», крупные, удлинённые изделия разной морфологии, но имеющие сходную обработку зауженных концов – на одной из сторон готовится ударная площадка, с которой снимаются 2–3, приострающих край, скола (рис. 1: 5, 6).

Половина не крупной, уплощенной гальки имеет явные следы разбивания (рис. 1: 7).

Самое бесспорное изделие – краевой скол с обушком, на котором достаточно выразительно читаются остатки ударной площадки, точки удара с небольшим ударным бугорком и негативы предшествующих снятий на спинке скола (рис. 1: 8).

Все эти изделия имеют заведомо среднеплейстоценовый, до рисс-вюрмский возраст. Для какой-либо культурной атрибуции их слишком мало данных.

Что же касается «ашельских ручных рубил», то представляется наиболее оправданной точки зрения С.Н. Замятнина, Е.А. Векиловой и В.Е. Щелинского, связывающие бифасы Ахштырской пещерной стоянки со средним палеолитом. Чёткая стратиграфическая позиция этих 4-х изделий, по всей видимости, так и останется не выясненной до конца. Очевидно то, что эти бифасы залежали в слое, который имел желтовато-коричневую окраску и был достаточно влажным, т.к. поверхности орудий покрыты плотной жёлтой глинистой корочкой. С другой стороны, поверхности 3-х из четырёх изделий оглажены и даже немного окатаны, т.е. вещи явно находились воде, прежде чем археологизироваться.

Таким образом, вопрос о наличии в Ахштырской пещерной стоянке «ашеля» – ашельских уровней обитания остаётся пока не решённым. На данный момент можно утверждать, что на памятнике, скорее всего, есть немногочисленные артефакты раннего палеолита и несколько уровней залегания индустрий среднего палеолита.

Е.И. Куренкова, Ю.Н. Грибченко
Институт географии РАН, Москва

Особенности взаимодействия первобытного человека с природным окружением на различных этапах первичного заселения Восточной Европы¹

Этапы первичного заселения территории Восточно-Европейской равнины непосредственно связаны с циклами природных изменений позднего плейстоцена. Процессы взаимодействия человека каменного

века с природным окружением носили достаточно сложный характер. Вначале они, по всей видимости, определялись почти полной зависимостью первобытных сообществ от широкого спектра природных фак-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РФФИ № 10-06-00026

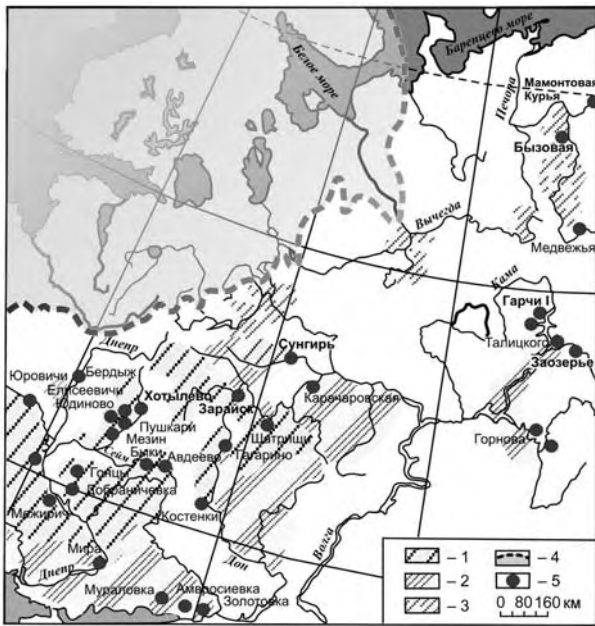

Рис. 1

Схема распространения позднелеистоценовых лессовых пород и расположение основных стоянок позднего палеолита. Условные обозначения: 1. – лессы максимальной мощности; 2. – лессы небольшой мощности и прерывистого распространения; 3. – лессовые суглинки (покровные); 4. – позднелеистоценовый ледниковый покров; 5. – основные позднелеистоценовые стоянки

торов. Первый из них, по нашему мнению, предполагает наличие открытых пространств, что, как показали многолетние исследования на позднелеистоценовых стоянках центральных районов Восточной Европы, было неременным условием успешного функционирования стоянок и миграций населения. Именно здесь, на пространствах, занятых перигляциальными степями и тундростепями, на устойчивых, бронированных многолетней мерзлотой, поверхностях могли существовать крупные млекопитающие – основной объект охоты. Здесь же могли достаточно долго функционировать стоянки человека, на которые, возможно, люди неоднократно возвращались. Примером таких объектов могут служить памятники, которые раньше считались однослойными, но в последние годы там выявляется наличие других культурных горизонтов, часто не очень четко проявляющихся и накладывающихся на нижний горизонт с находками (Авдеево, Зарайск, Пушкари, Юдиново и др.).

Основными признаками долговременного обитания сообществ поздней поры верхнего палеолита в различных регионах равнины является наличие остатков крупных костно-земляных конструкций (Межирич, Добраничевка, Мезин, Юдиново и др.). Особый характер эволюции процессов седиментации и рельефообразования на ограниченных стояночных участках являлся главным критерием их выбора для обитания человека. Степень его воздействия на структуру поверхности обитания и окружающие ландшафты были различны. Нарушения стабильности поверхности и процессов вызвали необходимость некоторого смещения зон активной хозяйственной деятельности либо в пределах одного геоморфологического

уровня, либо более значительные. Продолжительность функционирования стоянок в пределах небольших территорий в большинстве случаев оценивается только на основании данных радиоуглеродного датирования культурных слоев. Широкие диапазоны датировок могут быть связаны с разными причинами. Критериями их оценок могут быть только комплексные данные масштабных археолого-палеогеографических исследований памятников. Субъективное разделение имеющихся датировок на более или менее «достоверные», как и определение многоэтапности обитания стоянок только по группировкам датировок, без учета всего комплекса археолого-палеогеографических данных, часто приводят к противоречивым выводам.

Наличие в период развития валдайского оледенения стабильных поверхностей, скорее всего, создавало условия для дальних миграций в поисках новых мест охоты и расселения. Судя по имеющимся в настоящее время археологическим находкам, основные пути миграций первобытных сообществ были связаны с речными долинами бассейнов рек Десны, Оки и Камы. Эти территории относятся к областям распространения лессовых формаций, литологические свойства которых обеспечивали существование стабильных и благоприятных условий обитания человека в ледниковую эпоху. Такие сходства структур речных долин южных и центральных районов с бассейном Камы предполагают, что в продвижении к северу человек оставался в привычных ландшафтных условиях. Это позволяло таким группам первобытных «разведчиков» новых территорий проникать далеко на север по Предуралью. Именно здесь сконцентрированы находки следов пребывания людей позднего плейстоцена (стоянки Горново, Талицкого, Заозерье, Гарчи I, Медвежья, Бызовая, Мамонтова Курья и др. Пока здесь не выявлено долговременных стоянок или местообитаний со следами неоднократного посещения. Они указывают лишь на то, что в начале позднего палеолита, когда и в более южных районах существовали единичные стоянки, люди активно мигрировали в направлении севера Восточной Европы. При этом нельзя пока с уверенностью утверждать, насколько долго они задерживались в данной регионе. В этот период антропогенное воздействие на природное окружение было, на наш взгляд, минимальным.

Активное заселение севера Восточно-Европейской равнины, в отличие от уже достаточно плотно заселенных в палеолите центральных и южных районов, началось только на рубеже плейстоцена и голоцена. В результате формирования лесной зоны изменились типы хозяйства, характер взаимодействия мезолитических и неолитических сообществ с окружающей средой и пространственное разнообразие деятельности человека.

Пути миграций и расселения определялись речными долинами, что позволяло первобытным сообществам активно осваивать различные районы равнины. Многочисленные стоянки мезолита известны не толь-

ко в бассейнах Камы и Печоры, но и в Северо-Западных регионах, которые в палеолите были недоступны для первобытных охотников. Их заселение начиналось после освобождения от скандинавского ледникового покрова. Миграции сообществ мезолитической культуры (10000 – 7000 л.н.) в зону тундры давали им возможность сохранять, в какой-то степени, палеолитические традиции. Для обитателей расширяющейся лесной зоны требовалась адаптация к принципиально новым условиям природного окружения. Еще более воз-

растала контрастность хозяйственных особенностей неолитического населения северных регионов. Взаимодействие человека с окружающей средой в голоцене отличалось широким разнообразием, определявшимся выбором местообитаний, протяженностью миграций и специализацией охотничьего промысла. Это влияло и на степень антропогенного воздействия на окружающую среду. Важное значение имела продолжительность функционирования стоянок и возрастающая численность населения.

С.А. Лаухин

Московская государственная академия коммунального хозяйства и строительства и Российский государственный геологоразведочный университет, Москва

Изменение технико-типологических традиций как один из способов адаптации палеолитического населения Северной Азии к крупным перестройкам природной среды

Известна тесная связь формирования традиций изготовления каменных орудий поздних стадий позднего палеолита с важнейшими изменениями палеоклимата (и связанной с этим природной обстановки) в конце позднего плейстоцена Евразии (Деревянко и др., 2003). Уточнение времени в эволюции палеолита и изменении природной среды, которое стало возможно лишь в последние годы, показало связь изменений технико-типологических традиций с «критическими» событиями природной среды и в более ранние этапы плейстоцена, по крайней мере, в последние 300 тыс. лет.

В Европе и, вероятно, на юго-западе и юго-востоке Северной Азии с ухудшением природных условий палеолитическое население могло массово мигрировать к югу, чтобы возвратиться в более северные районы с улучшением природных условий. На большей же части Северной Азии пути на юг были закрыты ледниковыми покровами Памиро-Тяньшаньских, Алтае-Саянских и других гор Южного горного пояса. В этой части Северной Азии крупные изменения природных условий могли более чётко проявиться в изменениях технико-типологических традиций палеолита. Именно в этой части Северной Азии палеолитический человек испытывал максимальный прессинг в результате ухудшения природной обстановки, который приводил к гибели большей части населения и адаптации к новым условиям лишь наиболее приспособленной части населения. Адаптация могла выражаться в изменении как образа жизни, так и материальной культуры.

Выявлена связь во времени значительных изменений климата (на уровне ступеней в стратиграфии или изотопно-кислородных стадий в океане) с возникновением новых традиций в изготовлении каменных орудий. Обсуждаются причинные связи этих событий в изменении природной обстановки и техники изготовления орудий с позиции концепции изменения технико-типологических традиций изготовления каменных орудий в качестве адаптации палеолитического человека к изменениям природной среды в плейстоцене, по крайней мере, с 300 тыс. лет назад. Особенно заметные изменения технико-типологических традиций связаны с оледенениями, после больших (тобольское, казанцевское) межледниковий: в результате самаровского оледенения возникло мутье, в результате зырянского – поздний палеолит.

Во второй половине среднего плейстоцена важную роль в активизации адаптаций играли физические барьеры. Путь на север был закрыт покровным ледником, который на востоке достигал верховий Вилюя, а на западе – подпорным ледниковым озером-морем. В позднем плейстоцене важную роль играли экологические барьеры и, вероятно, демографическое давление. В связи с оледенениями, следовавшими за малыми межледниковьями (ширтинское, каргинское), происходили менее крупные изменения технико-типологических традиций в пределах, соответственно, мутье и позднего палеолита. Обсуждаются изменения природной среды, связанные с этими и менее значительными изменениями технико-типо-

логических традиций. Связь возникновения технологий разных стадий позднего палеолита с изменениями природной среды Северной Азии прослеживается более отчетливо благодаря как лучшей изученности эволюции природной среды конца плейстоцена, так и сравнительно большому количеству памятников

позднего палеолита. Для выявления таких связей в более ранние этапы плейстоцена данных недостаточно из-за единичности столь древних памятников палеолита в Северной Азии. Однако, возможность таких связей здесь всё-таки намечается для конца раннего плейстоцена.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Зенин В.Н., Лещинский С.В.,

Машенко Е.Н., 2003. Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. Новосибирск.

Л.В. Лбова, Д.В. Кожевникова, П.В. Волков
Новосибирский государственный университет,
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Музыкальные инструменты ранней стадии верхнего палеолита в контексте знакового поведения (материалы Забайкалья)

Музыкальная деятельность является одной из важных составляющих знакового поведения, характеризующего комплекс культуры и поведения человека современного физического типа. В силу скудности палеолитических находок, вопрос генезиса и эволюции музыкального творчества, его ранних этапов и распространение музыкальной культуры является дискуссионным в современной археологической литературе. Открытие серии костяных флейт и свистков в раннеориньякских комплексах Европы (в Бельгии, Франции, на юго-западе Германии (Швабия) и в Австрии), возможное присутствие и более сложных инструментов, указывают на существование устойчивых музыкальных традиций уже на рубеже 40 тыс. л.н. (Bolus, Conard, 2009; D'Errico et al., 2003). В общей сложности количество находок в Евразии, интерпретируемых как музыкальные инструменты, и в первую очередь флейты и/или свистки, ударные инструменты, трещотки, идиофоны и т.п. составляет более 230 ед. (Morley, 2003).

В археологических коллекциях, датированных ранней порой верхнего палеолита, на территории Сибири находки таких инструментов являются уникальными. При раскопках многослойного комплекса Хотык в западном Забайкалье (3-й уровень, возраст комплекса 30–8 тыс. л. н.) нами был обнаружен фрагмент изделия, находящегося в полных аналогиях с европейскими раннеориньякскими комплексами музыкальных инструментов (Лбова, 2000; Kuzmin et al., 2006; Conard et al., 2009). Предмет представляет собой обломок птичьей кости (лебедя?) с намеренно выполненным подпрямоугольным отверстием. На артефакте при трасологическом анализе выявлены как следы производства, так и следы утилизации изделия. В частности, было установлено, что рас-

сматриваемый артефакт представляет собой только фрагмент изначально более крупного изделия, хорошо заметны следы излома на одном конце предмета.

Помимо линейных следов, в том числе и размытых, на поверхности изделия выявлены и следы заполировки, образующейся от длительного контакта кости с «мягким органическим материалом», возможно, от контакта с рукой человека. Такого же рода заглаженность наблюдается и на бортах углубления канала пропила в зоне отверстия.

В археологическом контексте культурного горизонта опорного забайкальского местонахождения Каменка-А (даты 35–40 тыс. л. н.) были обнаружены находки, квалифицируемые как свистки и их фрагменты (Лбова, 2000). Особое внимание заслуживает относительно крупное изделие цилиндрической формы, изготовленное из фрагмента трубчатой кости гуся, имеющее уплощение с одной стороны. Визуально на поверхности отмечены технологические нарезки на торцах по всей длине окружности; поверхность изделия слегка заполирована. Наблюдается два ряда параллельных насечек, расположенных перпендикулярно к оси изделия. К следам утилизации изделия можно отнести участки заполировки на одном из торцов (прямого среза-слома) изделия и прилегающего к нему участка. Судя по характеру поверхности, такая заполировка могла образоваться от контакта с относительно мягким, эластичным органическим материалом.

Аналогичные изделия представлены двумя продольными фрагментами, обнаруженными в склепении изделий из кости. На поверхности одного из них два ряда насечек длиной 4 мм по три в каждом ряду нанесены перпендикулярно оси изделия. Следы ути-

лизации в виде заполировки прослеживаются так же только в зоне одного из торцов артефактов. Сопоставление «зоны износа» на выпуклой части и не подвергавшейся контакту с «эластичным органическим материалом» «внутренней» части артефакта, свидетельствует об относительно интенсивной утилизации изделия, аналогичной вышеописанному.

Интересный предмет был обнаружен в материалах еще одного забайкальского комплекса начальной поры верхнего палеолита – Подзвонкой (37–43 тыс. л.н.). Сам предмет определен автором раскопок как подвеска, но может иметь и другое функциональное назначение, например, служить аэрофоном. Фаланга газели просверлена с одной стороны; с другой сторо-

ны по краю отверстия в стенке кости видны лишь заломы, следов сверления не отмечено, сверление охарактеризовано как однонаправленное коническое (Ташак, 2009). В материалах верхнепалеолитических памятников Европы хорошо известны такие перфорированные фаланги оленьих, интерпретируемые как свистки-манки (Morley, 2003).

Появление музыкальных инструментов, как самых простейших, так и более сложных, развитие музыкальных традиций однозначно являются признаком комплекса и поведенческой стратегии человека современного физического типа и связываются с контекстом широкого спектра инноваций в культуре на ранней стадии верхнего палеолита Евразии.

Лбова Л.В., 2000. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ.
 Ташак В.И., 2009. Проявления символизма в каменных артефактах Подзвонкой // Социогенез в Северной Азии: Мат. 3-й научно-практической конференции. Иркутск.
 Bolus M., Conard N.J., 2009. What can we say about the spatial-temporal distribution of early Aurignacian innovations // Eurasian Prehistory. №5.
 Conard N., Malina M., Mynzel S., 2009. New flutes document the earliest musical tradition in southwestern Germany // Nature. №08169.
 D'Errico F., Henshilwood C., Lawson G., Vanhaeren M., Tillier A.-M., Soressi M., Bresson F., Maureille B., Nowell A., Lakarra J.,

Backwell L. & Julien M., 2003. Archaeological evidence for the emergence of language, symbolism and music – an alternative multidisciplinary perspective // Journal of World Prehistory. №17.
 Kuzmin Y.V., Lbova L.V., Jull A.J.T., Cruz R.J., 2006. The Middle-to-Upper-Paleolithic Transition in Transbaikal, Siberia: The Khotyk Site Chronology and Archaeology // Current Research in the Pleistocene. №23.
 Morley I., 2003. The evolutionary origins and archaeology of music // Darwin College Research Report DCRR-002. Cambridge University. Cambridge.

С.Ю. Лев

Институт археологии РАН, Москва

Зарайск В: некоторые итоги исследования памятника

Новая фаза изучения палеолитических культурных остатков на Зарайской стоянке связана с раскопками Зарайска В – памятника в тыльной части мыса, расположенного к северу от кремлевского (Зарайск А) и отделенного от него древним оврагом. Это поселение интересно тем, что здесь представлен исключительно верхний культурный слой, литологически связанный с верхней погребенной почвой, по общей археологической стратиграфии зарайских памятников эпохи палеолита. Нижележащие слои, характерные для Зарайска А, на нем отсутствуют. Несколько иначе выглядит здесь и геологическая стратиграфия.

Раскопанная площадь на стоянке Зарайск В составляет более 100 кв. м. Большая часть находок залегает в подошве гумусированного горизонта верхней погребенной почвы. Картина горизонтального и вертикального распространения находок свидетельствует об очень ограниченном отрезке времени, в течение которого была заселена данная территория. Спорно-пыльцевой анализ указывает на то, что культурный слой формировался в погребенной почве в условиях относительного потепления, наступившего после максимальной стадии валдайского оледенения.

Существенными характеристиками памятника являются непо потревоженность культурного слоя и структурированность планиграфического распределения находок. Здесь мы имеем дело с производственными процессами, протекавшими в достаточно сжатый период времени. Удалось восстановить технологическую цепочку расщепления, собрав значительную часть материалов путем ремонтажа. Это позволяет реконструировать не только детали повседневной жизни, но даже некоторые особенности поведения ее древних обитателей.

Орудийный набор представлен традиционными для костенковско-авдеевской культуры типами изделий. Это «ножи костенковского типа», производство, использование и многократная подправка которых проводилась на ограниченной площади; серия специфических пластинок с притупленным краем и обломок пера наконечника. Постепенно начинает вырисовываться специфика морфологии каменной индустрии, тогда как ранее отмечались лишь особенности в выборе сырья. Фаунистические остатки за редким исключением принадлежат мамонту; единично представлены кости волка, бизона и северного оленя.

Значение проведенных на этом памятнике исследований определяется тем, что здесь мы имеем дело с ненарушенными другими отложениями комплексом с четкой стратиграфической привязкой. Такого рода материал – залегающие в непо потревоженном состоянии объекты и предметы человеческой деятельности – является идеальным полигоном для проведения планиграфических реконструкций, позволяет по деталям восстанавливать жизнь поселения. Он важен, во-первых, как объект со структурно идентифицируемым планиграфическим распределением находок;

во-вторых, поскольку литологически сопряжен с верхней погребенной почвой, являющейся значимым литолого-хронологическим маркером; в-третьих, как наиболее молодой памятник костенковско-авдеевской культуры. Вопросы археологической стратиграфии изучаемого памятника имеют принципиальное значение для решения проблемы продолжительности существования на Русской равнине «восточного граветта» – культурного явления, объединявшего собой в среднюю пору верхнего палеолита пространства Центральной и Восточной Европы.

Е.В. Леонова, К.Е. Агеева, О.И. Александрова

Институт археологии РАН, Москва

Динамика культурных процессов в верхнем палеолите – мезолите Северо-Западного Кавказа (по материалам многослойных памятников навес Чыгай и пещера Двойная)

Исследования многослойных памятников каменного века навес Чыгай и пещера Двойная были начаты в 2006 и 2007 гг. соответственно. Памятники находятся в Губском ущелье (Краснодарский край, Мостовской район), на левом берегу р. Губс, расположены на расстоянии 30 м друг от друга, на высоте 44 м и 46 м над уровнем воды в реке (около 800 м над ур. м.). Оба памятника многослойные, до конца пачки культурных отложений еще не изучены, пока мощность исследованных отложений достигает чуть более 2 м. В навесе Чыгай изучены культурные слои поздней поры верхнего палеолита и мезолита и, вероятно, самые верхние содержат материалы эпохи энеолита. В пещере Двойная пока исследованы только мезолитические слои. В культурных слоях памятников также сохраняются изделия из кости и фаунистические остатки.

В составе каменного инвентаря мезолитических слоев обоих памятников примечательна довольно большая серия геометрических микролитов: сегменты и трапеции, единичные равнобедренные высокие треугольники. Из верхних слоев навеса Чыгай происходят три сегмента с гелуанской ретушью (литологические слои 2 и 3) (рис. 1: 1) и 2 параллелограмма, но в целом каменный инвентарь из этих слоев беден, видимо, небольшая высота навеса на этих уровнях обитания не позволяла вести активную хозяйственную деятельность на этой площади.

Из верхнего мезолитического слоя пещеры Двойная происходит также серия острий со скошенным концом (рис. 1: 6–11) и высоких «рогатых» трапеций

(рис. 1: 12, 13). Один экземпляр «рогатой трапеции» был найден и в навесе Чыгай, но вне стратифицированной части памятника (рис. 1: 2).

Каменная индустрия верхнепалеолитического слоя в навесе Чыгай имеет все черты присущие другим верхнепалеолитическим индустриям Северного Кавказа: в качестве ядрищ для заготовок использовались одноплощадочные нуклеусы, расщепление направлено на получение пластинок, среди орудий многочисленны концевые скребки, резцы, микролиты и острия. Свообразие кремневному комплексу из навеса Чыгай придает серия микропластинок с притупленным краем со скребковидным окончанием одного из концов (подобное изделие, но с двумя скребковидными концами, было найдено в верхнепалеолитическом слое 1–4 Мезмайской пещеры (Голованова, 2008), а также острий, у которой основание тоже оформлено в виде скребкового лезвия (рис. 1: 3–4). В верхнепалеолитическом слое навеса Чыгай найдено несколько изделий из кости, в том числе игла с прорезным ушком (рис. 1: 18).

Верхнепалеолитический слой навеса Чыгай разделен горизонтом обвала, связанного или с резким похолоданием, или с сейсмической активностью (литологический слой 12). Последнее предположение представляется наиболее вероятным, так как по данным палинологического анализа спектры, полученные из ниже- и вышележащих слоев практически идентичны (образцы 1 и 3) и рассматриваются как единый спорово-пыльцевой комплекс (рис. 1: 19). Горизонты обвалов и крупного обломочного материала

фиксируются ранее и на других верхнепалеолитических памятниках Губского ущелья, трактовка их была различна и неоднозначна.

Таким образом, разнообразие индустрий конца плейстоцена – начала голоцена, даже в пределах такого микрорегиона как Губское ущелье (пока еще не известно двух памятников с идентичным в культурном отношении каменным инвентарем), может быть связано с большой подвижностью небольших охотничьих коллективов в конце эпохи верхнего палеолита и в мезолите.

Ближайшие аналогии коллекциям инвентаря из верхнего мезолитического слоя пещеры Двойная и пятого слоя навеса Чыгай можно найти в материалах из

раскопок мезолитических памятников Кабардино-Балкарии (навесы Сосурко и Бадыноко). Единичные «рогатые» трапеции найдены в навесе Сатанай и на Чохском поселении, а также на памятниках Северного и Восточного Прикаспия и Средней Азии (бассейн р. Амударья) (Амирханов, 1986; 1987; Виноградов, 1979).

На основании типологического анализа каменного инвентаря, а также находок импортного сырья (обсидиана) удалось наметить направление миграций древнего населения из районов Приэльбрусья на запад в Губское ущелье в конце верхнего палеолита и в мезолитическую эпоху. Миграции в обратном направлении не исключены, но данных, подтверждающих такое предположение пока нет.

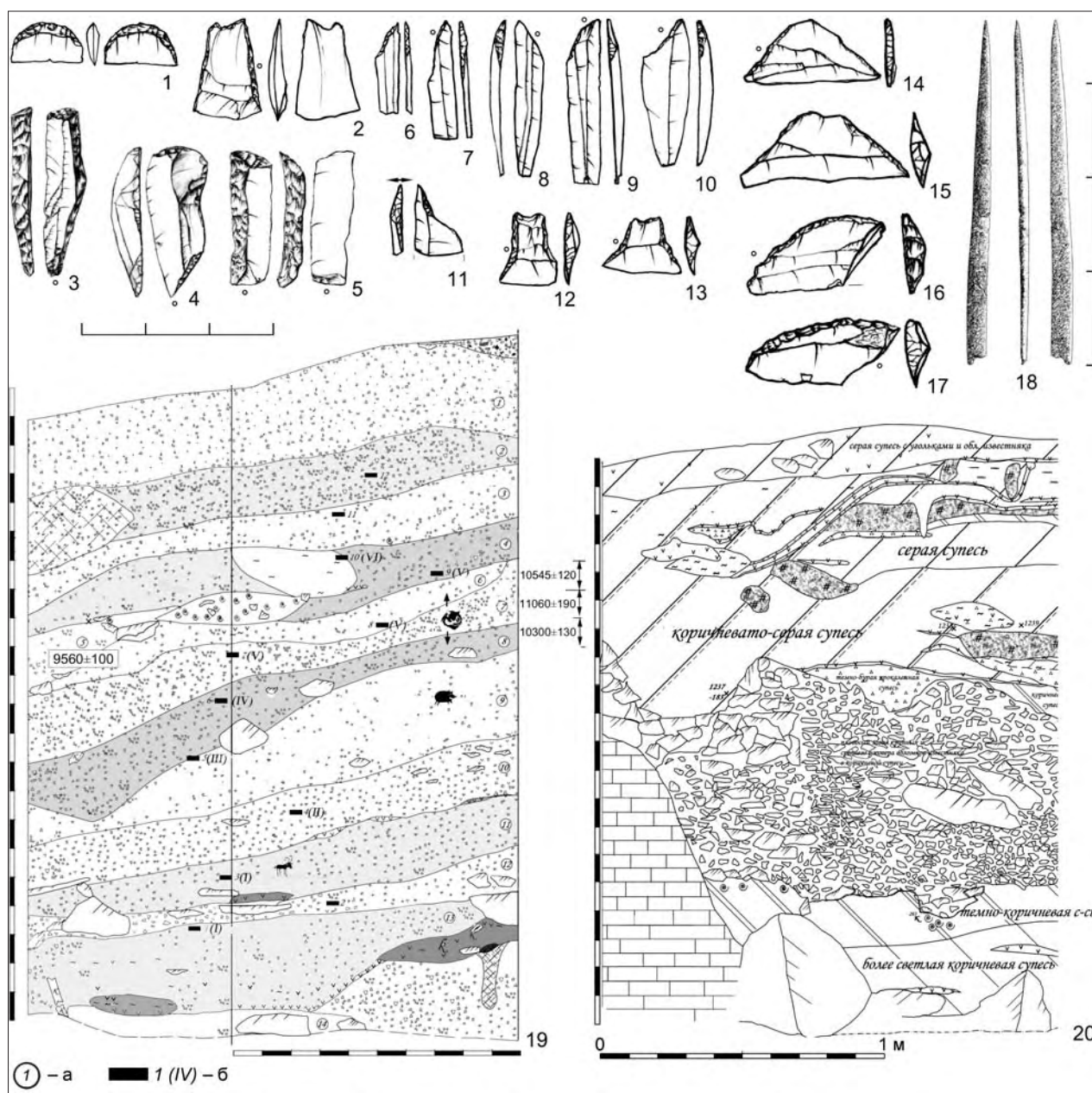

Рис. 1

Навес Чыгай и пещера Двойная: 1 – сегмент с гелуанской ретушью; 2, 12, 13 – «рогатые трапеции»; 3–5 – микролиты и острия со скребковидным концом; 6–11 – острия; 14, 15 – трапеции; 16, 17 – сегменты; 18 – костяная игла (1–5, 18 – навес Чыгай; 6–17 – пещера Двойная); 19 – стратиграфия навеса Чыгай; 20 – стратиграфия пещеры Двойная. Условные обозначения: а) номер литологического слоя разреза в навесе Чыгай; б) место и номер палинологического образца (в скобках спорово-пыльцевой комплекс).

Исследования проводились при финансовой поддержке РГНФ и Программы фундаментальных иссле-

дований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Амирханов Х.А., 1986. Верхний палеолит Прикубанья. М.
Амирханов Х.А., 1987. Чохское поселение. М.
Виноградов А.В., 1979. Исследования памятников каменного века в Северном Афганистане // Древняя Бактрия. Вып. 2. М.

Голованова Л.В., 2008. Об одной важной черте верхнего палеолита Кавказа // Наследие Кубани. Вып. 1. Краснодар.

Н.Б. Леонова

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

С.А. Несмеянов, О.А. Воейкова

Институт геоэкологии РАН, Москва

Реконструкция палеоландшафтов и систем природопользования юга Русской равнины

Характер палеоландшафтов и история их формирования во многом определяют специфику систем природопользования и жизнеобеспечения для ранних периодов человеческой истории. Особенности ландшафта позволяли выбирать места для рационального размещения базовых стоянок и временных лагерей, обеспечивающие людей водой, топливом, угодьями для разнообразной охоты и собирательства, возможностью обзора окружающей местности. Всхолмленные ландшафты – наиболее благоприятные территории для обживания их палеолитическим человеком.

Реконструкции систем природопользования включают изучение следующих территорий: места жительства; ежедневного регулярного посещения; частых однодневных вылазок для охоты и собирательства; дальних охотничьих экспедиций с организацией временных лагерей. Каждый тип палеорекопструкций предусматривает охват соответствующих по площади территорий и производится в масштабах, позволяющих отразить строение рельефа и ландшафтов. Меняющиеся задачи использования древним населением территорий должны находить отражение в легендах карт и схем, отражающих перечисленные реконструкции.

Реконструкции систем природопользования должны сопровождаться целым рядом разномасштабных и многоцелевых дополнительных реконструкций. Наиболее типичными из них можно считать исследования растительного и животного мира, способов охоты, видах собирательства, характера хозяйственной деятельности.

Район расположения стоянок Каменной Балки может рассматриваться в качестве стратотипического для верхнего плейстоцена Северного Приазовья, так как в результате многолетних исследований здесь со-

здана богатейшая источниковая база по палеоэкологии и археологии, которая представлена:

- датированными или коррелятивными аналогами всех подразделений общей шкалы верхнего нейоплейстоцена Восточной Европы;
- присутствием практически единственного в Северном Приазовье фаунистически датированного обнажения карангадской лиманно-морской террасы;
- палинологической датировкой всех аналогов подразделений верхнеплейстоценового периода;
- полноценным палеозоологическим анализом (на макро и микро уровне) фаунистических материалов стоянок.
- археологическими и абсолютными датировками поздневалдайских отложений.

Сочетание разнообразных и полноценных данных по палеоэкологии и археологии могут служить основой для построения модели системы природопользования в то или иное время обитания в этом районе (Леонова, Несмеянов и др., 2006)

Изучение памятников каменнобалковской культуры позволяет предложить следующую модель заселения этого района: базовая стоянка была расположена в низовьях балки Каменной на высоком борту долины (22 000 л. н. – 60–70 м; 15 000 л. н. – 50–60 м; 12–13 000 л. н. – 40–50 м над руслом палео-Дона). На ближайшей территории, посещаемой регулярно, существовало несколько маленьких стоянок-спутников (охотничьих и/или собирательских лагерей). Анализ распределения и состава фаунистических остатков на базовых стоянках этой культуры показывает, что разделка охотничьей добычи происходила вне поселений. Поэтому, опираясь на данные этноархеологии, мы можем с определенностью говорить о существовании специальных охотничьих мест забоя и разделки.

Район регулярного посещения, определяющийся размерами средней дневной охотничьей или собирательской вылазки, включал в себя часть аллювиальной пойменной равнины палео-Дона и прилегающую к ней с севера полого-холмистую правобережную возвышенность. Этот участок имел в плане форму, близкую к треугольной и ограничивался на юге расположением глубоких проток на пойме палео-Дона. Общая площадь этой территории вряд ли превышала 150–200 кв. км. (рис. 1)

Кроме того, население Каменной Балки пользовалось ресурсами и более отдаленных областей – кремневое сырье поставлялось из долины р. Миус, удаленной к западу на 120–150 км. Территории, охватывавшие хозяйственной деятельностью жителей стоянок Каменной балки, были достаточно велики, но использовались с разной частотой.

Периоды заселения стоянок были относительно теплыми с преобладанием или существенным присутствием лесных ландшафтов, что влияло на характер хозяйственной деятельности обитателей стоянок. Среди промысловых животных встречены как степные, так и лесные виды животных. Недавние трасологические исследования орудий показали высокий процент их использования для работы по дереву, ко-

торое использовалось для различных бытовых и хозяйственных нужд.

Археологическое изучение культурных слоев стоянок позволяет говорить о сложной планировке поселений, наличии производственных зон и жилых площадок, включавших легкие наземные жилища. Количество жилых площадок существовавших одновременно позволяет говорить о численности жителей поселения в определенный момент его существования. На стоянке Каменная Балка II (основной слой) мы можем с уверенностью говорить о единовременном существовании 5 жилых площадок, на которых, вероятно, могло проживать около 50–60 человек. Судя по мощности культурного слоя, сложности планировки, количеству фаунистических остатков, которые, судя по данным анализа зубного цемента, добывались в течении календарного года, наличие терочных плиток для растительных ресурсов можно говорить о достаточно оседлом и стабильном существовании людей в этом районе. Стоит добавить, что временной интервал заселения этого района носителями каменнобалковской культуры велик – с 21–22 до 13–11 тыс. л. н., что говорит о гибкости культурных адаптаций к существовавшим природным условиям.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А., 2006. Палеоэкология равнинного палеолита. (На

примере комплексаверхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье). М.

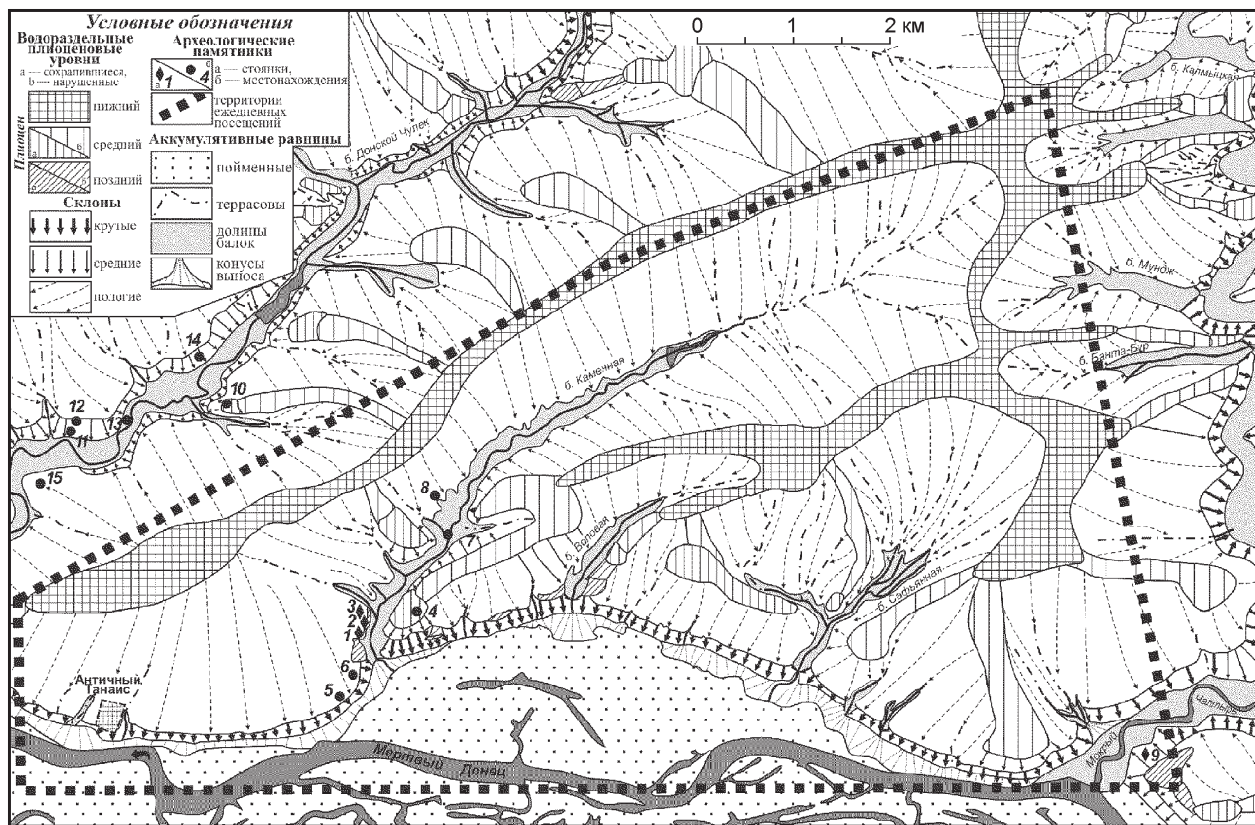

Рис. 1
Геоморфологическая карта распространения памятников каменнобалковской культуры

Новые данные о культурных связях граветтийского населения Костенковско-Борщевского района на Дону¹

На стоянке Борщево 5 открыт культурный слой, принадлежащий к граветтийскому технокомплексу, аналогии которого в «граветтийском эпизоде» 22–21 тыс. л. н. в Костенковско-Борщевском районе (КБР) слабо изучены. Костенковско-виллендорфский вариант (восточный граветт) – Костенки 1/1, 14/1, 13 и 18 с наконечниками с боковой выемкой и ножами костенковского типа, выглядит чужеродным борщевскому. В обеих индустриях остря различаются по заготовкам и вторичному оформлению. Аносовско-гмелинский вариант (Костенки 11/II и Костенки 21/III) категориально дублирует борщевский, но имеет иные остря с ретушированными краями и основанием («микрошательперроны»). К тому же, южный комплекс Костенок 21/III содержит инвентарь микролитовидного облика, с серией миниатюрных наконечников с боковой выемкой. Граветт Костенок 4/II специфичен: остря на пластинах имеют вид ассиметричных трапеций. Скребки – из отщепов, редко ретушированы по краям. МППК – прямоугольники с прямыми дорсально ретушированными концами. Известны и иные типы изделий, не характерные для Борщева 5.

Наиболее полный аналог – Костенки 9. Совпадают особенности первичного расщепления, направленного на получение пластин и микропластин, в том числе с торцово-клиновидных нуклеусов. Среди орудий преобладают МППК и граветтийские остря (микрограветты, флешетты). В микроинвентаре господствует поперечное вентральное оформление концов. Характерны угловые, ретушные и двугранные резцы на пластинах. Скребки в Костенках 9 и Борщево 5 выполнены из пластин и отщепов, часто имеют ретушированные края, субпараллельные и сходящиеся к основанию. Выразительны крупные листовидные остря из пластин и долото-

видные изделия на отщепах, шлифованные изделия из мягкого камня.

За пределами КБР некоторые параллели прослеживаются в хотылевско-гагаринской индустрии. Однотипные изделиям Борщева 5 резцы и скребки стоянки Хотылево 2 на Десне выполнены лишь на пластинах, хотя, в отличие от борщевских, не ретушированы по краям. Не характерны для Хотылево 2 долотовидные изделия и крупные листовидные остря. В микроинвентаре отмечается широкое применение вентральной ретуши для оформления концов острий и МППК, но отсутствуют флешетты. Характерно применение встречной притупляющей ретуши, не имеющей аналогий в Борщево 5. Инвентарь Гагарино на Верхнем Дону типологически более разнообразен. Здесь есть крупные листовидные остря и скребки на отщепах и пластинах, с ретушью по краям; микроостря представлены только граветтами, а наконечники с боковой выемкой выразительнее и миниатюрнее хотылевских.

Борщево 5 имеет прямые аналогии в позднем комплексе павловской культуры – Миловице в Чехии. Здесь тоже серийно представлены долотовидные изделия на отщепах и крупные листовидные остря: остроконечники с контурной ретушью и остря с вентрально ретушированными концами. Микроинвентарь включает граветты, вашоны и флешетты с вентральным оформлением насада. МППК имеют прямые, либо скругленные вентральной ретушью концы. Аналогии прослеживаются и на стоянке Кашов в Словакии, которая имеет два слоя с идентичным инвентарем. В Сербии комплекс типа Миловице представлен пещерой Салитрена Печина (4 к.с.). Таким образом, инвентарь Борщево 5 характеризует вариант граветта, который наряду с костенковско-виллендорфским, демонстрирует культурные связи населения Восточной и Центральной Европы.

В.П. Любин, Е.В. Беляева

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Открытие раннего ашеля на Кавказе

До последнего времени технико-морфологический анализ всех ашельских коллекций Кавказа гово-

рил о том, что в регионе представлена преимущественно поздняя стадия ашеля. Абсолютные даты и био-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 09-06-00239а.

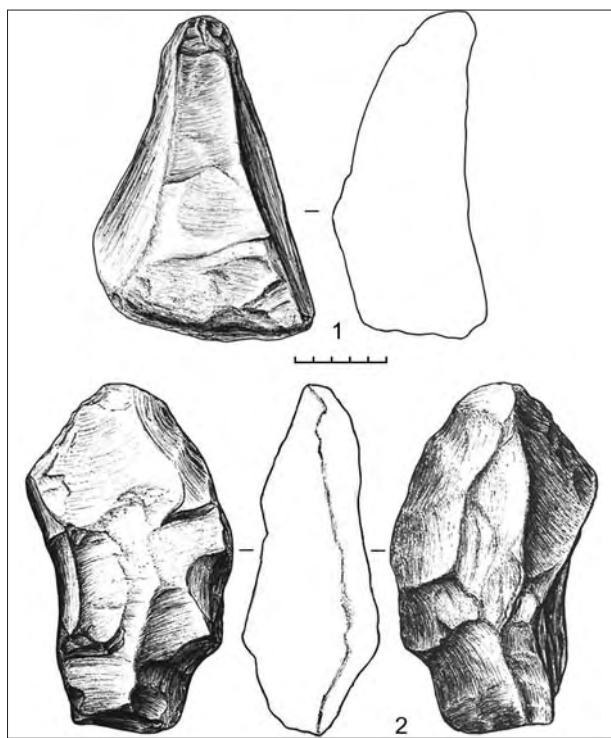

Рис. 1
Раннеашельские изделия из стоянок Лорийского плато (Армения). 1 – пик из отложений под пепловым слоем. Карахач; 2 – рубило с обушком из слоя 6. Мурадово.

стратиграфические показатели стратифицированных ашельских стоянок (пещеры Азых, Кударо I и III, Треугольная) указывали на возраст не древнее 0,6 млн. л.н. (Любин, 1998; Любин, Беляева, 2006).

Результаты начатых недавно работ Армяно-Российской экспедиции (рук. С.А. Асланян) существенно изменили прежние представления о времени появления ашеля на Кавказе и его последующей эволюции. На севере Армении (Лорийское плато) обнаружен новый район сосредоточения ашельских индустрий, базировавшихся на местном вулканическом сырье (дацит, андезит, риолит, базальт). Наряду с десятками местонахождений там открыты стратифицированные памятники (Мурадово, Карахач, Куртан, Даштадем 3) с разновозрастными ашельскими индустриями (Асланян и др., 2007; Колпаков, 2009; Любин, Беляева, 2010).

На стоянке Даштадем 3 маломощный слой четвертичных отложений, переработанных позднейшими почвенными процессами, доставил комплекс изделий,

определяемый как поздний ашель фации леваллуа. Уникальная колонка Мурадово позволяет увидеть разные этапы развития местных ашельских индустрий. Изделия из слоев 1–2 Мурадово относятся к позднему ашелю фации леваллуа, который представлен на стоянке Даштадем 3 и преобладает в коллекциях окрестных местонахождений. Принципиально иные технико-морфологические характеристики (отсутствие техники леваллуа, более грубые формы бифасов, наличие пиков) и сильная степень выветривания отличают индустрию слоя 3 (карбонатная почва), которая предвительно отнесена к среднему ашелю.

Слои 4–8 Мурадово представляют собой пролювиально-делювиальные отложения. Они впервые демонстрируют эволюцию раннеашельской индустрии (крупные пики и чопперы, грубые рубила), базирующейся преимущественно на плитчатых обломках дацитов флюидальной текстуры. Изделия из слоев 3–5 Мурадово сходны с индустрией, обнаруженной в карбонатных палеопочвах Куртана (слои 2–3). Наиболее архаичные материалы из слоев 6–8 Мурадово находят аналогии в изделиях, найденных в близлежащем карьере Карахач в слое вулканического пепла и в отложениях под пеплом. Уран-свинцовые даты пепла, получены по циркону в Центре изотопного датирования ВСЕГЕИ, находятся в интервале 1,68–1,9 млн. л.н. (Presnyakov et al., in press) и близки к датировке расположенной в 35 км к С-С-В ольдованской стоянки Дманиси (1,8 млн. л. н.) (Lumley et al., 2002).

Изложенные результаты исследований Армяно-Российской экспедиции в Армении позволяют говорить об открытии на Кавказе раннего ашеля, который сближается по возрасту с древнейшим ашелем Восточной Африки (1,5–1,6 млн. л. н.). Таким образом, новые материалы говорят о том, что ашель проник на Кавказ на самой ранней стадии своего развития. С другой стороны, раннеашельские индустрии Армении хронологически сопоставимы с ольдованской индустрией Дманиси и с недавно открытыми на Северном Кавказе (Тамань, Дагестан) индустриями, которые определены как ольдован и датируются по фаунистическим и иным данным в диапазоне 2,0–1,2 млн. л. н. (Амирханов, 2007; Щелинский, 2010). Следовательно, имеющиеся данные позволяют предполагать, что поначалу в регионе могли сосуществовать как ольдованские, так и раннеашельские индустрии.

Амирханов Х.А., 2007. Исследование памятников ольдована на Северо-восточном Кавказе. М.
Асланян С.А., Беляева Е.В., Колпаков Е.М., Любин В.П., Саркисян Г.М., Суворов А.В., 2007. Работы армяно-российской археологической экспедиции в 2003–2006 гг. // Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб. № 2.
Любин В.П., 1998. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб.
Любин В.П., Беляева Е.В., 2006. Ранняя преистория Кавказа. СПб.
Любин В.П., Беляева Е.В., 2010. Новые данные о раннем палеолите Армении // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб.

Щелинский В.Е., 2010. Памятники раннего палеолита Приазовья // Человек и древности. М.
Kolpakov E., 2009 The Late Acheulian site of Dashtadem 3 in Armenia // Paleoanthropology.
Lumley H. (de), Lordkipanidze D., Feraud G., Garcia T., Perrenoud Ch., Falgueres Ch., Gagnepain J., Saos T., Voinchet P., 2002. Datation par la methode Ar/Ar de la couche de cendres volcaniques (couche VI) de Dmanissi (Georgie) qui a livre des restes d'hominides fossiles de 1,81 Ma // C.R. Palevol, N 1.
Presnyakov S.L., Belyaeva E.V., Lyubin V.P., Rodionov N.V., A.V. Antonov, A.K. Saltykova, Berezhnaya N.G., Sergeev S.A. Age of the earliest Paleolithic sites in the northern part of the Armenian Highland by SHRIMP-II U-Pb dating of zircons from volcanic ashes // Gondwana Research. In press.

К вопросу о выделении сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая

Районом концентрации среднепалеолитических памятников в Сибири признается Алтай, где представлены пещерные (Денисова, Усть-Канская, Страшная и др.) и открытые стоянки на поверхности террас (Усть-Каракол I, Ануй I, III, Тюмечинский комплекс местонахождений), распределенные согласно «абсолютных» дат и относительной стратиграфии в интервале 133 – 50–40 тыс. л. назад. Среди них особняком стоят две многослойные пещеры (Окладникова, Чагырская), расположенные в низко- и среднегорной части северо-западного Алтая (Деревянко, Маркин, 1992; Деревянко и др., 2009).

Для технокомплексов данных пещер, из каких бы осадков они не происходили, характерен однотипный инвентарь, основанный, главным образом, на радиальном расщеплении горных пород, следствием которого является обилие сколов со смещением корпуса заготовки от оси снятия. В пещере Окладникова, помимо радиальных, представлены образцы ядрищ, отражающие технологии параллельного и леваллуазского раскалывания.

Типологической основой набора орудий являются скребла и орудия типа *déjeté*. Среди скребел большинство одинарных боковых и поперечных форм, меньше двойных параллельных и конвергентных орудий, единичны скребла с ретушью по периметру, уточненной спинкой, ретушью с брюшка и противоположащей отделкой. Выделяются скребла-ножи с разнообразными обушками. Орудия *déjeté* двойных и тройных комбинаций, различаются по количеству активных кромок, их ориентации, форме, отделке и углу схождения. Леваллуазские острия, а также единичные орудия верхнепалеолитической типологии (скребки, резцы, долотовидные орудия, проколки) представлены только в технокомплексах пещеры Окладникова.

Немногочисленные группы артефактов образуют зубчатые изделия, ретушированные анкоши, остроконечники. В пещере Окладникова представлены бифасы – обушковые формы с косым утолщенным краем (сл. 7, 3, 2), в Чагырской пещере обнаружены плоско-выпуклые бифасы овальных очертаний (подшва слоя 6б) с утолщенным основанием и уплощенной активной кромкой, образованной конвергенцией продольных краев. Из слоя 7 пещеры Окладникова происходит образец бифаса плоско-выпуклого сечения, с вытянутым рабочим участком, боковыми плечиками и забитой пяточной частью. Идентичной представляется в индустриях пещер и вторичная отделка, в равной степени реализуемая при органи-

зации рабочих кромок изделий и их дополнительных участков. В последнем случае речь идет о совпадении специфических приемов оформления обушков, различных утончений корпуса изделий, выделении их активных кромок.

В качестве сырья при образовании технокомплексов Чагырской пещеры использовались осадочные (песчаники, алевролиты-песчаники – 23% всех артефактов) породы, роговики (16%), эффузивы (27%) и яшмоиды (около 33%), среди которых большинство (29%) – высококремнистые яшмоиды засурьинской свиты. Сравнение пород с галечным материалом аллювия р. Чарыш, к левому борту которого приурочена пещера, свидетельствует о целенаправленном отборе сырья. В пещере Окладникова использование роговиков составляет всего 5%, большинство же изделий (65%) выполнено на осадочных породах – мелкозернистых песчаниках. Таким образом, однотипные наборы индустрий, представленные в пещерах, имеют существенные петрографические отличия, а сырьевой фактор следовательно не является основным при формировании подобного типа культуры в среднем палеолите региона.

В целом, структура технокомплексов обеих пещер характерна для среднего палеолита, развивающегося в сторону мустьерских черт, где руководящими формами артефактов являются, прежде всего, скребла разнообразных комбинаций. Сравнивая материалы данных карстовых стоянок с другими объектами (Денисова, Усть-Канская, Страшная, Усть-Каракол I, Ануй III, Тюмечин I, I) среднего палеолита Алтая, устанавливаются их принципиальные отличия в технологиях расщепления горных пород и в типологии набора орудий. Очевидно, что индустрии двух пещер, несмотря на некоторые отличия образуют особый вариант регионального среднего палеолита, для обозначения которого предлагается название «сибирячихинская индустриальная линия развития» (Деревянко, 2009; 2010).

В обеих пещерах представлены антропологические материалы в виде одонтологических остатков и частей посткраниального скелета. Антропологические остатки из пещеры Окладникова отнесены к неандертальскому виду представителей рода *Homo* (Krause, Orlando, Serre et al., 2007).

Индустрии в пещере Окладникова датируются в интервале 44800–33500 лет назад. Предварительный возраст Чагырской пещеры на данном этапе исследования определяется стратиграфическими показателя-

ми, согласно которым нижний горизонт осадков (слои 6а, 6б, 6в/1, 6в/2) разреза сопоставляется с тулинским

лессом (MIS 4), накопление которого приходится на ермаковское время (первая половина W1).

Деревянко А.П., 2009. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo Sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. Новосибирск.

Деревянко А.П., 2010. Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту на территории Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (43).

Деревянко А.П., Маркин С.В., 1992. Мустье Горного Алтая (по материалам пещеры им. Окладникова). Новосибирск.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкин В.С., 2009. Новый объект среднего палеолита на Алтае // Древнейшие миграции человека в Евразии: Мат. международного симпозиума. Новосибирск.

Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Hublin J.J., Hänni C., Derevianko A.P., Pääbo C., 2007. Neanderthals in Central Asia and Siberia // Nature. Vol. 449.

Е.Н. Мащенко

Палеонтологический институт имени А.А. Борисяка РАН, Москва

Состав групп и морфология мамонтов с памятников поздней поры верхнего палеолита Русской равнины

Рассмотрены данные о возрастном и половом составе групп и морфологии мамонтов (*Mammuthus primigenius*) из Гонцов, Зарайска, Юдиново, Межиричи. Используются сравнительные данные из местонахождений Севск (Брянская область), Тегульдэт, Волчья Грива, Мамонтовый ручей (Луговское), Шестаково (Западная Сибирь), Берелех и Аччгыгый Алаиха (Якутия).

Эти данные показывают наличие на памятниках верхнего палеолита Русской равнины всех возрастных групп – от новорожденных детенышей до взрослых и старых особей. По костям посткраниального скелета представлены преимущественно самки и детеныши разного индивидуального возраста. Остатки половозрелых самцов редки и составляют не более 10% от общего количества костей. Исключение составляет естественное местонахождение Севск, где, скорее всего, нет остатков самцов и представлены только особи одной семейной группы. Морфология зубов не отличается от таковой у мамонтов с одно-

возрастных памятников Среднего Поднепровья и бассейна Десны. В Тегульдете и Мамонтовом ручье наблюдается присутствие особей с относительно толстой эмалью и меньшим количеством пластин, чем на большинстве других памятников и местонахождений. Размерная изменчивость в популяциях Русской Равнины и Сибири в конце позднего плейстоцена близки к изменчивости популяции Севска. На таких памятниках, как Гонцы, Юдиново Межиричи скелеты некоторых особей сохранились на 35–45%, несмотря на редко встречающиеся фрагменты в анатомическом положении. Как правило, число особей на исследованных участках памятников не превышает 45–80-ти особей (Юдиново, Межиричи) или меньше – 17–40 особей. Сравнение с данными о составе групп других памятников сильно отличаются, т.к. последние основаны на остатках мамонтов из жилых зон, где производился искусственный отбор и сортировка костей, которая, скорее всего, не отражает реального состава группы.

М.Н. Мещерин

АНО «Научно-производственное объединение “Центр новых технологий”, Москва

Куналейская культура в верхнем палеолите Забайкалья

Уникальным явлением в верхнем палеолите Сибири предстаёт куналейская верхнепалеолитическая культура, эталоном которой считается одноимённое поселение. Куналей, расположенный в долине р. Хи-

лок (бассейн Селенги), открыт и изучался под руководством М.В. Константинова. К технологическим характеристикам культуры отнесены: 1) доминирующее использование в качестве основной

заготовки отщепов, полученных в процессе ситуационного расщепления («ортогональных нуклеусов»); 2) использование интенсивной формирующей («модифицирующей») вторичной отделки орудий; 3) подборка специфических типов инструментов – скребков, перфораторов, «долотовидных» на нуклеидных обломках.

Каменное производство базируется на местном сырье из транзитных галечников и имеет нестабильные свойства. Стратиграфическая позиция двух палеолитических горизонтов (2 и 3) на памятнике определена в зоне контакта раннесартанских-позднекаргинских отложений (МИС 2–3) в интервале от 30 до 20 тыс. л.н. Культурно-хронологическая позиция не имеет однозначного определения. По мнению М.В. Константинова, который уверенно различает морфолого-технологические характеристики горизонтов 2 и 3, куналейская культура развивалась в два этапа. Ранняя её фаза, залегающая в отложениях каргинского мегаинтерстадиала, рассматривается синстадиально толбагинской культуре с крупно-пластинчатой технологией. В ней наследуются традиции индустрий верхних отделов среднего палеолита, представленного Присковой. Аналогами Куналея (3) в Забайкалье признаны Каменка (Б). Поздняя – синхронизируется с «непластинчатыми» индустриями читканской группы и «пластинчатым» Санным Мысом (6, 7).

Н.Ф. Лисицын считал, что геохронология отложений Куналея (3) не выходит за пределы ранних интерстадиалов сартанского гляциала. Следует обратить внимание на особую позицию автора в оценках возраста начального этапа сибирского верхнего палеолита, который принимал даты толбагинской культуры, сближающие её с Малой Сьей и Сабанихой, в пределах 25–30 тыс. л. н. Стоянки средней поры («мальтинского этапа») – мелкопластинчатые индустрии с «ориньякоидными» чертами в Забайкалье определялись им также как на Енисее, первой половиной сартана. Согласно его представлениям, 20–17 тыс. л. н. процесс «микролитизации» каменного инвентаря Сибири «достигает ступени сходной с граветтийским эпизодом Европы».

Соотношение отщеповых и пластинчатых индустрий региона было проанализировано в связи с изучением монгольской стоянки Толбор 4 (бассейн р. Селенга), где в едином разрезе зафиксирована «интерстратификация» альтернативных технокомплексов. Нижние горизонты 5 и 6 позиционируются как «пластинчатый вариант РВП», аналогичный толбагинской технологии. В инвентаре перекрывающих горизонтов 4–1 отмечены процессы, схожие с куналейскими. Исследователи Толбора считают, что отщеповая индустрия выглядит «интрузивным» явлением, более поздним, чем пластинчатая культура. Вместе с тем, «интерстратификация» комплекса рассматривается в контексте гомогенных культурных процессов. Эволюция технокомплекса проявляется в трансформации

техники нуклеуса, а именно, возрастанием роли «ситуационного расщепления». К серьёзным инновациям горизонта 4 отнесены «торцовые нуклеусы» с клином-бифасом. Как следствие, изменяется формат заготовок в пользу измельчения и невыразительной мелкой пластинчатости. Это отчасти объясняет «переориентацию» индустрии на «отщеповое производство». Во вторичной обработке горизонтов 4–1 появляются единичные бифасы, вентральная подтёска, увеличивается число нерегулярно и частично ретушированных рабочих участков. Заметно увеличивается доля скрёбел, появляются «скрёбла высокой формы». Показательны серии концевых скребков на отщепках с сильно модифицированными формами заготовки, которые в забайкальском варианте определяются «куналейским типом». Выделяются специфические шиповидные инструменты, сформированные за счёт ретуширования, анкоша и усечения продольного края.

Подобные морфологические группы на хилокской стоянке средней поры верхнего палеолита Мастеров Ключ были определены как «резчики». К новациям справедливо отнесено появление «пластинок с притупленным краем». Можно согласиться с авторскими оценками общей характеристики Толбора 4, как первого примера смены «локальной культурно-стратиграфической последовательности». Очевидно, что в горизонтах 6–5 господствуют «удлиненнопластинчатые», в то время как в горизонтах 3–1 – «отщеповые» инструменты с элементами микрорасщепления. За горизонтом 4 оставлен «переходный статус». Остаются непонятными основания для отнесения «отщепового комплекса», радикально трансформировавшего индустрию, к отделу ранней поры верхнего палеолита региона. Существенным подспорьем в решении вопроса о стадиальной и культурной принадлежности горизонтов могли бы явиться абсолютно-хронологические данные по разрезу, которые пока, к сожалению, нам не известны. Полагая, что некоторые этапы развития куналейской культуры стадиально коррелируются с горизонтами 4–1 Тобора 4, мы вынуждены признать, что этот своеобразный технокомплекс принадлежит к иному, хронологически более молодому, явлению эволюции.

Культурные особенности Куналея очевидны. Вместе с тем, хронологическую последовательность горизонтов 2 и 3 уместно связать с более поздней стадией развития каменных индустрий, в сравнении с толбагинским временем. С точки зрения геохронологии, в аналогичном археолого-стратиграфическом подразделении группируются Мастеров Ключ, Читкан, Мельничное 2 в совокупности с Каменкой Б, Хотыком (2-3) и синхронными им памятниками бассейна Селенги. Феномен данных индустрий выражается во внешнем архаизме основных технолого-морфологических показателей в сравнении с «граветтоидными» индустриями Восточной Европы.

Результаты петроархеологических исследований в Забайкалье

За длительную историю изучения каменного века вопросам, связанным с характером сырья, применявшегося для производства каменных орудий, стали уделять особое внимание с 70-х годов XX века. Решать задачи на стыке геологии и археологии было призвано новое направление – петроархеология. В рамках этих исследований помимо минералого-петрографической диагностики сырья, использованного для расщепления, важной составляющей стало определение местонахождений кремня, освоенных древним населением, а также путей его транспортировки к археологическим памятникам (Demars, 1982; Dibble, 1991).

В России подобные работы проводились менее активно. Как правило, петрографическое изучение археологических коллекций не выходило за рамки определения использованных горных пород. На этом фоне особняком стоят работы В.Ф. Петруня, в которых он развивает направление на стыке геологии и археологии, причём к подобным исследованиям он был склонен применять термин археологическая петрография (Петрунь, 1990).

Автором, совместно с д. г-м. н. Г.А. Юргенсоном (ИПРЭК СО РАН), предпринята попытка изучения петрографического состава артефактов поздней поры верхнего и финального палеолита Усть-Мензинского археологического района (Константинов, 1994) с целью выяснения характера влияния каменного сырья на технологический уровень и морфологический облик этих индустрий.

Для оценки минерально-петрографической базы района была изучена выборка галечника в количестве 2000 экз. Согласно данным петрографического анализа набор горных пород, встречаемых в отложениях галечников современного возраста и плейстоценовых террас, а так же баланс между их группами в финальном плейстоцене–голоцене остались практически неизменным. Виды горных пород в выносах ручьёв полностью повторяют выявленный петрографический состав галечников террас в том же составе и близких долях. На основании этих данных, можно утверждать, что характер минерально-сырьевой базы Усть-Мензинского района *не претерпел каких либо видимых изменений на протяжении, как минимум, 25 тыс. лет, а основой галечников являются местные коренные породы, слагающие борта долины р. Менза*. Определено, что лишь незначительная часть этих горных пород вследствие высокого уровня адаптации палеотехнологии использовалась для производства орудий

(Мороз, 2008). Это кварц, лампрофир, кварцит, гранит, микросланец, микрокварцит и яшмоид. Баланс «местных» горных пород в индустриях памятников выглядит следующим образом: из них выполнено 27% орудий на Усть-Мензе I, до 30% – в индустриях Усть-Мензы II, до 80% – в горизонтах Усть-Мензы III. Индустрия Усть-Мензы IV основывается полностью на приносном кремне.

Важнейшим моментом является то, что горные породы и минералы, составляющие основу индустрий, такие как сургучная и серая яшма, кремь, халцедон, празем и горный хрусталь, не обнаружены даже в единственном экземпляре ни в одной из исследуемых выборок галечников этого района. Таким образом, перечисленные горные породы и минералы являются *приносными*. Изучение галечников низовий р. Менза не даёт возможности ответить на вопрос о происхождении халцедона, кремня и яшм, составляющих более 60% от числа заготовок орудий и нуклеусов, но для решения этого вопроса возможно привлечение данных о распределении месторождений и проявлений указанных существенно кремнезёмных горных пород и минералов на современном уровне их эрозионного среза и в россыпях.

Горные породы, слагающие окрестности усть-мензинских памятников радиусом не менее 60 км, представляют собой метаморфизированные древние осадочные образования и интрузивные магматические горные породы, что исключает наличие халцедона и высококачественного кремня в этом районе (Юргенсон, 2001). Ближайшая зона распространения миндалекаменных эффузивов, являющихся источниками халцедона и гидротермально-метасоматических кремней и яшмоидов, находится на западе по правобережью р. Хилок, как минимум в 150 км от Усть-Мензы. Вторая зона распространения эффузивов расположена на востоке, не менее чем в 170 км от Усть-Мензы. Реки Хилок, Чикой и Менза, являющаяся притоком Чикоя, относятся к Байкальскому водному бассейну. Наличие горных хребтов исключает водную транспортировку сырья из «западной зоны». Так же невозможен контакт с «восточной зоной», т. к. реки этого района относятся к Амурскому водному бассейну, а между Усть-Мензой и «восточной зоной» лежит Зачикийская горная страна.

Учитывая эти условия можно утверждать, что:

- 1) обитатели памятников Усть-Мензинской группы переносили халцедон, кремь и яшму на расстоянии 150 – 170 км и более;

- 2) теоретически существует два направления транзита из Западной сырьевой зоны, расположенной на расстоянии не менее 150 км, и из Восточной сырьевой зоны, расположенной на минимальном расстоянии 170 км от памятников (бассейн рр. Онон, Кыра и Агуца).
- 3) из-за малых исходных размеров отдельностей халцедона, кремня и яшмы каменные индустрии имеют микролитический облик, линейные размеры заготовок и орудий из которых по

длинной оси не превышают 6 см, в среднем оставаясь на уровне 4–5 см;

- 4) макроорудия и крупные сколы производились из местного сырья;
- 5) дефицит высококачественного сырья вынуждал к крайне аккуратному и рачительному обращению с орудиями из этих горных пород и минералов, что выражалось в постоянном переоформлении рабочего края последних, вплоть до полного истощения.

Константинов М.В., 1994. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ – Чита.

Мороз П.В., 2008. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья (по материалам стоянок Усть-Мензинского района). автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.06 / Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург.

Петрунь В.Ф., 1990. Петроархеология или археологическая петрография? // Материалы междунар. (XIII киевского) симпозиума по науковедению и научно-техническому прогнозированию «Современное науковедение и

перестройка Советской науки»: Методология, социология и прогнозирование науки. К. Ч. 1

Юргенсон Г.А., 2001. Ювелирные и поделочные камни Забайкалья. Новосибирск.

Demars P.Y., 1982. L`utilization du silex au Paléolithique supérieur: choix, approvisionnement, circulation // Cahiers du Quaternaire. N 5 (CNRS).

Dibble H.L., 1991. Local raw material exploitation and its effects on Lower and Middle Palaeolithic assemblage variability // Raw Material Economies Among Prehistoric Hunter-Gatherers. – Lawrence. University of Kansas Publications in Anthropology. N 19.

В.М. Новосельцева

Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН, Иркутск

Проблемы стратиграфии и хронологии палеолита Северного Приангарья по результатам работ на геoarхеологическом объекте Усть-Ёдарма 3

На геoarхеологическом объекте Усть-Ёдарма III, расположенном по левому берегу р. Ангара и по правому берегу р. Ёдарма, в Усть-Илимском районе Иркутской области, раскопные работы проводились под затопление ложа Богучанской ГЭС, на древней платообразной поверхности с абсолютными отметками 206–208 м УМО (21–23 м от уреза р. Ангара), которая на запад, к р. Ёдарме, обрывается отвесным скальным уступом, а на северо-восток к р. Ангаре, обращена склоном, микрорельеф которого образован многочисленными оползневыми уступами.

Четвертичные отложения, вскрытые в раскопе, представлены маломощной пачкой средних и тяжелых суглинков, мощность которых нигде не превышают 1,5 м. Под ними несогласно залегают сильно деформированные отложения древних кор выветривания, находящиеся между собой в различных сочетаниях переотложений. Отложения нижней части разреза деформированы неоднократным криогенезом и делювиально-денудационными процессами. Археологический материал трех культуросодержащих

уровней был зафиксирован по всей толще рыхлых отложений.

Первый культуросодержащий уровень зафиксирован в остатках фрагментарно сохранившейся голоценовой почвы. Культурно-хронологическое определение археологическим материалам из голоценовых отложений может быть дано только в самом первом приближении по имеющимся типам керамики и означено эпохой позднего бронзового – раннего железного веков.

Археологический материал второго уровня, перетолженный делювиальными процессами, зафиксирован на глубине 30–80 см от дневной поверхности, в отложениях суглинистой пачки по кровле криогенных инволюций, в заполнениях криогенных трещин и между ними.

Коллекция каменных артефактов второго уровня по степени сохранности рабочих поверхностей неоднородна. В ее составе присутствуют предметы, в ко-

личестве 25 единиц, подвергшиеся пескоструйной обработке. В составе коллекции коррадированного материала немногочисленные нуклеусы представлены монофронтальными одно- двухплощадочными, выполненными на гальках. К орудийной группе отнесены: два острия, одно из них оформлено на высоком в сечении кремневом сколе; другое острие, выполнено на кремневой двухгранной пластине. Также, среди коррадированных изделий выделены: двойное продольное скребло и скребло высокой формы на уплощен-

ном валуне (рис. 1: 2). В коллекции есть три фрагмента унифасиальных изделий, и 13 артефактов представлены продуктами дебитаж.

В некоррадированной группе числится 233 каменных артефакта. Фракция нуклеарного расщепления содержит нуклеус терминально-краевого принципа расщепления для микропластин, плоскофронтальный биполярный нуклеус, нуклеус однофронтальный одноплощадочный веерообразный, к нему в процессе обработки материала был апплицирован один

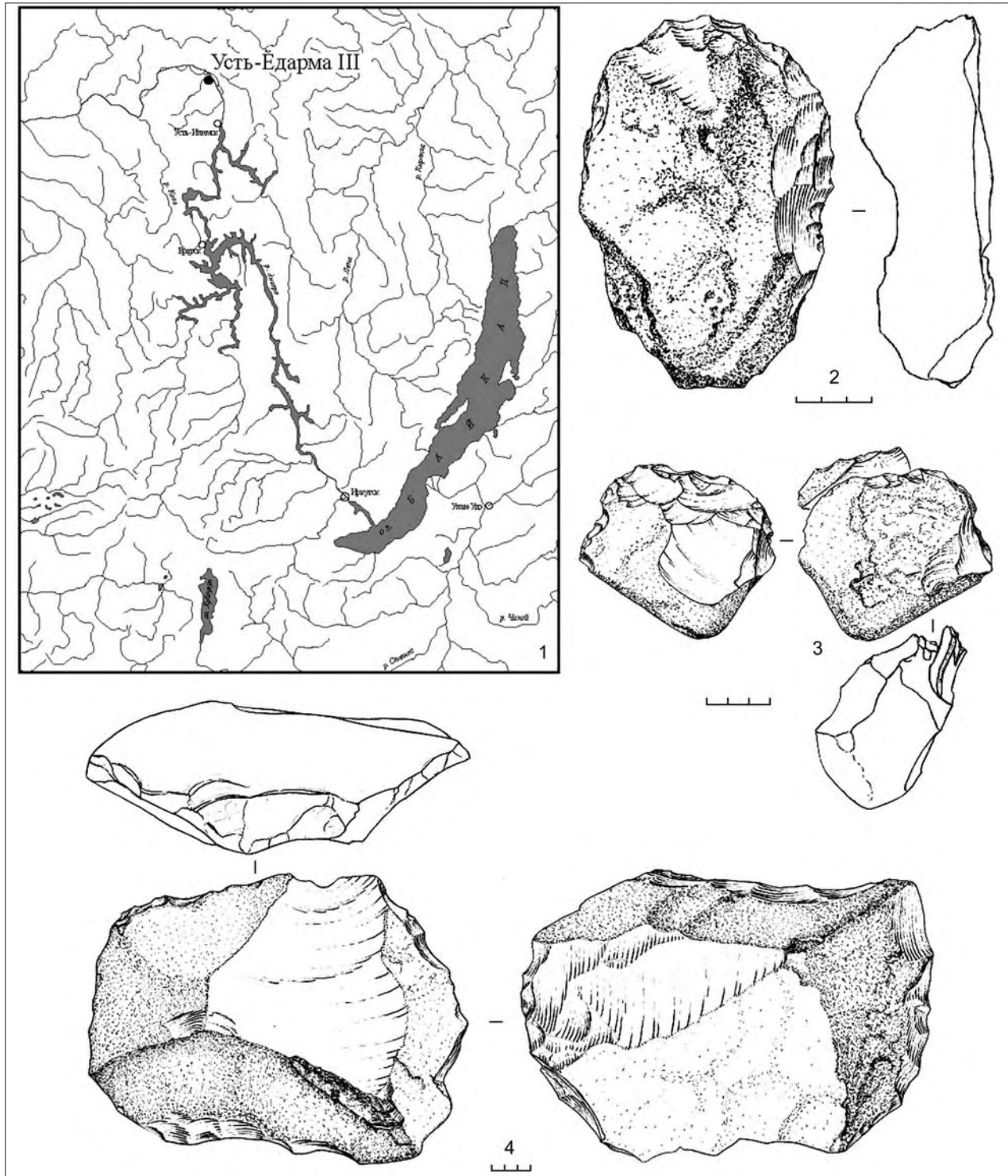

Рис. 1
Усть-Ёдарма III: 1 – месторасположения георхеологического объекта Усть-Ёдарма III; 2 – скребло; 3–4 – нуклеусы; (2–3 – 2-й культуросодержащий уровень; 4 – 3-й культуросодержащий уровень)

отщеп (рис. 1: 3). В планиграфии разброс между нуклеусом и сколом составил до 12 м. Еще один нуклеус в коллекции трехплощадочный трёхфронтальный с сопряженными фронтами.

Среди изделий зафиксированы: бифас, долото-видное изделие, два остроконечника на пластинах и два изделия на пластинах с краевой ретушью, скребель, скребла и скребки, различные фрагменты изделий. Продукты дебитажа представлены классическими фракциями, отщепами, пластинами и фрагментами пластин.

Териофауна второго уровня представлена фрагментами нижней челюсти с зубами и костью нижнего ряда запястья, принадлежащие снежному барану (*Ovis nivicola*), фрагментом тазовой кости ископаемой лошади, фрагментами костей крупных копытных, фрагментами рога оленя (*Cervidae gen.*) и фрагментом пяточной кости первобытного бизона (*Bison priscus*). Также среди фаунистических остатков фрагмент зуба шерстистого носорога (*Coelodonta antiquitatis*) и фрагменты зубов ископаемой лошади (*Equus sp.*). На данной территории кости снежного барана обнаружены впервые. Результаты определения таксонов позволяют говорить о плейстоценовом возрасте фауны. Важным биостратиграфическим показателем возраста второго горизонта является наличие в коллекции шерстистого носорога.

Третий культуросодержащий уровень залегания археологического материала в стратиграфии зафиксирован на кровле элювиальных отложений (коры выветривания скального основания), представленный щебнистым и дресвяно-щебнистым материалом туфов и долеритов под полутораметровой, сильно де-

формированной криогенезом, верхнеплейстоценовой толщей отложений. Немногочисленный археологический материал, на поверхности которого отмечается высокая степень корразии, вплоть до изменения первоначального рельефа и сглаживания мелких и средних негативов шести каменных артефактов, представлен нуклеусом (рис. 1: 4), двумя фрагментами пластин из кремня и отщепами.

Фаунистические остатки представлены двумя фрагментами кости крупного копытного и фрагментом зуба ископаемой лошади (*Equus sp.*).

На основании выделенных коррадированных и некоррадированных групп каменных артефактов предварительно можно сказать, что археологический материал 2 уровня разновозрастный и имеет, по меньшей мере, два уровня хроногенерации. Комплекс коррадированных артефактов, как минимум, однажды оказывался на открытой поверхности в условиях воздействия палеоклиматических экстремальных ситуаций и в сартанское время был включен и погребен в составе рыхлых отложений вместе с более поздним материалом.

Галька и щебень коры выветривания в литологическом составе, представленные осадочными и вулканогенно-осадочными породами, служили источником сырья для производства орудий на протяжении верхнего неоплейстоцена и голоцена. Артефакты, находившиеся на поверхности галечника, оказались включены в состав рыхлых отложений верхнего неоплейстоцена–голоцена и переотложены по вертикали и по горизонтали криогенными процессами. В заключение можно сказать, что Усть-Ёдарма III – одно из немногих местонахождений коррадированных артефактов в Северном Приангарье.

А.К. Очередной, Л.Б. Вишняцкий, П.Е. Нехорошев

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Е.В. Воскресенская

Институт географии РАН, Москва

А.Г. Иосифиди

Всероссийский нефтяной исследовательский геологоразведочный институт, Санкт-Петербург

Н.В. Сальная

Санкт-Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург

Новый этап комплексных исследований памятников среднего палеолита Хотылево I и Бетово¹

Стратифицированные памятники среднего палеолита в бассейне Средней Десны были открыты в 50-70-х гг. XX века и изучались экспедициями брян-

ского краеведческого музея и ЛОИА АН СССР под руководством Ф.М. Заверняева и Л.М. Тарасова в 60-80-х гг. прошлого века. На основе данных о ха-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Эволюция культуры в среднем палеолите: направленность изменений и их динамика во времени и пространстве», проект № 08-06-00213-а.

рактуре залегания материалов и составе коллекций памятник Хотылево I был отнесен исследователями к раннему мустье, а Бетово было определено как финально-мустьерский памятник.

В 2009 г. работы на перечисленных памятниках были возобновлены Среднедеснинской экспедицией ИИМК РАН. Результаты комплексных исследований последних лет позволяют на новом уровне вернуться к рассмотрению вопросов о хронологии и технико-типологических особенностях среднепалеолитических комплексов бетовской группы и Хотылево I. Изучение старых коллекций Хотылево I не только подтвердило их принадлежность к кругу индустрий микокской общности, но и позволило выявить морфолого-типологические соответствия с такими памятниками как Кёнигсауэ (комплекс А) и Сухая Мечетка. Эти соответствия прослеживаются на основании выделения серии двусторонне обработанных обушковых орудий, принадлежащих к категории кайльмессеров, морфологические характеристики и формы которых близки к аналогичным показателям орудий той же категории в целом ряде среднепалеолитических памятников Центральной и Восточной Европы.

В задачи исследования среднедеснинских памятников входит выявление особенностей формирования культуросодержащих горизонтов (кcg) и культурных слоев (кс) и, как следствие, определение хроностратиграфической позиции памятников среднего палеолита. Для этого в 2009 году были зачищены стенки раскопов Л.М. Тарасова на памятниках Бетово, Коршево I и Коршево II, а в 2010 году аналогичные работы были проведены на памятнике Хотылево I. Особенности седиментации и стратиграфических соотношений покровных и аллювиальных отложений правобережья Десны,

формирование которых происходило на протяжении первой половины валдайской ледниковой эпохи, могут теперь быть охарактеризованы гораздо более детально благодаря тщательному изучению вещественного состава отложений, вмещающих находки среднего палеолита, а также данным палеомагнитных исследований и спорово-пыльцевого анализа.

Считалось, что среднепалеолитические материалы Хотылево I залегают в гравийно-песчаных отложениях базального горизонта руслового аллювия Десны, формировавшихся в период, переходный от микулинского времени к ранневалдайскому. Однако произведенная в 2010 г. зачистка борта балки на месте раскопов 5 и 6 Ф.М. Заверняева выявила принадлежность культуросодержащих горизонтов к склоновым отложениям с горизонтами гумусированности, и, кроме того, продемонстрировала наличие на памятнике нескольких кcg, которые различаются как по составу и количеству обнаруженных изделий, так и по степени постдепозиционного смещения материала. По характеру залегания находок Хотылево I в некоторых отношениях сближается с памятниками бетовской группы, кcg и кс которых связаны с переложенными и деформированными мерзлотными процессами седиментами погребенных почв, перекрытых лессовидными супесями и суглинками поздневалдайского возраста и залегающих на коренных сеноманских песках верхнемелового возраста.

Результаты работ 2009–2010 гг. позволяют надеяться, что продолжение полевых исследований на среднепалеолитических памятниках Средней Десны поможет прояснить многие вопросы, касающиеся генезиса, варибельности и хронологии микокских и мустьерских индустрий Русской равнины.

П.Ю. Павлов

ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

Особенности заселения человеком северо-востока Европы в эпоху палеолита

По современным данным, крайне нестабильный процесс первоначального заселения территории северо-востока Европы (бассейны Печоры и верхней Камы) человеком в плейстоцене продолжался не менее 250 тыс. лет. В течение среднего и позднего плейстоцена человек проникал на северо-восток Европы в относительно теплые интерстадиальные периоды, в экстремально холодные периоды стадиялов среднего и позднего плейстоцена человек отступал в более южные районы (Павлов, 2008).

Значительная протяженность региона с севера на юг (около 1 500 км) обусловила важную особенность его заселения. На ее ранних этапах, в раннем и сред-

нем палеолите (200–100 тыс. л. н.), человек проникал только на юг региона – в бассейн верхней Камы. Вероятнее всего, первое проникновение человека в бассейн Печоры произошло значительно позднее и относится к ранней поре верхнего палеолита (около 40 тыс. л.н.) (Павлов, 2009).

Направления и формы миграций древнейшего населения на северо-восток Европы были обусловлены конкретно-историческими условиями, складывавшимися в различные периоды эпохи палеолита в Северной Евразии: природно-климатическим фактором, демографической ситуацией в сопредельных регионах, уровнем социального развития и хозяйствен-

но-культурным типом палеолитических сообществ (Павлов, 2010).

Данные изучения палеолитических стоянок свидетельствуют, что северо-восток Европы в верхнем палеолите заселялся теми первобытными коллективами, система жизнеобеспечения или адаптивный тип которых был основан на неспециализированной охоте на крупных стадных копытных и характеризовался высокой мобильностью населения.

Ранние этапы освоения человеком региона документированы в настоящее время недостаточно. По современным данным, человек впервые проник на северо-восток Европы, в бассейн верхней Камы, в раннем палеолите, во второй половине среднего плейстоцена – не позднее, 250 тыс. лет назад. К этому времени достоверно относится единственный надежно датированный памятник – Ельники II. Немногочисленный каменный инвентарь местонахождения демонстрирует черты галечной индустрии (Павлов, 2008).

Технико-типологические характеристики каменного инвентаря ранневалдайских среднепалеолитических памятников бассейна верхней Камы (Гарчи I, Чермоз, Пещерный Лог) указывают на их принадлежность к панъевропейскому кругу индустрий Kielmesergruppe (Павлов, 2008).

На верхнепалеолитическом этапе заселения северо-востока Европы в среднем валдае (36–27 тыс. л.н.) в регион проникало население с юго-запада, из центральных областей Русской равнины (Павлов, 2008). Основной культурной особенностью памятников начальных этапов верхнего палеолита северо-востока Европы (Мамонтова Курья, Бызовая, Гарчи I, Заозерье, Сорокино, Сосновское II) является их принадлежность к кругу архаичных (симбиотических) индустрий ранней поры верхнего палеолита Восточной и Центральной Европы (Павлов, 2008).

В конце ранней поры верхнего палеолита (28–27 тыс. л. н.) происходит резкое изменение всей археологической картины на территории Восточной Европы, где исчезают культуры ранней поры верхнего палеолита и распространяются развитые граветтоидные индустрии (Аникович и др., 2008). Эти изменения нашли свое специфическое отражение на

территории северо-востока Европы. Здесь в конце среднего валдая также исчезают индустрии ранней поры верхнего палеолита. Однако это не сопровождалось, как в центре Восточноевропейской равнины, появлением в регионе стоянок средней поры верхнего палеолита, что, по крайней мере, частично следует связывать с крайне неблагоприятными для жизни человека природно-климатическими условиями, существовавшими в первой половине позднего валдая на северо-востоке Европы (Астахов, Свендсен, 2008). Не исключено, что в конце среднего – начале позднего валдая произошла полная депопуляция территории региона, о чем свидетельствует отсутствие в бассейнах Печоры и верхней Камы стоянок в хронологическом интервале от 27 до 19 тыс. лет назад (Павлов, 2008).

Постоянное население появляется на северо-востоке Европы во второй половине позднего валдая, около 19 тыс. л. н., в результате колонизирующих миграций древнего населения с юго-востока, из Западной Сибири. Во второй половине позднего валдая и позднеледниковье – 19–10 тыс. л. н. в регионе формируется и развивается оригинальная уральская позднеледниковья культура, генетически связанная с мелкопластинчатыми индустриями средней поры верхнего палеолита Сибири. Наряду с памятниками, расположенными на северо-востоке Европы (Талицкого, Широфаново II, Палкино, Ганичата II, Драчево, Медвежья пещера), к этой культуре также относятся стоянки западного и восточного склона Среднего и Южного Урала (Гари, грот Бобылек, Капова и Игнатьевская пещеры, пещера Байсланташ, Кульюрттамак) (Павлов, 2007). В развитии уральской культуры прослеживаются несколько хронологических этапов (Павлов, 2007; 2008).

Таким образом, основной особенностью позднеледниковья этапа заселения северо-востока Европы является формирование региональной культуры – уральской, не имеющей прямых аналогов в сопредельных регионах.

В раннем голоцене (около 9,5 тыс. л. н.) на северо-востоке Европы складывается региональная раннемезолитическая культура, генетически связанная с памятниками уральской культуры.

Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И., 2008. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.

Астахов В.И., Свендсен Й-И., 2008. Природная обстановка времени первоначального заселения приуральского Севера // Путь на Север. Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и субарктики: Мат. Международной конференции. М.

Павлов П.Ю., 2007. Поздний и финальный палеолит северо-востока Европы. // Своеобразие и особенности адаптации культур

лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене–раннем голоцене. М.

Павлов П.Ю., 2008. Палеолит северо-востока Европы: новые данные // Археология этнография и антропология Евразии. №1 (33).

Павлов П.Ю., 2009. Палеолит северо-востока Европы. Автореф. дисс. ... доктора ист. наук. СПб.

Павлов П.Ю., 2010. Этнокультурные связи населения северо-востока Европы в эпоху палеолита. // III Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург-Ханты-Мансийск.

В.В. Попов

Музей-заповедник «Костенки», Воронеж

Аносовка-2. Культуры верхнего палеолита в Костёнках

Исследования многослойных памятников в Костёнках позволило А.Н. Рогачеву сформулировать гипотезу о существовании в верхнем палеолите локальных археологических культур. Раскопки таких местонахождений позволяет воочию увидеть различия в материальной культуре в их хронологической последовательности. В процессе исследований многослойной стоянки Костенки-11 (Аносовка-2) собраны значительные коллекции каменного инвентаря, изучены остатки жилищ.

Культурные слои памятника залегают в склонной толще делювиальных суглинков второй террасы балки. Под современной почвой в суглинке лессовидном залегают Ib, Ia, II и III культурные слои. В отложениях верхней гумусированной толщи (над вулканическим пеплом) находятся культурные остатки IIIa, IV, V и Северного комплекса слоев.

Условия залегания V слоя, типы треугольных наконечников и скребков характерной формы свидетельствуют об их принадлежности ко второму этапу стрелецкой культуры – Костенки-1/V, 12/Ia. Возраст ^{14}C : 28–32 тыс. л. н. Третий этап развития стрелецких традиций представлен материалами памятника Бирючья Балка 2, слой III; четвертый – материалами стоянки Сунгирь. Наряду с этим существует сходство сунгирских изделий с инвентарем слоя III. В их числе – треугольный наконечник с вогнутым основанием на пластинчатом отщепе, острия, подовальные скребки.

В свою очередь, слой III по условиям залегания и формам инвентаря близок к слою I Костёнок-8 – овалы скребки, угловые и срединные резцы, листовидные одно и двусторонне обработанные наконечники – аносовско-гельманская культура. Возраст ^{14}C : 22–23 тыс. л. н.

Инвентарь слоя II Аносовки является однородным с Костёнками-21/III – аносовско-гельманская культура. Аналогичными являются техника первичной и вторичной обработки, острия и пластинки с притупленным ретушью краем, пластины с усеченными крутой ретушью краями, косоретушные резцы, «асимметричные острия». Возраст ^{14}C : 21–22 тыс. л. н.

По условиям залегания и каменному инвентарю Ia слой является однокультурным со стоянками Костенки-2, 3, 19 – замятнинская культура. Индустрии памятников объединяет состав пород камня, морфологическая близость между группами резцов срединных и многофасеточных с нуклеидными и макролитическими орудиями, формы долотовидных орудий, резцов, скребков и др. Возраст ^{14}C : 20–19 тыс. л. н.

Существование на территории Костенок однокультурных памятников позволяет предположить длительное обитание одного и того же социального коллектива – носителя культуры либо существование нескольких коллективов.

А.Ю. Пустовалов

Музей-заповедник «Костёнки», Воронеж

Костёнки 9. Памятник средней поры верхнего палеолита в Костёнках

Стоянка Костёнки 9 (Бирючий лог) находится в селе Костёнки (Александровка) Хохольского района Воронежской области в 50 км к югу от Воронежа. Памятник расположен на северо-западном склоне мыса, образованного Александровским логом и его отвершком Бирючьим логом, в нескольких десятках метров от многослойной стоянки Костенки 8 (Гельманская).

Памятник был открыт в 1937 году П.П. Ефименко, но основные работы проводились в 50-е годы XX в. под руководством А.Н. Рогачева. Судя по ха-

рактеру расположения находок, а слой представлял собой локализованную линзу культурных остатков округлой формы с остатками очага *in situ* в центре, здесь имеются остатки слегка углубленного в почву жилища. Собранная коллекция также представляет несомненный интерес своеобразными формами орудий, находками шлифованных предметов из сланца, кварцита и песчаника. Несмотря на это, памятник является мало исследованным и практически неопубликованным.

В 2006–2007 гг. на стоянке были проведены охранные раскопки, позволившие более точно определить положение культурного слоя в системе напластований; увеличившие коллекцию каменного и костяного инвентаря памятника.

Стратиграфия памятника в общих чертах повторяет стратиграфию соседнего памятника (Костенки 8) и является характерной для Костенковско-Борщевского района в целом.

Находки залежали в буром негумусированном суглинке, частично в слабогумусированном суглинке (гмелинская почва?). Культурный слой сильно разбросан по вертикали (около 0,8 м), отдельные находки были обнаружены непосредственно под современным слоем насыпного грунта (современная почва уничтожена старой грейдерной дорогой). Слой насыщен древесными и костными угольками, кусочками охры, встречены охристые и углистые пятна. Как-либо конструктивных деталей не обнаружено.

Границы скопления культурного слоя проследить не удалось из-за небольшой площади раскопов. Тем не менее, было обнаружено значительное количество предметов каменного и костяного инвентаря, в том числе украшения из кости.

Коллекция каменного инвентаря насчитывает 306 предметов (из них с вторичной обработкой или же со следами изношенности в виде нерегулярной краевой ретуши около 160 экз.). Использовался преимущественно меловой кремь, но присутствуют орудия из цветного кремня, а также кварцита.

Изделий из костей и бивней немного – 2 фрагмента ложилообразного орудия с нарезками по краям из ребра мамонта, фрагмент стенки трубчатой кости с пазом. Украшения представлены подвеской из пластины бивня с двумя коническими отверстиями (на одном отверстии подвеска обломана), один край изделия скруглен.

Вновь полученные данные о стоянке, ее стратиграфии, инвентаре пока не прояснили вопрос поиска аналогий этому памятнику. До сих пор не решен вопрос соотношения культурного слоя Костенок 9 с верхними слоями соседней стоянки Костенки 8. Тем не менее, следует признать, что в Костенковско-Борщевском районе материал стоянки Костенки 9 имеет наибольшее сходство с материалом памятников аносовско-тельманской археологической культуры (Костенки 8, I культурный слой и Костенки 11, III культурный слой).

И.И. Разгильдеева

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет, Чита

С.А. Решетова

Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, Чита

Палеоклимат и планиграфия древних поселений

На территории Западного Забайкалья начиная с 80-х годов XX в. проводятся исследования древних поселений Студёновского (50°03'31" с. ш., 108°15'16" в. д.) и Усть-Мензинского археологических комплексов (50°13'28" с. ш., 108°37'31" в. д.), приуроченных к надпойменным террасам рек байкальского бассейна. Результатом работ стало открытие многослойных памятников археологии, связанных с аллювиальными отложениями I–II речных террас, в культурных горизонтах которых найдены остатки жилищно-хозяйственных комплексов, датированных от 25 до 10,8 тыс. л. н. Исследователи относят их к типу сезонных охотничьих поселений и выделяют серию выразительных простых и сложносоставных жилищ. Многолетние раскопки памятников неоплейстоценового – голоценового возраста показали устойчивость традиций в организации древних поселений, отражающих с одной стороны консервативный, а с другой – практически обоснованный характер социокультурной адаптации,

существовавший на протяжении нескольких тысячелетий.

Работы последних лет были направлены, в первую очередь, на решение проблемы анализа изменения природных обстановок и палеоклиматов в позднем неоплейстоцене–голоцене Забайкалья. Палинологический анализ позволил реконструировать характеристики палеоландшафтов данного периода. Мультимногослойность памятников (в частности, поселение Студёное-1 – 38 культурных горизонтов), многочисленность и выразительность жилищно-хозяйственных комплексов в хронологически последовательных культурных горизонтах одного стратиграфического разреза позволила акцентировать внимание на закономерностях смены пространственной и структурной организации поселений (Константинов М., 1994; Константинов А., 2001; Разгильдеева, 2003). Реконструкция моделей жизнеобеспечения и поселенческой стратегии древних коллективов

строилась на основе комплексного анализа археологических материалов и изучения динамики развития среды обитания.

В ходе работ были проанализированы данные по стратиграфическим разрезам Студёное-1, 2, Усть-Мензы-1, 2 (отложения I-II надпойменных террас рек Менза и Чикой), включающим более 100 культурных горизонтов (в диапазоне от 20,6 до 2 тыс. л.н.). Структурные элементы поселений включают углисто-золистые пятна, кострища, очаги с каменными обкладками, группы камней, отдельные валуны или скальные обломки и связанные с ними скопления эко- и артефактов.

В 25 горизонтах верхнего палеолита были выделены выразительные одноочажные и многоочажные жилищно-хозяйственные комплексы. Закономерности в их организации, условия четкого стратиграфического залегания с разделением культуросодержащих горизонтов стерильными прослойками сделали возможной реконструкцию хозяйственной деятельности в определенных условиях палеосреды. Локальная палеоэкология места при этом определяла специфику расположения стоянок и ареал прилегающих «часто посещаемых» территорий. Привлекательность последних оценивалась удобством организации пространства обитания, богатством ресурсов: объемом охотничьих угодий, доступностью, качеством или количеством каменного сырья.

Планиграфический анализ всей вскрытой площади культурных горизонтов включал построение многоуровневых диаграмм, в которых учитывался количественный и качественный состав каменных арте-

фактов, присутствие фрагментов и осколков костей. Выполнялись отдельные схемы размещения по типам изделий, формам орудий, характеру дебитажа. Определялись виды сырья, применялись метод аппликации/ремонтажа и технологический анализ. Исходя из особенностей верхнепалеолитических комплексов, имеющих четкие границы округлых или овальных очертаний, на основе метода кругового моделирования проводился анализ внутренней планиграфии жилищ (Разгильдеева, 2008).

Реконструкция палеоклиматических характеристик основана на детальном палинологическом изучении отложений террасовых уровней и прилегающих к памятнику территорий. Восстановление палеорастворительности базируется на 144 палинологических спектрах. Из отложений террас отбирались палинологические пробы как из культурных горизонтов, так и из перестилающих «стерильных» прослоек. Палинологический, геохимический анализы, систематизация геологических данных и создание общей базы стратиграфических разрезов опорных памятников позволили детализировать информацию о смене палеоландшафтов и климатических условиях обитания древних людей (Разгильдеева, Решетова, 2006; Разгильдеева и др., 2008).

Комплексный анализ показал, что период оледенения на территории Западного Забайкалья не был одним сплошным холодным этапом. На рубеже 18-15 тыс. лет отмечено относительное потепление, когда в составе древесных растений появлялась пихта, а в некоторых случаях и ильм. В переходный период к голоцену на рубеже 11–10 тыс. лет н. климат стал

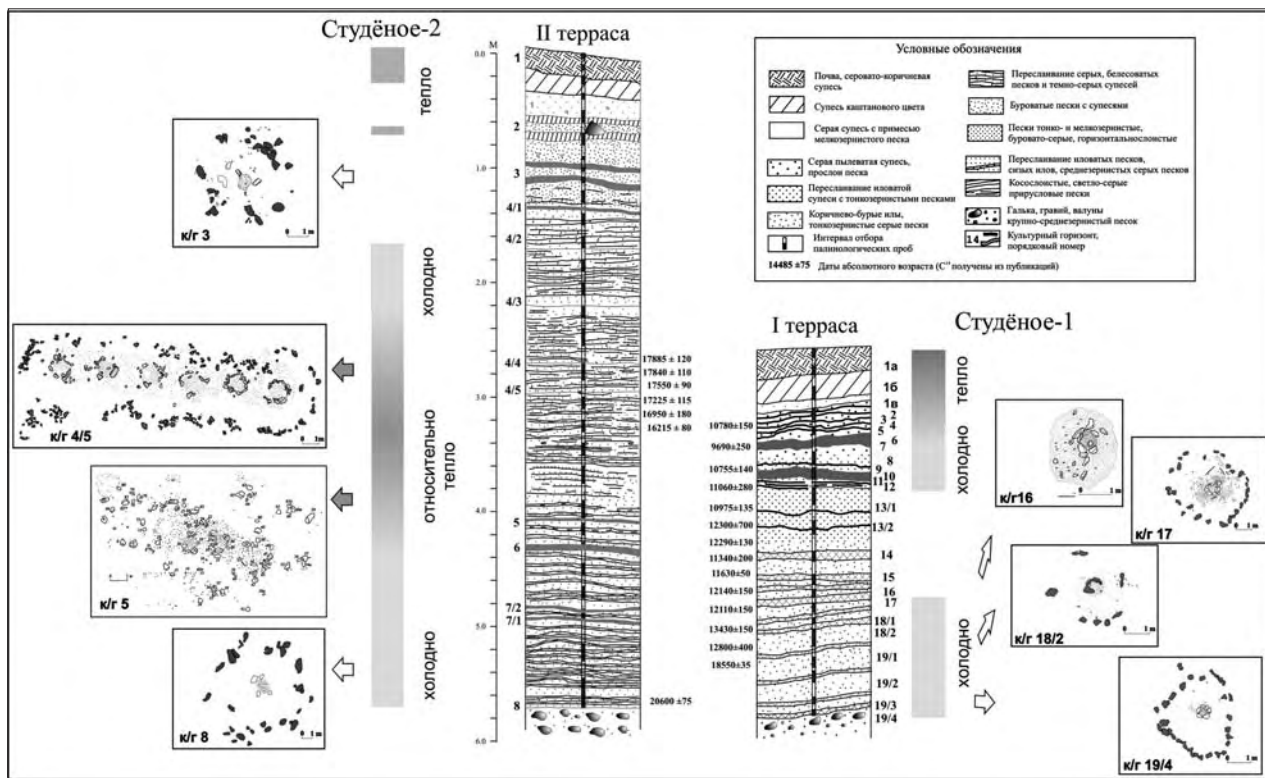

Рис. 1

Стратиграфические разрезы поселений Студёное-2 (II терраса) и Студёное-1 (I терраса): динамика палеоклиматов и типы организации жилых комплексов

суше, но остался довольно холодным. В составе растительности широко распространились степные сообщества с широким участием полыни. В голоцене стало теплее и произошло становление лесных ландшафтов по составу близким к современным.

Планиграфический анализ верхнепалеолитических горизонтов памятников Студёное-1, 2, Усть-Менза-1, 2 показал динамику смены простых и сложноструктурных форм в организации площади «жилого обитания» (Разгильдеева, 2003). Данные изменения в рамках единой пространственно-территориальной привязки – стабильных условий рельефа, обеспечивающих объективно идентичную привлекательность места (солнечной экспозиции, розы ветров, перепады суточных температур, общей конфигурации поверхности обитания), послужило поводом к практическому рассмотрению зависимости адаптивных реакций древних коллективов в контексте изменений природно-климатической среды. Реконструкции культурно-хозяйственной деятельности косвенно указывают на существование в позднем палео-

лите кратковременных базовых охотничьих лагерей небольших подвижных групп населения.

С отложениями, палинологические спектры которых показывают изменение климата в сторону относительного потепления, связаны культурные горизонты со сложносоставными комплексами: период 18–15 тыс. л. н. и время потепления в начале бореального периода. При палинологических характеристиках, указывающих на холодные климатические условия, в структуре поселений преобладают одноочажные, четко локализованные комплексы (даже если их несколько в одном культурном горизонте). (рис. 1).

Реконструируемая динамика изменений палеоклимата Забайкалья в целом соответствует данным полученным по Прибайкалью. При этом, исследователи также отметили, что период резкого и значительного снижения уровня увлажненности и тепла, т.е. переломных изменений в ландшафтно-климатической ситуации, сопровождается перерывом в археологических культурах (Безрукова и др., 2007, с.48).

Безрукова Е.В., Летунова П.П., Абзаева А.А., Тарасов П.Е., Кулагина Н.В., Забелина Ю.А., 2007. Реконструкция динамики природной среды в голоцене на основе высокоразрешающих пыльцевых записей из бассейна оз. Байкал в контексте возможного влияния этих изменений на условия обитания человека // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнография и антропология / Всероссийская конференция с международным участием, посвященная 100-летию Михаила Михайловича Герасимова. Иркутск. Т.1.

Константинов А.В., 2001. Древние жилища Забайкалья: Палеолит, мезолит. Новосибирск.

Константинов М.В., 1994. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. К всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996). Улан-Удэ – Чита.

Разгильдеева И.И., 2003. Планиграфия палеолитических жилищ Студёновского археологического комплекса (Западное

Забайкалье). / Автореф. дисер...канд. истор. наук. Владивосток.

Разгильдеева И.И., 2008. Планиграфия жилищно-хозяйственных структур: метод кругового моделирования // Труды II (XVIII) Всероссийского Археологического съезда в Суздале. М. Т. III.

Разгильдеева И.И., Решетова С.А., 2006. Вопросы реконструкции палеогеографической среды и адаптивных стратегий по материалам Студёного-2 // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. Новосибирск. Т. 1.

Разгильдеева И.И., Решетова С.А., Попов В.Б., 2008. Новые данные исследований поселения Студёное-1 (к вопросу о возрасте культурных горизонтов) // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. Археология. Адаптационные стратегии древнего поселения Северной Евразии: сырье и приемы обработки. СПб. Т.1.

А.М. Родионов

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж

Нуклеусы позднепалеолитического памятника Костенки XI (культурный слой 1а)

Стоянка Костенки XI была открыта А.Н. Рогачевым в 1949 г. Полевые исследования памятника начались в 1951 г. и продолжались до начала 1960-х гг. Они показали, что на оконечности центрального мыса Аносова лога в толще лёссовидного суглинка и в верхних гумусированных напластованиях выделяется шесть культурных слоев. Интересующий нас слой 1а находился под современной почвой на северном склоне мыса, с уклоном к северо-востоку до 6 см на протяжении каждого метра. Культурные остатки залега-

ли в верхней части лёссовидного суглинка. В 1960–1965 гг. здесь были расчищены остатки первого округлого жилища аносовско-мезинского типа, сооруженного из костей мамонта. В 1970 г. обнаружались остатки второго аналогичного жилища в 17 м к востоку от первого. Три радиоуглеродные даты, полученные для этого слоя, дают интервал от 20 до 16 тыс. л. н. (Палеолит КБР, 1979. С 124)

Коллекция каменного инвентаря остатков поселения Костенки XI (культурный слой 1а) насчитывает

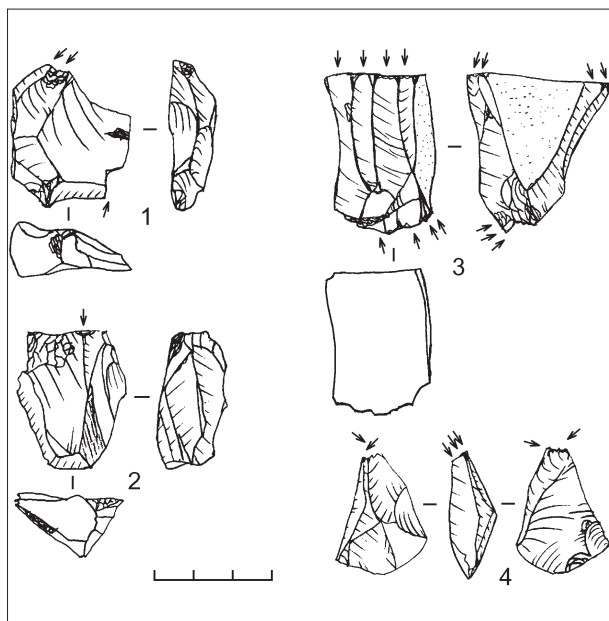

Рис. 1

Костенки XI: 1–4 – артефакты из культурного слоя 1а

свыше 17 тысяч расщепленных кремней, в том числе около 1500 изделий со вторичной обработкой и около 1200 микропластинок. В качестве сырья использовался меловой (57 %) и цветной (38 %) кремне. (Аникович, и др., 2008. С. 215). Всего на памятнике по результатам просмотра нами было выделено три основных группы нуклеусов.

Первая группа (группа А) включает аморфные нуклеусы, представляющие собой кремневые ядрища или крупные осколки кремня, на которых видны негативы снятий микропластинок. Отличительной чертой данной группы нуклеусов является плохое качество кремня: основная масса не является сработанными нуклеусами, так как из-за плохого качества сырья после снятия или попыток снятия микропластинок нуклеус просто выбрасывался (рис. 1: 2). Тем не менее, в данной группе нуклеусов встречаются артефакты, с которых снимались серии микропластинок, но, в конечном счете, нуклеусы были выброшены, не успев дойти до крайней стадии изношенности (рис. 1: 1). Такие нуклеусы не являются удобной формой для получения микропластинок ввиду плохого качества сырья и отсутствия удобных готовых ударных площадок для снятия.

Вторая, значительная в количественном плане, группа нуклеусов (группа Б) представлена «остатками», как правило, крупных пластин и отщепов, вы-

полненных из хорошего сырья и впоследствии расщепленных на маленькие микропластинки (рис. 1: 4). Данные нуклеусы представляют для нас наибольший интерес, так как продуктивность расщепления больших пластин на микропластинки очень высокая. По экспериментальным данным из одной массивной пластины шириной в 30 мм, длиной в 100 мм и толщиной в 10 мм можно получить, как минимум, 20–25 микропластинок.

Важно рассмотреть процесс расщепления, конечной стадией которого являлись данные нуклеусы, и выяснить, изготавливались ли первичные формы специально, или же вторичное расщепление крупных пластин и отщепов на микропластинки является следующей стадией в жизни орудия, после того как основное рабочее лезвие орудия пришло в негодность.

Третья группа нуклеусов (группа В) – наименьшая по количеству. Она насчитывает не более 15 артефактов, которые представляют собой классические призматические конические нуклеусы, с объемным фронтом скалывания, выполненные на качественном меловом кремне (рис. 1: 3).

Одним из неясных вопросов, связанных с исследованием культурного слоя 1а стоянки Костенки XI, является отсутствие первичных форм. В коллекции встречаются пластины и отщепы как на начальной стадии расщепления на микропластинки, так и на конечной, но ни найдено ни одного крупного нуклеуса, с которого производились снятия имеющихся пластин и отщепов. В связи с этим, небезынтересным представляется технологический контекст появления нуклеусов группы «В».

Процесс появления призматических нуклеусов может быть абсолютно различным, и говорить о том, какая форма являлась начальной, пока не представляется возможным. Так как отсутствуют первичные формы нуклеусов, то необходимо рассматривать все возможные варианты. Небольшой сработанный призматический нуклеус можно получить как вследствие расщепления целого желвака кремня, так и вследствие расщепления массивной пластины путем снятия резцовых сколов.

Таким образом, можно говорить о возможности наличия для культурного слоя 1а стоянки Костенки XI единого технологического контекста получения микропластинок, вследствие чего всякая дифференциация микропластинчатых продуктов расщепления на данном памятнике будет неуместна.

Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И., 2008. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы СПб.

Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону (1879–1979), 1982. Некоторые итоги полевых исследований. Л.

Палинологическая характеристика палеолитической стоянки Чагырская пещера (Алтайский край)

Стоянка Чагырская пещера (51°26'34.6" с.ш., 83°09'18.0" в.д.) расположена на левом берегу р. Чарыш, дренирующей отроги северного склона Тигирецкого хребта, в северо-западной части Российского Алтая (Алтайский край). Археологические и палеоэкологические исследования начаты на стоянке в 2008 г. под руководством д. и. н. С.В. Маркина (ИАЭТ СО РАН).

Важнейшее значение стоянки Чагырская пещера состоит в том, что в ней обнаружены археологические материалы аналогичные материалам из пещеры Окладникова, что открывает новые перспективы в изучении среднего палеолита Алтая (Деревянко и др., 2009).

Строение субтерральной толщи пещеры раскопа 2009 г. включает семь литологических образований, среди которых выделяются голоценовые (слои 1, 2 и 3) и плейстоценовые осадки (слои 5–7).

На палинологический анализ отложений Чагырской пещеры в 2008–2009 гг. были отобраны 103 образца с интервалом 5–20 см из всех слоев, включая культурные. К настоящему моменту проведен палинологический анализ образцов разреза 2009 г. (всего 42 образца). Статистически обработанные данные спорово-пыльцевого анализа стали основой при построении таксонно-биомной матрицы для использования метода биомизации (Prentice et al., 1996). В целом спорово-пыльцевая запись позволила выявить несколько палинологических комплексов, соответствующих различным геологическим слоям (рис. 1).

Слой 1. Доминируют травянистые палинотаксоны с заметным участием полыней (*Artemisia*), сложноцветных (*Asteroidae*, *Cichorioideae*) и злаков (*Poaceae*). Доминирующий тип растительности, характерный для времени накопления слоя – степи, по составу палинологических спектров соответствующие современным.

Слой 2. Доминируют травянистые палинотаксоны с участием *Artemisia*, *Asteroidae*, *Cichorioideae* и *Poaceae*. По сравнению со слоем 1 повышается доля пыльцы *Cichorioideae* и разнотравья. Причиной увеличения доли пыльцы *Cichorioideae* – подсемейства сложноцветных, содержащего многочисленные сорняки, может быть хозяйственная деятельность человека, обитавшего в пещере. Палиноло-

гическая проба с глубины 10 см (квадрат Л8) показывает высокую концентрацию остатков раковинной амебы *Arcella arenaria var. compressa* (определение А.А. Боброва, МГУ), космополитного вида, обитающего в моховых подушках или влажной лесной подстилке. В этой же пробе единично встречена яйцевая оболочка круглого червя власоглава *Trichuris* sp., являющегося паразитом толстой кишки человека. Доминирующий тип биомы слоя 2 также степной.

Слой 3. Доминируют травянистые палинотаксоны с участием *Asteroidae*, *Cichorioideae* и разнотравья. Увеличивается процент пыльцы сосны сибирской и сосны обыкновенной, папоротников. В целом реконструируются степные сообщества, хотя в растительном покрове региона увеличивается влияние и лесной компоненты.

Слой 4. Отсутствует в раскопе 2009 г.

Слой 5. В отличие от трех вышележащих слоев слой 5 характеризуется повышенным участием в спектрах древесной пыльцы и чередованием степной и лесной растительности (таежные ценозы и холодные листопадные леса) в окрестностях пещеры. В верхней части слоя значительна доля пыльцы хвойных (сосны сибирской *Pinus sibirica*, сосны обыкновенной *P. sylvestris*, пихты *Abies*, ели *Picea*). Резко снижается доля пыльцы сложноцветных, как *Asteroidae*, так и *Cichorioideae*. В нижней части слоя доля пыльцы хвойных уменьшается и доминирует пыльца разнотравья.

Слой 6А. В целом в слое 6А доминирует пыльца травянистых растений (*Poaceae*, *Asteroidae*, *Cichorioideae*) и реконструируются степные сообщества. В верхней половине еще значительно участие пыльцы хвойных.

Слой Б и В1. Абсолютно доминирует пыльца травянистых растений, увеличивается доля *Cichorioideae*. Степные ценозы.

Слой 6В2. До 80% в единственной пробе из этого слоя доходит пыльца древесных таксонов, представленных в основном сосновыми. Увеличивается доля *Betula* spp., что может указывать на развитие «колодного» белолесья в нижних горных поясах и/или ерников в верхних поясах. Методом биомизации для слоя реконструированы холодные листопадные леса.

Слой 7. Для слоя характерна низкая концентрация пыльцы и спор, многие пробы «пустые». Среди слоев раскопа Чагырская пещера этот слой самый холодный. Из четырех проб, концентрация пыльцы в которых позволила считать статистически значимое количество зерен, для двух реконструируются тундровые условия.

Две другие пробы показали существование холодных листопадных лесов и бореальных таежных сообществ в регионе. Крайне дискуссионным является вопрос о хронологии данного памятника. В настоящее время на радиоуглеродный анализ отправлено несколько образцов из отложений Чагырской пещеры.

Дервянко А.П., Маркин С.В., Зыкина В.С., Зыкин В.С., 2009. Чагырская пещера: исследования в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том XV. Новосибирск.

Prentice I.C., Guiot J., Huntley B., Jolly D., Cheddadi R., 1996. Reconstructing biomes from palaeoecological data: a general method and its application to European pollen data at 0 and 6 ka // Climate Dynamics. 12.

М.В. Саблин

Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург

Раннеантропогеновые фауны и расселение рода *Ното*

Для большинства исследователей второй половины прошлого века – палеонтологов, археологов, палеоантропологов – казался очевидным тот факт, что расселение рода *Ното* за пределы тропической Африки произошло никак не ранее одного миллиона лет назад. Лишь в самом конце столетия, казавшиеся незыблемыми представления о хронологии и географии древнейшего человечества, начали изменяться под натиском неопровержимых фактов. В Кавказском регионе и на сопредельных территориях были зафиксированы следы присутствия ранних представителей рода *Ното* (Кулаков, Щелинский, 2004; Амирханов, 2007; Дервянко, 2009; Любин и др., 2010; Lumley et al., 2005).

Большинство современных исследователей появление человека в Евразии относят к 1,8 млн. л. н. Изу-

чение раннеантропогеновых фаун позволило нам уточнить время возможного выхода рода *Ното* за пределы Африки.

Мигрировав из Америки, настоящие лошади рода *Equus* достигли Европы уже 3,2 млн. лет назад (Radulescu et al., 2003; Lacombe et al., 2008); при этом их остатки на Африканском континенте не известны в отложениях древнее 2,2 млн. л. н. (рис. 1: А). Под туфом G формации Шунгура в Кении (новейшая дата для туфа G – 2,23 млн. л. н. – McDougall, Brown, 2008) находят кости только трехпалых лошадей – гиппарионов (Eisenmann, 1976; 1985). Лошади рода *Equus* очень мобильны. Очевидно, что основным препятствием для их миграции в Африку на протяжении одного миллиона лет было отсутствие сухопутного моста между континентами.

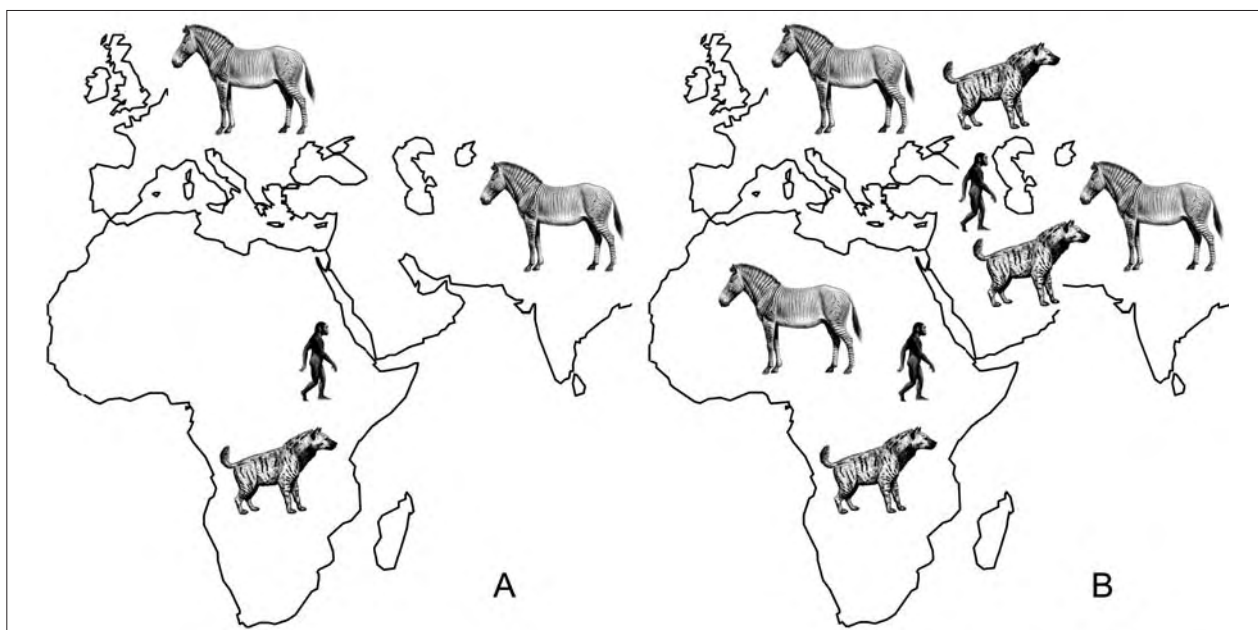

Рис. 1

Распространение настоящих лошадей, гигантской гиены и человека: А – в интервале 2,3–2,2 млн. лет; В – в интервале 2,2–2,0 млн. лет

Гигантская гиена *Pachicrocuta brevirostris* исходно – африканский вид (Turner, Anton, 1996), впервые появляется на территории Евразии 2,1 млн. лет назад. Этот крупный хищник обычен для средневиллафранкских фаунистических комплексов Западной (Fonelas P-1), Восточной (Ливенцовка) Европы, Южной Азии (Pabbi Hills) (Сотникова и др., 2008; Dennell et al., 2006; Arribas et al., 2009).

Мы считаем, что сухопутный мост между континентами образовался около 2,2 млн. лет назад. Именно тогда лошади и гиены мигрировали по нему навстречу друг другу (рис. 1: В), очевидно по саванне – оба вида обитатели открытых ландшафтов. Человек, существо

тоже достаточно мобильное, вполне мог составить им компанию: древнейшие кости *Homo* найденные в Эфиопии датируются возрастом около 2,3 млн. л. н. (Kimbel, al., 1997), а самые ранние следы присутствия *Homo* в Восточной Европе – около 2,1 млн. лет (Саблин, Гиря, 2010). Выход за пределы Африки и последовавшая за этим необходимость приспособиться к существованию в зонах с умеренным климатом сыграли решающую роль в становлении человека. Думается, именно жесткий естественный отбор на территории Евразии в процессе адаптации *Homo* к суровым природным условиям в кратчайшие сроки привел там к возникновению архантропов (Dennell, Roebroeks, 2005; Rightmire et al., 2006).

- Амирханов Х.А., 2007. Исследования памятников олдована. М.
- Деревяно А.П., 2009. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Новосибирск.
- Кулаков С.А., Щелинский В.Е., 2004. Работы на Тамани // АО 2003 года. М.
- Любин В.П., Беляева Е.В., Саблин М.В., 2010. Открытие раннепалеолитической стоянки в районе Нурнусского палеозера (Центральная Армения) // Исследования первобытной археологии Евразии. Сб. статей к 60-летию Х.А. Амирханова. Махачкала.
- Саблин М.В., Гиря Е.Ю., 2010. К вопросу о древнейших следах появления человека на Юге Восточной Европы (Россия) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. № 2 (42).
- Сотникова М.В., Байгушева В.С., Титов В.В., 2002. Хищные млекопитающие хангурского фаунистического комплекса и их стратиграфическое значение // Стратиграфия. Геол. корреляция. Т. 10. № 4.
- Arribas A., Garrido G., Viseras C., Soria J.M., Pla S., Solano J.G. Garcés M., Beamud E., Carrión J.S., 2009. A Mammalian Lost World in Southwest Europe during the Late Pliocene // PLoS ONE. V. 4. №9.
- Dennell R., Coard R., Turner A., 2006. The biostratigraphy and magnetic polarity zonation of the Pabbi Hills, northern Pakistan: An Upper Siwalik (Pinjor Stage) Upper Pliocene–Lower Pleistocene fluvial sequence // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. V. 234.
- Dennell R., Roebroeks W., 2005. An Asian perspective on early human dispersal from Africa // Nature. V. 438. №7071.
- Eisenmann V., 1976. Equidae from the Shungura Formation // Earliest Man and Environments in the Lake Rudolf Basin. Chicago.
- Eisenmann V., 1985. Les Equidés des gisements de la vallée de l’Omo en Ethiopie (collections françaises) // Cahiers de Paléontologie, Travaux de Paléontologie est-africaine, CNRS. Paris.
- Kimbel W.H., Johanson D.C., Rak Y., 1997. Systematic assessment of a maxilla of *Homo* from Hadar, Ethiopia // American Journal of Physical Anthropology.
- Lacombat F., Abbazzi L., Ferretti M., Martinez-Navarro B., Moullier P.-E., Palombo M.-R., Rook L., Turner A. and Valli Andrea M.-E., 2008. New data on the Early Villafranchian fauna from Viallette (Haute-Loire, France) based on the collection of the Crozatier Museum (Le Puy-en-Velay, Haute-Loire, France) // Quaternary International. V. 179.
- Lumley H. de, Nioradze M., Barsky D., Cauche D., Celiberti V., Nioradze G., Notter O., Zvania D., Lordkipanidze D. 2005. Les industries lithiques préoldowayennes du début du Pleistocène inférieur du site de Dmanissi en Georgie. // L’Anthropologie. V. 109. № 1.
- McDougall I., Brown F.H., 2008. Geochronology of the pre-KBS Tuff sequence, Omo Group, Turkana Basin // Journal of the Geological Society. V. 165.
- Rdulescu C., Samson P.-E., Petculescu A., Etiucur E., 2003. Pliocene Large Mammals of Romania // Coloquios de Paleontologia. V. 1.
- Rightmire G.P., Lordkipanidze D., Vekua A., 2006. Anatomical descriptions, comparative studies and evolutionary significance of the hominin skulls from Dmanisi, Republic of Georgia // Journal Human Evolution. V. 50. № 2.
- Turner A., Anton M., 1996. The giant hyaena, *Pachicrocuta brevirostris* (Mammalia, Carnivora, Hyaenidae) // Geobios. V. 29. № 4.

В.Я. Сергин

Институт археологии РАН, Москва

Кирилловское поселение

В отличие от ранее обнаруженных позднепалеолитических памятников Восточной Европы, Кирилловское поселение исследовалось в XIX в. путем многолетних раскопок, проведенных в 1893–1897 гг. на площади около 300 м². Основная его часть была разрушена при разработке грунта для нужд кирпичного завода. В процессе разработки В.В. Хвойко и его помощники имели возможность лишь наблюдать культурные остатки на определенных уровнях и собирать кости животных.

На памятнике выделяют нижний культурный слой, содержащий большое количество костей жи-

вотных, золы и углей. Он располагался в центральной и восточной частях Кирилловского мыса. В северо-западной части мыса в песчаных отложениях были выявлены 4 горизонта культурных остатков, отнесенных к верхнему слою. Зола, кремневые изделия и мелкие обломки костей концентрировались в них в виде отдельных пятен. Горизонты отстояли друг от друга по вертикали минимально на 0,7 м, не перекрывая нижнего слоя.

Среди аналогичных памятников Кирилловское поселение до сего времени является вскрытым наиболее

полно. Но характер вскрытия и его давность обусловили недостаточность и неясность документации. Представления о памятнике значительно различаются.

Наблюдение за ходом раскопок и разработки грунта на Кирилловском мысе показывает, что определение площади поселения в 9–10 тыс. кв. м ошибочно. Эта цифра характеризует размеры промышленной выемки грунта. Поселение занимало менее 2 тыс. м².

Отмечаемое в литературе деление нижнего слоя на две-три прослойки в действительности касалось только его северо-восточного края.

Рисунки скопления культурных остатков на площади Кирилловского мыса, сделанные В.В. Хвойко, отражают общие особенности их распространения. Отдельные мелкие детали, например, группы из нескольких костей, в ряде случаев, должно быть, соответствовали конкретным наблюдениям. Но каждая очередная зарисовка делалась уже в иной ситуации. Поэтому взаимоположение зафиксированных деталей на общих

рисунках достаточно произвольно. Не мог быть соблюден и масштаб изображения костей.

Учитывая особенности памятника, на нем должны были существовать жилища. Рисунки не дают возможности определить их место и планировку. Возможно лишь определить число жилищно-хозяйственных комплексов, которые могли бы разместиться в пределах полосы костей, – 4, а с меньшей вероятностью – 5. Бивень с известной гравировкой находился приблизительно в 30 м от поселения.

Геологические наблюдения XIX в. не позволяют убедительно решить вопрос о соотношении нижнего и верхнего слоев. Не исключено, как полагали еще В.И. Громов и И.Г. Пидопличко, что эти слои являлись частями одного и того же поселения.

Малочисленность кремневых материалов Кирилловского поселения связана с разрушением основной части культурного слоя. Коллекция собрана из раскопок.

Г.В. Сеницына

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Финальный палеолит северо-запада Восточной Европы¹

Современные представления о финальном палеолите северо-запада Восточной Европы свидетельствуют о значительном разнообразии культурных традиций и сложном характере их формирования, взаимодействия и эволюции. Во всех случаях проблема преемственности и наследования культурных традиций сталкивается с проблемой большого хронологического разрыва, отсутствием археологических материалов, а часто и геологических отложений, между граветтом и кругом культур финального палеолита. Решение ее может быть связано только со стратифицированными памятниками, если не полностью заполняющими, то хотя бы характеризующими культуру этого времени на отдельных хронологических отрезках.

Наиболее полные стратиграфические колонки с датированными отложениями переходного периода от плейстоцена к голоцену представлены в разрезах стоянок, расположенных на северном берегу оз. Волго в Тверской области: Баранова гора, Подол III/1 и Подол III/2. Здесь установлено наличие отложений бёллинга, среднего дриаса, аллереда, позднего дриаса и пребореала.

Коллекция из отложений бёллинга свидетельствует о сохранении традиций культур позднего палео-

лита Русской равнины. В качестве сырья использовали местный кремнь нескольких разновидностей. Техника расщепления характеризуется призматическими нуклеусами. Тип заготовки: крупные пластины (7×2,5×1 см), полученные в технике жесткого отбойника и микропластинки, выполненные в технике отжима и оббивки «мягким» отбойником. Фрагменты микропластинок имеют стандартные размеры: 2,2 см длиной, 0,5 до 0,7 см шириной. Они изготовлены из одного кремневого желвака серого цвета и, скорее всего, являлись вкладышами одного орудия.

Из отложений дриаса II происходит оригинальная индустрия (обозначаемая как памятники типа Акулово). Здесь использовался только один вид кремня. Техника расщепления характеризуется применением мягкого отбойника. Нуклеусы представлены плосковыпуклыми призматическими и торцовыми формами. С них получали пластинки длиной от 9 см до 3,5 см. Для вторичной обработки коллекции Барановой горы характерен широкий охват ретушью и переоформление заготовки. Яркое своеобразие инвентарю придуют формы многолезвийных зубчатых скребел и обушковых бифасиальных микротесел. Появление стоянок типа Акулово, скорее всего, имело эпизодический и кратковременный характер в пределах дриаса II.

¹ Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» Направление 1. Древнейшее наследие и истоки творческих начал человека По проекту: Культурно-исторические процессы на рубеже плейстоцена-голоцена на северо-западе Русской равнины

В периоды аллереда и дриаса III выявлено существование подольской культуры, входящей в круг памятников технокомплекса бромме. Достаточно полно исследованное многослойное поселение Подол III, находится на узкой наклонной площадке между оз. Волго и коренным склоном, сложенным известняками карбонного возраста на двух бортах древнего овражка.

Наличие частично сохранившихся отложений культурного слоя стоянок позволило применить данные спорово-пыльцевого, палеомагнитного и геохимического анализов, которые коррелируются с результатами сравнительно-типологического анализа материальной культуры и подтверждают возраст отложений временем аллереда-дриаса III.

Финальнопалеолитический слой стоянки-мастерской Подол III, представляет собой базовую стоянку с использованием местного сырья и углубленным в землю жилищем. Сложившаяся структура поселения, в совокупности с ориентацией населения на использование локальных ресурсов, может рассматриваться как свидетельство эволюции уже адаптированных к местным условиям коллективов охотников. В условиях глобальных изменений рубежа плейстоцена-голоцена миграции вслед за стадами животных являлись основным способом выживания человека в экстремальных условиях. Сложение, длительное существование и продолжение подольской культуры является следствием высокой адаптивной способности пришлого населения к сложным и быстро меняющимся условиям. Круг материалов, сопоставимых с инвентарем стоянок Подол III, в последние годы был значительно расширен за счет материалов стоянок: Тёплый ручей 2, Троицкое 3, Усть-Тудовка 1, Ростиславль.

На западе Русской равнины наиболее ранняя волна ее освоения в финальном палеолите связывается

с носителями традиций гренской культуры, распространение которой охватывает бассейн Западной Двины и Верхнего Поднепровья. По материалам многослойной стоянки-мастерской Вышегора гора I в Смоленской области, расположенной в истоках Днепра, данный тип индустрии может быть датирован древнее аллереда, поскольку стратиграфически залегал ниже погребенной почвы с экскурсом гетенбург. Материалы этого памятника и определение хронологии погребенной почвы палеомагнитным методом дали дополнительные аргументы в пользу точки зрения В.Ф. Копытина об автохтонном развитии культур каменного века на этой территории. Первые определения возраста находок позволяют предполагать, что не было хронологического разрыва в развитии позднелепелитической культуры. Напротив, здесь существовали хорошо адаптированные коллективы, используя как ландшафтные условия для выбора стоянок, так и обилие кремневого сырья.

В дриасе III огромные пространства Европы от Мазовии в Польше до Валдайской возвышенности на востоке и в меридиональном направлении от Прибалтики до Крыма занимает свидерская культура, исследование которой имеет почти 100-летнюю историю, однако вопросы генезиса остаются во многом дискуссионными.

В дриасе III и пребореале разнообразие культурных традиций значительно увеличивается. В юго-восточной части Валдайской возвышенности отмечено существование стоянок типа Золоторучья, объединенных наличием позднелепелитической фауны (северный олень, бизон, заяц) и развитым характером пластинчатой индустрии. Датировка стоянок этого типа, судя по новым исследованиям стоянки Вашана проблематична.

С.Б. Слободин

Северо-Восточный комплексный НИИ ДВО РАН, Магадан

Бифронтальные клиновидные нуклеусы в культурах Берингии

Технико-типологические характеристики клиновидных нуклеусов Северной Азии рассмотрены во многих работах. Выделены типы клиновидных нуклеусов в зависимости от формы заготовки, технологии раскалывания нуклеуса и приемов подправки и обработки отжимной площадки. Однако такой тип как бифронтальные клиновидные нуклеусы (далее – БфКН), имеющий два противоположных фронта на узких торцевых сторонах, с которых скалывали микропластинки, в этих схемах практически не рассматриваются. Проведенное исследование восполняет этот

пробел в классификационных схемах клиновидных нуклеусов. Изучение этой проблемы позволяет, также, выйти на более высокий уровень изучения типологии нуклеусов и распространения технологий их обработки в Берингии.

Бифронтальные нуклеусы рассматриваются нами в контексте клиновидных, т. к. в основе их подготовки лежат те же технологические приемы, что и при изготовлении монофронтальных клиновидных нуклеусов. Они имеют киль, узкие, расположенные на противоположных торцах плоскости скалывания микро-

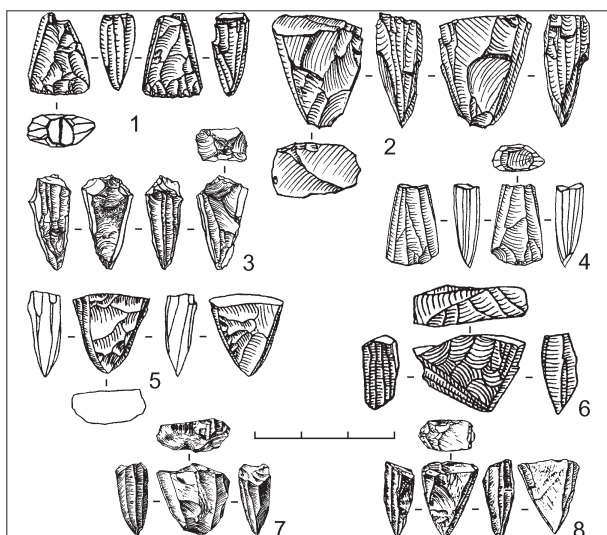

Рис. 1

Бифронтальные клиновидные нуклеусы со стоянок: 1 – Омчик-II; 2 – Ушки I, сл. 6; 3 – Тальяин; 4 – Курупка I; 5 – Баркасная Сопка III; 6 – Хумми; 7 – Рэд Дог; 8 – Броукен Мамос

пластинок; широкие ретушированные боковые стороны и отжимную площадку. На последних стадиях сработанности нуклеусы могут иметь конусовидную форму, когда плоскости скалывания почти смыкаются в одной точке у основания, полностью сработывая киль. Возраст БфКН определяется их находением в контексте палеолитических материалов.

БфКН различаются по углу между отжимной площадкой и фронтом скалывания (острый, тупой), нали-

чием или отсутствием кия, использованной заготовке, применяемой при обработке нуклеуса технике и другим критериям. Они представлены в Прибайкалье, Приморье, на Амуре, Камчатке и Аляске (рис. 1). Первое описание БфКН было дано при анализе материалов слоя I стоянки Верховенская Гора 1.

В Приморье БфКН имеются на стоянках Устиновка I, IV, Молодежная. В бассейне Амура они известны на стоянках Хумми и Баркасная Сопка III. На Камчатке – широко представлены в сл. VI стоянки Ушки I. На Чукотке – на стоянке Курупка I, Тальяин. На Аляске БфКН описаны на стоянках Рэд Дог, Броукен Мамос, Литл Пенгени Крик.

Недавно БфКН найден на Верхней Колыме на стоянке Омчик-II. Он сильно сработан, сделан на плоской бифасиальной заготовке, с выраженным килем и двумя фронтами на узких торцах. Угол схождения отжимной площадки и фронта больше 90%. Отжимная площадка нуклеуса подживлялась короткими сколами с обоих фронтов. Он сопровождался находкой клиновидного нуклеуса на бифасе. Это позволяет замкнуть цепь распространения БфКН от Приморья до Аляски и провести районирование всей зоны распространения такого типа нуклеусов в Берингии.

В Якутию этот тип клиновидных нуклеусов не распространился, они неизвестны на стоянках дуктайской культуры. С Верхней Колымы технологические традиции БфКН распространились в Берингии, в т.ч. на Аляску.

Т.Е. Солдатова

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва

Костяная индустрия верхнепалеолитической стоянки Сунгирь: предварительные результаты

Находки изделий из кости, рога и бивня представляют собой ценный археологический источник, поскольку «предметы искусства, орнамент и весь костяной инвентарь дают возможность выделить культуры так же, как и типология каменных орудий, а может быть и более точно, так как содержат больше информации» (М.Д. Гвоздовер).

Предметом представленного исследования является костяной, роговой и бивневый инвентарь (исключая предметы искусства, в т.ч. украшения) коллекции верхнепалеолитической стоянки Сунгирь¹.

Памятник расположен у восточной окраины г. Владимира, в бассейне р. Клязьма. Основной мас-

сив радиоуглеродных дат располагается в промежутке от 25500±200 (Gro-5425) до 28800±240 (ГИН-9028). Большинство исследователей относят стоянку к костёнковско-стрелецкой культуре, а ряд учёных отмечают в её материальной культуре как ориньякоидные, так и селетоидные черты (О.Н. Бадер, К.Н. Гаврилов и др.).

Материалы памятника разносторонне изучались многие годы, однако комплекс изделий из кости, рога и бивня в полном объёме никогда не рассматривался. Лишь в некоторых работах автора раскопок О.Н. Бадера представлена общая, но далеко неполная характеристика находок из названных материалов, а отдельные

¹ Автор выражает признательность заместителю генерального директора по научной работе Владимиро-Суздальского музея-заповедника к.и.н. М.Е. Родиной и хранителю сунгирской коллекции А.Н. Пальцевой за оказанную ими неоценимую помощь в работе.

категории изделий частично были рассмотрены в многочисленных публикациях. Представленное исследование является первой попыткой обработки всей коллекции предметов из кости, рога и бивня.

Коллекция инвентаря (без украшений и предметов искусства малых форм) содержит 158 предметов, из них из кости – 96 экз., из рога – 20 экз., из бивня – 42 экз.

Технологический анализ изделий продемонстрировал широкий спектр используемых на стоянке Сунгирь техник и приёмов обработки органического сырья: ударная техника, продольное и поперечное скалывание, поперечный облом по предварительному пропилю, резание, пиление, строгание, шлифование. Несмотря на различия в первичном раскалывании костяного, рогового и бивневого материала (раскалывание – для кости, ударная техника – для рога, поперечное разламывание, продольное и поперечное скалывание, а также расслоение – для бивня), для дальнейшей обработки предметов на памятнике использовались схожие приёмы (за исключением единичных шлифованных бивневых изделий). Можно говорить о достаточном единообразии в технологии обработки различных видов костного сырья.

При этом, несмотря на прекрасно выполненные изделия из погребений, всю остальную костяную индустрию стоянки (за исключением предметов искусства) можно охарактеризовать как достаточно архаичную и, судя по ограниченному набору технических приёмов обработки, вполне однородную. Ряд категорий заготовок и орудий представлен серией экземпляров из различных типов костного сырья, для создания которых применялся единый комплекс технологических приемов обработки.

Изделия из бивня выделяются на фоне других костяных поделок особой тщательностью обработки. Среди них нет предметов, употребившихся в хозяйственно-бытовой деятельности непосредственно на стоянке: только орудия охоты (наконечники), предметы искусства и разного рода украшения.

Технико-типологический анализ продемонстрировал наличие в коллекции памятника ряда костяных и бивневых предметов, относящихся ко всем технологическим стадиям производственной операционной цепочки. Кроме того, планиграфический анализ позволил выделить на территории стоянки несколько участков, на которых, с известной долей вероятности, велась непродолжительная деятельность по обработке кости, связанная с конкретными потребностями людей в какой-либо заготовке.

С другой стороны, следует отметить наличие небольшого количества заготовок в коллекции, а также полное отсутствие таковых для наиболее распространённых форм орудий. Вероятно, часть заготовок приносили на стоянку в готовом виде. Проведение функционально-трассологического анализа каменных орудий коллекции памятника позволило бы более чётко говорить о характере обработки костного сырья.

В целом, можно сказать, что коллекция стоянки Сунгирь достаточно однообразна.

На основе наблюдений О.Н. Бадера и анализа пространственного распределения предметов из кости, рога и бивня на памятнике были выделены две жилые площадки: юго-западная и северо-восточная. На первой – достаточно чётко прослеживается участок, связанный с ритуальной деятельностью (здесь расположены могилы, а также ритуальная яма с большим количеством бивневых и роговых изделий), и производственный участок, где сосредоточены скопления, состав которых свидетельствует о проведении здесь обработки кости. На северо-восточной площадке подобных структурных элементов не выявлено. Между описанными площадками прослеживается тесная связь как в орудийном наборе и сырьевой базе, так и в технологии обработки того или иного костного материала.

Таким образом, предварительные результаты проведённого исследования позволяют существенно пересмотреть ряд прежних представлений о костяной индустрии стоянки Сунгирь.

А.Н. Сорокин

Институт археологии РАН, Москва

Финальный палеолит Центральной России: есть ли выход из тупика?

Оживление за последние 15 лет исследований по проблематике эпохи финального палеолита территории Центральной России не привело к возникновению открытой дискуссии. По существу, если исключить публикацию новых или иную интерпретацию старых материалов, все, кто высказывался по пробле-

мам культурного членения, хронологии и периодизации заключительного отрезка палеолита, так и остались на своих первоначальных позициях. И это довольно симптоматично.

Если суммировать, суть проблем чаще сводится к тому, имели ли продолжение яркие верхнепалеоли-

тические феномены Поочья, такие как зарайская индустрия, свое логическое продолжение после максимума Валдайского оледенения в финале плейстоцена, или это был эпизод, не имевший развития? И могло ли осуществляться заселение территории в позднеледниковье населением, не имевшим здесь родовых корней? Разброс мнений весьма велик – от запустения региона во время максимума Валдайского оледенения и последующего прихода на пустующую территорию чуждых, западноевропейских групп (традиция бромме) до сохранения в регионе аборигенного населения и трансформации верхнепалеолитических индустрий в финальнопалеолитические. Высказано мнение и о сопряженности обоих процессов и сосуществовании на этой территории разных популяций.

Единственное, в чём, пожалуй, сходятся все исследователи, это то, что правобережье Оки в великое Валдайское оледенение не только не было покрыто ледниковым щитом, но и находилось за «буферной зоной». Следовательно, оно и могло быть тем «форпостом», где в относительно комфортных условиях могли обитать люди. Однако имеющиеся археологические данные крайне скупы, а их материал плохо поддается интерпретации.

Несмотря на отсутствие консенсуса, обсуждение гипотез «граветтского эпизода», «граветтского наследия», «лингбийской традиции» и других следует считать плодотворным, ибо в результате стало очевидным, что в рамках стандартных подходов все они неразрешимы. Сказанное объясняется двумя главными причинами: 1) отсутствием полноценно изученных многослойных стратифицированных памятников и 2) малочисленностью и противоречивостью естественнонаучных дат. Все это определяет невозможность соотнесения разных феноменов друг с другом и, следовательно, их корректное сравнение и корреляцию.

Возникает закономерный вопрос, есть ли выход из логического тупика? Полагаю, что есть. Он заключается в необходимости открытия и изучения мультислойчатых стоянок с надежной стратиграфией. В этой связи следует сразу исключить памятники, залегающие на террасах. Дело даже не в том, что к настоящему времени утрачены и немногочисленные многослойные пункты, такие как Золоторучье, Богоявление, Алтыново, и другие, которые были зафиксированы и частично изучены в 1950–1970-е годы. Несмотря на все усилия, не принесло радикального изменения и открытие в конце XX и начале XXI веков таких стоянок, как Исток I или Ладыжино III. Это вполне закономерно, ибо существенный недостаток равнинных террасовых стоянок заключается в чрезвычайно медленной седиментации, из-за чего мы практически не получаем слоев одного, скажем финальнопалеолитического этапа. А имеем стандартно значительно отстоящие во времени друг от друга (эпохально) артефакты, что не способствует решению проблем финального палеолита.

Опыт изучения торфяников с их шлейфами – словесными пачками разовой аккумуляции тоже в силу

ряда причин оказался неудачен. По существу, всё, что имеется на настоящее время, не древнее рубежа плейстоцена-голоцена. Это не значит, что в пределах Европейской России нет плейстоценовых торфяников. Они есть, но, увы, остались вне сферы изучения. Даже вероятное присутствие на Заболотском торфянике древних отложений, залегающих на 5 и 8-метровых глубинах в толще отложений Тверского приледникового озера, не смогло привести, в силу финансовых и технических проблем, к их изучению. Однако и при наличии последних присутствие плейстоценовых торфов совсем не адекватно возможности локализации в них археологических материалов.

Большие надежды возлагались на пойменные объекты, где отложения в ряде случаев также образуются моментально, главным образом в результате эпизодических высоких весенних паводков. Так на стояке Суконцево ЗП в 1985 г. автором было зафиксировано свыше десятка культурных слоев, разделенных стерильными прослойками, но по субъективным причинам раскопки этого памятника произвести не удалось. Однако чаще всего пойменная фация складывалась в голоцене, и для решения поставленной задачи объекты, залегающие в пойменной толще, попросту непригодны.

Означает ли сказанное, что проблема неразрешима? Совершенно нет, но выход, как представляется, следует искать в выявлении элементов быстрой аккумуляции иного генезиса. В качестве таковых в равнинных условиях могут быть лишь конусы выноса. Благоприятным в этом отношении является полигон правобережья р. Оки в пределах Калужской, Московской и Тульской областей на участке от Калуги до Коломны. В геоморфологическом отношении он включает отроги Среднерусской возвышенности, где ординарные участки с активной аккумулятивной составляющей.

Этот полигон, испещренный многочисленными короткими правобережными притоками р. Оки, текущими в широтном и меридиональном направлениях и обнажающими известняки, обильно насыщенные высококачественным кремневым сырьем, наиболее перспективен для решения заявленной задачи. Абсолютное большинство правобережных притоков Оки, стекающих с отрогов Средне-Русской возвышенности, имеют каньонообразные русла и перепад высот от истоков к устьям на сравнительно коротких участках порядка 50–100 м. Это создает редкую возможность обнаружения на отдельных элементах морфорельефа слоев быстрой аккумуляции, обладающих идеальной стратиграфией. В качестве таковых следует рассматривать конусы выноса, реально довольно многочисленные в пределах полигона.

Всё сказанное позволяет прогнозировать высокую вероятность открытия в данном регионе мультислойчатых стоянок с четкой стратиграфией отложений. Опыт Вашаны, часть слоев которой имеет подобный генезис, показывает, что присутствие стратиграфически разведенных слоев реально. Это означает, что проведение планомерных разведок на территории

полигона неизбежно приведет к открытию целой серии аналогичных памятников.

Необходимость проверки теории практикой очевидна. Дело не в числе и составе аргументов, а в том, что без новых стратифицированных и надежно датированных стоянок ничто не в состоянии решить вышеозначенную проблему. Вероятен и источник фи-

нансирования – обследование зон отводов земельных участков. В случае материализации на практике предложенного можно прогнозировать высокую вероятность открытия фундаментальных памятников и перспективу решения существующих научных гипотез. Одновременно все это может привести к радикальному перевороту в имеющихся представлениях.

К.Н. Степанова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Песты-терочники верхнего палеолита в контексте концепции «усложненного собирательства»

Традиционное определение палеолитического хозяйства как охотничье-собирательского основывается больше на этнографических данных и простой логике: растительная пища присутствует в рационе всех народов – от тропиков до крайнего севера. Собирательство в этой паре всегда оставалось необходимым логическим компонентом, не вызывавшим особых вопросов и не требующим обоснования. При этом фактическая основа для реконструкции собирательства оставалась неясной. Рост интереса к проблематике собирательства в археологии палеолита связан с развитием изотопной аналитики, воссоздающей диету древнего населения, и с палеоботаническими исследованиями (определение остатков обрабатываемого материала на орудиях, а так же наличных растительных ресурсов по пыльцевым спектрам). Следствием этих исследований является и повышение интереса к археологическому материалу, который может быть привлечен к проблеме собирательства, переработке и подготовке для длительного хранения растительных ресурсов.

Традиционно с переработкой растений связываются гальки неизоморфных пород камня со следами износа на поверхности, которые человек использовал без предварительной обработки или с минимальной модификацией (т. н. поковка для лучшего захвата обрабатываемого материала). Установлено, что эта категория инвентаря включает в себя как многофункциональные орудия, так и специализированные. Возможности трасологического анализа для функциональной атрибуции этой группы орудий находятся в состоянии разработки, хотя макротрасология (характер износа поверхности на уровне визуальных определений) используется для их внутривидо-

вой дифференциации. Микротрасологические определения (заполировки на зернах породы, соответствующие характеру обрабатываемого материала), в случае, когда археологический материал позволяет их дать, помогают точнее оценить место конкретного орудия в хозяйстве.

Морфологически устойчивыми и наиболее выразительными орудиями для переработки растительной пищи считаются «песты-терочники» (куранты) и «нижние зернотерочные плиты». Традиция их выделения в материалах верхнего палеолита берет своё начало от А.Н. Рогачева (1973) и его концепции «усложненного собирательства». На настоящий момент эта концепция получила ряд косвенных подтверждений палеоботаническими данными, а также данными, удравняющими этот вид домашне-хозяйственной деятельности как минимум до среднего палеолита.

Анализ пространственно-хронологического распределения пестов-терочников с верхнепалеолитических стоянок Евразии показывает присутствие орудий, которые могут быть связаны с систематической обработкой продуктов собирательства на широчайших территориях (от Западной Европы до Забайкалья), при этом их варибельность во времени и пространстве минимальна. Такие орудия представлены практически во всех культурных подразделениях верхнего палеолита, но пока на единичных памятниках. На этом основании можно сделать вывод, что деятельность, связанная с переработкой и хранением растительной пищи, существовала в течение всего верхнего палеолита, не имела определенной культурной, хронологической и географической привязки, но ее проявления в археологическом материале фиксируются только в единичных случаях.

А.В. Тетенькин

Иркутский государственный технический университет, Иркутск

Проблема определения археологической специфики Байкало-Патомского нагорья в конце плейстоцена – первой половине голоцена

Главным районом концентрации объектов археологии Байкало-Патомского нагорья (северо-восточный контур Байкальской Сибири) является долина основного его водотока – р. Витим в нижнем течении. Опорным исследовательским участком в этих пределах выступает Мамаканский геоархеологический район. Фоном для сравнительных аналитических операций являются изучавшиеся ранее на Витиме плейстоценовые стоянки дюктайского верхнепалеолитического облика Авдеиха (Мочанов, 1977), Большой Якорь I (Инешин, Тетенькин, 2010), раннеголоценовая стоянка Большая Северная, отнесенная к сумнагинской культуре Якутии (Мочанов, 1977); соседние регионы, обладающие собственными культурно-хронологическими схемами – Якутия (Мочанов, 1977), район верхнего течения Витима (Ветров, 1995, Аксенов, Ветров и др., 2000), Прибайкалье (Мезолит ..., 1971; Стратиграфия, ..., 1990).

Первыми исследователями – Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой – Байкало-Патомское нагорье было отнесено к ареалу распространения археологических культур Якутии. Исходя из этого определения, одна из задач дальнейшего развития археологии региона понималась как изучение: развивался ли район бассейна нижнего течения Витима в голоцене – мезолите–неолите – по общей схеме развития каменного века Якутии либо как пограничный район, испытывавший перекрестное влияние также и культурно-географических зон Прибайкалья, Забайкалья.

Основной фонд объектов рассматриваемого периода рубежа плейстоцена – середины голоцена представлен 17-ю стратифицированными и обеспеченными радиоуглеродными датами комплексами: 3 к. г., 2-нижний, 2-верхний к. г. Коврижки III; 5 к. г. Коврижки II (около 11,2–10,4 тыс. л. н.); Инвалидного III, пункты 2, 3 (около 8,9 тыс. л. н.); 1А к. г. Коврижки III; 3–4А к. г. Коврижки I; 3–7 к. г. Коврижки IV (около 8,2–7 тыс. л. н.); 1 к. г. Инвалидного III – пункта 1; 2 к. г. Коврижки I (около 6,2–6,0 тыс. л. н.) (Инешин, Тетенькин, 2005; 2010; Тетенькин, 2009; 2010).

В ансамблях каменной индустрии местонахождений Коврижка II, III, IV, Инвалидный III – пункт 1 вплоть до 6 тыс. л. н. сохраняется верхнепалеолитическая дюктайская традиция производства бифасов, клиновидных нуклеусов, скребел, чопперов, орудий из отщепов и сколов. Это обстоятельство входит в противо-

речие с четко постулируемой Ю.А. Мочановым для соседней Якутии смены дюктайской и сумнагинской культуры на рубеже плейстоцена (Мочанов, 1977).

Существование ансамблей с традициями расщепления камня палеолитического облика на нижнем Витиме вплоть до среднего голоцена делает схему развития культур Якутии неработающей в исследуемом районе. Ансамбли дюктайского типа различаются между собой по наличию техники продольного расщепления бифаса и подготовки клиновидного нуклеуса в традиции «юбецу», прослеженной впервые в материалах Большого Якоря I (Инешин, Тетенькин, 2010). С одной стороны, это комплексы Коврижки IV, Инвалидного III – пункт 1, демонстрирующие вышеупомянутую технику. С другой – в комплексах Коврижки III – 2 к. г., Коврижки II – 1–4 к. г. встречена альтернативная техника оформления микронуклеуса из бифаса и скола с отличительным признаком подготовки ударной площадки мелкими, короткими сколами (Тетенькин, 2010). Индустрия с этим типом техники на Витиме впервые была выявлена Ю.А. Мочановым на стоянке Авдеиха.

Третий тип индустрии (Большая Северная; Инвалидный III, пункты 2, 3; Коврижка I: около 9–6 тыс. л. н.) характеризуется призматическими микронуклеусами, микропластинами как основой для производства орудий, галечными топорами и теслами. Формально, по ряду типологических признаков эти ансамбли отчасти определяются как сумнагинские, вместе с тем имеют корреляционные отсылки на юг Средней Сибири (тесла «с перехватом»), верхний Витим (аналоги во всех основных категориях артефактов из камня, векторы переноса экзотического сырья).

На протяжении изучаемого периода описанные типы каменной индустрии сосуществуют на одной локальной территории. На Коврижке III в 3 и 2 к. г. (около 11–10,4 тыс. л. н.) призматические микронуклеусы встречены в составе верхнепалеолитической индустрии, наряду с клиновидными нуклеусами, что позволяет рассматривать версию развития призматической микропластинчатой техники на местной верхнепалеолитической основе, а в качестве возможного объяснения технической вариативности искать причины в реализации таких факторов как специфика деятельности, кратковременность обитания, время года, доступность источников сырья.

- Аксенов М.П., Ветров В.М., Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2000. История и некоторые результаты археологических исследований в бассейне р. Витим // Байкальская Сибирь в древности: Сб. науч. трудов. Иркутск. Вып. 2, ч.1
- Ветров В.М., 1995. Резцы и нуклеусы усть-каренгской археологической культуры // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск.
- Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2005. Проблемы изучения археологических памятников раннего голоцена на Нижнем Витиме // Социогенез в Северной Азии: Сб. научных трудов / Под ред. А.В. Харинского. Иркутск. Ч.1
- Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 2010. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I / Е.М. Инешин, А.В. Тетенькин. Новосибирск.
- Мезолит Верхнего Приангарья. 1971. Иркутск. Ч.1.
- Мочанов Ю.А., 1977. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск.
- Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири. 1990. Иркутск.
- Тетенькин А.В., 2009. Развитие археологии Нижнего Витима в контексте исследований группы местонахождений Коврижка I–IV // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. Иркутск.
- Тетенькин А.В., 2010. Материалы исследований ансамбля археологических местонахождений Коврижка на Нижнем Витиме (1995–2009 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск. Вып. 8.

Г.А. Хлопачев*Музей антропологии и этнографии РАН, Санкт-Петербург*

Стоянка Бугорок и ее место в позднем верхнем палеолите Подесенья

Стоянка Бугорок является одним из палеолитических памятников пушкаревской группы, которые сосредоточены на южной окраине села Пушкари (Новгород-Сиверский район, Черниговская обл., Украина), на территории урочища Погон на правом берегу р. Десны. Стоянка открыта в 1940-м году М.В. Воеводским. В этом же году М.Д. Гвоздовер были осуществлены ее раскопки на площади 13,6 кв. м.

Долгое время морфологические особенности собранного кремневого инвентаря, а также стратиграфическое положение залегания культурных остатков в лессовой толще являлись единственной основой для решения вопросов о возрасте стоянки Бугорок, о ее хронологическом соотношении с другими памятниками пушкаревской группы и всего Деснинского палеолита (Гвоздовер, 1947; Воеводский, 1952; Борисковский, 1953; Величко, 1961 и др.). Проведенные в 1998–2009 гг. комплексные археологические исследования стоянки Бугорок позволили получить новые данные для обоснования ее абсолютного и относительного возраста (Хлопачев, 2003; Хлопачев, Кулькова, 2007).

Культурный слой стоянки Бугорок был изучен на площади более 60 кв. м. Он включал многочисленные кремневые изделия, а также плохой сохранности фаунистические остатки мамонта, овцебыка и песка, отдельные костные и еще более редкие древесные угли. Находки залегали на глубине около 30 см от современной дневной поверхности и были приурочены к нижней части буровато-коричневой супеси и верхней части палеовой супеси горизонта В современной почвы. Это оказало влияние на диагенетические изменения литологических свойств культурного слоя

и вмещающих его отложений. Тем не менее, положение кремневых изделий в слое, большое количество мелких и мельчайших кремневых чешуек, костей животных, залегающих в горизонтальном положении, однородный характер отложений, присутствие в слое небольших включений и линз гумусированности, а также зольной массы, заставляет исключить возможность существенного перемещения и переотложения культурного слоя.

О времени образования культурного слоя можно судить по результатам спорово-пыльцевого (определения Т.В. Сапелко) и геохимического анализов (определения М.А. Кульковой) образцов палинологической колонки, отобранной из стены раскопа. Культурному слою соответствует палинозона, в которой отмечено максимальное количество пыльцы древесных пород (сосна, ольховник, береза, ольха). При этом открытые тундрово-степные сообщества продолжали занимать значительные пространства. Комплекс растительности, реконструируемый по культурному слою стоянки Бугорок, схож с растительным покровом стоянок поздней поры верхнего палеолита Десны. Основным его отличием является отсутствие сибирских хвойных пород, что, по мнению Т.В. Сапелко, может служить подтверждением другого, менее описанного, поздневалдайского потепления – аллереда. Данное предположение согласуется с результатами реконструкции климатических изменений методом геохимической индикации и рядом радиоуглеродных датировок (11500±400 ЛЕ-6961, 11060±140 Ки-13078, 11700±250 Ки-13079), полученных по костному материалу из верхней части культурного слоя. Однако имеются две датировки, полученные по зубам

мамонта, обнаруженным в основании культурного слоя (14770±115 Hela-1517, 14820±60 OxA-17799), которые выглядят более привычно для палеолитических памятников Десны. Каменная индустрия стоянки Бугорок не обнаруживает никакого сходства с памятниками финального палеолита и мезолита бассейна р. Десны.

Коллекция кремневого инвентаря насчитывает более 10000 предметов. В качестве сырья использовался местный деснинский меловой желвачный и плиточный кремнь. Предметы первичного раскалывания включают многочисленные сколы и отщепы, ребристые сколы, сколы подправки площадки

нуклеусов, а также нуклеусы. Последние представлены, главным образом, одноплощадочными нуклеусами подпризматической, призматической и подчетырехугольной формы. Достаточно много двухплощадочных нуклеусов встречного смежного скалывания, нуклеусов с бипродольной и ортогональной системой скалывания. Имеется несколько нуклеусов подпирамидальной и подклиновидной формы.

Коллекция предметов с вторичной обработкой насчитывает более 400 орудий. Среди орудий преобладают ретушные резцы (в том числе двойные), (рис. 1: 11–19), резцы на сломе (рис. 1: 12) и двугран-

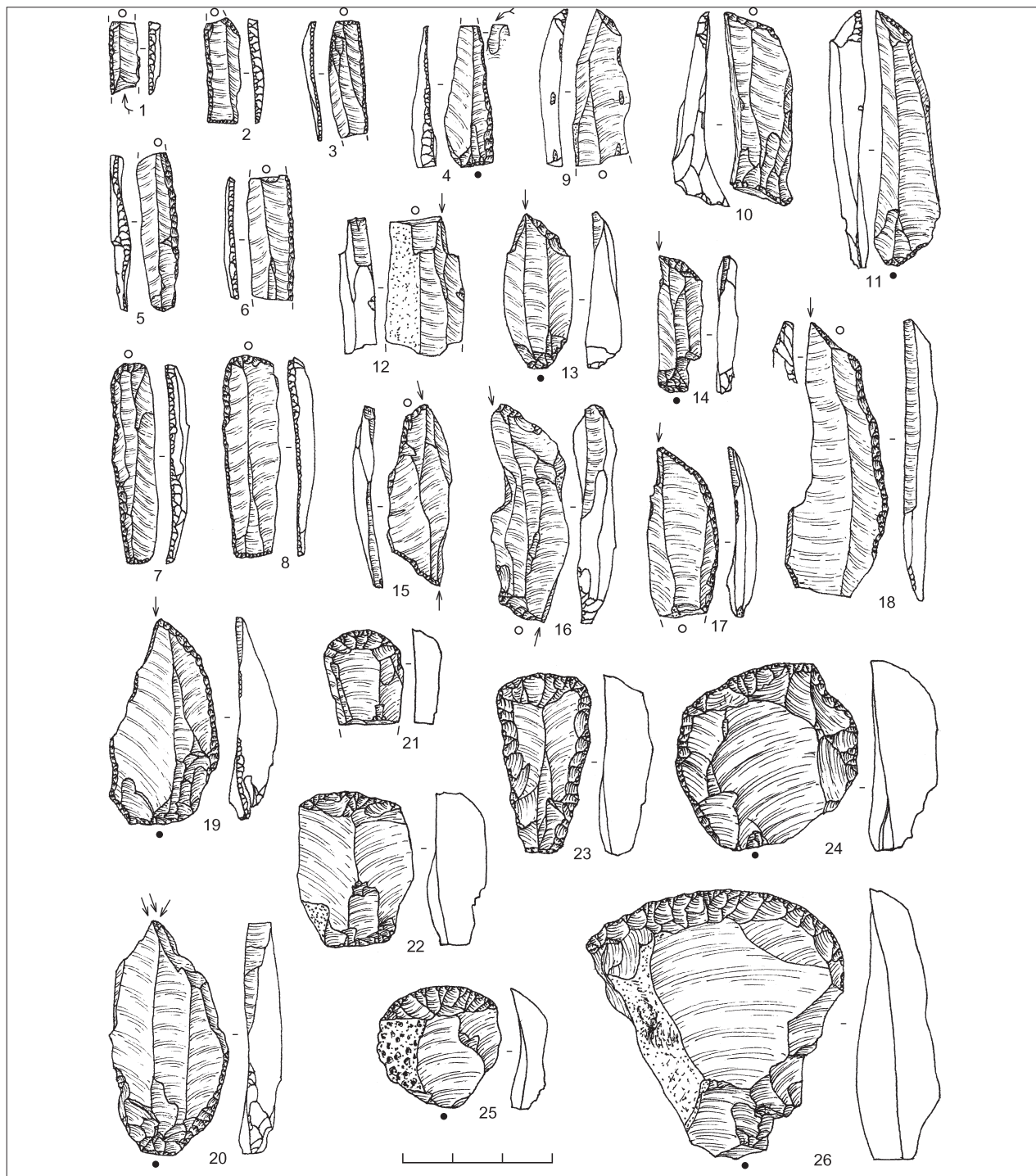

Рис. 1

ные резцы (рис. 1: 20) не многочисленны, большое количество скребков самой разной формы (концевые, округлые, двойные, укороченные) (рис. 1: 21–26), достаточно представительны пластинки и микропластинки с затупленным краем (имеются прямоугольники) (рис. 1: 1–8), пластины и пластинки с усеченными

концами (рис. 1: 9–11). Категориальный набор каменных орудий обнаруживает высокую степень сходства с каменными индустриями памятников тимоновско-юдиновской культуры Подесенья – Юдиново (верхний слой), Юдиново (нижний слой) и Чулатов II (Рабочий ров).

Гвоздовер, 1947. Палеолитическая стоянка Бугорок // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры имени Н.Я. Марра. М.-Л. Вып. XV.
Борисковский, 1953. Палеолит Украины. Историко-археологические очерки // МИА. М.-Л. № 40.
Величко, 1961. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. М.

Воеводский, 1952. Стоянка Бугорок // Ископаемый человек и его культура на территории СССР. Ученые записки Института антропологии МГУ. М. Вып. 158.
Хлопачев Г.А., 2003. Стоянки Погон и Бугорок (раскопки 1997–1999, 2001 гг.) // Пушкаревский сборник. Вып. 2.
Хлопачев Г.А., Кулькова М.А., 2007. Стоянка Бугорок (Пушкари–IX): геологическая характеристика и возраст // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. СПб.

А.А. Цыбанков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Каменная индустрия верхнепалеолитического комплекса восточной галереи Денисовой пещеры

Денисова пещера расположена в северо-западной части Алтайских гор в долине верхнего течения р. Ануй. Пещера выработана в правом борту долины Ануй в крупном блоке силурийских биогермных известняков. Вход в пещеру расположен в уступе отвесной стены юго-западной экспозиции на высоте 30 м над современным урезом реки. Пещера состоит из системы коротких субгоризонтальных и пологонаклонных галерей, сообщающихся через центральный зал.

Изучение верхней пачки плейстоценовых отложений в восточной галерее началось в 2005 г., и на настоящее время вскрыты стратиграфические подразделения верхнепалеолитических слоев 9 и 11.

Археологические материалы слоя 11 связаны с ранней стадией верхнего палеолита. Согласно данным абсолютной геохронологии, радиоуглеродный возраст плейстоценовой толщи слоя 11 определен в диапазоне от 51 тыс. лет до 29 тыс. лет. Коллекция каменных артефактов насчитывает около 20000 экземпляров. Первичное расщепление этой индустрии характеризуется, главным образом, параллельной техникой. Среди нуклеусов доминируют одно-двухплощадочные плоскостные ядрища, достаточно широко представлены торцовые ядрища. Представительны ортогональные, радиальные и торцовые формы. Интересна серия нуклеусов на отщепах, с которых, после подготовки на одном из краев ударной площадки, получали один или два скола типа комбива. Среди сколов доминируют отщепы с гладкими или естественными ударными площадками; пластины малочисленны. В список типологически выраженных изделий

входят леваллуазские остроконечники, скошенные острья, скребла, скребки, резцы, ножи, долотовидные орудия, орудия с вентральным утончением дистального края, зубчато-выемчатые и шиповидные формы. Вместе с тем большую серию составляют сколы с эпизодической ретушью. Важный компонент коллекции слоя 11 составляют костяные орудия и первобытные украшения.

В целом облик каменных индустрий из ранневерхнепалеолитического комплекса определяет сочетание некоторых среднепалеолитических черт, представленных заметной долей леваллуазских и мустье-роидных изделий и отчетливо выраженных верхнепалеолитических признаков в виде торцового пластинчатого расщепления, характерных форм резцов, скребков, долотовидных орудий, а также предметов символической деятельности.

Коллекция слоя 9 значительно меньше, около 1000 экз. Для получения заготовок активно использовались, как и в ранневерхнепалеолитическом комплексе, одноплощадочные монофронтальные плоскостные нуклеусы, но наряду с ними вырастает роль призматических и торцовых форм. Орудийный набор типологически близок к нижележащему комплексу, отличительной особенностью является заметное увеличение доли изделий на пластинах, а также появление элементов вкладышевых орудий в виде пластинок и микропластинок с притупленным краем. Стратиграфическое положение и облик каменной индустрии позволяют отнести время накопления отложений слоя 9 к сартанскому оледенению.

А.А. Чубур

Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, Брянск

Новая палеоантропологическая находка на Новгород-Северской верхнепалеолитической стоянке (Средняя Десна)

В палеолите Десны палеоантропологические находки скудны: погребения неизвестны, редкие фрагменты костей и зубы встречены в слоях нескольких стоянок. Первые находки сделал в 1930-х И.Г. Пидопличко на Новгород-Северской стоянке, открытой М.Я. Рудыным в карьере, снявшем над культурным слоем балласт в 6 м. Среди кухонных отбросов встречены осколок диафиза плечевой кости *Homo sapiens* 10-12 лет и 3 мелких фрагмента свода черепа, на одном из которых были следы резания. Вскрыто 238 кв. м, дальнейшие исследования признали бесперспективными, стоянку объявили разрушенной.

Однако сомнения, что стоянка исчерпана оставались. В 2010 г. автор и И.С. Кедун предприняли разведочную шурфовку дна заброшенного карьера между раскопом Рудынского и северным раскопом Пидопличко. Шурф дал фрагменты костей мамонта и лошади, несколько расщепленных кремней. Главной находкой стал крупный фрагмент черепа *Homo sapiens*.

Это обломок средней части и левой половины лобной кости, включающей в себя часть лобной чешуи, значительную часть левой глазницы с сохранившимся скуловым отростком и фрагмент носовой части. Естественная окрашенность окислами железа говорит о длительном нахождении после попадания в слой в условиях повышенной увлажненности при доступе кислорода. Надбровная дуга развита слабо, утончена, не доходит до середины орбиты. Надпереносье уплощенное. В сочетании с этими признаками тонкий, заостренный верхний край орбиты глазницы,

относительно тонкий скуловой отросток и выразительный лобный бугор позволяют предположить, что череп принадлежит женской особи. На лобной кости наблюдаются следы лобного метопического шва. Как правило, он закрывается на 3-4 году жизни за исключением части над корнем носа, которая синостезируется к 9-10 годам. След шва на внешней части черепа еще некоторое время заметен. Таким образом, биологический возраст особи, учитывая совершенно синостезированные венечный и лобно-носовой швы, скорее всего, лежит между 12 и 14 годами.

На внешней поверхности лобной кости имеется серия ритмичных вертикальных нарезок, составляющих горизонтальный ряд, тянущийся по лобной чешуе в 4 см над верхним краем глазницы. Такие нарезки возникают при снятии с кости мягких тканей путем резания и скобления ножевидной пластиной, часты эти следы на кухонных остатках палеолитических стоянок. Это не следы снятия скальпа. Череп не был превращен и в ритуальный сосуд, как на стоянке Чулатово 1. Не идет речь о разрушенном погребении. Наше объяснение попадания ее костей в кухонные остатки – эндоканнибализм, ритуально-магическое поедание тел умерших сородичей. Этот обычай столь широко распространен среди первобытных племен, что мы не находим странным его наличие у палеолитического населения. Не первое свидетельство особого отношения к человеческим останкам в верхнем палеолите Подесенья позволяет нетрадиционно взглянуть на проблему отсутствия погребальных памятников палеолита в регионе.

М.В. Шуньков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Древнейший палеолит Северной Азии

Согласно современным научным данным, около 2 млн. лет назад *Homo erectus* вышел за пределы Африки и начал расселяться на территории Евразии. Первая волна древнейших мигрантов двигалась в двух основных направлениях: первое – через Ближ-

ний Восток на юг Европы – на Кавказ и в районы Средиземноморья, второе – через западные районы Азии на восток. Предполагается, что на восток гоминиды двигались двумя путями. Один из них пролегал, видимо, южнее Гималаев и Тибетского нагорья через Ин-

достан в Восточную и Юго-Восточную Азию. Другой, северный миграционный путь, проходил, скорее всего, через Переднеазиатские нагорья в Центральную и Северную Азию.

Свидетельствами первого появления человека на территории Северной Азии являются раннепалеолитические галечные орудия, обнаруженные в отложениях нижнего неоплейстоцена на стоянке Карамы в северо-западной части Алтая. В толще пролювиально-аллювиальных осадков, вскрытых на участке пологого склона долины р. Ануй с отметками 50–60 м над урезом реки, зафиксирована культурная последовательность из четырех горизонтов обитания раннепалеолитического человека с выразительной галечной индустрией.

Верхний уровень находок связан с толщиной грубоокатанного валунно-глыбового материала с плохо сортированным суглинисто-песчаным заполнителем красновато-коричневых тонов, обильно насыщенным гравием и дресвой. Среди крупнообломочного материала преобладают крупнозернистые гранитоиды и эффузивы с включениями плоских, горизонтально лежащих глыб светло-серого гранита. Часть из них подверглась интенсивному выветриванию, а некоторые глыбы разложились до дресвы или до состояния серой глины с зернами кварца. Особенности гранулометрического состава и сортированности указывают на пролювиальный генезис отложений, хотя в подошве толщи отмечены включения мелкогалечного и гравийного материала, прошедшего стадию аллювиального транзита. Аккумуляция красноцветных отложений на верхних уровнях долины Ануй, согласно данным палеонтологического анализа и результатам РТЛ-датирования, относится к эпохе раннего неоплейстоцена.

Нижняя часть разреза, вмещающая три уровня раннепалеолитических находок, представлена толщиной переслаивающихся субаквальных супесчаных и глинистых осадков с линзами и прослоями выветрелого галечного и гравийного материала и с хорошо выраженным педокомплексом из двух горизонтов пойменных монтмориллонитовых почв типа слитоземов. Для плейстоценовых отложений Сибири ископаемые почвы семейства слитоземов не характерны, что косвенно подтверждает относительную древность этого педокомплекса.

Согласно результатам палеоботанических исследований, процесс первоначального заселения человеком Алтая проходил в благоприятных климатических условиях. В это время в окрестностях стоянки произрастали березовые и сосновые леса с участием темнохвойных пород и экзотических элементов дендрофлоры, в том числе неморальных европейских и дальневосточных таксонов – граба сердцелистного, грабинника, хмелеграба, дуба черешчатого, липы сердцелистной, липы амурской, липы маньчжурской, вяза мелколистного и шелковицы, которые впервые зафиксированы в составе региональной ископаемой флоры. Наличие пыльцы этих растений и эколого-ценотические особенности обнаруженных

экзотических таксонов позволяют определить возраст вмещающих отложений не моложе раннего неоплейстоцена.

Результаты климатостратиграфического расчленения разреза и полученные палеоклиматические реконструкции свидетельствуют о формировании этих отложений во время четырех палеогеографических этапов раннего неоплейстоцена, отвечающих сменам двух теплых и двух холодных эпох межледникового и ледникового рангов. В совокупности материалы палинологического анализа и другие аналитические данные позволяют предположить, что накопление этих отложений соответствует стадиям 16–19 изотопно-кислородной шкалы, т. е. определить их возраст в диапазоне 600–800 тыс. лет.

Раннепалеолитические материалы Карамы представлены индустриями галечного типа. Сырьем для изготовления орудий служили крупные неокатанные обломки кислых вулканических пород, преимущественно сферолитовых эффузивов из коллювиально-пролювиальных отложений местного происхождения. В техническом отношении для этих индустрий характерны приемы бессистемного и параллельного скальвания заготовок. Среди продуктов расщепления представлены нуклевидно обколотые гальки с гладкими или грубо подправленными ударными площадками, а также сколы с субпараллельно ограниченным дорсалом и подготовленной площадкой. Самой представительной категорией инвентаря являются скребла, выполненные в продольном, диагональном и поперечном вариантах, как правило, с естественным или затесанным обушком. К другой ведущей группе орудий относятся чопперы с прямым, выпуклым или вогнутым контуром рабочего края и массивным основанием. Следующую по значению группу образуют зубчатые, выемчатые и клювовидные орудия, оформленные главным образом клетонскими анкошами. Остальную часть инвентаря составляют галечные орудия с выделенным шиповидным выступом в виде носика, нуклевидные скребки с крутой или отвесной оббивкой рабочего края, массивные острия с широкоугольным рабочим элементом, ножи на долечных сколах с обушком-гранью, сколы с локальной ретушью.

Раннепалеолитические местонахождения открыты и в других районах Северной Азии: в Туве (местонахождение Торгалык), в Кузнецкой котловине (Мохово), в долине среднего Енисея (Разлог, Разлив, Каменный лог), в Приангарье (Игетей, Тарахай и др.), в Якутии (Диринг-Юрях), в бассейне среднего Амура (Филимошки, Кумары, Усть-Ту). Они датируются эпохой среднего неоплейстоцена, т. е. их возраст не более 400 тыс. лет. Каменные изделия раннепалеолитических обитателей Сибири включали различные виды чопперов, галечные орудия с элементами двусторонней обработки в виде примитивных бифасов, нуклеусы дисковидной и подпризматической формы, с которых снимались крупные отщепы и пластины. Из них изготавливались массивные скребла, остроконечники и скребки.

Технология первичного расщепления камня раннепалеолитической стоянки Кермек в Южном Приазовье¹

В результате открытия на территории нашей страны древнейших стоянок человека, датируемых ранним плейстоценом, у нас впервые появились реальные возможности для всесторонних исследований начального этапа развития человеческого общества. При этом важнейшей составляющей этих исследований является изучение технологий обработки камня и изготовления каменных орудий труда древнейших индустрий.

В Южном Приазовье в 2008 г. нами была открыта новая раннепалеолитическая стоянка, названная Кермек, которая, судя по имеющимся данным, является одной из наиболее древних стоянок человека в Европе. Эта стоянка располагается на Таманском полуострове поблизости от известных раннепалеолитических стоянок Богатыри и Родники, но в иных геологических условиях. Культуросодержащий слой стоянки залегает в слоистой дислоцированной толще субаквальных пляжных и прибрежно-морских отложений с солоноватоводной и пресноводной фауной моллюсков, характерной для позднего куяльника (late Kujalnik), и фауной мелких млекопитающих с *Allophaiomys deucalion*, типичной для древнейшего бихариана (earliest Biharian). Возраст стоянки на основании геологических, биостратиграфических и палеомагнитных данных устанавливается в пределах 2,1–2,0 миллиона лет. Каменная индустрия стоянки относится к олдовану.

В предварительной расчистке культуросодержащего слоя обнаружено 86 каменных изделий: нуклеусы – 3 экз., отщепы – 30 экз., орудия – 53 экз. и около десятка обломков костей сравнительно небольших и крупных животных, в том числе обломок эпифиза и фрагмент пластины зуба слона.

Индустрия стоянки определяется как несколловая, так как орудия в ней изготовлены в основном из обломков камня (71,7% орудий), и многие из них принадлежат к категории «core-tools». Орудийный набор включает в себя: чопперы – 10 экз., скрёбла – 14 экз., ножи – 2 экз., грубые бифасы – 2 экз., клювовидные орудия – 3 экз., зубчатые орудия – 11 экз., отщепы с ретушью – 9 экз. и обломки плиток доломита с частичной обработкой – 2 экз. Обращает на себя внимание разнообразие форм орудий при значительной доле среди них чопперов и массивных скрёбел.

Анализ орудий позволяет выявить довольно устойчивые типы и установить в общих чертах технологию их изготовления. Интересна технология

первичного расщепления камня и изготовления заготовок.

Основным сырьём для орудий на стоянке был местный окварцованный доломит, природные отдельности которого в основном имели форму обломков плит и плиток разной толщины. Спорадически использовались также чёрный и серо-жёлтый кремний и обсидиан, по-видимому, в виде мелких галек. Плитчатые отдельности сырья для получения качественных заготовок для орудий подвергались специальной обработке. Кроме того, практиковался отбор плитчатых отдельностей разной толщины в зависимости от изготовления орудий разных категорий. Многие обломки доломита, использовавшиеся как заготовки для орудий, не только отбирались среди природных обломков, но и специально изготавливались путём простого раскалывания более крупных отдельностей первичного сырья. В свою очередь и отщепы изготавливались как расщеплением нуклеусов, так и краевым расщеплением неподготовленных плит и плиток. Устанавливаются три способа получения заготовок для орудий: 1 – простое раскалывание естественных плитчатых отдельностей доломита с целью отбора подходящих обломков в качестве заготовок для изделий. При этом нередко практиковалась дополнительная обколка выбранных обломков для придания им нужных размеров и форм; 2 – краевое расщепление неподготовленных плитчатых отдельностей для получения сколов-заготовок для изделий; 3 – расщепление нуклеусов. Нуклеусовое расщепление играло заметную роль, однако не превалировало и компенсировалось использованием для изготовления заготовок для орудий краевого расщепления и особенно простого раскалывания плитчатых отдельностей исходного сырья.

Использование плитчатого доломитового сырья не только предопределило особенности технологии первичного расщепления камня, но отчасти отразилось и на орудиях стоянки. Речь идёт не о составе категорий и типов орудий, так как набор их в основном, по-видимому, не зависел от свойств сырья. Влияние плитчатого доломитового сырья проявляется прежде всего в преимущественном выборе в качестве заготовок для орудий именно плитчатых отдельностей и, соответственно, в приёмах изготовления и облике орудий.

Исследование в целом показывает, что технология обработки камня и изготовления орудий на стоянке была довольно сложной и адаптированной к местным сырьевым ресурсам.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Мезолит и неолит Евразии: анализ источников, хронология, периодизация, культурная география

М.В. Аникович, Н.И. Платонова

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Первобытное искусство и «недоразвитый» кроманьонец (об одной новейшей концепции происхождения Homo sapiens и его искусства)¹

Наука о палеолите находится сейчас на грани смены парадигм. В этой связи обострилась борьба между разными системами взглядов на палеолитическое человечество. В частности, появился целый ряд новых разработок, основанных на представлениях о неизбежном прогрессивном саморазвитии всего на свете.

Согласно этой концепции, чем далее мы углубляемся в прошлое, тем человек примитивнее, тем его жизнь беспросветнее. Отсюда и утверждения о повсеместном геноциде и людоедстве в эпоху палеолита, и определение палеолитического человека как «падальщика», неспособного даже охотиться, и т.п. Подобные представления отчасти восходят к идеям XVII–XVIII вв. (Т. Гоббс, Дж. Вико). С середины XIX в. они стали неотъемлемой частью эволюционной концепции, периодически модифицируясь и неизменно объявляя себя «последним словом» науки.

Ярким выразителем подобных взглядов в России XX в. являлся Б.Ф. Поршнев. Его концепция не принята научным сообществом палеолитоведов. Однако в последние годы она стала популярной среди неспециалистов, поверхностно знающих археологию, специфику ее источников и методов анализа. К чему это приводит, мы рассмотрим на примере разработки проблемы происхождения искусства палеолита культурологом П.А. Куценковым (Москва).

Автор берет на вооружение концепцию «прерывности» Б.Ф. Поршнева. Согласно ей, человекообразные существа, обитавшие на земле до появления кроманьонца, были не людьми, а «переходной формой» (семейство троглодитид). Однако П.А. Куценков идет еще дальше, уверенно относя появление «готового» человека лишь к рубежу палеолита и мезолита.

В основе этого уточнения лежит гипотеза Н. Хамфри о принципиальных различиях в мышлении верхнепалеолитического и современного художника.

Сама эта гипотеза базируется на интересном, но, увы, единичном факте – параллелях (в т. ч. отдаленных) между пещерным искусством и рисунками девочки-аутиста, не освоившей членораздельной речи (Надя из Ноттингема). Вывод же предлагается самый радикальный: палеолитический художник *тоже не умел говорить, не умел абстрактно мыслить*, и именно это обусловило: а) «потрясающий реализм» его изображений; б) отсутствие в них контекста, символики и обобщенных образов (sic! – авт.).

Особенности творчества Нади из Ноттингема трактуются приверженцами данной концепции как характерные для аутистов вообще. Но изобразительная деятельность аутистов куда разнообразнее – от штриховых каракулей до прекрасных композиций. Реалистические рисунки Нади нельзя считать ее характерным примером. С другой стороны, тезис о поголовной неспособности детей-аутистов, не освоивших речь, к абстрактному мышлению, по меньшей мере, сомнителен. Известны случаи, когда за обманчивой внешностью «имбицила» скрывались богатый внутренний мир и внутренняя речь.

Читая утверждения П.А. Куценкова об отсутствии в палеолитическом искусстве символов, обобщенных образов и т. д., можно только гадать: *что это?* Гомерическое невежество или сознательная подтасовка фактов? Ведь уже достоверно установлено: символические изображения, знаки, сложные орнаменты развивались в палеолите *параллельно* с реалистическими изображениями! А фигуративное искусство малых форм ярко демонстрирует стилизован-

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (рук. проекта М.В. Аникович)

ные образы «мамонта вообще», «бизона вообще» и т. д., начиная с ранней поры верхнего палеолита (РВП).

По мнению П.А. Куценкова, ни искусствоведение, ни археология не способны ответить на вопросы о происхождении и функционировании искусства палеолита: «Тут необходима реконструкция психологии древнего человека...». Однако единственными источниками, несущими *прямую информацию* о палеолитическом человеке, являются именно археологические памятники. Нельзя реконструировать его психологию, не зная толком ни этих источников, ни методов их анализа. «Новая методология» оказывается просто тенденциозной подборкой «подходящих» цитат из работ психологов.

С культурой палеолита П.А. Куценков расправляется лихо: «...разговоры о «культуре» питекантропов и неандертальцев следует игнорировать, подобно сообщениям об изобретении вечного двигателя». Верхнепалеолитические стоянки – это «одновременно и культура, и не-культура...». Что же служит основой для столь ответственного заключения? – Трудно сказать. П.А. Куценков не просто не знает научной конкретики современного палеолитоведения: он не хочет ее знать!

Проблему орудийной деятельности автор «снижает», всецело объясняя ее имитативным рефлексом и эйдетической памятью, якобы присущими «недочеловеку»-кроманьонцу. Видимо, он даже не подозревает о том, что несводимость орудийной деятельности к имитативному рефлексу (по крайней мере, начи-

ная с ашеля) ныне вполне доказана результатами трасолого-экспериментальных исследований.

По словам П.А. Куценкова, «объединение иголки с ниткой современным психотиком... помогает понять, каким образом кроманьонец мог делать составные орудия вроде деревянных копий с кремневыми наконечниками...». Но... для того, чтобы психотик «эйдетически» совместил иголку с ниткой, нужно, чтобы кто-то (уж не сам ли психотик?) сначала *изобрел и изготовил* эти иголку и нитку, а потом применил их на практике. Действительно, костяная иголка с ушком, составные орудия из кости с вкладышевыми лезвиями, сложная одежда из кожи и замши, с узорами из нашивных бусин и т. п. известны, по меньшей мере, с РВП, не позднее 40–30 тыс. л. н. А упомянутый выше дротик с каменным наконечником употреблялся уже в среднем палеолите! Кто же обучил всему этому человекоподобное существо, якобы лишенное дара речи и абстрактного мышления? При отсутствии природного образца для имитирования, необходимо, чтобы таковой был *создан в результате творческого акта*. А это означает уже специфически человеческое поведение.

Возникает вопрос: можно ли оценивать концепцию П.А. Куценкова как научную, основанную на современных данных междисциплинарного анализа? – На наш взгляд, нельзя – хотя бы в силу наблюдаемого систематического игнорирования фактов, подлежащих анализу. Вместо научной гипотезы мы имеем тут метафизическую спекуляцию, навязчиво рекламирующую себя как истину в последней инстанции.

С.В. Батаршев

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Система размещения и структура древних поселений в среднем-позднем неолите Приморья

Согласно современным представлениям в неолите Приморья выделяются два периода – средний (7,5–5 тыс. л. н.) и поздний (5–3,2 тыс. л. н.). Средний неолит представлен руднинской, веткинской и бойсманской культурами, поздний неолит – зайсановской. Общее количество поселений, их плотность, ландшафтная приуроченность, система размещения и структура различны для каждого из периодов. Динамика этих параметров свидетельствует о важных изменениях, происходивших в жизнедеятельности древнего человека (стратегии освоения пространства, системе природопользования, культуре жизнеобеспечения, организации общества).

Памятники среднего неолита немногочисленны, все поселения можно разделить на три типа: 1) кратковременные стоянки без следов сооружений; 2) се-

зонные промысловые стоянки с наземными жилыми или бытовыми сооружениями; 3) долговременные поселения с углубленными в грунт жилищами. Структура долговременных поселений обнаруживает интересные особенности: поселения располагаются по бортам речных долин на возвышенных формах рельефа, позволяющих визуально контролировать долину в максимальном диапазоне; практически каждое поселение образовано остатками одного жилища. Жилища представляют собой долговременные постройки, предназначенные для проживания человека в холодное (осенне-весеннее) время (Батаршев, Клюев, 2009). Очевидно, что места для поселений выбирались с учетом возможности обзора окружающей местности, необходимого для быстрой реакции на передвижения наземных животных. Основным заняти-

ем людей, оставивших эти поселения, была охота. В заполнении и на полу жилищ самой массовой категорией изделий из камня являются шлифованные и ретушированные наконечники стрел. На некоторых памятниках сохранился остеологический материал, позволяющий представить состав охотничьей добычи: медведь, кабан, изюбр, косуля и др.

Особый интерес вызывает наличие на каждом из поселений среднего неолита только одного долговременного жилища (рис. 1). Учитывая небольшие размеры жилищ (70–20 кв. м) на одном таком поселении могло проживать лишь несколько парных семей, объединенных родственными связями и представляющих самостоятельную социальную ячейку – хозяйственный и социально-бытовой коллектив. Каждый такой коллектив людей контролировал огромные по своей территории охотничьи угодья, так как плотность расположения памятников очень низкая – один–два памятника на одну речную долину.

Несмотря на сделанный вывод, мы не исключаем возможность существования поселений с несколькими долговременными жилищами, функционирующими одновременно. Одно такое поселение известно на многослойном памятнике Рудная Пристань – это ранний горизонт заселения руднинской культуры. Уникальность этого поселка состоит в том, что жилища концентрировались вокруг «центра», представленного округлой, вымощенной камнями, «площадью», чьи «производственные функции... вторичны по отношению к социальным» (Дьяков, 1992. С. 63). Все это позволяет рассматривать ранний горизонт Рудной Пристань не просто как крупный поселок, а как поселение, имевшее особый социальный статус (например, племенного центра).

Памятники позднего неолита более многочисленны, по предварительным подсчетам их известно не менее 150. Типологически поселения становятся разнообразнее: 1) кратковременные стоянки без следов со-

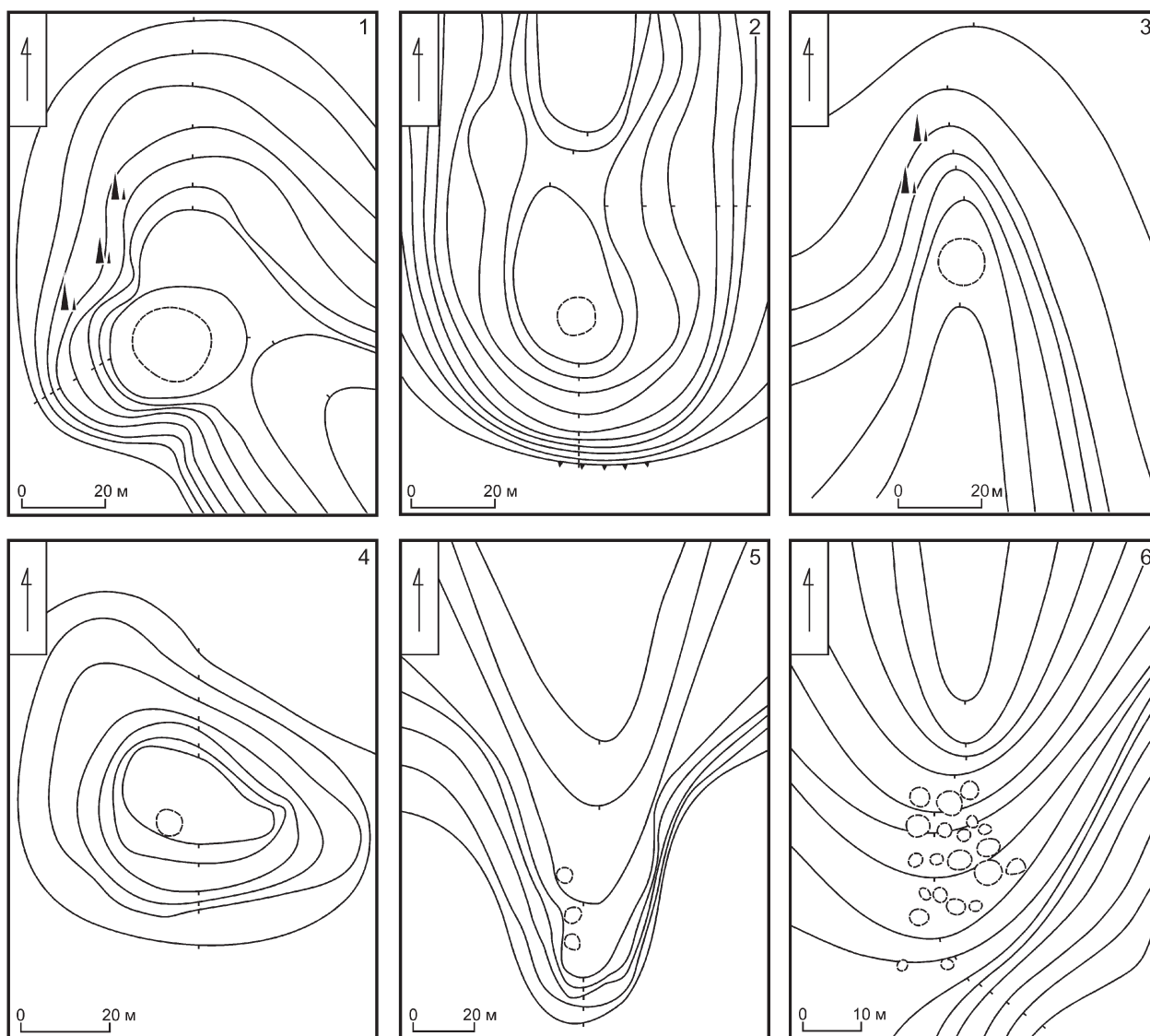

Рис. 1

Планы поселений среднего неолита Приморья: 1 – Сергеевка-1, руднинская культура; 2 – Ветка-2, веткинская культура; 3 – Гвоздево-3, бойманская культура; позднего неолита Приморья: 4 – Григорьевка-8; 5 – Нововладимировка-2; 6 – Песчаный ручей-1; все – зайсановская культура

1, 2, 4–6 – сечение горизонталей 2 м; 3 – сечение горизонталей 5 м

ружений; 2) сезонные промысловые стоянки с наземными жилыми или бытовыми сооружениями; 3) долговременные поселения с одним углубленным в грунт жилищем; 4) долговременные поселения с несколькими (3–7) углубленными в грунт жилищами; 5) долговременные поселения с большим количеством углубленных в грунт жилищ (10–22) с линейной планировкой. Помимо традиционного для культур среднего неолита расположения на возвышенных формах рельефа, памятники зайсановской культуры локализуются на низких речных, морских террасах, сочленении сопочных массивов и речных долин. Структуре поселений соответствует комплексное хозяйство, сочетающее охоту, рыболовство, собирательство и мотыжное земледелие (Крутых, 2011; Сергушева, 2008).

В приханкайском локально-хронологическом варианте зайсановской культуры, отражающем финальный этап ее развития (3800–3300 ¹⁴С л.н.), распространяются долговременные поселения (например, памятник Реттиховка-Геологическая), сочетающие углубленные в грунт зимние жилища, временные летние жи-

лища и специализированные хозяйственно-бытовые сооружения. Среди последних исследователи выделяют производственные комплексы для обработки и хранения зерна с тарными керамическими сосудами и керамическими ковшами (Крутых, 2011).

Интересно, что предложенная выше типология поселений зайсановской культуры в своем полном виде фиксируется именно на ее финальном этапе (рис. 1). Перспективным является построение иерархии поселений по территориальному, хозяйственному, социальному и, в идеале, потестарно-политическому принципам. Безусловно, развивается и само общество – растет численность населения, возникают крупные общины с сегментарной организацией и, возможно, соседско-территориальными связями. Естественно, что зайсановская культура, распространившаяся в Приморье с территории Маньчжурии около 5 тыс. ¹⁴С л. н., обладая более мощным общественно-экономическим потенциалом, очень быстро вытеснила или полностью ассимилировала автохтонные культуры охотников-рыболовов.

Батаршев С.В., Клюев Н.А., 2009. Человек и ландшафт в неолите Приморья: система размещения и структура древних поселений // Россия и АТР. № 1.

Дьяков В.И., 1992. Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. Владивосток.

Крутых Е.Б., 2011. Финальный неолит Приморья (по материалам памятников Приханкайской равнины): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток.

Сергушева Е.А., 2008. Использование растительных ресурсов населением Приморья в эпоху неолита – раннего металла (по археоботаническим данным поселений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

С.В. Батаршев, О.Л. Морева

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Межкультурное взаимодействие в среднем неолите юга Дальнего Востока: постановка проблемы

Проблема межкультурного взаимодействия применительно к археологическим культурам среднего неолита юга Дальнего Востока остается малоисследованной, так как традиционно дальневосточные специалисты основное внимание уделяют вопросам культурной хронологии и типологии, что, в свою очередь, обусловлено все еще недостаточной археологической изученностью указанного региона. Еще одна причина слабой разработанности рассматриваемой проблемы заключается в том, что в археологическом материале эти процессы отражаются косвенно, а признаки контактов носителей разных традиций материальной культуры могут быть трудноразличимы в коллекциях каменного и керамического инвентаря. В то же время, особенности развития неолита в регионе предопределили актуальность изучения конкретных археологических материалов в контексте крупных археологических общностей и взаимодействия составляющих их

локальных образований. При этом речь может идти только об установлении археологических признаков взаимодействия *традиций материальной культуры* тех или иных археологических культур.

Как показали новейшие работы по позднему неолиту Приморья, Нижнего Приамурья и Сахалина, основным источником при решении проблем межкультурного взаимодействия является керамическая посуда, ее морфологические, технико-технологические и орнаментальные признаки. Исходя из анализа керамических традиций археологических культур среднего неолита Приморья и Приамурья, а так же имеющихся теоретических разработок в данной области, можно выделить следующие процессы межкультурного взаимодействия.

1. Механизмы межкультурного взаимодействия.

1.1. Миграция – перенос материальной культуры (традиций, технологий, отдельных предметов) ее

- носителями за пределы привычного ареала распространения. В большинстве случаев сопровождается вторжением в инокультурную среду.
- 1.1.1 Расселение на чужую территорию (безвозвратная, постоянная миграция, колонизация или освоение территории).
 - 1.1.2. Проникновение на чужую территорию (возвратная миграция).
 - 1.2. Трансмиссия – распространение информации о традициях и технологиях материальной культуры за пределы привычного ареала распространения ее носителями или через посредничество носителей других культур.
 - 1.3. Диффузия – смешение традиций нескольких материальных культур в результате расселения их носителей на смежных территориях и постоянных контактов друг с другом.

2. Результаты межкультурного взаимодействия.
 - 2.1. Взаимодействие не приводит к каким-либо изменениям материальной культуры.
 - 2.2. Взаимодействие приводит к появлению инноваций в традиционной материальной культуре.
 - 2.2.1. Инновации органично вписываются в традиционную материальную культуру.
 - 2.2.2. Иновации приводят к расшатыванию материальной культуры, интеграции разных материальных культур и в перспективе – к появлению новой археологической культуры.
- Каждая ячейка приведенной выше номенклатуры процессов межкультурного взаимодействия иллюстрируется частными примерами по материалам (преимущественно керамическим) археологических культур региона, некоторые из которых уже опубликованы в развернутом виде.

Н.С. Березина

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чебоксары

Новые памятники каменного века Среднего Присурья

С 2006 г. в Среднем Присурье (окрестности г. Алатырь Чувашской Республики) работает совместная археологическая экспедиция под руководством А.А. Выборнова, А.И. Королева (Самара), А.В. Вискалина (Ульяновск), В.В. Ставицкого (Пенза), В.В. Сидорова (Москва) и Н.С. Березиной (Чебоксары). Открыто и частично исследовано более 20 памятников каменного века.

Полученные материалы позволяют пролить свет на этапы древнейшей истории региона. На поселении Утюж I и стоянке Молебное озеро II были обнаружены микропластинчатые комплексы мезолитического времени. Впервые в Среднем Присурье найдены материалы раннеолитической елшанской культуры, существовавшей здесь в V тыс. до н.э. На стоянке Вьюново озеро I были изучены следы елшанского жилища с кремневым инвентарем и керамикой. На многослойном поселении Утюж I типологически выделен елшанский керамический комплекс. Кроме этого на стоянке Молебное озеро I обнаружены сосуды, имеющие переходные признаки от елшанской культуры к накольчатой. На поселении Утюж I, стоянках Черненькое озеро I, II и Вьюново озеро I обнаружены сосуды с накольчатой керамикой, имеющие южные черты, представленные как в ранних, так и в поздних формах, позволяющие пролить свет на вопросы формирования и взаимодействия племен в лесостепной полосе в раннем неолите.

Как минимум с конца V тыс. до н.э., здесь существует население с камской гребенчатой орнаментацией керамики. Сосуды с поселения Утюж I и стоянок Вьюново озеро I, Черненькое озеро III и Молебное озеро I демонстрируют ранние черты. Раскопанные материалы с поселений Утюж I, V, стоянок Черненькое озеро III и Вьюново озеро II позволяют говорить о существовании здесь в I-й четв. IV тыс. до н.э. льяловских племен с ямочно-гребенчатой керамикой, изготовленной в традициях лесного Марийско-Чувашского Поволжья.

Остатки крупных жилищ энеолитической хвалынской культуры с характерным набором каменных орудий и керамикой были раскопаны на поселении Утюж I. Это открытие было не случайным, т.к. в 2010 г. нами найдено еще одно поселение с жилыми постройками хвалынской культуры. На поселении Утюжский бугор были обнаружены несколько фрагментов сосудов нижнедонской археологической культуры, а также фрагменты с сочетанием черт камской традиции и южной, типа нижнедонской. На поселениях Утюж I и V зафиксированы следы жилых и хозяйственных построек протоволосовских племен с керамикой красномостовского типа, а также слои с жилищами развитого и позднего энеолитического времени, в специфической керамике которых прослеживается отчетливое влияние южных степных культур – алтатинской и среднестоговской. Проникновение влияния этих культур так далеко на север явление

уникальное и отмеченное впервые. В 2010 г. нами обнаружено уникальное святилище Утюжский бугор с энеолитической волосовской керамикой, в основе орнамента которой лежат камские гребенчатые мотивы.

Таким образом, объединенные усилия археологов по изучению небольшой «археологической провинции» позволили в относительно короткие сроки достаточно полно представить основные вехи ее развития в каменном веке.

В.В. Бобров, А.Г. Марочкин

Институт экологии человека СО РАН, Кемерово

Артынская культура

1. Артынский тип керамики в Среднем Прииртышье выделен коллективом уральских археологов под руководством В.Ф. Генинга, соотнесших его с кокуйским этапом среднеиртышской неолитической культуры (Генинг и др., 1970). Позже данный тип рассматривался в контексте энеолитического артынского этапа екатерининской культуры (Петров, 1986), обособленного I-го комплекса неолитических памятников Усть-Тарского АМР (Ивашенко, Толпеко, 2006) и кокуйской культуры (Зах, 2006). Одним из авторов статьи предложено рассматривать керамику артынского типа, как маркер самостоятельной артынской поздне-неолитической культуры, исходя из наличия однослойных памятников (Бобров, 2008).

2. Ареал культуры охватывает лесные районы Прииртышья, северо-запад Барабинской лесостепи, и частично территорию Васюганья (рис. 1: 1). Очень близкий по облику керамический комплекс известен в неолите Верхнего Приобья, но его генезис не ясен (Косинская, 1982; Молодин, 1977; Зах, 2003). Основной круг памятников с присутствием артынской керамики включает Кокуй I, Пахомовскую пристань III, Бичили I, Боровлянку II, Серебрянку 1, Усть-Тару XXVIII, Тух-Сигат IV, Нижнюю Тунуску II, Артынскую стоянку, Усть-Тару IV, Усть-Тару XXXIII, Автодром 2. Последние четыре памятника демонстрируют чистые артынские комплексы.

3. Культура представлена поселениями, корреляция с материалами погребений затруднена. Памятники локализуются на террасах рек второго и третьего порядка. Остатки жилищ – неглубокие (до 0,35 м) небольшие котлованы овальной либо неправильной формы, со скругленными углами. В структуре поселков зафиксированы специализированные хозяйственные сооружения (Автодром 2).

Керамика – тонкостенные остродонные банки с прямым или волнистым срезом венчика. Профиль венчика ровный, без наплывов с внутренней стороны. Для формовочной массы характерно сочетание глины, большого количества органики и шамота. Способ формовки – ленточный, с использованием стягивающих шнуров. Орнамент покрывает всю поверхность сосудов. Состоит из горизонтальных линий (прямых

или волнистых) и круглых ямок, сгруппированных по две-четыре (чаще в зоне венчика) (рис. 1: 2, 5–8, 10–12). Очень редко встречаются сосуды с орнаментом из взаимопроникающих элементов (рис. 1: 8–9). Техники орнамента: отступающе – проташенная, накольчатая и прочерченная. Все иногда сочетаются на одном сосуде (Бобров и др., 2010).

Каменная индустрия выраженного пластинчатого характера, при наличии шлифованных изделий и орудий на отщепках. Преобладают массивные пластины, шириной 12–20 мм. Орудия на пластинах представлены ножами (рис. 1: 24–28), вкладышами (чаще сечения и проксимальные концы) без подработки или с краевой ретушью по маргиналам; концевыми скребками, листовидными наконечниками стрел с прямой или вогнутой базой (рис. 1: 13–19), проколками с пришлифованным острием (рис. 1: 31–33). Основной категорией орудий из отщепов являются скребки округлой, подквадратной либо случайной формы, оформленные ретушью с дорсальной стороны (рис. 1: 34–40). Шлифованные орудия представлены небольшими топорами (рис. 1: 21–23) и вогнутыми ножами (рис. 1: 42). Встречены перфорированные каменные диски (Усть-Тара XXXIII и Автодром 2). Известны заготовки небольших клинков – бифасов.

Отдельную категорию предметов составляют абразивы – кроме обычных аморфных изделий из мелкозернистого песчаника обнаружены бруски из керамики правильной формы с отверстием для подвешивания, украшенные накольчатым и прочерченным орнаментом (Усть-Тара IV и Автодром 2) (рис. 1: 3, 4).

4. Артынская посуда демонстрирует морфологическую близость неолитическим комплексам северных районов Западной Сибири с упрощенно-волнистым орнаментом (отступающе-накольчато-прочерченная орнаментальная традиция), в первую очередь керамике быстринской культуры и честый-ягского культурного типа (Косинская, 2006). Более отдаленное сходство прослеживается с неолитической керамикой Среднего Зауралья (козловской, полуденской, кошкинской). Выраженный пластинчатый характер каменной индустрии находит аналогии, прежде всего в неолите южных, лесостепных и степных районов За-

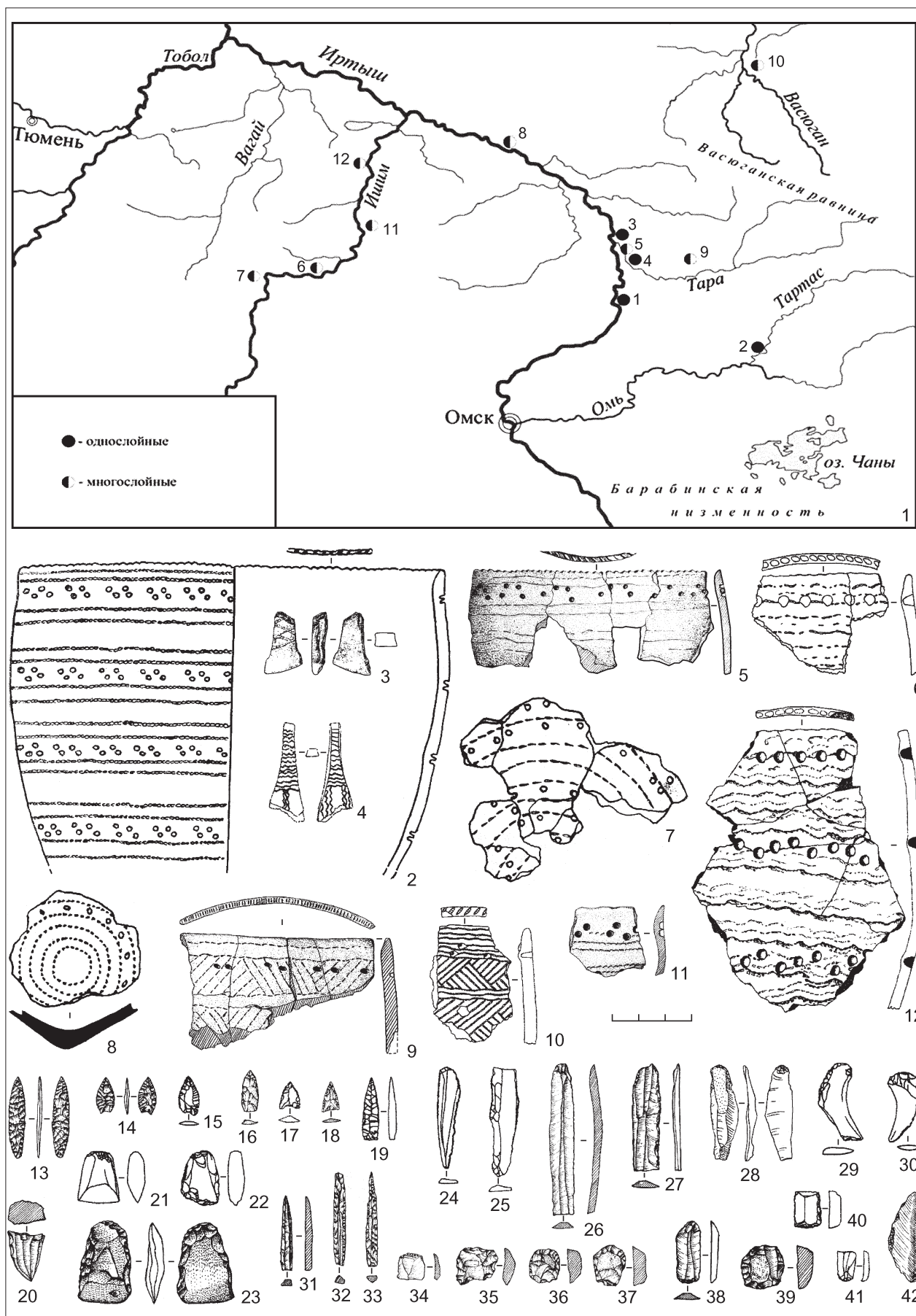

Рис. 1

Ареал и предметный комплекс артынской позднеэолитической культуры: 1 – карта распространения памятников артынской культуры; 2, 7, 8, 28, 42 – Артынская стоянка (Косинская, 1982); 3, 5, 9, 11, 13–15, 19, 23, 26, 27, 31–39 – поселение Автодром 2; 10 – поселение Усть-Тара XXVIII (Ивашенко, Толпеко, 2006); 4, 6, 12, 21, 22, 29, 30, 40, 41 – поселение Усть-Тара IV (Ивашенко, Толпеко, 2006)

падной Сибири. Наличие перфорированных каменных дисков, аналогичных ботайским, свидетельствует о южных связях (Северный Казахстан).

5. Поздненеолитический характер культуры определяется общим характером каменной индустрии и высоким уровнем развития керамического производства. Обозначенные аналогии позволяют определить время

бытования культуры (в широком диапазоне) второй половиной V – первой половиной IV тыс. до н.э., что подтверждается данными по ^{14}C , полученными для материалов Серебрянки 1 (Ивашенко, Толпеко, 2006). Для керамики Автодрома 2 получена серия дат методом термолюминесцентного анализа: 6500 ± 190 л.н., 6400 ± 190 л.н., и 6600 ± 200 л.н. (Комарова, 2010).

- Бобров В.В., 2008. К проблеме культурной принадлежности поздненеолитического комплекса поселения Автодром-2 // *Окно в неведомый мир*. Новосибирск.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю., 2010. Керамика артынской поздненеолитической культуры (по материалам поселения Автодром 2) // *Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции*. Томск
- Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С., 1970. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзы в Среднем Прииртышье // *Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири*. Томск.
- Зах В.А., 2003. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень.
- Зах В.А., 2006. Периодизация неолита лесного Тоболо-Ишимья // *Археология, этнография и антропология Евразии*. Новосибирск. №1 (25).

- Ивашенко С.Н., Толпеко И.В., 2006. Культурно-хронологическая атрибуция ранних памятников Усть-Тарского археологического микрорайона // *Исторический ежегодник*. 2005. Омск.
- Комарова Я.М., 2010. Применение метода термостимулированной люминесценции (ТСЛ) для датирования археологической керамики // *ВНКСФ-16*. Екатеринбург-Волгоград. Т. 1
- Косинская Л.Л., 1982. Поздненеолитическая стоянка Артын на Среднем Иртыше // *Археологические исследования Севера Евразии: Межвузовский сборник научных трудов*. Свердловск.
- Косинская Л.Л., 2006. Неолит таёжной зоны Западной Сибири // *Археологическое наследие Югры*. Екатеринбург-Ханты-Мансийск.
- Молодин В.И., 1977. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск.
- Петров А.И., 1986. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово

Д.Л. Бродянский

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

Дальний Восток: петроглифы из культурного слоя

В дальневосточных культурах неолита и палеометалла с 50-х годов известны камни с лунками – «чашечные», их рассматривали как технологические приспособления: для добывания огня, колки орехов и т.п. В 1971 г. А.П. Окладников выделил среди петроглифов Сакачи-Аляна (на многотонных валунах) «парциальные личины» – лунки в круге или без него. Они, по подсчетам В.Е. Медведева, составляют треть от всех петроглифов Сакачи-Аляна.

В 1992 г. автор обнаружил в Бойсмана II, в слое бойсманской неолитической культуры (6825–4470 л.н.) 10 «чашечных» камней с личинами. На плитке, гальке, объемном блоке песчаника, базальта, алевролита располагалось от одной до шестидесяти личин. Всего в бойсманском слое памятника найден 21 камень с петроглифами, три петроглифа найдены в янковском слое (VIII–I вв. до н.э.).

К настоящему времени в Приморье в 19 памятниках четырех неолитических культур и трех культур палеометалла найдены 136 мобильных петроглифов. Они обнаружены в жилищах, погребениях, в поминальных и других ритуальных комплексах, в слоях раковин. Изображения выскабливались, гравировались, наносились пикетажем, подшлифовкой, использова-

лись цветочные пятна, полосы и естественные выступы камня. Кроме антропоморфных и зооморфных личин есть изображения животных, рыб, птиц, земновод-

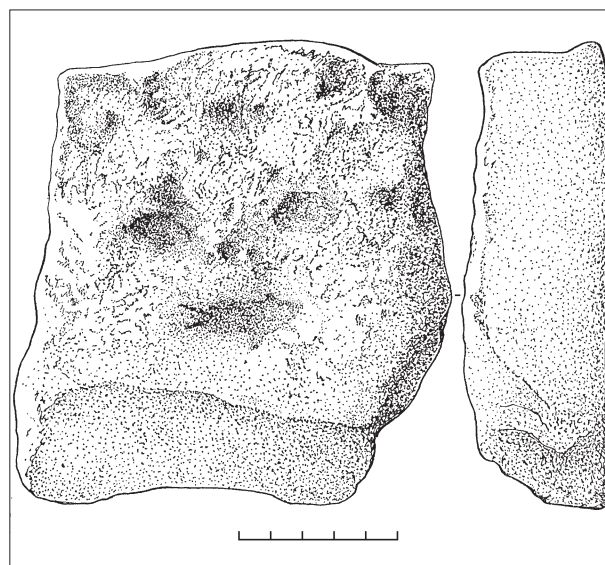

Рис. 1

Гвоздево 3 (Приморье) – неолит, бойсманская культура: Кот с мышью (туфопесчаник)

ных. Интересна серия изображений «внутри» рыбы — сома, гипероглифа. Есть целая серия изображений созвездий: Большой Медведицы, Рака, Волопаса, Плеяд, Ориона, Овна, Персея. К этой группе источников относятся 30 гравированных галек-чуринг.

Отдельные мобильные петроглифы известны в памятниках Кореи, Маньчжурии, Приамурья. Очевидно, что мобильные петроглифы из культурного слоя — массовая категория источников, не находившая ранее отражения в археологии Дальнего Востока.

Мобильные петроглифы на плитах, гальках, жезлах, каменных блоках найдены на многих памятниках неолита и палеометалла. Д.Г. Савинов нашел более 220-ти галек с гравировками в карасукском поселении Торгажак в Хакасии. Для сравнения он привлек находки на Ангаре, в Минусинской котловине, на Алтае, в Приморье и на Аляске. Ряд плиток с гравировка-

ми нашла на Чукотке М.А. Дикова. Древнейшие гальки с росписями известны из верхнепалеолитических памятников Франции; еще древнее плита с парами ямок из Ля Ферраш. Р. Беднарик опубликовал камни с лунками ашельского и олдувайского возраста.

На русском севере хорошо известны валуны со «следками». На южнокорейском острове Чечжудо камень с лунками местное население почитает как священную реликвию трех местных родов.

Среди петроглифов бойсманской неолитической культуры есть сюжеты из цикла мифов о Вороне (бойсманцы — арктические моголоиды, предки северян), есть изображение кота, поймавшего мышшь (рис. 1), есть очевидная космограмма мира бойсманцев.

Петроглифы из слоя хорошо датируются и связаны со всем комплексом культуры, в этом их особая ценность.

И.Н. Васильева, А.А. Выборнов

ООО «Институт истории и археологии Поволжья», Самара

К разработке проблем неолитизации Среднего Поволжья¹

1. Успешная разработка проблем неолитизации Среднего Поволжья во многом связана с определением понятия «археологическая культура» (АК). По нашему мнению, перспективно определение АК, сформулированное М.В. Аниковичем (1991): АК — это система традиций, выработанная в определенных социальных группах под влиянием определенных исторических условий и нашедшая свое материальное выражение в тех результатах человеческой деятельности, которые смогли стать археологическими источниками. По данным Ю.Б. Цетлина, «носители разных археологических культур бытовали обособленно только в периоды, когда не имели контактов с носителями других культур. В период смены культур они сосуществовали... чересполосно на более или менее общей территории, занимая своими поселениями разные ниши».

2. Методика нашего исследования базируется на комплексе относительно новых методов: 1) более детальной морфологической типологии керамики, основанной на технике нанесения орнамента и особенностях форм сосудов; 2) технико-технологическом анализе керамики по методике А.А. Бобринского, 3) радиоуглеродном датировании конкретных культурных типов керамики. Типологический анализ ранней неолитической керамики Среднего Поволжья свидетельствует об ее аморфных характеристиках, четкие эндемичные признаки единичны и не стабильны. Изначально прослеживаемые признаки фиксируются на протя-

жении длительного хронологического интервала. Установленный первоначально тип проявляется и в других культурах. Иначе говоря, возникает вопрос о керамической культурной традиции. А.А. Бобринским разработана методика технико-технологического анализа керамики и новый методологический подход, основанный на знании закономерностей поведения культурных традиций в гончарстве в разных культурно-исторических ситуациях. Суть данного подхода заключается в системном выявлении и изучении конкретных способов изготовления бытовой посуды. Целью исследования является реконструкция культурных традиций в гончарстве и изучение гончарства как источника по истории древнего населения. Под понятием «культурная традиция» в гончарстве понимается система устойчивых навыков труда, передающихся гончарами от одного поколения к другому, в основном, по родственному каналу.

Разработка проблем неолитизации во многом зависит от установления абсолютного возраста событий и их относительной хронологии. Получена серия абсолютных дат, сделанная одной лабораторией (г. Киев) в единой методике, по керамике четко выделенных культурных типов. Наличие погрешностей должно быть относительно единым для типологически сходных и тождественных в технологическом плане артефактов. Результаты датирования в киевской лаборатории получили подтверждение в лабора-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 10-01-00-393а

тории г. Уппсалы. Так, по керамике стоянки Каиршак III были получены даты в киевской лаборатории – 7780, 7740, 7680 ВР, а в шведской – 7775 ВР.

3. К настоящему времени комплексному изучению были подвергнуты керамические комплексы двух стоянок: Виловатое I (бассейн р. Самара) и Лебяжинка IV (бассейн р. Сок). Было выяснено, что на ранних стадиях бытования население, оставившее памятники елшанской культуры (ЕК), практически не подвергалось смешению с инокультурными группами. Выявлена его «изначальная» неоднородность: одна группа использовала илестые глины в качестве моносырья, а вторая добавляла к илестой глине шамот. Последняя группа населения в течение всего периода существования ЕК была немногочисленной (6–11%). Для поздней стадии ЕК отмечен активный процесс смешения гончарных традиций с нижневолжскими (41% керамики елшанского морфологического облика сделан из илов). Миграция нижневолжского населения фиксируется по наличию в культурных слоях Виловатовской стоянки группы тонкостенной керамики, изготовленной из ила и орнаментированной в геометрической стилистике, в технике накалывания с отступанием. Основная же часть накольчатого комплекса изученных памятников носит признаки смешения с елшанскими традициями. Влияние последних шло по возрастающей: на раннем этапе число сосудов с накольчатым орнаментом, изготовленных из илестых глин, составляло 34%, а на позднем – 67%. В течение всего периода бытования накольчатого керамического комплекса увеличивалась доля керамики с примесью шамота (от 4–13% до 30%), что, по-видимому, являлось результатом смешения с елшанским населением.

Полученные результаты подтверждаются новыми абсолютными датами, сделанными по этой керамике. При изучении группы керамики, орнаментиро-

ванной насечками, была выявлена ее близость с елшанскими гончарными традициями (75% сосудов – из илестых запесоченных глин). Однако, процент подобной керамики с примесью шамота значительно больше елшанской (38%). Миграционный генезис в данном регионе проявляет группа населения, которая изготавливала керамику из илов (100%) и орнаментировала ее слабоизогнутым гребенчатым штампом средних размеров. Еще одна пришлая группа фиксируется по наличию в культурном слое Лебяжинки IV керамики с четкими чертами камской культуры. Изучение технологии ее изготовления и сравнение с результатами анализа керамики прикамских стоянок показало специфику гончарной технологии этих древних коллективов и близость приемов изготовления на территории Прикамья и Самарского Поволжья.

Керамика изготавливалась из слабоzapесоченных глин, дробленых в сухом состоянии. Формовочные массы составлялись с большой концентрацией шамота и органического раствора. Данные гончарные традиции имеют существенные отличия от средневожских, что ставит проблему поиска истоков их формирования.

Группа керамики, орнаментированной длинным прямым гребенчатым штампом, составляет значительную долю керамического комплекса практически каждой неолитической стоянки Самарского Поволжья. На современном этапе ее изучения можно констатировать отличие способов ее изготовления от камской технологии; некоторую близость с комплексом керамики, орнаментированной коротким гребенчатым штампом. Анализ разных групп керамики неолитического населения позволил выявить некоторые закономерности развития гончарных традиций, их специфику, а также поставить новые задачи.

Н.Б. Васильева

Областной центр детского и юношеского туризма и экскурсий, Вологда

Н.В. Косорукова

Череповецкий государственный университет, Череповец

Функционально-планиграфическое исследование кратковременных мезолитических стоянок Молого-Шекснинского междуречья (р. Ратца)

В последние десятилетия стали разрабатываться специальные методики, позволяющие оценить продолжительность бытования, хозяйственную специфику поселения и отдельных его структурных элементов. Исследователи, как правило, выделяют среди мезолитических поселений постоянные и временные или сезонные (Кольцов, 1998. С. 23;

Филатова, 2004. С. 20; Ошибкина, 2004. С. 100). Среди временных стоянок дополнительно выделяются кратковременные, обычно интерпретируемые как «стоянки промысловых групп (охотничьи лагеря)» (Косинская, 1993. С. 58) или «кратковременные промысловые стоянки теплого периода» (Верещагина, 1996. С. 33). Изучение каменного инвента-

ря поселений трасологическим методом позволяет существенно конкретизировать сведения о хозяйственной специфике стоянки. Так, например, М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов выделяют на этой основе среди кратковременных стоянок «охотничьи лагерь» и «специализированные охотничьи лагеря, аналогичные североамериканским Kill sites» (Кольцов, Жилин, 1999. С. 84).

Существует мнение, что в мезолите большинство стоянок было временными, чаще всего сезонными (Мезолит СССР. 1989. С. 5) Очевидно, что кратковременные лагеря играли существенную роль в организации хозяйственно-промысловой деятельности. Важным кажется изучение таких памятников с функционально-планиграфических точек зрения с целью определения стабильности хозяйственной деятельности и организации жилого пространства на кратковременных стоянках.

Регион Молого-Шекснинского междуречья относится к Волжскому бассейну. В Молого-Шекснинском междуречье за последние два десятилетия работами под руководством Н.В. Косоруковой выявлено свыше 60 памятников мезолитического периода, из них 15 обследовано раскопками. На основе комплексного анализа выделяются кратковременные стоянки и относительно долговременные (сезонные) поселения (Васильева и др., 2011. С. 76–77). В данной работе приводятся функционально-планиграфические характеристики двух кратковременных стоянок, обладающие следующими признаками: незначительная площадь скоплений и количество каменного инвентаря. В число таких памятников включены стоянки Марьино-4 и Сазоново-9, они располагаются на р. Ратца, относящейся к бассейну р. Мологи.

Стоянка Марьино-4. Памятник расположен на правом берегу р. Ратца притока р. Песь в Чагодощенском районе Вологодской области, в 5 км юго-западнее деревни Марьино. В 1994 г. на стоянке были произведены раскопки на площади 116 кв. м. Скопление находок занимало небольшой участок 5×7 м. Общее количество находок 733 экз., из них 286 отнесены к орудиям, пластинам, нуклеусам или определяемым сколам (Кондакова-Косорукова, 1995. С. 10–11). Трасологический анализ коллекции выявил 104 предмета со следами использования. Среди них орудия охоты и разделки добычи составили 44 экз. (42,3% от всех изделий со следами утилизации); инструменты для обработки шкур: скребки, проколки, кожевальный нож – 15 экз. (14,4%); орудия для твердых материалов (дерево, кость, рог): резцы, скобели, строгальные ножи, пилки, сверла, струги – 45 экз. (43,26%). Скопление находок в раскопе занимало небольшой участок 5×7 м в центральной его части. Орудия всех групп довольно равномерно расположены в границах основного насыщенного находками участка, не образуя четких «монофункциональных скоплений», кроме группы резцов, строгальных ножей и скобелей. Все имеющиеся в коллекции нуклеу-

сы располагаются довольно равномерно в пределах основного скопления. Наиболее многочисленные связи по ремонту зафиксированы в тех же границах. Данный участок можно охарактеризовать одновременно как место, где велась обработка кремневого сырья, и как производственный участок, связанный с обработкой твердых материалов. Исходя из полученных данных, включая планиграфию, Марьино-4 следует охарактеризовать как недолговременную стоянку без признаков специализации (Васильева, Косорукова, 1998).

Стоянка Сазоново 9 находится в Чагодощенском районе Вологодской области на правом берегу р. Ратца. Памятник располагается в 500 м юго-западнее пос. Сазоново. Раскопками под руководством Н.В. Косоруковой в 2000 г. вскрыта площадь 52 кв. м. Раскоп полностью оконтурил скопление находок, размеры которого 5×8 м. Коллекция насчитывает 2321 экз., среди них основную часть составляют отщепы и обломки кремня – 1877 экз. Трасологический анализ показал, что изделия со следами изношенности составляют незначительную часть коллекции: 50 экз., 12,8% от количества готовых форм. Среди них орудия охоты и разделки охотничьей добычи составляют 28 экз. (56% от всех изделий со следами утилизации); орудия для обработки шкур – 10 экз. (20%); с обработкой дерева, кости/рога связаны 12 экз. (24%) орудий.

Планиграфические наблюдения: на стоянке выделяется место, где производилась обработка каменного сырья. В центральной части раскопа зафиксировано скопление нуклеусов и отходов каменного производства. Основная часть изделий со следами изношенности от выполнения различных операций сосредоточена в юго-западной части стоянки, несколько изолированно от места утилизации нуклеусов. Данный пример планиграфии явно показывает наличие на стоянке специализированных производственных участков: места производства пластинчатых заготовок и места, связанного с хозяйственно-бытовыми операциями: обработкой шкур, изготовлением деревянных, и, возможно, костяных вещей. Значительное количество предметов группы расщепления, значительное преобладание отходов производства над готовыми формами дают основание отнести стоянку к разряду стоянок-мастерских. В итоге можно сделать вывод, что памятник Сазоново 9 является кратковременной стоянкой, основной вид деятельности на которой был связан с обработкой каменного сырья.

Таким образом, трасологический анализ позволяет сделать вывод, что на кратковременных стоянках проводились хозяйственно-бытовые операции с различными видами природного сырья. Сопоставление данных функционального анализа каменных орудий кратковременных стоянок показывает, что разнообразие хозяйственных операций является характерной чертой кратковременных стоянок различных регионов.

- Археология СССР, 1989. Мезолит СССР. М.
- Васильева Н.Б., Андрианова Л.С., Косорукова Н.В., 2011. Функционально-планиграфическое исследование мезолитических стоянок Молого-Шекснинского междуречья и Сухонско-Кубенского бассейна. // ТАС: Материалы IV Тверской археологической конференции и 12-го заседания научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Под редакцией И.Н. Черных. Тверь. Вып. 8. Том 1
- Васильева Н.Б., Косорукова Н.В., 1998. Результаты планиграфического, трасологического и технологического анализов материалов стоянки Марьино-4 // ТАС: Докл. 3-го и 4-го заседаний науч. семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь. Вып. 3.
- Верещагина И.В., 1996. Новая стоянка в группе мезолитических памятников на Печанском Полосе Северной Двины // Древности Русского Севера.
- Кольцов Л.В., 1998. Формы, способы и средства адаптации в мезолите Северной Европы // ТАС: Докл. 3-го и 4-го заседаний науч. семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь. Вып. 3.
- Кольцов Л.В., Жилин М.Г., 1999. Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры. М.
- Кондакова-Косорукова Н.В., 1995. Мезолитическая стоянка Марьино-4 в бассейне средней Мологи // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново. Вып. 2.
- Косинская Л.Л., 1993. О типах поселений эпохи камня на Европейском Северо-востоке // ВАУ. Екатеринбург.
- Ошибкина С.В., 2004. Мезолитическая культура веретье. Хронология и периодизация // РА. №1.
- Филатова В.Ф., 2004. Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск.

Е.А. Васильев, И.П. Глызин

Томский государственный университет, г. Томск

Энеолит Нижнего Приобья: проблемы культурогенеза

К настоящему времени накоплена достаточно репрезентативная источниковая база по энеолиту Нижнего Приобья. Назрела необходимость перехода от накопления материалов к их обобщению и интерпретации.

В 60–80-е годы прошлого столетия (период первичного накопления источников) практически каждая обнаруженная в приполярных и заполярных районах Западной Сибири стоянка, представленная, как правило, подъемным материалом из разрушенного культурного слоя, интерпретировалась на уровне отдельного культурного типа. Так в историографии утвердились йоркутинский, пернашорский и ортинский типы памятников. Впрочем, уже тогда стала очевидной распространенность памятников с фигурно-штамповой и гребенчатой керамикой по обе стороны Полярного и Приполярного Урала и некоторая степень их общности (Лашук, Хлобыстин, 1986; Стоколос, 1988).

В результате полевых исследований конца XX начала XXI века в Нижнем Приобье были открыты и исследованы стационарными раскопками несколько памятников с репрезентативными и хорошо документированными материалами (поселения Хулюм-Сунт I на р. Сев. Сосьва, Ясунское – на р. Ляпин, Лов-санг-хум II – на р. Сыня, Амня IA – на р. Казым). Они не просто расширяют привычную информацию, но позволяют заново структурировать уже введенные в оборот источники и создают новую парадигму энеолита Северо-Западной Сибири (Васильев, 2000; Васильев, Глызин, 2008; Васильев и др., 2011; Стефанов, Морозов, 1992).

В качестве ключевого субъекта культурогенеза энеолита Северо-Западной Сибири мы позиционируем ясунскую культуру (Васильев, Глызин, 2010). В се-

редине – второй половине III тыс. до н.э. она представляла собой обширный ареал памятников, занимавших северотаежные леса между Уралом и Обь-Надымским водоразделом. Исследованные раскопками поселения (Ясунское, Лов-санг-хум II, Амня IA) состояли из 1–2 больших жилищ площадью от 65 до 225 кв. м. Они представляли собой глубокие (около 1 м) прямоугольные полуземлянки с деревянными стенами, которые обогревались одним большим кострищем, расположенным в центральной части постройки. В двух из четырех исследованных жилищ зафиксированы земляные нары. Пол, а в большинстве случаев и околжилищное пространство, засыпались слоем красной охры.

Частично изучены два могильника: Ясунский (Васильев, 1996) и Лов-санг-хум. Оба расположены в непосредственной близости от жилых построек, но синхронность или разновременность погребальных и поселенческих комплексов не установлена.

С учетом имеющихся данных, наиболее вероятным способом погребения представляется трупосожжение на стороне с последующим размещением останков в могильной яме. В могильнике Лов-санг-хум человеческие останки были помещены в шитый берестяной «саван». Сопровождающий инвентарь включает рубящие орудия и каменные наконечники стрел, как правило, преднамеренно испорченные. Характерно применение красной охры, слой которой не только выстилал днища могильных ям, но и перекрывали погребальные сооружения.

Все поселенческие и погребальные комплексы демонстрируют большую степень единства в области домостроительства, погребальной обрядности, каменной обработки и особенно керамического производст-

ва. Отличительной чертой культуры являлось производство своеобразной чешуйчато-геометрической керамики, оригинальность которой проявлялась не только в орнаментации, но и в форме сосудов. Наряду с традиционными яйцевидными, горшковидными и чашевидными емкостями, ясунские мастера изготавливали нестандартную керамику в виде ладьевидных блюд, на долю которых приходилось до 16% от общего объема керамического производства.

Особенности декоративного стиля ясунской керамики проявляются в способах нанесения орнамента, наборе мотивов, композиционной структуре. Для нанесения узора использовались искусственные гребенчатые и фигурные (арочные, слабоизогнутые, петлевидные, копытные) штампы, а также орнаменты естественного происхождения (челюсти и кости животных, рыб).

Для орнаментальной композиции характерна горизонтальная зональность. В зоне под венчиком обязательен пояс ямочных вдавлений (1–8 рядов), оттиснутых до появления «жемчужин» на обратной стороне. В большинстве случаев декорировалась закраина венчика и внутренняя поверхность сосудов – в зоне под венчиком. По статистике самыми массовыми орнаментальными мотивами являются ряды отпечатков зубчатых и фигурных штампов, полушагающей гребенки, прямые и зигзагообразные линии. Однако безусловными композиционными доминантами выступают геометрические мотивы: усложненные зигзаги, сложно структурированные треугольные фигуры, крупные шестигульники – «соты», вытянутые в цепочку или вписанные в сетку ромбы (рис. 1: 19, 20, 21, 25, 29). Ромб – основополагающая фигура геометри-

ческого стиля ясунской орнаментики. Он многочислен и разнообразен в пропорциях и оформлении. Ромбы формируют самостоятельные мотивы и вписываются в качестве элемента в более сложные фигуры. Особую группу составляют зонально-геометрические мотивы, образованные сгруппированными в определенном порядке отпечатками коротких штампов (рис. 1: 23, 28).

Выделение новой культуры ставит перед нами задачу ее сопоставления с существующими культурными образованиями в высоких широтах Северной Евразии по обе стороны Урала. Керамика нижнего слоя стоянки Пернашор (послужившая образцом выделения пернашорского типа) находит полное соответствие в материалах ясунской культуры, поэтому продолжение дискуссии о статусе пернашорского типа керамики видится малопродуктивным, к тому же локализация самого памятника точно не установлена, а коллекция опубликована фрагментарно (Лашук, Хлобыстин, 1986; Атлас..., 2005).

Северососьвинский тип, выделенный типологически из смешанных слоев поселения Сартынь I, целиком находится в пределах ареала ясунской культуры (Васильев, 1989). Он либо полностью растворится в ясунской культуре, либо получит статус локального варианта.

Материалы верхнекондинских памятников (Геологическое III, XVI) свидетельствуют о сильном влиянии ясунской традиции орнаментики и/или проникновении носителей ясунской культуры в бассейн р. Конды (Кокшаров, 2009; Глызин, 2011).

Ортинская и чужьяельская (особенно ее тундровый вариант) керамика Северного Приуралья отража-

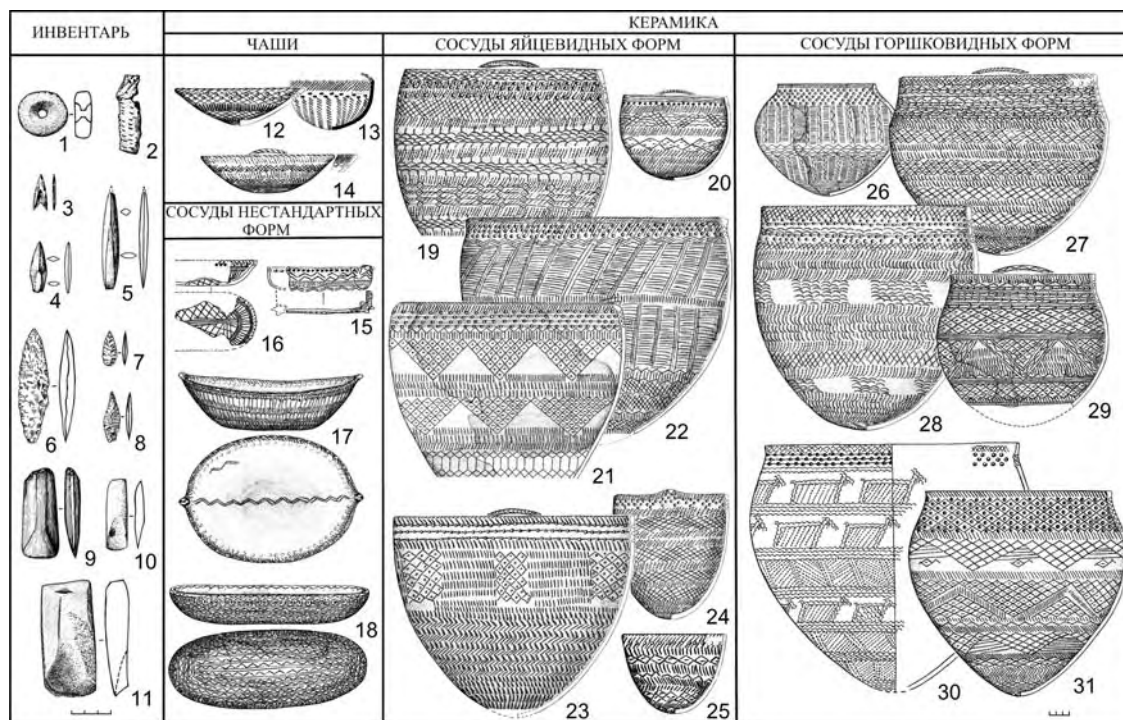

Рис. 1

Керамика и инвентарь памятников ясунской культуры: 1, 2, 6–8, 10–12, 21, 23, 25–27, 29, 31 – Ясунское поселение; 3 – Ясунский могильник; 4, 5, 14, 17–20, 22, 24, 28 – Лов-санг-хум II; 13 – Хулом-сунт I; 15, 16, 30 – Амня IА. (По Е.А. Васильеву, С.И. Рудковскому, В.И. Стефанову). (1, 3–11 – камень; 2, 12–31 – керамика)

ют сильные трансуральские связи в высоких широтах в эпоху энеолита, а возможно и прямые миграции нижнеобского населения. Об этом свидетельствует то, что наибольшую близость с ясунскими демонстрируют памятники тундрового варианта чужьяельской культуры, находящиеся на ее северо-восточной периферии (Стоколос, 1988; Васильев, Глызин, 2010).

Атлас археологических памятников города Салехарда, 2005. / Авт.-сост. Визгалов Г.П., Кардаш О.В. Салехард.
 Васильев Е.А., 1989. Энеолит и ранний бронзовый век Средне- и Северотаежного Приобья: дисс... канд. ист. наук. М.
 Васильев Е.А., 1996. Погребальные комплексы Ясунского озера // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск.
 Васильев Е.А., 2000. Поселение Хулом-сунт // Памятники Югры: вчера, сегодня, завтра. Томск.
 Васильев Е.А., Глызин И.П., 2008. Ясунское поселение – памятник энеолитического времени на Севере Западной Сибири // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: Сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск.
 Васильев Е.А., Глызин И.П., 2010. Ясунская энеолитическая культура Севера Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск.

Васильев Е.А., Глызин И.П., Рудковский С.И., 2011. Лов-санг-хум II – новый энеолитический памятник в Нижнем Приобье // Вестник Томского государственного университета. «История». Томск (в печати).
 Глызин И.П., 2011. Ясунская культура: проблемы ареала и хронологии // Археология, этнография, палеоэкология Северной Азии: Материалы LI Региональной (VII Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Красноярск.
 Кокшаров С.Ф., 2009. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург.
 Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П., 1986. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА АН СССР. М. № 185.
 Стефанов В.И., Морозов В.М., 1992. Энеолитический памятник в бассейне р. Казыма // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар.
 Стоколос В.С., 1988. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.
 Шорин А.Ф., 1999. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург.

И.Ф. Витенкова

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск

Ямочно-гребенчатая керамика среднего неолита на территории Карелии

Ямочно-гребенчатая керамика на территории Карелии пока недостаточно изучена. Несмотря на то, что в результате полевых исследований и публикаций Г.А. Панкрушева, Ю.А. Савватеева, М.Г. Косменко, Н.В. Лобановой собран большой фактический материал, обобщающих работ по этой теме нет.

Этот пласт древностей представлен большим числом памятников (свыше 500). Особенно велика их концентрация вокруг Онежского озера, в бассейнах озер Сямозеро и Водлозеро, а также на западном побережье Белого моря. Хотя на многих поселениях, исследованных разведочными раскопами, комплексы ямочно-гребенчатой керамики невелики, есть и такие, на которых эта посуда представлена сотнями и даже тысячами фрагментов (Илекса II–V; Бесовы Следки I, III, Ша; Залавруга I; Золотец I).

Наиболее ранняя ямочно-гребенчатая керамика появилась в юго-восточной части Карелии (на восточном побережье Онежского озера) еще в эпоху раннего неолита. Это подтверждается радиоуглеродными датами, полученных на поселениях Черная Речка I –

6200±100 (ТА-1634); 5950±100 (ТА-1648); Черная Речка II а – 5930±80 (ТА-2353) и других. Полуяйцевидные тонкостенные сосуды ранней керамики изготовлены из плотного теста с умеренной примесью песка, реже дресвы, хорошо обожжены, украшены преимущественно небольшими круглоконическими ямками, дополненными оттисками торца палочки, прочерченными линиями, нарезками. Реже встречаются оригинальные узоры, составленные небольшими круглоконическими ямками на фоне пустого орнаментально-го поля (Лобанова, 2004. С. 254–256).

Возникает вопрос, какое место занимает ямочно-гребенчатая керамика в общей хронологической колонке древностей Карелии? На данной территории раскопаны памятники, на которых удалось проследить относительную хронологию керамических материалов. Так, на поселении северного побережья Онежского озера Черная Губа IX ямочно-гребенчатая посуда была обнаружена лишь выше 9 м над уровнем озера. Ниже, на высоте 8–9 м располагались жилища с гребенчато-ямочной керамикой, датированной

4840±80 (ГА-2023) и энеолитическое жилище с асбестовой керамикой, дата 4340±80 (ГА-2140). Та же ситуация прослеживается и на соседней стоянке Черная Губа IV (Витенкова, 2002. С. 35–37).

Таким образом, период существования ямочно-гребенчатой керамики в Карелии был достаточно длительным (около тысячи лет), поэтому следует ожидать выраженных изменений как в типологическом облике керамики, так и в хозяйстве и быте населения. Если такие изменения будут выявлены, есть все основания для выделения периода среднего неолита.

Для сравнительного анализа имеет смысл рассмотреть материалы поселения Кудомы Х (Косменко, 1992. С. 93). Коллекция инвентаря этого памятника содержит богатый комплекс ямочно-гребенчатой керамики, состоящий из 60 сосудов (1241 фрагмент), а также керамику сперрингс, ромбоямочную и асбестовую. Таким образом, комплекс ямочно-гребенчатой керамики хорошо выделяется на фоне других материалов. Сосуды вылеплены из теста с примесью песка или дресвы, органика визуально не прослеживается, расчесов или следов заглаживания на стенках нет. У 60% сосудов толщина стенок 0,5–0,7 см, у 40% – 0,2–0,4 см. У 55% сосудов края венчиков неорнаментированы, у остальных украшены (чаще всего косо поставленными оттисками короткого гребенчатого штампа). Венчики у 58% сосудов слегка расширены кверху, у остальных – прямые или закругленные. В орнаментации преобладают горизонтально-зональные узоры (63%), единственный геометрический узор – многорядный зигзаг – зафиксирован только на 10% экземпляров. Остальные украшены ямочным орнаментом. Элементы орнамента: круглоконические ямки правильных очертаний диаметром 0,3–0,5 см встречались на большинстве сосудов, 15% были украшены крупными (0,7 см) ямками неправильной фор-

мы. Горизонтально-зональные узоры чаще всего дополнялись горизонтальными линиями гребенчатого штампа, косо поставленными оттисками гребенчатого штампа, нарезками, прочерченными линиями, оттисками гладкого штампа или торца палочки, горизонтальных поясков из отпечатков веревочки.

Ямочно-гребенчатая керамика этого поселения и многих других, хронологически близких, изготовлена более небрежно, чем керамика раннего неолита. Состав теста и обжиг значительно хуже, орнамент нанесен не так тщательно. С другой стороны, значительно увеличилось разнообразие элементов орнамента. В некоторых деталях оформления сосудов проявилось сходство и с поздненеолитической гребенчато-ямочной посудой (использование короткого гребенчатого штампа, расширенные орнаментированные по срезу венчики).

На поселениях с ямочно-гребенчатой керамикой раннего неолита жилищ не оказалось, зафиксированы только кострища и хозяйственные ямы. Предполагается, что население использовало легкие переносные жилища. Стационарные жилые постройки появились лишь на поселениях среднего неолита (Лобанова, 2009. С. 59–61).

Керамика среднего неолита Карелии аналогична так называемой льяловской, распространенной в Волго-Окском междуречье. В результате проведенного анализа археологической литературы и материалов можно прийти к выводу, что ямочно-гребенчатая керамика среднего неолита на территории Карелии была пришлой. Ее проникновение, видимо, относится к началу атлантического потепления, 6 тыс. л.н., может быть и несколько ранее. Потепление климата вызвало движение населения к северу. Проникшая в Карелию ямочно-гребенчатая посуда существовала, вероятно, не менее 500 лет, затем, в позднем неолите, сменилась гребенчато-ямочной.

Витенкова И.Ф., 2002. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск.

Косменко М.Г., 1992. Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск.

Лобанова Н.В., 2004. Хронология и периодизация памятников с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Карелии //

Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб.

Лобанова Н.В., 2009. Адаптационные процессы в культуре населения Карелии эпохи неолита // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – средневековья. Петрозаводск.

П.В. Волков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Е.Д. Жамбалтарова

Музей Бурятского научного центра СО РАН, Улан-Удэ

Всегда ли сакрален «погребальный инвентарь» (по материалам Фофановского могильника)¹

Целью работы является трасологическое исследование инвентаря шести погребений Фофановско-

го могильника (№№ 1, 4, 6, 7, 9, 10, материалы раскопок М.М. Герасимова 1936 г.) из фондов Эрмита-

жа, с попыткой интерпретации полученных результатов.

Фофановский могильник является одним из крупнейших и древнейших погребальных комплексов Байкальского региона, включающим в себя три разновременные группы погребений (ранний неолит, бронзовый век, средневековье) (Герасимов, Черных, 1975. С. 47). Могильник расположен в 0,5–1 км выше с. Фофаново Кабанского района Республики Бурятия. За весь период исследований могильника было раскопано более ста погребений (Лбова и др., 2008. С. 29–30).

В результате трасологического исследования артефактов были определены функции и особенности использования каменных, роговых и костяных инструментов. В пяти могилах орудия немногочисленны, а в погребении № 10 их вообще нет. В погребениях №№ 1, 4 и 9 выявлены кочедыки, иглы и наконечники стрел. Единичные находки — топор, игольник.

Выделяется сопроводительный инвентарь погребения № 7. Трасологическое обследование позволило выявить 10 утилизированных орудий из камня, отщепы, многочисленные плоские нашивные бляшки из перламутра и 13 изделий из рога и кости.

Каменный инвентарь представлен следующим набором: долото, скребки по мягким, вероятно еще свежим шкурам, скребели, резчик, точильный брусок, тесла. Следы использования орудий свидетельствуют об обработке ими шкур, размягченных кости, рога и дерева. Морфологически оформленных, подготов-

ленных, но неиспользованных орудий в погребении не обнаружено.

Особенности каменного инструментария проявились в различной степени его утилизации. Часть изделий выполнена на отщепах и представляет собой орудия «разового» использования, явно не предназначенных для долговременной, как ожидалось бы, регулярной работы ими в «загробном мире». На инструментах есть следы переоформления рабочего края, что может свидетельствовать о решении их владельцем нестандартных задач.

Можно уверенно говорить, что выявленный инструментарий типичен для решения повседневных, обусловленных моментом задач. Набор орудий погребения № 7 нельзя назвать универсальным. Отправляясь в «загробный мир», их владелец, предположительно ремесленник, не мог удовлетвориться инструментами полуизношенными и в наборе явно не пригодном для выполнения полного цикла работ при его обычной деятельности. Ряд косвенных свидетельств может говорить о том, что с умершим в могиле оказались те предметы, что были при нем в день смерти.

Полученные результаты трасологического исследования позволяют по-новому взглянуть на проблему интерпретации сопроводительного инвентаря погребений. Для уточнения полученных результатов необходимо расширение источниковой базы исследования и анализ материалов с привлечением этнографических сведений.

Герасимов М.М., Черных Е.Н., 1975. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л.
Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П., 2008. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья

(формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск.

А.В. Волокитин

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар

Культуры, культурные типы, области и провинции в мезолите Приуралья

Исследования мезолита в Приуралье начались в 1940-е (Прикамье, Большеземельская тундра) и середине 1950-х гг. (рр. Вычегда, Печора). Последующие обобщения привели исследователей, в частности О.Н. Бадера, к выделению «камского мезолита», «камской историко-культурной области», «камской культуры» (Бадер, 1966). Следует отметить, что тогдашний уровень источников по мезолитической эпохе региона позволил О.Н. Бадеру оперировать этими наименованиями как равнозначными. На его карте очерчены не связанные между собой территории бассейнов рр. Печора, Вычегда, Кама, Белая. Это еще раз доказывает, что не правы те авторы (Кольцов, 1989.

С. 89–90; Лычагина, 2009. С. 145–153), которые утверждают, что О.Н. Бадер выделил «самостоятельную камскую мезолитическую культуру».

Г.М. Буров не пользуется термином «камская культура». Он выделяет «камско-печорско-вычегодский мезолит», противопоставляя его по содержанию висским мезолитическим памятникам, исследованным вблизи оз. Синдор (Буров, 1965). Вместе с тем С.К. Козловский (Kozłowski, 1973) в своем аналитическом обзоре, посвященном мезолиту Европы, приводит два равнозначных, по его мнению, наименования: the Kama culture, Kama-Vychegda-Pechora Mesolithic.

В дальнейшем, в связи с новыми материалами, полученным как им самим, так и другими исследователями, Г.М. Буров выделил два «культурных типа»: камско-печорский и висский. «Камско-печорский» включает мезолитические стоянки с «микро-макролитическим инвентарем» Приуралья, Валдая, Сухоны, Прииртышья и частично Поволжья, т.е. культуры позднебутовская, валдайская, сухонская и другие. На Вычегде – это средневычегодская (ульяновская) культура, а также большинство мезолитических памятников Печоры, включая Большеземельскую тундру. «Висский культурный тип» более локален. Он включает материалы уникального Висского 1 торфяника, часть материалов суходольного Виса 1, некоторых других, рядом расположенных памятников, стоянки Черта 2 на Вычегде и Топыд-Нюр 5 на Печоре (Буров, 1986).

Все исследователи полагают, что в мезолите произошло заселение севера Приуралья. Оно произошло в результате продвижения населения из Прикамья, Балтии, Волго-Окского региона. Причем, если О.Н. Бадер предполагал лишь инфильтрацию волго-окского населения, то В.И. Канивец говорит уже о таком направлении заселения (Канивец, 1973). В.Е. Лузгин, развивая взгляды В.И. Канивца, утверждал, что в результате заселения европейского Северо-Востока, северного Приуралья сложилась своеобразная местная этнокультурная область, сочетающая черты волго-окских и камских мезолитических памятников (Лузгин, 1972). Того же мнения, в общем, придерживается и И.В. Верещагина, говоря о нивелировке культурных черт в сходных природно-климатических условиях (Верещагина, 1989). К тезису о сложении местной этнокультурной области мезолита призывает вернуться С.В. Ошибкина (Ошибкина, 2007).

Тем не менее, современное состояние источниковой базы по мезолиту европейского Северо-Востока позволяет утверждать, что в данном регионе, а возможно и на всей территории Севера европейской России, в мезолите не было постоянного населения. И в этом смысле происходило не заселение, а освоение территорий чрезвычайно мобильными группами. Причем передвижения происходили не только в рамках годового хозяйственного цикла, но и на значительные расстояния. Следовательно, нельзя говорить, о мезолите региона, выделяя провинции, единства

(территориальные). Как, например, кунда(пулли)-бутово единство, включающее и культуру веретье или, более того, кама-печорский культурный тип, в которых на обширных территориях сосуществуют родственные, связанные между собой культуры. Более обоснованной является точка зрения на существование определенных традиций как отражения сходства индустрий на огромных территориях – результата миграций. Очень часто археологические памятники определенных территорий вводятся в научный оборот как исследовательские единицы – культуры.

Для западной традиции характерно наличие конусовидных и призматических нуклеусов при полном отсутствии карандашевидных; незначительная доля микропластин (5% и менее от общего числа пластин), равное соотношение узких и средних пластин при довольно высокой доле широких. Среди сечений пластин преобладают короткие. Общий процент пластин по отношению к сумме пластин и отщепов – 50% и менее. Высока доля орудий в коллекциях (5–15%). Орудийный набор разнообразен по морфологии, обладает серийностью. Характерны черешковые наконечники стрел на пластинах. Довольно часто встречаются орудия, изготовленные из отщепов. В их числе не только скребки, но много и других форм.

Коллекции памятников приуральской традиции объединяются по показателям техники раскалывания. Наличествуют конусовидные, но, что особо показательно, карандашевидные нуклеусы. Пластины абсолютно преобладают, их 65–80% от суммарного количества пластин и отщепов. Повышены (или резко повышены) тенденции узких пластинок; как правило, значительна доля микропластин, свыше 10% от общего числа пластин, т.е. индустрии характеризуются высокой степенью микролитизации. Общим является такой показатель как преобладание длинных сечений пластин. В орудийном наборе, который не отличается разнообразием, преобладают пластины с ретушью и их обломки. Доля орудий с выраженной морфологией в коллекциях мала. Отсутствуют наконечники стрел.

Западную традицию в Северном Приуралье представляют материалы парчевской культуры, обладающие поразительным сходством с бутовской культурой, приуральскую – материалы средневычегодской (ульяновской) культуры и других, сопоставленные со стоянками типа Нижнеадишевской в Прикамье.

Бадер О.Н., 1966. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита // МИА. М. № 126
 Буров Г.М., 1965. Вычегодский край. Очерки древней истории. М.
 Буров Г.М., 1986. Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дис... д. и. н. Новосибирск.
 Верещагина И.В., 1989. Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Канивец В.И., 1973. Мезолитические стоянки на Средней Печоре и Усе // Поселения каменного и медно-бронзового века на Печоре и Усе. Сыктывкар.
 Кольцов Л.В., 1989. Мезолит Среднего Поволжья // Мезолит СССР / Археология СССР. М.
 Лузгин В.Е., 1972. Древние культуры Ижмы. М.
 Лычагина Е.Л., 2009. Вопросы периодизации камской мезолитической культуры // ТАС. Тверь. Вып. 7
 Ошибкина С.В., 2007. Эпоха мезолита на севере // Сорокин А.Н., Ошибкина С.В., Трусов А.В. На переломе эпох. М.
 Kozłowski S.K., 1973. Introduction to the History of Europe in Early Holocene. // Kozłowski S.K. The Mesolithic in Europe. Warsaw.

Об истоках домостроительства на территории Марийского Поволжья

В последнее время большое внимание среди проблем первобытной археологии Лесного Поволжья уделяется истокам строительства долговременных жилых сооружений на территории Марийского Поволжья.

Изучение материалов археологического памятника периода палеолита Юнго-Кушергинской стоянки позволяет исследователям говорить о начале заселения правобережных районов Марийского Поволжья в эпоху верхнего палеолита в результате переселения сюда первобытных людей из Костенковско-Боршевского палеолитического региона на Дону (Халиков, 1969. С. 6.; Архипов, 1976. С. 9).

Однако, Юнго-Кушергинская стоянка не имеет каких-либо следов жилых построек. Почему? Ведь на верхнепалеолитических стоянках Дона открыты и изучены многочисленные жилища. Существует мнение, что ответ на этот вопрос необходимо искать в климатических условиях региона Марийского Поволжья (Архипов, 1979. С. 10–11; Никитин, 1996. С. 7–8). Резкая смена температуры воздуха в период таяния ледников последнего крупного вюрмско-валдайского оледенения вызвала изменения флоры и фауны. Это привело к массовому отходу мамонтов на север. И, возможно, палеолитический человек, который питался в основном мясом мамонта и оленя, тоже шел вслед за мамонтом и оленем. В соответствии с таким образом жизни жилище древнего человека в Марийском Поволжье не было долговременным и строилось лишь на сезон. Можно предположить, что в раннекаменный век жилое сооружение представляло наземную постройку. Поэтому нельзя отвергать предположение Н.Н. Харузина, который первоначальной формой финно-угорского жилища считал легкие наземные постройки типа шалаша. Хотя более объективно, по всей видимости, мнение Е.И. Горюновой о параллельном существовании шалаша и полуземлянки (Горюнова, 1969. С. 21.).

Исходя из вышеизложенного, первоначальной формой жилища следует считать шалаш, а начальной формой долговременного жилища – полуземлянку.

Первые такие долговременные жилые сооружения на территории Среднего Поволжья относятся к периоду развитого (по периодизации А.Х. Халикова – Халиков, 1969. С. 21) или началу позднего (по периодизации М.Г. Косменко – Косменко, 1972. С. 13) мезолита, когда человек начинает переходить к оседлому образу жизни. В 1956 г. Марийской археологической экспедицией под руководством А.Х. Халикова было открыто и исследовано древнейшее жилое со-

оружение на II Русско-Луговской стоянке, представляющее собой жилище типа полуземлянки с глубоким котлованом (Халиков, 1961).

Длительное время полуземлянка на II Русско-Луговской стоянке оставалась единственным древним жилым сооружением на территории Среднего Поволжья и Прикамья. В настоящее время на археологическую карту только Марийского Поволжья нанесено более шестидесяти поселений с зафиксированными на них 250 жилищными впадинами периода мезолита (Никитин, Соловьев, 2002. С. 84–91. Табл. А.).

Ведущий исследователь каменного века на территории Марийского Поволжья В.В. Никитин отмечает характерные черты мезолитических жилищ:

- тип – полуземлянка;
- преимущественно прямоугольная или подквадратная форма котлована;
- наличие от одного до трех выходов, широких – 1–1,5 м, немного углубленных по отношению к полу котлована;
- наличие очагов-отопителей в центре помещения; либо несколько очагов диаметром около 1 м, при глубине прокала 0,3–0,5 м, расположенных у выходов, в центре и по углам;
- несущая конструкция восстанавливается как двускатная, где жерди перекрытия верхними концами опираются на балки, покоящиеся на опорных столбах;

Топография: поселения с жилищами этого периода на территории Марийского Поволжья преимущественно располагались на дюнах высоких пойм у проток и стариц р. Волги и имели вид устойчивых и долговременных поселков.

Об устойчивости и длительности поселений свидетельствует и количество расположенных на них жилищ. Среди мезолитических памятников преобладают поселения с 1–4 жилищами (40 поселений), по шесть впадин зафиксировано на семи поселениях, по 8–9 – на пяти поселениях и даже по 11–12 – на двух поселениях.

Мезолитические поселения имеют одинаковую планировку – жилищные впадины расположены в два параллельных ряда, расстояние между которыми 6–10 м.

В то же время конструктивные элементы мезолитических жилищ находят свое продолжение в неолитических памятниках на территории Марийского края.

Таким образом, археологический материал подтверждает, что истоки строительства долговременных жилых сооружений на территории Марийского Поволжья уходят в период мезолита.

Архипов Г.А., 1976. Марийский край в памятниках археологии. Йошкар-Ола.
Косменко М.Г., 1972. Основные этапы в развитии мезолитической культуры в Среднем Поволжье // СА. №3.
Никитин В.В., 1996. Каменный век // Тр. МАЭ. М. Т. 4.

Никитин В.В., Соловьев Б.С., 2002. Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы). Йошкар-Ола.
Халиков А.Х., 1961. Юнга-Кушергинская палеолитическая стоянка // Тр. МарНИИ. / Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Йошкар-Ола. Вып. 16
Халиков А.Х., 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.

Ю.Е. Вострецов

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Культурные адаптации населения Южного Приморья в переходный период от атлантикума к суббореалу голоцена

Рубеж атлантического и суббореального периодов голоцена был временем значительных культурных изменений не только в изучаемом регионе, но и во всем мире, когда исчезали одни культурные традиции и появлялись новые. Насколько значительны были природные изменения в этом интервале, можно судить по другим прибрежным районам мира, не связанным с бассейном Японского моря, где адаптивные реакции населения свидетельствуют о значимости природных событий этого времени. В конце атлантического периода голоцена на Корейском полуострове и в Приморье традиция изготовления керамики с гребенчатым орнаментом уступает место традиции использования прочерченного орнамента (наряду с появлением новых форм сосудов), основным мотивом которого был зигзаг. Изменение керамической традиции косвенно отражает постепенное, волнообразное продвижение земледельческих групп населения из континентальных районов в прибрежные.

В интервале от 5300 до 4800 л. н. в Южном Приморье сложилась такая ситуация, когда в континентальных районах расселилось население с земледельческой адаптацией, представленной традицией вервочной орнаментации керамики, а на морском побережье продолжало существовать население с рыболовческо-охотничье-собираательской адаптацией, представленной пятым этапом бойсманской культурной традиции. Обе культурные группы населения сосуществовали, каждая в своем экономическом районе.

После 5000 л. н. началось значительное и продолжительное похолодание климата, сопряженное с дестабилизацией погодных условий (засухи, наводнения, сокращение вегетационного периода) и падением уровня моря (исчезновение лагун, выравнивание береговой линии). Пик неблагоприятных ландшафтно-климатических изменений приходится на интервал 4600–4300 л. н. Природные изменения требовали адаптации системы жизнеобеспечения и всего социального поведения к новым условиям. На пятом этапе (ок. 4800 л. н.) бойсманское население под давлением ландшафтно-климатических изменений переходит от лагунной к морской адаптации. После 4800 л. н., с одной стороны, в силу быстротечности и значительности природных изменений мы наблюдаем на археологическом материале полное затухание бойсманской культурной традиции. С другой стороны, происходит расселение ранних земледельцев из континентальных районов на морское побережье, где происходит формирование земледельческо-приморской модели адаптации. В это же время ранние земледельцы выходят на южное побережье Корейского полуострова. Кроме того, с этого рубежа нарастают различия в материальной культуре между западной и восточной частями бассейна Японского моря.

До конца переходного периода следующие волны ранних земледельцев, расселяясь на побережье Приморья, формировали подобные модели культурных адаптаций.

А.А. Выборнов

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара

В.С. Мосин, И.В. Горащук

Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Челябинск

Неолит по обе стороны Урала

Со времени выхода в свет монографии Л.Я. Крижевской «Неолит Южного Урала» (1968) и статьи О.Н. Бадера «Уральский неолит» (1970), в которых неолитическое время в Предуралье и Зауралье рассматривалось в единой системе координат, прошло более 40 лет. За эти годы сложилась устойчивая традиция анализа археологических материалов к западу и к востоку от Уральских хребтов отдельно и, по большей части, без связи друг с другом.

Вместе с тем, имеющиеся к настоящему моменту данные по археологии и радиоуглеродному датированию позволяют нам говорить о том, что процессы, происходившие в неолите Уральского региона синхронны и взаимосвязаны, несмотря на существенные, а порой и принципиальные отличия в технологических традициях изготовления орудий из камня и керамики.

Неолитизация региона проявилась в появлении керамического производства около 7000 лет назад в некалиброванных значениях (более ранние даты пока единичны и не верифицированы) в южных районах Волго-Уралья и затем археологически одновременной передаче технологии в северных направлениях через непосредственные разноплановые контакты населению Зауралья. Об этом свидетельствуют серии радиоуглеродных дат и близкая структура керамических комплексов, включающих плоскодонную, круглодонную и остродонную посуду, орнаментированную прочерчиванием, отступающими наколами,

ямочными наколами и присутствием неорнаментированных сосудов.

Комплексы орудий из камня Предуралья и Зауралья основаны на различных технологических традициях, восходящих к местному мезолиту и далее к позднему палеолиту, ни на одном из известных памятников не встречаются совместно, поэтому неолитизацию Урала нельзя рассматривать как результат миграционных процессов.

Тенденции изменений в комплексах материальной культуры неолита Предуралья и Зауралья также были однонаправлены и синхронны. С периода 6400–6200 лет назад в орнаментации керамики все шире начинают употребляться оттиски зубчатых (гребенчатых) штампов в различных вариантах, постепенно заменяя прочерчивание и отступающие наколы. В среднепластинчатой и микропластинчатой индустриях Предуралья и Зауралья в течение неолита все больший вес приобретают изделия из отщепов и орудия с двусторонней обработкой. О постоянных контактах разного свойства предуральского и зауральского населения свидетельствует присутствие зауральской керамики и изделий из яшмы и фтанитоидов Магнитогорско-Тагильской СФЗ на памятниках Предуралья.

Таким образом, тезис О.Н. Бадера о том, что Уральский хребет не был препятствием «...для постоянного общения обитателей его западных и восточных склонов», высказанный 40 лет назад, наполняется сегодня новым содержанием.

М.Ш. Галимова, А.А. Чурбанов

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань

Перспективы минералогических исследований в первобытной археологии Волго-Камья¹

Наиболее важными применительно к стоянкам эпохи камня – энеолита региона являются: 1) изучение петрографических и геохимических особенностей сырьевой базы индустрий; 2) реконструкция тех-

нологий добычи и расщепления камня и системы жизнеобеспечения в целом.

Выявление источников сырья важно для понимания технологии расщепления камня и формирования обли-

¹ Исследования проведены при поддержке РФФИ (проект №07-06-00169)

ка каменных индустрий. Проведено минералогическое изучение кремневых артефактов (сколов-отходов) из стоянок финального палеолита–мезолита Лобач 2, Камское Устье 2, Сюкеевский Взвоз и образцов кремнистых пород из пермских отложений правобережья Волги. Сравнение шлифов показало, что обитатели использовали, с высокой долей вероятности, местное сырье невысокого качества (конкреции), что обусловило технико-типологический облик индустрии усть-камской культуры. Пробный ЭПР-анализ кремневого отщепы (Лобач 2) (аналитик Н.М. Хасанова) показал, что артефакт был предварительно прогрет. Это делает метод ЭПР перспективным для выявления древних технологий тепловой обработки кремневых заготовок. Для идентификации источников сырья эффективен традиционный минералого-петрографический анализ.

Изучение спектра кремневого сырья помогает вычленению комплексов из смешанных культурных напластований. Петрографический анализ находок из Татарско-Азиевской 4 стоянки в Икско-Бельском междуречье позволил выделить две группы кремня, разные по структуре и цвету: слоистые линзовидные со скоплениями зерен кварца и без выраженной слоистости. Разница в строении кремней связана с их

формированием на разных стратиграфических уровнях пермских отложений в регионе. В Татарско-Азиевской 4 стоянке есть артефакты из качественного серого полосчатого кремня (25,8%). В примыкающих вплотную раскопах Русско-Азиевской стоянки также найдены изделия из такого кремня (около 42%). Таковы и наконечники стрел в Минняровском погребении, а также крупные пластины-клинки и вкладыши пазового инвентаря в Русско-Шуганском погребении (Казаков, 1978). Данные погребений (закрытых комплексов) показывают, что серый полосчатый кремень использовался в неолите–раннем энеолите. Возможно, обнажения этого сырья в тот период были более доступны, чем в мезолите. Возобновление геолого-геоморфологических изысканий в окрестностях стоянок эпохи камня – раннего металла дает перспективу поискам выходов кремнистых образований в Икско-Бельском междуречье.

Минералогические и технологические функциональные исследования смешанных поселенческих и «чистых» погребальных комплексов могут помочь в интерпретации многослойных памятников, которые составляют большинство в первобытной археологии не только Волго-Камья, но и всего Урало-Поволжья.

А.В. Гарковик

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Антропоморфные изображения в материалах эпохи камня и раннего палеометалла в Приморье

В археологических комплексах эпохи камня и начала палеометалла в Приморском крае встречаются артефакты не утилитарного назначения: украшения, зооморфные и фитоморфные фигурки. Эти изображения связываются с существованием различных культов, существовавших в сложной системе мировоззрения, культовых действий, ритуально-магических обрядов, сложившихся у древнего населения Приморья. Особую группу составляет небольшое число антропоморфных изображений. Они встречены в культурных отложениях, содержащих микропластинчатую индустрию, в слоях позднего неолита а также на памятниках ранней бронзы. Большая их часть представляет схематичное изображение лица человека – «личину».

Ранние антропоморфные изображения изготовлены из плоской гальки и отщепы из плотного песчаника. Элементы лица изображались использовалась техникой выбивки и прочерчиванием. Антропоморфные изображения позднего неолита различаются по материалу, из которого изготовлены, и по технике нанесения элементов. Два изображения изготовлены из плоских округлых кусочков глины. На одном – элементы

лица нанесены отпечатками и прочерчиванием. На другом, янусовидном, – короткими сквозными отверстиями и прочерчиванием. Антропоморфное изображение, выполненное на крупной конкреции песчаника, – объемное. Элементы лица расположены на ребре конкреции. Для их нанесения использована техника выбивки и прочерчивания. Стилизованная фигурка человека с сетью, выполненная техникой налепа, изображена на стенке сосуда. В памятниках ранней поры палеометалла антропоморфные изображения представлены небольшими скульптурками из глины. Эти изделия также стилизованы: голова изображена в виде корытообразного овала. Изображение лица отсутствует.

Описанные антропоморфные изображения делятся на две группы. Первую группу составляют артефакты со стилизованным антропоморфным лицом, для которых принят термин «личина» (старо-русское слово, означающее маску). Подобные изображения производят впечатление маски, искусственного лица человека, усиливающегося отсутствием туловища. Маски, широко распространенные у большинства на-

родов, в прошлом изображали таинственные существа, духов. Они употреблялись как средство перевоплощения человека в духа и были неременной принадлежностью обрядов и культовых действий, где требовалось присутствие духов. Маска появляется там, где требуется представительство духов в мире людей.

Объемное антропоморфное изображение на крупной конкреции песчаника, представляющее собой стилизованное изображение лица, также относится к «личинам». Такой артефакт является уже не маской, а, по всей вероятности, самим духом, который выполняет какие-то функции (вероятнее всего, охранные).

Вторую группу составляют стилизованные изображения полных (от головы до ног) антропоморфных фигур, изготовленные из глины. Они двух видов: объемная скульптура и рельефный налп. Интересно, что на них не прорисовано лицо. Это означает, что для их

создателей эта деталь не была важна, а важным было (в одном случае) показать действие человека с изображенной сетью. А в другом, скульптурка с корытоподобной головой могла быть универсальной формой, в которую вставлялось нужное изображение.

Изготовление антропоморфных образов связано с развитием мифологического мировоззрения в древних социумах. Эти артефакты использовались для выполнения определенных функций и участия в ритуалах и обрядах. Описанные антропоморфные изображения показывают, что Приморье входит в круг широких территорий тихоокеанских побережий, где такие образы известны достаточно широко. Разнообразие антропоморфных, а также зооморфных, фитоморфных и других изображений в неолите Приморья свидетельствует об активизации символической, религиозно-обрядовой практики, что является одним из признаков развития социальных процессов в обществе.

Д.В. Герасимов

Музей антропологии и этнографии РАН, Санкт-Петербург

А. Крийска

Институт истории и археологии Университета Тарту

С.Н. Лисицын

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Доисторический человек каменного века юго-восточного побережья Финского залива в регрессивную стадию Литоринового моря

Исследование выполнено в рамках проектов «Региональные особенности развития культуры в каменном веке – эпоху раннего металла Восточной Балтики» (МАЭ РАН); «Побережье и континентальная территория. Дуалистическое заселение восточной части Балтийского моря времен каменного века и периода раннего металла» при поддержке гранта Эстонского Научного фонда и Европейского Фонда регионального развития ЕС (Центр теории культуры SEST).

Наиболее ранние свидетельства освоения человеком региона Финского залива относятся ко времени стадии Анцилового озера, соответствующей периоду раннего мезолита (8500–7500 лет до н.э.). Однако, до начала Литориновой стадии Балтики – конец VIII тыс. до н.э. – система жизнеобеспечения древнего населения была основана исключительно на эксплуатации лесных ресурсов. С рубежа раннего и позднего мезолита морские ресурсы становятся основой системы жизнеобеспечения прибрежного населения, продолжавшей развиваться в рамках присваивающей экономики более 5000 лет, до эпохи раннего металла включительно.

В литориновое время в юго-восточной части Финского залива наиболее благоприятными зонами промысловой деятельности людей (прежде всего, охота на ластоногих, позднее – рыбная ловля) были лагунные системы, такие, как Рийгикюльская и Кудрукюльская в междуречье рек Нарвы и Луги, Сестрорецкая, Лахтинская, и, вероятно, Охтинская в Приневье. Каждая из этих систем имела собственную историю формирования песчаных баров, кос и террас, для изучения которой большое значение имеют археологические данные (рис. 1).

Памятников позднего мезолита, предшествующих максимуму Литориновой трансгрессии, на рассматриваемом участке побережья к настоящему времени известно крайне мало. Культурные слои этих памятников на данной территории перекрыты наносами литоринового максимума, свидетельством чему являются геоморфологические стратиграфические условия нахождения позднемезолитического комплекса памятника Нарва Йоару в черте г. Нарва и памятника Сюр 1 на Сюрьевском болоте вблизи г. Сосновый Бор. Получившие широкую известность находки скульптуры змеи из рога

Рис. 1.

Археологические памятники каменного века – эпохи раннего металла на юго-восточном побережье Финского залива:
 1 – Нарва Йоаору; 2 – Сийвертси; 3 – Рийгикюла I–XVII; 4 – Ломи 1–3; 5 – Извоз 2–6; 6 – Кудрукюла, Нарва Йёэсуу; 7 – Венкюль; 8 – Кузёмкино 1–3; 9 – Галик; 10 – Куровицы; 11 – Хаболовское; 12 – Бабинское; 13 – Калищенское 1–2; 14 – Сюр 1; 15 – Александрия; 16 – Сестрорецкая 1–7, Разлив; 17 – Сосновая Гора; 18 – Тарховка; 19 – Лахта; 20 – Кронверк; 21 – Охта 1

в Тырвала (правый берег р. Нарва ниже г. Ивангород) и остатков рыболовной сети в Сийвертси (левый берег р. Нарва выше г. Нарва) происходят не из слоёв стоянок, а из контекстов, соответствующих мелководным частям водоёмов соответствующего времени. По-видимому, большинство позднемезолитических поселений в литоральной зоне было расположено ниже современных высотных отметок 11–12 м над ур. м. Во время литориновой трансгрессии они оказались погребены водными наносами или уничтожены абразией.

Начало эпохи неолита в регионе маркируется распространением традиции изготовления керамики после 5500 лет до н.э. (6500 л. н.), во время максимума Литориновой трансгрессии. В раннем неолите здесь существовало две керамических традиции – керамика нарвского типа в западной части Ленинградской области и в Эстонии и керамика типа сперрингс на Карельском перешейке и в Приневье.

Ранний неолит рассматриваемой территории представлен памятником Сосновая Гора с керамикой типа сперрингс; а так же памятниками с нарвской керамикой: Кузёмкино 1 и 2; Рийгикюла 1–13, 15; Галик 3, Извоз 2. Памятники раннего неолита имеют очень чёткую геоморфологическую приуроченность. По-видимому, наиболее ранние из них расположены выше уровня максимума литориновой трансгрессии. По мере понижения уровня моря, стоянки доисторического человека появлялись на освободившихся от воды участках. Судя по топографии памятников,

в V тыс. до н.э. уровень моря опустился ниже современной отметки 8 м над ур. м.

Начало развитого неолита соответствует времени появления в регионе Финского залива так называемой типичной, или прибалтийской гребенчато-ямочной керамики в конце V— начале IV тыс. до н.э. / около 5300 л. н. К этому периоду относятся памятники Рийгикюла 1–3; Извоз 3; памятники на Кудрукюльской косе Нарва-Йёэсуу (Narva-Jõesuu) 1, 2, 3, 4; Вильяпеа (Viiljapea); Куровицы; Тарховка и Разлив; Калищенское озеро 1 и 2; Галик 4. Топография памятников свидетельствует, что в IV тыс. до н.э. уровень моря располагался ниже современной отметки 5 м над ур. м.

В позднем неолите, к середине IV тыс. до н.э., на рассматриваемых территориях наблюдается определённая культурная дифференциация, хотя в целом продолжается единая линия развития. С начала III тыс. до н.э. (после 4200 л.н.) археологические материалы отчетливо свидетельствуют об изменениях в культуре, вероятно, являющихся следствием ряда факторов — изменений природной обстановки, системы хозяйствования, социальных процессов, и продвижения в регион нового населения. Эти изменения знаменуют конец каменного века и начало эпохи раннего металла, характеризующегося распространением глиняной посуды с примесью органики и асбеста, а позднее и шнуровой керамики.

Материалы позднего неолита – эпохи раннего металла (конца IV–III тыс. до н.э.) представлены на па-

мятников Извоз 4-6, Сестрорецкие стоянки, Ломми 1-3, Александрия, Венкуль (Väiküla), Кудрукюла, Охта 1, Лахта, Кронверк, Рийгикюла 1, 2, 4, 14. Некоторые из этих памятников (Венкуль, Кудрукюла, Охта 1, Кронверк, возможно, Александрия) расположены на отметках ниже 2,5 м над ур. м. и перекрытых

водными отложениями. Такие условия нахождения культурных остатков указанного времени не согласуются с существующей концепцией развития Балтики. Интерпретация геоморфологического контекста этих комплексов является актуальнейшей задачей исследований по истории Балтийского моря.

К.Э. Герман, И.В. Мельников

Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижь», Петрозаводск

Новые открытия памятников мезолита — раннего неолита в южном Заонежье

С 1995 г. музеем-заповедником «Кижь» проводится изучение 27 памятников мезолита — энеолита Вожмарихинского археологического комплекса, расположенного в 3–4 км западнее о. Кижь на древних береговых террасах залива Онежского озера, представляющего в настоящее время болото. В 2009–2010 гг. западнее и восточнее комплекса было открыто еще шесть памятников мезолита — раннего неолита, также приуроченных к древним озерным заливам.

Поселения Вожмариха 28–30 располагаются примерно в 4,5 км к западу от о. Кижь на озерных террасах высотой 5–7 м над современным урезом воды. Площадь поселений — 1500–2000 кв. м. Юго-западнее памятников проходит граница заболоченного пойменного участка, маркирующего древнюю береговую линию, по которому протекает р. Вожмариха. На поселении Вожмариха 28 заложен шурф 16 кв. м., на Вожмарихе 29–30 — по 8 кв. м.

Поселение Вожмариха 28 находится ближе всех к современному урезу воды, относится к раннеэнеолитической культуре сперрингс. Керамика памятника представлена 54 фрагментами от 6 сосудов. Толщина стенок варьирует от 0,6 до 0,8 см, венчики прямые плоскосрезанные неорнаментированные, кроме одного (Рис. 1: 4). Четыре сосуда орнаментированы наклонно и горизонтально поставленными отступами отступающей лопаточки (Рис. 1: 1, 2, 4, 7). Три сосуда орнаментированы горизонтальными поясами из оттисков одинарного и двойного позвонка, выполненного одной гранью, и нанесенными на основной орнамент ямками-наколами размерами 0,6×0,6 см (Рис. 1: 3, 5, 6).

Для каменного инвентаря характерно большое количество заготовок и обломков заготовок сланцевых орудий, в первую очередь киркообразных, а также большое количество сланцевых и кварцитовых плит, их обломков (6 экз.) и обломков со следами шлифования (3 экз.). Интересна находка сегмента

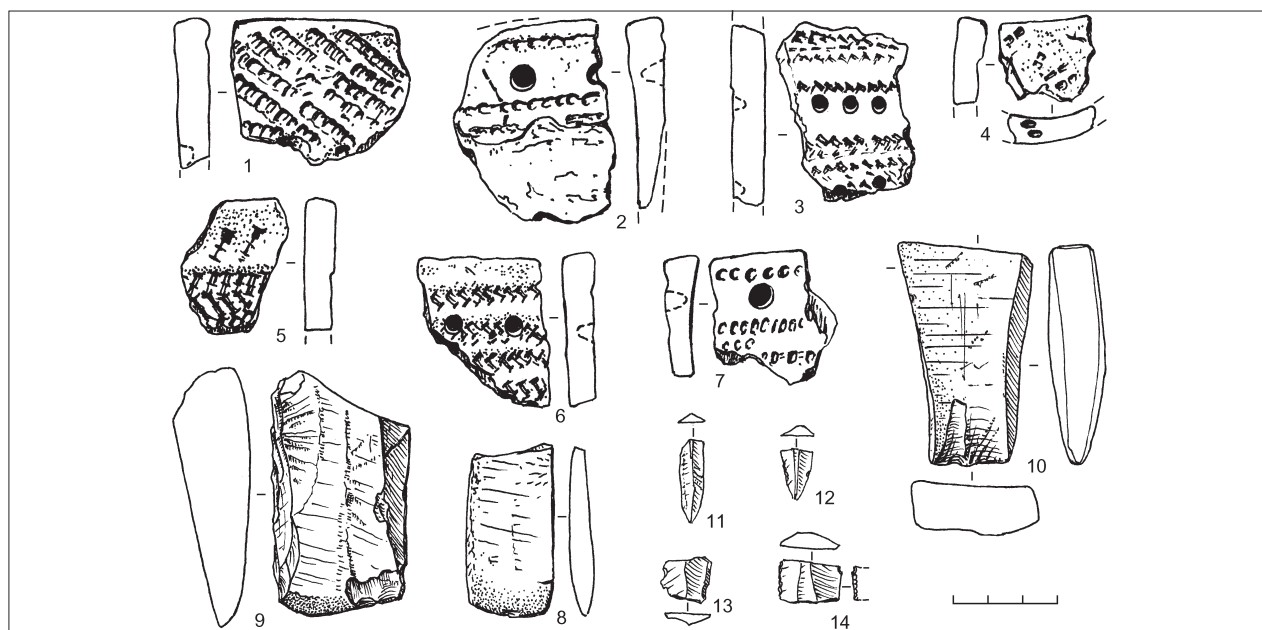

Рис. 1

сланцевого диска оббитого по краю. Из сланцевых орудий найдено две стамески размерами 4,5×2,5×0,5 см и 6,5×3,5×2 см подпрямоугольной формы и сечения на сланцевых отщепках с подточенной лезвийной частью (Рис. 1: 8, 9). Достаточно большое количество нуклеусов: два из лидита, два из кварцита и один из кварца.

Соотношение отходов каменного производства: сланец – 76,5%, кремь – 2,2%, лидит – 4,6%, кварц – 5,9% и кварцит – 10,8%.

Поселение Вожмариха 29 расположено дальше от современного уреза воды, чем Вожмариха 29 и относится к Обонежской мезолитической культуре. Основную часть найденных артефактов составляют абразивы – шлифовальные плиты, а также обломки сланца со следами шлифования. Среди находок можно отметить миниатюрную (0,3×2,5×2,8 см) подвеску из плоской гальки с биконическим сверленным отверстием на одном конце.

Соотношение отходов каменного производства: сланец – 59,5%, кремь – 10,8%, лидит – 2,7%, кварц – 16,2%, кварцит – 10,8%.

Поселение Вожмариха 30 располагается дальше от современного уреза воды, чем Вожмариха 29, относится также к Обонежской мезолитической культуре. В шурфе найдены только отщепы, соотношение по которым: сланец – 61,5%, кварц – 15,4%, кварцит – 23,1%.

Поселения Жарниково 1–3 располагаются в 2 км западнее острова Кижы на озерных террасах высотой 7–9 м над современным урезом воды и относятся к Обонежской мезолитической культуре. Юго-западнее памятников проходит граница заболоченного пойменного участка, маркирующего древнюю береговую линию, по которому протекает безымянный ручей, впадающий в Онежское озеро в районе д. Телят-

никово. На всех поселениях заложены шурфы площадью 20 кв. м.

Материалы представлены орудиями, заготовками орудий и отходами производства из кремня, сланца, лидита, кварца и кварцита. На всех трех памятниках практически равное количество отщепов сланца и кварца, следом идут отщепы лидита, кремня и кварцита. По отходам каменного производства, по сравнению со стоянками Вожмариха 28–30, прослеживаются отличия.

Заготовок найдено пять: две – это куски сланцевых галек, обработанных сколами по боковым поверхностям; остальные – сланцевые бруски или плитки с пилением по боковым граням. Орудие из сланца найдено только одно. Это тесло на бруске размером 5,7×3,5×1,2 см, подшлифованное по лезвию (рис. 1: 10). Большая часть орудий – изделия из кварца: скребки, долотовидные орудия, резцы, выполненные на отщепках неправильной формы.

Наибольший интерес представляют наконечник и обломок наконечника на пластинках из лидита, с чуть ретушированными остриями (рис. 1: 11, 12), а также сечения ножедных пластинок из кремня и лидита (рис. 1: 13, 14). Это первые находки подобных орудий на мезолитических памятниках Южного Заонежья. Абразивы представлены кварцевой пилой и двумя обломками шлифовальных плит из сланца.

В результате проведенных в 2009–2010 гг. исследований окрестностей острова Кижы можно сделать следующие выводы:

1. все выявленные памятники приурочены к древним береговым заливам Онежского озера;
2. места расположения выявленных памятников были удобны для проживания только в период мезолита – раннего неолита, так как комплексов более поздних периодов зафиксировано не было.

О.И. Горюнова

Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН, Иркутск

А.Г. Новиков

Иркутский государственный университет, Иркутск

А.В. Вебер

Университет Альберта, Эдмонтон (Канада)

Керамика раннего неолита Прибайкалья (по материалам многослойного поселения Саган-Заба II)¹

В настоящее время к раннему неолиту Прибайкалья относится шнуровая керамика, выделенная

Н.А. Савельевым на многослойном поселении Горелый Лес (1989), с орнаментом из прочерченных линий

¹ Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», гос. контракт № П363.

(«хайтинский» тип), и сосуды с оттисками сетки-плетенки (X слой Улан-Хады, VI–V слои Итырхей и др.). Комплексы датируются в пределах 6,8 (7,0) – 5,5 тыс. л.н. (Горюнова, 2001; Савельев, 1989).

Ареал распространения керамики «хайтинского» типа охватывал Верхнее Приангарье (VI–VA слои Горелого Леса, V–VA слои Усть-Хайты, компрессионные слои: Нижнесередкино, Падь Шалот, Усть-Белая – Ангарский берег, Шумилиха и др.) и Верхнюю Лену (компрессионные слои: Макарово I, Поповский Луг, Усть-Ямная) (Савельев, 1989; Савельев и др., 2001; Зубков, 1982; Сеницына, 1986). На других территориях она не фиксировалась.

Раскопки, проведенные на многослойном поселении Саган-Заба II Российской-Канадской экспедицией (Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН, ИГУ и Университет Альберты, г. Эдмонтон, Канада) в 2006–2008 гг., позволили расширить ареал распространения керамики «хайтинского» типа, включив в него западное побережье Байкала. На этом объекте стало возможным стратиграфически выделить и характеризовать два комплекса раннего неолита и на основе серии радиоуглеродных определений выявить их датировку (Горюнова и др., 2008).

Многослойное поселение Саган-Заба II расположено в одноименной бухте северо-западного побере-

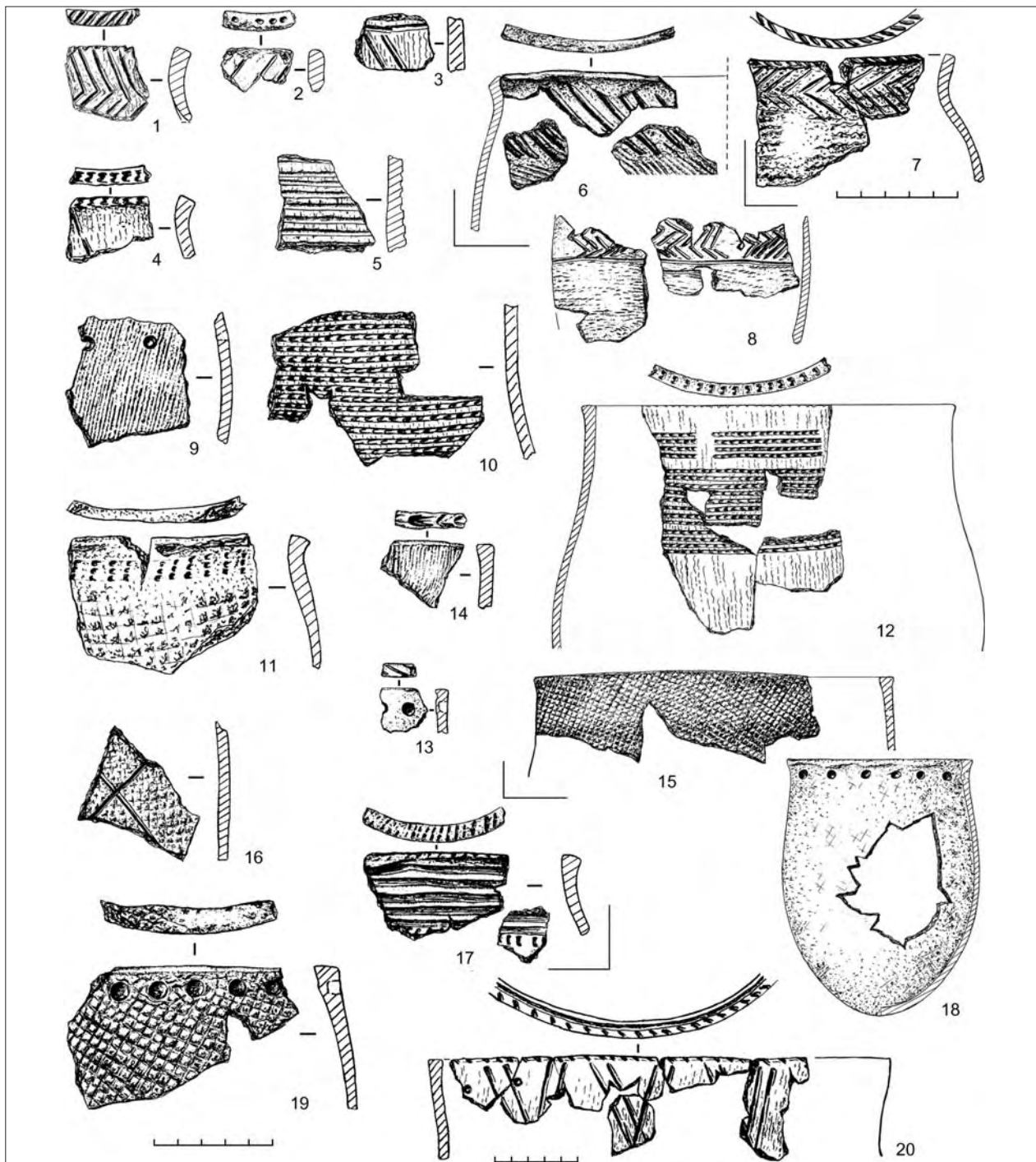

Рис. 1
Ранненеолитическая керамика с поселения Саган-Заба II: 1–12 – VI слой; 13–20 – V нижний слой

жья оз. Байкал, в 150 км к СВ от г. Иркутска и в 13,5 км к ЮЮВ от пос. Еланцы (Ольхонский район Иркутской области). Всего на объекте выделено 11 культурных слоев, датированных от мезолита до позднего железного века. Рыхлые отложения представлены переслаиванием грубообломочных слоев пролювиального генезиса и мелкоземистых гумусированных песчано-супесчаных слоев делювиального и пролювиально-делювиального генезиса. К раннему неолиту относятся комплексы VI и V нижнего слоев.

Керамика VI слоя представлена круглодонными сосудами сложной, закрытой формы. Доминанту составляет керамика с негативами тонкого шнура, украшенная построениями из прочерченных линий – «хайтинский» тип. Орнамент покрывает верхнюю часть тулова сосуда; в ряде случаев он наносился по срезу венчика. Преобладают простые композиции, состоящие из одного мотива: наклонные (рис. 1: 2, 4, 6), горизонтальные (рис. 1: 5) линии или горизонтальная «елочка» (рис. 1: 1, 7). Отмечены сложные композиции, сочетающие горизонтальные линии с «елочкой» (рис. 1: 8) или с наклонными линиями (рис. 1: 3). Выделяются шнуровые сосуды, украшенные горизонтальными рядами оттисков узкой отступающей лопаточки (рис. 1: 10, 12). На ряде сосудов отмечен только поясок отверстий (рис. 1: 9). Керамика с оттисками сетки-плетенки встречена в меньшем количестве. Фрагменты одного из сосудов оформлены пояском оттисков 3-зубчатого штампа (рис. 1: 11).

Из 17 полученных радиоуглеродных (некалиброванных) дат 10 образуют компактную группу в преде-

лах 7,9–7,0 тыс. л. н., что значительно удревяет границы неолита региона.

Керамический материал V нижнего слоя представлен, в основном, сосудами с оттисками сетки-плетенки; в меньшем количестве – с негативами шнура; в единичных случаях – гладкостенными. Сосуды с оттисками сетки-плетенки, преимущественно, без орнамента (рис. 1: 15). Из украшений преобладает поясок ямочек (рис. 1: 18–19). В одном случае сосуд оформлен прочерченными линиями в виде косой решетки (рис. 1: 16). Сосуды со шнуровой поверхностью орнаментированы: наклонными, углом пересекающимися парными линиями; прочерченная линия нанесена и на срез венчика (рис. 1: 20), на другом сосуде – срез венчика оформлен штамповыми вдавлениями, тулово – без орнамента (рис. 1: 14). Керамика с гладкой поверхностью представлена сосудом, оформленным горизонтальными рядами, выполненными прочерчиванием 2-зубчатым штампом; ниже – отдельные оттиски того же штампа. Срез венчика также оформлен зубчатым штампом (рис. 1: 17). Венчик второго гладкостенного сосуда украшен пояском ямочек, а по срезу – насечками (рис. 1: 13).

По слою получено 14 радиоуглеродных дат, девять из которых составляют компактную группу в пределах 7,0–6,5 тыс. л. н.

В целом, полученные материалы на многослойном поселении Саган-Заба II значительно удревяют границы неолита Прибайкалья; расширяют ареал распространения керамики «хайтинского» типа; выдвигают проблемы корреляции новых материалов с ранее исследованными опорными объектами Прибайкалья (в том числе с мезолитическими комплексами).

Горюнова О.И., 2001. Неолит Приольхонья (оз. Байкал) // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. Новосибирск.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В., Воробьева Г.А., Орлова Л.А., 2008. Завершение раскопок Российско-Канадской экспедиции в бухте Саган-Заба на Байкале // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. 14

Зубков В.С., 1982. Неолит и ранний бронзовый век Верхней Лены: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Савельев Н.А., 1989. Неолит юга средней Сибири, история основных идей и современное состояние проблемы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Савельев Н.А., Тетенькин А.В., Игумнова Е.С., Абдулов Т.А., Инешин Е.М., Осадчий С.С., Ветров В.М., Клементьев А.В., Мамонтов М.П., Орлова Л.А., Шибанова И.В., 2001. Многослойный георхеологический объект Усть-Хайта – предварительные данные // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. Новосибирск.

Синицына Г.В., 1986. Неолитические памятники Верхней Ангары (по материалам поселений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

А.Е. Гришин, Ю.Н. Гаркуша, Ж.В. Марченко
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

К проблеме выделения культур эпохи неолита в Северном Приангарье¹

Культурно-хронологическая шкала Северного Приангарья находится в стадии формирования. Архе-

ологическая культура (цэпаньская) выделена только для раннего железного века В.И. Привалихиным

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН (проект 28.2.9.), РФФИ (проект №10-06-00005а), программы Президента РФ по поддержке ведущих научных школ (проект НШ-5107.2010.6.).

(1993). Керамические типы не были связаны в регионе со стратифицированными поселенческими комплексами.

Исследователями указывались сложности в дифференциации материалов региона, в том числе и керамических (Бурилов, 1975. С. 86; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988. С. 104 и др.). Во-первых, это преимущественно стояночный характер памятников с отсутствием закрытых комплексов. Во-вторых, слабая стратифицированность отложений на краю прибрежных террас, где располагается большинство памятников, и высокая степень естественных и техногенных нарушений на этих участках. Закрытые комплексы единичны (погребения или клады). Остатков жилищ до недавнего времени зафиксировано не было. Объем археологических источников резко возрос с продолжением работ в будущем ложе Богучанской ГЭС (Охранно-спасательные ..., 2010). Это позволяет продолжить процесс разработки культурно-хронологиче-

ской шкалы Северного Приангарья на новом источнике уровне.

С 2009 г. авторы работают на поселении Деревня Пашино, обнаруженном в результате разведочных работ 2008–2009 гг. (левый берег р. Ангара, устье р. Верхняя Кежда) (Гришин, Гаркуша, Марченко, 2009; Марченко, Гришин, Гаркуша, 2010). Памятник располагается на 7–8 метровой ангарской террасе. Исследованы остатки древнего сооружения (конструкции 1). Это прямоугольный котлован полужемлянки размерами 5,5×5 кв. м, ориентированный длинными сторонами по линии север-юг. Глубина котлована от древней поверхности – до 0,6 м. В центре – следы очажного сооружения. На дне конструкции *in situ* залегали каменные орудия (скребки, наконечники стрел, тёсла – рис. 1: 4, 5), отходы дебитажа, развалы сосудов и разрозненные фрагменты керамики.

Посуда баночной формы с приостренным или округлым дном, со сплошной орнаментацией внеш-

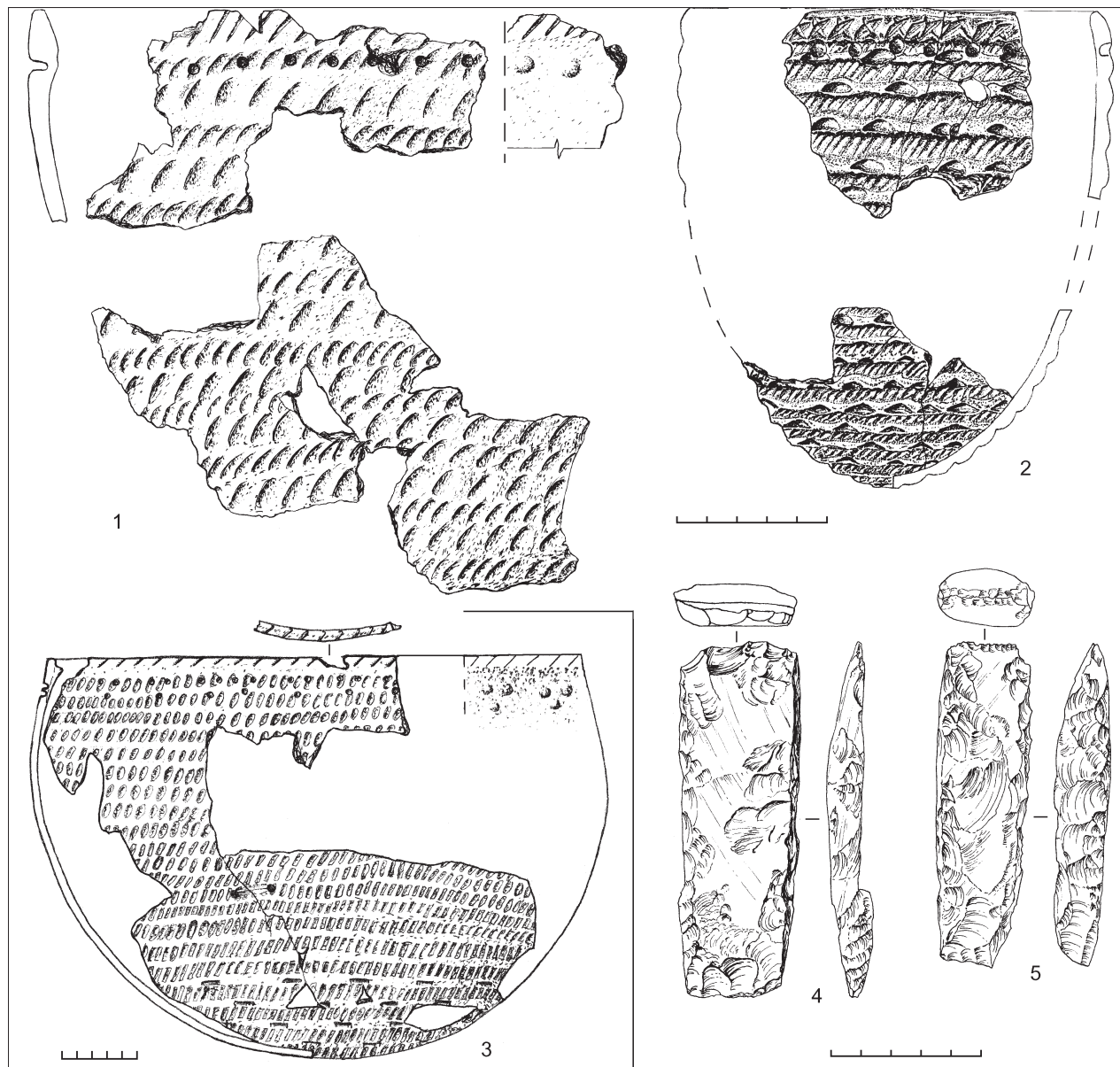

Рис. 1

Поселение Деревня Пашино. Находки из конструкции 1 – 1, 2, 4, 5 и 2–3; (1–3 – керамика; 4, 5 – камень)

ней поверхности однообразными односторонне наклонными оттисками (Рис. 1: 1, 2). Чаще всего это насечки, гребенчатый штамп, отпечатки ногтя. Характерной чертой орнамента является также горизонтальный прямолинейный ряд ямочных наколов в зоне венчика. Реже этот ряд дополняется другими ямочными наколами, образуя «треугольные фигуры вершиной вниз» или «пары». Срез венчика орнаментирован насечками с обеих сторон.

Кроме того, были обнаружены остатки еще одного котлована (конструкция 2), но с меньшей концентрацией находок. Верхняя часть котлована была нарушена в последующие эпохи. Тем не менее, ориентировка и форма котлована идентичны, а размеры близки конструкции 1. На дне его, также *in situ*, залегал развал сосуда, аналогичного вышеописанным изделиям (рис. 1: 3). Таким образом, на памятнике было обнаружено поселение, включающее не только условно закрытые комплексы керамики и каменных предметов в котлованах, но и аналогичный материал на уровне древней поверхности за пределами сооружений.

На дне котлованов обнаружены сторевшие деревянные остатки. Радиоуглеродное датирование образцов угля из констр. 1 выявило возраст постройки в рамках конца V – первой половины IV тыс. до н.э., что соответствует эпохе неолита.

Близкие обнаруженному керамическому материалу по морфологии и орнаментации изделия объединены на данный момент в рамках «усть-бельского керамического пласта» или «общности» (Бердников, Бердникова, 2007. С. 53, 54. Рис. 3; Археология ..., 1996. С. 292–294). Усть-бельская посуда обнаружена на памятниках неолита и бронзы Приангарья, Минусинской котловины, Прибайкалья. Поскольку понятие «керамический пласт» или «общность» являются наиболее общими при систематизации керамики региона, то рядом авторов предприняты попытки выделить типы и предложить их временную последовательность (Археология ..., 1996. С. 286–290). «Пашинские» сосуды сходны лишь с частью усть-бельских образцов, обнаруженных, например, на поселениях Казачка (слой VI) в Канско-Рыбинской котловине и Горелый Лес (слой IV) в Прибайкалье.

Эти обстоятельства пока позволяют говорить о «пашинском» варианте неолитической керамики усть-бельского «керамического пласта (общности)». А поскольку он связан с каменной индустрией в рамках сооружений, датированных концом V – первой половиной IV тыс. до н.э., то дальнейшее исследование материалов поселения Деревня Пашино может привести к выделению самостоятельной неолитической культуры в Северном Приангарье.

Археология. Неолит Северной Евразии. 1996. М.

Бердников И.М., Бердникова Н.Е., 2007. Усть-бельская керамика: проблемы, характеристика, хронология // Северная Евразия в антропогене: человек, Палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Иркутск. Т. 1.

Бурилов В.В., 1975. К археологии Средней Ангары (по материалам раскопок в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС) // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И., 1988. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск.

Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В., 2009. Результаты полевых работ 2009 года на памятниках в устье р. Верхняя Кежда (Северное Приангарье) // Проблемы археологии,

этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. XV.

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н., 2010. Работы 1-го и 2-го Пашинских отрядов в 2010 году (Кежемский район Красноярского края) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. XVI.

Охранно-спасательные..., 2010. Охранно-спасательные исследования ИАЭТ СО РАН на объектах культурного наследия Азиатской России // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.

Привалихин В.И., 1993. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово.

С.В. Гусев

Институт Наследия, Москва

Ранне-неолитические комплексы Северного Сахалина (по материалам исследований стоянки Хунмахта 1)

Заселение Сахалина в раннеголоценовое время слабо изучено, поэтому, каждая находка стоянок этого периода в регионе вызывает большой интерес. В 2003–2004 гг. Берингская экспедиция Института

Наследия исследовала стоянку Хунмахта 1, расположенную на севере острова в 12 км от Татарского пролива, у впадения р. Хунмахта в р. Уанга. В общей сложности исследовано более 2000 кв. м. Типологи-

чески выделено пять комплексов. К раннему неолиту относятся первый (К1) и второй (К2) комплексы.

Первый комплекс (К1) выделен по материалам из сохранившегося участка культурного слоя под жилищем 1, перекрытого стерильной прослойкой плотной спекшейся массы (ортзанд?), а также по материалам из сохранившегося участка культурного слоя к востоку от жилища 8. Основное сырьё – базальт черного и серого цветов. Найдена серия концевых скребков, изготовленных на массивных отщепках или сколах (с округлым лезвием и крутой ретушью на конце). Для изготовления использовалась оббивка и ретушь. В поперечном сечении они имеют в основном форму треугольника за счёт ребра на спинке. К этому же комплексу относится ретушированный наконечник стрелы – ромбический в сечении и удлинённо-листовидный в плане.

К востоку от жилища № 8 (кв. Ю-5) и в межжилищном пространстве (кв. К-11) было найдено два однотипных орудия – видимо, тесла. Оббивкой оформлены лезвие и боковые грани. Обушок – острый, за счёт намеренных сколов по боковым граням. Отличаются орудия только размерами. Трасологически эти орудия из базальта и массивные концевые скребки определены как «строгальные инструменты по дереву, типа рубанка» (определение Г.В. Поплевко, ИИМК РАН). Керамики выявлено не было.

По углям из участков скопления находок из базальта под жилищем № 1 и рядом с жилищем № 8 были получены радиоуглеродные даты – 7930 ± 20 л.н. и 8500 ± 100 л.н. Близкий ему комплекс с орудиями из черного базальта выявлен в 2003 г. на стоянке Уанга 2 в 5 км к западу от стоянки Хунмахта 1, где орудия находились в плотном спекшемся слое. В то же время, на Уанге 2 в одном слое с артефактами из базальта в большом количестве присутствуют обсидиановые изделия.

Этот комплекс представляет собой наиболее раннюю неолитическую культуру на Сахалине. Отдельные массивные скребки аналогичные первому комплексу Хунмахты 1 найдены в различных пунктах Сахалина, но в составе более поздних комплексов. Других подобных полных комплексов на Сахалине пока не обнаружено. Наиболее близкий, часто до конгруэнтных форм, из такого же базальта, составу орудий и технологии обработки камня комплекс выявлен при раскопках стоянки Янкито на о. Итуруп. На Янкито обнаружены фрагменты керамики. Даты по Янкито полностью соотносятся с К1. Подчеркнем еще типологическое сходство массивных орудий и наконечников, шлифованных тесел с осиповской раннеолитической культурой Приамурья (14200–9900 гг. до н.э.). Возможно, К1 Хунмахты и Янкито представляют продолжение осиповской традиции за пределами ее основного ареала на островных территориях.

Второй комплекс (К2) представлен в раскопе 2. Судя по отсутствию углубления на месте находок

и следов долговременных конструкций и компактной площади распространения находок, стоянка представляла кратковременное жилище охотников-рыболовов. К2 выделяется по характеру сырья (серый высококачественный кремль светлых тонов) и технологии изготовления орудий. В основе лежит пластинчатая техника. Найдено 57 артефактов. Среди них выделяются наконечники стрел на правильных пластинах среднего размера с пологой ретушью у острия и с выемчатым основанием насада, оформленным мелкой крутой ретушью. Найдены также ножевидные пластины со следами утилизации, отщеп с краевой ретушью. Остальная часть коллекции – отщепы и пластины без следов их использования в качестве орудий. Найдены также развал сосуда баночной формы с плоским дном и с прямым невыделенным венчиком. Сосуд сделан из глины с примесью песка и органики. Поверхность сильно эродирована. В изломе черепок черного цвета. Сосуд лепной, с плохим обжигом. Поверхность была заглажена.

К2 отнесён нами к раннему неолиту и составляет единую традицию с памятниками типа Садовники-2 и Стародубское-3 на Южном Сахалине, памятниками типа Кадыланья 2 (слой 1), Имчин 1 и Сабо на Северном Сахалине и стоянками Юбецу – Ичикава с наконечниками на пластинах, Тачикава и памятниками этой культуры на острове Хоккайдо. Наиболее показательным признаком для соотнесения стоянки Хунмахта 1 является находка наконечников стрел на пластинах с ретушью в верхней части и у края острия и с выемчатым дугообразным основанием, оформленным поперечной ретушью, и изготовленного из высококачественного светло-серого кремня. Аналогичные наконечники найдены на стоянках Садовники-2 и Стародубское-3, Славная, Такое 2 на Южном Сахалине, Имчин 1 и Сабо на Восточном побережье Северного Сахалина, Юбецу-Ичикава (Е.Л. Лавров, Чан Су Бу,) на острове Хоккайдо. Находки наконечника этого типа на стоянке Хунмахта 1 позволяют установить нижний хронологический рубеж бытования К2 на основании анализа по С14 со стоянок острова Хоккайдо – около 7500 лет назад. Стоянка Хунмахта 1, где культурный слой с К2 изучен на площади 30 кв. м, имеет важное значение для изучения неолита Северного Сахалина. В основе каменной индустрии лежала технология получения правильных пластин среднего и крупного размера. Характерны крупные и средние ножевидные пластины с краевой ретушью.

Технологически и по функциональному ряду орудия К1 и К2 различны. Хронологический разрыв между ними составляет около 500 лет. Очевидно, они имеют и различный генезис.

Палинологический анализ отложений с поселения Хунмахта дополняет наши представления о хронологических этапах смены культурных традиций и природных флуктуациях.

С.В. Гусев

Институт Наследия, Москва

Т.Ю. Репкина

Географический факультет МГУ, Москва

Геоархеологические исследования историко-культурного комплекса «Сиклюк — Китовая Аллея» в Беринговом проливе

Берингийской экспедицией (БАЭ) в 1993, 2006 и 2010 гг. проведены комплексные исследования «Китовой аллеи» и поселения Сиклюк в Провиденском районе Чукотского АО.

Памятник истории и культуры «Сиклюк – Китовая аллея» был открыт М.А. Членовым в 1976 г. и исследовался группой ученых во главе с М.А. Членовым в 1977, 1979 и 1981 гг. Исследования БАЭ в 2006 и 2010 гг. позволили объективно выявить время создания комплекса сооружений из костей кита, историю заселения о. Иттыгран, историю и характер развития палеосреды.

Памятник представляет собой промысловый и сакральный комплекс и расположен на северном берегу о. Иттыгран в Сенявинских проливах у мыса Чаплина на высоте от 1,5 до 6,5 м над урезом воды в море и вытянут по направлению юго-запад – северо-восток. На песчаной косе на расстоянии до 560 м протянулись конструкции из вкопанных черепов и челюстей гренландских китов, мясные ямы, галечниковые вымостки. От крайней западной группы конструкций до основной – 153 м. Ряды челюстей в центральной части отстоят от ряда черепов на 10–30 м. Череп гренландского кита, врытые носовой частью в галечную косу, вытянулись в основном вдоль берега, а часть их сегодня расположена в зоне прибоя. Они ставились по периметру мясных ям. Группы челюстей протянулись почти в линию. Вертикально установленные челюсти гренландских китов имеют высоту над поверхностью более 4 м.

Селитебные рукотворные холмы (поселение Сиклюк) протянулись на 320 м. На селитебных холмах прослеживаются котлованы минимум четырех крупных жилищ. Поселение приурочено к палеолагуне, сегодня отчлененной береговым баром от моря. Всего выделяется четыре селитебных холма.

Наибольшая длина памятника составляет около 960 м, наибольшая ширина – до 150 м.

Раскопки шурфа 2 на поселении Сиклюк выявили разновременный материал: древнеэскимосские орудия и керамика, по крайней мере, культура бирнирк (VI–IX вв. н.э.) и орудия из камня и обсидиана (I тыс. до н.э.). Памятник представляет собой уникальный хозяйственный и сакральный комплекс из китовых

костей и камня, созданный морскими зверобоями Берингова пролива и отражающий историю многовековой адаптации к суровым условиям арктической Пакцифики.

По самой аллее по костям гренландского кита получены даты по отобраным и пригодным образцам: ЛЕ-7743 – 860±80; ЛЕ-7752 – 770±60; ЛЕ-7744 – 640±50; ЛЕ-7745 – 1000±100; ЛЕ-7749 – 130±320; ЛЕ-7748 – 2160±380; ЛЕ-7741 – 690±40; ЛЕ-7742 – 240±30. Если пренебречь выпадающими из общего ряда датами, то основная группа дат лежит в диапазоне 640–1000 л. н. в переводе в абсолютные даты и с учетом резервуарного эффекта мы получаем XIV–XV–XVI–XVII вв. н.э.

Комплекс расположен на галечной косе, образовавшейся в результате разгрузки вдоль берегового потока наносов, направленного с ЮЗ на СВ, в зоне пересечения регионального ССЗ разлома и ВСВ разрывного нарушения, контролирующего положение северного берега острова. В рельефе и строении отложений выражены признаки современной тектонической активности. В 2006 г. Берингийской экспедицией на траверсе главной ветви регионального разлома зафиксированы аномальные для региона мощности талого слоя – 238 см при фоновых значениях 40–45 см. В 2010 г. в тылах косы выявлены зараженные сероводородом ручьи и бочаги, приуроченные к оперяющим нарушениям.

Коса образована двумя береговыми валами, отделенными от коренных склонов тыловым понижением. В дистали косы тыловое понижение занято мелководной лагуной и лагунными террасами. Наиболее древний береговой вал, сформировался как свободная аккумулятивная форма. Дисталь косы отчленяла узкий открытый залив. Датировки из культурного слоя, перекрывающего прибрежно-морские отложения, позволяют соотнести время образования вала с трансгрессией конца суббореала 3,2–2,5 тыс. л. н. Начало заселения памятника приурочено к концу трансгрессии, когда уровень моря понизился, и штормовые волны не оказывали регулярного воздействия на берег. Образование мористого вала и отчленение лагуны сопоставляется с периодом субатлантической трансгрессии с максимумом около 1,0 тыс. л. н. С регрес-

сией конца атлантического времени связано понижение уровня уже полностью отчлененной лагуны и создание сооружений памятника «Китовая аллея» на мористом береговом валу, подвергавшегося в условиях падения уровня моря воздействию только экстремальных штормов. На этапе последней субатлантической – современной трансгрессии активизировались процессы размыва берега.

Современная динамика косы определяется наличием ЮЗ-СВ вдоль берегового потока наносов, поперечного поступления материала с подводного берегового склона, размыва берега во время штормов

и экзарационного воздействия льда. Разрушение берега под совокупным действием размыва и ледовой экзарации наиболее существенно в районе «Китовой аллеи». Скорость отступления берега составляет здесь первые десятки сантиметров в год. Размыв берега является фактором, угрожающим сохранности «Китовой аллеи».

С нашей точки зрения, комплекс был сооружен как хозяйственный и духовный комплекс. Морские зверобои перед открытием сезона охоты на китов и моржей совершали здесь обряды. «Китовая аллея» расположена у пути миграции китов.

С.В. Гусев

Институт Наследия, Москва

Т.Ю. Репкина

Географический факультет МГУ, Москва

Древнекитобойная культура Чукотки и Аляски: комплексные исследования поселения Уненен и его окрестностей

В 50-е гг. XX в. Дж. Гиддингс и Д. Андерсон исследовали серию жилищ на мысе Коцебу на Аляске и выделили «древнекитобойную культуру», которая вызвала ожесточенные споры о начале китобойного промысла в Арктике. С 1997 г. Берингская экспедиция Института Наследия продолжает исследования поселения древних китобоев на Чукотке. В 2007 г. работы проводились совместно с Университетом Аляски (Фэрбенкс) и МАЭ РАН им. Петра Великого.

Поселение расположено у моря на южной окраине современного п. Нунлигран, на террасе у галечно-песчаного пляжа. С запада поселение ограничено крутым склоном горы. Площадь поселения более 1,5 га. Выделяются участки с интенсивно окрашенной и относительно более высокой растительностью.

Каменный инвентарь представлен ножами-скреблами на пластинах и пластинчатых отщепках с краевой ретушью и двусторонней пологой ретушью; ножами, наконечниками стрел, дротиков, гарпунов на пластинах, сверлами, резчиками, скребками, вкладышами метательного оружия. Ударные площадки шлифовались. Более 95 % артефактов изготовлено из серой яшмы. Использовали также обсидиан и халцедон.

Уникальную находку представляет собой клык моржа с гравировкой. Клык длиной 49 см оформлен в виде нерпы – с головой и плавниками на концах. С двух сторон выгравированы изображения людей, морских животных и птиц, строения, лодки. Строения представлены навесами на трех опорах. Жанровые

сцены представлены сценами охоты на китов и моржей с многоместных беспалубных лодок – умиаков, стрельбы из лука, сакральными действиями. Технология охоты и конструкция лодок относятся к протоэскимосской традиции. Изобразительный ряд раскрывает внешний и внутренний мир древних морских охотников, оставивших послание в XXI век в виде граффити на клыке моржа.

По серии радиоуглеродных дат время бытования поселения – конец II–начало I тыс. до н.э.

История развития окрестностей памятника Ун'ен'ен в голоцене предварительно, до получения результатов анализа отобранных нами образцов, может быть реконструирована на основании данных полевых геоморфологических наблюдений и региональных палеогеографических схем. Полученные нами данные о морфологии и строении разрезов террас, позволяют считать наиболее вероятными сценарии развития голоценовой трансгрессии, предполагающие неоднократное эвстатическое падение уровня моря ниже современного.

Морфология и характер разрезов террас позволяет заключить, что в периоды трансгрессий в окрестностях памятника образовывался мелководный открытый залив с умеренно активным гидродинамическим режимом. Зафиксированное в разрезах преобладание абразионных и абразионно-аккумулятивных обстановок говорит о дефиците осадочного материала и слабых восходящих неотектонических движениях. В периоды регрессий дно залива обнажалось и осваивалось эрозионной сетью. Один из таких этапов, предва-

рительно отнесенный нами к периоду регрессии 3,6–3,2 тыс. л. н., фиксируется в разрезе террасы высотой 2,5–3,5 м горизонтом торфа, разделяющего береговые линии.

Время отчленения залива пересыпью сопоставляется с трансгрессией конца суббореального времени – 3,2–2,5 тыс. л. н. и практически синхронно времени заселения стоянки Ун’ен’ен – 3320±200–2650±110 лет.

В раскопе и разрезах террас отмечена высокая интенсивность массового смещения склонового чехла.

Последняя активизация склоновых процессов приурочена к началу XX века.

Носители этой культуры проникли на о. Врангеля (Чертов овраг), возможно, в район побережья Коряки и к югу от Анадырского залива, а также по реке Анадырь вверх по течению на 100 км.

Сегодня наиболее вероятной нам представляется гипотеза об очень быстром, почти единомоментном расселении группы близкородственных морских охотников со сложившейся морской экономикой в конце II тысячелетия н.э.

С.В. Гусев

Институт Наследия, Москва

В.Я. Шумкин

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Инициальное заселение Евразийской Арктики: время, пути, общие и особенные черты

Археологические материалы свидетельствуют о начале заселения Евразийской Арктики в позднем плейстоцене (30000 л. н.) и раннем голоцене (11000 л.н.).

Голоценовая история Западного сектора Арктики связана с отступлением ледниковых щитов. Возможность заселения арктического побережья Фенноскандии появилась в раннем голоцене с окончанием ледникового периода, «подогревалась» Гольфстримом и мощной морской ресурсной базой.

Около 12000–11000 л. н. начинается передвижка коллективов, составлявших две крупные группировки (аренбургская и свидерская общности) населения севера Центральной Европы. Аренбургское население двигалось в северные районы, а носители свидерских традиций избирали восточные направления. На севере образовались культуры фосна, комса и суомусярви. Анализ орудийных комплексов мезолитического времени, пространственный анализ позволяют считать население крайнего севера Фенноскандии бродячими морскими собирателями. В позднем мезолите (8000–7000 л. н.), после исчезновения ледника осваиваются внутренние районы и другие пищевые ресурсы. Состав орудий приморских и материковых стоянок не отличаются: бытовало единое по хозяйственному признаку население, совершавшее сезонные перекочевки. Жизнь обитателей раннего неолита (6000 л. н.) продолжалась в том же русле.

Для Крайнего Европейского Северо-Востока единичные проникновения человека (стоянка Пымва-Шор 1) датируются концом плейстоцена и ранним голоценом (11000–9500 л. н.) и несут неустойчивый

характер (уральская позднепалеолитическая культура). Объекты промысла – представители крупной плейстоценовой фауны и северный олень. В 1995 г. в устье Печоры найдена группа артефактов палеолитического облика из базальта. Устойчивый процесс освоения территорий происходил в позднем мезолите (8000–7000 л. н.). Население лесотундры и тундры региона было малочисленным и мобильным, заселяются Большеземельская тундра, Печорское Заполярье (стоянки Хыльчу-ю, Ярей-ю).

Побережье Югорского шара, остров Вайгач начали заселяться в позднем мезолите, и население культурно и генетически связано с обитателями Печорского Заполярья.

Север Западной Сибири длительное время оставался незаселенным в силу большой обводненности территории. Отдельные группы мезолитических охотников эпизодически проникали далеко на север (Корчаги IB на р. Обь близ Салехарда).

Материалы Янской стоянки в Якутии (28000–30000 л.н.) свидетельствуют об адаптации человека к арктическим условиям и добыче животных плейстоценовой фауны. Генетические корни этой культуры не ясны. В конце плейстоцена – начале голоцена охотники на мамонтов – дюктайцы проникли в Заполярье (Берелехская стоянка). Возможно, человек шел вслед за все более «редким» мамонтом на север и далее на восток.

В голоцене исчезает крупная плейстоценовая фауна, меняются места обитания, вооружение и стратегия охотников. Жоховская мезолитическая стоянка (76 градус с. ш.! сумнагинская культурная традиция; 8000–7800 л. н.) на Новосибирских островах – лагерь

охотников, специализировавшихся на добыче северного оленя и белого медведя. Сумнагинская культура (финал около 7000 л. н.) является крупнейшим культурным феноменом раннего голоцена Северо-Восточной Азии и охватывает арктическую территорию от Таймыра до побережья Берингова пролива (стоянка Найван).

Помимо сумнагинских стоянок на Западной Чукотке известны памятники дюктайской палеолитической традиции (на р. Тытыльваам), в Центральной Чукотке (о. Эльгыгытгын). Возраст их около 10500 л.н. Не исключено появление более ранних следов человека в регионе: находка бивня мамонта (14380 л. н.) в 20 км от мыса Дежнева.

Территория Северо-Востока Азии полностью осваивается около 8000 л.н. Позднеголоценовый каменный век Северо-Восточной Азии представлен сылахской, белькачинской и ымыяхтахской культурами.

Предположения о трех волнах заселения Америки через Берингийскую сушу, теорию заселения Северной Америки через Берингийский мост, прекра-

тивший существование около 11000 л. н., археологически пока нельзя подтвердить. На Аляске древнейшие памятники (стоянки-смотровые площадки на сопках перед долинами) датируются около 12000 л. н.

Заселение Гренландии произошло в результате проникновения групп морских охотников-протоэскимосов с востока, с Берингова пролива на запад. Древнейшие стоянки датируются возрастом 4500 л. н. (культуры морских охотников индипенденс I и саккак). Освоение Гренландии стало последним эпизодом миграции человека в «девственную» зону Арктики.

Дальнейшее развитие обитателей Берингова пролива и арктического приморского населения Фенноскандии шло по пути устройства стационарных поселений с разнообразными долговременными жилищами, совершенствования социальной организации, становления специализированного морского зверобойного промысла с использованием поворотного наконечника гарпуна.

Т.М. Гусенцова, П.Е. Сорокин

Северо-западный институт Наследия, Санкт-Петербург

М.А. Кулькова

Российский государственный педагогический университет им.А.И.Герцена, Санкт-Петербург

М.Н. Желтова, Т.А. Шаровская

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

А.Ю. Тарасов

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск

Результаты комплексного исследования материалов памятника эпох неолита–раннего металла Охта 1 в Санкт-Петербурге (раскопки 2008–2009 гг.)

Первый памятник эпох неолита и раннего металла в центре Санкт-Петербурга был открыт в 2008 г. при проведении охранных археологических исследований крепостей Ландскорона XIII в. и Ниеншанц XVII в, расположенных на стрелке мыса при слиянии р. Б. Охта с р. Невой. Культурные остатки древнего памятника, названного Охтой 1, были обнаружены практически на всей территории мыса. Раскопками в центральной и южной его части изучена площадь около 6700 кв. м. (2008 и 2009 гг.).

Исследования показали, что памятник Охта 1 входит в число уникальных и выдающихся объектов ку-

льтурного наследия Северной Европы с хорошо сохранившимися остатками деревянных конструкций промыслового назначения эпох неолита и раннего металла (IV–I тыс. до н.э.).

В процессе раскопок проводились комплексные естественно-научные исследования, которые включали: гранулометрический, минералого-геохимический, палинологический, диатомовый, дендрохронологический и радиоуглеродный методы анализов. Выполнены анализы состава глин и особенности технологии изготовления керамических сосудов, трасология каменного инвентаря и деревянных конструкций.

Культурный слой памятника состоит из песчано-алевритовых отложений. Результаты палинологического анализа показывают, что большая часть отложений сформировалась в течение атлантического и суббореального периодов. Часть отложений была сформирована в морских условиях с активным волновым воздействием, другая толща отложений сформировалась во время снижения уровня воды, формирования пляжных отложений и образования мелководных речных потоков. Концентрация в толще прибрежно-морских осадков археологических артефактов свидетельствует о близости источника их поступ-

ления. Формирование отложений и связанных с ними остатков материальной культуры происходило в основном *in situ* в результате процессов седиментогенеза. Можно отметить незначительные процессы перемывания уже образовавшихся слоев отложений, которые проявляются по площади их распространения в результате подъема уровня воды. О длительности существования памятника позволяет судить большая (более 150) серия радиоуглеродных дат, полученных по разным типам органических материалов.

Особенности микрорельефа, археологические объекты и находки позволяют выделить более ран-

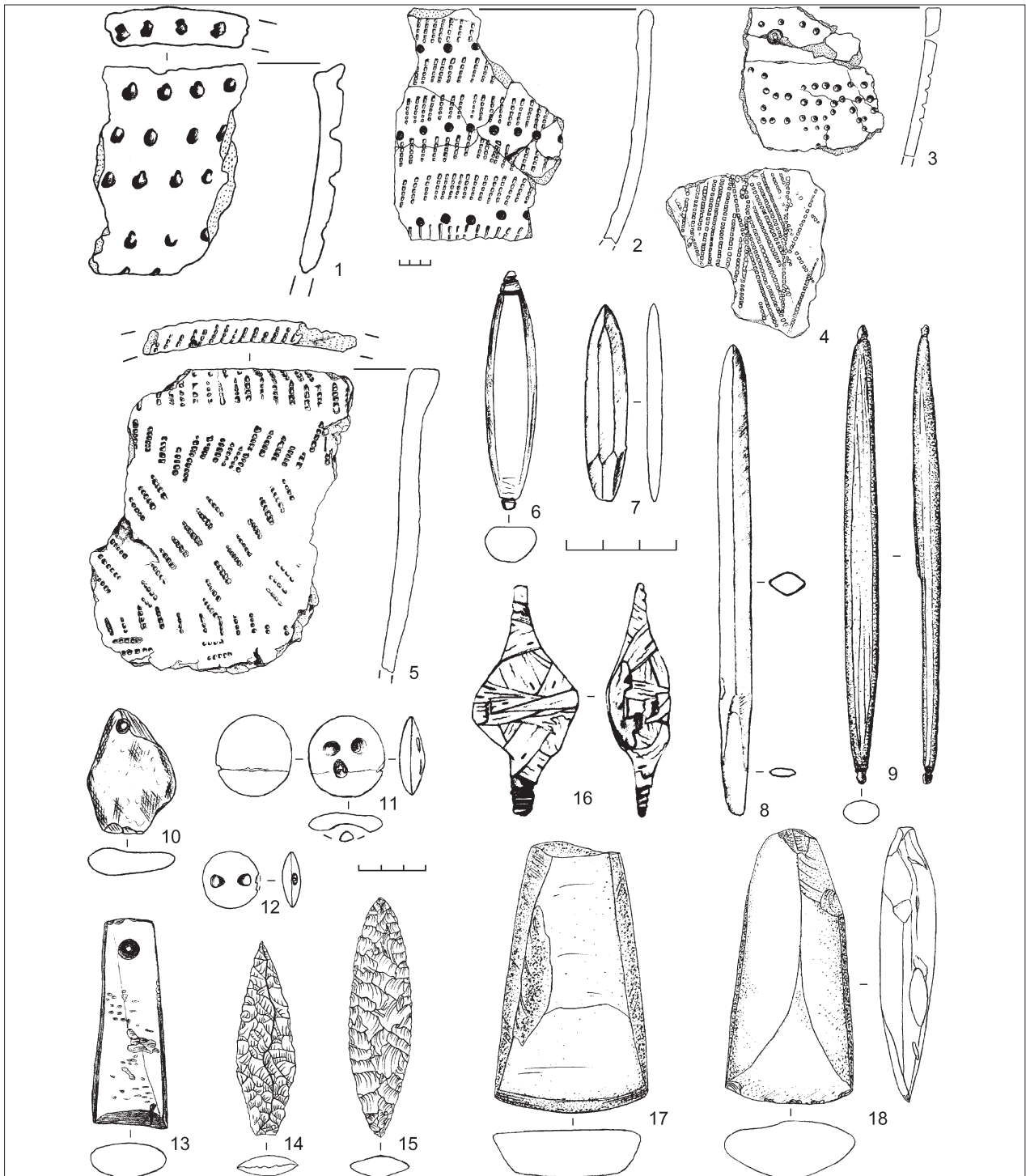

Рис. 1

ную прибрежную, промысловую зону, расположенную на берегу моря и вторую – промысловую и жилую зону, связанную с речными протоками.

Материальные остатки приурочены, в основном, к двум культурным слоям. В нижнем слое зафиксированы конструкции с обработанными деревянными предметами – кольями, рейками и фрагментами изделий. Конструкции были расположены параллельно современному руслу р. Невы на протяжении более 100 м.; несколько конструкций находилось на берегу р. Большая Охта. Найдено около 400 колеев высотой от 0,5–2,5 м до 4–5 м, диаметром 7–16 см. Часть колеев располагалась кругами диаметром 0,8–1,0 м или 2,0–2,5 м. Другие образовывали прямые или диагональные ряды. Колья изготовлены из сосны обыкновенной, ели, ольхи, ивы, березы, можжевельника и рябины. Основная масса открытых конструкций относится к ловушкам для ловли рыбы. По результатам дендрохронологического и радиоуглеродного анализа спилов колеев (40 дат) и обработанного дерева из ям они датированы 4071–3400–700 лет до н.э.

В верхнем слое сохранились культурные комплексы, содержащие «жилые зоны» с развалами сосудов и скоплениями каменного инвентаря; каменные очаги и выкладки; котлованы сооружений с деревянными конструкциями; остатки 2-х погребений, одно из которых содержало янтарное украшение.

Результаты геохимического анализа слоя из погребений и сооружений зафиксировали повышенное содержание антропогенных компонентов (P_2O_5 , $CaO/(CaO+Na_2O)$). Комплексы датированы 3300–2500 лет до н.э.

Коллекция находок насчитывает более 12000 ед.

Глиняная посуда хорошей сохранности, без следов окатанности. Найдены развалы и крупные фрагменты сосудов, встречаются придонные части и днища. На сосудах сохранился нагар, по которому получены радиоуглеродные даты. Вся посуда изготовлена из местных глин гидрослюдистого (минеральные до-

бавки) или смектитового состава с органическими добавками (пух и перо). Выявлены группы керамики раннего неолита, относящиеся к культуре сперрингс и, возможно, нарвской или валдайской.

Основная масса посуды с минеральными или комбинированными примесями относится к типичной гребенчато-ямочной керамике (неолит) и сосудам с ромбоямочным орнаментом (энеолит) (рис. 1: 1–3). Керамика с гребенчато-ямочным орнаментом датирована 4261–3995–3520 лет до н.э. Керамика с органической примесью (поздний неолит–энеолит), орнаментированная оттисками гребенки, насечками, ямками, датирована 3300–2100 до н.э. (рис. 1: 5). Посуда с примесью асбеста, украшенная, в основном, геометрическим орнаментом, датирована 3376–2408 лет до н.э. (рис. 1: 4). Керамика с примесью шамота, орнаментированная ямками, гребенчатым штампом и текстильными отпечатками (сеткой), относится к концу 4 – первой половине 3 тыс. до н.э. Найдены небольшие комплексы культуры шнуровой керамики и раннего железного века.

Изделия из камня представлены выразительными сериями наконечников стрел из кремня и сланца (рис. 1: 7–8, 14–15). Разнообразные сланцевые орудия для обработки дерева – топоры, долота и тесла русско-карельского типа, а также абразивы (рис. 1: 17–18). Из кремня изготовлены скребки, ножи, скобели, сверла. Многочисленны грузила из сланца и бересты (рис. 1: 6, 9, 16). Найдены янтарные украшения – подвески, пуговицы (69 экз., рис. 1: 10–13); сланцевые кольца. Из коры ивы и дерева изготовлено свыше десяти емкостей-коробов.

Культурные комплексы Охта 1 имеют широкий круг аналогий с материалами памятников Прибалтики, Финляндии, Карелии. Вероятно, начиная с эпохи неолита, памятник располагался на древнем транспортном маршруте, связывавшем Приневский регион и современную Карелию с Восточной Прибалтикой.

М.А. Дикова

Лаборатория комплексного изучения Чукотки СВКНИИ ДВО УРАН, Анадырь

Мифологическое пространство в поздненеолитической графике малых форм (Чукотка)

Графика на камне (малые формы) представляет собой явление, широко распространённое во времени и в пространстве. Гравировки на гальках, небольших камнях, сланцевых плитках и предметах хозяйственного назначения известны в Евразии, начиная от палеолита до средневековья.

В рамках обозначенной темы остановимся на артефактах, полученных в процессе разведок и раско-

пок стоянки Раучувагытгын I (западная Чукотка). Коллекция включает более 70 образцов графических изображений. Материальный комплекс названной стоянки по аналогии с ископаемыми материалами из Якутии относится к древнеюкагирской культуре.

1. Первую находку (найдена на поверхности размытого культурного слоя) можно назвать визитной карточкой стоянки Раучувагытгын I. На

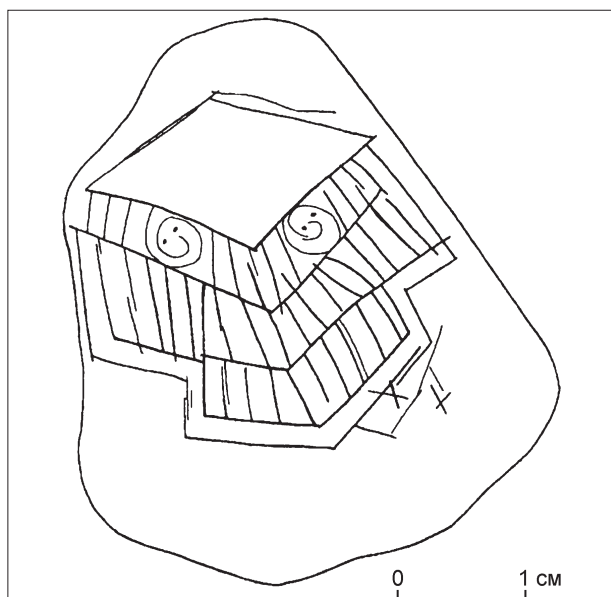

Рис. 1
Гравированная галька с изображением усечённой пирамиды
(стоянка Раучувагыттын I, западная Чукотка)

обломке плитки выгравировано жилище, по конструкции напоминающее юрту. Рисунок исполнен в скелетном стиле: просматриваются внутренние опоры, изображённые двойными вертикальными отрезками. От линии пола вниз опускается штриховка. Подобный тип цилиндрического жилища, по этнографическим данным, существовал у многих северных народов. Размеры граффити 7,5×6 см.

2. Не менее интересна трёхчастная композиция на плоском камне, в верхней части которой процарапана конструкция, по форме повторяющая описанную выше. По содержанию второй рисунок значительно сложнее – «жилое» пространство заполнено множеством параллельных линий, отрезков. По центру двойные зигзагообразные линии формируют подобие «сотового» рисунка. В средней части композиции размещена фигура в виде замкнутой загородки, заштрихованной вертикальными отрезками. Она связана с нижним изображением, напоминающим рыболовную сеть. Размеры граффити 9×5,5 см.
3. На плоской поверхности небольшой гальки выгравировано изображение многоугольной трехступенчатой конструкции, напоминающей усечённую пирамиду (рис. 1) Внутреннее трёхъярусное пространство заполнено множеством вертикальных параллельных отрезков. В верхней части слева и справа (на разных плоскостях пирамиды) по центру просматриваются две спирали с двумя точечными углублениями («глазами»). Размеры гальки 4,3×3,9 см.

В изображении жилища, приближенного к реальному, обращает на себя внимание прерванный левый контур его стенки (вероятно, имитация отверстия?), что придаёт ему сакральный смысл. Признак «левый»

в большинстве мифологий использовался в значении «отрицательный» (Мифы народов..., 1988. С. 43). Некоторые народы северной Евразии левую сторону связывали с западом (частью света, куда заходит солнце), с темнотою и потусторонним миром. В искусстве сибирских народов слева изображался нижний мир, справа – верхний (Мифы народов..., 1988. С. 44).

Рисунок с изображением жилища в качестве составного компонента в сложной трёхчастной композиции отдельными конструктивными деталями и их компоновкой обнаруживает удивительное сходство с изображением на бересте из жилищного комплекса ымыяхтахской культуры, исследованного археологами во время раскопок на стоянке Белая Гора в бассейне р. Индигирка в Якутии (Кирияк (Дикова), 2003. Табл. 25. Рис. 6). Авторы этой находки интерпретируют рисунок как изображение одного из компонентов юкагирской одежды – нагрудника-передника (Эверстов, 1999). Своего рода код космической символики отмечает в конструкции деталей и украшениях юкагирских передников Л.Н. Жукова (Жукова, 1994. С. 51).

Предпринимая попытку дешифровать трёхчастную гравировку на камне с западночукотской стоянки, можно прибегнуть к символике юкагирских передников, поскольку, на мой взгляд, в разном материале (и в камне и в бересте) нашла графически схожее воплощение одна и та же мифологическая идея устройства Мира.

С космогоническими представлениями древних раучуванцев, вероятно, связана и композиция в виде усечённой пирамиды (рис. 1).

В центре рисунка находится квадрат; развёрнутый под углом, он воспринимается как фигура ромба – верхняя плоскость усечённой пирамиды в данной композиции.

В мифологии квадрат (или четырёхугольник) как и соотносимый с ними круг «образуют горизонтальную плоскость схемы древа мирового; при этом особенно выделяются углы и середины сторон, обозначающие четыре (или восемь) основных направлений. В этих точках нередко находят разного рода эмблемы, нередко восходящие к основным космическим элементам или стихиям» (Мифы народов..., 1987. С. 671). Описание значения квадрата в мифологических системах, данное в энциклопедическом издании, соответствует приведённому нами рисунку (с усечённой пирамидой). Семантический смысл изображению придают спирали, расположенные по центру двух верхних плоскостей. Спираль в мифологических представлениях народов мира играла первенствующую роль в космогенезе.

Анализ графического изобразительного материала, собранного на стоянках Западной Чукотки, подтверждает вывод исследователей о космологических представлениях, как важнейшем составном элементе мировоззрения «и в целом всей духовной культуры первобытного общества» (Евсюков, 1988. С. 4).

В раучуванских образцах древнего графического искусства материализованы представления человека об окружающем мире и природных явлениях, обу-

словленные мифологическим сознанием. Доминантой на фоне образного восприятия мира выступает космологическая система мироздания с её космическими и пространственными ориентирами. Перед

нами предстаёт универсальная модель Вселенной, полисемантизм которой проливает свет на сложную мировоззренческо-религиозную сторону идеологии древних социумов.

Евсюков В.В., 1987. Мифы о Вселенной. Новосибирск.
 Жукова Л.Н., 1994. Бинарные оппозиции в мировоззрении аборигенов Якутии: символика разнонаправленных дуг // Язык – миф – культура народов Сибири: Сб. научн. тр. Якутск.
 Кирьяк (Дикова) М.А., 2003. Древнее искусство севера Дальнего Востока (каменный век). Магадан.
 Мифы народов мира. 1987. М. Т. 1.

Мифы народов мира. 1988. М. Т. 2.
 Эверстов С.И., 1999. Изображение на бересте и этническая идентификация ымыяхтахских памятников на Индигирке (в свете новых археологических открытий) // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. Новосибирск.

Е.В. Долбунова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

М.Э. Полковникова

А.Н. Мазуркевич

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

М.А. Кулькова

Российский государственный педагогический университет им.А.И.Герцена, Санкт-Петербург

Й. Фассбиндер

Комплексные исследования памятников Днепро-Двинского междуречья¹

Раскопки памятников и дальнейшее их изучение требуют применения целого ряда методик: изучение изменения цветности слоя, использование трехмерной фиксации находок, изучение микростратиграфии памятника, геохимического анализа, геомагнитного метода. Во время исследований происходит сопоставление этих методов и их взаимоуточнение. Впервые трехмерная фиксация находок на памятниках Днепро-Двинского междуречья была применена в 1984–1987 гг. при раскопках стоянки Рудня Сертейская в Велижском р-не Смоленской области (Dolukhyanov et al., 1989); фосфатный метод – с конца в 1980-х гг. при раскопках поселений Сертея XII, Сертея X (Герасимова и др., 1998), геохимический – в 2003 г. на Сертее XIV, геомагнитный и капаметрический – в 2006 г. при раскопках памятника Сертея 3-3.

Раскопки памятников, расположенных на песчаных дюнах, где процессы почвообразования шли крайне медленно, культурный слой, как правило, не превышает 20–30 см, где очень плохо сохраняется древняя органика, следы конструкций, ямы, кострища, особенно требуют применения разнообразных методик исследований. В первую очередь, это тщательная фиксация изменений в цвете слоя, определение контуров пятен, трехмерная фиксация всех находок.

Единая толща культурного слоя, не различающаяся, как правило, по литологическим характеристикам, может вмещать несколько культурных горизонтов, датирующихся разным временем, что было зафиксировано при раскопках памятников Рудня Сертейская, селище Узмень, Сертея X, Заболонье, Сертея XIV (Мазуркевич и др., 2004), Сертея 3-3 (Мазуркевич и др., 2008), Сертея XXXVI. Трехмерная фиксация находок и кодовая запись их соответственно типу находки (вид кремневого инвентаря: отщеп, скол, скребок и т. д., наличие следов термического воздействия, виды глиняных сосудов) дает возможность проследить планиграфическое распределение находок, построить стратиграфические профили в различных частях стоянки и сделать трехмерную динамическую модель распределения находок (с использованием инструментов ArcScene). Это позволяет более точно выявить расположение предметов и их взаимоотношение, а также проследить микрогоризонты в литологически однородных слоях, что позволяет анализировать на первый взгляд однородный комплекс артефактов, который отражает процессы, связанные с периодичностью посещения одного и того же места.

Часто отмечаемые структуры маловыразительны, уточнить их может геохимический метод, выявляю-

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ 11-06-00090-а, РГНФ 10-01-00553а/Б.

щий концентрации различных элементов, которые маркируют скопление органических материалов, золы, древесных остатков, описывая таким образом различные хозяйственные зоны на одном памятнике.

В свою очередь с помощью геомагнитного метода и более точных измерений магнитной чувствительности капаметром появилась возможность выявить не читаемые при раскопках следы конструкций, получить данные для интерпретации пятен, ям, существовавших в древности. Причем более точные измерения с помощью капаметра позволяют выявлять несколько горизонтов с различными следами магнитометрических аномалий (Hookk et al., 2010).

Такие исследования проводились на разного вида памятниках – памятниках большой площади с остатками конструкций (Сертея 3-3, Сертея XIV) (Мазуркевич и др., 2008), местах эпизодического посещения (Сертея L, Сертея XL, Сертея XXXVI). Это позволило выявить периоды обитания/посещения этих стоянок и предположить длительность перерыва между посещениями, которые маркируются различными по свойствам участками культурного слоя и разновременным материалом; соответственно определить и роль, которую территория одного памятника играла в разные периоды. Так, на памятнике Сертея 3-3 были обнаружены следы трехкамерного жилища с различными хозяйственными зонами, которые были выделены по данным геохимического анализа. Здесь были обнаружены фрагменты, по крайней мере, трех сосудов раннеолитической сертейской культуры фаз «а», «b-1», типа II (керамика елшанского облика). Также были выделены отдельные скопления сосудов фазы «b», не относящиеся к этим остаткам конструкций и располагающиеся все на одном высотном уровне

не в восточной части памятника. Картирование магнитных аномалий позволило нам зафиксировать следы округлой конструкции в юго-восточной части памятника. Фиксация пятен, заполненных красноватым песком, которые совпали с распределением другого рода магнитных аномалий и концентрациями кремневого инвентаря со следами термического воздействия, позволила интерпретировать их как очаги. Последние относятся, видимо, к позднему неолиту, что подтверждает и анализ распределения кремневого инвентаря и фрагментов глиняной посуды культуры шнуровой керамики. На памятнике Сертея L были найдены многочисленные фрагменты от одного сосуда фазы «b-1» раннеолитической сертейской культуры, концентрирующиеся в яме в юго-восточной части памятника. Анализ планиграфического и стратиграфического распределения его фрагментов показывает, что сосуд лежал по направлению на север венчиком вниз. Интересно отметить и присутствие здесь фрагментов других сосудов, которые типологически относятся к тому же типу сосудов фазы «b/b-1» раннего неолита. Здесь же расположено большое количество и отходов кремневого производства – отщепов, сколов, чешуек. Геохимические анализы указывают на концентрацию в данном месте фосфатов, органических веществ, золы. Судя по результатам капаметрических анализов, магнитные аномалии прослеживаются пятнами в зафиксированной яме. Построение трехмерной динамической модели распределения находок на памятнике Сертея XXXVI позволило реконструировать несколько ям, которые не были видны в ходе раскопок, и которые относятся к различным планам уровней магнитных и геохимических аномалий. Кремневый материал залегал поблизости от выделенных ям.

- Герасимова Н.Г., Мазуркевич А.Н., Иванько Н.И., 1998. О возможностях фосфатного анализа при изучении культурного слоя // Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической научной конференции. СПб.
- Мазуркевич А.Н., Короткевич Б.С., Полковникова М.Э., Кулькова М.А., Михайлов А.В., 2004. Исследования Северо-Западной археологической экспедиции в 2003 г. // Археологические экспедиции за 2003 год. СПб.
- Мазуркевич А., Полковникова М., 2008. Особенности пространственной организации памятника Сертея 3

- (Велижский район Смоленской области) // Acta Archaeologica Albaruthenica. Минск. Vol. 3.
- Dolukhanov P.M., Gey N.A., Miklyayev A.M., Mazurkiewicz A.N., 1989. Rudnya-Serteya, a stratified dwelling-site in the Upper Dvina basin (a multidisciplinary research) // Fennoscandia archaeologica. № 6.
- Hookk D.Yu., Mazurkevich A.N., Fassbinder J.W.E., 2010. Neolithic-early iron age sites at Serteya, North-West Russia: archaeological survey, magnetometry and susceptibility prospecting // Recent Works in Geophysics. London.

Н.А. Дорофеева, О.Л. Морева, С.В. Батаршев
Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, г. Владивосток

Проблемы происхождения пластинчатых комплексов в неолите Приморья

В 2005–2006 годах в Приморье был открыт ряд памятников (Устиновка-8, Шекляево-7, Орлиный ключ, Дальний Кут-15), каменный инвентарь отдель-

ных комплексов которых резко отличался от других неолитических памятников региона. Ранее подобный пластинчатый комплекс был обнаружен А.П. Оклад-

никовым на поселении Пхусун (Моряк-Рыболов), но из-за отсутствия других памятников с подобным комплексом, долгое время стоял особняком.

Поворотным пунктом стали раскопки памятника Ветка-2 в Ольгинском районе Приморского края, где стратиграфически материал был связан с заполнением и полом неолитического жилища. Кроме этого, для памятника была получена серия дат по радиоуглероду – 6010±90 л. н. (СОАН-6145), 5860±90 л.н. (СОАН-6146) и 5830±95 л. н. (СОАН-6306).

Яркой особенностью неолитических комплексов этих памятников являлся характер каменной индустрии. Техника расщепления была направлена на получение правильных пластин путем отжима, а также большая часть орудий была изготовлена на правильных ножевидных пластинах.

Следует подчеркнуть, что пластинчатый комплекс на перечисленных памятниках представлен как полностью сложившаяся, отработанная до мелочей технология – начиная с подбора сырья, подготовки нуклеусов, получения стандартизированных правильных заготовок-пластин с параллельными гранями (длиной 6–8 см, шириной 1,2–1,3 см) и до оформления готовых орудий на пластинах.

В соседних регионах памятники с пластинчатым комплексом также достаточно редки (Новопетровка-2, 3 – на Среднем Амуре, Кондон – Нижний Амур).

Одним из обсуждаемых стал вопрос о происхождении пластинчатых (веткинских) комплексов в неолите Приморья. Можно предложить два варианта формирования пластинчатого веткинского комплекса.

Первый вариант – эволюционный. Возможно, что формирование веткинского комплекса произошло в процессе развития устиновской палеолитической традиции. На самих устиновских памятниках отмечено наличие прото- и подпризматических нуклеусов, пластин, орудий на пластинах; но все авторы отмечают относительно малое количество пластин, их массивность и отсутствие правильной огранки.

В 1984 году В.А. Татарниковым в долине р. Таежная был открыт палеолитический памятник Таежное-1, далее с 1986 по 1991 год В.А. Татарниковым и В.И. Дьяковым в той же долине были открыты и исследованы еще 10 палеолитических местонахождений. Наиболее исследованный из этой группы памятник Таежное-4. Даже учитывая разведочный характер работ, материалы отличаются от классических устиновских более тщательной подготовкой нуклеусов, наличием микропризматических нуклеусов, большим количеством треугольных и трапециевидных пластин.

Материалы памятников в долине р. Таежная позволяют проследить одну из тенденций дальнейшего развития устиновской традиции. Она, на наш взгляд, выражалась в переходе от протопризматических и подпризматических к классическому призматическому типу нуклеусов с тщательной подготовкой фронта и ударной площадки, что позволяло получать пластинчатые сколы более правильной формы, а также в появлении микропризматических нуклеусов.

Таким образом, сформированы все предпосылки для перехода к макропластинчатому отжимному расщеплению – есть призматические макро- и микронуклеусы, отработаны приемы простого отжима. Но прямого подтверждения такого перехода у нас нет. Возможно, что в качестве переходного этапа от позднеустинской традиции к веткинской пластинчатой индустрии можно представить комплекс памятников Алмазинка и Николаевская Падь. К сожалению, в связи с малой исследованностью указанных памятников и неполнотой данных по этим памятникам, пока этот вариант не подтвержден фактами.

Кроме этого, заключительный этап устиновской культуры для восточного побережья, даже если принять точку зрения В.И. Дьякова, должен быть датирован не позднее 8 тыс. л. н. Таким образом, существует продолжительный временной разрыв между памятниками устиновской традиции и веткинскими.

Второй вариант – миграционный. При поиске аналогий веткинской индустрии мы обратили внимание на пластинчатые комплексы соседних регионов – памятники новопетровской культуры (Средний Амур) и культуры Ананси (долина р. Нонни). Сравнение материалов Ветка-2 и Новопетровки-Ананси показало сходство комплексов как в технике расщепления, так и по основным типам орудий.

Но новопетровский комплекс выглядит более архаичным, что отмечал еще А.П. Деревянко. Это проявляется в преобладании крупных протопризматических и гобийских нуклеусов, торцовом расположении фронта скальвания, широком применении техники резцового скола, в небольшом количестве морфологически выраженных орудий, в использовании пластин без дополнительной подработки.

На наш взгляд, именно новопетровский комплекс следует считать исходным для пластинчатых индустрий неолитического времени на территории Приамурья и Приморья.

В культуре Ананси происходит дальнейшее совершенствование технологии расщепления и типологического разнообразия орудий на пластинах. На сегодняшний день известно 12 памятников культуры Ананси в долине р. Нонни. Коллекции большинства памятников содержат правильные пластины длиной 5–7 см и орудия на пластинах (наконечники стрел, вкладыши, скребки, проколки, сверла и др.).

Дальше технология продвигалась на восток и юго-восток – на территорию Нижнего Амура (Кондон) и Приморья (веткинская группа памятников).

Не противоречат второму варианту и известные даты. Время существования новопетровских комплексов – 8,5–7,8 тыс. л. н., единственная дата для культуры Ананси – 6510±90 л. н. (ТК-511), веткинские памятники существовали в диапазоне 7–6 тыс. л. н.

На наш взгляд, на современном уровне изученности палеолита и неолита в Приморье, более обоснованным является вариант появления пластинчатых комплексов в результате миграции древнего населения Маньчжурии на Амур и в Приморье.

Е.Г. Дэвлет*Институт археологии РАН, Москва***Е.Ю. Гирия***Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург*

О продолжении экспериментально-трассологического изучения петроглифов Евразии

В 2005–2008 гг. экспедиция ИА РАН исследовала петроглифы Чукотки на р. Пегтымель, куда жителей тундры и приморья привлекали не только ежегодные миграции диких оленей, но и уникальные ландшафтные характеристики. Документированы ранее неизвестные петроглифы, указывающие на сложившуюся изобразительную традицию со сложной хронологией; среди новых сюжетов – промысловые сцены, жилые конструкции, образ отмеченного животного. Долговременное почитание места, где соприкасались мир охотников на морского зверя и уклад обитателей тундры, его уникальность, расточительное использование для выполнения образов на скалах металлических орудий, высоко ценимых на Чукотке, ставят петроглифы Пегтымеля в ряд наиболее значимых памятников культурного наследия региона.

В ходе изучения местонахождения некоторые сомнения вызвала возможность создания значительной части корпуса изображений при помощи каменных орудий. Это привело к разработке специфических приемов и методов наблюдения, документирования, анализа следов инструментов, которыми они были выполнены (рис. 1). Для выявления орудий и их фрагментов вблизи плоскости с петроглифами была выполнена шурфовка с промывкой материала и его последующее трассологическое изучение. В результате целенаправленных экспериментально-трассологических работ были отработаны приемы создания стабильного косонаправленного освещения, необходимого для достоверного определения контуров и особенностей изображений, расположенных на вертикальных скальных поверхностях, а также следов орудий, которыми они были нанесены (рис. 1: 1–2). Было осуществлено свыше 50 экспериментов по пикетажу поверхностей алевролитов и песчаников, слагающих скалы Кайкуульского обрыва вдоль р. Пегтымель, с применением орудий из кварца, шлифованного камня, бронзы, железа. Исследовалась специфика следов от ударов, нанесенных под углом в 90° и 45°. Результаты экспериментов и следы выбивки на петроглифах документированы на силиконовые отпечатки, с которых выполнены тестовые образцы, пригодные для лабораторного изучения искусственной модификации рельефа камня. Следы пикетажа исследовались как в профиле по методу светового/теневого сечения академика Линника (рис. 1: 3), так и в плане (рис. 1: 4).

Различия между следами каменных орудий и металлического инструмента подкреплены результатами экспериментального пикетажа на обломках скал из сходных горных пород. Отмечено, что регулярный по форме и размерам, часто подокруглый в очертаниях отдельных лунок, глубокий при относительно узком входном отверстии пикетаж – результат использования инструментов из железа (рис. 1: 5–6). Нерегулярный по форме и размерам, угловатый в очертаниях отдельных выбоин, с широкими входными отверстиями пикетаж – применение кварцевых орудий. Использование материалов экспериментов с каменными орудиями показывает, что лишь незначительная часть петроглифов Пегтымеля демонстрирует сопоставимые следы выполнения. Это, как правило, отдельные нефигуративные пятна, некоторые довольно грубо нанесенные изображения, присутствие которых можно объяснить не столько относительной хронологией, сколько индивидуальной слабой подготовленностью того, кто взялся за создание рисунков, – многие из них так и остались незавершенными. Иначе выглядит основной корпус петроглифов, в значительном большинстве выполненных неглубоким стандартизированным пикетажем, который мог быть получен лишь при работе металлическим инструментом. Следует отметить, что в этом массиве петроглифов различаются несколько изобразительных пластов, синхронность или диахронность которых еще предстоит продемонстрировать.

Существенные различия в износе получают орудия-ударники, следы сработанности – концентрация выбоин и грубых царапин – читаются на тех орудиях, которыми работали с каменным посредником. При работе с посредниками из металла или каменными орудиями в роговых рукоятях подобные следы не образуются. В непосредственной близости от пегтымельских петроглифов в 2007 г. была обнаружена галька со следами использования, позволяющими интерпретировать ее как ударник для работы с каменным посредником. Необходимо обратить внимание на целесообразность направленного поиска близ плоскостей с петроглифами орудий-ударников, в качестве которых удобны гальки округло-уплощенной и вытянутой форм, поскольку они могли бы служить дополнительными свидетельствами применения орудий из камня или металла.

Результаты чукотских экспериментов могут быть использованы для сравнительного наблюдения на

местонахождениях других регионов при условии, что слагающие горные породы, на которых выбиты петроглифы, близки по механическим свойствам и текстуре пегтымельским алевролитам и песчаникам. Поскольку при пикетаже поверхностей кристаллических пород форма отдельных следов ударов зависит не столько от формы рабочего края инструмента, сколько от формы и размеров разрушающихся кристаллов, трасология петроглифов на подобных породах требует новых экспериментов.

Выявленные на Пегтымеле критерии отличий между следами пикетажа каменными и металлическими орудиями, потребовали апробации на памятниках других регионов. Работы удалось осуществить в Хакасии,

Красноярском и Хабаровском краях, на Кольском полуострове, в Азербайджане. В поле зрения попали материалы музейных собраний: петроглифы Онежского озера и плитки из кургана Аржан 2 (ГЭ), материалы из культурного слоя местонахождений Ла Мадлен, Ложери-От и Ла Блан (музей Лез-Эйзи-де-Тайак, Франция) и др.; они становятся частью эталонной коллекции следов орудий, которыми в древности создавались выбитые изображения на камне.

По результатам чукотских экспериментов и наблюдений на алевролитах и песчаниках основной диагностирующий признак, отличающий следы ударов, оставленные каменным орудием-посредником, от следов работы орудием из железа, – быстрое изменение

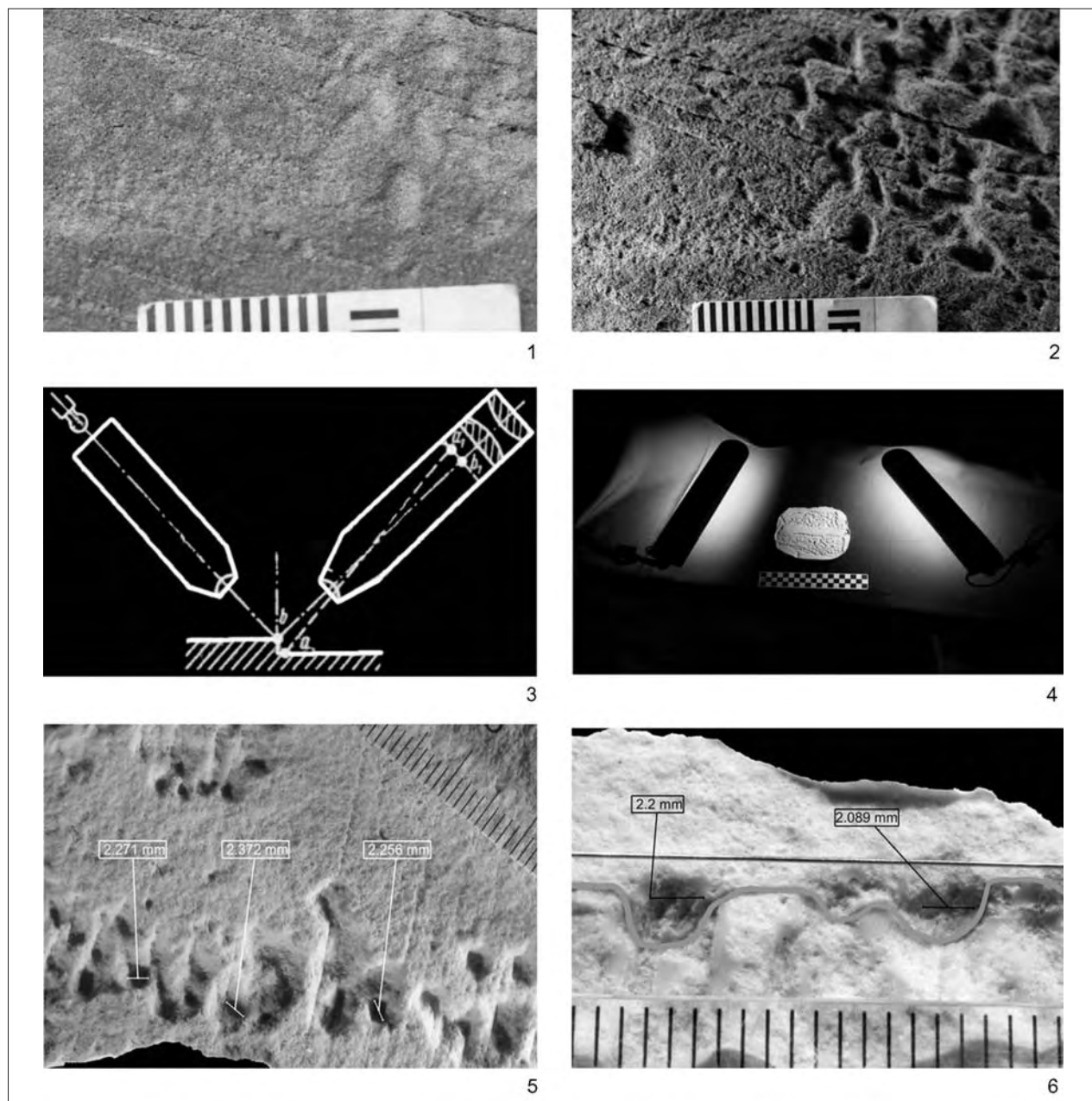

Рис. 1

Анализ следов инструментов, которыми были выполнены петроглифы Пегтымеля

1 – вид фрагмента изображения: в поле при фронтальном естественном освещении следы пикетажа слабо различимы; 2 – при использовании гибкой затеняющей бленды различимы хорошо; 3 – изучение профиля рельефа поверхности по методу светового/теневого сечения академика Линника; 4 – способ освещения рельефа поверхности при исследовании следов пикетажа в плане; 5–6 – следы использования металлического орудия для выполнения петроглифов: вид в плане и профиле

рабочей части каменного инструмента, следы от которого динамично трансформируются от подокруглых или подквадратных к вытянутым линейным. Указанное различие было также прослежено при исследовании нижнего яруса петроглифов Шалаболино.

Полевая работа на памятниках различных регионов дала возможность прицельно обследовать корпус

петроглифов, решить ряд технологических задач. Полученные результаты корректируют сложившиеся представления об абсолютной и относительной хронологии объектов и говорят о значительном потенциале исследований техники нанесения петроглифов, заставляя искать новые ракурсы изучения произведений наскального искусства как исторического источника.

Н.С. Ефремова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Производственные культы Западной Сибири в эпоху палеометалла: к постановке проблемы

Последние десятилетия ознаменовались появлением ряда научных работ, связанных с всесторонним освящением специфических археологических объектов – писаниц-святилищ. Локализованные в различных регионах, эти памятники повсеместно являют зрителям образы духовного мира древних обществ и тесно связаны с ним. Археология как наука имеет дело преимущественно с остатками материальной культуры. Тем ценнее информация, заключенная в объектах культового характера, в артефактах, получаемых на таких памятниках, в возможности реконструировать не только материальную, но и духовную культуру.

В искусстве любого общества, и современного, и древнего, находят отражение в первую очередь значимые и знаковые для своей эпохи структуры, дешифровка которых позволяет делать исторические реконструкции максимально реалистичными. Неоценимы в свете данной проблемы материалы писаниц-жертвенников. Анализ этих памятников выявляет существование у древних народов Сибири сходных культовых практик, возникших конвергентно либо воспринятых извне и постепенно адаптированных.

Образы, увековеченные в петроглифах, позволяют связывать подобные культы именно с производственной сферой, главным образом, с охотничьим промыслом, как наиболее уязвимым и непредсказуемым, во многом зависящим не только от мастерства охотника, но и от стечения обстоятельств и удачи.

Производственные культы древности могли оставить следы своего существования и в такой отрасли производящего хозяйства, как бронзолитейное производство. Об этом свидетельствуют и выполненные из этого материала артефакты, относимые исследователями к культовым предметам; и археологические памятники, трактуемые как святилища и содержащие в числе других находок остатки всплесков бронзы, тиглей и иных связанных с литьем бронзы предметов.

Писаницы-жертвенники обнаружены практически во всех регионах, окружающих Западную Сибирь и тянущихся в направлении Дальнего Востока: на Урале (Писаный камень) (Бадер, 1954), в Забайкалье (Поворот, п. III) (Окладников, Запорожская, 1970. С. 56–58), в Приамурье (Моготуй) (Мазин, 1994. С. 50), в Якутии (Аппа) (Кочмар, 1994. С. 123). Следует отметить, что все вышеперечисленные памятники, а также множество не упомянутых здесь культовых мест в указанных регионах приурочены к скалам и горным массивам. Ландшафтные условия Западносибирской низменности, в частности, отсутствие на большей части территории скальных выходов, обусловили и отсутствие следов упоминавшихся производственных (промысловых) культов. Сложность обнаружения сакральных памятников в регионе объясняется еще и отличительной особенностью, характерной для Сибири в целом – святилища здесь не связаны с архитектурным сооружением (Мартынова, Мартынов, 1987. С. 190). Однако существование промысловых культов не вызывает сомнений, поскольку на территории Горного Алтая на писанице-святилище Кучерла-1 (грот Куйлю) зафиксированы следы почитания скалы с рисунками с эпохи раннего металла с перерывами до этнографического времени (Молодин, Ефремова, 2010). Следует иметь в виду, что в этом регионе наличие культурного слоя под петроглифами отмечено не впервые.

Что касается культов, связанных с бронзолитейным производством, то «иконография» бронз кулайской и ряда других культур дают исследователям обширный материал. Контекст обнаружения подобных находок и интерпретация представленных здесь образов в ряде случаев позволяют отнести их к категории культовых предметов (Полосьмак, Шумакова, 1991. С. 54–55).

Каким образом существование производственных культов нашло отражение в материалах памятников Западной Сибири, предстоит выяснить в ходе дальнейшего исследования.

Бадер О.Н., 1954. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // СА. Вып. XXI.
 Кочмар Н.Н., 1994. Писаницы Якутии. Новосибирск.
 Мазин А.И., 1994. Древние святилища Приамурья. Новосибирск.
 Молодин В.И., Ефремова Н.С., 2010. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). Новосибирск.

Мартынова Г.С., Мартынов А.И., 1987. К вопросу о культурных центрах и святилищах в археологии Сибири // Религиозные представления в первобытном обществе. М.
 Окладников А.П., Запорожская В.Д., 1970. Петроглифы Забайкалья. Л. Ч. 2.
 Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В., 1991. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск.

В.С. Житенев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Новые исследования в Каповой и Игнатьевской пещерах на Южном Урале

Пещера Капова (Шульган-Таш) находится в Бузьянском р-не Республики Башкортостан (р. Белая), на территории ФГУ «Государственный природный заповедник «Шульган-Таш». Археологические исследования в пещере проводили О.Н. Бадер и В.Е. Щелинский. В настоящее время изучением Каповой пещеры занимается В.С. Житенев (Южно-Уральская археологическая экспедиция МГУ) и В.Г. Котов (ИИЯЛ УрНЦ РАН).

В результате работ 2009–2010 гг. коллективу Южно-Уральской экспедиции МГУ удалось сделать ряд существенных открытий. В Купольном зале Каповой пещеры был исследован культурный слой (насыщенный древесным углем и охрой), представляющий собой место кратковременной работы первобытного художника, своего рода «точка» по работе с краской непосредственно перед нанесением изображений. Исходя из стратиграфических наблюдений, культурные остатки можно датировать эпохой верхнего палеолита.

В ряде случаев структура комочков красной охры из культурного слоя представляет собой затвердевшую массу некогда пластичного пигмента с включением мелких древесных угольков. Обнаружение древесных угольков вместе с красным красочным пигментом позволяет ставить новые методические вопросы и искать новые пути датирования изображений красного цвета.

Впервые зафиксировано использование пигмента желтого цвета (ни на стенах пещеры, ни в культурных слоях, исследованных ранее, пигмента такого цвета не встречалось). По всей видимости, судя по небольшому его количеству, пигмент желтого цвета выступал в качестве добавки к основному красителю – красному.

Культурный слой зафиксирован рядом с большим известняковым блоком, на котором н.с. заповедника О.Я. Червяцовой были замечены красочные изображения, в т.ч. один зооморфный (единственный известный на сегодняшний день в пещере парциальный рисунок). В процессе исследований рядом с блоком,

на современной дневной поверхности, были найдены небольшие плитки с фрагментами красочных рисунков. Тщательное исследование взаиморасположения блока с рисунками, плиток с фрагментами изображений, культурного слоя и результатов естественно-научных анализов позволило реконструировать некоторые виды деятельности, проводившиеся в пещере в процессе создания рисунков.

Значение обнаружения известняковых плиток с остатками рисунков сложно переоценить: появилась возможность провести многочисленные разрушающие и неразрушающие анализы красочного пигмента, что позволит действительно научно подойти к вопросам сохранения и консервации палеолитической настенной живописи. Если раньше была необходимость проводить отбор проб для разрушающих анализов с настенных рисунков, то сегодня такая необходимость во многом отпала: красочного пигмента с плиток достаточно для анализов. Исследования же пещерных изображений проводятся портативными приборами с использованием неразрушающих методов.

В разных пунктах Купольного зала были обнаружены антропологические материалы голоценового времени (археологического материала нет) – в т.ч. фрагмент свода черепа, целый череп (без нижней челюсти) молодой девушки. По предварительным данным, костные останки не относятся к эпохе палеолита и датируются достаточно поздними археологическими периодами. Вместе с антропологическим материалом обнаружены и костные остатки животных. Часть костей несет следы антропогенного воздействия (рубки, раскалывания). Следует отметить, что экспедицией под руководством В.Е. Щелинского в процессе исследований в Зале Знаков было обнаружено скопление костей животных, расположенное примерно на том же уровне, что и голоценовые находки в Купольном Зале.

Находки антропологических материалов известны и в других пещерах с настенными изображениями на Южном Урале. Очевидно, что в голоценовое время

на территории Южного Урала в пещерах с изображениями и в пещерах, около которых найдены писаницы, совершались определённые действия, материальными свидетельствами чего являются человеческие останки. В большинстве случаев это разрозненные останки, нередко со следами антропогенного воздействия. Часто представлены черепами детей, подростков или женщин.

С точки зрения топографического контекста, большинство находок антропологических материалов сделано в начале пещер – от привходовой части и до начала основных подземных площадей. К сожалению, в большинстве случаев, связать антропологические останки с предметами той или иной эпохи/культуры не представляется возможным, поскольку культурный слой перемешан в результате воздействия разнообразных природных факторов. Следует обратить внимание на тот факт, что погребения в пещерах у писаниц заведомо (и с точки зрения стратиграфии, и с точки зрения анализа предметов материальной культуры) не принадлежат палеолитической эпохе (например, пещера Бурановская, грот Кульметьевский). Следовательно, обнаружение антропологических материалов в сходных контекстах и в пещерах с настенной живописью, априори относимой к палеолитиче-

скому времени, теперь ставит нас в совершенно иные условия работы с пещерными изобразительными материалами. Требуются тщательные естественно-научные исследования, результаты которых позволят выявить наличие или отсутствие разновременных изобразительных комплексов в пещерах. Впоследствии возможно будет выстроить корреляционные аналитические схемы связей между рисунками позднплейстоценового и голоценового времени в пещерах и на писаницах.

Игнатьевская пещера расположена в Катав-Ивановском р-не Челябинской обл. (р. Сим). Археологические исследования в пещере проводили С.И. Руденко, М.А. и О.Н. Бадер, В.Т. Петрин, В.Н. Широков, В.И. Юрин. В результате работ 2009–2010 гг. был выявлен удручающий характер состояния археологического комплекса. Кроме фактов масштабных незаконных нарушений современной дневной поверхности, зафиксированы тяжелейшие признаки биогенных нарушений (в т.ч. вспышка плесневых патогенных грибов) современной поверхности пола, стен пещеры и ряда рисунков. Отсутствие заповедного режима охраны пещеры может привести к утрате настенных изображений в ближайшее время.

А.М. Жульников

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск

Миграция и контакты древнего населения Северной Европы по данным изучения наскальных изображений

Наскальные изображения (петроглифы и писаницы) Фенноскандии впервые рассматриваются в качестве источника по изучению миграций и контактов древнего населения Северной Европы. В ходе изучения общих и особенных черт нео-энеолитических наскальных изображений (особенности стиля, данные по морфологическим особенностям фигур и композиций) были выделены четыре основных группы сходных признаков, позволяющих отчасти реконструировать формы и характер социального взаимодействия древнего населения региона. Эти данные были сопоставлены с размещением некоторых типов нео-энеолитической керамики бассейна Белого моря и восточной части бассейна Балтийского моря.

Область распространения первой группы сходных признаков намного меньше, иногда даже кратнее той площади, которую охватывает любой тип керамики, известный в неолите и энеолите на Севере Европы. В первобытную эпоху территория распространения типа керамики, по-видимому, отражает круг брачных связей определенной этнической группы населения.

Области распространения специфических признаков на наскальных изображениях, особенно в случае наложения территорий их распространения, также, видимо, отражают существование объединений древних людей, состоящих из взаимодействующих друг с другом небольших по численности групп населения (видимо, родов?). Однако, эти группировки, судя по занимаемым ими относительно малым размерам территорий, обладали различиями между собой не столько в языке, сколько в ритуальной практике, в мифологических представлениях, в изобразительной традиции, в круге побратимских и иных подобных социальных связей. В данном случае наскальные изображения, являясь одним из способов коммуникации в первобытную эпоху, видимо, способствовали самоидентификации ряда локальных групп населения Северной Европы.

Сходство писаниц и петроглифов по признакам, отнесенным ко второй группе, носит избирательный характер, распространяясь в основном на территориально наиболее близкие друг к другу скопления наска-

льных изображений. Эта группа признаков дает нам определенное представление о прямых контактах групп древнего населения обширного региона северной Европы, а в некоторых случаях и о направлении миграции. Петроглифы эпохи неолита, относящиеся к миру мужской субкультуры, свидетельствуют о том, что миграция в неолите на север Европы групп населения поволжского региона, фиксируемая ранее исследователями по керамике, получает подтверждение и при анализе некоторых специфических признаков на петроглифах Онежского озера и Белого моря. Судя по наскальным изображениям, контакты древнего населения восточной части балтийского региона, западной части Прибеломорья и крайнего севера Фенноскандии осуществлялись в основном в меридиональном направлении. Уникальные сцены военных столкновений на поздненеолитических петроглифах низовьев р. Выг подчеркивают значение этого микро-региона как своего рода перекрестка культур и этнических общностей Северной Европы.

Пространственная динамика сходных признаков, отнесенных к третьей группе, свидетельствует о наличии на территории Северной Европы довольно обширных по площади областей, жители которых осуществляли между собой достаточно активное взаимодействие в социальной сфере. Очевидна территориальная связь в распространении рассматриваемой группы сходных признаков с морскими бассейнами, что подчеркивает роль водных коммуникаций в процессах межкультурного взаимодействия в неолите и энеолите на территории Северной Европы. Имеются области, где территории распространения однородных признаков, относящихся к третьей группе, накладываются друг на друга. Такие микро-регионы могут быть определены как контактные территории (зоны), где происходило смешение изобразительных традиций и осуществлялось взаимодействие, возможно, неодинаковых в этническом отношении групп древнего населения Северной Европы.

Четвертая группа близких по стилю, морфологии и композиционному размещению наскальных

изображений представлена на большей или всей территории Фенноскандии, зачастую имеет евразийский охват. Возникновение сходных черт в различных скоплениях наскальных изображений Евразии с большой долей вероятности имело конвергентный характер.

В эпоху бронзы, судя по петроглифам, начинается активное проникновение на север Скандинавии групп южнскандинавского населения – из зоны производящего хозяйства на территории, где развитие скотоводства и земледелия было невозможно – видимо, с целью создания торговых или, не исключено, промысловых поселений на северном побережье Норвежского и Балтийского морей. Основным мотивом петроглифов эпохи бронзы приполярных районов, как и в южной части Скандинавии, становится изображение основного средства передвижения этого региона – лодки, а также композиции, выражающей идею мифического путешествия или переселения – в виде каравана лодок с многочисленным экипажем. В этой связи, особого внимания заслуживает композиция в виде каравана из длинных и узких лодок на петроглифах Белого моря (группа Старая Залавруга). Данные изображения, судя по данным изучения мною наложений фигур в этой группе, являются наиболее поздними среди беломорских петроглифов. Ряд признаков и в целом характер композиции из длинных лодок на Старой Залавруге, имеют многочисленные аналогии среди петроглифов эпохи бронзы Южной Скандинавии: размещение лодок на скале в виде каравана, что не имеет аналогов среди более ранних композиций с лодками на Белом море; многочисленность экипажа (на порядок превышающего среднюю численность экипажа лодок на Новой Залавруге); размещение длинных лодок параллельно уровню воды в водоеме. Эти композиции свидетельствуют не только о контактах групп населения Северной Европы, относящихся к разным хозяйственно-культурным типам, но и о распространении некоторых южнскандинавских мифологических сюжетов среди охотничье-рыболовецкого населения Прибеломорья.

А.П. Забияко

Амурский государственный университет, Благовещенск

Наскальные рисунки и татуаж

К числу наиболее многочисленных артефактов, обнаруженных на археологическом памятнике Калиновка-1, относятся халцедоновые проколки¹. К настоящему времени их количество приближается к сотне. Найдены они в двух раскопах (40 кв. м), вплотную

прилегающих к плоскости скалы с рисунками. В культурном слое, содержащем артефакты громатухинской культуры, датируемой временем 16260–8010 л.н. (Кузьмин, Нестеров, 2010 С. 103–110), находятся преимущественно проколки. Размеры проколок,

¹ Памятник Калиновка – археологический комплекс, включающий наскальные рисунки и жертвенники. Расположен на 406 км Верхнего Амура. Открыт в 1954 г. А.П. Окладниковым, который совместно с участниками экспедиции зафиксировал часть рисунков и собрал неолитический подъемный материал. С 2004 г. на памятнике проводятся археологические работы Р.А. Кобызовым и А.П. Забияко – сотрудниками Центра археологических исследований АмГУ.

представляющих собой узкие пластины, невелики: длина в среднем около 35 мм; ширина, в большинстве случаев, около 3 мм в основной части, толщина – около 1,5 мм. Многие пластины в результате скола с ядрища изогнуты у острия.

Бесспорно, такие проколки могли использоваться в хозяйственной деятельности. Небольшой размер проколки, их изогнутая у острия форма и даже хрупкость материала допускают такую возможность. Однако в пределах святилища, в непосредственной близости от культовых изображений хозяйственная деятельность, как правило, не велась. Тем более с такой степенью интенсивности, какую предполагает обилие проколки. Конечно, эти предметы могли быть оставлены в качестве жертвы.

Не исключено, впрочем, другое предназначение проколки. Мы полагаем, что они использовались, прежде всего, в качестве игл для нанесения татуировок.

Практика нанесения краски, шрамов или татуировок на тело уходит, как известно, в глубокую древность и традиционно имеет повсеместное распространение (van Dinter, 2007). Знаки, выполненные окрашиванием кожи или татуажем, несли важный символический и магический смысл. Процедура нанесения знаков отправлялась в традиционных обществах как религиозный ритуал и сопровождала, по общему правилу, обряды жизненного цикла, а также другие рели-

гиозно значимые события индивидуальной или коллективной жизни. Наскальные рисунки и окружающее их ближайшее пространство зачастую функционировали в качестве ритуальных комплексов. Не исключено, что рядом с наскальными изображениями проводились ритуалы инициаций и другие обряды, предполагавшие наряду с прочим татуирование, нанесение шрамов или окрашивание тела. Наскальные рисунки выступали образцами, с которых копировались изображения на теле. Сходство здесь не только в содержании и форме сравниваемых феноменов. Техники нанесения изображений на тело человека близки техникам создания наскальных рисунков. «Резание» камня и нанесение шрамов, в сущности, вообще едины. Функционально многие образы наскальных композиций несли, очевидно, нагрузку, аналогичную предназначению многих символических изображений на человеческом теле, которые выступали апотропеями, вместилищами духов и сил, знаками принадлежности группе и т. д.

Предметы, применявшиеся при священнодействиях, в утилитарной практике, как правило, не использовались. Они причастны «иному миру», в его пределах они и должны пребывать. Поэтому проколки, иглы для татуажа, после каждого очередного ритуального употребления участники священнодействия оставляли в священном месте. Где они в нашем случае и были обнаружены.

Кузьмин Я.В., Нестеров С.П., 2010. Хронология неолитических культур Западного Приамурья // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск.

van Dinter, M. H., 2007. Histoire illustrée du tatouage à travers le monde. Paris.

А.Л. Заика

Красноярский государственный педагогический университет, Красноярск

Об истоках «скелетного» стиля в петроглифах Северной Азии

Традиционно принято считать, что «скелетный» стиль в наскальном искусстве Северной Азии зародился в эпоху позднего неолита и получил свое широкое распространение в эпоху бронзы, в рудиментарном виде сохраняясь в эпоху раннего железного века и последующие периоды. Характерным признаком, маркирующим данную манеру изображения, является сечение телесного контура зоо- или антропоморфных фигур поперечными линиями. Многие исследователи считают, что в такой форме показано внутреннее строение изображаемого объекта. Опираясь на данные этнографии, поперечные линии тракуются как ребра, обозначая скелет и, соответственно, символическую

смерть, что по шаманской практике маркирует переход в другую – ирреальную ипостась образа.

С чем же связано появление данной изобразительной традиции и насколько однозначна ее «скелетная» трактовка? Обратимся к ранним изображениям животных в древнем искусстве Северной Азии.

1. Доминирующий образ – объекты охоты, но сцены охоты практически отсутствуют.
2. Многие изображения промысловых животных наносились охрой или промазывались ею по выбитому контуру
3. Поперечные линии контура нередко помещались не на месте ребер, а в области шеи, часто

совмещались с «линией жизни» (изображение сердца и аорты).

4. Органическим компонентом минерального красителя являлась кровь – «поток жизни».

Беря во внимание данные факторы, истоки скелетного стиля, видимо, следует искать в ритуальной практике покрытия контура животного на скале красной охрой/кровью с целью «оживления» (возрождения/воскрешения) объекта промысла – источника жизнеобеспечения древнего коллектива. Желаемую результативность культовых действий могли обеспечить «линия жизни» и дополнительные поперечные линии/каналы, повышающие интенсивность обращения «потока жизни». Развитие подобной практики привело к появлению и широкому распространению изображений животных, густо заполненных «тельняшкой» поперечных линий (т. н. «ребер»).

Примечательно, что в наскальном искусстве Северной Европы, где популярны сцены охоты, «скелетный»

стиль практически отсутствует. По всей видимости, мы встречаемся с различными как по форме, так и содержанию, проявлениями промысловой охотничьей магии – «экологической» и «потребительской». Если в первом случае исполнение рисунков и связанных с ними обрядовых действий направлено на восполнение пищевых ресурсов, сохранение гармоничного баланса между человеком и природой, то во втором случае – на успешное изъятие их (пищевых ресурсов) из природного окружения.

Архетипичность представлений о цикличности жизни и смерти, универсальность идеи возрождения/воскрешения объектов природы в древнем мировоззрении определили широкое распространение «скелетного» стиля в искусстве Северной Азии. Со временем изначальный смысл ритуальной практики мог быть забыт, но культовая значимость изображений, выполненных в данной манере, сохраняется еще очень продолжительное время, дополняясь новым смыслом.

С.Ю. Зырянова

*Уральский государственный
университет им. А.М. Горького, Екатеринбург*

Многослойное поселение Шайдурихинское V и проблемы хронологии неолита Среднего Зауралья

Проблемы хронологии неолитических комплексов Среднего Зауралья, наряду с их атрибуцией и генезисом, по-прежнему остаются наиболее дискуссионными. Существуют две диаметрально противоположные схемы развития в неолитическую эпоху на территории Среднего Зауралья (Ковалева 1989; Ковалева, Зырянова, 2001. С. 46–56; 2007. С. 274–283; Зах, 2006. С. 20–28, 40–43).

Нередко в качестве аргумента в пользу неоднозначности трактовки хронологической позиции неолитических комплексов приводится тезис о немногочисленности стратифицированных комплексов, особенно на территории горно-лесного Зауралья. Исследование автором в 2003–2006 гг. поселения Шайдурихинское V в Невьянском р-не Свердловской области позволило получить стратиграфические данные и коррелирующиеся с ними абсолютные даты, свидетельствующие о соотношении неолитических комплексов Зауралья. На поселении были выявлены практически все неолитические комплексы Среднего Зауралья (козловский (евстюнихский), кошкинский, полуденский, боборыкинский). Нижние слои представлены тремя жилищами позднего этапа козловской культуры – евстюнихского. Для жилища 3 получена дата по углю – 6050±100 л. н. (ЛЕ-7089)¹, а для

жилища 2 – дата по керамике – 5830±80 л. н. (Кі-15590). Эти даты существенно отличаются от полученных ранее данных по углю для поселений козловской культуры – Исетского Правобережного (жилище 1) – 7960±1290 л.н. и 8400±400 л. н. и Ташково I (жилище 4, нижний слой) – 7440±60 л. н. (ЛЕ-1534) (Тимофеев, Зайцева, 1996. С. 343). Возможно, значительный хронологический отрезок, ограниченный этими датами, отражает динамику культурного образования, что подтверждается и типологической характеристикой керамики. Верхняя граница существования козловской культуры маркируется также хронологией залегающих выше напластований. Жилище 2 евстюнихского комплекса было перекрыто сооружением с керамикой полуденского типа, дата которой – 5770±90 л.н. (Кі-15632), а жилище 3 – выкидом из ямы с керамикой боборыкинского типа, самая ранняя дата для нее на этом поселении – 5710±90 л. н. (Кі-15119). Таким образом, козловские (евстюнихские) комплексы продолжают существовать на территории горно-лесного Зауралья до начала IV тыс. до н.э. Керамика кошкинского типа, также относящаяся к раннему неолиту, представлена на памятнике небольшим комплексом, но зафиксировано ее стратиграфическое положение ниже боборыкин-

¹ Здесь и далее приведены некалиброванные даты.

ской, и получена дата, подтверждающая этот факт – 5910±90 л. н. (Ki-15642).

Следующий этап использования площадки поселения представлен жилищем полуденской культуры и относится к концу первой четверти IV тыс. до н.э., что не противоречит датам по керамике полуденского типа с Кокшаровского холма – 5980±90 (Ki-15539), 6070±80 (Ki-15540) (Шорин, 2009. С. 177) и дате по углю с поселения Карьер II – 5590±195 л. н. (ЛЕ-1286) из жилища с керамикой полуденского типа (Радиоуглеродное датирование..., 1991. С. 198). Хронологическая позиция боборькинского комплекса аргументируется абсолютными датами и стратиграфией памятника: жилище 1 перекрывает яму с фрагментами кера-

мики кошкинского типа, а жилище 2 – канаву, в заполнении которой обнаружена керамика полуденского типа. Получены даты по керамике из заполнения боборькинских сооружений: жилище 1 — 5710±90 л.н. (Ki-15119); жилище 2 — 5680±80 л. н. (Ki-15120) и 5640±80 л. н. (Ki-15077); жилище 3 — 5590±80 л.н. (Ki-15121). Таким образом, население боборькинской культуры проживало на данном поселении в пределах второй четверти IV тыс. до н.э.

Исследования на поселении Шайдуринское V, в целом, подтверждают ранее высказанную нами точку зрения о хронологической позиции неолитических комплексов Среднего Зауралья, при этом уточняя место евстоницкого типа в рамках козловской культуры.

- Зах В.А., 2006. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тобола-Ишимья: Автореф. дис...док. ист. наук. Новосибирск
- Ковалева В.Т., 1989. Неолит Среднего Зауралья: Учеб. пособие по спецкурсу. Свердловск
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю., 2001. Неолитические культуры Среднего Зауралья: генезис, соотношение, взаимодействие // Проблемы неолита Западной Сибири. Тюмень.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю., 2007. Проблема генезиса и динамики раннеолитических культур Среднего Зауралья // Свообразие и особенности адаптации культур лесной зоны

Северной Евразии в финальном плейстоцене–раннем голоцене. М.

Радиоуглеродное датирование неолитических комплексов Зауралья, 1991 // Неолитические памятники Урала: Сб. науч. трудов, Свердловск.

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., 1996. Список радиоуглеродных датировок неолита // Археология. Неолит Северной Евразии. М.

Шорин А.Ф., 2009. Хроностратиграфия неолитических комплексов Кокшаровского холма в Среднем Зауралье // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы. СПб.

Е.Г. Калечиц

Институт истории НАН Беларуси, Минск

Мезолит Беларуси в свете новых данных

Эпоха мезолита является одной из самых малоизученных в археологии Беларуси. При этом интерес к этой проблематике возник ещё в конце XIX века, а сборы материалов не прекращались на протяжении полутора столетий. Особенно интенсивно и целенаправленно источниковая база по мезолиту начала пополняться с конца 70-х годов прошлого столетия, но интерпретация накопленных материалов до последнего времени оставалась в неудовлетворительном состоянии. Это связано с отсутствием органики на памятниках и, как следствие, возможности применения естественно-научных методов для датирования материалов, смещением в абсолютном большинстве случаев разнокультурных и разновременных комплексов. Поэтому составить чёткое представление о заселении Беларуси в эпоху мезолита даже по фундаментальным обобщающим работам практически невозможно.

Основными методами для изучения археологических источников каменного века на территории Беларуси остаются сравнительная типология и технологический анализ. Последний был привнесён в практику работ белорусских археологов В.С. Обуховским и активно использован нами при составлении свода палеолитических памятников Беларуси, вышедшем

в 2010 году (Калечиц, Коласаў, Абухоўскі, 2010). Авторы приступили к выполнению второй части этой работы – составлению свода мезолитических памятников Беларуси. Предварительным итогам этой работы посвящён настоящий доклад.

Основной нашей задачей стало выделение мезолитических материалов из множества накопленных исследователями смешанных коллекций. Для этого были разработаны критерии их идентификации путём выделения культуроопределяющих признаков с использованием общеевропейского опыта, накопленного исследователями, изучающими подобные проблемы на территориях формирования мезолитических культур, выявленных на землях Беларуси. За исключением автохтонного гренокского населения, проживавшего на востоке нашей территории с момента формирования в эпоху финального палеолита, носители практически всех остальных мезолитических культур были мигрантами. Активные миграции начались на этапе позднеледниковья и активно продолжались в раннем и среднем голоцене. Состав населения позволяет судить о направлении миграционных потоков, которое происходило не только с западного, но и с восточного и южного направлений. Расстояние миграционных путей стали существенно короче.

В результате культурно-хронологической дифференциации материалов, хранящихся в архивах Института истории и музейных сборах, проведенной в соответствии с критериями отбора, создан каталог мезолитических памятников, который в результате продолжающихся полевых работ авторов и коллег постоянно пополняется всё новыми данными.

По состоянию на сегодняшний день нами идентифицировано около 400 памятников с материалами кундайской, каморницкой, кудлаевской, яниславицкой, бутовской (заднепилевской), песочноровской культур. Вопрос о хронологической принадлежности к мезолитической эпохе отдельных памятников гренской и свидерской культур остается дискуссионным. Открытым также остаётся вопрос о характере развития свидерских традиций в рамках двух локальных культур – сожской и днепро-деснинской. По мнению А.В. Колосова (Колосов, 2005. С. 8–14; 2006, С. 74–76) и сожская, и днепро-деснинская культуры, которые ранее включались в круг памятников постсвидерских традиций, не имеют самостоятельного значения в мезолите Верхнего Поднепровья и Посожья. После окончательной доработки каталога, он будет опубликован в виде «Свода мезолитических памятников Беларуси», который станет логическим продолжением и составной частью темы «Проблема первоначального заселения территории Беларуси», и, вместе с тем, важной составляющей в решении проблемы заселения запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите–мезолите.

Обозначилась территория распространения указанных древностей на землях Беларуси, позволяющая судить о степени её освоения человеком на рубеже плейстоцена–голоцена и до наступления середины ат-

лантического периода, с которого начинается переход к неолитической эпохе и производящему хозяйству.

Накоплены данные для выявления путей распространения и решения проблемы исторических судеб мезолитических охотников, характера их поселений и материальной культуры в целом; причин миграционных подвижек; культурных контактов в плане взаимодействия и взаимовлияний.

Анализ топографии памятников показал, что как для палеолита так и для мезолита свойственна одна и та же закономерность – по данным источников, в эти периоды истории самыми малонаселенными территориями были центральная и северная Беларусь. Причин этого явления может быть несколько. Несмотря на густую речную сеть Центральная Беларусь лишена крупных рек. Здесь находятся небольшие притоки и истоки малых рек. Во втором случае это слабо выработанная долина Западной Двины, глинистые и суглинистые почвы, отсутствие дюнных всхолмлений, высоких террас, малочисленность кремня. Нельзя снимать со счетов и наиболее слабую археологическую исследованность указанных регионов. Значительные по площади раскопки на наиболее древних памятниках указанных регионов, за редким исключением, никогда не проводились. Проблемной остаётся хронология мезолита Беларуси, в частности продолжение развития свидера и гренской культуры в раннем голоцене, содержание и признание или отрицание факта существования сожской и днепро-деснинской культур. Эти вопросы позволяют выделить приоритетные направления и регионы для изучения процессов расселения и заселения территории страны в эпоху мезолита; в дальнейшем, прогнозирования мест открытия новых памятников.

Калечыц А.Г., Коласаў А.У., Абухоўскі В.С., 2010. Палеалітычныя помнікі Беларусі. Культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц. Мінск.

Колосов А.В., 2005. История изучения и проблемы историографии сожской мезолитической культуры // *Вестник Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова*. № 4.

Колосов А.В., 2006. Сожская мезолитическая культура: проблемы изучения // *Романовские чтения-2: Сб. трудов Международной научной конференции (Могилев, 10–11 ноября 2005 г.)* / Под ред. О.В. Дьяченко. Могилев.

С.С. Калиева, В.Н. Логвин

Сургутский государственный университет, Сургут

О соотношении терсекских и ботайских древностей

Впервые вопрос о выделении в Тургайском прогибе особой терсек-карагайской культуры был поставлен А.А. Формозовым в 1951 году в основном на материалах двух северо-тургайских стоянок – Терсек-Карагай и Коль. При возобновлении с 1977 г. исследования однотипных им древностей прогиба было сохранено в несколько трансформированном виде

предложенное А.А. Формозовым название. В настоящее время понятие терсекская культура объединяет древности более трех десятков памятников, расположенных в бассейнах Тургая, Терсаккана, степной части Тобола и ряда озер.

В.Ф. Зайберт, начавший в 1980 г. изучение поселения Ботай, вводя в научный оборот понятие «ботайская

культура», первоначально не распространял его на тургайские памятники. Территория обитания «носителей ботайской культуры» ограничивалась им «бассейном реки Ишим, начиная от его верховьев до среднего течения в пределах лесостепной зоны». Позднее он резко меняет свою точку зрения и включает терсекские памятники в состав ботайской культуры. Вся аргументация такого шага заключена в одной фразе: «Сходство... керамики, наконечников стрел, скребков и других изделий между Ботаем и кустанайскими стоянками свидетельствует об однокультурности». На тех же основаниях В.С. Мосин в последнее время предлагает объединить терсекские и ботайские древности в рамках единой «с компромиссным названием» ботайско-терсекской культуры.

Обе группы древностей действительно близки, что позволило в свое время поставить вопрос о необходимости объединения их вместе с рядом других в зауральскую общность энеолитических культур геометрической керамики. Помимо кардинальных различий в реконструируемых процессах домостроительства, типах хозяйственной деятельности и образа жизни населения, оставившего терсекские и ботай-

ские памятники имеются и существенные не реконструируемые отличия их друг от друга. Так, О.И. Мартынюк и В.Ф. Зайберт сообщают, что на Ботае текстильная керамика составляет до 15% керамической коллекции. В.С. Мосин также отмечает для Ботая отпечатки текстиля на гребенчатой (21%) и неорнаментированной (67%) керамике. В.Ф. Зайберт, характеризуя ботайскую коллекцию, пользуется терминами «гребенчато-ямочная» и «веревочно-ямочная» керамика. И для этого есть основания. По данным В.С. Мосина, на Ботае пояски из ямок под венчиком встречены на гребенчатой нетекстильной (37%) и текстильной (20%) керамике, а в группе веревочной керамики их имеют порядка 40% сосудов. В терсекских коллекциях текстильные отпечатки и ямки встречены на единичных фрагментах. Между тем, оба признака имеют сильное этнокультурное звучание, и столь разительное отличие по ним терсекских и ботайских древностей не может рассматриваться иначе, чем свидетельство осознания оставившими их группами населения своей обособленности друг от друга. Представляется, что и нам не следует смешивать эти материалы при их систематизации.

Р.А. Кобызов

Амурский государственный университет, Благовещенск

Смирновка писаница – древний памятник наскального искусства на Верхнем Амуре

Приамурье – край богатый памятниками наскального искусства. Во второй половине XX в. ведущими исследователями петроглифов Западного Приамурья являлись Окладников А.П., Мазин А.И. (Окладников, Мазин, 1976; Мазин, 1986; Мазин, 1994). В 2000-е годы исследование петроглифов Западного Приамурья продолжается в основном в Центре археологических исследований Амурского государственного университета (Забяко и др., 2008б; Забяко, Кобызов, 2008; Забяко и др., 2008а; Забяко, Кобызов, 2004; Волегов и др., 2002; Забяко, Кобызов, 2010). Памятник Смирновка писаница был открыт в 1954 г. А.П. Окладниковым, но до сих пор мало изучен.

Наскальные изображения находятся близ нежилой деревни Смирновка на границе Магдагачинского и Шимановского районов Амурской области, в устье р. Маньчжурка, впадающей в Амур. Скала с писаницей расположена на левом берегу Маньчжурки, на третьем скальном утесе, на нем же установлен и створный знак (352 км. Верхнего Амура), в 60 метрах от устья р. Маньчжурки и в 20 метрах от уреза Амура, на высоте от поверхности воды 25 метров. Маньчжурка представляет небольшую, шириной до 5 м.

и протяженностью около 12 км. речку, берущую начало на марях (заболоченной равнине). Берег Амура ниже устья р. Маньчжурка скалистый. Выше устья р. Маньчжурка располагается рёлка без скальных выходов. Рёлка частично покрыта кустарником, ранее здесь находилась деревня Смирновка. В малую воду открывается галечная полоса берега, в среднюю и большую воду Амур подходит вплотную к скалам и рёлке, подтапливает прибрежные террасы. В районе устья р. Маньчжурка Амур делает изгиб, образуя у левого, скалистого берега сильное течение и отбой. Скала с рисунками имеет метаморфическое происхождение. Координаты памятника «Смирновка писаница»: 52°18'14.3" с. ш.; Е 126°24'00.3" в. д.

Рисунки расположены на северо-западной стороне скального утеса. Ширина данной стороны скалы с рисунками 10 м. Ширина плато с рисунками – 2,2 м., высота – 1,5 м. Плоскости чистые, без потеков извести, без лишайников. Рельеф плоскостей не ровный. Подход к скале с рисунками затруднен крутым склоном. Рисунки выполнены ярко-красной охрой, сохранность их хорошая. Ряд фрагментов пострадал от естественного влияния (сколы, трещины, осыпание). С стороны Амура рисунки не заметны.

Плоскость № 1 (здесь и далее нумерация плоскостей ведется сверху вниз и слева на право). Состоит из 5 рисунков. Размер плоскости: высота около 0,65 м, ширина около 0,60 м. Расположена на уровне около 3 м от земли.

Рис. 1 – горизонтальная волнообразная линия, возможно, змея.

Рис. 2, 3, 4 – диагональные линии; рис. 2 – волнообразная линия, возможно, змея; рис. 3 и 4 – линии с отростками (стебельками).

Рис. 5 – антропоморфное существо с головой, двумя парами поднятых рук; туловище в нижней части соединено с полукругом, внутри которого животное с отчетливо прорисованными ногами и головой. Допустима и другая трактовка изображения – растение (стебель с листьями и цветком) и животное.

Возможно, на плоскости изображен мифологический сюжет или образ хозяина животного и растительного мира, дух животного.

Плоскость № 2. Состоит из десяти рисунков. Размер плоскости: высота около 0,70 м, ширина около 1,20 м. Расположена на уровне около 2,5 м. от земли.

Рис. 1 и 2 – горизонтальные волнообразные линии, возможно, змея.

Рис. 3 и 4 – вертикальные линии с трезубцами. Возможно, антропоморфные или зооморфные (птицы) фигуры.

Рис. 5, 6, 7, 8, 9, 10 – вертикальные линии.

Интерпретация изображенного на плоскости крайне затруднена. Возможно, изображена хозяйственная территория, территория обитания.

Плоскость № 3. Состоит из 2 рисунков. Размер плоскости: высота около 30 см., ширина около 45 см. Расположена на уровне около 1,8 м. от земли.

Рис. 1 – окружность.

Рис. 2 – горизонтальная линия с загнутым концом.

Интерпретация изображения крайне затруднительна. Возможно, представлены солярный и хтонический символы.

Плоскость № 4. Состоит из десяти рисунков. Размер плоскости: высота около 0,45 м., ширина около 0,90 м. Расположена на уровне около 1,8 м от земли.

Рис. 1, 4, 5 – антропоморфные фигуры. Человечки разных размеров. На рисунке 4 изображение человека в два раза больше двух других.

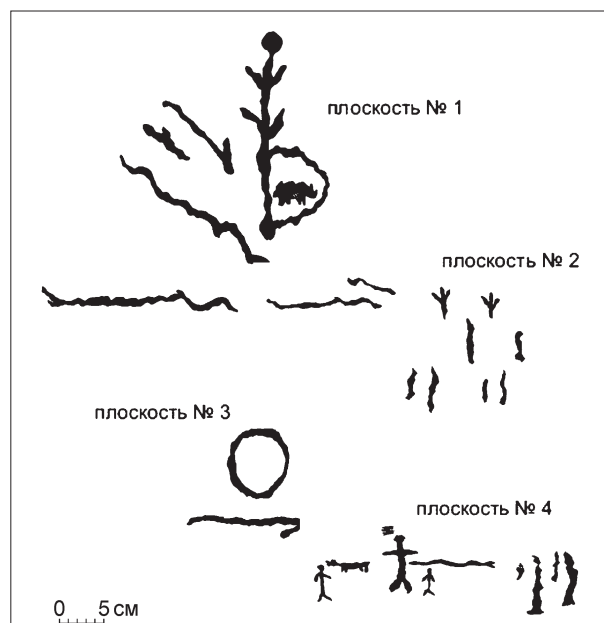

Рис. 1

Рис. 2 – зооморфная фигура, возможно, животное тайги.

Рис. 6 – горизонтальная волнообразная линии, возможно, змея.

Рис. 3 – четыре тонкие горизонтальные линии над головой человека.

Рис. 7, 8, 9, 10 – вертикальные линии.

Возможно, на плоскости изображено представление о мире, вместилища духов или тотемы.

Данные о писанице использовались в работах А.П. Окладникова, А.И. Мазина. На скальной плоскости до сих пор сохранились следы графита от карандашной прорисовки изображений. В их работах есть изображения не указанные в данной статье. Возможно, рисунки утрачены. Выше плоскости №2 есть скол карниза с фрагментом рисунка.

На памятнике была проведена зачистка скальных карнизов и расщелин с целью обнаружения артефактов. Данная работа дала отрицательный результат, артефактов не обнаружено.

Памятник «Смирновка писаница» содержит 4 плоскости, 27 рисунков. Сюжеты и стилистика писаницы близки к ряду памятников древнего искусства Западного Приамурья и могут быть предварительно датированы периодом неолита.

Волегов С.В., Забияко А.П., Кобызов Р.А., Мазин А.И., 2002. Новый петроглиф и древняя традиция почитания писаниц // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск. Вып. 4.

Забияко А.П., Кобызов Р.А., 2004. Петроглифы Архары: история изучения и проблема интерпретации // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX века). Благовещенск.

Забияко А.П., Кобызов Р.А., 2008. Петроглифы Западного Приамурья: новые материалы и интерпретации (по материалам полевых исследований 2003–2007 гг.) // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск. Вып. 5

Забияко А.П., Кобызов Р.А., 2010. «Утени писаница» – новый памятник наскального искусства в Западном Приамурье // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск. Вып. 6

Забияко А.П., Зайцев Н.Н., Кобызов Р.А., 2008а. Древнее искусство Приамурья. Альбом. (в соавторстве Болотиным Д.П., Волковым Д.П., Коробий Е.Б., Шеломихиным А.О., Щербинским Е.В.). Благовещенск.

Забияко А.П., Кобызов Р.А., Мазин А.И., 2008б. Искусство и религия. Скалы с рисунками: обитель духов и мастерская древнего художника // История Амурской области с древнейших времен до начала XX века. Монография. Под ред. А.П. Деревянко, А.П. Забияко. Благовещенск.

Окладников А.П., Мазин А.И., 1976. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск.

Неолитические «утюжки» Евразии: проблема генезиса и функции

«Утюжками» в России или «челноками» («човниками») в Украине принято называть изделия преимущественно из мягких пород камня или глины, овальной или ромбической формы, с плоским основанием, сферической верхней поверхностью и поперечным желобком (редко – двумя–тремя) в средней части спинки. Их ареал – от Ближнего Востока до лесной зоны Восточной Европы и Западной Сибири. Датируются изделия в пределах неолита–бронзового века.

Вопрос о функции этой категории находок до сих пор остается дискуссионным. Большинство исследователей, акцентирующих внимание на функции желобков, придерживаются точки зрения об утилитарной функции изделий: для выпрямления древков стрел (С.С. Черников); разглаживания швов кожаных изделий (П.А. Дмитриев); полирования древков стрел (С.А. Семенов, Г.Ф. Коробкова); маховичков лучковых стрел для добывания огня (Д.Я. Телегин); утяжелителей для копьеметалок (А.П. Окладников, И.М. Гавриленко); уплотнения древков стрел из тростника или камыша (И.В. Усачева).

Другая группа ученых, анализирующих форму изделий и их орнаментацию, пришла к выводу о культурном характере изделий с поперечными желобками: В.П. Даниленко соотносил «човники» с образом цветущей земли; В.Ф. Зайберт, В.Д. Викторова и В.Ф. Кернер – с женскими символами, используемыми в обрядовой практике; В.Т. Ковалева – с космогоническим символом и образом горы-земли; Ю.В. Панченко – с ихтиоморфной скульптурой, используемой в промысловой магии; В.Я. Кияшко – с образом Великой Богини.

Дискуссионность проблемы усиливается за счет того, что изделия в большинстве случаев интерпретируются без учета культурного контекста и характера эпохи, в которой функционировали «утюжки». Наше внимание будет сосредоточено на генезисе и функции неолитических «утюжков».

На Ближнем Востоке, на поселениях, датированных протонеолитом (IX–VIII тыс. до н.э.), найдены изделия из камня с поперечными и продольными желобками глубиной 0,45–1,1 см – «желобчатые камни». По мнению Ральфа и Розы Солецки, желобок являлся основной рабочей частью, «желобчатые камни» использовались для различного вида производственных операций, связанных с обработкой дерева, кости, возможно, тростника, камыша (Solecki R.L., Solecki R.S., 1970. С. 831–841). Такие изделия могли

появиться на широкой территории и не только в среде племен с присваивающей экономикой (Бадер, 1989. С. 153. Рис. 46).

На наш взгляд, нет прямой преемственности между «желобчатыми камнями» и изделиями, которые принято называть «утюжками», получившими широкое распространение в неолите, энеолите и в меньшей степени – в бронзовом веке. Наряду с желобком, функцию изделий определяет их форма и орнаментация.

Генезис изделий с поперечным желобком, на наш взгляд, связан с освоением земледелия на Ближнем Востоке и в Передней Азии, когда человек стал проявлять повышенный интерес к земле, рассматривать ее как важнейший компонент мироздания. В профильной проекции «утюжки» имеют подтреугольную форму и ассоциируются с холмом или горой. В шумерской мифологии гора – космологический символ,местилище благ, а в архаической письменности овал или ромб означали землю (Антонова, 1984. С. 142–144). Назначение желобка, по-видимому, связано с культовой практикой – символическим высвобождением богатства из земли-горы. В хеттских мифах часто упоминается отверстие в горе – дыра, название которой образовано от глагола, имеющего значение «разрезать» (Ардзинба, 1982. С. 89). Желобок, по-видимому, символизировал разлом в горе, а символические действия с использованием желобка могли быть связаны с высвобождением богатств и проводились регулярно в связи с календарными праздниками или в критические моменты, обусловленные стихийными бедствиями. Орнамент на выпуклой стороне «утюжков» символизировал высвобождение богатства – это потоки воды – волнистые или прямые линии; зерно – мелкие неглубокие ямочные вдавления, растительность в виде деревьев, развернутых кронами в разные стороны от желобка. По функции в культуре «утюжки» сопоставимы с такими изделиями неолитической эпохи, как женские фигурки или фигурки животных, используемые в культовой практике и не имеющие практического применения.

Убедительные факты использования «утюжков» в культовой и идеологической сферах получены нами при изучении боборыкинской позднеолитической культуры Среднего Зауралья (Ковалева, Зырянова, 2010. С. 257–265). «Утюжки» интерпретированы как космогонический символ – поднятие суши из воды и как символ земли, горы, хранящей богатств

ва. Следует заметить, что половина «утюжков» боборыкинской культуры изготовлена из глины, а желобки у ряда изделий не выходят за пределы выпуклой части и не могли использоваться в производственной сфере (рис. 1).

«Утюжки», по всей вероятности, маркируют направление миграции населения раннеземледельческих культур из Передней Азии и Ближнего Востока через Кавказ и Среднюю Азию по степной и лесостепной зоне Евразии до Урала и Алтая.

Антонова Е.В., 1984. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировоззрения. М.
 Ардинба В.Г., 1982. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М.
 Бадер Н.О., 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю., 2010. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург.
 Solecki R.L., Solecki R.S., 1970. Grooved stones from Zawi Chemi Shanidar, a protoneolithic site in Northern Iraq // American Anthropologist. Menacha. Vol. 72. № 4.

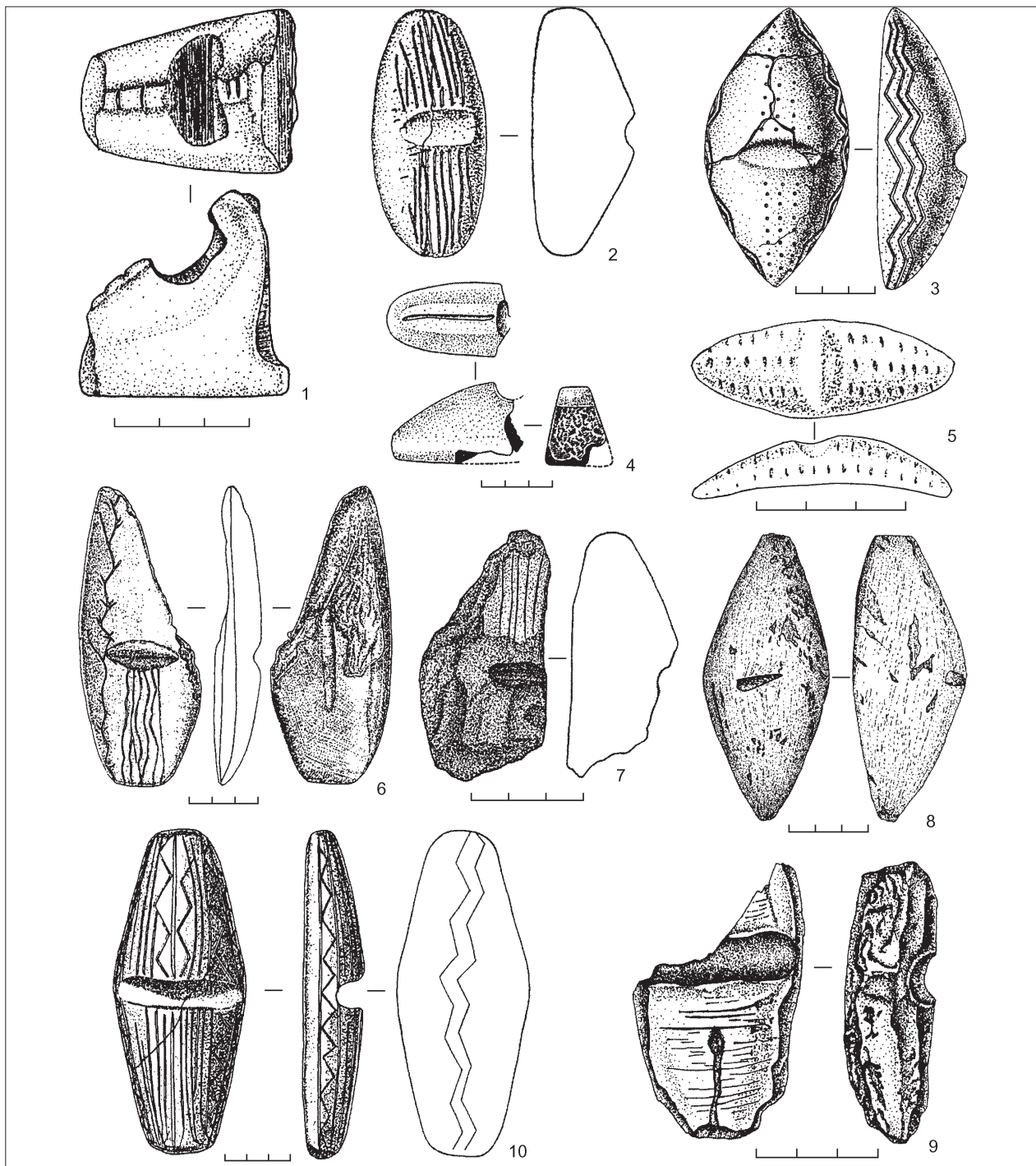

Рис. 1

«Утюжки» с памятников боборыкинской культуры: 1 – ЮАО-IX; 2, 3 – ЮАО-XII; 4 – Юргакуль III; 5 – Палатки I; 6, 7 – ЮАО-XIII-A; 8 – Шайдурихинское V; 9, 10 – ЮАО-V; 1, 6-8, 10 – камень; 2-5, 9 – глина

Петроглифы Канозера и Северной Европы

Изучение недавно открытых петроглифов на скалах озера Канозера на Кольском полуострове позволяет сделать первые выводы об их месте среди известных памятников наскального творчества Северной Европы.

Характерным для Канозера можно считать почти полное отсутствие контурной техники выбивки изображений. Фигуры, как правило, выполнены в линейном и силуэтном стилях, за исключением тех нескольких случаев, когда, необходимо было показать нечто, находящееся внутри (например, ребенок у беременных женщин). Однако, эти стили наиболее характерны для всех памятников наскального творчества Русского Севера (Карелия и Кольский полуостров).

Интересными являются сходство и различие изображений лодок. Несмотря на существенные различия фигур на разных памятниках (силуэтные, контурные, каркасные, однолинейные), можно выделить набор признаков, обязательный для всех североевропейских лодок: 1) приподнятый форштевень с лосиной или оленьей головой, 2) выступающий вперед по нижнему краю лодки киль, 3) загнутый назад ахтерштевень. В связи с этим, возникает впечатление, что сходство лодок, выполненных в разных стилях (силуэтном, контурном, каркасном, линейном), обусловлено не столько культурными связями между создателями наскальных изображений, сколько конструктивным однообразием и использованием именно этих типов реальных водных транспортных средств. Однако, изображения «экипажей», кроме простейших фигурок в виде коротких линейных вертикальных выбивок, имеют значительные индивидуальные отличия.

Изображения представителей семейства оленьих (лоси и олени), как одиночных, так и в сюжетах, присутствуют во всех крупных петроглифических ансамблях. Существенно, что во всех определяемых случаях лоси никогда не изображаются с рогами. Для Канозера характерны фигуры оленьих, у которых уши изображены раздельно, в то время как на других памятниках они выполнены исходящими из одной точки.

Особенно важным является сходство некоторых композиций и сложных фигур.

Композиция «любовь» имеется на Канозере, Залавруге, Поное, Онего, Намфорсене, Альте (?).

«Любовный треугольник» — Канозеро и Витлюк, и, очень близкие к ним, Альта и, вероятно, Намфорсен.

«Семья» — Канозеро, Альта, Намфорсен, Скарванген.

Причём все эти композиции представлены крайне ограниченным количеством (максимум до трёх) на каждом памятнике.

«Антропоморф с топором-жезлом» — Канозеро, Альта, Намфорсен.

«Антропоморф с двумя стержнями» — Канозеро, Онего, Намфорсен.

Наличие этих сюжетов в разных памятниках на огромной территории Северной Европы, исполнение в разных стилях свидетельствуют в пользу того, что они отражают важные мифологические представления, которые являлись общими для населения в эпохи неолита и раннего металла. Причём композиция «любовный треугольник» в Витлюке в Южной Швеции (памятнике круга иной наскальной традиции), выполненная в совершенно иной технике и стиле, дополнительно подчёркивает значение и общность этого сюжета в мировоззрении древних обществ Северной Европы.

Канозерская композиция «бес с бабой» совершенно уникальна. На Онеге, Залавруге и Поное есть сюжеты, которые могут быть условно причислены к этому типу, но и в данном случае они отличаются от четкого выраженных канозерских композиций.

Два сюжета на Залавруге, изображающих «беса» с предметами в руках, возможно, могут быть связаны с композицией «антропоморф с двумя стержнями», которые зафиксированы на Канозере, Онего и Немфорсене.

К уникальным композициям Канозера относятся: сцены охоты с лодок на лося, бобра и медведя, журавль в полете, многофигурное «повествование» о зимней охоте на медведя.

Сходство изображений китообразных можно объяснить составом самих морских млекопитающих, на которых преимущественно велась охота и (или) сакрализацией отдельных видов. Из этого ряда выпадают лишь отдельные Канозерские ихтиоморфы с плавниками в виде кружков – необычный признак, который больше нигде не встречается. Уникальными среди ихтиоморфов можно признать и изображения «моржей» на Бесовых следках (Карелия).

Учитывая характер сходства между Канозерскими и Беломорскими петроглифами, я склоняюсь к выводу, что в его интерпретации на первое место следует поставить единство хозяйственно-культурного типа обществ, оставивших эти памятники.

Изображения представителей семейства оленьих, как и антропоморфов, при всём их сходстве, демонстрируют большое типологическое разнообразие в разных памятниках. Исключением являются трех-четырёхногие Канозерские, очень сходные с Понойскими, зооморфы. Именно по отношению к ним можно говорить о специфическом сходстве. К этому нужно добавить сходство антропоморфов с кольцеобразными го-

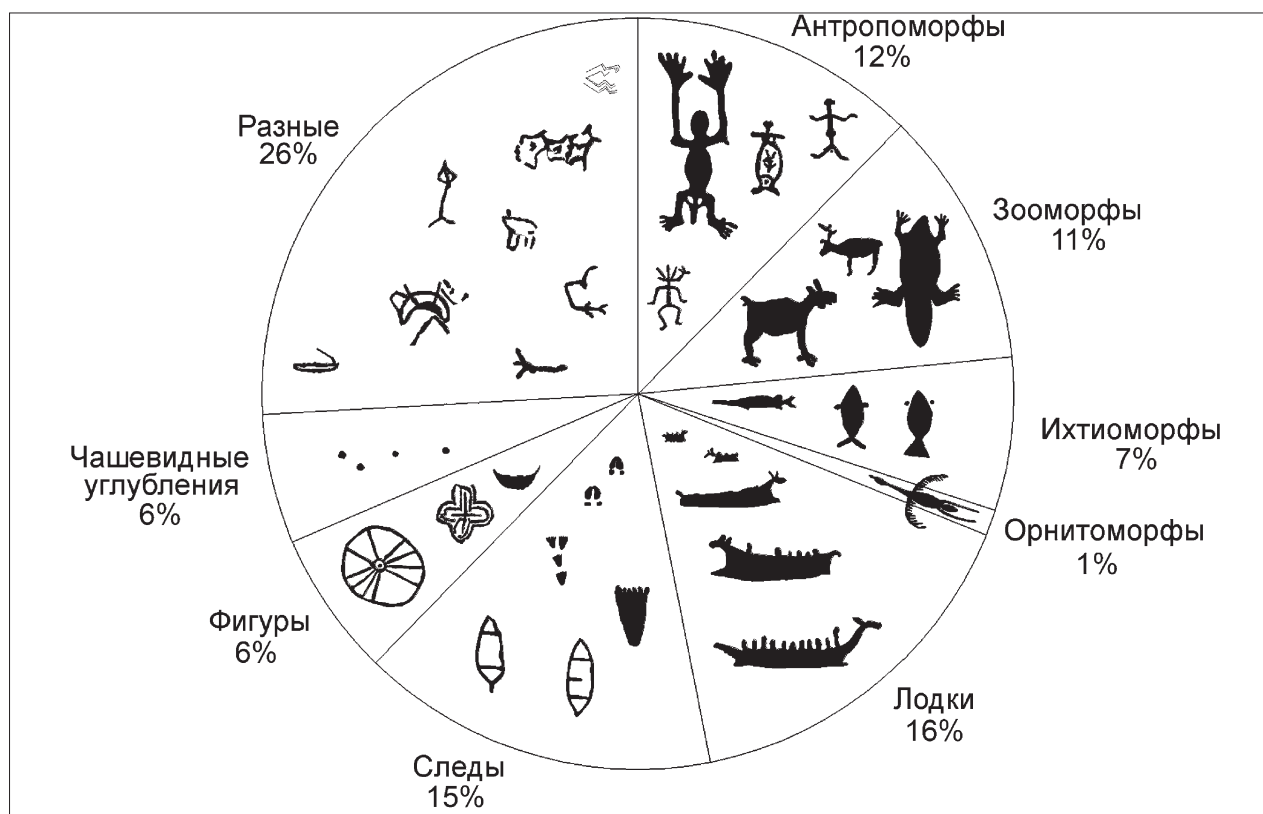

Рис. 1

Петроглифы Канозера, соотношение категорий изображений (всего 1140)

ловами на Канозере и Поное. Именно такие специфические аналогии позволяют предполагать участие одного и того же населения в создании этих изображений. Причем вектор этого взаимодействия пока можно провести как от Канозера к Поною, так и в обратном направлении. Однако, самый выразительный четырехногий лось на Канозерских скалах вписан между сценами охоты на морских млекопитающих, а антропоморфы с кольцеобразными головами в палимпсестах здесь всегда налагаются на предыдущие выбивки.

В целом, крупнейшие петроглифические комплексы Северной Европы демонстрируют немало индивидуальных черт, что возможно свидетельствует в пользу их,

в основном, автохтонного развития. Сходство разных памятников проявляется, прежде всего, по отразившейся в них мифологии, а также в самих изображаемых объектах. Исходя из проведенного типологического анализа, я считаю, что интерпретация сходств и различий, наблюдаемых в древнем наскальном творчестве Северной Европы не может быть сведена только к миграциям, влияниям и заимствованиям. Больше оснований говорить о единстве происхождения и близости хозяйственно-культурных типов населения, создавшего эти наскальные шедевры. Характерно, что наиболее интересное и значимое сходство проявляется в структурах композиций, состоящих из нескольких фигур (от Южной Швеции до Баренцева моря).

С.А. Кондратьев

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара

Культура ямочно-гребенчатой керамики Среднего Поволжья (современное состояние вопроса)

Территория Среднего Поволжья является юго-восточной частью обширного ареала распространения культуры ямочно-гребенчатой керамики (далее

ЯГК). Памятники с ЯГК данного региона изучались рядом исследователей с середины XX века. За последние годы в Среднем Поволжье были открыты и иссле-

дованы новые памятники с керамикой ямочно-гребенчатого типа, получены новые данные по хронологии, технологии изготовления посуды и пр., что позволило вновь обратиться к кругу проблем, связанных с историей средневожского населения, изготовлявшего ЯГК.

Вопрос о происхождении культуры ЯГК в рассматриваемом регионе однозначного ответа не имеет. Однако новые данные все больше свидетельствуют в пользу того, что ЯГК сформировалась за пределами Среднего Поволжья. Технично-технологический анализ показывает, что технология изготовления керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом отличается от неолитической посуды местного населения (с гребенчатым орнаментом). Кроме того, радиоуглеродные даты, полученные по керамике этих двух групп свидетельствуют об их достаточно продолжительном сосуществовании в данном регионе, в то время, как на основной территории своего распространения данная традиция уже сформировалась.

Что касается в целом хронологии и периодизации памятников с ЯГК, то для Среднего Поволжья этот вопрос решается в первую очередь посредством сопоставления с материалами Волго-Окского междуречья. При сопоставлении обнаруживаются значительные отличия как между регионами, так и в рамках Среднего Поволжья, где единой картины не наблюдается. Так, керамика памятников Примокшанья обнаруживает аналогии в материалах архаичного, раннего и среднего этапов льяловской культуры, а в единичных случаях и позднего. Однако, в остальной части региона, а именно в бассейне рр. Волги и Суры керамика выглядит достаточно однородной и сопоставима в основном с материалами раннего этапа. Отчасти эти выводы подтверждаются методом абсолютного датирования. Основная часть полученных радиоуглеродных дат относится к периоду от рубежа V–IV до середины IV тыс. до н.э., что соответствует хронологии архаичного и раннего этапов льяловской культуры. Керамика Среднего Поволжья, типологически сопоставимая с посудой среднего этапа, пока радиоуглеродных дат не имеет. Однако материалы одной из стоянок Марийского Поволжья, которые по всем признакам можно было бы отнести к раннеल्याловской традиции, дали самые поздние даты в регионе и относятся к третьей четверти IV тыс. до н.э., но это еще нуждается в проверке. В целом, следует отметить практически полное отсутствие на территории Среднего Поволжья материалов, которые были бы сопоставимы с поздней ЯГК Волго-Окского междуречья.

Помимо хронологических особенностей, следует отметить особенности локального характера в рамках региона. Так, керамика с памятников Примокшанья обнаруживает существенные отличия от керамики памятников остальной части Среднего Поволжья.

Аналогии ей в большей степени прослеживаются в Поочье. В то время, как посуда памятников Марийского Поволжья по ряду признаков выглядит достаточно монолитным комплексом и существенно отличается от материалов Волго-Окского междуречья, ЯГК исследованных в последние годы памятников Среднего Посурья наиболее близка марийской, однако не тождественна ей. Анализ этой группы вместе с данными абсолютной хронологии дает основание предположить непродолжительное бытование носителей ЯГК в бассейне р. Суры, в рамках первой четверти IV тыс. до н.э., а источником инфильтрации населения на р. Суру считать территорию Марийского Поволжья.

Проблема финала культуры ЯГК пока решена не в полной мере. При отсутствии материалов, сопоставимых с позднеल्याловскими, и радиоуглеродных дат, относящихся к этому времени, наблюдается хронологический разрыв между комплексами ЯГК и волосовской культурой. Решить эту проблему помогут дополнительные исследования в регионе и более широкое датирование уже имеющихся коллекций. Однако, в предварительном плане, подтвердить существование культуры ЯГК в третьей четверти IV тыс. до н.э. на территории Среднего Поволжья можно косвенно. Следы взаимодействия с культурой ЯГК проявляются в материалах Прикамья, относящихся к позднему этапу камской культуры и в настоящее время надежно датированных как раз этим временем. А поскольку Среднее Поволжье является единственно возможным источником подобных контактов, то и сосуществование этих двух традиций вполне вероятно.

Относительно времени и обстоятельств исчезновения культуры ЯГК с территории Среднего Поволжья единой версии нет. Для территории Примокшанья не исключено существование либо эпизодическое проникновение носителей ЯГК и в позднеल्याловское время, о чем могут свидетельствовать единичные находки подобной керамики. В Посурье следов существования в середине IV тыс. до н.э. пока нет, однако имеются единичные находки венчиков ямочно-гребенчатых сосудов с воротничковым утолщением, кроме того в регионе присутствуют памятники хвалынской культуры. Так как существование двух этих культур в рамках первой четверти IV тыс. до н.э. достаточно надежно подтверждается, то нельзя исключать, что отток населения с ЯГК из Посурья был связан с проникновением сюда хвалынцев с юга. Что касается территории Марийского и Поволжья, то здесь следы культуры ЯГК, видимо, следует искать в материалах красномостовского типа. Данная точка зрения была высказана В.В. Никитиным и в данное время она получает новые подтверждения, в том числе и методом радиоуглеродного датирования.

Т.В. Корниенко

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж

К вопросу о размещении рельефов, горельефов и скульптурных фигур на стелах Гёбекли Тепе

Особая концентрация и наибольшее количество свидетельств символического содержания эпохи докерамического неолита в Северной Месопотамии отмечается в материалах Гёбекли Тепе (ГТ). Т-образные, часто украшенные рельефами и горельефами столбы автор раскопок справедливо называет определяющим символом данного комплекса (Schmidt, 2006. S. 116). На сегодняшний день уже обнаружено более 50 стел, общее предполагаемое количество – не менее 200. Среди изображений самые популярные мотивы – змея, букрании, фигуры лисы, кабанов, водоплавающих птиц и насекомых; значительно реже встречаются антропоморфные изображения.

В зависимости от композиционного размещения на стелах рельефы, горельефы и скульптурные фигуры формально можно разделить на несколько групп:

- 1) Изображения рук, выполненные на передней и боковых гранях стелы, придающие ей черты антропоморфного существа (стелы типа Невали Чори – столбы 18 и 31 слоя III, а также вмурованный в стену столб из «Здания с львиными стелами» слоя II).
- 2) Одиночные фигуры, которые могут находиться как на боковых гранях стержня или навершия столба, так и на его «груди», «лбе», «животе» или «затылке» (букрания на «груди» столба 2, 31, 38; змея на «животе» столба 5; змея на «лбе» столба 19; кабан на «лбе» столба 26; лиса на правой стороне столба 9; лиса на левой стороне столба 10 и др.).
- 3) Фигуры животных, расположенные друг над другом, образуют вертикальный ряд. В некоторых случаях они изображены в действии (как, например, змея, надвигающаяся сверху на быка, на передней грани стержня столба 20); а иногда – статично, в так называемом геральдическом стиле (три фигуры животных на левой грани столба 21, три фигуры животных на правой стороне столба 2 и др.).
- 4) В отдельную группу стоит выделить ряды абстрактных знаков и миниатюрных фигурок животных, соответствующих им по размеру (передняя грань стержней столбов 18 и 33). На столбе 33 такой ряд, идущий по всей передней грани стержня стелы, оформлен особым образом с двух сторон. В целом, создается впечатление специально выстроенной последовательности символов, несомненно, сакрального содержания. В связи с чем Шмидт считает допустимым говорить о «неолитических иероглифах», именно как о «священных знаках» без стоящей за ними фонетизации, что являлось бы уже характеристикой настоящей письменности (Schmidt, 2006. S. 178–187, 221–225).
- 5) Следует отметить настоящие сюжетные рельефные композиции, элементы которых изображены вместе и взаимосвязаны между собой. Пропорции фигур в таких сюжетах редко соблюдаются (левая сторона столба 1, боковые стороны столба 33, правая сторона стержня столба 38, правая сторона столба 12, правая сторона столба 43).
- 6) Наконец, в самостоятельную группу выделяются состоящие из нескольких фигур скульптурно оформленные столбы, т. н. «тотемные колонны». Фигуры на таких столбах странным образом соединены, как будто «прорастают» одна из другой; представляемые ими существа часто имеют смешанную зоо- антропоморфную природу, а скульптурные и рельефные детали читаются неоднозначно. В ГТ обнаружен один такой объект, полностью сохранившийся (сектор L9 – 46, слой II) (Köksal-Schmidt, Schmidt, 2010. P.74–76). В Невали Чори неоднократно встречены фрагменты подобных столбов.

Выделенные нами композиционные группы рельефов, горельефов и скульптур на стелах ГТ не являются строго разграниченными между собой. В большинстве случаев они совмещаются. Наиболее казалось бы простые, с точки зрения построения композиции, примеры – одиночные фигуры лис на столбах 9 и 10, которые формально относятся к группе 2, в общем архитектурном контексте Сооружения В представляют собой пару одинаковых, расположенных друг против друга, синхронно прыгающих из центра помещения животных. То же самое можно сказать и о рельефах кошачьих хищников на парных столбах в «Здании с львиными стелами». В то же время, все показанные на боковых гранях идущих по кругу Т-образных столбов крупные животные, как правило, повернуты/смотрят в центр помещения (Сооружения А-Д). Т.е. по заложенному в такие композиции значению их

следует относить скорее к группе 5. Сценические композиции (пункт 5), покрывая боковые стороны, иногда соседствуют с расположенными друг над другом в ряд фигурами животных (пункт 3), выполненными ниже на боковой поверхности стержня (столб 12), или же гармонично переходят на переднюю грань (столб 33), окаймляя с двух сторон последовательность «иероглифов» (пункт 4). Рельеф стел типа Невали Чори – столбы 18 и 31 (пункт 1) совмещен с единичными фигурами животных (пункт 2) и рядом абстрактных знаков (пункт 4). Рельеф стел типа Невали Чори (пункт 1) неоднократно повторен в «тотемной колонне» ГТ (пункт 6) и т.д.

Таким образом, стелы ГТ представляют собой сложные многоплановые и многоуровневые, а значит и многозначные для понимания памятники. Их Т-образная форма имеет несколько полей передачи и восприятия информации. Передняя грань – «лоб», «грудь», «живот», нижний уровень. Боковые грани (отдельно левая и правая) – боковые стороны наверх, три вертикальных регистра (верхний, средний, нижний) боковых сторон стержня. Задняя грань – «затылок», три вертикальных регистра (верхний, средний, нижний) тыльной стороны стержня. Кроме того, в отдельное поле нужно выделить верхнюю плоскость наверх Т-образной стелы. Отмеченные поля размещения рельефов на столбах Гёбекли Тепе хорошо различаются. Однако понимание пространства должно распространяться на всю грань той или иной стороны столба, а потом уже выходить на уровень восприятия стелы в целом, учитывая при этом, что сама стела является частью конкретного сооружения культового назначения, занимая там совершенно

определенное место, предопределяющего ее размеры и оформление. В случае с ГТ мы имеем дело с хорошо организованным сложнейшим архитектурным комплексом, состоящим из многих подобных сооружений, где каждому архитектурному элементу отведено свое место. Строительство данного комплекса осуществлялось несколькими поколениями проживающих в округе племен.

Симптоматично, что многие из названных мотивов изображений на стелах ГТ и на других раннеолитических площадках Верхнего Двуречья встречаются в виде вырезанных рисунков, рельефов или скульптурного оформления на иных категориях объектов самого ГТ и одновременных ему памятников Северной Месопотамии: Кёртык Тепе, Телль Карамеля, Невали Чори, Халлан Чема, Чайёню Тепеси, Телль 'Абра 3, Жерф эль Ахмара, Мурейбита, Немрик 9, Гермез Деро. К таким категориям относятся каменные сосуды и пестики, поперечно-желобчатые изделия («утюжки»), каменные плитки и плиты.

В целом эта коллекция археологических материалов подтверждает существование на данной территории единой системы информационного пространства, участники которой хорошо понимали значение отмеченных последовательностей знаков, единичных и композиционных изображений фигур, преимущественно зооморфного и зооантропоморфного вида. Очевидно, за такими картинками стоит мифологическое восприятие и объяснение мироустройства сообществами раннеолитического периода Северной Месопотамии, в жизнедеятельности которых охота и умение взаимодействовать с дикой природой продолжали играть еще главную роль.

Köksal-Schmidt Ç., Schmidt K., 2010. The Göbekli Tepe «Totem Pole». A First Discussion of an Autumn 2010 Discovery (PPN, Southeastern Turkey) // *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*. S. 1.

Schmidt K., 2006. Sie bauten ersten Tempel. Das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger. Die archäologische Entdeckung am Göbekli Tepe. München.

В.Г. Котов

Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, Уфа

Некоторые итоги изучения пещеры Шульган-Таш (Каповой)¹

Первые археологические раскопки были предприняты О.Н. Бадером на среднем этаже вблизи рисунков в зале Знаков и у Восточного и Западного панно в зале Рисунков верхнего этажа, которые дали только угли, охру и плитки с пятнами охры.

С 1981 г. археологические исследования продолжил В.Е. Щелинский. В 170 м от входа, вблизи древних рисунков зала Знаков на площади 68 кв. м им были изучены остатки стоянки эпохи верхнего палеолита. По древесному углю из культурного слоя было

¹ Работа выполнена по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» по проекту «Заселение территории Южного Урала в конце верхнего палеолита».

получено несколько дат: 14680±150 (ЛЕ 3443), 13930±300 (ГИН 4853), 15050±100 (KN-5022), 16010±100. Здесь было обнаружено 193 каменных изделия. Из них 120 экз. – это сколы из известняка и кальцита без обработки и следов использования.

Представительный материал в пещере Шульган-Таш был получен автором в 2008–2009 гг. в ходе

исследований первого уступа Каскадной галереи или Балкона. Здесь была обнаружена многослойная стоянка эпохи верхнего палеолита, которая по углю имеет две даты: 13900 ± 190 (Ki-15568) и 16710 ± 800 (Ki-15967). Из трех культурных горизонтов шурфа и отвала строителей была получена коллекция, состоящая из 450 предметов. Более 400 экз. составляют ско-

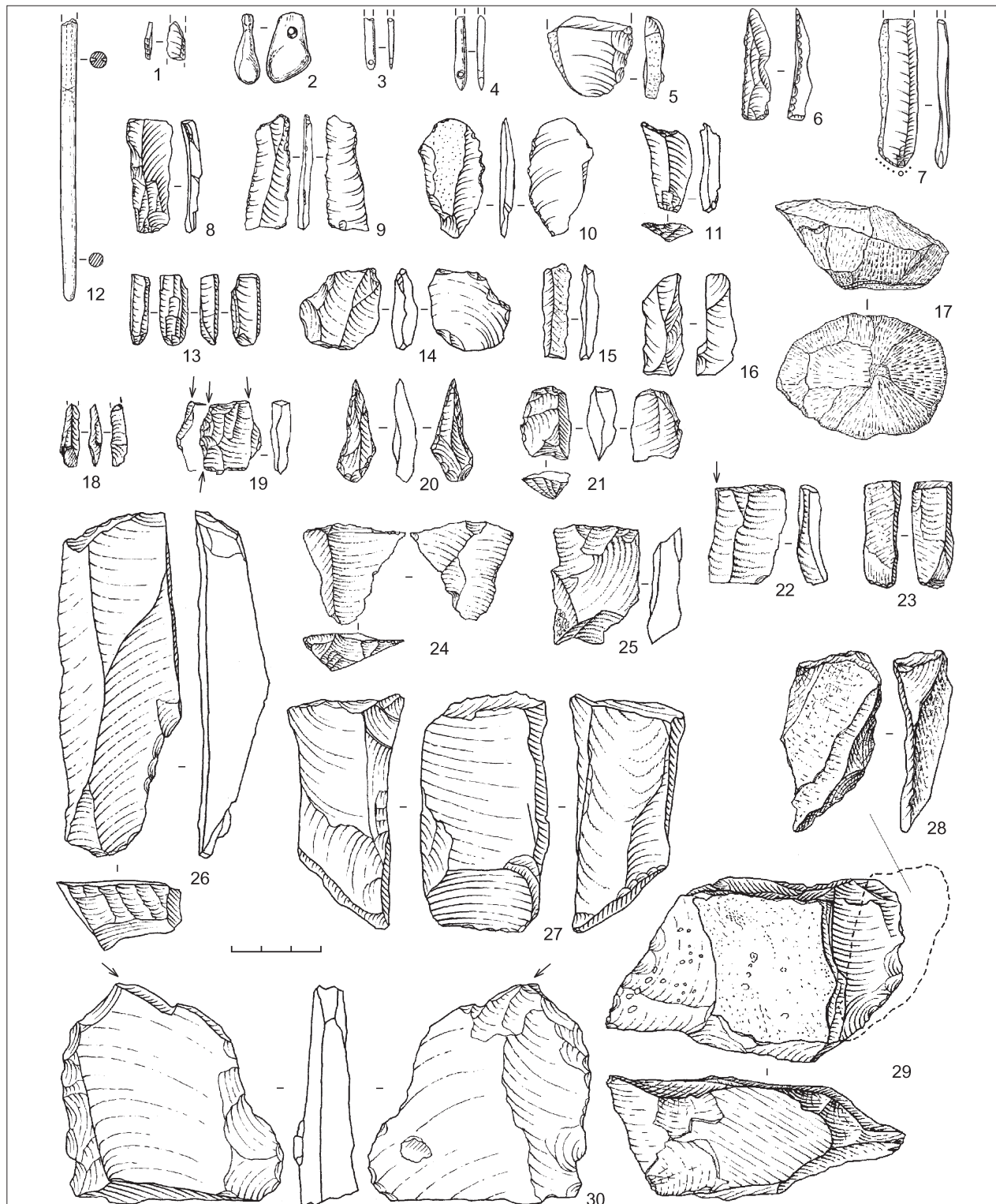

Рис. 1

Пещера Шульган-Таш (Каповая). Находки: 1, 5, 6, 8, 10 – пластины с ретушью; 2 – подвеска из зуба марала; 3, 4 – фрагменты костяных игл; 7, 15, 18 – пластины; 9, 11, 24 – орудия с шипом; 12 – костяной наконечник стрелы; 13, 16, 23 – нуклеусы; 14, 25 – долотовидные орудия; 17 – обколотый сталагмит; 19, 22, 30 – резцы; 20 – острие; 21, 26 – скребки; 28 – отщеп; 29 – обколотый кусок известняка; (1, 5, 6, 8, 10, 11 – яшма; 2-4, 12 – кость; 7, 9 – кремнь; 14-16, 18, 19, 21, 22, 24 – 30 – известняк; 13 – кремненный сланец; 17, 20 – кальцит; 23 – кварцит)

лы и оббитые куски известняка и кальцита. Коллекция орудий из известняка и кальцита (15 экз.) состоит из: резцов (рис. 1: 19, 22), долотовидных орудий (рис. 1: 14, 25), острый-прокол (рис. 1: 20, 24), скребков (рис. 1: 21). Из промывки происходит находка пластины с ретушью из серой яшмы (рис. 1: 8). Два изделия являются небольшими нуклеусами: один из кварцита (рис. 1: 23), другой конусовидный нуклеус для получения микропластинок – из окремненного сланца (рис. 1: 13). Мелкие отщепы и чешуйки известняка и кальцита свидетельствуют о том, что на уступе была жилая площадка, на которой осуществлялось изготовление орудий.

В ходе археологических раскопок 2009–2010 гг. в зале Купольном в раскопе 1 был обнаружен новый участок культурного слоя эпохи верхнего палеолита. Всего с площади в 2 кв. м в отложениях светло-бурого суглинка эпохи плейстоцена было собрано 470 экз. каменных изделий, 20 костей, 1 костяное украшение из просверленного зуба марала (рис. 1: 2) и два базальных фрагмента костяных игл (рис. 1: 3, 4). Шесть предметов были сделаны из кремнистых пород: полупервичная пластина с ретушью из темно-серой яшмы (рис. 1: 10), орудие с шипом на правильной пластине из черного кремня (рис. 1: 9), медиальный фрагмент пластинки с притупленной спинкой (рис. 1: 1) и пластина с ретушью и закругленным основанием из серой яшмы (рис. 1: 6), а также проксимальный фрагмент пластины с пологой ступенчатой ретушью правого края из сургучной яшмы (рис. 1: 5), полупервичная пластина правильной огранки со следами абразивного редуцирования карниза из черного кремня (рис. 1: 7). Из раскопа 1 происходит нуклеус из известняка со скошенной ударной площадкой (рис. 1: 16) и двойной концевой скребок на массивной пластине известняка (рис. 1: 26). Одно нуклеовидное изделие из известняка имеет на основании переоформление в скребковое орудие (рис. 1: 27). Крупный отщеп из известняка оформлен на дистальной части резцовым сколом (рис. 1: 30).

Основное количество находок составляют обколотые куски толстой кальцитовый корки или кальцитовых натек, а также кусков известняка – 311 экз. Сколы из кальцита и известняка – 144 экз. Сколы,

в большинстве, аморфные, имеют продольную или гладкую огранку, ударные площадки гладкие, созданные одним сколом, или естественные. Единичными экземплярами представлены треугольные в сечении пластины (рис. 1: 15, 26). Очень редко встречаются нуклеовидные формы с устойчивой последовательностью снятий (рис. 1: 16, 27). В центре квадрата на глубине 0,35 м была расчищена крупная плита овальной формы (80×60 см), у которой на одной из боковых граней имелись три негатива крупных снятий, а на верхней поверхности – пятно охры неправильной формы размером 101×5 см. Под плитой была найдена челюсть бизона с одним коренным зубом. Четыре скола известняка были с какими-то целями окрашены охрой, причем у одного изделия было произведено скалывание окрашенного участка. О том, что данный культурный горизонт был связан с нанесением рисунков на стены Капеллы Черепов, свидетельствуют также находки скопления охры в культурном слое на уровне 6 горизонта (глубина 30 см от поверхности). Кроме того, в кв. Г-6 на глубине гор. 7 был обнаружен кусок обколотого известняка с фрагментом красочного изображения, сделанного красной охрой. Таким образом, нанесение рисунков производилось неоднократно, причем некоторые окрашенные поверхности стен или глыб известняка подвергались оббивке. На это же указывают следы оббивки стены и каменной глыбы вблизи Восточного и Западного панно в зале Рисунков верхнего этажа пещеры Шульган-Таш.

Все это говорит о том, что обкалывание известняка и кальцитовых натек производилось не в утилитарных целях, а в большинстве случаев носило символический характер, и было связано с обрядами, в контексте которых производилось окрашивание стен, а также кусков кальцита и известняка охрой. Выявлены следы неоднократного посещения пещеры в виде нескольких горизонтов углей и мощных залежей оббитых кусков известняка и кальцита вблизи рисунков.

В целом, весь каменный инвентарь представляет единый комплекс, который укладывается в наши представления об уральских памятниках конца верхнего палеолита.

Е.Б. Крутых

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Финальный неолит Приморья

Проблема культурной характеристики памятников финала каменного века Приморья вошла в круг разрабатываемых проблем практически с самого начала исследований зайсановских памятников. За про-

шедшие полвека исследователи относили эти памятники к концу эпохи неолита (Андреев, 1957), который рассматривался как поздние периоды зайсановской культуры (Бродянский, 1987), как финальная стадия

развитого неолита (Гарковик, 1986), как период финального неолита (Бродянский, 1975). Указывалось на возможность отнесения таких памятников к рубежу эпох или же следующему периоду (Бродянский, 2007; Журиховская, 2004). В целом в археологии Приморья период финального неолита стал рассматриваться как переходный к эпохе бронзы (Яншина, 2004). Такой подход предполагал появление вещей из бронзы или их реплик в комплексах рассматриваемых памятников. В связи с этим понимание финального неолита как заключительного периода каменного века оставалось неопределенным, а его критерии не разработанными. Как правило, основными признаками финального неолита называются аналогии в культурах эпохи бронзы (лощенные сосуды с меандром). Исследования, проведенные в последние годы на памятниках Приханкайской равнины (в том числе раскопки уникального памятника Реттиховка-Геологическая), позволили по-новому осветить эту проблему. На основании характеристики культурного комплекса приханкайских памятников была предложена концепция приханкайского локально-хронологического варианта зайсановской культуры, представляющего период финального неолита Приморья (3800–3300 л. н.). Культурный комплекс приханкайских памятников характеризуется следующими чертами.

1. Наличие долговременных земледельческих поселений и сезонных охотничье-рыболовных стоянок. В состав долговременных поселений входили зимние и летние жилища, хозяйственно-бытовые постройки.
2. Появление хозяйственно-бытовых построек (хранилищ продуктов земледелия, мастерских).
3. Каменная индустрия характеризуется уменьшением доли микролитических ретушированных орудий (ножи, скребки, резцы, вкладыши, наконечники стрел), преобладанием бифасиальной двусторонней ретуши, появлением шлифованных ножей, трапецевидных в сечении тесел, долот с двумя лезвиями, курантов сегментовидной формы, широким применением техники пиления при производстве заготовок шлифованных рубящих орудий.
4. Керамическое производство характеризуется частым использованием дресвы талька в качестве отощителя; высокой температурой обжига; распространением и стандартизацией наклепного рассеченного валика под венчиком; улучшением качества лощения. В морфологии – преобладание горшковидной формы, увеличение размеров сосудов, в том числе появление больших емкостей для хранения зерна, ковшей с ручкой; в орнаментации – использование техник штампования и процерчивания с преобладанием послед-

него, выдержанное сочетание мотивов (дуги, вертикальный зигзаг, меандр). Выделяется 6 типов сосудов, представляющих тарную, кухонную и специальную посуду, появление керамических дисков из реутилизированных черепков.

5. В развитии керамической традиции финального неолита выделяется два этапа. Временная динамика прослеживается в исчезновении сосудов с плечиками средней высотности и веревочного орнамента, в развитии мотива меандра.
6. Комплексный характер хозяйства, которое включало развитое мотыжное земледелие, основанное на выращивании двух видов (обыкновенного и итальянского) культурного проса; охоту, рыболовство и собирательство.

Указанные признаки определяют специфику приханкайских памятников. В целом в облике приханкайского локально-хронологического варианта отчетливо прослеживаются черты самобытной культуры, наиболее показательно демонстрирующие это в стилистическом выполнении такого распространенного мотива, как вертикальный зигзаг. Отмечается культурная близость этих памятников и позднего неолита Приморья. При сравнении приханкайского комплекса с поздним неолитом сопредельных территорий выявлены черты сходства, представленные лишь распространенными стадийными признаками эпохи неолита.

Финальный неолит рассматривается как период каменного века, материальная культура которого характеризуется максимальным развитием неолитических традиций в обработке камня и керамическом производстве, высокой степенью стандартизации материальной культуры, появлением специализированных хозяйственных построек, усложнением структуры поселений и системы расселения в целом, комплексным хозяйством, основанном на развитом мотыжном земледелии. Технологические традиции приханкайского комплекса имеют связь с предыдущими периодами неолита, генетически развиваясь на их основе. Инвентарный комплекс, как в камне, так и в керамике, носит стандартизированный характер, выраженный в устойчивых типах изделий и орудий, большинство которых использовалось и в более ранние периоды. Вместе с тем, в комплексах финального неолита отсутствуют как бронзовые орудия, так и их каменные реплики. Учитывая признаки сходства между приханкайским комплексом и другими зайсановскими памятниками, мы рассматриваем их как части одной неолитической традиции.

В целом, памятники приханкайского локально-хронологического варианта зайсановской культуры характеризуют собой период финала каменного века Приморья и маркируют итог развития неолитических традиций региона.

Андреев Г.И., 1957. Поселение Зайсановка I в Приморье // СА. № 2.
Бродянский Д.Л., 1975. Приамурско-маньчжурская археологическая провинция в IV–I тысячелетиях до н.э. //

Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск.
Бродянский Д.Л., 1987. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток.

Бродянский Д.Л., 2007. Бронзовый век Приморья // The Bronze Culture in Ordos and Korea. Seoul.

Гарковик А.В., 1986. Некоторые вопросы изучения зайсановской культуры // Проблемы археологических исследований на Дальнем Востоке СССР. Владивосток.

Жушиховская И.С., 2004. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток.

Яншина О.В., 2004. Проблема выделения бронзового века в Приморье. СПб.

А.С. Куликова, А.И. Мартынов

Кемеровский государственный университет, Кемерово

Изображения лодок на петроглифах Евразии как исторический источник

В ходе проведенного нами анализа памятников наскального искусства с изображениями лодок стало очевидно, что лодки на петроглифах Евразии являются одним из устойчивых сюжетов наряду с другими образами: оленями, медведями и др. В тоже время эти изображения связаны с определенными прибрежными территориями морей, озер и, частично, рек в Евразии.

Изучение транспортных средств, отраженных в наскальном искусстве – одна из важных проблем петроглифоведения. Известно большое количество работ по колесницам; публикации, связанные с изображениями лыж, следов, саней и т. д. Исследователи давно обратили внимание на изображения лодок в петроглифах Евразии. В большинстве публикаций фиксируются места с рисунками лодок, их связь с другими образами наскального искусства, в некоторых работах поднимаются вопросы семантики изображений.

Можно предположить, что образу ладьи придает особое значение в силу того, что объект олицетворял передовое техническое достижение. Изобретение лодки, как и колеса, сыграло огромную роль в эволюции мышления человека, в развитии хозяйства в разных природных зонах, мореплавания. С этим образом связаны не только прогрессивные изменения в хозяйственной жизни, но и крупнейшие миграционные процессы, которые порождали различные мифы и ритуалы (например, использование их в погребальной практике у скандинавов, славян, коренных народов Сибири).

Изобретение лодок получило отражение в наскальном искусстве, что воссоздавало общую мировоззренческо-мифологическую специфику распространения древних обитателей регионов. Изображения лодок известны на костяных и металлических предметах (шаманские бляхи из Сибири, бронзовые бритвы с соляными ладьями), на погребальных плитах и камнях церкви Санда (Готланд), Хеггебю (Упланд), камень из Спарлеза, красный камень на р. Кок-сух (Хакасия), на каменных печатях (о. Крит), на стелах Хакаско-Минусинского региона, на поминальных

вендельских плитах. Известны устные и письменные источники, мифологические и эпические памятники народов Сибири, Дальнего Востока, Скандинавии, Полинезии и других территорий, где упоминаются сюжеты с лодкой.

Наскальные изображения средств передвижения являлись своего рода знаковым образом эпохи неолита на огромном пространстве двух территорий: Северная Европа (Норвегия, Швеция, Финляндия, Белое море, Онежское озеро, Канозеро) и Северная Азия (Енисей, Лена, Амур и др.).

Использование ладьи в различных обрядах находит широкое распространение у тех народов, чья жизнь и благополучие были связаны с водой. Это косвенно подтверждается тем, что нет аналогов этого образа в контексте культурно-исторического ландшафта в горно-долинные и степные районах Евразии, где преобладала верховая езда.

В процессе изучения образа лодки, мы можем получить представление о судостроении различных эпох и регионов, а также рассмотреть стадиальную эволюцию: от простейших плотов до кораблей с парусами; проследить, как усложнялись их конструкции в связи с необходимостью увеличения скорости и грузоподъемности, улучшения мореходности.

Проводя параллели и анализируя археологический материал, мы можем выявить, что при создании образа лодки древние мастера ориентировались на ее реальный прототип. Поэтому во многих случаях эти изображения могут служить источником для анализа технических и конструктивных особенностей лодок как транспортного средства, а также для установки датировки изображений их на скалах и многие другие вопросы. Лодкам придавали большое значение как объекту почитания, с ними были связаны представления о «солярной лодке» или «лодке мертвых».

В основе широкого распространения изображений лодок и кораблей на скальных поверхностях могут лежать разные причины: идеология, почитание предков, хозяйственная деятельность, особенности водных пространств и т. д.

Изобразительные памятники от эпохи неолита до этнографического времени ценны не только в эстетическом отношении, они являются важным историческим источником по истории и культуре, особенно дописьменного периода.

Таким образом, в Евразии расположены две основные глобальные зоны петроглифов – с колесницами и с лодками. В позднем неолите с помощью лодок осваивали новые территории, где впоследствии и возникали петроглифы с данным образом. В неолите юга – колесницы и повозки распространяются не только в хозяйственной деятельности, но

и в наскальном искусстве горно-степных районов Евразии.

Комплексное рассмотрение этих вопросов дает возможность получить представление о мировоззрении населения, оставившего эти изображения на скалах. Важность изучения схожих образов и сюжетов на двух территориях – Северной Азии и Северной Европы – может дать возможность выявить общую мировоззренческую основу населения Северной Евразии, которая была зоной интенсивных контактов, перемещений больших масс людей и активной культурно-исторической интеграции.

М.А. Кулькова

Российский государственный университет им.А.И. Герцена, Санкт-Петербург

Естественно-научные методы исследования в оценке состава, источников сырья и технологии изготовления древней керамики¹

Керамическая посуда является одним из объектов материальной культуры, который положен в основу периодизации археологических памятников. Керамика – это первый искусственный материал, который был создан человеком. Производство керамических изделий предполагает выбор подходящих сырьевых ресурсов, технику лепки и обжига. Типология и морфология керамических изделий дают представление о принадлежности глиняной посуды к той или иной культурно-исторической общности. Изучение минералого-геохимического состава древней керамики в последнее время приобретает особую важность для археологии. Применение современных аналитических методов дает возможность количественно установить минеральный и химический составы формовочной массы, выявить технологические приемы изготовления, идентифицировать источники сырья. Эти данные расширяют знания о древнем керамическом производстве и дают представление о технологических традициях в изготовлении керамики, что позволяет по-новому взглянуть на археологические комплексы, выявленные лишь на основе типологических и морфологических характеристик керамики.

Древняя керамика является искусственным материалом, для изготовления которого используется естественное природное сырье и технологические приемы, разработанные человеком. Поэтому для изучения свойств и технологий древней керамики нужен нетрадиционный подход, отличный от того подхода, который применяется, с одной стороны, археологами для

изучения керамики, а с другой стороны, естествоиспытателями для исследования природных материалов. В настоящее время зарубежными и отечественными исследователями разработаны различные методы и подходы к изучению археологической керамики (А.А. Бобринский, А.И. Августиник, V. Karageorghis, N. Kourou, E. Aloupi, M.Q. Sutton, M. Rice). Несмотря на это, многие вопросы о составе и технологиях изготовления являются спорными.

Центральной проблемой в исследованиях до сих пор остается, например, различие «естественных» и «искусственных» примесей в формовочной массе. Роль примесей впервые была детально изучена А. Shepard, затем D. Arnold и др. Для этой цели был использован метод петрографического исследования. Петрографическая и бинокулярная микроскопия являются и сегодня основными инструментами для исследований древней керамики. Эти методы широко применяются для установления минерального состава теста и отощителя, структуры, способов формовки и обжига. В различных работах охарактеризованы принципы исследования керамических фрагментов в шлифах под микроскопом. В отличие от природных материалов, как отмечает J. Stoltman, формовочный материал для изготовления керамики может состоять из различного состава и генезиса. Состав теста и отощителя могут быть как локальными, так и принесенными из других регионов. Это иногда создает трудности при интерпретации результатов. Поэтому наряду с традиционными оптическими методами необходимо использование других аналитических методов. Например,

¹ Работа подготовлена при поддержке фондов РФФИ, проект № 10-06-00096а, РГНФ, проект № 10-01-00553а/Б.

широко используются исследования химического состава с помощью спектрального анализа.

М. Холл, С. Миняев применяли рентгено-спектральный флуоресцентный анализ для исследования керамики Сюнну с целью выделения различных типов керамических групп. Л.Н. Мыльникова с помощью методов атомной абсорбции и нейтронной активации был исследован химический состав образцов керамики из нижнеамурских неолитических поселений. Сопоставление образцов по химическому составу, а также сравнение с составом глинистых отложений этого района, позволило выявить несколько керамических групп и предположить источники сырьевых ресурсов. Для интерпретаций аналитических данных и сопоставления с типолого-морфологическими характеристиками керамических изделий во многих случаях используются методы многомерной математической статистики, которые позволяют выделить набор основных значимых признаков и разделить на группы выборку образцов с большим объемом данных. Такие подходы, основанные на результатах комплексного исследования керамического материала, дали прекрасные результаты, например, в оценке понимания роли древних сообществ в районе Меггидо (Израиль) в культурных и политических процессах,

происходивших на этой территории в период железного века. Комплексный подход также дал возможность выявить производство местной керамики и импортной в регионе Мессина (Сицилия).

Как отмечает А.А. Бобринский, технологический процесс изготовления керамических изделий определяет тот естественный фон существования древнего населения, в рамках которого складывается и действует механизм традиции. В этом смысле технологическая традиция – это своеобразная форма адаптации древних гончаров к естественным природным условиям. Попытка проследить изменение традиций в изготовлении раннеолитической керамики и влияния мигрантов с соседних территорий на основании комплексного исследования керамики из региона Двинско-Ловатского междуречья была сделана А.Н. Мазуркевичем, М.А. Кульковой, Е.В. Долбуновой.

Использование исторического подхода в комплексе с естественнонаучными методами (петрография, спектральные методы, рентгено-дифракционные методы, дифференциально-термический анализ и т.д.) в изучении древних керамических изделий является важным звеном в реконструкции бытовых, культурно-экономических, социальных условий жизни древнего населения.

З.С. Лапшина

Хабаровский государственный институт искусств и культуры, Хабаровск

Предметы искусства и ранняя керамика Осиповской культуры поселения Хумми I (Нижний Амур)

1. Многослойное поселение Хумми I находится в 20 км от г. Комсомольска-на-Амуре на правом берегу протоки Хуммийской, впадающей в р. Амур (50° с.ш. 137° в.д). Раскопано 500 кв. м (Лапшина, 1993; Лапшина, 2002.). В самой высокой части берегового склона (35–30 м над уровнем Амура) в отложениях светлых суглинков 1–4 раскопов изучаются материалы неолита. Верхний слой (коричневатый су-

глинок, 18–20 см) – вознесеновская культура 5–нач. 4 тыс. л.н. Нижний слой (желтоватый светлый суглинок, 30–40 см) – осиповская культура: остатки жилищ, очаги, производственные зоны, предметы искусства, ранняя керамика.

2. Техничко-технологический облик орудийного комплекса отражает начало перехода от позднепалеолитической стадии к неолитической. Характеризует-

Таблица 1. Раскоп 2. Керамика, даты ¹⁴C

№	квадрат	Верхний горизонт	Средний горизонт	Нижний горизонт
1	Кв.9 центр. бровка	+ 10345±110 AA-13391 л. н. граница со средн. гориз.		
2	А-11			+ 13260±100 AA-13392 л. н.
3	А-13		+	+
4	Б-13		+	+
5	А-14	+		
6	Б-14			+
7	А-15		+	
8	Б-15	+	+	
9	А-16	+	+	

Таблица 2. Раскоп 4. Керамика, даты ¹⁴С

№	Квадрат	Верхний горизонт	Средний горизонт	Нижний горизонт
1	Г'-1		+	
2	Г'-2		+	
3	Г'-4			+
4	А'-6	10540±70 АА-23130 граница со средн. гориз.	+	12425±850 СОАН- 3583 л. н.
5	Б'-7		+	
6	В'-7, Б'-7, Б'-6			+
7	А'-8		+	
8	В'-8, Г'-8	+		
9	В'-8		12150±110 СОАН-3826 л. н.	+
10	Г'-8		+	+
11	Д'-8		+	
12	Е'-8, Ж'-8.	+		
13	По орган. в керам.		12010±105 АА-20932 л. н.	

ся микропластинчатым расщеплением (62%): клиновидные нуклеусы (42%), торцовые микронуклеусы (20%); радиальным (30%) и подпризматическим (8%).

3. В коллекции предметов искусства: украшения и мелкая пластика из среднего и нижнего горизонтов слоя. В раскопе 2 – комплекс из восьми предметов: шести бусин, кольца и диска. В раскопе 4 – две бусины и подвеска. В раскопе 5 в смешанном слое – бусина, типологически близкая описываемым. Всего 12 предметов. Выделены типы изделий: 1 – бусины уплощенно-бочонковидные (6 экз.), 2 – бусины уплощенно-цилиндрические (3 экз.), 3 – кольцо (1 экз.), 4 – дисковидная подвеска (1 экз.), 5 – подвеска трапециевидной формы (1 экз.). Сырье – алевролит зеленовато-белого-голубого и бирюзового цвета, халцедон зеленовато-молочного оттенка. Они имеют разные размеры, но одинаковый диаметр биконического отверстия: входной – 0,4 см, выходной – 0,3 см. Диск и кольцо изготовлены из нефритоидной породы белого и светло-зеленого цвета. Использована техника пиления и шлифования.

4. Мелкая пластика представлена плоскими фигурками птиц, рыбки и собаки. Фигурки птиц найдены в раскопе 2 – 3 шт., по одному экземпляру – в раскопах 4 и 5. Четыре изделия в виде лесных птиц в сидячей позе. Использовано отработанное сырье (сколы коррекции нуклеусов), обломок бифаса, кусок некачественного желвака (кремень, халцедон). Водоплавающая птица оформлена на двухгранной пластинке (халцедон). У птиц показаны голова, клюв, хохолок, грудка, шея. Рыба оформлена на пластинчатой заго-

товке (халцедон). Выемками отмечены плавники и раскрытый рот. Фигурка собаки, найденная в раскопе 4 при зачистке материка, сделана на пластинчатом отщепе (коррекция фронта скалывания нуклеуса) полосчатого кремня серого цвета. Мастер использовал возможности рисунка прожилок на камне и форму заготовки, вторичная обработка минимальна. Собака показана в сидячей позе, передние лапы обозначены конусовидным выступом заготовки и неглубокой выемкой, задняя часть выделена второй выемкой. На вентрале заготовки светлыми прожилками обрисовано висячее ухо, на дорсале этот участок продолжается плавной линией от головы до лапы, следов подправок нет. Висячие уши – игра природы, но и торчащих ушей не показано. На Камчатке известно захоронение собаки типа лайки (Ушки I, слой 6 – 10 тыс. л.н.; Диков, 1993). Хуммийская находка – изображение собаки – имеет возраст более 12 тыс. л. н.

5. Ранняя керамика найдена в раскопах 2 (14 ед.) и 4 (33 ед.) в виде мелких округлых комочков. В раскопе 2 они залежали в слое равномерно, в 4 более насыщен средний горизонт. Дата по пробе из очага 1, где была керамика – 13260±100 л. н., по органике внутри черепка – 12010±105 л. н. Верхний горизонт слоя датирован по пробам на границе верхнего и среднего горизонтов (кв. 9 и А'-6) – начало и середина 11 тыс. л.н. Средний горизонт – 12 тыс. л. н., дата по керамике входит в эти пределы. Нижняя часть слоя отнесена к 13 тыс. л. н. (по датам из кв. А'-6 и А-11).

Таким образом, время существования осиповского слоя на Хумми I 13–11 тыс. л. н.

Диков Н.Н., 1993. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. Магадан.

Лапшина З.С., 1993. Отчет о раскопках стоянки Солнышко I вблизи озера Хумми (Комсомольский район Хабаровского края) в полевом сезоне 1992 года // Архив ИА РАН.

Лапшина З.С., 2002. Отчет об археологических исследованиях на многослойном поселении Хумми в Комсомольском районе Хабаровского края в 1997 году // Архив ИА РАН.

О.В. Лозовская

Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург

В.М. Лозовский

Сергиево-Посадский музей-заповедник, Москва

А.Н. Мазуркевич

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

I. Clemente Conte

Institucio Mila i Fontanals CSIC, Barcelona

E. Gassiot

Universidad Autonómica de Barcelona (UAB), Barcelona

Первые результаты подводных исследований на стоянке Замостье 2 (Сергиево-Посадский район Московской области)¹

Многослойная торфяниковая стоянка Замостье 2, расположенная на р. Дубна в бассейне Верхней Волги (Волго-Окское междуречье), получила широкую известность благодаря четкой стратификации слоев позднего мезолита – раннего-среднего неолита, содержащих многочисленные культурные остатки из органических материалов: дерева, кости и рога (Лозовский, 2003). Вплоть до настоящего времени все находки – хозяйственный и бытовой инвентарь, предметы искусства и другие свидетельства духовной жизни древних обитателей стоянки – происходили из раскопок береговой полосы искусственного русла реки (раскопано 154 кв. м). Этот участок, по данным геолого-палеоэкологических исследований, в целом соответствовал прибрежной зоне древних поселений (Алешинская и др., 2001). Однако, береговая кромка и состояние палеоводоемов неоднократно менялись на протяжении атлантического периода (Алешинская и др., 2001). В частности, в южной части стоянки в 1989 году были открыты две рыболовные верши и система закола (Лозовский, 1997), которые предварительно датируются ранним неолитом (середина VI тыс. calBC). Исследованные на ограниченной площади, они долго являлись единственными структурными объектами на памятнике.

В 2010 году впервые была обследована методами подводной археологии прилегающая к стоянке часть современного русла р. Дубна. Методика изучения подводных объектов каменного века была разработана А.М. Микляевым и А.Н. Мазуркевичем на неолитических памятниках Северо-Запада России (Мазуркевич, 2010), и с успехом была применена на стоянке Замостье 2. Слой наносов мощностью до 40 см, образовавшийся в течение последних 40 лет после прокопки нового русла реки в процессе мелиорации, смещался

вниз по течению слабой струей воды с помощью мотопомпы. На расчищенной поверхности дна реки было выявлено несколько скоплений остатков вертикально вбитых кольев-свай (всего более 100 экз.) диаметром от 5 до 10 см. Фиксация кольев производилась с помощью лазерной станции Trimble DR200+ 5500-series с привязкой к общей системе координат, принятой на памятнике (рис. 1). Каждый кол был пронумерован, и были взяты образцы на дендрохронологический и морфологический анализ древесины. Несколько кольев были отобраны для радиоуглеродного датирования.

Судя по расположению найденных кольев, часть из них может быть интерпретирована как продолжение двух рядов кольев закола, открытых при наземных раскопках 1989–1990 годов и связанных с конструкцией рыболовных вершей (рис. 1). Под восточным берегом реки Дубна была зафиксирована иная система расположения кольев. Они образовывали угол подпрямоугольной конструкции, уходящей под берег реки. Первая радиоуглеродная датировка, полученная по угловому колу, составляет 558040 BP (Beta-283034) или CalBC 4490–4340 (CalBP 6440–6290), что позволяет предварительно отнести ее ко времени существования льяловской культуры среднего неолита. Наличие разновременных деревянных конструкций разного хозяйственно-бытового назначения на ограниченном участке стоянке позволяет проследить изменения режима функционирования территории на протяжении тысячелетия и выявить особенности организации поселений различных групп охотников-рыболовов.

При разборке наносов было собрано большое количество фрагментов керамики и кремневых изделий (149 экз.), что указывает на продолжающийся

¹ Исследования проводились при поддержке проекта (I+D) HAR2008-04461/HIST, Recursos olvidados en el estudio de grupos prehistóricos: el caso de la pesca en sociedades meso-neolíticas de la llanura rusa, Министерства Науки и Развития Испании.

размыв берегов, содержащих культурные отложения. Керамика разновременна и относится к разным археологическим культурам, в т. ч. к верхневолжской – 23 фрагмента, к льяловской – 565, к волосовской – 58 экземпляров. Среди кольев на расчищен-

ной поверхности дна зафиксированы черепки в горизонтальном залегании и фрагменты костей, что свидетельствует о сохранившемся *in situ* культурном слое и открывает перспективы дальнейшего исследования.

Алешинская А.С., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., 2001. Геолого-палеоэкологические события голоцена и среда обитания древнего человека в районе археологического памятника Замостье 2 // Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. Сергиев Посад.

Лозовский В.М., 1997. Рыболовные сооружения на стоянке Замостье-2 в контексте археологических и этнографических данных // Древности Залесского края. Сергиев Посад.

Лозовский В.М., 2003. Переход от лесного мезолита к лесному неолиту в Волго-Окском междуречье (по материалам стоянки Замостье 2) // Неолит-энеолит юга и неолит севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб.

Мазуркевич А.Н., 2010. О методике подводных разведок и раскопок во внутренних водоемах Северо-Запада России // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России. Калининград.

О.В. Лозовская

Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург

М.И. Колосова

Особенности использования сырья для изготовления деревянного инвентаря в позднем мезолите по материалам стоянки Замостье 2¹

Древесина в большей степени, чем другие виды сырья, доступные древнему человеку (камень, кость, рог, глина, раковины), обладает различными, в зависимости от породы, физико-механическими, а, следовательно, и эксплуатационными свойствами, навыки использования которых складывались на протяжении тысячелетий. Выбор породы и участка дерева определялся в зависимости от назначения предметов и сырьевых возможностей и являлся важным звеном процесса изготовления орудий.

Из коллекции деревянных изделий многослойной стоянки Замостье 2 (Волго-Окское междуречье), которая насчитывает 270 экз. (Лозовская, 2011), уже имеется около 100 определений древесины, выполненных микроскопическим методом по анатомическим признакам, характеризующим каждый таксон древесной флоры.

Позднемезолитические слои стоянки (начало атлантикума) формировались в целом в сходных природно-климатических условиях, для которых характерно преобладание в ландшафте бореальных березово-сосновых лесов при увеличивающейся роли широколиственных (вяз, дуб, липа) с лещиной в подлеске (Алешинская и др., 2001). Для изготовления деревянного инвентаря использовалось 11 пород деревьев, среди которых основную роль играли сосна, береза и вяз; в нижнем культурном слое преобладала береза, в верх-

нем культурном слое – сосна. Несмотря на заметное присутствие в составе лесов ольхи и орешника, эти породы не использовались, нет пока свидетельств и использования липы. В то же время применялись деревья, не представленные в пылевых спектрах – ясень, осина, клен, черемуха, ива, тополь. В нижнем слое мезолита наблюдается наиболее широкий состав видов деревьев для производства деревянных изделий (10).

Выбор пород для основных категорий орудий осуществлялся с учетом определенных физико-механических свойств древесины. Так, для посуды выбирались породы легкорежущиеся (сосна, липа) и прочные (вяз, ясень); для угловых рукоятей – вязкие и износостойкие (черемуха, вяз); для весел – малопористые и влагостойкие (вяз и осина); деревянный поплавок и рыболовной инструмент с отверстием сделаны из ивы, породы выносливой к сырости; труднее объяснить причины изготовления зооморфных фигурок из ивы и осины, а декорированных пластин – из березы и тополя. Однако такой выбор (кроме посуды) отличается от всех известных примеров, включая находки в сходных географических условиях.

В то же время следует отметить отсутствие для каждой группы орудий постоянной связи с использованием определенной породы древесины, что может объясняться как природными факторами (ограниченные ресурсы), так и культурными особенностями

1 Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №11-06-00090-а.

(в т.ч. отсутствием соответствующих навыков или традиций). В целом, большинство определимых изделий изготовлено из древесины лиственных пород; сосна использовалась преимущественно для кольев, уплощенных острий и вырезанных стержней, применение ели зафиксировано только для двух кольев.

Следует добавить, что веревочки, найденные в слоях финального мезолита, все скручены из ветвей ивы. Первые результаты анализа рыболовной верши показали, что она изготовлена из сосновых лучин.

Из-за особенностей строения древесины и ее анизотропности важную роль в эксплуатационных качествах изделий играла также форма заготовки. В инвентаре стоянки Замостье 2 наиболее важные категории вещей, за исключением наконечников, изготавливались из расщепленных крупных стволов деревьев, в основном из удаленных от сердцевины участков: весла, древко, уплощенные острия, многие детали, блюдо, ложки, «предметы искусства», стержни-рукоятки. Для производства муфт-переходников для крепления рубящих орудий использовались наросты, стойкие к раскалыванию благодаря свилеватой структуре волокон, из нароста ивы выполнена также фигурная голова кабана и ковш. В древности капы и наросты, по всей видимости, были предметом систематиче-

ского поиска. В качестве заготовок для угловых рукоятей служили разветвления ствола (с углом 50°–52°). Простые ветки (или тонкие стволы) применялись для многочисленных кольев, орудий с притупленного концом. Из них также сделаны несколько деталей, почти все наконечники стрел и дротик. Заготовки в виде расколотых на 2–4 части бревен единичны. Целые стволы небольшого диаметра (9–10 см) представлены двумя экземплярами.

Среди крупных расколотых стволов выделяется сосна, вяз и осина, а также ясень; большинство веток принадлежат сосне и березе, реже использовались ветви ели, вяза, ивы и тополя; наросты принадлежат клену, ясеню и иве.

Выявленное соотношение использовавшихся и имеющихся в распоряжении пород деревьев, а также целесообразность выбора сырья с точки зрения физико-механических свойств древесины отражает навыки населения стоянки в производстве деревянного инвентаря. В то же время отсутствие четко оформившихся предпочтений в сырье и использование широкого спектра пород, как хвойных, так и лиственных в мезолитических слоях стоянки Замостье 2 указывают на продолжающийся процесс адаптации к природным условиям.

Алешинская А.С., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., 2001. Геолого-палеоэкологические события голоцена и среда обитания древнего человека в районе археологического памятника Замостье 2 // Каменный век европейских равнин:

объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. Сергиев Посад. Лозовская О.В., 2011. Деревянные изделия стоянки Замостье 2 // РА. №1.

В.М. Лозовский

Сергиево-Посадский музей-заповедник, Москва

О.В. Лозовская

Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург

I. Clemente Conte

Institucio Mila i Fontanals CSIC, Barcelona

N. Desse-Berset, V. Radu, Y. Maigrot

Е.Ю. Гуря

Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург

E. Gassiot

Universitat Autònoma de Barcelona (UAB), Barcelona

Рыболовство в мезолите – раннем неолите Волго-Окского междуречья по материалам стоянки Замостье 2¹

Стоянка Замостье 2 (Московская область), расположена на берегу реки Дубна, притока Волги. Содержит

культурные слои позднего мезолита и раннего неолита, которые датируются в интервале с начала VII до второй

1 Работа выполнена при поддержке проекта (I+D) HAR2008-04461/HIST, Recursos olvidados en el estudio de grupos prehistóricos: el caso de la pesca en sociedades meso-neolíticas de la llanura rusa, Министерства Науки и Развития Испании.

половины VI тысячелетия cal BC (начало атлантикума). Поселение охотников-рыболовов было приурочено к берегу древнего озера или протоки, размеры которых были подвержены значительным колебаниям. О важной роли рыболовства свидетельствуют многочисленные остатки костей и чешуи рыб, а также различные орудия и приспособления из кости и дерева, связанные с процессом рыбной ловли и переработкой рыбы.

Для ихтиологического анализа, проведенного Н. Десс-Берсе и В. Раду, были отобраны фаунистические остатки из двух специальных колонок 25×25 см (сито 2 мм) и из промывки (сито 5 мм) одного квадрата из раскопа 1995–2000 гг., всего 13364 единицы. Было выявлено 11 видов рыб, среди которых наиболее важными были щука, карповые и окунь. Среди карповых во всех слоях встречается плотва, карась и язь; лещ, уклейка и линь появляются спорадически. Судак и сом представлены единично только в нижнем слое мезолита (НМ), где отмечено наибольшее разнообразие видов (9). Сопоставление костей щуки, самого быстрорастущего из представленных видов, с эталонными образцами показало, что большинство особей было выловлено в течение весны, вероятно, в период нереста.

На стоянке Замостье 2 представлены разнообразные орудия для рыбной ловли. Гарпуны или зубчатые острия наиболее эффективны для битья рыбы на мелководье, особенно в период нереста, когда рыбы менее боязливы. Они найдены во всех слоях (НМ – 9, ВМ – 18), но наиболее многочисленны они в слое РН (60 экз.). Гарпуны различаются по размерам, массивности, числу и форме зубцов (Лозовский и др., 2010).

О применении сетей имеются лишь разрозненные свидетельства: три поплавок и костяная «иглолка для плетения сетей» в слоях мезолита, мелкие обрывки веревочек. На широкое применение лодок указывают находки деревянных весел – 6 обломков лопастей разных типов – что может свидетельствовать об эксплуатации разных типов водоемов.

К индивидуальным способам лова относятся рыболовные крючки (35 экз.). Они также представлены во всех слоях, но различаются типологически (Лозовский, Лозовская, 2010. Рис. 5). В верхнем слое мезолита (ВМ) найдена серия плоских иволистных «крючков» с прорезанным посередине отверстием (17 экз.). В слое РН представлен фрагмент массивного крючка из дерева. Крючки часто используют для хищных видов рыб, таких как сом или судак (НМ); в раннем неолите они могли служить и для ловли щук – единственного выявленного хищника. Экспериментально-трапезологические исследования рыболовных крючков

(Clemente Conte et al., в печати) позволили выявить различия в следах износа от зубов разных видов рыб (в частности, окуня, судака и сома/форели).

Применялись также стационарные рыболовные сооружения – верши-ловушки с системой закола. Верши представляют собой конической формы объекты из расщепленных сосновых лучин, имевшие в момент их открытия в 1989 году длину 2 и 2,5 м (Lozovski, 1999). Тонкие (1 см) длинные лучины были скреплены между собой обвязкой из растительных волокон; обвязка огибала каждую лучину по периметру. Ловушки были дополнительно укреплены расколотыми плахами и длинными ветками, на одной сохранился фрагмент крупной обвязки типа лыка. Первая полученная для вершей прямая дата 6550±40 BP (Beta-283033) или CalBC 5600–5600 и CalBC 5560–5470 соответствует раннему неолиту на этой территории.

Верши обычно устанавливаются в проточной воде и перегораживают «выходы» («ворота»), оставленные в заколе. Остатки закола выявлены в виде двух цепочек кольев – 29 небольших глубоко вбитых кольев вплотную примыкали к вершам с севера, вторая группа из 18–20 кольев располагалась в 4–5 м в югу, обе поперек оси вершей. В 2010 году впервые была произведена подводная разведка примыкающего к вершам участка дна реки Дубна под руководством А.Мазуркевича. На площади около 70 кв. м было выявлено более 100 новых кольев диаметром 5–10 см, часть из которых является продолжением закола.

Отмечены изменения в стратегии рыбной ловли, происходившие на протяжении позднего мезолита и раннего неолита. В мезолитических слоях основные зафиксированные способы ловли – на лодках, сетями и гарпунами, скорее всего, на озере или весной на затопляемых паводком участках; использование крючков, в том числе иволистных в слое ВМ, на хищных рыб. Для раннего неолита характерно активное использование гарпунов в период нереста и строительство закола с вершами в проточной воде; ловля на крючок приобретает более регулярный характер.

Для исследованной выборки рыбных остатков зафиксировано немного следов антропологического воздействия, в частности, следы огня отмечены на 0,5% костей. С другой стороны, в костяном инвентаре стоянки среди многочисленных ножей из ребер лося (не менее: НМ-36, ВМ-410, РН-136) обнаружены изделия с признаками износа (ВМ), характерными для чистки рыбы (Клементе Конте, Гиря, 2003). Это указывает на обработку рыбы для приготовления или заготовки впрок.

Клементе Конте И., Гиря Е.Ю., 2003. Анализ орудий из ребер лося со стоянки Замостье 2 (7 слой, раскопки 1996–97 гг.) // Археологические Вести. СПб. №10

Лозовский В.М., Лозовская О.В., 2010. Изделия из кости и рога ранне-неолитических слоев стоянки Замостье 2 // Человек и древности. М.

Clemente Conte I., Gyria E., Maigrot Y., van Gijn A., Lozovskaya O. Mesolithic hooks and others fishing tools from Zamostje 2: use

and manufacturing // Materials of 8th international conference the Mesolithic in Europe. – в печати.

Chaix L., 2003. A short note on the Mesolithic fauna from Zamostje 2 (Russia) // Mesolithic on the move. Oxford.

Lozovski V., 1999. Archaeological and ethnographic data for fishing structures // Bog Bodies, Sacred Sites and Wetland Archaeology. Exeter.

Неолит – энеолит Верхнего и Среднего Прикамья. Вопросы происхождения и хронологии

В неолите Прикамья выделяется две культурные группы. Одна из них связана с керамикой, орнаментированной гребенчатым штампом (камская), другая – с керамикой, орнаментированной с помощью накола (волго-камская). Если происхождение первой группы исследователи связывают с дальнейшим развитием местных позднемезолитических культур, то происхождение второй – со значительным влиянием населения, пришедшего из лесостепных районов Поволжья (средневожская культура) (Лычагина, 2008. С. 59–85).

Вопрос о времени и механизмах формирования местной керамической традиции до сих пор остается дискуссионным. Ряд исследователей связывает этот процесс с сильным влиянием (вплоть до прямого заимствования) лесостепных культур (Выборнов, 2008а. С. 157–180). Другие исследователи настаивают на самостоятельности данного процесса (Лычагина, 2006. С. 121–124). При решении этого вопроса важным является установление его хронологических рамок.

Благодаря исследованиям последних лет, в радиоуглеродных лабораториях Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска и Киева было получено около 30 дат для неолитических памятников региона (Выборнов, 2008б. С. 15–24; Лычагина, 2011. С. 28–33). Исходя из них, камская неолитическая культура может быть датирована в пределах середины VI тыс. до н.э. – пер. пол. IV тыс. до н.э. в калибровочных значениях. Бытование традиции накольчатой орнаментации керамики на территории Верхнего и Среднего Прикамья может быть отнесено к концу VI – первой половине V тыс. до н.э. Таким образом, мы можем констатировать, что памятники с гребенчатой традицией орнаментации керамики появляются несколько раньше, нежели памятники с накольчатой традицией.

Схема развития неолитических культур на территории Верхнего и Среднего Прикамья может выглядеть следующим образом.

Первый этап – раннеэнеолитический – предположительно датируется в пределах второй половины – конца VI тыс. до н.э. Для него характерны памятники как с накольчатой, так и с гребенчатой керамикой.

Второй этап – хуторской – может быть отнесен к первой половине – середине V тыс. до н.э. Для него также характерно сосуществование памятников с различными традициями орнаментации посуды.

Третий этап – левшинский – можно датировать в пределах середины – второй половины V тыс. до н.э.

На этом этапе нам известны только памятники с гребенчатой керамикой.

Предложенная схема в целом близка современной периодизации неолита сопредельных территорий Нижнего Прикамья и Камско-Вятского междуречья. Дальнейшая работа по датированию неолитических памятников региона, скорее всего, приведет к полной синхронизации этих периодизаций. Вопрос же о появлении первой керамики на данной территории может быть решен только после выявления и исследования новых раннеэнеолитических памятников.

В энеолите Прикамья выделяется несколько археологических культур или типов памятников – гаринские, борские и новоильинские (Наговицын, 1987. С. 28–34). Итоги радиоуглеродного датирования памятников новоильинской культуры подтверждают ее раннеэнеолитический возраст (Лычагина, Выборнов, 2009. С. 33–37). На сегодня время существования новоильинской культуры может быть отнесено к концу V – началу III тыс. до н.э. (даты калиброванные).

Таким образом, рубеж V–IV тыс. до н.э. может рассматриваться как время сосуществования позднеэнеолитических и раннеэнеолитических памятников на территории Прикамья, а позднеэнеолитические памятники левшинского типа рассматриваться как одна из основ, на которой шло формирование новоильинской культуры. В то же время распространение пористой керамики в Прикамье может быть отнесено ко времени не ранее середины IV тыс. до н.э. В частности, гаринская культура может быть датирована в пределах середины IV – начала II тыс. до н.э., а борская в пределах III тыс. до н.э. (Мельничук, 2009. С. 14–17; Лычагина, 2010. С. 107–108).

Происхождение гаринской культуры, возможно, связано с памятниками токсского типа, распространенными на территории лесостепного Поволжья (Королев, 2008. С. 1258–1264; Королев, Шалапинин, 2009. С. 285–291). Формирование же локальной группы памятников борского типа, керамика которой несет в себе черты как раннегаринской (формовочные массы, формы венчиков), так и новоильинской (основные орнаментальные композиции), возможно, шло на основе синтеза гаринской и новоильинской культуры. Для более объективного рассмотрения данной проблематики необходимо продолжить работы по всестороннему анализу материальной культуры и радиоуглеродному датированию энеолитических памятников Прикамья.

- Выборнов А.А., 2008а. Неолит Волго-Камья. Самара.
- Выборнов А.А., 2008б. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолитической керамики Волго-Камья // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4.
- Королёв А.И., 2008. Актуальные вопросы изучения энеолита лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 10, №4.
- Королёв А.И., Шалапинин А.А., 2009. Керамика третьей группы стоянки Чекалино IV и проблемы взаимодействия населения лесостепи и леса в позднем энеолите // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 11, №6.
- Лычагина Е.Л., 2006. О связях «леса» и «лесостепи» в эпоху неолита (на примере памятников с накольчатой керамикой) // Пятые Берсовские чтения. Материалы региональной конференции. Екатеринбург.
- Лычагина Е.Л., 2010. Поздний неолит – ранний энеолит Прикамья. Вопросы хронологии // III Северный Археологический Конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург–Ханты-Мансийск.
- Лычагина Е.Л., 2011. О хронологии и периодизации неолита Верхнего и Среднего Прикамья // Археология, этнография и антропология Евразии. 1(45).
- Лычагина Е.Л., Выборнов А.А., 2009. К вопросу о происхождении и хронологии новоильинской энеолитической культуры // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. Археология и история. №2.
- Мельничук А.Ф., 2009. Зауральские керамические комплексы на памятниках неолита и палеометалла Среднего Приуралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск.
- Наговицын Л.А., 1987. Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР: Археология СССР. М.

А.Н. Мазуркевич

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

О моделях неолитизации Восточной Европы

В разное время существовали разные оценки неолита, его содержания и хронологических рубежей. Для характеристики начала неолита традиционно использовались такие признаки, как появление глиняной посуды и шлифованных орудий. После выхода работ Чайлда сложилась концепция, учитывающая особенности природного окружения и уровень адаптации к нему населения, где последние факторы определяют историческое и культурное развитие популяции (Ошибкина, 1996. С. 8). Накопленные материалы по раннеэнеолитическим культурам и памятникам Европы, их радиоуглеродные датировки, данные по климатической обстановке (Weninger et al., 2006) спровоцировали новую волну дискуссии о путях, моделях и формах распространения неолитических инноваций (Долуханов, 2000; *La révolution néolithique...*, 2007; Cauwe et al., 2007; Davison et al., 2009; Fort, 2009; Feugier et al., 2009).

В основу данного исследования было положено изучение глиняной посуды как системы, которая анализируется сквозь призму субсистем морфологии, орнаментации и технологии изготовления древней посуды (Бобринский, 1978; Shepard, 1985; Rye, 1981; Rice, 1987; Gosselain, 2002). Подобный комплекс методов позволит выделить керамические традиции, свойственные разным культурам. Керамические традиции характеризуются набором определенных повторяющихся технологических операций, выработанных в течение жизни нескольких поколений, что и делает последние культурноопределяющим признаком. Таким образом, они могут являться маркерами происходивших культурно-исторических процессов. Опи-

сание и сопоставление наиболее древних керамических традиций позволит ответить на вопросы об особенностях, механизмах и характере процесса распространения «неолитического пакета».

Детальный анализ глиняной посуды раннеэнеолитического времени, происходящей из Днепро-Двинского междуречья, позволил выделить несколько различных керамических традиций. Многочисленность аналогий, которые можно указать для керамических материалов Верхнего Подвинья, и разнообразие традиций в изготовлении глиняной посуды – это отражение специфики распространения элементов неолитического пакета на просторах Восточной Европы. Они являются отражением многоступенчатости распространения навыков изготовления глиняной посуды из различных культурных центров Восточной Европы.

Мы можем выделить несколько самостоятельных центров в степной зоне Восточной Европы, где распространяется неолитический пакет и в которых ранее всего появляется производство глиняной посуды. Это область распространения ракушечной (Белановская, 1995) и буго-днестровской культуры.

Материальная культура поселения Ракушечный Яр, по-видимому, стоит связывать с анатолийско-ближневосточным влиянием, что подтверждают особенности морфологии и технологии сосудов, наличие окрашенных охрой изнутри фрагментов, каменных сосудов, появление производящего хозяйства. Наиболее древняя керамика, представленная на этом памятнике, имеет плоские днища, прямые или чуть профилированные венчики; толстостенная и тонкостенная, со следами заглаживания галькой,

«расчесами», неорнаментированная или украшенная прочерченными линиями, организованными в сетку. Эта традиция изготовления фиксируется на различных территориях лесной и лесостепной зоны Восточной Европы. В бассейне Нижней Волги и Северном Прикаспии складывается традиция изготовления керамики, орнаментированной в прочерченно-отступающей манере и треугольными наколами (Выборнов, 2008). Пока остается открытым вопрос об истоках данной керамической традиции и ее соотношении с ракушечноярской. Культурный импульс из этого центра фиксируется на огромной территории, охватывая культуры лесостепной и лесной зоны Восточной Европы (Микляев и др., 1987. С. 170; Мазуркевич, 1994. С. 82). Можно предположить влияние на территорию Буго-Днестровского междуречья культур Балканского полуострова (Котова, 2002), которые опосредованно и передают традицию орнаментации керамики с помощью ракушки или инструмента, оставляющего очень похожие отпечатки.

Из первых восточноевропейских центров начинают «исходить культурные импульсы», фиксируемые археологически по керамике – «керамические волны» – на все пространство Восточно-Европейской равнины. У мезолитического населения Европы была уникальная возможность наблюдать со стороны жизнь пришельцев с производящим хозяйством, проживая с ними бок о бок. Их образ жизни вступал в негласную конкуренцию с новой идеологией пришлого населения, которая зиждется на других принципах организации общества. Готовность мезолитического населения к восприятию престижных форм культуры являлась важным фактором в распространении пре-

стижных составляющих «неолитического пакета» на территории Европы, что привело к неравномерности распространения этого пакета. Исходя из этих соображений была сформулирована идея «революции изготовления керамики», которая происходит на территории Восточной и части Западной Европы, обозначаемая западноевропейскими исследователями термином атлантический мезолит, мезолит с керамикой. Мы фиксируем заимствование одного из компонентов «неолитического пакета», который, видимо, обладал высоким статусом в пришлой культуре и занял такое же престижное место в местной культуре.

По всей видимости, нужно говорить о двух разных моделях неолитизации для территории Восточной Европы. Первая из них – «стандартная» – распространение пакета инноваций, который маркирует наступление неолитической эпохи: изготовление глиняной посуды, производящее хозяйство, архитектура, каменные сосуды. Другая модель – «септентриональная» (появление только определенных традиций изготовления глиняной посуды). Появление навыков изготовления керамики, точечное их распространение и дальнейшая «экспансия» на пространства Восточной Европы, их развитие – это два разных процесса. Мы считаем, что необходимо разделять действительно процесс распространения «неолитического пакета» и дальнейшее распространение керамических традиций в мезолитической среде уже из других, вторичных центров, находящихся в лесной и лесостепной зонах. Прекращение развития первичных ранне-неолитических традиций можно рассматривать как конец раннего неолита, который на разных территориях произошел в разное время.

Белановская Т.Д., 1995. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб.
 Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.
 Выборнов А.А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара.
 Долуханов П.М., 2000. Истоки этноса. СПб.
 Котова Н.С., 2002. Неолитизация Украины. Луганск.
 Мазуркевич А.Н., 1994. О раннем неолите Ловатско-Двинского междуречья // ПАВ. № 9.
 Микляев А.М., Мазуркевич А.Н., Долуханов П.М., Зайцева Г.И., 1987. О раннем неолите севера Смоленской и юга псковской областей // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС (Суздаль 1987). М.
 Ошибкина С.В., 1996. Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии. М.
 Cauwe N., Dolukhanov P., Kozłowski J., van Berg P-L., 2007. Le Néolithique en Europe. Paris.
 Davison K., Dolukhanov P.M., Sarson G.R., Shukurov A., Zaitseva G.I., 2009. Multiple Sources of the European Neolithic: Mathematical

Modelling Constrained by Radiocarbon Dates // The East European Plain on the Eve of Agriculture. BAR International Series 1964. Oxford.
 Feugier F.G., Sarson G.R., Shukurov A., Dolukhanov P.M., 2009. Population Spread Along Self-organized Paths // The East European Plain on the Eve of Agriculture. BAR International Series 1964. Oxford.
 Fort J., 2009. Mathematical Modelling of the Neolithic Transition: a Review for Non-Mathematicians // The East European Plain on the Eve of Agriculture. BAR International Series 1964. Oxford.
 Gosselain O., 2002. Poteries du cameroon meridional. Paris.
 La révolution néolithique en France. 2007. Paris.
 Rice P.M., 1987. Pottery analysis. Chicago.
 Rye O., 1981. Pottery technology. Washington.
 Shepard A., 1985. Ceramics for the archaeologist. Washington.
 Weninger B., Alram-Stern E., Bauer E., Clare L., Danzeglocke U., Jöris O., Kubatzki C., Rollefson G., Todorova H., van Andel T., 2006. Climate forcing due to the 8200 cal yr BP event observed at Early Neolithic sites in the eastern Mediterranean // Quaternary Research. # 66. Washington.

А.Н. Мазуркевич, Е.В. Долбунова
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Подводные исследования неолитических памятников Северо-Запада России¹

В ходе исследований на территории Днепро-Двинского междуречья был открыт ряд археологических памятников разного времени, расположенных сейчас под водой (Dolukhanov, Mikljaev, 1986; Mazurkevich, Dolbunova, 2011; Mazurkevich et al., 2011). Все они находятся в водоемах, приуроченных к особым экологическим нишам (на границе нескольких типов ландшафтов, выгодных для круглогодичного обитания, связанных с цепочкой поозерий).

Обнаружение первых торфяниковых памятников в 1963 г. сразу поставило вопрос о разработке методики работ на подобных памятниках. Постоянный поиск и усовершенствование методики привело к разработке трехмерной фиксации на памятнике Рудня Сертейская в 1984–1987 гг. Исследования 1973 г. другого торфяникового памятника Сертея II, расположенного на берегу реки Сертейка, подняло вопрос об организации подводных раскопок ввиду неэффективности проведения наземных работ. Высокая степень сохранности на этих памятниках требовала разработки комплекса методов исследования, который и был предложен в конце 1960-х гг. А. М. Микляевым (Микляев, 1971; 1983) и включал сочетание археологических, естественно-научных методов, ГИС-технологий. Первые подводные исследования на территории Северо-запада России были проведены А.М. Микляевым в 1979 г. на озере Сенница (Псковская область). Здесь были открыты поселения раннего-среднего неолита, получившие названия Дубокрай I–VI, а также железоделательная мастерская Мосты (Микляев, 1982; Микляев, 1990). Позже в 1983 г. А.М. Микляев и А.Н. Мазуркевич начали исследовать методами подводной археологии свайное поселение позднего неолита Сертея II, расположенное на реке Сертейке (Смоленская обл.).

В ходе раскопок памятника Сертея II удалось разработать оптимальную методику работ в водоемах в условиях плохой видимости, низкой температуры воды, небольших глубин (Мазуркевич и др., 2000; Мазуркевич, 2010). При разработке подводной методики работ основным являлось стремление максимально придерживаться принципов археологических наземных работ – расчистка по слоям, точная фиксация всех объектов и находок, постоянная фото и видео фиксация, составление подробных планов. Разработанная здесь методика позволила расчищать сложные объекты (остатки деревянных сооружений, ямы, в которых находились остатки коробов, мусорные завалы), поднимать на поверхность и консервировать

многочисленные предметы из органических материалов, реконструировать древнюю поверхность свайного поселения. Хорошая сохранность древесины позволила проводить анализы пород и построить дендрощкалу, которая в сочетании с радиоуглеродными датами предоставила необходимые данные для реконструкции периодов обитания на этом памятнике. Благодаря проведенному трасологическому анализу костяной индустрии удалось восстановить хозяйственную направленность коллективов, обитавших в различных домах этого поселения. Анализ глиняной посуды и каменного инвентаря из каждой постройки позволил проследить динамику изменения населения (Mazurkevich et al., 2011).

В 2010 г. нами были впервые начаты подводные исследования на памятнике Сертея I, расположенном на реке Сертейка. Он был обнаружен в 1972 г. А.М. Микляевым по отдельным сваям в воде и по материалу, найденному в отвалах канала. Нами было обследовано русло реки на протяжении 50 м. Здесь отдельные скопления свай локализовались в трех местах. Был выбран один из участков, где материал залегал *in situ*. Проведенные подводные и наземные исследования указывают на то, что по всей видимости, здесь мы имеем дело действительно с рыболовными заколами или с местами кратковременного посещения, что предполагал еще А.М. Микляев.

В ходе первых исследований на дне озера Сенница были открыты памятники Дубокрай I–VII, датирующиеся периодом раннего-среднего неолита, с остатками конструкций. В 2010 г. нами были возобновлены работы на оз. Сенница, в результате которых было уточнено расположение известных памятников Дубокрай II и IV, определены границы их площади, в результате чего территория последнего была разделена на два участка – IV/1 и IV/2. Был открыт новый памятник, получивший название Дубокрай VIII, с остатками материалов среднего-позднего неолита и каменной выкладкой-очагом. Эти памятники расположены вдоль берега озера на возвышенных участках рельефа озерного дна, разделенных палеоводоемами, ныне скрытых водами озера Сенница.

Памятники, расположенные под водой, сложны с точки зрения методики раскопок, дальнейшего консервирования и их сохранения, но они дают бесценную информацию о прошлом. Изучение ландшафтов и картирование находок позволяет предположить существование подобных памятников в торфяниках и озерах соседних регионов.

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ 10-01-00553а/Б.

- Мазуркевич А.Н., Кротов Я.А., Коноваленко В.В., 2000. Методика подводных исследований археологических памятников, расположенных на малых глубинах по материалам работ Северо-Западной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Изучение памятников морской археологии. СПб. № 4.
- Мазуркевич А.Н., 2010. О методике подводных разведок и раскопок во внутренних водоемах Северо-Запада России // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России. Тезисы конференции. СПб.
- Микляев А.М., 1971. Неолитическое поселение на Усвятском озере // АСГЭ. № 13.
- Микляев А.М., 1982. О разведках свайных поселений III–II тысячелетий до н.э. в Псковской и Смоленской областях // Древние памятники культуры на территории СССР. Л.
- Микляев А.М., 1983. Археологическая география: предмет, задача, метод // АСГЭ. № 25.
- Микляев А.М., 1990. Подводные археологические исследования озера Сенница в 1982–1987 гг. // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л. LIV.
- Dolukhanov P.M., Mikljaev A.M., 1986. Prehistoric lacustrine pile dwellings in the north-western part of the USSR // Fennoscandia archaeologica. № VI.
- Mazurkevich A., Dolbunova E., 2011. Underwater investigations in Northwest Russia: archaeology of pile-dwellings // Underwater Archaeology and the Submerged Prehistory of Europe.
- Mazurkevich A., Dolbunova E., Maigrot Y., Hookk D., 2011. The results of underwater excavations at Serteya II, and research into pile-dwellings in Northwest Russia // Archaeologia Baltica. Klaipeda. In press.

Н.П. Макаров*Краевой краеведческий музей, Красноярск*

Неолит Средней Сибири

Географические особенности Средней Сибири, протянувшейся вдоль Енисея с юга на север почти на 3000 км, определили различную степень изученности древних культур региона. Большая часть памятников эпохи неолита открыта и раскопана в среднем течении Енисея на территории Красноярско-Канской лесостепи и таежных районов Северного Приангарья. Особенно плодотворными в неолитоведении этих территорий оказались шестидесятые–восьмидесятые годы двадцатого столетия, когда исследователями научных центров Ленинграда, Новосибирска, Иркутска, Красноярска были раскопаны десятки памятников (Васильевский и др., 1988; Савельев, 1989; Макаров, 2005). Кроме того, для археологии Нижней Ангары новый импульс был получен в связи с организацией в 2006–2010 гг. широкомасштабных работ экспедиции ИАЭТ СО РАН в зоне затопления Богучанской ГЭС.

Накопленные источники позволяют прийти к следующим выводам. Неолитическая культура в бассейне Енисея зарождалась на базе местной мезолитической культуры. Хронологический рубеж мезолита и неолита, по серии радиоуглеродных дат на опорных памятниках Казачка и пещера Еленева определен около 7 тыс. л. н. Уже на этапе позднего мезолита появляются основные типы орудий, широко распространяющиеся в неолите. В мезолитических горизонтах пещеры Еленева зафиксированы подшлифованные тесла, двусторонне обработанные каменные наконечники стрел, бифасиально обработанные ножи и ретушированные микропластинки. Этап раннего неолита датируется V тыс. л. до н.э. Широко распространяются

этот период костяные пазовые наконечники. Сохранившиеся в пазах призматические микропластинки не ретушированы. Изделия из камня представлены теслами, скребками, наконечниками стрел, призматическими и клиновидными нуклеусами. В раннем неолите появляется сетчатая, гусенично-гребенчатая и шнуровая керамика посольского типа.

Общая стратиграфия опорных памятников и даты по ^{14}C определяют развитый неолит региона IV тыс. до н.э. Глиняная посуда характеризуется ямочно-гребенчатой орнаментацией и оттисками отступающей лопаточки. Фрагменты с волнисто-струйчатой орнаментацией находят аналогии в западносибирских комплексах, что свидетельствует о миграционных процессах населения данного региона. В каменном инвентаре – тесла и топоры с ушками. Наконечники стрел треугольной формы с вогнутой базой. Преобладают клиновидные и призматические нуклеусы, а так же встречены отдельные экземпляры нуклеусов-дрелей с резовыми сколами. Концевые скребки выполнены большей частью на пластинчатых отщепах.

Для позднего неолита выделяется пунктирно-гребенчатый керамический пласт, датированный древнее 4500 л. н. Наконечники стрел треугольной формы с вогнутой базой, ножи из кремня и нефрита имеют односторонне скошенное лезвие. Универсальными для всех этапов неолита являются костяные изделия: иглы, проколки, украшения-подвески, изогнутые острия для рыбной ловли. В целом, этап позднего неолита датируется рубежом IV–III – первой половиной III тыс. до н.э.

- Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И., 1988. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск.
- Макаров Н.П., 2005. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск.
- Савельев Н.А., 1989. Неолит юга Средней Сибири. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.

В.А. Манько*Крымский филиал Института археологии НАН Украины, Киев*

Проблемы происхождения неолитических индустрий Северного Приазовья и Горного Крыма

Неолитическая эпоха связана с распространением большого количества различных инновационных технологий и новых методов ведения хозяйства. Многие из этих инноваций не связаны с развитием культуры автохтонного населения, а происходят из регионов первичной неолитизации, то есть с Ближнего и Среднего Востока.

В разряд подобных технологических инноваций в Северном Приазовье и в Горном Крыму следует относить развитие отжимных методов получения пластинчатых заготовок, распространение отдельных типов геометрических микролитов, распространение каменной посуды, а затем и керамики. В хозяйственной сфере главной инновацией стало возникновение ранних форм производящей экономики. Поскольку начало развития всех перечисленных инноваций не связано с описываемым регионом, то встает вопрос о соотношении роли миграций и автохтонного развития.

В Северном Приазовье и в Горном Крыму нам известны следующие археологические культуры (с востока на запад): ракушечная, платовоставская, матвеевокурганская, нижнедонская, кукрекская, азово-днепровская, таш-айрская. Как видим, неолит региона характеризуется удивительным разнообразием. Логично предположить, что лишь часть носителей перечисленных культур могла быть связана с миграционными процессами.

Действительно, типологический анализ кремневого инвентаря показывает, что несколько неолитических культур были связаны с развитием автохтонных мезолитических индустрий. К их числу мы должны относить платовоставскую, азово-днепровскую

и таш-айрскую культуры. Три указанных культуры формировались в разное время в период конца VIII – начала VI тыс. до н.э. Тем не менее, в их основе, на мой взгляд, прямо либо опосредованно, лежит шан-кобинская индустрия. В случае с таш-айрской индустрией мы наблюдаем прямую преемственность, когда состав геометрических микролитов исходной и конечной индустрий абсолютно совпадают. В случае с платовоставской культурой мы наблюдаем трансформацию исходной индустрии, приведшую к образованию инновационных форм сегментов с двусторонней ретушью. Азово-днепровская индустрия представляет собой всего лишь обедненный вариант таш-айрской, характеризуется унификацией технологии производства геометрических микролитов.

Абсолютно непонятным является статус ракушечной культуры. Отсутствие представительных кремневых комплексов не дает нам возможности сделать какие-либо выводы. В то же время, следует поставить вопрос о том, что ракушечная культура является культурой-фантомом, связана либо с платовоставской, либо с матвеевокурганской культурами.

Матвеевокурганская, нижнедонская и кукрекская индустрии, безусловно, образовались в результате миграционных процессов. Кремневые индустрии указанных культур не связаны с какой-либо археологической культурой мезолита Восточной Европы, но в то же время демонстрируют подобие ряду ранне-неолитических индустрий Ближнего и Среднего Востока, в том числе с индустриями Млефатъен, Немрикъен, индустрией верхних слоев Джармо.

В.Е. Медведев*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск*

О современных тенденциях в исследовании неолита юга Дальнего Востока России. Нижнее Приамурье

В настоящее время в археологии Нижнего Приамурья известно пять неолитических культур: осипов-

ская (начальный), мариинская (ранний), малышевская (ранний и средний), кондонская (ранний и сред-

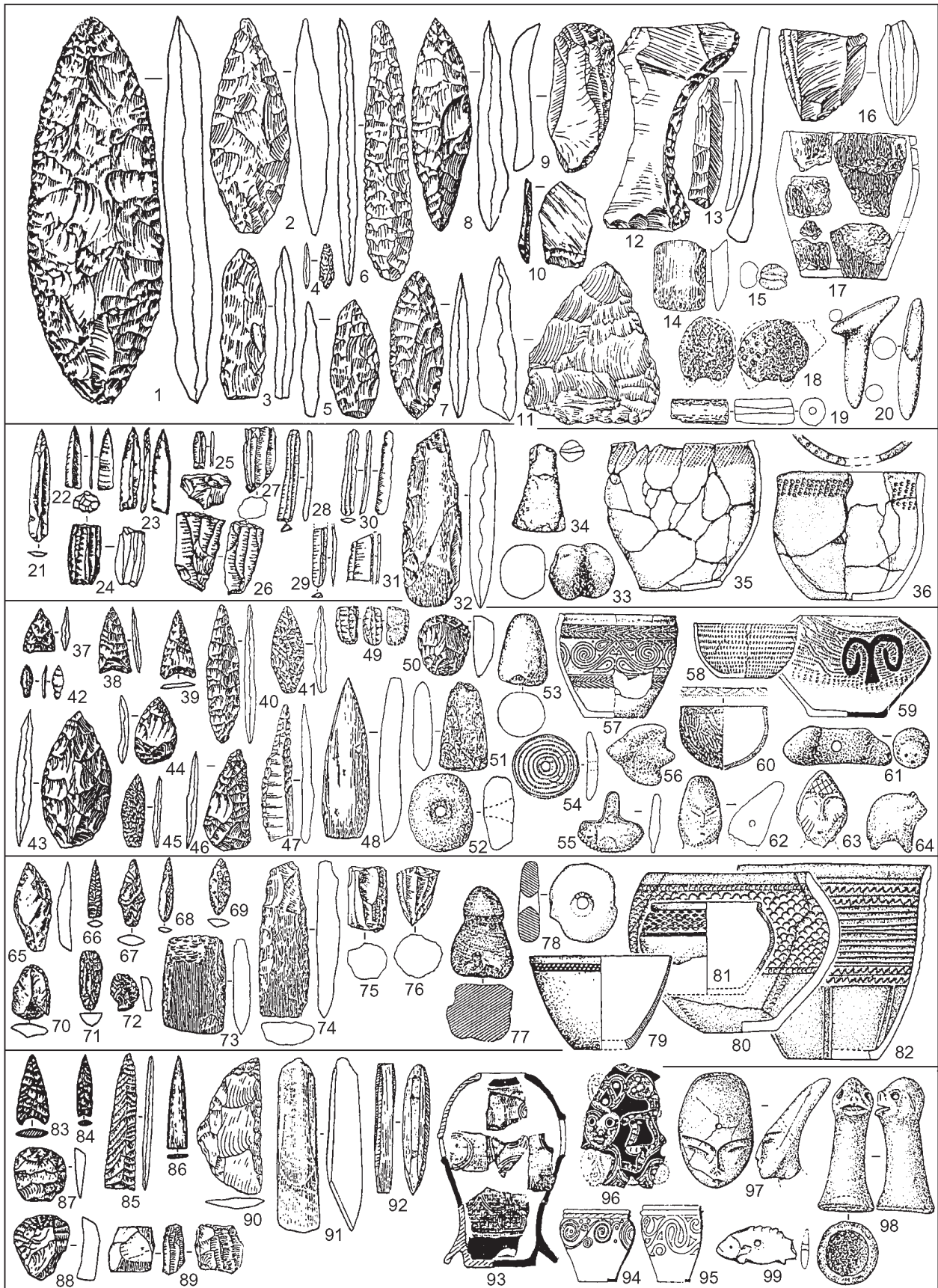

Рис. 1

Комплексы инвентаря неолитических культур Нижнего Приамурья. 1–20 – осиповская; 21–36 – маринская; 37–59, 61–64 – малышевская; 60 – белькачинский комплекс; 65–82 – кондонская; 83–99 – вознесенская. (1–16, 19–34, 37–53, 65–78, 83–92 – камень; 17, 18, 35, 36, 54–64, 79–82, 93–99 – глина). Масштаб различен

ний), вознесенская (поздний) и один комплекс (белькачинский) (рис. 1). Наблюдается устойчивая тенденция существенного удревнения большинства культур.

Наибольший интерес исследователей в последние два–три десятилетия вызывает осиповская культура. Открытие в 1973–1980 гг. на поселениях Сакачи-Алян (Нижний пункт) и Гася керамики возрастом 12960 ± 120 л. н. (Деревянко, Медведев, 1992; Медведев, 1993; 2008; Окладников, Медведев, 1983), в 1990-х гг. на поселении Хумми – керамики возрастом 13260 ± 116 л. н. (Лапшина, 1999) и некоторых других памятниках создало перспективу поиска этого первого искусственного материала в слоях финала плейстоцена и возможность взглянуть по-новому на постпалеолитический период ареала. На памятнике Гася получена не только представительная коллекция керамики, но и исключительно обильный и разнообразный каменный инвентарь, считавшийся ранее мезолитическим, а также украшения, предметы искусства, культа. Рядом – на поселении Госян – вместе с осиповскими изделиями из камня обнаружены сотни фрагментов от нескольких глиняных сосудов. В наше время амурская археология располагает десятками осиповских памятников с древнейшей керамикой. Осиповцы жили оседло, занимались рыболовством, в т.ч. сетевым, охотой, собирательством. Из обожженной глины у них была не только посуда, но и орудия труда, украшения. Наши оппоненты, не признающие существовавшую 10–13 тыс. л. н. осиповскую культуру начальнеолитической, ссылаются на непривычную ее древность. И что главное – на присутствие некоторых изделий из обожженной глины в ряде комплексов Евразии позднего палеолита, при этом без учета, что в последних терракота – явление случайное, не связанное с последующим развитием других культур. На памятниках палеолита не отмечено фактов, связанных с производством керамической посуды, похожих на осиповские. В Среднем Приамурье к началу неолиту относятся ранние этапы громатухинской и новопетровской культур с архаичной керамикой. Есть сведения о находках керамики финала плейстоцена или начала голоцена в Приморье.

Одна из важных проблем неолита региона – преемственная связь осиповской с более поздними культурами. Стратиграфия и даты по C14 на поселении Гася показывают: ранний малышевский слой пере-

крывает поздний осиповский. Ниже по Амуру осиповскую культуру, очевидно, сменила мариинская.

Для кондонской культуры в 1960 – нач. 1970-х гг. на поселении Кондон-Почта получен материал, до сих пор являющийся наиболее востребованным и исследованным в её рамках (Окладников, 1983; 1984). Некоторое время считалось, что неолит памятника представлен только кондонской культурой, при этом упускалось из виду, что еще в 1972 г. на нем были выделены жилища вознесенской, а в смешанных комплексах – материалы малышевской культур. Частично исследован раннекондонский (?) памятник Князе-Волконское-1 (Шевкомуд, Горшков, 2007), но он не дает ответа на вопрос о наличии в коллекциях пос. Кондон-Почта довольно архаичной керамики и значительного пластинчатого инвентаря. Это подтверждают и материалы раскопок памятника Харпичан-4 (Малявин, 2008. С. 154). Актуальным остается вопрос корреляции комплексов кондонской и руднинской культур.

Важной является проблема вычленивания из состава инструментария и керамики поселения Кондон-Почта и других комплексов изделий мариинской культуры с явными чертами пластинчатой индустрии (VIII–VII тыс. до н.э.), выделенной на поселении Сучу. Вещественные, стратиграфические и планиграфические данные по этой культуре вполне репрезентативные, и они заслуживают должного внимания. Примечательно, что в переотложенных слоях поселения Кондон-Почта отмечены артефакты осиповской культуры.

К числу неразработанных в регионе относится тема финального отрезка неолита, в особенности перехода его в фазу металла. На Дальнем Востоке России пока неизвестны памятники энеолита. Открытые на нижнем Амуре комплексы эпохи бронзы немногочисленны (видимо, остатки погребения с набором бронзовых, каменных предметов, керамика на пос. Кондон-Почта; нечто похожее – на памятнике Сарголь; материалы Гырмана). Данное направление в дальневосточной археологии нуждается в дополнительных изысканиях. Не исключено: истоки урильской культуры раннего железного века непосредственно связаны с эпохой бронзы (Бродянский, 2010. С. 24), как в Приморье, где лидовская (эпоха бронзы) и январская (раннее железо) культуры определенное время сосуществовали.

Бродянский Д.Л., 2010. Нерешенные проблемы археологии Приморья // Мустье Забайкалья, загадочные доги и другие древности Тихоокеанских стран. Владивосток.
 Деревянко А.П., Медведев В.Е., 1992. Исследование поселения Гася (общие сведения, предварительные результаты, 1975 г.). Новосибирск.
 Лапшина З.С., 1999. Древности озера Хумми. Хабаровск.
 Малявин А.В., 2008. Харпичан-4: многослойный неолитический памятник (Приамурье) // Окно в неведомый мир: сборник статей к 100-летию со дня рождения академика Алексея Павловича Окладникова. Новосибирск.
 Медведев В.Е., 1993 К вопросу об открытии керамики в восточных районах азиатской части России и на поселении Гася //

Открытие керамики в прибрежных районах Японского моря. (Мат-лы конф. по японск. археологии). Ниигата. (на яп. яз.).
 Медведев В.Е., 2008. Многослойный памятник Сакачи-Алян (Нижний пункт) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Год. сес. ИАЭТ СО РАН. Т. XIV Новосибирск.
 Окладников А.П., 1983. Древнее поселение Кондон (Приамурье). Новосибирск.
 Окладников А.П., 1984. Керамика древнего поселения Кондон (Приамурье). Новосибирск.
 Окладников А.П., Медведев В.Е., 1983. Исследование многослойного поселения Гася на Нижнем Амуре // ИСО АН СССР, № 1.

Шевкомуд И.Я., Горшков М.В., 2007. К вопросу о кондонской культуре в Нижнем Приамурье (исследования поселения Князе-Волконское-1 в 2006 г.) // Северная Евразия в

антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Т. 2. Иркутск.

А.В. Можяев

*Сахалинская Лаборатория Археологии и Этнографии
СахГУ и ИАЭТ СО РАН, Южно-Сахалинск*

Региональные особенности устройства древних и средневековых жилищ острова Сахалин

Появление традиций домостроительства на острове Сахалин происходит в период верхнего палеолита. В раннем и среднем неолите формируется способ хозяйствования, направленный на использование морских и речных биоресурсов, как главного источника пропитания, а в образе жизни – формирование оседлости и возникновение постоянных прибрежных поселений. В этих условиях одним из способов адаптации становится долговременное полуподземное жилище.

Изученные в процессе раскопок особенности жилищ позволяют выявить основные элементы конструкции. Для большинства изученных жилищ к этим элементам относятся котлован, каркас и система отопления. В целом анализ основных элементов жилищ позволяет реконструировать их внешний облик и особенности.

Жилища эпохи палеолита представляли собой наземные строения с ямными очагами. Три жилища выявлено А.А. Василевским на памятнике верхнего палеолита Огоньки 5 (Василевский, 2003).

Долговременные полуподземные жилища на современной дневной поверхности представляют собой углубленные до 1,2 м в землю котлованы. Западины имеют четкой фиксируемую форму.

На Сахалине известны следующие виды форм котлованов древних жилищ:

1. Четырехугольная, близкая к квадрату или прямоугольнику. Данная форма котлована самая древняя

на острове, появляется в эпоху раннего неолита (Грищенко, 2009).

2. Овальная и округлая. Этот тип котлована характерен для более поздней имчинской неолитической культуры. (Василевский, Шубина, 2002).

3. Многоугольная. Пяти- и шестиугольные котлованы жилищ появляются в эпоху палеометалла.

4. Жилища с тоннелем появляются в I тыс. до н.э. Это жилища площадью не менее 100 кв. м.

5. Многокамерные жилища, представляют собой два четырехугольных жилища соединенных небольшим коридором.

Система отопления жилищ представлена очагами и печами. Все выявленные очаги представляют собой простой костер. Зафиксированы два типа печей: глиняные и глиняно-каменные.

Каркас жилища. Анализ взаимного расположения и размеров столбовых ям позволяет определить конструкцию каркаса жилища. Ямы от основных опорных столбов каркаса жилища имеют размеры от 20 до 40 см в диаметре. Жилища может иметь систему ям, расположенных внутри и снаружи котлована.

Таким образом, приведенные выше особенности устройства древних и средневековых жилищ в общих чертах отражает основные принципы домостроительства на острове Сахалин в эпохи палеолита – средневековья.

Василевский А.А., 2003. Периодизация верхнего палеолита Сахалина и Хоккайдо в свете исследований поселения Огоньки 5 // Археология, этнография и антропология Евразии. Вып. 3 (15).

Василевский А.А. Шубина О.А., 2002. Неолит Сахалина и Курильских островов // Вестник Сахалинского музея. Вып. 9.

Грищенко В.А., 2009. Опорные памятники раннего неолита на острове Сахалин (вопросы датировки и содержание этапов периода) // Вестник НГУ. Серия история и филология. Том 8. Вып. 3

О.Л. Морева, Н.А. Клюев

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

Взаимодействие археологических культур Приморья на рубеже среднего и позднего неолита

Одним из основных критериев выделения в Приморье периодов среднего и позднего неолита является орнаментация керамики. Завершают средний неолит 4 и 5 этапы бойсманской культуры.

На четвертом этапе бойсманской культуры декор расположен на шейке сосудов и представлен бордюром из горизонтальных линий, нанесенных отступающей лопаточкой и оттисков овальной и полукруглой формы. Сосуды пятого этапа орнаментированы по всему тулову горизонтальными рядами гребенчатых оттисков. Шейка иногда украшена прямыми и волнистыми линиями.

Поздний неолит представлен зайсановской культурой. Ее начальный этап связан с появлением керамики, орнаментированной заштрихованными треугольниками и вертикальным зигзагом, нанесенными веревкой или прочерчиванием. Произошедшая смена культур большинством исследователей связывается с миграцией нового населения на территорию Приморья. Переходный этап от среднего к позднему неолиту пока не получил достаточного освещения в работах дальневосточных археологов.

В докладе, основанном на анализе керамических комплексов ряда многослойных памятников, приводятся факты взаимодействия двух культур – бойсманской (средний неолит) и зайсановской (поздний неолит).

Исследуя коллекцию поселения Шекляево-7, авторы выделили группу керамики, украшенную преимущественно гребенчатым штампом, которая была локализована в заполнении слабо углубленного жилища. Датировка определяется по углю с пола жилища – 4390±45 л.н. и нагару с сосудов – 4430±45, 4435±45 л.н. и полностью укладывается в рамки позднего неолита. Проведенный анализ позволил прийти к пониманию того, что рассматриваемый керамический комплекс является результатом интеграции двух культурных традиций: местной – бойсманской и пришлой – зайсановской. По технико-технологическим признакам выделяется группа сосудов, отличающихся грубой выделкой: с большим количеством среднезернистой минеральной примеси, плохо выровненными стенками, на которых фиксируются следы крепления лент, часть из них обмазана слоем тонкодисперсной глины. Другая группа характеризуется тонкими, ровными и хорошо заглаженными стенками и мелкой

песчаной примесью. Признаки первой группы соотносятся с зайсановской традицией, второй – с бойсманской. В морфологии культурную основу выделить сложно, так как формы сосудов поздних бойсманцев и ранних зайсановцев близки – это слабо профилированные сосуды без горловины или со слегка намеченной горловиной. Однако по форме венчиков можно судить о смешении признаков и в этой сфере. В коллекции численно преобладают сосуды с «зайсановскими» венчиками, они линзовидные в профиле, с округлой кромкой. Единичные образцы можно соотнести с бойсманской традицией – с уплощенным профилем и горизонтально срезанной кромкой. Декор на 89% представлен бойсманскими орнаментальными мотивами. Наиболее показательными из них являются горизонтальные ряды наклонных гребенчатых оттисков, горизонтальные линии, оттиснутые мелкогребенчатым штампом на шейке, овальные оттиски, ложный волнистый валик и другие. Зайсановские мотивы представлены вертикальным зигзагом, заштрихованными треугольниками и меандром. Любопытно, что поздненеолитические узоры выполнены гребенчатым штампом и отступающей лопаточкой, приемами характерными для средненеолитической традиции и, за исключением единичных образцов, сочетаются в композиции с бойсманскими мотивами (рис. 1).

Таким образом, соотношение признаков бойсманского и зайсановского гончарства в различных областях проявилось не одинаково. В технологии и морфологии прослеживается их значительное смешение, а в орнаментации преобладают бойсманские традиции. Инновации активней всего проникали в технологическую сферу, причем связанную не только с производством посуды, но и с прядением. Свидетельством тому является появление пряслиц, отсутствующих в бойсманской культуре. Но тенденция к сохранению самобытного автохтонного орнамента, самого яркого культурного признака, в котором находят отражение и мировоззренческие аспекты культуры, по нашему мнению, может означать то, что население Шекляево-7, дистанцируется от мигрантов и идентифицирует себя с местным бойсманским населением. Вероятно, появление композиций, в которых сочетаются бойсманские и зайсановские мотивы указывает на попытки адаптации к новой культурной среде, в которой важную роль начинает играть пришлое население.

ние. Исходя из этого, гребенчатый шекляевский комплекс можно определить как «пережиточный» бойсманский. На наш взгляд он является фактическим доказательством контактов бойсманского и зайсановского населения. Вывод подкрепляется и результатами датирования. «Чистые» бойсманские и зайсанов-

ские памятники сосуществуют в период $5315 \pm 115 - 4671 \pm 31$ л.н.

Рассмотренный шекляевский комплекс – пример трансформации местной традиции под инокультурным влиянием. Нам также представлялось целесообразным выяснить: происходил ли обратный процесс

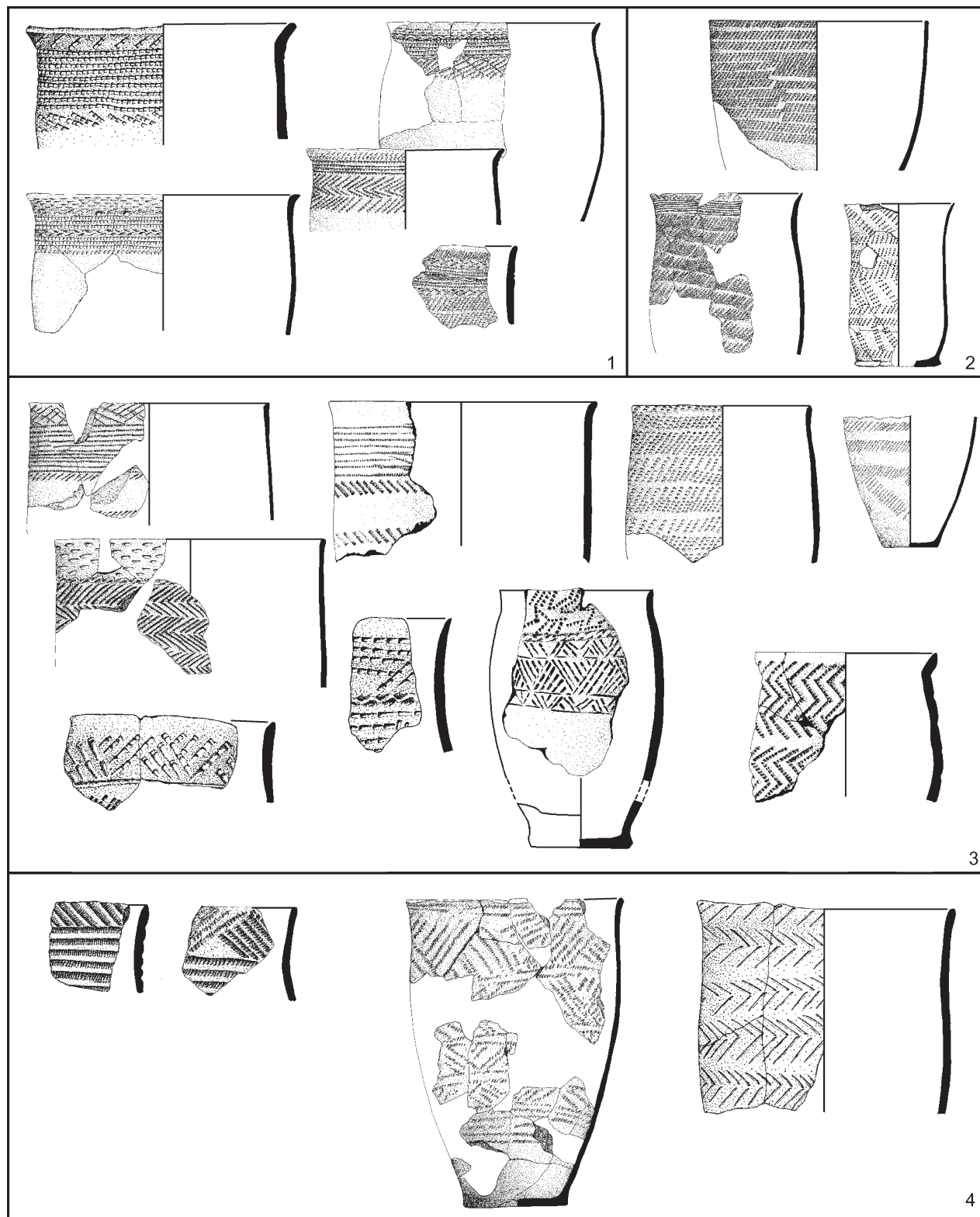

Рис. 1

Сравнительная таблица бойсманской, «пережиточной» бойсманской и зайсановской керамики
 1 и 2 – бойсманская культура (Бойсмана-2), 4 и 5 этап; 3 – пережиточный бойсманский комплекс Шекляево-7;
 4 – зайсановская культура, ранний этап (Бойсмана-2)

– участие среднеолитического субстрата в формировании позднеолитической культуры? В этой связи особый интерес представляют многослойные памятники Устиновка-8, Бойсмана-2, Рыбак-1, Зайсановка-7, Гвоздево-3, Лузанова Сопка-2, в позднеолитических комплексах которых встречена керамика, орнаментированная вертикальным зигзагом, заштрихованными ромбами и треугольниками, в сочетании с гребенчатой керамикой. Примечательно, что на этих памятниках соотношение «пережиточного» бойсманского и зайсановского компонентов различно, при этом на долю раннего приходится не ме-

нее 10%. Перечисленные комплексы относятся к начальным этапам распространения зайсановской культуры. На последующих этапах (хасанский и приханкайский варианты) бойсманские признаки не прослеживаются.

Таким образом, керамические комплексы типа Шекляево-7 и смешанные раннезайсановские маркируют переходный период от среднего к позднему неолиту, в течение которого проходила постепенная аккультурация бойсманских аборигенов зайсановскими мигрантами, сопровождающаяся утратой ранних традиций.

А.А. Орехов

Северо-Восточный Государственный Университет, Магадан

Новые материалы к характеристике древнеберингоморской культуры (ЧАО)

Исследование древнеэскимосских культур, начавшееся еще в 18 в., связано с решением ряда проблем: этно- и культурогенеза эскимосов, успешной адаптации на Севере, приморской адаптации и формирования приморской эколого-экономической системы.

Успешному продвижению в решении данных проблем способствовали исследования отечественных и зарубежных археологов и этнографов: С.И. Руденко (1947), Д.А. Сергеева и С.А. Арутюнова (1969, 1975), Н.Н. Дикова (1977, 1979, 1993), И.И. Крупника (1989), А.А. Орехова (2007, 2008), Э. Нельсона (1890), Г. Коллинза (1964), Г. Гиддингса (1967, 1986), Д. Ларсена и Ф. Райни (1948), Г.Г. Банди (1969), Д.Д. Андерсона (1984), Д.В. Кларка (1984), Д. Дюмона (1987, 1994). Исследовались могильники, а характеристика жилищных и околожилищных комплексов оставалась недостаточной. Однако каждое исследование является продвижением в этом направлении

В 2006–2008 гг. археологический отряд СВГУ исследовал древнеэскимосское поселение Кивак. Древнеберингоморское жилище I полуземляночного типа округлой формы диаметром 9,8 м. было заглублено на 1,5 м. Конструкционные детали: ребра и челюсти китов и ребра моржей. В интерьере жилища – черепа моржей и позвонки кита в качестве сидений и подставок. Жилище разделено линейной конструкцией из поставленных друг на друга в три яруса китовых позвонков и камней. В юго-восточной части – спальные места: слой сфагнома, слой сухой травы и – нерпичьих шкур. Пол выстлан полосами китового уса для гидро- и теплоизоляции.

Возраст жилища 1850 ± 40 л.н. (Beta-255451) относит комплекс к самой ранней стадии культуры. Высокий уровень адаптации и развития Древнеберинго-

морской культуры с раннего этапа ставит ряд вопросов: где, когда и как проходил предшествующий этап адаптации и трансформации континентальной культуры в предковую для Древнеберингоморской или приморскоадаптированная культура проникает с юга, как это предполагал А.П. Окладников. Бойсманская культура Приморья около 6000 л. н. свидетельствует в пользу данного предположения. На Чукотском полуострове фиксируется выход на побережье на стоянке Найван около 8000 л. н.

В жилище представлен комплекс орудий и изделий, характеризующих основные виды и характер экономической деятельности, развитую эколого-экономическую систему. В ней ведущую роль играла морская охота: кости морских животных составляют 70% всех фаунистических остатков. Основными объектами охоты были моржи и тюлени. Обилие костей серого и гренландского кита и «мясные ямы» позволяют предположить существование охоты на китов. Традиционно считается, что экономической основой древнеберингоморской культуры являлась охота на моржей. В качестве доказательств указывался небольшой размер поворотных наконечников гарпунов в отличие от крупных «китовых» наконечников гарпунов культуры Пунук. Следует отметить, что два массивных наконечника пунукского типа были обнаружены в исследованном жилище, что свидетельствует о разнообразии типов наконечников гарпунов уже на раннем этапе развития древнеэскимосских культур, с преобладанием древнеберингоморских. Некоторые (5 экз.) наконечники гарпунов типично древнеберингоморского типа имеют прорези и отверстия для ремешков или жильных плетений пропитанных ядом. Использование яда в охоте на китов отмечается также этнографами у коряков

и айнов. Развитый гарпунный комплекс включает в себя: костяные поворотные наконечники гарпунов, навершия и острия- основания, стабилизаторы-балансиры древков гарпунов (5 экз.), мундштуки (есть и деревянные) (7 экз.) мешков-поплавок, костяные ледовые пики (12 экз.), наконечники копий (3 экз.), полозья саней (21 экз.).

Орудия охоты – деревянные простые и сложные луки, составные луки из китового уса, каменные ретушированные (немногочисленные) и шлифованные наконечники стрел – листовидные и с прямым черешком; костяные наконечники стрел с шипами и без; мужские охотничьи ножи (ранее считались характерными для культур Бирнирк и Пунук); лезвия (23 экз.) и деревянные рукояти (12 экз.).

Орудия рыболовства характеризуют зимний подледный лов у лунки и летний – лососевых: костяные грузила (45 экз.), деревянные полавки удочек (11 экз.) и сетей (6 экз.), сети (3 экз.), сети-сачки (2 экз.) и фигурки рыбок (китов?) (34 экз.) из китового уса, костяные составные крючки (6 экз.), острия составных острог (34 экз.), черпаки для удаления льда из лунки из дерева и китового уса. В охоте на птиц использовались бола, деревянные полавки морских силков, лук и стрелы, праща.

Выделен комплекс детских орудий: 1 – реальные орудия, отличающиеся от «взрослых» размерами; 2 – имитация орудий; 3 – игрушки.

Преобладают орудия мальчиков. Это простые деревянные луки (15 экз.) и из китового уса (11 экз.), размером 0,35–0,52 м., с остатками тетивы из нитей китового уса. Стрелы – деревянные, с имитацией наконечника или с наконечником из китового уса. Два каменных ретушированных наконечника стрел и один наконечник дротика, а также орнаментированное навершие древка гарпуна из моржового клыка. Ножи (3 экз.) и фрагмент рыболовной сети из китового уса. Игрушки представлены моделями лодок, свистками и «жужжалками».

Орудия и изделия девочек – гребень, мотыжки (4 экз.) из моржового клыка и два керамических сосуда без следов нагара. Комплекс детских орудий свидетельствует о ранней социализации детей.

Исследования удревнили появление сланцевых шлифованных (мужских и женских) ножей, наконечников и вставок, что логично, если учесть появление сланцевой шлифованной индустрии в Юго-Восточной Азии около 8 тыс. л. н., а на Аляске – около 4 тыс. л.н.

Поселение было базовым (зимним). Новые материалы дополняют и уточняют характеристику древнеберингоморской культуры, вызывая и новые вопросы.

С.Н. Панина

Свердловский областной краеведческий музей, Екатеринбург

Новые данные в исследовании Усть-Вагильского холма – культового места эпохи неолита – железного века в лесном Зауралье

Памятник расположен в Гаринском районе Свердловской области, на левом берегу р. Тавды в месте впадения в нее р. Вагиль. Это – насыпное сооружение в форме неправильного овала, вытянутого с запада на восток, диаметром 53 м (ВЗ), 48 м (СЮ). Высота холма в западной его части 6 м, в восточной – 5,5 м. Вершина плоская.

Усть-Вагильский холм открыт в 1887 г. тюменским археологом-краеведом И.Я. Словцовым. В 1965 г. он исследован под руководством В.Ф. Старкова (ИА РАН). В 1970 г. раскопки на холме проводились под руководством А.И. Россадович (Нижне-Тагильский краеведческий музей). С 2005 г. ведутся охранные раскопки СОКМ.

Данные разведки В.Ф. Старкова и наших раскопок позволяют предположить, что первоначально в пойме реки находилось неолитическое поселение, на территории которого, в результате обрядов, в том числе, связанных с огнем и жертвоприношениями,

возник холм. Он неоднократно подсыпался в последующее время, начиная с эпохи неолита–энеолита (основной этап существования памятника) до средневековья (эпизодическое посещение).

В основании холма, на глубине 4,45 м вскрыто жертвенное место, на котором двумя компактными группами залежали кости и рога животных (лось, северный олень, собака, соболь, рыбы кости) вместе с человеческими черепами (7). Анатомического порядка при расчистке скоплений костей не прослежено.

Скопления находились на расстоянии 2,20 м друг от друга в направлении СВ-ЮЗ, во внутреннем пространстве, ограниченном дугообразной канавкой, заполненной мощным прокалом, углями. Вдоль канавки с обеих сторон прослеживается ряд обугленных столбов, часть из которых была врыта наклонно. Получены радиоуглеродные даты двух столбов № 3 – 6335±95 (СОАН-6940), № 4 – 6295±125 (СОАН-6941).

Еще одна дата получена из проб деревянного бревна, находившегося внутри сакрального пространства, ограниченного канавкой, но на значительном удалении от скоплений костей и черепов – 6460±100 (СОАН-6942).

Жертвенное место расположено на периферии холма, и канавка, маркирующая границы сакрального/ профанного пространства, внешней дугой отделяет его от центра холма. Стратиграфически прослеживается небольшая земляная насыпь конической формы над скоплением костей, которая, по-видимому, сверху была обложена деревом и подожжена (лента прокала, расположена по дуге над земляным холмиком), затем после остывания золы холмик был перекрыт берестой (прослойки белой бересты в слое так же расположены наклонно).

Возможно, мы имеем дело с одним из самых ранних обрядов на холме. Дата из проб обрубленного рога лося, извлеченного из второго скопления костей животных и черепов – (Ле 8746 – 7920±200).

Полевые исследования последних лет позволили уточнить некоторые особенности обряда (обрядов), совершаемых на холме в эпоху неолита. Скопления остеологических остатков, как зоо-, так и антропоморфных залежали в слое черно-коричневой супеси с вкраплениями белой глины в виде круглых шариков диаметром 3–5 см или продолговатых, круглых в сечении жгутов (длиной 15–30 см, диаметром до 5 см). В некоторых случаях удалось проследить, что эти глиняные жгуты заполняют расколотые трубчатые кости животных. Фрагменты человеческих черепов (теменные и затылочные части) также были заполне-

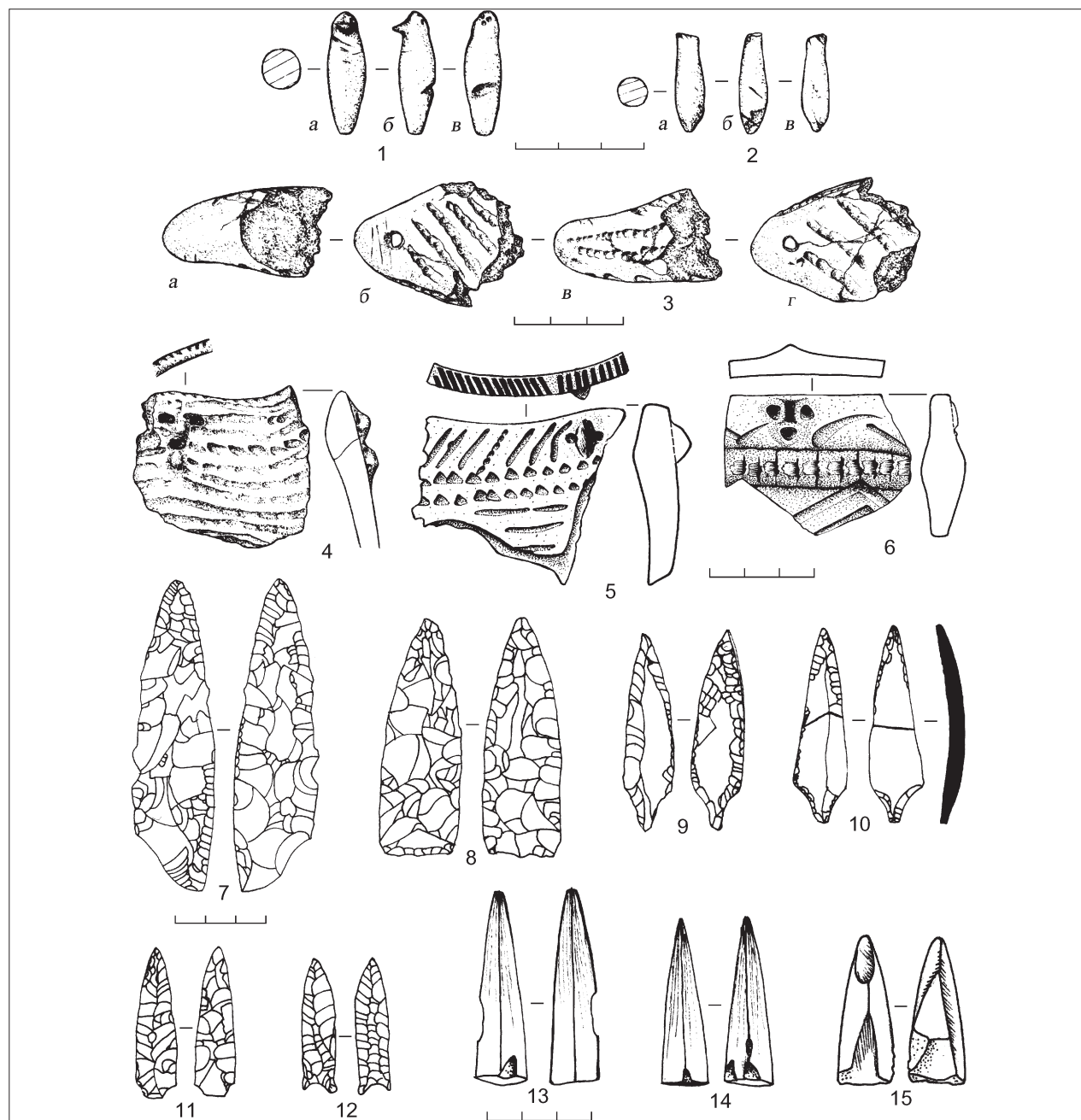

Рис. 1

Усть-Вагильский холм, неолит–энеолит: 1–3 – глиняная пластика; 4–6 – керамика с налпами; 7–15 – кремневый инвентарь

ны внутри слоем белой глины. На самом холме залежей этой глины не обнаружено, ближайшее месторождение находится в 80 км от памятника. Со скоплениями костей стратиграфически связана керамика сатыгинского типа, впервые выделенная и описанная на памятниках Сумпанья III, IV, VI (Хлобыстин, 1993. С. 29–31. Рис. 1, 2, 3); а также «клад» кремневых отщепов, найденных вместе с ножевидной ретушированной пластинкой, два наконечника стрелы (костяной и кремневый), глиняная поделка.

На холме представлена керамика сумпаньинского и кокшаровско-юринского типов эпохи неолита (Панина, 2008. С. 138–139. Рис. 1–2). Стратиграфически они залегают в смешанном слое, выше сатыгинской и, как будто бы, не связаны с жертвенным комплексом.

В эпоху энеолита на холме проводило обряды население с гребенчатой керамикой, (Панина, 2008. С. 141. Рис. 4). Часть этой посуды окрашена охрой снаружи, есть несколько фрагментов с рельефными объемными зоо- и антропоморфными головками у края сосудов (рис. 1: 4–6). На холме собрана коллекция (более 10 экз.) мелкой глиняной пластики (рис. 1: 1–3) эпохи неолита–энеолита. Это фигурки антропоморфные, эмбрионовидные, орнитоморфные, найдена объемная голова рыбы (фрагмент). Большинство

фигурок лежали в переотложенном слое, но три из них связаны с берестяными изделиями (найжены внутри или рядом). Кремневый инвентарь представлен ножами, наконечниками стрел, дротиков, скребками, теслами, топорами из местного сырья: глинистого сланца, серого полосчатого кремня, туффита (рис. 1: 7–15).

В верхних слоях Усть-Вагильского холма встречена керамика вагильского типа финальной бронзы, туманского и кашинского типа раннего железного века. В VI–VIII вв. холм эпизодически посещался населением с зеленогорским типом посуды, а позже, в X–XIII вв. – с юдинским. Использование холма в сакральных целях в эпоху средневековья продолжалось. Об этом свидетельствуют находки черепов северного оленя и лося в бинарной оппозиции, находки двух бронзовых антропоморфных идолов, фрагмента медного литого котла, бронзовой поясной пряжки с медным язычком (VI–IX вв.), гроздевидной подвески (VII в) из оловянистой бронзы, (Савельева, 1979. С. 92. Рис. 17: 4). Не исключена вероятность поздних захоронений. В квадрате у подошвы холма найден фрагмент витого височного кольца (VIII в.), имеющий аналогии в Сайгатинском III могильнике (Карачаров, 2002. С. 41. Рис. 17: 4), обломок плоской подвески из белой бронзы и фрагмент человеческой кости.

Карачаров К.Г., 2002. Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург
Панина С.Н., 2008. Археологические исследования на Усть-Вагильском холме (2005–2006) // ВАУ Екатеринбург. № 25

Савельева Э.А., 1979. Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника // КСИА. Вып. 158.
Хлобыстин Л.П., 1993. Сатыгинский тип керамики Западной Сибири // Ad polus. СПб.

А.А. Прут

*Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия, Москва*

Орудия для обработки кости в древних культурах морских зверобоев Чукотки

В I тысячелетии до н.э. – II тысячелетии н.э. на Чукотке, на побережье Берингова и Чукотского моря, существовал ряд специализированных культур охотников на морского зверя. Наиболее древняя из них – древнекиктобойная культура I тыс. до н.э. – представлена стоянкой Уненен. С начала нашей эры здесь появляется ряд эскимосских культур. Рассматриваются материалы раскопок стоянки Уненен (Восточная Чукотка), древнеэскимосских могильников и поселений. При исследовании применялся экспериментально-трассологический метод.

Адаптируясь к экстремальным условиям высоких широт, морские зверобои выработали своеобразный набор охотничьего снаряжения и хозяйственных ору-

дий, среди которых найдены характерные каменные инструменты обработки моржового клыка, кости, рога.

Одним из главных объектов охоты морских зверобоев на протяжении тысячелетий являлся морж. Клык моржа был материалом, повсеместно применявшимся здесь для изготовления орудий труда и охоты, мелкой пластики. Его свойства как сырья – объемность, пластичность, и главным образом, большая твердость и трудность обработки – заставили древних зверобоев выработать новые виды орудий для обработки кости – резцы, сверла и тесла. Успешно применявшиеся континентальными охотниками при резьбе по рогу, полой кости ретушированные резцы из крем-

нистых пород неэффективны при работе по моржовому клыку, особенно для объемной резьбы. Рабочий край таких инструментов хрупок, не выдерживает сопротивления обрабатываемого клыка и быстро выкрашивается.

Уже в древнекитобойной культуре морские охотники, регулярно изготавливавшие орудия из клыка, начинают использовать резцы с шлифованными рабочими лезвиями. Резцы изготовлены в основном из яшмоида различных оттенков серого, имеющего полосчатую текстуру, вязкого, с трудом поддающегося ретушированию, но легко шлифуемого материала. Заготовками служили небольшие осколки и отщепы камня. Рукояточная часть обычно грубо ретуширована и частично отшлифована. Лезвие образовано тщательно шлифованными гранями. Размеры варьируют от 1,5 до 6,5 см. Резцы имеют выработанные формы: плоские когтевидные с загнутым острием, плоские прямые подтрапцевидной формы; одним экземпляром представлен резец для объемной резьбы с симметричным треугольным лезвием. Плоские резцы можно определить как предназначенные в основном для прорезания пазов для отделения заготовок и выборки небольших объемов материала. Когтевидные

резцы могли также служить для орнаментации; для объемной резьбы применялись крупные утолщенные резцы с широким лезвием.

В эскимосских культурах каменные шлифованные резцы получают наибольшее распространение, их формы становятся разнообразнее, размеры – крупнее, количество возрастает. В отличие от резцов древнекитобойной культуры, углы заточки чаще более 90°. Как и ранее, для их изготовления применяется яшмоид, много орудий из сланца. Появляются тесла с тупым углом заточки лезвия. Наряду с каменными инструментами, для некоторых операций применяются немногочисленные железные орудия.

Был предпринят ряд экспериментов по изготовлению реплик каменных орудий и моделированию процессов обработки ими клыка, кости, рога, дерева. Они показали эффективность специализированных каменных орудий при различных способах и видах обработки клыка, исследованы следы износа на орудиях. Полученные данные позволили уточнить функциональное назначение многих орудий, и получить новые сведения о технологических процессах обработки кости, рога и моржового клыка в древности.

Е.О. Rogovskoy

Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН, Иркутск

Северное Приангарье. Проблемы и перспективы изучения неоплейстоценовой археологии

Материалы плейстоценовых геоархеологических изысканий в североангарских пространствах вошли в фазу тематического формирования. Стационарные исследования 70–90-х гг. XX в. на опорном для региона местонахождении Усть-Кова, открытом еще в 1937 г., по существу только приоткрыли науке своеобразный палеолит Северного Приангарья. Новые данные, полученные в результате масштабных спасательных работ, в зоне затопления Богучанского водохранилища, с одной стороны, обозначили многообразие геоморфологических условий дислокации палеолитических местонахождений и геологического контекста, зацепили то, что было упущено раньше на Иркутском, Усть-Илимском, Братского гидротехнического плацдармах, с другой – обнажили проблемы, связанные с сохранением объектов археологического наследия. Предлагаются вниманию некоторые результаты рекогносцировочных и спасательных работ, выполнявшиеся на Като-Ёдарминском участке Ангарской долины Иркутской лабораторией археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН.

Като-Ёдарминский район вписан в Северное Приангарье и вместе с ним относится к северной окраине

Байкальской Сибири, принятой в общем научно-географическом районировании провинцией Северной Азии. Территория занимает поворотную-угловую-северо-восточную географическую позицию между субмеридиональным течением р. Ангары в Иркутской области и субширотным ее течением в Красноярском крае. Все рассматриваемые ниже объекты находятся в зоне так называемой Като-Ёдарминской тектонической крестовины.

В Като-Ёдарминское расширение территориально должны быть вписаны острова: Лиственичный, лежащий прямо на половине расстояния от устьев рек Каты и Ёдармы; Сосновый, расположенный у правого берега р. Ангары нижней оконечностью напротив устья р. Ката и вытянувшийся выше по течению р. Ангары на 6 км; Чайчий, выступающий из вод р. Ангары, в 1 км выше впадения в нее р. Ёдарма. Остров Сосновый – выположенная часть Южно-Катского гористо-глыбового массива в плейстоценовом прошлом, отсеченная Ангарой в плейстоцен-голоценовой геоперестройке, содержит археологические материалы в мультислойчатой геоархеологической седиментации. Устье реки Ёдарма находится в 91 км ниже ко-

нечной точки Североангарского судоходного пути у бьефа Усть-Илимской ГЭС.

Долины рр. Едарма, Ката, Ангара находятся в прямой зависимости от геологического строения участков, на которых они развиты, и определяются неотектоническими факторами.

На сегодняшний день в реестре палеолитических и мезолитических объектов, попадающих в зону затопления на Иркутском участке, фигурирует двенадцать местонахождений. Пять из них находятся на Като-Ёдарминском участке ангарской долины: Ката 1, Ката 2, Усть-Ёдарма 3, Ёдарма 2, Остров Лиственичный. Наиболее древние изделия обнаружены на местонахождениях Ката 1 и Усть-Ёдарма 3. Предварительно их возраст может быть отнесен, как минимум, ко второй половине среднего неоплейстоцена. Поздний палеолит представлен материалами георхеологических объектов Ёдарма 2 и Остров Лиственичный. На местонахождении Ката 2, собранная на бичевнике немногочисленная коллекция археологического материала, судя по различной сохранности рабочих повер-

хностей, относится к разным этапам литотехногенеза в неоплейстоцене. Финальный палеолит, кроме имеющих верхнепалеолитических материалов отмечен также на острове Лиственичном. Таким образом, уже сегодня можно говорить о том, что конкретные источники палеолитического периода Северного Приангарья дислоцированы в разнообразных исследовательских ситуациях, а геохронология неоплейстоценовой археологии имеет протяженность, как минимум, 250–300 тыс. лет.

Местонахождения находятся на разных гипсометрических отметках и в различных геолого-геоморфологических условиях. Фиксируются позиции археологического материала на денудационных поверхностях, под маломощными четвертичными отложениями; в многометровой толще рыхлых отложений, прилоненных к скальным останцам; в отложениях верхнего неоплейстоцена на террасовидной поверхности, образованной тектоническим сбросом; в островной ситуации, под мощной пачкой голоценовых образований. Для изучения выявленных объектов

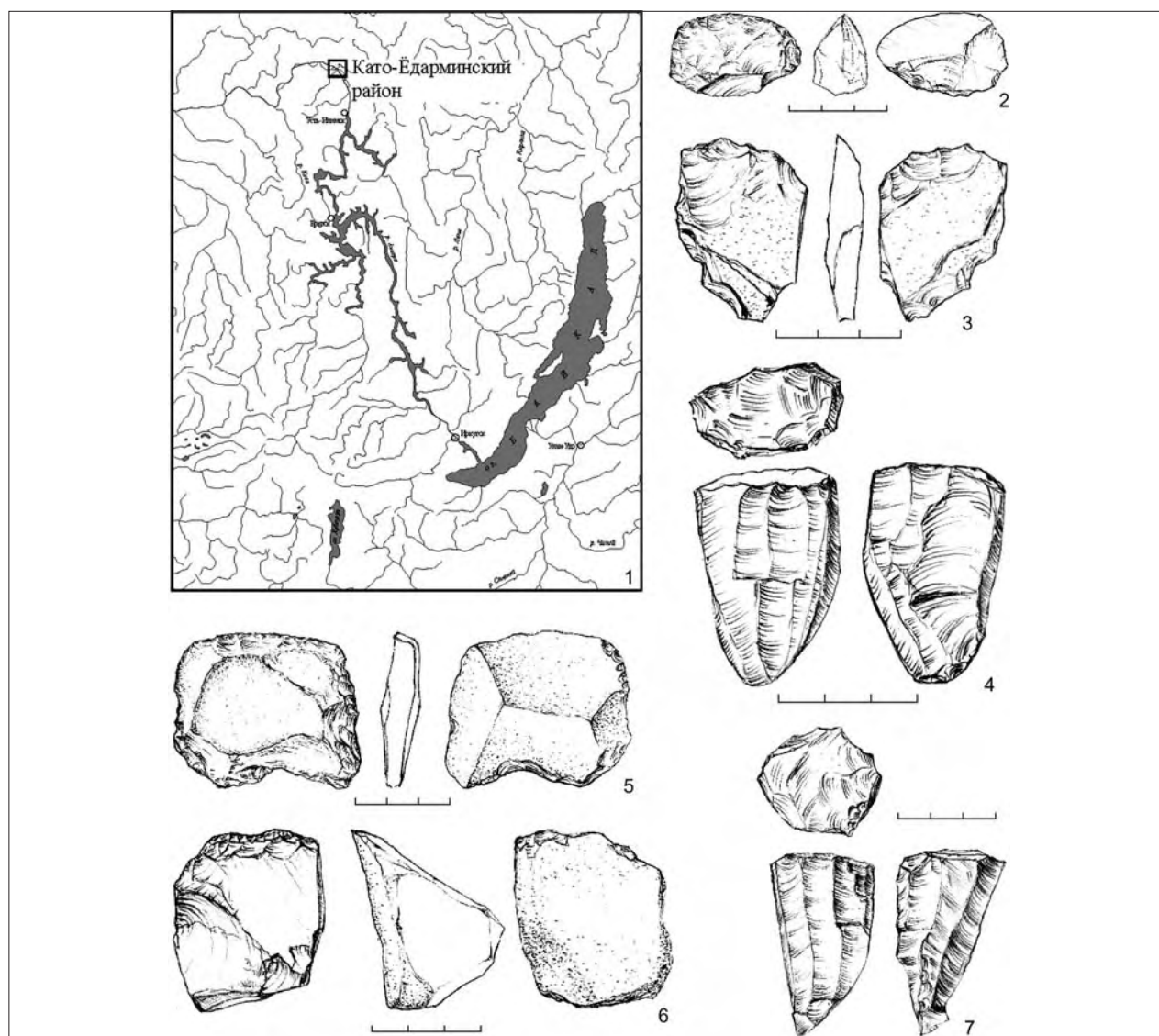

Рис. 1

Байкальская Сибирь, Като-Ёдарминский район исследований: 1 – карта; 2, 6 – скребки; 3 – долотовидное изделие; 4, 7 – нуклеусы; 5 – скребло. 2, 3, 5, 6 – местонахождение Ударма II; 4, 7 – местонахождение о. Лиственичный

и открытия новых требуются масштабные рекогносцировочные работы, включающие в себя анализ геолого-геоморфологической ситуации, изучение процессов формирования и генезиса четвертичных отложений и природных факторов, влияющих на сохранность культуросодержащих отложений.

Создание каскада Ангарских водохранилищ явилось существенным техногенным фактором вторжения человека в геологическую среду, вызвавшим катастрофические проявления отдельных геодинамических процессов – образована новая береговая линия, в пределах которой интенсивно развивается абразия, активизировался карст и оползни, нарушился естественный ход эрозионных процессов и т. д. В зону затопления попали и разрушены сотни археологических объектов. Учитывая сегодняшнюю ситуацию, сложившуюся в зонах размыва ангарских водохранилищ, приходится констатировать, что от-

крытие палеолитических объектов в зоне затопления Богучанского водохранилища совпадает практически с их «закрытием», т.е. полным или частичным уничтожением.

Палеолитические объекты, как правило, скрыты под толщей покровных отложений и отодвинуты на значительные расстояния от бровки берегового обнажения, находясь, таким образом, вне зоны боковой эрозии берегов Ангары и доступности для первичной фиксации археологического объекта. На сегодняшний день можно констатировать, что в случае с палеолитом Северного Приангарья высока вероятность повторения ситуации, которая сложилась на уже существующих ангарских водохранилищах, где ежегодно, в результате берегового размыва разрушаются десятки археологических объектов, и, в лучшем случае, потеряв ключевой объем информации, переходят в ряд пляжных комплексов.

А.Г. Рыбалко

Институт Археологии и Этнографии СО РАН, Новосибирск

Первые результаты исследований стоянки Дарвагчай-залив 1 (Республика Дагестан)

В 2007 г. в ходе разведочных археологических изысканий Кавказского палеолитического отряда ИАЭТ СО РАН, во время обследования береговых обнажений и отмелей небольшого залива на правом берегу Геджухского водохранилища (Дербентский район) были обнаружены два новых пункта локализации палеолитических артефактов. Новые местонахождения получили названия Дарвагчай-залив 1 и 2.

На местонахождении Дарвагчай-залив 1 (координаты: 42°07'36.7" с. ш., 048°01'51.2" в. д.) каменные изделия располагались на береговой отмели у подножья крутого юго-западного склона останца древнекаспийской террасы. Верхняя часть останца имеет неровную распаханную поверхность. Высота склона в районе памятника от уреза водохранилища составляет 40 м. В нижней части склона, на высоте 11–14 м от уреза, прослеживается прерывистая линия глыб монолитного ракушняка переходящих в структурный уступ высотой до 4–5 метров на участке от начала залива до плотины. Данные ракушники, являются своеобразным стратиграфическим репером, позволяющим коррелировать геологические разрезы а долине реки Дарвагчай и по своим характеристикам однотипны с отложениями в разрезах и обнажениях раннепалеолитической стоянки Дарвагчай 1 (бакинские отложения).

В 2009 г. низкий уровень воды в водохранилище позволил провести более детальное обследование территории местонахождения. На первом этапе исследований была собрана довольно представительная кол-

лекция артефактов. В дальнейшем для выяснения стратиграфической ситуации, а также для определения возможной границы памятника были заложены 6 шурфов. В процессе работ на верхней распаханной части террасы была собрана еще одна группа артефактов.

Предварительный анализ полученных разрезов позволил выделить три разновозрастные пачки отложений: делювиальные отложения, наиболее полно зафиксированные в самом низу склона; толща ракушников бакинского возраста и галечно-гравийная толща, с линзами и прослоями суглинков и песков, аллювиального генезиса, залегающая выше пояса ракушников.

Результатом рекогносцировочных исследований, в 2009 г. на Дарвагчай-залив 1 явилось обнаружение четырех разновозрастных культурно-хронологических комплексов палеолитических артефактов.

Комплекс 1 (рис. 1: 1, 2).

Представляет собой коллекцию предметов, собранных на верхней, распаханной части террасы на территории, непосредственно примыкающей к памятнику.

Собранная коллекция артефактов позволяет сделать ряд следующих заключений. Артефакты выполнены из однообразного сырья, имеют одинаковую степень сохранности поверхности и изготовлены в единой технической традиции. В целом коллекция имеет ярко выраженный мустьерский облик. Первичное расщепление представлено леваллуаскими и од-

ноплощадочными монофронтальными ядрищами параллельного принципа расщепления. Выразительными сериями представлены удлиненные сколы и пластины. Среди остаточных площадок преобладают фасетированные и гладкие. Орудийный набор представлен разнообразными скреблами и сколами с ретушью. Общий облик данной индустрии позволяет предварительно рассматривать ее в рамках финальной стадии среднего палеолита.

Комплекс 2 (рис. 1: 3–7).

Сводная коллекция на настоящий момент насчитывает более тысячи артефактов. Результаты полевых исследований 2010 г. позволяют с высокой до-

лей уверенности говорить о том, что в двух верхних горизонтах артефакты залегают в непо потревоженном состоянии.

В качестве сырья для изготовления артефактов использовался кремний, а также известняки и песчаники в виде окатанных желваков и галек разной степени окремненности. Первичное расщепление представлено преимущественно монофронтальными одно- и двухплощадочными ядрищами, с которых скалывали массивные отщепы крупных и средних размеров. Пластинчатые сколы представлены единичными экземплярами. Ударные площадки в основном гладкие и естественные. Преобладают скребловидные

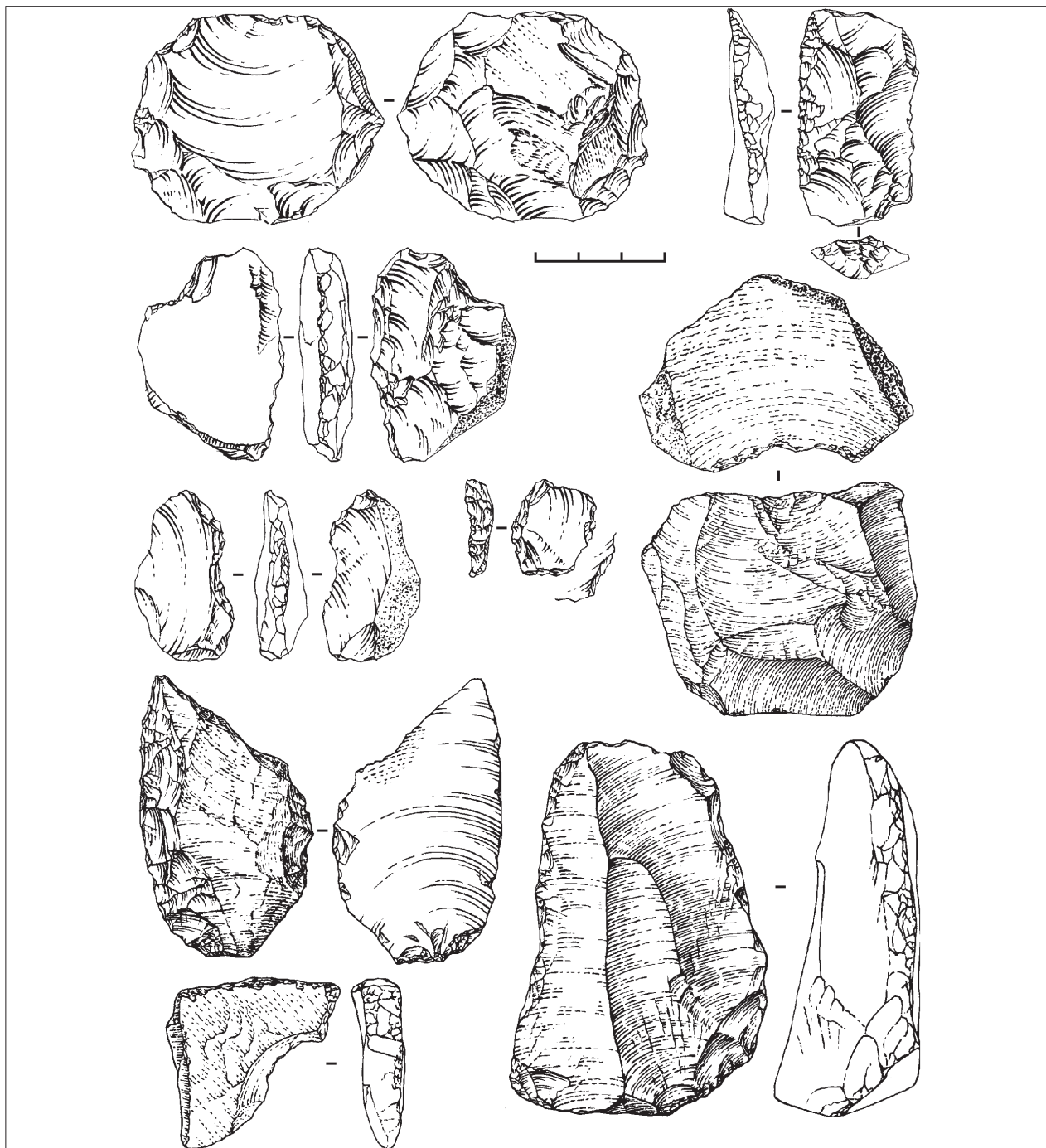

Рис. 1

Памятник Дарвагчай-залив 1. Каменный инвентарь: 1, 4 – нуклеусы; 2 – скребло-нож; 3, 7, 9 – скребла; 5, 8 – выемчатые орудия; 6 – скребок

орудия на плитках, обломках галек и крупных, массивных сколах, присутствуют выемчатые и шиповидные изделия. Небольшое количество сколов носит следы нерегулярной краевой ретуши. Общий облик и характер залегания обнаруженных артефактов позволяет датировать их в рамках среднего палеолита.

Комплекс 3 (рис. 1: 8, 9).

Состоит из артефактов, обнаруженных в галечно-гравийной толще аллювиального генезиса, составляющей отложения террасы выше пояса ракушечников.

Данная коллекция требует особого подхода и более детального изучения. Поверхность артефактов средне и слабо окатанная. Значительное количество изделий представлено в виде обломков и осколков средних и мелких размеров с элементами вторичной обработки. Немногочисленные сколы имеют массивные укороченные пропорции. Морфологически выраженных нуклеусов нет. Для получения заготовок широко использовался прием дробления. Среди орудий преобладают выемчатые, скребловидные и шиповидные изделия. В аналогичных отложениях (местонахождение Дарвагчай-карьер и Дарвагчай-залив 4) ранее были выявлены несколько ашельских рубил из пес-

чаника. Характер залегания и степень сохранности поверхности артефактов позволяют предварительно отнести их к финальной стадии раннего палеолита.

Комплекс 4.

Представляет собой небольшую группу артефактов полученных непосредственно из толщи ракушечников. Данные артефакты по условиям залегания фиксируют наиболее ранний этап присутствия человека на этом местонахождении (ранний палеолит, позднебакинское время).

Проблема изучения палеолитических памятников на территории Прикаспия из-за специфических геологических условий является одной из сложнейших на настоящий момент. У большинства известных палеолитических объектов культурные горизонты частично или полностью разрушены. Стратифицированные, а среди них многослойные комплексы, к которым относится памятник Дарвагчай-залив 1, встречаются крайне редко. Впервые на территории Дагестана обнаружен многослойный археологический памятник, где в четких стратифицированных условиях отложений нижнего, среднего и верхнего неоплейстоцена обнаружены комплексы палеолитических артефактов.

Ю.Б. Сериков

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, Нижний Тагил

Сакральные минералы древнего населения Урала

Сакральная сфера древнего населения очень часто характеризуется произведениями искусства, украшениями, нестандартными изделиями, а также артефактами, выполненными из выделяющихся цветом и структурой видов минерального сырья. Обычно использовались цветные минералы яркой и эффектной окраски. Например, в неолите–энеолите Северо-Запада России таким минералом был янтарь, в Прибайкалье – белый нефрит, а позднее – лазурит.

Урал всегда был известен богатством и разнообразием минералов, в том числе самоцветов и цветных камней. Многие из них были доступны и в древности. Первым минералом, который сознательно начали использовать в сакральных целях, стал горный хрусталь. В виде кристаллов и галек он распространён достаточно широко, поэтому и не мог остаться незамеченным древними людьми.

На Южном Урале хорошо известен своими каменными останцами (некоторые – в виде человеческих черепов) на берегу озера культовый памятник Большие Аллаки II (Челябинская обл.). Функционировал он в течение тысячелетий от палеолита до средневековья. Палеолитический культовый комплекс представлен 164 изделиями из горного хрусталя (78,85% от всего комплекса).

Несомненно, изделием сакрального назначения является конический нуклеус из чистейшего горного хрусталя с мезолитического поселения Серый Камень на Горбуновском торфянике. Это единственное хрустальное изделие в девяти тысячной коллекции памятника. Из-за многочисленных граней (17 негативов), которые при солнечном свете создают эффектные переливы, нуклеус мог восприниматься как необычное, связанное с потусторонними силами, изделие.

В более поздние эпохи (от мезолита до раннего железного века) изделия из горного хрусталя часто присутствуют в комплексах погребений, кладов, святилищ. Чаще всего из хрусталя изготавливались наконечники стрел, скребки, нуклеусы. Также использовались отдельные кристаллы, гальки, куски и отщепы.

Сакральный характер хрусталя подчеркивают такие изделия неутилитарного характера, как хрустальное навершие булавы (Мало-кизильский курган, бронзовый век), хрустальный подпятник для добывания огня (случайная находка), хрустальный терочник для растирания охры (Шайтанское озеро I), кресальный кремь из «волосатика» – горного хрусталя, насыщенного нитями рутила (Исток III, ранний железный век) и др.

Начиная с неолита в сакральной практике широко используются изделия из халцедона и его ярких разновидностей: сердолика (красного, оранжевого, оранжево-красного, буро-красного), карнеола (от оранжево-красного до темно-красного), сардера (бурого, желтовато-бурого, красно-бурого, коричневого).

Самыми распространенными изделиями из ярких разновидностей халцедона были наконечники стрел. Самые большие серии подобных наконечников выявлены в пещерном святилище на Камне Дыроватом (р. Чусовая) и на культовой площадке бронзового века на Шайтанском озере (Свердловская обл.). Все наконечники изготовлены из халцедонов разных оттенков оранжевого, коричневого, серо-коричневого, бело-оранжевого, красно-бурого, розового. Но цвет некоторых наконечников Камня Дыроватого подобран таким образом, что кончики острий у них окрашены в ярко-красный, оранжевый или красно-бурый тона.

Кроме наконечников из ярких халцедонов изготавливались жертвенные ножи и кресальные кремни для высекания священного огня. 67% кресальных кремней со святилища на вершине горы Голый Камень (Нижний Тагил) изготовлено из халцедона. На Аятском озере (Свердловская обл.) найден кресальный кремль нежно-розового цвета, но его рабочая кромка, которая собственно и служила для высекания огня, имеет ярко-красный цвет.

В мезолите и неолите на Южном и Среднем Урале в погребальном обряде использовались подвески из мягкой разновидности серпентинита (змеевика) – зеленоватого и голубоватого офита. 35 миндалевидных подвесок, выполненные из зеленого или голубовато-зеленого офита, сопровождали погребенного в Бурановской пещере (р. Юрюзань). В погребении под навесом Старичный Гребень найдено 15 подвесок из зеленого офита. Подвеска в виде лица человека, изготовленная из зеленого офита, обнаружена в неолитическом погребении в Кумышанской пещере (р. Чусовая).

В энеолите на всей территории Урала получили широкое распространение подвески из красно-бурого шифера – пиррофиллитового сланца. Их десятками и сотнями находят в погребениях и на святилищах: погребение на Шайтанском озере – 13 подвесок, на Аятском – 52; в двух погребениях могильника Бузан 3 (Ингальская долина, Тюменская обл.) найдено 170 и 220 подвесок.

В настоящее время к сакральным минералам следует отнести и тальк. Он мягкий, жирный на ощупь, имеет светло-серый, серебристый цвет, изредка – зеленоватый-серый. Из талька чаще всего изготавливали изделия культового характера: скульптуры, фигурные молоты, «утюжки», литейные формы, диски, пряслица, подвески, нашивки и др. Куски и пластинки талька являются частой находкой на культовых памятниках разного типа. Сакральный характер талька подтверждает и необычное энеолитическое погребение в щели между валунами на скальном святилище Шайтанский Шихан (Шайтанское озеро). Оно было засыпано 546-ю пластинками светло-серого (серебристого) талька.

Изредка в сакральных целях использовались и вообще экзотические минералы. В Пещере Туристов на р. Чусовой обнаружено изделие из золотистого халькопирита. В Аятском погребении на груди женщины (?) лежала большая пластина прозрачно-зеркальной слюды. На ряде культовых памятников найдены кусочки синего лазурита, белого мела, зеленого малахита и украшения из него (бусина в Синташтинском могильнике).

Таким образом, представленные материалы вполне убедительно доказывают, что на Урале выделяется группа цветных минералов, цвет и структура которых умело и сознательно использовались древним человеком в сакральных целях.

Это же свидетельствует, что уже в глубокой древности цвет являлся могучим средством воздействия на человека, и поэтому он широко использовался в ритуалах и обрядах первобытности.

В.В. Сидоров

Институт археологии РАН, Москва

Волосовская культура

Историческая интерпретация археологических источников – необходимая стадия их понимания. Археологическая культура – это археологизированный след былой этнической общности, поскольку этническая общность и есть среда циркуляции информации. Низшим уровнем этнического единства является племя как группа общин, в пределах которой замыкается большая часть родственных связей. Низшим уровнем археологического единства является локальный вариант археологической культуры – в его пределах синхронные комплексы одного типа тождественны. Группа

локальных вариантов, обнаруживающих общие генетические корни и сохраняющих параллелизм в развитии, соответствует этносу. За общностью высшего порядка могут стоять как более отдаленные генетические истоки, так и единство хозяйственно-культурного типа, а также нивелирующее влияние иной культуры.

Волосовская культура – крупнейшая общность лесной зоны III тыс. до н.э., синхронная энеолитическим культурам лесостепи и степи. Изученность ее позволяет переходить к ее исторической интерпретации: этнической принадлежности, структуры, проис-

хождения и развития, характера контактов с иными этносами, а также ее этнографического облика. На значительной части территории распространения волосовских комплексов она не является местной. В неолите эту территорию занимала льяловская культура. Но на рубеже IV–III тыс. до н.э. прекращается существование ее западных локальных вариантов и на заброшенных стоянках появляются новые комплексы. Льяловские группы вытеснены на периферию ее территории и в Карелию. На территории рязанского варианта нет протоволосовских комплексов, но финальнольяловские материалы показывают смешение с протоволосовским и ранневолосовским компонентом. Здесь волосовская культура появляется позднее, чем на Клязьме. Обилие ямочной орнаментации в материале Волосовской стоянки позволяет предполагать, что здесь в состав волосовской культуры вошел льяловский компонент. Смешение фиксируется и в материале Сахтышских стоянок.

На Верхней Волге новые комплексы тождественны материалам валдайских стоянок. Никакого смешения волосовской и льяловской культур здесь не происходило. В моложском и балахинском локальном варианте наблюдается смешение валдайской и льяловской традиции. Помимо нового керамического комплекса появляются орудия иных типов, которые специфичны для Валдая и вырабатывались там, начиная с мезолита. Культурная специфика валдайского региона обнаруживается уже с начала голоцена. Если в конце плейстоцена культура традиции лингби на Валдае и Оке одна и та же, то в мезолитических материалах проявляется уже много различий. Это использование на Валдае крупных широких сколов, острообушковые тесла, обилие скребел, сверл. Еще более заметны различия с начала неолита. Состав штампов на керамике, технологии и формы сосудов здесь иные, чем в верхневолжской культуре. Совпадает только простота композиции орнамента и остродонность (при иной технологии формовки дна). Керамику валдайский регион получил из иного источника, чем волго-окско-донской. Это различие вовсе не исключает контактов – глубинное родство восходит к первоначальному заселению приледниковья в финале плейстоцена. Изоляции не было, но это уже далеко разошедшиеся культуры.

Московский и клязьминский локальные варианты льяловской культуры были вытеснены иными пришельцами. В протоволосовский комплекс Маслово Болото 4 входят сосуды верхнеднепровской культуры, и формы протоволосовских сосудов иные. Самое далёкое проникновение на восток фиксируется в самарской группе. Здесь достоверно присутствие раннего волосовского компонента – волосовские наборы каменных орудий, украшений, кремневых фигурок, а также сосудов. Самарскую группу правильнее было бы рассматривать как смешанную со значительной волосовской примесью. В гаринско-борском материале присутствуют отдельные черты, происхождение которых допустимо связывать с волосовским влиянием, но в целом это уже иная общность. Валдайская керамика появляется и в Карелии, входя в состав комплексов ромбоямочной керамики. Она проявляется и западнее – в Лубанской низмен-

ности. Верховья Западной Двины отводятся под территорию руднянской культуры, но ее допустимо рассматривать как локальный вариант общности, охватывающей Валдай, верховья Даугавы и Днепра.

Экспансия из Валдайского региона начинается около 5000 л. н. Затем в валдайской среде распространяется нарвская технология лепки сосудов с толченой ракушкой и пухом, появляется янтарь. Вся лесная зона оказалась пронизана связями групп мигрантов. Избыточного населения не было ни в одном регионе лесной зоны. Нет здесь и природных катастроф. Экспансия приходится на климатический оптимум. Озера постепенно деградировали, заболачивались, но это касалось зоны старых озер на территории, куда была направлена миграция. Толчком к экспансии на восток могло стать подсоединение селигерской озерной системы к бассейну Волги. Обсуждать надо не необходимость эмиграции, а возможность ее успешности. Численность населения валдайской культуры не превосходила льяловскую, но плотность его была выше. Это определялось обилием озер с короткими водоразделами-волоками, что делало валдайскую общность более монолитной. В то время как в валдайской культуре различия локальных вариантов незначительны, льяловские локальные племена, сконцентрированные в озерных системах разных бассейнов, со временем всё более обособляются. К тому же большая плотность населения, что проявлялось в регулярности контактов, обеспечивала большую информационную емкость культуры как общественного опыта. Второй фактор, обеспечивший успех миграции, носил тоже социальный характер. Если всё население льяловской стоянки обитало в единственном жилище, что указывает на слабо разработанную социальную дифференциацию, а с ней и низкую мобильность культуры, неспособность принимать решения в нестандартных ситуациях. Волосовские поселения состояли из нескольких жилищ меньших размеров, чем льяловские. Община была структурирована, помимо уровня большой семьи, обитавшей в таком доме, существовал уровень общинного управления.

Что касается технического оснащения культуры, то и здесь есть преимущества у валдайской. Вооружение их примерно одинаково, качество наконечников и даже их типы у волосовской и льяловской культур одинаковы. У льяловцев существовал еще один вид оружия, не известный волосовцам – сверленные клевцы. Рабочий инструмент льяловской и волосовской культур различается гораздо больше, чем оружие. В основе лежит иная техника скалывания и ретуши, а также наличие специализации в изготовлении орудий, чего не было в неолитических культурах. Для волосовской культуры характерны специализированные мастерские по обработке кремня и серийное изготовление стандартизированных орудий. Здесь делались стандартные ножи, стандартные скребки, которым они умели поддерживать остроту лезвия и при длительном использовании, стандартные сверла, указывающие на изготовление составных орудий, крепившихся штифтами. Но самое существенное – качество рубящих орудий, основная часть которых – кремневые. Это определяет различие в качестве лодок. Во-

волосовские инструменты позволяли делать более легкие долбленки, пригодные для переноса на волоках. Значительная часть волосовских скребков тоже оказалась рубящими орудиями. Уже это преимущество могло обеспечить успех миграции.

Есть и другие факторы. Немногочисленные льяловские скелеты показывают, что они невелики ростом, грацильны. Такая угнетенная форма может быть связана со значительно распространенным гельминтозом. В этом они противоположны волосовцам, что могло быть результатом различий в технике обработки рыбы.

Локальные варианты, специфика которых различалась в зависимости от того, из какого региона шла сюда экспансия, а также сохранялся ли здесь местный субстрат, сформировались после расселения. В дальнейшем они начинают окрашиваться новыми миграциями и связями с инокультурными группами.

Верхневолжский локальный вариант волосовской культуры располагался в бассейне рек Дубны, Медведицы, Костромы, на озерах Неро, Плещеево, Ивановское. Он происходит от мигрантов из центрального Валдая и с озер Селигерской группы. Второй вариант включает бассейн Москвы и большую часть бассейна р. Клязьмы. Исток его лежит южнее селигерской группы. Центральная Мещера и Среднее Поочье – территория третьего локального варианта, отделившегося от клязьминского, и, видимо, включившего в свой состав людей рязанского льяловского племени. Четвертый вариант – средневолжский, большая часть памятников исследована в Марийском Поволжье. Северный, пятый, вариант связан с вологодскими озерами, достигая Онежского озера. Среди восточных волосовских локальных вариантов два были довольно быстро ассимилированы – мокшанско-сурский и самарский. Территория валдайских озер – исходная для миграции – это, по крайней мере, еще один локальный вариант. Усвятская культура в бассейне Даугавы и Ловати очень близка к волосовской бассейна Клязьмы, но существует обособлено. Культура пористой керамики Прибалтики (пиестиня) может рассматриваться как западный локальный вариант волосовской. Соотношения культур бассейна Немана с волосовской общностью нуждается в уточнении. По мере детализации представлений о волосовской культуре могут быть выявлены и иные локальные варианты.

Различие между клязьминским и волжским локальными вариантами заметно на раннем этапе по особенностям керамики. В конструкции дома различия особенно заметны. Так, волосовские дома клязьминского варианта, менявшиеся со временем (ранние почти не углублены, длинные, шириной до 6 м, поздние – глубокие, квадратные, со сторонами 8–9 м), обязательно имели пол, изрытый множеством ям. Такие же полы у жилищ в Центральной Мещере на Оке и Мокше. Волжские волосовцы обходились очень небольшим количеством ям при небольшой глубине котлована, дома длинные и узкие. Жилища в Марийском Поволжье – квадратные и соединенные переходами.

К середине III тыс. до н.э. различия между вариантами стираются. Но далее начинаются вторжения

чуждых групп, которые оседают в разных районах, окрашивая культуру привнесенными примесями. На нижней Оке и Мокше появляется имеркская культура, которая имеет днепро-донецкие корни. Затем имеркские элементы начинают появляться на волосовской посуде в центре Мещеры. Массовое переселение в волго-окское междуречье групп с верхнеднепровской керамикой можно связывать с экспансией культур шнуровой керамики, вытеснивших своих лесных соседей. Верхнеднепровские материалы встречаются как в чистом виде, так и в смешении с волосовскими. В то же время на нижней Оке идет смешение верхнеднепровской культуры не с волосовской, а с имеркской. Проникновение групп верхнеднепровской культуры произошло не во все группы. Они осели в Языково, но их нет в соседних – дубненской, нерско-нерльской, костромской. Основная часть мигрантов осела на Оке и в центральной Мещере. Кратковременность и локальность этого эпизода требует отказаться от термина «дубровичская культура».

В поздних волосовских комплексах некоторых районов начинают встречаться резко выделяющиеся по орнаментации сосуды: густая очень тщательная орнаментация выполнена тонким гребенчатым, полулунным или шнуровым штампом. Манера орнаментации и сами орнаменты и некоторые мотивы указывают как на источник на катакомбную культуру. В это же время появляется плоскодонность и профилировка горла. Катакомбные комплексы отмечены на Мокше, встречаются на Оке, хотя катакомбные могильники так далеко на север не заходят.

Группа ранних фатьяновских могильников с преобладанием среднеднепровских элементов может датироваться не позднее 2200 до н.э. Говорить о смешении фатьяновской с волосовской культурой не приходится. Они сами переходят к образу жизни, аналогичному туземному. Значительно более активно взаимодействуют с местным населением группы, керамику которых называют фатьяноидной, с внутренним ребром, чирковской. В керамике проявляются не столько фатьяновские, сколько иванобугорские, абашевские и катакомбные элементы. Они обнаруживаются по всей лесной зоне, вплоть до Прионежья на многослойных стоянках, меняются со временем и воспринимают поздняяковские элементы формы и орнамента. Именно на керамике этого типа появляются элементы сетчатой фактуры поверхности.

Область культуры сетчатой керамики совпадает с территорией волосовской культуры – система связей устойчивей материальных компонентов культуры. Трансформация волосовской культуры в сетчатую пока не прослежена: слишком мало элементов культуры переходят через рубеж смены хозяйственно-культурного типа. В это же время: утрачивает значение каменная техника, появляется скотоводство и земледелие, а с ним новые элементы быта, новые формы керамики, неизменным остается один принцип: сосуд подобен яйцу и полностью покрыт орнаментом – «одет». Смена происходит в условиях контакта с этнически чуждыми группами, где легко заимствовать новации.

Искусство раннего верхнего палеолита Костенок: хронология и культурная дифференциация¹

Облик палеолитического искусства Костенковской группы памятников всегда связывался, в первую очередь, с фигуративным искусством граветтского времени (24–22 тыс. л. н.), конкретно с женской и антропоморфной скульптурой костенковско-авдеевской культуры. Судя по количеству отечественных и зарубежных публикаций, посвященных их рассмотрению, анализу орнаментального искусства и украшений тех же памятников уделялось значительно меньше внимания, а что касается более древних памятников, то их искусство использовалось практически только как иллюстрация культурного своеобразия.

Предметом предлагаемого сообщения является искусство раннего и начального верхнего палеолита, рассмотренное под углом соответствия археологическим культурам, выделяемым на основании технико-типологических характеристик каменного инвентаря.

Ранний верхний палеолит в Костенках (36–28 тыс. л. н.) имеет общеевропейскую бинарную структуру, одним из компонентов которой является ориньяк кросс-континентального распространения, другим – местная, стрелецкая «переходная» культура. Искусство стрелецкой культуры представлено единичными украшениями, широкого пространственного и хронологического распространения. В ориньякских памятниках оно представлено выразительными сериями нательных украшений и орнаментированных костяных орудий, но скульптурных изображений не содержит. Пространственное распространение отдельных типов украшений ведет к постановке проблемы локальных особенностей в системе эстетических ценностей ориньякского населения и его соотношения с локальными вариантами ориньяка, выделяемыми по кремневому инвентарю.

Специфической чертой палеолита Костенок является наличие памятников более древних, чем ориньяк и «переходная» стрелецкая культура. Их отличие от обоих по технико-типологическим критериям явилось основанием для выделения пласта «начального верхнего палеолита» (42–36 тыс. л. н.), связанного

с формированием верхнепалеолитического техноконтекста Восточной Европы и распространением человека современного физического облика. Древнейший пласт верхнего палеолита представлен в Костенках двумя культурными традициями: спицынской (Костенки 17-II) и культурой типа IVб культурного слоя Костенок 14. В обеих присутствуют выразительные серии нательных украшений, в первом случае из ископаемых раковин, белемнитов и твердого камня; во втором – из раковины моллюска Средиземноморского происхождения, простым линейным орнаментом на костяном стержне, антропоморфным фигуративным изображением, которое на настоящий момент является древнейшим в Европе. Насколько обе традиции различаются по кремневому инвентарю, настолько же они отличны и по декоративному искусству.

Конец раннего верхнего палеолита в Европе связывается с появлением и распространением граветта в рамках 28–29 тыс. лет, практически одновременно на территории от Атлантики до Костенок. В отличие от Западной и Центральной Европы, граветт в Костенках появляется наряду с городцовской культурной традицией – специфического восточноевропейского явления, не имеющего аналогий на Западе. Искусство наиболее раннего граветтского памятника (Костенки 8, сл. II) ограничивается широко распространенными в палеолите украшениями и простыми орнаментами. Из городцовских памятников обилием и разнообразием украшений и орнаментов выделяется комплекс II культурного слоя Костенок 14, включающий зооморфное фигуративное изображение.

При том, что искусство раннего верхнего палеолита Костенок количественно невелико, два заключения представляются возможными на основании его сравнительного анализа: 1) оно проявляется на самых ранних этапах верхнего палеолита одновременно во всех формах – фигуративной, декоративной, орнаментальной; 2) искусство и украшения раннего верхнего палеолита находятся в полном соответствии и с культурной дифференциацией, в отличие от эпохи среднего верхнего палеолита, где несоответствие представляет собой обычное явление.

¹ Работа выполнена по проекту «Культурно-исторические процессы на рубеже плейстоцена–голоцена на северо-западе Русской равнины» (рук. Г.В. Сеницына) в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (направление 1. Древнейшее наследие и истоки творческих начал человека).

Неолитический комплекс поселения Мергень 6 в лесостепной зоне Западной Сибири¹

На территории Тоболо-Ишимского региона изучение эпохи неолита ведется уже не один десяток лет, однако целенаправленные исследования начались лишь в последние годы. Исключительный интерес здесь представляет комплекс памятников озера Мергень, позволяющий получить ценные источники, характеризующие материальную и духовную культуру неолитического времени лесостепной зоны Западной Сибири.

Особое место занимает поселение Мергень 6 расположенное в Ишимском районе Тюменской области. За годы исследования здесь получены уникальные материалы, иллюстрирующие процесс освоения прибрежной зоны озера Мергень носителями боборыкинской культуры на ее кошкинской стадии. Поселение существовало в начале V тыс. до н.э., по керамическому материалу получена дата ($Ki - 15908$) 6870 ± 90 л.н. или 1σ 5840–5820, 5810–5660 BC, 2σ 5920–5620 BC.

Многолетние исследования показали, что поселение имело свою структуру – значительные по площади жилища были окружены малыми хозяйственными строениями, а в периферийной части располагались два рва шириной около 0,8 м и глубиной 0,2–1 м, границы которых были маркированы развалами сосудов кошкинской культуры. В результате изучения остатков семи сооружений (полуземлянок и слабо углубленных построек), различных по своим конструктивным особенностям, накоплен значительный материал, характеризующий особенности домостроительства неолитического населения. Наиболее значительной нам представляется полуземлянка площадью 100 кв. м, ориентированная по линии СЮ, с котлованом квадратной формы, углубленным в материк на 1 м (рис. 1: А, I). В сооружении была обнаружена система взаимосвязанных между собой рвов, выкопанных по периметру. Первый располагался у стенок котлована жилища, второй ров отстоял от первого, был шире и глубже, они соединялись между собой у двух противоположных углов жилища, оформленных в виде коридорообразных выступов. Очаг находился ближе к западной стенке жилища, выход в виде пологой ступеньки был зафиксирован у юго-восточного угла жилища.

В материке было зафиксировано большое количество столбовых ям, остатков перекрытий, что позволит достаточно подробно реконструировать элементы строительства и внутреннего устройства данного жилища. Кроме того, был частично исследован угол еще одного подобного жилища, с аналогичной систе-

мой ров в полу. Достаточно ценным оказалось обнаружение в полу жилища захоронения грудного младенца, возрастом около шести месяцев. Скелет младенца лежал на спине с вытянутыми вдоль тела руками, головой на СВ, одна нога находилась поверх другой. Захоронение безинвентарное, кроме костей ребенка, были обнаружены кости животных.

Среди слабо углубленных жилищ наиболее информативными оказались постройки, имеющие абсолютно идентичную организацию жилого пространства. Оба имели котлованы округлой формы с очагом в центре, возле которых напротив друг друга с западной и восточной стороны располагались глубокие V-образные в плане ямы (рис. 1: А, 2). Обе постройки насыщены огромными скоплениями развалов кошкинской культуры, находками из камня и кости. В одной из построек возле очага был обнаружен фрагмент черепа человека. Анализ построек также позволил предположить существование у жителей неолитического поселка устойчивой системы исчисления. На это может указывать тот факт что некоторые сооружения, судя по всему, в ходе эксплуатации перестраивались с использованием части элементов исходной конструкции, от которых брались равные расстояния для установления столбов (рис. 1: А, 3).

Наблюдения в ходе раскопок позволяют так же предположить бытование у древних строителей неких обычаев и ритуалов, исполняемых в процессе возведения жилищ (Еньшин, Белоногов, 2010. С. 47). На это указывают, на наш взгляд, особенности положения некоторых предметов. Как-то зафиксированные у выходов из сооружений и вентиляционных вытяжек костяные орудия, костяные орнаментированные вкладышевые оправы, сосуды и т.д.

Керамический комплекс представлен коллекцией сосудов, орнаментированных в волнистой отступающе-прочерченной технике, соотносимой с материалами кошкинского этапа боборыкинской культуры (рис. 1: Б).

На поселении обнаружены каменные и костяные орудия (рис. 1: В, Г), демонстрирующие нам высокий уровень таких видов домашних производств, как изготовление керамики, обработка кожи, дерева и плетение (Скочина, 2010. С. 25–36).

Охотничье вооружение представлено гарпунами, игловидными, листовидными и короткими биконическими наконечниками стрел. В коллекции так же при-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке программы Президиума РАН 28, грант 2. 29. – «Комплекс памятников озера Мергень как уникальный источник по древней истории Нижнего Приишмья».

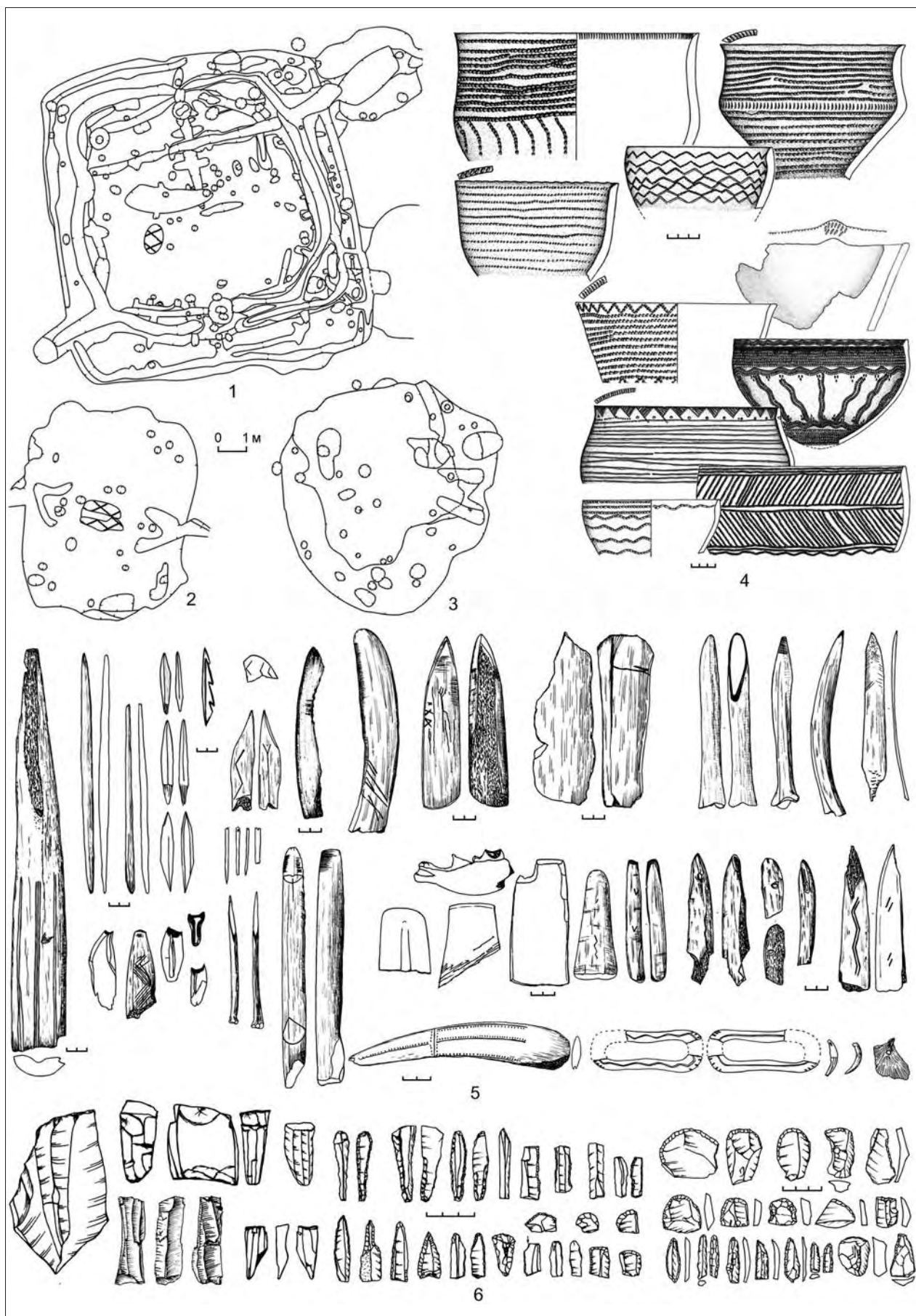

Рис. 1

Материалы неолитического слоя поселения Мержень 6. А – типы сооружений поселения: 1, 3 – полуземлянки, 2 – слабо углубленная постройка; Б – керамический комплекс; В – орудия из кости и рога; Г – каменный инвентарь

сутствуют орнаментированные костяные и роговые предметы, среди которых особо выделяются орнаментированные вкладышевые однолезвийные кинжал и нож, что позволяет включить материалы поселения в круг памятников, иллюстрирующих неолитическое искусство, (Еньшин, Скочина, 2010. С. 172–174).

Таким образом, поселение Мергень 6 является уникальным памятником эпохи неолита Западной

Сибири. Его материалы позволяют проследить широчайший круг элементов, характеризующих такие виды деятельности населения, как хозяйство и домостроительство. На основе их возможны построения в плане реконструкции культурногенетических процессов в эпоху неолита, механизмов адаптации к окружающей среде, а вместе с этим и формирование наших представлений о мировоззрении носителей данной культуры.

Еньшин Д.Н., Белоногов Д.А., 2010. К проблеме методики изучения жилищ эпохи неолита на территории Западной Сибири (на примере реконструкции жилища № 5 поселения Мергень 6) // ВИАЭ. Вып. 1 (12).

Еньшин Д.Н. Скочина С.Н., 2010. Орнамент на орудиях из кости и рога с памятников оз. Мергень // III Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург.

Скочина С.Н., 2010. Костяной и роговой инвентарь кошкинской культуры с поселения Мергень 6 // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (42).

С.Б. Слободин

Северо-Восточный комплексный НИИ ДВО РАН, Магадан

Неолит Колымы в контексте археологии Северо-Востока Азии

Период неолита Колымы охватывает время с V по II–I тыс. до н.э. Нижняя дата пока условная, требующая уточнения. Климатические условия на Северо-Востоке Азии в этот период близки к современным.

В неолите, в сравнении с мезолитом (10–7 тыс. л.н.), происходят серьезные изменения в типологии и технологии изготовления и обработки орудий. В этот период на Колыме доминирует бифасиальная обработка орудий, появляется керамика и шлифованные орудия. Несмотря на сильное влияние неолитических культур Якутии, неолит Колымы проявляет заметное своеобразие, позволяющее говорить о формировании здесь самостоятельных комплексов.

Ранний неолит Колымы (конец V–IV тыс. до н.э.) характеризуется сохранением микропластинчатой техники, призматических нуклеусов и появлением листовидных наконечников, полиэдрических и срединных резцов, скребков на отщепках и сетчатой керамики с налепными валиками и отверстиями под венчиком, присущей сылахской культуре Якутии.

В среднем неолите Колымы (конец IV–III тыс. до н.э.) сохраняется микропластинчатая техника и призматические нуклеусы. Получают распространение полиэдрические резцы, листовидные наконечники, ретушированные вкладыши. Появляются наконечники ромбической формы и треугольные с выемчатым основанием и ассиметричным «вытянутым» жалцем, скребки и ножи на отщепках, клювовидные резчики, тесла шлифованные подпрямоугольные в сечении и с «ушками», шнуrowая керамика орнаментирован-

ная зубчатым штампом, характерная для белькачинской культуры Якутии. Своеобразие среднему неолиту Колымы придают черешковые наконечники на трехгранных в сечении пластинах и круглые плоские шлифованные диски-подвески. Выявленные жилищные конструкции указывают о существовании легких наземных построек типа чума.

В позднем неолите (конец IV–II (I) тыс. до н.э.) на Колыме распространяются комплексы, связанные с ымыяхтахской культурой Якутии и северчукотской культурой Чукотки. Микропластинчатая технология в этих комплексах затухает, количество микропластинок и призматических нуклеусов на стоянках незначительное. Первые – включают трехгранные напильниковидные наконечники, наконечники листовидной формы, полиэдрические резцы, ножи удлиненно-подтреугольной формы со скошенным лезвием, ретушированные топовидные и подтреугольные скребки, сегментовидные и двусторонне ретушированные вкладыши, шлифованные тесла, подтреугольные в сечении оббитые тесла и топоры овальной формы, украшения из створок раковин, круглодонные керамические сосуды с вафельными и рубчатыми отпечатками.

Вторые – характеризуются черешковыми наконечниками Айонского типа, клювовидными резчиками и черешковыми ножами. Это позволяет существенно расширить границы северо-чукотской культуры до правобережья Колымы, ограниченные ранее арктической зоной Восточной Чукотки, включая и стоянки по ее правым притокам.

Е.А. Строгова

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
СО РАН, Якутск*

Колымский край на археологической карте Якутии

Якутия, пожалуй, самый большой регион России. Богатейший животный и растительный мир с древнейших времен привлекал человека в этот северный край. Работами Ю.А. Мочанова и С.А. Федосеевой на территории Якутии выделены последовательно существовавшие археологические культуры от верхнего палеолита (дюктайская) до бронзы (усть-мильская), которые, по мнению авторов, однородны на всем ареале их существования (Мочанов, 1969; 1977).

Простая человеческая логика подсказывает, что этот ареал слишком велик и географически разнообразен для того, чтобы процессы адаптации человека и его жизнедеятельность были абсолютно одинаковы и не имели никакой локальной вариативности. К той же мысли приводит и разнообразие культур и хозяйственных типов, распространившихся на этой территории с началом эпохи железа.

Колымский край по своим природно-географическим условиям существенно отличается от территорий, на которых были выделены основные археологические культуры Якутии.

Материал обнаруженных в 1946 г. в низовьях Колымы стоянок неолитического возраста позволил А.П. Окладникову отнести памятники Нижней Колымы к особой «нижнеленской» культуре, которая развивалась во многом иными путями, чем более южная «среднеленская» (Окладников, 1946).

Результаты исследований Северо-восточных отрядов Приленской археологической экспедиции ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР (ныне ИГИИПМНС СО РАН) в бассейне Колымы и Западной Чукотке в 70–80 гг. XX в. были опубликованы в ряде статей, где авторы приходят к общему заключению о том, что в Заполярье не было особой культуры «нижнеленского» или «арктического» неолита; на всей территории северо-восточной Азии как в таежной, так и в тундровой

зоне в неолите последовательно сменялись приленские культуры.

Если же внимательно вчитаться в опубликованные материалы, становится ясно, что из массы открытых памятников раскопаны единицы, а большинство известно лишь по подъемным сборам. Естественно, в таких условиях древняя история региона реконструировалась по моделям хорошо изученных памятников среднеленского бассейна. Первые же опыты систематического изучения памятников Нижней и Средней Колымы показали наличие особенностей в культурных комплексах. В 90-е годы прошлого века, в 2000, 2002 и 2008 гг. на Средней Колыме работала экспедиция В.А. Кашина, открывшая только в этой части региона 37 памятников преимущественно неолитического времени. Многолетние исследования этих памятников, сопоставление их материалов с типичными комплексами неолитических культур Центральной Якутии привели В.А. Кашина к выводу, что различия в культурных комплексах Колымы и Центральной Якутии затрагивают основополагающие области жизнеобеспечения, так как генезис культур колымского региона происходил на автохтонной основе. Вероятно также, что эти различия отражают этнические и культурные контакты древнего населения Колымы с племенами Западной Чукотки (Кашин, Калинина, 2008).

Таким образом, Колымский край представляет собой малоизученный, а потому очень перспективный в археологическом плане регион. Новые материалы позволяют по-новому взглянуть на гипотезу А.П. Окладникова (Окладников, 1955), на новом уровне рассматривать вопрос о своеобразии локальных северных вариантов археологических культур Якутии, которые необходимо учитывать при реконструкции древнейшего прошлого Северо-востока Азии и этнической истории населяющих его народов.

Кашин В.А., Калинина В.В., 2008. Северная специфика позднего неолита Якутии // *Окно в неведомый мир*. Новосибирск.
Кистенев С.П., 1990. Каменный век бассейна Нижней Колымы: Автореф. дисс. ... к.и.н. Якутск.

Мочанов Ю.А., 1969. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М.
Мочанов Ю.А., 1977. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-восточной Азии. Новосибирск.
Окладников А.П., 1946. Ленские древности. Якутск. Вып. 2
Окладников А.П., 1955. История Якутской АССР. М.-Л. Т. 1.

И.В. Усачева, Н.С. Ларина
Институт проблем освоения Севера
СО РАН, Тюменский госуниверситет, Тюмень

Цветные почвы неолитического ритуального комплекса Чепкуль 21А: состав и происхождение

В 2008–2009 гг. в Нижнем Притоболье исследовался необычный памятник Чепкуль 21 А, занимающий небольшую площадку на конце мыса озерной террасы почти на уровне поймы. В раскопе площадью 114 кв. м был выявлен уникальный ансамбль полихромных песчаных объектов с индивидуальной цветовой гаммой и структурой. Пространство между ними заполнял слабоокрашенный розовый/розово-коричневый слой мощностью до 0,20 м. Часть сооружений была перекрыта этим слоем, у остальных он участвовал в заполнении котлованов. Эффект полихромии достигался за счет разных по цвету природных грунтов — погребенный песок желтого (береговой) и белого (донный) цвета — и красителей типа охры. Широко применялись органические, минеральные и искусственные добавки: уголь, жженая кость, дроблёная керамика и т.п. По степени сложности и упорядоченности объекты условно можно подразделить на 5 категорий: 1) рельефные геометрически четко организованные со сложной внутренней структурой и яркой полихромией; 2) сложно структурированные полихромные; 3) моно- или бихромные; 4) сложноорганизованные яркие полихромные полосы/канавы, структурирующие пространство памятника и связывающие объекты 1-2 порядка между собой; 5) монохромные цветные отдельные с индивидуальными котлованами в рамках объектов 4-го порядка. Площадь распространения объектов составляет не менее 3500 кв. м. Их планиграфия, количество, характер, особенности распределения материала исключают случайность и показывают, что комплекс изначально создавался как единый сложный ансамбль. Организующей осью ансамбля служит гребень берегового вала палеозера в виде полосы плотных железистых осадков. Сопровождающий керамический комплекс однороден и принадлежит козловской культуре эпохи неолита. ^{14}C -даты показывают возраст 6770 ± 130 л.н. (СОАН-7774) – по углю, 6220 ± 90 л.н. (Кi-15964) – по керамике.

Аналогов комплексу не известно. Среди эпохально близких сакральных памятников региона имеются выполненные с применением больших объемов земляных работ: Кокшаровский и Вагильский холмы на Среднем Урале (неолит), Велижаны 2, Савин и Слободчики в Зауралье (энеолит). Однако типологически они сильно отличаются. На святилищах Савин и Палатки 1 отмечено внимание к цветности почв, но о специальной подкраске грунта не упоминается (По-

темкина, 2002; Викторова, 2002). На святилище Велижаны 2 охры много, но она вся сконцентрирована в объектах (Дрябина, 2003. С. 76).

Таким образом, актуальным, учитывая размеры памятника, для верификации его прочтения оказался вопрос о характере полихромии культурного слоя — естественная или искусственная. Проблема рассматривалась в двуединстве экспериментального метода и изучения химического состава цветных почв. Было установлено, что все образцы памятника, за исключением тех, что связаны с охрой (содержимое фрагмента-палитры (?) и отдельные комочки) и с зольной (?) прослойкой объекта 21, показали высокое содержание железа по отношению к контрольным фоновым эталонам. Причем в разы: в 4 ? 20 раз. Наиболее ярко окрашенные пятна по количеству Fe почти достигли уровня его концентрации в гребне береговой полосы осадков палеозера. Просеивание цветных образцов выявило присутствие значительной примеси разнодисперсного лимонита размерностью от 0,05 до 1,5 см в диаметре. Образцы, взятые в тех же гипсометрических условиях, за пределами памятника оказались пустыми. Это давало основания предполагать искусственный характер железистого наполнения культурного слоя, но не объясняло его окрашенность в розовые, красноватые и коричневые тона.

Эксперимент показал, что такую окраску песок в смеси с порошковым лимонитом приобретает при длительном (в опыте — около 3 часов) открытом обжиге в муфельной печи при температуре 600° – 700° (имитация костра). При обжиге без доступа воздуха, а также при слабом измельчении (крошка, куски) выраженного перехода к гамме розовых оттенков не происходит: образцы приобретают бурый цвет. Понижение температуры до 300° (имитация пожара) ни за тот же период времени, ни за двойной интервал (6 час.) к изменению цвета образцов не приводит. Если учесть, что при пожаре основной поток энергии направлен вверх, а длительность горения на фронтальной части кромки (наиболее высокотемпературный участок пожара) составляет от 0,3 до 1,5 минут (Санников и др., 1978; Фуряев, 1996. С. 60–61), можно сделать вывод, что розово-коричневый краситель мог быть получен только искусственным путем в ходе кострового обжига с предварительным измельчением исходных конкреций до мелкодисперсного состояния.

Потери при прокаливании образцов (550°C), характеризующие содержание органического вещества, колеблются на памятнике от 1% до 20%. Минимальные показатели (1–2%) зафиксированы у фоновых образцов, ортзандовой полосы и составляющих яркого трехцветного ядра объекта первой категории № 1. Отсутствие остаточной органики, химический состав и цвет документируют целенаправленное создание этого объекта из конкреций ортзанда, подвергнутых предварительному измельчению и специальной обработке для достижения нужного оттенка.

Распределение фосфора (в пересчете на P₂O₅) показало его практически полное отсутствие в ведущих объектах памятника №№ 1 и 21 (0,25–1,25 мг/кг).

В прослойке угля на объекте № 1 его уже 2,25 мг/кг, в костных остатках (жженые) — 6,25 мг/кг, а в слое охры на фрагменте керамики (палитра?) — 3,5 мг/кг. Максимум отмечен в образцах мелких комочков охры из зольника (до 32 мг/кг и выше). Малые количества фосфора в слое подтверждают предположение о не бытовом характере памятника.

Значительные колебания значений отмечены для Mn (1–3195 мг/кг) и Zn (0,3–296 мг/кг), меньше для Co (0,3–16,4 мг/кг) и Ni (1,2–6 мг/кг).

Таким образом, полученные данные подтверждают высказанную ранее гипотезу о не бытовом характере памятника и показывают искусственный характер цветовой гаммы его объектов.

Викторова В.Д., 2002. Святилище боборыкинской культуры на памятнике Палатки I // ВАУ. Вып. 24.

Дрябина Л.А., 2003. Пространственно-временная модель мира святилища Велижаны-2 // Вестник Тюменского государственного университета. № 3.

Потемкина Т.М., 2002. Модели организации сакрального пространства в энеолите степной Евразии // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб. Кн. 1.

Санников С.Н., Филатов М.А., Хомяков И.Г., 1978. Температура в зоне низового пожара в связи со степенью выгорания субстрата // Лесоведение. №6.

Фурьев В.В., 1996. Роль пожаров в процессе лесообразования. Новосибирск.

И.В. Федюнин

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж

Понятие «мезолит» в археологии Европейской России и некоторые проблемы периодизации каменного века в отечественной науке

Важнейшие вопросы исследования каменного века так или иначе упираются в решение проблем хронологии, периодизации, культурной принадлежности и реконструкции экономики древних обществ. Игнорирование одной из этих проблем в плане реализации комплексного подхода в исследовании нежелательно, однако на практике такая ситуация из-за ущербного состояния источников встречается достаточно часто.

Подробные сведения об истории понятия «мезолит» приведены в отечественных исследованиях Г.Н. Матюшина (Матюшин, 1976), Л.В. Кольцова (Мезолит СССР, 1989), С.В. Ошибкиной (Ошибкина, 1983) и специальных работах (Медведев и др., 2000). Останавливаться на этом вопросе в данной статье нет смысла.

В советскую археологическую литературу термин «мезолит» в современном значении был введен М.Я. Рудинским (Рудинский, 1928. С. 11–29). Позже В.И. Равдоникасом в двухтомнике «История первобытного общества» употреблялся термин «мезолит» для обозначения древностей азилия и тарденуаза в системе периодизации каменного века (Равдоникас, 1939. С. 249). Впрочем, более широкое распространение по-

нятия относится уже к 1950-м годам: после посмертной статьи М.В. Воеводского (Воеводский, 1950).

В истории археологической науки хорошо известна дискуссия о правомерности выделения мезолита (Брюсов, 1962; Рогачев, 1966; Формозов, 1959; 1970), в ходе которой наиболее острые проблемы выделения критериев эпохи, сформулированные и упорядоченные А.А. Формозовым, были подвергнуты критике со стороны А.Н. Рогачева с позиций конкретно-исторического подхода. Среди них «несомненная большая близость мезолита к неолиту, чем к палеолиту», утверждение о том, что «мезолит отличается специфическим типом хозяйства как от палеолита, так и от неолита» (Формозов, 1959. С. 57), попытка установления соответствий с высшей ступенью «эпохи дикости» Л.Г. Моргана, начинающейся с появления лука и стрел (Рогачев, 1966. С. 11).

А.А. Формозов в противовес А.Н. Рогачеву неоднократно выступал с обоснованием своего видения мезолита: в статье «О термине «мезолит» и его эквивалентах» исследователь делал попытку устранения разногласий в определении эпохи (Формозов, 1970).

Прошли годы, и, несмотря на то, что большинство историографических обзоров исследований по мезолиту упоминают об имевшей место дискуссии, за этим обычно следует констатация того, что мезолит в настоящее время все-таки принят для обозначения самостоятельной эпохи – подразделения каменного века. Однако доказательная база этой «констатации» не претерпела значительных изменений. Нужно признать, что ни одно из «обвинительных» положений дискуссии 1960–1970-х гг. до сих пор не опровергнуто, и вряд ли может быть опровергнуто вообще.

В 2000 г. коллективом иркутских археологов рассматривалась проблема мезолита, результатом чего стала еще одна констатация отсутствия критериев для этой эпохи. При этом авторами даются следующие определения: «мезолит можно принять как геоархеологическую систему физически достоверных данных о состоянии геологических отложений 20–10 тысячелетий от наших дней и вмещенных в них артефактов, в интерпретации которых принимают участие геологическое, палеонтологическое, палеоклиматическое, археологическое, этнологическое, социологическое промыслово-хозяйственное, экономическое направления современного знания. В зависимости от аспекта рассмотрения, этому периоду могут быть сообщены наименования: «культурные отложения плейстоцен–голоцена 20–10 тысячелетий от н. д.», «ансамбли, комплексы микролитических изделий или форм микролитов»; «геометрических форм изделий», «охотничье-рыболовецкие инвентари», «культуры охотников-собирателей предгорных и остепненных территорий», «культурные остатки лесных, речных рыболовов и морских охотников», «техногенные образования раковинных куч», «мультислойчатые культурные образования речных устьев, морских дельт, конусов выноса» и т.д. (Медведев и др., 2000. С. 78–79).

Приведенная выше формулировка, внешне вроде бы смещающая акценты в ответственности за определение, по сути дает нам геологические, археологические, этноархеологические дефиниции без конкретного содержания и с очень общей датировкой.

Некоторое пренебрежительное отношение специалистов-палеолитоведов к современным исследованиям мезолита вполне понятно: технико-типологический анализ каменных индустрий верхнего палеолита включает в себя широкий спектр наименований устойчивых культуруопределяющих форм. Этот спектр в типологии орудий мезолита часто сужается до установления диагностических свойств элементов метательного вооружения, а набор орудий – резцов и скребков – действительно редко выходит за рамки подтипа. Однако бедность диагностических форм, «банальность» (Горелик, 2001. С. 130, 320, 333) наборов каменного инвентаря – это объективное свойство памятников эпохи мезолита, а не плохо разработанная типология. Еще беднее орудийный набор в ряде неолитических культур.

Вопросы периодизации каменного века поднимались М.В. Аниковичем на страницах журнала «Российская археология» в начале 1990-х гг., причем все обозначенные здесь проблемы исследователем были рас-

смотрены с разных позиций. Пытаясь унифицировать систему критериев для выделения археологической эпохи, М.В. Аникович считает единственно достоверным из них – «массовое внедрение в человеческую практику качественно нового вещественного материала, который в предшествующие эпохи либо не использовался вовсе, либо употреблялся очень ограниченно и технологически примитивно» (Аникович, 1992. С. 90). Выводы автора: мезолит и энеолит как эпохи не имеют права на существование (Аникович, 1992. С. 91). Первый является вторым этапом «эпохи кости», второй – первой ступенью эпохи бронзы. Весь отрезок истории человечества делится на два крупных хронологических блока: «докультурный» (для обозначения общего и особенного используются термины «путь развития» Г.П. Григорьева, считающего, что в основе периодизации эпохи должна лежать ее структура) и «культурный», когда, соответственно, археологическая культура становится устойчивой характеристикой эпохи. Граница между ними проводится по линии мустье-верхний палеолит (Аникович М.В., 1992. С. 93).

Без преувеличения можно отметить, что проблема мезолита кажется искусственно выпяченной в той степени, в которой она отражает противоречия периодизации каменного века. Сам М.В. Аникович отмечает, что верхний палеолит можно назвать «эпохой кости» (Аникович, 1992. С. 90), то есть, выделить из эпохи палеолита и сделать отдельной таксономической единицей?

Любая периодизация, в том числе и периодизация каменного века, условна. Это инструмент, позволяющий путем условного разделения (а значит, упрощения) прийти к осознанию такого сложного и многогранного понятия как «каменный век». Дробность периодизации соответствует видимой сложности понятия, но вряд ли содержание каждого из этапов каменного века, судя по данным наблюдений за реликтовыми народами в этнографии, соответствует имеющимся критериям периодизации (Амирханов, 2000. С. 193–194). Во всяком случае, прямые сопоставления здесь скорее исключение, чем правило.

Устойчивые позиции неолита как особой эпохи ни у кого не вызывают сомнений. Однако, камень, бронза, железо и прочие материалы, лежавшие в основе выделения отдельных периодов древней истории, использовались прежде всего для изготовления орудий труда. Керамика – не орудие труда, а нечто стороннее: средство хранения и приготовления продуктов, то есть, данный критерий неравнозначен по отношению ко всем предыдущим. Появление керамики не является универсальным критерием для выделения эпохи неолита, что подтверждает в том числе и периодизация каменного века Ближнего Востока (Mellaart J., 1975, P. 263–273; The neolithic and early Chalcolithic Farmers..., 2005). Далеко не повсеместное возникновение производящего хозяйства в неолите не является археологическим критерием эпохи, также как, например, и уже упомянутые изменения социальных отношений в мезолите. Во многом сходные упомянутым выше проблемы характерны и для западноевропейского мезолитоведения (Price, 1987).

Дальше – тупик. Если понятие «мезолит» является неразработанным, то еще менее разработано понятие «финальный палеолит», которое активно используется исследователями в течение нескольких десятилетий. Сам термин «дриасовый период» как аналог «финального палеолита» вновь возвращает нас к проблеме критериев, характерных для мезолита.

Небезынтересно отметить, что другие периодизационные схемы, например, построенные на технологическом анализе каменных индустрий (Гирия, 1997), наделяют понятие «мезолит» вполне конкретным содержанием: это эпоха, которая начинается с применения техники отжима для получения длинных сколов (Гирия, 1997. С. 87–92). Использование особых приемов расщепления в технике усиленного отжима для получения специфических крупных сколов, по данным технологического анализа, проведенного Е.Ю. Гирей (Гирия, 1997. С. 73, Рис. 17. С. 83, 147), судя по всему, знаменует собой и начало эпохи энеолита.

Таким образом, налицо парадоксальная ситуация: две эпохи – «изгой» традиционной периодизации – предстают перед нами в качестве двух единиц, чья технологическая специфика является достаточно яркой. Чему же отдать предпочтение?

Думается, что основу периодизационной схемы должен составлять комплексный анализ прежде всего каменных индустрий: если фактор использования камня в качестве основного сырья для изготовления орудий труда объединяет все подразделения каменного века, то построение каких-либо периодизационных схем должно основываться, прежде всего, на комплексном анализе изделий из камня, то есть, изделия из камня должны лежать в основе изучения как отдельной единицы каменного века, так и всей совокупности этих единиц. При отсутствии столь же репрезентативных коллекций изделий из других материалов на разных памятниках этот – вполне традиционный для науки – подход способен привести к появлению новых разработок археологических критериев периодизации каменного века.

- Амирханов Х.А., 2000. Зарайская стоянка. М.
 Аникович М.В., 1992. К определению понятия «археологическая эпоха» // Советская археология. № 1.
 Брюсов А.Я., 1962. Мезолитическая неурядица // Историко-археологический сборник. М.
 Воеводский М.В., 1950. Мезолитические культуры Восточной Европы // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.-Л. № XXXI
 Гирия Е.Ю., 1997. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро- макроанализа древних орудий труда. СПб. Часть 2.
 Горелик А.Ф., 2001. Памятники Рогаликско-Передельского района. Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины. Киев-Луганск.
 Матюшин Г.Н., 1976. Мезолит Южного Урала. М.
 Медведев Г.И., Липнина Е.А., Новосельцева В.М., Шмыгун П.Е., 2000. О мезолите... – в который раз?!.. / Г.И. Медведев // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей. Международный научный семинар. Иркутск.
 Мезолит СССР, 1989. / Под ред. Л.В. Кольцова. М.
 Ошибкина С.В., 1983. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.
 Равдоникас В.И., 1939. История первобытного общества. Л. Т. 1.
 Рогачев А.Н., 1966. Некоторые вопросы изучения эпипалеолита Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л. № 126.
 Рудинский М.Я., 1928. До питання про культури мезолітичної доби на Україні // Антропологія. Київ. № 1
 Формозов А.А. 1959. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М: Изд-во АН СССР
 Формозов А.А., 1970. О термине «мезолит» и его эквивалентах // Советская археология. № 3
 Mellaart J., 1975. The Neolithic of the Near East. London.
 Price T.D., 1987. The Mesolithic of Western Europe // Journal of World Prehistory. Vol. 1. № 3.
 The neolithic and early Chalcolithic Farmers of central and Southwest Anatolia. 2005. // BAR. International series 1435.

Н.А. Цветкова

*Археологический центр Ивановского
Государственного университета, Иваново*

Ранний неолит Верхнего Поволжья. Некоторые вопросы и проблемы историко-культурных реконструкций

Существуют две точки зрения на культурную историю раннего неолита Верхнего Поволжья. Суть первой в том, что верхневолжская культура (ВВК) непрерывно существовала на протяжении всего раннеэнеолитического периода (7100–6000 радиоуглеродных л. н.).

По мнению Е.Л. Костылевой, она возникла на местной позднеэнеолитической основе при участии населения с территорий Нижнего Поволжья и Нижнего Подонья. Согласно В.В. Сидорову, в сложении ВВК могло принимать участие население буго-днепров-

ской и днепро-донецкой культур. Альтернативной позиции придерживается Ю.Б. Цетлин. Он считает, что ВВК существовала, начиная примерно со 2-й половины раннего неолита (6600 л. н.), и характеризуется керамикой отличной от неорнаментированной и тычково-накольчатой. Последняя связывается им с волго-окской АК, предшествовавшей верхневолжской.

Данные версии основаны на результатах изучения керамики. Каменный инвентарь как самостоятельный источник для решения вышеозначенных вопросов не привлекался из-за недостаточного количества опубликованных чистых комплексов. Развитие каменной индустрии в регионе характеризуется М.Г. Жилиным и А.В. Энгатовой как непрерывный эволюционный процесс, начиная с мезолита. В результате исчезают некоторые типы изделий и появляются новые. Также сменяется тип основной заготовки (с пластины на отщеп) и возникает бифасиальная техника.

В докладе представлены результаты технико-типологического анализа каменной индустрии раннего неолита Верхнего Поволжья. Автором были проанализированы каменные изделия из раскопок 19 памятников: Алексеевское 1, Сахтыш 2, 2а/Пб, Пв, Пг, 8; Становое 4/П, Шадрино 4, Кочище 1, 2; Нилова Пустынь, Озерки 5/П, III; Альба 8, Окаево 18 (нижний к. с.), Давыдовская, Воймежное 1/11, Замостье 2/2, Берендеево 2а, Плещеево 1, Ивановское 3, 7. В результате проведенной работы в рамках верхневолжской культуры выявлены два принципиально различных технокомплекса. Технокомплекс типа Кочище харак-

теризуется пластинчатой и/или пластинчато-отщеповой каменной индустрией, наследующей финально-мезолитические традиции минимальной модификации заготовки орудий. Технокомплекс типа Озерки ассоциируется с отщеповой индустрией и бифасиальной обработкой некоторых видов орудий (наконечники стрел/дротиков, ножи).

Выделение разнородных каменных технокомплексов вместе с данными изучения посуды в рамках дискуссии о соотношении «накольчатой» и «гребенчатой» керамики позволяют не согласиться с мнением о непрерывном развитии ВВК с 7100 по 6000 л.н. Ранний неолит Верхнего Поволжья характеризуется двумя разнородными генетически разнородными традициями обработки камня и изготовления и орнаментации керамики. Их стоит связывать с разными группами населения.

Первая – с неорнаментированной/тычково-накольчатой керамикой и технокомплексом типа Кочище – предшествовала населению с традициями изготовления сложнорецептурной «гребенчатой» керамики и технокомплексом типа Озерки. Она прослеживается в регионе с начала раннего неолита. Население второй группы появляется в Верхнем Поволжье примерно около 6600 л. н. Его происхождение пока не ясно. Характер взаимоотношений этих групп населения еще предстоит выяснить. Можно предполагать их сосуществование и последовавшую постепенную ассимиляцию автохтонного населения пришлым.

Задачами будущих исследований представляются детальный анализ материальной культуры этих групп населения, выяснение их истоков и исторических судеб.

Н.В. Цыденова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ

Нуклеусы ранненеолитического горизонта стоянки Красная Горка (Западное Забайкалье)

На стоянке Красная Горка нами выявлено три горизонта залегания археологического материала, отнесенные к развитому бронзовому веку (горизонт 1а), начальному палеометаллу (1б) и раннему неолиту (культурный горизонт 2).

Ранненеолитические находки (культурный горизонт 2) располагаются ближе к подошве слоя светло-бурой супеси: это – скребки на отщепах средних размеров, пластинки, торцовые клиновидные нуклеусы и их заготовки, призматический нуклеус, бифасы, ножи на пластинах и отщепах, трансверсальные резцы на пластинах и пластинчатых отщепах, отщепы и сколы. Сырьем подавляющей части каменных артефактов является кремнистый материал серого цвета. Внешне они выглядят архаично, имеют палеолитиче-

ский и/или-мезолитический облик. Однако, ко времени неолита этот горизонт позволяет отнести наличие керамики, которая в основном не имеет орнамента и, скорее всего, принадлежат гладкостенным сосудам с приостренным дном. Один фрагмент имеет заглаженные оттиски «шагающей» гребенки, характерной для керамики «начального» неолита усть-каренгской культуры. Также есть несколько фрагментов, на которых присутствуют едва различимые и сильно заглаженные отпечатки сетки (грубый шнур?). Внутренняя сторона фрагментов во всех случаях гладкая. По нагару на керамике получена дата 8345 ± 66 (К1А-42073).

В рамках данной работы рассмотрим нуклеусы и заготовки нуклеусов. Всего их 31 экз. Нуклеусов – 19 экз., заготовок нуклеусов – 12 экз. Экспонирован-

ными на поверхности были 5 экз., однако включение их в данную выборку представляется целесообразным в силу их типологической близости данному комплексу 2-го горизонта.

Из них:

- 1) Торцовых клиновидных нуклеусов (14 экз.). Сырье: серый кремь – 9 экз., серо-бежевый яшмовидный кремь – 1 экз., коричневый яшмоид – 1 экз., зеленый яшмоид – 1 экз., розоватый яшмовидный кремь – 1 экз., бордово-красный яшмоид – 1 экз.
- 2) Конической формы (4 экз.); все сохраняют гребень на контрфронте или его остатки. Сырье: рыжевато-коричневый яшмоид – 2 экз., халцедон – 2 экз.
- 3) Призматический (1 экз.) из светло-серого кремья.

Сортировка по длине дала наименьший показатель у конических нуклеусов из рыжевато-коричневого яшмоида – 2 экз. и 2 экз. из халцедонов (0,9–1,5 см). Последующее распределение также показало зависимость от сырья – 1,5 см – у нуклеуса из коричневого яшмоида, 2,1 и 2,4 у экземпляров из розового и зеленого яшмоидов соответственно.

По соотношению длины к высоте получилось, что в большинстве случаев показатель высоты немного превышает показатель длины изделия. Только в одном случае длина явно больше высоты. Еще в одном случае у нуклеуса имеется дефект, получившийся в результате неудачной подправки ударной площадки, чем и объясняется такое соотношение длины и высоты. Третий случай тоже нетипичный, т. к. этот торцовый нуклеус двухфронтальный.

Наибольшая разница между высотой и длиной, конечно же, у трех конических нуклеусов 1,3 и 1,7 см. У второго халцедонового соотношение невелико – 0,7 см, по форме он напоминает торцовые, из той группы, где одна латераль прямая и по гребню со стороны другой латерали имеется ретушь и выщербина

(следы от использования специального устройства для расщепления).

Остальные показали разницу длины и высоты от 0,1 до 0,8 см. В трех случаях у торцовых клиновидных оба показателя равны.

Думается, что наблюдаемая зависимость от сырья говорит о том, что нуклеусы из цветных яшмоидов утилизировались полнее в силу большей пластичности. Нуклеус из серого кремья с разницей в 0,8 см также больше утилизирован, чем другие из этого ряда.

Высота нуклеусов в основном варьирует от 2,5 до 3,5 см, причем в основном независимо от размеров пропорции сохраняются. В 11 случаях пропорция составляет примерно 1 см, в двух – 1,4 см, у удлиненного экземпляра 0,65 см, что также стремится к 1. Высота двух конических экземпляров из рыжевато-коричневого яшмоида составляет 2,3 см и 2 см. Нуклеусов с высотой от 2,6 см до 3,5 см всего насчитывается 9 экз.

Что касается толщины, то наименьший показатель у конических форм 0,9 и 1 см. Наибольший – у торцовых клиновидных, тех, что покрупнее. По-видимому, толщина изделия зависела от начальных размеров и толщины исходной конкреции сырья и, соответственно, начальных размеров нуклеусов. Хотя, конечно, стандарт, вероятно, существовал. Так толщина торцовых клиновидных изделий варьирует в пределах от 1,1 до 1,8 см.

Отдельно со своими параметрами в коллекции стоит призматический нуклеус высотой 7 см. Сходство с торцовыми клиновидными, однако, имеется и у него. Это наличие гребня, подработанного мелкими сколами-выщербинами от края гребня к латералам.

У всех нуклеусов ударная площадка в процессе утилизации подживлялась путем подправки со стороны фронта или латералей.

Заготовок торцовых клиновидных нуклеусов всего насчитывается 12 экз.

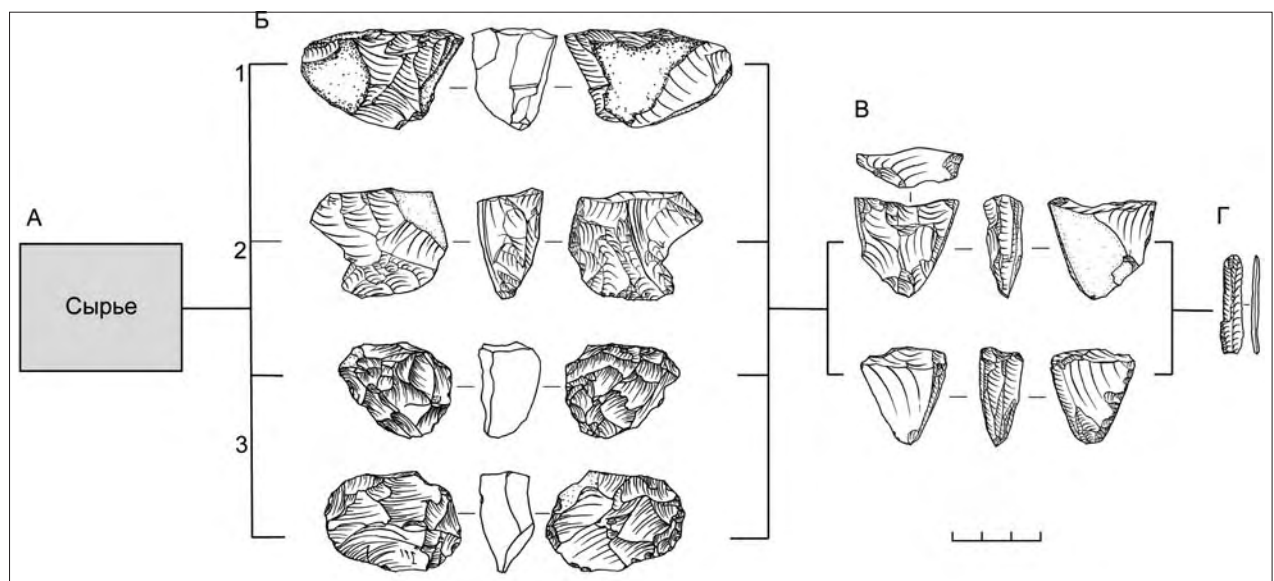

Рис. 1

Западной Забайкалье, стоянка Красная Горка (к.г. 2), схема расщепления: А – сырье; Б – заготовки торцовых клиновидных нуклеусов (варианты 1–3); В – торцовые клиновидные нуклеусы; Г – микропластинки

Из них:

- 1) Клиновидные: 4 шт.
- 2) С грубой бифасиальной подработкой: 3 экз.
- 3) Клиновидные с плоской латералью и выпуклой другой стороной: 2 экз.
- 4) Клиновидные с плоской латералью, на естественных конкрециях: 2 экз.
- 5) Ортогональная заготовка: 1 экз.

Сырьевая база для изготовления заготовок включала серые кремни (7 экз.), светло-бежевый (1 экз.), рыжевато-коричневый (2 экз.), коричневый (1 экз.) и темно-бордовый (1 экз.) яшмовидные кремни.

Практически у всех заготовок показатели длины больше, чем высоты. Особенно это характерно для бифасиальных экземпляров. Высоту, видимо, старались стандартизировать сразу на стадии изготовления заготовки нуклеуса – в пределах примерно 3 см. Так же, как и толщину, до 2 см. В двух случаях, когда толщина сырьевой конкреции была минимальной, соотношение высоты и длины оказалось в пользу длины. Пропорции также задавались сразу на заготовке, у всех без исключения изделий ее значение стремится к 1.

Продукты первичного расщепления – нуклеусы и их заготовки, позволяют реконструировать процесс расщепления камня нуклеусов и их заготовок и выделить три основных способа (рис. 1):

Вариант 1: каменным конкрециям, как правило, небольшим желвакам придавалась близкая клиновидная форма, путем подготовки ударной площадки снятием продольного скола и боковой подработки, уже

затем производились пластинчатые снятия с торца, в дальнейшем редукция ударной площадки велась с фронта или латералей;

Вариант 2: сырьевой конкреции придавалась клиновидная форма путем предварительной бифасиальной подработки. Подправка ударной площадки с торца не похожа на технику Усть-Каренги и нижнего Витима (территориально наиболее близких), где она производилась путем снятия продольного лыжевидного скола, а скорее напоминает селенгинскую технику. Однако, вероятно, этот прием был скорее производной от способа подготовки преформы, когда использовался не бифас, следовательно, необходимости в снятии продольного реберчатого или ладьевидного, а затем и лыжевидного скола, не было;

Вариант 3: путем односторонней подработки, когда на каменной конкреции скалыванием с одной стороны создавалась выпуклость, в то время как другая сторона оставалась плоской – поверхность с первичной коркой или уплощенная подработкой, отчего уже в процессе утилизации гребень контрфронта оказывался слегка «заваленным» на одну из латералей. Затем с полученного пренуклеуса велись микропластинчатые снятия с торца, ударная площадка подживлялась сколами с фронта или латералей.

Таким образом, нуклеусы Красной Горки демонстрируют развитие форм нуклеусов от торцовой клиновидной к конической, которое, вероятно, имело под собой сырьевую основу. Вместе с абсолютной датой эти данные свидетельствуют о раннеолитическом возрасте рассматриваемых материалов.

Д.В. Черемисин

Институт Археологии и Этнографии СО РАН, Новосибирск

Исследование граффити на юге Российского Алтая

Петроглифы, нанесенные на скалы резными линиями, путем прочерчивания или процарапывания патинированных плоскостей, широко распространены на памятниках Центральной Азии и Южной Сибири. Хорошо известные гравюры бронзового века на Памире (Акджилга) или изображения тяжеловооруженных воинов Сулека (Енисей) не раз привлекались исследователями колесного транспорта или археологами-оружиеведами в качестве ценного источника исторических реконструкций. Не менее информативны широко распространенные в Евразии резные тамги и рунические надписи.

На юге Алтая петроглифы-граффити многочисленны, изображения относятся к разным эпохам. Представительная серия гравированных рисунков, воспроизводящих колесницы бронзового века, зафиксирована на скалах по берегам рек Елангаши и Чаган.

Неоднократно отмечено сочетание техники гравировки (изображение колес со спицами, поводыев, ремней или переплетенных жердей в платформе колесницы, дышла, хвостов и грив лошадей) и пикетажа. На наш взгляд, и те петроглифы, в которых все детали такой сложной конструкции как колесница, переданы выбивкой, также нанесены на скалу по предварительно гравированному эскизу. Иногда такие эскизы лишь частично проработаны пикетажем. Есть вполне законченные фигуры и целые композиции, в которых техника гравировки и выбивки сочетаются.

В урочище Соок-Тыт нами зафиксирована многофигурная композиция, в которой фигуры животных и антропоморфных персонажей прочерчены тонкими линиями, гравировки нерельефны, на заполированной плоскости выделяются цветом. При этом в разных частях «полотна» гравировки проработаны пике-

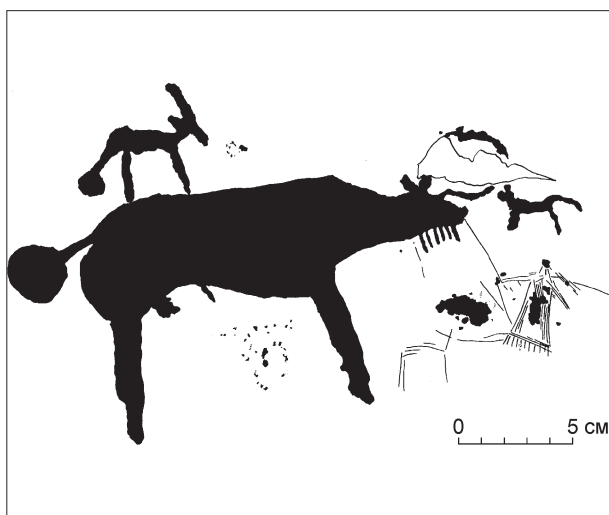

Рис. 1

- 1 – Сочетание выбивки и гравировки в композиции бронзового века. Елангаш
 2 – Прорисовка древнетюркских граффити в программе ADOB ILLUSTRATOR. Петроглифы р. Чаган

тажем, и абрис фигуры оленя частью выгравирован, а местами выбит мелкоточечной выбивкой. Наряду с человеческими фигурами, полностью выгравированными на скальной поверхности, есть и такие, у которых мелкоточечной выбивкой проработан ряд деталей, в т. ч. оружие в руках, на поясе. В этом случае очевидно, что гравировка – в качестве эскиза или изобразительной техники, чем-то не удовлетворившая автора и впоследствии доработанная другой техникой, предшествовала выбивке. В других случаях гравировки, видимо, наносились на завершающем этапе создания рисунка, дополняя выбивку (например, гривы лошадей на памятнике Джурамал).

При повторном копировании известных, но неточно опубликованных петроглифов Елангаша нами зафиксирована серия подобных ситуаций для петроглифов разных эпох. В Елангаше поверх выбитого изображения лошади резными линиями нанесено изображение всадника, стреляющего из лука в горного козла, фигура которого выгравирована и частично проработана пикетажем. Представляют интерес миниатюрные изображения, для нанесения которых были использованы резцы, оставившие линии разной глубины и ширины (Соок-Тыт). Граффити столь тонки, что получить копию контактным способом на полимерные транспаранты проблематично – самые тонкие стойкие маркеры оставляют более широкий след. При осуществлении копий таких петроглифов продуктивна корректировка полученного способом контактного копирования путем сопоставления с цифровыми фотографиями, обработанными, например, в программе *AGISOFT*. Создав по совокупности снимков ортогональную проекцию, мы получаем возможность многократно увеличить беспристрастно за-

фиксированное цифровой камерой изображение, что позволяет увидеть даже то, что в поле не было понято исследователем.

А ведь точно скопировать изображения на скалах не так просто. Контактные копии, выполненные разными копиистами, всегда различаются в деталях, зачастую один и тот же автор не может получить идентичную прорисовку рисунка со скальной поверхности. Особенно это касается многослойных, пересекающих друг друга изображений. Различия относительно сути гравированных и многократно подновленных изображений весьма существенны (Рыбаков, 2007).

В пространствах алтайского высокогорья сменяющие друг друга этносы вместе с ландшафтом наследовали и все созданное предшественниками, в том числе начертания на скалах. Изображения, однажды нанесенные на скалу, не раз подновлялись. На Алтае зафиксировано подновление выбитых рисунков пикетажем, очерчивание древних рисунков по контуру, «правка» древних изображений, включение разновременных композиций прошлых времен в собственные наскальные построения, а также проставление «подписей» под древними петроглифами. Стоит фиксировать эти новации, т. к. внедрение новых линий в древние гравюры уничтожает их, искажает, меняя сюжет, внося новые реалии.

На юге Алтая известны изображения эпохи нового и новейшего времени, они нанесены путем прочерчивания или процарапывания патины скальных поверхностей. Нанесенные поверх древних рисунков, эти композиции нередко включают в себя более ранние петроглифы. Ряд петроглифов эпохи бронзы, подновленных, высветленных на фоне древней патины, «подписаны», причем есть и названия, данные современными художниками, (например, надпись «это сарлыг» на одной из фигур), и автографы «соавторов», приложивших руку к обновлению древних рисунков. Среди новейших начертаний есть также многословные текстовые послания (любвные, стихотворные, памятные и др.), в т. ч. впоследствии намеренно зачеркнутые, уничтоженные, настоящие палимпсесты.

К огромному сожалению, буквально за последнее десятилетие нового тысячелетия – ничтожный отрезок быстротекущего времени, что так отчетливо представляешь у скалы с многотысячелетними начертаниями – на скалах Алтайских гор появились и вовсе непотребные рисунки и надписи, которые было невозможно увидеть ранее. Связано ли это с развитием туризма в регионе или же с общей деградацией культуры – можно предполагать, но нельзя не отметить. Автографы «героев» XX века, зачастую нанесенные поверх древних рисунков, на фоне новейших нецензурных граффити воспринимаются уже не так эмоционально.

А.Ф. Шорин

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

Святилище Кокшаровский холм и Юрьинское поселение: сходство и различие в категориях артефактов

Анализируются артефакты комплекса археологических памятников «Кокшаровский холм – Юрьинское поселение» на южном берегу Юрьинского озера в Верхнесалдинском городском округе Свердловской области. Расположение неолитического святилища Кокшаровский холм в центре Юрьинского поселения, жителями которого оно и насыпано в виде рукотворной возвышенности, горы дает возможность сравнить ассортимент артефактов, свойственных святилищу и поселению, т. к. эти памятники использовались одним и тем же населением. При формировании выводов учитывались, по крайней мере, три ограничения (условия):

- для неоднократных подсыпок площадки святилища земля бралась и с поселения. Поэтому вместе с культурным слоем на святилище попадали артефакты с поселения;
- утилитарная вещь при попадании в сферу ритуальной практики обычно меняла свой статус на культовый;
- и святилище, и поселение раскопаны не полностью. К тому же исследованные их площади неравноценны. На святилище – это около 400 кв. м, при глубине культурного слоя в среднем около 2 м. На поселении – 4 раскопами вскрыто не более 150 м, при глубине культурного слоя в среднем около 0,40–0,60 м. Это важно для сравнения статистических характеристик по некоторым категориям артефактов памятников.

Только на святилище присутствуют глиняные «утюжки», каменная булава, тальковые стержни с насечками, глиняные предметы сферической и бикони-

ческой форм, обычно орнаментированные, глиняная головка уточки, сломанный сланцевый шлифованный нож, обушковая часть которого оформлена в виде орнитоморфного изображения, керамические диски. Из более 60 фрагментов керамики с зооморфными налпами на поселении, и то в непосредственной близости от рвов, маркирующих сакральное и жилое пространство памятников, найдено только три. На поселении не зафиксированы сосуды, поставленные вверх дном.

Ряд категорий артефактов, хотя они встречены не только на святилище, но и на поселении, также можно трактовать как культовые. Это наконечники стрел, шлифованные топоры, тесла, долота, стамеска, ножи. Может быть, нуклеусы и керамические пряслица. Основание для такого предположения – явное преобладание этих категорий находок на святилище. Наконечников стрел на святилище более 200, а на поселении не более 40 экз. Шлифованных орудий, их обломков и сколов с них более 300 экз. на святилище и около 150 экз. – на поселении (целых орудий соответственно 14 и 4 экз., заготовок и крупных обломков – около 20 на каждом памятнике). Нуклеусов – 310 экз. и не более 40 экз., пряслиц – около 100 и менее 10 экз.

Остальные категории артефактов – типы неолитической керамики (кошкинский, кокшаровско-юрьинский, басьяновский, полуденский), ассортимент каменной и кремневой индустрии, в том числе сырьевой состав, заготовки и отходы ее производства и т.п. – в целом совпадают. Значительная часть этого массового инвентаря, вышедшего из употребления, могла оказаться на святилище в ходе его подсыпок землей с поселения.

О.В. Янишина

Музей антропологии и этнографии РАН, Санкт-Петербург

К вопросу о происхождении орнамента: по материалам древнейшей керамической посуды Дальнего Востока

В кругу основных проблем отечественной и зарубежной археологии давно и неизменно стоят вопросы, связанные с реконструкцией древнейших этапов

керамического производства. Среди них и вопрос о происхождении орнамента на керамической посуде. В российской историографии данная проблематика

разбиралась, главным образом, на материалах неолитических и постнеолитических культур лесной зоны Урала и Западной Сибири, отчасти севера Европейской части России.

Одной из особенностей керамической посуды этих культур является так называемый технологический декор. Он имеет много вариантов, но общее в нем то, что он покрывает поверхности сосудов сплошным и нерасчлененным полотном оттисков. В ряде случаев он служит фоном для нанесения уже собственно орнамента – структурированного, ритмичного и во многом абстрактного рисунка. Сопоставление технологического декора различных памятников и культур показало также, что часто он имеет имитативный характер, т.е. имитирует фактуру плетеных, тканых изделий или даже шкур животных. Отмеченная особенность, а также тот факт, что технологический декор представлен на посуде огромного круга неолитических культур северной зоны Евразии, породили гипотезу о том, что на заре гончарства существовал этап, когда собственно декоративная и техническая функции орнамента были неразделены в сознании и практике мастеров. На этом этапе орнамент наряду с решением технических задач, связанных с формовкой и обработкой поверхности сосудов, одновременно нес и вполне определенную семантическую нагрузку, обусловленную общими мировоззренческими установками первобытных сообществ.

Одним из слабых мест данной гипотезы является тот факт, что основана она на материалах, отражающих не самый ранний этап развития гончарства в лесной зоне Евразии. И в этой связи особый интерес вызывает древнейшая керамическая посуда бассейна Японского моря, относящаяся к концу эпохи верхнего плейстоцена и датирующаяся в среднем в интервале 13000–10000 радиоуглеродных лет назад. Последние десять–пятнадцать лет принесли немало новых открытий, и сегодня появилась возможность рассмотреть ее с точки зрения гипотезы о происхождении орнамента.

Во-первых, изучение древнейшей керамики Дальнего Востока показывает, что, по-видимому, нельзя рассматривать различные варианты технологического декора как нечто единое с точки зрения его предназначения. В каждом конкретном случае нужно искать свою систему аргументов для решения этого вопроса. Дальневосточные материалы подсказывают, что, прежде всего, в этом отношении должны быть

разделены гребенчатые прочесы и оттиски, придающие поверхностям фактуру, близкую к текстильной.

Во-вторых, предположение о первоначальном единстве технической и декоративной (семантической) функций орнамента в материалах по древнейшему гончарству бассейна Японского моря, скорее, не подтверждается. Здесь технический декор либо противопоставлен декоративному (осиповская культура), либо существует наряду с декоративным (громатухинская культура), либо вообще отсутствует (до-дземон).

В-третьих, дальневосточные материалы показывают, что становление орнаментальных традиций могло идти различными путями, универсальных закономерностей здесь, по-видимому, не было. Даже в пределах одной историко-культурной зоны мы видим три совершенно разных стереотипа – осиповский, громатухинский и додземонский. В то же время, именно это дает надежду на то, что со временем для лесной зоны Евразии станет возможно выявить некий набор орнаментальных стереотипов или традиций. И в этой связи обращает на себя внимание сходство громатухинских «одетых» сосудов с керамикой более западных регионов. Здесь показательны и сама идея технологического декора, имитирующего текстильные фактуры, и использование его в качестве фона для нанесения декоративных узоров, и близость инструментов и техник его выполнения, и сходство мотивов уже непосредственно декоративного орнамента. Особенно удивительны параллели в случае с движущейся или шагающей гребенкой, перекрытой прочерченными узорами.

И, наконец, последнее, на что хотелось бы обратить внимание. Первая керамическая посуда, появившись в бассейне Японского моря у носителей в целом единых традиций камнеобработки, сразу разделила их на несколько керамических ареалов, сохранивших свою самостоятельность и в последующие эпохи. На Японских островах сложилась культура дземон, на юге Дальнего Востока закрепились традиции осиповской культуры, а громатухинские – проявились в неолитических культурах Забайкалья (Шилкинская пещера, Усть-Менза, Студеное, Мухино и др.) и, возможно, еще более западных регионов. По-видимому, можно сказать, что уже на самых ранних этапах своего развития керамика обнаружила свое хорошо известное свойство – маркировать этнокультурные ареалы.

Эпоха бронзы Евразии

Li Zhang

School of Archaeology and Museology, Peking University, Peking

New Perspectives on Prehistoric Silk Routes

Past research has confirmed that there were important prehistoric interactions between China and Central Asia, starting no later than 3000 BCE. In studying that early period of interactions most archaeologists have been preoccupied with so-called Silk Routes through Xinjiang. However, if we look closely at the archaeological relics found in Xinjiang, we see that the routes through Xinjiang were not established until a much later period.

Thus far, no more than three sites dating before 1500 BCE have been discovered in the vast area of Xinjiang. This challenges the assumption that it was the site of prehistoric Silk Routes. In fact, the earliest exotic objects from Central Asia appeared in China in a place far to the east of Xinjiang, in the eastern part of Gansu Corridor. These objects date from around 3000 BCE. Analysis of the distribution of these objects from Central Asia in China reveals that the earliest Silk Route between the heartland of China and Central Asia was via the Gansu Corridor, reached by a route along the Ejin River, which terminates very close to the Minusinsk Basin, where many Steppe-culture sites, which served as a transfer station along the earliest prehistoric Silk Route, have been found.

Around the same period, the impact of Central Asia also reached China via the eastern end of the Steppe. But objects introduced by this route did not make their way to the heartland of China until 1500 BCE, in the Shang dynasty. The first route from the eastern end of the Steppe to the heartland of China was through Hebei Province, the homeland of the Shang people in early Shang period. Later a second route through the eastern Steppe was established. This route, which went mainly through Shanxi Province, started around 1200 BCE, concomitant with the simultaneous shrinking Shang territory in Hebei Province and its expansion in Shanxi Province.

After this period, these three routes continued to play an important role in the prehistory of the Silk Routes, until the Silk Routes through Xinjiang made their appearance in the Han dynasty.

This paper focuses on tracing and illuminating the prehistoric Silk Routes in different periods, on analyzing relevant archaeological discoveries, and revealing and elucidating the mechanisms behind the changes in the routes in different periods.

В.И. Балабина, Т.Н. Мишина

Институт археологии РАН, Москва

Дискуссия об особенностях функционирования энеолитического могильника на телле Юнаците и его хроностратиграфия

На телле Юнаците (Центральная Болгария) последний горизонт эпохи энеолита образуют три последовательных подгоризонта – «а», «б», «в». Подгоризонт «а», выявленный по всей площади раскопа (чуть меньше половины памятника), свидетельствует о трагических событиях – разрушенные и обгоревшие постройки с останками людей, растащенные по всей пло-

щади одиночные и сочлененные кости. Подгоризонт «б» – подсыпка, перекрывающая руины построек на большей части площади памятника. Подгоризонт «в» – строительные остатки и хозяйственные сооружения чуть более позднего времени на подгоризонте «б», свидетельствующие о еще одном непродолжительном периоде функционировании памятника как поселения.

Помимо этого на уровне, близком дневной поверхности подгоризонта «а», выявлена серия погребений – несомненный могильник, о хроностратиграфии которого и пойдет речь в данной работе. Первые публикации, появившиеся в процессе раскопок финального горизонта эпохи энеолита, предполагали прямую связь всех этих погребений с гибелью поселка и их единовременность. Однако детальное рассмотрение серии микростратиграфических данных позволяет говорить о более продолжительном существовании могильника и дает важную информацию о его хроностратиграфии.

Подгоризонты «а» и «б» – микрохронология

Есть контекстные наблюдения, свидетельствующие о том, что засыпать руины подгоризонта «а» стали не сразу. На это, в частности, указывают:

- 1) выявленные перемещения частей человеческих скелетов в сочленении как внутри разрушенных построек, так и за их пределами на значительной площади – деятельность достаточно крупных хищников (?).
- 2) По данным центрального профиля, нивелировочная подсыпка (подгоризонт «б») перекрыла так называемый котлован, уходящий под центральный профиль. Этот «котлован» существовал еще до подгоризонта «а», превратившись во время функционирования последнего в естественную составляющую рельефа. После гибели поселка, на тогдашнем уровне дна котлована появились характерные окрашенные, оранжевые затеки с обожженных глиняных полов, печей, очагов. Все это и было перекрыто серым слоем («б»).
- 3) крупная яма, принадлежащая подгоризонту «а», которую тоже сначала заполнили цветные слоистые затеки, а потом перекрыл подгоризонт «б».

Таким образом, разгромленное поселение на какой-то срок (до нескольких лет) было оставлено. После чего на большей части его площади появилась подсыпка, перекрывшая руины и пространство между ними. Она выявлена во многих бровках преимущественно северного сектора памятника и отчетливо прослеживается в центральном профиле. С течением времени, распределяясь вниз по склону холма под влиянием дождей и ветров, она превратилась в подобие «нивелировочного прослоя». Очевидно, что столь масштабные земляные работы требуют и трудозатрат и значительного времени. Все это указывает на длительное присутствие на месте, уже после гибели поселка, группы людей, скорее всего, близких его погибшим обитателям. Возможно, среди них были и выжившие насельники Юнаците.

Хроностратиграфия могильника

- 1). Выявлены погребения, которые действительно синхронны моменту разгрома поселения – индивиды с черепными травмами идентичными ранениям людей, найденных в постройках. Одно из таких погребений было совершено между развалинами и небрежно засыпано, о чем свидетельствуют слоистые затеки, заполнившие пустоты.
- 2). Для нескольких погребений документируется впуск в нивелировочную подсыпку (подгоризонт «б»).

Поэтому приходится допустить, что могильник, возникший прямо на развалинах поселка, который мы обозначили как подгоризонт «а», функционировал и через несколько лет, когда появился подгоризонт «б». Погребения, соответствующие первой фазе существования могильника, тяготеют к руинам, а остальные, впущенные в серую подсыпку, планиграфические с ними не совпадают.

В.С. Бочкарев

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

П.Ф. Кузнецов

Музей археологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, Самара

Новая разновидность металлических наконечников копий эпохи бронзы Волго-Уральского региона

Из старых собраний Самарского историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина проис-

ходит кованый наконечник копья, который, согласно сохранившимся записям инвентарных книг, был

найден в районе места впадения р. Большой Кинель в р. Самару.

Этот предмет привлекает внимание как своей формой, так и размерами. Общая длина изделия – 50,4 см. Длина пера – 27 см, ширина – до 4,8 см. Длина втулки – около 23,4 см, ее максимальная ширина (до 3,7 см) приходится на вход черенка в наконечник. Ширина окончания втулки на перо равна 2,4 см. Вес изделия – 514 г.

По форме пера и частично по его сечению предмет может быть определен как кованый наконечник со свернутой втулкой и с желобком на пере. Соответственно, перо имеет два утолщения в сечении. Перо занимает большую часть предмета. К своей нижней части перо расширяется и, в целом, имеет пламенивидную форму. Втулка расширяется в сторону ее насада на древко. И если в своей средней части она имеет округлое сечение диаметром до 2 см, то на окончании форма втулки овальная (4×2,8 см). На окончании втулки были пробиты два тонких отверстия диаметром до 2 мм. Отверстия пробиты на расстоянии в 2 мм друг от друга, изнутри втулки. Вследствие этой тонкой технологической операции образовался выраженный бугорок овальной формы. Очевидно, отверстия были пробиты на заготовке еще до того как втулка была свернута. Практическое предназначение отверстий маловероятно. Очевидно к ним крепились дополнительные украшения копья, имеющие символическое значение. Особенностью данного наконечника является наличие двух желобков с обеих сторон пера.

Описанный металлический предмет принадлежит к группе наконечников копий и дротиков с несомкнутой втулкой. По мнению многих исследователей, такие наконечники были целиком изготовлены в техникековки.

Можно предполагать, что некоторые из них выковывали из литых заготовок или полуфабрикатов. К таким изделиям, возможно, относится и самарский экземпляр.

Наконечники с кованой несомкнутой втулкой появились на территории Восточной Европы в эпоху средней бронзы. Особенно большое распространение они получили на Кавказе, где их продолжали изготавливать в эпоху поздней бронзы и даже в начале века железа (кобанская и колхидская культуры).

В Волго-Уральском регионе такие наконечники известны в памятниках фатьяновской, балановской, абашевской, полтавкинской и катакомбной культур. Они также встречаются в целом ряде комплексов начальной поры эпохи поздней бронзы (синташтинских, раннепокровских, потаповских и сейминско-турбинских). Позднее, на втором этапе поздней

бронзы их вытеснили из употребления цельнолитые наконечники.

Волго-уральские наконечники прошли долгий и сложный путь развития. Поэтому в типологическом отношении они весьма разнородны. Друг от друга они также заметно отличаются по степени технологического совершенства. Несмотря на это разнообразие, среди них не удалось найти полные аналогии самарскому наконечнику. Наибольшее сходство он обнаруживает с изделиями красноярского типа, выделенного К.В. Сальниковым и Е.Н. Черныхом (Сальников, 1967. С. 68; Черных, 1970. С. 53). У них сходные формы пера и общие пропорции. Но больше всего их сближает такой признак как желобок на стержне пера. Правда, у наконечников красноярского типа он не двусторонний, а односторонний. Но само его наличие является столь редкой чертой, что следует говорить о типологическом родстве всех этих наконечников.

К.В. Сальников, а вслед за ним и Е.Н. Черных, отнес наконечники красноярского типа к абашевской культуре. Этот вывод носит предположительный характер, т. к. ни один из этих наконечников не был найден в достоверном комплексе. Тем не менее, вывод об абашевской принадлежности наконечников представляется наиболее вероятным. Его подтверждает целый ряд косвенных данных. Они же позволяют датировать самарский наконечник концом эпохи средней бронзы и связать его с абашевским металлопроизводством.

Кроме типологического своеобразия, самарский экземпляр примечателен своими размерами. Его общая длина достигает почти полуметра, а длина пера – 27 см. По нашим данным, это самый большой наконечник копья эпохи бронзы, найденный в Восточной Европе. По длине он заметно превосходит наконечники сейминского и турбинского типа. Эти последние на протяжении всей эпохи бронзы оставались самыми крупными наконечниками во всей Северной Евразии.

Несмотря на внушительные размеры, самарский наконечник является сравнительно легким изделием. Обращает на себя внимание его непропорционально узкое перо и тонкая втулка. Судя по этим показателям, кажется маловероятным, что это изделие действительно было наконечником боевого копья. Скорее всего, его использовали в качестве некоего навершия или штандарта.

Подобная функция некоторых сейминско-турбинских наконечников предполагалась и ранее (Бочкарев, 2004. С. 404–406). Такого рода эмблемы, дорогое оружие, богатые воинские погребения могут свидетельствовать в пользу того, что на рубеже эпох средней и поздней бронзы в Волго-Уральском регионе сформировалась воинская страта с особым общественным и социальным статусом.

Бочкарев В.С., 2004. О функциональном назначении петель-ушек наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // Археолог: детектив и мыслитель. СПб.

Сальников К.В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М. Черных Е.Н. 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.

Культура вары-хадыта и проблемы культурогенеза Северо-Западной Сибири в раннем бронзовом веке

Культурное своеобразие нижнеобских памятников раннего бронзового века было осознано одновременно с первым профессиональным анализом материалов стоянки Салехард I (Чернецов, 1953. С. 46). Только через полвека, в связи с появлением репрезентативных и хорошо документированных источников, это своеобразие было идентифицировано на уровне культурного типа «вары-хадыта» (Васильев, 2000). Археологические открытия последних лет (Кудрич, 2010) не только подтвердили оригинальность памятников этого типа, но продемонстрировали устойчивость культурной традиции в пределах непрерывного и обширного ареала, что позволяет рассматривать раннебронзовые древности Севера Западной Сибири как единую археологическую культуру. За этой культурой предлагается сохранить название «вары-хадыта», поскольку ансамбль ее признаков наиболее полно отразился именно в материалах эпонимного поселения Вары-Хадыта II.

Культура вары-хадыта – один из самых ярких феноменов сибирской доистории. Занимая арктические окраины тогдашней ойкумены в пределах приустьевой части бассейна Оби и Южного Ямала, она продемонстрировала высокий уровень социокультурной адаптации к экстремальной для человека среде обитания.

Для системы расселения характерны небольшие (сезонные?) поселки из 3–4 жилищ. Жилые постройки представляли собой прямоугольные полуземлянки площадью от 40 до 100 кв. м, углубленные в почву на 30–60 см. К особенностям интерьера относятся глубокие зольники рядом с единственным очагом и маркированные охрой зоны с особым (сакральным?) статусом. Важное значение имели большие и глубокие хозяйственные ямы, вырытые в межжилищном пространстве до слоя вечной мерзлоты.

Каменная индустрия культуры относится к категории кварцево-сланцевых. Она предполагает широкое использование кварцевого и кварцитового сырья для производства скребков, скобелей, долот, режущих инструментов, а сланцев и близких к ним по структуре пород – для изготовления топоров, тесел, наконечников стрел. К числу специфических форм можно отнести шлифованные листовидные и подтреугольные наконечники стрел с хорошо выделенной зоной насада.

Наличие бронзовых предметов (древнейших в сибирском секторе Арктики) и следов местной металло-

обработки (сплесков меди или бронзы) позволяют отнести культуру вары-хадыта к числу металлоносных. Впрочем, мизерный объем металлообработки свидетельствует скорее о ее вовлеченности в евразийское культурное пространство, нежели о существенной технологической новации.

Экономической основой этой культуры могло быть продуктивное промысловое хозяйство, основанное на охоте на северного оленя (кости которого абсолютно преобладают в кухонных остатках) и сетевом рыболовстве. Как это иногда случалось в истории, суровость арктической природы компенсировалась доступностью пищевых ресурсов. Не исключено, что именно на период ранней бронзы приходится резкий сдвиг к югу полярной границы леса. Соответственно расширение зоны тундры способствовало росту поголовья северного оленя – важнейшего промыслового зверя Крайнего Севера (оленеемость пастбищ тундры и лесотундры примерно вдвое больше емкости пастбищ таежной зоны). Обилие копытных, тем не менее, не привело к узкой специализации. Сетевое рыболовство в низовьях и дельте Оби для раннего бронзового века археологически доказано. С учетом практически неисчерпаемых запасов рыбы в этом регионе оно делало местную экономику не только более сбалансированной, но и более стабильной.

Высокий потенциал культуры ярче всего раскрылся в керамическом производстве, которое выходит далеко за пределы утилитарного гончарства. Керамика вары-хадыты замечательно разнообразна. Наряду со стандартной круглодонной посудой получили распространение ладьевидные емкости (14–15% сосудов). Среди них выделяются уникальные блюда, украшенные скульптурными налепами в виде зверьков, заглядывающих внутрь сосуда. Разнообразие форм сочетается с декоративным разнообразием. Выделяются 3 орнаментальных стиля, каждый из которых определялся техникой нанесения узора, набором декоративных мотивов, способом организации орнаментального пространства.

Стиль сотового геометризма (рис. 1: 1–3). Характеризуется сложными геометрическими композициями, первичными элементами которых являются разнообразные зигзаги, прямоугольники, ромбы и шестиугольники-соты. Орнамент наносился преимущественно гладким штампом в технике простой печати, доля гребенчатых узоров минимальна.

Отступающее-накольчатый стиль (рис. 1: 4–6). Определяющим элементом стиля является техника нанесения узора. В качестве орнамента использовались лопаточка, резе – палочка, которыми наносились наколы с последующим легким протягиванием инструмента. Орнаментальное пространство сосуда структурировалось прямыми линиями на горизонтальные зоны, которые заполнялись лишенными четкой геометрии зигзагообразными или ромбовидными фигурами. Сложные геометрические композиции отмечены только на ладьевидных сосудах (рис. 1: 6).

Фигурно-штамповый стиль (рис. 1: 7–9). Определяется использованием уголкового (птицевидного), дуговидного (арочного), реже – круглого штампов. Характерно абсолютное преобладание гладких фигурных орнаментов над гребенчатыми. Известны простые композиции, состоящие из однообразных прямых линий, но чаще сосуды украшали сложносоставные ромбовидные фигуры, образующие эффектные декоративные пояса.

Как универсальный декоративный элемент, не связанный с каким-либо из обозначенных стилей, сле-

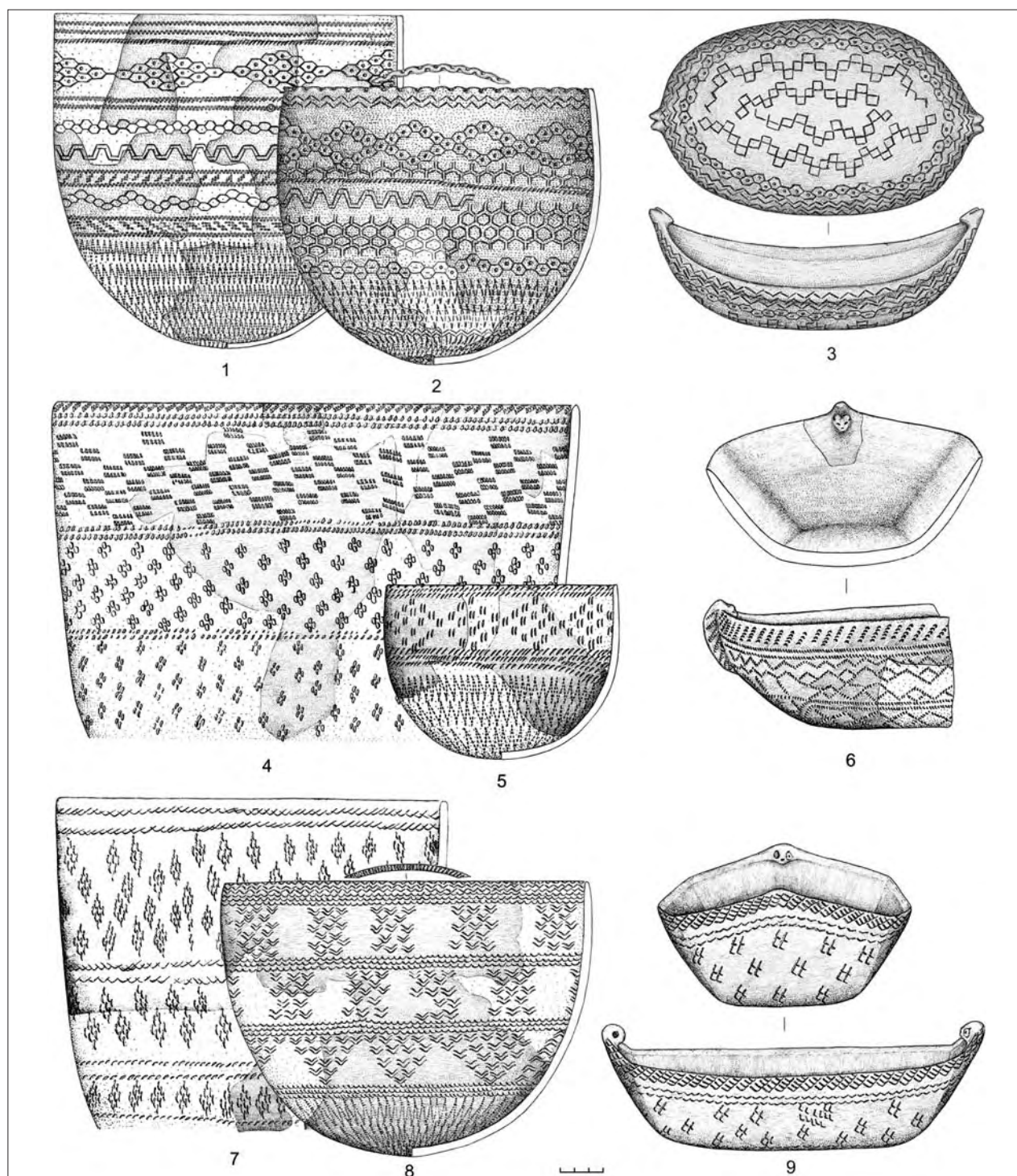

Рис. 1
Керамика культуры вары-хадзыта

дует рассматривать орнаменты, выполненные гребенчатой и гладкой качалкой. Они в равной мере сочетаются с сотовыми, отступающе-накольчатыми, фигурно-штамповыми мотивами, занимая при этом придонную часть сосудов.

Каждый из выделенных стилей имел свои оригинальные истоки. Фигурно-штамповые узоры восходят к местной орнаментальной традиции. Керамика, украшенная уголковыми, дуговидными и круглыми штампами в сочетании с шагающими оттисками гребенчатых и гладких орнаментиров, является визитной карточкой памятников йоркутинского типа, которые в энеолитическое время локализовались в низовьях Оби и на Южном Ямале. Установить истоки отступающе-накольчатого орнамента в керамике вары-хадьты на сегодняшний день невозможно. В неолите и энеолите посуда, украшенная в подобном стиле, была распространена в таежной полосе Западной Сибири едва ли не повсеместно. Столь широкий ареал затрудняет поиски реального прототипа. Стиль сотового геометризма столь же специфичен, сколь определен в своей локализации. Не вызывает сомнений его связь с сартыньинской культурой, занимавшей в эпоху ранней бронзы территорию Нижнего Приобья.

Васильев Е.А., 2000. Поселение Вары-Хадьты II и проблемы первобытной археологии Ямала // Научный вестник. Вып. 3. Салехард.

Кудрич О.С., 2010. Керамика поселения Горный Самотнел как компонент формирования культуры населения низовьев Оби

Синтетический характер орнаментального комплекса проливает свет на формирование новой культуры. Начало культурурогенеза связывается с продвижением по Оби на север части сартыньинского населения, которое принесло в высокие широты навыки металлообработки, традицию изготовления ладьевидных сосудов, специфический сотовый геометризм в орнаментике. В низовьях Оби и на юге Ямала мигранты столкнулись с аборигенными группами, в культуре которых были интегрированы йоркутинские черты и компонент отступающе-накольчатой керамикой.

Исходя из предложенной модели, хронология культуры вары-хадьты определяется ее положением между йоркутинскими и позднесартыньинскими комплексами в пределах последних столетий III – первых веков II тыс. до н.э. Этому не противоречат 4 радиоуглеродные даты, полученные в отечественных (Ле-6286 – 4090±30 ВР; Ле-6926 – 4140±30 ВР) и зарубежных (Beta-110111 – 4040±70 ВР; Beta-110112 – 4180±70 ВР) лабораториях. Однако калибровочная коррекция удревняет их возраст на 500–700 л., актуализируя противоречие между устоявшимися хронологическими схемами и новациями в области радиоуглеродного датирования.

в эпоху энеолита-бронзы // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск.

Чернецов В.Н., 1953. Древняя история Нижнего Приобья. МИА. № 35. М.

Е.И. Гак

Государственный исторический музей, Москва

Поселение Рыкань-3 и некоторые проблемы изучения катакомбной культуры в лесостепном Подонье

Катакомбная культура лесостепного Подонья, как и большинство восточноевропейских культур эпохи бронзы, выделена и в основном оценивается по данным погребальных памятников. Однако при всех своих достоинствах погребальные источники не дают ответов на многие вопросы, связанные с реалиями повседневной жизни. Компенсировать этот недостаток могло бы изучение катакомбных поселений, но их остатки, как правило, залегают на многослойных памятниках, условия которых не позволяют вычлнить комплекс конкретного поселка целиком, включая относящиеся к нему сооружения, вещи, мусор и т.д. Основанные на материалах многослойных памятников исторические выводы воспринимаются далеко неоднозначно, а зачастую и весьма скептически (Литвиненко, 2000).

В этой связи актуальное значение имеют исследования поселений с непотревоженными и хорошо сохранившимися материальными остатками единовременного накопления. Такие объекты не только в Подонье, но и во всем катакомбном ареале представляют собой редкое явление. Один из них – поселение Рыкань-3 – расположен у с. Рыкань Новоусманского р-на Воронежской обл., на останце невысокой надпойменной террасы правого берега р. Усмань (левый приток р. Воронеж).

Первоначально поселение исследовалось Ю.П. Матвеевым в 1979 г. Спустя 30 лет раскопки памятника в комплексе с естественнонаучными изысканиями возобновила экспедиция ГИМ под руководством автора. К 2011 г. на поселении вскрыто около 870 кв. м.

Поселение Рыкань-3 имеет несколько существенных особенностей, выделяющих его в ряду катакомбных поселений лесостепного Подонья.

1. С момента запустения территория поселения больше не осваивалась, что благоприятствовало консервации культурных остатков. Последние залегают сразу под дерном в гумусированном суглинке небольшой мощности (0,3–0,35 м), подстилаемом неантропогенным почвенным горизонтом. В отличие от многих катакомбных поселений с песчано-супесчаным культурным слоем, здесь хорошо сохраняются кости животных, дающие важную информацию о хозяйственно-бытовом укладе жизни обитателей поселка.

Аналитическими палеопочвенными исследованиями установлено, что культурный слой памятника не обособляется от остальной почвенной массы в силу сравнительно слабого антропогенного воздействия и длительного преобразования природными процессами. Максимальный уровень антропогенной нагрузки

соответствует нижней части культурного слоя, для которой отмечается резкое уменьшение коэффициента биологической активности, вызванное угнетением растительности и почвенной фауны. К этому же горизонту приурочены очаги, кострища, скопления кухонного мусора, маркирующие поверхность почвы на момент функционирования поселка.

2. Поселение Рыкань-3 характеризует выразительный комплекс стационарных сооружений разного назначения. Особенно интересны котлованы. Самый поздний, сохранившийся частично, имел подпрямоугольную форму и глубину 0,4 м. На дне котлована прослежен тонкий слой натопта, обрамлявшего пятна двух очажных ям. По кости крупного рогатого скота из одного из очагов получена радиоуглеродная дата: 1σ 2496–2456 cal BC (GrA-45167). Расположенные вдоль кромки и снаружи котлована столбовые ямки свидетельствуют о существовании над ним наземной постройки, имевшей каркасно-столбовую конструкцию

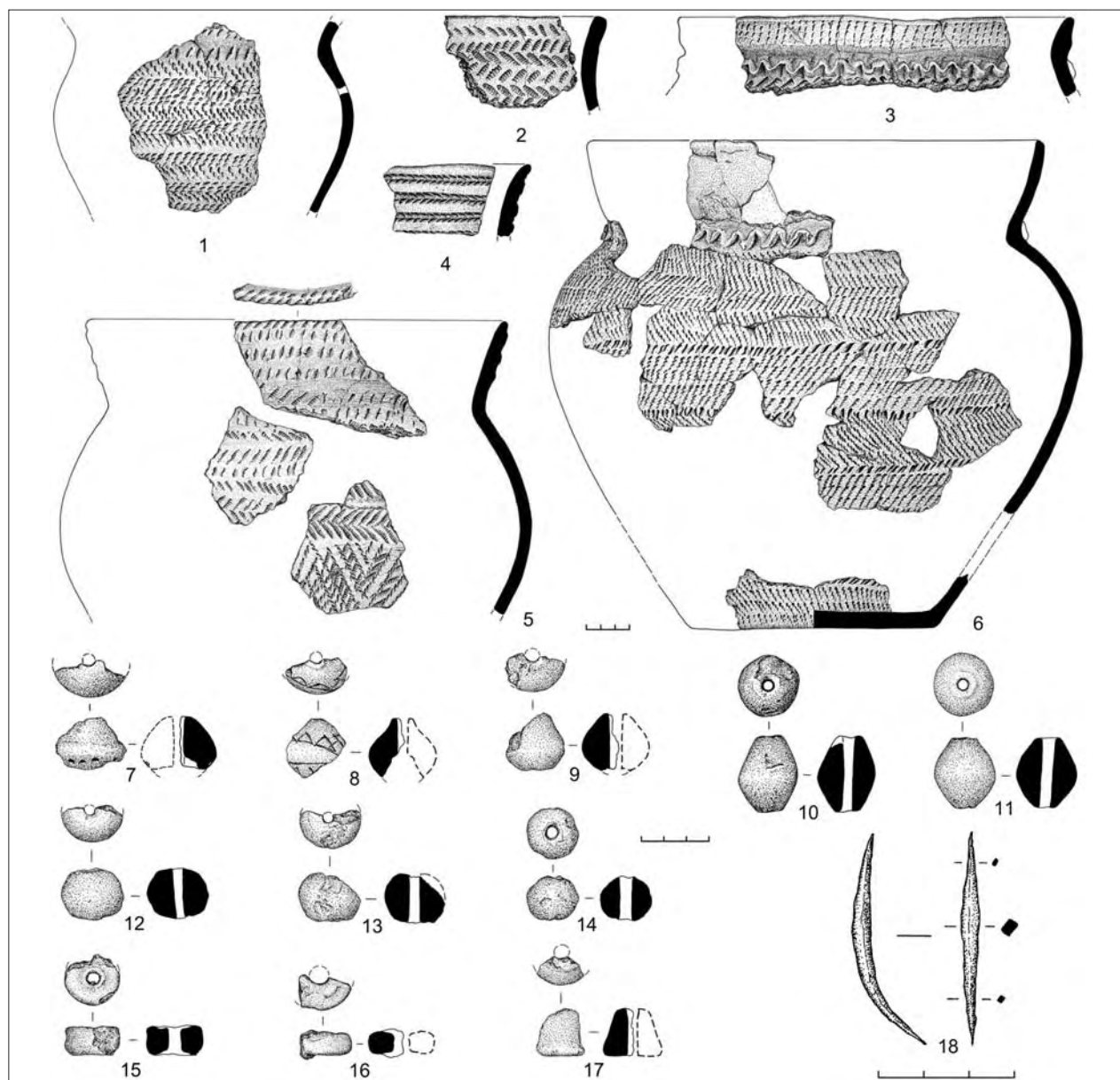

Рис. 1

Поселение Рыкань-3, материалы из раскопок 2009–2010 гг.

стен. Подобные сооружения, связываемые с недолговременными катакомбными поселками, изучены на ряде многослойных памятников донской лесостепи (Пряхин, 1982. С. 60–61, 69; Ивашов, 2005. С. 115).

В основе других построек поселения Рыкань-3 находились сооружения иного типа. Это небольшие по площади (до 15 кв. м), но глубокие (до 1,2 м от поверхности) котлованы, очевидно, перекрывавшиеся деревянным настилом и выполнявшие функцию подпольных погребов. По внешнему краю котлованов сохранились ямки от столбовых опор, являвшихся элементами общей наземной конструкции постройки. Такие объекты впервые обнаружены на поселениях катакомбной общности. Впервые зафиксирован и обряд помещения задней конечности собаки в нишу, вырубленную в стенке самого крупного котлована. Кость крупного рогатого скота с дна этого котлована дала радиоуглеродную дату: 1σ 2700–2621 cal BC (GrA-45169).

Стоит упомянуть и еще об одном необычном сооружении – яме округлых очертаний, глубиной 1,4 м, со ступенчатым спуском к плоскому дну. В отличие от погребов построек ее заполнение было сложено прокалом и золой с включением угля и обгоревших костей животных. Натопт на дне ямы отсутствовал, что заставляет предполагать целенаправленный сброс в нее пиротехнических отходов. Это наводит на мысль о своеобразном ритуале, в процессе которого прокал и золу очажных ям складировали в специально сооруженный для них объем. Высказанную гипотезу подкрепляет размещение объекта в центре занятой поселением площадки.

Выявленные на поселении очаги имели признаки непродолжительной эксплуатации. Многие из них располагались на значительном удалении от котлованов, и, скорее всего, вообще не были связаны с постройками. Каждый такой очаг вряд ли использовался дольше

одного сезона. Учитывая другие данные (особенности культурного слоя, планиграфию кухонного мусора, конструкции построек), следует полагать, что и поселение в целом имело сезонный характер.

3. Материалы поселения Рыкань-3 находят соответствие в местных курганных памятниках среднедонской катакомбной культуры конца раннего – развитого (второго) этапов (Синюк, Матвеев, 2007. С. 39–46). В керамическом комплексе представлены основные виды характерной для этого времени посуды (рис. 1: 1–6). Типична и орнаментация, нередко покрывающая почти всю наружную поверхность сосуда. Среди предметов хозяйственно-бытового назначения примечательны разнообразные по форме глиняные пряслица (рис. 1: 7–17) и медное шило с намеренно изогнутым тонким рабочим концом (рис. 1: 18).

На основании данных радиоуглеродного анализа время существования поселения Рыкань-3 – XXVII–XXV вв. до н.э. По археологическому материалу возможно сужение этого диапазона до XXVI–XXV вв. до н.э. Намечается синхронизация поселения с памятниками степной зоны, относящимися ко времени сложения локальных катакомбных культур. Для среднедонской культуры ^{14}C данные до сих пор отсутствовали. Закономерно, что полученные датировки вступают в противоречие с традиционной хронологической схемой (Синюк, Матвеев, 2007. С. 51–52), необходимость переосмысления которой давно назрела.

В целом, материалы поселения Рыкань-3 позволяют не только оценить своеобразие данного объекта в ряду известных катакомбных поселений, но и глубже понять некоторые стороны повседневной жизни и идеологических воззрений местных катакомбных племен, иначе ставить вопросы абсолютной хронологии памятников среднедонской катакомбной культуры.

Ивашов М.В., 2005. Ранний этап катакомбных древностей на Верхнем Дону // II Городцовские чтения. Труды ГИМ. Вып. 145. М.
Литвиненко Р.А., 2000. К относительной хронологии культур конца средней – начала поздней бронзы бассейна Северского Донца // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк.

Пряхин А.Д., 1982. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж.
Синюк А.Т., Матвеев Ю.П., 2007. Среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы (по данным курганных комплексов). Воронеж.

С.П. Грушин

Алтайский государственный университет, Барнаул

К вопросу об использовании транспортных средств населением Алтая в эпоху ранней бронзы¹

Елунинская культура бронзового века была распространена на территории лесостепного Обь-Ирты-

шья в XXII–XIX вв. до н.э. (Кирюшин и др., 2010). Археологический материал этой культуры свидетельст-

¹ Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект № 2009-1.1-301-072-016 и гос. контракта № П1140 «Система жизнеобеспечения и производства населения Алтая в эпоху энеолита и ранней бронзы (вторая половина IV – начало II тыс. до н.э.)».

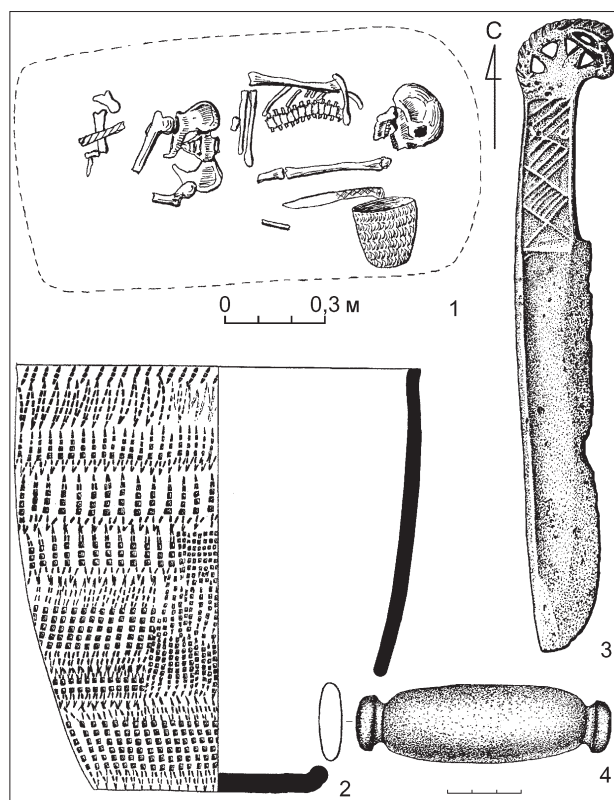

Рис. 1
Елунинский грунтовый могильник-I, мог. № 1: 1 – план погребения; 2 – керамический сосуд; 3 – бронзовый нож; 4 – каменный оселок (по: Кирюшин, 2002)

вует о скотоводческом характере хозяйства населения. Доминирующей отраслью, обеспечивающей основные продукты питания, являлось скотоводство – разводили мелкий рогатый скот, лошадь и крупный рогатый скот. Охота и рыболовство играли незначительную роль. Скотоводство создавало сырьевую базу для домашних производств и изготовления оружейного набора для многих форм деятельности. О занятиях металлургией свидетельствуют многочисленные кусочки руды, шлаки, окалины, сплески металла и готовые орудия. Определенное значение имели также деревообработка, гончарство, скорняжное производство, ткачество (Грушин, 2008).

Достаточно высокий уровень экстенсивного скотоводства, горнорудного дела и металлургии предполагает использование животных не только как источника пищи, но и в качестве тягловых скота. Однако археологических свидетельств этому из памятников елунинской культуры пока мало. Так, по палеозоологическому определению кости быка с поселения Березовая Лука принадлежали особи старше 3,5 л., т.е. животное использовали в домашнем хозяйстве длительное время. Кости лошади имели сильно развитые разрастания тела кости (эк-

зостозы), образующиеся в результате длительной эксплуатации при повышенных нагрузках на суставы (тяжелая работа), либо при быстрых движениях (езде) по неровному грунту (Кирюшин и др., 1995. С. 52–54).

О вероятности знакомства елунинцев с колесным транспортом может свидетельствовать семантика расположения некоторых предметов в погребениях. Так, в могиле № 1 Елунинского грунтового могильника-I был похоронен мужчина, который по свидетельствам антропологов при жизни переболел костным туберкулезом, в результате чего он хромотал, кроме того среди соплеменников он выделялся высоким ростом. В могиле вместе с останками погребенного и классическим елунинским сосудом были обнаружены, лежавшие перпендикулярно друг к другу, бронзовый нож с навершием в виде головы коня и каменный точильный брусок с оформленными на концах желобками (рис. 1). По мнению Б.Н. Пяткина, данный комплекс мог символизировать запряженно-го в колесницу коня (Кирюшин, 1987. С. 117).

О широком распространении колесного транспорта в Центральной Азии и на Алтае, в т.ч. и в эпоху бронзы, свидетельствуют многочисленные наскальные изображения колесниц и повозок (Новоженков, 1994. С. 19; Кубарев и др., 2005. С. 87–90). Таким образом, есть некоторые основания считать, что елунинцы могли использовать быков и лошадей в качестве тягловых животных, запрягая их в повозки.

Другой вариант использования лошади как транспортного средства запечатлен в скульптурном навершии бронзового ножа из могильника Ростовка в Среднем Прииртышье. Некоторые исследователи считают, что здесь изображен лыжник, который управляет взнузданной лошастью с помощью поводев (Матющенко, Сеницына, 1988. С. 78). В зимний период животных могли подпрягать к волокушам или саням – этот способ передвижения и транспортировки был широко распространен у народов Северного Алтая (челканцев, кумандинцев, тубаларов и шорцев – Бельгибаев, 2004. С. 214).

Таким образом, о возможности использования колесного транспорта елунинцами имеются только косвенные свидетельства. Ни остатков самих повозок, ни их изображений, которые можно было бы достоверно связать с елунинской культурой, пока не выявлено. Однако на наш взгляд, основываясь на представленных материалах можно предположить некоторые варианты использования животных в качестве тягловой силы. Там более, что западные (синташтинско-петровские племена) и восточные (окуневское население) соседи елунинских племен знали и использовали колесный транспорт.

Бельгибаев Е.А., 2004. Традиционная материальная культура челканцев бассейна р. Лебедь (вторая половина XIX–XX в.). Барнаул.

Грушин С.П., 2008. Поселение Березовая Лука: реконструкция системы жизнеобеспечения // Известия Алтайского государственного университета. Вып. 4/2. Барнаул.

Кирюшин Ю.Ф., 1987. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул.

Кирюшин Ю.Ф., 2002. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул.

- Кириюшин Ю.Ф., Гальченко А.В., Тишкин А.А., 1995. Результаты анализа остеологического материала из поселения Березовая Лука // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. II. Барнаул.
- Кириюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А., 2010. Елунинская культура бронзового века в Обь-Иртышском междуречье // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И. Сарианиди. ТМАЭ. Т. 3. СПб.

- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э., 2005. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск.
- Матюшенко В.И., Сеницына Г.В., 1988. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск.
- Новоженков В.А., 1994. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии. Алматы.

Н.А. Дубова

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва

Погребальные сооружения Гонур Депе, Туркменистан

Благодаря широкомасштабным раскопкам Маргианской археологической экспедиции под руководством В.И. Сарианиди, с 1972 г. на памятнике бронзового века Гонур Депе в Туркменистане (2250–1600 гг. до н.э.) раскопано более 4000 погребений. Они группируются в несколько могильников, самый крупный из которых, главный или большой некрополь Гонура, уже получил свое отражение в публикациях (Сарианиди, 2001; Sarianidi, 2007). На нем описано 2642 погребальных сооружения, относящихся в основном к периоду основания памятника. Остальные выявленные могилы датируются более поздним временем и в большинстве своем находятся на руинах уже пришедшего в упадок дворцово-храмового комплекса, являвшегося главным ядром города. Исключение составляют погребения царского некрополя, который был устроен на восточном берегу большого южного бассейна и имеет радиоуглеродные даты 2300–2250 гг. до н.э. (Сарианиди, 2006; 2007; 2008; Сарианиди, Дубова, 2010; Зайцева и др., 2008).

Выявленные несколько типов погребальных сооружений по-разному распределяются по могильникам. На большом некрополе 79,4% от числа могил, содержащих костные останки, составляют шахтные (подбойные) могилы; 15,7% – ямные (из них 7,4% имеют обожженные стенки); 2,0% – цисты; 1,8% – могилы в виде подземных домов (камерные) и 1,1% – поминальные лунки. Все остальные могильники (общее число могил – 1377, тип определен в 1069 случаях) показывают другую картину: на них большинство образуют ямные погребения (62,11% от всех могил и от 29,6% на раскопе 15 до 90,5% на раскопе 14). Почти равную долю составляют цисты (15,0% от всех и от 0,0 до 33,3% по разным территориям) и подбойные (соответственно 14,9%; 0,0–37,0%). Царский некрополь Гонура занимает площадь около 0,6 га. Всего там раскопано 65 сооружений: 9 царских гробниц (подземные модели многокомнатных домов; одна из них – совершенно пустая), 3 крупных котлована (в т.ч. огромный – до 5 м в диаметре и до 2,5 м глубины), 4 камерные (подземные модели 1–2-ком-

натных домов со столами, очагами, нишами с посудой), 2 подбойные могилы, 9 цист и 39 более поздних впускных ямных погребений (в трех из них – дети в крупных хумах). В.И. Сарианиди (2001; 2008) уже было отмечено, что погребальные приношения, также как и разные типы могил, свидетельствуют о значительном социальном расслоении маргианского общества: даже притом, что практически все камерные могилы и цисты были жестоко ограблены, подавляющее большинство гонурских золотых и серебряных изделий происходит именно из них. Если камерные могилы, где практиковался последовательный обряд захоронения, воспроизводят модели простых домов, имеющих вход, то царские гробницы отличает не только сложная архитектура (в гробнице 3235 имеется 8 комнат, в других — 4–5), наличие дворов перед ними (в 5 из 9 гробниц), прекрасные образцы ювелирного и прикладного искусства, украшение фасадов мозаичными композициями с элементами живописи, наличие четырехколесных повозок, очень длинных каменных посохов, каменных миниатюрных колонок и дисков, других предметов, маркирующих высокий социальный статус погребенных, но и большое число убитых рабов. Последнее обстоятельство не зафиксировано ни на одном другом известном памятнике Маргианы и в могилах других типов, в т. ч. – камерных.

Кроме конструкции царских гробниц и погребальных приношений в них, царский некрополь выделяется наличием, как выше указано, трех котлованов. Каждый из этих котлованов находится рядом с одной из царских гробниц: котлован 3225 – с гробницей 3230; 3240 – с 3235. Из трех котлованов особо выделяется один – 3900, устроенный неподалеку от погр. 3220, отличающегося от других царских гробниц сооружением наземной невысокой стены, окружающей территорию вокруг собственно гробницы, на которой устроены 2 прямоугольных подземных алтаря огня и одна грушевидная ритуальная печь. В инситу погр. 3900 были погребены 7 мужчин (по-видимому, слуги или рабы), 7 собак (еще одна

собака была похоронена в верхнем слое могилы), 2 осла и 2 верблюда. Там же находилась четырехколесная повозка, огромный бронзовый котел, 2 каменных посоха и бронзовая лопата, а также два керамических сосуда средних размеров. Столь специфический состав погребенных и наличие набора погребальных приношений, которые полностью отсутствуют в двух других котлованах, где встречены после ограбления лишь кости животных, останки четырехколесных повозок и большого числа рабов/слуг (в 3225 – 10 человек, в 3240 – 17), свидетельствуют об особом, скорее всего ритуальном значении этих могил.

Сарианиди В.И., 2001. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.
Сарианиди В.И., 2006. Царский некрополь на Северном Гонуре // ВДИ. № 2(257).
Сарианиди В.И., 2007. Дворцово-храмовый комплекс Северного Гонура // РА. № 1.
Сарианиди В.И., 2008. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад.

Кроме перечисленного, на прилегающей к царским гробницам территории выявлены особые могилы осла с погребальными приношениями (3340) и два захоронения быков. Один бык был захоронен целиком в обычной яме (3995), а второй – в расчлененном виде (3990), причем туша животного была разделана с прекрасным знанием анатомии (не нарушен ни один сустав, при разрезании грудной части пополам не повреждены даже отростки позвонков) и сложена особым образом.

Вышесказанное позволяет уверенно говорить о том, что царский некрополь Гонура был местом упокоения правящей верхушки маргианского общества.

Сарианиди В.И., Дубова Н.А., 2010. Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура (Предварительное сообщение) // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И. Сарианиди. ТМАЭ. Т. 3. СПб.
Зайцева Г.И., Дубова Н.А., Семенов А.А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнер Х., 2008. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Деде // ТМАЭ. Т. 2. 2008. М.
Sarianidi V., 2007. Necropolis of Gonur. 2nd edition. Athens.

А.В. Епимахов

Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Челябинск

Синташтинское дистанционное вооружение (реконструкция некоторых параметров)¹

Высокий уровень развития военного дела практически единогласно признается одним из ключевых признаков синташтинской культуры Южного Урала (начало II тыс. до н.э.). Это заключение надежно аргументировано системами фортификации поселений, находками оружия (для ведения дистанционного и ближнего боя) и военной техники (колесничный комплекс). К категории дистанционного вооружения относятся единичные находки деталей усиленного лука и многочисленные наконечники стрел – более 300, широко представленные в погребениях, реже – в материалах поселений (менее 10%). Разнообразие типов может быть сведено к четырем группам: каменные черешковые (по 43%) и бесчерешковые (по 43%), костяные (11%), металлические (3%). По функциональному принципу наконечники стрел независимо от материала относятся к группе колюще-режущих, следовательно, проникающие свойства этого вооружения определялись в основном твердостью материала и массой стрелы.

Каменные черешковые наконечники стрел отличается сводчатая головка, выделенный округлый черешок (1/5–1/4 длины). Более половины значений дли-

ны группируются в интервале 55–75 мм (размах вариации – 32–113 мм). Средняя же масса составляет около 12 г. Каменные бесчерешковые наконечники стрел по оформлению насада имеют три варианта: с вогнутым, прямым и округлым основанием. Крайние значения длины далеко отстоят друг от друга (11–80 мм), однако кривая близка нормальному распределению и 85% значений приходится на интервал 21–45 мм. Средний показатель массы – около 3 г. Все костяные и роговые наконечники черешковые, хотя основные признаки сильно отличаются. Удельный вес материала существенно меньше камня и бронзы, поэтому многие из находок отличаются крупными размерами (более 10 см длиной). Масса таких наконечников близка значениям каменных бесчерешковых. Металлические наконечники стрел характеризуются черешковым насадом и выделенным пером. Отличия касаются размеров, оформления нервюры, формы пера и массы (в среднем – 20 г).

С целью реконструкции длины стрелы (для каждой из групп) использована методика, основанная на соотношении массы древка и наконечника (1:6–1:9; Коробейников, Митюков, 2007). Для удобства исчис-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 11-06-91330 ННИОа.

ления древко стрелы рассматривалось как цилиндр, изготовленный из березы, плотность которой хорошо известна. Немногочисленные находки синташтинских деревянных изделий показывают, что береза и сосна – наиболее часто используемые материалы. К тому же этот показатель не очень существенно влияет на конечный результат. Исходя из массы и плотности дерева, был выяснен объем материала древка и по формуле объема цилиндра – варианты длины для разных диаметров от 5 до 15 мм с шагом 2,5 мм. Поскольку вопрос о соотношении масс наконечника и древка также не решен однозначно, были просчитаны основные возможные «сценарии».

Вычисления указывают, что древко менее 7,5 мм диаметром не могло использоваться без дополнительных «утяжелителей». Наиболее легкие бесчерешковые наконечники оснащались только древками диаметром 7,5–10 мм и длиной 68–80 см. Последняя величина могла корректироваться за счет породы дерева, степени его просушки и оперения (неучтенного в нашем варианте подсчета). Для каменных черешковых и металлических наконечников были необходимы древки 1,25–1,5 см диаметром, диапазон вероятных длин в этом случае достаточно широк – 48–88 см для каменных и 68–91 см — для металлических. Часть крайних значений кажутся маловероятными, но возможности сузить интервал использованный вариант методики не предоставляет. Несмотря на общую реалистичность результатов, приведенные цифры в целом кажутся завышенными, в т. ч. и при сопоставлении с этнографическими аналогами.

Археологические материалы также не дают прямых ответов на поставленные вопросы. Информация об органических частях стрел имеется для металлических наконечников, для которых установлен диаметр древка (Генинг и др., 1992. Рис. 185, 2, 4, 5) – чуть более 10 мм. Однако распространять это наблюдение на стрелы с иными типами наконечников вряд ли разумно. Теоретически может быть использована и ширина черешка у каменных наконечников стрел, однако она, скорее, задает только нижний порог (5–6 мм) диаметра древка.

Контекст находок оказывается не слишком полезен в силу плохой сохранности. Кроме процесса археологизации, свою лепту внесла и традиция разрушения захоронений, коснувшаяся половины погребений с комплексом лучника. В нашем распоряжении лишь единичные факты. В могильнике Каменный Амбар-5 (погр. 15 кургана 2) стрелы были, видимо, помещены в несохранившийся колчан наконечниками, ориентированными в разные стороны. Это позволило установить максимальную длину как минимум некоторых из них – 60–70 см (Епимахов, 2005. С. 56). В Большекараганском могильнике (погр. 13 кургана 25 – Аркаим, 2002. Рис. 34) скопление наконечников стрел (колчан?) было обращено остриями к деревянной облицовке погребальной камеры. Расстояние между стенкой и погребенным не превышало 50 см. Наконец, если предложенные группой авторов параметры лука в целом верны (Берсенев и др., 2010), то расстояние от кибити до тетивы не было большим, соответственно и длина стрелы также не должна быть очень велика.

Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). 2002. Кн. 1 / Сост. Д.Г. Зданович. Челябинск.

Берсенев А.Г., Епимахов А.В., Зданович Д.Г., 2010. Луки синташтинской культуры: материалы и варианты реконструкции // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. Ч. 1. Челябинск.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. Т. 1. Челябинск.

Епимахов А.В., 2005. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск.

Коробейников А.В., Митюков Н.В., 2007. Баллистика стрел по данным археологии: введение в проблемную область. Ижевск.

В.А. Зах

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

О формировании федоровской культуры (по материалам Нижнего Притоболья)

Для лесостепного Притоболья К.В. Сальников предложил трехступенчатую периодизацию андроновской культуры: федоровский (XVII–XVI вв. до н.э.), алакульский (XV–XII вв. до н.э.) и замараевский (XII–VIII вв. до н.э.) этапы (1967). Э.А. Федорова-Давыдова (1960) и В.С. Стоколос (1972) предполагали сосуществование федоровских и алакульских комплексов, считая их разнокультурными. Г.Б. Зданович

сделал вывод о последовательном развитии петровских, алакульских и федоровских комплексов в пределах XVIII–XIII вв. до н.э. (1984). Аналогичную последовательность отмечает и Н.А. Аванесова (1991). В.Н. Чернецов (1953), М.Ф. Косарев (1974), К.В. Сальников (1967) и Т.М. Потемкина (1985) связывали федоровцев с древними уграми, а алакульцев, также как Е.Е. Кузьмина (1986), – с индоиранцами. По

М.Ф. Косареву формирование федоровской культуры происходило на основе зауральских культур под влиянием южного населения – уже в коптяковской посуде предвосхищены федоровские формы и орнаменты, а ребро на сосудах синхронизирует ее с раннеалакульскими материалами (1981).

Открытые в Притоболье коптяковские комплексы можно рассматривать как генетически предшествующие федоровской культуре, но сложившиеся не на аятской (по М.Ф. Косареву), а на алакульско-ташковской основе.

Расселение алакульцев (рис. 1: 1, 2; Матвеев, 1998) по территории, занимаемой ташковцами, завершилось, вероятно, в конце первой трети II тыс. до н.э.

Ташковцы строили слабоуглубленные в грунт жилища площадью до 50 кв. м, поселки с круговой планировкой жилищ. Посуда плоскодонная, баночной и горшковидной форм, с орнаментом, покрывающим весь сосуд, включая иногда дно (рис. 1: 3–5). Наряду с гребенчато-ямочной (гребенчатые орнаменты и ямки продолговато-овальной или каплевидной формы) встречается прочерченно-накольчатая с ямками (взаимопроникающие треугольники, меандры) техника нанесения узора. Ряды отступающей палочки

и гребенки часто оставляют на поверхности сосуда достаточно глубокие отпечатки в виде желобков (Ковалева, 1997; Ковалева и др., 2000).

Усилившаяся интеграция ташковских и алакульских традиций приводит к формированию по облику переходных к федоровским комплексов коптяковской культуры. В Притоболье это ЮАО 6, СБАО, Чепкуль 5 (Скочина, 2007), Чепкуль 20 (Зах, Иванов, 2006) и материалы с поселений Ук 3, Юртобор 21, Курья 1 и Оськино Болото. Коптяковские поселки имеют линейную планировку, жилища расположены на краю террас. Это подпрямоугольные или подквадратные полуземлянки каркасно-столбовой конструкции с системой ям и очагом в центральной части. Известны и памятники культового назначения (Сериков и др., 2009).

Коптяковский керамический комплекс, так же как и ташковский, включает две основные группы посуды. К первой, сопоставимой с местной орнаментальной традицией, относятся слегка профилированные сосуды, украшенные желобками, рядами неглубоких вдавлений каплевидной формы, иногда в виде «бахромы» (рис. 1: 13). Ко второй – профилированные горшки, нередко с ребром при переходе к тулову. Орна-

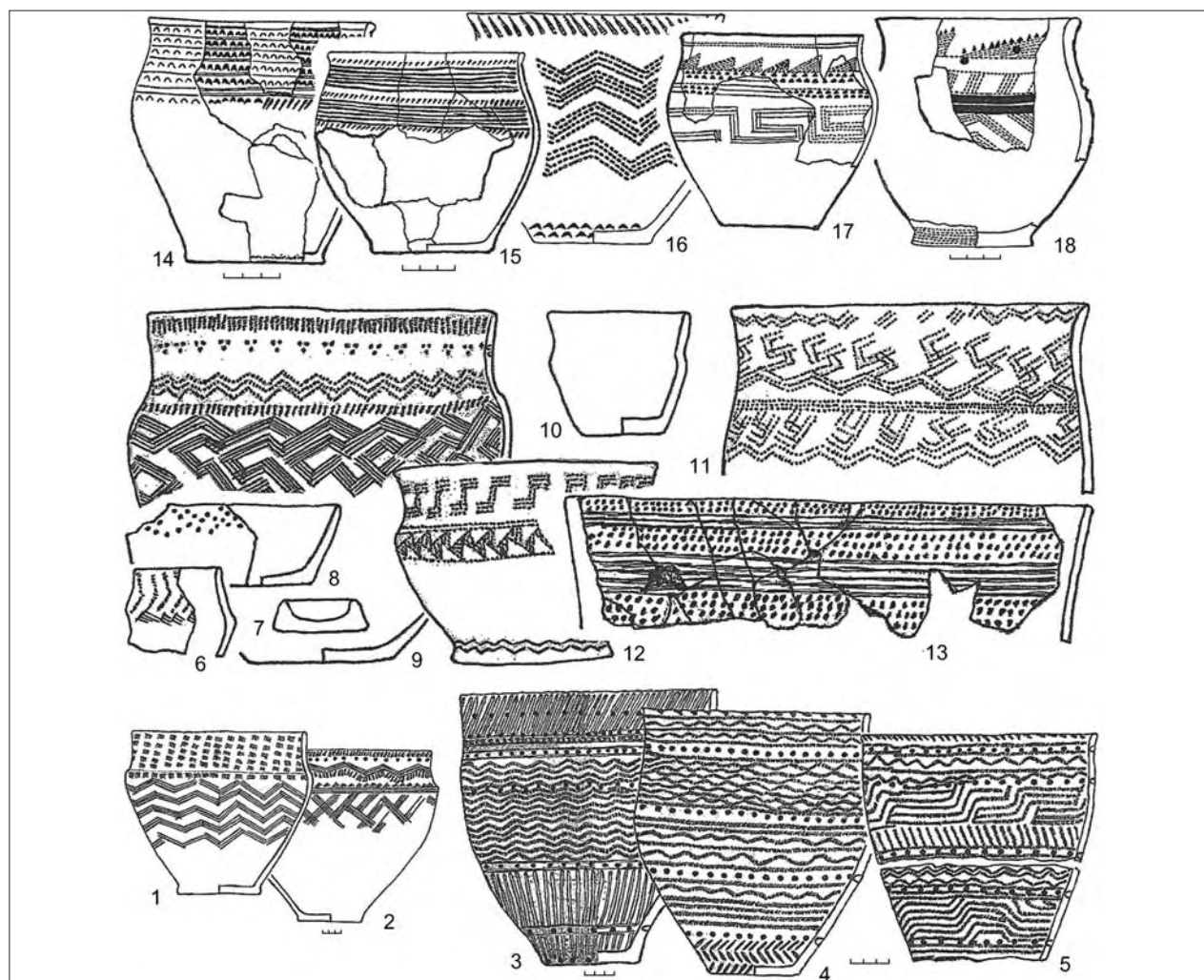

Рис. 1

Материалы эпохи бронзы из Нижнего Притоболья: 1, 2 – Ук 3; 3, 4 – Ташково 2; 5 – ЮАО 13; 6, 13 – Шайтанское Озеро 2; 7, 8, 10, 11 – Чепкуль 20; 9 – САО; 12 – ЮАО 6; 14–18 – Черемуховый Куст

мент, как правило, занимает верхнюю треть сосуда, иногда придонную часть. В основном это горизонтальные зигзаги, выполненные прочерчиванием, гребенкой или протасненной гребенкой, одинарные или сгруппированные по три-четыре ямки, оттиски угла гребенчатого штампа, желобки или каннелюры. Появляются геометрические узоры в виде сложных мандриков, выполненных по косой сетке (рис. 1: 6–12).

Ассимилятивные процессы в начале второй трети II тыс. до н.э. привели к формированию новой культуры – федоровской, ареал которой в этот период не выходил за пределы левобережья Иртыша, где исследован самый восточный алакульский могильник Ермак 4 (Сотникова, 1990).

В федоровской посуде продолжают развиваться две традиции, отмечаемые в ташковских и коптяковских

комплексах, но появляются сосуды, сочетающие местные доандроновские и андроновские формы и орнаменты, хотя и сильно переработанные (рис. 1: 14–18). Сохраняются многие алакульские черты, унаследованные федоровцами – основные мотивы в орнаментации, погребальный обряд и скотоводческое хозяйство. В силу сложившихся ландшафтно-климатических условий федоровское население в середине II тыс. до н.э. продвигается на восток, за Иртыш, в Барабу, Приобье и на Енисей, с зауральских, возможно притобольских территорий, скорее всего, по лесостепным пространствам. В условиях нарастающей аридизации они были наиболее благоприятными для комфортного проживания, ведения придомного скотоводства и миграционными путями, о чем свидетельствуют материалы немногочисленных поселений из Приобья и Присалаирья (Зах, 1997).

Аванесова Н.А., 1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент.
 Аванесова Н.А., 1979. Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
 Зах В.А., 1997. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск.
 Зах В.А., Иванов С.Н., 2006. Комплекс эпохи бронзы многослойного поселения Чепкуль 20 на севере Андреевской озерной системы // ВААЭ. Вып. 7.
 Зданович Г.Б., 1984. К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве // КСИА. Вып. 177.
 Ковалева В.Т., 1997. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково 2. Екатеринбург.
 Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В., 2000. Ташковская культура: Андреевское озеро 13. Екатеринбург.
 Косарев М.Ф., 1974. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.
 Косарев М.Ф., 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.

Кузьмина Е.Е., 1986. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе.
 Матвеев А.В., 1998. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск.
 Потемкина Т.М., 1985. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.
 Сальников К.В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.
 Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И., 2009. Шайтанское Озеро 2: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // АЭАЕ. № 2.
 Скочина С.Н., 2007. Результаты раскопок многослойного поселения Чепкуль 5 (предварительное сообщение) // ВААЭ. Вып. 8.
 Сотникова С.В., 1990. Погребальный обряд андроновского населения по материалам могильника Ермак 4 // Обряды народов Западной Сибири. Томск.
 Стоколос В.С., 1972. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.
 Федорова-Давыдова Э.А., 1960. Андроновское погребение XV?XIII вв. до н.э. // Труды ГИМ. Вып. 37. М.
 Чернецов В.Н., 1953. Древняя история Нижнего Приобья. МИА. № 35. М.

Л.С. Ильюков

Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону

Поминальные площадки срубной культуры Нижнего Дона

В отличие от Левобережья Нижнего Дона, на правом берегу имеются выходы камня на поверхность. В эпоху поздней бронзы камень часто использовали при создании погребальных сооружений.

1. В период распространения срубной культуры на Правобережье Нижнего Дона широко практиковалось создание ограды вокруг могилы. Намогильные сооружения отличались разнообразием. Поверхность могилы вымащивали плитами, либо небольшими камнями. Часто плиты заклада комбинировали с мелкими камнями. Сам же заклад обычно был окружен одним, реже – двумя кольцами, сложенными из небольших камней.

По вертикали такая ограда состояла из одного–двух камней. В редких случаях общая ограда, воздвигнутая вокруг нескольких могил, напоминала настоящую наклонную стену высотой до 0,5–1,5 м, образованную уложенных плашмя камнями. Надмогильный заклад обычно состоял из одной плиты, но иногда и из нескольких ярусов – двух–трех плит и их осколков. Положение погребенных, как правило, скорченное на левом боку, ориентировка – восточная, иногда с небольшими отклонениями к северу или югу.

2. По форме намогильные ограды разделяются на округлые и овальные. К редкому типу относятся вы-

тянутые прямоугольные ограды. Одна из них открыта в могильнике Валовый I (кург. 24), другая – в могильнике Несветайский VI (кург. 1).

В кургане 24 могильника Валовой I вытянутая прямоугольная ограда размерами около 33×12 м была ориентирована длинной осью по линии СВ–ЮЗ. В высоту стены ограды состояли из 1–2 камней. В кургане 1 могильника Несветайский VI вытянутая подпрямоугольная ограда (размерами 37×17 м) также ориентирована длинной осью по линии СВ–ЮЗ. Высота ее стен достигала 1,5 м. Внутри этих оград погребения находились под закладами, в каменных ящиках. В ряде случаев могилы не имели каменных конструкций. Погребенные были ориентированы головами на СВВ–В. В захоронениях, кроме сосудов ребристой или баночной форм, обнаружены костяные бусы и трубочки из костей животного с отпиленными эпифизами. Реже в погребениях находят 2–3 ребра крупного животного. В пределах оград на поверхности заклада встречаются кости мелких и крупных домашних животных (следы жертвоприношений) и обломки керамики.

Из насыпи этих курганов происходят фрагменты и развалы отдельных горшков (остатки приношений мертвым или каких-то тризн, возможно поминального характера). Иногда насыпь длинного кургана, маркированная баночными сосудами срубного типа, не имела каменной ограды (Нижнедонские Частые курганы, кург. 22). В этом кургане вытянутая грунтовая подушка с прослойками суглинка находилась к западу от погребения под плиточным закладом, над которым, по-видимому, не было грунтовой насыпи. В Северо-Восточном Приазовье большая оградка, которая вероятно являлась общей для ряда погребений, была нарушена впускными погребениями, относящимися к той же срубной культуры (ТЭЦ-2, курган). Однако процесс формирования большого кладбища, вытянутого в широтном направлении, во многом остается неизученным. Как правило, курганы срубной культуры с каменными надмогильными сооружениями не перекрывались грунтовой насыпью.

В редких случаях захоронение под каменным закладом было окружено короткими рядами камней, которые «ассоциируются» с короткими лучами. Эти каменные лучи расходились в разные стороны от погребения (Сухо-Чалтырский, курган). Иногда они упирались в обруч, – в каменную ограду (Разметный, кург. 5); в этом кургане захоронение находилось в бревенчатой раме под наброской камней, которая в плане имела широкие подпрямоугольные очертания. Края подпрямоугольной наброски были присыпаны землей, по ней от наброски «сползали» ряды камней, которые упирались в каменный обруч-ограду, расположенную по краю кургана.

Намогильный каменный заклад и ограда специально не покрывались грунтовой насыпью. Вероятно, заклад являлся ритуальной площадкой, которая использовалась для жертвоприношений умершему или для помещения его вещей, которые после совершения погребального обряда разбирали сородичи или соплеменники. Поэтому в этих могилах погребальный инвентарь состоял, как правило, из 1–2 сосудов и отдельных вещей, входивших в состав костюма.

3. Отсутствие каменных оград на Левобережье Дона связано с тем, что здесь, как правило, нет выходов камня на поверхность земли. Может быть, вместо камня в этих районах использовали простой грунт. По-видимому, земляные оградки были едва заметны на почве, в дальнейшем они «стирались» с поверхности земли. В результате на Левобережье мы находим такое же расположение погребений, как и на Правобережье, но без каменных оградок, а кладбища были ориентированы в широтном направлении с некоторыми отклонениями к северу и югу.

4. Важно отметить, что переход к бескурганым кладбищам в рамках срубной культуры, по-видимому, происходил на позднем ее этапе, тогда как над раннесрубными курганами возводились насыпи. На позднем этапе этой культуры погребения нередко располагались у подошвы более древней курганной насыпи.

Л.Б. Курчо

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Культурогенез и культурные трансляции во второй половине IV–III тыс. до н.э. на юго-западе Средней Азии

Одним из замечательных достижений археологии XX–начала XXI века является открытие и изучение памятников эпохи неолита–палеометалла на юго-за-

паде Средней Азии, где в конце VII–II тыс. до н. э. формировались и активно развивались оседло-земледельческие культуры, а сам регион являлся своего

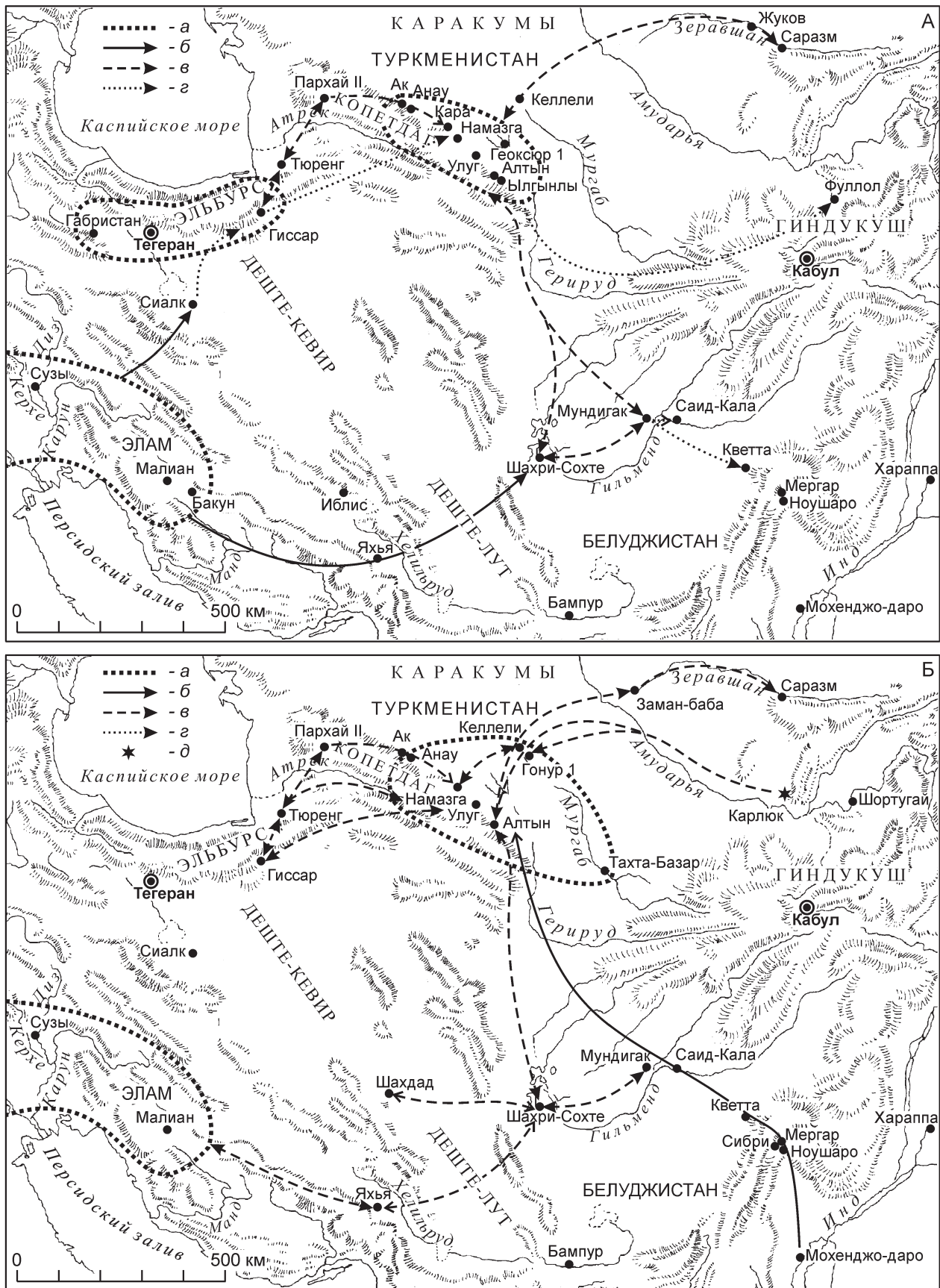

Рис. 1

Культурные взаимодействия населения юго-запада Средней Азии. А – во второй половине IV–первых веках III тыс. до н. э.; Б – во второй половине III тыс. до н. э. Условные обозначения: а – примерные границы некоторых культурных областей; б – импорты протоэламских печатей и табличек в Иране (А) и древнеиндских изделий и печатей в Южном Туркменистане (Б); в – культурные и торгово-обменные связи населения Южного Туркменистана; г – предположительные культурные связи; д – месторождение мраморного оникса

рода форпостом мира древневосточных цивилизаций. (Массон, 1964; 1982; Masson, Sarianidi, 1972).

В истории этого региона в эпоху палеометалла выделяются несколько этапов, когда процессы культурогенеза и культурных взаимодействий резко активизируются. Один из таких этапов относится ко второй половине IV–началу III тыс. до н. э., когда в Южном Туркменистане формируются комплексы периодов среднего (типа Намазга II) и позднего энеолита (времени Намазга III карадепинского и геоксюрского типов; Массон, 2006. С. 53–56). В это время в Южном Туркменистане фиксируются инокультурные влияния (рис. 1А), обусловленные, вероятно, передвижениями групп населения Ирана (Центрального и, вероятно, Юго-Западного, где происходит становление эламской цивилизации) и началом дальней торговли, в первую очередь, лазуритом (Кирчо, 2009а. С. 377–379; Сарияниди, 1968).

Одновременно часть населения из Южного Туркменистана продвигается на восток и северо-восток (материалы времени позднего Намазга II на севере древней дельты Мургаба; культовый комплекс Жуков и ранние комплексы I–II поселения Саразм на Среднем и Верхнем Зеравшане; Масимов, 1979; Аванесова, Джуракулова, 2008; Исаков, 1991; Кирчо, 2007). Вероятно рудные ресурсы долины Зеравшана служили источником металлопроизводства на юго-западе Средней Азии этого времени. Доставка сырья (изделий и заготовок) осуществлялась, возможно, на повозках, запряженных быками (волами).

Еще одно направление активных взаимодействий населения Южного Туркменистана конца IV–первых веков III тыс. до н. э. – юго-восточное (Фуллолский клад, Саид-кала, Мундигак, Шахри-Сохте; Массон, 1981. С. 110–115), связано, вероятно, не только с культурными и торгово-обменными контактами, но и отражает некое единство формирующейся субкультуры (при участии геоксюрской и мундигакской традиций) в период становления раннегородских центров на Среднем Востоке (Кирчо, 2009а. С. 383–387).

Следующий важный этап культурогенеза и активных межрегиональных контактов начинается в конце периода ранней – начале периода средней бронзы (третья четверть III тыс. до н. э.), когда на поселениях подгорной зоны Копетдага завершается процесс формирования экономической основы раннегородской цивилизации (Кирчо, 2009б. С. 41–43). Одомашнивание в середине III тыс. до н. э. верблюда-бактриана и появление четырехколесных повозок привело к интенсификации взаимодействий со всеми окружающими культурами, сырьевыми районами, центрами древних цивилизаций (рис. 1Б) и увеличило мобильность населения, что в условиях аридизации способствовало широкому заселению древней дельты Мургаба в конце III тыс. до н. э.

Исторически быстрое освоение новых обширных территорий было обусловлено как уровнем технико-технологического и культурного развития общества периода средней бронзы, так и (судя по антропологическим данным) участием новых групп населения. Иерархическая структура расселения внутри оазисов, центры которых представляли собой укрепленные поселения, монументальные дворцово-культовые сооружения, имущественная и социальная дифференциация по данным погребений и появление «царских» захоронений свидетельствуют о прото- или раннегосударственной системе организации общества древней Маргианы (Сарияниди, 2005). Экономической основой расцвета этого древневосточного царства послужила, вероятно, ключевая роль страны Маргуш на древнем пути к сырьевым богатствам севера Средней Азии (Кирчо, 2010).

Таким образом, Южный Туркменистан во второй половине IV–III тыс. до н. э. являлся важным центром культурогенеза и своеобразным культурным транслятором, а в результате торгово-обменных связей складывались маршруты, которые позднее стали основой среднеазиатской части трансконтинентальной системы Великого Шелкового пути.

Аванесова Н.А., Джуракулова Д.М., 2008. Древнейшие номады Зеравшана // Культура номадов Центральной Азии. Самарканд.

Исаков А.И., 1991. Верховья Зеравшана в эпоху энеолита и бронзы (к проблеме многоочагового развития Средней Азии в раннеземледельческую эпоху): Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Л.

Кирчо Л.Б., 2007. Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана (начало формирования торговых путей в Средней Азии) // Записки ИИМК РАН. № 2.

Кирчо Л.Б., 2009а. Основные направления и характер культурных взаимодействий населения Южного Туркменистана в V–III тыс. до н. э. // Stratum Plus 2005–2009. № 2.

Кирчо Л.Б., 2009б. Формирование древнейшего протогородского центра бронзового века Средней Азии (процессы культурной и технико-технологической трансформации): Автореф. ... дис. д-ра ист. наук. СПб.

Кирчо Л.Б., 2010. К вопросу об экономической основе расцвета маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И. Сарияниди. ТМАЭ. Т. 3. СПб.

Масимов И.С., 1979. К вопросу об освоении низовий Мургаба древнеземледельческими племенами // Известия АН Туркменской ССР. № 2.

Массон В.М., 1964. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.

Массон В.М., 1981. Алтын-депе. Л.

Массон В.М., 1982. Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. Археология СССР. М.

Массон В.М., 2006. Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб.

Сарияниди В.И., 1968. О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке // КСИА. Вып. 114.

Сарияниди В.И., 2005. Гонур-депе: Город царей и богов. Ашхабад. Masson, V.M., Sarianidi, V.I., 1972. Central Asia. Turkmenia before the Achaemenids. London.

К.Ю. Кирюшин*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск***С.М. Ситников***Алтайская государственная педагогическая академия, Барнаул***В.П. Семибратов***Алтайский государственный университет, Барнаул***Ю.И. Гельмель***Центр детско-юношеского творчества, Славгород*

Поселение Новоильинка-III – памятник энеолита Кулунды

Поселение Новоильинка-III находится в Хабаровском р-не Алтайского края, в 8 км к западу от с. Новоильинка, в южной части небольшой возвышенности, образованной старицей р. Бурла. Памятник открыт в 2004 г. С.М. Ситниковым, под руководством которого в 2005–2006 гг. вскрыто около 40 кв. м. В 2010 г. на поселении исследовано 96 кв. м. Культурный слой, содержащий находки, залегал на глубине 0,3–0,6 м. В северной, южной и восточной частях раскопа зафиксированы ямы (глубиной 0,7–0,75 м, диаметром 2–4 м), в которых обнаружены части скелетов коней. Часть костей лежала в анатомическом порядке. На некоторых костях (более 20 экз.) выявлены отверстия и углубления, назначение которых непонятно.

Остеологические материалы из раскопок 2010 г. находятся в процессе обработки. В коллекции 2005 г. среди определимых остеологических остатков абсолютно преобладают кости лошади. Фауна памятника по своему составу близка к фауне поселения Ботай (Ситников и др., 2007. С. 363–366).

Керамика из раскопок 2010 г. насчитывает 2216 экз.: мелкие фрагменты (1×1–2×2 см) – 946 экз., обломки венчиков сосудов – 150 экз., стенок – 1090 экз., а также 30 острых, либо приостренных доннышек (рис. 1: 8–9). Форма одного сосуда реконструирована полностью (рис. 1: 1), еще нескольких сосудов – частично (рис. 1: 2, 4, 5–7).

Наиболее представительная часть коллекции – фрагменты сосудов, украшенных рядами или волнами отступающей палочки, разделенными рядами наколов (876 экз.; рис. 1: 2, 5, 6). Толщина стенок таких сосудов составляет 6–9 мм. Орнаментация гребенчатой качалкой представлена на 141 фрагменте, из которых 70 экз. – обломки от одного сосуда (рис. 1: 1). Неорнаментированных обломков – 120 экз. Орнаментация наколами встречена на 81 экз., гребенчатым штампом – на 26 экз. На 6 фрагментах выявлено сочетание отступающей палочки и гребенчатого штампа. В 7 случаях гребенчатая качалка сочетается с наколами, в 10 – с отпечатками отступающей палочки, в 2 – с наколами и отступающей палочкой. Единично

встречен прочерченный орнамент. На некоторых фрагментах керамики прослеживаются ряды отступающей палочки и наколы, нанесенные поверх гребенчатой качалки. Многие фрагменты венчиков орнаментированы по верхней кромке с внутренней стороны сосуда насечками (рис. 1: 5) или отпечатками гребенчатой качалки (рис. 1: 1). Отпечатки отступающей палочки часто создают ряды елочек (рис. 1: 4), ромбов (рис. 1: 3), треугольников (рис. 1: 10), иногда составляют паркетный орнамент. Интересен фрагмент, на котором схематически изображена птичка.

Коллекция каменных артефактов поселения Новоильинка-III в основном состоит из отходов производства: чешуек, мелких и средних отщепов. Орудийный набор представлен скребками и наконечниками стрел. Продуктом призматической техники скалывания является пластинчатый отщеп.

Много общего имеют керамика поселения Новоильинка-III, орнаментированная рядами или волнами отступающей палочки разделенными рядами наколов, и посуда поселения Киприно (кипринский тип; Молодин, 1977. Табл. XI, XII; Кирюшин, 2002. Рис. 63). Керамика кипринского типа имеет широкий круг аналогов в материалах поселений неолита–энеолита Юго-Западного Алтая (Кирюшин, Клюкин, 1985. Рис. 4–5), Барабы (Молодин, 1977. Табл. XXXIII–XXXVI; 1985. Рис. 3; 2001. Рис. 12–14) и южно-таежной зоны Западной Сибири (Кирюшин, 2004. Рис. 50–51). Керамика поселения Новоильинка-III находит широкий круг аналогий в материалах Урало-Иртышского междуречья (Зайберт, 1993. Рис. 22–23; Мосин, 2003. Рис. 45–70).

Радиоуглеродная дата поселения Новоильинка-III, полученная по костям животных – 4270±170 ВР (Ле-7534), что позволяет датировать памятник второй половиной III тыс. до н.э. Судя по материалам, поселение можно отнести к переходному периоду от неолита к бронзовому веку, который называют либо «энеолитом» (Кирюшин, 2002. С. 10–15), либо «эпохой раннего металла» (Молодин, 2001. С. 38–39), вероятно, к концу этого переходного периода. В 2011 г.

планируется продолжение работ на памятнике. Новые материалы позволят продвинуться в изучении

сложных этнокультурных процессов, происходивших на Алтае на рубеже энеолита и ранней бронзы.

Зайберт В.Ф., 1993. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск.
 Кирюшин Ю.Ф., 2002. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул.
 Кирюшин Ю.Ф., 2004. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул.
 Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А., 1985. Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул.
 Молодин В.И., 1977. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск.

Молодин В.И., 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск.
 Молодин В.И., 2001. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Т. 1. Новосибирск.
 Мосин В.С., 2003. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
 Ситников С.М., Васильев С.К., Кирюшин К.Ю., 2007. Анализ фаунистических остатков с поселения Новоильинка-III // ПАЭАС. Т. XIII.

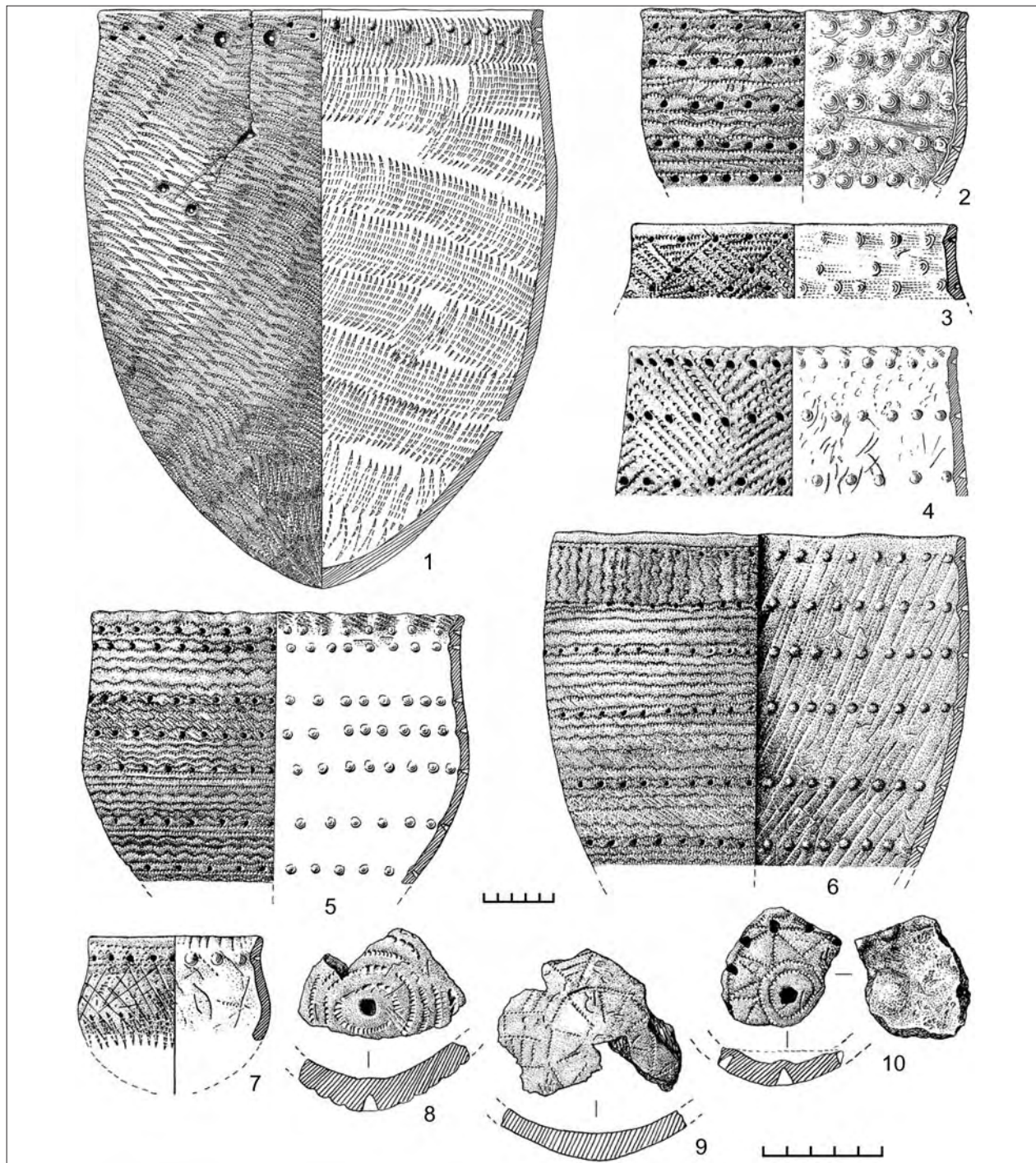

Рис. 1
 Поселение Новоильинка-III, керамика: 1-7 – реконструкция сосудов; 8-10 – фрагменты днищ

Становление курганного обряда в Предкавказье и Доно-Волжском междуречье

Проблема становления курганного обряда в Предкавказье, а также на юге Восточной Европы является одной из важных тем для изучения эпох энеолита–начала бронзового века. Ей посвящено много работ отечественных и зарубежных исследователей (М. Гимбутас, Н.Я. Мерперт, Р.М. Мунчаев, И.Л. Алексеева, В.П. Шилов, А.Л. Нечитайло, И.В. Сеницын, У.Э. Эрдниев, В.А. Дергачев, И.В. Манзура, И.Б. Васильев, Ю.Я. Рассемакин, Н.С. Котова, С.Н. Корневский, А.О. Наглер и др.). Первым шагом в нашем исследовании стало создание сводки памятников Предкавказья и Волго-Донского региона с обзором источников по Нижнему Дону, Северному Причерноморью и Подунавью. Всего учтено около 60 подобных захоронений.

Радиоуглеродные даты получены для трех курганов в Предкавказье. В целом они указывают на V тыс. до н.э., но в основном относятся ко второй половине V тыс. до н.э. Предкавказские даты древнейших курганов хорошо согласуются с датами энеолитических бескурганых погребений в западной части ареала памятников новоданиловского типа. Таковы даты погребения 3 могильника Джурджулешти (4459–4437 BC), погребения 12 могильника Деча Мурешулуй (4324–4114 BC), Кайнары (4458–4353 BC). Дата погребения 6 кургана 17 могильника Айгурский 2 – 3632–3378 BC (GrA-22172) – позволяет поставить вопрос о возможности задержки традиций энеолитических курганов в степном Ставрополье до времени среднего диапазона дат развитой майкопско-новосводненской общности.

Памятники степного энеолита первой половины V тыс. до н.э. И.Б. Васильевым уже давно было предложено рассматривать в рамках хвалынского-средне-стоговской общности. С накоплением новых материалов этот массив населения для времени середины–второй половины V тыс. до н.э. представляется целесообразным трактовать, как памятники понто-предкавказской общности культов и верований восточноевропейского населения.

Место орудий в могилах рассматриваемого типа иллюстрирует конкретно-орудийную традицию, т.е. положение орудия «под рукой» – у кисти, плеча так, как будто им предполагали немедленное действие в потустороннем мире. Подобная традиция четко прослеживается по материалам Варненского некрополя. Очень показательно вложение в кисть ножевидной пластины или положение ее у пояса. Эта традиция в основном связана с погребениями в курганах и грун-

товых захоронениях Предкавказья, Северного Причерноморья, наблюдается по материалам могильника Деча Мурешулуй.

На фоне обычая интенсивного посыпания покойных охрой весьма показательным явлением в культурах понто-предкавказской общности становится маркировка стоп охрой, как эффектный индикатор приспособления религии с конкретно-предметным представлением о вместилище души. Это позволяет образно назвать такую форму погребальной мифологии «религия стопы». Среди культов «религии стопы» в понто-предкавказских и доно-волжских степях находят отражение культы тотемных животных (эквидов). Прослеживается также культ кабаноголового монстра или «курносого» земноводного дракона-ящера. Мифы о кабанах и ящере-первопредке хорошо отражены в религии индоевропейцев. Их связь с древней стадией культа плодородия, магией смерти, подземного мира, военной символикой общеизвестна.

Структурно древнейшие курганы состояли из небольших насыпей (в основном до 1 м в высоту и диаметром до 16–20 м) и захоронений в ямах и катакомбах. При этом погребение не обязательно находилось под центром насыпи. Есть пример сооружения кургана над ямой-жертвенником. Показателями развития погребальных ритуалов является помещение в могилы и жертвенники костей животных: крупного рогатого скота, черепов быков или баранов, альчиков. Известно также древнейшее подкурганное жертвоприношение человека (погр. 18 кург. 7 мог-ка Комарово). Среди различных предположений о причинах появления самой курганной насыпи наиболее оправданной является гипотеза о развитии в раннем курганном строительстве культа возвышенности как особого сакрального места, в т. ч., и для совершения похорон.

Важным событием в погребальной практике восточноевропейского населения является появление обряда захоронения в катакомбе. Древнейшие катакомбы вероятно были подчинены идее возрождения сородича в утробе матери-земли. Они имеют глубокие камеры и закрытые камнем лазы, что отражало культ страха перед покойным. Специфическая поза покойных, захороненных в энеолитических катакомбах, – положение скорченно на спине, ногами ко входу в камеру.

Древнейший курганый обряд иллюстрируют в основном захоронения взрослых людей и подростков. Такой обряд редок и скорее всего не был всеобщим. Его носители не были жителями открытых сте-

пей. Их природная ниша обитания была связана с долинами рек, где, как правило, произрастали байрачные леса. Символика военного дела и военной власти (передаваемая через втульчатое оружие) в древнейших курганах племен Предкавказья и Доно-Волжского региона практически не представлена. Это показывает, что символика труда и военно-охотничьего снаряжения в представлениях о престиже, отраженных в погребальной практике, была здесь более значима, чем символика престижного оружия ближнего боя.

По всей вероятности символику захоронений людей, погребенных под древнейшими курганными насыпями, можно рассматривать как сакральную, «биг-

менскую», с признаками в отдельных случаях символики военно-охотничьего снаряжения. Она имела знаковый (значимый), но все же эгалитарный характер, и особо не отличалась от символики бескурганных некрополей новоданиловского типа, за исключением погребения с золотом элитарного военно-сакрального типа в погребении 4 могильника Джурджулешти.

В настоящее время наибольшее количество подкурганных энеолитических погребений открыто в Предкавказье, Доно-Волжском регионе, на Нижнем Дону. По всей вероятности здесь находился один из центров развития курганного обряда в эпоху энеолита времени Триполья VI–VI/VII.

Л.Н. Корякова

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

Р. Краузе

А.В. Епимахов, Н.А. Берсенева

Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Челябинск

С.В. Шаранова, С.Е. Пантелева, Й. Форнасье, Э. Кайзер

К вопросу об обеспечении водой в древности: колодцы укрепленного поселения эпохи бронзы Каменный Амбар (Ольгино)¹

Одной из особенностей поселений бронзового века южной части Северной Евразии являются колодцы. Они выявлены на поселениях культур степной и лесостепной зон II–начала I тыс. до н. э. и наиболее массово представлены на синташтинских и петровских памятниках Южного Зауралья (Генинг и др., 1992; Зданович, 1997; Виноградов, 2004; Алаева, 2002 и др.).

Примером может случить укрепленное поселение Каменный Амбар (Ольгино) в Челябинской обл., где к настоящему времени проведена детальная геомагнитная съемка, раскопками исследованы участок линии укреплений и часть жилой площади. Поселение отличается от других подобных памятников большим количеством колодцев, находящихся в пределах построек. Об этом свидетельствуют и магнитометрия поселения, и материалы раскопанной территории.

В общей сложности на исследованной площади было раскопано 18 колодцев, различающихся заполнением и конструкцией. Все они имели большую глубину и прорезали водоносный слой, что способствовало сохранности органических материалов, в т. ч., дерева. 16 колодцев соотнесены с синташтинско-петровским строительным горизонтом, два – со срубно-алакульским.

Колодцы синташтинского горизонта в конструктивном плане довольно стандартны. Диаметр их шахт – 70–100 см, глубина от нулевого репера – 400–410 см (320–330 см от уровня пола жилищ). Часть колодцев (условно – группа 1), относившихся к самому позднему времени функционирования построек, фиксировалась на уровне их пола. Как правило, над ними залегали обширные пятна или полосы прокаленного грунта и углей, стратиграфически маркируя углубления естественно разрушавшихся колодцев, над которыми также отмечалось хорошо выраженное проседание вышележащего грунта. В них сохранились остатки опалубки и предметы, попавшие внутрь случайно или намеренно. Заполнение этих колодцев сложное, слоистое. Грунт, насыщенный органикой, в большинстве случаев прослеживался до самого дна, где фиксировался толстый слой черного ила, а также остатки травы (камыш?) и веток. В придонной части, находившейся в воде, сохранились остатки деревянных опалубок, по большей части, плетневой конструкции. В колодце 2/1а стенки были укреплены вертикальными, плотно пригнанными и вбитыми в дно полубревнами. Во всех случаях стенки колодезных шахт были покрыты слоем плотной вязкой глины, в которую были «вмазаны» деревянные опалубки.

¹ Работа выполнена в рамках междисциплинарного проекта УрО РАН и совместного российско-германского проекта.

Среди находок из колодцев этой группы, кроме костей животных и фрагментов керамики, можно отметить костяные орудия, куски медной руды, каменный молот, миниатюрный керамический сосудик, несколько деревянных изделий. В придонной части колодца 2/8 было обнаружено 10 пар челюстей мелкого рогатого скота, уложенных горизонтально.

Колодцы условной группы 2 были «забиты» глиной, некоторые из них с трудом «читались» даже на поверхности материка. На дне, на глубине -380–400 см, залегал серый ил. В этих колодцах находок немного: отдельные кости животных, фрагменты керамики, сосновая шишка, остатки дерева. Судя по всему, колодцы этой группы вышли из употребления задолго до окончания функционирования построек, они были плотно заполнены глиной, взятой, вероятнее всего, из шахт сооружаемых рядом новых колодцев.

Срубно-алакульские колодцы 3/1и 6/1 отличались от описанных выше сооружений размерами, заполнением и конструктивными особенностями. На уровне первых фиксации (-110 см от 0) их диаметр был около 2 м. Они были заполнены плотным, почти черным суглинком с мелкими зернами прокала, образующими концентрические круги. В придонной части этих колодцев фиксировался черный ил. При выборке колодцев было найдено много каменных плит. Некоторые из них были расположены вертикально по периметру стенок, другие — в беспорядке в центре, а также горизонтально — у дна. Заполнение содержало камни, мел-

кие обломки костей, фрагменты керамики и дерева. В колодце 3/1 на глубине -370 см было обнаружено два деревянных предмета — предположительно орудия для выделки кож.

Очевидно, что колодцы были неодновременны. Радиоуглеродные даты получены пока только для четырех колодцев жилища 2 (2100–1900 cal BC). Что касается остальных, то для определения их последовательности требуются дополнительный комплексный анализ.

Большое количества колодцев в постройках поселения, расположенного в непосредственной близости от реки, не может не вызывать вопрос о причинах такого положения дел. Выявленные конструкции не дают прямых свидетельств их связи с металлургическим производством (Григорьев 2000). С другой стороны, они в общем не противоречат предположению о возможности хранения продуктов в некоторых из них, но не подтверждают вывод, сделанный ранее, о невозможности их использования для водосбора (Алаева 2002).

Можно допустить, что колодцы использовались для обеспечения водой людей и животных в зимнее время, когда поселение должно было функционировать практически в автономном режиме. Не исключено, что одним из важных факторов размещения поселений в ландшафте мог быть фактор близости и досягаемости грунтовых вод. Более определенные выводы будут сделаны после получения результатов биологических анализов и гидрологического исследования.

Алаева И.П., 2002. Колодцы поселений бронзового века Урало-Казахстанского региона // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. Т. 1. Челябинск.

Григорьев С.А., 2000. Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск.

Зданович Г.Б., 1997. Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. № 2.

Ю.В. Костомарова

Институт гуманитарных исследований ТюмГУ, Тюмень

Хозяйственная деятельность как механизм адаптации к природным и социальным факторам (по материалам позднего бронзового века лесостепного Притоболья)

Сосуществование различного в культурном отношении населения в границах одной территории, зафиксированное в археологическом материале, дает возможность обратиться к проблемам между-

турных контактов, выявить механизмы, способствовавшие длительному мирному взаимодействию разнотурных групп. Важную роль в этих процессах играли особенности хозяйственно-производствен-

ной деятельности, представлявшие собой существенную часть адаптивной стратегии к условиям природной и культурной среды. В работе представлены результаты сравнительного анализа отраслей экономики носителей автохтонной черкаскульской и пришлой пахомовской культур, проведенного по материалам селищ лесостепного Притоболья, где факт одновременного их проживания на определенном этапе подтверждается данными ряда памятников и не вызывает дискуссий.

Основой хозяйства черкаскульского и пахомовского населения являлось скотоводство. Различия отмечаются в составе стада и в соотношении домашних и диких видов животных. Черкаскульские группы разводили крупный рогатый скот и, в меньшей степени, лошадей и мелкий рогатый скот. По материалам пахомовских памятников наблюдается обратная картина: процент мелкого рогатого скота здесь значительно выше, количество же крупного рогатого скота понижается (Петрин и др., 1993. С. 190–191; Косинцев, Бобковская, 1997. С. 130–132; Матвеев, 2007. С. 13–15; Аношко, Агапетова, 2010. С. 128; Корочкова, 2010. С. 14). Имеются факты, указывающие на знакомство черкаскульских групп с земледелием, чего нельзя сказать о носителях пахомовских традиций (Матвеев и др., 1998. С. 65).

Кроме данных палеозоологии, различия в хозяйственной деятельности фиксируются по результатам комплексного анализа орудий труда. В коллекции инвентаря пахомовской культуры высок процент орудий, связанных с присваивающими отраслями хозяйства, прежде всего рыболовством. На поселении Большой Имбиряй 10 более 40% от всей совокупности орудий – это керамические грузила с одним или двумя перекрещивающимися желобками. В пахомовских комплексах обнаружены кочедыки для плетения рыболовных сетей. Примерно одинаков в количественном соотношении и ассортименте у черкаскульского и пахомовского населения набор инструментов кожевенного производства, представленный костяными проколками, тупиками, бронзовыми шильями, керамическими и каменными скребками. При этом скребки из камня зафиксированы только на пахомовских памятниках. Ткачество и прядение документируются находками лепных и сверленных пряслиц, заготовками для которых служили обломки сосудов. Орудия камне-, косто- и деревообработки немногочисленны, но стандартны, они име-

ют общие технологические особенности, процедуру изготовления и применения.

Различия фиксируются в инструментарии, связанном с изготовлением глиняной посуды. В комплексах черкаскульской культуры встречается большое количество небольших галек со следами срабатанности в виде уплощенной одной, реже – двух граней, на которых отмечены разной интенсивности заполировка и линейные следы. Предметы использовали для уплотнения стенок сосудов и лощения подсушенных емкостей. Орудия керамического производства пахомовцев представлены предметами, изготовленными из стенок посуды. Отличия пахомовского и черкаскульского хозяйства проявляются также в наборе металлообрабатывающих орудий и их количестве. На памятниках черкаскульской культуры процент занятого в этом производстве инвентаря значительно выше, а ассортимент разнообразнее. В их культурном слое обнаружены литейные формы, сопла, гладилки-выпрямители для раскатки листового металла, молоточки различного действия, абразивы и оселки. То есть на селищах присутствуют орудия, отражающие основные стадии металлообработки – плавку металла, его отливку, обработку и доработку полученных изделий. На пахомовских селищах эта отрасль представлена единичными литейными формами и абразивами. На основании выявленных закономерностей можно сделать вывод о том, что металлообработка пахомовского населения была менее развита. Это подтверждается и достаточно архаичными типами самих изделий из бронзы с пахомовских памятников.

Местное черкаскульское население в ведении хозяйственной деятельности переняло традиции федоровских групп, что отразилось в характере скотоводства, соотношении отраслей и типах орудий, технологиях ряда производств. Пришлые носители пахомовских традиций имели отличную по некоторым признакам стратегию ведения хозяйства, отразившую как особенности происхождения населения в результате смешения нескольких традиций, так и необходимость приспособляться к новым для себя природным условиям лесостепного Притоболья и соседству с автохтонными группами. Сосуществование носителей черкаскульской и пахомовской культур на одной территории стало возможным благодаря ведению разных вариантов комплексного типа хозяйства. Можно предполагать наличие специализации на отдельных отраслях и обмен продуктами этих производств.

Аношко О.М., Агапетова Т.А., 2010. Новые данные по пахомовской культуре в Тоболо-Исетье // *Андроновский мир*. Тюмень.
 Корочкова О.Н., 2010. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург.
 Косинцев П.А., Бобковская Н.Е., 1997. Костные остатки с черкаскульского поселения Ольховка в Приисетье // *ВААЭ*. Вып. 1.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Корона О.М., 1998. Исследования по изучению земледелия древнего населения лесостепного Притоболья // *Проблемы географии и экологии Западной Сибири*. Вып. 3. Тюмень.
 Матвеев А.В., 1999. Новые данные о системе жизнеобеспечения черкаскульского населения Приисетья // *ВААЭ*. Вып. 2.
 Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф., 1993. Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпоха камня и бронзы). Новосибирск.

Территориальная и хронологическая дифференциация пахомовских древностей Тоболо-Иртышской лесостепи

Распад андроновской общности и, как следствие, возникновение новых археологических культур является основным содержанием эпохи поздней бронзы на территории Сибири. Одним из вариантов трансформации, продолжившим федоровскую линию развития является пахомовская культура. Она сформировалась на основе двух компонентов: суперстратного – федоровского и субстратного – местного гребенчато-ямочного. Пахомовские древности распространены на территории лесостепной полосы Тоболо-Иртышья и характеризуются материалами 30 памятников, представленными как поселенческими комплексами, так и могильниками. Культурными идентификаторами для пахомовского населения традиционно являются декор на сосудах, особенности расположения жилищ и погребальных комплексов, хозяйственная деятельность. Для пахомовской культуры характерно наличие двух основных групп керамики: первая – это сосуды с так называемыми нарядными мотивами, в большей степени характерными для андроновской культуры; вторая – сосуды, украшенные в однообразной манере. Изредка в комплексах встречается и третий тип керамики: для Притоболья это миниатюрные неорнаментированные круглодонные сосуды; для Прииртышья – неорнаментированные сосуды средних размеров с выраженными воротничками.

Наиболее яркие различия выявляются по керамическим комплексам. С использованием методов математической статистики (анализ соответствий) проанализированы керамические коллекции пяти памятников пахомовской культуры, что позволило выделить две территориальные группы поселений – Тоболо-Ишимскую и Прииртышскую. Данные группы различаются по принципу организации декора на сосудах. В западной части ареала, на территории Притоболья емкости орнаментально более насыщены, зоны узоров практически не были свободными. Преобладают такие раппорты как сетка, елка, различного рода зигзаги. В Прииртышской, восточной части ареала присутствуют емкости со свободными от орнамента зонами, более выражены такие элементы как скоба, воротничок. Дифференциация также проявляется и в хозяйственной деятельности. Пахомовские группы Притоболья вели комплексное хозяйство с весомой долей присваивающей отрасли (рыболовством) в его структуре, что проявилось в значительно большем, чем в комплексах Прииртышья, количестве гли-

няных грузил и их разнообразии. Также в Притоболье более развита скотоводческая составляющая хозяйства. Территориальная специфика пахомовских комплексов связана с культурно-исторической обстановкой, различающейся в Притоболье и Ишимо-Иртышье. На территории Притоболья пахомовская культура на определенном этапе существования синхронна с черкаскульской. Это подтверждается материалами целого ряда памятников, на которых зафиксированы случаи совместного залегания керамики этих групп населения: поселения Большой Имбиряй 10 (Матвеев и др., 2003), Ново-Шадрино VII (Корочкова, 2009), Хрипуновское 1. Данное сосуществование, по мнению исследователей, привело позднее к появлению бархатовской культуры (Аношко, 2006; Матвеев, Аношко, 2009). В Прииртышье нередки случаи прониновения населения с юга, что выразилось в смешанном пахомовско-бегазинском комплексе поселения Жар-Агач I (Сотникова, 1986). Не исключено взаимодействие пахомовского населения с другими группами Северного Казахстана – в Притоболье на некоторых комплексах можно встретить сосуды алексеевско-саргаринского облика. Вполне вероятны подвижки носителей пахомовской культуры в регион Барабы, о чем могут свидетельствовать материалы могильника Гришкина займа, который был отнесен В.И. Молодиным к кругу пахомовских памятников (Молодин и др., 2004). Вероятнее всего данные комплексы получили свое продолжение в материалах комплекса типа Старый Сад (Молодин, Нескоров, 1992). Это позволяет рассматривать пахомовскую культуру как некую форму развития андронидных традиций.

Сравнительный анализ пахомовских древностей показывает их хронологические различия. Материалы памятников раннего периода ярко демонстрируют синкретизм андроновской и гребенчато-ямочной традиции. Керамика поздних памятников отражает нивелирование выразительных признаков при одновременном сохранении трех типов сосудов в комплексе. Эти результаты позволяют объединить пахомовские древности в рамках одной культуры, т. к. материалы поселений иллюстрируют сходные эволюционные процессы во всем ее ареале. Однако при этом надо учитывать, что носители пахомовской культуры в Притоболье появились скорее всего в результате миграции с территории Ишимо-Иртышья, где историко-культурная си-

туация наиболее располагала к контактам андроновских федоровских и таежных групп населения. Так как комплексы более раннего облика с так называемым гребенчато-ямочным декором бытовали в

Притоболье задолго до появления пахомовской культуры, а традиции автохтонных культур были переработаны и частично искоренены населением андроновского культурного пласта.

Аношко О.М., 2006. Бархатовская культура позднего бронзового века Зауралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень.

Матвеев А.В., Аношко О.М., 2009. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень.

Корочкова О.Н., 2009. Пахомовская культура // АЭАЕ. № 3.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Костомаров В.М., Рыжкова Ю.В., 2003. Большой Имбиряй 10 – новый памятник пахомовской культуры в Ингальской долине // Словцовские чтения. Тюмень.

Молодин В.И., Нескоров А.В., 1992. О связях населения западносибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения. Ч. 1. М.

Молодин В.И., Парцингер Г., Эпов М.И., Чемякина М.А., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., 2004. Работы Западно-Сибирского и Барабинского отрядов ИАЭТ СО РАН в Барабе и на Алтае // АО 2004 г.

Сотникова С.В., 1986. Поселение Жар-Агач // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Западной Сибири. Омск.

О.С. Кудрич

Музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского, Салехард

Север Западной Сибири: новые источники по энеолиту–раннему бронзовому веку низовий Оби

На территории Ямало-Ненецкого автономного округа памятники, относимые к энеолиту и раннему бронзовому веку, немногочисленны, большей частью они известны по результатам разведочных исследований и случайных сборов, лишь на некоторых производились раскопки. На сегодняшний день на Ямале по керамике выделены три различных культурных варианта.

Первый – *йоркутинский тип* (рис. 1: 2), ориентировочно датированный первой половиной II тыс. до н.э. – стоянка Йоркутинская, находки на Ярсалинском оз. вблизи пос. Ярсале и на берегу Оби ниже устья р. Полуи. Форма сосудов – митровидная, с приостренными или уплощенными венчиками. Орнамент – ряды гладкого или гребенчатого шагающего штампа, чередующегося с поясами оттисков других орнаментов: птичко- и арочковидных, округлых и овальных вдавлений, зубчатых отпечатков челюсти мелкого хищника (Королев, Хлобыстин, 1966. С. 79–83; Лашук, Хлобыстин, 1986. С. 43–50).

Второй – *ясунская культура* (рис. 1: 3), середина–вторая половина III тыс. до н.э. – поселение Лов-Санг-Хум II на р. Сыня, а также памятники, ранее называвшиеся «пернашорскими» (ранний вариант ортинской культуры, основной ареал которой на ее позднем этапе располагался в бассейне Нижней Печоры) – поселение Пернашор на р. Полябта, стоянка Щучья 2 на р. Щучья, нижний слой поселения Бухта. Находка на юго-востоке Ямала. Сосуды по форме яйцевидные, встречаются невысокие чаши, а также ладьевидные емкости, овальные или подпрямоугольные. Днища сосудов округлые, конусовидные, изредка – уплощенные. Орнамент нанесен крупно- и мелко-

зубыми гребенчатыми штампами – прямыми и в виде полукруглых арочек. Плотно поставленные оттиски арочного штампа образуют подобие чешуйчатого узора. Прямыми штампами выполнены пояса вертикальных и наклонных оттисков, шагающей гребенки, а также простые геометрические узоры: горизонтальные и вертикальные зигзаги, косая решетка. Помимо чешуйчатого узора примечательной особенностью являются глубокие округлые ямки, расположенные в 2–3 ряда под венчиком, а иногда и на тулове сосудов (Чернов, 1951. С. 96–104; Питулько, 1991. С. 86–93; Рудковский, Глызин, 2007. С. 509–511; Васильев, Глызин, 2008. С. 97–117).

Третий – *вары-хадьтинский тип* (рис. 1: 4), вторая четверть–середина II тыс. до н.э. (поселения Вары-Хадьта I, II, стоянка Салехардская). Сосуды прямостенные, с округлыми или уплощенными днищами, круглодонные чаши, ладьи. Декорирование в стиле сотового геометризма, выполненного гладким штампом; прямые линии, зигзаги, четырехугольные фигуры, нанесенные палочкой или лопаточкой в отступающе-накольчатой технике; оттиски фигурных гладких штампов: уголковых, дуговидных, арочных, круглых; налепы в виде зооморфных изображений; обязательной частью орнаментации являются узоры, выполненные гладкими и гребенчатыми штампами в шагающей технике (Васильев, 2000. С. 24–31).

В 2009 г. в устье Малой Оби, на ее правом берегу был открыт новый памятник эпохи энеолита–ранней бронзы – *поселение Горный Сомтнел-1* (рис. 1: 1). Наибольшую близость по основным морфологическим и декоративным показателям керамический комплекс памятника обнаруживает с керамикой по-

селения Вары-Хадьга (Кудрич, 2010. С. 192–194). В 2010 г. на поселении проведены комплексные археологические и почвенно-биологические изыскания. В результате сплошной зачистки берегового обрыва выявлен котлован глубиной 1 м, перекрытый частично обгоревшей конструкцией из деревянных плах, травы и бересты. В заполнении обнаружены скопления фрагментов керамических сосудов, каменных орудий и отходов камнеобработки, изделия из бересты, кости и зубы животных. Дно котлована выстлано травяной циновкой толщиной около 5 см. Под фрагментом деревянной плахи, на полу зафиксированы остатки рыболовной сети (с шириной ячейки 60 мм), связанной из растительных волокон, и грузило в виде продолговатой гальки, обернутой в бересту.

Возвращаясь к культурной интерпретации выявленного памятника, следует обратить внимание на не-

которые специфические особенности. Во-первых, в оформлении керамических сосудов появляется совершенно иной стиль орнаментации – оттиски широкого плоского штампа с фигурной ячеистой нарезкой. Причем фигуры, вырезанные на штампе, имеют геометрическую форму – соты, ромбы, квадраты, чем достигается имитация рисунка, выполненного рабочим краем лопаточки. Во-вторых, наблюдается разница в конструктивных особенностях жилищ.

Без сомнения, поселение Горный Сомотнел уникально тем, что пока является единственным памятником ранних эпох на Ямале с хорошей сохранностью культурного слоя и всех органических материалов в нем, что обусловлено наличием мерзлого слоя. Полученные археологические материалы и результаты многочисленных почвенных анализов значительно расширяют представление о жизни населения Заполярья в эпоху энеолита–ранней бронзы.

Васильев Е.А., 2000. Поселение Вары-Хадьга II и проблемы первобытной археологии Ямала // Научный вестник. Вып. 3. Салехард.

Васильев Е.А., Глызин И.П., 2008. Ясунское поселение – памятник энеолитического времени на Севере Западной Сибири // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: Сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.В. Флоринского. Вып. 2. Томск.

Королев Ю.Г., Хлобыстин Л.П., 1966. Йоркутинская стоянка на полуострове Ямал // КСИА. Вып. 115.

Кудрич О.С., 2010. Керамика поселения Горный Сомотнел как компонент формирования культуры населения низовьев Оби

в эпоху энеолита–бронзы // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: Мат-лы XV Междунар. Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск.

Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П., 1986. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. Вып. 185.

Питулько В.В., 1991. Новые памятники ортинской культуры // КСИА. Вып. 203.

Рудковский С.И., Глызин И.П., 2007. Раскопки поселения Лов-санг-хум II // АО 2005 г.

Чернов Г.А., 1951. Археологические находки на реке Щучьей // КСИА. Вып. 40.

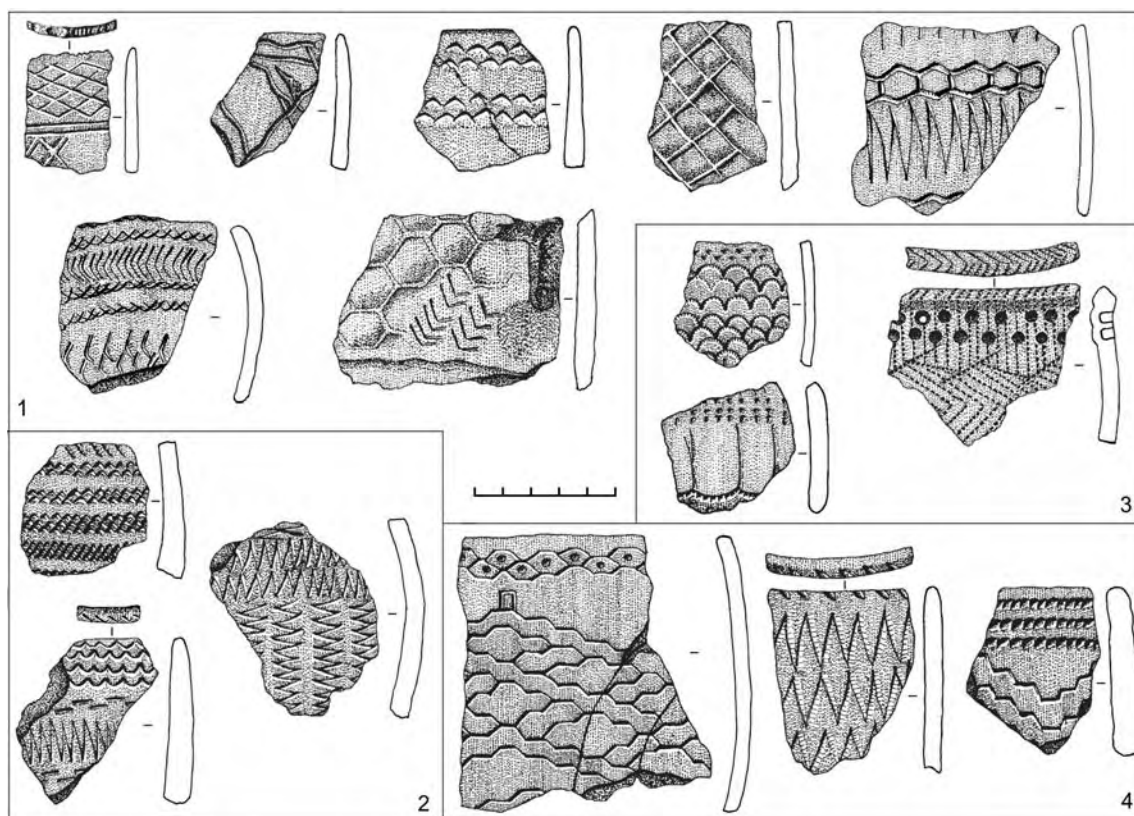

Рис. 1

Керамика памятников Севера Западной Сибири эпохи энеолита–ранней бронзы: 1 – поселение Горный Сомотнел-1; 2 – стоянка Йоркутинская; 3 – поселение Лов-Санг-Хум II; 4 – поселение Вары-Хадьга II

Столица Инь династии Шан (XVI–XI вв. до н.э.) и хронология бронзового века Китая

Местность Инь располагается на берегах р. Хуаньхэ в северо-западном пригороде г. Аньян на севере современной провинции Хэнань. К западу находятся отроги хребта Тайханшань, к востоку – Северо-Китайская равнина (География Китая, 1993. С. 14, 176, 478–479). В настоящем докладе за округу столицы Инь будет принята территория двух излучин р. Хуаньхэ и города к северу от этой реки.

Археологические работы на этой территории ведутся с 1928 г. по сей день. За счет интенсивности раскопок и колоссального размера производимых работ накоплен громадный массив данных. Помимо поселенческих, производственных и погребальных комплексов были сделаны многочисленные находки эпиграфики – надписей на гадательных костях.

На территории округа Иньской столицы было найдено несколько поселенческих памятников; два из них имеют оборонительные сооружения и организованную структуру (рис. 1). Первый из них – комплекс в излучине р. Хуаньхэ, близ дер. Сяотунь (ИА АОН КНР, 2004; Ши Чжан-жу и др., 1959); второй – недавно обнаруженный город с крепостными стенами к северу от р. Хуаньхэ (Аньянский рабочий отряд... Каогу, 2003. С. 3–16)

Городской комплекс близ дер. Сяотунь

Общая площадь в пределах, ограниченных излучиной р. Хуаньхэ и обводным рвом, составляет около 700 000 кв. м. Длина обводного рва с севера на юг – 1100 м, с запада на восток – 650 м, средняя ширина – 10–20 м, глубина – 5 м (ИА АОН КНР, 1994. С. 78). Сравнительно небольшая территория поселения, значительные площади которой занимают основания громадных зданий и нежилые районы (кладбище, мусорный блок для костных остатков крупного рогатого скота) отсутствие серьезных оборонительных сооружений вокруг этого комплекса, исключительное расположение архивов гадательных костей на территории – все это свидетельствует о сакральном характере городища.

Город со стенами к северу от реки Хуаньхэ

Реконструируемые масштабы города: общая площадь – 4,7 кв. км, протяженность стен с севера на юг – 2200 м, с запада на восток – 2150 м. Фактически раскопаны 7 небольших участков стен размерами 15–20×4–5 м. Ширина стен – 7–11 м, толщина подземного участка – 4 м. Остатков обводного рва обнаружено не было (Аньянский рабочий отряд... Каогу, 2003. С. 3–14).

К настоящему моменту археологические исследования данного городища находятся в начальной стадии – раскрыты лишь несколько участков стен

и небольшие районы на территории самого городского комплекса. По мнению китайских специалистов, сооружение города относится к средне-шанскому периоду, откуда столица была перенесена в район Сяотуньского городища при правителе У-дине (1238–1179 гг. до н.э.) (даты правления приведены по: Большой китайско-русский словарь, 1984. С. 64). Таким образом, предполагается, что население хорошо укрепленного города площадью в 4,7 кв. км переехало в находившееся в нескольких километрах небольшое поселение площадью 700 000 кв. м, имевшее только водную преграду.

Современные варианты относительной хронологии керамики и бронзовых изделий II тыс. до н.э. Китая и сделанные на их основании выводы о функционировании городских комплексов местности Инь, по мнению автора, по ряду причин убедительными не являются.

На основании нынешнего состояния изученности местности Инь не представляется возможным окончательно установить время функционирования и взаимодействие двух основных городских комплексов. Учитывая громадный размер общественных работ – сооружение стен города к северу от р. Хуаньхэ, царского некрополя, а также крайнюю многочисленность погребений в данной местности – не менее 6000 могил (ИА АОН КНР, 1994. С. 100), хотя более вероятно цифра в 8000, представляется маловероятным, чтобы во время правления династии Шан было возможно резкое снижение численности населения и переезд в небольшое поселение в излучине р. Хуаньхэ. Наиболее вероятно, что оба городища функционировали одновременно, при этом небольшой комплекс близ дер. Сяотунь играл роль сакрального центра.

Судя по бронзолитным производственным комплексам и ряду погребений в данной местности, ремесленное производство продолжало свое развитие на протяжении еще нескольких сот лет после ниспровержения верховной власти Шан домом Чжоу в XI в. до н.э. Наиболее вероятно это было связано с производственно обоснованным расположением города вблизи источников медного сырья хр. Тайханшань, что затрудняло перемещение бронзолитного комплекса в какое-либо другое место.

На территории столицы Инь и ее округа было раскрыто большое количество разнообразных комплексов, относящихся к бронзовому веку Китая. На основании изменений в производстве, формах и орнаментации в будущем возможно построение обо-

снованной относительной хронологии керамики и бронзы, благодаря которым в дальнейшем станет

возможной атрибуция и других комплексов бронзового века Китая.

Большой китайско-русский словарь. 1984. Т. 1. М.
 География Китая (на кит. языке). 1993. Энциклопедия. Пекин.
 Аньянский рабочий отряд ИА АОН КНР. 2003. Исследование и пробные раскопки городища Шанского времени на северном берегу р. Хуань близ г. Аньян пров. Хэнань (на кит. языке). Каогу. № 5.
 ИА АОН КНР. 2007. Кладбище шанского времени к востоку от дер. Хуаюаньчжуан Иньсюя близ Аньяна (на кит. языке). Пекин.

ИА АОН КНР. 1985. Могила Фу-Хао в Иньсюе (на кит. языке). Пекин.
 ИА АОН КНР. 1994. Открытие и исследование Иньсюя (на кит. языке). Пекин.
 ИА АОН КНР. 2004. Сяотунь близ Аньяна (на кит. языке). Пекин.
 Ши Чжан-жу и др., 1959. Сяотунь, первая серия. Открытие и раскопки второго сектора. Остатки построек Иньсюя (на кит. языке). Нанькан.

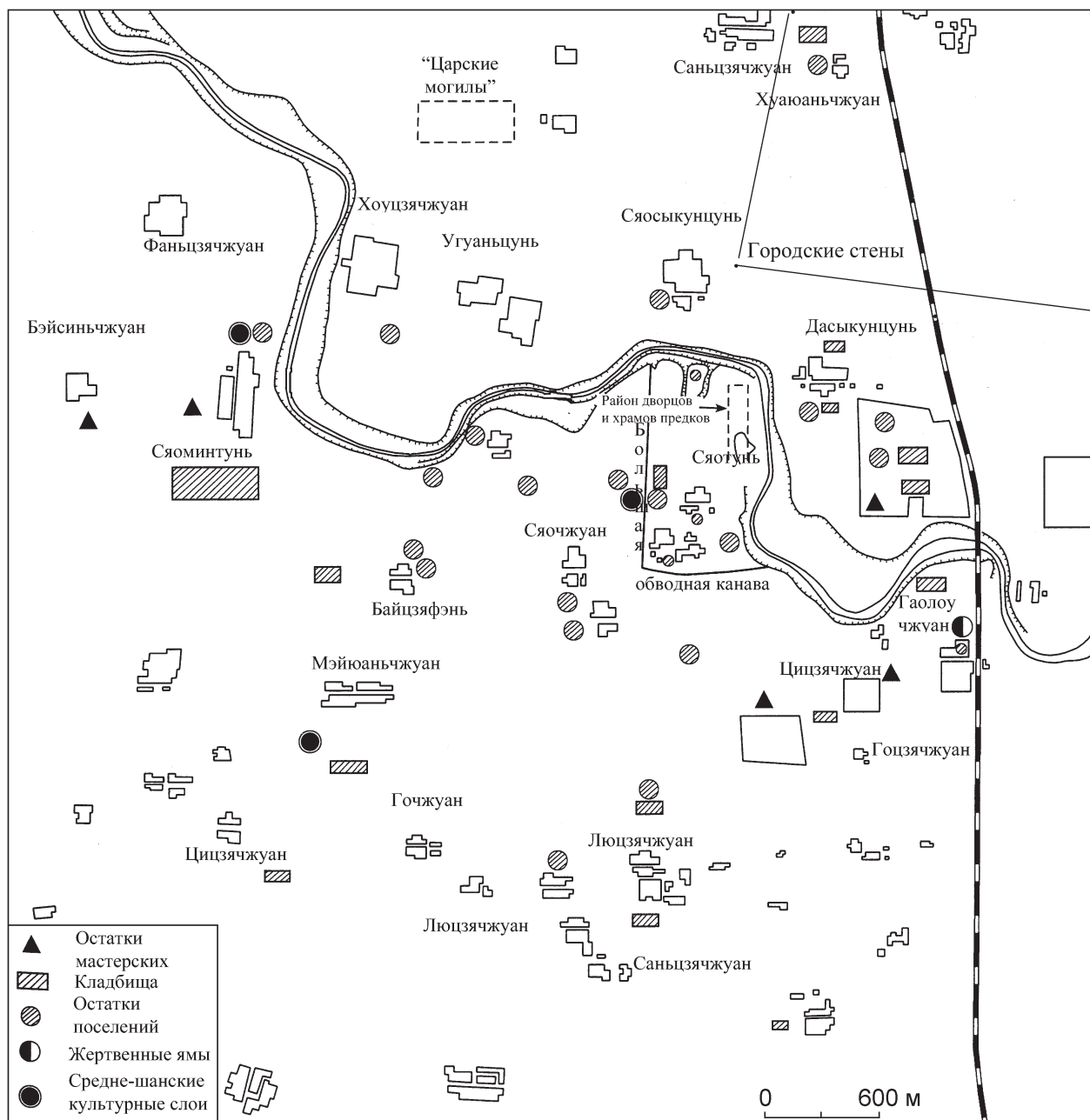

Рис. 1
 Карта местности Инь (подготовлена на основании публикации: ИА АОН КНР. Сяотунь близ Аньяна. 2004. С. 3)

Проблема происхождения индоевропейцев сегодня

За десять лет начала III тысячелетия археология, используя комплекс естественнонаучных методов, из науки гуманитарной стала на грань естественнонаучной дисциплины (Деревянко, Молодин и др., 2005; Кирюшин, Тишкин, 2009; Молодин, Парцингер и др., 2009; Молодин, 2010; Аналитические исследования..., 2009). Использование калиброванных ^{14}C дат позволило существенно удревнить датировки культур Евразии энеолита и бронзового века. Большие успехи достигнуты в лингвистике: В. Джонс (1786) установил родство индоевропейских языков, А. Шлейхер (1861–1862) реконструировал индоевропейский праязык. О. Шрадер (Schraeder, 1901) локализовал прародину индоевропейцев в Европе (Рейн–Дунай–Днепр), поместив индоиранцев в степях.

Х. Педерсен (1910) ввел понятие ностратика. В.М. Иллич-Свитыч (1971–1984) выделил группы ностратических языков. М. Сводеш определил скорость распада языка-основы, что позже оспорил С.А. Старостин (2007). Сейчас время распада индоевропейской общности определяется от VII тыс. до н.э. (Gray, Atkinson, 2003) до III тыс. до н.э. (Dyen et al., 1992). С.А. Старостин определил время распада индоевропейской общности концом III тыс. до н.э., но не смог установить прародину индоевропейцев в Анатолии или Европе (Бурлак, Старостин, 2005).

Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов (1984) переместили прародину индоевропейцев в III тыс. до н.э. в Анатолию, где остались хетты, индоевропейцы частично осели в Митанни, частично ушли на восток в Индию, а иранцы – в Иран. Другие индоевропейцы и саки через Среднюю Азию прошли в Европу. Эта гипотеза подверглась критике И.М. Дьяконовым (1982), поместившим древнейшую прародину в Балкано-Дунайской зоне, и была отвергнута большинством хеттологов (Александров, 2009).

К. Ренфрю локализовал прародину индоевропейцев в Анатолии (Renfrew, 1987), откуда индоевропейцы мигрировали через Балканы в Европу в VII тыс. до н.э., принеся земледелие, скотоводство и металл. Эта гипотеза встретила критику, т. к. культурные достижения заимствуются вне зависимости от миграции (Sherratt A. & S., 1988).

Широкое признание получила гипотеза Дж. Мэллори (Mallory, 1989), подтвердившего европейскую прародину индоевропейцев.

Ключевыми для реконструкции культуры праиндоевропейцев являются термины «невозделанная земля, пастбище», «металл (медь)», «крупный рогатый скот», «овца», «коза», «конь», «свинья» (выпав-

шая у индоиранцев) и обилие скотоводческой терминологии, а также «лодка», «колесо (повозка)» (Schraeder, 1901), «Млечный путь», «созвездие Возничий» (Никонов, 1980), что позволяет датировать праиндоевропейскую общность не раньше появления в Старом Свете колесного транспорта, что явилось предпосылкой быстрого расселения индоевропейцев на обширной территории Евразии.

Первыми со степной прародины ушли тохары. Открытия европеоидов в Синьцзяне в Гумугоу и др. рубежа III–II тыс. до н.э. и их сходство с афанасьевцами указывает на их западное степное происхождение (Молодин, Алкин, 1997; Худяков, Комиссаров, 2002; Mallory, Mair, 2000; Kuzmina, 2007).

Хетты по мнению большинства лингвистов появились в Малой Азии или с Балкан, или через Дербентский проход (Х. Оттен), или по восточному берегу Черного моря (Х. Камменхубер). Последний путь был невозможен из-за трансгрессии Черного моря, затопившего Колхидскую низменность, где на укрепленных дамбами поселениях есть следы металлургии, земледелия, но скотоводство представлено только крупным рогатым скотом и свиньей (Джибладзе, 2007).

Западный путь хеттов из Европы подтверждается тем, что: 1) язык относится к группе кентум, сближаясь с германским и итальянским; 2) в их культуре ярко отражены заимствования из аборигенного хаттского языка и мифологии; 3) миграция индоевропейцев через Среднюю Азию была невозможна, т. к. Кызылкумы в III тыс. до н.э. заболочены, производящего хозяйства там нет (Виноградов, 1981), а во II тыс. до н.э. фиксируется миграция на юг в Индию (Кузьмина, 2008).

Относительно происхождения индоиранцев в отечественной науке противоборствовали две гипотезы.

I. Степная прародина: Г.М. Бонгард-Левин (1963; Бонгард-Левин, Ильин, 1985) полагал, что срубники и андроновцы через Среднюю Азию пришли в Индию. Э.А. Грантовский (1998) считал, что срубники пришли в Иран через Кавказ. М.Н. Погребова (1977а; 1977б) показала, что в процессе миграции в Иран срубная культура трансформировалась. Е.Е. Кузьмина (1986; 1994; 2008) пыталась доказать, что срубная и андроновская культуры были индоиранскими, что поддержал И.М. Дьяконов (1995). Следы миграции прослежены в Средней Азии и далее – в Индию и Иран.

II. Древневосточная прародина. Открыватель древневосточной цивилизации Гонура (бактрий-

ско-маргианского археологического комплекса) В.И. Сариниди (1990; 2001; 2010) полагал ее создателем индоиранцами или иранцами. В дискуссии (Francfort, 1989; Lamberg-Karlovsky, 2002) выбор между двумя концепциями оказался неразрешим. Но в 2010 г. А. Лубоцкий доказал, что жители Гонура были родом из Пакистана и говорили на протодравидийском языке. Н.А. Дубова (2010) выделила в Гонуре близкие к харапским черепа. Таким образом, дискуссия закончена.

В 2010 г. Л.С. Клейн повторил свою идею арийской принадлежности катакомбников. Ее опровергает: 1) отсутствие у катакомбников колесниц; 2) хроно-

логический разрыв с Синташтой, генетическая связь которой с андроновскими алакульскими памятниками доказана; 3) контакты с финно-уграми, прародина которых локализовалась в лесной зоне по обе стороны Урала (Напольских, 1997; 2010).

Итак, сегодня нет единства мнений о прародине индоевропейцев ни у археологов, ни у лингвистов. Решение проблемы лежит в руках антропологов и, прежде всего, генетиков, работы которых уже привели к надежным выводам для Индии (Passarino et al., 1996; Barnabas et al., 1996; Vamshad et al., 2001; Majumder, 2001) и для Сибири (Молодин, 2010; Пилипенко, Молодин, 2010).

- Александров Б.Е., 2009. Малая Азия и Армянское нагорье в древности // *Историография истории Древнего Востока*. М. Аналитические исследования лаборатории естественных методов, 2009. М.
- Бонгард-Левин Г.М., 1963. Упадок харапской цивилизации и вопрос об арийском нашествии // *Народы Южной Азии*. М.
- Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф., 1985. Индия в древности. М.
- Бурлак С.А., Старостин С.А., 2005. Сравнительно-историческое языкознание. М.
- Виноградов А.В., 1981. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского Междуречья. М.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I–II. Тбилиси.
- Грантовский Э.А., 1998. Иран и иранцы до Ахеменидов. М.
- Деревянко А.П., Молодин В.И. и др., 2005. Междисциплинарные исследования Института археологии и этнографии СО РАН за последнее десятилетие // *РА*. № 2.
- Джибладзе Л.В., 2007. Поселения Колхидской низменности III–II тыс. до н.э. Тбилиси.
- Дубова Н.А., 2010. Антропологический покров Туркменистана в древности и в наши дни // *На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И. Сариниди*. ТМАЭ. Т. 3. СПб.
- Дьяконов И.М., 1982. О прародине носителей индоевропейских диалектов // *ВДИ*. № 3–4.
- Дьяконов И.М., 1995. Прародина индоевропейцев (По поводу книги Е.Е. Кузьминой «Откуда пришли индоарии?»). М., 1994 // *ВДИ*. № 1.
- Иллич-Свитыч В.М., 1971, 1976, 1984. Опыт сравнения нестратических языков: Сравнительный словарь. М.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 2009. Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Барнаул.
- Клейн Л.С., 2010. *Время кентавров*. СПб.
- Кузьмина Е.Е., 1986. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // *Переднеазиатский сборник*. Вып. IV. М.
- Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии? М.
- Кузьмина Е.Е., 2008. Арии – путь на юг. М.
- Лубоцкий А., 2010. Кто были жители Гонура и на каком языке они говорили // *На пути к открытию цивилизации*. СПб.
- Молодин В.И., 2010. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи // *Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее*. Новосибирск.
- Молодин В.И., Алкин С.В., 1997. Могильник Гумугоу (Синьцзян) в контексте афанасьевской проблемы // *Гуманитарные исследования: итоги последних лет*. Новосибирск.
- Молодин В.И., Парцингер Г. и др., 2009. Чича I – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск; Берлин.
- Напольских В.В., 1997. Введение в историческую уралоистику. Ижевск.
- Напольских В.В., 2010. Уральско-арийские взаимоотношения: научная традиция и новые вопросы // XVIII Уральское археологическое совещание. Уфа.
- Никонов В.А., 1980. География названия Млечного пути // *Ономастика Востока*. М.
- Пилипенко А.С., Молодин В.И., 2010. Палеогенетический анализ в археологических исследованиях // *Информационный вестник Вавилонского общества генетиков и селекционеров*. Т. 14. № 2.
- Погребова М.Н., 1977а. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.
- Погребова М.Н., 1977б. К вопросу о миграции ираноязычных племен в Восточном Закавказье в доскифскую эпоху // *СА*. № 2.
- Сариниди В.И., 1990. Древности страны Маргуш. Ашхабад.
- Сариниди В.И., 2001. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.
- Сариниди В.И., 2010. Задолго до Заратустры. М.
- Старостин С.А., 2007. *Труды по языкознанию*. М.
- Худяков Ю.С., Комиссаров С.А., 2002. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Новосибирск.
- Vamshad M., Kivisild T., Watkins W. and others, 2001. Genetic Evidence on the Origins of Indian Caste Populations // *Genome Research*.
- Barnabas S., Apte R., Suresh C.G., 1996. Ancestry and interrelationships of the Indians and their relationship with other world populations: a study based on mitochondrial DNA polymorphisms. // *Ann. Hum. genet.* No. 60. (Separate reprint).
- Dyen J. et al., 1992. An Indo-European classification: A lexicostatistical Experiment // *Transactions of American Philosophical Society*. Т. 82 (5).
- Francfort H.-P., 1989. Fouilles de Shortughan. Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. Vol. I, II. Paris.
- Gray R., Atkinson A., 2003. Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European Origin // *Nature*. No 426.
- Kuzmina E., 2007. *The Origin of the Indo-Iranians*. Leiden, Boston.
- Kuzmina E., 2008. *The Prehistory of the Silk Road*. Philadelphia.
- Lamberg-Karlovsky C.C., 2002. *Archaeology and Language. The Indo-Iranians* // *Current Anthropology*. Vol. 43. No. 1.
- Majumder P., 2001. *Indian Caste Origins: genomic Insights and future outlook* // *Genome Research*. Vol. 11. No. 6.
- Mallory J.P., 1989. *In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth*. London.
- Mallory J.P., Mair V.M., 2000. *The Tarim Mummies: Ancient China and the Mystery of the Earliest Peoples from the West*. London.
- Passarino G., Semino O., Bernini L. and others, 1996. Pre-Caucasoid and Caucasoid genetic features of the Indian population, revealed by mt DNA polymorphisms // *American Journal of Human genetic.* Vol. 59.
- Renfrew C., 1987. *Archaeology and Language. The Puzzle of Indo-European Origins*. London.
- Sarianidi V.I., 1998. *Margiana and Protosoroastrism*. Athens.
- Schrader O., 1901. *Reallexikon der Indogermanischen Altertumskunde*. Strassburg.
- Sherratt A. & S., 1988. *The Archaeology of Indo-European: an alternative view* // *Antiquity*. Vol. 62.

О двух элементах погребального обряда сапаллинской культуры¹

К ведущим детерминантам погребального обряда, наряду с рядом других факторов, большинством исследователей относятся социальный и фактор, не вполне удачно названный физиологическим (биологическим)² (Ольховский, 1986). Последний фиксирует зависимость основных элементов обряда (точнее, погребального памятника) от пола и возраста погребаемого. При этом считается, что погребально-поминальный обряд достаточно консервативен.

Известно, что «предсказывание» археологом пола (и в меньшей степени, возраста) погребенного в зависимости от тех или иных особенностей погребального обряда – явление достаточно широко распространенное в практике археологических исследований. Для сапаллинской культуры юга Средней Азии одной из таких особенностей является труположение мужчин на правом боку, а женщин – на левом (Аванесова, 1989). Однако строгой статистической верификации эта зависимость, в отличие от связи половозрастных параметров с типом захоронения (Ходжайов, 1977), не подвергалась.

Цель представленной работы – статистическая проверка гипотезы о половозрастной детерминации двух элементов погребального обряда (типа погребального сооружения и положения скелета) у населения позднего этапа сапаллинской культуры по материалам погребально-культурного комплекса Бустон VI³. Памятник расположен в дельте р. Шерабадарья, в 60 км к северу от г. Термеза (Сурхандарьинская обл., Узбекистан). Оставлен носителями молалинского и бустонского этапов сапаллинской культуры (Аванесова, 2001; 2003; 2006 и др.).

Определение пола и возраста погребенных проводилось с использованием методов многофакторной диагностики, принятых в практике антропологических и судебно-медицинских исследований (Пашкова, 1963; Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Звягин, 2000; Bass, 1987; Buikstra, Ubelaker, 1994). Результаты проверки взаимосвязи пола и возраста с типом погребального сооружения и положением костяка представлены в табл. 1 и 2.

На первом этапе исследования использовался *t-критерий* для зависимых выборок, затем – его непараметрическая альтернатива – критерий знаков (*Sign test*) χ^2 Пирсона. Все расчеты производились с применением стандартного пакета Statistica 6.0 (Халафян, 2008).

Приведенные в табл. 1 данные позволяют констатировать отсутствие четкой взаимосвязи между половозрастными параметрами погребенных и конструкцией погребального сооружения и принять гипотезу о случайности наблюдаемых различий (*t* равен 0,79 при *p* 0,51; *Z* равен –0,707 при *p* 0,47; χ^2 равен 6,00 при *p* 0,19).

При проверке гипотезы о зависимости положения скелета в погребальном сооружении от пола погребенного (правобочные захоронения мужские, левобочные – женские) учитывались лишь погребения, совершенные по обряду полной ингумации. Фракционные, вторичные захоронения, а также случаи альтернативного положения костяка (на спине, на животе) объединены в группу «другие варианты». Системных связей пола погребенного с положением в погребальном сооружении обнаружить также не удалось (*t* ра-

Таблица 1. Результаты проверки взаимосвязи половозрастных характеристик с типом погребального сооружения

Тип	Мужчины		Женщины		Дети до 14 лет		Суммарно	
	N	%	N	%	N	%	N	%
Яма	12	27,3	13	34,2	5	35,7	30	31,25
Подбой	22	50,0	15	39,5	5	35,7	42	43,75
Катакомба	10	22,7	10	26,3	4	28,6	24	25,0
Суммарно	14	100,0	38	100,0	14	100,0	96	100,0

1 Исследование проводится в рамках проекта РФФИ № 10-06-00263а.

2 По нашему мнению, термин «физиологический (биологический) фактор» не вполне корректен, поскольку охватывает предельно широкий круг понятий так или иначе связанных с особенностями физического типа погребенного. Зависимость обряда от пола и возраста, по-видимому, целесообразнее именовать «фактором половозрастной принадлежности», или рассматривать «фактор пола» и «фактор возраста» по отдельности.

3 Выражаю искреннюю признательность проф. кафедры археологии Самаркандского госуниверситета Н.А. Аванесовой за возможность работы с материалом из раскопок бустонского комплекса.

Таблица 2. Результаты проверки взаимосвязи половозрастных характеристик с положением костяка

Положение скелета	Мужчины		Женщины		Дети до 14 лет		Суммарно	
	N	%	N	%	N	%	N	%
На правом боку	13	29,6	10	26,3	8	57,1	31	32,3
На левом боку	6	13,6	11	29,0	2	14,3	19	19,8
Другие варианты	25	56,8	17	44,7	4	18,6	46	47,9
Суммарно	44	100,0	38	100,0	14	100,0	96	100,0

вен $-0,25$ при $p 0,84$; Z равен $-0,707$ при $p 0,47$; χ^2 равен $2,00$ при $p 0,15$).

Таким образом, полученные данные ставят под сомнение точку зрения о консерватизме погребально-го обряда у населения сапаллинской культуры на протяжении всех этапов ее развития. По материалам бус-

тонского комплекса прослеживается вариативность таких элементов обряда как тип захоронения и положение скелета. Следовательно, определение половозрастных параметров на основании лишь археологических данных для памятников молалинского и бустонского этапов является весьма условным.

- Аванесова Н.А., 1989. Эпоха бронзы Средней Азии. Самарканд.
 Аванесова Н.А., 2001. Результаты исследований некрополя Бустон VI // Археологические исследования в Узбекистане – 2000. Самарканд.
 Аванесова Н.А., 2003. Новые работы на некрополе Бустон VI // Археологические исследования в Узбекистане – 2002. Вып. 3. Ташкент.
 Аванесова Н.А., 2006. Двенадцатый полевой сезон на некрополе Бустон VI // Археологические исследования в Узбекистане – 2004–2005. Вып. 5. Ташкент.
 Алексеев В.П. 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.
 Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.

- Звягин В.Н., 2000. Диагностические исследования в судебно-медицинской экспертизе идентификации личности // Медико-криминалистическая идентификация. М.
 Ольховский В.С., 1986. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. № 1.
 Пашкова В.И., 1963. Очерки судебно-медицинской остеологии. М.
 Халафян А.А., 2008. Statistica 6. Статистический анализ данных. М.
 Ходжайов Т.К., 1977. Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитена. Ташкент.
 Bass W.M., 1987. Human osteology. A laboratory and field manual. Columbia, Missouri.
 Buikstra J.E., Ubelaker D.H. (eds.), 1994. Standards for data collection from human skeletal remains. Arkansas Archaeological Survey. Research Series. No. 44.

И.П. Лазаретов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Клад каменных орудий с окуневским изваянием¹

В 2010 г. Средне-Енисейская экспедиция ИИМК РАН проводила раскопки кургана эпохи ранней бронзы на могильнике Красный Камень в Богградском р-не Республики Хакасия. Исследована квадратная каменная ограда с дополнительными диагональными выкладками. В точке их пересечения располагалась обширная грунтовая яма с заплечиками. Ее нижняя часть оформлена в виде каменного ящика из массивных плит. В нем оказалось захоронение женщины 20–25 л., лежавшей на спине с поднятыми коленями, головой на запад. В погребении обнаружен плоскодонный баночный сосуд, аргиллитовый бисер, просверленные зубы марала и костяной гребень, выполненный в виде верхней части женской фигуры. После совершения этого захоронения ограда была перекрыта земляной насыпью высотой до 1 м. Все последующие погребения впущены в уже сформированное тело

кургана. Центральное захоронение и все 11 впускных могил относятся к финалу уйбатского этапа окуневской культуры.

При расчистке ограды, в ее северо-западном углу обнаружен клад каменных орудий из 7 предметов: 3 «топора», пест, «утюжок», прямоугольная плитка-абразив и терочник с изображением головы козла. Изделия были компактно уложены в небольшую ямку, выкопанную в насыпи рядом с одним из погребений. В могиле оказались захоронены женщина старше 50 л. и новорожденный, что исключает привязку орудий к данному погребению. За исключением абразива, все изделия выполнены в единой технике (точечная выбивка с последующей шлифовкой), из одинакового материала (зеленая речная галька) и составляют единый функционально-ритуальный набор. Предварительный трасологический анализ, выпол-

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Формирование окуневского культурного феномена».

ненный О.Н. Загородней и Е.Ю. Гирей, показал, что явные следы износа прослеживаются только на «топорах». Их рабочие части местами выщерблены и вновь залощены до матового блеска. Один из краев лезвия «топоров» сработан и затуплен в заметно большей степени, чем другой. Вероятно, эти орудия предназначались и активно использовались для земляных работ: прорубания оградных канавок, рыхления грунта при выборке могил, нарезки дерна. Пест, судя по наличию на торцевой поверхности микрочастиц охры, применялся для растирания красок в деревянной ступе. Вкрапления охры также обнаружены на всей поверхности терочника. Многочисленные параллельные царапины на рабочей плоскости абразива могут быть интерпретированы как следы заточки металлического инструмента. Открытым остается вопрос о функциональном назначении «утюжка». Он представлял собой гальку треугольно-пирамидальной формы с идеально плоским, гладким основанием. Ее верхняя часть подработана пикетажем и оформлена в виде ручки-выступа клювовидной формы. На конце выступа имеются сколы, подобные следам, возникающим на рабочих частях долотовидных орудий. Возможно, этот инструмент имел двойное назначение. Кроме основной функции он мог использоваться еще и как ударник при долблении мягкого камня.

Орудийные наборы неоднократно находили в погребениях эпохи бронзы степной зоны Евразии. Как правило, это были захоронения людей определенной специализации, чаще всего – литейщиков и металлургов. В нашем случае, хотя орудия и составляют единый комплект, они относятся к разным сферам трудовой деятельности. Ими можно было осуществлять земляные работы, растирать краски, производить за-

точку инструмента, делать выбивки. По-видимому, этот набор не принадлежал конкретно кому-то из погребенных в кургане людей, а предназначался для могильника в целом.

Наибольший интерес вызывает предмет, украшенный изображением головы козла. Это речная галька сигарообразной формы, подработанная пикетажем и шлифовкой. На ее утолщенном конце в технике низкого рельефа выполнены глаза, уши и рога животного (рис. 1). Длина изделия составляет 43,5 см. Головная часть предмета имеет подпрямоугольное сечение $8 \times 7,5$ см, хвостовая часть более округлая, диаметром 4 см. На брюшковой грани изделия оформлена плоская рабочая площадка. Оба конца предмета имеют достаточно выразительные следы «затертости от рук». Данная находка позволяет установить культурную и хронологическую принадлежность целой серии подобных изделий, происходящих из случайных находок, а также уточнить их функциональное назначение. Аналогичные предметы называют пестами, атрибутами фаллического культа, зооморфными жезлами или переносными изваяниями. Помимо формы и размеров, эти изделия объединяет обязательное наличие на брюшковой или боковой грани орудия уплощенной площадки, характерной именно для терочников. Не противоречит такой трактовке отсутствие явных следов износа и даже наличие на рабочей площадке солярных знаков, как у изделия из Шира (Кызласов, 1986. Рис. 158). Условия находки позволяют предположить, что данные орудия вовсе не предназначались для регулярного применения по своему прямому назначению, а входили в состав орудийных комплектов, необходимых для проведения погребальных и поминальных ритуалов непосредственно на могиль-

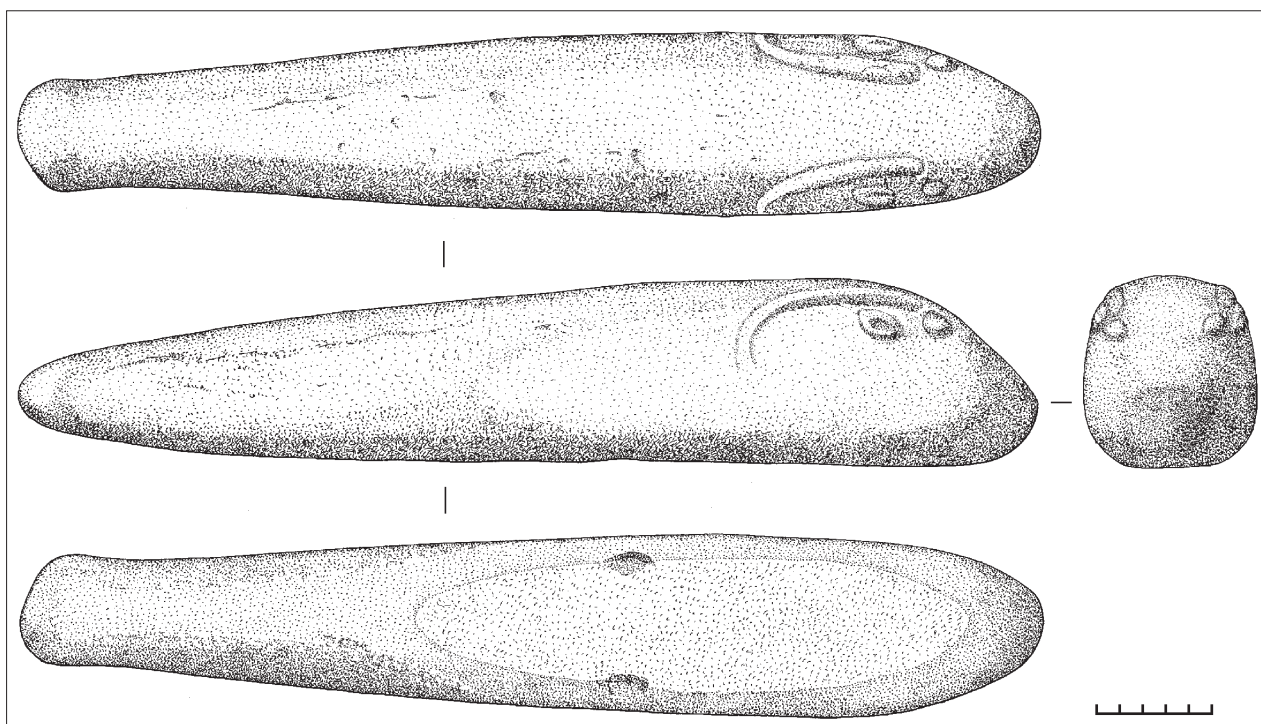

Рис. 1
Могильник Красный Камень, терочник

нике. В нашем случае «топоры» из состава клада имели вполне реальную прикладную функцию, а пест, «утюжок», абразив и терочник использовались только для подготовки и проведения погребальных ритуалов. После совершения очередного захоронения комплект убирал в «хранилище» до организации следующих похорон. Терочник с изображением головы хищника, обнаруженный на месте разрушенного окуневского могильника Лебяжье, вероятно, входил

в аналогичный функционально-ритуальный набор (Тарасов, Заика, 2000. С. 183).

Примечательно, что на всех известных нам орудиях изображены разные персонажи: бык, козел, хищник, рыба или змея. Возможно, это означает, что каждый из окуневских коллективов поклонялся своему тотемному животному, реальному или мифологическому, и использовал именно этот образ при проведении погребальных ритуалов.

Кызласов Л.Р., 1986. Древнейшая Хакасия. М.
Тарасов А.Ю., Заика А.Л., 2000. Малые формы окуневских каменных изваяний (проблемы интерпретации) //

Международная конференция по первобытному искусству. Труды. Т. II. Кемерово.

Н.В. Лебедева

ООО Научно-производственная фирма «АрхГео», Самара

В.Г. Фадеев

Некоммерческое партнерство «палеоантропологическая лаборатория Университета Наяновой», Самара

А.А. Хохлов

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара

Охранно-спасательные раскопки курганов бронзового века в лесостепном Заволжье

В последние годы в результате охранно-спасательных раскопок курганов бронзового века на территории Самарской обл. выявлены интересные комплексы и индивидуальные находки. Все курганы подлежали уничтожению в процессе строительных работ.

В 2006 г. в Хворостянском р-не были исследованы два кургана могильника Орловка I. В центре кургана 1 была обнаружена погребальная площадка с двумя захоронениями и жертвенником, содержащим фрагменты глиняных сосудов и кости животных. Могильная яма основного погребения № 1 была перекрыта дубовыми бревнами, на дне ямы в вытянутом положении на спине лежал скелет мужчины, окрашенный охрой. Рядом с погребением № 1 на уровне перекрытия было совершено погребение № 2. Человек, завернутый в циновку, сотканную из растительных волокон, был положен на правый бок и присыпан землей. Затем над ним был разведен костер и вновь засыпан при сооружении кургана. Циновка обуглилась и хорошо сохранилась. Под насыпью кургана 2 изучено ярусное захоронение: верхнее представлено костями ног взрослого человека, в нижнем ярусе найден скелет мужчины с бронзовыми ножом, шилом, кусками кремня. Погребальные комплексы курганов 1 и 2 относятся к репинскому горизонту древнеямной культуры и датируются второй половиной IV—началом

III тыс. до н.э. Получены также радиоуглеродные даты (Овчинникова, Фадеев, 2007. С. 24–34).

В 2008 г. в Кинельском р-не был исследован курганный могильник Кутулук I, который находился непосредственно на трассе строительства нефтепровода. Под насыпью кургана 1 обнаружены три могильные ямы с деревянными перекрытиями, в которых были захоронены 7 человек. В погребении № 1 находились скелеты двух подростков, лежавшие на боку в скорченном положении, лицом друг к другу, вплотную, соприкасаясь лобными костями. Погребенных сопровождали бронзовые подвески, браслеты, нож, стрекало, а также пастовые бусы, глиняные сосуды (рис. 1: 5, 6), скопления астрагалов животных. В погребении № 2 был захоронен взрослый мужчина с бусами, бронзовым шилом и сосудом, растащенным грызунами. В погребении № 3 на дне ямы находились скелеты 4 детей, бронзовый нож, каменный пест, 4 сосуда и астрагалы. Сосуды представляют собой горшки различных форм с внешним и внутренним ребром, украшенные сложной системой орнаментации (рис. 1: 1–4). Погребальный обряд и инвентарь погребений из кургана 1 позволяют отнести их к памятникам потаповско-синташтинского типа среднего бронзового века (Генинг и др., 1992; Васильев и др., 1994; Ткачев, Хаванский, 2006).

В 2010 г. также в Кинельском р-не раскопан курган 1 могильника Красносамарский V, находившийся на трассе строительства газопровода. В насыпи кургана расчищены скопление и отдельные кости животных, под ней обнаружены 10 могильных ям, в которых были захоронены 10 человек, один из них кремирован. 7 могильных ям были перекрыты деревянными плахами. Погребения № 5 и 12 были ограблены в древности. В остальных захоронениях найдены гли-

няные сосуды, бронзовые украшения, костяные изделия и кости животных.

По стратиграфии и планиграфии кургана произведена реконструкция процесса его сооружения и хронологического порядка захоронений.

Первоначально был захоронен мужчина (погр. № 5), имевший высокий социальный статус, о чем свидетельствует величина могильной ямы и факт ее ограбления. Перед погребением на древней поверх-

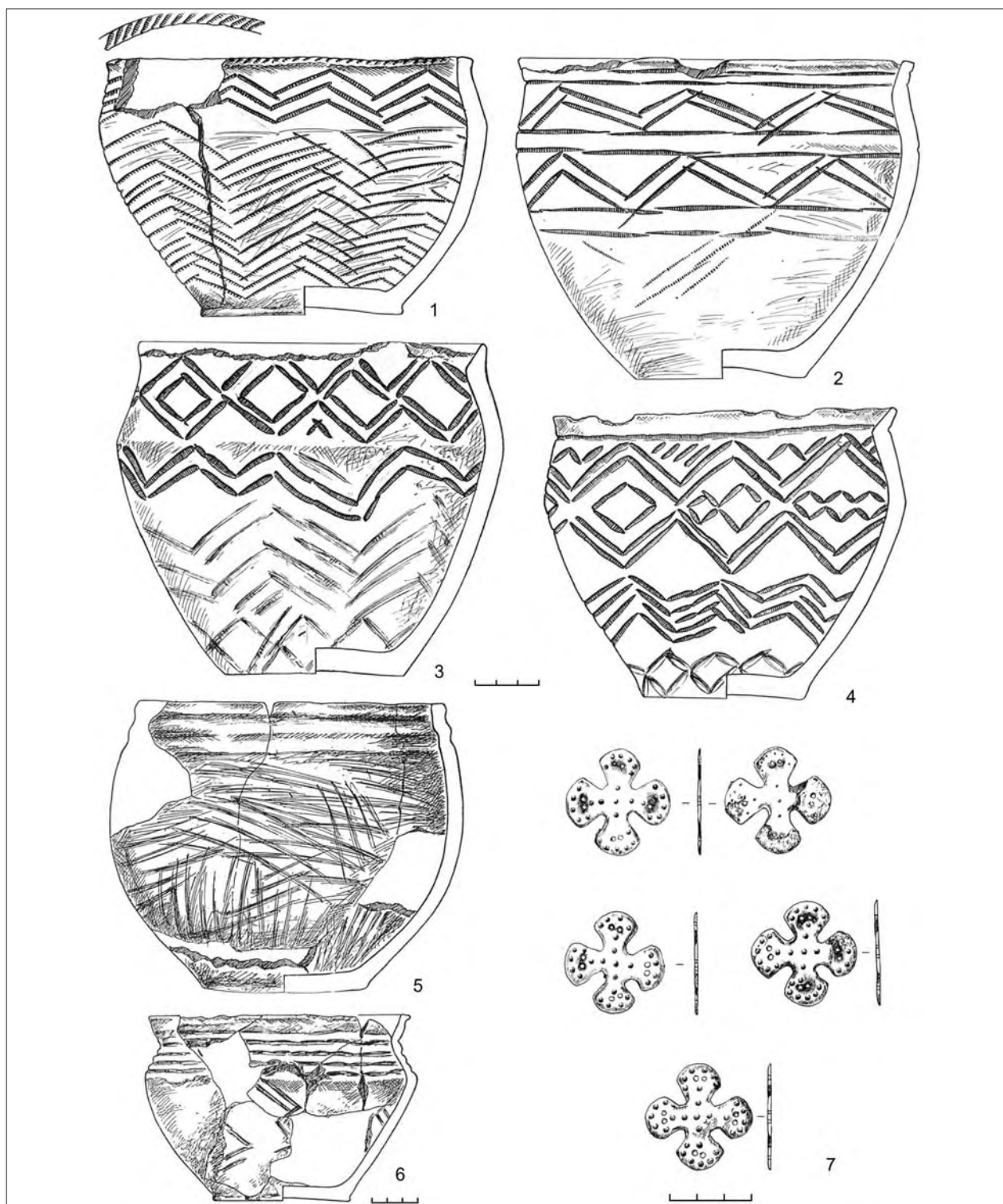

Рис. 1

Находки из курганов бронзового века в Самарской обл.: 1–6 – мог-к Кутулук I, кург. 1, сосуды (1–4 – погр. № 3; 5, 6 – погр. № 1); 7 – мог-к Красносамарский V, кург. 1, погр. № 8, бронзовые бляхи

ности площадки была сожжена трава (золистая полоска зафиксирована на профилях западной и центральной бровок). Затем была вырыта большая яма (4×4 м) и укреплена по периметру деревянными бревнами, а сверху – перекрыта плахами. Для возведения насыпи над погребением грунт был снят с юго-восточной части площадки. Свидетельством поминальной трапезы является скопление костей животных.

Местом последующих захоронений был выбран именно участок к юго-востоку от первой насыпи. Здесь компактной группой были расположены погребения № 3, 4, 8–12, в которых найдена керамика и кости животных. Умершие находились в небольших и неглубоких могильных ямах, иногда укрепленных деревянными бревнами или плахами по периметру и перекрытых сверху. Эти погребения были засыпаны землей, взятой из ровиков, расположенных с северной и южной сторон кургана, но слой насыпи был тонкий. Наиболее интересно захоронение молодой женщины (погр. № 8), от головного убора которой сохранились

4 бронзовые крестовидные бляхи (рис. 1: 7), в области шеи найдены пастовые бусы, за спиной – бронзовые пронизки-накосники.

Погребения кургана 1 могильника Красносамарский V относятся к покровскому этапу срубной культурно-исторической общности. Облик керамического инвентаря свидетельствует о взаимодействии на территории Волго-Уралья срубных и алакульских племен (История Самарского Поволжья..., 2000. С. 152–208).

Материалы изученных могильников представляют немалый интерес и для антропологических исследований. Они вносят определенные дополнения в существующую картину процесса расогенеза, протекавшего в эпоху бронзы в Волго-Уральском регионе. Особенно важными оказались объекты кургана 1 могильника Красносамарский V. Здесь обнаружен краниологический комплекс, который подтверждает наличие в составе носителей покровской культуры особого антропологического компонента, наличие которого ранее подвергалось сомнению.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.
Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. Синташта. Челябинск.
История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. 2000. Бронзовый век. Самара.

Овчинникова Н.В., Фадеев В.Г., 2007. Итоги изучения курганного могильника ямной культуры Орловка I // Самарский край в истории России. Вып. 3. Самара.
Ткачев В.В., Хаванский А.И., 2006. Керамика синташтинской культуры. Орск; Самара.

Н.П. Матвеева

Тюменский государственный университет, Тюмень

О.Ю. Зимина

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

Погребения заключительного этапа бронзового века в Зауралье

Одной из проблем в исследовании культур финальной бронзы – начального этапа раннего железного века в Зауралье является малая изученность погребальных комплексов. Заключительный этап эпохи бронзы в Зауралье представлен бархатовской культурой конца II тыс.–X–IX вв. до н.э. Бархатовские памятники распространены в лесостепной части Зауралья от верховьев Исети и Миасса на западе до Пришимья на востоке. Основная их часть сконцентрирована в Тоболо-Исетском междуречье (Тюменская обл.) и южной части Среднего Притоболья (Курганская обл.). Материальная культура бархатовских групп достаточно хорошо изучена по материалам поселений, среди которых представлены и неукрепленные селища, и городища. В то же время погребальный обряд остается слабоизученным, т.к. исследовано

всего несколько захоронений (Матвеев, Аношко, 2009. С. 180).

Большинство известных погребений эпохи поздней бронзы находятся на территории поселений и под насыпями курганов раннего железного века или средневековья. Не являются исключением и погребения бархатовской культуры. Два погребения обнаружены на городище раннего железного века Калачик-1 в подтаежной зоне на левобережье Тобола (Зах В., Зах Е., 1994. С. 32. Рис. 1: 4, 5). Еще два погребения выявлены при исследовании средневекового могильника Козлов Мыс-2 (Козловский могильник) на оз. Андреевском в окрестностях Тюмени (Матвеева, Зимина, 2010).

Погребения совершены в неглубоких овальных ямах (1,1–1,5×0,6–0,8 м, глубиной 0,05–0,38 м от материка), ориентированных по линии С–Ю, либо с не-

большим отклонением к З или В. Насыпи не прослеживались, возможно, они были уничтожены в более позднее время. Сохранность костей в могилах неудовлетворительная в связи с возможным ограблением, нарушением более поздними объектами и особенностями песчаной почвы. В двух погребениях были обнаружены останки взрослых людей (кости черепа, рук или ног). Погребенные были уложены в могилу головой на Ю, в одном случае – вытянуто на спине (Калачик-1), в другом – скорченно на боку (мужчина 30–35 л.; Козловский могильник)¹. Рядом с головами погребенных стояло по одному сосуду – плоскодонные горшки с невысокой отогнутой шейкой, украшенные рядами каплевидных вдавлений и двойным зигзагом. В другой могиле на городище Калачик-1 обнаружены кости ребенка без сопроводительного инвентаря. Во втором погребении Козловского могильника костей не обнаружено, но в середине могилы лежал небольшой бархатовский сосуд, украшенный поясками насечек по тулову, разбитый на две крупные части.

Помимо этих погребений к бархатовской культуре могут относиться несколько погребений из могильников на Южном Урале – Малоказакбаевского, Сарбулат-2 и «У поворота» (Матвеев, Аношко, 2009. С. 180). А.В. Епимахов рассматривает их в рамках выделяемого им для эпохи поздней бронзы на территории Южного Зауралья белоключевского археологического типа. Погребальные комплексы, включенные в этот тип, характеризуются индивидуальными и парными захоронениями по обряду ингумации, на боку скорченно, и также ориентированными головой на Ю. В могилу помещали один сосуд рядом с головой умер-

шего, инвентарь редок (украшение, орудие, кости животных). Надмогильные конструкции представлены земляными, редко – каменными или каменно-земляными насыпями (Костюков, Епимахов, 2005. С. 70–74; Епимахов, 2010. С. 43).

На наш взгляд, в белоключевский тип включены достаточно близкие в рамках периода, но разнокультурные материалы. Так, керамические сосуды из захоронений могильников Малоказакбаевского, Сарбулат-2 и «У поворота», представленные в публикациях А.В. Епимахова, имеют сходный с бархатовской посудой облик, а сосуд из погребения Малоказакбаевского могильника – характерный для бархатовского декора элемент – линию, разбивающую по вертикали орнаментальное поле. Мы склонны, вслед за А.В. Матвеевым и О.М. Аношко, относить их бархатовской культуре. Тем более что не только керамика, но и обряд притобольских погребений очень сходен с обрядом погребений Южного Урала.

Бархатовские захоронения характеризуются общими для погребальной практики позднего бронзового века чертами – индивидуальные ингумации в неглубоких ямах, вытянуто на спине или в скорченной позе с минимальным количеством сопроводительного инвентаря. В большинстве случаев население Зауралья и Западной Сибири завершающего периода бронзового века практиковало захоронения под курганными насыпями (Молодин, 1985. С. 131–136; Матющенко, 2006. С. 19–21; Обыденнов, 1997. С. 59–60; Полеводов, 2003. С. 9–10; Епимахов, 2010. С. 40–43). Возможно, и бархатовские захоронения также имели насыпи, уничтоженные в более позднее время.

Епимахов А.В., 2010. «Темные века» эпохи бронзы Южного Зауралья // РА. № 2.

Зах В.А., Зах Е.М., 1994. Городище раннего железного века Калачик-1 на Тоболе // Западная Сибирь – проблемы развития. Тюмень.

Костюков В.П., Епимахов А.В., 2005. Хронология и культурная интерпретация памятников финальной бронзы Южного Зауралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Актобе.

Матвеев А.В., Аношко О.М., 2009. Зауралье после андроновцев: бархатовская культура. Тюмень.

Матвеева Н.П., Зимица О.Ю., 2010. Погребения рубежа финальной бронзы–переходного времени к железному веку в Тюменском Притоболье // Андроновский мир: Сборник статей. Тюмень.

Молодин В.И., 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск.

Обыденнов М.Ф., 1997. У истоков уральских народов: экономика, культура, искусство, этногенез. Уфа.

Полеводов А.В., 2003. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири. Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Матющенко В.И., 2006. Еловский археологический комплекс. Ч. 3. Еловский II могильник. Комплексы Ирмени и раннего железного века. Омск.

В.И. Мельник

Институт археологии РАН, Москва

Природная среда, традиция и символика погребального сооружения

Создание погребального сооружения является заключительной частью погребального процесса, который включает утилитарные, обычные и обрядовые

действия. Каждая из этих составляющих вносит специфику в его конструкцию и восприятие. В свою очередь немало факторов воздействует на весь комплекс

¹ Определение О.Е. Пошехоновой (Институт проблем освоения севера СО РАН, Тюмень).

погребальной практики. Наиболее распространенными среди них являются природный (естественный), этнотрадиционный и идеологический.

Природная среда в значительной мере определяет место, материал и архитектуру сооружения. Много зависит от того, в какой природной зоне совершается погребение, напр., лесной, степной или пустынной, каков тип ландшафта, скажем, суббореальный или субтропический, гумидный или аридный, горный или равнинный, каковы выходы горных пород в данном районе. В степных районах в период раннего металла места совершения погребений тяготеют к поймам рек, а в последующие времена чаще всего располагаются на водоразделах. На выбор места захоронения могут также оказывать воздействие обстоятельства, связанные с сакрализацией пространства, почитание рек, гор и т. д.

Геологическая основа и характер растительности предрасполагают использование материалов, а в ряде случаев и конструктивные особенности погребального сооружения. Могильная яма с бревенчатым накатником, деревянная постройка типа шалаша, каменный ящик, дольмен, различные виды катакомб и скальных склепов – это образцы камерных погребальных сооружений. От характера рельефа зависит подход к сооружению: вертикальный, горизонтальный, наклонный.

Несмотря на естественную предрасположенность, имелись возможности создания разнообразных форм погребальных сооружений. Выбор того или иного способа погребения определялся как утилитарно-практическими навыками, так и мировоззренческими представлениями, сложившимися еще в глубокой древности. Эта двуединая основа становилась традиционной и коренным образом менялась редко, преимущественно в случаях перемещения и смешения населения.

Среди мировоззренческих представлений древнего населения, связанных с погребальной обрядностью, называют веру в душу и загробный мир, представления о смерти и мироздании. Такого рода представления обуславливают символику погребения. Немало примеров восприятия погребального сооружения как вместилища души, как места ее временного пребывания. Это также место соотношения с загробным миром, отражающим вертикальную структуру мироздания. Изобразительная фиксация двери, прохода для души наблюдается в ряде культур. Ориентировка погребального сооружения входом в ту или другую сторону нередко отражает членение горизонтального пространства. Понимается рассматриваемый объект и как лоно перерождения.

Р.А. Мимоход

Институт археологии РАН, Москва

О южном компоненте синташтинского культурогенеза

Происхождение синташтинской культуры является ключевым вопросом для археологии позднего бронзового века. Сейчас понятно, что ее генезис был связан с двумя основными компонентами, хотя есть и другие составляющие второго плана. Один из них хорошо опознается как абашевский. Вторым компонентом отражает участие в формировании Синташты групп южного происхождения, о чем неоднократно писали исследователи (Г.Б. Зданович, А.В. Епиматов, С.А. Григорьев, О.Д. Мочалов, В.В. Ткачев, В.В. Рогудеев и др.). Однако проблема заключается в том, что оставалась совершенно непонятной культурная принадлежность этих южных групп. Четче всего их культурных контекст как позднекатакомбный (маньчский) охарактеризовал В.В. Ткачев. После выделения блока посткатакомбных культурных образований стало очевидно, что хронологический стык между катакомбными древностями и памятниками горизонта щитковых псалиев отсутствует. Недавно это было показано нами и на материалах Волго-Уралья.

Сейчас культурный контекст южных групп населения, принявших участие в синташтинском культурогенезе, уже можно опознать. Выделение лолинской культуры в Предкавказье и ее северного деривата – волго-уральской посткатакомбной группы позволяет именно с ними связать отчетливые южные черты в обрядово-инвентарном комплексе синташтинской культуры. Механизм генезиса лолинской и волго-уральской посткатакомбных групп реконструируется следующим образом. В финале средней бронзы на пике аридизации происходит серьезная миграция части восточнокавказского населения (гинчинская и присулакская культуры) в степь, обусловленная в первую очередь нехваткой зимних пастбищ. Важными звеньями крупных культурных трансформаций, охвативших вследствие этого юг Восточной Европы, стало формирование лолинской культуры, а затем и ее деривата – волго-уральской группы, в облике которых хорошо прослеживаются восточнокавказские черты.

В дальнейшем именно эти образования включились в активный культурогенез колесничных культур,

в особенности Синташты, где кавказские и предкавказские элементы наиболее выражены. К ним относятся распространение адоративного (по сути восточнокавказского и предкавказского) обряда и юго-западных ориентировок, которые характерны для волго-уральских посткатакомбных погребений и некоторых обрядовых групп Лолы, наиболее тесно в генетическом отношении связанных с восточно-маньчской катакомбной культурой. Хорошо прослеживается обсуждаемая генетическая связь и в инвентарном комплексе. Это фаянсовые бусы с выступами, наборы из раковинных подвесок и клыков, в типологическом отношении полностью идентичные кавказским и предкавказским, костяные одношипные стрелы, имеющие прямые аналогии на Северо-Восточном Кавказе, металлические узколистовидные ножи без перекрестья, являющиеся основным типом в долинской культуре, тесла, ближайшие аналогии которым известны в позднейших восточноманьчских памятниках и по-

гребениях волго-уральской группы, мышьяковая бронза по традиционной кавказской рецептуре, медные сплавы с лигатурой цинка, уходящие корнями в среднюю бронзу Предкавказья, и т. д. Предложенная концепция происхождения Синташты подтверждается и данными антропологии, а именно наличием в синташтинской серии долихокранных южноевропеоидных черепов – основного краниотипа для Лолы и Гинчи.

Модель синташтинского культурогенеза, где осязаемый южный компонент связан с долинской культурой и Северо-Восточным Кавказом, может хорошо вписаться в систему аргументации наличия лингвистических заимствований из северокавказских и семитских языков в индоевропейских. На это, опираясь на наши с А.А. Хохловым разработки, недавно обратила внимание Е.Е. Кузьмина, очертив возможную перспективу дальнейших исследований в данном направлении.

Т.Н. Мишина

Институт археологии РАН, Москва

Орнаменты на керамике как хронологические маркеры для эпохи РБВ (по материалам телья Юнаците)

Орнаменты на сосудах широко распространены в эпоху ранней бронзы на многослойных поселениях Фракии и некоторые из них являются четкими хронологическими маркерами. Выявлению таких маркеров для телья Юнаците посвящено данное исследование. Подробная стратиграфическая колонка, которая зафиксирована для этого памятника, а также проведенный статистический анализ позволяют определить некоторые закономерности в распределении орнаментов керамики в отложениях эпохи РБВ на телье. Периодизация РБВ в современной болгарской историографии имеет три этапа: РБВ I, РБВ II, РБВ III.

В шестнадцати последовательно залегающих поселениях этого времени на телье Юнаците орнаментированная керамика составляет около половины от общего числа керамического массива.

В данном исследовании на основании техники нанесения на поверхность сосуда выделено семь типов орнаментов: тип 1 – налепной валик с углублениями (рельефный) – 28,2% от всей коллекции; тип 2 – каннелированный (в сочетании с накольчатый, шнуровым, углубленным) – 2%; тип 3 – оттиск шнура – 0,1%; тип 4 – прочерченный с белой пастой и без пасты (так называемый тип Михалич) – 2,1%; тип 5 – накольчатый, регулярно накольчатый – 0,8%; тип 6 – штампованный – 12,8%; тип 7 – шишковидный – 2,5%. Неред-

ко имеет место сочетание типов орнамента на одном сосуде.

При сопоставлении распределения типов орнаментов в стратиграфической колонке телья Юнаците были выявлены такие типы, которые не проявили себя как хронологические маркеры. Орнамент в виде налепного валика с углублениями распределился по всей стратиграфической колонке. На первом этапе РБВ присутствие его зафиксировано в виде двух слабо выраженных пиков – первый, максимальный на этапе РБВ II и второй, связанный с этапом РБВ III. Похожую картину распределения дает шишчатый орнамент – он более или менее равномерно присутствует во всех горизонтах. Однако можно предположить, что в большей степени он присущ РБВ II и РБВ III.

В свою очередь выделились типы орнаментов, характерные для определенных горизонтов и этапов РБВ – каннелированный и накольчатый. Практически вся каннелированная керамика сконцентрирована в двух нижних поселениях (XVI/XVII–XV горизонты). С XV горизонта наблюдается устойчивая тенденция к ее сокращению, а точнее сказать к резкому исчезновению из употребления. Накольчатый орнамент достоверно маркирует только три нижних горизонта (XVI/XVII, XV и XIV) и в дальнейшем исчезает из употребления. Распределение по горизонтам наколь-

чатого орнамента, а также сочетание каннелюр и накольчатого орнамента практически совпадает. Хотя в целом эти орнаменты составляют незначительный процент для каждого горизонта, их локализация компактна и эти типы являются хронологическими маркерами эпохи РБВ I.

В связи с проблемой перехода от РБВ II к РБВ III, которая широко дискутируется в болгарской историографии, важен шнуровой орнамент. Распространение шнурового орнамента на телле Юнаците в XI–VII горизонтах не противоречит его стратиграфической позиции на других памятниках и указывает на финал РБВ II и начало РБВ III. Оттиск шнура может служить диагностирующим признаком для этого переходного этапа. Подобная промежуточная позиция подтверждается и на других памятниках Восточной Фракии (Эзеро).

Распределение штампованного орнамента выявило его принадлежность к эпохам РБВ I и II. Дан-

ный орнамент достоверно маркирует поселки с XVI/XVII по X, в дальнейшем резко сокращается и после VI горизонта не встречается. Процент его на телле довольно значителен и может сравниться только с орнаментом в виде наклепного валика с углублениями. Но период его бытования короче и соответствует РБВ I–II.

Прочерченный орнамент с пастой и без пасты образует монолитную группу в интервале между XIV–XI горизонтами, с XIV горизонта наблюдается устойчивая тенденция увеличения доли этого типа орнамента, достигая максимума в XI горизонте. К началу РБВ III керамика с прочерченным орнаментом с пастой и без нее практически исчезает.

Наиболее четкими маркерами для РБВ I являются каннелированный и накольчатый орнаменты, для РБВ II – прочерченный орнамент с пастой и без нее (так называемый тип Михалич), для перехода от РБВ II к РБВ III – шнуровой орнамент.

А.В. Мусеев

Воронежский государственный университет, Воронеж

К вопросу о колесницах эпохи бронзы евразийской степи–лесостепи (происхождение, назначение, значение)

В материалах рубежа средней–поздней бронзы евразийской степи–лесостепи выделяется серия погребений, относящихся к разным культурным образованиям (бабинские, абашевские, синташтинские, петровские, покровского и потаповского типов, ранне-срубные древности), но к сравнительно узкому хронологическому интервалу (200–300 л.) и объединенных присутствием в них остатков колесниц (чаще всего, их частей) или колесничного снаряжения и упряжи (главным образом, псалиев). Словно нечто само собой разумеющееся эти колесницы интерпретированы как «боевые» (более осторожные оценки – Виноградов, 2003. С. 263–266; другие авторы и работы – в явном меньшинстве), а их значение – как в высшей степени исключительное, позволяющее говорить о «героической эпохе», о развитой социальной стратификации, о «колесничьей аристократии» (Е.Е. Кузьмина), в частности, сыгравшей определяющую роль в формировании Волго-Уральского очага культурогенеза (Бочкарев, 2010. С. 52–59, 116–118, др.), о выходе на предгосударственный (минимум) уровень развития, об изобретении колесницы в степях Евразии (Чердниченко, 1976; и многие другие авторы) и т.п. Эти широкие выводы, мало подтверждающиеся иными материалами (напр., поселений), основаны почти исключительно на погребениях с колесницами. Но так ли прочно это основание?

Происхождение. Сохраняют силу высказанные еще Г. Чайлдом аргументы в пользу единого центра и однократности происхождения колесницы в Древнем мире (Кожин, 1985. С. 176). Таковым центром, несомненно, является Древний Передний Восток. Парноколесная легкая боевая колесница на конской упряжи, с колесами на спицах (о которой чаще всего и идет речь применительно к евразийской степи–лесостепи) – существенная модификация бытовавшей на Древнем Востоке ранее (с начала III тыс. до н.э.), но также всецело продукт древневосточной инженерно-технической мысли (Горелик, 1985; Кожин, 1985. С. 176; и др.). Пути распространения колесниц в евразийской степи–лесостепи могли быть как с запада на восток (Матвеев, 2005; и др.), так и в обратном направлении (Отрощенко, 2009; др.). Все же вероятнее первый вариант. Отметим, что в Синташте даже первые «колесничные лошади» привозные из ареала древневосточного культурного влияния (Косинцев, 2008. С. 122–124, 127–128). Не исключено и два (западный и восточный) независимых (но имеющих общий древневосточный источник) вектора распространения колесниц в евразийской степи–лесостепи, столкнувшихся в конечном итоге на Волге. В этой связи ср. две традиции изготовления костяных псалиев с шипами (Усачук, 2007. С. 16–17), отличающиеся, по нашему мнению, различные решения

одной проблемы: создания древневосточным бронзовым прототипам аналогов из рога, кости, дерева. Колесницы же ранней стадии развития (до изобретения конской упряжи и широкого использования колеса на спицах) могли (через Кавказский регион) стать известны в катакомбной среде, но широкого распространения ни в ней, ни, тем паче, за ее пределами не получили.

Что же до гипотезы о евразийской прародине колесницы, то бремя (надо полагать, непосильное) доказательств по-прежнему лежит на утверждающей стороне.

Назначение. Боевое назначение евразийских колесниц далеко не очевидно. Использование их, их частей, имитаций, символики и просто упряжи в погребальном обряде, строго говоря, свидетельствуют только о культовом значении. Не подтверждают много и изобразительные материалы евразийской степи–лесостепи. Имеющие своим прототипом древневосточную колесницу, ее евразийские дериваты упрощены и возможно не вполне функциональны (в плане боевых качеств). Вообще сомнительно, что в обществах эпохи бронзы евразийской степи–лесостепи имелись условия (да и сама потребность) в раскрытии потенциала древневосточной колесницы именно как средства ведения боя. Одиночные колесницы довольно беспомощны в сражении (и никак не могут оказать «ошеломляющего психологического эффекта», о котором часто пишут). Как показывает древневосточная

практика, колесницы эффективны при условии их более-менее крупных формирований и только в крупных (сотни и тысячи участников) сражениях (Горелик, 1985. С. 193, др.; Кожин, 1985. С. 175, др.). Создание и обеспечение (ремонт, запчасти и т. п.) массовых отрядов колесниц требует крупной, высокотехнологичной, в известной степени стандартизированной отрасли ремесленного производства, труднопредставимой в обществах эпохи бронзы евразийской степи–лесостепи (во всяком случае, следов ее пока не обнаружено ни на одном поселении). Еще труднее представить себе массовые батальоны на этих пространствах в рассматриваемую эпоху с почти тотальной неукрепленностью поселений.

Значение. Колесница, стремительно, но ненадолго, вошедшая на рубеже средней–поздней бронзы в обиход «элиты» разнокультурных обществ евразийской степи–лесостепи как культовый и статусный артефакт, нашла свое место в религиозных представлениях, но вряд ли оказала существенное влияние на жизнь населения, познакомившегося с ней. Быстрое исчезновение колесниц в евразийской степи–лесостепи в позднем бронзовом веке (еще за несколько веков до появления конницы, с которой, как правило, это исчезновение связывается) дополнительно свидетельствует о ее не востребоваемости в указанном регионе. Для сравнения, в Средиземноморье колесницы существуют (в т.ч. и после появления конницы) до конца Древнего мира.

Бочкарев В.С., 2010. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.
Виноградов Н.Б., 2003. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск.
Горелик М.В., 1985. Боевые колесницы Переднего Востока III–II тысячелетий до н.э. // Древняя Анатолия. М.
Кожин П.М., 1985. К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. М.
Косинцев П.А., 2008. Происхождение «колесничных» лошадей // Происхождение и распространение колесничества. Луганск.

Матвеев Ю.П., 2005. О векторе распространения «колесничных» культур эпохи бронзы // РА. № 3.
Отрошенко В.В., 2009. К дискуссии о векторах движения колесничных в эпоху бронзы // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
Чердниченко Н.Н., 1976. Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.
Усачук А.М., 2007. Найдавніші псаліп доби бронзи лісостепу і степу Євразії (технологічний і функціональний аспекти): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ.

В.И. Молодин, Т.А. Чикишева, Д.В. Поздняков
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
А.С. Пилипенко, А.А. Журавлев, Р.О. Трапезов, А.Г. Ромащенко
Институт цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск

Миграция андроновского населения в Западную Сибирь: археологический, антропологический и палеогенетический аспекты¹

Одним из наиболее масштабных демографических явлений в Евразии в эпоху развитой бронзы яв-

ляется расселение представителей андроновской культурно-исторической общности на территории степ-

¹ Работа поддержана интеграционным проектом СО РАН № 115 (2009–11) и грантом РФФИ 09-06-00357а.

ного и лесостепного пояса от Урала до Енисея. Несмотря на длительное изучение этого феномена, остаются до конца не выясненными степень и характер взаимного влияния на генетическом уровне мигрировавших андроновских и аборигенных популяций на периферии андроновского мира.

Целью нашей работы была оценка методами палеогенетики (анализ митохондриальной ДНК) характера генетических взаимоотношений пришлых носителей андроновской (федоровской) культуры с аборигенным населением лесостепной зоны Западной Сибири. Центральным объектом исследования стала Барабинская лесостепь. Проникновение носителей андроновской (федоровской) культуры в этот регион происходит в начале II тыс. до н.э. В этот период Барабу населяли представители позднего этапа аборигенной кротовской культуры. Здесь на протяжении нескольких последних лет проводятся мультидисциплинарные исследования грунтового могильника Тартас-1. Основным массив погребений данного памятника был сформирован непосредственно в период сосуществования андроновской (федоровской) и позднекротовской групп населения. Археологические материалы позволили проследить процесс их культурного взаимодействия. Этот могильник является уникальной моделью для реконструкции взаимоотношений двух групп населения методами палеогенетики.

Основу исследованной нами серии составляют образцы митохондриальной ДНК от представителей андроновского (численность серии $n=30$) и позднекротовского ($n=15$) населения из могильника Тартас-1, позднекротовского населения из могильника Сопка-2/5. Дополнительно мы исследовали серию митохондриальных ДНК андроновцев (федоровцев) из Барнаульского Приобья (Фирсово-XVI, $n=8$), Кузнецкой котловины ($n=3$). Для анализа были привлечены серии образцов митохондриальной ДНК от предшествовавших групп населения Барабы, исследованные нами ранее ($n>50$), серия от носителей культуры эпохи поздней бронзы Барабы (мог-к Старый Сад, $n=9$) и опубликованные данные по андроновскому населению Красноярского края ($n=10$; Keyser et al., 2009).

Маркером миграционной волны на уровне мтДНК может быть появление в регионе новых гаплогрупп. В генофонде позднекротовского и федоровского населения Барабы одновременно появляются линии западноевразийской гаплогруппы T. В сериях из могильников Тартас-1 и Сопка-2 выявлено 3 варианта этой гаплогруппы (6 носителей, т. е. более 10% исследованных образцов). У предшествовавшего населения региона линии гаплогруппы T отсутствовали. Таким образом, гаплогруппа T является наиболее ве-

роятным маркером миграции андроновского населения в Барабу.

Серии образцов от андроновцев Барнаульского Приобья и Красноярского края показали, что генофонд этих групп содержит более 20% линий гаплогруппы T. Высокая частота вариантов T-гаплогруппы, является общей характерной чертой всех исследованных групп андроновского населения Западной Сибири, т. е. гаплогруппа T может рассматриваться как генетический маркер андроновской миграции для всей лесостепной полосы региона.

Присутствие линий T у позднекротовского населения отражает генетическое влияние мигрантов на аборигенов по женской линии (т. е. участие женщин в миграции андроновцев и их генетические контакты с аборигенным населением).

Состав исследованных для данного региона серий свидетельствует о том, что генетическое влияние на уровне мтДНК не было однонаправленным. Основу позднекротовской и федоровской серий Барабы составляют гаплогруппы, характерные для доандроновского населения региона (C, A, U5a) (Пилипенко, 2010). По-видимому, массовое проникновение этих линий в генофонд андроновского (федоровского) населения отражает интенсивное генетическое влияние аборигенов на мигрантов (ассимиляцию). Это направление генетического влияния было выражено в наибольшей степени, что подтверждается отсутствием этих специфических линий в других группах андроновцев.

Таким образом, миграция носителей андроновской (федоровской) культуры на территорию Барабы сопровождалась взаимными генетическими контактами мигрантов с аборигенным позднекротовским населением по женской линии.

Чтобы оценить влияние миграции андроновских групп на генофонд населения последующих периодов, мы исследовали серию образцов мтДНК от представителей культуры эпохи поздней бронзы Барабы, более всего напоминающих носителей пахомовской культуры. Исследованная выборка с одной стороны, несет в себе несомненные признаки генетической преемственности населения Барабы доандроновского периода (специфические линии мтДНК гаплогрупп A и C), с другой – в ее составе обнаружено 2 варианта гаплогруппы T, свидетельствующие об участии в ее формировании потомков носителей андроновской культуры. Эти данные подтверждают ассимиляционную гипотезу формирования этой группы населения Барабы.

Интересно отметить, что варианты гаплогруппы T играют заметную роль и в генофонде современного коренного населения Западной Сибири (Наумова и др., 2008).

Наумова О.Ю., Рычков С.Ю., Морозова И.Ю., Хаят С.Ш., Семиков А.В., Жукова О.В., 2008. Разнообразие митохондриальной ДНК у тобольно-иртышских сибирских татар // Генетика. № 2. Пилипенко А.С., 2010. Реконструкция процессов формирования населения Барабы эпохи бронзы методами анализа

вариабельности мтДНК: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск. Keyser C., Bouakaze C., Crubezy E., Nikolaev V.G., Montagnon D., Reis T., Ludes B., 2009. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people // Human Genetics. Vol. 126.

В.И. Молодин, Ж.В. Марченко, А.Е. Гришин
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Радиоуглеродная хронология позднекротовских и андроновских (федоровских) памятников центральной части Барабинской лесостепи (Западная Сибирь)¹

В Барабинской лесостепи на сегодняшний день открыто около 20 могильников позднекротовской и андроновской (федоровской) культур. Памятники делятся на «чистые», собственно позднекротовские и андроновские (федоровские), и на синкретичные, с доминированием той или иной обрядовой практики и инвентаря. В отсутствии стратиграфических наблюдений, касающихся последовательности существования отмеченных культурных образований, особую значимость приобретают данные радиоуглеродного датирования. Базовыми памятниками, обладающими пригодным для анализа материалом (антропологические остатки), можно считать некрополи Старый Тартас-4, Сопка-2/5-6, Тартас-1. Все эти памятники расположены в рамках одного микрорайона, в месте впадения р. Тартас в р. Омь, в непосредственной близости друг от друга.

Старый Тартас-4 оставлен носителями андроновской (федоровской) культуры (Молодин и др., 2002). Это курганный некрополь, содержащий захоронения с кремированными человеческими останками. На могильнике отмечены детские погребения, совершенные по обряду труположения. Основной инвентарь представлен классической андроновской (федоровской) посудой и небольшим набором бронзовых предметов.

Сопка-2 в настоящее время ранжирована на серию одновременных и разнокультурных могильников (Молодин, 2001). Некрополь *Сопка-2/5* содержит захоронения позднекротовской культуры. Это преимущественно грунтовый могильник с зарождающейся традицией сооружения земляных насыпей. Умерших не сжигали. Погребальный инвентарь представлен в т. ч. оружием и украшениями срубно-андроновского облика. Керамика практически отсутствует.

Могильник *Тартас-1* включает позднекротовские, андроновские (федоровские), а также синкретичные захоронения, оставленные населением культур, вступивших, вероятно, в кровнородственные отношения. Данное обстоятельство породило специфичную погребальную практику с разного рода доминантами в обряде и инвентаре (Молодин и др., 2007; 2008б; 2009).

Полученные ранее радиоуглеродные даты позднекротовских захоронений памятника Тартас-1 позволили отнести их к XIX–XVII вв. до н.э. (по $\pm 2\sigma$), а синкретичные захоронения с преобладанием андроновских (федоровских) черт – к XVII–XIV вв. до н.э. (по $\pm 2\sigma$; Молодин и др. 2008а). Новейшие данные по радиоуглеродной хронологии позднекротовских захоронений могильника Сопка-2/5 (СОАН-7717, 7720, 7726) относят их к XXI–XVIII/XVII вв. до н.э. (по $\pm 2\sigma$; рис. 1). Однако, принимая во внимание типологическую близость позднекротовских погребений на памятниках Тартас-1 и Сопка-2, а также тот факт, что хронология срубно-андроновского металла не выходит за пределы II тыс. до н.э., мы считаем, что оба комплекса синхронны в рамках XIX–XVII вв. до н.э.

Андроновские (федоровские) захоронения на некрополе Старый Тартас-4 были датированы по двум материалам – по органическому (коллагену) и неорганическому (биоапатиту). Даты по органическим материалам указали на возраст в пределах XVIII–XV вв. до н.э. (АА-84326–84327; по $\pm 2\sigma$; рис. 1). Четыре из пяти дат (КИА-41964–41968), выполненных по кремированным останкам, соответствуют этому же хроно-

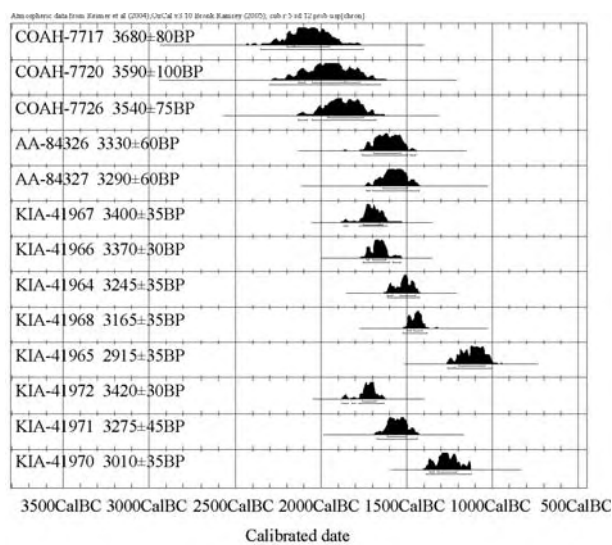

Рис. 1
Радиоуглеродные калиброванные даты памятников Сопка-2, Старый Тартас-4, Тартас-1

¹ Работа выполнена при содействии программы Президента РФ по поддержке молодых российских ученых (проект МК-1961.2010.6) и ведущих научных школ (проект НШ-5107.2010.6.), а также РФФИ (проект 10-06-00005а).

гическому отрезку. Одна дата (К1А-41965) имеет более поздний возраст и, на наш взгляд, является ошибочной (рис. 1).

По кремированным останкам из могильника Тартас-1 для группы синкретичных захоронений с преобладанием андроновских (федоровских) черт было получено 3 даты (К1А-41970–41972). Две из них соответствуют основному хронологическому тренду памятника – XVII–XIV вв. до н.э. (рис. 1). Одна дата (К1А-41970) указывает на более поздний возраст и, на наш взгляд, также неверна (рис. 1).

Таким образом, подтвердилось последовательное существование позднекротовских и синкретичных андроновских (федоровских) комплексов. Свойства

радиоуглеродного метода не позволяют более точно определить хронологическое положение «чистых» андроновских (федоровских) комплексов в ряду этих двух культурных групп. Здесь вероятно, несколько возможных моделей. Первая из них предполагает более ранний возраст позднекротовских захоронений, чем андроновских. Вторая модель – синхронное появление позднекротовских и андроновских (федоровских) комплексов в Барабе. Вероятнее всего, что, существуя какое-то время параллельно, обе группы (пришлое и автохтонное население) начинают вскоре взаимодействовать уже на уровне кровнородственных контактов, результатом чего стало появление синкретичных комплексов.

Молодин В.И., 2001. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Т. 1. Новосибирск.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Соловьев А.И., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А., 2009. Этнокультурные процессы у населения Центральной Барабы в эпоху развитой бронзы (по материалам исследования могильника Тартас-1 в 2009 году) // ПАЭАС. Т. XV.

Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В., 2002. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // АЭАЕ. № 3.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Новикова О.И., Соловьев А.И., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В., Пищонка Х., Казакова Е.А., 2007. Результаты полевых исследований памятника Тартас-1 в 2007 году // ПАЭАС. Т. XIII.

Молодин В.И., Парцингер Г., Марченко Ж.В., Пищонка Х., Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Гришин А.Е., 2008а. Первые радиоуглеродные даты погребений эпохи бронзы могильника Тартас-1 (попытка осмысления) // Труды II (XVIII) Всероссийского АС в Суздале. Т. 1. М.

Молодин В.И., Парцингер Г., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Соловьев А.И., Наглер А., Дураков И.А., Кобелева Л.С., 2008б. Тартас-1. Некоторые итоги полевых исследований // ПАЭАС. Т. XIV.

В.И. Молодин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Погребальная практика одиновской культуры

Памятники одиновского типа были впервые выделены на территории Западно-сибирской лесостепи (Приишимья и Притоболья) М.Ф. Косаревым в последней четверти прошлого века (Косарев, 1976). Примерно в это же время в более восточных районах Иртышского правобережья открыты сходные по материальной культуре поселения, обладающие определенной спецификой, однако вполне сопоставимые с классическими, что позволило автору доклада отнести их к памятникам одиновского типа (Молодин, 1983).

Работы последнего десятилетия по изучению культуры эпохи бронзы региона подтвердили правильность данного предположения, дав в руки исследователей материалы не только поселенческих, но и погребальных комплексов, что позволило, в конечном итоге, ставить вопрос о выделении в регионе особой одиновской культуры (Молодин, 2008).

Археологические открытия, сделанные за последнее время как в лесостепной, так и в таежной части Западной Сибири (см.: Кокшаров, 2006; Зах, 2009), позволили говорить о весьма значимой роли, которую

играли носители данного образования в регионе в III тыс. до н.э.

Исследования в Барабинской лесостепи позволили выделить четыре могильника одиновской культуры, содержащие более 200 захоронений, а также относящиеся к ним ритуальные комплексы. Данные источники позволяют достаточно детально осветить погребальную практику носителей одиновской культуры.

Основываясь на материалах трех базовых могильников Сопка-2/4а, Преображенка-6, Тартас-1 можно сделать следующие выводы.

Носители культуры хоронили в грунтовых могильниках. Основная масса захоронений концентрируется в глубине высокой надпойменной террасы. Погребения локализуются крупными группами (на могильнике может быть несколько таких групп), внутри которых захоронения расположены рядами. Иногда группа захоронений объединена общей могильной ямой в верхней части. Размеры могилы, как правило, стандартны: длина – около 2 м, ширина – около 1 м. Характерной чертой одиновских могильных ям явля-

ется меньшая глубина могилы в изголовье (рис. 1: 1, 2). Иногда эта разница весьма значительна и тогда покойник как бы полусидит в могиле, при этом голова (при утрате мягких тканей) скатывается на грудь. Особенностью могильных ям является сооружение небольших подбоев, земляных подушек и т. д. Могилы ориентированы по линии СВ–ЮЗ с незначительными отклонениями. Наряду с отмеченными особенностями, встречаются ямы и с равномерной глубиной.

Чаще всего в могиле погребен один человек, реже – два, еще реже – 3 и 4, наконец – в виде исключения – 8. Людей хоронили по обряду обычного и вторичного захоронения, при этом в одной могиле может быть сочетание таких практик. В коллективных погребениях встречаются как ярусное положение покойников, так и положение рядом друг с другом (впрочем, и здесь бывает сочетание). Ориентация погребенных – северо-восточная. Мужчин, женщин и детей хоронили на

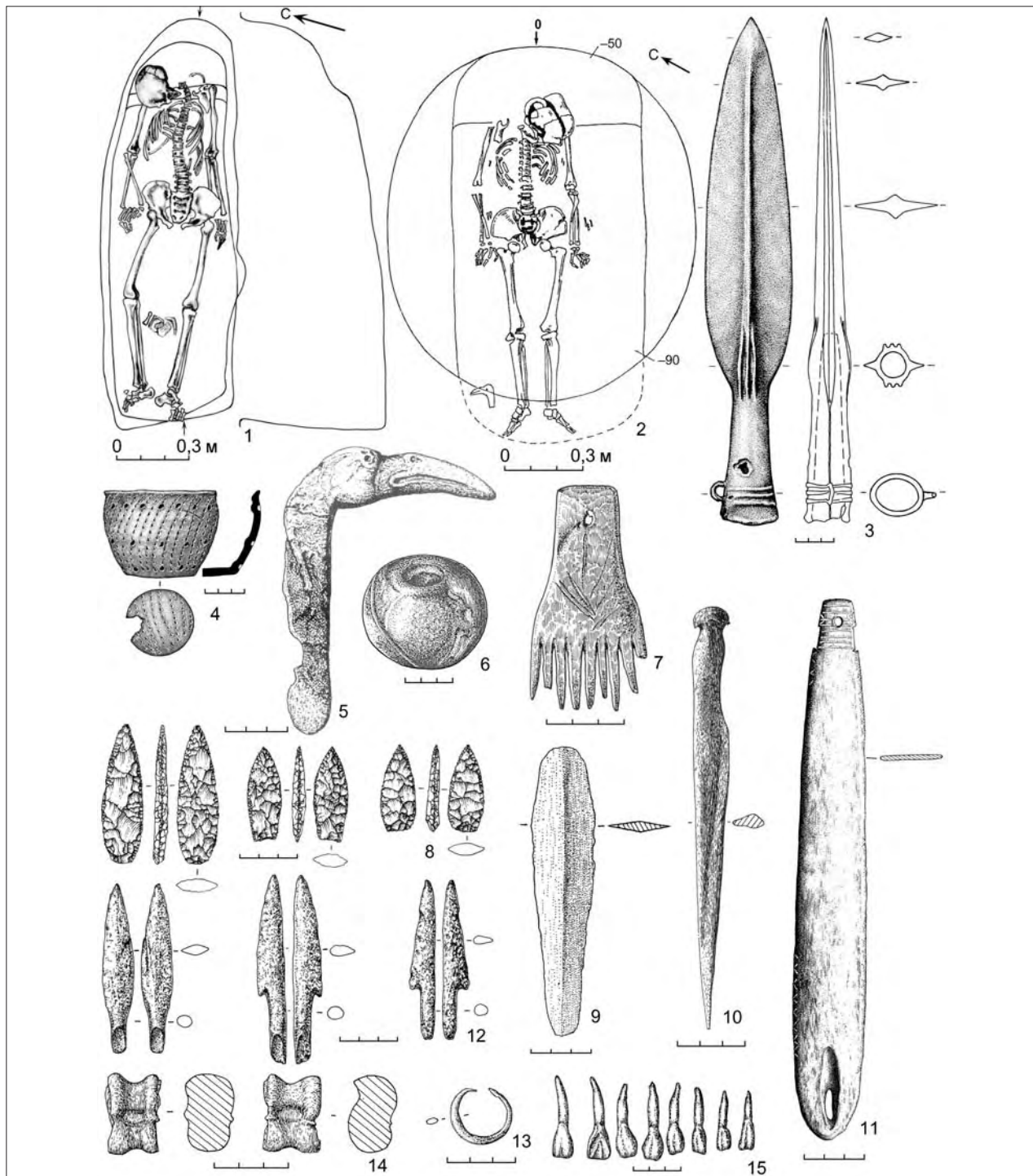

Рис. 1

1, 4 – Таргас-1, погр. № 365; 2, 5 – Сопка 2/4а, погр. № 268 (кург. 22, погр. 50); 3 – Преображенка-6, погр. № 24; 6 – Сопка-2/4а, погр. № 178 (кург. 22, погр. 33); 7 – Сопка 2/4а, погр. № 174 (кург. 22, погр. 29); 8, 12 – Таргас-1, погр. № 364; 9 – Сопка 2/4а, погр. № 518; 10 – Сопка 2/4а, погр. № 181 (кург. 22, погр. 35); 11 – Сопка-2/4а, погр. № 192 (кург. 22, погр. 46); 13 – Сопка 2/4а, погр. № 208 (кург. 22, погр. 62); 14 – Сопка 2/4а, погр. № 253 (кург. 25, погр. 35); 15 – Сопка 2/4а, погр. № 192 (кург. 22, погр. 46)

общих кладбищах и нередко в одних могилах. Чаще всего погребенного помещали в камере на спине, в вытянутом положении, нередко с приподнятой (благодаря неровному дну) верхней частью туловища и головой (рис. 1: 1, 2). Изредка умерших помещали на спине со слегка согнутыми в коленях ногами, скорченно на боку, вытянуто на животе. Встречаются захоронения головы, части тела и, крайне редко – трупосожжение (хотя частичный обжиг скелета отмечается более часто). В коллективных усыпальницах нередко сочетание отмеченных видов обрядовой практики. Также как исключение, в могилах отмечено наличие охры, дерева и бересты.

Погребальный инвентарь часто не обнаружен в могиле. Вообще он достаточно беден. Чаще всего встречаются костяные наконечники стрел (порой достаточно архаичной формы; рис. 1: 12), проколки и шилья из кости и бронзы (как правило в районе кисти; рис. 1: 10), украшения одежды из костей и зубов животных (рис. 1: 15), бусы и серьги из камня, пасты, бронзы (рис. 1: 13) и золота, а также астрагалы (рис. 1: 14). Найдены изделия из камня: отщепы, нуклеусы, наконечники стрел (рис. 1: 8), зооморфные подвески, терочки, булава (рис. 1: 6), ножевидные пластины, абразивы; бронзовые вильчатый наконечник копья (рис. 1: 3), височные кольца, кинжал (рис. 1: 9), иглы; рога и кости: пластина доспеха, навершия жезла в виде головы птицы (рис. 1: 5), игольники, спицы

(рис. 1: 11) и т. д. В виде исключения в могилу помещали керамический сосуд (рис. 1: 4). Данное обстоятельство долгое время вообще затрудняло культурную диагностику одиножских могильников. Налицо количественная и качественная дифференциация погребального инвентаря.

Несомненной особенностью погребальной практики носителей культуры является наличие на некрополях сопутствующих кладбищу земляных сооружений – «ям», содержащих одиножскую керамику, остатки мясной и рыбной пищи, а в одном случае – даже следы бронзолитейного производства.

Таким образом, погребальный обряд одиножской культуры имеет несомненное своеобразие. В то же время следует отметить и наличие архаичных традиций, уходящих корнями в предшествующую усть-тартасскую культуру эпохи раннего металла (см.: Молодин, 2001), как и определенные параллели с погребальной практикой кротовской культуры в ее классическом варианте.

Антропологические и палеогенетические характеристики носителей одиножской культуры свидетельствуют об их автохтонном характере, имеющих в то же время известную специфику как по сравнению с более древним неолитическим усть-тартасским населением, так и с представителями кротовской культуры (Чикишева, 2010; Molodin et al., 2010; Пилипенко, 2010).

- Зах В.А., 2009. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск.
- Кокшаров С.Ф., 2006. Север Западной Сибири в эпоху раннего металла // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург; Ханты-Мансийск.
- Косарев М.В., 1976. Бронзовый век Западной Сибири: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. М.
- Молодин В.И., 1983. Бараба в древности: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Новосибирск.
- Молодин В.И., 2001. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. Т. 1. Новосибирск.
- Молодин В.И., 2008. Одиножская культура в Восточной Зауралье и Западной Сибири. Проблемы выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург.

- Пилипенко А.С., 2010. Реконструкция процессов формирования населения Барабы эпохи бронзы методами анализа вариативности мт ДНК: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Чикишева Т.А., 2010. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпоху неолита – раннего железного века: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Новосибирск.
- Molodin V.I., Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Zhuravlev A.A., Trapezov R.O., Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V., 2010. Migrations in the south of West Siberian plain during the Bronze Age (IV–II millennium BC): archaeological, paleogenetic and anthropological data // Materials of International conference «Migrations in Prehistory and Early History. Stable Isotopes and populations genetics – New Answers to Old Questions? Berlin, Germany, March 24–26.

Н.Л. Моргунова

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург

Культурная принадлежность и хронология Тамар-Уткульских курганов

Курганные могильники Тамар-Уткуль VII и VIII исследованы в Оренбургском Приуралье в 1980-е гг. (Моргунова, Кравцов, 1994). Материалы могильников были сопоставлены с классическими комплексами

ямной культуры и отнесены к ее развитому этапу. На фоне других ямных, в основном безынвентарных погребальных памятников, тамар-уткульские курганы выделялись разнообразием и усложненностью погреб-

бальных конструкций, а также многочисленным инвентарем, в т. ч. металлическими изделиями из каргалинской (приуральской) меди.

Со времени публикации материалов могильников появились иные точки зрения. Так, С.В. Богданов без особых на то оснований выделил «тамар-уткульский тип памятников» в рамках ямной культуры Волго-Уралья (2006). В данный тип автор включил фактически все ямные погребальные комплексы Южного Приуралья и, таким образом, термином «тамар-уткульский тип» заменил понятие «приуральская группа волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической общности», введенное ранее Н.Я. Мерпертом. П.Ф. Кузнецов согласился с точкой зрения С.В. Богданова, но отнес тамар-уткульские курганы, как и многие другие ямные курганы Приуралья, к полтавской культуре, связав их происхождение с миграцией из Предкавказья (2007). Аналогичная позиция развита в работе Р.А. Мимохода, который, широко используя термин «тамар-уткульский тип», пришел к заключению о происхождении его с связи с мигра-

цией в Приуралье населения из Предкавказья (2009). В рамках кавказского культурогенеза рассматривает приуральские ямные памятники А.В. Кияшко (2002). Таким образом, относительно материалов тамар-уткульских курганов имеются противоречащие друг другу мнения, одной из причин каковых, на наш взгляд, является неправомерность введения понятия «тамар-уткульский тип памятников». Поэтому целесообразно еще раз обратиться к характеристике и интерпретации тамар-уткульских комплексов.

В могильниках Тамар-Уткуль VII и VIII в общей сложности раскопано 13 курганов (диаметром 13–30 м, высотой 0,5–2,5 м). В могильниках нет больших курганов, в то время как именно значительная величина насыпей определяется в качестве решающего признака «тамар-уткульского типа».

В курганах содержится по одному погребению ямной культуры. По признаку положения скелетов все они подразделяются на 2 группы: 1) с положением скелетов скорченно на спине, ноги вправо; 2) с положением скелетов на правом боку. Последние значите-

Рис. 1

1–3 – Тамар-Уткуль VIII, кург. 4, погр. № 1; 4–9 – Тамар-Уткуль VII, кург. 8, погр. № 4; 10–13 – Тамар-Уткуль VII, кург. 1, погр. № 1

льно преобладают. В эту группу могут быть включены и парные погребения, в которых основные скелеты положены на правом боку. Преобладание скелетов на правом боку (около 70%) столь же характерно для всех других ямных некрополей Оренбуржья (Увак, Шумаево), что в свое время было отмечено Н.Я. Мерпертом (1974) как одна из особенностей приуральской группы ямных памятников. При этом, следует подчеркнуть, что данный признак присущ не только горизонту функционирования тамар-уткульских курганов, но и всем другим, как более ранним, так и позднему этапам ямной культуры Приуралья. Этот вывод противоречит концепции о пришлом характере населения, оставившего данные курганы (П.Ф. Кузнецов, Р.А. Мимоход).

Для обеих групп характерны такие детали погребального ритуала, объединяющие их в рамках одной культуры, как форма и размеры могильных ям, ориентировка умерших головой на В или СВ, посыпка охрой, подстилки из органических материалов на дно ямы. Керамика, встреченная в погребениях обеих групп, близка по типологии и технологии изготовления: полувидная форма с округлым дном, расчески внешней и внутренней поверхностей. Орнамент на двух сосудах выполнен коротким широкозубым штампом в виде елочка, остальные сосуды не орнаментированы. По

данным технико-технологического анализа тамар-уткульская керамика не отличается от других гончарных изделий этого этапа, как Приуралья, так и всего волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области (Салугина, 2006).

Медные изделия представлены орудиями (топоры, ножи, шилья, долота, тесло, биметаллический резчик с лезвием из метеоритного железа) и украшениями (пронизки, бусы, бляшка, подвески). Оригинальные изделия из кости (булавка-амулет, бочонковидные бусы, рукоять ножа и др.). Найдены каменные песты и терочки из речных галек, речные и морские раковины, куски медистого песчаника, охры, железистые конкреции.

По всем признакам погребального обряда и инвентаря могильники относятся к ямной культуре и могут считаться одним из эталонов ее развитого этапа (II и III хронологический горизонт – по Н.Я. Мерперту). При этом принципиальное значение имеет вопрос о хронологии тамар-уткульских курганов. Судя по типологии вещей, особенно по керамике, могильники относятся к докатакомбному времени. На основании радиоуглеродных данных обосновано время функционирования могильников во второй половине развитого этапа ямной культуры – в пределах 3000–2600 cal BC (Моргунова, 2006).

Богданов С.В., 2006. Вопросы культурной детерминации древнеямных памятников волго-уральского степного субрегиона // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург.
 Кияшко А.В., 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград.
 Кузнецов П.Ф., 2007. Время новых культурных традиций в бронзовом веке Волго-Уралья // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.
 Мерперт Н.Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.

Мимоход Р.А., 2009. Курганы эпохи бронзы–раннего железного века в Саратовском Поволжье // Материалы охранных археологических исследований. Т. 10. М.
 Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994. Древнеямная культура на Илеке. Екатеринбург.
 Моргунова Н.Л., 2006. Периодизация и хронология ямных памятников Приуралья по данным радиоуглеродного датирования // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург.
 Салугина Н.П., 2006. Технология керамики населения раннего бронзового века Волго-Уралья (по материалам погребальных памятников) // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург.

Ю.А. Морозов, И.А. Шутелева, Н.Б. Щербаков
 Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акумулла, Уфа

Новые материалы погребального комплекса срубно-алакульского населения Башкирского Приуралья из Казбуруновского I курганного МОГИЛЬНИКА

Казбуруновские I курганы были открыты в 1969 г. отрядом А.Х. Пшеничнюка (1970) в рамках программы «Археологическая карта Южного Урала». Опубликованы в книге «Археологическая карта Башки-

рии» (1976. С. 115), а также в своде памятников «История культуры Башкортостана. Археологические памятники Башкортостана» (1996), где курганный могильник Казбуруновские I курганы обозначен как па-

мятник № 193. На могильнике была выявлена группа курганов, в которой в 1969 г. В.С. Стоколосом (1970) был раскопан курган № 14 (рис. 1: 6).

В 1988 г. Ю.А. Морозов (1989) во время археологической разведки в юго-западных районах Башкирской АССР осмотрел Казбуруновские I–III курганы и поселение Усмановское I для включения их в «Свод памятников истории и культуры» (Савельев, 2004). В 1990 г. по теме «Мурадымовские курганы»

А.Х. Пшеничнюком (1991) были вновь выявлены курганы № 6, 8–13 могильника Казбуруновские I курганы и раскопаны курганы № 1, 2, 5, 6. В 1992 г. по программе «Свод памятников истории и культуры Республики Башкортостана» (Савельев, 2004) Ю.А. Морозовым (1993) проведены разведочные работы в Аургазинском р-не Республики Башкирия. При осмотре Казбуруновских I курганов им было выявлено семь курганов.

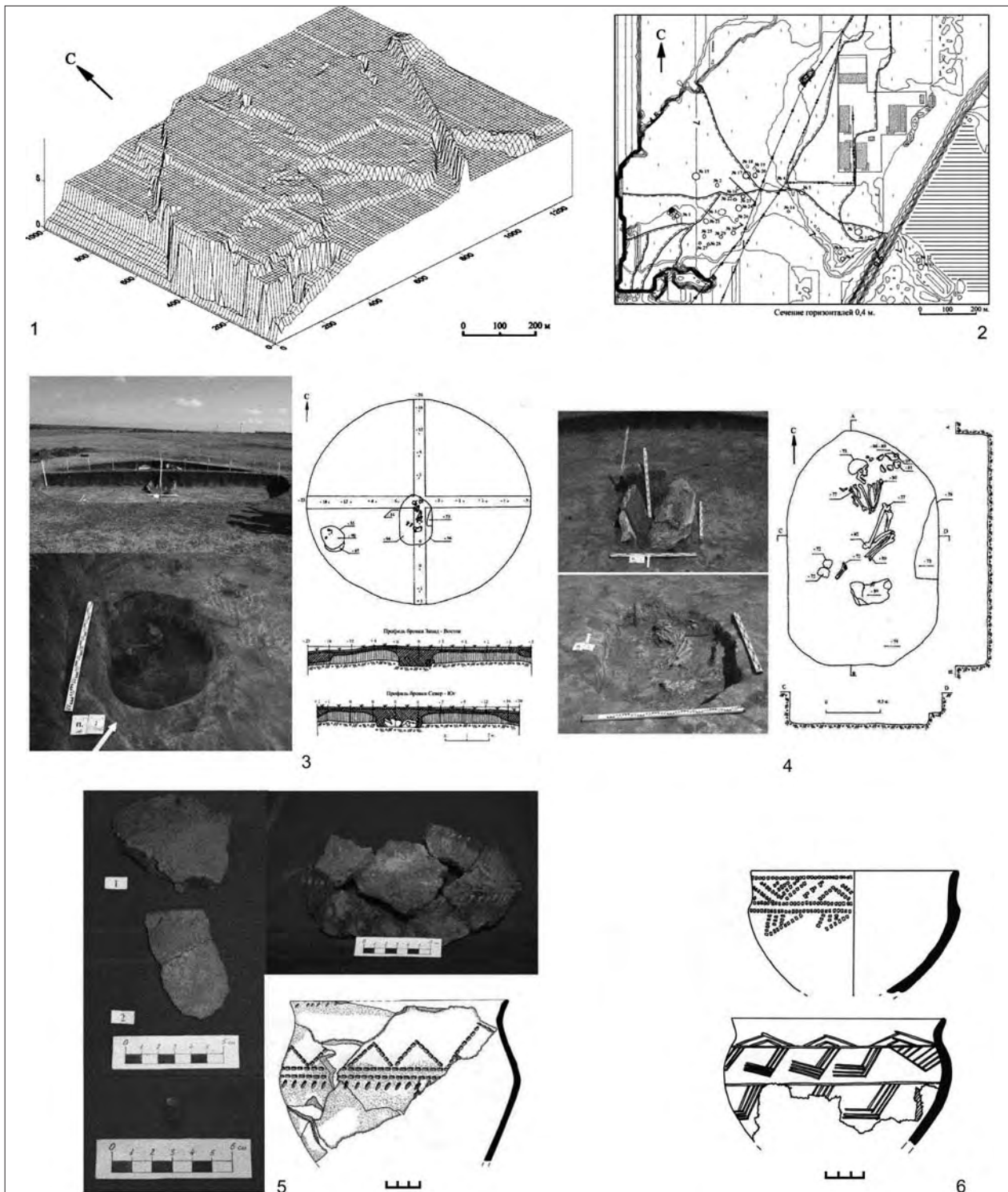

Рис. 1

Могильник Казбуруновские I курганы: 1 – 3D-реконструкция площадки памятника; 2 – топографический план могильника; 3 – кург. № 16, общий вид; 4 – кург. № 16, погр. № 1, общий вид; 5 – кург. № 16, керамика и скол на яшмовидной гальке; 6 – кург. № 14 (раскопки В.С. Стоколоса в 1969 г.), керамика

В 2003 и 2009 гг. И.А. Шутелевой и Н.Б. Щербаковым была осмотрена площадка Казбуруновских I курганов, выявлены курганы № 14–24, а также установлено разрушение памятника как природными, так и антропогенными факторами (Шутелева, 2003; 2010; Шутелева и др., 2010; Shuteleva et al., 2010/2011).

Могильник Казбуруновские I курганы занимает всю господствующую над поймой р. Уршак высоту, протяженность курганной площадки с юго-запада на северо-восток составляет 980 м, с запада на юго-восток – 850 м. Могильник находится на возвышенности (высота мыса от подошвы – 5–8 м) на площадке 0,7 кв. км (рис. 1: 1, 2). На сегодняшний день это второй крупный курганный могильник в Башкирском Приуралье, после Старо-Ябалаклинского могильника, расположенного в Демско-Уршакском междуречье.

Курган № 16 находился в северо-западной части могильника. Диаметр насыпи кургана по линии север–юг – 9 м, по линии запад–восток – 10 м, высота кургана – 0,2–0,23 м. Земляная насыпь в плане округлая, поверхность ее задернована. Край северо-восточной полы кургана разрушается сливной траншеей.

В ходе стока произошло оторфовывание северо-восточной полы кургана (рис. 1: 3).

В центре кургана было обнаружено северо-западное «изголовье» каменного ящика, который наклонно углублялся в материк. Размеры могильного пятна (после зачистки поверхности материка) по линии север–юг – 2,15 м, по линии запад–восток – 1,4 м. На глубине 0,73 м к юго-западу от центра кургана, в 0,27 м от северной оконечности могильной ямы, был выявлен скелет человека (погр. № 1). Погребенный располагался скорченно на левом боку. Сохранились длинные кости рук и ног, кости черепа и небольшая часть таза. В северо-восточной части могилы перед головой покойного обнаружен развал алакульского орнаментированного сосуда из 46 фрагментов (рис. 1: 4, 5).

Второе могильное пятно (1,15×0,96 м) выявлено в юго-западном секторе кургана (рис. 1: 3). На дне могилы находились фрагменты костей черепа и четыре обломка ребер ребенка 7,5–9,5 л. Сохранность костей неудовлетворительная.

Судя по инвентарю и обряду, погребение № 1 кургана № 16 относится к алакульской культуре и датируется XVI–XV вв. до н.э.

Археологическая карта Башкирии. 1976. М.
История культуры Башкортостана. 1996. Археологические памятники Башкортостана. Вып. 6. Уфа.
Морозов Ю.А., 1989. Научный отчет об археологической разведке в юго-западных районах Башкирской АССР в 1988 г. // НА ИА РАН.
Морозов Ю.А., 1993. Научный отчет о разведочных работах в 1992 г. в Аургазинском районе Башкортостана // НА ИА РАН.
Пшеничнюк А.Х., 1970. Отчет об археологических исследованиях в центральных районах Башкирии в 1969 г. // НА ИА РАН.
Пшеничнюк А.Х., 1991. Научный отчет о раскопках в Аургазинском районе БашАССР в 1990 г. Уфа.
Савельев Н.С., 2004. Свод археологических памятников Республики Башкортостан, выявленных в 1987–2000 гг. Уфа.
Столос В.С., 1970. Отчет об экспедиции 1969 г. // НА ИА РАН.

Шутелева И.А., 2003. Научный отчет о разведочных работах в Аургазинском, Альшеевском и Архангельском районах Республики Башкортостан. Уфа.
Шутелева И.А., 2010. Научный отчет о раскопках курганного могильника Казбуруновские I курганы в Аургазинском районе Республики Башкортостан в 2009 г. Уфа.
Шутелева И.А., Щербаков Н.Б., Горшков К.А., 2010. Казбуруновский I курганный могильник: сакральный комплекс срубно-алакульского населения Башкирского Приуралья (первоначальные результаты исследования) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа.
Shuteleva I.A., Sherbakov N.B., Gorshkov K.A., 2010/2011. The Archaeological Study of Kazburun Barrow Burial Ground: Initial Results // The European Archaeologist. The newsletter of EAA members. Issue № 34.

О.Д. Мочалов

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара

Керамика могильников эпохи бронзы северной части Волго-Уралья (проблемы взаимодействия культур)

В докладе представлены основные результаты изучения процессов сложения и развития керамики культур эпохи бронзы севера степи–лесостепи Волго-Уральского междуречья. Для анализа использован подход, основанный на выявлении состояния навыков формообразования и традиций орнаментации.

Исходная информация сравнивалась с данными типологии и хронологии культур. Выборка включает всю керамику ранней–средней бронзы и сосуды из основных памятников поздней бронзы – всего около 1400 сосудов. В содержательном анализе привлечены данные почти о 4000 сосудах, включая керамику из поселений.

Роль лесостепных энеолитических групп в сложении керамических комплексов ямной культуры Среднего Поволжья и Приуралья незначительна, фиксируется дестабилизация, упадок уровня производства керамики по сравнению с энеолитом. Имел место перенос сложившихся традиций из степной части Поволжья, тесно связанной с репинскими древностями и усложненными синкретическими группами энеолита. Южные районы Средневожья видимо входили в ареал сложения ямной области. Возможно опосредованное влияние майкопской общности, в основном в формообразовании. Более 1/3 форм отражают несформированность навыков труда (особенно на позднем этапе), переход на изготовление новых форм.

Керамический комплекс полтавкинских памятников Среднего Поволжья напрямую связан с ямным комплексом Волго-Уралья. Смещение продолжалось, но навыки лепки стали более традиционными. Определенное значение в типобразовании оказали контакты с населением Приазовья – новотиторовской культуры; в декоре – с волосовской культурой энеолита и близких ей лесных групп Поволжья–Зауралья, а также взаимовлияние с волго-донской культурой, через которое передались специфические катакомбные черты и, наоборот, полтавкинские – на юго-запад. Общие черты в гончарстве этих культур являются скорее наследием «ямников», которое было усложнено инокультурными воздействиями. Вопрос доживания полтавкинских или близких им традиций до позднего бронзового века остается открытым.

Абашевская керамика Приуралья, особенно из памятников раннего этапа, наиболее традиционна по сравнению с другими сериями. Очевидна ее связь со средневолжскими традициями «абашева» и «фатья-

нова», весомо участие местного позднеэнеолитического компонента и культур «гребенчатого геометризма». На развитом этапе культуры имело место взаимодействие с «потаповкой» и «синташтой». Влияние абашевских канонов на них не было абсолютно определяющим. В керамике памятников потаповского типа абашевские черты порой проявляются ярче, чем в синташтинских, что, возможно, связано с доно-волжским абашевской культурой. Абашевская керамика сама испытала влияние «синташтинско-потаповских» гончаров на позднем этапе ее развития, когда появилась синкретическая посуда.

Керамика «позднекатакомбных» памятников эпохи средней бронзы степного Приуралья поликультурна, возможно разновременна. Катакомбные традиции в чистом виде не представлены. В разных памятниках присутствуют черты абашевской, полтавкинской, волго-донской, северокавказской, вольск-лбищенской и синташтинской посуды. В то же время уровень навыков гончаров достаточно высок. Имело место смешение разнородных традиций, часть которых привнесена в готовом виде. Возможно отнесение этих памятников к различным культурам.

В целом, по нашему мнению, керамический комплекс потаповского типа сформировался на основе полтавкинских и, видимо, волго-донских традиций, при участии южноуральских абашевских, видимо синхронно с синташтинским. Отмечаются некоторые близкие черты с керамикой доно-волжской абашевской культуры. Взаимодействие населения усиливается. Керамика по уровню сформированности навыков ее изготовления очень близка абашевской. Каждый памятник демонстрирует особенности. Выделены хронологические группы: потаповские и переход-

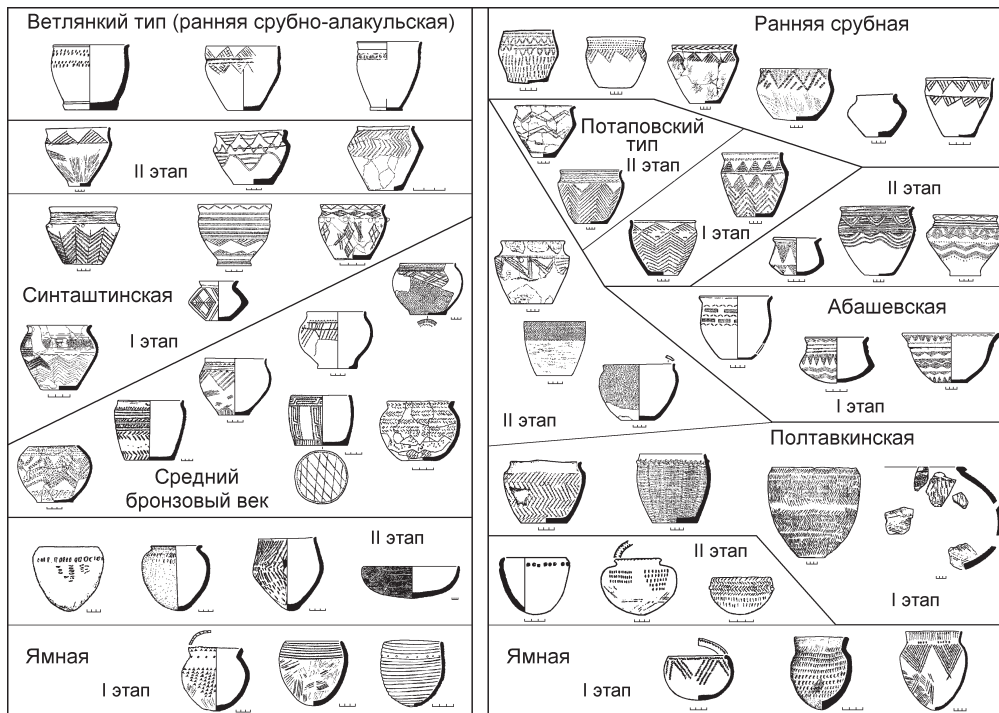

Рис. 1

Схема развития и соотношения керамики культур эпохи бронзы: левая колонка – степное Приуралье; правая колонка – лесостепь Волго-Уральского междуречья

ные к срубным. Керамика западных синташтинских памятников Приуралья близка потаповской. Оснований для их четкого хронологического разделения нет. Но менее выражены полтавкинский и абашевский компоненты. Однако уровень традиционности синташтинских форм самый низкий, часто фиксируется промежуточное состояние навыков их лепки. Сложение этой группы, как и всей «синташты», связано как с местными волго-уральскими культурами, так и с вероятным импульсом Средней Азии и Кавказа, которые являлись «катализатором» некоторых изменений. Постепенно именно синташтинско-потаповские традиции становятся источником инноваций, оказывая влияние на облик керамики позднего этапа культуры: бабинской, абашевской, возможно среднедонской катакомбной, раннего этапа срубной, алакульской и петровской.

Генезис керамического комплекса срубной культуры связан с потаповскими и синташтинскими группами, в меньшей степени – с абашевскими и совсем незначительно, в основном опосредованно, – с пол-

тавкинскими. На сложение срубной традиции напрямую могли повлиять только некоторые абашевские. На облик раннесрубной керамики оказали воздействие и синхронные раннеалакульские традиции. Керамика памятников бережновского типа собственного стандарта не имеет. Покровские признаки в разной степени представлены в различных комплексах. Срубные имеют аналоги вплоть до Средней Азии, взаимные контакты с населением которой активизируются, а кавказское направление ослабевает. Южное влияние проявлялось в резком обеднении орнамента. Дальнейшее развитие керамики срубной культуры связано со стандартизацией и упрощением и проходило под усиливающимся влиянием андроновских традиций.

Местные традиции не исчезали, а как правило, участвовали в сложении последующих (рис. 1). Внешние компоненты фиксируются во всех случаях, но степень их воздействия различна. Особенно весомы они в ранних комплексах ямной, абашевской и синташтинской культур.

М.С. Нестерова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Общие тенденции развития очажных устройств в культурах эпохи бронзы лесостепной полосы Западной Сибири

Структура внутреннего пространства жилого комплекса, центральное место в которой занимает очаг, определялась несколькими основными факторами: условиями окружающей среды (ландшафтные, природно-климатические особенности), спецификой хозяйственной деятельности населения, мировоззренческими позициями (Хлобыстин, 1974. С. 22–24). Однако анализ особенностей организации жилого пространства в контексте одной археологической культуры позволил прийти к выводу о значимости очагов и для культурной атрибуции поселенческих комплексов (Раппопорт, 1975. С. 141). Очаг также является одним из маркеров культурных заимствований. Соответственно, анализ развития очажных устройств на широком культурно-хронологическом срезе позволит локализовать основные традиции в сфере теплотехнических устройств, а также сделать выводы о характере культурных связей древнего населения, что особенно актуально в рамках изучения целого комплекса сходных культурных образований бронзового века Западной Сибири.

В выборку для характеристики очажных устройств этого периода были включены материалы 70 поселений (282 очага), относящихся к одиновской,

елунинской, кротовской, самусьской, ташковской, андроновской (алакульской и федоровской), пахомовской, сузгунской, еловской, ирменской, бархатовской, гамаюнской, красноозерской, позднеирменской археологическим культурам.

В эпоху ранней и развитой бронзы преобладали углубленные очаги, редко встречались дополнительные конструктивные элементы в виде обмазки очажных ям глиной. Располагались очаги, как правило, в центральной части жилища. Такой принцип сооружения теплотехнических устройств, по-видимому, соответствовал хозяйственной ориентации и природно-климатическим условиям обитания древнего населения Западной Сибири рассматриваемого периода. Преобладание простых углубленных очагов можно считать своеобразным маркером уровня развития общества, при котором не требовалось усложнения очажных устройств, приспособления их для новых функций.

Андроновское время характеризуется, напротив, широким разнообразием теплотехнических устройств, применением глины и камня. Уменьшается доля углубленных очагов. Камень использовали почти повсеместно, естественно, при наличии до-

ступного сырья (южная граница Западной Сибири и лесостепное Зауралье). Использование глины более характерно для лесостепной зоны. Причем, если в западной части ареала андроновской культурно-исторической общности очаги сооружали из глиняных кирпичиков, то для Тоболо-Иртышского междуречья более характерным было устройство глиняных площадок. Интересным является пласт традиций, характерных для среднеазиатских комплексов (сложные конструкции со сводами, керамические подставки для разведения огня, использование мергеля, конусообразные углубленные очаги). Увеличивается количество очагов в жилище. Это подтверждает вывод об усложнении хозяйственной деятельности, предполагавшей специализацию теплотехнических устройств.

В эпоху поздней бронзы продолжают свое развитие традиции предшествующего периода. Очевидно, это связано с непосредственным культурным воздействием андроновского населения. Ареалы распространения отдельных типов очагов не совпадают ни с природно-климатическими зонами, ни с территориями распространения археологических культур. Выделяются лишь эпохальные маркеры: очаги с глиняными кирпичиками, глинобитные площадки, обмазка ям глиной. Уменьшается общий процент простых очажных устройств-козрищ. Все это говорит о широком взаимодействии разных групп населения западносибирской лесостепи.

Переходное время от бронзы к железу характеризуется «деградацией» теплотехнических устройств в жилых помещениях. Сохранение некоторых усложненных элементов для устройства очага не соотносится ни с определенной территорией, ни с конкретным культурным образованием. В редких случаях используется глина, преобладающими становятся простые наземные козрища (одно–два в жилище). Напротив, широкое распространение получают специализиро-

ванные постройки с усложненными теплотехническими устройствами, предназначенными для плавки металла и других видов производств. Соответственно, в переходное время происходит трансформация организации производственной деятельности в сторону специализации. Если в эпоху поздней бронзы она преимущественно велась в жилых помещениях, то в переходное время выделение производственных участков за пределами жилища говорит о формировании ремесла как нового элемента экономической системы.

Выявленная динамика изменений в области сооружения отопительных устройств позволяет выделить несколько блоков факторов, детерминирующих предпочтение того или иного типа очага:

- характер хозяйственного комплекса: при усложнении основных видов производственной деятельности появляется необходимость в усовершенствовании функций теплотехнических устройств, что и приводит к поиску и усвоению новаций в этой сфере;
- условия окружающей среды: для каждой природно-экологической ниши существует свой оптимальный тип очага, изменения в окружающей среде приводят к поиску новых методов поддержания комфортных условий в жилом пространстве, в частности, способов обогрева и освещения помещений;
- наличие и доступность материал, который можно было бы использовать при сооружении очагов;
- изменения в социальной сфере: увеличение количества очагов в помещении может быть свидетельством процесса дробления коллектива на более мелкие единицы;
- культурное взаимодействие между разными группами, которое приводило к заимствованию различных новаций в сфере теплотехники.

Раппопорт П.А., 1975. Древнерусское жилище. САИ. Вып. Е1-32. Л. Хлобыстин Л.П., 1974. Жилище и его экономическая и социальная обусловленность // Реконструкция древних общественных

отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Л.

О.И. Новикова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Интрамуральные погребения эпохи бронзы Западной Сибири: проблемы интерпретации

Традиция погребения умерших в пределах поселенческого пространства имеет, видимо, весьма древнее происхождение (палеолитические погребения в пещерах). Последующее распространение

этой традиции прослеживается в самом широком временном (вплоть до современности) и территориальном континууме. При этом исследователи отмечают, что в некоторых культурных образованиях

данная практика была регулярной, а в других – экстраординарной. Так, захоронения людей на поселениях являлись вполне традиционной чертой погребальной обрядности древних земледельцев Востока (см., напр.: Антонова, 1990; Алёкшин, 1986; Бадер, 1989 и др.).

Рассматривая известные нам факты интрамуральных погребений эпохи бронзы – переходного времени Западной Сибири (поселения Березовая Лука, Ендырское VIII, Линево-1, Мирный IV, Ново-Шадрино VII, Черноозерье VI, Чича-1 и др.) следует отметить, что несмотря на их разнотипность (индивидуальные и коллективные, взрослые и детские, в жилищах, в зольниках, на межжилищном пространстве), они преимущественно могут быть отнесены к категории экстраординарных. Для всех археологических культур, к которым относятся перечисленные выше памятники, характерна практика погребения абсолютного большинства умерших не на поселениях, а за их пределами, на некрополях. Экстраординарность западносибирских интрамуральных погребений эпохи бронзы – переходного времени, подтверждается также их незначительным количеством. Мы принимаем во внимание только преднамеренные погребения, не затрагивая многочисленные случаи обнаружения в культурных слоях названных и других поселений разрозненных антропологических находок.

Причины совершения экстраординарных погребений могли быть самыми различными:

- особый социальный статус умершего (так называемые особые погребения);
- жертвоприношение;
- особые обстоятельства смерти;

Каждая из этих позиций, в свою очередь, может иметь несколько вариантов. Так, особый статус умершего мог определяться принадлежностью к маргинальной возрастной группе (младенцы, старики), выполнением каких-то особых функций (лекарь, шаман, медиум и т. д.), специфическим внешним обликом и поведением (люди, которые в более поздних культурных образованиях известны как юродивые, кликуши, блаженные). Материалы рассматриваемых нами памятников, несмотря на их относительную малочисленность, в целом подтверждают тезис об особом социальном статусе младенцев.

Человеческие жертвоприношения практиковали носители многих архаических культур. Наиболее распространенной формой человеческих жертвоприношений, совершаемых на поселениях, вероятно, являлись строительные жертвы, хотя не следует исключать и другие варианты. По западносибирским материалам достаточно сложно достоверно установить факт насильственного умерщвления с целью жертвоприношения. В пользу такого предположения могут свидетельствовать местоположение захоронения и нестандартная поза погребенного. Как жертвоприношение можно трактовать погребение младенца в жилище № 1 на поселении Икпень-II (Ткачев, 1999). Могила была обнаружена под глиняной обмазкой пола в центральной части помещения, а поза погребенного – на животе – отличалась от остальных, погребенных на нуртайских поселениях в скорченном положении. Известны случаи обнаружения следов человеческих жертвоприношений на поселениях эпохи бронзы Польши, Австрии, Саксонии (Gedl, Szybowicz, 1997).

К особым обстоятельствам смерти можно отнести самоубийство, эпидемию, несчастный случай, военное столкновение. Легче всего «диагностировать» погребения, совершенные в результате эпидемии или сражения. Как правило, это коллективные захоронения, а в случае смерти в результате вооруженного столкновения зачастую фиксируются травматические повреждения и следы проникновения оружия (напр., наконечника). Примеры таких погребений также известны по европейским материалам. Так, на поселении Velke Pavovice (бронзовый век, Моравия, Нижняя Австрия) было обнаружено коллективное захоронение восьми человек: мужчины 40 л., женщины 30–40 л. и 6 детей 3–9 л. По мнению автора публикации, речь идет о погребении семьи, погибшей в результате какой-то заразной болезни (Veit, 1997).

Интрамуральные погребения эпохи бронзы Западной Сибири в силу своей слабой изученности и малочисленности пока не дают возможности интерпретировать их столь определенно. Но их вариативность свидетельствует о том, что погребальная практика и отношение к смерти в обществах эпохи бронзы были более сложны и многообразны, нежели это фиксируется и реконструируется только по данным могильников.

Алёкшин В.А., 1986. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). Л.
Антонова Е.В., 1990. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.
Бадер Н.О., 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.

Ткачев А.А., 1999. Особенности нуртайских комплексов Центрального Казахстана // ВИАЭ. Вып. 2.
Gedl M., Szybowicz B., 1997. Bestattungen in bronzezeitlichen Siedlungen Polens // Sonderbestattungen in der Bronzezeit im östlichen Mitteleuropa. Internationale Archäologie. Bd 37.
Veit U., 1997. Skelettfunde in Siedlungen der Bronzezeit – Ein Beitrag zur Paläodemographie? // Demographie der Bronzezeit Paläodemographie Möglichkeiten und Grenzen.

Соотношение пола погребенного и типов бронзового сопроводительного инвентаря в захоронениях эпохи поздней бронзы на Среднем Енисее

Памятники эпохи поздней бронзы Минусинских котловин по хронологии М.П. Грязнова традиционно объединяются под термином «карасукская культура» и относятся к двум этапам: «классическому» и каменоложскому. Современные исследования (хронология А.В. Полякова и И.П. Лазаретова) не только развивают и значительно уточняют эту концепцию (Поляков, 2002; 2006б; 2010; Лазаретов, 2006; Лазаретов, Поляков, 2009), но и несколько расширяют границы группы за счет включения в ее состав части памятников, относившихся ранее к баиновскому этапу тагарской культуры (Лазаретов, 2007). На протяжении всего этого продолжительного периода в погребения помещали строго определенный набор сопроводительного инвентаря.

Изделия из металла, обнаруженные в могилах, условно можно разделить на три ключевые категории: элементы костюма, «столовый прибор» и женские украшения. Ни орудий труда, ни оружия, изготовленных из меди или бронзы, в погребениях практически не встречается. Редкие исключения скорее подчеркивают это правило (Вадецкая, 1986. С. 51–76). Учитывая, что на сегодняшний день исследовано свыше 3000 погребений, рассматривать незначительные серии в рамках отдельных категорий инвентаря пока бесперспективно.

К элементам костюма следует отнести: различного вида кольца из проволоки (рис. 1: 1), пронизки, свернутые из тонкого листа (рис. 1: 2), обоймочки (рис. 1: 3), «гвоздики» (рис. 1: 4), разнообразные нашивные бляшки (рис. 1: 5, 6), пуговицы (рис. 1: 7, 8) и аналогичные вещи. Большинство этих изделий от-

личает крайне широкое бытование на просторах евразийских степей как в географическом, так и хронологическом планах. Статистический анализ показывает, что все они примерно с равной вероятностью встречаются как в погребениях мужчин, так и женщин. Это позволяет считать их универсальными и характеризующими погребальный костюм в целом, без привязки к полу погребенного.

Схожая картина наблюдается при анализе «столового прибора». В эту категорию следует включать нож и шило (рис. 1: 9, 10). В большинстве случаев (свыше 85%), когда эти предметы сохранили свое первоначальное местоположение, они взаимосвязаны с сопроводительной пищей, находившейся в могиле. Обычно они в виде комплекта лежали либо на костях животного, либо, значительно реже, в сосуде. Такое устойчивое сочетание с сопроводительной пищей позволяет рассматривать их именно как столовый прибор. Иногда нож мог располагаться в положении «на поясе», однако типологически эти изделия ничем не отличаются, что не позволяет рассматривать их как некую иную категорию инвентаря.

Статистика демонстрирует присутствие ножей и шильев в погребениях как мужчин, так и женщин (табл. 1). Причем в женских могилах они явно преобладают. Возможно это связано с особенностями ограбления могил. Чаще всего могилы подвергались ограблению своими же соотечественниками через очень короткий промежуток времени. В большинстве случаев ограбление происходило, когда тело еще не истлело и связки не распались. Более того, для других археологических культур Минусинских котловин

Таблица 1. Статистические данные металлического инвентаря из погребений эпохи поздней бронзы Среднего Енисея

Тип изделия	Случаев обнаружения в могиле	Антропологические определения		
		Всего	М	Ж
Шило	110	56	13	43
Нож	178	87	33	54
Лапчатые привески	80	27	1	26
Биконические перстни	45	20	1	19
«Зеркала»	38	21	0	21
Треугольные бляшки	36	20	1	19
Браслеты	18	7	0	7
«ПНН»	8	4	4	0

прослежено, что грабили преимущественно могилы мужчин, где, видимо, находились предметы, интересовавшие грабителей. Это подтверждает и статистика по карасукской культуре. Из 11 неогрabenных могил, где установлен пол погребенного, 10 захоронений принадлежат женщинам. Это позволяет считать сложившийся дисбаланс не связанным с погребальным обрядом.

К категории женских украшений на основе статистики можно уверенно отнести: лапчатые привески (рис. 1: 11–13), треугольные бляшки с пуансонным орнаментом (рис. 1: 14), биконические перстни (рис.

1: 15–17), «зеркала» (рис. 1: 18), браслеты (рис. 1: 19). Известно несколько отдельных случаев, когда в могиле с подобными украшениями встречаются кости мужчин. Вероятно, их нужно рассматривать, как ошибочные, тем более, что косвенные археологические признаки скорее указывают на женский пол погребенного.

Эти украшения довольно часто встречаются в комплекте в одном погребении, образуя устойчивые наборы (Поляков, 2008). Чаще всего это набор из нескольких лапчатых привесок, украшавших прическу, биконического перстня на пальце и «зеркала» на гру-

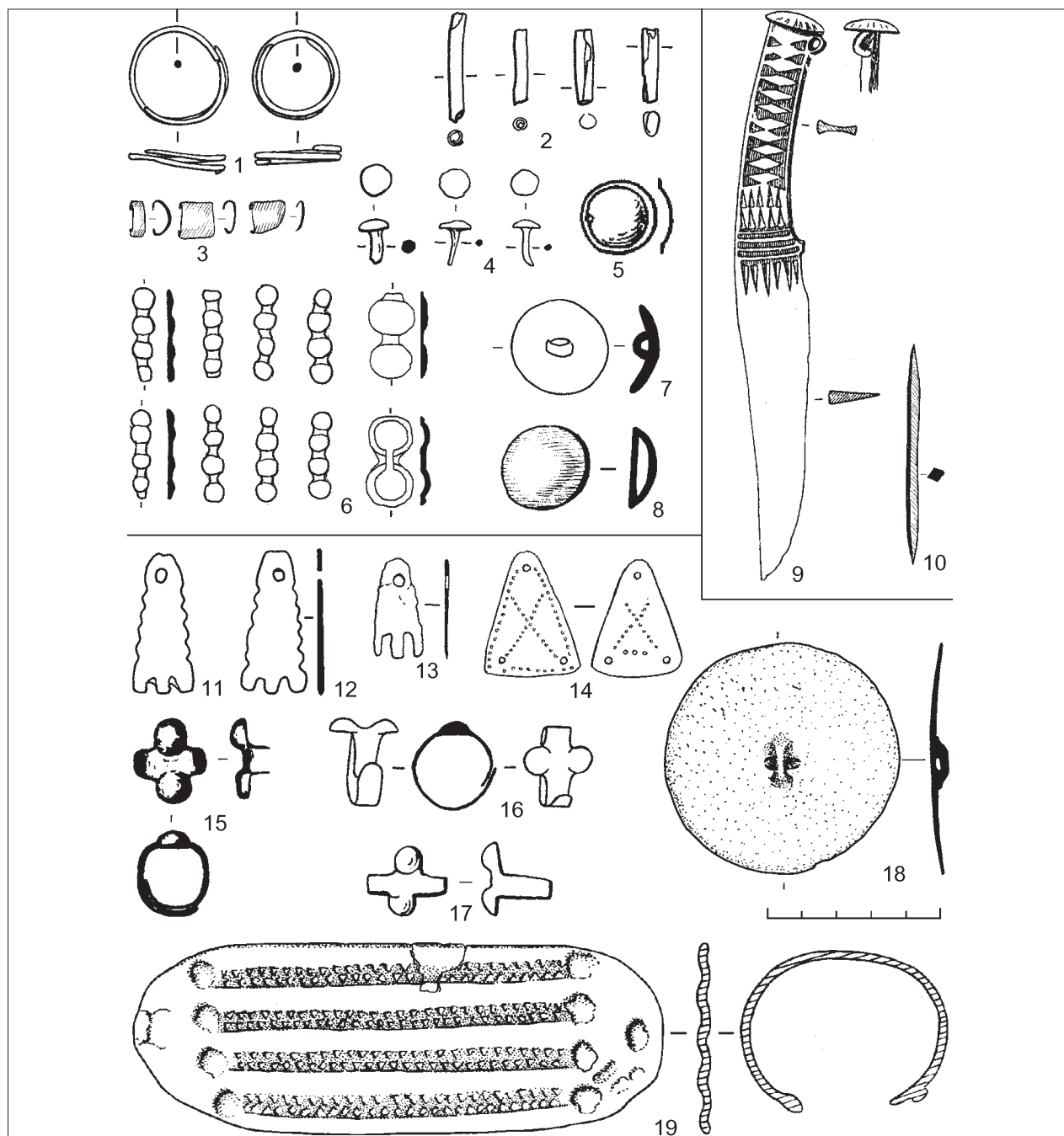

Рис. 1

Металлический инвентарь погребений эпохи поздней бронзы Среднего Енисея: 1 – Кюргеннер I, кург. 73; 2 – Кюргеннер I, кург. 24; 3 – Арбан I, кург. 5-а; 4 – Тагарское Озеро, мог. 36; 5 – Кюргеннер I, кург. 15, мог. 1; 6 – Окунев Улус I, мог. 16; 7 – Окунев Улус II, мог. 1; 8 – Майский курган 1, мог. 2-в; 9 – Каменка II, мог. 2, погр. 1; 10 – Арбан I, мог. 48; 11, 12 – Окунев Улус I, мог. 6; 13 – Кюргеннер II, кург. 22, мог. 2; 14 – Лугавское III, кург. 7, мог. 1; 15 – Подсинее I, мог. 2; 16 – Терт-Оба, огр. 46; 17 – Тесь I, мог. 6; 18 – Есинская МТС III, кург. 4; 19 – Волчий Лог, мог. 5

ди. В хронологически поздних погребениях лапчатые привески в этом наборе заменяют треугольные бляшки, которые, по сути, сохраняют идею этого украшения и являются очередным этапом в его развитии (Поляков, 2006. С. 91). Устойчивость подобной взаимосвязи позволяет рассматривать этот набор, как наиболее характерный для женского костюма. Представленная статистика дает основания использовать указанные типы украшений для определения пола погребенного при отсутствии точных антропологических определений.

В погребениях поздней бронзы на Среднем Енисее изредка встречаются и другие изделия из бронзы («бляшки-розетки», квадратные бляшки с четырьмя приливами и т. п.). Однако, их число пока невелико,

а количество антропологических определений минимально. Возможно, с увеличением объема данных их тоже удастся отнести к одной из категорий и тем самым прояснить их роль в погребальном костюме.

В заключение можно кратко остановиться на единственном изделии, находки которого связаны исключительно с погребениями мужчин. Это «ПНН» – предметы неизвестного назначения. Их найдено крайне немного, но пока во всех случаях это погребения мужчин или парные погребения. В последнем случае «ПНН» связан именно с мужским костюмом. В случае обнаружения *in situ* его находят в районе пояса, что хорошо согласуется с наиболее распространенной интерпретацией этих предметов, как «пряжки колесничего» (Савинов, 1995).

Вадецкая Э.Б., 1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.
 Лазаретов И.П., 2006. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
 Лазаретов И.П., 2007. Памятники байновского этапа и тагарская культура // АВ. № 14. СПб.
 Лазаретов И.П., Поляков А.В., 2009. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул.
 Поляков А.В., 2002. Схема периодизации классического этапа карасукской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.

Поляков А.В., 2006а. Лапчатые привески карасукской культуры (по материалам погребений) // АВ. № 13. СПб.
 Поляков А.В., 2006б. Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
 Поляков А.В., 2008. Хронология и локализация некоторых типов украшений (по материалам погребений карасукской культуры) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул.
 Поляков А.В., 2010. Относительная хронология погребений могильника // Грязнов М.П., Комарова М.Н., Лазаретов И.П., Поляков А.В., Пшеницына М.Н. Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. СПб.
 Савинов Д.Г., 1995. ПНН: новые материалы и наблюдения // Южная Сибирь в древности. СПб.

А.Д. Пряхин

Воронежский государственный университет, Воронеж

Памятники покровского типа конца средней–начала поздней бронзы на современном этапе изучения

Проблема памятников покровского типа, впервые выделенных и осмысленных А.Х. Халиковым (Халиков и др., 1996. С. 29–30), уже более полувека находится в центре внимания исследователей эпохи бронзы Волго-Уралья и Доно-Донецкой степи–лесостепи. Истории их изучения посвящены отдельные статьи. В последнее десятилетие защищены и диссертационные исследования по данной проблематике (Припадчев, 2009; др.).

Ныне проблема осмысления памятников покровского типа – это одна из наиболее острых проблем в археологии бронзового века Восточной Европы (Пряхин, 2010. С. 12–14). В настоящее время в научный оборот введено множество диффиниций, включающих в себя «покровскую» составляющую: «покровский тип памятников», «покровский культурный

тип», «покровская археологическая культура», «покровская абашевская культура», «покровская срубная культура», «покровский этап срубной культуры» и т.д. Высказываются отличающиеся друг от друга точки зрения на сущность того, что следует понимать под памятниками покровского типа. Под одним и тем же термином разные исследователи зачастую подразумевают различные явления и реалии.

Один из подходов, опирающийся в значительной степени на результаты исследований в Нижнем Поволжье, сводится к приданию памятникам прежде всего этой территории, в разной степени проявляющим абашевские черты, статуса археологической культуры, открывающей срубный мир: Н.М. Малов (1992; 2007), В.С. Бочкарев (2002, С. 46–68), О.В. Кузьмина (1995; и др.). На несколько иной позиции стоят

А.И. Юдин и А.Д. Матюхин, которые в ранний пласт срубных древностей включают как захоронения покровского типа, так и захоронения, отражающие традиции местного посткатакомбного населения (Юдин, Матюхин, 2006. С. 72–73). В.А. Лопатин выделяет степной заволжский вариант срубной культуры, в генетических корнях формирования которого фиксируется автохтонный криволукский компонент и пришлый покровский (Лопатин, 2010. С. 160), с возможным проявлением влияния других посткатакомбных групп и синташтинской традиции.

Важно обратить внимание на получивший распространение подход, основывающийся на результатах исследований в лесостепном Подонье, сводящийся к оценке соответствующего массива памятников в системе доно-волжской абашевской культуры, включая завершающий ее этап, предшествующий пласту древностей срубной культурно-исторической общности (В.И. Беседин, Ю.П. Матвеев, А.В. Моисеев, А.А. Припадчев, А.Д. Пряхин, А.С. Саврасов и др.). Этот подход изложен в коллективной монографии, изданной в 2001 г. учеными Воронежского государственного университета (Пряхин и др., 2001). На иных позициях стоит А.Т. Синюк, неоправданно делящий доно-волжскую абашевскую культуру на донскую абашевскую и более позднюю покровскую абашевскую, последняя из которых, по его представлениям, для пространств лесостепного Подонья выглядит чуть ли не пришлой (Синюк, 1996. С. 205).

Проявляется и стремление распространить термин «памятники покровского типа» чуть ли не на весь пласт военно-аристократических захоронений доно-волжской абашевской культуры (Малов Н.М., Бочкарев В.С., др.). В известной степени созвучной является и интерпретация такого рода захоронений А.Т. Синюком, правда рассматривающего их уже в рамках покровской абашевской культуры. При этом не учитывается наличие разных линий развития щитковых псалий с шипами (староюрьевский и синташтинский типы), в технологии изготовления которых просматриваются две традиции: среднедонская и южноуральская. Одна из них (староюрьевский тип) характеризуется наличием орнаментации, вставными шипами, наличием боковых отверстий в торцах псалий, другая – (синташтинский тип) – характеризуется отказом от идеи их орнаментации, уменьшением числа отверстий как на щитке, так и на планке, распространением монолитных шипов. Важно, что А.Н. Усачук, отмечая появление в Поволжье двух этих линий, указал на упрощение технологии изготовления таких псалий (Усачук, 2007. С. 17). Нетрудно заметить, что такого рода наблюдения согласуются с имеющимися представлениями о доно-волжской культуре: фиксируется продвижение ее носителей в восточном и юго-восточном направлениях (Матвеев, 2005. С. 9–14).

С открытием же в Саратовском Поволжье и на прилегающих территориях Волгоградской обл. захоронений, весьма близких по облику доно-волжской культуре, открывается возможность сомкнуть их

с донскими в рамках единой доно-волжской абашевской культуры. Целесообразно остановить внимание на оценке происходящих с территории Нижнего Поволжья наиболее ранних, относимых к покровским, захоронений. Наиболее показателен раскопанный в 2006 г. под руководством Ю.А. Зеленева и А.И. Юдина одиночный курган у с. Дубовый Гай, находящийся по правому берегу Терешки в Правобережье Волги (Хвалынский р-н Саратовской обл.). В кургане оказалось четыре близких по времени (по мнению А.И. Юдина, одновременных) захоронения, которые интерпретируются им, как относящиеся к покровскому культурному типу. Поначалу он стремился сопоставить эти захоронения не с доно-волжскими абашевскими, а с потаповскими древностями самарского Поволжья. Вскоре в совместной статье Ю.А. Зеленева и А.И. Юдина уже подчеркнута близость захоронений в кургане у с. Дубовый Гай доно-волжской абашевской культуре, которые, тем не менее, продолжают включаться ими в число «наиболее ранних покровских срубных, когда облик культуры еще не сформировался полностью» (Зеленев, Юдин, 2010. С. 143).

В кургане у с. Дубовый Гай своими масштабами, по крайней мере для пространств Нижнего Поволжья, выделяется находившееся под центром насыпи захоронение 4, совершенное в перекрытой деревянным накатом могильной яме, имевшей длину 4,4 м, при ширине до 3,3 м. Глубина ямы в материке – 1,6 м. В площади могильной ямы имелись две, связанные с перекрытием, столбовые ямы. Дно камеры было устлано циновкой. Ближе к восточной стенке находился скелет мужчины 25–35 л., лежавший на спине головой на С. Ноги были слегка согнуты в коленях. В районе позвоночника обнаружен кремневый наконечник стрелы. Инвентарь включал один орнаментированный щитковый псалий и, надо думать, три деревянных псаля со вставными шипами, два ножа-кинжала с намечающимся перекрестием и ромбическим окончанием черенка, ланцетовидное орудие труда, стрекало с костяной муфтой, девять кремневых наконечников стрел, один костяной трехгранный в сечении наконечник стрелы с выемкой в основании, два больших по размерам, орнаментированных в верхней части колоколовидных абашевских горшка, другие предметы, остатки заупокойной пищи. Все это инвентарь в общем-то обычный для военно-аристократических погребений доно-волжской абашевской культуры. Не лишним будет подчеркнуть, что имеется одна радиоуглеродная калиброванная дата по дереву из перекрытия этого погребения, что позволило определить время захоронения – рубеж III–II тыс. до н.э. (Зеленев, Юдин, 2010. С. 143). Не противоречит абашевской атрибуции и подавляющая часть инвентаря из трех других захоронений в этом кургане.

Ю.А. Зеленева и А.И. Юдина, интерпретируя четыре взаимосвязанные захоронения в кургане Дубовый Гай, высказали мысль, что «старейшина рода погребен по архаическому обряду (погр. 4 – А.II.), а сопровождающие погребения соплеменников (погр. 1–3 – А.II.) уже имеют черты нового, срубного обряда

– северо-восточная ориентировка, положение на левом боку скорченно». Думаю, что куда логичнее оценить все эти захоронения в рамках доно-волжской абашевской культуры.

Само же число выявленных на территории Нижнего Поволжья захоронений, имеющих облик, сближающих их с погребениями доно-волжской абашевской культуры, неуклонно растет.

Особо обращаю внимание и на рост числа данных, происходящих особенно с пространств лесостепного Подонья, свидетельствующих о трансформации древностей доно-волжской абашевской культуры в срубные, что проявляется при сопоставительном анализе имеющихся серий захоронений (А.А. Припадчев), при сопоставлении металла (А.С. Саврасов, Е.Н. Зайцев и др.), сосудов со знаками (Е.Ю. Захарова) этих культур. Крайне важно, что данный вывод опирается и на результаты исследования таких базовых памятников в лесостепном Подонье как Подклетненский курганный могильник и Мосоловское поселение. В то же время, нельзя не отметить, что сводить происхождение срубников лесостепного Подонья и прилегающих территорий доно-волжского междуречья только к трансформации доно-вол-

жской абашевской культуры было бы преждевременным.

Особо отмечу употребление В.В. Отрощенко термина «покровский» для обозначения одной из двух выделяемых им срубных культур, которую он именуется покровской (покровско-мосоловской) срубной (Отрощенко, 2003. С. 76–80). Наиболее представительным поселением этой культуры В.В.Отрощенко считает Мосоловское поселение, которое является базовым и при выделении донской лесостепной срубной культуры. Думаю, что было бы целесообразным для соответствующей срубной культуры ввести название «мосоловская срубная», что позволит упразднить употребление терминов «покровская (покровско-мосоловская) срубная» (украинские исследователи) и «донская лесостепная срубная культура» (российские исследователи).

Есть основание утверждать, что, несмотря на всю палитру имеющихся подходов в оценке памятников покровского типа, сейчас вполне реально выявляются тенденции, позволяющие выйти на целостную их оценку как промежуточного звена в системе абашевского и срубного миров, испытавшего значительное воздействие посткатакомбного мира.

Бочкарев В.С., 2002. Волго-Уральский регион в эпоху бронзы // Народы степной Евразии в древности. История татар с древнейших времен. Т. 1. Казань.

Зеленева Ю.А., Юдин А.И., 2010. Курганы у с. Дубовый Гай // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до позднего средневековья (по материалам раскопок 2005–2006 гг.). Саратов.

Кузьмина О.В., 1995. Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита–бронзы Средней и Восточной Европы. Часть II. СПб.

Лопатин В.А., 2010. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.). Саратов.

Малов Н.М., 1992. «Абашевские племена» Нижнего Поволжья (памятники покровского типа): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Малов Н.М., 2007. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // Археология восточноевропейской степи. Вып. 5. Саратов.

Матвеев Ю.П., 2005. О векторе распространения «колесничных» культур эпохи бронзы // РА. № 3.

Отрощенко В.В., 2003. К истории племен срубной общности // Доно-донецкий регион в эпоху бронзы. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 17. Воронеж.

Припадчев А.А., 2009. Погребальные памятники покровского типа донской лесостепи эпохи бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Захарова Е.Ю., Саврасов А.С., Сафонов И.Е., Свистова Е.Б., 2001. Доно-волжская абашевская культура. Воронеж.

Пряхин А.Д., 2010. Изучение памятников покровского типа в российской и украинской археологии (90-е гг. XX в. – первое десятилетие XXI в.) // Проблемы истории и археологии Украины: Мат-лы VII Междунар. науч. конф. Харьков.

Синюк А.Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.

Усачук А.М., 2007. Найдавніші псалії доби бронзи лісостепу і степу Євразії (технологічний і функціональний аспекти): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Київ.

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М., 1966. Пелкинский курган (абашевский человек). Труды Марийской археологической экспедиции. Т. III. Йошкар-Ола.

Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов.

М.Н. Пшеницына

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Погребальные памятники афанасьевской культуры в предгорьях Саян на юге Хакасии

Молодой центр Сибири Саяногорск расположен в глубине Азиатского материка в предгорьях Саян. Как и вся Минусинская котловина, район Саяногорска отличается обилием памятников древности.

Первые исследования курганов в этом регионе были начаты в 1970-е гг. на могильнике Летник VI около аэропорта г. Саяногорска. Основу могильника составляли памятники афанасьевской и тагарской

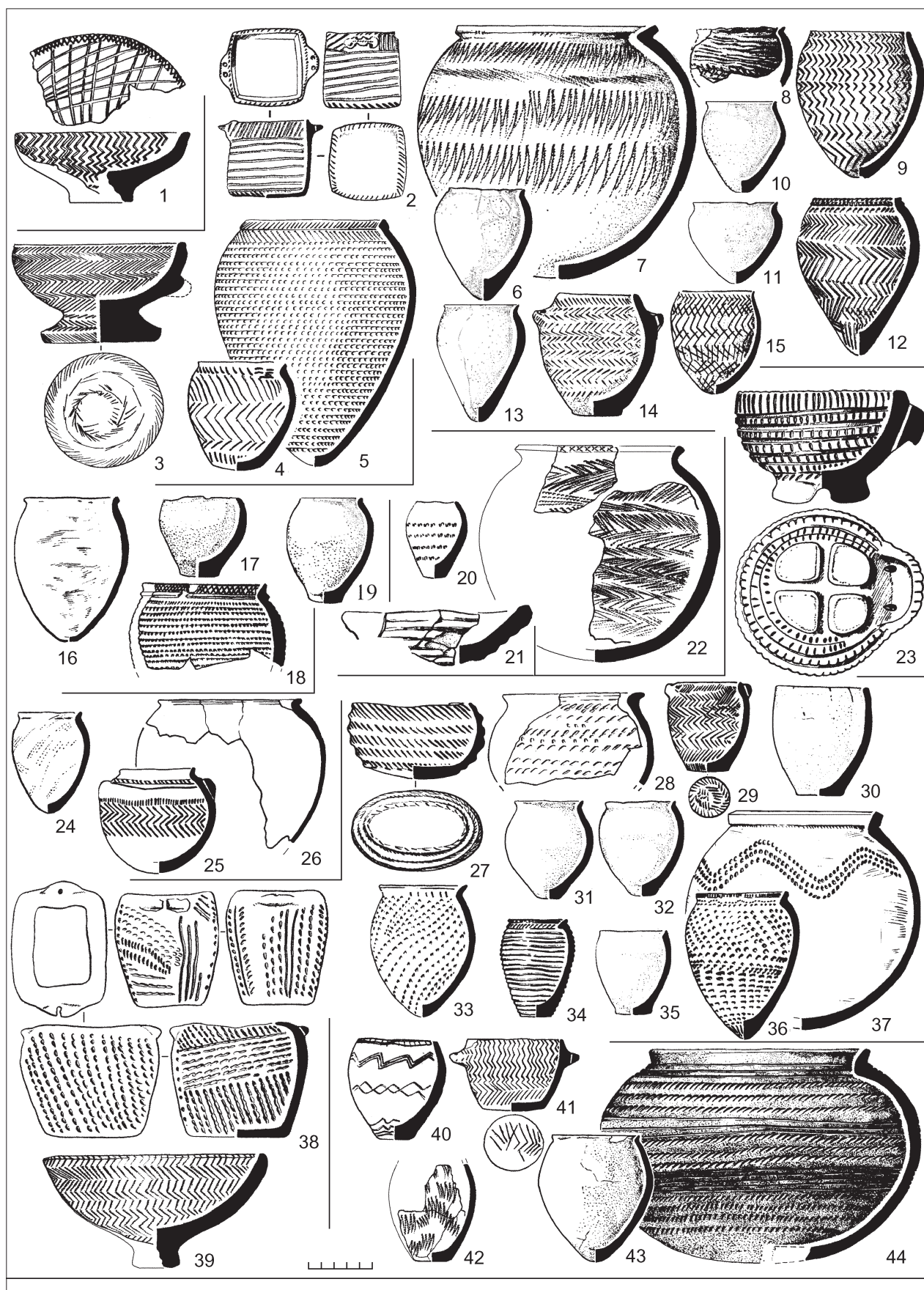

Рис. 1

Могильник Летник VI, афанасьевская керамика: 1 – огр. 2, мог. 2; 2–5 – огр. 3 (3–5 – мог. 1); 6–15 – кург. 9 (6, 7 – мог. 1, 8 – мог. 4, 9 – мог. 5, 10 – мог. 7, 11 – мог. 12, 12 – мог. 9, 13 – мог. 14, 14 – мог. 13, 15 – мог. 17); 16–18 – огр. 7 (16 – мог. 3, 17–18 – насыпь); 19 – огр. 10; 20, 21 – огр. 14 (20 – мог. 2, 21 – насыпь); 22 – огр. 26, мог. 1; 23 – огр. 25, мог. 1; 24 – огр. 27, мог. 2; 25–26 – огр. 28, мог. 1; 27–37 – огр. 29 (27 – мог. 1, 28 – мог. 3, 29 – мог. 5, 30 – мог. 4, 31 – мог. 9, 32 – мог. 13; 33 – мог. 6; 34 – мог. 14, 35–37 – после снятия насыпи); 38–39 – огр. 30; 40–44 – огр. 37 (40 – насыпь, 41–44 – мог. 1)

эпох, расположенные вдоль берега Енисея. Ограды афанасьевской культуры сконцентрированы в южной половине могильника. Раннетагарские курганы занимали его северную часть.

Начальником 5 отряда Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР Ю.И. Трифоновым в 1972–1974 гг. был сделан план могильника и раскопано 2 кургана афанасьевской и тагарской культур (курганы 30 и 31; Трифонов, 1973. С. 241–242; 1975. С. 236–238). Нам не удалось подготовить к публикации материалы исследованных Ю.И. Трифоновым памятников афанасьевской культуры в могильнике Летник VI ввиду их утраты. Сохранились только глиняные квадратный сосудик с двумя ушками и косыми насечками по тулову (рис. 1: 36), курильница, покрытая снаружи елочным орнаментом (рис. 1: 37), а также

бронзовые шило и листовидный нож из могил афанасьевской и окуневской культур кургана 30.

С 1975 г. к исследованию могильника приступила Бейская экспедиция ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) под руководством М.Н. Пшеницыной. В 1975, 1978, 1979 гг. экспедицией было раскопано 14 оград афанасьевской культуры, содержащих 53 могилы. До раскопок ограда представляли собой пологие земляные холмики диаметром 10–15 м и высотой 0,3–0,8 м. В большинстве случаев по выступавшим на поверхности валунам можно было четко проследить кольцо ограды. Внутри круглой ограды, сложенной из валунов и крупной гальки, находилась одна, реже – две могилы. Это были прямоугольные грунтовые ямы размерами в среднем 2,5×1,5 м и глубиной 0,8–1 м. На их бортах сохранились остатки бревен от накатов, по-

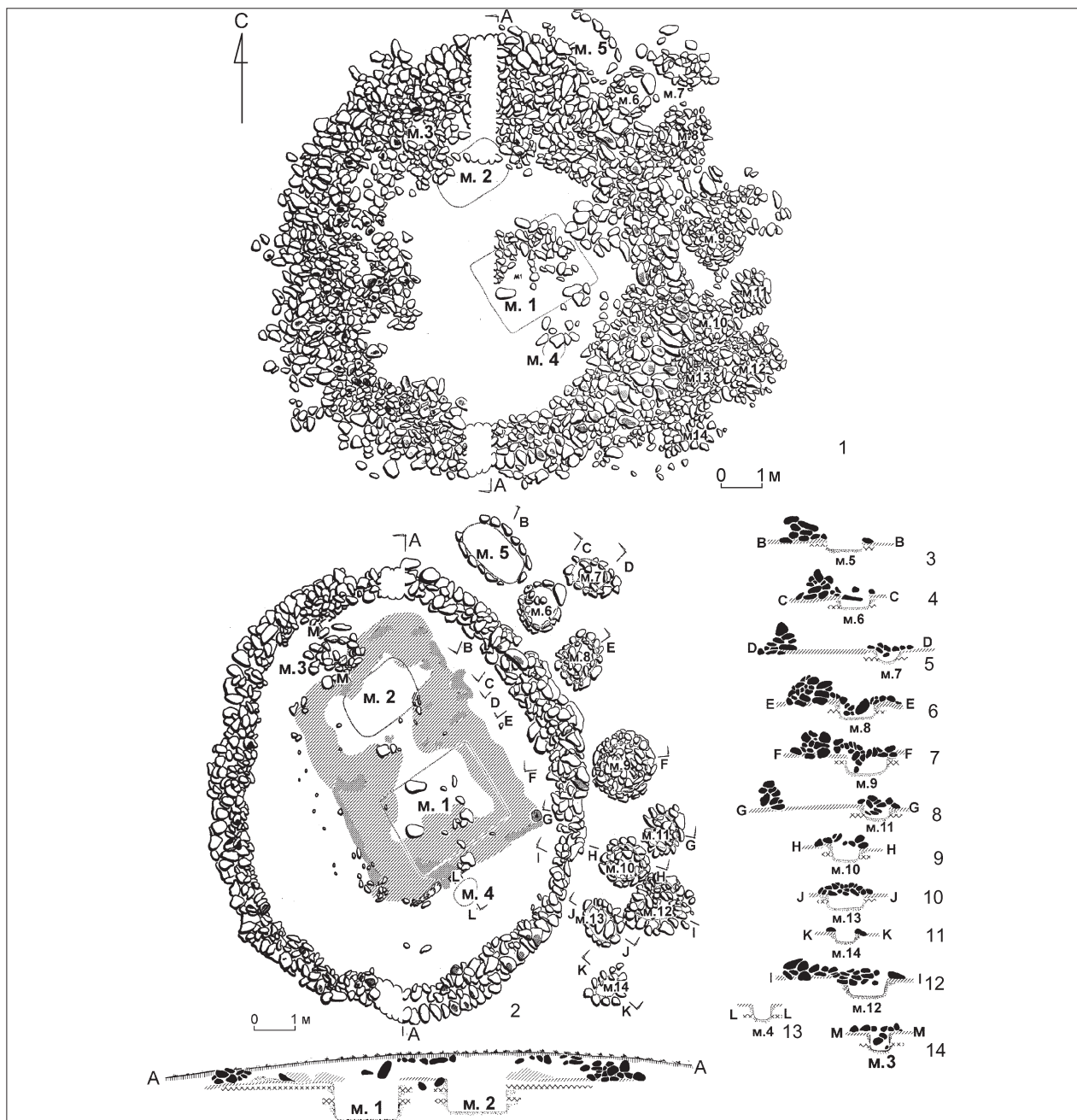

Рис. 2
Летник VI, ограда 29: 1 – план А; 2 – план В и разрез А–А; 3–14 – разрезы могил по конструкциям

крывавших яму в направлении СВ–ЮЗ. Почти все перекрытия сгорели. Внутри ограды или снаружи находились детские могилки в виде овальных ямок размерами 0,5×0,8 м, глубиной 0,3–0,4 м. Их борта выложены крупной галькой и мелкими валунами в один–два слоя. Покрытия могил – из гальки и мелких валунов. В основных могилах погребено по одному–два взрослых, в одном случае – трое взрослых, иногда – взрослый и ребенок. Умершие были уложены на спину с согнутыми в коленях ногами, головами на юго-запад. В основной могиле ограды 25 останки двух взрослых погребенных были покрыты плотным слоем охры. По наблюдениям М.П. Грязнова, кости животных (остатки мясной пищи) в могилах находят очень редко «и в их составе не наблюдается никакой закономерности» (Грязнов 1999: 48).

Погребальный инвентарь представлен серебряной серьгой в виде проволочной спирали, бронзовой проколкой, каменными орудиями и керамикой. Аналогичная серьга найдена в могильнике Карасук III (Там же. С. 109. Рис. 23, 6). Каменная колотушка и фрагмент песта подобны таким же орудиям из могильников Афанасьева Гора и Карасук III (Там же. С. 92, 109. Рис. 6, 22–23; 23, 16, 18). Глиняная посуда насчитывает более 60 сосудов разнообразных форм. Обнаружено не менее четырех крупных корчаг. Около половины сосудов – сферические и шаровидные, значительно меньше остродонных или с уплощенным дном. Орнаментация сравнительно проста, но есть не встречавшиеся ранее типы: два шаровидных сосуда украшены по плечикам волнообразными линиями оттисков гребенчатого штампа (рис. 1: 37). Найдены 3 курительницы. Одна из них – в виде чаши на изящной ножке со следами боковой ручки, покрыта по тулову и дну резным елочным орнаментом (рис. 1: 3). Другая целая курительница на четырех ножках с боковой руч-

кой орнаментирована снаружи косыми насечками и желобками (рис. 1: 23). Два крупных фрагмента еще одной курительницы покрыты резным орнаментом: елочным снаружи и пересекающимися линиями, образующими ромбы, изнутри (рис. 1: 1). Очень необычны два сосуда: один – квадратной формы с двумя ушками для подвешивания и орнаментом, имитирующим сшивание дна сосуда со стенками (рис. 1: 2); второй – ладьевидный, овальный в плане, покрытый по всей поверхности косыми насечками и желобками (рис. 1: 27). Аналогии большинству сосудов и курительницам имеются в могильниках Афанасьева Гора и Сыда I (Там же. С. 97, 99, 105. Рис. 11; 13; 19, 5), Карасук III и Барсучиха IV (Там же. С. 114, 116, 121, 123, 126, 132. Рис. 28; 30; 35, 2, 3; 37, 5, 7; 40, 2; 46, 4).

В ограде 37 обнаружено неграбленное впускное погребение (мог. 2). Судя по найденным в нем плоскодонному глиняному сосуду с орнаментированным дном и туловом, бронзовому шилу и костяному игольнику, погребение относится к окуневской культуре. Аналогичные предметы найдены в могильниках Черновая VIII (Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980. С. 109, табл. XVIII, 7, 9, 10) и Барсучиха IV (Грязнов 1999: 109, 132. Рис. 23, 1; 46, 8).

Материалы из раскопок могильника Летник VI находятся на постоянном хранении и в экспозиции Музея Кемеровского государственного университета «Археология, этнография и экология Сибири», коллекция 3.

Исследования оград афанасьевской культуры в могильнике Летник VI дали много дополнительной информации для реконструкции погребального обряда афанасьевских племен. Следует подчеркнуть, что раскопанные захоронения обнаружены в могильнике, являющимся самым южным из известных на Среднем Енисее памятников афанасьевской культуры (вторая половина III тыс. до н.э.; Грязнов 1999: 54).

Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А., 1980. Памятники окуневской культуры. Л.

Грязнов М.П., 1999. Афанасьевская культура на Енисее. СПб.

Трифонов Ю.И., 1973. Исследования в Минусинской котловине // АО 1972 г.

Трифонов Ю.И., 1975. Работы в Туве и Хакасии // АО 1974 г.

Н.В. Рослякова

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара

Ритуальная практика населения срубной культуры Самарского Поволжья: роль и место животных в погребальном обряде

Погребальные обряды с использованием целых туш животных, частей туш, а также отдельных костей различных видов были неотъемлемой частью риту-

альной практики населения срубной культуры (Агапов и др., 1983. С. 12; Васильев и др., 1985. С. 64; Семенова, 2000. С. 161, 173; Крамарев, 2003. С. 158–159). Од-

нако до недавнего времени детального археозоологического изучения остеологических материалов из погребальных комплексов не проводилось. В последнее десятилетие наметился положительный сдвиг в изучении и публикации остеологических материалов из погребальных памятников срубной культуры Самарского Поволжья (Косинцев, Рослякова, 1999. С. 77–86; Рослякова, 2006. С. 476–484). В настоящее время мы располагаем результатами изучения остеологических коллекций из 25 могильников. Обработка материалов проводилась на методической основе, разработанной в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН (Антипина, 2004. С. 106–107; 2009. С. 147–148), которая позволяет выяснить специфику отбора животных (по полу, возрасту, размерам) для совершения погребального обряда и оценить роль разных видов животных в ритуальной практике.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что при совершении погребального обряда население срубной культуры использовало все виды домашних животных: лошадь, крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, свинью и собаку. Дикие виды животных использовали крайне редко. В остеологических комплексах преобладают части туш мелкого и крупного рогатого скота (37% и 35% соответственно). Реже встречаются части туш лошади (25%). Единичны случаи использования частей туш свиньи (2%) и собаки (0,4%).

Изучение анатомического спектра костей животных в остеологических комплексах, а также следов искусственного происхождения на костях позволило разделить все комплексы на несколько категорий: жертвенные комплексы, остатки поминальной тризны (и/или напутственной пищи), предметы-символы и погребальный инвентарь.

Жертвенные комплексы представлены черепами и дистальными частями конечностей (как целыми, так и фрагментами), т. е. «не мясными» частями туш. Основными жертвенными животными были крупный (47%) и мелкий рогатый скот (43%). Соотношение этих видов меняется в зависимости от местоположения комплекса в кургане. Лошадь в качестве жертвенного животного использовали лишь в 10% случаев.

В одном случае жертвенный комплекс состоял из нижней челюсти собаки.

Остатки погребальных тризн (и/или напутственной пищи) представляют собой кости, которые происходят из «мясных» частей туш: позвонки, ребра, лопатки, тазовые кости, проксимальные части конечностей. Основными видами животных, части туш которых использовали в качестве поминальной и/или напутственной пищи, были мелкий рогатый скот (37%) и лошадь (35%). Доля частей туш крупного рогатого скота в комплексах данной категории составляет 24%, свиньи – 4%.

К категории «предметы-символы» нами были отнесены отдельные кости из «не мясных» частей туш (единичные зубы, астрагалы, фаланги), положенные в качестве отдельных предметов. В 50% случаев в качестве предметов-символов использовали кости лошади, в 30% – крупного рогатого скота, в 17% – мелкого рогатого скота и в 3% – свиньи.

Скопления астрагалов и фаланг животных на дне могильных ям рассматриваются нами как погребальный инвентарь. Чаще всего они состоят из костей мелкого рогатого скота (36%) и свиньи (35%). В два раза реже в них встречаются кости крупного рогатого скота (16%) и лошади (13%).

Анализ возрастного состава забитых особей показал, что в жертву приносили, как правило, взрослых животных, их всегда значительно больше, чем животных других возрастов. Для крупного рогатого скота характерно помещение в один комплекс головы и дистальных частей конечностей взрослой коровы и теленка в возрасте до полугода. Часто встречаются комплексы из головы и дистальных частей конечностей мелкого рогатого скота, в которые, наряду со взрослыми животными (их пол по имеющимся костям неопределим), входили полувзрослые и молодые особи. В комплексах остальных категорий встречаются кости животных разных возрастных групп, но всегда преобладают кости взрослых особей.

Изучение размерных характеристик животных позволяет говорить о том, что большинство забитых животных имело средние размеры тела. Реже использовали части туш и кости крупных и мелких особей.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П., 1983. Срубная культура лесостепного Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев.

Антипина Е.Е., 2004. Реконструкция особенностей мясного потребления и других форм использования животных на поселениях Замятино-5, 7, 8 в середине I тысячелетия // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. Раннеславянский мир. Вып. 6. М.

Антипина Е.Е., 2009. Ростиславльское городище дьяковского времени: археозоологические материалы из раскопок 2002–2006 годов // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. I. М.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1985. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев.

Крамарев А.И., 2003. Погребальные памятники срубной культуры Южного Средневолжья // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Мат-лы Междунар. науч. конф. Чебоксары.

Косинцев П.А., Рослякова Н.В., 1999. Парное захоронение лошадей из II Уваровского могильника // Историко-археологические изыскания: Сборник трудов молодых ученых. Вып. 3. Самара.

Рослякова Н.В., 2006. Костные остатки животных из могильников Новые Ключи III и Лозовка V // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара.

Семенова А.П., 2000. Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара.

Н.В. Рындина

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

И.Г. Равич

Государственный научно-исследовательский институт реставрации, Москва

Новые данные о металлопроизводстве племен майкопско-новосвободненской общности Северного Кавказа

Майкопская культура – ярчайший феномен раннего бронзового века Предкавказья, датируемый ныне в рамках IV тыс. до н.э., дает коллекции медно-бронзовых изделий, исчисляемые многими сотнями находок. Несмотря на почти столетний период изучения майкопских бронз (М.И. Ростовцев, А.А. Иессен, Е.И. Крупнов, Р.М. Мунчаев, Е.Н. Черных, С.Н. Корневский и др.), остаются неясными многие связанные с ними проблемы.

До сих пор вызывает дискуссию вопрос о возможности освоения майкопскими племенами местных рудных источников и собственной выплавки бронз; не ясно также, насколько осознанно древние мастера выбирали металл для изготовления изделий различного назначения. Не менее дискуссионна и проблема

организации майкопско-новосвободненского металлопроизводства.

Решение этих проблем требует привлечения данных химико-технологического анализа изделий, основой которого являются современные методы изучения состава и структуры металла (спектральный анализ, рентгеновская флуоресценция, металлография, сканирующая электронная микроскопия и т. п.).

С помощью металлографических и электронно-микроскопических методов была изучена коллекция из 148 образцов майкопского металла. Характеристика химического состава майкопских бронз представлена на расширенной в сравнении с прошлыми данными базе. Всего учтено 287 спектральных, микро-рентгеноспектральных и рентгенофлуоресцентных анализов. При систематизации результатов химико-технологического исследования майкопского металла мы группировали материал в соответствии с выделенными С.Н. Корневским локальными вариантами майкопско-новосвободненской общности. Основные результаты работы сводятся к следующему.

Большинство майкопских находок изготовлено из мышьяковых и мышьяково-никелевых бронз, что согласуется с данными, полученными ранее Е.Н. Черных и С.Н. Корневским. Население майкопской культуры эксплуатировало рудные запасы Северного Кавказа для получения мышьяково-никелевых бронз, о чем свидетельствует присутствие в них примеси урана, характерной для местной никелиновой руды (NiAs), содержащей уран. Никель в ассоциации с мышьяком способствует сохранению мышьяка в бронзе, концентрация которого в мышьяково-никелевых бронзах выше, чем в двойных сплавах медь–мышьяк. Подобную полезную роль никеля отмечал ранее С.Н. Корневский.

Наличие собственных источников металла у населения майкопской культуры подтверждается также разницей в гистограммах составов микропримесей в бронзовых изделиях галюгаевско-серегинского, новосвободненского и долинского вариантов майкопско-новосвободненской общности, отличных от гистограмм находок куро-аракской культуры, а также изделий из Анатолии, Ирана и Месопотамии.

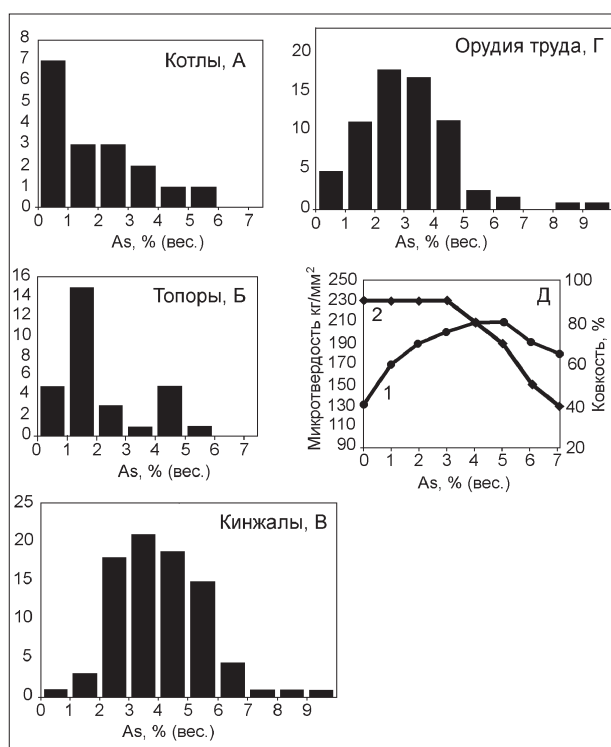

Рис. 1

Гистограммы концентрации мышьяка в изделиях майкопской культуры (А–Г) и влияние концентрации мышьяка на максимальное значение микротвердости после холоднойковки (1) и ковкость (2) мышьяковых бронз (Д)

Мастера майкопско-новосвободненских племен хорошо ориентировались в свойствах мышьяковых бронз и умели выбирать необходимый состав для каждой категории изделий (рис. 1). Наиболее твердые и достаточно пластичные бронзы шли на изготовление кинжалов и орудий труда, более мягкие и пластичные – для формовки тяжелых топоров и котлов.

Результаты исследований позволяют говорить о сложении устойчивых технологических традиций, которые, наряду с чертами сходства во всем майкопском ареале, имеют и отличия, проявленные в среде новосвободненских и долиньских племен. Эти отличия иллюстрируют некоторые особые виды обработки, которые использовали разные племена для изготовления кинжалов. Новосвободненские мастера предпочитали формовать кинжалы из бронзы, содержащей 5–6% мышьяка; их подвергали высокотемпературному отжигу для повышения пластичности, а затем упрочняли лезвия с помощью холоднойковки с высокой степенью деформации. Подобные кинжалы часто отличались серебристой поверхностью.

В среде долиньских мастеров эту технологию не применяли, их кинжалы содержали обычно 3–5% мы-

шьяка. Представляет интерес пока единичный пример использования следующего вида обработки. Кинжал, найденный в могильнике Чегем-1, курган 5, погребение 10, содержал 4,74% мышьяка в сочетании с 3,87% никеля. Литую заготовку для придания кинжалу необходимой формы ковали, а затем закалывали с применением высокой температуры. Далее клинок упрочняли с помощью отпуска, а лезвие подвергали холодной деформации. В результате лезвие кинжала отличалось более высокой твердостью, чем после обычного упрочнения без предварительного отпуска. По-видимому это пример наиболее раннего использования закалки и отпуска изделия, связанный с освоением древними металлургами мышьяково-никелевых бронз.

Приведенные примеры подтверждают наличие в пределах майкопско-новосвободненской общности двух очагов металлопроизводства – прикубанского и терского, существование которых было выявлено ранее на основе типологического набора их продукции (Р.М. Мунчаев, С.Н. Корневский). Металлурги, кузнецы-литейщики и рудознатцы в пределах каждого очага были выделены из общей среды общинников в замкнутые производственные кланы.

Е.Н. Сава

Национальный музей археологии и истории Молдовы, Кишинев

Новые данные о происхождении и функциональности «зольников» на поселениях эпохи поздней бронзы Юго-Восточной Европы

Совместная немецко-молдавская археологическая экспедиция в 2003–2008 гг. произвела комплексные исследования «зольников», расположенных возле хут. Одая в зоне Бельцкой лугово-степной равнины Северной Молдовы. На поселении зрительно определены и топографированы 25 «зольников» (рис. 1). Однако на основании дешифрованных аэрофотограмм выяснилось, что на поселении существовало более 40 «зольников», многие из которых в настоящее время уже визуально неразличимы на поверхности. Было раскопано четыре «зольника» и пространство между некоторыми из них, что составило 2200 кв. м.

Согласно палеозоологическим определениям возрастное соотношение и виды животных свидетельствуют в пользу того, что состав и содержание остеологических материалов соответствуют уже известным материалам поселений культуры Ноуа-Сабатиновка, основу экономики которых составляло содержание крупного и мелкого рогатого скота. В то же время бо-

льшее количество костей животных подтверждает функционирование здесь именно поселения, исключая наличие временного кочевого стойбища.

По результатам произведенной флотации грунта было подтверждено отсутствие озимых зерновых культур и сопутствующих сорняков. Однако было обнаружено сравнительно много сорняков проса, таких как щетинник и куриное просо. Наличие проса является, вероятно, подтверждением существования сезонного земледелия.

Геохимические исследования почв показали, что светлый, обычно описываемый как содержащий пепел и золу материал отличается от находящейся вокруг «зольника» почвы только содержанием карбоната. Таким образом определено, что составляющий «зольники» субстрат не содержит золу, производную от массового сгорания каких-либо веществ.

Я.П. Гершкович (1997. С. 11–15; Gerškovič, 1999. S. 43–45) также обратил внимание на доказательства

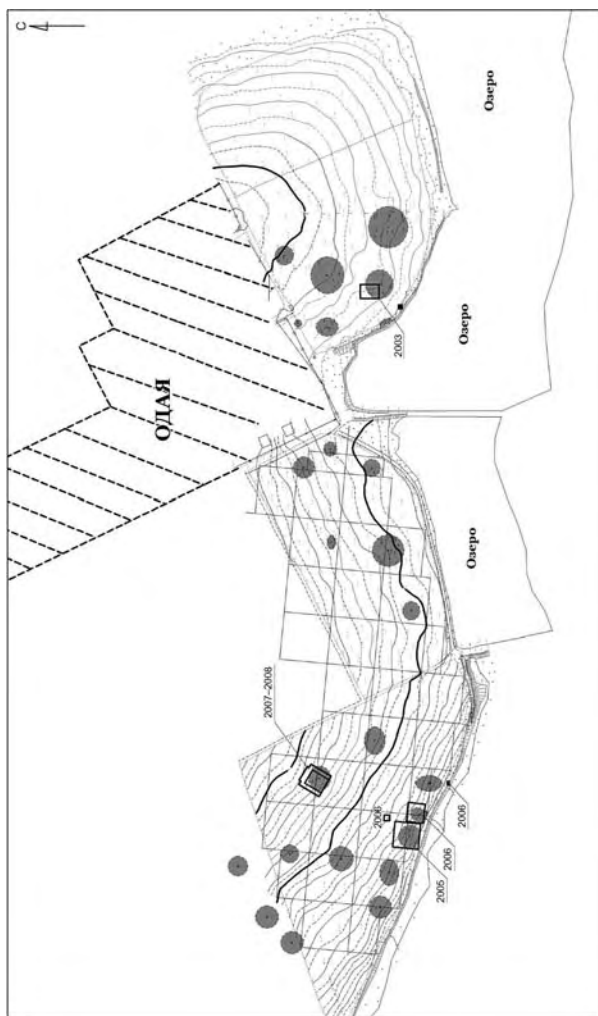

Рис. 1

Топографический план поселения с «зольниками» культуры Ноуа у хут. Одаия

отсутствия остатков горения в насыпях «зольников». Он предложил модель образования «зольников», которая состоит из 5 этапов (Гершкович, 2004. С. 107–109. Рис. 2). Однако схема Гершковича не дает ответ на вопрос, почему на третьем этапе поселение покидалось, а на четвертом и пятом создавалось всхолмление. Возможно, ответ можно найти также у Я.П. Гершковича, который считает, что для объяснения характера зольников «необходимо совмещение аргументов как сторонников культовой трактовки, так и производственно-бытовой» (Гершкович, 2004. С. 107).

С нашей точки зрения, «зольники» – это остатки различных сооружений и культурных слоев, образовавшихся в результате хозяйственно-производственной деятельности населения. Каждый «зольник» представлял собой отдельное подворье. Установлено,

что в отдельных микрорегионах существовала исключительно высокая плотность поселений с «зольниками». Однако это не может свидетельствовать о демографическом взрыве в эпоху поздней бронзы, как предполагалось ранее (Sava, 1998. S. 277–279). Многочисленность поселений с «зольниками» объясняется экономическим укладом, основанном на выпасно-отгонном скотоводстве и, соответственно, связанным с периодическим изменением места поселения. После непродолжительного периода, с целью восстановления истощенных пастбищ, скотоводы разбирали все постройки подворья (плетнево-мазаные жилища, каркасы углубленных построек, шалаши, навесы, загоны для скота, изгороди и пр.), покидали поселение и на расстоянии нескольких десятков километров создавали новое поселение. Строительные остатки (глиняная обмазка с обильным составом органики, солома, камыш, навоз, глина, известняк) оставались на месте бывшего подворья.

Полагаем, что покинутые поселения через некоторое время заселялись вновь. Вернувшись на старое поселение, из остатков старого подворья, а также используя новые строительные материалы, производили его восстановление со всеми необходимыми постройками. Через определенное время и эти восстановленные подворья вновь покидали. Учитывая радиоуглеродные даты, согласно которым поселения с «зольниками» у с. Одаия просуществовали не менее трехсот лет (между 1400 и 1100 cal BC), можно предположить, что жилищно-хозяйственные подворья перестраивали многократно.

Со временем остатки глины, песка и известняка, перемешанные с навозом и другой органикой, подвергались процессу гниения и, возможно, тления, что в итоге и придало грунту серо-желтый оттенок. Остатки неоднократно перестроенного, но однажды заброшенного подворья оплыли, покрылись слоем земли, дерна, различной растительностью, что привело, в определенной степени, к их консервации в виде всхолмления.

Современный вид «зольников», которые выглядят как относительно равномерные всхолмления различного диаметра и высоты, объясняется результатами тысячелетнего воздействия природных условий и интенсивностью аграрных работ. Только многократными перестройками подворья в древности и, особенно, постоянной распашкой полей объясняется отсутствие каких-либо стратиграфических различий между когда-то существовавшими, но теперь уже неразличимыми археологически строительными этапами «зольников».

Гершкович Я.П., 1997. Сабатиновско-ноичские «зольники» // Доба бронзи Доно-Донецького регіону (матеріали 3-го Українсько-Російського польового археологічного семінару). с. Капітанове, Луганської області, 15–16 липня 1997.

Гершкович Я.П., 2004. Феномен зольників белогрудовського типу // РА. № 4.

Gerškovič Ja.P., 1999. Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres // Archäologie in Eurasien. # 7. Rahden.

Sava E., 1998. Die Rolle der «östlichen» und «westlichen» Elemente bei der Genese des Kulturkomplexes Noua-Sabatinovka // Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeit (4000–500 v.Chr.) (Hrsg. B.Hänsel und J.Machnik). München; Rahden.

Керамические традиции как показатель социокультурного состава населения позднего бронзового века

В последние годы в результате технико-технологического анализа керамики эпохи бронзы с территории Поволжья и Приуралья накоплен и проанализирован значительный блок информации по технологии изготовления керамики, который позволяет не только охарактеризовать гончарство, как особую сферу человеческой деятельности, но и обратиться к изучению социального состава населения, его культурной специфики, вопросов сложения и существования отдельных групп населения и т. д. В качестве «полигона» для подобных исследований выбран курган 3 курганного могильника Скворцовка, расположенного в Оренбургской обл. и относящегося к срубной культуре позднего бронзового века. Данный курган содержал 29 погребений с 30 сосудами, что дало возможность коррелировать технологические данные, особенности орнамента сосудов и половозрастные характеристики погребенных.

Краткие итоги технико-технологического анализа посуды следующие: 1) в качестве исходного сырья отбирались илы, илистые глины и глины. Указанные навыки являются устойчивыми, что подтверждается анализом шмота; 2) при составлении формовочных масс массовым и устойчивым является рецепт шмот+органический раствор; 3) анализ способов изготовления посуды позволил выделить четыре технологические схемы конструирования; 4) основным способом обработки поверхностей было заглаживание, единично – лощение; 5) орнаментирована примерно треть сосудов, орнаментальные композиции разнообразны (Моргунова и др., 2010).

Исследованная посуда была поставлена в погребения, перекрытые одной насыпью, что само по себе уже указывает на то, что погребенные находились в той или иной степени родства.

Данные технико-технологического анализа керамики позволили выделить среди погребенных малые родственные группы. Исходной методологической основой для этого послужили выявленные А.А. Бобринским особенности субстратных навыков, как наиболее устойчивых при смешении разных групп населения, и особенности представлений об исходном сырье (Бобринский, 1978. С. 244; 1999. С. 76). Достаточно достоверно определены три малые родственные группы, которые имели собственные представления об исходном сырье и навыки способов конструирования. Одна из групп выделялась и планиграфически,

тяготая к западной доле кургана. Кроме того, следует отметить следующие факты: посуда, поставленная в мужские погребения, изготовлена из илистой глины и глины; сосуд из единственного женского погребения – из илистой глины; посуда из детских погребений – из ила, илистой глины и глины. Эти факты позволяют предположить, что похороненные под данной насыпью мужчины происходили из нескольких родовых групп, что подтверждается особенностями конструирования сосудов. Возможно, к одной из этих групп относилась и похороненная в этом кургане женщина (полное совпадение технологии изготовления посуды из женского и одного из мужских погребений). В детские же погребения ставили сосуды, изготовленные в соответствии с традициями, характерными для посуды как из мужских, так и из женских погребений.

Особо интерес вызвали погребения, в которые помещено по несколько сосудов, изготовленных по разным технологическим программам. В погребение 20 (захоронение взрослого мужчины) было помещено 3 сосуда. Все они изготовлены из глины, но программы конструирования начинов у всех трех сосудов разные: начини двух сосудов изготовлены в соответствии с донно-емкостной и донной программами, один сосуд демонстрирует смешение навыков в изготовлении начинов, зафиксированных по указанным сосудам. Вероятно, коллектив, к которому принадлежал погребенный, формировался из двух групп, обладавших разными навыками конструирования. В результате контактов, возможно брачных, происходили процессы смешения и вырабатывались новые технологические навыки.

Два детских погребения (№ 8 и 26) содержали по два сосуда, которые изготовлены из разных видов исходного сырья и в соответствии с разными технологическими группами. Вероятно, в погребения детей ставили сосуды, изготовленные в соответствии с традициями родов матери и отца: от рода отца – сосуды, изготовленные из глины, от рода матери – сосуды, изготовленные из ила или илистой глины. Пока это только предположение, но косвенно оно подтверждается анализом орнамента. Единственное женское погребение содержало сосуд, орнаментированный горизонтальным зигзагом. Большинство орнаментированных сосудов из детских погребений в орнаментальных композициях также содержало зигзаги. Основу

орнаментов сосудов из мужского погребения № 20 составляли меандры, внутри которых заключены кресты. В орнамент сосуда 2 из этого погребения включен также зигзаг. Поскольку орнамент маркирует отношение к той или иной группе (свой–чужой), то соединение разных орнаментальных традиций на одном сосуде явно указывает на смешение и контакты разных групп населения.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.

Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы

Таким образом, проведенное исследование позволило не только выявить своеобразие культурных традиций в гончарстве, но и зафиксировать микропроцессы в среде данного населения: выявить малые родственные группы, между которыми были возможны брачные контакты; зафиксировать факт помещения в детские погребения сосудов, характеризующих гончарные традиции родов матери и отца.

изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгенъев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А., 2010. Скворцовский курганный могильник. Оренбург.

В.И. Сарияниди

Каменные составные статуэтки в Маргиане

Кроме антропоморфных терракотовых статуэток на Гонуре в Маргиане (Южный Туркменистан) в могилах найдены три каменные так называемые составные статуэтки, которые изображают сидящих, предположительно на троне, женских персонажей. Их тело, покрывающие его одежды и головной убор изготовлены из темного, почти черного, мягкого стеатита. Головы и сложенные на коленях руки обычно выточены из белого мраморовидного камня. Всего на Гонуре обнаружены четыре подобные фигурки: три из них происходят с «Главного некрополя» (из ограбленных могил 1022, 1028 и 1799), а одна – с территории к северу от кремлевской стены (из цисты 2900). Кроме того на Гонуре найдено несколько отдельных головок, фрагментов одежды, рук и причесок. В Мари (Сирия) найдена гипсовая статуэтка, отлитая в форме сидящей женщины, с легкой накидкой, наброшенной на голову

(рис. 1: 1, 2; Sarianidi, 2007. Fig. 55; см. для ср.: Parrot, 1967. Fig. 134; PL. XXXVI, C, L; XLIX).

В камерной цисте 2900 было обнаружено нетронутое грабителями двойное захоронение мужчины и женщины с богатыми погребальными приношениями (Sarianidi, 2007. P. 146–155). Среди них выделяется предположительно мужская составная статуэтка с округлым головным убором, который был сделан, видимо, из черной краски, исчезнувшей при соприкосновении с воздухом, не сохранив первоначальной формы (Сарияниди, 2009. С. 312). В настоящее время эта статуэтка – единственная из всех почти семи десятков таких фигурок, известных в мировой литературе, обнаруженная *in situ*. Все найденные статуэтки происходят из богатых, аристократических могил Маргианы, в т. ч. из царских гробниц, хотя изредка их фрагменты находят в перемещенном виде в мусорных слоях Гонура. Судя по всему, такие составные фигурки могли быть как женскими, так и мужскими, хотя признаков пола ни на одной из них не было. Все они – однотипные и мужские статуэтки почти ничем не отличаются от женских.

Встает закономерный вопрос: кого изображают такие составные статуэтки? Следует отметить, что центральноазиатские составные статуэтки отличаются простотой изготовления. Сходные с маргианскими переднеазиатские мужские статуэтки почти все имеют бороды. Но пока нет ни одной бородатой фигурки, происходящей из Бактрии или Маргианы. Почти у всех переднеазиатских статуэток четко показаны босые ноги, в то время как в Бактрии и Маргиане ноги или даже ступни ног статуэток не показаны вообще. Такие особенности фигурок бактрийско-маргианского археологического комплекса можно связать, видимо, с упрощением более раннего типа, распространенного на Ближнем Востоке. Ско-

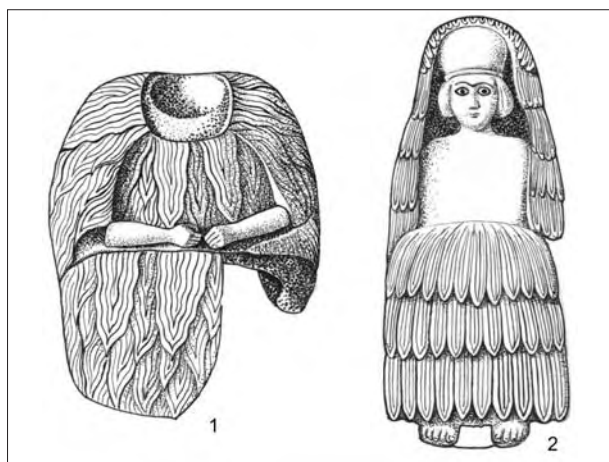

Рис. 1

Каменные составные статуэтки:

1 – некрополь Гонура, погр. 1028 (рисунок И. Максимовой);
2 – Мари, Сирия (по: Parrot, 1967. Pl. XXVI, L)

рее всего, лица маргианских составных статуэток, особенно в царских гробницах, были раскрашены (так напр., голова одной подобной фигурки из гробницы 3210 сохранила наведенные черной краской брови и обведенные глаза – Сарияниди, 2008. Рис. 44, вверху). Практически все переднеазиатские статуэтки (в т. ч. и на сирийском памятнике Мари) имеют раскрашенные лица. Возможно, упрощение, по

сравнению с переднеазиатскими аналогами, вариантов составных статуэток в Бактрии и Маргиане следует объяснять большим расстоянием между этими территориями. Думается, правы те исследователи, которые считают, что составные статуэтки, положенные в аристократические могилы в память об усопших, символически представляют их самих и передают их же внешность.

Сарияниди В.И., 2008. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад.

Parrot A., 1967. Les Temples de Ishtar et de Ninni-Zaza. Mission Archeologique de Mari. T. 3. Paris.
Sarianidi V., 2007. Necropolis of Gonur. 2nd edition. Athens.

Р.М. Сатаев, Л.В. Сатаева

Башкирский государственный педагогический университет. им. М. Акмуллы, Уфа

Отдельные аспекты археозоологических исследований на Гонур-Депе (Республика Туркменистан)¹

Обсуждаемый материал получен в результате раскопок городского поселения позднего бронзового века Гонур-Депе в весенний и осенний сезоны 2010 г. Исследования проводились на раскопе 18 в трех основных направлениях: археозоологическом, археоботаническом, седиментологическом.

В ходе работ были идентифицированы остатки животных, происходящие из 18 погребений, 23 помещений, пространства между ними и стратиграфических шурфов. В остеологическом материале в целом резко преобладают кости домашних видов: мелкого рогатого скота (овцы и козы), крупного рогатого скота, свиньи, верблюда, осла, собаки. Из диких млекопитающих идентифицированы остатки джейрана (в основном, роговые стержни), бурого медведя (не функционировавший верхний второй моляр), благородного оленя (обработанный фрагмент рога), зайца толая, ушастого ежа (озоленная ветвь нижней челюсти). Фрагмент рога благородного оленя по своим признакам наиболее сходен с рогами бухарского подвиды. Из птиц определены кости крупных гусеобразных (*Anser* sp.) и дрофы, из рептилий – среднеазиатской черепахи.

Кости животных из помещений и внешнего пространства представляют собой типичные кухонно-бытовые отходы. Обращают внимание крайняя малочисленность костных остатков (из помещений – 219, вне помещений – 156 единиц) при значительной площади раскопа, а также сравнительно высокая доля крупного рогатого скота в пересчете на объем мясной продукции.

В материалах из погребений (жертвенные животные, напутственная пища) преобладали остатки мелкого рогатого скота.

Необходимо отметить сравнительно крупные размеры крупного рогатого скота и мелкого рогатого скота, близкие к таковым у неолитического скота Восточной Европы.

Археоботанический материал происходит преимущественно из зольно-угольных отложений. Из них выделены и идентифицированы семена пшеницы 3 видов (*Triticum monococcum*, *T. dicoccum*, *T. aestivum*), шестирядного ячменя (*Hordeum*), чечевицы, нута, гороха-маш, винограда. Зерна пшеницы и ячменя имеют размеры и пропорции, характерные для злаков, культивируемых в условиях ирригационного земледелия.

Изучение углей показало, что на топливо использовали в основном саксаул и кустарниковые формы солянок. Кроме того, в печах бытового назначения сжигали одревесневшие стебли верблюжьей колючки после их плодоношения (в материале сравнительно много бобов этого растения) и высыхания на корню (возможно сбор сушняка происходил поздней осенью или зимой).

При изучении стратиграфии и характера осадочных отложений памятника исследованы разрезы в шурфе на площади распространения зольно-угольных отложений, в стратиграфическом шурфе, в заполнении малого алтаря. Особый интерес представляют результаты изучения разреза, в центре площади зольно-угольных отложений (мощность отложений – 270 см), характер которых позволяет говорить, что

¹ Работы велись в рамках проекта РФФИ № 10-06-00263.

освоение участка в пределах раскопа началось позднее образования центрального дворцово-храмового комплекса. Здесь можно выделить 4 основные стадии

антропогенной аккумуляции материала в промежутках между которыми происходила частичная денудация культурных горизонтов.

Н.Н. Скакун

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Поселение Бодаки – крупный кремнеобрабатывающий центр трипольской культуры

Археологические раскопки второй половины XX в. многочисленных памятников эпохи энеолита (V–IV тыс. до н.э.) в Юго-Восточной Европе принесли огромные материалы, позволяющие по-новому оценить уровень экономического развития и социальной организации земледельческих обществ этой территории. Исследования материалов Триполья показали, что несмотря на появление медных инструментов, кремневые орудия труда не только продолжали широко использовать, но их производство достигло высокого уровня. Во время наивысшего расцвета культуры началось освоение западных регионов Украины, в т.ч. и Волынской возвышенности. Возникновение большинства поселков было связано с разведкой и эксплуатацией древним населением месторождений высококачественного мелового кремня. Вблизи его выходов возникли поселения-мастерские, население которых специализировалось на изготовлении орудий труда, причем технология кремнеобработки этого времени позволяла получать оптимальные по своим техническим параметрам заготовки – крупные правильные пластины. Их фрагменты могли использоваться в качестве разнообразных орудий и вкладышей без дополнительной обработки, но там, где это было необходимо, применялась прекрасная отжимная ретушь.

Одним из значительных центров по обработке кремня на Волыни являлось поселение Бодаки, расположенное на р. Горыни, впадающей в приток Днепра – Припять. Окрестные овраги и русла сухих ручьев буквально усыпаны кремневыми гальками различной формы, величиной до 50 см. В древности кремень добывали как открытым способом, так и в специально выкопанных штольнях. Электромагнитные исследования показали, что в Бодаках на площади 1,5 га находилось около 30 жилищ, располагавшихся двумя более или менее параллельными рядами, промежуток между которыми был мало застроенным. С напольной стороны поселок окружал ров, глубиной и шириной в верхней части около 2 м. Жилища представляли собой полуземлянки и наземные глинобитные постройки с углубленными подвальными помещениями. Сочетание двух типов жилищ является особенностью этого памятника.

В северной части поселения, в большой полуземлянке была раскопана кремнеобрабатывающая мастерская, где находилось 52 крупных нуклеуса и свыше 1500 кремневых предметов. Среди них, помимо отходов кремнеобрабатывающего производства, инструментов, связанных с подготовкой нуклеусов и их расщеплением (отбойников, отжимников-ретушеров), обнаружено большое число готовых, но не использованных в работе орудий: скребков, резцов, сверл. Значительное количество составляли фрагменты крупных пластин, специально расщепленные на отрезки определенной величины (шириной 2,5–3,5 см, длиной 3–5 см). Благодаря своей правильности они могли быть использованы как вкладыши различных орудий. Целых пластин (длиной 15–18 см, шириной 2,5–3,5 см) и изделий из них немного, в частности, обработанный ретушью нож-кинжал длиной 18 см. Большинство нуклеусов не были до конца истощены, но расщепление было остановлено, т.к. их размеры уже не позволяли получать пластины нужной величины. Изготовление подобных пластин требует тщательного соблюдения особой технологии расщепления, начиная от подбора кремневой гальки нужной формы, ее первичной обработки, подготовки ударной площадки, оформления ребер, плоскости скалывания, и заканчивая обработкой нижнего конца. Раскалывание происходило с помощью техники отжима, вероятно, в специальном приспособлении. Многочисленность найденных орудий, отсутствие следов утилизации на многих из них являются указанием на то, что они не предназначались для употребления на поселении, а служили предметом обмена. Интересен факт открытия на полу мастерской подпрямоугольного пятна охры, ограниченного глиняным невысоким бортиком, по четырем углам которого были вбиты нуклеусы. Вероятно, данная находка свидетельствует о существовании производственных культов. Это подтверждается обнаружением на полу одной из полуземлянок крупного камня, напоминающего по форме голову быка, рога которого были имитированы изогнутыми пластинами из клыков кабана. Между ними находились два крупных кремневых скребка без следов использова-

ния. Все эти находки были обильно посыпаны охрой.

Кроме мастерской изготовление пластин производили и на специально устроенных открытых рабочих площадках, одна из которых раскопана.

Трасологические исследования богатейшей коллекции орудий труда, найденных в жилых и хозяйственных помещениях поселения, данные палеоботаники и палеозоологии показывают, что люди, жившие в Бодаках, обеспечивали себя всеми необходимыми бытовыми вещами и продуктами питания. На занятия земледелием указывают находки многочисленных вкладышей серпов, зернотерок, отпечатки соломы в глинобитных конструкциях стен домов, примесь половецкой керамики в керамическом тесте. О наличии животноводства свидетельствуют остеологические материалы. Большинство предметов быта изготавливали в самом поселке. Здесь обнаружены разнообразные инструменты по обработке дерева, рога, кости, выделке шкур и кож. Обнаружение гончарной печи свидетельствует о том, что великолепная по качеству и богатству орнамента посуда производилась на месте. Среди керамики, собранной на поселении, кроме типичной для Триполья расписной столовой и грубой кухонной, встречаются фрагменты посуды, характерные для соседних, расположенных западнее культур – лендельско-полгарского круга,

а также восточных культур ранних скотоводов, распространенных на Левобережье Днепра.

Таким образом, полученные данные позволяют констатировать, что в хозяйстве поселения функционировали все отрасли, характерные для экономики трипольской культуры, но основным занятием населения Бодаков была кремнеобработка. Высокое качество ее продукции, серийность, стандартность форм орудий одного и того же назначения, наличие специализированных мастерских и возникновение самого поселения у мест добычи кремня говорят о выделении мастеров-профессионалов и оформлении кремнеобрабатывающего производства в одну из отраслей первобытного ремесла.

Кремневые изделия из волинского кремня широко употребляли по всей территории Триполья, в ареале Кукутени в Румынии, в люблинско-волинской культуре Польши, памятниках Венгрии, они известны в кладах и в погребальном инвентаре. Феномен возникновения технологии серийного производства макропластин, появление кремнеобрабатывающих производственных центров-мастерских в конце каменного века – начале эпохи ранних металлов на разных территориях Старого Света свидетельствуют о широком распространении достижений первобытной техники, что является одним из ярких проявлений технического прогресса своего времени.

Р.В. Смольянинов, А.А. Свиридов

Городская научная общественная организация «Археолог»; Липецк

А.Н. Бессуднов

Липецкий государственный педагогический университет, Липецк

Памятники эпохи энеолита на Верхнем Дону

Территория Верхнего Дона является частью Донской лесостепи (площадь которой – свыше 120 тыс. км²) с едиными культурно-историческими процессами. К настоящему времени в этом регионе, благодаря работам таких исследователей как В.П. Левенко, М.Е. Фосс, А.Т. Синюк, А.Д. Пряхин, А.Н. Бессуднов, С.Н. Гапачка, И.А. Козмирчук, А.В. Сурков, А.М. Скоробогатов, М.А. Ивашов, Г.Л. Земцов, А.М. Обломский, П.Е. Дубровский, И.Е. Бирюков, А.А. Свиридов, А.А. Ключокот, Р.В. Смольянинов, накоплен большой пласт энеолитических материалов.

На территории Верхнего Дона известно 23 памятника нижнедонской культуры (рис. 1: 1), 20 из них располагаются на пойменных останцах рек, а три – на надпойменных террасах. Одно поселение – на р. Олым, четыре – на р. Битюг (притоки Дона), одно – непосредственно на р. Дон и 18 – на р. Воронеж. Раскопки проводились на одиннадцати памятниках.

По керамике нижнедонской культуры поселения Ксизово 6 получена радиоуглеродная дата 5920±90

ВР (1σ 5260–4990 BC; Ki-13327). Керамика поселения Карамышево 19 дала дату 6170±80 ВР (1σ 5260–4990 BC; 2σ 5310–4900 BC; Ki-16649). Для гребенчато-ямочной посуды поселения Курино 1 известна дата 5225±90 ВР (1σ 4350–3750 BC; Ki-13313), а по керамике нижнедонской культуры этого же памятника – 5170±100 ВР (1σ 4250–3700 BC; Ki-16393), 5860±90 ВР (1σ 4810–4590 BC; 2σ 4940–4490 BC; Ki-16648). Эти два вида керамики образовали смешанный тип посуды. Мы склонны считать, что вышеприведенные датировки указывают на временной интервал, которым датируются на Верхнем Дону керамические комплексы нижнедонской культуры.

Среднеднепровская культура на Верхнем Дону представлена 21 памятником (рис. 1: 2; на Среднем Дону их известно семь). Из них два – на правом берегу р. Дон, один – на левом, остальные 17 – на р. Воронеж (11 на левом и 7 на правом берегу). По топографии большинство памятников (20) занимают пойменные останцы и низкие, пологие террасы. Только поселе-

ние Ксизово 17 расположено на высоком правом берегу р. Дон. Раскопки проводились на 12 стоянках. Все памятники многослойные, зачастую со смешением материалов в наслоениях стоянок – ни на одной из них слой среднестоговской культуры не выделяется четкой прослойкой. При этом есть памятники с мощным культурным слоем. Особенно выделяется многослойное поселение Ксизово 6, где вскрыта площадь 253 кв. м. Здесь среди материалов неолита–раннего железного века, позднеримского времени, 13-ти погребений неолита–бронзы выявлены фрагменты приблизительно от 100 энеолитических сосудов, подавляющая часть которых принадлежит среднестоговской культуре. По керамике поселения Ксизово 6 получена радиоуг-

леродная дата – 5760±90 ВР (1σ 4720–4990 ВС; 2σ 4810–4480 ВС; Ki-16651).

Репинская культура на Верхнем Дону представлена 55 памятниками (рис. 1: 3). 30 из них располагаются на пойменных останцах рек, 13 – на низких надпойменных террасах, 12 – на высоких мысах рек. Четыре поселения находились на р. Матыра (левый приток р. Воронеж), 47 – на р. Воронеж (23 – на правом берегу, 24 – на левом), три – на правом берегу р. Дон, один – на левом. Раскопки проводились на 24 памятниках. На поселении Васильевский Кордон 17 выявлено погребение взрослого мужчины вытянутое на спине, головой на С-СВ. Правая ступня его находилась на левой. Руки лежали вдоль тела. Кисти отсутст-

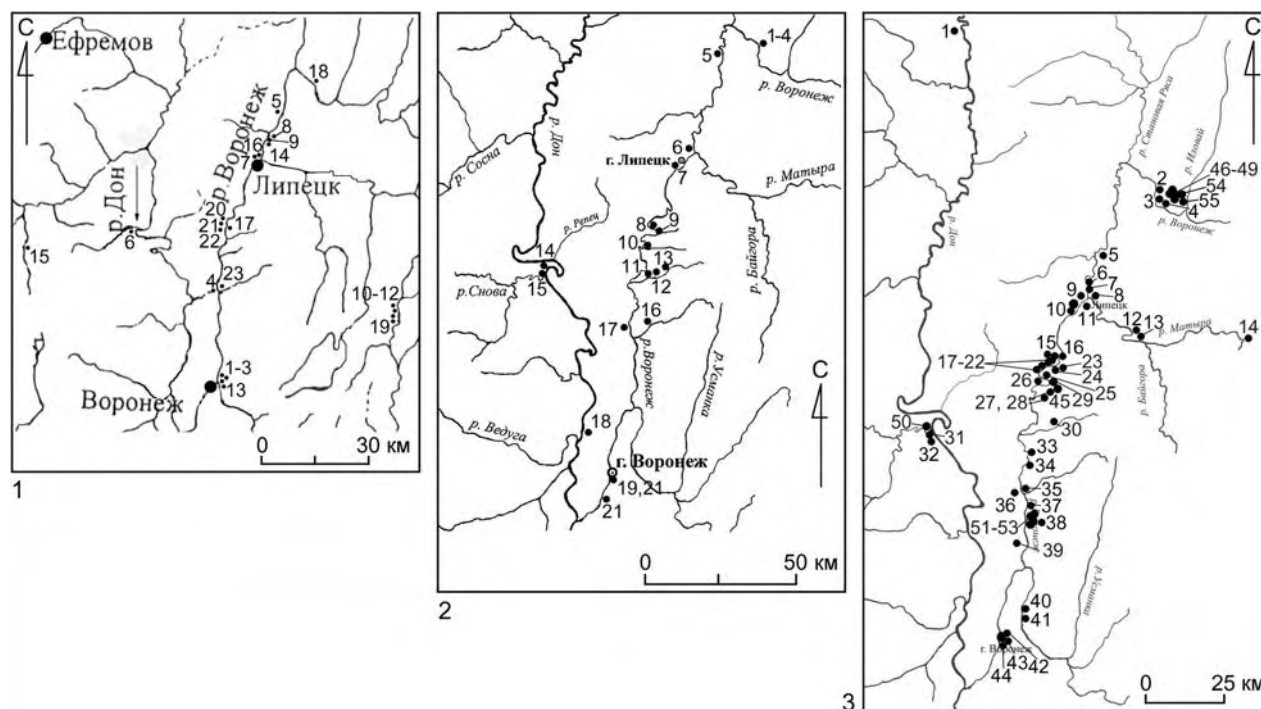

Рис. 1

Энеолитические памятники Верхнего Дона:

- 1 – карта памятников нижнедонской культуры (1 – стоянка Университетская 3; 2 – стоянка Чернавская 3; 3 – стоянка Отрожка; 4 – поселение Курино 1; 5 – стоянка Доброе 1 (пункт 385); 6 – поселение Ксизово 6 (раскоп 1); 7 – поселение Липецкое Озеро; 8 – пункт 380; 9 – пункт 381 (Желтые Пески); 10 – поселение 1 у с. Паршиновка; 11 – поселение 1 в урочище Курган; 12 – поселение 2 в урочище Курган; 13 – стоянка Университетская 1; 14 – пункт 417; 15 – поселение Ивановка (Ожога); 16 – пункт 366, г. Липецк; 17 – поселение 1 у оз. Круглое; 18 – поселение Васильевский Кордон 27; 19 – поселение 1 в урочище Малый Курган; 20 – поселение Карамышево 9; 21 – поселение Карамышево 19; 22 – поселение Карамышево 22; 23 – стоянка Устье реки Излегоши 2);
- 2 – карта памятников среднестоговской культуры (1 – поселение Васильевский Кордон 27; 2 – поселение Васильевский кордон 23; 3 – поселение Васильевский Кордон 7; 4 – поселение Васильевский Кордон 5; 5 – стоянка Доброе 1 (пункт 385); 6 – пункт 366 г. Липецк; 7 – поселение Липецкое Озеро; 8 – поселение Карамышево 9; 9 – поселение Красный Бугор; 10 – поселение 1 у Первомайского Лесничества; 11 – поселение 1 у оз. Долгое; 12 – поселение 2 у затона Могильный; 13 – поселение 6 у оз. Любовицкого; 14 – поселение Ксизово 17; 15 – поселение Ксизово 6; 16 – поселение 1 у с. Савицкое; 17 – поселение Курино 1; 18 – стоянка Ямное; 19 – стоянка Университетская 3; 20 – стоянка Университетская 1; 21 – поселение Шилово 10);
- 3 – карта памятников репинской культуры (1 – стоянка Долгое 1; 2 – поселение Васильевский Кордон 1; 3 – поселение Буховое 8; 4 – поселение Буховое 9; 5 – поселение 9 у с. Головшино; 6 – стоянка Доброе 1 (пункт 385); 7 – поселение пункт 100. С. Селки; 8 – поселение Сокольский Мост 11; 9 – пункт 366 г. Липецк; 10 – поселение Липецкое Озеро; 11 – поселение Казинка 20; 12 – поселение пункт 369; 13 – поселение пункт 222. Ярлуковская Протока; 14 – поселение 3 у с. Шекмань; 15 – городище «Малый Липяг»; 16 – поселение Большой Липяг; 17 – поселение 3 у балки Большой Липяг; 18 – поселение 4 у балки Большой Липяг; 19 – поселение Пады IV; 20 – поселение 2 у с. Троицкое; 21 – поселение 4 у с. Троицкое; 22 – поселение 7 у с. Троицкое; 23 – местонахождение 2 у с. Заречь; 24 – поселение 4 у с. Крутогорье; 25 – поселение Карамышево 1; 26 – поселение 2 у с. Крутогорье; 27 – поселение 2 у оз. Любовицкого; 28 – поселение 2 у Вербилковского Кордона; 29 – поселение Карамышево 9; 30 – поселение 2 у затона Могильный; 31 – поселение Ксизово 8; 32 – поселение Ксизово 6; 33 – поселение 1 у урочища Пристань; 34 – поселение 1 у Первомайского Лесничества; 35 – поселение 1 у с. Савицкое; 36 – поселение Курино 1; 37 – поселение 1 у с. Нелжа; 38 – поселение 1 у с. Беляево; 39 – поселение Староживотинное 3; 40 – поселение Шилово 1; 41 – стоянка Отрожка; 42 – стоянка Университетская 1; 43 – стоянка Университетская 3; 44 – стоянка Северовосточная 1; 45 – поселение Карамышево 19; 46 – поселение Васильевский Кордон 21; 47 – поселение Васильевский Кордон 22; 48 – поселение Васильевский Кордон 25; 49 – поселение Васильевский Кордон 27; 50 – поселение Ксизово 17; 51 – поселение Ивницы; 52 – поселение Ступино; 53 – поселение Ступино 3; 54 – поселению Васильевский Кордон 7; 55 – поселение Подзорово)

вовали. Две пальцевые фаланги находились на тазе погребенного. Нижняя челюсть разрушена, видимо землеройными животными. В районе макушки погребенного лежала медная, округлая в сечении пронизка (длиной 7 мм, диаметром 2 мм). Слева у головы находился кремневый наконечник стрелы с выемкой в основании, а около таза, также слева – кремневый наконечник подромбической формы. У правого локтя обнаружена вбитая в землю крупная кость длиной 12 см. Спра-

ва у черепа находился клык некрупного хищного животного. По кости с этого поселения получены две даты (с большой погрешностью) – 5200±800 BP (1σ 5000–2900 BC; 2σ 5700–1900 BC; Ле-8720) и 4260±200 BP (1σ 3350–2500 BC; 2σ 3500–2200 BC; Ле-8777).

Таким образом, Верхнее Подонье являлось одной из важнейших территорий энеолитического мира, на которой проходило становление и развитие культур этого времени.

Л.А. Соколова

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Новая хронология и изучение окуневской культурной традиции

Трудно переоценить значение абсолютных дат для археологии дописьменного времени. Методика радиоуглеродного датирования в последнее время значительно усовершенствовалась, однако все-таки встречаются ¹⁴C даты, выходящие за рамки достоверности.

Публикация радиоуглеродных дат по культурам бронзового века Минусинской котловины является реальным прорывом в археологии Южной Сибири. Даты по раннему железному веку уже изданы в коллективной монографии «Евразия в скифскую эпоху» (Зайцева и др. 2005), а представительная сводка дат по культурам бронзового века впервые издана в журнале *Radiocarbon* (Vol. 51, No. 1) за 2009 г. Статья подписана международным коллективом авторов: Svetlana V. Svyatko, James P. Mallory, Eileen M. Murphy, Andrey V. Polyakov, Paula J. Reimer, Rick J. Schulting. Публикуется серия ¹⁴C дат по всей колонке археологических культур Минусинской котловины. Датировки окуневской культуры приведены в таблицах 5, 6 и приложении 2 (Svyatko et al., 2009. P. 249, 250 & 267). По мнению авторов, к окуневскому времени относятся 46 дат. Из них одна дата – по кург. Уйбат III, 27 дат – по могильнику Уйбат V (10 – по кург. 1, две – по кург. 2, одна – по кург. 3, 14 дат – по кург. 4). По кург. 1 могильника Верхний Аскиз опубликованы 4 даты, по кург. 2 того же могильника – 3 даты. Могильники на Уйбате, Верхний Аскиз и Окунев Улус раскопаны сравнительно недавно, материалы их опубликованы и проблемы с их интерпретацией минимальны, хотя и не бесспорны. Однако, в таблицы с датами окуневских памятников попали и датировки некоторых других памятников, на культурно-хронологической принадлежности которых следует остановиться подробнее.

Дата по погребению в с. Батени (Ibid. Table 5) сопровождается пояснением, что «данное погребение считалось неолитическим (Грязнов, 1953; Вадецкая, 1986), однако радиоуглеродная дата показывает, что это погребение относится к Окуневской культуре» (Svyatko et al., 2009. P. 250; *перевод с английского*

здесь и далее Л.А. Соколовой). То есть культурная принадлежность памятника переопределяется в соответствии с единственной радиоуглеродной датой.

Далее следуют 3 даты по кургану Окунев Улус: 2 – по мог. 5 и 1 – по мог. 7 (Ibid. Table 5). Этот курган был раскопан С.А. Теплоуховым в 1928 г. и опубликован М.Н. Комаровой без номера (Комарова, 1947). Однако, в таблице 10 (Ibid. P. 253) мы видим 5 дат из кургана Окунев Улус (без номера), но относятся они уже к карасукской культуре: две даты – по мог. 2, две – по мог. 5 и одна – по мог. 12, причем могилы 12 в данном кургане нет. Дату по мог. 1 кургана Окунев Улус (без номера) – 2466-2699 до н.э., мы обнаруживаем в таблице 13 (Ibid. P. 255), где помещены даты сарагашенского этапа тагарской культуры.

В приложении 2 помещена дата с шифром «Черновая, курган 1, могила 1» без номера могильника. Дело в том, что на сегодняшний день существует 11 разновременных могильников на р. Черновая и в каждом из этих могильников есть курган 1, могила 1. Данное обстоятельство заставляет отнести к этой дате как к депаспортизованной, т. е. не отражающей культурный контекст.

Дата с шифром «Карасук III, ограда 7» – 2432-1316 гг. до н.э. в приложении 2 сопровождается замечанием, что «эта дата атрибутирована как афанасьевская, однако ограда, в основном, содержит впускные окуневские могилы (Грязнов, 1999. С. 36-37). Таким образом, дата относится к Окуневской культуре» (Ibid. P. 267. Note e). В публикации М.П. Грязнова действительно указываются два впускных грунтовых погребения в могиле 1, однако культурная принадлежность этих погребений не была установлена. Единственная находка – «костяная пуговица»-ворворка (Грязнов, 1999. Рис. 23, 4) часто встречается в сарагашенских и тесинских погребениях и к окуневскому инвентарю отношения не имеет. В таблице 3 (Svyatko et al., 2009. P. 247) опять повторяется шифр того же погребения – Карасук III, ограда 7, могила 1, скелет 1

с датой 518-386 гг. до н.э., но в этом случае, комплекс признается афанасьевским.

Следующая дата, опубликованная в приложении 2, имеет шифр «Лебяжье, могила 10». Здесь пропущен номер кургана, но ни в одном из окуневских курганов этого могильника нет десяти могил (Максименков, 1981).

Дата с шифром «Пристань I, ограда 6, могила 2» (Svyatko et al., 2009. Appendix 2) вызывает удивление, т. к. в могильнике Пристань I был раскопан только один разрушенный окуневский курган с одной могилой и публиковался он без номера.

В приложении 2 опубликованы 3 даты, полученные из поселений – две даты по углю из све (крепость) Чебаки и одна – по кости из поселения Усть-Киндырла.

Культурный слой све Чебаки характеризуется А.И. Готлибом так: «Обращает на себя внимание перемешанность культурного слоя: каменоложская керамика шла вперемежку с окуневской» (Готлиб, 1997. С. 141). Таким образом, за датами нет четкого культурного контекста и их следует помещать отдельно, т.к. они могут относиться к обеим культурам.

Дата с шифром «Поселение Усть-Киндырла, жилище 1» сопровождается пояснением, из которого следует, что «поселение первоначально датировалось неолитическим временем (Вадецкая, 1986. С. 14); однако, артефакты, полученные на поселении, очень близки к вещам Окуневской культуры. Мы предполагаем, что поселение *может* (?) принадлежать к Окуневской культуре, тем более, что даты близки датам Окуневской культуры» (Svyatko et al., 2009. Note k). В работе Э.Б. Вадецкой указывается: «сборы на дюнах близ д. Усть-Киндырла (Зяблин, 1972 г.)» (Вадецкая, 1986. С. 14), т.е. ни о каком поселении речь не идет. В дневниках Л.П. Зяблина отмечено, что он действительно находил кремь на дюнах. Но поселение, которое он раскопал позже, относилось к карасукской культуре, о чем он и написал в паспорте образца. Дубликат паспорта радиоуглеродного образца Ле-1187 и результат его анализа – 3410 ± 50 BP, находятся в архиве Л.П. Зяблина. Следовательно, и эту дату нельзя признать окуневской.

Таким образом, из 46 заявленных остается 35 дат, достоверно относящихся к окуневскому погребаль-

ному комплексу. Из них дата UBA-7920 (Уйбат V, курган 3, скелет 1) – 2740 ± 26 BP (968-821 гг. до н.э.) явно выбивается из периода достоверности для окуневских дат и высказывается предположение, что она относится к карасукской или тагарской культуре (Svyatko et al., 2009. P. 248). Это погребение подростка без инвентаря в скорченной позе, на спине (Лазаретов, 1995: 26). Однако ни в карасукское, ни в подгорновское время скорченно уже не хоронили, этот обряд возрождается только в тесинское время, на 7-8 веков позже. Так что данная дата не является основанием для пересмотра культурной атрибуции погребения.

Другая дата, UBA-7907 (Верхний Аскиз I, кург. 1, мог. 18) – 2609 ± 29 BP (825-676 гг. до н.э.) комментируется как впускное тагарское захоронение. Однако, могила 1 из кургана 1 могильника Верхний Аскиз (Хаврин, 1997. С. 70) описывается, как непо потревоженное погребение женщины старше 55 л., совершенное в каменном ящике и перекрытое плитой с изображениями.

В таких случаях надо признать, что дата по каким-то причинам не получилась. Тем более, что один датированный образец из комплекса не может являться основанием пересмотра культурно-исторического контекста. Реально комплекс можно датировать только по нескольким образцам, что позволяет выделить период достоверности и отбросить т. н. аутлейеры – даты, выбивающиеся из контекста.

В последнее время появились статьи, где по результатам ^{14}C датирования представлены только выводы, без указания памятников, т.е. читателям предлагается верить на слово в полученные даты и правомерность выводов авторов (Поляков, 2010; Святко, Поляков, 2009). На основании ^{14}C дат утверждается, что афанасьевская и окуневская культуры не имеют периода сосуществования и последовательно сменяют друг друга. При этом игнорируются памятники, в которых афанасьевские и окуневские артефакты находятся в одних могилах *in situ*, а также целый пласт гибридных памятников со смешанными признаками (Соколова, 2008).

Радиоуглеродное датирование окуневских памятников делает только первые шаги и досадно, что кроме ошибок при самом радиоуглеродном определении, в публикациях имеются ошибки интерпретации.

Вадецкая Э.Б., 1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.
 Готлиб А.И., 1997. Горные архитектурно-фортификационные сооружения окуневской эпохи в Хакасии // Окуневский сборник. СПб.
 Грязнов М.П., 1999. Афанасьевская культура на Енисее. СПб.
 Зайцева Г.И., Боковенко Н.А., Алексеев А.Ю., Чугунов К.В., Скотт Е.М., 2005. Евразия в скифскую эпоху. СПб.
 Комарова М.Н., 1947. Погребения Окунева Улуса // СА. Вып. IX.
 Лазаретов И.П., 1997. Проблемы изучения окуневской культуры (в историографическом аспекте) // Окуневский сборник. СПб.
 Максименков Г.А., 1981. Могильник окуневской культуры у с. Лебяжье // Проблемы Западносибирской археологии. Новосибирск.

Поляков А.В., 2010. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул.
 Святко С.В., Поляков А.В., 2009. Новые радиоуглеродные даты памятников эпохи бронзы-начала железного века Среднего Енисея // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Барнаул.
 Соколова Л.А., 2008. Сосуществование окуневского и афанасьевского комплексов // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Суздаль, 2008.
 Хаврин С.В., 1997. Могильник Верхний Аскиз, курган 1 // Окуневский сборник. СПб.
 Svyatko S.V., Mallory J.P., Murphy E.M., Polyakov A.V., Reimer P.J., Schulting R.J., 2009. New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk basin, Southern Siberia, Russia // Radiocarbon. Vol. 51. No. 1.

К вопросу о хронологии памятников алексеевского типа

Памятники алексеевского типа были выделены И.Б. Васильевым по материалам сборов с Алексеевской стоянки, разрушенной Саратовским водохранилищем. К этому же типу были отнесены поселения Латошинка, Царица 1, Кошалак, Шонай, Исекей, урочище Мартышкино и Алтата. Своеобразие данного комплекса материалов, по мнению И.Б. Васильева (1981. С. 46–50), заключалось в том, что они впитали в себя черты, характерные как для среднестоговской керамики (сосуды с раструбовидным горлом и желобком на внутренней стороне венчика, примесь раковины, расчески, гусеничный и шнуровой орнамент), так и для керамики волосовской культуры (грибовидные и загнутые вовнутрь венчики, орнаментация чередующимися оттисками длинного и короткого штампа).

Хронология памятников алексеевского типа была определена И.Б. Васильевым как промежуточная между Хвалынским могильником и поселением Репин Хутор, что, по его мнению, соответствовало позднему энеолиту. Подобные выводы с одной стороны, базировались на наличии в алексеевской керамике ряда признаков, характерных для культур волосовско-гаринского круга, с другой – на использовании веревочных отпечатков в орнаментации посуды, что позволило синхронизировать ее со шнуровым (предрепинским) этапом развития среднестоговских древностей (Васильев, 1981. С. 48).

В настоящее время подобная аргументация не может быть принята. Для развития культур лесной зоны характерно определенное запаздывание в сравнении с культурами степной и лесостепной полосы. Поэтому поздний энеолит лесной зоны соответствует раннему бронзовому веку юга, что находит подтверждение в ряде радиоуглеродных датировок. Не может служить для территории Поволжья строгим хронологическим репером и использование шнурового орнамента, который появляется здесь уже на памятниках с «воротничковой» и хвалынской керамикой (Ставицкий, 2006).

При выделении алексеевского типа памятников И.Б. Васильевым было отмечено, что в позднем энеолите лесостепное Правобережье Волги попадает в зону влияния среднестоговских племен. В результате здесь происходит сложение традиций изготовления сосудов, содержащих в тесте примесь раковины, имеющих раструбовидное горло, желобчатые венчики, расчески на внутренних стенках, украшенных гусеничным и шнуровым орнаментом. Датировка подобных процессов поздним энеолитом противоречила

периодизации И.Б. Васильева, по которой среднестоговские памятники были отнесены к средней ступени энеолита. Но данное противоречие было проигнорировано, поскольку иначе нельзя было объяснить наличия в алексеевской керамике позднеэнеолитического волосовско-турбинского влияния, к проявлениям которого были отнесены грибовидные и загнутые внутрь венчики, а также орнаментация чередующимися оттисками длинного и короткого штампов (Васильев, 1981. С. 46–48). Видимо, именно эта хронологическая нестыковка побудила И.Б. Васильева в другой статье допустить диаметрально противоположную возможность появления подобных венчиков у волосовско-турбинской керамики в результате влияния южных культур (Васильев, Габяшев, 1982. С. 9).

Поднимая вопрос об истоках указанных традиций, необходимо отметить, что они отнюдь не относятся к разряду сложных признаков, появление которых могло произойти только в результате заимствования. Подобные формы венчиков характерны для целого ряда культур от эпохи энеолита до позднего средневековья. Первоначальное утолщение венчика происходило при орнаментации его среза преднамеренно и, видимо, только потом венчикам стали специально придавать Т-образную форму. Появление же Г-образности на керамике Алексеевской стоянки явилось результатом желобчатости венчиков, поскольку на некоторых сосудах очень хорошо видно, что подобные очертания венчик получал в результате формирования внутреннего желобка. Причем подобный переход от желобчатости к Г-образности можно наблюдать и на более ранней «воротничковой» керамике 3-й Лебяжинской стоянки (Овчинникова, 1995).

К разряду элементарных относятся и мотивы орнамента из горизонтальных рядов наклонно поставленных оттисков длинного зубчатого штампа. Они характерны не только для лесных культур, но и для азово-днепровской керамики раннего периода и «воротничковой» керамики Среднего Дона (Васильев, Синюк, 1985). Присутствуют подобные мотивы и на среднестоговской посуде (Синюк, Пряхин, 1980).

Не фиксируются волосовские заимствования в каменном и костяном инвентаре Алексеевской стоянки, который находит ближайшие аналогии в материалах среднестоговских памятников (Васильев, 1981. С. 47). Причем высокий уровень пластичности каменного инвентаря свидетельствует, что материалы Алексеевской стоянки иллюстрируют наиболее ранний этап развития древностей данного типа.

Ряд параллелей в керамике раннешнуровых памятников среднестоговской культуры имеет и посуда Алексеевской стоянки. При этом начальный этап развития репинской культуры датируется И.Б. Васильевым и

А.Т. Синюком концом IV–началом III тыс. до н. э. (Васильев, Синюк 1985. С. 59). В близкие хронологические рамки должно укладываться и существование памятников алексеевского типа.

Васильев И.Б., 1981. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев.

Васильев И.Б., Габышев Р.С., 1982. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев.

Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев.

Овчинникова Н.В., 1995. Лебяжинка 3 – поселение эпохи энеолита в лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара.

Пряхин А.Д., Синюк А.Т., 1980. Новые материалы по неолиту и энеолиту Среднего Дона с Шиловского поселения // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев.

Ставицкий В.В., 2006. Неолит, энеолит и ранний бронзовый век Сурско-Окского междуречья и Верхнего Прихоперья: динамика взаимодействия культур севера и юга лесостепной зоне: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск.

Н.Ф. Степанова

Алтайский государственный университет, Барнаул

Эпоха бронзы горного Алтая: современное состояние изучения¹

Эпоха бронзы Горного Алтая остается одной из наиболее слабо изученных. До середины 1970-х гг. к этому периоду относили только памятники афанасьевской культуры (рис. 1: 1–9). К настоящему времени выявлены объекты каракольской (рис. 1: 17), елунинской культур, куротинского (рис. 1: 10–16), улигинского (рис. 1: 18, 19), арагольского типов, а также наскальные рисунки, ряд поселений и погребений, культурная принадлежность которых не определена (Молодин, 2002; Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая, 2006; Степанова, 2009а). Большая часть памятников датирована ранней бронзой, к поздней бронзе относятся только случайные находки. В связи с открытием новых культур возникла необходимость решения вопросов их хронологии, происхождения и контактов населения.

Афанасьевская культура датирована на основании радиоуглеродных дат, которые имеют разброс до 1750 лет. Анализ дат позволил сократить разрыв до 1300 лет (Поляков, 2010). Однако изучение археологических материалов показывает, что хронологические рамки культуры не могут превышать нескольких столетий, а верхняя граница определяется второй половиной III тыс. до н.э. (Эпоха энеолита..., 2006. С. 114, 135; Степанова, 2009б; Афанасьевский сборник, 2010. С. 177–187). Датировка культуры может быть определена III тыс. до н.э., но в дальнейшем необходимо ее уточнение. По поводу происхождения культуры существует несколько гипотез, которые предполагают ее автохтонный или миграционный ха-

рактер. Предположение о миграции афанасьевцев в Горный Алтай выглядит обоснованным, но дискуссионными остаются вопросы о роли местного компонента в сложении культуры и территории, с которой произошла миграция.

Куротинский тип погребений объединяет куротинские и афанасьевско-куротинские захоронения. Эта группа памятников отражает процесс смешения населения с разными культурными и этнографическими традициями, что наглядно проявляется, напр., в керамике. Известна одна радиоуглеродная дата, не противоречащая археологическим наблюдениям (Афанасьевский сборник, 2010. С. 176).

Каракольская культура, по-видимому, сменяет афанасьевскую. Памятники этих культур различаются по всем признакам. Для определения датировки нет надежных источников. Между радиоуглеродными датами имеется большой разрыв и они не могут служить критериями для выявления хронологических границ культуры.

Улигинские погребения имеют сходство с каракольскими по отдельным признакам (положение погребенного). Датировка захоронений основана на относительных аналогиях и, в частности, на расположении могил на Улите, по которым очевидно, что ограда возводилась для двух погребений – афанасьевского и улигинского.

В настоящее время сложно сказать, как соотносятся между собой каракольские, куротинские и улигинские памятники. Пока невозможно установить

¹ Работы выполнены в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Эпоха бронзы и ранний железный век Саяно-Алтая. Хронология и культурная принадлежность погребальных и поселенческих комплексов».

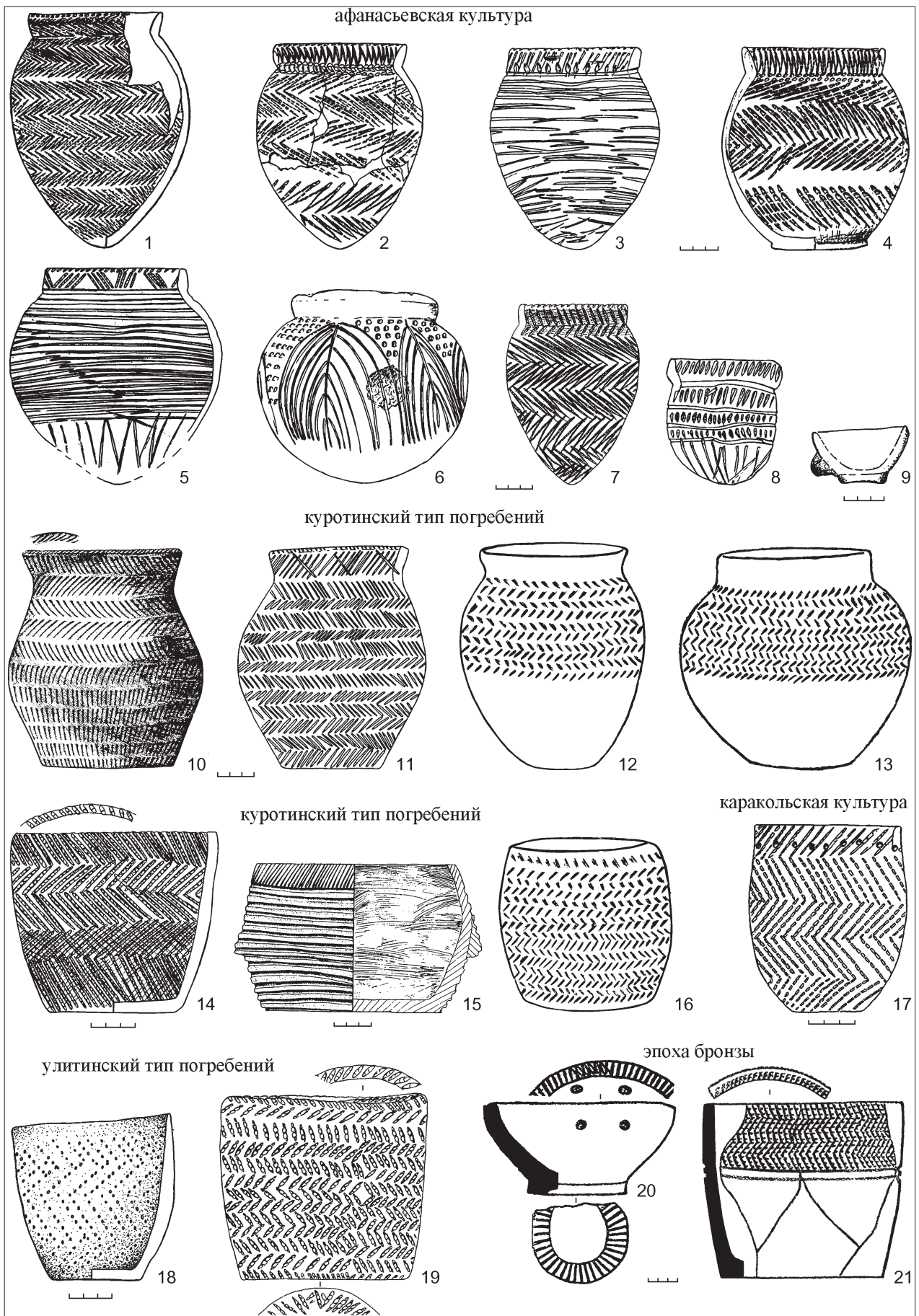

Рис. 1

Горный Алтай, керамика из погребений афанасьевской культуры (1-9), курортинского типа (10-16), 17 - каракольской культуры, 18, 19 - улитинского типа, разрушенного захоронения эпохи бронзы (20, 21)

было ли население, изготавливавшее сосуды баночной формы, найденные в улитинских и куротинских погребениях, на поселениях в разных районах Горного Алтая, единым в культурном и этническом отношении, можно ли баночную посуду относить к каракольской культуре. Керамика различается по орнаменту, технологии изготовления и другим признакам (рис. 1). Особенность изготовления керамики эпохи бронзы состоит в добавлении шерсти или волоса животных в формовочные массы многих сосудов (Степанова, 2010). Эта примесь выявлена и в неолитической керамике, но отсутствует в афанасьевской, что позволяет предположить, что между населением эпохи неолита и бронзы существовала преемственность культурных традиций. Возможность генетической преемственности между населением эпохи неолита и каракольской культуры просматривается и на антропологических материалах (Чикишева, 2000; Тур, Солодовников, 2005). Взаимодействие мигрантного (афанасьевского) и автохтонного населения было отмечено на

основании анализа палеоантропологического материала афанасьевской культуры (Афанасьевский сборник, 2010. С. 259–273).

Подводя итог, отметим, что полученные данные подтверждают, что в эпоху ранней и развитой бронзы население Горного Алтая было представлено группами, которые имели разное происхождение и культуру, различались между собой по антропологическим характеристикам и другим показателям, на каком-то отрезке времени сосуществовали и, вероятно, вступали в брачные отношения, что нашло отражение, напр., в памятниках афанасьевко-куротинского типа и афанасьевской керамике с елунинскими традициями орнаментации. Вероятно, часть населения проживала на этой территории с неолита и в какой-то мере сохранила свою культуру на протяжении длительного времени, другая часть была пришлой и приспособилась к местным условиям. Исторические судьбы населения остаются неизвестными.

Афанасьевский сборник. 2010. Барнаул.

Молодин В.И., 2002. Горный Алтай в эпоху бронзы // История республики Алтай. Т. 1. Древность и средневековье. Горно-Алтайск.

Поляков А.В., 2010. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул.

Степанова Н.Ф., 2009а. Погребения куротинского типа эпохи бронзы в Горном Алтае // ПАЭАС. Т. XV.

Степанова Н.Ф., 2009б. Проблемы абсолютной и относительной хронологии памятников афанасьевской археологической культуры Горного Алтая // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Барнаул.

Степанова Н.Ф., 2010. Особенности исходного сырья и формовочных масс керамики эпохи неолита и бронзы Горного Алтая и его северных предгорий // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М.

Тур С.С., Солодовников К.Н., 2005. Новые краниологические материалы из погребений каракольской культуры эпохи бронзы Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск.

Чикишева Т.А., 2000. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита–бронзы // АЭАЕ. № 1. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. 2006. Ч. 1. Барнаул.

В.В. Ткачев

Орский гуманитарно-технологический институт, Орск

Особенности бытовой и погребальной архитектуры позднего бронзового века в Уральско-Мугоджарском регионе

С момента выделения ямной культуры, с которой увязывается возникновение курганной традиции в степях Восточной Европы, надмогильные сооружения в некрополях скотоводческого населения эпохи палеометалла воспринимаются как грунтовые насыпи над могилами. Такая интерпретация погребальных конструкций обрела статус хрестоматийной, войдя в словари и учебники по археологии. Не менее устойчивыми являются характеристики, которые нередко априори даются жилищным и хозяйственным конструкциям на поселениях бронзового века. Обычно они предстают как землянки, полуземлянки или наземные сооружения с каркасно-засыпными стенами, двух-

скатными или односкатными крышами и входами-тамбурами в торцевой части построек. Соответственно воспринимается и характер культурного слоя на поселениях, формирование которого связано с руинированием такого рода конструкций. Между тем в различных природно-климатических условиях формировались альтернативные модели адаптации, предполагавшие выработку наиболее рациональных локальных систем хозяйствования, в рамках которых в числе прочих вырабатывались особые стандарты поселенческой и погребальной архитектуры.

В южных отрогах Уральских гор в эпоху поздней бронзы сложилась особая хозяйственно-культурная

Рис. 1

Бытовая и погребальная архитектура Уральско-Мугоджарского региона: 1, 2 – участок саманной кладки в кургане 1 могильника Ушкаттинский I (поздний бронзовый век); 3, 4 – разрушающиеся казахские саманные мазары в некрополе Шудабай (этнографическая современность); 5, 6 – руины саманных хозяйственных построек на каменном фундаменте казахского аула на р. Кайракты в Центральных Мугоджарах (этнографическая современность); 7, 8 – фрагменты саманных построек на поселении Ишкиновка в отрогах Губерлинских гор (поздний бронзовый век)

система, организованная по сегментарному принципу. В качестве ее основных структурных компонентов выступали компактные группы археологических памятников различного характера (поселения, местонахождения, могильники, культовые объекты), демонстрирующие тесную связь с медными рудниками. Эти объекты создают археологические микрорайоны, приуроченные к горным выработкам и в значительной мере ориентирующиеся на потребности горно-металлургического производства. По всей видимости, это обстоятельство и определило специфику памятников кожумбердынской культурной группы на западной части андроновской культурно-исторической общности (Ткачев, 2010; 2011). В административном плане эта территория охватывает восточные районы Оренбургской обл. РФ и Актыобинской обл. РК. С физико-географической точки зрения она представляет собой обособленный регион, в целом соответствующий границам Уральско-Мугоджарской низкогорной провинции, а в ландшафтном отношении относится к подзоне южной степи.

Слабая обеспеченность гидроресурсами, экстремальный температурно-влажностный режим, отсутствие на большей части указанной территории древесной растительности, в т. ч. колков и пойменных лесов, предопределили использование альтернативных строительных материалов и приемов, что отчетливо демонстрируют поселенческие структуры и погребальные конструкции этого времени. Материалы кожумбердынских поселений и могильников показывают, что в качестве основного строительного материала для сооружения построек использовались глинобитные блоки (саман). В отдельных случаях прочность конструкций на поселениях – укрепление основания стен жилищ, хозяйственных и производственных построек – обеспечивали вертикально вкопанные каменные плиты. Иногда камень присутствует в фундаментах строений. Эти же приемы характерны для погребальных конструкций, наиболее монументальные из которых удерживали от разрушения каменные кромлехи из вкопанных на ребро плоских плит или ограды из рваного камня. Существовали и другие, более легкие конструкции, принцип сооружения которых предполагал использование глиняной обмазки органической основы.

- Зданович Г.Б., 1989. Феномен протоцивилизации бронзового века Урало-Казахстанских степей. Культурная и социально-экономическая обусловленность // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.
- Пьянков И.В., 2010. Аркаим и индоиранская вара // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала: к 70-летию Г.Б. Здановича. Ч. 1. Челябинск.

Археологические данные подтверждаются палеопочвенными и палинологическими исследованиями культурных напластований на поселениях, которые документируют присутствие органических растворов, типичных для состава саманных блоков с привнесенными споро-пыльцевыми комплексами, что обусловлено использованием навоза животных в условиях отгонного скотоводства. Результаты естественнонаучных анализов хорошо согласуются со сведениями, полученными в ходе исследования памятников других исторических периодов. Так, использование сырцовых кирпичей зафиксировано в ходе исследования поселения Аркаим (Зданович, 1989. С. 183) и курганов эпохи ранних кочевников в Южном Приуралье (Сдыков и др., 2003. С. 64–66). Примечательно, что в случае использования камня для строительства монументальных усыпальниц раннего железного века, напр., в Восточном Прикаспии, мы наблюдаем полное тождество архитектурных особенностей сырцовых и каменных погребальных сооружений (Самашев и др., 2007. С. 218–223).

Дополнительным аргументом в пользу предложенной трактовки выступают лингвистические источники. В частности, сопоставляя конструктивные детали авестийской вары и укрепленного поселения Аркаим, И.В. Пьянков со ссылкой на Э. Херцфельда указывает, что, согласно Видевдату, Йима строил вару из увлажненной земли (*zemo*), которую он «топтал пятками и мял руками» (Пьянков, 2010. С. 58–59). И, наконец, следует отметить, что относящиеся к этнографической современности многочисленные в этом районе казахские саманные погребальные сооружения типа мазаров и саганатамов, а также хозяйственные и жилые постройки на площади аулов демонстрируют аналогичные приемы строительства и характер руинирования (рис. 1).

Таким образом, комплекс археологических, естественнонаучных, лингвистических и этнографических данных позволяет выделить в среде населения эпохи поздней бронзы, оставившего памятники кожумбердынского типа в Уральско-Мугоджарском регионе, самобытную архитектурную традицию, обусловленную особенностями экологической ниши, занятой этой культурной группой.

- Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А., 2007. Сокровища Устюрта и Манкыстау. Алматы.
- Сдыков М.Н., Гуцалов С. Ю., Бисембаев А.А., 2003. Сокровища скифов Западного Казахстана. Уральск.
- Ткачев В.В., 2010. Горное дело и металлургия меди в Уральско-Мугоджарском регионе в позднем бронзовом веке // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 12 (34). № 2.
- Ткачев В.В., 2011. Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр эпохи поздней бронзы // РА. № 2.

В.А. Трифонов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Происхождение керамического комплекса «дольменной» культуры эпохи бронзы

Введение

Выделение «дольменной» культуры никогда не было обосновано согласно строгим канонам археологической классификации, т. к. долгое время это считалось очевидным и не требующим дополнительной аргументации. Понятие вошло в широкое научное употребление в начале 1970-х гг. благодаря работам В.И. Марковина, который точности термина большого внимания не придавал и в равном значении пользовался определениями «дольменная культура», «культура дольменов» или «культура строителей дольменов». На примере керамики из дольменов и Дегуакско-Даховского поселения в Адыгее он продемонстрировал достаточное территориальное, типологическое и хронологическое единство погребальных и «бытовых» памятников, чтобы признать в них единую культуру (Марковин, 1978).

За двадцать лет до этого попытка выделения «южнодольменной» культуры в Причерноморье была предпринята Л.Н. Соловьевым, отметившим сходство между керамикой из дольменов в Абхазии и с приморского поселения Очамчире (Соловьев, 1950).

Дать детальную культурно-хронологическую характеристику «дольменной» культуры ни В.И. Марковину, ни Л.Н. Соловьеву не удалось из-за отсутствия опорных региональных периодизаций, незначительности стратиграфических наблюдений на поселениях, и чрезмерно фрагментированного состояния материалов из дольменов, найденных, как правило, в условиях, не соответствующих критериям «закрытого» комплекса.

Значительным вкладом в изучение керамического комплекса «дольменной» культуры стали исследования М.Б. Рысина, в основу которых легли материалы из раскопок поселения Старчики (Рысин, 1992). Впервые на массовом материале из стратифицированного поселения были не только детально описаны технологические и типологические особенности керамики «культуры строителей дольменов», но и выделены этапы в развитии оригинального керамического комплекса (там же).

Сегодня можно утверждать, что область распространения памятников этого культурного круга охватывает оба склона западной части Большого Кавказского хребта: от Новороссийска до р. Лаба – на северном склоне, и до Кодорского ущелья – на южном.

Естественно, что на такой обширной территории со временем неизбежно должны возникнуть региона-

льные и хронологические варианты, в разной степени сохраняющие атрибуты изначальной традиции.

Проблема происхождения «дольменной» керамики

В кавказской археологии исторически сложилось два основных подхода к оценке своеобразия «дольменной» керамики. В рамках одного из них формирование керамического комплекса принято рассматривать в тесной связи с вопросом происхождения кавказских дольменов; при другом подходе предпочтение отдают независимому анализу основных компонентов культурного комплекса. На практике, каким бы не был подход, главным объектом и мотивом исследования всегда оставались дольмены, тайна происхождения которых, как кажется многим, скрывает ответы на вопросы, далеко выходящие за рамки региональной археологии и археологии вообще (происхождение народов и языков).

В зависимости от характера гипотезы о происхождении дольменов на Западном Кавказе, роль керамики в ее обосновании радикально менялась даже у сторонников дальних миграций. Контакты морем всегда рассматривались как более правдоподобное объяснение выборочности культурных заимствований, чем их сухопутный транзит, но для объяснения разнообразия культуры западнокавказских мегалитов понадобилось сочетание «сухопутных» миграций из Центральной Европы с морскими вояжами по Черному и Средиземному морям (Резепкин, 1988). И если в реконструкции морских походов с Пиренеев на Кавказ роль керамики минимизирована или даже не принимается в расчет (Марковин, 1978; Резепкин, 1988), то сухопутным маршрутом из Европы на Кавказ попали, по мнению А.Д. Резепкина, не только дериваты гробниц, но и образцы керамики культуры воронковидных кубков. Роль трансконтинентального коридора, по его мнению, играл «блок культур с чернолощеной керамикой», в которую, кроме воронковидных кубков и новосвободненской группы, входили памятники нижнемихайловского типа в Поднепровье (Резепкин, 1991). Однако, переоценка элементов сходства европейских гробниц с кавказскими и отсутствие у нижнемихайловской керамики признаков родства с «воронковидниками», лишают «блоковую» гипотезу каких-либо преимуществ перед обычными миграционными.

Предложенная М.Б. Рысиным концепция формирования «дольменного» керамического комплекса,

в равной мере учитывающая предшествующий местный компонент, влияния и заимствования, является сегодня наиболее проработанной, но чтобы ее принять, нужно согласиться с определением трех основных компонентов в сложении комплекса: новосвободненским, энеолитическим и малоазийско-эгейским (Рысин, 1997).

Новосвободненский вклад не может быть значительным из-за территориальной узости и периферийности самого феномена относительно ареала дольменов, а также небольшого типологического репертуара посуды. Энеолитический компонент теоретически мог бы оказаться существенным, т. к. памятники типа Дарквети-Мешоко занимали практически ту же территорию, что и дольмены, но фактически следов традиции неорнаментированной круглодонной посуды в дольменной керамике нет. Наконец, прототипы большинства наиболее характерных форм и орнаментов дольменной керамики, по мнению М.Б. Рысина, «обнаруживают истоки» в малоазийско-эгейском регионе, а вовсе не пределах «блока культур склеповых погребений», как можно было бы ожидать из его теоретических установок. Парадоксальным образом оказывается, что два из трех компонентов дольменного керамического комплекса не могут претендовать на роль основных, а третий – определяющий «лицо» культуры – по своему составу и происхождению состоит из фрагментов керамических комплексов различных и далеких от Кавказа культур западной части Малой Азии и Балкан. Выходит, что на Кавказе «дольменный» керамический комплекс является почти культурным изолятом, формирование которого не может объяснить даже «активизация обмена и торговли» и создание «протяженных сетей коммуникаций» (Там же).

Вероятно, сверхдальние заимствования в принципе не могут быть основой формирования такого консервативного элемента культуры, как лепная керамическая традиция. На ранней стадии культуризации для нее характерны, скорее, обширные ареалы, чем разрозненные культурные анклавы. Именно поэтому, в анализе формирования «дольменной» керамической традиции приоритетным должен быть региональный подход, в первую очередь, в пределах Западного Кавказа.

Восточно-Причерноморская культурная провинция

Джибладзе Л., 2007. Поселения Колхидской низменности III–II тыс. до н.э. Тбилиси.

Марковин В.И., 1978. Дольмены Западного Кавказа. М.

Резепкин А.Д., 1988. Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Резепкин А.Д., 1991. Курган 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л.

На мой взгляд, главной причиной считать «дольменный» керамический комплекс почти местным по происхождению является факт присутствия основных типов керамики приморских поселений Абхазии и Колхиды не только в дольменах Причерноморья, но и на памятниках северного склона Главного Кавказского хребта. Фактически, керамика приморских поселений (Джибладзе, 2007) является прототипом почти для всех ведущих типов посуды «дольменной» культуры, в т.ч. и с эталонных памятников типа Старчики.

Можно предположить, что комплекс «дольменной» керамики формировался под прямым влиянием очамчирской/протоколхской культуры и по существу был процессом развития одной керамической традиции в разных географических и исторических условиях, но в пределах единой восточно-причерноморской культурной провинции. В III тыс. до н.э. в горной части Западного Кавказа в эту провинцию входят памятники типа Старчики (старчиковская культура), в приморской Абхазии – памятники типа Очамчире (очамчирская культура), а в Колхиде – памятники типа Пичори, которые, для нейтрализации этнического подтекста, можно было бы назвать «пичорской культурой» вместо многоэтапной «протоколхской» или «колхидской».

Вероятнее всего, границы этой провинции простирались вдоль Черноморского побережья за пределы Колхидской низменности и Грузии в Трапезунд, который в эту эпоху пока остается белым пятном.

Возможно, что одним из результатов расширения границ восточно-причерноморской культурной провинции на север и ее контактов с майкопской культурой стало формирование новосвободненского феномена и появление на Западном Кавказе первых каменных дольменообразных гробниц.

Восточно-причерноморская культурная провинция была благоприятной средой для циркуляции культурных стандартов на значительные расстояния не только в III, но и во II, и, вероятно, начале I тыс. до н.э., оставаясь при этом зоной преобладания внутренних связей над внешними и доминирования автохтонных элементов. Можно предположить, что продуктом этой среды был не только керамический комплекс, но и другие традиции культурно-хозяйственного уклада «дольменной» культуры.

Рысин М.Б., 1992. Закубанье в эпоху средней бронзы (по материалам поселений предгорной зоны): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Рысин М.Б., 1997. Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла. СПб.

Соловьев Л.Н., 1950. Археологические раскопки близ Очамчиры в Абхазии // СА. Вып. IV.

М.А. Турецкий

Поволжский филиал Института российской истории РАН, Самара

Н.В. Рослякова

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара

Роль и место животных в погребальном обряде населения ямной культуры Самарского Поволжья и Оренбуржья

Изучение погребальных памятников имеет особое значение для реконструкции погребальной обрядности, которая является частью религиозно-мифологической и социальной системы древних обществ, связанных со скотоводческим типом хозяйствования. Использование животных было неотъемлемой частью обрядов, в т. ч. и погребальных, у древнего населения Восточной Европы вплоть до эпохи средневековья, поэтому остатки животных в погребальных комплексах являются важным археологическим источником для реконструкции обрядовых действий.

Погребальные памятники являются одним из основных, а иногда и единственным археологическим источником для изучения древних культур степного пояса Восточной Европы. Отсутствие поселенческих памятников ямной культуры вынуждало исследователей рассматривать данные по костным остаткам из погребальных комплексов как источник для выводов о роли животных в хозяйственной деятельности населения. Однако привлечение этих данных для выводов о той или иной хозяйственно-экономической модели не является вполне корректным. Объективную картину по видовому составу стада дают остатки животных из культурных слоев поселений. Погребальные комплексы с костями животных отражают, прежде всего, культовые характеристики погребального обряда конкретного древнего общества, а во вторую очередь – наличие данных животных в хозяйстве древнего населения. В исследованиях по ямной культуре, однако, этот существенный фактор не всегда учитывался.

В работах 1970–1980-х гг. признание у ямных племен наличия скотоводческого типа хозяйства в его кочевых или полукочевых формах приводило к фактическому игнорированию данной методологической проблемы. Н.Я. Мерперт, впрочем, отмечал в этой связи правоту высказываний А.П. Круглова и Г.В. Подгаецкого (Круглов, Подгаецкий, 1935. С. 95) о том, что «отсутствие костей определенных животных в погребениях объясняется не подлинной ролью их в хозяйстве, а ...характером культовых представлений древнего человека» (Мерперт, 1974. С. 102). В.П. Шилов однозначно считал, что «процентное соотношение костей до-

машних и диких животных... в погребениях, безусловно, отражает основные направления хозяйственной деятельности как племен ямной культуры Нижнего Поволжья, так и последующих» (Шилов, 1975. С. 65). Е.В. Яровой, рассматривая случаи обнаружения костей домашних животных в погребениях ямной культуры юго-западного варианта, делал вывод о кочевом характере скотоводства (Яровой, 1985. С. 112). В исследованиях последних десятилетий по ямной проблематике выводы, сделанные на основе обнаруженных в погребениях костей животных уже не так однозначны (Моргунова, Кравцов, 1994. С. 91; Иванова, 2001. С. 121–122; Шишлина, 2007. С. 312). Этому способствуют новые методические подходы специалистов-археozoологов к решению проблемы реконструкции особенностей скотоводства Восточной Европы в эпоху бронзы (Антипина, 1997. С. 20–30; Косинцев, Рослякова, 2000. С. 302–307, Косинцев, 2001. С. 363–367).

В последние десятилетия на территории Самарского Поволжья и в Оренбуржье был исследован ряд погребальных комплексов ямной культуры с костями животных. Количество этих комплексов незначительно по сравнению с материалами погребальных памятников Нижнего Поволжья.

Тем не менее, анализ материалов остеологических коллекций по современным археozoологическим методикам дает возможность выделить четыре категории остеологических комплексов:

- жертвенные комплексы, включающие в себя остатки не мясных частей туш животных, прежде всего, нижние челюсти (с/х им. Свердлова, к. 0, п. 3; Трудовой II, к. 5, п. 1; Мустаево V, к. 1, насыпь; Скворцовка, к. 7, п. 1);
- поминальная и/или напутственная пища, представленная остатками мясных частей туш животных: ребрами, позвонками, тазовыми костями, проксимальными частями конечностей (Бобровка I, к. 1, насыпь и п. 1; Грачевка II, к. 5, п. 1; Николаевка III, к. 2, п. 1);
- символы животных, к которым отнесены отдельные кости из не мясных частей туш, напр., зубы: (Полудни II, к. 3, насыпь; Мустаево V, к. 12, насыпь);

– инвентарь, представленный астрагалами на дне погребений, положенными в погребения в качестве личных вещей погребенного (Скворцовка, к. 6, п. 1; Светлое Озеро, к. 1, п. 1).

- Антипина Е.Е., 1997. Методы реконструкции особенностей скотоводства на юге Восточной Европы в эпоху бронзы // РА. № 3.
- Иванова С.В., 2001. Социальная структура населения ямной культуры. Одесса.
- Косинцев П.А., 2001. Комплекс костных остатков домашних животных из поселений и могильников эпохи бронзы Волго-Уралья и Зауралья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Мат-лы Междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А.Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы. Самара.
- Косинцев П.А., Рослякова Н.В., 2000. Скотоводство населения Самарского Поволжья в эпоху бронзы // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара.

Рассмотрение биологических и археологических параметров остеологических материалов в рамках выделенных категорий способствует выяснению ритуального значения животных в погребальном обряде.

- Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1935. Родовое общество степей Восточной Европы. Основные формы материального производства. М.; Л.
- Мерперт Н.Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994. Памятники древнейшей культуры на Илеке. Екатеринбург.
- Шилов В.П., 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.
- Шишлина Н.И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н.э.). Труды ГИМ. Вып. 165. М.
- Яровой Е.В., 1985. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР (классификация погребального обряда). Кийшинев.

С.М. Умрихин

Орский гуманитарно-технологический институт, Орск

Особенности погребального обряда населения эпохи поздней бронзы в долине р. Орь

Западная периферия алакульской культуры находится в основном в левобережье среднего течения р. Урал и связан с гидрографической сетью двух его основных левых притоков – реками Орь и Илек (Ткачев, 2009. Рис. 1). Вокруг каждой из этих речных систем формируются в чем-то своеобразные, но имеющие много общего типы погребальных памятников. Их разнообразие проявляется в степени инокультурных влияний и взаимодействий, а также в особенностях погребального обряда.

На территории, приуроченной главным образом к бассейну р. Орь (рис. 1), в эпоху поздней бронзы формируются особые каноны погребального обряда. Во-первых, в подавляющем большинстве надмогильных конструкций для сооружения оград использовался камень. При этом возможно усложнение конструктивных особенностей за счет формирования земляных насыпей или же более тщательной обработки камня. Во-вторых, отсутствуют погребения, впущенные в курганы предшествующего времени. В-третьих, наблюдается устойчивая западная или юго-западная ориентировка могильных ям и погребенных. Исключения составляют периферийные погребения, ориентированные относительно центрального захоронения (если курганы или ограды являются многомогильными и имеют круговую планиграфию расположения могильных ям). В-четвертых, погребальный инвентарь, в особенности керамика, со-

четают в себе алакульские и федоровские признаки с преобладанием первых. В историографии подобный тип керамики получил название кожумбердынской по могильнику Кожумберды, где подобная посуда была обнаружена в 1930 г. (Кривцова-Гракова, 1930; 1948. С. 149–150, 165–169). В дальнейшем число исследованных памятников с керамикой типа кожумбердынской росло (Сорокин, 1962; Андроновская культура, 1966. С. 44–61; Мошкова, Федорова-Давыдова, 1964. С. 135–138; Федорова-Давыдова, 1973. С. 133–152; Кузьмина, 1994. С. 46). Кроме керамики, некрополи обнаруживали в себе много общего, причем того, что не встречалось ни западнее (долина р. Илек), ни севернее (район Магнитогорска), напр., надмогильные и внутримогильные сооружения. Соответственно, закономерным является расширение понятия кожумбердынского типа с керамики на погребальный тип в целом, включающий все фиксируемые проявления погребально-поминальной практики населения эпохи поздней бронзы в долине р. Орь. Кроме того, на данной территории имеются поселения, которые точно соотносятся с погребальными памятниками (прежде всего по своей керамике), а также древние медные выработки, которые по найденным орудиям горного дела датируются эпохой поздней бронзы. Многочисленны следы металлопроизводства и на поселениях – находки руды, шлаков, остатков теплотехнических сооружений.

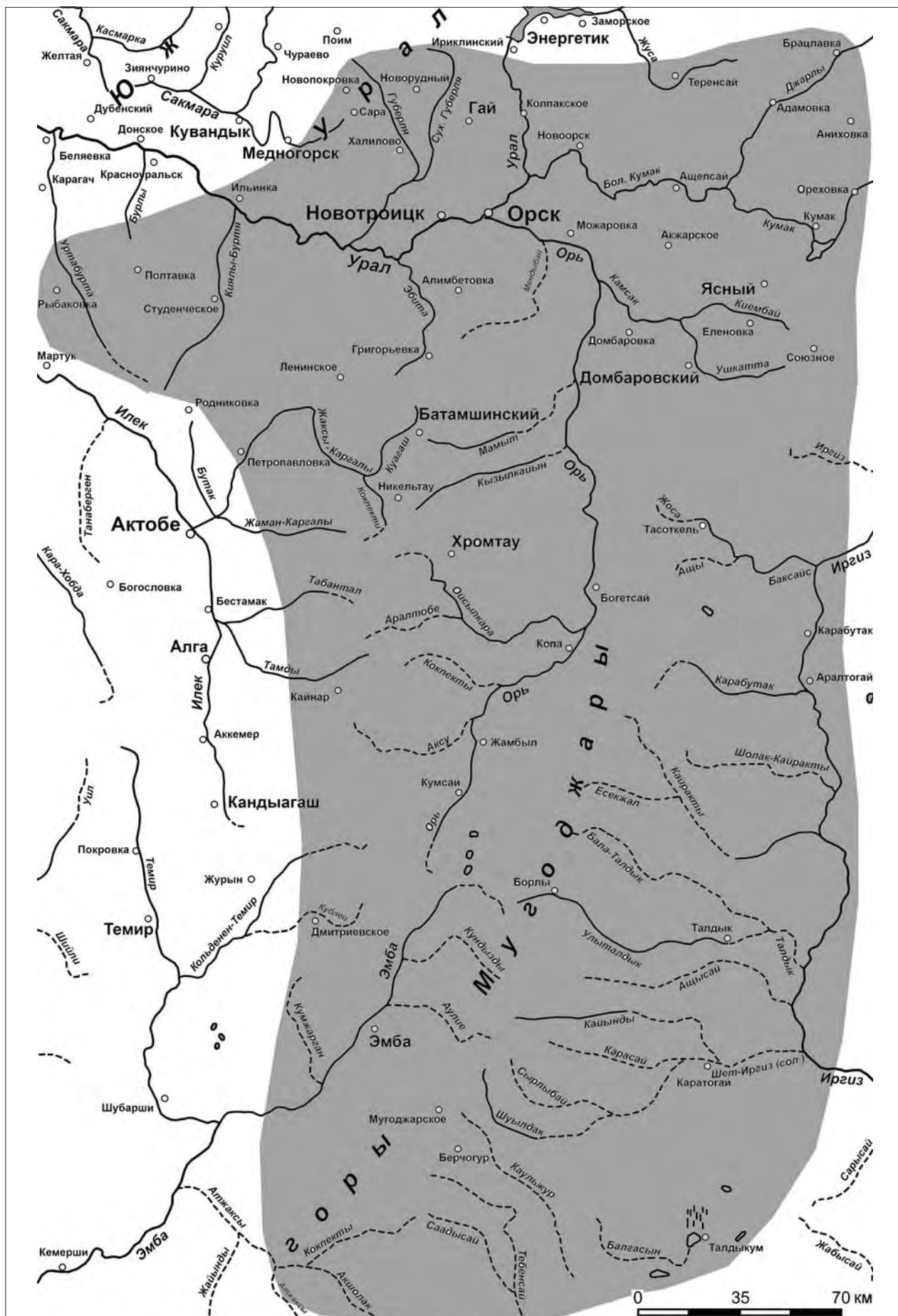

Рис. 1
Территория распространения памятников кожумбердынского типа

Детальный анализ погребальных памятников (более 250 надмогильных конструкций и около 500 погребений) позволяет автору сделать следующие выводы. 1). Для погребально-поминальной практики населения эпохи поздней бронзы данного региона существовал набор обязательных условий, выполнявшихся всеми родоплеменными группами – ограда (преимущественно округлой формы) из камней вокруг погребения; яма подпрямоугольной формы; ориентировка ямы и погребенного на З или ЮЗ; скорченное положение погребенного на левом боку; наличие 1–3 глиняных сосудов в головах погребенного. 2). Отклонения от этих норм в сооружении надмогильных и могильных конструкций (использование плит, дерева, земляных конструкций и др.) являются усложнениями технологического характера и возможны при наличии необходимых для этого ресурсов (увеличение трудозатрат). 3). В рассматриваемом обществе существовала социальная дифференциация, но в отличие от предыдущего периода, она проявляется не на личностном уровне в индивидуальных погребениях (захоронения архаических лидеров, жрецов, вождей с соответствующим набором инвентаря), а на семейно-родовом или родоплеменном уровне при сооружении

надмогильных конструкций в частности и функционировании некрополей в целом. То есть на десятки могильников может выделяться лишь один с идентичным погребальным обрядом, но с ярко подчеркнутым социальным статусом погребенных (напр. могильник Ушкаттинский I). При этом традиция подчеркивать социальный статус погребенных посредством определенного инвентаря в индивидуальных захоронениях не исчезает. 4). Функционирование некрополей, возможно, демонстрировало социальный статус их строителей и являлось одним из немногих способов его фундаментального проявления и фиксирования для последующих поколений.

Таким образом, погребальный обряд населения эпохи поздней бронзы долины р. Орь можно выделить в определенный погребальный тип алакульской культуры (или андроновской культурно-исторической общности), сочетающий в себе алакульские и федоровские черты, с явным преобладанием первых (Кузьмина, 1994. С. 46; 2008. С. 250–268). Данный вывод подтверждается и распространением на этой территории поселений и рудников (Ткачев, 2009. С. 53–59), оставленных одной и той же группой населения.

Андроновская культура. 1966. САИ. Вып. В2-3. М.
Кривцова-Гракова О.А., 1930. Полевой отчет по раскопкам летом 1930 г. в бассейне р. Ори // НВА ОПИГИМ. Архив «А», №45.
Кривцова-Гракова О.А., 1948. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ. Вып. 17.
Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии? М.
Кузьмина Е.Е., 2008. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе.

Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А., 1964. Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника // КСИА. Вып. 101.
Сорокин В.С., 1962. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. МИА. № 120. М.; Л.
Ткачев В.В., 2009. Западная периферия алакульской культуры // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск.
Федорова-Давыдова Э.А., 1973. К проблеме андроновской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.

А.Ю. Худавердян

Институт археологии и этнографии НАН РА, Ереван

О некоторых антропологических аспектах индоевропейской проблемы

Вопросы, связанные с проблемой прародины индоевропейцев, не сходят со страниц научных изданий. Комплексный анализ палеоантропологических данных позволил нам наметить пути и направления взаимодействия этнических групп Евразии. Межгрупповой статистический анализ на широком географическом и культурном фоне выявил связи представителей куро-аракской культуры Армянского нагорья с племенами трипольской культуры Украины и Поднестровья. Для групп с территории Иранского нагорья (Тепе-Гиссар II, Караташ), Египта (Бадари, Нага ет-Дер, Акмант, Нагада) и Дагестана (Гинчи) также отчетливы краниологические аналогии с трипольцами.

Выявлена ближайшая связь носителей куро-аракской культуры Армянского нагорья (суммарная мужская группа) с катакомбниками Калмыкии. У куро-аракских племен с территории Грузии и населения Иранского нагорья (Караташ) также выявлены параллели с носителями катакомбной культуры Калмыкии, хотя и не особенно близкие. Однако такое совпадение едва ли случайно. Близкие связи с этой же группой катакомбного населения (суммарная группа и Элиста-Архара) демонстрирует группа из Чатал Хуяка (VI–V тыс. до н.э.). Обнаружены ближайшие параллели носителей катакомбной культуры Украины и Поднестровья с этническими группами Северного Кавказа (энеолит–бронза) и Армянского нагорья (Джарат).

Куро-аракская суммарная группа Армянского нагорья имеет близкую параллель с катакомбниками из могильника Верхняя Тарасовка (Нижнее Поднепровье).

Отрицать определенное участие в формировании катакомбной культуры части ямного населения нельзя (местное население почти никогда не вытесняется полностью и какая-то часть его почти всегда входит в новую культуру). О степени этого участия можно судить по тому, что близкие параллели носители катакомбной культуры Калмыкии имеют не с носителями ямной культуры этого региона, а с ямниками Украины (следует отметить, что наиболее близкие параллели катакомбники Калмыкии имеют с джаратской выборкой, но группа очень мала и надежность данного результата низкая). Выявлены также параллели с племенами трипольской, хвалынской и ямно-полтавской культур. Откуда же прибыло катакомбное население (или его пришлый компонент)? Связать катакомбников с какой-либо определенной культурой пока не удастся, но в сложении катакомбного населения явно участвовал южноевропеоидный компонент с территории Ближнего Востока и Армянского нагорья.

Наличие южных комплексов было зафиксировано в Поволжье и в Южном Приуралье (племена балановской, абашевской, синташтинской и др. культур). Можно полагать, что в эпоху ранней и средней бронзы в эти области проникает население, являющееся носителем средиземноморских черт. При дискриминантном анализе выборки из могильников Среднего (Баланова) и Верхнего Поволжья (носители фатьяновской культуры и поздние фатьяновцы) образуют близкий локус с группой из Киша (Иран). Выявлена близость ранних фатьяновцев к носителям лолинской культуры из Степного Предкавказья и Поволжья. К фатьяновцам из Поволжья (по сумме одонтологических маркеров) очень близки носители культур крашеной керамики из Туркмении и Сапалли из Узбекистана. Племена куро-аракса морфологически близки к поздним фатьяновцам. Результаты интеграции данных по обеим системам признаков (краниоскопия и одонтология) также демонстрируют сходство представителей куро-аракса и носителей фатьяновской культуры. У племен фатьяновской культуры зафиксирована параллель (по сумме краниоскопических маркеров) с представителями Армянского нагорья (Черная крепость). Все приведенные материалы показывают, что между носителями фатьяновской культуры существовала связь с южными европеоидами с территории Армянского нагорья и Ближнего Востока. Связь эта выражалась не только

в культурном обмене, но и в переселении отдельных групп с юга на территорию Поволжья. Следует отметить отсутствие близкого сходства между племенами фатьяновской культуры и какими-либо популяциями из Западной Европы. Результаты межгруппового статистического анализа демонстрируют ближайшие связи представителей эпохи бронзы Армянского нагорья с носителями срубной культуры. Обнаружены ближайшие параллели племен срубной культуры из Саратовской обл., Среднего (Лузановка), Нижнего Поволжья (Кривая Лука) с группами средней бронзы из Закавказья (суммарная группа из Грузии, Артик). Выявлены также ближайшие связи срубников Поволжья с более древним населением Армянского нагорья (куро-аракская культура, Чатал Хуяк), Египта (Акмант, Нага ет-Дер) и Средней Азии (культура Намазга). Результаты анализа указывают на сходство срубников Украины (погребенные из плоских могильников) с племенами Армянского нагорья (Неркин Геташен), Дагестана (Гинчи), Узбекистана (Джаркутан) и Египта (Саккара III, Тибн 4). Можно предположить, что корни части срубного населения, скорее всего, находятся в Закавказье и в Передней Азии.

У елуниевцев Горного и Лесостепного Алтая выявлена параллель с племенами куро-аракской культуры Армянского нагорья и Грузии. Куро-аракские племена Армянского нагорья по комплексу краниометрических, краниоскопических и одонтологических маркеров демонстрируют ближайшие связи с носителями андроновской культуры. Андроновские параллели выявлены и у представителей Гонур Деде.

Таким образом, антропологический покров Евразии сформировался в ходе исключительно сложных исторических событий. Многомерный анализ позволил выявить группы, имеющие ближайшие аналогии с представителями южноевропеоидного населения Армянского нагорья, Кавказа и Ближнего Востока. Южноевропеоидная морфологическая составляющая, выявляемая в составе населения отдельных археологических культур эпохи бронзы и раннего железного века Восточной Европы и Сибири, происходит из одного источника. Его исходным районом, или одним из промежуточных, в наибольшей степени фиксируемым с помощью палеоантропологических данных является Армянское нагорье (и Кавказ в целом). Вскрытые нами антропологические факты имели и историческую основу, поскольку распространение генетических признаков связано с переселением и смешением племен, сопровождающимся конкретными историко-культурными явлениями.

Н.А. ЦветковаАрхеологический центр Ивановского
государственного университета, Иваново**А.В. Борисов**Институт физико-химических и биологических проблем
почвоведения РАН, Пушкино Московской обл.**З.Х. Албегова**

Институт археологии РАН, Москва

Чидгом – памятник энеолита – средней бронзы Центрального Кавказа (результаты охранных раскопок)

В 2007–2008 гг. в горах Центрального Кавказа (Алагирский р-н РСО – Алания) Северо-Осетинской экспедицией ИА РАН проводились спасательные археологические исследования в зоне сооружения водохранилища Зарамагских ГЭС, в том числе на поселении Чидгом, выявленном в 2006 г. Б.З. Караевым. Поселение располагалось на речной террасе правого берега р. Нардон при ее впадении в р. Ардон на высоте

около 1700 м на перевальном пути, соединяющем Закавказье и Северный Кавказ. В общей сложности на памятнике была вскрыта площадь 3620 кв. м. Зафиксированы три культурных горизонта.

Нижний горизонт поселения располагался на поверхности слоя наиболее древней погребенной почвы. Здесь находилась искусственная площадка, выстеленная бежево-зеленым суглинком, площадью

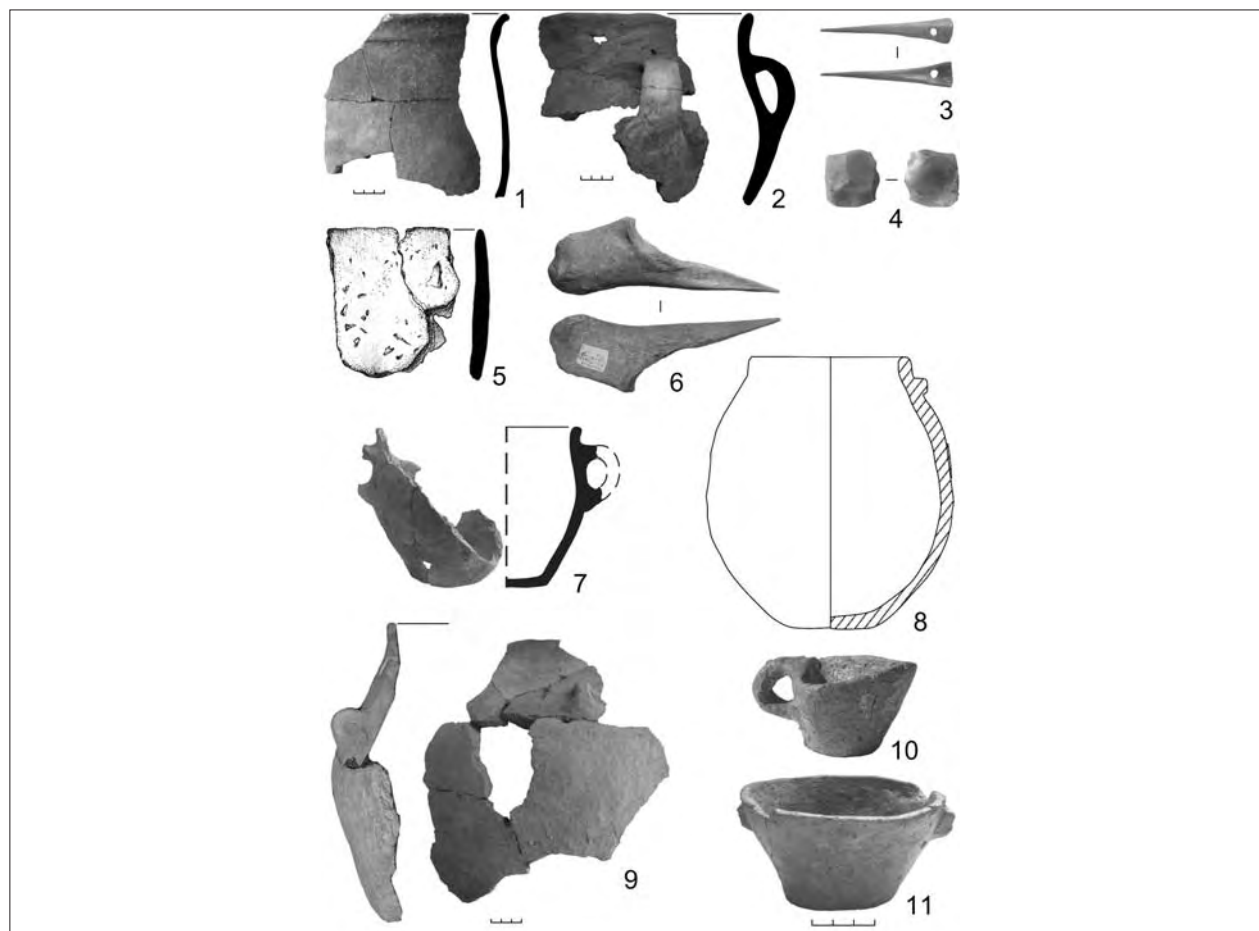

Рис. 1

Поселение Чидгом: 1–4 – находки из нижнего горизонта; 5–11 – находки из среднего горизонта; 3, 6 – костяная проколка; 4 – обожженный отщеп со следами утилизации на одной из боковых сторон в виде крутой нерегулярной дорсальной ретуши. Розовый кремь

12 кв. м. На площадке в линию, вытянутую с северо-северо-востока на юго-юго-запад, зафиксированы три чашеобразных углубления с валиками по периметру размерами 100×80 см, 70×60 см и 60×40 см. Заполнение углублений – прокаленный суглинок без находок. Пространство вокруг них было выложено сланцевыми плитками. Рядом с площадкой непосредственно в слое погребенной почвы находился развал сосуда с валиком под венчиком, фрагменты подлощенного горшка с ручкой(ами), единичные обломки костей животных, включая два черепа взрослых самок домашней овцы (определение Е.Е. Антипиной), и ямка размером 42×30 см, в заполнении которой найдена костяная проколка с отверстием (рис. 1: 1–4). Датировка горизонта затруднена из-за невыразительности находок. Радиоуглеродный анализ производился по разным материалам, что дало большой разброс дат. Фрагмент керамики дал дату 5600–5050 BC, погребенная почва – 4750–4150 BC. Анализу были подвергнуты также вышеупомянутые фрагменты черепов овец (3100–2000 BC и 2500–1500 BC). В связи со спорностью датировок, производимых по керамике и почвам, наибольшее доверие вызывают даты по костям овец, однако содержание коллагена в них было недостаточно велико. Последнее влияет на точность расчетов, делая даты в достаточной мере приближительными.

Если ориентироваться на стратиграфию поселения Чидгом, и непосредственно примыкающего к нему с северо-запада многослойного городища Цми, где в 2007 г. были обнаружены слои мезолита–ранней бронзы (Rostunov et al., 2009), то можно констатировать сходную последовательность формирования почвенно-грунтовых слоев на этих двух памятниках. Сопоставление их стратиграфии позволяет предположить, что нижний горизонт Чидгома наиболее близок горизонту 4 (ранней бронзы) городища Цми. Радиоуглеродная дата горизонта 4 – 3660–3495 calBC (Rostunov et al., 2009. С. 50–56).

Средний горизонт поселения Чидгом самый мощный. Он содержал остатки восьми жилых и хозяйственных построек, сложенных из речных валунов и сланца, участки сельхозугодий и двух детских погребения. От нижнего горизонта его отделяла прослойка делювия, что говорит о хронологическом разрыве между этими двумя культурными слоями. По результатам радиоуглеродного датирования время существования среднего горизонта определяется интервалом от 2470–2190 BC до 1886–1492 BC (анализ по углю).

Жилые постройки возводились на цоколе из речных валунов и сланца. Наиболее крупные валуны находились в нижнем и верхнем рядах камней цоколя. Фасадной стенки у цоколей не было. Верхняя часть построек, по-видимому, возводилась из дерева. Фрагментов турлучной обмазки не обнаружено. Судя по

столбовым ямкам, расположенным между стен каменных цоколей, полы сооружений опирались не только на цоколь, но и на деревянные столбы. Возможно, перед возведением домов площадки под постройки предварительно обмазывались глиной. Участки прокаленной глины, местами заходящие под цоколь, были обнаружены в ходе расчистки постройки № 2.

Помимо жилых построек на поселении выявлены: отдельные стены, либо разграничивавшие сельскохозяйственные угодья, либо являющиеся фрагментами заборов; остатки деревянной вымостки; а также шедшая вдоль склона горы стена, высотой около 0,5 м и длиной 22 м, которая, видимо, защищала возможную зону сельскохозяйственного использования от горных осыпей.

Под стеной 1 комплекса № 7 по трем крупным сланцевым плитам перекрытия было обнаружено одиночное детское **погребение № 2**. Могильная яма размерами 60×35 см и глубиной 7–11 см имела почти овальную в плане форму. Прослеживались лишь западная и южная стенки. Захоронение ориентировано длинной осью по линии юго-юго-запад – север-северо-восток. Дно ямы неровное, имеет наклон от севера к югу до средней части, далее к юго-западному углу шел подъем. Дно ямы было выстлано серо-зеленым суглинком мощностью 6 см. Погребенный младенец лежал, видимо, вытянуто на спине, головой на север-северо-восток. Инвентарь представлен небольшим лепным глиняным поильником, аналогии которому на сегодняшний день неизвестны (рис. 1: 10).

Возможно, к финалу существования среднего слоя поселения или ко времени уже после его гибели относится **погребение № 1** ребенка в возрасте до 3-х лет, совершенное в пристенном камине заброшенной к этому времени постройки № 2. Погребение сопровождалось половиной сосуда баночной формы с отбитой ручкой (рис. 1: 8).

Находки из среднего горизонта (рис. 1: 5–11) представлены костяной проколкой, фрагментами частей сосудов, двумя целыми формами, фрагментами костей, предварительно определенных Е.Е. Антипиной как кости крупного, мелкого рогатого скота и собаки.

Возможно, верхней части среднего горизонта соответствует ритуальная площадка на противоположном берегу р. Нардон (Холм 2 могильника Мамисондон). Это пятно прокаленного грунта площадью около 30 кв. м с большим содержанием угля и битой пачкающейся красноглиняной керамики. Дата площадки по керамике – 1920–1510 BC.

Верхний горизонт поселения находился в мощном слое делювия, перекрывавшем нижние горизонты, и содержал остатки двух небольших сооружений из мелкого камня явно нежилого характера. Датировка горизонта затруднена из-за отсутствия выразительных находок и образцов для ¹⁴C анализа.

О.С. Шерстобитова

Омский филиал Института археологии и этнографии
СО РАН, Дирекция Национального археологического
и природного парка «Батаково», Омск

Памятники журавлевского типа в Среднем Прииртышье — этап или самодостаточный феномен?¹

Несмотря на бытующую концепцию, согласно которой журавлевские материалы рассматриваются в рамках начального этапа богочановской культуры раннего железного века (Данченко, 1996), я остановилась на рассмотрении журавлевского типа керамики как самодостаточного культурного образования. Первоначально выделенная по материалам одного памятника (Труфанов, 1987), в настоящее время она известна на достаточно обширной южнотаежной территории, включающей Среднее Прииртышье и Приишимье.

Отмеченное еще А.Я. Труфановым деление всего комплекса журавлевской посуды на две условные группы — гребенчатую и луночно-накольчатую — подтверждается и по материалам памятников, исследованных позднее, однако удельный вес обеих групп, как и особенности орнаментального заполнения сосудов, несколько разнятся (табл. 1, 27, 28), что отчасти, может быть объяснено относительной хронологической позицией памятников.

Журавлевская посуда имеет *стандартизированный* набор орнаментальных элементов, сочетание которых выстраивается в определенные орнаментальные схемы. Внутри двух выделенных групп журавлевская посуда подразделяется еще на ряд подгрупп, каждая из которых характеризуется своим сочетанием орнаментов.

1 подгруппа: сосуды, орнаментированные горизонтальными рядами отступающей палочки (реже — гребенки), шейка которых обязательно украшена рядом чередующихся «жемчуга» и ямки (табл. 1, 2, 19, 20).

2 подгруппа: посуда, орнаментированная аналогично первой, но вместо ряда жемчуга и ямок на ней присутствуют либо «жемчуг», либо накольчатые ямки и лунки, расположенные, как правило, в шахматном порядке (табл. 1, 3, 4, 8, 18, 22).

3 подгруппа: сосуды, орнаментированные только луночно-накольчатой техникой, при этом их орнаментальная схема довольно проста — горизонтальные ряды лунок, перемежающиеся с одиночными луночными вдавлениями и ямками.

4 подгруппа: сосуды, шейка (иногда и тулово) которых украшены ниспадающими оттисками палочки или гребенки, а также геометрическими узорами (табл. 1, 12, 23).

5 подгруппа: сосуды, орнаментированные многорядной «елочкой», выполненной гладким или гребенчатым штампом (табл. 1, 7, 10).

Каждая из этих подгрупп включает как горшководные, так и баночные сосуды (табл. 1, 25), при этом орнаментация посуды первых трех подгрупп выполнена более небрежно. Посуда 4 и 5 подгрупп выразительна, тонкостенна и «нарядна». На ней, как правило, отсутствует «жемчуг», а зона перехода от шейки к плечикам украшена рядами ямок или лунок. По своим орнаментальным схемам керамика последних двух подгрупп тяготеет к местной позднебронзовой сузгунской традиции, одним из ключевых узоров которой как раз являлись «елочные» мотивы и ниспадающие оттиски.

Богочановская посуда встречена практически на всех интересующих нас памятниках с журавлевской посудой. Тот факт, что журавлевские традиции приняли участие в формировании богочановского орнаментального канона, очевиден, но не дает оснований объединять обе традиции в рамках одной культуры. Если понимать под журавлевским ранний этап богочановской культуры (когда только происходило сложение раннежелезных традиций), то смущает уже сложившаяся каноничность журавлевской керамики, не свойственная в целом процессам формирования орнаментальных канонов, характеризующихся весьма шаткими орнаментальными схемами. Создается впечатление, что богочановская линия развития обязана своим возникновением какому-то влиянию извне, в то время как журавлевские древности демонстрируют исключительно *автохтонную* линию развития позднебронзовых культур Среднего Прииртышья, прерванную формированием богочановских традиций.

Журавлевский тип посуды обнаруживает свидетельства своего зарождения среди керамического материала финальной бронзы Среднего Прииртышья. В территориальном отношении важную роль в этих процессах сыграла предтаежная зона, — место пограничья, где на протяжении эпохи поздней бронзы и переходного времени взаимодействовали лесные и лесостепные культурные традиции. Именно в зоне предтайги наиболее наглядно фиксируются процессы

¹ Работа выполнена при поддержке РФНФ, проект 11-31-00346а2.

Таблица 1. Соотношение элементов орнамента на посуде журавлевского типа в Среднем Прииртышье

	Ня-IV	Ям-VII	Кнш-III	КрАК
1	36,3%	52,3%	43,3%	58,2%
2	8,8%	17,2%	21,7%	28,4%
3	41,8%	15,6%	13,3%	23,9%
4	17,6%	18,8%	56,7%	49,3%
5 гребенч. штамп	51,6%	45,3%	35%	17,9%
6 прочерч.	11%	25,8%	18,3%	21%
7	16,5%	11%	20%	12%
8	25,3%	33,6%	8,3%	6%
9 „воротн.“	–	1,6%	–	–
10	13,2%	8,6%	3,3%	7,5%
11	–	0,8%	–	–
12	34%	17,2%	5%	4,5%
13	2,2%	0,8%	13,3%	–
14	–	–	–	3%
15	–	4%	–	3%
16	6,6%	1,6%	3,3%	4,5%
17	1,1%	1,6%	3,3%	17,9%
18	2,2%	13,3%	–	3%
19	17,6%	26,6%	15%	23,9%
20	14,3%	19,5%	13,3%	16,4%
21 неорн.	6,6%	17,2%	25%	12%
22	–	0,8%	–	1,5%
23	4,4%	0,8%	–	–
24 горшок	86,9%	73,4%	40%	95,5%
25 банка	12,1%	26,6%	60%	4,5%
26	4,4%	0,8%	–	–
27 гребенч. группа	36,3%	41,4%	46,7%	21%
28 луночн. группа	63,7%	58,6%	53,3%	79%

Условные сокращения: Ня-IV – городище Новоягодное-IV; Ям-VII – городище Ямсыса-VII; Кнш-III – городище Конашовка-III; КрАК – Красноярский археологический комплекс

трансформации позднебронзовых древностей, обозначившие впоследствии кристаллизацию двух на-

правлений: южного (лесостепного), связанного с формированием красноозерского (инберенского) канона, и северного (южнотаежного), где происходило формирование журавлевских орнаментальных традиций (Шерстобитова, 2010).

В отличие от инберенской, журавлевская керамика практически не испытала на себе влияние «крестовой» традиции. Выводы о минимальном участии в формировании журавлевских древностей «крестовой» и красноозерской традиций подтверждают материалы памятников, содержащих как «крестовую», так и журавлевскую посуду. Несмотря на совместное нахождение обеих групп посуды, пока не обнаружены формы, которые уверенно можно было бы отнести к переходным от «крестовой» к журавлевской традиции.

Кроме того, выделяется небольшое количество сосудов, которые можно было бы обозначить как *раннежуравлевские*. Они характеризуются несформированными орнаментальными схемами и, в целом, большим удельным весом позднебронзовых элементов орнамента, в ряде случаев – почти точным копированием позднебронзовых схем. Похожая посуда известна на поселении Боровлянка-2 в Прииштышье, в которой воплотился бархатовско-журавлевский синкретизм (Панфилов и др., 1991). В частности, такая посуда известна на предтаежных памятниках финала эпохи бронзы: по своим морфологическим характеристикам она тяготеет уже к переходному времени, в то время как ее орнаментальные схемы демонстрируют явные позднебронзовые (сузгунские) реплики. Учитывая как орнаментальные, так и морфологические характеристики такого типа керамики, есть все основания рассматривать ее в качестве *переходной*, намечающей, наравне с красноозерским, еще один – *альтернативный* – путь трансформации позднебронзовых древностей предтаежной зоны.

Таким образом, керамика журавлевского типа является сформировавшимся феноменом, со своими вполне определенными характеристиками. Не отрицая факт участия журавлевских древностей в формировании богочановской культуры, нет никаких оснований объединять *самодостаточные* керамические традиции в рамках одного культурного образования. Фиксация множества позднебронзовых реминисценций на посуде журавлевского типа указывает на местную основу ее формирования, что дополнительно подтверждают обнаруженные в предтаежной зоне переходные от позднебронзовых к журавлевским образцы посуды.

Данченко Е.М., 1996. Южнотаежное Прииртышье в середине-второй половине I тыс. до н.э. Омск.
Панфилов А.Н., Зах Е.М., Зах В.А., 1991. Боровлянка-2 – памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Прииртышье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень.

Труфанов А.Я., 1987. Закрытые комплексы городища Ямсыса-VII // Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье. Омск.
Шерстобитова О.С., 2010. Красноозерская культура в Среднем Прииртышье: динамика развития // РА. № 4.

Культуры эпохи бронзы Евразийских степей: проблема идентификации уровня мобильности и проблема миграции населения¹

Введение

Каким образом, изучая археологические культуры Евразийской степи в эпоху бронзы, мы можем определить степень мобильности их носителей? Об этом свидетельствуют анализ погребального обряда и инвентаря, и находки транспортных средств, присутствие среди предметов материальной культуры импорта.

В.С. Титов определил три критерия миграций – территориальный, хронологический и критерий локальности, полагая, что смена основных характеристик соседних культур позволяет предположить, что произошла смена культур или смена населения (Титов, 1982. С. 91).

Новые методы исследования традиционного археологического источника позволяют определить, кто, когда и по каким причинам мог осваивать новые территории.

Палеоэкология свидетельствует, что колебания климата могли стимулировать перемещения отдельных групп населения или настоящие миграции.

Сезонность археологических памятников (Кириллова и др., 2000) позволяет высказать предположение, что пастушеские группы могли осваивать ресурсные возможности пастбищ, расположенных в разных географических зонах в разное время года.

Этноботанические данные определяют систему производства продуктов питания, связанного с эксплуатацией ресурсов, расположенных в разных природных условиях, а также указывают на сезон посещения того или иного места.

Изотопный архив (значения $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$) представляет дополнительные доказательства системы питания (Richards et al., 2003; Shishlina et al., 2009). Изучение значений стронция ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$) в эмали зубов человека является одним из показателей мобильности (Vizon et al., 2007). Сравнив значения изотопов стронция в зубах погребенного человека и в «местных» образцах, можно определить, родился ли человек в том месте, где он был похоронен, или нет (Bentley, Knipper, 2005).

Сопоставляя данные, полученные новыми методами, можно оценить уровень мобильности человека и ее мотивацию, изменение во времени.

Мотивация и уровень мобильности

Могло быть много причин, почему люди начали перемещаться в эпоху бронзы. Новые данные по палеоэкологии, возможно, определяют особую роль окружающей среды, когда мы пытаемся понять мотивацию и уровень мобильности населения. В условиях, когда происходит резкое ухудшение климата, пастухи могли искать экологические зоны, близкие по типу тем, где они родились и выросли. Им нужно было быстро и успешно решить экономические проблемы, и климатические условия могли оказаться определяющими факторами при решении покинуть родные места.

Первый пример связан с вероятной попыткой колонизации пустыющих земель носителями ранней майкопской культуры. Оседлое майкопское население освоило узкую предгорную полосу, занимаясь земледелием и скотоводством в долинах рек (Трифонов, 2002). Сухой и теплый климат с малоснежными зимами соответствовал такому типу жизнедеятельности. В 3600–3500 гг. до н.э. носители этой культуры по каким-то причинам появляются далеко к северу от Кавказа, в степи (Шишлина, 2007). Это были группы сезонных пастухов, разводившие овец, собиравшие дикие злаки и ловившие рыбу. Зимних погребений нет, скорее всего, уровень снежного покрова был достаточно высоким и не позволял осваивать степные пастбища в холодное время года. Причиной подвижности части майкопского населения в этот период могло стать желание освоить новые экономические территории.

Второй пример определен эпохой аридизации второй половины III тыс. до н.э. Палеопочвы этого времени засолены, мощность гумусного слоя снижается, уменьшается среднегодовая норма осадков, меняется растительный покров, исчезают лесные массивы, доступность водных ресурсов снижается (Борисов и др., 2006). В этих условиях уровень подвижности населения резко повышается. В зависимости от экономической ситуации могли перемещаться целые семьи или только взрослые мужчины и подростки. Маршруты перекочевков достигали нескольких сотен километров.

Сезонные перемещения и изменения мобильности во времени

В основе подвижного пастушеского хозяйства эпохи бронзы лежит сезонное использование зимних и лет-

¹ Проект выполнен при поддержке гранта РФФИ 11-06-00037.

Таблица 1. Масс-спектрометрические данные моделей системы питания степного населения эпохи бронзы по материалам Степной археологической экспедиции ГИМ

Модель	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰
Модель 1: мясо/молоко домашних животных, дикie растения группы C_3	от -21 до -19	от +9 до +11
Модель 2: мясо/молоко домашних животных, речные и озерные продукты (рыба, раковины, водоросли), дикie растения группы C_3	от -21 до -17	от +11 до +15
Модель 3: морепродукты	от -17 до -15	от +15 до +18

них пастбищ, учет их продуктивности, знание расположения источников воды. Это и позволяет определить такой тип жизнедеятельности как принципиально новый, связанный с постоянным движением населения.

Носители майкопской культуры проникали в степи в теплое время года. Этому способствовал колесный транспорт (Trifonov, 2004), который мог служить и временным жилищем на колесах (Гей, 2000). Но первыми активными пользователями степных ресурсов стали носители ямной культуры, которые освоили короткие маршруты передвижений: река→водораздел→река (Шишлина, 2007).

Едва начинается аридизация климата и в Прикаспии, и в Подонье появляются носители северокавказской и катакомбных культур. Они проникают в степи семейными группами, часть из которых оседает на новых территориях. Топография северокавказских степных курганов позволяет предположить два марш-

Кросс-культурные браки и социальные отношения

Причинами перемещения отдельных индивидуов могли быть и личные обстоятельства.

Несколько молодых женщин ямной культуры также питались морепродуктами (табл. 3). Возможно, они родились где-то у прибрежной морской зоны и попали в степь уже как «замужние женщины». Предположительно, вскоре они умерли в родах, либо по другим причинам, в среде населения с иной системой питания, но были похоронены по степному ямному обряду.

Такие же изотопные данные получены по костям пожилых людей. Очевидно, что последние 10 лет своей жизни они провели не в степи, а поблизости от моря, посетили своих родственников, пройдя для этого не одну сотню километров.

Первые результаты по определению стронция

Таблица 2. Масс-спектрометрические данные образцов коллагена кости человека раннекатакомбной культуры

Курган/погребение/пол/возраст	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰
Песчаный-V, кург. 1, погр. 5, мужчина 50-55 л.	-16,26	+16,63
Манджикины-2, кург. 37, погр. 3, мужчина 15-16 л.	-16,52	+16,52
Хар-Зуха-1, кург. 1, погр. 3Б, женщина <i>senilis</i>	-15,42	+18,10

рута сезонных перекочевков: 1) Терек–Кума–озера на юге Калмыкии–Сарпинские озера; 2) Калаус–Восточный Маныч–Западный Маныч–Нижний Дон.

Данные стабильных изотопов (Richards et al., 2003; Shishlina et al., 2009) указывают, что некоторые индивидуумы ранней катакомбной культуры отличались по основным компонентам системы питания. Существенные различия в изотопном составе углерода и азота в коллагене костей отмечаются для групп населения, употребляющих преимущественно «материковую» и «морскую» пищу (табл. 1).

В таблице 2 представлены данные по людям, в системе питания которых в течение последних 10 лет преобладали продукты морского происхождения, но умерли они среди степных людей, которые питались по-другому.

($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$) в зубах (эмали) человека показали, что в степь приходили люди, которые родились и провели первые 10–12 лет своей жизни далеко от того места, где они были похоронены. Среди индивидуумов, попавших в группу питания морепродуктами, есть несколько, которые по значениям стронция в эмали зубов могут быть определены как представители «неместного» населения.

Заключение

Новые данные позволяют высказать предположение о глубоких мотивациях перемещений древнего населения, связанных с решением глобальных экономических проблем, вызванных колебаниями климата, развитием системы пастушеской экономики, необходимостью организовать поисковые экспедиции для расширения зон экономического влияния.

Таблица 3. Масс-спектрометрические данные образцов коллагена кости человека ямной культуры

Курган/погребение/пол/возраст	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰
Манджикины-1, кург. 11, погр. 3, женщина 45-50 л.	-16,62	+18,09
Чилгир-1, кург. 2, погр. 3, мужчина <i>maturus</i>	-15,4	+17,6
Му-Шарет-4, кург. 11, погр. 3, женщина 14-17 л.	-16,55	+15,36
Хар-Зуха-1, кург. 2, погр. 3, женщина 20 л.	-16,08	+13,74

- Борисов А.В., Демкина Т.С., Демкин В.А., 2006. Палеопочвы и климат Ергеней в Бронзовом веке (IV–III тысячелетия до н.э.). М.
- Гей А.Н., 2000. Новотиторовская культура. М.
- Кириллова И.В., Гольева А.А., Клевезаль Г.А., Михайлов К.Е., Трунова Ю.В., Шишлина Н.И., 2000. Комплексный метод определения сезона совершения погребений // Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке. Труды ГИМ. Вып. 120. М.
- Титов В.С., 1982. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового света. М.
- Трифонов В.А., 2002. Ареалы древних культур и климатические изменения на Кавказе в эпоху энеолита–ранней бронзы // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.
- Шишлина Н.И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н.э.). Труды ГИМ. Вып. 165. М.
- Bentley R.A., Knipper C., 2005. Geographical patterns in biologically available strontium, carbon and oxygen isotope signatures in Prehistoric SW Germany // *Archeometry*. No. 47, 3.
- Buzon M.R., Simonetti A., Creaser R.A., 2007. Migration in the Nile Valley during the New Kingdom period: preliminary strontium isotope study // *JAS*. No. 34.
- Richard M.P., Pearson J.A., Molleson T.I., Russel N., Martin L., 2003. Stable Isotope Evidence of Diet at Neolithic Catalhoyuk, Turkey // *JAS*. No. 30.
- Shishlina, N.I., Zazovskaya, E.P., van der Plicht, J., Hedges, R.E.M., Sevastyanov, V.S., Chichagova, O.A., 2009. Paleoeecology, Subsistence and ¹⁴C Chronology of the Eurasian Caspian Steppe.
- Trifonov V.A., 2004. Die Majkop-Kultur und die ersten Wagen in der südrussischen Steppe // *Rad und Wagen*. S. Burmeister & M. Fansa (eds.). Mainz am Rhein.

А.М. Бутягин, Д.Е. Чистов, А.В. Ершова
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Работы Стабианской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2010 году

В 2010 года начались работы Стабианской экспедиции Государственного Эрмитажа, работавшего в сотрудничестве с Археологической Суперинтенданцией Помпей при поддержке Фонда Реставрации Стабий (RAS). Раскопки проводились на вилле Ариадны, погибшей в ходе извержения Везувия в 79 г. н.э. Вилла расположена на плато Варано в районе города Кастелламаре-ди-Стабия.

Работы производились в комплексе терм виллы, частично затронув близлежащий перистильный двор и ограничивавшие термы коридоры. Общая площадь исследованного участка превышала 350 кв. м. Часть помещений была впервые раскопана ещё в XVIII веке, когда здесь вели поиски антиков сапёрные офицеры Неаполитанского королевства Вебер и Альбукьерре. Впоследствии несколько помещений были частично исследованы при раскопках 1950-80-х гг. Тем не менее, экспедиции удалось узнать много нового о конструкции и украшении интерьеров помещений.

Большинство стен сохранилось здесь на высоту до 2,5-3 м, на их поверхности уцелели фрески. Непотревоженный слой извержения Везувия, состоящий из слоя пемзы, перекрытого слежавшимся пеплом, был обнаружен в коридоре, выходящем в большой перистильный двор. Здесь на стенах удалось найти около 2-х кв. м. граффити с изображением военных кораблей, человеческих лиц, фаллосов и многочисленных надписей на древнегреческом и латинском языках. Вероятно, их оставляла прислуга, проходившая по этому коридору в баню и кухню. В полу префурния (котельной) открыты керамические водоводы и их каналы. Особенно любопытными оказались раскопки двора, где отдыхали

посетители терм. На полу здесь была обнаружена мозаика с орнаментом из черных и белых камней. Стены были украшены колоннами и росписью в третьем помпейском стиле. Рядом находилось небольшое помещение, где, вероятно, располагался альков. Его стены были богато раскрашены: на жёлтом белом и красном фоне сохранились разнообразные орнаменты. К сожалению, лучшие фрески из этих комнат были вырезаны в XVIII веке и украшают теперь Неаполитанский музей. Удалось определить, откуда были вырезаны эти фрески. Особой удачей следует считать обнаружение *in situ* фрески-картины из серии «отпуск Амура на волну», небольших изображений Амура и двух крылатых женщин, одно из которых тоже сохранилось очень хорошо. Рядом с ним найдена процарапанная греческая надпись. В углу двора открыта ниша, в которой видны следы от деревянной скамьи и роспись в виде веток, животных и музыкальных инструментов. Открытые фрески были закреплены на стенах реставраторами экспедиции.

В культурном слое и завалах потолка помещений найдены многочисленные фрагменты фресок, на которых сохранились изображения: голова Горгоны, щиты, сфинксы, растительные орнаменты и т.д. Находок в слое было немного, так как имущество вилл было частично вывезено во время извержения. Тем не менее, помимо обломков керамических сосудов, удалось найти металлические детали дверей и бронзовую монету республиканского периода. Наиболее неожиданными находками стали два фрагмента черепиц с клеймами – первые обнаруженные при археологических раскопках виллы.

А.М. Бутягин, О.Ю. Соколова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

М.Ю. Вахтина, В.А. Христановский

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Н.И. Винокуров

Московский государственный педагогический университет, Москва

С.Ю. Внуков, А.А. Масленников

Институт археологии РАН, Москва

Т.В. Егорова, Е.А. Попова

Московский государственный университет, Москва

В.Г. Зубарев

Тульский государственный педагогический университет, Тула

Е.А. Молев

Нижегородский государственный университет, Нижний Новгород

В.П. Толстиков

Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Москва

Исследования Российских экспедиций в Крыму в 2009-2011 гг.

Несмотря на все материальные и политические сложности и конфликты двух последних десятилетий, российской археологической науке в целом удалось сохранить свои исторические позиции на Крымском п-ове. Здесь в настоящее время работает около десятка академических, вузовских и музейных экспедиций, подавляющее большинство которых имеет многолетние традиции полевых изысканий и сложившиеся коллективы участников.

Основные направления этих исследований следующие: раскопки античных городских центров, наиболее сложной во всех отношениях категории памятников; исследования разнообразных и разновременных археологических объектов на пространствах сельской округи местных античных государств; апробация новых методических приёмов полевых работ и некоторых естественнонаучных методов, главным образом, непрямого изучения памятников.

Первое направление представлено работами в центре столицы Боспорского государства – Пантикапее, а также в городах Нимфей, Мирмекий, Порфмий и отчасти на их некрополях. Так в Пантикапее раскопки на территории акрополя позволили выявить и охарактеризовать восемь основных периодов жизнедеятельности с середины VI в. до н.э. до середины III в. н.э. Каждый из них постоянно пополняется новыми фактами и материалами, прежде всего, об общественно-оборонительных и сакральных постройках. Уточняются их назначение и датировки. Достижением последних лет является открытие обширного (до 2000 кв.м) архитек-

турного ансамбля: укрепленной базилики — дворца боспорских правителей периода наивысшего расцвета государства (середина IV – середина III вв. до н.э.). На территории второго по значимости из европейских городов Боспора – Нимфея – отметим раскопки в районе сакрального центра, в ходе которых было обнаружено и частично открыто монументальное сооружение со ступенчатой конструкцией IV в. до н.э., вероятно, местный театр или алтарь. На городище, отождествляемом с древним Мирмекием, работы велись на участке культового зольника, а также в районе акрополя, где были выявлены новые остатки жилых, общественных и производственно-хозяйственных сооружений позднеархаического, классического, эллинистического и раннеримского времени. Один из т.н. малых городов – Китей – выделяется открытием хорошо сохранившейся башни (7.5x5.5 м), внешних укреплений, построенной, видимо, в первых веках н.э., а также остатков нескольких домов и сакральных объектов, функционировавших с IV в. до VI в. н.э. Порфмий-городок близ знаменитой переправы Боспора Киммерийского, просуществовавший до I в. до н.э., демонстрирует нам участок северной оборонительной стены и часть жилого квартала эллинистического времени. Здесь же был обнаружен и частично сохранившийся подпрямоугольный алтарь, сложенный из крупных рустованных квадратов. Одновременно продолжались раскопки на территориях некрополей Китея, Порфмия, а также Илурата, в процессе которых были доследованы и открыты не только погребальные сооружения (склепы,

различные типы могил), но и ритуальные комплексы, в том числе позднеантичного времени.

На пространствах боспорской хоры, в районе Крымского Приазовья, велись достаточно интенсивные раскопки нескольких городищ, в наибольшей степени характеризующих такие прежде малоизученные периоды местной истории как, III-II и I вв. до н.э. (Золотое-восточное, Крутой берег, Полянка), а также I-III вв. н.э. (Артезиан) и III-V вв. н.э. (Белинское). Отметим открытие новых участков мощных оборонительных сооружений, кварталов застройки и сакральных объектов – на первых; выявление ярких следов римско-боспорской войны середины I в. н.э. – на втором и развалин двух мощных башен, улицы и склепового некрополя – на последнем из перечисленных поселений.

В Северо-Западном Крыму продолжались исследования эталонных греко-скифских памятников дальней хоры Херсонеса (городища Чайка и Кара-Тобе) (сер. IV в. до – I в. н.э.). На них открыты выразительные архитектурно-строительные и вещевые комплексы,

относящиеся к различным периодам их функционирования, в том числе крепость эпохи Митридата Евпатора; уточнена их стратиграфия и периодизация.

Одновременно на многих памятниках различной типовой принадлежности, хронологии и стратиграфии, а также при проведении площадных разведок постоянно опробовался целый комплекс геофизических методов измерений, анализа и т.н. ГИС технологий с использованием различных модификаций соответствующих приборов. Результаты этих изысканий неоднозначны, но, безусловно, полезны, как и некоторые новые приёмы собственно полевых археологических работ.

Самым же важным является сам факт продолжения российских исследований в Крыму, ставших возможными благодаря постоянным, совместным и взаимоважительным личным, научным и организационным контактам и усилиям как отдельных исследователей, так и соответствующих археологических учреждений России и Украины.

М.Ю. Вахтина

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Раскопки античного городища Порфмий: итоги, задачи, перспективы

Раскопки античного городища Порфмий были начаты в 1953 г. отрядом Боспорской археологической экспедиции ЛОИА/ИИМК РАН; с 2009 г. работы продолжаются в рамках совместной российско-украинской экспедиции. До 1985 г. исследования велись под руководством Е.Г.Кастанаян. В этот период систематически и планомерно изучались эллинистические жилые кварталы и синхронная им система оборонительных сооружений древнего города.

В последнее десятилетие XX в. внимание уделялось и древнейшему периоду существования города. Важнейшими объектами архаического периода, открытыми в это время, являются остатки восточной оборонительной стены и комплексов, связанных с жизнью первых колонистов (Вахтина, 2006; 2009. Vakhtina, 2003). Предпринимались и исследования округа Порфмия: в 1988 г. к востоку от города были исследованы остатки небольшой сельскохозяйственной усадьбы¹, существовавшей с конца IV по II вв. до н.э. (Вахтина, 2002).

В последние годы работы ведутся на раскопе В (II) в северо-восточной части городища. Большой интерес представляют обнаруженные здесь культурные объекты, относящиеся к IV в. до н.э. Этот период является наименее изученным, так как комплексы

этого времени, подвергшиеся разрушению при перестройке города во второй половине III в. до н.э., наиболее трудны для выявления. К объектам IV в. до н.э. можно отнести остатки большого строительного комплекса площадью 6,5х6 м, от которого сохранились два помещения, принадлежащего ко второй половине столетия, фрагмент «улицы» к западу от него, идущей в направлении север-юг, а также часть алтаря подпрямоугольной формы, сложенного из крупных рустованных известняковых блоков (сохранились два из них) (рис. 1: 1). Блоки изготовлены из светлого, мягкого известняка, лежат под прямым углом друг к другу, соприкасаясь узкими гранями. Блоки имеет руст на внешних сторонах. «Рустованные» поверхности в древности, несомненно, являлись внешними сторонами конструкции. Таким образом, сохранившиеся блоки в древности ограничивали небольшое сооружение подпрямоугольной (почти квадратной) формы, северная сторона которого имела длину 2,05 м, а восточная – 1,37 м. По-видимому, это – сохранившаяся часть алтаря. При его расчистке был найден керамический материал, в основном, принадлежавший к IV в. до н.э. и фрагмент терракотовой статуэтки, представлявшей задрапированную женскую фигуру.

¹ Усадьба исследовалась под руководством вед.н.с. ИИМК РАН, д.и.н. Л.Б.Кирчо.

В последние годы было продолжено изучение эллинистических оборонительных стен в северо-восточной части скального плато, на котором располагался город. Исследования позволили внести уточнения в план Порфмия эллинистического времени (рис. 1: 2), опубликованный Е.Г.Кастанаян (1983). Вероятнее всего, городские укрепления этого времени имели одну, северо-западную угловую башню. Трасса восточной оборонительной стены, скорее всего, не имела вид ломаной линии, а была прямой.

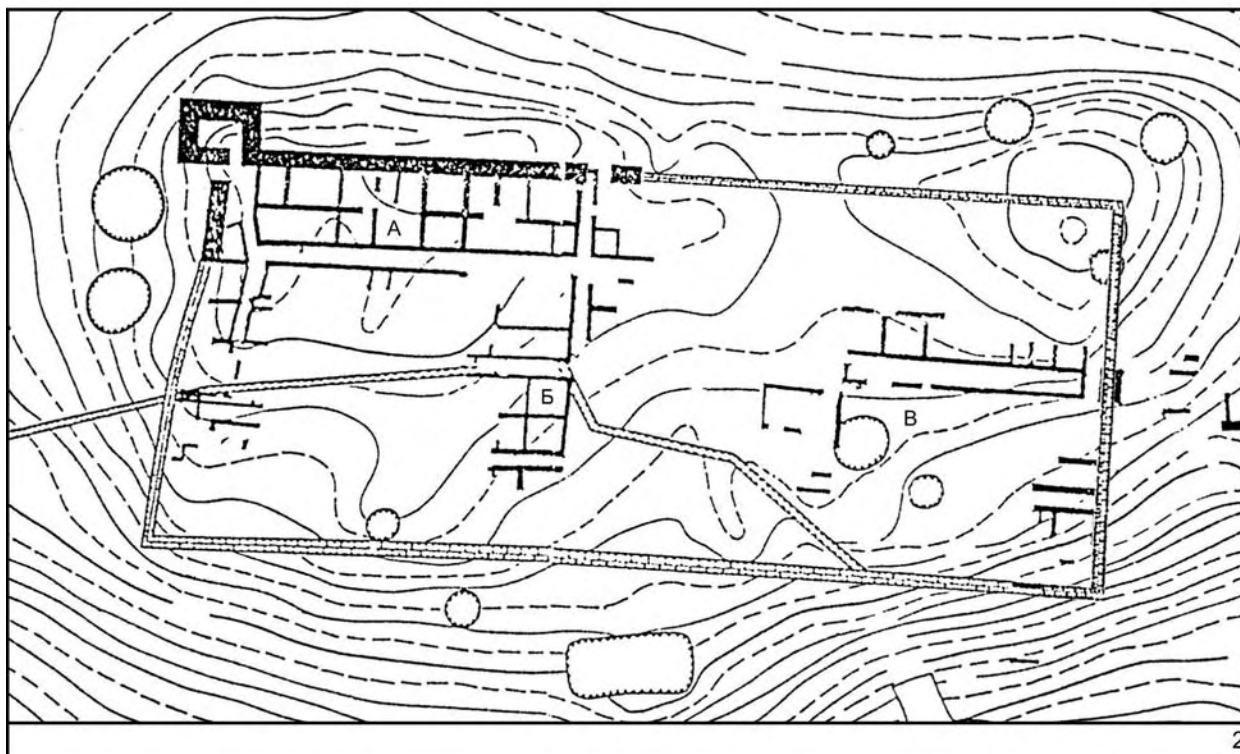
С 2003 г. ведутся регулярные раскопки эллинистического участка порфмийского некрополя, расположенного к западу от городища (Вахтина, Стоянов, 2006). Здесь были открыты остатки погребений, относящихся к IV-I вв. до н.э., совершенные в склепах (в настоящее время раскрыто 8), плитовых и грунтовых могилах. Склепы, состоящие из дромоса и погребальной камеры, содержали коллективные

захоронения и могут считаться родовыми усыпальницами. В грунтовых могилах находились одиночные захоронения. В состав погребального инвентаря входили столовые и туалетные сосуды, бронзовые изделия (зеркала, украшения), монеты, бусы. В слое, перекрывающем погребальные сооружения, прослеживаются тризны. Найдены два антропоморфных изваяния, изготовленные из местного известняка, в древности служившие надгробиями. Особенности погребального обряда, сопровождающий инвентарь позволяют сравнивать некрополь Порфмия с некрополями других городов Европейского Боспора, прежде всего, с эллинистическим некрополем Мирмекия.

Результаты археологических исследований позволяют делать выводы о времени основания древнего Порфмия, реконструировать культурно-хозяйственный облик этого поселения на протяжении различ-

1

2

Рис. 1

Городище Порфмий. 1 – северо-западный участок раскопа В (II);
2 – план укреплений и жилых кварталов эллинистического времени (по Кастанаян 1983, с уточнениями)

ных периодов его существования. Однако, для получения полноценных исторических выводов необходимы дальнейшие целенаправленные изыскания. В частности, например, необходимы планомерные исследования интереснейших разновременных фортификационных сооружений памятника, изучение

древнейших культурных слоев, раскопки участков некрополя большими площадями. Чрезвычайно актуальными для Порфмий, как и для других античных памятников Боспора, остаются вопросы консервации и музеефикации как открываемых объектов, так и всего памятника в целом.

Вахтина М.Ю., 2002. Материалы домашнего святилища из усадьбы близ Порфмий // БФ. Т. I. СПб.

Вахтина М.Ю., 2009 Порфмий – греческий город у переправы через Киммерийский Боспор // БИ, XXII. Симферополь-Керчь.

Вахтина М.Ю., 2006. Об архаическом Порфмий (по материалам раскопок 1986-1990, 2002-2005 гг.) \ \ БИ, XIII. Симферополь-Керчь.

Кастанаян Е.Г., 1983. Порфмий // Centre d'archéologie Méditerranéenne de l'Académie Polonaise des Sciences. Etudes et Travaux. Т.13.

Вахтина М.Ю., Стоянов Р.В., 2006. Новые данные о некрополе Порфмий // Археологические Вести. Вып. 13. СПб.

Vakhtina M., 2003. Archaic buildings of Porthmion // The cauldron of Ariantas. BSS. Vol. 1. Aarhus.

Л.Н. Водолажская

Археологический музей-заповедник «Танаис», Ростов-на-Дону

В.О. Пономаренко

Научно исследовательский институт физики Южного федерального университета, Ростов-на-Дону

Химический состав керамики светлоглиняных узкогорлых амфор варианта D типа C IV из Танаиса

Светлоглиняные узкогорлые амфоры (СУА) и их фрагменты составляют одну из самых распространенных категорий находок на античных памятниках в Северном Причерноморье (Dyczek, 1999; Dyczek, 2001; см. также: Орайт, 2003). К самой распространенной группе СУА Зеест были отнесены морфологически очень схожие амфоры типа 91, 92, 93 (Зеест, 1960. Таб. XXXVII. С. 173). В Танаисе были найдены сотни таких целых амфор, не говоря уже об их фрагментах. Датируются эти амфоры первой половиной III в. н.э., т.к. огромное их число найдено в подвалах в период разгрома города в начале 50-х годов III в. н.э. (Шелов, 1994, С. 46). По современной классификации, разработанной С.Ю. Внуковым, эту группу амфор необходимо относить к варианту D типа C IV (Внуков, 2006. С. 16).

Что касается центров производства СУА, в том числе, варианта D типа C IV, то большинство исследователей склоняется к их малоазийскому происхождению (Зеест, 1951. С. 115; Шелов, 1972. С. 121; Dyczek, 2001. Р. 223). Предположение о гераклейском происхождении СУА было впервые выдвинуто С.Ю. Внуковым на основании результатов петрографического анализа (Внуков, 1988. С. 15). Известны и остатки керамической мастерской I – III вв н.э. у прибрежного поселка Алапли, расположенного в 12 км к югу от Эрегли — древней Гераклеи (Arsen'eva et al., 1997. Р. 187), где к СУА принадлежало большинство открытых здесь керамических обломков.

Результаты химического анализа керамики СУА представлены в научной литературе, особенно

отечественной, очень скромно, а амфор варианта D типа C IV – отсутствуют. На базе НИИ физики Южного федерального университета на рентгенофлуоресцентном спектрометре третичных спектров «РФС-002» были проведены исследования образцов керамики – фрагментов СУА варианта D из Танаиса. Диапазон определяемых элементов Al – U. Использование геометрии полного внешнего отражения в спектрометре «РФС-002» позволяет исследовать элементный состав веществ, содержание химических элементов в которых может достигать 10^{-9} – 10^{-10} г/пробу. Для уточнения центра производства также был проведен химический анализ образцов глины из античных центров амфорного производства: Гераклеи, Синопы и Амиса, любезно предоставленных докт. ист. наук С.Ю. Внуковым (г. Москва), а также образцов керамики светлоглиняных эллинистических клейменных амфор гераклейского и синопского производства.

Полученные результаты говорят о том, что ряд образцов керамики СУА варианта D из Танаиса по химическому составу близок к синопской желтой глине. Это может свидетельствовать о производстве части таких амфор не только в гераклейских, но и в синопских мастерских с использованием местного сырья. Спектральный анализ, несмотря на всю сложность его применения в археологических исследованиях, открывает большие перспективы для изучения древних технологий и определения центров производства не только амфор, но и других артефактов.

- Внуков С.Ю., 1988. Светлоглиняные амфоры I в. до н.э. – I в. н.э. как источник по экономической истории Северного Причерноморья. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Внуков С.Ю., 2006. Причерноморские амфоры I век до н. э. – II век н.э. Часть 2. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.
- Зеест И.Б., 1951. Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем // ВДИ. №2.
- Зеест И.Б., 1960. Керамическая тара Боспора. // МИА. № 83.
- Шелов Д.Б., 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.
- Шелов Д.Б., 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. №156.
- Шелов Д.Б., 1994. Новые монетные находки в Танаисе // Вестник Танаиса. Выпуск 1. Ростов-на-Дону.
- Arsen'eva T., Kassab Tezgör D., Naumenko S., 1997. Un dépôtoir d'atelier d'amphores à pâte claire. Commerce entre Héraclée du Pont et Tanais à l'époque Romaine. // *Anatolia Antiqua*. Vol. V.
- Dyczek P., 1999. Amfory rzymskie z obszaru dolnego Dunaju. Warszawa.
- Dyczek P., 2001. Roman Amphorae of the 1st–3rd centuries AD found on the Lower Danube. Typology. Warsaw
- Opař A. Rec.: Roman Amphorae of the 1st–3rd centuries AD found on the Lower Danube. Typology. Warsaw, 2001 // *Archeologia*. LIV. Warsaw, 2003.

А.Н. Ворошилов, О.М. Ворошилова
Институт археологии РАН, Москва

Восточный некрополь Фанагории (исследования 2010 года)

В сезоне 2010 года Фанагорийская (Таманская) экспедиция Института археологии РАН под руководством В.Д. Кузнецова после годичного перерыва вновь продолжила исследования некрополя Фанагории. Раскоп общей площадью 525 м² был разбит на восточном некрополе, практически у окраины поселка Сенной. Работы носили спасательный характер, так как эта часть памятника находится под угрозой полного исчезновения, что обусловлено как природными (оползни, абразия), так и антропогенными (строительство, деятельность грабителей) факторами. В связи с этим новый раскоп расширил к западу исследованные в 2002–2004 гг. площади, сохраняя от разрушения расположенные здесь погребальные сооружения.

Исследования показали, что фанагорийцы начали хоронить на этом участке древнего кладбища еще в эпоху эллинизма, о чем свидетельствует парное захоронение этого времени с большим набором инвентаря (в основном, столовой посуды). К эллинистической эпохе, скорее всего, относится и небольшой склеп с каменным закладом в дромосе, полностью ограбленный в древности.

В римскую эпоху данная часть некрополя использовалась гораздо интенсивнее. В ходе исследований было обнаружено девять погребальных сооружений этого времени, представлены они грунтовыми могилами, погребением в яме с подбоем и каменным закладом, а также довольно большим грунтовым склепом. В погребальных комплексах обнаружены останки как взрослых мужчин и женщин, так и детей.

Среди погребений римского времени привлекают внимание два захоронения с таким редким для Фанагории элементом погребального инвентаря, как оружие. Погребение 138 принадлежало воину, который

был похоронен практически в полной боевой амуниции. Кисть его левой руки находилась в области таза. Ноги скрещены в щиколотках (правая нога на левую). У левой ноги мужчины лежал длинный меч с деревянной рукоятью. На правом бедре – короткий кинжал с кольцевым навершием. К поясу погребенного подвешивался каменный оселок, у ног располагался колчан со стрелами. Вдоль стенки могилы лежало копье. Оружие и снаряжение подвешивалось при помощи кожаной портупей, от которой сохранились бронзовые и железные детали. Второй воин обнаружен в погребении 141. Он был вооружен длинным железным мечем с широким клинком в деревянных ножнах, который лежал вдоль правой ноги. Сохранились и многочисленные детали портупей. Находка нагайки в правой руке мужчины является уникальной для фанагорийского некрополя. Таким образом, обнаруженное в рассмотренных воинских захоронениях оружие и снаряжение, а также его положение в могиле, свидетельствует в пользу того, что мы имеем дело с погребениями боспорских всадников. Их изображения широко известны на рельефах каменных надгробных стел Боспора.

Особый интерес представляет грунтовый склеп римского времени. Вход в его камеру был заложен вторично использованным каменным надгробием. Оно имеет хорошо сохранившийся глубокий рельеф, на котором изображена батальная сцена с участием «оруженосца» и двух всадников, один из них повержен. В камере склепа на трех лежанках и в проходе между ними обнаружено пять захоронений, совершенных в деревянных гробах-саркофагах, два из них детские. Среди разнообразного и многочисленного погребального инвентаря следует особо выделить уникальную находку рельефных украшений деревянного саркофага, которые выполнены из необожжен-

ной глины. На них изображена голова Медузы Горгоны. Лицевая поверхность этих налепов покрыта белой краской, глаза и брови выделены черной.

Захоронения на рассматриваемом участке некрополя продолжались и в позднеантичную эпоху. К концу IV – началу V вв. н.э. относится грунтовое погребение и два склепа. В грунтовой могиле была похоронена женщина, облаченная в одежду, скреплявшуюся несколькими бронзовыми фибулами. Здесь же обнаружено большое количество украшений (стеклянные и каменные бусы, подвески, бронзовый колокольчик, рубчатые пронизи из желтого металла и др.). У головы погребенной стоял набор керамической посуды. В его состав входили: краснолаковые блюдо и мисочка, сероглиняные горшочек и орнаментированный кувшин с зооморфной ручкой в виде сидящей птицы.

Склепы этого времени имели почти идентичную ориентировку, конструкцию (прямоугольный узкий дромос, коридор с порогом, подквадратная в плане камера) и располагались вплотную друг к другу. Они ограблены в древности, однако, часть инвентаря была

не замечена грабителями. Так в камере погребения 147, содержащей три захоронения, обнаружены остатки деревянной шкатулки с костяными накладками и металлическим замком, в ней находились розовые румяна, костяная пиксида и другие вещи. Вход в камеру склепа 146 преграждал положенный перед ним массивный длинный меч, деревянная рукоять которого была украшена красным камнем (гранат?) каплевидной формы в золотой оправе.

Положение сохранившегося *in situ* меча поперек входа в камеру, а также то обстоятельство, что он был выдвинут из ножен, то есть находился в «боевой готовности», вероятно, является отражением древних погребальных обрядов, призванных защитить склеп от вторжения грабителей.

В 2010 году в результате исследований некрополя Фанагории было открыто 14 захоронений эллинистической, римской и позднеантичной эпох, получены интересные материалы, проливающие свет на древнюю историю столицы Азиатского Боспора и ее жителей.

В.А. Гаубов

Институт археологии РАН, Москва

О локализации парфянской области Нисайи (по итогам работ Советско-Афганской археологической экспедиции)

В 1985 году В. Болл (при сотрудничестве с Ж.-К. Гарденом) издал очень важную работу «Археологическая карта Афганистана». В этой работе он попытался обобщить весь имеющийся материал по всем памятникам Афганистана от палеолита до позднего средневековья. Выяснилось, что территория Афганистана в археологическом отношении очень неоднородна. Наименее археологически изученным оказался северо-западный регион страны, а внутри него – долина реки Мургаб. Здесь было отмечено всего восемь памятников. При этом никаких датирующих материалов не имеется, поскольку памятники посещались случайно и бессистемно. Более того, в упомянутой книге остались неучтенными многие объекты, зафиксированные разведочными работами Советско-Афганской археологической экспедиции, проводившей исследования в Северном Афганистане с 1969 по 1979 гг. В ходе работ САЭ в долине реки Мургаб было зафиксировано еще 17 памятников. Важнейшим итогом экспедиции можно считать установление датировок ряда памятников: ранний железный век (видимо, Яз-I – Яз-II), античность, раннее и развитое средневековье. Таким образом, стало ясно, что долина р. Мургаб была достаточно плотно заселе-

на (хотя самая восточная ее часть так и осталась необследованной).

В настоящее время можно высказать предположение о древнем названии и достаточно точной локализации этой области благодаря помощи несколько неожиданного источника. В одном из важнейших разделов Авесты, «Вендидате» (или «Видэвдате»), в его знаменитом первом фаргарде (V. 1), который традиционно называют «Географической поэмой», содержится список стран, поклоняющихся Ахурамазде. На пятом месте в этом списке упоминается Нисайя (Нисейя), которая определяется следующим образом – «[расположенная] между Моуру (Маргианой) и Бахди (Бактрией)». Такое прочтение текста представляется наиболее верным, хотя существуют и другие интерпретации, помещающие Нисайю в Мидии (близ Экбатан), либо идентифицирующие ее с парфянской Нисой.

Поэтому можно предполагать, что область по верхнему течению Мургаба является именно Нисайей, поскольку через нее проходил один из двух путей из Мерва в Балх. Один из них – более короткий, но более трудный – вел через пески Юго-восточных Каракумов к берегам Амударьи (примерно к району современного города Керки), а затем – вдоль берега этой

реки к Балху. Второй путь – более длинный, но более комфортный – проходил вдоль реки Мургаб: сначала строго на юг, затем – в горах – следуя по долине, идущей с востока на запад, далее – через невысокий перевал – он выходил на Бактрийскую равнину достаточно близко от Бактр. В эпоху средневековья этот путь отмечался рядом авторов: ибн-Хордадбехом, Кудамой, ал-Макдиси и др.

Это предположение хорошо коррелирует с античной географической традицией. На карте, приложенной к труду автора II в. н.э. Клавдия Птолея «Географическое руководство», присутствует город и область Нисейя (Рис. 1). Город Нисейя отмечен в том месте, где река Мургаб покидает горы и выходит на равнину. На том же сегменте карты, но уже к югу от горной цепи, обозначающей соответствующую границу Маргианы и Ареи, отмечена область обитания «нисейцев», местоположение которой указано достаточно точно (*κατέχουσι δὲ τῆς Ἀρείας τὰ μὲν ἄρκτικὰ*

μῆρη Νισαίοι – «северная часть Ареи населена нисейцами») (Ptol. VI, 17, 3). Такое расположение рядом города Нисайя и области обитания нисейцев заставляет нас думать о естественной связи этих двух фактов. Наиболее вероятным выводом является предположение о том, что город Нисайя является центром одноименной области. Таким образом, можно говорить о полном совпадении данных двух традиций, авестийской и античной.

К сожалению, источники не дают точных сведений о центре этой области, и археологически он исследован также крайне недостаточно. Всего здесь отмечено совсем небольшое количество памятников, из которых лишь два, кажется, могут претендовать на звание столичного города, главным образом, благодаря своим размерам: Меручак (Маручак) и Бала-Мургаб. Средневековые арабские авторы отмечают наличие в этом районе города Мерверруд, который (вместе со своей округой) иногда входил в состав области

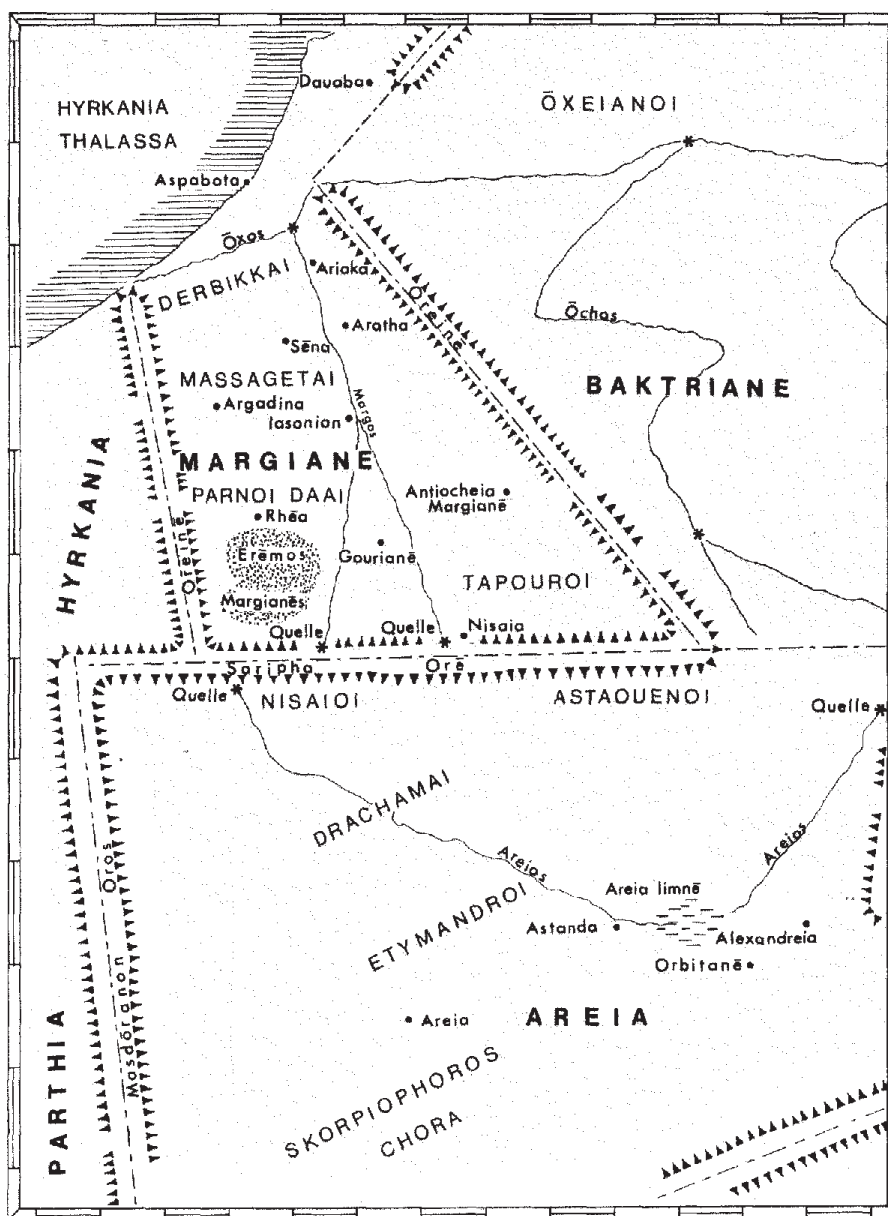

Рис. 1

Карта Маргианы и прилежащих территорий на карте Птолея (по И. Ронка)

Мерва, иногда же представлял отдельную административную единицу. Среди исследователей, занимавшихся этим вопросом, имеются как сторонники отождествления Мерверуда с Меручаком, так и сторонники отождествления его с Бала-Мургабом. Таким образом, можно предполагать, что городу Нисайя древности должен был соответствовать средневековый Мерверруд, но вопрос о том, какое из городищ является руинами этого города, по-прежнему не ясен.

Известную поддержку данному тезису дают и нумизматические материалы. Речь идет о серии монет,

выпускавшихся «неизвестным царем», который, по мнению Д. Селлвуда, царствовал приблизительно в период от 80 по 75 гг. до н.э. (Sellwood, 1980. Тип 30.14 – 30.30. С. 97-99), присутствует уникальная группа, характерной особенностью которой является указание на место чеканки: «в походе» (ΚΑΤΑΣΤΡΑΤΕΙΑ), «в Рагах» (ΕΝ ΡΑΓΑΙΣ), «Маргиана» (ΜΑΡΓΙΑΝΗ), «Траксиана» (ΤΡΑΞΙΑΝΗ), Нисайя (ΝΙΣΑΙΑ), «Арея» (ΑΡΕΙΑ). Соседство с Маргианой и Ареей заставляет думать, что упоминается именно интересующая нас Нисайя.

Г.П. Гарбузов

Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону

А.А. Завойкин

Институт археологии РАН, Москва

Динамика освоения сельских территорий греческих центров Таманского полуострова в VI-V вв. до н.э.¹

Сплошные разведки, проведенные в 1980-х годах Я.М. Паромовым, дополненные материалами последующих разведок и раскопок, предоставляют редкую возможность – проанализировать последовательность этапов и характер освоения греками пространства, окружающего основанные ими колонии.

Для достижения этой цели, *во-первых*, полученный на памятниках в ходе обследований и раскопок датированный материал был распределен по пяти хронологическим фазам/этапам (ок. 575/550–525; 525–480/75; 480/75–450; 450–425; 425–400 гг. до н.э.). Ради полноты учета находок с более широкими датировками использовалась методика оценки статистической вероятности распределения этих находок по фазам, исходя из хронологического контекста каждого памятника, определяемого узко датированными артефактами. Таким образом было определено, какие хронологические интервалы на каждом памятнике представлены, а какие – нет. Здесь необходимо сделать существенную оговорку. Поскольку речь идет о выборках, иногда довольно небольших, предложенные оценки имеют «экспертный» характер, т.е. отражают состояние источника на сегодняшний день и, совершенно очевидно, будут уточняться по мере накопления материалов.

Во-вторых, было выполнено картографирование памятников по этим пяти фазам, что позволило получить основу для анализа пространственного распределения сельских поселений: а) относительно извест-

ных центров (апойкий); б) относительно природно-географических ориентиров, образующих выраженные топографически естественные ландшафтные области (с учетом границ распространения наиболее плодородных земель). *В-третьих*, поэтапно был проанализирован процесс изменения (развития) выявленных на ранних этапах «структур» (плотностей распределения поселений на нескольких уровнях) в территориальном аспекте. Эти «структуры» были получены алгоритмом расчета плотности, реализованным в пакете программ ESRI ArcGIS Desktop (Point Density/Spatial Analyst Tools). Построенные контуры большей или меньшей плотности распределения поселений в связи с высоким уровнем обобщенности результатов не должны рассматриваться «буквально», они служат, скорее, для первичной оценки объективно существующих неоднородностей в распределении известных поселений (что невозможно сделать «на глаз»).

Полученные результаты (рис. 1) позволяют наглядно представить ориентировочные границы хоры отдельных полисов или, в ряде случаев, – границы территорий «агломерации» нескольких полисов в их историческом развитии (до момента их вхождения в состав державы Спартокидов); в двух случаях развития выявленных сельских «структур» (в районе западного угла лимана Цокур и на северном побережье Таманского залива, комплекс памятников «Волна Революции 1 и 2») побуждает к предположению о наличии здесь полисных (?) центров, не известных нам по дру-

¹ Работа выполнена по проекту РФФИ (№ 09-06-00226а) «Античные системы расселения на Таманском полуострове в период становления централизованного Боспорского государства».

гим источникам. Наконец, выявляется яркая картина хронологической неравномерности развития сельских округ на Таманском п-ове: последовательный их подъем на протяжении второй половины VI – первых десятилетий V в. до н.э. и существенный спад достигнутых ранее показателей во второй половине V в. до н.э. Примечательно, что кривая развития памятников сельских округ центров Азиатского Боспора находит близкое соответствие в графике, отражающем динамику численности учтенных взрослых погребений, в том числе – захоронений с оружием. И это совпадение побуждает думать, что причиной спада ранее достигнутых в развитии показателей на сельских округах восточно-боспорских городов было ухудшение военно-политической обстановки в этом регионе.

Историческая интерпретация полученного результата должна корректироваться с учетом повсеместно фиксируемого на Азиатском Боспоре падения во второй половине V в. до н.э. уровня импорта товаров, перевозимых в амфорной таре (фрагменты которой в количественном отношении определяют выборки анализируемых материалов). Иначе говоря, наиболее существенно не только и, видимо, не столько уменьшение

численности сельских поселений, сколько кризис сельскохозяйственной отрасли в целом в данный отрезок времени, т.к. не может быть серьезных сомнений в том, что именно с этим напрямую связаны колебания объемов экспортно-импортных операций между Боспором и центрами Эгейского бассейна.

Принципиальным представляется тот момент, что представленная модель развития сельских территорий исследуемого региона (в отличие от предложенных ранее) опирается на аргументированный ранее тезис, согласно которому история Таманского п-ова на протяжении VI–V вв. до н.э. должна рассматриваться вовсе не как история некоего «нерасчлененного» пространства, а как история нескольких автономных полисов с их сельскими округами (хора), которая (история) на этом историческом отрезке, как теперь выясняется, знала периоды подъема и падения. И кажется вполне оправданным рассмотрение сложившейся к концу V в. до н.э. ситуации на Таманском п-ове как одного из важных обстоятельств, определивших дальнейшую историческую перспективу всего региона, т.е. объединения автономных полисов Боспора под власть Спартокидов.

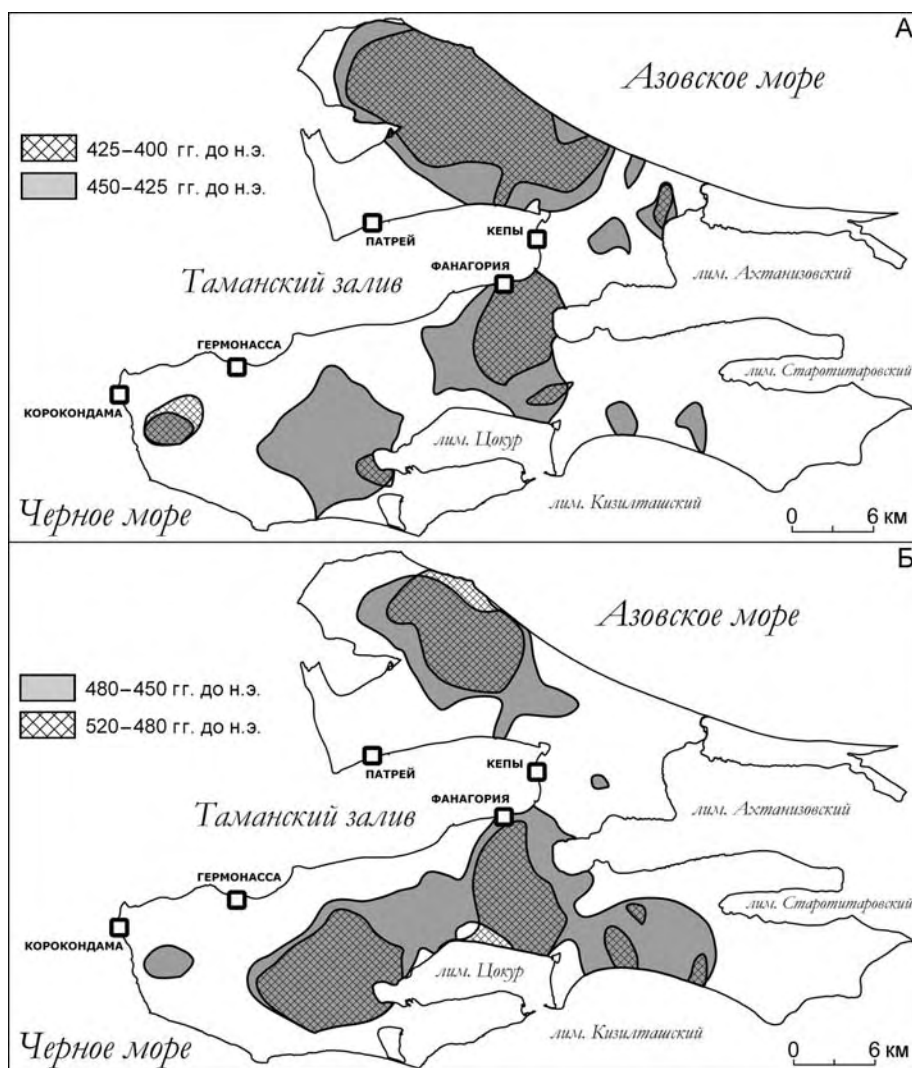

Рис. 1

Области максимальных плотностей распределения сельских поселений на Таманском п-ове: А – ок. 520–480 и 480–450 гг. до н.э.; Б – ок. 450–425 и 425–400 гг. до н.э. Плотность поселений – более 0,07 на кв. км

Реконструкция стада домашнего скота Фанагории в античное время

Остеологическая коллекция, полученная в результате раскопок Фанагории, является крупнейшей и наиболее полной для античных памятников России. Впервые кости животных изымались и анализировались последовательно и по всей территории раскопа на протяжении ряда лет. Сбор остеологических фрагментов животных производился в процессе переборки культурных слоев одновременно с другими археологическими материалами.

Всего за 6 лет раскопок «Верхнего города» было определено до вида 69 397 костных фрагментов. Количество неопределимых фрагментов колеблется от 35,3% до 42,1% от поднятых костей. На долю домашних млекопитающих, кости которых были подняты с квадратов, приходится подавляющее количество (91,4%) от общего количества определимых фрагментов. Основной массив костей представлен 5-6 видами – крупный рогатый скот (*Bos taurus L.*), мелкий рогатый скот (*Capra hircus L.*, *Ovis aries L.*), свинья (*Sus scrofa domestica L.*), лошадь (*Equus caballus L.*) и собака (*Canis familiaris L.*). Также были найдены крайне немногочисленные костные фрагменты осла (*Equus asinus L.*) и кошки (*Felis sp.*). Было обнаружено всего 5 фрагментов костей осла. Определение кошки до вида невозможно в связи с плохой сохранностью подавляющего количества костей. Костные фрагменты этой категории составляют менее процента (0,8%).

На первом месте по количеству костей находятся остатки крупного рогатого скота, на втором — мелкого рогатого скота. Достаточно велик процент костей свиньи. Распределение долей костных остатков свиньи во всех городах Европейского Боспора колеблется в пределах от 0,8 до 9,3% — это свидетельствует о ее небольшой, но стабильной роли в сельском хозяйстве. На Азиатской части необходимо отметить более высокие показатели количества найденных фрагментов домаш-

них свиней, особенно в синдских поселениях (Верещагин, 1959. С. 175). Там они достигают 19,4% от общего количества. Данных по античным городам Таманского полуострова не так много, чтобы на их основании делать какие-либо выводы. Но можно предположить, что доля костей свиней может зависеть от ее использования различными этническими группами (Анфимов, 1977. С. 10). Так же нужно отметить, что и греки широко разводили свиней, особенно в тех областях, где был распространен культ Деметры и Персефоны, так как это животное считалось одним из их символов (Завойкин, Добровольская, 2007. С. 124).

По нашим данным, доля забитых на мясо коров и быков репродуктивного возраста от 2 до 6 лет не превышает 40%. Это типично для мясной и/или мясо-молочной эксплуатации вида с устойчивым воспроизводством его в стаде, т.е. отражает местное скотоводство (Антипина, 2008. С. 72). Достаточно высокий процент животных зрелого и старого возраста (38%) говорит нам о том, что скот использовался также как тягловый и как производитель навоза. В Фанагории использовали и мясо, и молоко, и шерсть мелкого рогатого скота. Именно поэтому существует группа молодых животных, забиваемых на мясо, и другая, которая включает в себя маточных животных и животных, дающих шерсть. Свинья – единственный вид, разводимый только на мясо. Для свиньи характерен короткий цикл размножения и высокая плодовитость. Также этот вид требует минимального ухода и практически может жить на подножном корме круглогодично в условиях Таманского полуострова. Почти 60% забиваемых животных приходится на молодых особей, около 40% составляют маточное поголовье, что вполне достаточно для поддержания стада в стабильном состоянии. Лошадь, также как и крупный рогатый скот, обладает низкой плодовитостью и длительным

Этапы реконструкции стада Фанагории античного времени

КРС	МРС	Свинья	Лошадь	Итого
Остеологические спектры (%)				
37,5	43,1	11,1	8,3	100%
Кратность веса туш с/х животных по отношению к одной туше мрс				
6	1	1,5	5,5	
Предполагаемое число форм эксплуатации с/х животных				
4	3	1	2	
Иерархия видов по относительной численности (модель древнего стада)				
I	II	IV	III	

циклом воспроизводства. На долю самого репродуктивного возраста приходится почти 60% костей лошади. Это может означать только одно – что существовал постоянный приток особей этого вида извне.

Для характеристики скотоводческой деятельности требуется переход от выборки кухонных остатков к оценке мясного потребления населения. Мы проводили реконструкцию по методике Е.Е. Антипиной (2008. С. 71). В таблице представлены результаты по реконструкции стада.

По нашим представлениям скотоводство в античное время было хорошо развито. Мясной рацион жителей был достаточно разнообразным. Стадо Фанаго-

рии в античные времена было весьма внушительным. Поголовье крупного рогатого скота было достаточно большим, чтобы обеспечивать население города мясом и молоком, тягловой силой и навозом, который являлся единственным удобрением того времени. Мелкий рогатый скот широко использовался – он поставлял мясо, молоко и шерсть. Также было постоянное стадо свиней, которого хватало на обеспечение жителей мясом. Постоянное лошадиное поголовье, видимо, было не очень велико и не могло отвечать всем запросам населения того времени, следовательно, жители Фанагории должны были закупать или выменивать лошадей для собственных нужд.

Антипина Е.Е., 2008. Состав древнего стада домашних животных: логические аппроксимации // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. М.

Анфимов Н.В., 1977. Сельское хозяйство у синдов // История и культура античного мира. М.

Верещагин Н.К., 1959. Млекопитающие Кавказа. История формирования Фауны. М.-Л.

Завойкин А.А., Добровольская Е.В., 2007. Боги, люди, животные и птицы в святилище Деметры и Керы на Фонтаноловском полуострове // БЧ VIII. Керчь.

Т.В. Егорова

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Комплекс помещений позднего греческого периода (вторая половина III – начало II в. до н.э.) в юго-восточной части городища «Чайка»

Греческое поселение на городище «Чайка», расположенное в Северо-Западном Крыму на окраине г. Евпатории, существовало на протяжении длительного времени от 60-х гг. IV и до середины II вв. до н.э. Первые два периода его функционирования связаны с расцветом Херсонесского полиса, в дальнюю хору которого оно входило. В 70 – 60-е гг. III в. до н.э. подавляющее большинство памятников Северо-Западного Крыма погибает в результате военного конфликта со скифскими племенами. Не избегает этой участи и Чайкинское городище, но, в отличие от некоторых других памятников, через небольшой промежуток времени жизнь на нем постепенно восстанавливается (Попова, Коваленко, 2005. С. 99-100; Попова, 2007. С. 34).

Строительные остатки третьего периода сохранились крайне фрагментарно, поскольку на значительной площади были повреждены поздним строительством. В северной части городища Е.А. Поповой выделены пять участков с разрозненными объектами (Попова, 2007. С. 4-34). Считалось, что в это время южная часть была полностью заброшенной.

Однако информация о позднем греческом периоде существенно дополнилась раскопками последних лет. На юго-востоке поселения зафиксировано существование строительного комплекса, в который во-

шли несколько помещений, вымостка к северу от них и мощный двор (Рис.1). Часть поздних стен открыта в 1977 г., но ошибочно отнесена к позднескифскому времени. Судя по технике кладки стен и характеру находок, они, несомненно, принадлежали греческому населению. Подошвы стен впущены в слои разрушения усадебного периода, что позволяет отнести их строительство ко времени не ранее, чем 60-е гг. III в. до н.э.

Данный комплекс перестраивается дважды, также как и часть поздних помещений северных участков (Попова, 2007. С. 8-13). Это четко прослеживается по его перепланировке и двум уровням полов.

Все помещения выполняли хозяйственно-бытовое назначение. Южное (помещение В1), площадью около 7 м², имело в углу полукруглую каменную загородку, характерную для хозяйственных помещений греческих сельских домов. Восточное из трех смежных помещений (В2а), равное ему по площади, первоначально было вымощено плоскими камнями. В северо-восточном углу были устроены ясли шириной 0,70 м, длиной 1,40 м. Видимо, в это время помещение использовалось для содержания скота. Впоследствии оно перестраивается: непосредственно на каменную вымостку намазывается новый уровень глинобитного пола, разбирается каменная стена, отделявшая его от

помещения В26, которая заменяется сырцовой перегородкой (рис. 1). Центральное помещение (В26) по площади в 2 раза превышало остальные. Во втором периоде его планировка претерпевает некоторые изменения: разбирается и переносится южнее северная стена, поднимается уровень пола. О его хозяйственном назначении говорит каменная ступа, вкопанная в юго-восточном углу помещения (рис. 1) и использовавшаяся, судя по всему, на протяжении всего времени его существования.

О функционировании комплекса именно в третьем греческом периоде помимо стратиграфического расположения четко свидетельствуют находки амфорных клейм и фрагментов чернолаковой керамики. При зачистке первого уровня полов помещений и вымосток были найдены материалы, подтверждающие предположение Е.А. Поповой о возрождении жизни на северных участках городища практически сразу после разгрома усадеб (Попова, 2007. С. 6). Это клеймо на ручке фассосской амфоры с именем эпонима Лисандра и изображением амфоры, датирующееся 60-ми гг. III в. до н.э. (Garlan, 2005. P. 326); клеймо на ручке синопской амфоры с эмблемой – Геракл с рогом, 250-230 гг. до н.э. (Fedoseev, 1999. P. 34); клеймо на ручке херсонесской амфоры астинома Никея, хронологической группы 2В (262-237 гг. до н.э.) (Кац, 1994. С. 106, №85); фрагмент

чернолаковой тарелки середины III в. до н.э. (Rotroff, 1997. P. 310. Fig. 47: 658).

Находка аттической чернолаковой пиксиды типа В, лежавшей между двумя уровнями полов в помещении В1, дает дату перестройки комплекса — первая четверть II в. до н.э. (Rotroff, P. 362. Fig. 75: 1234). Примерно к тому же времени (рубеж III – II вв. до н.э.) относится фрагмент верхней части синопской амфоры с клеймом Зопириона и эмблемой – палица/канфар, группы IVa (Garlan, 2004. P. 134, 135).

Верхняя хронологическая граница существования помещений более размыта, поскольку в слоях их разрушения встречается разновременный материал, что связано с поздними перекопами.

Таким образом, время бытования комплекса можно отнести к 60-м гг. III – первой четверти II в. до н.э. То есть он был покинут своими обитателями несколько раньше, чем дома, расположенные в северной части городища. Причем следов насильственного разрушения не выявлено.

Территория поселения существенно сократилась после разгрома усадеб, однако заметных изменений его хозяйственной направленности не произошло. Судя по находкам большого количества тарной и красноглиняной керамики херсонесского производства, в этот период еще не были потеряны связи с Херсонесом.

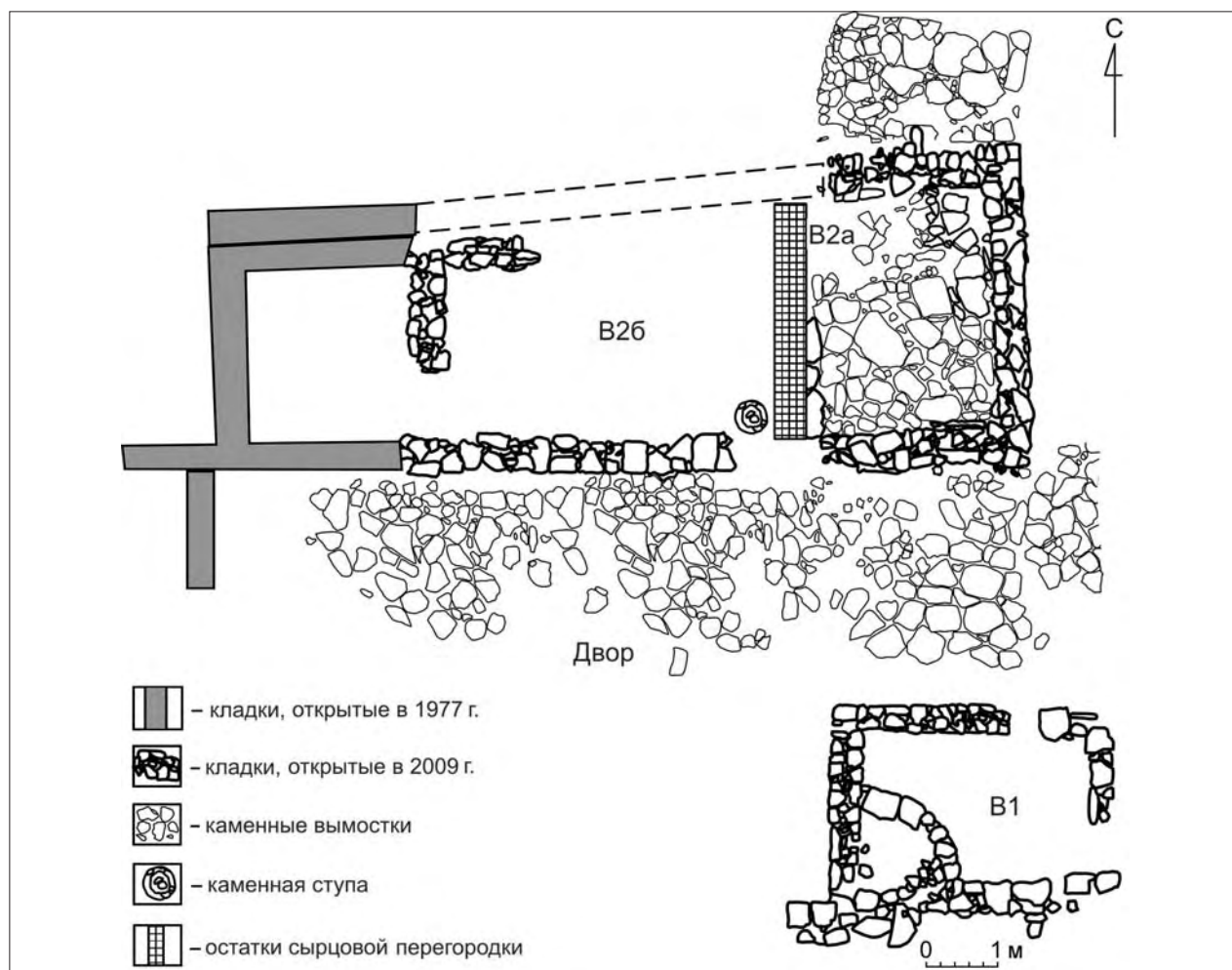

Рис.1

План комплекса помещений позднего греческого периода в юго-восточной части городища «Чайка»

Кац В.И., 1994. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов.

Попова Е.А., 2007. Греческое поселение на городище Чайка во второй половине III – II вв. до н.э. // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. М.

Попова Е.А., Коваленко С.А., 2005. Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам Чайкинского городища). М.

Fedoseev N.F., 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Aix-en-Provence.

Garlan Y., 2004. Les timbres ceramiques sinopeens. Paris.

Rotroff S.I., 1997. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // Athenian Agora. Vol. XXIX.

А.И. Иванчик

Институт всеобщей истории РАН, Москва

Келены – Апамея Фригийская: основные итоги исследований международной экспедиции в 2008-2011 гг.

В докладе излагаются основные итоги разведок Международного проекта исследований в Южной Фригии (руководители А.И. Иванчик, Л. Зуммерер (Мюнхен), А. фон Кинлин (Цюрих). Главным объектом был город Келены – Апамея Киботос (современный Динар, провинция Афион, Турция) и его окрестности. Келены, расположенные у истоков Меандра, были единственной царской резиденцией Ахеменидов в Анатолии: здесь располагались дворцы Ксеркса и Кира Младшего, а также резиденция сатрапа Фригии. Царский дворец располагался здесь и при Селевкидах, когда город получил название Апамеи по имени матери Антиоха I Апамы. Очевидно, в этом дворце был заключен в 188 г. до н.э. Апамейский договор с Римом, по которому Селевкиды отказались от своих владений в Малой Азии. Официально Апамея была включена в состав римской провинции Азия в 84 г., причем экономическое значение города лишь увеличилось. По словам Страбона, Апамея была вторым по значению торговым центром Азии после Эфеса. В византийскую эпоху город продолжал существовать, все более теряя свое значение, хотя апамейские епископы известны еще в VIII–IX вв.

Несмотря на значение города, его систематическое археологическое обследование до сих пор не проводилось и в рамках проекта начато впервые. Лишь в начале 80-х годов Музей Афиона провел здесь небольшие спасательные раскопки, при которых вскрыл часть орхестры театра и несколько ступеней стадиона. Разведки проводились как с применением традиционных методик, так и геофизических методов. Их результаты вносились в гео-информационную систему (ГИС). В основе ГИС лежат космические снимки высокого разрешения, сделанные спутником QuickBird, топографические карты масштаба 1/25000, а также цифровая модель земной поверхности, полу-

ченная в результате исследований NASA (SRTM — Shuttle Radar Topographic Mission).

В ходе разведок на территории города удалось установить место размещения акрополя эллинистической и римской Апамеи – на холме Ючлердже, который был заселен непрерывно с эпохи средней бронзы, и на котором, видимо, располагался и акрополь Келен доэллинистического периода. Обработка примерно 30000 керамических фрагментов, собранных в ходе разведок, главным образом на этом холме, позволила сделать первые выводы о хронологии и культурном облике города.

Кроме того, предположительно установлена локализация дворцов Ксеркса и Кира Младшего, а также агоры классического времени. Геофизическая разведка позволила выявить на холме Ючлердже следы ортогональной планировки, проследить городскую стену и главную улицу, определить место расположения ворот, а также выявить ряд других зданий. В месте предполагаемой локализации дворца Ксеркса (скала Сучикан) обнаруженные аномалии предположительно трактуются как въездные ворота. Здесь найдена керамика разных периодов, в том числе архаического, что подтверждает предположение о размещении на скале фортификационных сооружений в ахеменидскую эпоху, а также около 40 бронзовых наконечников стрел ахеменидского типа. Кроме того, в этом секторе обнаружено несколько каменных ядер метательных машин. Можно предполагать, что эти ядра, как и бронзовые стрелы, некоторые из которых деформированы, являются следами штурма, которому подверглось укрепление на скале.

Систематические разведки проводились и в городе Динар, который перекрывает часть древнего города и его некрополей. Их целью была фиксация древних архитектурных элементов, находящихся *in situ*

или использованных вторично. В частности, были выделены три группы блоков, относящихся к трем разным зданиям: толосу, портику дорийского ордера и крупному зданию ионийского ордера. Архитектурному обследованию были подвергнуты видимые на поверхности остатки древних сооружений, прежде всего театра и стадиона; оба сооружения датированы II-I вв. до н.э.

Особой задачей был поиск новых надписей, в результате которого было выявлено, зафиксировано и обследовано ок. 100 надписей, из них ок. 70 неопубликованных. Это почти вдвое увеличило число известных надписей Апамеи. Особый интерес представляет лидийская лапидарная надпись конца VI – начала V вв. до н.э. Следует отметить, что лидийских надписей известно немногим больше сотни, причем до сих пор за пределами Лидии была обнаружена лишь одна лапидарная лидийская надпись, найденная в Афродисиаде. Эта находка подтверждает косвенные данные письменных источников о значительном влиянии Лидии в Келенах архаической эпохи. Исследовались и остатки византийских построек, в первую очередь хорошо сохранившиеся руины церкви VI в.

Значительное внимание было уделено разведкам в окрестностях Динара. Обнаружено несколько крупных некрополей, окружавших город, общей площадью ок. 150 га (зафиксировано около 300 погребений, видимых на поверхности), два десятка крупных курганов, полтора десятка поселений различного времени, а также элементы инфраструктуры, такие, как

остатки размежевки и древние дороги. Среди поселений выделяется крупное городище, расположенное в 6 км к юго-востоку от Апамеи между деревнями Бюлючаланы и Дикиджи. Вероятно, это остатки одного из городков, принадлежавших Апамее, о которых упоминает Дион Христомом и другие авторы римского времени.

В окрестностях Динара проводилось также специальное изучение гидросистемы. В результате гидрогеологических исследований удалось восстановить древнюю ситуацию и, в частности, установить примерную локализацию истоков рек Марсий и Меандр. Кроме того, удалось подтвердить традицию о формах культа этих рек, существовавшую в Апамее. Древние авторы писали о том, что Меандр и Марсий питаются водами крупного озера Авлотрене, которое было отделено от города горным хребтом. Вода озера, по их сообщениям, уходила под гору, где разветвлялась на два потока, и выходила на поверхность с другой стороны уже как две реки. По сообщению Максима Тирского, у источника обеих рек располагалось святилище, где им приносились жертвы. Гидрогеологические исследования подтвердили в целом эту ситуацию – озеро Авлотрене существует и сейчас, и вытекавшая из него вода уходила под гору до строительства здесь в 1990 г. дамбы, отделяющей озеро от горы. Нам удалось выявить несколько карстовых кратеров, через которые вода уходила под гору. У одного из них, южного (Кокарсу) обнаружено древнее сооружение, предположительно — святилище.

С.В. Кашаев

Институт истории материальной культуры РАН, С-Петербург

Новые открытия на некрополе Артющенко-2 и проблемы охраны памятника

В 2008-2010 гг. Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН продолжал исследования грунтового некрополя античного времени Артющенко-2 (Темрюкский район Краснодарского края). Прежде всего необходимо отметить, что весной 2009 г. на некрополе впервые были зафиксированы следы крупномасштабных грабительских работ. Весной 2010 г. ситуация повторилась. Следы мелкого грабежа фиксировались на некрополе и ранее, но никогда разрушения и ущерб не имели столь значительного и катастрофического для памятника характера. Грабители орудовали в зимне-весенний период. В общей сложности на поверхности некрополя было обнаружено около 50 грабительских шурфов. В отвалах многих из них найдены фрагменты человеческих костей, кера-

мики, железных предметов и пр. В этих случаях можно говорить, что грабительские шурфы попали на погребения.

С помощью своих методик грабители определяли места погребений, находящиеся на глубине 1,5-1,8 м от поверхности, с поразительной точностью. Для этого могла быть использована и современная аппаратура, и иные методы. Также активно использовались длинные щупы, следы которых постоянно фиксируются при проведении раскопок. После определения места расположения могилы грабители закладывали один или два шурфа в пределах могильной ямы, затем делали подбой во все стороны и выбирали археологический материал. Все шурфы были засыпаны самими грабителями и иногда замаскированы травой и дер-

ном. По прошествии времени, без раскопок, трудно определить точные размеры шурфов, поэтому фиксировались примерные размеры пятна распространения отвала, заметного на поверхности.

Нами были зафиксированы все грабительские шурфы, для каждого были взяты отметки координат GPS, проведена фотофиксация его общего вида и нахождение с поверхности. По результатам фиксации все обнаруженные шурфы нанесены на план некрополя. Полученная картина позволяет оценить площадь некрополя, и примерные места расположения погребений. О незаконном повреждении памятника было информировано Управление по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края (г. Краснодар) и органы милиции.

За три сезона Таманским отрядом исследованы почти 1500 кв. м. площади некрополя, обнаружено 50 погребений и еще 9 погребений доследовано за грабителями. Общая вскрытая площадь за 2003-2010 гг. составила 2914 кв. м, исследовано 110 погребений (вместе с доследованными).

Новые открытия и находки на памятнике скорректировали представления о его хронологии и размерах. Стало понятно, что северная граница некрополя расположена более чем в 100 м от современного берегового обрыва. С запада на восток его протяженность как минимум 200 м. Таким образом, можно говорить, что площадь памятника по самым примерным оценкам составляет не менее 20000 кв. м.

На открытом в предыдущие годы (2003-2007) участке были сконцентрированы погребения, относящиеся к началу V — началу IV вв. до н.э. Самые ранние захоронения, открытые за последние сезоны, датируются концом VI в. до н.э., а самые поздние — началом II в. до н.э. В настоящее время, судя по материалам раскопок, можно говорить, что некрополь функционировал с конца VI до первой четверти II вв. до н.э.

Также можно заключить, что на самых северных и самых восточных исследованных квадратах помимо захоронений V в. до н.э. находятся могилы IV-II вв. до н.э. Следовательно, можно предположить, что топографически некрополь развивался с юго-запада на се-

веро-восток. Таким образом, на южных и западных участках могильника находятся погребения архаического периода, а на северных и восточных участках — могилы периода эллинизма.

В последние годы с увеличением исследованной площади стали расширяться сведения о конструкции погребальных сооружений, обряде и разнообразии погребального инвентаря и культуре древнего населения. Удалось зафиксировать несколько типов погребальных сооружений. На некрополе представлены простые грунтовые могилы без перекрытия, грунтовые могилы с перекрытием (предположительно деревянным), могилы в склепах, сложенных из сырцовых кирпичей, могилы с большой погребальной камерой и деревянным перекрытием.

На некрополе также были проведены разведочные работы с использованием естественных методов. Проводилась съемка участков, локализация аномалий и отработывалась методика поиска захоронений, тризн и границ памятника с помощью георадара и магнетометра.

Каждый год в районе памятника археологии Артющенко-2 фиксируются разрушения берега в результате абразии. Например, очень значительные осыпи произошли в апреле 2010 г. От коренного берега, по предварительной оценке, откололся и съехал в сторону моря участок размером примерно 150-200×100 м, площадью до 20000 кв. м. Оползнем разрушен участок грунтовой дороги, проходившей вдоль обрыва, новую дорогу накатывают по площади памятника.

Этот комплекс проблем (деятельность грабителей, абразия берега) обозначил круг незамедлительных мероприятий по изучению памятника: требуется проведение безотлагательных планомерных спасательных работ на некрополе Артющенко-2; предотвращение дальнейшего разграбления некрополя, организация его охраны. Только в таком случае возможно постоянное изучение и пополнение информации о его структуре, площади, хронологии, культурно-этнографической атрибуции, экономических и политических связях. В случае остановки работ для науки будет потерян значительный объем научного материала, «количество» которого уменьшается каждый год.

А.П. Медведев

Воронежский государственный университет, Воронеж

Фанагорийский некрополь римского времени (по раскопкам 2005-2007 г.)¹

В 2005–2007 гг. масштабные исследования Восточного некрополя Фанагории проводили сотрудни-

ки и студенты Воронежского госуниверситета, работавшие в составе Фанагорийской (Таманской) архео-

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ по проекту №10-01-00343а.

логической экспедиции Института археологии РАН. Из 120 исследованных погребений 44 относились к римскому времени. Их хроноиндикаторы: монеты (начиная с Аспурга), фибулы (лучковые одночленные 1-4 вариантов, с плоской спинкой и кнопкой или завитком на конце пластинчатого приемника, смычковые, инкерманской серии, фибулы-броши), бусы (египетский фаянс, глазчатые, со спиральным орнаментом, стеклянные с металлической прокладкой и др.), краснолаковая керамика, светильники местного производства, стеклянные бальзамарии, бронзовые ведрообразные амулетницы и др. Установлено, что облик материальной культуры и обрядность рядового фанагорийского населения начинает существенно изменяться с последних десятилетий I в. до н.э. Самые ранние хроноиндикаторы: одночленная фибула среднелатенской схемы, подковообразная бронзовая пряжка, ранние типы краснолаковой посуды.

Основная масса погребений римского времени на раскопанном участке Восточного некрополя приходится на I в. н.э., хотя открыты комплексы II и III веков. С начала н.э. здесь абсолютно доминировал обряд ингумации, сожжения не встречены ни разу, хотя открыта одна т.н. «кремационная яма-печь». Ведущие типы погребальных сооружений – грунтовые могилы (широкие и узкие), ямы с заплечиками, подбой, в т.ч. двойные с закладами из черепиц, каменные ящики, грунтовые однокамерные склепы с длинными дромосами. Как правило, склепы этого времени имели мощные каменные заклады, отделявшие дромос от камеры. В склепах I – начала II вв. они сложены из специально вырубленных известняковых плит, которые со стороны дромоса подпирали массивные каменные блоки. Более поздние гробницы II и особенно III в. заложены вторично использованными рельефными надгробиями и старыми архитектурными деталями. Камеры склепов обычно содержали останки 3 – 5 человек (исключения: погр. 84 – не менее 10, погр. 100 – не менее 8 погребенных). В склепах захоронения совершались в деревянных гробах или саркофагах (в погр. 101 обнаружены остатки кипарисового саркофага), при этом в двух случаях они были украшены фигурными гипсовыми прилепами. Погребенные чаще всего уложены головой на юг, в склепах – почти всегда в сторону дромоса, хотя встречается и иная ориентировка. На головах усопших иногда встречались остатки золотых погребальных венков. Однако с I в. н.э. в грунтовых могилах и подбоях появляются такие нехарактерные для эллинов обрядовые особенности, как положение кисти руки на нижнюю часть живота и перекрещенные в голенях ноги, скорее всего связанные с сармато-меотской обрядностью (Медведев, 2009. С. 240-243). Со второй половины II – начала III в. н.э. в Восточном некрополе начинает все чаще встречаться северная ориентировка, а также искусственная деформация черепов. Следует отметить необычный ритуал захоронения в погр. 66, где нижние конечности погребенного были дважды аккуратно перепилены – обе бедренные кости чуть выше колен (лежали

in situ), берцовые кости выше щиколоток (кости ступней отсутствовали).

В некрополе римского времени в качестве закладов нередко использовали каменные надгробия. В погр. 71 найдено двухъярусное рельефное надгробие: верхний ярус – усопший возлежит на ложе с кубком, в его ногах восседает на кресле женщина, нижний ярус – боспорские всадники. Такие рельефы наглядно отражали величие личности усопшего знатного фанагорийца, который представлен в двух ипостасях – как воин-всадник и как счастливо пирующий в загробной обители героев (Диатропов, 2001. С.81). В погр. 72 обнаружено надгробие со сценой прощания: справа сидящая на кресле женщина в позе печали, слева – стоящий длинноволосый юноша в короткой куртке, опирающийся локтем правой руки на небольшую колонну. Два рядом лежащих известняковых рельефных надгробия (мужское и женское) найдены вне погребальных комплексов в северо-западной части раскопа 2007 г. В камере склепа погр. 80 обнаружена голова мужского скульптурного надгробия, высеченного из желтоватого керченского известняка. Несмотря на сильную эрозию, она передает облик фанагорийца с суровыми чертами лица. В детском погр. 87 в качестве перекрытия грунтовой могилы была использована т.н. синдская женская скульптура, близкая третьей группе классификации Н.И. Сокольского (Сокольский, 1967. С. 196-198. Рис.3).

Несмотря на очень сильное ограбление, уцелевший инвентарь погребений римского времени более богат и разнообразен, нежели в эллинистическую эпоху. Это различные типы местной круговой красноглиняной и сероглиняной посуды, реже привозной краснолаковой керамики, а также стеклянные сосуды (кувшины, кубки, тарелки, чаши, бальзамарии), светильники, как правило, местного производства, редко краснолаковые, железные, бронзовые, золотые перстни со вставками, фибулы, пряжки, монеты, остатки шкатулок, ключи и многое другое. Следует отметить, что с I в. среди сопровождающего инвентаря начинают встречаться сероглиняные сосуды с зооморфными ручками (погр. 46). В пяти склепах римского времени найдено около двух десятков терракот. Помимо обычных изображений эллинских богинь и иных женских персонажей, а также терракот-марионеток с подвижными конечностями, встречены две мужские статуэтки: «скачущий всадник» с большим круглым щитом за спиной и «пеший воин со щитом». Из редких находок укажем небольшой золотой диск с гравированным изображением гермообразной фигуры божества, близкий «двойному золотому брактеату» из керченской гробницы, раскопанной В.В. Шкорпиллом в 1902 г. (ОАК за 1902. С.51-52. Рис. 86).

Оружие и снаряжение коня в погребениях римского времени встречалось очень редко. Воинское захоронение, сопровождаемое сарматским мечом с кольцевым навершием и железными черешковыми трехлопастными наконечниками стрел, открыто лишь однажды (погр. 80). В погр. 75 в позвонках и та-

зовых костях мужчины 40-45 лет застряли железные трехлопастные черешковые наконечники стрел сарматского типа. Отметим, что, скорее всего, к римскому времени относится большинство открытых конских захоронений: одиночных, парных и тройных.

Установлено, что некоторые из них были связаны с мужскими, другие с детскими погребениями. Не исключено, что их находки маркируют приток в Фанагорию около рубежа н.э. нового варварского населения (аспургиан?).

Диатропов П.Д., 2001. Изображения всадников в античном Северном Причерноморье // Поздние скифы Крыма. М.

Медведев А.П., 2009. Сарматы в позднеантичной Фанагории // Пятая Кубанская археологическая конференция : материалы. Краснодар. ОАК за 1902. 1904. СПб.
Сокольский Н.И., 1967. Синдская скульптура // Античное общество. М.

С.В. Ольховский, О.С. Румянцева
Институт археологии РАН, Москва

Новая категория находок и проблема стеклоделия на Таманском полуострове в римское время

В 2007-2010 гг. при изучении предположительно портовых конструкций в затопленной части Фанагории (раскопки В.Д. Кузнецова и С.В. Ольховского)¹ была сделана серия находок, позволяющая по-новому рассматривать проблему стеклоделательного производства на Тамани. Обломки стекла неправильной формы (рис. 1) с острыми сколами (один слегка оплавлен – рис. 1: 2) обнаружены в южной части подводного фундамента причала, на расстоянии более 150 м от современного берега. Материал внутри и около фундамента (римские сероглиняные амфоры типа F, монеты, фрагменты стеклянных сосудов) позволяет датировать портовую конструкцию III-IV вв. н.э.

Куски стекла имеют размеры от 1,5 до 5 см в максимальном измерении и вес от 1,3 до 66 г. Стекло прозрачное, высокого качества, с малым количеством пузырьков; 5 фрагментов зеленоватого или голубовато-зеленоватого оттенка (рис. 1: 1-3, 5, 6), один окрашен в фиолетовый цвет (рис. 1: 4). Неправильная форма и толщина (0,8-4,3 см) исключают возможность того, что они являются фрагментами готовых стеклянных изделий – посуды или оконного стекла. Химический состав, определенный методом оптико-эмиссионной спектрографии, (аналитик А.Н. Егорьков, ИИМК РАН) типичен для «римского» стекла, сваренного на природной соде. Характерные признаки позволяют интерпретировать данные находки как полуфабрикаты стеклоделательного производства, шедшие на производство готовой продукции в мастерских, не занимавшихся самостоятельно стекловарением.

Данная категория находок заслуживает особого внимания, являясь бесспорным свидетельством стеклового производства. В римское время его цикл был

разделен на 2 этапа: первый — стекловарение с использованием исходного сырья; второй — производство готовой продукции из стеклянных полуфабрикатов. Данные операции выполнялись в разных мастерских – первичных стеклоделательных и вторичных стеклообрабатывающих. В настоящее время стекловаренные печи зафиксированы в Египте и сиро-палестинском регионе, в то время как большая часть европейских, провинциально-римских, мастерских, может быть отнесена, вероятно, к категории вторичных, работающих на привозных полуфабрикатах (Nenna et al., 1997). Связь между первичными сиро-палестинскими и вторичными европейскими мастерскими подтверждена на основе идентичного состава происходящего из них стекла (Picon, Vichy, 2003. P. 25-28).

Стекло в первичных мастерских средиземноморского региона производилось в виде плит весом 8-10 тонн, которые затем кололись на куски, пригодные для транспортировки, и перевозились во вторичные мастерские на обработку. Находки из Фанагории являются мелкими фрагментами подобных плит. Аналогии им зафиксированы как в стеклоделательных производственных центрах, расположенных на территории Израиля и Египта, так и в стеклообрабатывающих мастерских римской Европы (Brill, 1967. P. 88-95; Gorin-Rosen, 1995. P.42, 43; Amrein, 2001; Nenna, 2007. P. 127-130). Подобные предметы более крупных размеров обнаруживаются среди грузов затонувших кораблей, перевозивших полуфабрикаты на дальние расстояния (Foy, Жэйгоу, 1998. P. 123-124). Существование торговли подобным стеклом подтверждается данными письменных источников – в эдикте Диоклетиана о максимальных ценах (301 г.) фигурирует, наряду со стеклянной посудой

¹ Выражаем благодарность В.Д. Кузнецову за возможность опубликовать данные материалы.

и стеклом для окон, продаваемое на вес «иудейское» и «александрийское» стекло (комментарии см.: Stern, 2006. P. 52-53).

Находка серии полуфабрикатов позволяет говорить о том, что в Фанагории или в непосредственной близости от нее располагалась мастерская, куда стекло могло поступать на обработку через фанагорийский порт. Объяснить их присутствие в раскопе можно, принимая во внимание конструкцию подводного фундамента – бревенчатых клеток, заполненных битым камнем и перекрытых крупными обработанными плитами вторичного использования. При расчистке фундамента оказалось, что часть находок являлась частью забутовки (битая керамика), а часть попала в море в результате хозяйственного использования конструкции (рыболовные крючки и грузила, кости животных, осколки керамической тары, стеклянные изделия, монеты). Вероятно, мелкие обломки полуфабрикатного стекла оказались в море при разгрузке корабельного груза на причальную конструкцию и дальнейшей транспортировке на берег. Не исключено также, что недалеко от исследуемой зоны располагалась стекольная мастерская, производственные отходы из которой могли попасть сюда вместе с забутовкой. Среди них могли быть и неиспользованные мелкие кусочки полуфабрикатов; подобные находки встречаются как при раскопках самих мастерских, так и среди отходов их производства. В качестве примера можно упомянуть мастерскую Аванша (римский Авентикум, современная Швейцария, 40-70-е гг.), наиболее полно изученную и опубликованную, где

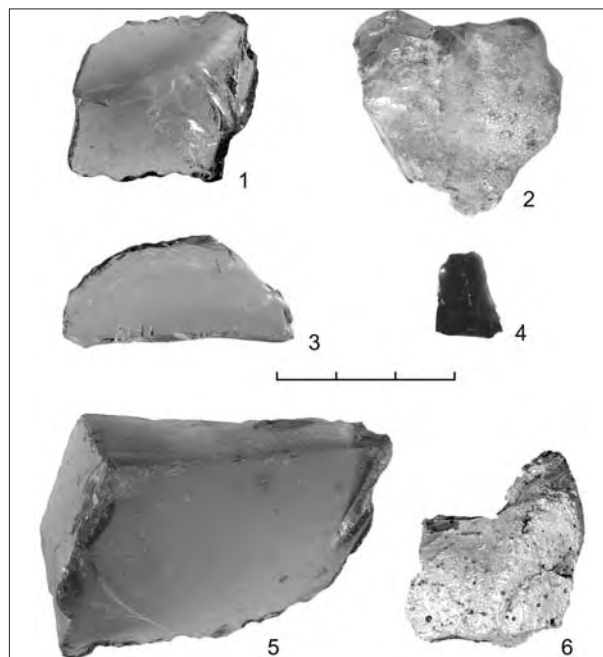

Рис. 1

Стеклянные полуфабрикаты из подводного раскопа Фанагории

было обнаружено 110 фрагментов полуфабрикатного стекла различных цветов общим весом около 360 г. (Amrein, 2001. P. 17-20).

Находки, происходящие из подводного раскопа Фанагории, позволяют ставить вопрос о наличии на Таманском полуострове в позднеримское время вторичных мастерских, работающих, вероятно, на привозном стекле.

Amrein H., 2001. L'atelier de verriers d'Avenches: l'artisanat du verre au milieu du Ier siècle après J.-C. // CAR, 87. Lausanne.
 Brill R.H., 1967. A great glass slab from ancient Galilee // Archaeology. Vol. 20. 2.
 Foy D., Jézégou M.-P., 1998. Commerce et technologie du verre antique: Le témoignage de l'épave Ouest Embiez 1 // Méditerranée antique: Pêche, Navigation, Commerce. Paris.
 Gorin-Rosen J., 1995. Hadera, Bet Eli'ezer // Excavations and surveys in Izrael, 13.

Nenna M.-D., Vichy M., Picon M., 1997. L'atelier de Lyon, du Ier siècle après J.-C., et l'origine des verres «romains» // Revue d'archéométrie. №21.
 Nenna M.-D., 2007. Production et commerce du verre à l'époque impériale: nouvelles découvertes et problématiques // Facta. №1.
 Picon M., Vichy M., 2003. D'Orient en Occident: l'origine du verre à l'époque romaine et durant le haut Moyen Âge // Échanges et commerce du verre dans le monde antique. Eds. D. Foy, M.-D. Nenna. Montagnac.
 Stern E.M., 2006. Les verriers dans la Rome antique // Arts et sciences: Le verre dans l'Empire Romain. Sous la direction de M. Beretta, G. Di Pasquale. Paris

А.В. Полеводов

Национальный археологический и природный парк «Батаково», Омск

М.А. Корусенко

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Омск

«Обол Харона» на юге Западной Сибири

Судя по историческим свидетельствам и описаниям, обряд «Обола Харона» имеет очень глубокие корни, наиболее чётко зафиксированные в античную

эпоху (Литвинский, Седов, 1984. С. 150-154). Этот обычай выражается в сопровождении умершего монетой или монетами, чаще всего помещёнными в рот

или в руку умершего, иногда в иных местах (возле черепа, на груди, в других местах возле его тела или в заполнении могильной ямы).

Географические и временные рамки зафиксированных случаев использования этого обряда в погребениях чрезвычайно широки – от Западной Европы до Центральной Азии, от Скандинавии до Северной Африки и от античности до позднего средневековья. В славяно-русской археологии следы такого обряда обобщенно именуют «оболами», или «оболами мёртвых» (Макаров, 1990. С. 41-42). В научной литературе отмечено, что этот обряд бытует и в христианской Руси, доживая до XVII — XVIII вв. В Золотой Орде в XIV-XV вв. этот обычай был достаточно распространённым явлением (Пигарёв, 2000. С. 283-301), а также встречается в мусульманских погребениях VIII — XV вв. в Иране и Средней Азии (Литвинский, Седов, 1984. С. 155). Характерно, что упомянутый обряд у населения данных регионов не является повсеместным (как, впрочем, и в античную эпоху), а скорее, существует как один из вариантов обращения с умершим.

Тем интереснее попытаться интерпретировать случаи обнаружения «оболов» в могильниках позднесредневекового населения юга Западной Сибири, а конкретнее – района бассейна р. Тары (современные Омская и Новосибирская области) и прилегающих территорий, которые находятся за пределами уже выявленных очагов распространения этого обычая.

В настоящий момент нам доступны материалы исследованных в разное время погребальных комплексов Черталы 1, Окунево 7, Чеплярово 27 и Кыштовка 2. Датировка могильников укладывается в границы XVII-XVIII вв., они оставлены населением, потомки которого известны под названием барабинских и тарских татар. «Оболы» в этих погребениях представлены, в основном, единичными находками нумизматических материалов, концентрирующихся, как правило, в районе черепа умерших, чаще всего возле нижней челюсти. Иногда зафиксированы случаи, когда монеты обнаружены во рту умерших. Именно такая чёткая локализация этих находок и, в большинстве случаев, их единичность, даёт нам основание интерпретировать описанные случаи как реплику классического «обола Харона».

В большинстве упомянутых нами некрополей обряд «обола» достаточно редок (менее 10 %, обычно 3-5 % от общего массива исследованных погребений).

Как можно судить по материалам могильников хантыйского (и протохантыйского) населения Сургутского Приобья VIII – XVI вв., выявлена устойчивая традиция помещения на череп умершего металлических пластинок (медных, бронзовых), которые явно связаны с посмертной лицевой маской. Судя по контексту, пластинки, всегда имевшие отверстия, и, следовательно, прочно крепившиеся на матерчатую основу, располагались, в первую очередь, в районе глаз, реже — в районе носа и рта (Очерки культурологи-

неза..., 1994. С. 283-288; Чемякин, Карачаров, 1999. С. 46-62).

Монетные находки известны в хантыйских погребениях XVI-XVII вв. на Югане. Но в этих погребениях они локализовывались в иных местах (т.е. вне связи с головой умершего) (Семенова, 2001. С. 34, 112 и др.).

Материалы А.П. Дульзона по южным группам селькупов XVI-XVII вв. (Дульзон, 1955, 1957), демонстрируют нам большое количество монет в погребальных комплексах, которые зафиксированы как в районе черепа, так и в других местах на теле умершего или могилы (например: в районе таза, на груди, в котле, в горшке, в кошельке и т.д.), их количество может достигать 5 штук. Такие монетные находки нередко соседствуют со следами матерчатых лицевых масок с нашитыми бляшками или пластинками в области глаз, носа и рта.

В материалах второй половины XIX в. Нарымского Приобья известны факты помещения в селькупских погребениях монет на глаза умерших – на что прямо указывает их местоположение в глазницах черепов (Боброва, Максимова, 1998. С. 144).

Материалы Л.М. Плетнёвой XVI-XVII вв. по могильникам Томского Приобья (возможных предков томских татар), так же как и данные А.П. Дульзона, демонстрируют обилие монетных находок, археологический контекст которых очень близок селькупским погребениям. Этнокультурное своеобразие исследованных Л.М. Плетнёвой комплексов состоит в отсутствии (по крайней мере – явном) следов лицевых посмертных масок, хотя известны случаи обнаружения монет с отверстиями (Плетнёва, 1990. С. 38, 41-43, 49, 56, 60-63 и др.).

Как можно судить, в материалах бассейна р. Тара проявление обычая «обола мертвых» носит более, если можно так выразиться, аутентичный характер в сравнении с описанными нами областями Сургутского, Нарымского и Томского Приобья.

Пока можно лишь высказать осторожное предположение об истоках этого обычая в могильниках XVII-XVIII вв. юга Западной Сибири можно. Учитывая достаточно широкое распространение обычая в некрополях Золотой Орды XIV-XV вв., можно, с определённой долей уверенности, связывать его и с культурой населения государств – эпигонов Золотой Орды, к которым с полным основанием можно отнести территории лесостепного Обь-Иртышского междуречья, входившего в орбиту влияния Сибирского Ханства.

Вместе с тем, возможен и другой путь (не западный) проникновения обряда «обола мертвых» — через группы населения из районов Средней Азии, обобщенно именуемыми бухарцами или сартами. Мы уже упоминали, что на юге Средней Азии этот обычай известен с античного времени и фиксировался ещё в погребениях XV в. Торгово-экономические и политические контакты этого региона с Западной Сибирью известны, по крайней мере, со времени Сибирского ханства.

Высказанные предположения пока носят гипотетичный характер, тем не менее, мы надеемся, послу-

жат стимулом для активного обсуждения выявленного феномена.

- Боброва А.И., Максимова И.Е., 1998. Шаманское погребение с р. Тым (публикация материалов) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т. 3. Новосибирск.
- Дульзон А.П., 1953. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Т. X. Томск.
- Дульзон А.П., 1955. Остатки могильники XVI и XVII веков у села Молчанова на Оби // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Т. XIII. Томск.
- Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. 1994. Т.2. Мир реальный и потусторонний. Томск.

- Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г., 1999. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург.
- Литвинский Б.А., Седов А.В., 1984. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М.
- Макаров Н.А., 1990. Население русского Севера в XI-XIII вв. (по материалам могильников Восточного Прионья). М.
- Пигарев Е.М., 2000. Монеты в погребениях Золотой Орды // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк.
- Плетнёва Л.М., 1990. Томское Приобье в позднем средневековье. Томск.
- Семенова В.И., 2001. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск

Е.А. Попова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Городище «Чайка» и проблемы археологии Северо-Западного Крыма

Первая группа проблем связана со временем господства в Северо-Западной Таврике греков. Вторая – касается хронологического периода, характеризующегося приходом поздних скифов.

Греческий период в Северо-Западном Крыму отмечен рядом вопросов, один из которых – проблема начала освоения Северо-Западного Крыма и принадлежности памятников определенному государственному образованию — не решена и дискуссионна. Возникновение Чайкинского городища многими исследователями датируется V в. до н.э. На основании этой даты делаются далеко идущие исторические выводы. Исследования же нижнего горизонта Чайки говорят об отсутствии остатков греческого поселения, предшествовавшего херсонесскому укреплению. Материалы некрополя у пос. Заозерное также показали: ранние погребения датируются последней четвертью IV в. до н.э., что подтверждает датировку возникновения городища в середине IV в. до н.э.

Исследования чайкинского городища дали возможность построить стратиграфическую шкалу с хронологическим контекстом, основанную на данных керамической эпиграфики и нумизматики. Согласно этой шкале можно выделить три основных этапа существования здесь греческого поселения: 60-е гг. – конец IV в. до н.э.; рубеж IV-III – 70-е гг. III в. до н.э.; середина III в. до н.э. – вторая половина II в. до н.э.

Исследования городища «Чайка» и некрополя у пос. Заозерное позволяют предложить вариант реконструкции истории освоения греками Северо-За-

падного Крыма. Городище «Чайка» служит основой для ее построения, т.к. время его существования охватывает почти все периоды истории региона. К VI-V вв. до н.э. можно отнести два пункта: Керкинитиды и Панское-1. С 60-х годов IV в. до н.э. идет колонизация Северо-Западного Крыма Херсонесом. Памятники этого времени – «Чайка», Кульчук, Джан-Баба, Караджинское городище, Калос-Лимен основаны херсонесскими властями. Тогда же Керкинитиды и Панское переходят в руки Херсонеса. В конце IV в. до н.э., когда строятся усадьбы на «Чайке», возникают пункты из блоков усадеб – Беляус, Южно-Донузлавское, Тарпанчи и Маслины. Основание их датируется концом IV – рубежом IV-III вв. до н.э. Схожими с «Чайкой» являются Маслины и Беляус. Все пункты, по-видимому, строятся херсонессцами. «Чайка» была захвачена и перестроена как блок усадеб. Остальные пункты, вероятно, возникали сразу как блоки усадеб (например, Беляус).

Еще одна проблема, связанная с освоением Херсонесом Северо-Западного Крыма – вопрос о присутствии в среде греков представителей местного населения. Присутствие варварского населения на античных поселениях определяется наличием в слоях характерной лепной керамики. В Северо-Западном Крыму на многих античных поселениях были сделаны находки лепной керамики кизил-кобинского типа. Указывает ли ее наличие на существование более раннего варварского поселения или представители его жили среди греков? Решение этих вопросов связано с классификацией лепной керами-

ки кизил-кобинского типа. В греческих слоях городища «Чайка» лепная керамика с резным орнаментом встречается в нижних горизонтах в довольно большом количестве. Она принадлежит к типу кизил-кобинской посуды и настолько специфична, что в приемах ее изготовления и орнаментации исследователи усматривают отражение устойчивых традиций, сложившихся в определенном этносе. Кизил-кобинская культура отождествляется с этносом тавров. Чайкинская керамика также принадлежит, несомненно, таврам, поскольку совершенно аналогична керамике с собственно таврского поселения Карань-2. Схема и техника нанесения орнамента идентичны чайкинским находкам. По классификации С.Н.Сенаторова керамика «Чайки» относится к финальному этапу кизил-кобинской культуры, датируемому второй половиной IV – первой третью III в. до н.э. Судя по опубликованным материалам, кизил-кобинская керамика этого периода присутствует и на других поселениях дальней хоры Херсонеса в Северо-Западном Крыму: Беляус, Южно-Донузлавское, Панское, Маслины. В Херсонесе же преобладает керамика более ранняя. Вероятно, на месте, занятом позднее греческим полисом, располагалось таврское поселение, что согласуется со свидетельствами письменных источников о территории расселения тавров. Более странным представляется наличие и в Керкинитиде кизил-кобинской керамики в слоях V в. до н.э. Возможно, это обстоятельство может служить аргумен-

том в пользу идеи о проведении западной границы расселения тавров в районе Керкинитиды.

Вторая группа проблем связана с появлением на «Чайке» нового населения. Одна из главных – об истоках позднескифской культуры. Комплекс керамики позднескифского поселения и некрополя датируется II в. до н.э. – I в. н.э., отражая хронологию существования позднескифского поселения на «Чайке».

Факт единовременного появления на местах прежних греческих пунктов совершенно аналогичных по материальной культуре памятников – поселений поздних скифов – уже сам по себе примечателен. Это был значительный контингент оседлого населения, по каким-то причинам покинувшего прежнее место жительства, разделившегося на отдельные группы и занявшего пункты, известные заранее как удобные для проживания. Это не согласуется с концепцией об эволюции культуры скифов-кочевников и превращении ее в культуру оседлого населения, археологически представленного поселениями типа «Чайки» и других позднескифских поселений. Материалы «Чайки» говорят об отсутствии связи с ранней культурой скифов-кочевников. Они, скорее, указывают на связь с другой ветвью скифского народа – оседлыми скифами Боспора. Мы видим здесь не отражение процесса седентаризации, а лишь замену одного оседлого населения (греков) другим (поздними скифами) путем переселения на хору Херсонеса, возможно, при поддержке Боспора.

Д.В. Поспелов

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула

О локализации античного маяка на мысе Тарханкут

Вопрос о локализации античного маяка на м. Тарханкут поднимается исследователями с завидной регулярностью (П.О. Бурачков, П.Н. Шульц, В.Д. Блаватский, А.Н. Щеглов, В.А. Кутайсов). На данный момент достоверно известно о строительстве древними греками маяков на острове Змеином, на Тендровской косе близ Одессы и в Херсонесе, причем последний даже точно датирован 422-421 гг. до н.э.

Важной отправной точкой для исследования является рассмотрение топонимической составляющей вопроса. До нас дошло несколько исторических наименований данного выступа: турецкое — Эски-Форос (Старый маяк) и на итальянских порталах — Rosofar, или с. Rosofar, с весьма прозрачной этимологией — «красный фонарь», то есть «маяк» (Кутайсов, 2006, С. 5).

Однако перед последним топонимом стоит латинская буква «с», то есть «саро» («мыс»), что делает данное предположение весьма уязвимым. К сожалению, вне поля зрения исследователей осталось редкое издание члена конгрегации мхитаристов в Венеции Минаса Бжишкяна, который сообщает нам греческое название мыса — Кокино фонарь (от греч. — «пурпурный, красный, багряный») (Бжишкян, 1830, С. 49). Скорее всего, названный автор донес до нас древнейшее название Тарханкутского мыса. Итальянцы же просто перевели его на латинский язык.

Хотелось бы отметить еще несколько важных факторов, которые, пусть и косвенно, но указывают на то, что в этом районе существовал античный маяк. В первую очередь, это Керкинитиды, которая вела обширную торговлю со многими городами античного

мира (Кутайсов, 2004. С. 45). Вторым таким фактором может служить наличие крупных населенных пунктов западнее Керкинитиды, в первую очередь, античного Калос-Лимена, а так же Караджинского городища, крупного античного археологического памятника, находящегося как раз в районе мыса Тарханкут. Принимая во внимание тот факт, что греческие корабли при плавании из Ольвии или из Истрии даже если и не следовали вдоль извилистой линии побережья, должны были выходить к берегу в районе мыса Тарханкут. Важным фактором является и то, что к западу на одну морскую милю от Тарханкутского мыса по дну моря идет каменистая гряда. На ее оконечности на глубине 3,6 м имеется большое количество подводных камней. Причем вокруг этого нагромождения каменных глыб морское дно находится на глубинах около 9 м.

При более низком уровне моря в античную и средневековую эпохи западный край данного каменистого кряжа выступал над водой от 3 и до 5 м от современ-

ного. По всей видимости, лоции XIX века фиксируют развалины древнего маяка, погруженного в ходе черноморской трансгрессии на морское дно (Лоция Черного моря, 1851. С. 78).

Опираясь на эти данные, Западно-Крымская археологическая экспедиция начала работы по поиску и локализации античного маяка на мысе Тарханкут. Однако основная цель достигнута не была. Была выдвинута гипотеза о том, что остатки маяка, возможно, следует искать не на самом окончании каменной гряды, а уже под водой. Предположение основывалось на том, что этот район славится своим оползневым рельефом, а также на том, что сильное воздействие прилива могло частично разрушить скальную породу, и основание маяка могло оказаться ниже.

Опираясь на новую гипотезу и полученные данные, в сезоне 2008-2009 был продолжен поиск остатков античного маяка на мысе Тарханкут. Изменение направления поиска дало результат: остатки античного маяка были найдены.

Бжишкян М., 1830. Путешествия в Польшу и другие страны, населенные армянами, выходцами из города Ани. Венеция.
Зубарев В.Г., 2005. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.
Кутайсов В.А., 2004 Керкинитиды в античную эпоху. Киев.

Кутайсов В.А., 2006. Караджинское городище в северо-западном Крыму // Историческое наследие Крыма, Симферополь, №15. Лоция Черного моря, 1851. Николаев.
Шахматов А.А., 1924. Варанголимен и Россофар // Историко-литературный сборник, посвященный В.И. Срезневскому. Л.
Щеглов А.Н., 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.

А.В. Сазанов

Первый канал Российского телевидения («ОАО» Первый канал), Москва

Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор и проблемы хронологии Боспора позднеримского времени

Под поздними типами узкогорлых светлоглиняных амфор мы понимаем хорошо известные амфоры типов F и E. Хронологию амфор типа F рассматривали И.Б. Зеест, М.Б. Шукин, Д.Б. Шелов, А.И. Айбабин, А.В. Сазанов, В.В. Кропотов, В.Ю. Юрочкин. Амфоры «E» были предметом исследований И.Б. Зеест, Д.В. Деопика, Д.Б. Шелова, А.В. Сазанова. Предложенная нами пятнадцать лет назад хронология типов нуждается в корректировке, также как и даты, предложенные другими исследователями.

На сегодняшний момент ясно, что узкогорлые светлоглиняные амфоры типа F сменили амфоры типа D, которые, в свою очередь, были сменены амфорами типа E. Какое-то время типы F и D, F и E сосуществовали. Для определения хронологии этих типов необходимо выявить хорошо датированные комплексы, содержащие

амфоры F и D, комплексы, содержащие исключительно амфоры F, комплексы, содержащие типы F и E и, наконец, комплексы, содержащие только амфоры E.

В докладе подробно рассматриваются все известные на сегодняшний день комплексы с данными амфорами и приводятся датировки совместных находок, прежде всего, краснолаковой керамики. Анализ комплексов указывает на следующее. Узкогорлые светлоглиняные типа F появляются в конце III – начале IV в. и существуют до второй, максимум третьей четверти IV в. Скорее всего, узкая дата этого типа — конец III — начало IV — вторая четверть IV в. То есть, грубо говоря, это тип первой половины IV в. Такая датировка подтверждается находками монет в комплексах с амфорами этого типа, самые поздние из которых датируются 337-350 и 337-361 гг. (рис. 1).

Узкогорлые светлоглиняные типа «Е» датируются периодом от второй четверти IV в. до середины V в. Скорее всего, узкая дата этих сосудов находится в пределах от второй четверти IV в. до конца IV — начала V в. Короче, это тип второй половины IV в. Оба типа сосуществуют в рамках второй четверти IV в. В третьей четверти IV в. преобладает тип Е, который достигает пика в последней четверти столетия. Исходя из этого необходимо датировать и комплексы с этими амфорами. Схематично такая хронология, построенная по принципу существования и сочетаемости типов, выглядит следующим образом. Наличие только амфор типа F позволяет датировать такие контексты первой половиной IV в., сосуществование типов Е и F при преобладании F указывает, по нашему мнению, на время в пределах второй — начала третьей четверти IV в., сосуществование этих же типов, но с преобладанием Е, маркирует третью четверть IV в., наличие только амфор Е свидетельствует о дате в пределах последней четверти IV — начала V в.

При таком подходе прекращение существования Ольвии приходится на третью четверть IV в. (до Танаиса), Каменки-Анчекрак на 50-е — начало 70-х гг. IV в., «послеготского дома» в Тире — примерно на середину IV в.. Гибель помещений на городище Батарейка I относится к началу второй четверти IV в., городищ Кепы и «Батарейка II» — к 40-м г. IV в.

Последняя фаза существования городища «Белинское» приходится на вторую-начало третьей четверти IV в., а самые поздние находки свидетельствуют о конце существования этого городища в последней четверти IV в. Сказанное вызывает необходи-

мость корректировки наших исторических построений, связанных, в первую очередь, с историей Азиатского Боспора позднеримского времени.

Остановимся на важнейшем моменте — времени и событиях, которые привели к разрушению ряда поселений Таманского полуострова. К хорошо исследованным памятникам можно отнести слой пожара и разрушений с кладами монет в Кехах и Патрее и слой пожара с человеческим костяком на Батарейке I. В Кехах самые поздние монеты клада относятся к 341 г., в Патрее — к 336 г. В Кехах в слое пожара с кладом были найдены останки погибшего хозяина дома. На Батарейке I в слое пожара с человеческим костяком была обнаружена монета 324 г. Отсутствуют следы пожаров и разрушений в синхронном слое Батарейки II, а также в синхронных комплексах Фанагрии и Гермонассы. Зато наличествуют монетные клады в районе Батарейки I (Батарейский клад 1976 г.) с самыми поздними монетами 336 г., Фонталовской (Фонталовский клад 1878 г.) с самыми поздними монетами 336 г., Шум-реки под Анапой (Шумреченский клад 1972 г.) с самыми поздними монетами 341 г. К этому добавим, что в Патрее слой пожара не прослеживается на большинстве раскопов, в Кехах он гораздо более выражен, но также не на всех участках. Сочетание таких «очаговых» разрушений явно военного характера и зарытия кладов позволяют, на наш взгляд, говорить о каком-то кратковременном набеге на территорию Азиатского Боспора.

По всей видимости в 336–341 гг. возникает угроза Азиатской части Боспора, которая выливается в 341 г. в набег на важные поселения Таманского полуостро-

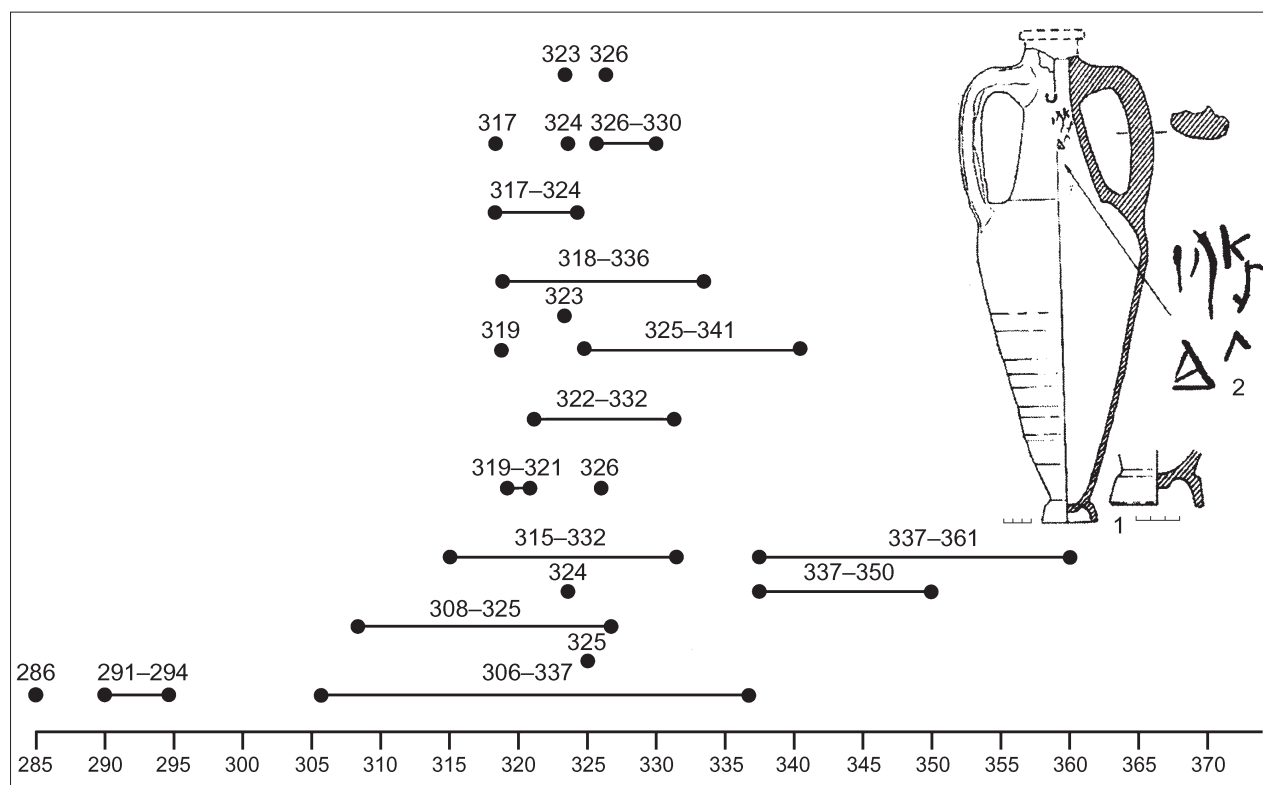

Рис. 1

Монеты в комплексах с узкогорлыми светлоглиняными амфорами F

ва. Маршрут нападавших прослеживается через Кепы, Патрей на Батарейку I, которые подверглись внезапному нападению. При этом не были затронуты крупные города — Фанагория и Гермонасса. Откуда начался этот набег? Как нам представляется, ответ на этот вопрос может дать география кладов с монетами 341 г., среди которых — клад с Шум-реки под Анапой. Речь, стало быть, должна идти о набеге какого-то из северокавказских племен, обитавших на пограничной с азиатским Боспором территории. С этими племенами могут быть связаны поздние варианты монет варварских подражаний второй половины III-первой половины IV в.

В целом, создается впечатление, что Боспорское царство после стабилизации в 80-х годах III в. и более или менее спокойного существования в первом десятилетии IV в., начиная с 317/318 г. вступило в ситуацию перманентной войны с соседними племенами. Попеременно возникали угрозы то со стороны территорий, граничащих с Европейским Боспором, то с азиатского пограничья. В конце концов, поход одного из северо-кавказских племен в 341 г. вызвал системный кризис государства, результатом которого стало прекращение монетной чеканки и разрушение сложившейся инфраструктуры поселений Таманского полуострова.

О.В. Шаров

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Погребения «сарматской знати» на Боспоре в позднееримскую эпоху

В 40-х — 60-х годах прошлого столетия ряд исследователей пришел к выводу о сильном влиянии сарматов на военное дело, искусство и религию Боспора. Было предложено именовать период первых веков н.э. «сарматским», а правящую династию «Сарматской». В последующие годы появилась обратная тенденция: показать, что воздействие сарматов было не столь велико, и на Боспоре в позднеантичную эпоху протекали процессы варваризации армии, населения, вкусов и моды, как во всех уголках Римской Империи. Обратимся к анализу некоторых боспорских комплексов позднееримской эпохи, которые имеют черты сарматского погребального обряда. Их можно разделить на три хронологические группы.

К первой хронологической группе (эпоха Тиберия Евпатора — Савромата II (150/160-200/210 гг.) можно отнести погребения «всадников» середины — второй половины II века н.э. Это подкурганые погребения в склепах, состоящих из одной-двух погребальных комнат: вторичное погребение в склепе Деметры, вторичные погребения в склепе у завода князя Херхеулидзева, 1841 года, в склепе Каллисфена и в двойной плитовой гробнице на Глинище, 1896 г. В этих комплексах представлены захоронения коня или конского убора вместе с покойником, длинные мечи с навершием и кинжалы. Часто детали украшений и части узды изготавливались специально для погребений. Несомненно, можно видеть влияние сарматской культуры на изменение погребального обряда ряда керченских погребений, но для погребений «сарматского облика» всегда использовались более ранние каменные склепы и плитовые гробницы. К этой же группе относится погребение № 2 в расписном склепе 1975 г. из Горгиппии. В мужском погребении представлены вещи, выполнен-

ные в золото-бирюзовом стиле: кинжал, пряжка и наконечник пояса. Таким образом, во второй половине II в. н.э. мы встречаемся с погребениями, на материалах которых можно видеть проникновение на Боспор «поздних сарматов». Сохраняя детали своего погребального обряда (кости лошади, конская упряжь, кости животных, оружие, бляшки костюма), сарматы попадают под сильное влияние Боспора.

Ко второй хронологической группе (эпоха Рескупорида IV(V) — Тейрана — Фофорса (260/270-300/310 гг.) можно отнести погребения, датированные временем после окончания «готских войн». Это, прежде всего, погребение с Золотой маской и погребение 1972 года из Танаиса. В разрушенном женском погребении 1972 года в Танаисе найдены золотая гривна, полихромные золотые серьги, серебряный канфар и золотая пряжка, украшенная в стиле клуазоннэ. Это погребение показывает, что Танаис в это время не совсем пустовал, и на некрополе совершались отдельные захоронения. В погребении с Золотой маской сочетаются сарматские и боспорские погребальные традиции. Данный обряд погребения крайне редок для Боспора и более характерен для богатых погребений позднесарматской эпохи, когда погребения уже не впускались в более ранний курган, а совершались на значительной глубине под большим курганом. В то же время покойник лежал в боспорском каменном саркофаге I-II вв. Практически все типы украшений костюма могут быть отнесены к середине-второй половине II века н.э., но римские серебряные сосуды и блюдо дают другую дату: середину — вторую половину III века н.э.

К третьей хронологической группе (эпоха Радамсада — Рескупорида V (VI) (310/320-340/350 гг.)

можно отнести погребения Аджимушкой, 1841 г., склеп Гордиковых, комплекс Керчь, 1891, Аэродром, Комаров, курган 8, и, возможно, т.н. погребение Мессаксуди, 1918 г. В это время еще используются склепы эллинистического (погребение Аджимушкой 1841 г.) и раннеримского времени (склеп Гордиковых).

Во всех комплексах представлены детали конской упряжи, в двух из них (Аджимушкой, 1841 г., склеп Гордиковых) представлены и кости лошади. В каждом погребении лежали мечи или кинжалы. На головах погребенных в Аджимушке и в комплексе Мессаксуди были диадемы или венки. В погребениях Аджимушкой 1841 года и с Золотой маской лежали по две узды — характерный признак позднесарматских богатых погребений Боспора, Подонья и Северного Кавказа.

Исходя из представленных материалов, можно сделать некоторые предварительные выводы:

Нам неизвестны погребения боспорской знати, которые можно было бы отнести **по всем признакам погребального обряда и инвентаря** к погребениям сарматов. В комплексах представлены типы вещей сарматского происхождения, прослежены детали сарматского погребального обряда, но *всегда присутствуют элементы боспорской погребальной обрядности и используются местные погребальные конструкции*.

Во всех рассмотренных выше комплексах использовались **более ранние боспорские погребальные сооружения**, т. е. на место погребенных ранее клали новых покойников, используя при этом также ряд предметов более раннего погребального инвентаря.

Рассматривать приведенные факты можно двояко:

- А. **Это мирная ассимиляция нового «позднесарматского населения»** боспорянами уже в первом поколении. Сарматская знать принимает боспорские погребальные традиции, и лишь оружие и конская упряжь или кости коня свидетельствуют о привнесенных новых традициях. В этом случае можно вполне говорить о процессе варваризации населения Боспора в позднеримскую эпоху, как и во всех уголках Римской Империи.
- Б. **Это принудительная и достаточно жесткая ассимиляция боспорян новой сарматской знатью**, при которой разрушаются погребения знатных боспорян, используются старые фамильные склепы и в них хоронят уже представителей новой боспорской элиты с характерными деталями сарматского обряда — оружием и конской упряжью.

Лишь полная публикация всех материалов раскопок данных боспорских комплексов поможет ответить на поставленные вопросы.

Памятники раннего железного века Евразии

О.В. Аникеева

Государственный научно-исследовательский институт реставрации, Москва

С.В. Заседателева

Орский гуманитарно-технологический институт, Орск

Возможности минералого-технологического анализа при изучении каменных бус

Изучение каменных бус из курганов ранних кочевников (коллекции Орского историко-краеведческого музея) методом минералого-технологического анализа показало, что использование в типологии каменных бус технологических признаков (помимо общепринятых – форма и материал) позволяет наметить возможные ремесленные центры их производства.

По данным минералогического анализа для изготовления бус использовались: сердолик, сердоликовый оникс, агат, аметист, горный хрусталь, известняк, мрамор, коралл, рудный камень (красный железняк).

Изученные каменные украшения разделились на две крупные категории: бусы (включая пронизи) и подвески. Среди них были выделены группы с определенным типом сверления и обработки поверхности камня. На основании аналогий с распространением выделенных групп каменных бус синхронного времени в Средней Азии и на Памире, в Индии и Персии, на Кавказе (Вайнберг, 1979; Дресвянская, 1969; Кондратьев, 1992; Леммлейн, 1951. Литвинский, 1972, Пташникова, 1952; Трудновская, 1979; Beck, 1944; Schmidt, 1957; Stropach, 1963; Woolley, 1962) предложены ремесленные центры их изготовления.

Минералого-технологический анализ показал, что «визитной карточкой» ремесленного центра может служить следующая комбинация признаков: 1) способ сверления – учитываются форма каналов, форма и диаметр отверстий, наличие дефектов на краях отверстий; 2) характер шлифовки и полировки поверхности камня при выведении формы; 3) наличие подготовительных операций, облегчающих вхождение сверла в камень; 4) искусственное улучшение окраски камня или нанесение на поверхность камня искусственного орнамента; 5) минералогические характеристики, позволяющие определить вероятные источники поступления каменного материала.

Каменные бусы из коралла, мела, мрамора, красного железняка в этой работе не учитывались, т. к. поверхность мягких камней подвергается значительным изменениям в ходе бытования и хранения в погребальных камерах, и характерные детали обработки

поверхности камня на них, как правило, неопределимы.

Изученные бусы происходят из курганов, датированных по археологическому материалу второй половины V–IV вв. до н.э. (Смирнов, 1977). Установлено, что среди каменных бус преобладают бусы из ремесленных центров Ахеменидского государства: удлиненные и рубленные бусы из сердоликового оникса, фигурные подвески из агата, фигурные бусы из сердолика, агатовые бусы «глаз из камня» (eye stone), трубчатые пронизи из сердолика, мелкие бочонковидные и уплощенно-сферические бусы из сердолика и агата, кривогранные сердоликовые бусы, скарабеоидные бусы из горного хрусталя.

Присутствуют бусы из индийских ремесленных центров: удлиненные агатовые и сардеровые бусы, граненые бусы из аметиста, мелкие сферические бусы из сердолика.

В единичных экземплярах присутствуют бусы из ремесленных центров Средней Азии (мелкие шаровидные сердоликовые бусы) и Кавказа (сферические бусы из желто-коричневого сердолика).

Кроме известных способов сверления (металлическим штифтом, трубчатым полым сверлом, алмазным и корундовым сверлом) в каменных бусах установлен смешанный тип сверления каналов – трубчатым и алмазным сверлом. Техника применения алмаза в сверлении отверстий зародилась и сформировалась в Индии. Смешанный тип сверления характерен для мастерских, осваивающих новую технологию сверления бус алмазным сверлом. Вероятно, это происходило поэтапно: сначала вводилось досверливание отверстий с другой стороны алмазным сверлом или отверстия сверлились с двух сторон корундовым и алмазным сверлами, затем сверление отверстий производилось только алмазным сверлом (Chatterjee, Basu, 1961). Изучение каменных бус из раскопанных мастерских на северо-западе Индии (Beck, 1944) показало, что в VI в. до н.э. сверление каменных бус производилось, преимущественно, алмазным сверлом. Это позволяет предположить, что сверление сквоз-

ных отверстий в каменных бусах алмазным сверлом начинает постепенно распространяться из Индии в

ремесленные центры Ахеменидского государства и контролируемых им соседних территорий.

Вайнберг Б.И., 1979. Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. Труды ХАЭЭ. М. Т. XI.
 Дресвянская Г.Я., 1969. Бусы с городищ Старого Мерва // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад. Т. XIV.
 Кондратьев И.И., 1992. Бусы из курганов Присарыкамышской дельты // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье). М.
 Леммлейн Г.Г., 1951. Каменные бусы из Самтаврского некрополя // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилисси. Вып. 29.
 Литвинский Б.А., 1972. Древние кочевники «Крыши мира». М.
 Пташникова И.В., 1952. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма // Труды ХАЭЭ. М. Т. I.
 Смирнов К.Ф., 1977. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.

Трудновская С.А., 1979. Ранние погребения юго-западной курганной группы могильника Туз-Гыр // Кочевники на границах Хорезма. Труды ХАЭЭ. М. Т. XI.
 Beck H.C., 1944. The beads from Taxila // Antiquity. Vol. XVIII. № 72.
 Chaterjee B.K., Basu A., 1961. A historical account of the agate industry at Cambey and its distribution in India // Oracle Java Message Service. Vol. LI, № 4.
 Schmidt E.F., 1957. Persepolis II // Contents of the treasury and other discoveries. Chicago–Illinois. Vol. LXIX.
 Stronach D., 1978. Pasargadae // A report on the excavations conducted by the British institute of Persian studies from 1961 to 1963. Oxford.
 Woolley L., with a contribution by Mallowan M.E.L., 1962. Ur excavations. Vol. IX // The Neo-Babilon and Persian periods. London.

С.В. Берлина, Н.А. Попов

*Тюменский государственный университет,
 Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень*

Фортификации племен раннего железного века лесостепного Тоболо-Ишимья

Ранний железный век Тоболо-Ишимья представлен баитовской, саргатской, гороховской и кашинской культурами. В пределах железного века они охватывали различные хронологические периоды. Первоначально данную территорию заселяли племена баитовской культуры (с VII в до н.э.), затем в VI–V вв. до н.э. здесь появляются памятники саргатской и гороховской культур. Этот период характеризуется резким увеличением числа укрепленных поселений, и, соответственно, возрастанием их роли в процессе жизнедеятельности.

Городища баитовской культуры, в основном, круговой планировки, при этом ранние VII–VI вв. до н.э. сравнительно слабо защищены, имеют невысокий вал, иногда без рва (Старо-Лыбаевское 2 и 3, Слободо-Бешкильское, Боровушка, Увал I–V, Лихачевское). Увеличение защищенной площади шло путем строительства смежных площадок, либо возведением новых фортификаций за пределами детинца. Можно говорить о преемственности традиций фортификационного строительства между носителями баитовской культуры и зодчими переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку. Система оборонительных сооружений реконструируется как изгороди из частокола и плетней вокруг жилой площадки, при этом некоторые из них могли и не иметь оборонительной функции. Памятники позднего этапа (V–IV вв., Баитовское, Большой Имбиряй 3) укреплены более внушительными конструкциями с валами, где фиксируются остатки деревянных конструкций и рвы (Цембалюк, 2009). Про-

слеживается тенденция к увеличению мощности валов и глубины рвов. Полагаем, что усиление оборонительной линии достигалось за счет увеличения глубины рва и высоты вала, поверх которого устанавливались уже известные частоколы и плетни.

Укреплений саргатской культуры в Тоболо-Ишимье известно около 20: часть их занимает высокие мысы, остальные – расположены в пойме. Городища в пойме или у озер сохраняют округлую планировку, размеры валов и рвов различны – от невыразительных до мощных. По форме преобладают мысовые городища (около 12 местонахождений), при этом появляется разнообразие планировок – это поселки с двумя-тремя линиями обороны, с рядом расположенными площадками. На форму оборонительных сооружений существенное влияние оказывает рельеф местности. Реконструкции, проведенные по материалам изученных памятников, позволяют говорить о наличии в оборонном зодчестве частоколов, плетней, стен, сложенных в пазово-шиповой технике, а также укреплении стенок рва деревом для увеличения мощности и высоты вала (Берлина, 2010. С. 16).

Памятники гороховской культуры расположены, в основном, в Приисетье и Притоболье, единичные – распространены на территории Приишимья. Городищ известно около 20, они также делятся на мысовые и береговые. Зафиксированы городища простые – округлых форм и сложные – многогранных форм, с выступами, бастионами и сложными входами (Чудачки, Марьино ущелье 4, Ильтяково и др.) (Матвеева,

2000; Борзунов, 2002). Раскопками установлено устройство частоколов, клетей, башен и выступов; предпочтение в строительстве отдавалось дереву. Приоритетными были именно искусственные защитные сооружения. Исследователи отмечают влияние среднеазиатской архитектуры на оборонное зодчество (Стоянов, 1969. С. 56; Борзунов, 2002. С. 94), хотя полное отсутствие сырцового кирпича среди используемых в строительстве материалов позволяет в этом усомниться.

Бедность культурного слоя гороховских поселений неоднократно отмечена исследователями, однако объяснение его как следствие временного (летнего) использования городищ противоречит факту наличия сложных фортификаций и стационарных жилищ. Возможно, они являлись убежищами на случай военной опасности.

Таким образом, прослеживается усложнение фортификационного зодчества: от простых заборов у носителей байтовской культуры к более сложным оборонительным системам. К V в. до н.э. – времени появления носителей саргатской и гороховской культур – количество городищ резко возрастает. Наряду с продол-

жающейся традицией сооружения округлых крепостей широкое распространение получают мысовые городища, где активно используются естественная защищенность местности. При этом наблюдается не только тенденция к общему усилению фортификаций, но и к усложнению их строения: появляются двух- и трехплощадочные городища, различна форма оборонительных линий – от простых прямых до сложных с выступами, башнями. Прослеживается поиск новых форм, комбинаций известных элементов, конструкций для усиления общей обороноспособности. Наблюдается изменение вида памятника: от простых мысовых к сложным двухплощадочным. Можно заключить, что ранний железный век лесостепного Тоболо-Ишимья ознаменовался появлением и закреплением основных приемов возведения и эксплуатации укрепленных поселений. Интересно, что при общепризнанном влиянии саков на процесс сложения саргатской и гороховской культур в Зауралье южные традиции фортификационного зодчества восприняли только носители гороховской культуры, а в саргатской культуре прослеживается развитие местных традиций.

Цембалюк С.И., 2009. Характеристика поселений и жилищ байтовской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. № 10.

Матвеева Н.П., 2000. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск.

Борзунов В.А., 2002. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. № 3.

Берлина С.В., 2010. Жилая и оборонительная архитектура населения западносибирской лесостепи в раннем железном веке (по материалам саргатской культуры): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень.

Стоянов В.Е., 1969. Зауральские лесостепные поселения // КСИА. М. Вып. 119.

Н.А. Берсенева

Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Челябинск

О социальном статусе погребенных старшей возрастной группы в саргатских могильниках Зауралья и Западной Сибири (ранний железный век)

Археологическое изучение возрастных групп базируется на остеологической идентификации костных останков. Разделяя погребенных на группы согласно их биологическому возрасту, археологи пытаются понять, имели ли они социальное значение. Это предварительное разделение, как представляется, не должно быть излишне дробным. В данном исследовании за основу взято трехчастное деление жизненного цикла, принятое в демографии: не-взрослые или «дети» (до 15 лет), «взрослые» (от 15 до 45 лет) и «старшие взрослые» (после 45–50 лет) (Chamberlain, 2006. P. 16). Первая категория — *дету* — физически и социально незрелы и зависимы от взрослых; им присущ самый высокий уровень смертности среди всех

возрастных классов. *Взрослые* характеризуются физической и репродуктивной зрелостью, а также самой низкой смертностью. Переход от *взрослой* стадии к *старшей взрослой* менее точно определяется хронологически, но маркируется снижением женской фертильности и возрастанием смертности среди обоих полов (Chamberlain, 2006. P. 17). Границы между этими возрастными интервалами отражают важные психологические и поведенческие изменения в жизни индивида, но могут слегка сдвигаться для разных полов.

Погребения людей, которых можно отнести к старшей возрастной группе (более 45 лет), как правило, не выступают предметом специальных исследований в археологии. Отчасти это объясняется их не

слишком большим количеством, которое, в свою очередь, во многом проистекает из проблем остеологической идентификации. Тем не менее, в могильниках саргатской культуры раннего железного века Зауралья и Западной Сибири эта группа представлена, и важно попытаться понять, имела ли она *социальное* значение. В биологическом смысле эта группа характеризуется наступлением менопаузы у женщин, постепенным снижением физических возможностей и двигательной активности у обоих полов, возрастанием чувствительности к различного рода инфекциям. В социальном отношении, особенно, в традиционных обществах, старшие члены сообщества обычно пользовались уважением, что можно связать, с одной стороны, доминированием *достигнутого* статуса, а с другой — необходимостью устной передачи опыта и культурных норм последующим поколениям. «Старшие» стояли на вершине общественной пирамиды; власть их, особенно, внутри семьи, часто была непререкаемой. Ритуальная сфера также во многих случаях оказывалась во власти старейшин, старики почитались как хранители религиозных традиций.

С другой стороны, в сложных вождествах или государственных образованиях, где доминировал *приписываемый* статус, вертикальная социальная позиция определяла отношение общества к человеку независимо от его возраста.

Как можно проследить отношение к «старшим» на археологическом материале? С археологической точки зрения, оно может быть отражено в погребальной сфере через локализацию и структуру погребения, а также с помощью сопроводительных артефактов. Предметы создавали физический облик человека и часто служили символами перехода из одной возрастной группы в другую. Например, переход во взрослое состояние мог сопровождаться появлением права на ношение и использование оружия, предметов куль-

та, особых видов украшений. И, наоборот, физическое старение могло этих прав лишать. Кроме того, для демонстрации статуса погребенного часто использовалось пространство: захоронения в центре погребального комплекса полагаются более высокостатусными, нежели на периферии. Тот факт, что социальный возраст имеет свое материальное воплощение как раз и предполагает принципиальную возможность изучения его средствами, доступными археологии.

Предлагаемое исследование посвящено погребениям людей старшей возрастной группы в могильниках саргатской культуры Зауралья и Западной Сибири (VII-VI вв. до н.э. — II-III вв. н.э.). Выборка составила 70 индивидов или 18,5% от общего количества взрослых с антропологически установленным полом.

Анализ погребальных сооружений и сопроводительного инвентаря показал, что возрастная когорта «старших» не имела повышенного социального статуса, связанного с возрастом, но, очевидно, и не была ущемлена в своих правах в связи с этим обстоятельством. Находки зеркал, украшений и сурьматашей в женских погребениях и предметов вооружения в мужских свидетельствуют о том, что данная группа не утрачивала с возрастом и своей гендерной идентичности. Эти факты и все сказанное выше еще раз подтверждает доминирование в саргатском обществе *приписываемого* социального статуса. Обсуждать региональные особенности социального положения старшей возрастной когорты трудно, т. к. в могильниках Тобола и Ишима не сохранилось непогребенных мужских погребений, да и женские единичны. По тем же причинам нет возможности проследить динамику посмертного обращения с пожилыми людьми. Но, с учетом всех данных, сделанные выводы можно распространить на все саргатские регионы и, вероятно, на все хронологические периоды.

Chamberlain A. T., 2006. Demography in Archaeology. Cambridge.

Н.А. Боковенко

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Тенденции развития элитного погребального обряда номадов Центральной Азии в I тыс. до н.э.: Аржан, Пазырык, Ноин-Ула

В самом начале I тыс. до н.э. в Центральной Азии формируются культуры номадов скифского типа. Сразу же создается определенная социальная структура кочевников, в которой большую роль начинает играть элитный воинский контингент, выступающий

генератором формирования обрядовых и мировоззренческих традиций на протяжении длительного периода времени.

Значительные изменения происходят не только в материальной культуре (совершенствуются оружие,

конское снаряжение, одежда, жилище; возникает своеобразное искусство – скифо-сибирский звериный стиль и т.д.), но также и в погребальном обряде. Погребальные комплексы сочетают в себе различные функции: захоронительные, сакрально-церемониальных центров, как воспроизведение модели мира (Савинов, 1992. С. 108–112; Семенов, 1992. С. 112–114; Марсадалов, 1989. С. 32–34; и др.).

Рассмотрение всей системы погребальной обрядности (сооружения, обряд, вещи) наиболее значимых (раскопанных к настоящему времени) элитных комплексов кочевников (Аржан, Пазырык, Ноин-Ула) позволяют, с одной стороны, проследить определенную преемственность отдельных компонентов и, с другой стороны, наметить тенденции их развития.

Этнокультурное значение элитных мегакомплексов (типа Аржан) состоит в том, что благодаря всестороннему анализу основных категорий инвентаря (конского снаряжения, оружия и произведений искусства) удается наметить конкретные культурные районы (Грязнов, 1980), откуда поступили приношения для могущественных вождей. Генетически многие культурные аспекты связаны с древними культурами Казахстана, поэтому можно говорить о политической консолидации, мировоззренческом и культурном единстве в этот ранний период племен скифо-сако-массагетского круга. Гипотеза Л.Р. Кызласова (Кызласов, 1977. С. 71) о сакском происхождении Аржана I подтверждается современными исследованиями, которые усматривают формирование этого элитного архетипа еще в более раннее время –

в период эпохи бронзы, где в памятниках типа Синташта прослеживаются сходные погребальные структуры (Савинов, 2002. С. 48).

Сопоставление материалов элитных комплексов скифской (Аржан, Пазырык и др.) и хуннской (Ноин-Ула и др.) эпох показывает преемственность некоторых важных компонентов (конструкции погребальных сооружений, элементов обряда, конское снаряжение, оружие, посуда, импортные ткани, звериный стиль, орнаментальные мотивы и т.п.), что говорит об определенном влиянии северных кочевых культур на формирование культуры хунну–сюнну Центральной Азии в конце I тыс. до н.э. Несомненно, что также прослеживаются и элементы, связанные с культурой Китая (лаковая посуда, зонтики, повозки и т.п.).

Используя структурные исследования, отчасти удается реконструировать системы, уровень и сложную символику религиозных представлений о переходе умерших в иной мир и у центральноазиатских племен I тыс. до н.э., а также воссоздать следующую мифологему для этого времени (Боковенко, 1988): умерший верховный правитель (военный предводитель-жрец) помещен в центре кургана (Солнца, Вселенной) для перехода в иной мир, вокруг него – многочисленные очистительные, искупительные и сопроводительные жертвоприношения людей (сподвижников), коней, животных, выступающие в качестве связи или транспорта в момент перехода и необходимые для поддержания установленного порядка, гармонии мироздания и нового возрождения.

А.П. Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Следы древней сейсмоактивности на курганах эпохи раннего железа горной долины Нижней Катунь

До недавнего времени о проявлении сейсмичности Горного Алтая можно было судить лишь по данным исторических и инструментальных наблюдений, а также по голоценовым макросейсмодислокациям, представленным, главным образом, оползнями и обвалами.

Катунь, одна из магистральных рек Горного Алтая, дренирует молодой раздвиг субмеридиональной ориентировки, с которым связано шесть исторически и инструментально зафиксированных землетрясений 13–16 классов, с магнитудами 4,6–6,0 и, возможно, более 6,0 (Лукина, 1996. С. 71–74). В пределах тектонических расширений горной долины Катунь в среднем–позднем неоплейстоцене накапливались осадки, формирующие комплексы высоких и средних террас. Цоколь высоких террас представлен среднеоплейстоценовой ининской толщей, достигающей по мощ-

ности 300 м, цоколь средних террас сложен позднеоплейстоценовой сальджарской толщей, мощность которой редко превышает 60 м (Ефимцев, 1964. С. 115–131). В 2010 г. в четырех разрезах горной долины Нижней Катунь Е.В. Деевым (Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН) и И.Д. Зольниковым (Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН) выявлены разнотипные деформации неоплейстоценовых осадков, слагающих цоколь средних террас. Среди них резко доминируют сопряженные системы разломов и трещин, амплитуды смещения по которым находятся в диапазоне от миллиметров и сантиметров до 1,5 м. К хрупким деформациям также относятся грабеннообразные просадки, а также структуры дробления и растяжения слоев. О том, что деформации подвергались рыхлые и, зачастую, влагонасыщенные осадки, свидетельствуют

пологие, дисгармоничные и приразломные складки, плейчатость, многочисленные флексурные изгибы слоев. В результате развития процесса флюидизации возникали текстуры перемешивания осадков, а также частично или полностью уничтожались первичные седиментационные текстуры.

Комплексный анализ выявленных парагенезисов деформаций, как в отдельных слоях, так и в их последовательностях, позволяет предположить их сейсмогенный генезис и объединить в группу сейсмиков (Деев и др., 2009. С. 703–722). В пользу такого предположения также свидетельствуют: 1) приуроченность изученных разрезов к местам сочленения Катунского раздвиги и опоряющих его разломов, актив-

ность которых подтверждается выраженностью в рельефе, историческими и инструментально зарегистрированными землетрясениями; 2) деформированные слои распространены на широкой площади, а в пределах обнажений они могут быть прослежены на десятки и сотни метров; 3) спонтанное развитие деформированных интервалов в однотипно построенных разрезах; 4) наличие в одном разрезе нескольких слоев с деформациями, разделенных недеформированными слоями, ясно указывает, с одной стороны, на дискретность, с другой – на повторяемость событий, что и следует ожидать в сейсмоактивных зонах, характеризующихся чередованием периодов затишья и активизации.

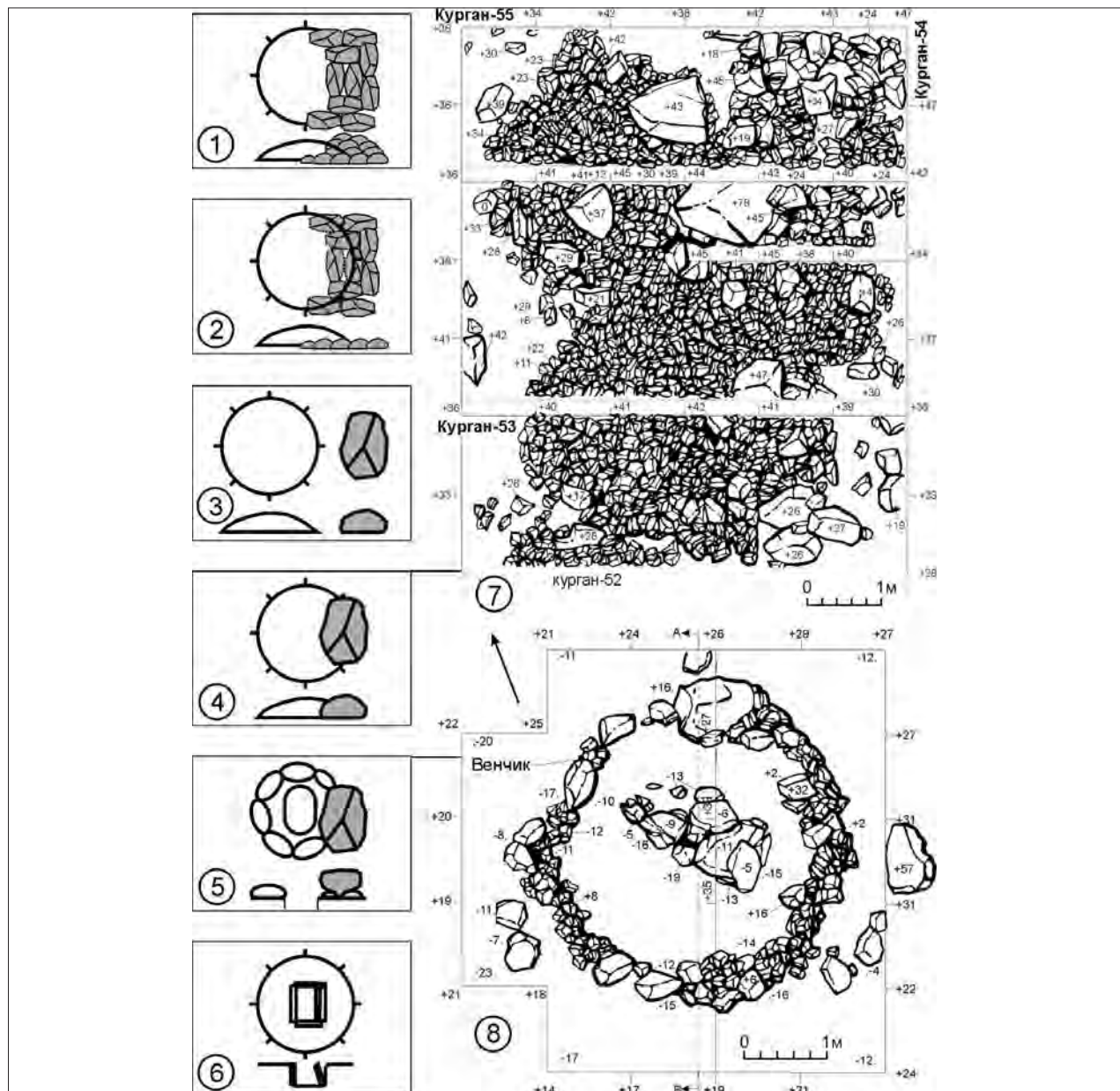

Рис. 1

Следы древней сейсмоактивности на курганной группе эпохе раннего железа Чултуков Лог-1 (горная долина Нижней Катунь). 1 – насыпь кургана, перекрытая горной осыпью; 2 – насыпь кургана, перекрывающая горную осыпь; 3 – массивные грубообломочные камни около насыпи кургана со стороны горного склона; 4 – массивные грубообломочные камни, перекрывающие и деформирующие насыпь кургана; 5 – массивные грубообломочные камни, деформирующие кольцевую крепиду кургана; 6 – деформация стенок каменных ящиков курганов со стороны горного склона; 7 – насыпи курганов 53, 54 и 55, перекрытые грубообломочным материалом со склона; 8 – крепиды кургана 44, деформированная со стороны горного склона крупным грубообломочным блоком

Для Центральной Азии признаки древних землетрясений эпохи металла прослеживаются на примере разрушения и деформации каменных конструкций курганов (Трифонов, Караханян, 2004. С. 320). Специфику расположения археологических памятников в горной долине Нижней Катунь отражают следы древней сейсмоактивности, выявленные на курганной группе эпохи раннего железа Чултуков Лог-1. Некрополь расположен в северо-западных окрестностях с. Манжерок Майминского района на горном участке древней поймы р. Катунь, у подошвы горного склона. Все каменные надмогильные конструкции хорошо задержаны. В курганной группе Чултуков Лог-1 выявлено и исследовано 98 неогранных курганов эпохи раннего железа. На территории некрополя Чултуков Лог-1 сосредоточены захоронения фактически всех археологических культур эпохи раннего железа Горного Алтая (быстрианской, северного локального варианта пазырыкской, кара-кобинской). Судя по сопроводительному инвентарю, некрополь формировался в период с V–IV вв. до н.э. по IV–III вв. до н.э. (Бородовский, Бородовская, 2009. С. 61, 68–70, 73). На южном краю Чултукова Лога-1 располагались 10 курганов майминской культуры (Чултуков Лог-1г), относящихся к началу I тыс. н.э.

При изучении целого ряда курганов эпохи раннего железа Чултукова Лога-1 были выявлены следы древней сейсмоактивности (рис. 1: 1–8). Насыпи курганов, расположенные в непосредственной близости от горы, перекрывали участки горной осыпи (рис. 1: 2), а их поверхность была засыпана камнями с горного

склона (рис. 1: 1). Другие, более удаленные от горы курганы были перекрыты камнями значительных размеров (рис. 1: 4), не входящими в состав каменных конструкций курганов. Эти крупные грубообломочные блоки не только деформировали каменные насыпи (рис. 1: 4, 7), но также продавили их кольцевые крепиды (рис. 1: 5, 8). Для захоронений таких курганов было характерно разрушение камней обкладки могильных ям северного локального варианта пазырыкской культуры, либо сильная деформация стенок каменных ящиков кара-кобинской культуры. Сильно сдвинутыми оказывались плиты стенок погребальных каменных ящиков (рис. 1: 6). В ряде случаев они были значительно отклонены или упали внутрь погребений, нарушив анатомический порядок расположения костей погребенных. Еще одним признаком разрушений является наличие нескольких захоронений, черепа погребенных в которых перекрыты крупными грубообломочными камнями из обкладки или заполнения могилы. Примечательно, что для расположенных на этом же некрополе более поздних погребальных комплексов начала I тыс. н.э. майминской культуры такие признаки деформации каменных конструкций не характерны.

В целом, все признаки древней сейсмоактивности позволяют предполагать, что они являются следами сильного землетрясения, произошедшего в Горном Алтае в конце I тыс. до н.э. Последствия этого природного катаклизма, возможно, повлияли на судьбу носителей пазырыкской культуры в заключительный период ее существования.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., 2009. Археологическое наследие горной долины нижней Катунь. Новосибирск.
Деев Е.В., Зольников И.Д., Гуськов С.А., 2009. Сейсмичность в четвертичных отложениях Юго-Восточного Алтая // Геология и геофизика. Т. 50. № 6.
Ефимцев Н.А., 1964. О строении и происхождении антропогенных отложений долин рек Чуи и Катунь в Горном Алтае //

Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. № 29.
Лукина Н.В., 1996. Активные разломы и сейсмичность Алтая // Геология и геофизика. Т. 37. № 11.
Трифонов В.Г., Караханян А.С., 2004. Геодинамика и история цивилизаций. М.

С.Г. Боталов

Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Челябинск

Исследование погребальных комплексов кочевой аристократии на Южном Урале

В 2010 г. были продолжены исследования на могильнике Магнитный (юг Челябинской области). Полностью исследован курган 21, диаметр земляной насыпи которого составлял 27 м, высота над современной поверхностью – 1,5 м.

Могильная яма располагалась в 10 м к западу от центра, имела подпрямоугольную форму, вытянутую по линии СЮ, и забутована перемешанной материко-

вой глины. Скелет был ориентирован головой на север, лежал вытянуто на спине в гробовине. Под черепом и на груди были найдены золотые подвески с темно-красным камнем, на уровне кистей и на груди – золотые «волнообразные» бляшки. Кроме того, на руках были найдены синие 14-гранные бусины; под левой лопаткой – бронзовый цилиндрический контейнер, около него – бронзовая фибула с орнаментиро-

ванным ромбическим щитком. Среди костей ступней найдены золотые полусферические бляшки.

Большая часть находок, находившихся между гробовиной и южной стенкой могильной ямы: бронзовый кувшин (ойнохойя); ковш с фигурной рукоятью и концентрическими желобками на днище; ситечко; железный черпак с рукоятью и двумя крюковидными окончаниями; гончарный сосуд-фляга, керамическая тарелка, – располагалась компактной группой. Среди них также найдены золотые бляшки треугольной и полусферической формы, вероятно, нашивки на сумочку, а также фрагменты деревянной посуды. Под этими предметами и частично на них зафиксированы остатки органической подстилки, расшитой разноцветным бисером, золотыми бляшками разной формы, костяными или перламутровыми треугольничками. Ближе к южному краю гробовины лежало бронзовое зеркало (подражание китайским), на которое были положены железные ножницы.

Другая группа предметов располагалась в северной части могильной ямы. Возле северной стенки могильной ямы лежал стеклянный стакан. Внутри стакана и рядом с ним находились золотые полусферические бляшки, бронзовый сферический предмет и железный Т-образный предмет плохой сохранности. Рядом с восточной стенкой гробовины находились бронзовый котел и гончарный сосуд (фляжка) с узким горлом.

В целом, исследованный комплекс можно отнести к группе памятников, принадлежавших кочевой элите гунно-сарматского времени. Они хорошо известны среди погребальных памятников II–IV вв. урало-казахстанских и восточноевропейских степей. Данный круг памятников и близкие им комплексы в хронологическом и культурном плане были отдельно проанализированы в работе автора. Наиболее близкие параллели исследованному комплексу имеются среди богатых погребений Лебедевских могильников Западного Казахстана, где в курганах 1 и 2 Г.И. Багриковым в 1966–1967 гг. были исследованы гунно-сарматские погребения с большим количеством западного (позднеримского и боспорского) импорта.

Вопрос о появлении подобных артефактов в раннегуннских комплексах урало-казахстанских степей представляет интерес и заслуживает особого внимания. По нашему мнению, появление столь ярких предметов позднеримского облика далеко на востоке может являться не просто результатом функционирования торговых коммуникаций. Вероятнее всего, данные предметы в качестве подарков и трофеев были получены кочевой элитой в период походов в низовья Дона, на Боспор и в Причерноморье во II–III вв. н.э. Основные категории импортных вещей (фибула с ромбическим орнаментированным щитком, бронзовый кувшин (ойнохойя), стеклянный стакан, бронзовый дуршлаг, ковш, железный черпак, бронзовый сосудик для благовоний) имеет ряд прямых аналогий среди предметов, характерных для материальной культуры боспорских памятников позднеримского времени.

В 2010 г. начаты стационарные исследования могильника Уелги, впервые выявленного в мае 2009 г. поисковиками. Памятник расположен в 8 км северо-западнее от пос. Кунашака (Челябинская область). Он занимает возвышенные останцы береговых террас озер Уелги и Сайгерлы, а также ложбины, расположенные между ними, ориентировочная площадь памятника до 8 тысяч кв. м. Визуально на ранее нераспаханных участках фиксировались грунтовые насыпи курганов (более 20).

Особый интерес представляет погребение № 5, совершенное по обряду трупосожжения, где обнаружена сабля в серебряных ножнах, колчан с пятью наконечниками стрел, ремень с серебряными накладками и остатки ткани. По всей видимости, это следы одежды или факт того, что погребенный был обернут тканью.

Среди предметов ременной гарнитуры из курганов первой группы, расположенных на возвышенной части памятника, встречен ряд изделий (неорнаментированные накладки с прорезью для подвесного ремня, сердцевидные накладки с округлой выемкой, листовидные подвески, луницевидные и билуницевидные (зооморфные) накладки и др.), которые имеют прямые аналогии в памятниках IX–X вв. Башкортостана и Южного Зауралья. Еще одну группу предметов составляют поясные, сбруйные и другие серебряные накладки и украшения, богато орнаментированные растительным узором и имеющие золотые амальгирование поверхности. Эти образцы весьма схожи с аналогичными предметами из отдельных погребений кочевой аристократии, исследованных в Каранаевских и Синеглазовских курганах Южного Урала, а также в Больше-Тиганском могильнике (Поволжье) и кочевнических комплексов Поиртышья, Центрального Казахстана и Алтая. Наряду с этим определенная часть этих изделий имеет прямые аналогии в материалах Карпатской котловины периода *обретения родины*.

С определенной осторожностью рассматриваемую группу комплексов, откуда происходит основная часть материалов ременной гарнитуры, можно отнести к самому концу IX–X вв. Материалы, полученные поисковиками в нижней (восточной – юго-восточной) части комплекса, основную массу которых составляют предметы конской упряжи и вооружения, вероятно, можно отнести к более позднему периоду X–XI вв. По своему культурному облику эти материалы наиболее близки комплексам из Синеглазовских курганов.

Найденная на могильнике Уелги керамика (горшки и отдельные фрагменты более чем от пяти сосудов) показывает широкий круг аналогий, что усложняет определение ее этнокультурной принадлежности. В целом, она представляет собой типологический комплекс позднекушнаренковско-каракуповского облика (тонкостенность и гребенчато-прочерченная зональная орнаментация). Однако, наличие в этой серии горшков со шнуровой орнаментацией, сосудов с ушками и большая примесь талька в тесте указывают на сильное влияние со стороны лесного, вероятно, петрогромского и юдинского культурного ареалов.

С.Б. Вальчак*Институт археологии РАН, Москва***Ю.В. Демиденко, К.Б. Фирсов***Государственный Исторический музей, Москва*

Реконструкция погребального обряда населения скифского времени Поворскля (по материалам полевого дневника И.А. Зарецкого 1887–1889 гг.)¹

В ГИМе хранится коллекция предметов, происходящих из раскопок И.А. Зарецкого – одного из первых исследователей древностей Среднего и Нижнего Поворскля. Археологические находки дополняют сохранившиеся уникальные рукописные архивные материалы: полевой дневник, карта, альбом с рисунками вещей и др. (Вальчак, Фирсов, 2001; Вальчак и др., 2010).

17 июня 1887 г. И.А. Зарецкий начал раскопки курганов в Богодуховском и Ахтырском уездах Харьковской губернии, в бассейне рек Ворсклы и Мерлы в Левобережной Приднепровской лесостепи. «Здесь <...> курганы расположены в разных направлениях; в расположении курганов не замечается никакой правильности, рассыпаясь по полю они <...> прерываются как бы делясь на группы от четырех до восьми штук <...> Форма курганов по преимуществу имеет вид отрезка шара, но есть между ними и более островерхие и с западшею вершиною» (Зарецкий, 1887–1889. Л. 1, 2).

Из полевых записей в дневнике следует, что И.А. Зарецкий раскапывал курганы в разных группах, являющихся отдельными могильниками или их частями этих могильников. Можно предполагать, что пристальное внимание исследователя привлекали курганы, которые выделялись среди прочих размерами или особенностями расположения на местности, более того, если они имели у местного населения собственное традиционное наименование. Например, курган 7 (Витова могила) или курган 13 (Могила Опишлянка). Зарецкий закладывал на курганах раскопы-колодцы по центру насыпи. Как правило, колодцы эти были не менее 2,5x2,1 м, но иногда достигали и 17,8x17,8 м. В Дневнике Зарецкого даны только общие описания формы, а также некоторых визуальных особенностей и размеров курганов.

Изредка автор дневников дает довольно подробное описание окружающего курган ландшафта, указывает на характер расположения ближайших курганов и других объектов. Особое внимание исследователь уделил описанию особенностей местности вокруг кургана 7 (Витова могила). Окру-

жающие объекты (системы валов), возможно, и не имеющие отношения к самим курганам, были им кратко охарактеризованы при описании курганов 10 и 13 (Опишлянка).

Практически для всех курганов в дневнике даются такие параметры, как высота насыпи над современной поверхностью и ее диаметр. Достаточно подробно описывается стратиграфия насыпи многих курганов, а также указываются глубины залегания отдельных слоев грунта. Довольно точно Зарецкий обозначает глубины находок отдельных предметов и объектов в толще насыпей курганов, при этом локализация их относительно центра кургана или какого-либо другого реперного объекта осталась весьма приблизительной.

Достаточно большое разнообразие наблюдается и в описании конструкции и размеров могильных ям, погребальных сооружений и других особенностей конструкции погребений. Для курганов 2, 6, 8, 9 и 14 исследователем отмечены деревянные перекрытия ям, особенности конструкции указаны для курганов 2 и 9 (опорные столбы) и для кургана 6 (сруб внутри ямы). Безусловно, интересным является указание на то, что в курганах 8 и 9 деревянное перекрытие находилось под глинистой засыпкой, являющейся перемешанным выкидом из ямы погребения.

Заслуживает внимание и подробная характеристика укладки выкида кольцом вокруг могильных ям в курганах 7 (Витова могила) и 13 (Опишлянка) – самых богатых по найденному в них инвентарю из раскопанных Зарецким скифских курганов. Детально прослежено и зафиксировано заполнение ям погребений, которое состояло из слоев последовательно проседающей насыпи и оползающего грунта кольцевого выкида.

Хотя изложенные Зарецким в Дневнике сведения о ходе раскопок и особенностях исследованных им курганов часто отличаются внутренней противоречивостью и фрагментарностью, все же представленные им материалы ценны и являются единственным источником для реконструкций.

Авторы сделали графические реконструкции всех курганов могильника. По описанию Зарецкого создавались чертежи-схемы планов курганов, их

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Памятники Среднего и Нижнего Поворскля скифского и сарматского времени (по материалам коллекции И.А. Зарецкого)», проект № 10-01-00389а.

профилей (разрезы насыпи), планы и разрезы подкурганых конструкций и погребений (рис. 1). Это позволяет зримо представить особенности раскопанных курганов и объектов. По имеющимся описаниям создавались несколько вероятных схем, которые сверялись между собой, и выработывался оптимально возможный вариант реконструкции. Работа по уточнению полученных результатов продолжается.

Немалую помощь этому может оказать дальнейшее изучение архивных материалов из наследия Зарецкого, а также коллекции из его раскопок, хранящейся в ГИМе. Кроме того, весьма результативным может быть и сравнение изучаемых материалов с известными синхронными памятниками скифской эпохи, раскопанных с применением современных методик полевых исследований.

Вальчак С.Б., Фирсов К.Б., 2001. Коллекции из раскопок И.А. Зарецкого в собрании ГИМ // Проблемы истории и археологии Украины: Мат. Междунар. научной конф. Харьков.

Вальчак С.Б., Демиденко Ю.В., Фирсов К.Б., 2010. Элитные курганы скифского времени в бассейне р. Ворскла (по материалам коллекции И.А. Зарецкого) // Культ предков,

вождей, правителей в погребальном обряде: Тез. докл. Всероссийской научной конф. М.

Зарецкий И.А. Раскопки курганов в Харьковской губернии Богудуховского и Ахтырского уездов. Раскопки с 1887 по 1889 г. И.А. Зарецкого // Архив Отдела археологических памятников ГИМ. № 748/479. 18779/785.

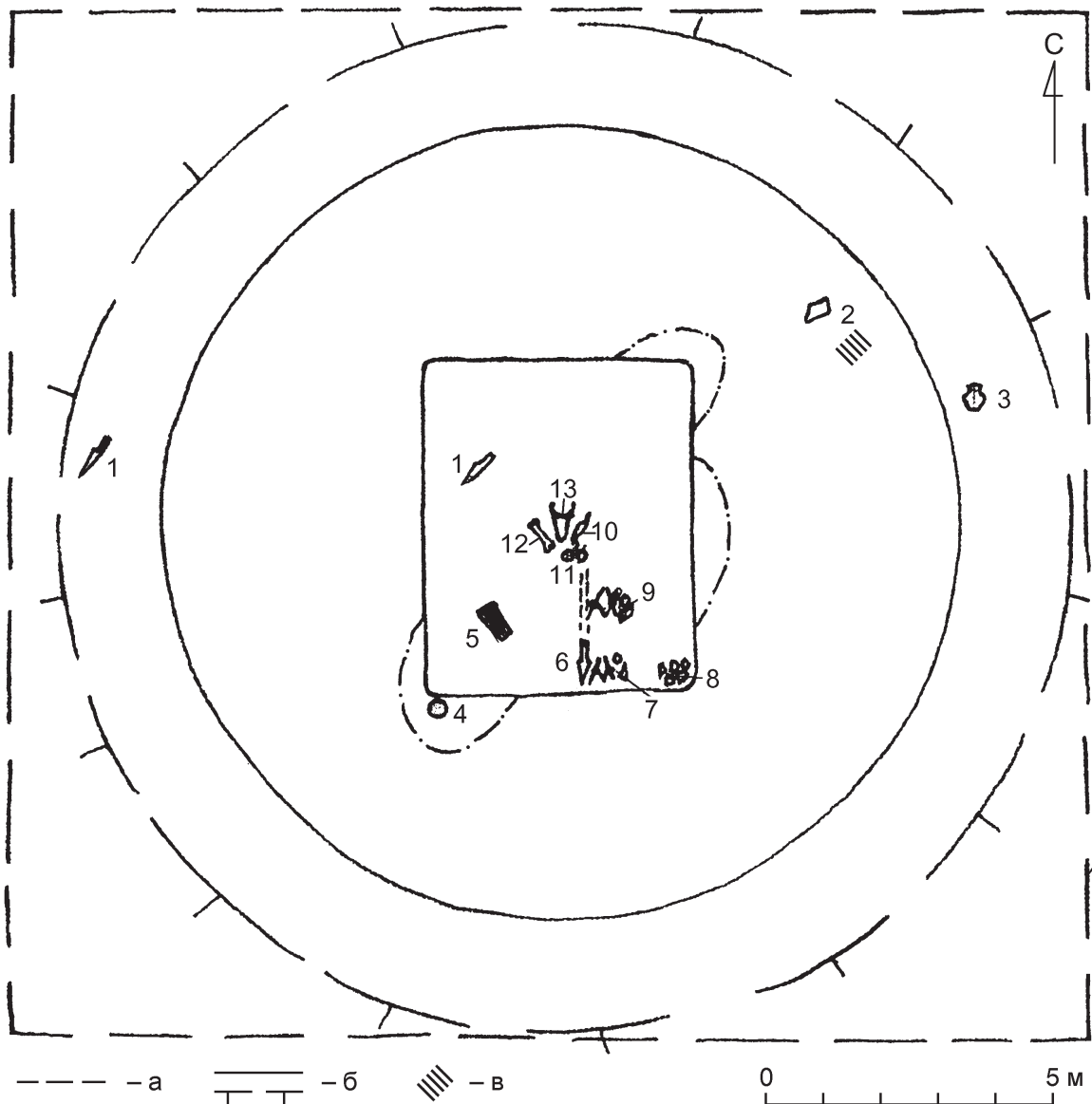

Рис. 1

Реконструкция плана раскопа-колодца в кургане 13 (Могила Опишлянка), исследованного И.А. Зарецким в 1889 г. Опишлянка, курган 13, план раскопа: 1 – ножи железные (–0,36 м); 2 – кусок песчаника (–0,53 м); 3 – фрагмент сосуда (–1,8 м); 4 – сосуд; 5 – колчан; 6 – копье; 7 – удила, псалии (5 комплектов), бляхи, пронизи; 8 – сосуд с углями и пережеванными костями; 9 – нож железный, удила, псалии (5 комплектов), бляхи, пронизи; 10 – нож; 11 – кольца железные; 12 и 13 – кость ноги и череп мелкого рогатого скота.

Условные обозначения: а – границы раскопа-колодца; б – границы кольцевого выкида; в – пятно чернозема. Глубины указаны от вершины кургана (+3,6 м); размеры ямы – 5,7×4,6 м

Костяной защитный доспех населения севера Западной Сибири в раннем железном веке: находки, аналогии, возможности реконструкции

Защитное вооружение: панцирь, шлем и дополнительные детали (щитки для защиты руки от тетивы), – известны на севере Западной Сибири, начиная с эпохи раннего железа. Доспех, являясь частью общего единого оружейного комплекса, наряду с другими факторами (появление в зоне тайги мощных оборонительных сооружений, распространение оружия, новый вид транспорта – олений, специфическое культовое литье, фигурно-штамповая орнаментация керамики и др.), стал отражением значительных социально-экономических и мировоззренческих преобразований новой эпохи.

Фрагменты костяного доспеха, обнаруженные при исследованиях археологических памятников Нижнего Приобья, дают уникальную возможность для реконструкции доспеха таежного воина кулайской эпохи. Уникальность этого источника заключается в том, что в более южных памятниках, практически, не сохранились предметы защитного вооружения из кости. Находки из культурного слоя древнего святилища Усть-Полуй (I в. до н.э.–I в. н.э.) и, в небольшом количестве, из других памятников, дают возможность представить конструкцию и размеры панциря и шлема.

Коллекция костяных (роговых) пластин панциря, полученная в результате раскопок древнего святилища Усть-Полуй за все годы раскопок, насчитывает около 60 предметов. Как правило, находки располагались в культурном слое разрозненно или в комплексах с другими предметами. В одном случае был обнаружен фрагмент панциря из восьми роговых пластин, прикрепленных на кожаную основу. Большинство известных пластин имеют удлиненно-прямоугольную форму длиной 8,0–12,0 см и шириной 1,5–3,0 см с двумя парами овальных отверстий. Реже встречались удлиненные изогнутые или прямые, но более крупные по своим размерам пластины, иногда суживающиеся к одному концу. Все они имеют следы изношенности, доказывающие, что они не могли служить в качестве вотивных копий. Большинство изделий дополнительно орнаментировались горизонтальными поясками из волнистых линий, имитации шнура, S-овидными или меандровидными узорами (рис. 1: а). Другие детали доспеха известны в виде нагрудных пластин. Одна из них с изображением антропоморфной фигуры и мечами по двум сторонам хорошо известна специалистам (Мошинская, 1953. С. 99. Табл. XV). Органично дополняла костяной доспех пластина для защиты запястья руки при стрельбе из лука. Такой щиток, выпол-

ненный из бивня мамонта и орнаментированный S-овидными зигзагами, известен из случайных сборов на Усть-Полуе (рис. 1: б).

Анализ всех привлеченных источников позволяет реконструировать защитный доспех населения севера Западной Сибири в раннем железном веке. Основную его часть составлял длинный панцирь, составленный по ламеллярному принципу из костяных пластин, группирующихся в кольца вокруг корпуса воина. Плоские прямоугольные пластины располагались вертикально и скреплялись кожаными ремешками, продетыми в отверстия. Самые почитаемые (наиболее подготовленные?) среди воинов дополнительно использовали нагрудные пластины, гравированные изображения на которых подчеркивали высокий ста-

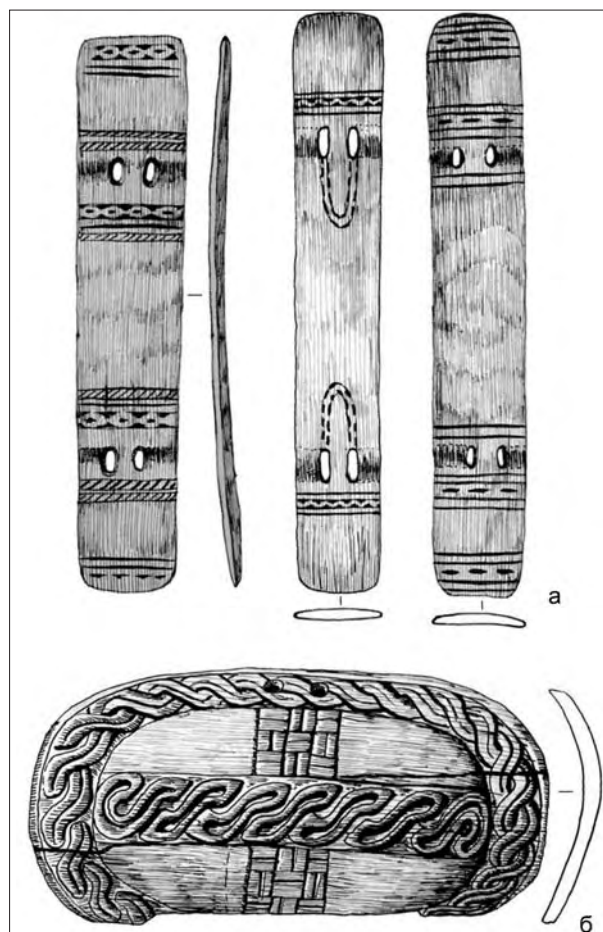

Рис. 1

Древнее святилище Усть-Полуй: 1 – панцирные пластины (рог оленя), 2 – щиток для защиты запястья руки (бивень мамонта)

тус их владельцев. Голову воина и, вероятно, шею защищал шлемовидный убор, также снабженный костяным панцирем. Отличались такие пластины своей конусовидной формой.

Таким образом, защитный доспех воина в полной мере отражал тактику военных действий в тайге – стремительные боевые стычки пеших воинов. Немногочисленные боевые отряды легко преодолевали большие расстояния, используя оленью упряжку на севере или лошадей на юге, оказываясь, как правило, неожиданными для врага. Постепенно предводителями таких отрядов, а также их основной боевой силой становились профессиональные воины, имеющие соответствующий статус, навыки и специальное вооружение. Представляется, что отголоски подоб-

ных исторических реалий нашли свое отражение в этнографии. Г.И. Пелих у селькупов записала предания о «ляках» – уважаемых мужчинах, воинах, отбор и тренировка которых начинались в детском возрасте. Во время боевой атаки «ляки» выступали как тяжеловооруженные передовые воины, способные благодаря особой подготовке на лету отбивать вражеские стрелы специальными палками. При этом за их спинами укрывался основной отряд, ведущий ответный обстрел из луков (Пелих, 1981. С. 141). В угорских преданиях и былинах С.К. Паткановым упоминается эпитет «многорожковый» применительно к защитному вооружению воина, что, вероятно, также отражает реальность традиции применения роговых панцирей.

Мошинская В.И., 1953. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // Древняя история Нижнего Приобья. М. (МИА. № 35).

Пелих Г.И., 1981. Селькупы XVII века: очерки социально-экономической истории. Новосибирск.

**И.В. Исланова, Н.А. Кренке,
Н.В. Лопатин, О.А. Лопатина**
Институт археологии РАН, Москва

Новые подходы к систематике древностей раннего железного века лесной зоны Европейской России

Древности железного века лесной зоны России изучаются уже сравнительно долгое время. Этой большой теме посвящены труды многих выдающихся ученых. Однако современную ситуацию здесь можно оценить как концептуальный кризис. Необходимо активизировать поиск новых подходов к обобщениям в данной области знаний. При внимательном обращении к историографии оказывается, что пути такого поиска не раз намечались рядом исследователей.

Не углубляясь в детали истории изучения, среди исследований можно выделить три уровня детализации: а) «археологические культуры», б) региональный, в) большие территории.

Наиболее привычный из них – монографические исследования *археологических культур*: дяковской (К.А. Смирнов, И.Г. Розенфельдт), городецкой (А.П. Смирнов, Н.В. Трубникова), днепродвинской (Е.А. Шмидт, В.И. Шадыро), штрихованной керамики (А.Г. Митрофанов, А.А. Егорейченко), милоградской (О.Н. Мельниковская). Обобщения по юхновской и верхнеокской культурам (О.Н. Мельниковская, Т.Н. Никольская) остались незавершенными, и поэтому, очевидно, и сами эти

культуры не имеют столь устойчивого статуса в историографии, как вышеперечисленные. При всей разнице подходов и стиля исследователей, все эти обобщения объединены тем, что в их основе лежит понятие «археологической культуры», которая имеет устойчивый, отличающий ее от соседних культур набор характеристик, а также четкие границы. Как правило, обобщения обосновываются материалами нескольких более-менее хорошо изученных эталонных памятников, а весь предполагаемый большой ареал заполняется пунктами, известными по разведочным обследованиям.

Для исследований *регионального охвата* (Н.А. Кренке, В.И. Вишневецкий, И.В. Исланова, Б.С. Короткевич) характерно более углубленное изучение памятников на конкретной, относительно небольшой территории. Как правило, обращается пристальное внимание на периодизацию древностей.

В связи с нашей темой наиболее важно обратиться к тем исследованиям, где обобщаются древности в *широком территориальном охвате*. Здесь самый очевидный подход – суммирование сведений о разных археологических культурах (П.Н. Третьяков, В.В. Седов). Исследователи стремятся в наибольшей

степени, по возможности без пробелов, заполнить географическую карту ареалами культур определенного периода, по сути дела следуя стереотипу современной политической карты.

Большой интерес представляют немногочисленные исследования, авторы которых пытаются отойти от традиционной парадигмы, рассматривая весь массив древностей железного века лесной зоны как аргіоі единый, без заранее заданных условных рубежей. Первым среди таких обобщений следует назвать работу А.А. Спицына, для которого, правда, отсутствие заранее заданных рубежей культурных групп было не исследовательским приемом, а фактом состояния науки того времени. Ареал памятников «дьякова типа» по А.А. Спицыну охватывает в современном понимании территории дьяковской, а также частично городецкой, днепро-двинской, верхнеокской и юхновской культур, что в определенной степени отражает их реальное сходство.

К данному направлению относятся также работы Б.С. Короткевича и А.Н. Мазуркевича («Пять вариантов днепро-двинской культуры»), а также М.Б. Щукина (Глава «Семь миров» в монографии «На рубеже эр»), подразделяющего единый мир «лесных культур» на «финно-угорские» (с сетчатой керамикой) и «балто-славянские». Обе концепции в части обобщения лесных культур железного века не имеют фундаментального и подробного источниковедческого обеспечения.

Тем не менее, нам представляется, что объединение древностей в большие «культурные миры» с последующим их анализом по единому основанию является наиболее перспективным подходом к созданию новых концепций описания древностей железного века лесной зоны.

Главная задача нашего исследования – «инвентаризация» современных знаний о древностях железного века. Анализу подлежали, главным образом, сведения из специальной археологической литературы. Это объясняется тем, что, во-первых, именно они лежат в основе всех широких обобщений, а во-вторых, только так в настоящий момент можно применить к материалу «общий знаменатель», лишив источниковедческого преимущества регионы, хоть и хорошо изученные, но территориально, в целом, относительно незначительные.

Основной частью работы было составление пяти новых карт археологических памятников. Каждая карта соответствует одному периоду железного века: а) VIII–VI вв. до н.э.; б) V–II вв. до н.э.; в) I в. до н.э.–I в. н.э.; г) II–III вв.; д) IV–V вв. Памятники наносились на карты без различия культурной принадлежности; их атрибуция указывалась в табличном приложении согласно авторам публикаций. Учитывались только те памятники, материалы которых опубликованы в минимально необходимом объеме для

определения их культурно-хронологической принадлежности.

Полученные в предварительной редакции карты позволяют сделать вывод о том, что зоны сгущения памятников во все периоды чередуются с зонами пустоты, причем эти зоны в разные периоды не совпадают. Эти «белые пятна» и несовпадения далеко не всегда удается объяснить неравномерной археологической изученностью территорий. По всей видимости, намеченные зоны разреженности археологических памятников (вне зависимости от того, чем они обусловлены – природными или иными факторами) соответствуют реальным границам древних культурно-этнических групп и должны в будущем привлечь пристальное внимание археологов, обобщающих материалы железного века лесной зоны.

Обращение к культурно-хронологической атрибуции и характеристике материалов картографированных памятников приводит к выводу о присутствии в пределах изучаемой территории нескольких «культурных миров» или «кругов», которые во времени сменяют друг друга:

1) Культура городищ с «баночной» и «слабопрофилированной» керамикой (вся территория, периоды А и Б);

2) Поздnezарубинецкий круг древностей, в рамках которого специфическая профилированная орнаментированная керамика присутствует на городищах и селищах, что, возможно, свидетельствует о взаимодействии носителей двух «миров» (средняя часть территории, кроме крайнего запада: Поднепровье, Подесенье и часть Подвинья, период Г);

3) Памятники с керамикой «позднескифского» и «позднедьяковского» стилей, отчасти близких предыдущему и присутствующих в пределах изучаемой территории, главным образом, на городищах (но также и на селищах), сменяя древности «круга 1» (восточная часть территории – Поочье, Москворечье, Верхнее Поволжье, периоды В и Г);

4) Памятники с керамикой «мощинского» стиля (сосуды с уступом и раструбом, грубые и лощеные), сменяющего на городищах древности «круга 3» (территория в основном та же, что и у предыдущего, период Д);

5) Киевская культурная общность (разные ее варианты), сменяющая на разных территориях древности кругов 1 и 2; присутствует, главным образом, на селищах (западная часть территории, период Д).

Следует также заметить, что в последующий период («Великое переселение народов»), выходящий за хронологические рамки нашей темы, культуры, nasledующие «кругу 5», имеют органичное продолжение, расширяя свою территорию на север, а древности «круга 4» повсеместно сходят «на нет» к концу периода Д, причем их территория запустевает.

*М.Т. Кашуба**Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург*

Элементы воинской субкультуры («воинские знаки различия») у ранних кочевников Северного Причерноморья в X–VIII вв. до н.э.

При анализе основных признаков культуры ранних кочевников евразийских степей (погребальная обрядность и сопроводительный инвентарь) также оценивается идентичность умершего. Она представляет собой комплексное сочетание социо-психологических характеристик, имеющих индивидуальные/личностные и общественные/социальные черты. Хотя проделана сравнительно большая работа по выявлению признаков социальной стратификации, все же структура общества ранних кочевников и характер отражения различных его социальных подразделений остаются еще не до конца выясненными.

Среди материальных (вещественных) проявлений идентичности или культурного кода особое место занимают украшения, декоративные элементы одежды и статусные предметы. Обладая физическими «рациональными» свойствами, украшения и детали одежды несли культурные смыслы и некую информацию, как для членов сообщества, так и за его пределами. Всевозможные различимые дополнения также являлись проявлениями индивидуального и маркерами принадлежности члена коллектива к той или иной группе (например, *Burmeister*, 1997. С. 179 сл.). В этой связи обращают на себя внимание, на первый взгляд, невыразительные находки из раннекочевнических захоронений Северного Причерноморья.

Индивидуальное и общее. Бронзовые восьмерковидные бляшки относятся к числу полифункциональных декоративных изделий. Центром их происхождения было названо Волго-Камье; считается, что изготавливаться они могли в местных центрах, а передавалась сама идея таких изделий (Дубовская, 1994. С. 17–22. Рис. 4; Потапов, 1997. С. 35–39; Махортых, 2005. С. 35 сл., 68. Рис. 29: 10–14; др.).

Учет известных экземпляров показывает их распространение от Сибири до Восточного Прикарпатья (Брад – *Kašuba*, 2006. Abb. 6: 9) и Нижнего Подунавья (Картал III – Бруяко, 2008. Рис. 2: 3; 3: 3). При этом в восточных регионах они появляются еще в финальный период эпохи бронзы, в частности, в карасукской культуре ярусные бляшки, имеющие от двух (восьмерковидные) до четырех сегментов, присутствуют на памятниках ее «классического» этапа (III этап, XII–XI вв. до н.э. – Поляков, 2006. С. 14, 20–26; 2010,

55, 56, 66. Рис. 64: 17; 65: 13, 66: 15; 82). Дальнейшее изучение специфики распространения, морфологических особенностей и характера функционирования восьмерковидных бляшек во всем североевразийском пространстве может привести к выводам об их конвергентном появлении (термином «восьмерковидные бляшки» обозначаются разные предметы, исходя из их простой формы), а также различном их использовании, как декоративного и/или статусного элемента в разных культурных сообществах. В качестве интересной диахронной параллели следует отметить средиземноморские находки – минойские пластиновидные рельефные бусины из стекла, один из вариантов которых на внешней стороне имеет декор из одного/двух восьмерковидных щитков. Примечательно, что бусины с восьмерковидными щитками входили в набор украшений одного из 13-ти известных на сегодняшний день и отнесенных к числу элитных воинских погребений микенского времени в западной Ахее на Пелопоннесе (периоды LH III C Development, LH III C Advanced, LH III C Late; первая треть XII–начало XI в. до н.э.) (*Giannopoulos*, 2008. S. 135, 136, 193, 194, 238 сл. Taf. 72: 12–115; 73: 12–115).

В степных раннекочевнических погребениях Северного Причерноморья восьмерковидных бляшек немного (чуть более 10 экз.), зато они широко представлены в лесостепи: в раннегалльштаттской культуре Козия-Сахарна Днестровско-Сиретского междуречья (10 экз. – *Кашуба*, 2000. С. 328, 329. Рис. XXVII: 8, 12, 19, 21–23), позднечернолесской культуре и памятниках раннескифского времени Среднеднепровского бассейна (более 40 экз. – *Тереножкин*, 1961. С. 158–174. Рис. 105: 1–7, 13–15; 106: 3; *Ковпаненко*, 1967. Рис. 19: 2; *Могилов, Діденко*, 2007. Рис. 6: 15, 16). В лесостепной зоне региона, они, скорее всего, изготавливались по степным заказам, на что указывает специфический характер их депонирования: погребения, клады, а также их одиночные находки в культурном слое отдельных поселений.

Восьмерковидные бляшки предскифского времени, хотя показывают два основных варианта: прямоугольные (3x2 см) и овальные (от 2,4–2,6x1,0 до 2,8–3,6x1,0–1,8 см), иногда снабженные перехватом посередине, – все же представляют собой целостную

серию. Имеющиеся выпуклости (маленькие или сравнительно большие) удерживали нить и являлись элементами крепления. Эти бляшки часто встречаются как элемент убранства головы и верхней части одежды (рукав), за редким исключением являясь частью поясной фурнитуры.

Анализ частоты встречаемости, количества и контекста нахождения бронзовых восьмерковидных бляшек в погребениях показывает неширокое использование этого декоративного элемента в среде ранних кочевников Северного Причерноморья в X–VIII вв. до н.э. С другой стороны, восьмерковидные бляшки демонстрируют удобство и простоту их использования для определения различий. Можно предположить, что они несли функцию отличия и принадлежности индивидуума к некоей группе, для чего достаточно было иметь всего одну такую деталь. Например, по одной бляшке без другого сопроводительного инвентаря было найдено в раннекочевнических погребениях: Бурчак погребение 1 кургана 9 и Софиевка погребение 3 (Махортых, 2005. С. 152, 318, 361. Рис. 55: 7, 8). Не исключено, что такие бляшки относились к предметам воинской составляющей в культуре ранних кочевников и использовались как нашивки – внешний отличительный знак «элементарного» структурного воинского подразделения. Известные

в раннескифских погребениях лесостепной зоны Северного Причерноморья восьмерковидные бляшки, снабженные петлей на обороте и большей частью относящиеся к декору конской уздечки, найдены в захоронениях также по 1–2 экз. (ср. Ильинская, 1968. С. 129. Табл. V: 6; X: 18, 19; XI: 30).

Обсуждение. Среди других выявленных проявлений идентичности и социальной стратификации ранних кочевников отмечены: каменные оселки, как показатель принадлежности к какой-то определенной группе социального сословия воинов (Грязнов, 1961. С. 139–144), детали поясов, а также нагайка или плеть, как инсигния власти и знак принадлежности ее владельца к слою «военной аристократии» (Дубовская, 1997. С. 57–61; Kozubová, 2008. S. 49–94). К статусным изделиям также можно причислить железные конусы, найденные в раннекочевнических погребениях Северо-Западного Причерноморья, условия обнаружения которых (см. Бутор 3/3 и 14/6 – Державин, 1976. С. 118, 119. Рис. 1: 3; Серова, Яровой, 1987. Рис. 59: 2, 3) позволяют предполагать, что они могли использоваться в качестве наверхий. Наряду с другими признаками отмеченные элементы и предполагаемые символы идентичности свидетельствуют о многокомпонентной социальной стратификации общества ранних кочевников X–VIII вв. до н.э. в Северном Причерноморье.

Бруяко И.В., 2008. О костюме населения предскифской эпохи Северо-Западного Причерноморья // *Revista Arheologică, SN. Chişinău. Vol. IV, nr. 2.*

Грязнов М.П., 1961. Так называемые оселки скифо-сарматского времени // *Проблемы археологии. Сборник статей к 60-летию проф. М.И. Артамонова. Л.*

Державин В.Л., 1976. Курганы эпохи бронзы у с. Буторы в Молдавии // *СА. № 2.*

Дубовская О.Р. 1994. Локальные зоны черногоровской культуры (по материалам скорченных погребений) // *РА. № 2.*

Дубовская О.Р., 1997. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // *Археологический альманах. Донецк. № 6.*

Ильинская В.А., 1968. Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев.

Кашуба М.Т., 2000. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // *Stratum plus. № 3. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест.*

Ковпаненко Г.Т., 1967. Племена скифского часу на Ворсклі. Кипв.

Махортых С.В., 2005. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев.

Могилев О.Д., Діденко С.В., 2007. Доскіфські предмети спорядження коня з зібрань національного музею історії України // *Старожитності степового Причерномор'я і Криму. Запоріжжя. Т. XIV.*

Поляков А.В., 2010. Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Поляков А.В., 2010. Глава II. Общая характеристика материалов могильников Кюргеннер I и II; Глава III. Относительная хронология погребений могильника // *Грязнов М.П., Комарова М.Н., Лазаретов И.П., Поляков А.В., Пшеницына М.Н. Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. СПб.*

Потапов В.В., 1997. Предскифские захоронения с восьмерковидными бляшками // *Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М. (МИАР. № 1).*

Серова Н.Л., Яровой Е.В., 1987. Григориопольские курганы. Кишинев.

Тереножкин А.И., 1961. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев.

Burmeister S., 1997. Zum sozialen Gebrauch von Tracht. Aussagemöglichkeiten hinsichtlich des Nachweises von Migrationen // *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. Z. 38.*

Giannopoulos T.G., 2008. Die letzte Elite der mykenischen Welt. Achaia in mykenischer Zeit und das Phänomen der Kriegerbestattungen im 12.–11. Jahrhundert v. Chr. Bonn (UPA. Bd. 152).

Kašuba M., 2006. Fibeln mit Bügelkugeln in der Moldau und Anmerkungen zum ägäischen Einfluss im 10.–9. Jh. v. Chr. // *Prähistorische Zeitschrift. Berlin; New York. Bd. 81, H. 2.*

Kozubová A., 2008. Kostené valcovité predmety z pohrebísk vekerzugskej kultúry v severozápadnej časti Karpatskej kotliny // *Zborník Slovenského národného múzea. Archeológia. Bratislava. CII. № 18.*

М.Т. Кашуба*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург***О.Г. Левицкий***Институт культурного наследия АН Молдовы, Кишинев*

Раннекочевнические комплексы IX–VIII вв. до н.э. из Днестровского региона в свете «фрако-киммерийского» феномена

В изучении раннекочевнических комплексов самых западных территорий их распространения – в Карпатском бассейне и отдельных областях Средней Европы (Бавария, Богемия и Моравия) – проблема «фрако-киммерийских» древностей остается одной из наиболее обсуждаемых в специальной литературе. Выдвинутый П. Райнеке и М. Эбертом более ста лет назад термин «фрако-киммерийские» древности (ср. Ebert, 1908. S. 259–276; и др.) имеет большую историографическую значимость (Metzner-Nebelsick, 2005. S. 505–507). Этим термином, как известно, обозначаются предметы конской сбруи, вооружение и отдельные престижные изделия, имеющие в широком смысле восточноевропейское (преимущественно, северопонтийское и кавказское) происхождение, датирующиеся IX–VIII вв. до н.э. и найденные на территориях к западу от Северного Причерноморья. Попадание таких изделий в чуждую инокультурную среду восточных территорий культуры Погребальных урн обычно связывается не только с тесными культурными и иными контактами, но также непосредственным продвижением отдельных групп ранних кочевников в западные области (например, культура Мезечат). Однако широта применения термина, когда к «фрако-киммерийским» древностям стали причислять некоторые виды украшений и другие находки, а также попытки избавиться от т. н. этнической составляющей привели отдельных исследователей к отказу от него (Kemenczei, 1994. P. 591 сл.; Metzner-Nebelsick, 1998. S. 361 сл.). Тем не менее, предпринятые новые исследования предскифских древностей Днестровского бассейна позволяют вновь вернуться к проблеме «фрако-киммерийского» феномена.

Анализ основных признаков погребального обряда и ведущих категорий погребального инвентаря из предскифских погребений лесостепной и степной зон Северо-Западного Причерноморья привел И.В. Бруяко к выводам о едином культурном ареале и родственности населения этих областей, которое различалось лишь способами ведения хозяйства (Бруяко, 2005. С. 74–87). Далее исследователь пишет все-таки о двух разнокультурных группах населения этого региона, а в качестве реального историко-археологического содержания фрако-киммерийских взаимоотношений он приводит материалы городища Картал (Орловка)

из Нижнего Подунавья, а также обнаруженные в непосредственной близости от него раннекочевнические находки (Бруяко, 2009. С. 54, 55).

Новые интерпретации получили и давно известные клады из Михалкова в Среднем Поднестровье (Metzner-Nebelsick, 2004), находки из которых, собственно, использовались при обосновании обсуждаемого термина «фрако-киммерийские древности» и стоящего за ним явления. В дальнейшем Б. Тержан установила, что найденные в Михалкове золотые фибулы, сделанные по кавказским образцам, вышли из восточно-балканских мастерских. Эти богатые и престижные украшения и детали одежды могли принадлежать некоей элите, господствующей в период времени рубежа IX/VIII и начала VIII в. до н.э. на территориях между Кавказом, Днестровским бассейном и восточноальпийской зоной. Именно такое «единство» и стоящая за ним структура/система, по ее мнению, может обозначаться как «фрако-киммерийцы» (Teržan, 2009. S. 190–209).

Проведенный новый анализ предскифских материалов из Днестровского бассейна (лесостепная культура Басарабь-Шолдэнешть и раннекочевнические находки) подтвердил, что термин «фрако-киммерийские» древности имеет право на существование. К числу «фрако-киммерийских» можно отнести курганные погребения середины–второй половины VIII в. до н.э. у сс. Котюжень и Бутор. В материалах курганной группы Котюжень сочетаются погребальные традиции степных раннекочевнических культур («киммерийцы») и керамика гальштаттских типов (т.н. фракийская посуда, имеющая происхождение в регионе, впоследствии заселенном историческими фракийцами) (Левицкий, Кашуба, 2011). В кургане 14 у с. Бутор (Серова, Яровой, 1987. С. 114–119. Рис. 57; 58: 2, 4, 6; 59: 1–4) зафиксировано не только многократное использование одной и той же курганной насыпи (4 комплекса), но также под одной насыпью находились раннекочевнические погребения и захоронение (погребение 7), совершенное по чуждому степным традициям обряду. Параллели ему находятся в среде лесостепного населения региона: перезахоронения и использование зернотерок в погребальном обряде зафиксированы в раннегальштаттской культуре Сахарна X–начала VIII в. до н.э. (Kašuba, 2009. S.

160–189; Гольцева, Кашуба, 1995. С. 14, 15. Табл. XVI: 2; XXVI: 3–5), а также в позднечернолесской культуре Среднего Днестра – могильник Лука-Врублевцевка и курган Днестровка (Шовкопляс, Максимов, 1952. С. 89–108; Смирнова, 1982. С. 35 сл.).

Можно полагать, что «фрако-киммерийские» древности представляют собой одну из форм взаи-

моотношений и некоего симбиоза кочевников-скотоводов и земледельцев, сложившегося в IX–VIII вв. до н.э. в Карпатской котловине (включая прилегающие территории Восточного Прикарпатья) и Юго-Восточной Европе, являясь результатом взаимодействия между кочевыми и оседлыми/полуоседлыми народами.

- Бруяко И.В., 2009. Киммерийский псалий из окрестностей городища Каргал на Нижнем Дунае // Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого. Киев; Полтава.
- Гольцева Н.В., Кашуба М.Т., 1995. Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья. Тирасполь.
- Левицкий О.Г., Кашуба М.Т., 2011. Курганы у с. Котюжень на юге Среднего Поднестровья и проблема «фрако-киммерийских» древностей (опыт изучения «пустых» погребений) // АВ. СПб. № 17 (в печати).
- Серова Н.Л., Яровой Е.В., 1987. Григориопольские курганы. Кишинев.
- Смирнова Г.И., 1982. Закрытые предскифские комплексы у с. Днестровка-Лука // Древние памятники культуры на территории СССР. Л.
- Шовкопляс I.Г., Максимов С.В. 1952. Дослідження курганного могильника передськіфського часу на Середньому Дністрі // Археологія. Т. VII.
- Ebert M., 1908. Der Goldfund von Dalj // Jahresh. Österr. Arch. Inst. Wien. 11.
- Kašuba M., 2009. Die Bestattungen der Saharna-Kultur. Ein Beitrag zum frühhallstattzeitlichen Bestattungsritus im Mitteldnestrgebiet, Nordwestpontikum // Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000–500 v.Chr.). Kommunikationsebenen zwischen Kaukasien und Karpaten.

- Beitr. zum Humboldt-Kolleg Archäologisches Symposium in Tiflis. Berlin (PAS. Bd. 25).
- Kemenzei T., 1994. Hungarian Early Iron Age Metal Finds and Their Relations to the Steppes // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies: Papers from the International Symposium held in Naples 1992. Napoli.
- Metzner-Nebelsick C., 1998. Abschied von den «Thrako-Kimmeriern»? – Neue Aspekte der Interaktion zwischen karpatenländischen Kulturgruppen der späten Bronze- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppe // Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000–500 v.Chr.): Symposium Mogilany 1995. München; Rahden/Westf.
- Metzner-Nebelsick C., 2004. Zur bronze- und früheisenzeitlichen Herrschaftssymbolik zwischen Skandinavien, Karpatenbecken, Kaukasus und Steppen Eurasiens am Beispiel des Stillkreises von Michalków. Habilitationsschrift, Freie Universität Belin. Berlin.
- Metzner-Nebelsick C., 2005. Thrako-kimmerischer Formenkreis // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Berlin; New York. Bd. 30.
- Teržan B., 2009. Kaukasisches Symbolgut in Südosteuropa – Bemerkungen zu Goldfibeln von Michalków–Fokoru–Dalj // Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000–500 v.Chr.). Kommunikationsebenen zwischen Kaukasien und Karpaten. Beitr. zum Humboldt-Kolleg Archäologisches Symposium in Tiflis. Berlin (PAS. Bd. 25).

М.Е. Килуновская

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Керексуры и петроглифы на границе Тувы и Монголии

Пограничные районы Тувы – Эрзинский, Овюрский, Монгун-Тайгинский и Тес-Хемский – имеют много общего с северо-западной Монголией, как в географическом, так и в культурно-историческом плане. Здесь широко распространен такой тип погребально-поминальных сооружений как керексуры, в которых неоднократно были найдены оленные камни. В этих же регионах обнаружено много местонахождений петроглифов, среди которых есть рисунки, имеющие как общие черты с монгольскими, так и отличия от них.

Во время разведок Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН в 2009–2010 гг. в Овюрском районе по дороге на Саглы был обследовано два комплекса с керексурами и оленными камнями – Ховужук-Аксы I и Тула-Ховузу. На обоих могильниках представлены керексуры в виде каменной насыпи округлой формы диаметром в центре от 10 до 20 м,

окруженной широким кольцом диаметром до 30 м, к которому от центра идут каменные выкладки – лучи (от 2 до 8). Особенно впечатляет объект № 5 на могильнике Ховужук-Аксы, общий диаметр которого составляет 90 м. Этот курган подобен Улуг-Хоруму, раскопанному А.Д. Грачом недалеко от пос. Саглы (Грач, 1980. С. 120–122). На могильниках есть и сооружения с квадратными оградками, и бескурганые захоронения, а также сдвоенные насыпи, напоминающие алды-бельские восьмерковидные. Особенно интересны каменные оградки со стоящими рядами оленных камней, на которых изображены все «необходимые» атрибуты: косые полосы, кольца-серьги, «диадемы», «ожерелья» и пояса, а также на некоторых из них – оружие и фигурки клювовидных оленей переходного (сушинского) типа. И керексуры, и группы оленных камней, включенные в общее сакральное пространство этих памятников, безусловно, могут

быть датированы раннескифским, т. е. аржанским временем, поскольку планиграфия кургана Аржан и керексуров демонстрирует единое миропредставление, сформировавшееся в X–IX веках до н.э. у ранних кочевников Центральной Азии.

Это миропредставление нашло свое яркое отражение в наскальном искусстве, наиболее интересные памятники, которого были обнаружены в Овюрском кожууне. Впервые петроглифы около пос. Хандагайты были исследованы в 1955 г. А.Д. Грачом, сделавшим прекрасные фотографии (Грач, 1957. С. 385–460). Благодаря этому можно оценить степень сохранности памятников, которые в настоящее время находятся в аварийном состоянии, т. к. плоскости разрушаются. Нами было обнаружено много новых плоскостей. Совершенно новый памятник обследован у подножия хребта Ак-Туруг, где найдены пункты Овюр V–XXI на сопках Кызыл-Тейлер. Рисунки нане-

сены на небольшие плоскости, в основном, горизонтальные. Выбиты фигуры козлов, оленей и хищников. Интереснейшие рисунки находятся около поселка Дус-Даг (Южный Торгалык). Здесь на горах Мортук и Кара-Туруг зафиксированы многофигурные композиции, включающие колесницы, сцены охоты и сражений, фигуры быков и оленей, а также знаки. На одной из скал нанесены геометрические фигуры, полностью соответствующие «жилищам» Мугур-Саргола. На вершине горы Мортук находятся несколько горизонтальных плоскостей с оленями в монголо-забайкальском стиле, а также сцена терзания тигром лошади, по стилистике напоминающая пазырыкские аппликации и татуировки. Всего в пограничных областях нами обследовано более 30 местонахождений петроглифов, среди которых можно выделить пласты эпохи бронзы, эпохи поздней бронзы, скифского и древнетюркского времени.

Грач А.Д., 1957. Петроглифы Тувы. I (проблемы датировки и интерпретации, этнографические традиции) // Сборник МАЭ. Вып. XVII.

Грач А.Д., 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.

О.А. Кириченко

Омский филиал института археологии и этнографии СО РАН, Омск

К вопросу о конском снаряжении

Изучение конского снаряжения является одним из перспективных направлений в исследовании культур ранних кочевников не только Европы, но также Западной Сибири. Особое внимание исследователей обращено на конское снаряжение, которое является одним из главнейших атрибутов кочевого мира. Весомый вклад в разработку проблемы вносят археологические изыскания последних лет. К настоящему времени накоплено значительное число археологических и этнографических материалов. Исследованные погребальные комплексы предоставляют обширную фактологическую базу, позволяющую более детально и на протяжении значительного временного охвата рассматривать конское снаряжение и его развитие в Западной Сибири (Степи Евразии, 1981. С. 85).

Предметы конского снаряжения являются сравнительно массовыми находками в археологических памятниках Евразии, во многом определяя хронологическую, этническую и культурную атрибуцию изученных комплексов. *Конское снаряжение* (амуниция) представляет собой комплекс приспособлений, надеваемых на лошадь и служащих для управления ею во время езды верхом. Совокупность же приспособлений для соединения животного с повозкой и другими тягловыми средствами называется *упряжью или сбруей*. Исследователи, занимающиеся археологией, порой применяют понятия «снаряжение», «амуни-

ция», «сбруя», «упряжь», как синонимичные, не четко представляя их различия. Однако следует подчеркнуть, что между ними существуют принципиальные отличия, которые заключаются в комплектации и предназначении данных конструкций (конское снаряжение – амуниция), а также в деталях и приспособлениях (Вайнштейн, 1989. С. 28).

Амуниция верхового коня включает оголовье (узда) и седло.

Оголовье – основная часть снаряжения; приспособление, надеваемое на голову лошади и позволяющее управлять ею. Оно состоит из следующих основных элементов: суголовья, удила поводьев (повод). *Суголовье* включает налобный, наносный (храповый) и два нащечных, затылочный, подбородный и в ряде случаев подгубный ремни. Следующей частью узды являются *удила*, которые применялись для взнуздывания лошади и управления ею с помощью поводьев. В разные периоды эпохи раннего железного века и средневековья форма и материал изготовления таких изделий отличались (Вайнштейн, 1989. С. 32). С раннескифского времени применялись удила из органических материалов (кожа, ткань), а также сделанные из металла (Неверов, 1992. С. 67). Конструкция последних чаще всего была такая. Они делались двусоставными – состоящими из двух звеньев, имеющих два окончания: одно в виде кольца или петли для сое-

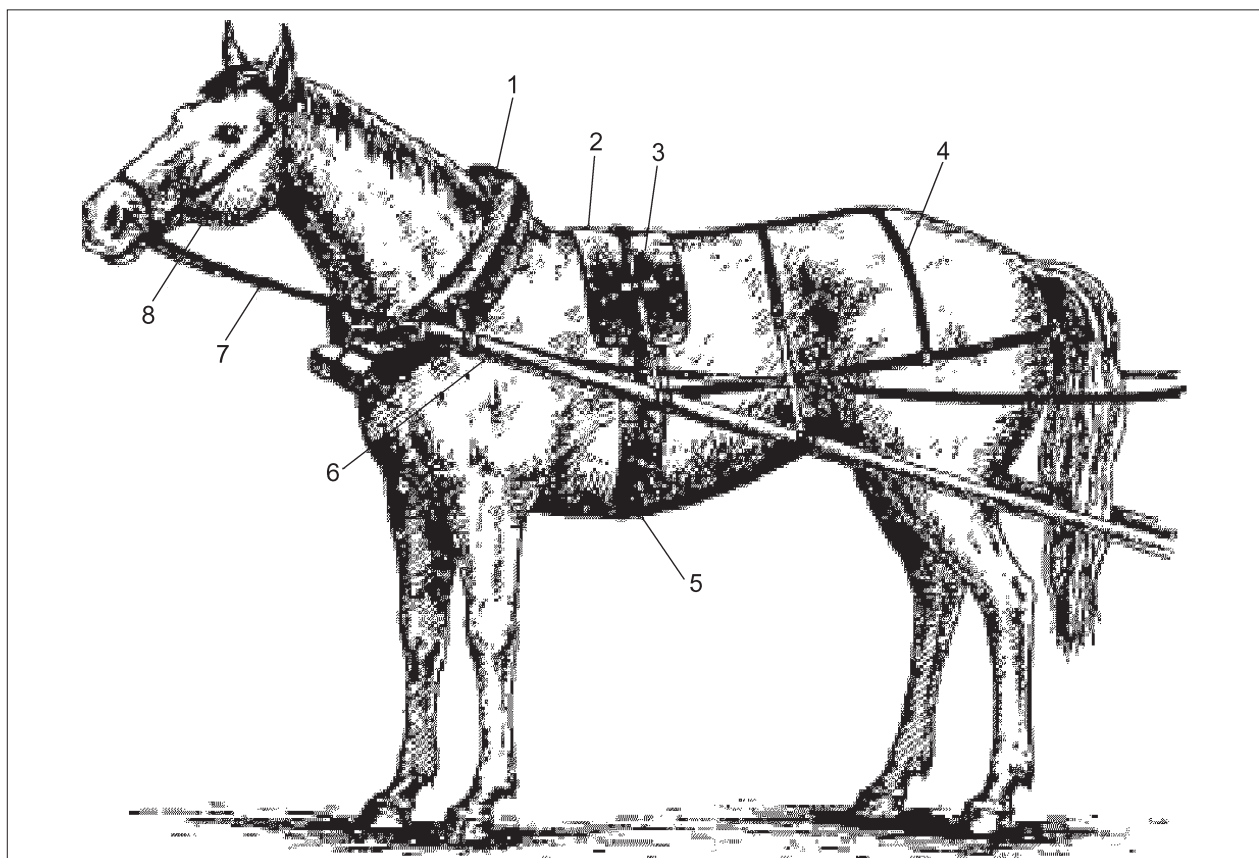

Рис. 1

Конская упряжь: 1 – хомут, 2 – седелка с подпругой, 3 – чересседельник, 4 – шля, 5 – подбрюшник, 6 – оглобли, 7 – вожжи, 8 – узда

динения друг с другом, а вид другого зависел от способа их крепления с псалиями и ремнями узды (Боковенко, 1998. С. 89, 90).

Следует особо остановиться на понятии «псалий» или «псалия», которое широко используется в археологии, но отсутствует в понятийном аппарате конского дела. *Псалий* – это конструктивные части узды в виде приспособлений разной конфигурации (Вайнштейн, 1989. С. 54). Вместе с удилами они составляют единый функционирующий механизм и являются «посредником», через который осуществлялась передача команд поводом при управлении животным. Псалии позволяли хорошо фиксировать удила во рту лошади и формировали оголовье (Вайнштейн, 1989. С. 67).

Другой частью конского снаряжения является *седло* – приспособление, надеваемое на спину лошади и служащее для верховой езды (Боковенко, 1998. С. 165). Седло состоит из данчика, подпруги, путлища со стременами, подперся (нагрудника) и похвы (на-

крупника). Частью седла является и путлище – ремень, на который подвешено стремя. Оба путлища, как правило, имеют одинаковую длину. Стремя представляет собой часть седла – это приспособление для упора ноги.

Анализ снаряжения коня является одним из наиболее привлекательных и многообещающих путей в комплексном изучении кочевнических культур, их внутренних связей и внешних влияний, а также в исследовании материалов (способы и особенности обработки дерева, кожи, кости и металлов) и их распространении в районах, где они в природе отсутствовали (Степи Евразии, 1981. С. 143). Частая встречаемость в археологических памятниках предметов, обеспечивающих верховую езду, дает хорошую основу для аналогий и позволяет восстановить конструкцию, внешний вид и принципы функционирования конского снаряжения и технологии его производства на обширном материале.

Боковенко Н.А., 1998. Один из вариантов конской узды скифской эпохи в Центральной Азии // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул.

Вайнштейн С.И., 1989. Конская сбруя // Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов. М.

Илюшин А.М., 2004. Могильник Кудырге и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники

древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск.

Могильников В.А., 2002. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI вв. М.

Неверов С.В., 1992. Удила второй половины I тыс. н.э. (классификация и типология) // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул.

Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981. М.

Высокие головные уборы женщин у кочевников Евразии

Женский костюм степных культур Евразии издавна включал высокие конусовидные или цилиндрические головные уборы. Известные по этнографическим источникам тюркские *саукеле*, *шокуло*, *шовкеле*, *тухья*, *кашмау*, *келепуш* имели жесткую основу (простежка, каркас) и снабжались наушными и назатыльной лопастями. Снаружи они обтягивались красной тканью и богато украшались металлическими накладками, бисером, полудрагоценными камнями и вышивкой. Нередко сверху крепился плюмаж. Такие шапки принадлежали невестам или молодухам. Как правило, женщины носили их со дня свадьбы до наступления беременности или рождения первого ребенка.

Высокие женские уборы тюрков находят соответствия в культуре монголов. В средневековые замужние монголки носили *бокка* (*боктаг*, *гу-гу*). *Бокка* представляли собой шапку, часто с наушниками и назатыльником, увенчанную расширяющимся кверху берестяным цилиндром. Их отделывали красным шелком и расшивали многочисленными украшениями. Сверху на стержне крепились перья (Додэ, 2008. С. 53–57).

Совпадение ряда признаков (значительная высота, жесткость, лопасти, перья, красный цвет) указывает на общий прототип перечисленных головных уборов. В связи с этим привлекают внимание находки из Хакасско-Минусинской котловины, относящиеся к таштыкской культуре I–VI вв. н.э. В погребениях Оглахтинского и Комарковского могильников были обнаружены берестяные накосники. Они закрывались крышкой и фиксировались на прическе деревянными или костяными шпильками. В большинстве случаев цилиндры были обтянуты шелковой материей (изнутри – красная и коричневая, снаружи – разноцветная). Известны кожаные и шелковые накосники. Берестяные экземпляры встречались в погребениях взрослых женщин, которые при жизни носили их вместе с парой кос, иногда с шиньонами или ремненной оплеткой (Вадецкая, 1985. С. 8–13). Вытянутая форма накосников и размещение их на макушке диктовались необходимостью закрепления в вертикальном положении сплетенных вместе кос.

Таштыкская традиция имеет параллели с культурой хунну. В кургане Ноин-Ула в Монголии I в. до н.э.–I в. н.э. был обнаружен шелковый накосник, а в могильнике Суглуг-Хем в Туве III–II вв. до н.э., включавшем элементы культуры хунну, найдена берестяная шапка с деревянным накосником и железной

позолоченной шпилькой (Руденко, 1962а. Табл. XIX: 1; Семенов, 2003. С. 21. Табл. 29: 17). В памятниках пазырыкской культуры Алтая (VI–III вв. до н.э.) также имеются близкие аналогии: в уборах использовалась береста, накосники изготовлялись из дерева и коры, шпильки служили для крепления убора, прически включали собственные и искусственные косы, в косы вплетались кожаные ленты и конский волос. Однако пазырыкские головные уборы отличались большим разнообразием. Специфическими образцами наголовий пазырыкских женщин являлись «парики». Эти полусферические предметы состояли из войлочной шапки с отверстием на макушке, покрытой конским волосом и мастикой из глины, жира, муки и сажи. Сверху крепились обернутый войлоком пучок волос в красном шерстяном чехле с вогнутой шпилькой и длинная палка, обтянутая войлоком и черной шерстяной тканью, с деревянными фигурами птиц. «Парики» дополнялись тремя накосниками из дерева, покрытого золотым листом (Полосьмак, 2001. С. 143–153).

В Пятом Пазырыкском кургане была найдена деревянная, обтянутая кожей цилиндрическая шапка. По бокам она имела планки (наушники?). Сверху размещался жгут из конского волоса и накладной косы. К ним были примотаны две косы погребенной, продетые в отверстия в шапке. Скрепляла волосяную конструкцию железная шпилька (Руденко, 1953. С. 123, 129, 130. Табл. XXVI: 2). Аналогии этому изделию можно увидеть на золотых бляхах из Сибирской коллекции Петра I, условно именуемых «отдых в пути» (Руденко, 1962б. Табл. VII: 1).

Вероятно, нечто подобное представлял и убор из кургана Иссык IV в. до н.э. в Казахстане. Известная реконструкция воспроизводит его в виде высокого кулаха или башлыка (Акишев, 1978. Илл. 62; 63). Однако, судя по размещению украшений в погребении, предмет, скорее, походил на низкую шапку с длинным цилиндрическим навершием и четырьмя шпильками с листовидными окончаниями.

Раскопки скифских курганов Северного Причерноморья подтверждают знакомство европейских кочевников с женскими высокими головными уборами. Однако эти изделия датируются не ранее V в. до н.э. (Мирошина, 1989. С. 108, 109. Табл. 43), что указывает на их позднее появление в северопричерноморских степях.

Судя по находке в кургане Аржан 2 VII в. до н.э. в Туве, местом формирования рассматриваемых изделий была Центральная Азия. Можно предположить,

что аржанский убор имел незначительную высоту и дополнялся назатыльником. К прическе погребенной его крепили две золотые шпильки (Аржан, 2004. С. 24). Серьги с втулками, обнаруженные рядом с остатками убора, служили украшением боковых кос женщины. Эти косы, переплетенные с косой на макушке, размещались в войлочном (?) наверхии-накоснике.

Акишев К.А., 1978. Курган Иссык. М.
 Аржан, 2004. Источник в Долине царей. СПб.
 Вадецкая Э.Б., 1985. Таштыкские наконечники и прически // КСИА. М. № 184.
 Доде З.В., 2008. К вопросу о боктаг // РА. № 4.
 Мирошина Т.В., 1989. Головные уборы // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. (Археология СССР).
 Полосьяк Н.В., 2001. Всадники Укока. Новосибирск.

Проведенный анализ показывает, что на протяжении всей истории кочевничества Евразии в степняках бытовали женские высокие головные уборы. Они сочетались с характерной прической, состоявшей из двух–трех кос. По всей видимости, эти уборы маркировали невест и молодых замужних женщин.

Руденко С.И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.
 Руденко С.И., 1962а. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.
 Руденко С.И., 1962б. Сибирская коллекция Петра I // САИ. М.; Л. Вып. ДЗ–9.
 Семенов В.А., 2003. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.

А. Козубова

*Кафедра археологии Философского факультета
 Университета имени Коменского, Братислава*

К вопросу о восточном влиянии в векерцугской культуре

Векерцугская культура (ВК) является одним из важнейших и наиболее специфичных культурных образований в рамках культурно-исторического развития гальштатской (HaD1–HaD3) и раннелатенской эпох в Карпатской котловине. Ее происхождение можно связывать, в т. ч., со значительными переменами, вызванными проникновением на эту территорию групп кочевников из южной части Восточной Европы. Эти процессы получили отражение, главным образом, в материальной культуре. Именно с ними связано возникновение ВК, основным центром которой является Восточная Венгрия. В этом контексте необходимо отметить полигенетический и синкретический характер ВК, формирование которой обусловлено, прежде всего, неоднородным культурным субстратом, характерным для всей территории ее распространения. Немаловажную роль сыграли также контакты с соседними археологическими культурами, имеющими свою специфику развития. Формирование материальной базы ВК происходило при активном взаимодействии племен восточноевропейской степной и лесостепной зон, северокавказского региона, Центральных и Восточных Балкан и восточногальштатского культурного круга.

С влияниями из Северного Причерноморья и Кавказа в ВК можно соотнести, прежде всего, оружие и защитное вооружение т.н. восточного типа и некоторые детали конского снаряжения, в первую очередь, декоративные детали и распределители для ремней оголовья. Гораздо меньше отражаются восточные

влияния в украшениях и элементах костюма (браслеты, серьги, раковины каури, нашивные бляшки, булавки), а также в некоторых типах предметов туалета (зеркала), изделиях неясного, скорее всего, культового (металлические наверхии) назначения и, вероятно, в появлении некоторых форм керамики, в т. ч. ранней гончарной. Немаловажным является также влияние в погребальном обряде, проявляющееся в распространении погребений коней. Среди вооружения следует отметить, в первую очередь, оружие дальнего боя и ударное, частично также рубящее (короткие мечи-акинаки) и колющее (некоторые типы наконечников копий) оружие.

Наконечники стрел ВК из всех видов оружия типологически наиболее разнообразны и многочисленны. Так называемые наконечники стрел «восточного» (скифского) типа представлены трехлопастными, трехлопастными–трехгранными и трехгранными экземплярами со скрытой втулкой. Только часть стрел ВК имеет прямые аналогии в Северном Причерноморье. Это касается, прежде всего, трехлопастных экземпляров ромбической, миндалевидной или удлиненной треугольной формы. «Башенную» форму можно считать локальной особенностью ВК, а трехлопастные–трехгранные экземпляры – локальным вариантом развития наконечников стрел восточного типа. Древнейшие находки наконечников стрел восточного типа со скрытой втулкой в Карпатской котловине, включая ВК, можно уверенно отнести к концу VII в. до н.э., в отличие от северопричерноморского

и кавказского регионов, где они датируются, начиная с середины VI в. до н.э. Бронзовые крестообразные колчаные бляхи с зооморфным декором имеют ряд аналогий в Северном Причерноморье, им частично синхронны крестообразные колчаные бляхи с геометрическим декором или без него, которые в ВК можно считать локальной особенностью. Крестообразные колчаные бляхи, как в Карпатской котловине, так и в Северном Причерноморье можно отнести к VI в. до н.э.

Ударное оружие ВК представлено специфическими железными боевыми однолезвийными топорами, которые по месту размещения проуха делятся на два основных типа: с симметрично и асимметрично расположенным проушным отверстием. Оба типа не находят аналогий в памятниках раннего железного века Северного Причерноморья. С другой стороны, в кобанской культуре, как и в протомеотской группе памятников, но, прежде всего, в раннемеотской культуре и памятниках раннего железного века Западного Закавказья известна группа железных топоров, идентичных векерцугским топорам с симметричным проушным отверстием. Поэтому, происхождение этого типа топоров, не имеющего аналогий в Средней Европе, можно связывать с кавказским регионом, где самые ранние их находки относятся уже ко второй половине VIII в. до н.э. Если в кобанской культуре железные топоры присутствуют вплоть до конца VI–начала V в. до н.э., то в раннемеотской культуре они встречаются только в VII в. до н.э. В ВК они датируются второй половиной–концом VII в. до н.э. и доживают до середины V в. до н.э. С другой стороны, в чумбрудской группе самые ранние находки топоров с симметричным проушным отверстием можно датировать первой половиной VII в. до н.э. В связи с этим возникает вопрос о возможности проникновения из Север-

ного Кавказа в Карпатскую котловину топоров данного типа посредством чумбрудской группы. Гораздо меньше сходства с Кавказом демонстрируют железные боевые топоры с асимметричным проушным отверстием, которые, хотя и имеют отдаленные аналогии в Западном Закавказье, в ВК являются продуктом собственного изготовления.

Бронзовые и железные панцирные пластины в ВК являются малочисленной категорией находок восточного происхождения. Их существование здесь ограничивается только первой половиной VI в. до н.э. Исключением является только комплекс находок из могильника Артанд, который можно датировать концом VII в. до н.э.

Уздечные комплекты в ВК представлены специфическими цельнометаллическими формами, с неподвижным и неразъемным соединением удила и псалиев. Несмотря на несколько однотипных находок из погребальных памятников западнороссийской культуры РСК, их можно считать результатом местного развития. С другой стороны, среди декоративных и функциональных деталей конского снаряжения из памятников ВК встречается несколько типов блях и распределителей ремней оголовья, имеющих близкие аналогии в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе (например, бляшки с треугольным щитком с орнаментом в виде трехлепестковой розетки или с ромбическим щитком, клювовидные распределители, а также использование клыков кабана в конском снаряжении). В некоторых погребальных комплексах ВК обнаружены специфические костяные полые цилиндрические предметы, атрибутированные как детали рукояток плетей именно на основании восточных, прежде всего, западносибирских аналогий в материалах раннего железного века.

Л.А. Краева

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург

Сравнительная характеристика гончарных традиций савроматского и раннесарматского периодов

Наличие керамики в погребениях, определенные стандарты в морфологии и технологии изготовления сосудов свидетельствуют о наличии гончарства у сарматских племен Южного Приуралья в VI–I вв. до н.э., которое с течением времени претерпевало изменения.

Исследования керамики из погребальных комплексов ранних кочевников проводились по методике А.А. Бобринского, основанной на микроскопическом изучении, физическом моделировании и трасологии (Бобринский, 1978; 1999. С. 5–110). В результате изу-

чения были выделены гончарные традиции, существовавшие в савроматский и раннесарматский периоды (Краева, 2008; 2009. С. 193–211; 2010. С. 162–170).

Сопоставление навыков труда гончаров VI–V вв. до н.э. и IV–I вв. до н.э. показало наличие общих и различных черт в морфологии, орнаментации и технологии.

К *общим чертам* относятся: 1) аналогичные виды пластичного сырья (глина, илы, глиноподобное сырье, глиняные концентраты); 2) неоднородность в от-

боре глины и множественность источников добычи сырья; 3) искусственные примеси дресвы, шамота, органических добавок; 4) рецепты ИПС+органические добавки (ОД), ИПС+шамот+ОД; 5) преобладание донно-емкостной программы конструирования начина; 6) лоскутный налеп как основной способ конструирования; 7) одинаковые приемы формообразования (скульптурная лепка, формы-основы, выдавливание); 8) простое ручное заглаживание одинаковыми инструментами (ткань, пальцы, твердый предмет, мягкий материал, кожа); 9) преобладающие техники прочерчивания и вдавления в орнаментации; 10) обжиг в примитивных очажных устройствах или кострищах при кратковременном воздействии температур каления; 11) общие формы керамики; 12) одинаковые графические виды орнаментов и зон орнаментации.

Гончарство обоих периодов имело сложную структуру гончарной технологии, включающую в себя 12 ступеней. Изготовление керамики осуществлялось в рамках домашнего производства без использования гончарного круга.

Наряду с сохранением особенностей, присущих гончарству более раннего периода, в раннесарматское время происходит усложнение состава гончарных традиций. Так, с IV в. до н.э. происходят существенные изменения в формах и орнаментации керамики. Увеличивается разнообразие категорий и типов лепной посуды. Массово появляются вначале сосуды с округлым дном, а затем происходят изменения в оформлении придонной части плоскодонных сосудов, переход от дна к стенке у которых становится плавным и часто едва заметным. Увеличивается доля орнаментированной посуды за счет распространения скульптурных орнаментов. Происходит усложнение и стандартизация орнаментальных традиций. Появляются ранее неизвестные орнаменты, а также растет общее число вариантов орнамента за счет комбинирования простых вариантов. Изменяется количественный приоритет в расположении орнаментальных зон. Распространенные в сарматское время пиктографические орнаменты в раннесарматской керамике уступают место системным орнаментам. Традиции нанесения пиктограмм на сосуды постепенно затухают, что, вероятно, связано с ростом разнообразия стандартных орнаментов и влиянием орнаментальных традиций, для которых не характерны украшения на керамике в виде пиктограмм. В то же время в IV–I вв. до н.э. еще продолжают существовать сосуды с такими орнаментами, но, как правило, они наносятся по плечикам сосудов, а изображенные на них знаки не столь разнообразны.

В IV–I вв. до н.э. фиксируются *новые технологические навыки* труда: 1) в составлении концентратов (глина+ил, глина+глиноподобное сырье); 2) в составлении формовочных масс (тальк, кость, шерсть); 3) в конструировании начинов (донная, емкостно-донная, донная+донно-емкостная программы и спирально-жгутовой, спирально-лоскутный, лоскутный веерообразный способы); 4) в изготовлении полового тела (кольцевой из лент, жгутов и спирально-жгутовой налепы); 5) в способах обработки поверхности (ангобирование, обмазка, окрашивание внешней поверхности, заглаживание овчиной); 6) в орнаментации (лощение, вдавление-протаскивание, вдавление-накалывание, штампование, налеп); 7) в термической обработке (низкотемпературные режимы, активное использование в качестве топлива сухого навоза). Наблюдается рост доли использования ожелезненных «жирных» глины в качестве ИПС, кожи разной степени выделки для заглаживания поверхностей сосудов, приемов выбивания и форм-моделей в формообразовании. Исчезает рецепт глина+песок+ОД, а также орнаментальные техники расписывания и «защипывания». Появляются смешанные рецепты глина+дресва+шамот+ОД и глина+дресва+шамот+тальк+ОД. Число рецептов формовочных масс в раннесарматское время увеличивается с четырех до тринадцати за счет появления традиций добавления неизвестных ранее искусственных примесей, а также из-за смешения гончарных традиций.

Зафиксированные общие навыки труда характеризуют преобладание в развитии сарматского и раннесарматского гончарства. Инновации, появившиеся в IV–I вв. до н.э., свидетельствуют об усложнении гончарных традиций в этот период.

Изменения в гончарстве связаны с появлением в сарматской среде населения с иными традициями в изготовлении керамики. По результатам технологического анализа керамики можно выделить несколько волн инфильтраций в разные периоды раннесарматской культуры. Первая волна приходится на начало IV в. до н.э. и связана с носителями традиции изготовления круглодонной керамики из формовочных масс с добавлением талька. Одним из вероятных регионов, откуда могла прийти эта группа, можно назвать Зауралье. Вторая волна пришлась на вторую половину (возможно, конец) IV в. до н.э. и связана с носителями традиции использования кости, истоки которых пока неизвестны. Безусловно, таких волн инфильтраций инोकультурного населения могло быть намного больше, однако не все из них могли влиять на изменения в гончарстве.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.
 Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара.
 Краева Л.А., 2008. Гончарство ранних кочевников Южного Приуралья в VI–I вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Краева Л.А., 2009. Технология изготовления керамики ранних кочевников Южного Приуралья в IV–I вв. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград. Вып. 10.
 Краева Л.А., 2010. Гончарная технология ранних кочевников Южного Приуралья в VI–V вв. до н.э. // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Астрахань.

С.В. Красниенко, А.В. Субботин

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Древние крепости на севере Кузнецкого Алатау

1. Крепостные сооружения на вершинах гор в регионе известны с конца XIX в. Сведения о сооружениях на горах Медвежонок и Свялик содержатся в отчете финской экспедиции 1887 г. Я.Р. Аспелина и Я. Аппельгрена-Кивало (Appelgren-Kivalo, 1931). Однако, несмотря на достаточно точные данные о месте расположения памятников, исследователи допустили ряд неточностей: не были зафиксированы различия в приемах строительства крепостных стен, сделано фантастическое допущение о наличии захоронений в оборонительном валу под деревней Парная (гора Медвежонок). Характерно, что названные крепости не были нанесены на приведенные в отчете финских археологов карты. Подробная история изучения укрепленных поселений Южной Сибири приведена в монографии А.И. Готлиба и М.Л. Подольского (2008), где сделан свод всех известных к рубежу XX–XXI вв. памятников. Проводя паспортизацию археологических памятников, Сибирская экспедиция ИИМК РАН исследовала шесть укрепленных сооружений на севере Минусинской котловины (Красниенко, Субботин, 1997) (рис. 1: 1). Среди них выделяются «крепости» на вершинах

гор – общее название «све»: Медвежонок, Свялик (Свалик) VIII, Хахпах-Хыр, Известковая (Кошколь V). Два памятника, условно названные «городищами», – Кабайдак и Подозерное – расположены на западном берегу озера Белое (рис. 1: 2, 3; 2: 1–4).

2. Абсолютные высоты вершин, на которых расположены крепости-све составляют: Медвежонок – около 620 м, Свялик VIII – 793 м, Хахпах-Хыр – около 550 м, Известковая – 631 м. Хахпах-Хыр, известный из словаря В.Я. Бутанаева, находится в северных пределах Кузнецкого Алатау, в 2 км к западу от озера Большое (Бутанаев, 1995; Комисаренко, 2002). Скальный обрыв этого све высотой 50–70 м обращен на юго-запад, высота от западного основания до вершины – более 100 м (рис. 1: 2). Медвежонок расположен в 4 км к северо-западу от озера Большое (Божье). Высота его от подножья до вершины не менее 170 м, превышение над уровнем находящегося в 6 км к западу озера Малое – около 400 м, разница между вершиной и ближайшим основанием горы – около 300 м. Это обеспечивает сооружению на горе ключевое положение: с его вершины хорошо видны и ближайшие природные

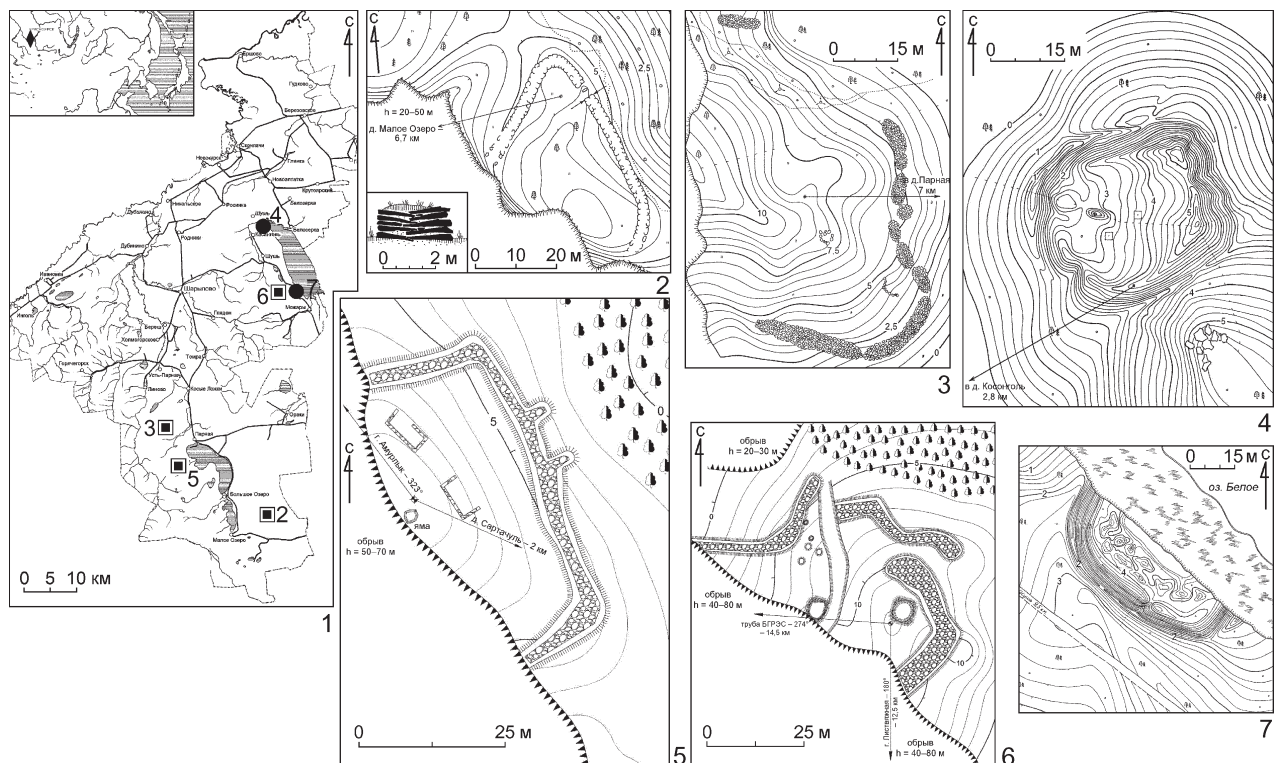

Рис. 1

Древние крепости на востоке Назаровской котловины Красноярского края – карта расположения (1) и планы памятников (2–7): 2 – Свялик VIII (на врезке – северный торец стены у прохода, вид с СЗ); 3 – Гора Медвежонок; 4 – Кабайдак; 5 – Хахпах-Хыр; 6 – Кошколь V; 7 – Подозерное. Горизонтали через 0,5 м (2, 3), 0,2 м (4, 7) и 1 м (5, 6)

доминанты, и многие горы, расположенные южнее. Сооружение на горе Известковая, названное при паспортизации Кошколь V, расположено в 3,5 км к западу от озера Белое. Восточный пологий склон горы порос лесом, западный – круто спускается в долину реки Шушь. Расстояние от вершины до основания – более 230 м.

3. Среди све Назаровской котловины выделяются пары, связанные особенностями строительства стен (рис. 2: 1, 3). Сохранившиеся стены Медвежонка и Известковой – это валы из рваного камня. В первом случае они образуют полукольцо, размерами 75х55 м, в виде нескольких участков. Во втором случае – это три участка вала в виде отрезков ломаной линии, окружающих площадку размерами 72х36 м. Оборонительная конструкция Свялика VIII – каменная стена, высотой до 1,5 м и шириной 2,4–2,7 м, окаймляющая ровную площадку на вершине горы и имеющая в плане вид косого треугольника размерами 25х40 м (рис. 1: 3). Площадка Хахпах-Хыре не такая ровная, как на Свялике VIII, стена здесь охватывает прямоугольный участок размерами 60х25 м (рис. 1: 2). Системы кладки на Свялике VIII и Хахпах-Хыре аналогичны – большие плиты песчаника, уложенные без раствора. На всех све в оборонительных целях помимо стен использованы естественные скальные уступы.

4. Два т.н. городища – Кабайдак и Подозерное – открыты авторами в 1987 г. (рис. 2: 2, 4). Они конструктивно близки между собой, хотя для их местоположения в фортификационных целях были использованы различные особенности местности. Первое «городище» находится в лесу, в 1 км от западного берега озера Белое. Его земляной вал и ров охватывают северный приподнятый конец водораздела и ограничивают практически квадратную площадку, ориентированную по линии северо-запад–юго-восток. Размеры сооружения 40х40 м (рис. 2: 2). «Городище» Подозерное находится на террасе западного берега озера и за-

нимает прямоугольную площадку с закругленными углами размерами 65х25 м, с напольной стороны окруженную земляным валом и рвом. Обращенная к озеру сторона представляет собой обрыв высотой около 10 м (рис. 2: 4). Не исключено, что значительная часть данного сооружения обрушилась в результате подмыва берега водами озера.

5. Культурно-хронологические данные по этой группе памятников сравнительно скудные, однако можно сделать некоторые выводы. Характер сооружения стен на Свялике VIII и Хахпах-Хыре связывает их с памятниками Хакасии и Правобережья Енисея и позволяет предположить окуневское происхождение. К окуневскому или более раннему времени относится подъемный материал, собранный на втором све. Шурфовка «городищ» и сборы подъемного материала на них и крепости на горе Известковая свидетельствуют о раннесредневековой датировке этих памятников (не ранее второй половины I тыс. н.э.). Конструктивно близкая крепость на горе Медвежонка с осторожностью датируется этим же периодом.

Можно говорить о существовании к северу от Кузнецкого Алатау двух систем коммуникации–оповещения–фортификации, существовавших в различные периоды. Одна из них, приуроченная к побережью Белого озера, достаточно цельная. Две крепости в системе Божьих озер, судя по их конструкции, нуждаются в дополнительных элементах системы. Возможно, ими являются вершины, окаймленные скальными карнизами, на которых имеются петроглифы, в частности, Каратаг. Одна из версий названия этой гряды, к которой относится и Свялик, звучит как «Хайрахтах» – «Дозорные горы» (информация жителя Шарыповского района А.И. Итпекова). Кроме того, в систему оповещения могли быть включены и другие вершины гор, не отмеченные ни крепостными сооружениями, ни петроглифами.

Бутанаев В.Я., 1995. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан.
 Готлиб А.И., Подольский М.Л., 2008. Све – горные сооружения Минусинской котловины. СПб.
 Красниенко С.В., Субботин А.В., 1997. Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). СПб.

Комисаренко А.Н., 2002. От Парной до Карабазика. Топонимический словарь Шарыповского района. Шарыпово.
 Appelgren-Kivalo J., 1931. Alt-Altäische Kunstdenkmäler: Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors.

Т.М. Кузнецова
 Институт археологии РАН, Москва

О времени прихода скифов в Северное Причерноморье

1. Для определения времени первого похода скифов в северопонтийский регион была построена хронологическая шкала на основании данных письмен-

ных источников и астрономии – солнечное затмение 15 июня 763 г. до н.э., устанавливающее время правления Асархаддона и Ашшурбанипала (Дьяконов,

1975. С. 307), и лунное затмение 16/17 июля 523 г. до н.э., приходящееся на 7 год правления Камбиза (Ван-дер-Варден, 1991. С. 97, 353).

2. Проведенное исследование базировалось на информации в «Истории» Геродота, полученной им в северопричерноморском регионе, где выделены «божественные знаки», ограничившие «господство» скифов в Азии и поход Дария на скифов [Herod. IV, 119]. В качестве символа «божьего промысла» для скифов рассматривались солнечные затмения.

Хронологические расчеты основаны на данных «Царского канона» Птолемея о продолжительности царствования правителей Вавилонии (Дьяконов, 1975. С. 307) и харранской надписи вавилонского царя Набонида, содержащей сведения о продолжительности царствования шести древневосточных правителей (Wiseman, 1956. P. 50; Borger, 1965. S. 59–78).

3. Сведения письменных источников свидетельствуют о присутствии в Передней Азии, как минимум, двух групп скифов («взбунтовавшиеся» – 5/6 лет и «воины царя Мадия» – 23 года), пришедших в разное время, но с незначительным интервалом, что составило 28 лет скифского присутствия на Древнем Востоке (Кузнецова, 2009).

Исторические события, связанные со скифами, рассмотрены согласно последовательности, представленной в «Истории» Геродота, где мидийско-лидийская война, закончившаяся солнечным затмением, предшествует вторжению войска скифского царя Мадия в Мидию. Интервал, отделяющий дату конца мидийско-лидийской войны от изгнания скифов Киаксаром, и по Геродоту, и по Трогу Помпею равен 23 годам (Кузнецова, 2009). Из чего следует, что изгнание должно было произойти в год, который также

отмечен затмением солнца, поскольку это соответствует северопричерноморской фольклорной традиции о том, что скифы «господствовали над персами столько времени, сколько <...> позволило божество» [Herod. IV, 119].

Данным Геродота о затмении, завершившим мидийско-лидийский конфликт, более всего соответствует затмение 13 февраля 608 г. до н.э., а это значит, что мидийско-лидийская война, длившаяся более пяти лет, началась в 614/613 г. до н.э. ($608+5/6=614/613$), а изгнание скифов Киаксаром, должно датироваться временем – не ранее 585 г. до н.э. ($608-23=585$), т. е. года, который также отмечен затмением солнца.

5. Предлагаемая хронологическая схема, рассчитанная от года падения Ниневии (608 г. до н.э.) завышает существующие даты на четыре года (падение Ниневии в современной хронологии определяется 612 г. до н.э.), но в ранее очерченных пределах.

Хронологическая шкала, построенная от падения Ниневии в 608 г. до н.э. (14-й год правления Набопаласара в Вавилоне), сместившая на четыре года начало правления Набопаласара и последующие даты, но не далее первых лет правления Дария в Вавилоне, согласуется с клинописным материалом Вавилона времени Ахеменидов (Кир, Камбиз, Дарий) и с данными Манефона о Египте. Это показывает достоверность полученных дат, связанных со скифами, впервые появившихся в Северном Причерноморье не ранее 614/613 гг. до н.э. и прошедшими оттуда через Кавказский регион в Мидию только в 608 г. до н.э. Изгнанные Киаксаром Мидийским скифы возвратились в Северное Причерноморье, пройдя вторично через Кавказ, уже после 585 г. до н.э.

Ван-дер-Варден Б., 1991. Пробуждающаяся наука II. Рождение астрономии. М.
Дьяконов И.М., 1975. Основы хронологии Вавилонии и Ассирии // Бикерман. Э. Хронология Древнего Мира. М.

Кузнецова Т.М., 2009. Хронология скифского присутствия на Ближнем Востоке (по следам Геродота) // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. № 3(2005–2009).
Borger. R., 1965. Der Aufstieg des neubabylonischen Reiches // Journal of Cuneiform Studies. Vol. XIX. №. 3.
Wiseman D. J., 1956. Chronicles of Chaldaean Kings (626–556 B.C.) in the British Museum. London.

Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко
Кубанский государственный университет, Краснодар

Мечи из меотского могильника городища Спорное¹

На грунтовом могильнике городища Спорное было исследовано 232 погребения, в 17 из которых были найдены мечи (18 экз.).

К синдо-меотскому типу относятся семь мечей без перекрестия, с широким брусковидным наверши-

ем (погребения 144, 168, 171, 174, 176 и 214). Пять мечей имеют короткий треугольный клинок длиной 40–54 см. У четырех мечей клинок у основания рукояти срезан под тупым углом, у одного – под прямым. В погребении 144 было найдено два меча с разным

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и администрации Краснодарского края (проект № 10-01-38114а/Ю «Комплексное исследование археологических материалов из меотского некрополя городища Спорного»).

оформлением перехода клинка к рукояти (рис. 1: 1, 2). Мендейская амфора из этого погребения относится к ранней серии мелитопольского варианта II-C. Наиболее ранние образцы этой тары С.Ю. Монахов датирует 70–60-ми гг. IV в. до н.э.

В погребениях 171 и 176 находились мечи с длинным (70 см) и узким клинком с параллельными лезвиями (рис. 1: 3, 4). Мендейская амфора мелитопольского варианта II-C из погребения 171 синхронна амфо-

рам из курганных комплексов Желтокаменка, Мелитопольский, Чертомлык, Огуз, которые датируются 30-ми гг. IV в. до н.э. Остальные погребения с мечами этого типа (рис. 1: 5, 6) по набору сероглиняной керамики широко датируются IV–началом III в. до н.э. Необходимо отметить, что мечи с узким длинным клинком представляют собой более поздний вариант этого типа. Такие мечи, судя по хорошо датированным амфорами комплексам из Прикубанского могильника,

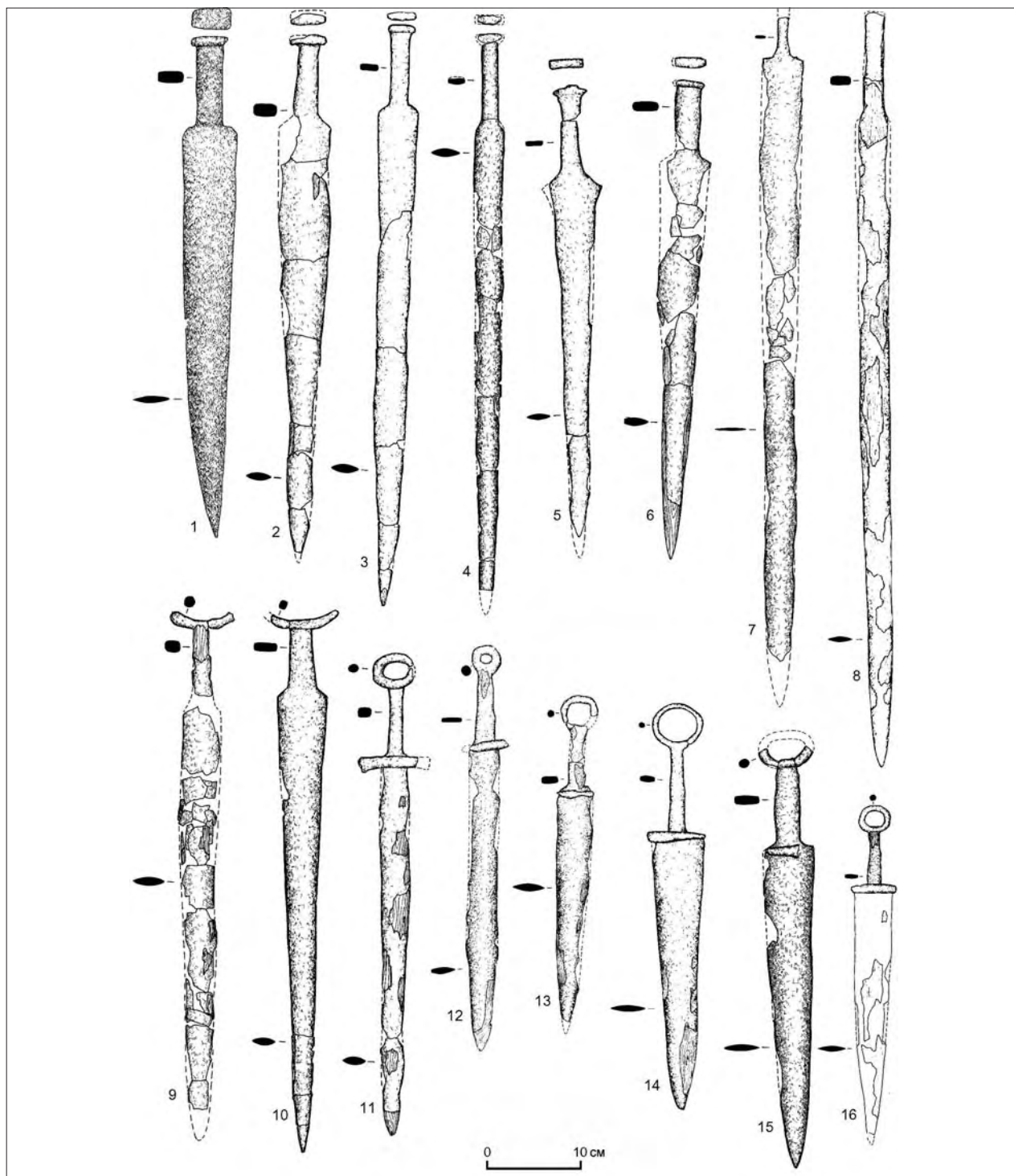

Рис. 1

Мечи из некрополя городища Спорное.

- 1, 2 – погребение 144; 3 – погребение 176; 4 – погребение 171; 5 – погребение 174; 6 – погребение 168; 7 – погребение 104;
8 – погребение 161; 9 – погребение 67; 10 – погребение 97; 11 – погребение 33; 12 – погребение 125; 13 – погребение 98;
14 – погребение 181; 15 – погребение 136; 16 – погребение 143

появляются лишь во второй половине IV в. до н.э. и встречаются в погребениях начала III в. до н.э.

Два меча с серповидным навершием без металлического перекрестия найдены в погребениях 67 и 97 (рис. 1: 9, 10). Клинки у мечей треугольные, длиной 54 и 56 см. Эти погребения можно датировать II в. до н.э.

Мечи с кольцевидным навершием и брусковидным перекрестием характерны для степных сарматских комплексов Прикубанья. Они были найдены в шести погребениях (рис. 1: 12–16). У четырех мечей клинок широкий (4,7–6,2 см), треугольный, длиной от 26 до 39 см. У мечей из погребений 125 и 133 клинок узкий (шириной 3,4 и 3,7 см), с параллельными лезвиями, длина клинков 39 и 47 см. У меча из погребения 133 перекрестие длинное, с опущенными концами. Первой половиной I в. до н.э. датируется меч из погребения 136 (по псевдокосской амфоре и стеклянному литому скифосу). Погребение 133, в котором найдена фибула типа Авцисса, можно отнести к первой половине I в. н.э. В погребении 125 вместе с мечом найден бронзовый браслет с коническими шишечками на концах. Такие браслеты в меотских погребениях характерны, в основном, для первой половины I в. н.э. Погребение 98 по удилам со стержневидными двудырчатыми псалиями, наконечнику дротика с коротким стержнем и сероглиняным сосудам датируется I в. до н.э. К этому

же времени по набору керамики относятся погребения 143 и 151. Остальные погребения, в которых были встречены мечи с кольцевидным навершием, можно датировать только в пределах I в. до н.э.–I в. н.э. Примечательно, что меотские мечи с кольцевидным навершием без перекрестия в погребениях этого могильника пока не были найдены.

В погребениях 104, 161 и 230 были обнаружены мечи без навершия и перекрестия (рис. 1: 7, 8). Все мечи имеют клинки с параллельными лезвиями длиной от 55 до 95 см. Рукояти у двух мечей плоские, широкие, прямоугольные в сечении. У меча из погребения 104 – рукоять-штырь. Меч из комплекса 230 по набору керамических сосудов и железному «жезлу» можно отнести к I в. н.э. В погребении 161 вместе с мечом находились бронзовые пряжки, широко распространенные в сарматских погребениях второй половины II–середины III в. н.э. В этом же погребении был найден железный умбон щита, которому особенно близки формы 2 и 4 типа S по классификации Н. Цилинга, происходящие из погребений 180–250 гг. н.э.

Нужно отметить, что наибольшее количество мечей, встреченных в погребениях могильника городища Спорное, приходится на IV–начало III в. до н.э. и I в. до н.э.–I в. н.э. Такая же ситуация наблюдается и на других грунтовых могильниках Правобережья Кубани.

С.И. Лукьяшко

Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону

К хронологии скифских колчаных наборов

Значительное увеличение находок наконечников стрел в наборах способствует продолжению исследований по типологии и хронологии этой категории предметов, начатой П.Д. Рау, К.Ф. Смирновым, А.И. Мелюковой и продолженной в последующих работах, в которых уточнялись датировки тех или иных типов (С.С. Черников, Н.Л. Членова, В.Г. Петренко и др.).

После выхода в свет фундаментальных работ К.Ф. Смирнова (1961) и А.И. Мелюковой (1964) в последующих исследованиях публиковались новые материалы, а в отдельных случаях также разрабатывались типология и хронология этой категории находок. В.А. Ильинская (Іллінська, 1973) выделила группу наконечников стрел по колчанному набору из кургана 524 у с. Жаботин, определила их типологические особенности и время существования – вторая половина VII–рубеж VII–VI вв. до н.э. Предшественниками жаботинского типа наконечников были названы удлиненно-ромбические наконечники стрел типа Енджа, датированные началом–серединой VII в. до н.э. В.А. Ильинская установила культурно-генетическую связь между этими двумя типами. Если наконечники типа Енджа связывались с предшественниками ски-

фов, то жаботинские наконечники соотносятся с появлением скифов из глубин степного Востока. В.В. Дворниченко (1990) обратил внимание на то, что новочеркасские наконечники по технологии изготовления и прокованному перу имеют прототипы в предшествующих культурах эпохи бронзы и, тем самым, устанавливается технологическое единство этого типа наконечников стрел с наконечниками копий эпохи бронзы. «Очевидно, стрелы Малой Цимбалки и Енджи-Жаботина представляют единую непрерывную линию развития евразийских степных втульчатых наконечников, ведущую происхождение от стрел эпохи бронзы восточного региона. Новочеркасцы же выпадают из нее, являясь локальной степной группой, тесно связанной со всем новочеркасским предскифским комплексом» (Дворниченко, 1990).

В.А. Ильинская соглашалась с мнением А.И. Мелюковой о том, что единичное присутствие ромбических наконечников стрел в колчаных наборах с келермесским типом наконечников стрел свидетельствует о возможной архаичности комплекса в пределах первой половины VI в. до н.э. С другой стороны, к числу позднейших наконечников стрел исследова-

тельница относилась и те, в которых угол ромбического излома пера имеет округлые очертания, приближаясь к двухлопастным лавролистным, келермесского типа.

Выделялся ранний тип с ассиметрично-ромбическим пером, получивший название удлинённо-ромбический, который отличается от жаботинского типа большей массивностью (длина до 5 см), максимальным расширением в верхней трети и резким углом излома пера. Перо охватывает всю втулку или почти всю втулку. Если втулка едва выступает, то часто на таких наконечниках встречается шип. Этот вариант К.Ф. Смирнов датировал первой половиной VII в. до н.э., по мнению В.А. Ильинской, более вероятной датой может быть начало VII в. до н.э.

Таким образом, для VII в. до н.э. В.А. Ильинской были выделены раннежаботинский массивный удлинённо-ромбический вариант и позднежаботинский – уменьшенного размера с заметным округлением пера. Этот вариант сосуществует с келермесским типом наконечников стрел.

Появление новых материалов и новый анализ старых находок позволяют продолжить эту дробную хронологическую типологию наконечников стрел – такие комплексы известны в материалах Нижнего Дона. Прежде всего, это опубликованный, но не достаточно оцененный комплекс из погребения 25 в кургане 1 у хут. Хапры. Амфора круга Клазомен из этого погребения датируется концом VII – первой половиной VI в. до н.э. Это позволяет, учитывая разницу во времени изготовления и времени попадания предмета в погребальный комплекс, датировать погребение первой половиной VI в. до н.э. Набор наконечников стрел из рассматриваемого комплекса показывает абсолютное преобладание наконечников стрел келермесского типа. Лишь один двухлопастной наконечник относится к жаботинскому типу в позднейшем

его варианте, что вполне согласуется с хронологическими заключениями В.А. Ильинской. Отметим раннее появление трехлопастных длинновтульчатых наконечников с шипом на втулке, трехгранных втульчатых с шипом и без шипа и лавролистных двухлопастных с удлиненной лопастью и шипом. Любопытно появление коротковтульчатых трехлопастных наконечников с пирамидальной головкой и опущенными лопастями.

Практически соответствует набору из Хапоров набор наконечников из погребения 4 кургана 23 группы Высочино-I. Наконечник стрелы с ромбическим пером из этого погребения имеет черты раннежаботинского комплекса, но весь остальной набор позволяет синхронизировать комплексы из Хапоров и Высочино. Это позволяет сделать вывод, что на Нижнем Дону раннежаботинские наконечники стрел встречаются в наборах до середины VI в. до н.э.

Следующий хронологический блок представлен набором наконечников стрел из погребения 8 кургана 7 группы Новоалександровка-I. Комплекс датируется по амфоре серединой VI в. до н.э. И.Б. Брашинский, в 1977 г. определивший амфору, допускал ее датировку второй половиной VI и, возможно, даже началом V в. до н.э. В этом наборе уже полностью отсутствуют жаботинские типы наконечников. Преобладают двухлопастные наконечники с овальной или лавролистной головкой и выступающей втулкой, а также появляются в большом количестве трехлопастные с пирамидальной и сводчатой головками.

Следующий хронологический этап представлен на Нижнем Дону материалами из погребений Елизаветинского могильника, которые благодаря обилию импортной посуды, дают дробную датировку и позволяют проследить эволюцию наборов наконечников стрел в V и IV в. до н.э.

Дворниченко В.В., 1990. К вопросу о происхождении стрел «новочеркасского» типа (по материалам коллекции П.С. Дубягина из Волго-Уральской пустыни) // Проблемы скифо-сарматской археологии. М.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. М. Вып. Д1–4.

Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА. М. № 101.

Іллінська В.А., 1973. Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського та новочеркаського типів // Археологія. № 12.

В.Ю. Малашев

Институт археологии РАН, Москва

Культурная принадлежность и хронология могильника Паласа-сырт (Южный Дагестан)

Паласа-сыртский курганный могильник является опорным погребальным памятником в изучении проблем истории гуннского времени равнинных территорий Северо-Восточного Кавказа. Эти материа-

лы уже рассматривались исследователями, при этом высказывались суждения относительно его культурной атрибуции (Котович, 1959; Гмыря, 1993; Абрамова, 2007; Малашев, 2008). Опираясь на выводы

своих предшественников и дополняя высказанную ранее гипотезу новыми данными, можно предложить новый взгляд на атрибуцию рассматриваемого памятника.

Погребальные сооружения Паласа-сыртского могильника представлены, преимущественно, катакомбами типов I и IV, по К.Ф. Смирнову (Смирнов, 1972. Рис. 1), а также по М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашеву (Мошкова, Малашев, 1999. Рис. 1). Около 60% погребальных сооружений составляют катакомбы типа I. Прослеживаются культурные различия по составу форм погребальных сооружений в северной и южной группах могильника, на что уже обращала внимание Л.Б. Гмыря (Гмыря, 1993). В южной группе катакомбы типа I доминируют (около 90%), в северной они составляют менее половины. Катакомбы типа I – это входные ямы, которые ориентированы меридионально с отклонением, камера находится у СЗ стенки входной ямы; погребенные лежат перпендикулярно длинной оси входной ямы. Перечисленные признаки соотносят их с погребальными сооружениями аланской культуры центральных районов Северного Кавказа (Габуев, Малашев, 2009). Сходство усиливается наличием у значительной серии катакомб Паласа-сырта аналогичных по конструкции ступенек у задней стенки входной ямы (более 70% по раскопкам 2008 и 2009 гг.). Катакомбы типа IV и близкие им немногочисленные подбои вместе составляют около 30%. Изредка встречаются простые ямы и ямы с заплечиками. В совокупности, включающей в себя катакомбы типа IV, подбои и ямы, преобладает южная ориентировка погребенных. По этим признакам погребения Паласа-сырта в культурном отношении восходят к Львовским некрополям III–IV вв. и генетически связаны с ними. Обрядовые особенности Львовских могильников, в свою очередь, ассоциируются с традициями среднесарматской культуры (Гаджиев, 1997. С. 78; Малашев, 2008. С. 157, 158). Таким образом, в основе

погребального обряда Паласа-сыртского могильника прослеживаются два компонента: один из них, в конечном итоге, восходит к традициям среднесарматской культуры, другой – к аланской культуре центральных районов Северного Кавказа. При этом полного смешения традиций с выработкой новых обрядовых норм не происходит.

Датировка Паласа-сыртского могильника впервые была предложена В.Г. Котовичем – IV–VII вв. (Котович, 1959. С. 154). Л.Б. Гмыря (Гмыря, 1993. С. 265) предложила датировку IV–V вв. Далее, как для отдельных комплексов, так и некрополя в целом, она приводила дату в пределах конца IV–первой половины (середины) V в. (Гмыря и др., 2006. С. 144; 2007. С. 168). К этой же датировке склонился и автор (Малашев, 2008. С. 154).

Результаты раскопок 2006–2010 гг. (Л.Б. Гмыря, Ю.К. Гугуев, Л.С. Ильюков, В.Ю. Малашев), по количеству сопоставимые с ранее исследованными курганами в 1953 и 1981–1986 гг., дают дополнительные основания не только для выявления культурной атрибуции памятника, но также для более точной датировки, исходя из современного уровня понимания материалов. Использование для сериации наиболее хронологически показательных групп инвентаря: ременные гарнитуры (пряжки, наконечники ремней), фибулы (двучленные лучковые 15-3, двучленные прогнутые подвязные 16-3, по А.К. Амброзу (Амброз, 1966), и двухпластинчатые), сьюлгамы, серьги, с учетом всего объема полученных на сегодняшний день материалов, – позволяют уточнить датировку памятника и предложить разделение имеющихся комплексов на хронологические группы. На основе таблицы взаимовстречаемости выделены две хронологические группы, датирующиеся второй половиной IV – началом V в. и первой половиной V в. Таким образом, датировка могильника Паласа-сырт приходится на вторую половину IV – первую половину V в.

Абрамова М.П., 2007. Монография: Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М.
Амброз А.К., 1966. Фибулы Юга Европейской части СССР. II в. до н.э.–IV в. н.э. // САИ. М. Вып. Д1–30.
Габуев Т.А., Малашев В.Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.
Гаджиев М.С., 1997. Между Европой и Азией: Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала.
Гмыря Л.Б., 1993. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала.
Гмыря Л.Б., Магомедов Р.Г., Хангишиев Г.Д., Бакушев М.А., Саидов В.А., 2006. Раскопки Паласа-сыртского могильника в 2006 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала. № 3.
Гмыря Л.Б., Ильюков Л.С., Магомедов Р.Г., 2007. Восточногерманские элементы в декоре женского парадного костюма в материалах погребальных комплексов

Паласа-сыртского курганного могильника (IV–V вв.) // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Материалы международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала.
Котович В.Г., 1959. Новые археологические памятники Южного Дагестана // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала. Т. 1.
Малашев В.Ю., 2008. О культурном единстве Паласа-сыртского и Львовских курганных могильников // Северный Кавказ в древности и в средние века. Махачкала.
Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., 1999. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Научные школы Волгоградского Государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград.
Смирнов К.Ф., 1972. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. № 1.

Древние историко-культурные и географические центры Саяно-Алтая и Евразии

Археологи постепенно открывают и исследуют историко-культурные центры на территории Саяно-Алтая и Евразии (табл. 1; рис. 1). В этом процессе многогранных исследований наблюдается определенная «закономерность»: чем древнее центр, тем позже он был открыт специалистами.

Одновременно с изучением Туэктинских курганов в центре Алтая, в 1954 г. экспедиция С.В. Киселева начала раскопки Большого Салбыкского кургана в Хакасии. Этот курган является самым крупным мегалитическим объектом в Сибири, для сооружения которого были использованы и огромные камни из

Табл. 1. Основные историко-культурные и географические центры Евразии

Центр	Регион, памятник	Археологическая датировка	Автор, годы исследования
Восточного Алтая	Горный Алтай, «Пазырык»	V в. до н.э.	С.И. Руденко, М.П. Грязнов, 1929, 1947-1949 гг.
Алтая	Горный Алтай, «Туэкта I»	VI в. до н.э.	С.И. Руденко 1954 г.
Хакасии	Хакасия, «Салбык»	Эпоха бронзы и V в. до н.э.	С.В. Киселев, 1954-1956 гг.; Л.С. Марсадолов 1992-2010 гг.
Азии	Тува, «Аржан I»	VIII в. до н.э.	М.П. Грязнов, М.Х. Маннай-оол, 1971-1974 гг.
Евразии	Западный Алтай, «Селеутас»	Эпоха бронзы и ранее (III-II тыс. до н.э.)	Л.С. Марсадолов, 2000-2005 гг.

Как крупные современные поселки Саяно-Алтая располагаются в наиболее важных узловых точках дорог, так и в древности наиболее крупные курганы воздвигали вдоль таких же путей. В XIX–XX вв. методом математического расчета центра пересечений линий из крайних точек на географической карте был определен современный «Центр Азии», ныне расположенный в городе Кызыле в Туве. В 70 км от него расположена довольно компактная, подтреугольная в плане Турано-Уюкская котловина, ограниченная со всех сторон горными хребтами. В центре этого «треугольника», скорее, осознанно, чем случайно, воздвигли курган Аржан I, раскопанный экспедицией М.Х. Маннай-оола и М.П. Грязнова. Геополитически важная и удобная для хозяйственной деятельности обширная долина на пограничье горных, таежных и степных регионов неоднократно привлекала внимание древних вождей и жрецов.

В Центре Алтая находятся изученные экспедицией С.И. Руденко широко известные большие Туэктинские курганы. Центр Восточного Алтая маркируют знаменитые Пазырыкские курганы, исследованные С.И. Руденко и М.П. Грязновым.

более древних святилищ.

Вопрос о географическом центре Евразии довольно сложен. Ныне стелы-знаки с надписью «Центр Евразии» установлены в Китае (Восточный Синьцзян) и на Западном Алтае. В долине Селеутас, между городами Семипалатинск и Усть-Каменогорск, в 2000 г. автором был открыт новый сложный комплекс объектов, состоящий из «сфинкса», пирамид и гигантских мегалитических плит. Этот центр Евразийского континента расположен в пограничье разных природных зон, в бассейне крупной и быстрой р. Иртыш и в одном из самых богатых регионов мира по залежам полиметаллических руд. С западной стороны от Селеутасского «сфинкса» находится гигантская мегалитическая гранитная плита, самая большая в Центральной Азии: длиной 14,4 м, шириной 6,3 м, толщиной до 3,1 м, общим весом около 500 тонн (рис. 1: 2).

Следует отметить важность не только ранее вычисленных центров географических регионов Евразии, но и расположенных рядом с ними древних историко-культурных памятников, оказавших огромное влияние на развитие мировых цивилизационных процессов в прошлом.

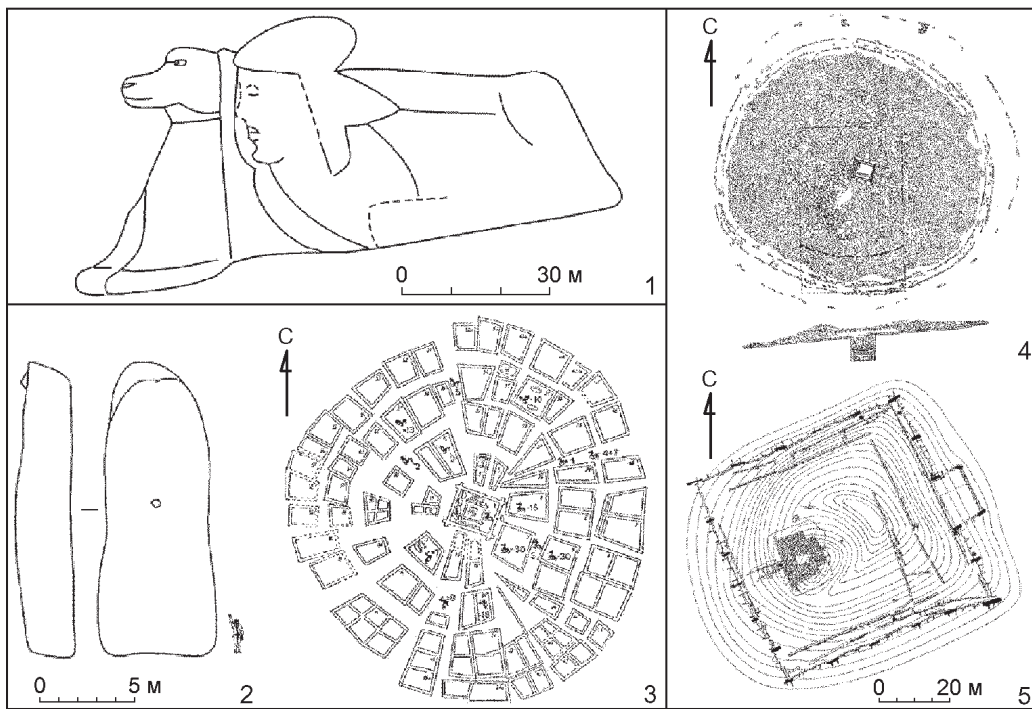

Рис. 1

Археологические памятники в «ключевых» точках: 1, 2 – «Центр Евразии», Западный Алтай, Селеутас («сфинкс» и мегалитическая плита-изваяние); 3 – «Центр Азии», Тува, курган Аржан 1; 4 – «Центр Алтая», курган Туэкта 1; 5 – «Центр Хакасии», Большой Салбыкский курган (по материалам М.П. Грязнова, С.И. Руденко, С.В. Киселева и Л.С. Марсадолова)

А.В. Мастыкова

Институт археологии РАН, Москва

Охранные раскопки на могильниках поздне римского времени Шлакалькен-5 и Шлакалькен-6 на Самбийском полуострове

Работами Самбийской археологической экспедиции ИА РАН в 2010 г. между населенными пунктами Романово и Заостровье (Зеленоградский район Калининградской области) были обследованы два новых грунтовых могильника: Шлакалькен-5 и Шлакалькен-6 (до 1945 г. Schlakalken, Kr. Fischhausen). В конце XIX–начале XX в. здесь было известно всего четыре могильника римского времени и эпохи Великого переселения народов (Скворцов, 2010. С. 226).

На могильнике Шлакалькен-5 было открыто шесть грунтовых погребений, совершенных по обряду кремации (четыре урновых и два безурновых)¹. Погребальный инвентарь: лепная керамика, римские монеты, железная подвижная фибула типа Альмгрен 162 (Almgren, 1897. Taf. VII: 1), железный наконечник копья, керамические пряслица, позволяет относить некрополь к поздне римскому времени, т. е. к фазам С1–С3 (ок. 160/180–350/370 гг.) по хронологии европейского Барбарикума (см. Shchukin et al., 2006. Pl. V).

В целом, эти даты соответствуют фазам 2–4 хронологии древностей Самбийского полуострова по В. Новакowski (Nowakowski, 1996. S. 50–53).

Могильник Шлакалькен-6 поврежден грабительскими ямами, на месте одной из них был заложен шурф. Здесь доследованы два разрушенных грунтовых погребения, где были найдены керамические сосуды-приставки, нож и сильно коррозированный железный предмет, возможно, наконечник копья. По характеру керамики этот памятник может быть предварительно датирован поздне римским временем.

Наиболее выразительны материалы могильника Шлакалькен-5. М.В. Добровольской были проведены антропологические исследования кремированных костных материалов из этого некрополя. В урновом захоронении 2, где была обнаружена фибула типа Альмгрен-162, по антропологическим данным находились останки мужчины в возрасте от 30 до 50 лет. При этом костный материал для анализа брался отдельно

¹ Памятник был выявлен благодаря находке римских монет в пахотном слое. Благодарю Э.Б. Зальцмана (Калининградский Государственный Университет) за предоставленную информацию.

из заполнения урны, из погребальной ямы и из скопления вне погребения и урны. Результаты антропологического исследования свидетельствуют, что все три скопления костей из погребения 2 относятся к одному взрослому индивиду мужского пола. Материал этого погребения, как и данные по некоторым другим некрополям, позволяют утверждать, что кремации позднеримского времени и начала средневековья, содержащие одну фибулу, в западнобалтском ареале могут быть как женскими, так и мужскими. В этом отношении показательны материалы могильника Митино, относящегося в целом к концу V–началу VIII в. (Скворцов, 2010). На сегодняшний день, пожалуй, это один из немногих памятников на Самбийском полуострове, где было проведено антропологическое исследование кремированных костных материалов (Добровольская, 2010. Сводная табл.). По данным антропологической экспертизы здесь имеется восемь мужских погребений (погребения 29, 217, 226, 274, 321, 329 и 336) и пять женских (погребения 28, 65, 84, 119 и 314), и все они содержали в погребальном инвентаре по одной фибуле (Добровольская, 2010. Сводная табл.).

В погребениях 4 и 5 некрополя Шлакалькен-5 были обнаружены керамические пряслица. По антропологическим данным в урновом захоронении 4, где помимо керамического пряслица были найдены небольшие фрагменты железного предмета, кремированные останки могли относиться к женскому или детскому скелету, а в безурновом погребении 5, вероятно, были захоронены останки взрослой женщины в возрасте от 40 до 50 лет. Надо отметить, что для западных балтов, могилы с пряслицами обычно иденти-

фицируются как женские или детские. В этом случае данные антропологии совпали с выводами археологов. Впрочем, на других западнобалтских памятниках, пряслица встречаются и в мужских кремациях. Так, в некрополе Митино результаты экспертной антропологической оценки показали, что пряслица присутствовали в инвентаре двух мужских (погребения 217 и 365) и пяти женских могил (погребения 61, 67, 207, 273 и 349) (Добровольская, 2010. Сводная табл.).

На основании антропологического изучения костного материала могильника Шлакалькен-5, проведенного М.В. Добровольской, можно проследить, опираясь на ее мнение, некоторые общие характеристики обрядности, а именно: высокая температура и большая длительность горения, очистка костных фрагментов от угля и отсутствие следов промывки. Однако изученная выборка пока очень мала и для проверки этих первичных наблюдений требуется дальнейшее накопление антропологических данных.

Таким образом, совместные исследования археологов и антропологов даже на очень ограниченном материале позволяют проверить справедливость половозрастной идентификации трупосожжений по некоторым категориям погребального инвентаря. Изучение костных кремаций представляется тем более важным, что в римское время и в начале средневековья трупосожжение является доминирующим обрядом у западных балтов. Дальнейшее накопление антропологических данных и их сопоставление с археологическим материалом позволит ставить и более сложные вопросы, такие, например, как социальная стратификация или культурные региональные различия у балтского населения Самбийского полуострова.

Добровольская М.В., 2010. Результаты антропологического анализа материалов, происходящих из погребальных комплексов могильника Митино // Скворцов К.Н. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). По результатам исследований 2008 г. М.

Скворцов К.Н., 2010. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). По результатам исследований 2008 г. М. Т. I–II.

Almgren O., 1897. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte. Stockholm.

Nowakowski W., 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O., 2006. Des Goths aux Huns. Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations // BAR, International Series. Oxford. No. 1535.

О.А. Митько

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

Деревянные огневые приборы из памятников скифского времени на территории Суар (Китай)¹

В классификационных построениях приборы для получения огня принято относить к бытовому комплексу, предназначенному для обеспечения жизнедея-

тельности человека. В отличие от средневековых металлических кресал в археологических памятниках Южной Сибири деревянные огневые приборы встречаются ред-

¹ Работа выполнена в рамках тематического плана (НИР 1.5.09) и АВЦП «Развитие научного потенциала ВШ (2009–2011 годы)» (проект РНП 2.2.1.1/13613) Минобрнауки.

ко. Исключение составляют огнива из могильника Кокэль, которые вместе с находками на могильнике Кудьргэ дали возможность реконструировать, как основные элементы прибора, так и особенности его действия (Вайнштейн, 1966. Рис. 38).

Анализ имеющихся данных позволяет говорить о четырех исторически связанных типах деревянных огнив, которые достаточно условно можно назвать «скифским», «хуннским», «тюркским» и «палеоазиатским» (Митько, 2006. С. 113, 114). Ареал их распространения детально не очерчен, локальные особенности не выделены. В этой связи большое значение имеют материалы скифского времени из археологических памятников Синьцзяна, где из-за специфических климатических условий хорошо сохраняются изделия из органических материалов.

Хранящиеся в музеях г. Урумчи и г. Турфана комплекты деревянных огневых приборов происходят из могильников Ташкурганский, Чаухугоу, Субаш, Алагоу и Янхай. В отечественной литературе дана этнокультурная характеристика некоторым из этих памятников (Восточный Туркестан, 1988. С. 176–180) и рассмотрены находки деревянных огнив (Литвинский,

1972. С. 50–52, 139, 140). Эти данные существенно дополняют материалы из публикаций китайских археологов, в которых приведены краткие описания и рисунки хорошо сохранившихся приборов (Чжан Юнбин и др., 2004. Рис. 40: 1, 2; Цзулипия и др., 2004. Рис. 13: 1–3, 23: 2, 3, 5; Чэнь Гэ, 1995. С. 171; Люй Эньго, 1997, Рис. 42: 13, 14; Люй Эньго, Чжау Цзиньлин, 1995. Рис. 6: 3; Люй Эньго, Го Цзаньго, 1997. С. 164. Рис. 16: 7; 17: 5, 18: 8; Му Шуньин и др., 1983. Рис. 35).

Наличие общих признаков позволяет считать, что «скифский» огневой прибор состоял, по меньшей мере, из двух элементов: из нижней «женской» планки и верхней «мужской» (сверло). Остатки лучка и накладки на сверло не зафиксированы. На отдельных приборах заметны следы «вытирания огня» в виде углубленных лунок, но характерные для этого процесса следы обугленности отсутствуют (рис. 1: 1–13). По своим структурно-функциональным и морфологическим характеристикам синьцзянские огнива близки находкам из сибирских курганов Тувы и Горного Алтая. Исключение составляет деревянная планка с выделенной верхней частью и циркульным орнаментом из позднескифского могильника Субаш (рис. 1: 8).

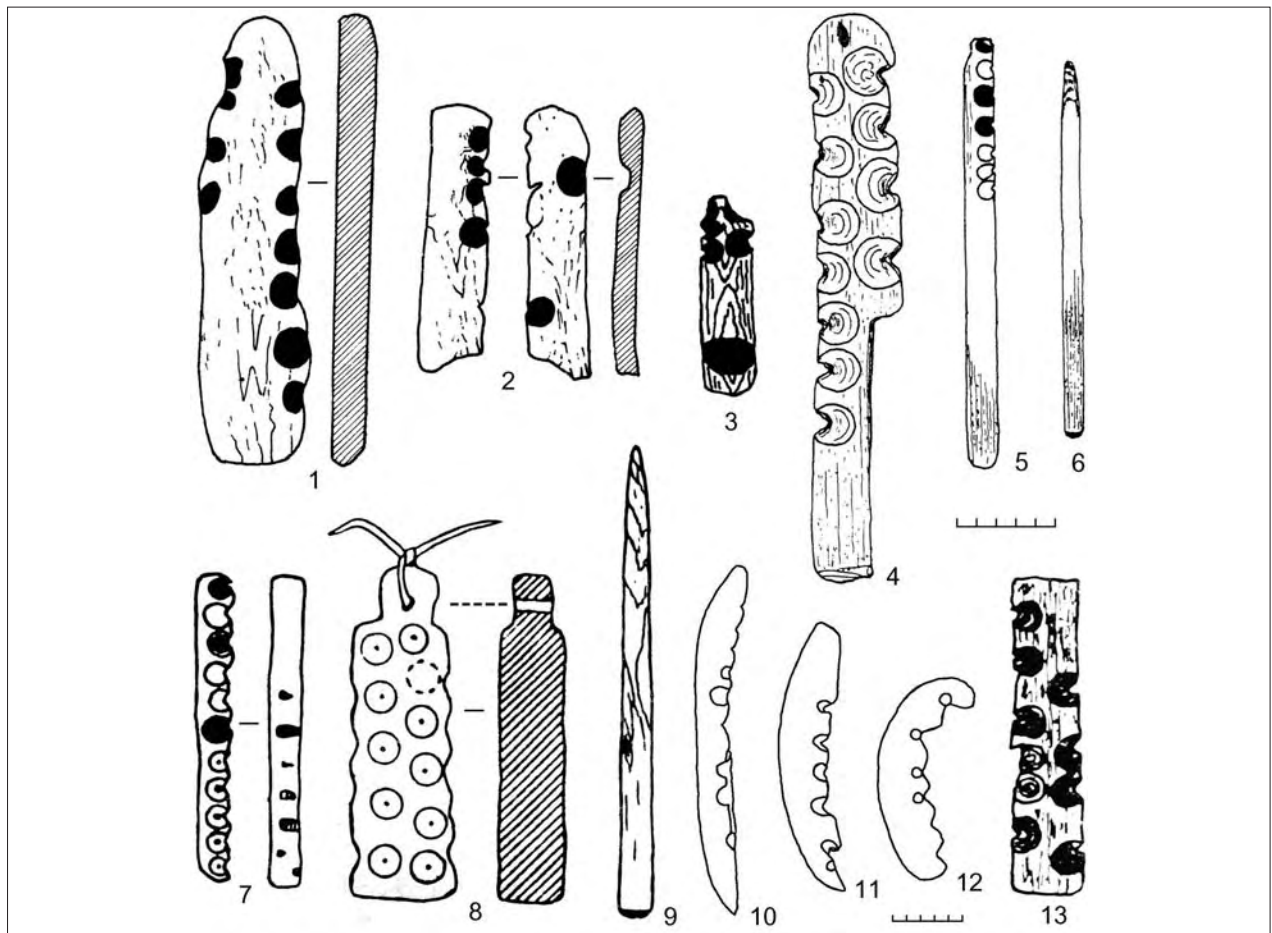

Рис. 1

Деревянные огневые приборы из погребальных памятников СУАР (Китай):

1 – могильник Чаухугоу 1, могила 237; 2 – могильник Чаухугоу 1, могила 121; 3 – могильник Чаухугоу 4, могила 17; 4 – могильник Янхай 1, могила 30; 5, 6 – могильник Янхай 1, могила 107; 7 – могильник Субаш 3, могила 27; 8 – могильник Субаш, могила 3; 9 – могильник Субаш, могила 17; 10, 11 – Могильник Янхай 3, могила 364; 12 – могильник Янхай 3, могила 318; 13 – могильник Алагоу, могила с коллективным погребением (1, 2 – по Люй Эньго, 1997; 3 – по Люй Эньго, Чжау Цзиньлин, 1995; 4–6 – по Чжан Юнбин и др., 2004; 7–9 – по Люй Эньго, Го Цзаньго, 1997; 10–12 – по Цзулипия и др., 2004; 13 – по Му Шуньин и др., 1983; 1–3, 7–9, 13 – без масштаба)

Аналогии ей встречаются в коллекции А. Стейна (Митько, 2010) и в погребениях Кара-Булакского могиль-

ника (Баруздин, 1961. Рис. 31), датированного рубежом эр и первыми веками н.э.

- Баруздин Ю.Д., 1961. Кара-булакский могильник // Известия АН Киргизской ССР. Серия общественных наук. Т. III. Вып. 3. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье, 1988. Очерки истории. М.
- Литвинский Б.А., 1972. Древние кочевники «Крыши мира». М.
- Митько О.А., 2006. Деревянные огневые приборы в погребальных памятниках народов Сибири и Центральной Азии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 5. Вып. 3 (приложение 2). Археология и этнография. Новосибирск.
- Митько О.А., 2010. Деревянные огневые приборы из восточно-туркестанской коллекции А. Стейна // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Археология и этнография. Новосибирск. Т. 9. Вып. 3.
- Люй Эньго, 1997. Хэцзин сянь чаухугоу ихау муди (Могильник Чаухугоу I в уезде Хэцзин) // Синьцзян вэньу каогу синь шоу хо (1990–1996) (Новые достижения археологии Синьцзяна (1990–1996)). Синьцзян женьминь чубаньшэ (на кит. яз.).
- Люй Эньго, Го Цзяньго, 1997. Шаньшань сянь Субэйши муцзюнь саньхао (Могильник Субаш 3 в уезде Шаньшань) // Синьцзян вэньу каогу синь шоу хо (1990–1996) (Новые достижения археологии Синьцзяна (1990–1996)). Синьцзян женьминь чубаньшэ (на кит. яз.).

- Люй Эньго, Чжау Цзиньлин, 1995. Хэцзинсянь чаухугоу сыхау муди 1986 няньду фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могильника Чаухугоу IV в 1986 г. в уезде Хэцзин) // Синьцзян вэньу каогу синь шоу хо (Новые достижения археологии Синьцзяна (1979–1989)). Синьцзян женьминь чубаньшэ (на кит. яз.).
- Му Шуньмин, Ван Минчжэ, Ван Бинхуа, 1983. Цзяньго илай Синьцзян каогу дэ чжюа шоухо (Важнейшие достижения археологии Синьцзяна с момента основания государства) // Синьцзян каогу саньшинянь (30 лет археологии Синьцзяна). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньши (на кит. яз.).
- Цзулипия, Чжан Юнбин, Аньниваэр, Лю Хун, Лю Ган, Люй Эньго, 2004. Шаньшаньсянь Янхай саньхао муди фацзюэ цзяньбао. (Публикация результатов раскопок могильника Янхай 3 в уезде Шаньшань) // Синьцзян вэньу (Памятники культуры Синьцзяна). Вып. 1. (на кит. яз.).
- Чжан Юнбин, Чжан Юн, Ли Баоцзян, 2004. Шаньшаньсянь Янхай инхао муди фацзюэ Цзянь бао (Публикация результатов раскопок могильника Янхай 1 в уезде Шаньшань) // Синьцзян вэньу (Памятники культуры Синьцзяна). Вып. 1. (на кит. яз.).
- Чэнь Гэ, 1995. Памир гаюань гумму фацзюэ (Отчет о раскопках древних могил в высокогорном Памире) // Синьцзян вэньу каогу синь шоу хо (Новые достижения археологии Синьцзяна (1979–1989)). Синьцзян женьминь чубаньшэ (на кит. яз.).

В.Ю. Могрицкая

Музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского, Салехард

Берестяная утварь древнего святилища Усть-Полуй (I в. до н.э.—I в. н.э.) в контексте традиционной культуры населения севера Западной Сибири

Древнее святилище Усть-Полуй расположено в черте г. Салехард, на широте Северного Полярного круга в Ямало-Ненецком автономном округе. Хронология святилища вписывается в период I в. до н.э.—I в. н.э. (РЖВ). Это святилище является уникальным и остается пока единственным ритуальным памятником, датируемым ранним железным веком. Результаты многолетних раскопок показывают большую насыщенность культурного слоя святилища изделиями из различных материалов.

В 2010 г. впервые были обнаружены многочисленные находки из органики, среди которых множество берестяных изделий. Все найденные на святилище изделия из бересты являются остатками коробок. Исключение составляет лишь один предмет — птичка, вырезанная из пласта бересты. Всего было обнаружено 54 неорнаментированных коробки, 13 — орнаментированных, 15 фрагментов с прорезанным орнаментом и 9 небольших орнаментированных обрывков. Кроме этого было найдено более полусотни

обрывков и обрезков коробок, не поддающихся восстановлению. Можно выделить четыре типа коробок (рис. 1: А).

Tun 1. Коробки, сформованные на основе прямоугольного листа бересты, концы которого загибаются по углам в виде треугольников, укладываются по коротким сторонам коробки. Крепление — по два отверстия с внешней стороны, сквозь которые изделие скрепляется прутком или кедровым корнем. Обычно изготавливаются из грубого листа так, что наружный слой коры образует внешнюю сторону изделия. Это самый многочисленный тип изделий из бересты.

Tun 2. Коробки, заготовкой для которых служит лист бересты сложного края: основа в виде прямоугольника, чуть зауженного посередине, с примыкающими к нему сверху и снизу полукругами. Форма создается из двойного листа бересты: внутренний, темной стороной наружу, подгибается треугольниками по длинным сторонам, в наружном делаются разрезы, лист подгибается кверху, образуя форму с расширен-

ным устьем и относительно прямоугольным дном. По верху прокладывается прут или два, все вместе прошивается двойным или одинарным швом, выполненным кедровым корнем или травой. В результате получается форма с расширенным устьем.

Тип 3. Представлен в одном экземпляре. Коробка, выкроенная из нескольких листов бересты. Основа – прямоугольный лист, с треугольными вырезами сверху и внизу. Дополнительно вырезались детали трапециевидной формы. Форма создавалась путем сшивания по вырезам основы и наложения по боковым сторонам дополнительных деталей.

Тип 4. Коробки в виде цилиндра. Они состоят из трех деталей: круглые дно и крышка, боковая сторона из берестяной ленты.

Орнамент на коробках представлен меандром, но различных вариантов компоновки – ленточный и сетчатый (рис. 1: 2, 3). Во многих узорах конструктивным элементом является свастика. Вариативность орнаментов достигается путем вычитания или прибавления к свастике сегментов. Большинство орнаментов вписываются в строгую геометрическую сетку с различным углом наклона направляющих линий. Это свидетельствует о высоком мастерстве исполнения и точности техники нанесения, либо о возможном использовании трафаретов. Необходимо отметить, что пока отсутствуют находки с криволинейным орнаментом.

Во всех случаях рисунок был нанесен в технике выскабливания по темному фону. Лишь в двух случаях использовалось процарапывание, и в единственном – накалывание рисунка. Кроме этого, впервые были обнаружены берестяные ленты для аппликации с прорезным орнаментом, которые, по-видимому, использовались для украшения цилиндрических корыт или корыт второго типа.

В дальнейшем были проанализированы берестяные изделия из средневековых и более поздних памятников этого же региона, включая этнографические предметы, с целью представить эволюцию берестяных изделий на протяжении более чем двух тысяч лет, а также развитие элементов и технологии орнаментов от древности до современности. Предварительно можно сделать вывод, что общая тенденция нанесения орнамента на берестяные изделия тяготеет к укрупнению элементов. Узоры на берестяных изделиях древнего святилища Усть-Полуй более утонченные по сравнению со средневековыми. Последние, в свою очередь, выполнены на более высоком художественном уровне, чем орнаменты нового времени, при этом современные изделия и вовсе выглядят грубыми по сравнению со всеми предыдущими. Проведенное исследование показало, что орнамент более изменчив, чем форма сосуда и технология изготовления, что могло быть связано с его большей семантической нагрузкой.

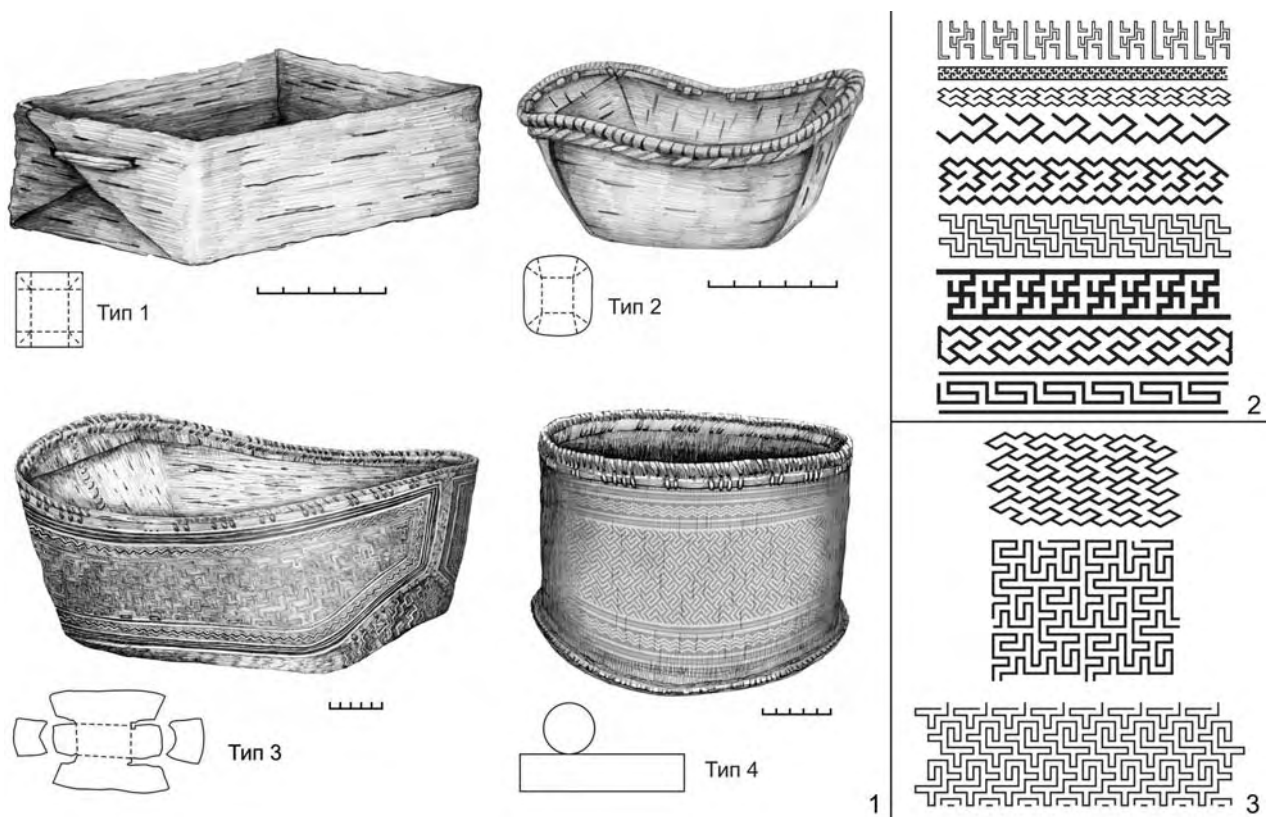

Рис. 1

Древнее святилище Усть-Полуй, раскопки 2010 г.: 1 – типы берестяной утвари; 2 – примеры орнаментации ленточных композиций; 3 – примеры сетчатых композиций

Методы изучения погребальных сооружений из дерева в поле¹

За многие годы исследователями накоплен большой объем сведений о различных приемах и способах древней деревообработки. Тем не менее, опыт изучения деревянных предметов в процессе раскопок археологических памятников еще не достаточно обобщен и систематизирован. В последнее время из печати вышло несколько работ, в которых широко освещены проблемы обработки дерева в раннем железном веке. Однако проблема получения максимальной информации о предмете исследования остается актуальной.

Адекватность информации о первоисточнике во многом зависит не только от степени сохранности археологического объекта, но и от методики его исследования. Поэтому очень важно в процессе раскопок неукоснительно соблюдать порядок проведения соответствующих действий и комплексных мер.

За время многолетних работ в составе археологических экспедиций автором была выработана определенная методика (порядок действий) изучения погребальных сооружений из дерева в процессе проведения раскопок. Она хорошо зарекомендовала себя во время полевых и камеральных изысканий на Российском, Казахском и Монгольском Алтае, а также в Туве.

Для максимального получения информации о древней деревообработке в качестве *эталонных* рассматривались конструкции из: 1) элитных погребений – Пазырык, курган 5; Берель, курган 11; Аржан 2, погребение 5; 2) среднего сословия – могильник Ак-Алаха 3, курган 1; 3) рядовых курганов – могильники Уландрык 1, Верх-Кальджин 1 и 2, Олон-Курин-Гол 6 и 10.

Основные методы:

- метод визуального контроля: постоянный контроль в процессе раскопок за появлением и состоянием деревянных артефактов от начала расчистки насыпи кургана до полного окончательного исследования памятника;
- метод фото и видео фиксации: непрерывная фиксация на фото и видеопленку всех этапов и шагов исследования деревянных артефактов, как отдельных предметов, целой конструкции, так и каждой ее детали;
- метод постоянной атрибуции артефактов: тщательная ежедневная атрибуция всех деревянных предметов, особенно отдельных элементов конструкций (бревна, венцы) и их деталей (угловые сопряжения, разметка венцов,

промазка глиной межвенцовых щелей, плотницкие зарубки, выравнивающая щепка, подтеска и т. п.);

- метод экспресс реконструкции: быстрое воссоздание первоначального вида объекта рядом с местом раскопок. Успешно применялся во время археологических раскопок на Алтае, в Туве, в Монголии. Метод быстрой натурной реконструкции в поле важен потому, что проводится со свежими впечатлениями, «по горячим следам». На ровной площадке неподалеку от могильной ямы последовательно, в соответствии с системой разметки, бревно за бревном, венец за венцом собирается сруб с первоначальной ориентацией по странам света. Каждое последующее действие фиксируется на фото и видео камеры, хронометрируется. После полной сборки происходит повторный осмотр сруба со всех сторон, фотографирование и видеосъемка общего вида и всех деталей конструкции с разных точек, снаружи и изнутри. Этот метод незаменим для сбора дополнительных ценных сведений о деревообработке, которые способствуют максимальному извлечению информации об объекте исследования и исключению неадекватной (неправильной) информации о первоисточнике;
- метод камеральной экспертизы: во время камеральных работ в лаборатории реставрации проводится заключительное обследование предмета для уточнения полученной ранее информации и возможного получения новой.

Этапы изучения археологического объекта с деревянными предметами в процессе раскопок:

- 1) подготовка и организация рабочей площадки рядом с местом раскопок археологического объекта;
- 2) выявление археологического дерева при исследовании курганной наброски, заполнения могильной ямы;
- 3) полная зачистка надсрубных конструкций и бревен перекрытий;
- 4) изучение надсрубных конструкций и перекрытий погребальных сооружений;
- 5) разметка, разборка и транспортировка надсрубных конструкций и перекрытий срубов на рабочую площадку;
- 6) изучение внутрисрубного пространства и сопровождающих деревянных предметов и погребального ложа;
- 7) разметка, разборка и транспортировка погребального ложа на рабочую площадку;
- 8) изуче-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект 10–06–00476а; гранта Президента РФ (научная школа академика В.И. Молодина, НШ–5107.2010.6).

ние околосрубного пространства (конский отсек) и сопровождающих деревянных предметов; 9) разборка и транспортировка сопровождающих деревянных предметов из околосрубного пространства на рабочую площадку; 10) изучение угловой вязки бревен внешнего и внутреннего срубов; 11) изучение внутренних и внешних поверхностей бревен стен срубов и настила пола, выявление дополнительных деталей и следов инструментов обработки дерева; 12) разметка, разборка и транспортировка бревен стен срубов и настила пола на рабочую площадку; 13) изучение всех составляющих погребального сооружения на рабочей площадке: повторная атрибуция бревен внешнего и внутреннего срубов на рабочей площадке; 14) последовательное раскладывание бревен в ряды по стенам, согласно порядковому номеру в венце; 15) экспресс-реконструкция погребального сооружения и по-

лучение дополнительной информации об источнике: хронометрирование, фото и видео фиксация каждого этапа последовательной сборки деталей конструкции; 16) последовательная разборка бревен сруба и отбор образцов спилов и кернов для дендрохронологического анализа; 17) тщательная чистка и подготовка всех составляющих погребального сооружения к пропитке консервирующими растворами; 18) предварительная консервация, разборка и упаковка всех деталей деревянных конструкций для длительной транспортировки в лабораторию; 19) осторожная погрузка и транспортировка деталей погребальных конструкций в лабораторию; 20) создание условий для хранения деревянных конструкций и подготовки к консервации и реставрации; 21) заключительная (длительная) консервация, реставрация и музеефикация погребальных конструкций из дерева.

Л.В. Панкратова

Томский государственный педагогический университет, Томск

Камень с гравировкой из поселения Половинка-I

На поселении Половинка-I, расположенном в Томском районе Томской области на правом берегу р. Обь, в культурном слое, содержащем материалы кулайской культуры раннего железного века, обнаружены каменные изделия с художественными гравировками. Гравировки кулайцев на камне до недавнего времени были представлены единичными экземплярами, найденными в Притомье: антропид на плитке из Кижировского поселения (Плетнева, 1977. Рис. 4: 1) и композиция с оленем на плитке из Мурашкинского поселения (Мец и др., 2001. Рис. 1: 5).

Особый интерес вызывает шлифовальный камень из мелкозернистого песчаника, овальной формы, размерами 9,0x4,0–4,5 см и толщиной 0,6–0,8 см. На длинных гранях изделия имеются неглубокие выемки, использовавшиеся для удобства удержания предмета в руке. На одной широкой плоскости изделия тонким предметом процарапана фигура антропоида. В результате использования камня гравировки едва просматриваются (рис. 1).

Антропид представлен стоящим в фас, с непропорционально большой головой, верхняя часть которой имеет конусообразную форму. Миндалевидные глаза и рот имеют развилки в уголках. Нос показан вертикальной чертой. Дугообразные брови сходятся у переносицы. Такие же дуги, расположенные тремя рядами над бровями, изображают головной убор. От крыльев носа к скулам прочерчены сдвоенные полосы. Овал лица выполнен двойной линией. Голова поддерживается шеей, обозначенной двумя чертами. Узкое тело, приоткрытое в нижней части, сверху делится вертикальной линией, а в районе пояса и ниже – двой-

ными поперечными линиями. Ноги переданы двумя тонкими полосами. Вместо ступней процарапаны по три короткие линии. Ноги развернуты «ступнями» вовнутрь. От плеч вниз спускаются руки-крылья в виде едва заметных черточек. Таким образом, персонаж сочетается в своем облике признаки человека и птицы.

Прямой аналогии изображению не известно. Однако в целом иконография образа соответствует бронзовым антропоморфным отливкам и гравировкам кулайцев. Общими признаками иконографии являются: передача образа в фас; непропорционально большая голова; обозначенный вертикальной линией нос, часто пересекающийся линией бровей. Нередко глаза и рот антропидов имеют миндалевидную форму. Ближайшими аналогиями, имеющими развилки у рта и глаз, являются бронзовая личина из Колгуякских юрт (Полосьмак, Шумакова, 1991. Рис. 11) и находка из пос. Оськино (Мец, Ожередов, 2001. Рис. 4). Вместе с тем, конусообразная форма головы персонажа из Половинки-I отличается от уплощенных сверху бронзовых личин. По этому признаку рассматриваемое изображение сближается с личиной из Парабельского культового места (Полосьмак, Шумакова, 1991. Рис. 10) и гравировками на одной из сторон миниатюрной бронзовой подвески из погребения 1 Барсовского-III могильника (Борзунов, Зыков, 2003. Рис. 3). Хорошей аналогией в трактовке тела и конечностей персонажа из Половинки-I является центральная фигура на бронзовом зеркале, хранящемся в музее г. Ханты-Мансийск (Приступа и др., 2002. С. 52, 53).

Очевидно, что отмечавшаяся ранее связь между антропоморфными изображениями кулайцев на кера-

мике с местами металлообработки (Мец, 1990) может распространяться и на антропоморфные изображения на каменных изделиях, поскольку шлифовальный камень найден именно у очага вместе с предметами бронзолитейного производства. В материалах поселения Кижирова антропиды известны не только на камне, но и на керамических сосудах (Плетнева, 1977). Новые находки показывают, что каменные изделия с гравировками использовались для шлифовки и заглаживания поверхности, в частности, керамики. Возможно, они применялись при изготовлении керамических форм для бронзолитейного производства. Камень мог использоваться и для растирания. Вероятно, подобным целям служили т. н. Г-образные предметы, широко распространенные в эпоху бронзы на Урале, в Западной и Южной Сибири, в Казахстане и Монголии, которые часто сочетают признаки антропо- или зооморфных персонажей с фаллической символикой. Следы подшлифовки отмечены на каменной плитке с антропидом из поселения Тыткескень-2 (Кирюшин, Кирюшин, 2008. Рис. 50). В качестве оселка использовался каменный антропид из могильника Крохалевка-5 (Новиков и др., 2010. Рис. 23). Круг параллелей значительно расширится, если учесть предметы с зооморфной символикой, а также случаи совместного контекста изображений и терочников, жерновов, шлифовальных камней, оселков (Кирюшин,

Рис. 1

Поселение Половинка-I. Камень с гравировкой

Иванов, 2001; Кубарев, 1979). Являясь реальным (предметным) выражением обрядового символа, связанного, по-видимому, с циклом бронзолитейного производства, в акциональном (действенном) аспекте шлифовальный камень выражает ритмические, возвратно-поступательные движения. В обрядово-магическом процессе создания вещи предмет с изображением мог символизировать создающее и оплодотворяющее начало.

Борзунов В.А., Зыков А.П., 2003. Барсовский III могильник – новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // *Образы и сакральное пространство древних эпох*. Екатеринбург.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., 2001. Новый сейминско-турбинский могильник Шипуново-V на Алтае // *Историко-культурное наследие Северной Азии*. Барнаул.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул.

Мец Ф.И., 1990. Новые изображения на кулайской керамике и их отношение к культовому литью // *Проблемы художественного литья Сибири и Урала эпохи железа*. Омск.

Мец Ф.И., Ожередов Ю.И., 2001. Археологические находки из Нижнего Притомья и Томского Приобья в Музее археологии и этнографии Сибири ТГУ // *Музей и город – 2001*. Северск.

Мец Ф.И., Плетнева Л.М., Рудковский И.В., 2001. Жилище эпохи железа Мурашкинского поселения IV // *Материалы по археологии Обь-Иртышья*. Сургут.

Новиков А.В., Волков П.В., Галямина Г.И., 2010. Каменное антропоморфное изображение из Крохалевки-5 // *Уральский исторический вестник*. № 1 (26).

Плетнева Л.М., 1977. Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н.э. Томск.

Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. *Очерки семантики кулайского искусства*. Новосибирск, 1991.

Пристипа О.И., Стародумов Д.О., Яковлев Я.А., 2002. *Окно в Бесконечность: Бронзовые зеркала раннего железного века*. Томск.

Кубарев В.Д., 1979. *Древние изваяния Алтая (оленные камни)*. Новосибирск.

В.С. Патрушев

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола

Финноязычные племена с «текстильной» керамикой как этнический феномен

Керамика с «текстильными» отпечатками на поверхности вследствие технологических приемов изготовления посуды стала этническим маркером финноязычных племен эпохи бронзы и раннего железного века (с XVIII в до н.э. до IV в. н.э.). Такая керамика

(известная также как «сетчатая», псевдосетчатая, ниточно-рябчатая) распространилась на огромной территории от устья Камы на востоке до Скандинавии. Население с такой керамикой К.Ф. Мейнандер выделил в особую культуру, что подтверждается специальными

исследованиями такой керамики на всей территории России. В формировании культуры данного населения принимали участие западные племена волосовцев, перенявшие многие элементы посуды населения культуры ямочно-гребенчатой керамики, а также, очевидно, отдельные группы индоевропейских племен фатьяновцев. Автор склонен считать эту общность основой всех финноязычных народов Поволжья и Прибалтики вплоть до середины I тыс. до н.э.

Данное население в эпоху развитой бронзы играло значительную роль в этногенетических процессах. Оно вступало в тесные контакты с кругом индоевропейских племен балтского этнического облика. Из поселений с комплексами «текстильной» керамики происходит и штрихованная керамика, отождествляемая археологами с балтским этносом.

В ходе продвижения населения с «текстильной» керамикой из районов Прибалтики и Прионежья на юг и юго-восток было ассимилировано поздняяковское население. На восточных окраинах финноязычного суперэтноса с «текстильной» керамикой на базе смешения с приказанскими племенами формируется новый этнос, выделенный автором в кокшайский этап ахмыловской культуры.

В юго-восточных регионах именно на базе финноязычных племен с «текстильной» керамикой при участии ряда компонентов формируется городецкая культура.

Начало эпохи раннего железа – это новый этап развития финноязычного населения с «текстильной» керамикой. Еще шире становятся связи финно-угров

с балтоязычными племенами северо-западных регионов, далеко перешагнувшие уровень культурных связей и дошедшие до появления смешанных комплексов керамики.

Судя по результатам статистической обработки комплексов керамики начала эпохи раннего железа, штрихованная керамика в чистом виде на памятниках Поволжья от Татарстана до Костромской области составляет до 2,8% всей керамики, а севернее и западнее до 4%. Кроме того, на внешней поверхности сосудов нередко сочетаются штрихованные и текстильные отпечатки, составляющие вместе до 17% общего числа фрагментов керамики. Налицо смешение традиций изготовления текстильной и штрихованной керамики. Взаимодействие двух субэтнических систем (балтоязычной со штрихованной керамикой и финноязычной с «текстильной») привело к появлению в пограничных зонах между ними нового этноса. А на базе племен финно-балтского облика при сильном влиянии верхнеднепровского населения формируется дьяковская культура.

Т. н. сетчатая керамика на городецких и дьяковских памятниках не что иное, как посуда с ниточно-рябчатými отпечатками на поверхности с характерным набором орнаментальных элементов, т. е. это «текстильная» керамика финноязычного населения.

Таким образом, финноязычные племена с «текстильной» керамикой стали основой финно-угорских народов на значительной территории Восточной Европы, и именно они определили основные особенности этнокультурных процессов вплоть до эпохи средневековья.

Л.М. Плетнева

Томский государственный педагогический университет, Томск

Нижнее Притомье в системе скифо-сибирского мира

Система обуславливается географическим, хозяйственным и культурным факторами. В настоящей статье культурным фактором обозначается только скифская триада в ее материальном выражении.

Нижнее Притомье расположено на границе лесостепной зоны и южной кромки тайги. Прогресс производящих видов хозяйства был подготовлен развитием этого региона в эпоху бронзы, особенно, на позднем ее этапе (Васильев, 2009). Споро-пыльцевые и остеологические анализы материалов позволяют считать, что в скифское время на Нижней Томи население занималось скотоводством: разведением лошадей и крупного рогатого скота. Есть предположение о начальных этапах земледелия. К производящим отраслям хозяйства следует отнести бронзолитейное производство, свидетельством которого являются най-

денные на поселениях литейные формы, льячки, сплески металла и шлаки. Кроме этого имеются данные о занятиях рыболовством и охотой.

Наиболее ранний период представлен набором бронзовых деталей узды оголовья лошади, среди которых стремячковидные удила с тремя отверстиями в одной плоскости, бляшки от перекрестья ремней, налобное или наносное украшение в виде головы животного. Набор найден в кургане 2 могильника Аникин Камень I и датируется второй половиной VII–первой половиной VI в. до н.э. (Плетнева, 2003). Аналогичные предметы конского снаряжения известны из могильников Средней Азии, Центрального Казахстана и Алтая (Вишневская, 1973; Итина, Яблонский, 1997; Кирушин, Тишкин, 1997; Демин, Ситников, 1999; Фролов, 2008). К этому же времени относится

Рис. 1

Шеломокская культура VI–III вв. до н.э.: 1, 2, 4, 5, 6, 12, 17, 20, 22, 23, 25, 26, 29, 31, 32 – Савинский курганный могильник; 3, 10, 21, 24 – ритуальный комплекс у устья Малой Киргизки; 14, 15 – поселение Басандайка; 11, 16 – поселение Шеломок I; 7–9, 13, 18, 27, 28, 30 – Степановская коллекция (составила Л.М. Плетнева)

керамика нижнего горизонта поселения Шеломок II и городища Козюлино, орнаментация которой показывает переходные мотивы от эпохи поздней бронзы к V–III вв. до н.э. (Рудковская, 2008).

Период V–III вв. до н.э. наиболее хорошо изучен по материалам поселений и могильников. Представительные коллекции бронзового инвентаря и керамики позволили заключить, что территория Нижнего Притомья входила в скифо-сибирский культурный мир, одновременно обладая своеобразием, которое наиболее ярко демонстрирует керамика. Для Нижней Томи характерна та же скифская триада, что и для всего скифо-сибирского мира: 1) оружие: меч-акинак, бронзовый кистень, бронзовые и костяные наконечники стрел, бронзовый топор, бронзовый кельт (рис. 1: 1–3, 5–9); 2) конская упряжь: удила, псалии, украшающие узду бляшки; 3) скифо-сибирский звериный стиль, который представлен многочисленными бронзовыми предметами, найденными в трех культовых объектах, культурном слое поселений и погребальных комплексах (рис. 1: 11–25, 29) (Плетнева, 1976; 1977; 2002; 2003; 2004; 2005; 2008; Мец, Плетнева, 2007; Плетнева, Мец, 1999). Население скифского

времени Нижнего Притомья в погребальном обряде и культовой практике использовало те же, воплощенные в бронзе образы, что и во всем скифо-сибирском мире: олень, лошадь, козел, кулан, косуля, хищники, птицы и фантастические животные. Поразительны предметы, имеющие аналогии в Северном Причерноморье, в иранском и сакском мире (Матющенко, Сыркина, 1975; Мец, Плетнева, 2007). Возможно, проникновение изделий в Западную Сибирь шло по отрезку пути на север от Великого шелкового пути через Среднюю Азию и Казахстан. Часть изделий, видимо, была принесена самими саками, проникавшими на Алтай и Верхнюю Обь (Фролов, 2008). Животные и птицы из Томского Приобья выполнены в позах и с набором деталей, характерных для скифо-сибирского искусства (Членова, 1967; Раевский, 2006; Переводчикова, 1994; Богданов, 2006).

Отличительной особенностью материального комплекса рассматриваемого времени Нижнего Притомья является керамика, что позволило выделить на этой территории отдельную *шеломокскую культуру*, входящую в круг культур скифо-сибирского мира.

- Богданов Е.С., 2006. Образ хищника в пластическом искусстве Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск.
- Васильев Е.А., 2009. Бронзовых дел мастера // История Северска. Северск.
- Вишневская О.А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. По материалам Уйгарака. М.
- Демин М.А., Ситников С.М., 1999. Некоторые новые находки раннескифского времени с берегов Гилевского водохранилища // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997. Саки нижней Сырдарьи. М.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1. Культура населения в раннескифское время. Барнаул.
- Матющенко В.И., Сыркина Л.М., 1975. О новых находках эпохи раннего железа в Томско-Чулымском Приобье // Первобытная археология Сибири. Л.
- Мец Ф.И., Плетнева Л.М., 2007. О некоторых переднеазиатских мотивах в искусстве Томского Приобья эпохи раннего железа // Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и средневековья. Томск.
- Переводчикова Е.В., 1994. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.
- Плетнева Л.М., 1976. Предметы звериного стиля в Среднем Приобье // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Плетнева Л.М., 1977. Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н.э. Томск.
- Плетнева Л.М., 2002. Поселение Шеломок-2 // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск. Т. 1.
- Плетнева Л.М., 2003. Предметы конской упряжи раннескифского времени из Томского Приобья // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб. Кн. II.
- Плетнева Л.М., 2004. О скифо-сибирском зверином стиле в Томском Приобье // Вестник ТГПУ. Серия: гуманитарные науки (история, археология, этнология). Томск.
- Плетнева Л.М., 2005. Изображения хищников в скифо-сибирском зверином стиле из Томского Приобья // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Мат. XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск.
- Плетнева Л.М., 2008. Металлические зеркала эпохи раннего железа из памятников Томского Приобья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. М. Т. II.
- Плетнева Л.М., Мец Ф.И., 1999. Ритуальный комплекс раннего железного века в Томском Приобье // Приобье глазами археологов и этнографов. Томск.
- Раевский Д.С., 2006. Мир скифской культуры. М.
- Рудковская М.А., 2008. Керамика городища Козюлино II // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003. Социальная структура и система мировоззрения населения Алтая скифской эпохи. Барнаул.
- Фролов Я.В., 2008. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э.–II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул.
- Членова Н.Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.

Погребения в катакомбах могильника Спорное 1: кочевой компонент в меотском контексте

В 2004 г. экспедицией ООО «Наследие Кубани» исследовался участок грунтового могильника городища Спорное 1, расположенного к востоку от г. Усть-Лабинск на краю террасы правого берега р. Кубань. Всего было раскопано 72 погребения, относящихся ко всему периоду существования городища – от IV в. до н.э. до середины II в. н.э. Значительная часть, около 25% исследованных захоронений, была совершена в катакомбах или ямах с подбоем. Конструктивные особенности позволяют выделить два основных типа катакомб: I – с прямоугольным в плане входным колодцем и примыкающей к его короткой стене камерой и II – с круглым в плане входным колодцем. Камеры расположены к северо-западу (восемь комплексов), северу (три комплекса) и северо-востоку (три комплекса) от входного колодца вне зависимости от его формы. Подбой сооружены вдоль длинных западных и юго-западных стен ям.

Захоронения в катакомбах отличаются от остальных могил богатством и разнообразием погребального инвентаря. В него входили оружие, украшения, туалетные принадлежности, амфоры и керамика. В одной из катакомб (погребение 264) под погребенным лежала подстилка из куса кольчужной ткани (рис. 1). Обязательным атрибутом обряда было помещение на дне входного колодца захоронения коня, вместе с которым иногда помещали собаку, части туши мелкого рогатого скота или свиньи.

Погребения в катакомбах этого некрополя появляются не на ранних этапах его существования – судя по инвентарю, они относятся ко времени не ранее начала II в. до н.э. Погребения II–I вв. до н.э. и погребения первых веков н.э. расположены на разных участках могильника. Ранние комплексы находятся в южной части некрополя, отделенной широким и глубоким рвом. Позднее к стенке рва была пристроена печь для обжига керамики, а затем он был засыпан. Захоронения рубежа и первых веков н.э. концентрируются в центральной части некрополя на сравнительно небольшой площади.

Прослежена трансформация входных колодцев катакомб от прямоугольных у ранних захоронений, к круглым – у поздних. Примерно в 40% могил во входных колодцах помещались не лошади, а крупный рогатый скот или, реже, мелкий рогатый скот. Интересно, что такие «суррогатные» животные находились в колодцах катакомб поздней группы. Изменение конструкции входных колодцев катакомб, «замещение» в погребальном ритуале лошади не столь дорогими

и более характерными для оседлого населения животными связаны, вероятно, с ассимиляцией части кочевников, инкорпорированных в меотскую среду.

Катакомбные захоронения фиксировались и на соседних городищах среднего течения р. Кубань, раскопанных в разное время – Казанское 4, Старокорсунские, Усть-Лабинское. Конструктивно катакомбы, исследованные в некрополях этих городищ, аналогичны катакомбам некрополя Спорное 1 – их также отличает разнообразие и относительное богатство инвентаря.

Появление в некрополях меотских городищ правобережья р. Кубань захоронений в катакомбах связано, вероятно, с приходом в регион нового населения. Погребения в катакомбах характерны для захоронений т. н. «Золотого кладбища» – серии курганных могильников кочевой знати, полосой вытянутых вдоль реки в непосредственной близости от городищ. Если городища, расстояния между которыми не превышают порой нескольких сот метров, создают своеобразную «полосу обитания», то обрамляющие ее курганы отделяют городища и их население от степи.

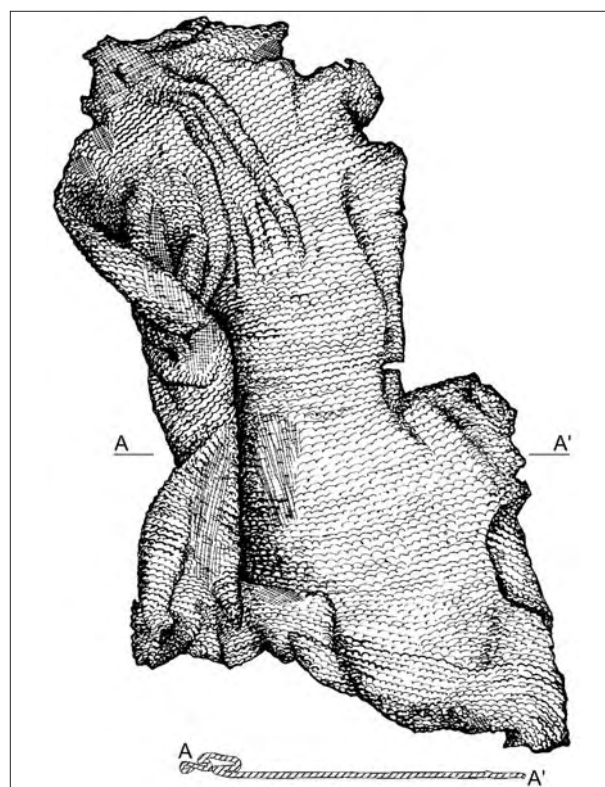

Рис. 1
Могильник Спорное 1, фрагмент кольчужной ткани из погребения 264

Городища и расположенные в непосредственной близости от них курганные могильники свидетельствуют о симбиотическом характере взаимоотношений пришлого кочевого и местного земледельческого населения. Каждая из групп сохраняла основной род своих занятий: население городищ занималось производящим хозяйством, кочевники, в обмен на необходимую им продукцию земледельцев и ремесленников, обеспечивали стабильность и безопасность в ре-

гионе. Даннические отношения, характерные для кочевников и оседлого населения, не имеющего государственного устройства (Хазанов, 2008), сохранились и после отселения части меотов на Нижний Дон. Здесь продолжился процесс взаимопроникновения традиций кочевого и оседлого населения, о чем свидетельствует соотношение погребений в катакомбах и грунтовых ямах в некрополях Кобякова и Нижне-Гниловского городищ.

С.А. Рузанова

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва

Металлургия древнего Хорезма в раннем железном веке

Основными источниками по рассматриваемой теме стали обширные коллекции археологического материала, полученные работами Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Исследовались металлические предметы, обнаруженные на земледельческих поселениях раннего железного века Куюсай 2 (VII–VI вв. до н.э.) и Кюзели-гыр (VI–V вв. до н.э.) (район Присарыкамьшской дельты Амударьи), а также сакских могильниках Южный Тагискен, Уйгарак (конец VIII–начало V в. до н.э.) (район древнего русла Сырдарьи-Инкардарьи) и Сакар-Чага (конец VIII–VII в. до н.э.) (район Присарыкамьшской дельты Амударьи).

В аналитически изученную серию вошли различные категории металлических изделий: орудия труда, предметы быта, украшения, предметы конского убора и оружие. Основная задача данной работы – определение основных характеристик использовавшихся сплавов. Для решения поставленных задач использовалась одна из главных методик изучения древней металлообработки – анализ химического состава предметов из металла.

Все изделия, вошедшие в выборку, выполнены из «чистой» меди (Cu) и сплавов на основе меди. В соответствии с современными методическими подходами было выделено 12 типов сплавов в зависимости от состава легирующих компонентов и их количественного содержания: оловянная бронза, свинцовая бронза, мышьяковая бронза, латунь, оловянно-свинцовая бронза, свинцово-мышьяковая бронза, оловянно-мышьяковая бронза, оловянная латунь, сплав меди с никелем, а также три многокомпонентных сплава: многокомпонентная свинцовая бронза (Cu-Pb-Sn-As)

и два варианта многокомпонентной оловянной бронзы (Cu-Sn-As-Zn и Cu-Sn-Pb-Zn).

В изученной выборке доминируют оловянная бронза (34% серии), оловянно-свинцовая бронза (21%) и медь (13%). Количество остальных типов сплавов заметно меньше. Если рассматривать общие характеристики металлургии древних культур Средней Азии и Казахстана, то можно отметить, что на рубеже II–I тыс. до н.э. в литейном производстве именно эти три типа металла начинают занимать ведущее место. В целом, одновременное использование оловянной, свинцовой, мышьяковой, оловянно-свинцовой, свинцово-мышьяковой бронзы известно с бронзового века в кругу южноземледельческих культур, что часто объясняется разработкой определенных полиметаллических рудных месторождений. Наличие перечисленных выше типов сплавов в хорезмском материале может говорить о том, что металлообработка производилась в этом регионе развивалась в рамках общего направления, характерного для земледельческих культур Средней Азии.

Необходимо также отметить, что при наличии некоторых общих черт в металлообработке, а именно: преобладание оловянной бронзы, – хорошо определяется различие традиций металлообработки оседлых земледельческих племен (Куюсай 2 и Кюзели-гыр) и кочевников (Южный Тагискен, Сакар-Чага). Особенности типов сплавов указывают, прежде всего, на разные источники сырья. При этом материал могильника Сакар-Чага, в котором присутствуют обе традиции, свидетельствует, что на это различие повлияло не только географическое положение, но и принадлежность к определенному хозяйственно-культурному типу.

Многофигурные композиции с антропоморфными сценами в контексте звериного стиля

Звериный стиль скифского времени – «знаковое» искусство археологических культур раннего железного века степной и лесостепной Евразии, сложившееся в непосредственной связи с достижениями древних цивилизаций, когда восприятие различных иконографических схем осуществлялось через культуры Кавказа и Средней Азии.

Многофигурные композиции с антропоморфными сценами в зверином стиле относятся к позднему периоду его развития, т. к. среди простых стилизованных образов пантеры, оленя, кабана, барана, грифона или в сложной «загадочной картинке» образ человека не разрабатывался. Антропоморфные сцены восточных вариантов звериного стиля – это изображения всадников, охотящихся всадников, личины, а также более сложные «повествовательные» композиции охоты: «навершие» из Тээргэ (Грач, 1980), перекрестие акинака из Алтайского края (Суразаков, 1979), композиции сцен жертвоприношений на жертвенниках из Алматинского региона (Самашев и др., 2004). На протяжении всей эпохи возводились каменные изваяния, датирующиеся, в основном, VI–III вв. до н.э. Все изображения мужские – это воины и охотники. Позднее антропоморфные сцены встречаются в гунно-сарматском искусстве. Многочисленные изображения людей также присутствуют во всех оседлых культурах, с которыми контактировали кочевники – кавказские бронзовые скульптуры, среднеазиатские изображения, терракоты (в т. ч. и женские), иранские бронзы.

В изображениях, найденных на территории Южного Урала, проявляются как местные образы (Королькова, 2006; Рукавишникова, 2009), так и влияния с востока, юго-востока (Королькова, 2006; Рукавишникова, 2009; Переводчикова, 2007; 2010) и запада (Канторович, Яблонский, 2009). Среди обширной выборки изображений Филипповского могильника представлены образ всадника-воина в виде костяной фигурки, а также воин с двумя луками на коне, охотящийся на сайгаков на обкладках золотой чаши (Золотые олени, 2003).

В свете вышеизложенного интерес представляет меч из Филипповского могильника, на котором имеются сложные многофигурные композиции, расположенные по всему изделию: клинку, рукояти, перекрестию и навершию (Сокровища сарматских вождей, 2008; Яблонский и др., в печати). Изображения не то-

лько включены во внутреннюю симметрию изделия и технологическую зональность, но также сведены в ритмическое повествование. На декор меча необходимо смотреть при поднятом клинке, т. к. именно для такого обзора расположено изображение на перекрестии, когда разворачивается сложная композиция ритуального меча, который сам является основной вертикалью с линией симметрии, проходящей от острия к рукояти (рис. 1). На клинке разворачиваются сюжетные композиции с разных его сторон по краям; перекрестие оформлено в виде синтетично направленных образов кабана и оленя; рукоять украшена звериными образами; на навершии располагались образы оленей, которые плохо сохранились. Декор на клинке с обеих сторон заканчивается симметричной композицией антитетично развернутых оленей со сливающимися пышными рогами, которые образуют острие, при этом на одной стороне клинка сливающиеся рога венчают стрела. Рукоять с двух сторон одинаково декорирована: в центральной продольной части на каждой плоскости меча расположена зона с композицией терзания («поглощение» волком сайгака (козла?)). В торцах перекрестия изображены олени с S-овидно развернутой головой.

Все пространство композиции на перекрестии с обеих сторон заполнено двумя основными образами оленя и кабана, абрисы которых формируют силуэт бабочковидного перекрестия (Рукавишникова, в печати). Образы оленей и баранов S-овидно вывернуты, изящно вписаны в зоны лопаток, бедер, ребер и рогов (в случае с оленем), представляя собой «зооморфное превращение» частей тела основных образов (Переводчикова, 1994. С. 20; Канторович, 2002). Изображение кабана и оленя «сконструировано» в стиле, похожем на стиль «загадочной картинки», который был распространен в Восточном Казахстане и Туве (Грач, 1980; Кадырбаев, 1966).

Обе стороны лезвия декорированы сложными композициями из цепочек идущих зверей и антропоморфных сцен. По классификации композиций – это сложная линейно ритмичная композиция, усложненная сценами «поглощения» животных, а также антропоморфными сценами (Яблонский и др., в печати). *Антропоморфные сцены* представлены на двух сторонах клинка. На одной стороне: 1) охота всадника на коне с копьем на кабана (рис. 1: А, сцена 1); 2) по всей видимости, павший воин с «ритуальным» мечом в жи-

воте (рис. 1: А, сцена 2); на второй стороне: 3) прине- сение в жертву оленя (в жертвенной позе) двумя вои- нами с ритуальными мечами (с «нервюрами») (рис. 1: Б, сцена 3), 4) воин в доспехе с секирой, замахиваю- щийся над образом оленя (рис. 1: Б, сцена 4). Конь под всадником взнуздан, что показано деталью на морде животного (строгач), остальные кони на клинке «ограничивают» антропоморфные сцены и направле- ны синтетично (шесть образов). Вероятно, они также являются жертвенными животными.

Помимо этих сцен в ритмических композициях клинка представлены сцены «поглощения» хищника- ми (лев, леопард, тигр, волк, медведь) травоядных – оленей и козла, а также одиночные образы оленей и несколько солярных знаков. Морды у животных длинные. Каждая из композиций на краях клинка за- канчивается оленем с пышными рогами на опущен- ной голове, образующими симметричную компози- цию. Все образы на клинке (всего 47) сформированы при помощи линий абриса и завитков, трехчастных завитков (свастические знаки), которые моделируют поверхность (Переводчикова, 1994. С. 121), как и на золотых оковках чаш из 1 Филипповского кургана (Золотые олени, 2003). Стилистика изображений на мече сходна с обкладками чаш. Важно, что при всей стилизованности и графичности изображений, все эти образы имеют выраженные видовые характеристики.

Черты лица у людей имеют схожие характери- стики: изображение в профиль, миндалевидный глаз, рот, округлый овал лица, отсутствие бороды, две полоски на щеках (ритуальная раскраска?), у всадника просмат- ривается одна длинная полоска. В сцене с жертвопри-

ношением оленя у обоих персонажей, возможно, риту- альная одежда: головной убор (шлем?), а также кост- юмом, обозначенный завитками (вероятно, меховой). Завитки имеются и на ногах образа человека, убитого ритуальным мечом, а также у нападающего на оленя воина. Воин из сцены 4 (рис. 1: Б, сцена 4) изображен в коротком чешуйчатом доспехе и, вероятно, в шлеме. Всадник из сцены 1 (рис. 1: А, сцена 1) изображен в одежде, оформленной полосками, с выраженным по- ясом, без завитков и чешуи – в легкой одежде, без шле- ма. У всех воинов изображены луки в горитах. Также представлено другое оружие: в сцене 1 – копьё, в сце- нах 2 и 3 – мечи, в сцене 4 – секира (рис. 1: А, Б).

Принимая во внимание знаковый характер звери- ного стиля, в изображениях на мече из Филипповки 1 можно увидеть «текст», представленный в традициях и стилистике звериного стиля, консолидируемый с фольклорной традицией (Раевский, 1998). Повест- вование, возможно, начинается со сцены охоты на ка- бана, т. к. первой фигурой от перекрестия является спиральный завиток – солярный знак, находящийся на уровне головы человека (рис. 1: А, сцена 1). Такой знак отдельно больше в изображениях на мече не встречен, кроме как на поверхностях образов – он, как заглавная буква, открывает начало текста. Ажурно- стью изображений и цикличностью такие компози- ции напоминают шествия на башадарской колоде, представляющие собой сцены явно культового харак- тера, связанные с переходом в мир мертвых (Руденко, 1960. С. 307–312; Баркова, 1984).

Меч из Филипповки 1 мог также иметь культовое назначение, т. к. его изображение с разделительной

Рис. 1

Декор меча из кургана № 4 могильника Филипповка 1. А – сторона 1: сцена 1, сцена 2; Б – сторона 2: сцена 3, сцена 4

декоративной нервюрой присутствует в сцене жертвоприношения на самом мече. Меч найден *in situ* в погребении богатого воина с гривной, доспехом, массивными золотыми бляхами, символизирующими верховную власть и указывающими на его статусный характер. Образ воина-героя-предводителя в таком обществе ассоциировался и с образом отправителя культа (Абаев, 1945).

Ось меча формирует схему мирового дерева и деление мира на три зоны – основополагающие мировоззренческие идиомы древних кочевников: олень на острие – высший небесный мир – крона дерева; лезвие – срединный мир – ствол; фигуры на перекрестии расположены в геральдической композиции у мирового дерева (архетипный сюжет – Ремпель, 1987). В индо-иранской мифологии кабан являлся одной из ипостасей Веретрагны, который отождествляется и с Индрой, становящимся уже в иранской мифологии демоном мрака (Авеста в русских переводах, 1998. С. 433). Но также Веретрагна даровал Заратуштре мужскую силу, крепость рук и т. д. (Мифы народов мира, 1992). Поэтому поклонение кабану и оленю, солнечному «божеству» – это «необходимость» как для славного воина и мужа, так и отправителя ритуалов («шамана»). У скифов, по свидетельству Геродота, было принято поклонение мечу-акинаку: «Ему ежегодно приносили в жертву лошадей, рогатый скот, каждого сотого пленника» (по Раевский, 2006). Изображения на клинке филипповского меча могут быть иллюстрацией ритуалов, связанных с культом меча и оружия, поклонения богу войны, как в символе самого меча, так и в образе изображенного на нем кабана – одного из символов авестийского бога войны Веретрагна (Яшт, XIV – по Авеста в русских переводах, 1998) и огню – солнечному, высшему началу (в соответствии с общей индо-иранской традицией) в виде оленей (небесных оленей). Сам меч отождествляется с образом «миро-

вого дерева» и образом «мужского начала» – выпущенной стрелой в небо.

Возможны и другие гипотезы в понимании изображенного повествования на филипповском мече. Согласно одной из них, каждый из изображенных людей представляет собой отдельную личность, скорее, мифологическую. В этом случае можно усмотреть свидетельство архитипного повествования об убийстве младшего, удачливого брата (Колаксай) – мифа, следы которого присутствуют в различных эпосах (Раевский, 2006. С. 63, 98). Согласно второй гипотезе, повествование идет об одном и том же персонаже, воине-шамане, который, подобно Сослану из нартовского эпоса (Абаев, 1945), проходит сквозь подземный мир и испытания, возвращается, обретая новую сущность. Архетип сцены охоты на кабана связан с этими источниками (Яценко, 2004). Однако, это лишь малая часть семантического анализа такого интереснейшего изображения, какое представлено на филипповском мече.

Стиль изображения на мече из Филипповки I свойственен южноуральскому звериному стилю и его восточным аналогиям. Морфологически филипповский меч обнаруживает аналогии в Алтайском регионе, Минусинской котловине – зонах распространения бронзовых кинжалов с бабочковидным перекрестием, где лежащие образы зверей расположены так, чтобы их можно было увидеть при поднятом клинке (могильник Кочки – Могильников, 1997. Табл. 36). Встречаются также железные кинжалы с золотым декором (например, коллекция Краснова, ГЭ). Мечи со сложным золотым декором известны в «царских» курганах Европейской Скифии. Филипповский меч, датирующийся автором раскопок концом V–началом IV в. до н.э., уникален по своему декору, имеет ритуально-парадную функцию, которая связывается с культом меча, солнечным оленем и воинским культом, а на его клинке развернуто героическое повествование, связанное с индо-иранской традицией.

Абаев В.А., 1945. Нартовский эпос // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Дзауджикау. Т. X. Вып. I.
 Авеста в русских переводах (1861–1996), 1996. Пер. И.С. Брагинского / Сост., общ. ред., примеч., справ. разд. И.В. Рака. СПб.
 Баркова Л.Л., 1984. Резные изображения животных на саркофаге из второго Башадарского кургана // АСГЭ. Л. Вып. 25.
 Грач А.Д., 1980. Резные композиции в искусстве Тувы скифского времени // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл.
 Золотые олени Евразии, 2001. Каталог выставки в Гос. Эрмитаже, СПб, 18.X.2001–20.I.2002. СПб.
 Кадырбаев М.К., 1966. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кардыбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
 Канторович А.Р., 2002. Классификация и типология элементов зооморфных превращений в зверином стиле степной Скифии // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк. Т. 1.
 Королькова Е.Ф., 2006. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху

(VII–IV вв. до н.э.): проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.
 Мифы народов мира, 1992. Энциклопедия в 2-х томах. М.
 Могильников В.А., 1997. Население Верхнего Приобья в середине–второй половине I тыс. до н.э. М.
 Переводчикова Е.В., 1994. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.
 Переводчикова Е.В., 2007. Филипповка и Алтай (по материалам золотых предметов из I Филипповского кургана) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул.
 Переводчикова Е.В., 2010. Еще раз о юго-восточных связях Филипповских курганов // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. М. (МИАР. № 13).
 Раевский Д.С., 1998. О возможностях новых подходов к изучению звериного стиля скифской эпохи // Древние цивилизации Евразии. История и культура: Тез. докл. междунар. научн. конф., посвящ. 75-летию Б.А. Литвинского. Москва, 14–16 октября 1998 г. М.
 Раевский Д.С., 2006. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. // Раевский Д.С. Мир скифской культуры / Предисл. В.Я. Петрухина, М.Н. Погребовой. М.

- Ремпель Л.И., 1987. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент.
- Руденко С.И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.
- Рукавишникова И.В., 2008. Об одном изображении на перекрестии меча из могильника Филипповка I // Материалы II(XVIII) Археологического съезда. М. Т. 4.
- Самашев З.С., Григорьев С.А., Джумабекова Г.С., 2004. Сакральный центр саков в предгорьях Заилийского Алатау // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск. Вып. 3.
- Сокровища сарматских вождей (Материалы раскопок Филипповских курганов), 2008 / Под ред. Л.Т. Яблонского. Оренбург.
- Суразаков А.С., 1979. Железный кинжал из долины Ачик Горно-Алтайской автономной области // СА. № 3.
- Яблонский Л.Т., Рукавишникова И.В., Шемаханская М.С. Золотой меч из царского кургана № 4 могильника Филипповка I // (в печати).
- Яценко С.А., 2004. Эпический сюжет ираноязычных кочевников в древностях степной Евразии // ВДИ. № 4.

Е.А. Рябинина

Курганский государственный университет, Курган

Комплекс раннего железного века могильника Озерный-1 в Верхнем Притоболье

В 2009 г. экспедицией Курганского госуниверситета под руководством С.Н. Шилова в Звериноголовском районе Курганской области был раскопан могильник Озерное-1, относящийся к эпохе бронзы. В ходе исследований курганов № 2, 4 и 5 были выявлены впускные погребения раннего железного века, давшие разнообразные материалы по культуре и погребальному обряду кочевников VI–V(IV) вв. до н.э. на территории Верхнего Притоболья.

Комплексы раннего железного века кургана № 2 представлены тремя впускными погребениями, из которых детские погребения № 7 и 8 являлись подбойными. После сооружения впускных погребений раннего железного века насыпь была окружена рвом, который разрушил погребение № 3 эпохи бронзы, – в результате этого центр кургана сместился, и впускное погребение раннего железного века № 2 стало центральным. Непотронутое оказалось только детское подбойное погребение, где был зафиксирован обряд захоронения вытянуто на спине, головой на север. Инвентарь погребения представлен бронзовыми наконечниками стрел в кожаном колчане с железным кольцом, двумя круглодонными сосудами, орнаментированными прочерченными линиями и вдавлениями, стеклянной бусиной-подвеской и железным ножом. В центральном погребении обнаружены фрагменты деревянного поперечного перекрытия и ровик по периметру дна могильной ямы. Инвентарь представлен бронзовым зеркалом в чехле (?) (рис. 1: 1), железными удилами, керамическим пряслицем, бронзовой бляхой в виде рыбы (рис. 1: 2), нашивными фигурными украшениями из бронзы, а также фрагментами неопределимых бронзовых и железных предметов.

Комплекс раннего железного века кургана № 4 включал одно впускное центральное погребение (ограблено), а также расположенные над ним одиночный сосуд и колчан в виде кожаного прошитого мешка с бронзовыми втульчатыми и черешковыми нако-

нечниками стрел с древками (рис. 1: 3). Сосуд и колчан в насыпи, по всей видимости, являлись поминальной жертвой. В насыпи также были встречены отдельные бронзовые наконечники стрел. Центральное погребение было сооружено прямо над центральным захоронением бронзового века. Инвентарь погребения состоит из железного коррозированного ножа, двух круглодонных сосудов с орнаментом в виде различных прочерченных линий (рис. 1: 4), железного кольца, бронзовых наконечников стрел, а также фрагментов неопределимых костяных и бронзовых изделий.

Комплексы раннего железного века кургана № 5 представлены шестью погребениями – тремя детскими и тремя взрослыми. Периферийные погребения располагались вокруг центрального взрослого. Все погребения, включая центральное, являлись впускными в насыпь кургана бронзового века. Погребения № 1 и 2 прорезали слой кострища в центральной части кургана, а центральное погребение № 16а разрушило часть погребения № 16 бронзового века. После сооружения впускных погребений раннего железного века насыпь была окружена кольцевым замкнутым рвом. В насыпи обнаружены предметы раннего железного века: фрагмент костяной пластинчатой пряжки (рис. 1: 5), бронзовые втульчатые наконечники стрел и каменный сосудик-«курильница». Погребальные ямы прямоугольные, ориентированные, преимущественно, по линии север–юг. Во всех погребениях обнаружены деревянные конструкции в виде мощных перекрытий из плах (плашки в детских погребениях; в погребении № 1 вместо плах – деревянная рама). Хотя не ограблены были четыре погребения, непотронутые останки захороненного были обнаружены только во взрослом погребении № 12. В детских захоронениях был найден только инвентарь и остатки жертвенной пищи в виде обломков костей овцы. Инвентарь погребений раннего железного века из кургана № 5, не считая погребение № 12, представлен брон-

зовыми втульчатыми наконечниками стрел в скоплениях, небольшим бронзовым котлом на конусовидном поддоне (рис. 1: 8), золотыми нашивными бляшками с орнаментом в виде спирали (рис. 1: 9), фрагментом бронзового зеркала, костяным и керамическими пряслицами, стеклянными разноцветными бусинами и шлифовальным камнем. Круглодонные сосуды, орнаментированные фестонами и вдавлениями (рис. 1: 6), обнаружены во всех погребениях, за исключением погребения № 12.

Погребение № 12 кургана № 5 принадлежало женщине (?), уложенной вытянуто на спине, головой на север. В захоронении обнаружен многочисленный инвентарь: берестяная прошитая сумочка, фрагменты двусоставных железных удил, украшенное бусинами изделие из бересты (сумочка?), каменный столик-«жертвенник» со следами использования, бронзовая полая трубочка, железное коррозированное изделие (игла?), золотые изделия (полая ребристая бусина, серьги в полтора оборота, подвески в виде бутона цветка), ожерелье из крупной золотой пронизи и стеклянных разноцветных бусин круглой формы (рис. 1: 7), пряслице и браслеты из стеклянных бусин. Учитывая наличие золотых украшений,

«жертвенника» в погребении, а также находку сломанного каменного сосуда-«курильницы» возле погребения, можно предположить высокий прижизненный статус погребенной, связанный, вероятно, с выполнением ритуальных функций.

По всей видимости, в этом могильнике были захоронены представители знати, принадлежащие к группе зауральских кочевников. На это указывают сооружение погребений с богатым инвентарем в насыпях курганов бронзового века, при этом возводились мощные деревянные перекрытия над самими захоронениями, а также рвы вокруг курганов (курганы № 2 и 5) и ровик в захоронении (центральное погребение кургана № 2). Во всех случаях сооружалось центральное погребение, что показывает высокий статус захороненных. При этом инвентарь периферийных могил (золотые изделия и «культовые» предметы в погребении № 12 и бронзовый котел в детском погребении № 1, курган № 5) также свидетельствует о принадлежности погребенных к элите данной группы кочевников. Керамика и, особенно, ее орнаментация и примесь талька в некоторых сосудах, возможно, отражает связи в VI–V(IV) вв. до н.э. с местным лесостепным населением региона.

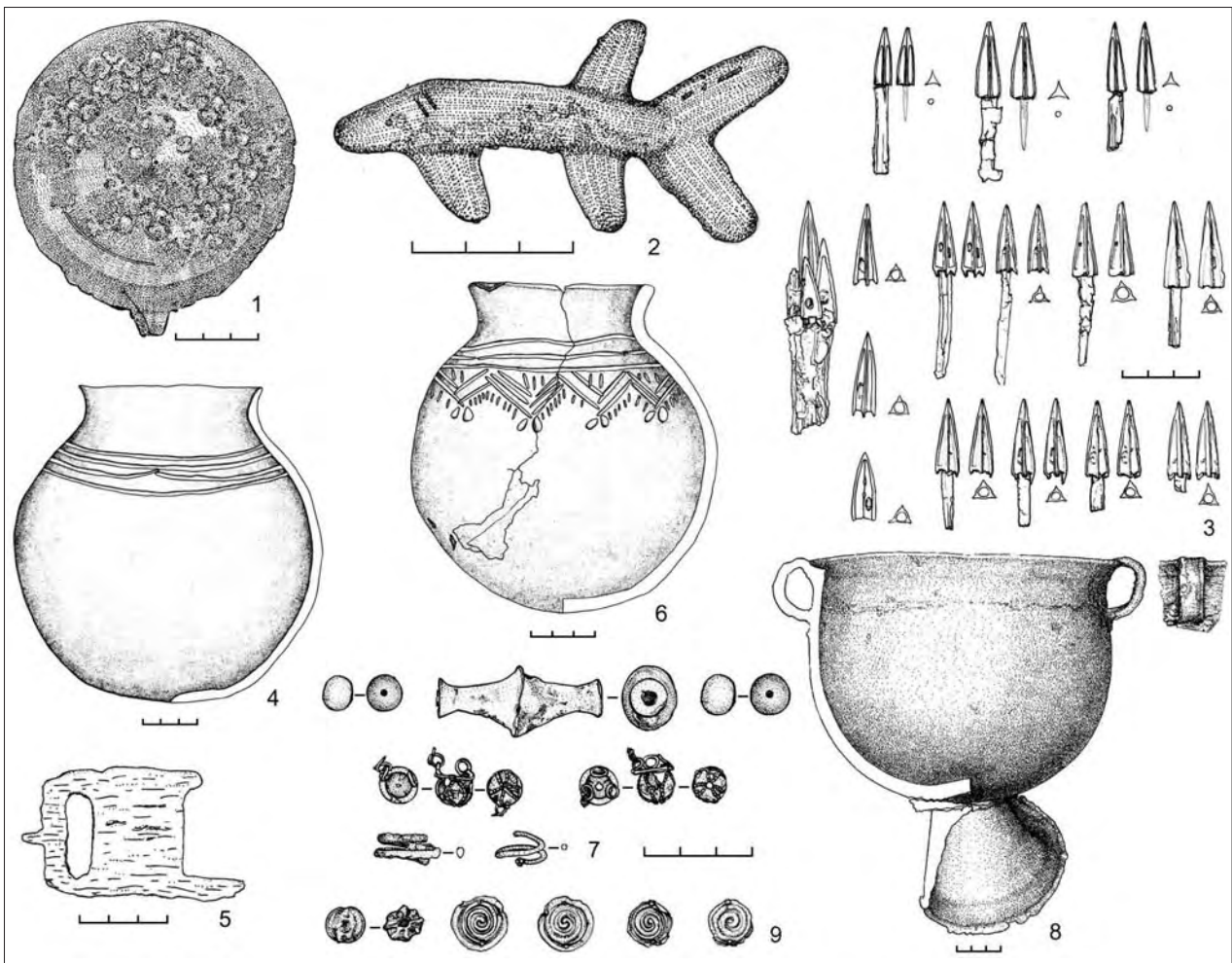

Рис. 1

Инвентарь из погребений раннего железного века курганного могильника Озерный-1: 1, 2 – бронзовые зеркало и бляха (курган 2, погребение 2); 3 – бронзовые наконечники стрел (курган 4, насыпь); 4 – сосуд (курган 4, погребение 11); 5 – костяная пряжка (курган 5, насыпь); 6 – сосуд (курган 5, погребение 3); 7 – украшения из золота, стеклянные бусины (курган 5, погребение 12); 8 – бронзовый котел (курган 5, погребение 1); 9 – золотые бляшки (курган 5, погребение 16а)

Начальный этап доисследования Костромского кургана

Знаменитый Костромской курган (Первый Разменный курган), частично исследованный в 1897 г. старшим членом ИАК Н.И. Веселовским, считается эталонным памятником скифской культуры. Сведения о конструкции погребального сооружения и инвентарном наборе этого уникального комплекса во многом определили развитие скифологии. Рисунок обнаруженного под его насыпью сооружения стал хрестоматийным. Однако конструкция в виде четырехскатного шатра, несмотря на эстетичность и ясность, до сих пор не имеет аналогий среди недавно изученных синхронных памятников. Неоднократно предпринимавшиеся попытки преодоления неточностей в описании конструкции подкурганного сооружения, систематизации и интерпретации материалов (Артамонов, 1948; Иессен, 1950, Ольховский, 1995; Алексеев, 1996), указывают на недостаток достоверных сведений, обусловленных методикой раскопок глухой траншеей, спецификой организации работ, неточностью полевой фиксации.

Через 110 лет после раскопок Н.И. Веселовского в результате осмотра курганов близ хут. Северный Мостовского района Краснодарского края одна из девяти насыпей курганной группы Северный 2 была соотнесена с Костромским курганом. В результате работ Костромского отряда Закубанской археологической экспедиции ГЭ в 2008 г. удалось доказать правильность этой атрибуции.

В 2010 г. было начато доисследование кургана для уточнения стратиграфии насыпи и выявления особенностей конструкции подкурганного сооружения. Современная высота насыпи составляет 4 м, диаметр – 40–45 м. С юга останец насыпи имел большую заплывшую траншею шириной около 12 и длиной около 22 м (следы работ 1897 г.). Для изучения стратиграфии кургана были оставлены 5 бровок, ориентированных по линии север–юг. За репер (R) была принята самая высокая точка на центральной бровке, обрывающейся в траншею Н.И. Веселовского. Работы проводились при помощи землеройной техники (бульдозер Т-170).

Была исследована траншея в западной части насыпи, зафиксированы два разреза, при этом в раскоп попала большая часть траншеи Н.И. Веселовского. На глубине 2,5 м от R была расчищена искусственно сооруженная площадка, верхняя часть которой состояла из плотно утрамбованного грунта оранжево-коричневого цвета с отпечатками растений и деревянных плах на поверхности (рис. 1). Три сгоревшие деревянные плахи шириной 13–15 см располагались радиально

и уходили под борт центральной бровки (рис 1: 4). Часть искусственно сооруженной площадки срезана раскопом Н.И. Веселовского (рис. 1: 1). В неисследованных ранее частях насыпи площадка полого опускалась к северу и югу, а на западе и востоке – уходила под борта траншеи. На северном склоне этой площадки обнаружена жертвенная яма размером 1х1,2 м, забитая 18-ю черепами домашних животных (рис. 1: 2): 12-ти лошадей (10 взрослых особей, из которых шесть – жеребцы, ходившие под уздой, и два жеребенка) и шести крупных взрослых коров (определение М. В. Саблина).

На южном склоне этой площадки, незатронутой раскопом Н.И. Веселовского, обнаружены верхние части двух сгоревших столбов (рис. 1: 3), вкопанных в материк на глубину 0,8 м с поверхности площадки, о чем свидетельствует обмазка вокруг них. В разрезе восточной стенки траншеи видно, что площадка была перекрыта слоем, в котором прослеживаются те же органические включения, что и в слое ее поверхности. На глубине 1,7 м от современной поверхности кургана этот слой перекрыт обмазкой из глины с песком, в котором обнаружены фрагменты лепных сосудов раннемеотских типов.

При выборке перемещенного грунта из раскопа Н.И. Веселовского, примыкающего к разрезу восточной стенки современной траншеи, были собраны человеческие кости, фрагменты керамики, куски плит заклада камеры и обнаружена катакомба с разрушенным сводом и входным колодцем с двумя ступенями с юга, исследованная в 1897 г. Очевидно, в 1897 г. в южной части раскопной траншеи раскопщики не вышли на уровень материкового грунта, поскольку к югу от катакомбы нами было обнаружено ранее не исследованное погребение эпохи бронзы в яме, длинная ось которой ориентирована по линии запад–восток. На дне ямы обнаружен скелет, ориентированный на восток, на черепе которого имелись следы обильной посыпки охрой. В районе шейного и грудного отдела позвоночника собраны биконические бусины бледно-голубого цвета из непрозрачной стекловидной массы. Исследования на периферии западной полы показали, что курган возведен в один прием – никаких досыпок, кроме выкидов из раскопа Н.И. Веселовского, обнаруженных в южной части, выявлено не было.

Начальный этап доисследования Костромского кургана позволил подтвердить некоторые данные, приведенные в отчете Н.И. Веселовского. «Плотно утрамбованная земля», упоминаемая в отчете дважды – это площадка, покрытая слоем утрамбованного

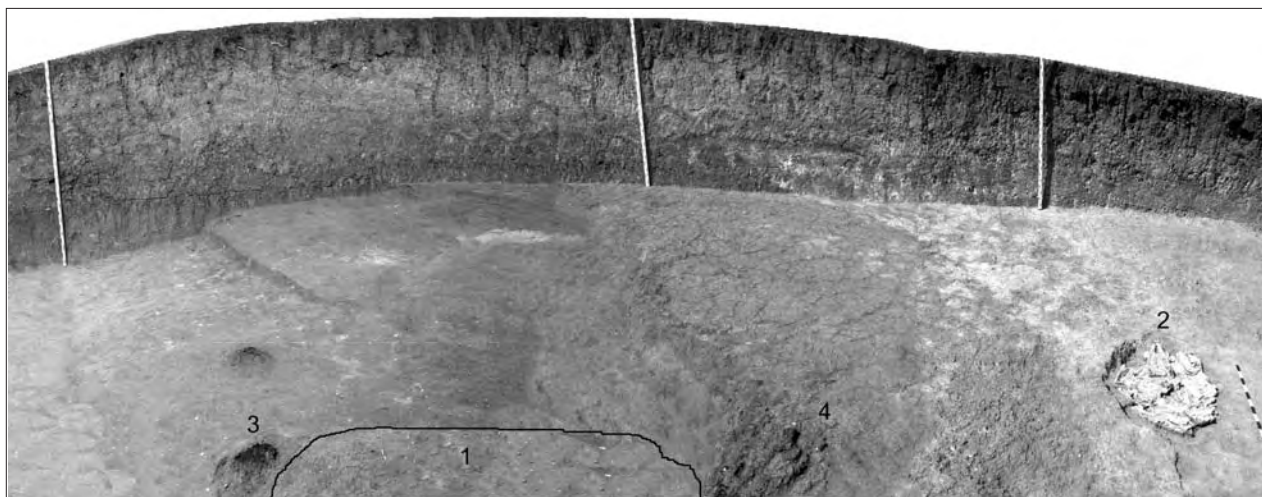

Рис. 1

Площадка под насыпью Костромского кургана. Вид с востока: 1 – заплыв в части раскопной траншеи 1897 г., 2 – яма с конскими черепами, 3 – верхние части деревянных столбов, 4 – остатки деревянных плах

грунта оранжево-коричневого цвета, с поверхности которой были вкопаны два столба и выкопана жертвенная яма. По Н.И. Веселовскому, именно под этим слоем была обнаружена катакомба (ОАК, 1900. С. 14), что и подтвердилось. Слой с промазкой и битой керамикой, зафиксированный на высоте 2,3 м от материка, очевидно, и относится к «квадратной площадке, под шатром в центре насыпи приблизительно в 1 сажень (2,15 м) от поверхности материка, на которой были распределены принадлежности вооружения и разбросаны черепки глиняной посуды, разбитой умышленно при погребении» (ОАК, 1900. С. 13). Тем не менее,

подтвердить данные о шатровой подкурганной конструкции не удалось. Два столба, которые можно было бы связать с этой конструкцией, действительно были вкопаны в материк, однако не на «глубину сажени» (НА ИИМК РАН. Ф. 1, 1896. Д. 204. Л. 55), а на глубину 0,8 м. Кроме этого, расстояние между ними (1,4 м) и их расположение таково, что невозможно считать их остатками «угловых бревен», расстояние между которыми должно составлять 3,2 м (ОАК, 1900. С. 11). Являются ли остатки деревянных плах (рис. 1: 4) частью этой конструкции, можно будет с уверенностью сказать только после завершения работ.

Алексеев А.Ю., 1996. О так называемых «нащитных эмблемах» скифской эпохи // Между Азией и Европой: Мат. конф. СПб.

Артамонов М.И., 1948. Третий Разменный курган у ст. Костромской // СА. Т. X.

Иессен А.А., 1950. К хронологии «Больших кубанских курганов» // СА. Т. XII.

Ольховский В.С., 1995. Первый Разменный курган у станции Костромской // Историко-археологический альманах. Армавир; М. Вып. 1.

ОАК за 1897 г., 1900. СПб.

НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1896. Дело № 204.

Д.Г. Савинов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Ранние композиции скифо-сибирского звериного стиля

В отечественной литературе сложилось достаточно устойчивое представление о том, что в искусстве звериного стиля раннескифского времени отсутствуют (или крайне ограничены) намеренно созданные композиции, отражающие определенное, именно в них заложенное содержание (Д.С. Раевский, Е.В. Переводчикова, Е.Ф. Королькова и др.). Согласно этой точке зрения, изображались только отдельные, не связанные внутренним смыслом фигуры

(«стиль цитат», по В.Г. Луконину), а сами образы, стилистические приемы и композиции были заимствованы из искусства Передней Азии, с которой связан ранний период истории скифов. Существует и другая точка зрения – о самостоятельном развитии раннескифского звериного стиля или его двухкомпонентном составе, сочетавшем местные (степные) и воспринятые (переднеазиатские) элементы (С.С. Черников, А.П. Смирнов). В определенных случаях они

могли иметь свое мифологическое содержание (С.И. Вайнштейн).

Последняя точка зрения имеет меньшее распространение, но именно она подтверждается современной хронологией памятников центральноазиатского региона, в т. ч. содержащих изображения звериного стиля. Другое дело, что представляла собой эта традиция, каким искусством обладали предки скифов до начала переднеазиатских походов, действительно испытывавшие затем сильнейшее влияние со стороны ближневосточной цивилизации, такое, как потом в Причерноморье – греческой.

Судя по всему, это начальное искусство звериного стиля, которое мы предлагаем называть нуклеарным (от лат. Nucleus – ядрище, сердцевина), было достаточно простым и, в целом, реалистичным. Изображались, главным образом, хорошо известные в ближайшем окружении дикие животные (хищные и копытные), объединенные в столь же простые, логически законченные композиции. Они представляют собой изобразительную традицию, но другой, т. н. степной цивилизации. Также как и в древних земледельческих центрах, здесь существовала своя мифология, различного рода верования и культы, круг наиболее почитаемых образов, которые должны были иметь свое воплощение в произведениях изобразительного искусства.

Исходя из имеющихся материалов, можно выделить несколько видов композиций раннескифского времени. Все они, так или иначе, независимо от места нахождения, не выходят за пределы одного культурно-исторического пласта, который принято называть скифской «архаикой».

Однорядные композиции. Изображения стоящих (или идущих) друг за другом животных (обычно одного вида, чаще всего оленей или горных козлов). Фигуры животных могут быть расположены как по горизонтали – горизонтальные однорядные композиции (украшения рукояток ножей в тагарских и ордосских бронзах, жаботинские пластины, кинжал из Головятино и др.), так и по вертикали – вертикальные однорядные композиции (оленные камни саяно-алтайского типа, ордосские бронзы и др.).

Многорядные композиции. Расположение нескольких фигур животных, ориентированных в одну сторону, друг над другом, по «поясам». Такого рода композиции в искусстве раннескифского времени были широко распространены. Наиболее известный образец – знаменитая келермесская секира. Другие примеры: оленные камни типа Уюк-Туран, рукоятки бронзовых ножей из Тувы и Минусинской котловины, изображения на обушке боевых чеканов из Новосибирской (Нижний Шарап) и Пермской (р. Сарабоиха) областей. В Северном Причерноморье и на Северном Кавказе: костяная пластина из Константиновска, крестовидные бляхи из Поднепровья (наиболее известный пример – с. Гусарка), костяная палочка из Кармир-Блура и др.

Круговые композиции. Расположение фигур по кругу. На востоке – это, в первую очередь, бухтармин-

ское зеркало, принцип расположения фигур стилизованных оленей на некоторых оленных камнях монголо-забайкальского типа, зеркало из Шанцуньлина и рисунки на зеркале из коллекции Х. Биддера (Северный Китай), а также композиции с круговой сценой терзания на бронзовых пряжках из Павлодарского Прииртышья и Прикамья (Пьяный Бор). Таким же образом по кругу, как бы в отдельных медальонах, расположены фигуры хищников в сценах терзания на лопастях крестовидных блях из Поднепровья и других подобных изделиях юга Восточной Европы (Ю.Б. Полидович).

«*Два в одном*» или *крупная фигура с вписанными в нее дополнительными изображениями.* Один из сложных приемов композиционного решения, когда внутри отдельной крупной фигуры какого-либо животного помещаются более мелкие фигурки других животных, явно занимающие по отношению к первому подчиненное положение. Примеров таких изображений немного, но все они достаточно выразительны. Наиболее ранние из них: наскальный рисунок быков-туров из Тамгалы (Казахстан, эпоха бронзы); фигурки свернувшихся хищников на бронзовом зеркале из коллекции Х. Биддера (Северный Китай, эпоха Западного Чжоу, IX–VIII вв. до н.э.); рисунки хищников на плитах, найденных при раскопках кургана Аржан 2 более раннего периода, чем время сооружения кургана (Тува). Раннескифское время: Южный Тагискен (Средняя Азия), Чинге-1 (Тува), Варна (Южное Приуралье), одно из бронзовых наверший из Ульского аула (Северный Кавказ). По-видимому, сюда же можно относить и изображения мелких свернувшихся хищников на лапах и на хвосте келермесской пантеры.

Совмещение фигур разных животных в одном изображении. В композиционном отношении они близки предыдущим. Наиболее яркие примеры из западных областей скифского мира: Темир-Гора, бронзовые бляхи из курганов Кулаковского, с. Долинного и Ковалево. В Азии только один пример: фигура лежащего лося с расположенной на ней стилизованной фигуркой верблюда (случайная находка из Монголии). Возможно, дальнейшим развитием этого рода композиций является прием «зооморфных превращений», характерный для относительно более поздних произведений звериного стиля.

«*Загадочные картинки*». Они выделены А.Д. Грачом как наиболее характерный пример центральноазиатского очага звериного стиля и в этом качестве сохраняют свое значение (Е.В. Переводчикова, И.В. Руквишников). Основные находки – изображения на костяной трубочке из Турана и могильника Хемчик-Бом III (Тува), роговая пряжка из Тасмолы V (Казахстан). Эти и другие более поздние подобные композиции (Саглы-Бажи II, Даган-Тэли I) объединяет одна характерная особенность – все мелкие (дополнительные) изображения группируются вокруг (или около) одного более крупного изображения. Это сближает их, во всяком случае, в семантическом плане, с композициями «два в одном» или построенных

по принципу совмещения фигур различных животных в одном изображении.

Анализ представленных выше материалов показывает, что в среде кочевых племен с культурой «скифского» типа, в т. ч. и самих скифов, до выхода их на историческую арену Передней Азии, существовали композиции звериного стиля. С точки зрения организации пространства, при отсутствии больших изобразительных плоскостей (а это, в первую очередь, искусство оформления предмета) заданные возможности были минимизированы, но все же использованы в полной мере. При этом был найден ряд весьма выразительных композиционных решений. Так, помещение в центре композиции более крупной фигуры животного можно оценивать как с семантической точки зрения, так и способа передачи отдельных планов изображения, где размеры фигур «работают» на перспективу. То же можно сказать относительно круговой (или «закрученной») композиции, представляющей глубину восприятия изобразительного пространства. Чувство симметрии, вообще характерное для изображений звериного стиля (Е.Г. Фурсикова), здесь чаще заменено линейным или «встречным» расположением фигур, в целом очерчивающих место действия и соединяющих воедино его начало и результат.

С точки зрения внутреннего содержания, рассмотренные выше изображения отчетливо распадаются на две семантические группы. Одна из них – однорядные (горизонтальные и вертикальные), многорядные и, очевидно, круговые композиции, скорее всего, связанные с идеями реинкарнации, «перехода», жертвоприношения и умножения. Другая группа

определяется выделением одной, как правило, более крупной фигуры, сами размеры которой по отношению к остальным являются символом ее значимости. Способы демонстрации этого различны: «два в одном», дополнительные фигурки на туловище основного изображения, «загадочные картинки». Главная фигура здесь, очевидно, была наделена особыми, гипертрофированными свойствами и концентрирует вокруг себя семантическое поле, связанное взаимным соотношением других фигур. Для первой группы характерный изобразительный прием – *аллитерация*, для второй – *гиперболизация*.

Каковы были в действительности порождавшие эти образы мифы, мы, конечно, не знаем. Однако вряд ли они были достаточно многочисленны и разнообразны. Скорее, наоборот: судя по изображениям, когда одни композиционные приемы переходят с одного предмета на другой или сочетаются в одном и том же изображении, речь идет о различных формах представления одного, в крайнем случае, двух или нескольких, мифологических циклов, имевших широкое распространение. Их изобразительными средствами выражения, лежащими в основе выделенных композиций, были аллитерация и гиперболизация. Первое – это обрядовая практика культуры, идея жертвоприношения и множественности получения желаемого результата; второе – культ силы, противопоставление сильного и слабого, хищного и копытного в изображениях звериного стиля, ставшие выражением героического пафоса степного образа жизни. Именно эти два качества нуклеарного скифского искусства должны были отразить важнейшие условия существования кочевников – благосостояние и безопасность.

Вл.А. Семенов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

«Клады» конского снаряжения из погребальных комплексов алды-бельской культуры Тувы

В курганах-некрополях алды-бельской культуры, относящихся к среднему слою кочевнического населения, встречаются своеобразные «клады», включающие конское снаряжение: удила, псалии, иногда украшения узды, подпружные пряжки. Эти «клады» являются заместителями конских погребений, которые были обнаружены в «царском» алды-бельском кургане Аржан 2 (Чугунов и др. 2002. С. 30, 31). «Клады»-заместители обнаружены на могильниках Алды-Бель, Хемчик 3 (раскопки А.Д. Грача), Орта-Хем 3, Демир-Суг, Чинге 2 (раскопки И.У. Самбу), Сыпучий Яр, Чинге Правый берег (раскопки М.Е. Килунов-

ской и Вл.А. Семенова). Часть этих комплексов опубликована, но три «клада» с могильника Чинге Правый берег не были введены в научный оборот. Два из них имеют традиционные для алды-бельского конского снаряжения У-видные псалии и удила, в одном случае со стремявидными окончаниями и подпружной пряжкой со шпеньком (рис. 1: 5–7), в другом «кладе» также стремявидные удила, но пешковидной формы (рис. 1: 8–10). Третий комплект включает пару удил, скомбинированных из изделий разного типа. Одно звено имеет четырехугольное окончание, второе – стремявидное (рис. 1: 1). Также в этот комплект входила пара

дуговидных двудырчатых псалиев с грибовидным шпеньком в центре (рис. 1: 2–4), которые находят почти точные аналогии в кургане № 33 могильника Уйгарак (Вишневская, 1973. Табл. IX). Фрагменты поясной гарнитуры из этого кургана аналогичны найденным в кургане Аржан 2, но выполнены из бронзы. По ним курган на правом берегу Чинге может быть датирован VII в. до н.э. (рис. 1: 11).

Материалы алды-бельской культуры позволяют говорить о том, что общество этого времени было стратифицированным. В погребениях высшего слоя захоронены кони, много золота, железное оружие; средний слой довольствовался только конским снаряжением, бронзовым оружием и небольшим количеством золотых украшений. На третьем уровне не имеется конского снаряжения, оружия и золотых украшений. Это не означает, что все они не могли оказаться захороненными в одних и тех же курганах-некрополях, насчитывающих иногда более десяти погребений. Это свидетельствует о том, что алды-бельское общество, не смотря на явную социальную ранжированность, было все еще крепко связано архаическими узлами родства.

Одним из малообъяснимых ритуалов этого социума является преднамеренное разрушение скелетов погребенных, включая и детские. Учитывая величину курганов и сложную планиграфию погребений внутри курганного пространства, их полное уничтожение (Чинге Правый берег, Сыпучий Яр и др.) позволяет предположить, что эти действия были преднамеренными и осуществлялись людьми, хорошо знакомыми с устройством некрополя.

Ближайшие аналогии U-видным псалиям Тувы происходят с Алтая, причем в основном из его западной степной части, наиболее удаленной от ареала алды-бельской культуры. Это были вещи из курганов под Солнечным белком – левый берег Бухтармы, раскопанные А.В. Адриановым и давшие материал, положенный в основу выделенной М.П. Грязновым майэмирской культуры, а также находки вблизи г. Змеиногорска на Мельничной горе, опубликованные И.Р. Аспелиным (Кирушин, Тишкин, 1997. С. 10).

В последнее время число подобных находок многократно возросло. Наибольший интерес представляет клад бронзовых изделий, найденный на правом бе-

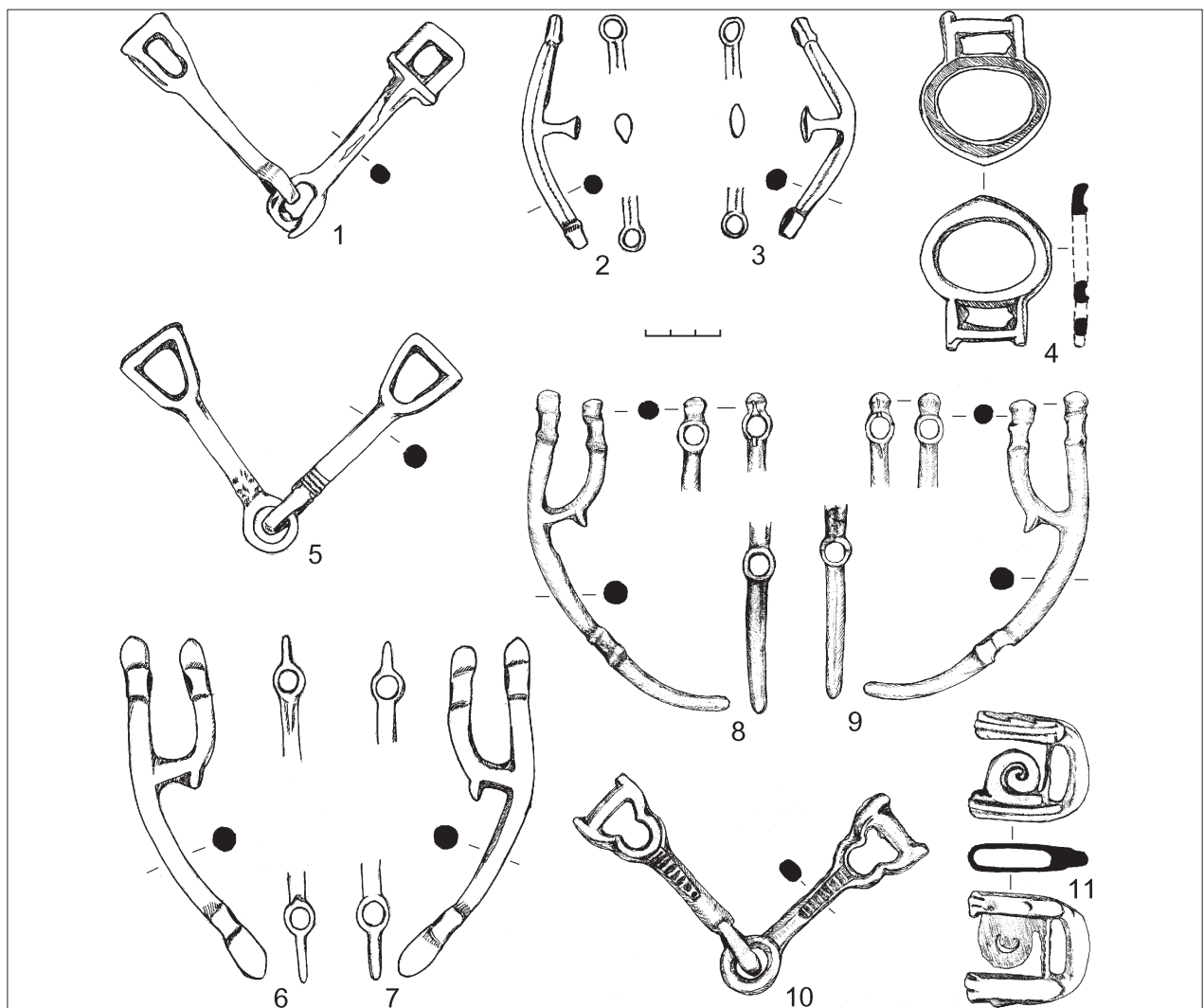

Рис. 1

Конское снаряжение из кургана 15–16 могильника Чинге Правый берег.
1–4 – клад № 1; 5–7 – клад № 2; 8–10 – клад № 3; 11 – поясная бляха

регу Гилевского водохранилища (р. Алей) в урочище Вакулиха, включающий шесть пар удил со стремя-видными концами, три пары У-видных псалив и пару слабоизогнутых двудырчатых псалив с Т-образным шпеньком в центре. Клад датируется VII в. до н.э. (Тишкин и др., 1998. С. 194–210). Находки У-видных псалив на Западном Алтае происходят из погребений с конем (правый берег реки Карбалиха, Машенка), а также из целого ряда других местонахождений с берегов Гилевского водохранилища. За пределами Западного Алтая У-видные псалии были найдены на могильниках Суртайка в 50 км от Бийска (Членова, 1973. С. 114–121), могильнике Каракол, комплексы

которого В.Д. Кубаревым датированы VIII–VII вв. до н.э. (Кубарев, 1987. С. 250, 251).

Комплексный подход к археологическим памятникам позволяет отнести все перечисленные комплексы к VII–VI вв. до н.э. Распространение У-видных псалив в северо-западных предгорьях Алтая и на Улуг-Хеме в Туве позволили В.Д. Бородаеву сделать вывод о миграции населения с западно-алтайского региона на восток, в Туву (Бородаев, 1993. С. 150–155). При всей заманчивости гипотезы стоит помнить о различиях в погребальном обряде алды-бельской и майэмирской культур или совершенно неизвестной в Туве погребальной традиции, какую демонстрирует могильник Машенка I.

Бородаев В.Б., 1993. Местонахождение Вакулиха-1 // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Тез. научн.-практ. конф. Ч. 1.

Вишневская О.А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. М.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1. Культура населения в раннескифское время. Барнаул.

Кубарев В.Д., 1987. Открытия в долине р. Урсул // АО в 1985 г. М.

Тишкин А.А., Казаков А.А., Бородаев В.Б., 1996. Третьяковский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул.

Членова Н.Л., 1973. Суртайка – могильник карасукской эпохи в предгорном Алтае // КСИА. М. Вып. 134.

Чугунов К.В., Парцигер Г., Наглер А., 2002. Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве (предварительная публикация полевых исследований российско-германской экспедиции в 2001 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. № 2 (10).

А.Ю. Скаков

Институт археологии РАН, Москва

Колокольчики «казбекского типа»

К надкультурным феноменам, объединяющим все культуры в рамках кобано-колхидской историко-культурной общности, относятся, т. н. колокольчики казбекского типа (в большом количестве они представлены в Казбекском кладе VI–V вв. до н.э.). Это бронзовые крупные цилиндрические колокольчики высотой до 10–13 см, с вертикальным рифлением по слегка раздутому в верхней части тулову и высокой вертикальной прорезью. Как правило, их связывают с конским убором, что подтверждается случаями обнаружения их в составе узды.

Колокольчики этого типа восходят к урартским прототипам, в частности, они найдены в составе конского убора царя Менуа (Кармир-Блур), где обычно датируются началом VIII в. до н.э. или VIII–VII вв. до н.э. (рис. 1: 1). С другой стороны, колокольчики могли быть добавлены к удилам позже, уже в тот период, когда удила с надписью царя Менуа перевезли из Эрбунни в Кармир-Блур, хотя, очевидно, что это произошло в пределах VIII–VII вв. до н.э. Приведенная в некоторых изданиях датировка колокольчиков данного типа концом II–началом I тыс. до н.э. не может не вызывать удивления. Хорошо представлены такие колокольчики в курганах Нартанского могильника. Наиболее ранние колокольчики найдены в курганах 9, 13 и 18 (650–620 гг. до н.э., по А.Ю. Алексееву).

У большинства из них над прорезью помещена рельефная «елочка», часть экземпляров дополнены напояющимися елочку частыми горизонтальными выступами, расположенными рядом с вертикальными ребрами (рис. 1: 2–6). К следующему этапу, около 625–590/...> гг. до н.э., относятся находки в курганах 15 и 17, с практически идентичным декором (рис. 1: 7–10). К позднему этапу, около 550/530–480 гг. до н.э., относятся курганы 3 и 4, где по найденным в них экземплярам прослеживается тенденция упрощения декора на колокольчиках (рис. 1: 11, 12).

Подавляющее большинство находок колокольчиков «казбекского типа» являются случайными или происходят из разрушенных погребений, поэтому определение их хронологического положения затруднительно. В Кобанском могильнике встречены как цилиндрические колокольчики с раздутым корпусом и вертикальными рельефными ребрами, так и лишённые декора экземпляры с более конусообразным туловом. Учитывая тенденцию к упрощению декора, можно выделить три группы колокольчиков, имеющих различную хронологическую позицию, хотя, вполне возможно, сосуществующих на определенных этапах. Это колокольчики с цилиндрическим слегка раздутым туловом, вертикальными ребрами, рельефным елочным или иным орнаментом на корпусе (первая

группа), колокольчики с таким же туловом, вертикальными ребрами и елочным орнаментом исключительно над прорезью (вторая группа), а также колокольчики с более конусообразным туловом, почти лишенные рельефного декора (третья группа).

К первой группе относятся колокольчики из Фаскау, Верхней Рутхи, Дзинаги, погребений 7 и 19 могильника Гастон Уота (вторая половина VI—середина V в. до н.э.), Зауково, Ксанского и Поладаурского ущелий, Душети (с. Цхавати), Казретского карьера, Стырфаза, погребения 6 в Цихиана у с. Абано (Карели) (конец VII—VI вв. до н.э.) (рис. 1: 15). К наиболее поздним в группе относятся экземпляры из погребения 249 греческого могильника Пичвнари (рис. 1: 13) и из Ацкури (Ахалцихе). Ко второй группе относится колокольчик из Фаскау, к первой или второй группе — экземпляр из могильника Варсимаант-Кари (Душети). В погребении 143 Тлийского могильника и погребении 126 могильника Нацаргора встречены колокольчики, украшенные только рельефными вертикальными ребрами. Колокольчики без рельефного декора

найлены в Душети (с. Цхавати), Садзегури и в погребении 5 в Саирхе (вторая половина V в. до н.э.). Эта позднейшая модификация также встречается в Ахалгорийском кладе (V—начало IV в. до н.э., с попыткой омоложения до конца IV—начала III в. до н.э.). Таким образом, найденные в комплексах колокольчики «казбекского типа» в большинстве своем попадают в пределы VI—V вв. до н.э. Тем не менее, имеют место исключения. В частности, это находка 12-ти таких колокольчиков в ритуальном комплексе Уляпского кургана 5 (IV в. до н.э.), имеющих, скорее, конический корпус, практически без утолщения, хотя в своем большинстве и украшенных рельефным орнаментом. Кроме того, в Елизаветинском кургане № 5/1914 г. IV в. до н.э. найдены как колокольчик с коническим корпусом и рельефным орнаментом, так и экземпляр с раздутым туловом, вертикальными ребрами и елочным орнаментом над прорезью (в отличие от Л.К. Галаниной, мы не считаем их однотипными). Очевидно, в меотских памятниках поздние разновидности колокольчиков «казбекского типа» бытуют и в IV в. до н.э.

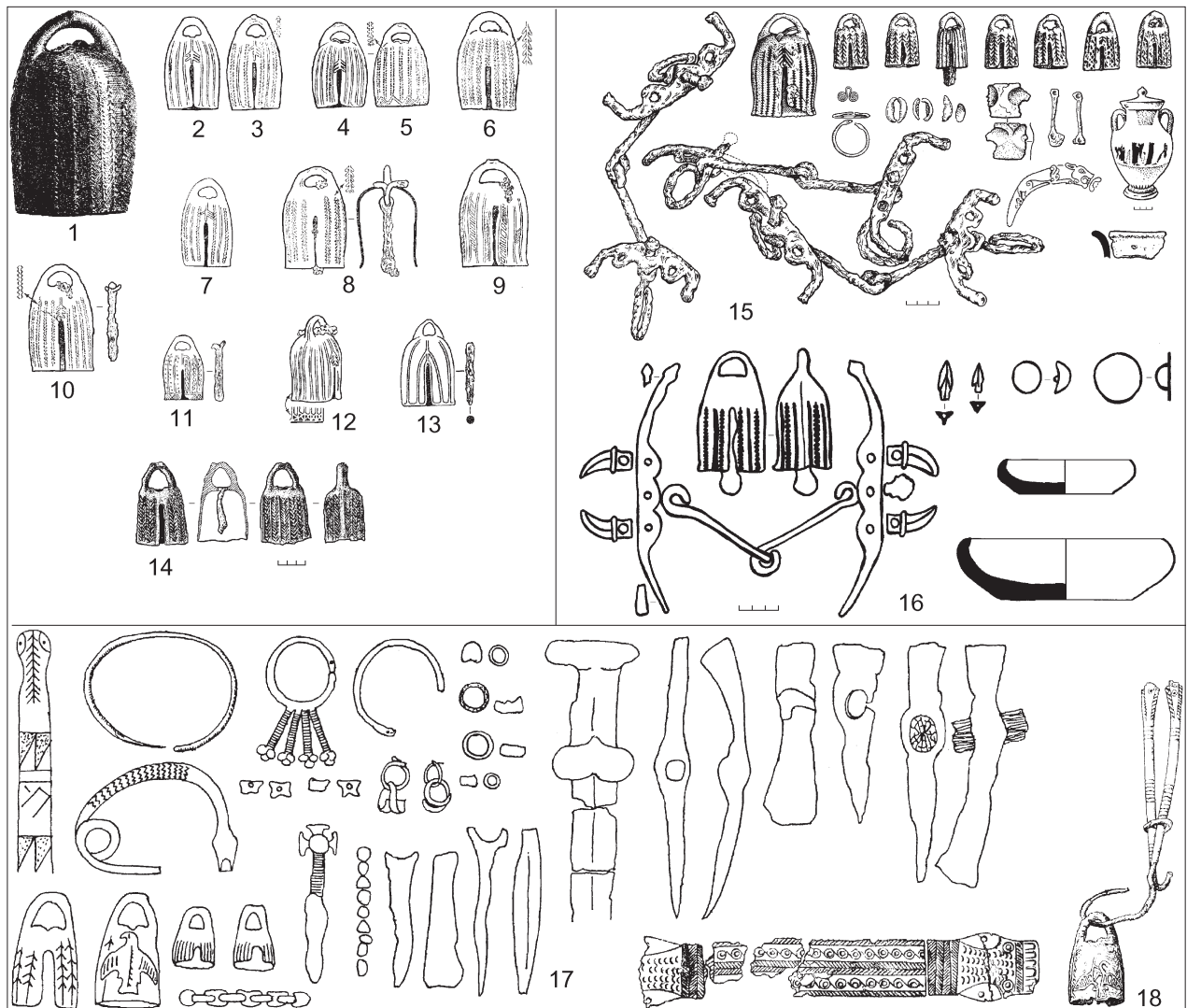

Рис. 1

Колокольчики «казбекского типа» и некоторые закавказские комплексы с ними. 1 — Кармир-Блур; 2–4 — Нартан, курган 9; 5 — Нартан, курган 13; 6 — Нартан, курган 18; 7–9 — Нартан, курган 15; 10 — Нартан, курган 17; 11 — Нартан, курган 3; 12 — Нартан, курган 4; 13 — Пичвнари, античный могильник, погребение 249; 14 — Нижняя Эшера, погребение 1977 г.; 15 — Абано, могильник Цихиана, погребение 6; 16 — Брили, погребение 29; 17 — Сухумская гора, разрушенное погребение

В Колхиде такие колокольчики появляются в погребениях позднейшего хронологического пласта колхидских могильников (погребальная яма 1 могильника Эргета III и поздняя группа могильника Мухурча), датируемого нами второй половиной VII–первой половиной VI в. до н.э. К концу третьей четверти VI в. до н.э., судя по чернофигурной амфоре, относится погребение 1977 г. из Нижней Эшеры с целым набором колокольчиков (рис. 1: 14), большинство из которых украшено елочным орнаментом вдоль вертикальных рельефных ребер. Приблизительно к этому же времени относится погребение 8 могильника Красный Маяк. Датировка погребения 8 определяется датой составляющего с ним единый комплекс погребения 7, в котором обнаружена обкладка щита с изображением орла, выполненной под влиянием восточнореческой традиции и датируемой, вероятно, в пределах VI в. до н.э. или второй половины VI–начала V в. до н.э. Только в Западном Закавказье найдены колокольчики данного типа с изображением орла (погребение 8 Красного Маяка, разрушенное погребение

могильника Сухумская гора и погребение 29 Брильского могильника) (рис. 1: 16, 17). Погребение 29 Брильского могильника датируется в пределах V в. до н.э. Известна также находка покрытого рельефным орнаментом колокольчика из Земо Сванетии. Наиболее поздними в Западном Закавказье являются экземпляры из погребения 1 в Верхнем Яштхуа и из Пичвнари. В могильнике Джантух встречена целая серия близких по форме колокольчиков, лишенных рельефного декора (лишь один из них имеет раздутое тулово). Колокольчик из могильника Шубара-2 относится, судя по публикации, к другому типу – это миниатюрный колокольчик-подвеска, относящийся к более позднему времени. Аналогичные колокольчики-подвески встречены, кроме того, в могильнике Кобулету и в том же погребении 29 Брильского могильника.

Можно заключить, что в северной и северо-западной Колхиде колокольчики «казбекского типа» доживают до V в. до н.э. Регионом их наибольшего распространения является все же Центральный Кавказ – Северная и Южная Осетия, а также прилегающие районы Грузии.

А.Х. Сланов, А.А. Сланов

Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания (при Северо-Осетинском государственном университете), Владикавказ

Элементы скифской материальной культуры в погребальных комплексах Кливанских могильников Южной Осетии

1. Вопрос о пребывании скифов на Кавказе далек от окончательного решения, поэтому накопление и научный анализ новых материалов продолжают оставаться актуальными, как для разработки самой скифской проблематики, так и для освещения древней истории населения края, особенно, народов Центрального Кавказа, где в настоящее время проживают потомки скифо-сармато-аланских племен – осетины.

2. Основным источником исследования служат многочисленные археологические памятники, выявленные на Центральном Кавказе, в т. ч. на территории Южной Осетии, где «скифская триада» представлена наиболее полно. Предметы скифского облика были обнаружены в семи населенных пунктах: Тли, Кливан, Кехви, Рук, Кобет, Рустау и Корнис.

3. На территории Южной Осетии скифская архаика, вслед за известным Тлийским могильником, представлена материалами из двух разновременных Кливанских могильников, где из 106 захоронений в 22 погребениях были обнаружены изделия, прямо или косвенно связанные со скифской материальной

культурой. В их числе предметы вооружения, которые представлены: железными боевыми топорами (11 экз., в т.ч. 9 экз. из первого Кливанского могильника – погребения № 1, 5, 13, 14, 28, 30 и 32, и 2 экз. из второго – погребения № 20 и 24); бронзовыми и костяными наконечниками стрел (16 экз., в т. ч. 5 экз. из первого могильника – погребения № 3 и 6, и 11 экз. – из второго); одним железным кинжалом-акинаком с почковидным перекрестием и брусковидным навершием из первого могильника (погребение № 34); железными наконечниками копий с ребром жесткости, переходящим во втулку (3 экз. из второго могильника – погребения № 9, 12 и 41); а также детали конского убора из бронзы из первого могильника (погребение № 22). Предметы с зооморфными изображениями в скифском зверином стиле встречаются в погребальных комплексах как первого Кливанского могильника (погребение № 28), так и второго (погребения № 34, 39 и 61) – это бронзовые наконечники ножен в виде головки хищной птицы с сильно закругленным клювом и бронзовые бляшки, выполненные в скифской традиции, по краям которых име-

ются зооморфные изображения в виде лошадиных и птичьих голов (погребения № 34, 45 и 61).

4. Отдельные элементы скифской погребальной обрядности (положение и ориентация скелета, наличие костей жертвенного животного, сопогребение человека с конем, остатки поминального костра и т.д.) также зафиксированы в Кливанских могильниках. В частности, во втором могильнике в грунтовом погребении № 15 женский скелет лежал вытянуто на спине, черепом на северо-восток. В погребении № 22 этого же могильника обнаружено сопогребение человека и коня, примечательно, что в этом же захоронении также были найдены некоторые детали конского убора (бронзовые ременные распределители). Что касается наличия костей жертвенных животных, случаев подсыпки охрой и остатков поминальных костров, то они одинаково часто встречаются в погребальных комплексах обоих могильников. Более того, в первом Кливанском могильнике выявлено жертвоприношение с остеологическими остатками на площади диаметром около 1,5 м. Вышесказанное все-таки не означает, что в вышеотмеченных захоронениях были погребены исключительно представители скифского этноса, тем более что в этих же могилах остальной сопровождающий инвентарь имеет местное кобанское происхождение.

5. В решении многих спорных вопросов скифской истории археологические материалы из Южной Осетии

вследствие целого ряда факторов имеют большое значение. Во-первых, с древнейших времен в силу своего географического положения территория Южной Осетии являлась своеобразным связующим звеном между Северным Кавказом и Закавказьем. Поэтому нельзя исключать возможность передвижения скифов в период их военных походов в Переднюю Азию через перевальные пути Центрального Кавказа, в частности, через Дарьяльский и Мамисонский перевалы. Об этом, в определенной степени, свидетельствуют многочисленные археологические находки скифского облика, выявленные на обоих склонах Главного Кавказского хребта. Во-вторых, научная ценность этих археологических материалов тем более весома, что хронологически они охватывают сравнительно большой промежуток времени – VII–IV вв. до н.э., указывая на факт присутствия скифов на данной территории. Это, в свою очередь, дает возможность не согласиться с выводами отдельных исследователей, исключающих длительное пребывание скифов на Кавказе, в особенности в Закавказье, или допускающих лишь временное их нахождение здесь. В-третьих, скифо-кавказские, в данном конкретном случае скифо-кобанские, взаимоотношения были обусловлены не только скифскими военными походами через Кавказ, но также и тесными торгово-экономическими и культурными связями между соседними народами.

О.С. Советова

Кемеровский государственный университет, Кемерово

Геральдические (антитетические) композиции в наскальном искусстве

В последнее время широко обсуждается проблема композиции в изобразительных памятниках. Анализ петроглифов позволяет продолжить эту тему. Уже обращалось внимание на однорядные, многорядные, круговые композиции и некоторые другие, нашедшие отражение не только в предметных сериях, но и в наскальном искусстве. Вместе с тем, вне поля зрения исследователей остался один из достаточно простых, но популярных композиционных приемов, известных в наскальном искусстве с эпохи бронзы (возможно, и раньше) и до средневековья, – прием воспроизведения геральдически сопоставленных персонажей: людей и животных (рис. 1). Композиции такого рода также называют *антитетическими*, поскольку, по мнению Е.В. Переводчиковой, употребление термина «геральдический» «вызывает ассоциацию с изображениями на средневековых гербах», и, таким образом, древние композиции наделяются им не свойственной функцией.

Прием антитетического изображения животных является очень древним и широко распространенным, судя по древним переднеазиатским цилиндрам и печатям, античным материалам, скифской торевтике и т. д. В литературе активно обсуждается этот композиционный прием и в связи с характеристикой хуннских, и средневековых материалов. Представляется чрезвычайно важным анализ наскальных сцен с антитетическим компонентом, поскольку петроглифы ярко демонстрируют его распространение во времени и пространстве, что может помочь в решении многих вопросов, связанных с анализом вещественного материала, в котором это компонент нашел устойчивое отражение. Следует отметить определенную вариативность антитетических композиций в наскальном искусстве.

1. Самым распространенным вариантом, пожалуй, являются *сопоставленные пары животных и человеческих персонажей*. Такие сцены представ-

лены на памятниках обширнейшего ареала: от Италии (Валкамоника) до Китая (численность персонажей в композиции – от пары до нескольких десятков). При этом сопоставлены могут быть как животные одного видового состава: кони, верблюды, козлы, олени и т.п. (но и, например, разные хищники: кабан – кошачий), так и разных видов: хищник – копытное (рис. 1: 1–8). Причем на ранних порах (эпоха бронзы), как правило, персонажи статичны, но с течением времени приобретают своеобразную динамику (уже в раннем железном веке), а в эпоху средневековья нередко представляют яркие сцены борьбы/игры животных (рис. 1: 7, 8).

Другие варианты антитетических композиций представляют соподчиненные антропоморфные пары (рис. 1: 9, 10), как правило, представляющие людей с воздетыми руками.

2. Антитетические композиции, построенные на принципах ритмической группировки. Простейший вид ритмической группировки, по Б.Р. Вишперу, это симметрия, т. е. расположение элементов композиции вокруг средней оси; при этом исследователи выделяют семь возможных видов симметрии. Некоторые из этих видов вполне отчетливо проявляются в петроглифах. Так, различается билатеральная симметрия, где одинаковые элементы расположены направо и налево от средней оси; радиальная, где одинаковые формы расположены во все стороны от центрального пункта и др.:

а) одним из наиболее изученных вариантов билатеральных симметричных композиций в наскальном искусстве представляет сюжет, воплощающий т.н. схему мирового дерева с подчеркнутой центральной осью симметрии – когда в качестве таковой выступает «палка» («столб» и т. п.), прямая или с развилкой в верхней части. Такие сцены известны на многих памятниках наскального искусства (Казахстан, Киргизия, Минусинская котловина и др.) и датируются эпохой бронзы (рис. 1: 11);

б) для наскального искусства Минусинской котловины характерен особый вариант подобной схемы – т.н. сюжет «Господин коней» (Оглахты, Куня), датированный раннескифским временем, удивительнейшим образом перекликающийся с изображениями греческой вазописи рубежа VIII–VII вв. до н.э., когда в качестве «мирового дерева» выступает реалистическая антропоморфная фигура (рис. 1: 12, 13). Практически больше нигде он в таком «чистом виде» не встречается. Более распространена традиция «вписывания» антропоморфной фигуры между животными в сцены, хронологически более ранние – таким образом, старые композиции наделяются новым смыслом (рис. 1: 14–16);

в) в качестве варианта подобного сюжета можно привести другую распространенную схему, когда антропоморфный персонаж представлен с широко раскинутыми руками, при этом одной рукой он может держать за повод животное (коня?), а другая остается свободной (рис. 1: 17).

3. Проявляется в наскальном искусстве и *радиальная симметрия*, когда «одинаковые формы расположены во все стороны от центрального пункта». В данном случае также можно привести несколько вариантов таких композиций:

а) с выделением центральной (доминантной) фигуры, вокруг которой разворачивается основное действие. Это, например, сцены охоты (возможно, «космической»), когда центр композиции занимает преследуемое охотниками животное, а от него в форме лучей расположены охотники (Казахстан, Алтай, Монголия и др.) (рис. 1: 18);

б) некоторые композиции можно классифицировать как центральносимметричные, исходя из того, что центральная симметрия – это симметрия вращения, когда образ/образы симметрично повторяется при повороте через определенный угол вокруг центра

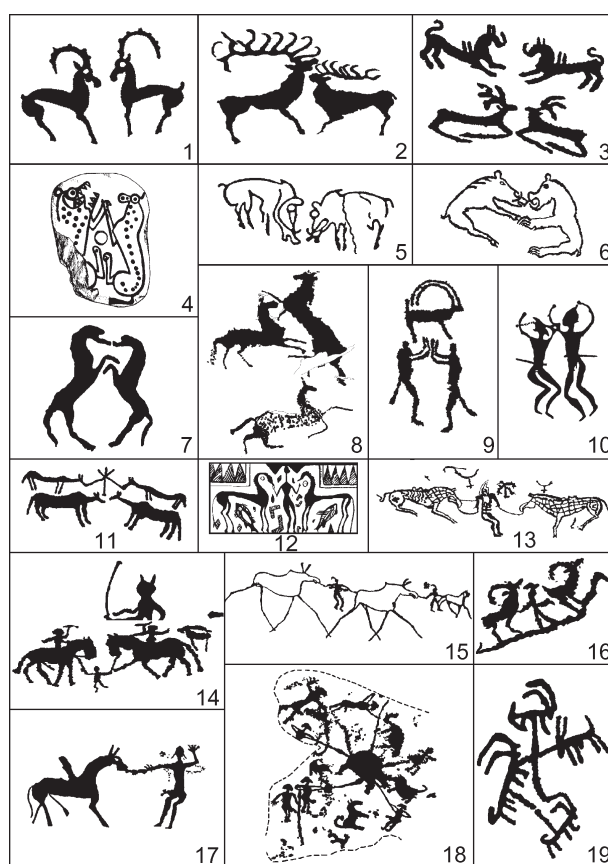

Рис. 1

Примеры антитетических композиций в наскальном искусстве: 1 – Аржан 2, Тува (по Чугунов, 2008); 2 – Туру-Алты, Горный Алтай (по Мартынов и др., 2010); 3 – Куня, Минусинская котловина (по Советова, 2005); 4 – Галька, Тува (по Kilunovskaya, Semenov, 1995); 5 – Аржан 1, Тува (по Грязнов, 1980); 6 – Саускандык, Казахстан (по Швед и др., 2008); 7 – Теректы Аулие, Казахстан (по Samashev et al., 2000); 8 – Улазы, Минусинская котловина (по Мухарева, Советова, 2011); 9 – Арпаузен, Казахстан (по Рогожинский и др., 2004); 10 – Сармишай, Узбекистан (по Кабиров, 1976); 11 – Тепсей, Минусинская котловина (по Шер, 1980); 12 – изображения на греческой керамике (по Шер, 1994); 13 – Оглахты I, Минусинская котловина (по Шер, 1980); 14 – Ой-Джайляу, Казахстан (по Марьяшев, Горячев, 2008); 15 – Суханиха, Минусинская котловина (по Советова, 2005); 16 – Цаган-Салаа, Монгольский Алтай (по Кубарев и др., 2005); 17 – Баянлиг хад, Монголия (по Деревянко и др., 2008); 18 – Чадак-Сай, Западный Памир (по Шашкий, 1973)

(Казахстан, Западный Памир и др.) (рис. 1: 19). Такие композиции относятся к эпохе бронзы.

Таким образом, приведенные материалы свидетельствуют о популярности использования приема антитетического построения композиций в наскальном искусстве на широких территориях и в обширном

хронологическом диапазоне. В целом, изучение особенностей композиционных приемов в наскальном искусстве позволяет решать многие вопросы исторических заимствований, выявлять истоки стилей, а также глубже вникать в тайны смысла, заложенного в эти изображения.

Е.В. Степанова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Седла гунно-сарматского времени — попытка реконструкции

В сравнении со скифской эпохой, конское снаряжение гунно-сарматского времени характеризуется чрезвычайным разнообразием. В частности, появляются новые виды седел, которые используются наряду со старыми образцами.

До II в. н.э. сохраняли свою популярность мягкие седла скифского типа с полукруглыми упорными элементами. Именно они представлены на сосуде из Косики, боспорских стелах и росписях склепов I–II вв., на рельефах Гандхары, бактрийских вышивках, орлатских и ордоских поясных пластинах, статуэтках династий Цинь и Западная Хань и др. Парфянские

седла также, видимо, относились к скифскому типу. Но развивались и новые типы мягких седел. От римских седел с подпрямоугольными седельными подушками и конусовидными упорами («рогами») до нас дошли кожаные оболочки с остатками соломы внутри и медные накладки на «рога», а также многочисленные рельефы конца I в. до н.э.–II в. н.э. Наиболее позднее изображение – на серебряной вазе рубежа IV–V вв. из с. Концешть (Румыния). Сасанидские седла с вытянутыми уплощенными упорами известны только по изображениям III–VI вв. Существует мнение, что у римских и сасанидских седел был внутренний

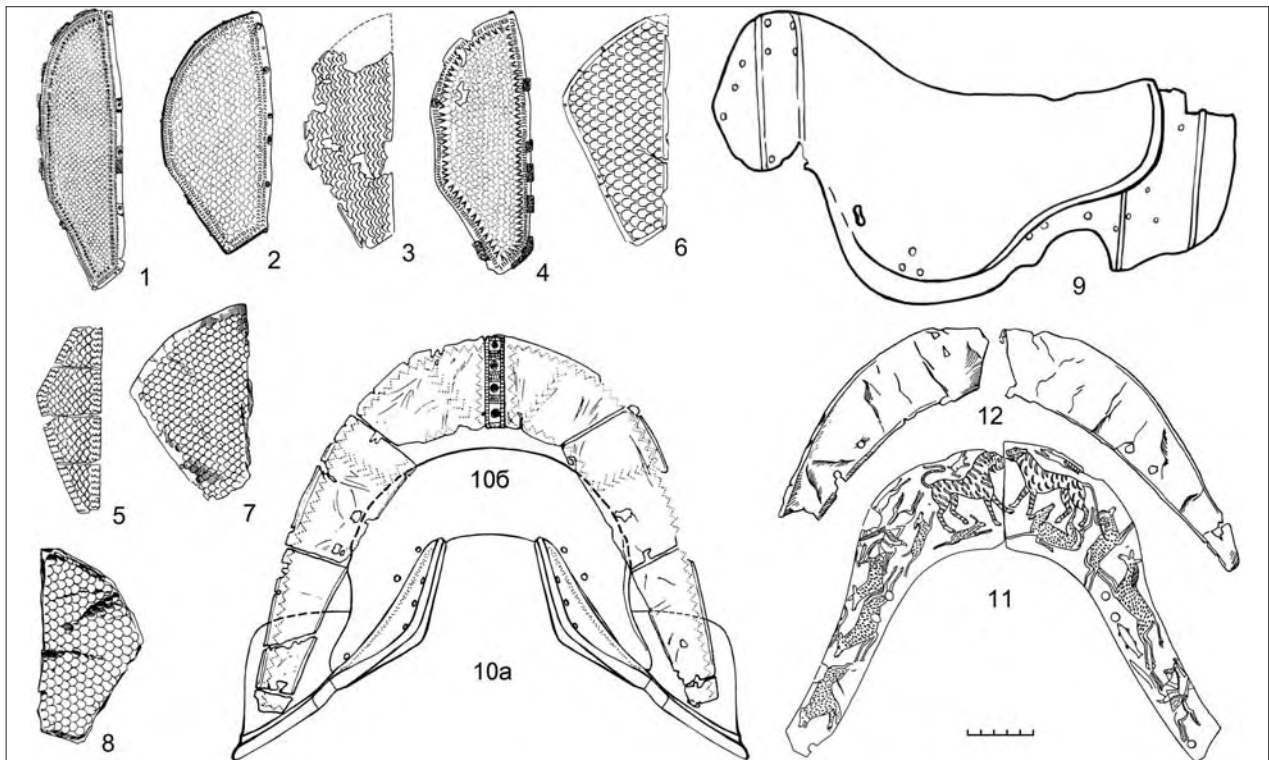

Рис. 1

Соотношение деталей гуннских и тюркских седел. Накладки на переднюю часть седла: 1–4 – Дюрсо; 5 – Владимирское, курган 4; 6 – Мелитополь; 7, 8 — Новогригорьевка, могилы IX и VIII; 9, 10a – полка (вид сбоку) и ленчик (вид спереди, реконструкция) тюркского седла (Кенкольский могильник, курган 8, впускное погребение); накладки на переднюю луку: 10b – Мелитополь; 11 – Кудыргэ, могила 9, 12 – Новогригорьевка, могила IX (1, 3–8, 10b, 12 – золото; 2 – серебро; 9, 10a – дерево; 11 – кость)

каркас, но вещественных остатков их ленчиков до сих пор не найдено.

На рубеже эр появились седла с деревянными луками. Наиболее ранние луки из памятников хунну (Царама, Ноин-Ула) состояли из тонких дощечек, связанных ремешками. Лука из Царама лежала на кожаном тлене. Сравнительная хрупкость этих изделий, а также отсутствие на них явных следов крепления к основе, при наличии фрагментов тканей от покрытия седел, заставляет предположить их, скорее, формообразующую, чем конструктивную функцию. Вероятно, такие седла с невысокими валиками спереди и сзади седельных подушек мы видим на статуэтках Восточной Хань из Лэйтая.

Луки из кургана 2 Кенкольского могильника (около III в. н.э.) уже цельнодеревянные, дуговидные, со сквозными отверстиями по нижнему краю. Судя по размеру и форме, они привязывались поверх полукруглых упоров седел скифского типа. Такие седла представлены на статуэтках III–IV вв. династий Вэй и Западной Цзынь. Стремья у этих седел еще не было.

В IV–VI вв. широкое распространение в Китае, Корее и Японии получили седла с высокими П-образными луками и стременами. Их изобретение связывают с сянбийцами. Деревянные луки могли покрываться позолоченными бронзовыми или железными пластинами. К нижней стороне лук крепились парные сегментовидные накладки, располагавшиеся вертикально по сторонам седельного желоба. Посадка в такое седло была очень неудобной, что привело к появлению односторонних и двусторонних подножек, которые быстро стали использоваться как стремена. От этих седел обычно сохраняются металлические накладки и стремена, изредка – деревянные луки, но совершенно отсутствуют полки ленчиков. Известная реконструкция седла из Аньяна выполнена по аналогии с современными монгольскими седлами. Однако в погребении были найдены только П-образные луки.

Более реалистична реконструкция аналогичного седла из гробницы Тяньма («Небесного коня») династии Северная Вэй в Синьмо – в качестве полок использованы подушки мягкого седла с полукруглыми упорами. Крепление П-образных лук к полукруглым упорам отчетливо передано на сосуде VI в. н.э. из Силлы.

На Западе седла с луками, судя по изображению на ручке котла I в. из хут. Киляковка, появляются в то же время, что и на Востоке. Европейские седла начала V–начала VI в. близки азиатским седлам с П-образными луками по набору накладок (дуговидные и парные сегментовидные), способу их крепления (с помощью узких металлических полос и гвоздиков), у них также не зафиксированы деревянные полки. Однако имеются и отличия – нет стремян, полукруглая форма лук, а основа покрытых золотой фольгой накладок преимущественно не бронзовая, а деревянная. В памятниках гуннского времени за пределами европейского ареала (Шамси, Киргизия и Баллана, Нубия) сохранились фрагменты передних деревянных дуговидных лук, но накладки у них отсутствовали.

В могильнике Дюрсо парные сегментовидные накладки зафиксированы *in situ* на спинах лошадей. А.В. Дмитриев интерпретировал их как «выступающие части ленчика». Однако размеры этих накладок существенно превышают ширину передних выступов полок как тюркских, так и более поздних жестких седел. Луки гуннского времени своей формой и размерами также сильно отличаются от передних лук тюркских седел (рис. 1).

Таким образом, на рубеже эр появились седла, которые имели только луки. В качестве полок им служили подушки «мягкого» седла скифского типа. Такие седла можно называть «полужесткими», в отличие от мягких седел, совсем не имеющих деревянных полок и лук, и жестких, имеющих полноценный ленчик. Первыми жесткими седлами, изобретенными не ранее второй половины VI в., были тюркские.

Е.В. Столяров

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга

К вопросу о культурной ситуации в бассейне Верхней Оки в эпоху раннего железного века

Памятники раннего железного века бассейна Верхней Оки исследователи традиционно относят к верхнеокской культуре, которую ввел в научный оборот В.В. Седов (Столяров, 2010а. С. 177–193). До настоящего времени вопрос о территориальных и хронологических границах верхнеокской культуры остается открытым. Комплексное изучение автором верхнеок-

ских древностей раннего железного века позволяет прояснить некоторые нерешенные проблемы.

Опыт работы с материалом весьма определенно показывает неоднородность верхнеокской культуры в территориальном плане. Памятники типа Никола-Ленивец и Свинухово, которые являются классическими для верхнеокской культуры, распростране-

ны во всем верхнем течении р. Оки в границах трех современных областей: Калужской (городища Николо-Ленивец, Свинухово, Вороново, Мужитино, Гремячево), Орловской (городища Надежда, Жилино, Торкуновка) и западной части Тульской области (городище и селище 2 Дуна).

Памятники тульского правобережья р. Ока (от истоков р. Осетр на востоке до западной границы по р. Ока, от р. Ока на севере и до среднего течения р. Снежедь на юге), традиционно относимые к верхнеокской культуре, имеют совершенно иной культурный облик. Это находит выражение, в первую оче-

редь, в керамическом материале: керамика с примесью известняка, орнаментированная пальцевыми, ногтевыми вдавлениями и защипами (рис. 1: 22–24). Опорными памятниками здесь являются: селища Упа 2, Супруты, городища Борисово, Супруты, Лобынское, Дедилово, слой раннего железного века г. Тулы (на основе выделенных и сильно потревоженных позднейшей хозяйственной деятельностью слоев раннего железного века) (Столяров, 2010б. С. 30–48). Данная группа памятников (около 130) была выделена автором в новый культурный тип – типа Упа 2, по памятнику, на котором были получены яркие матери-

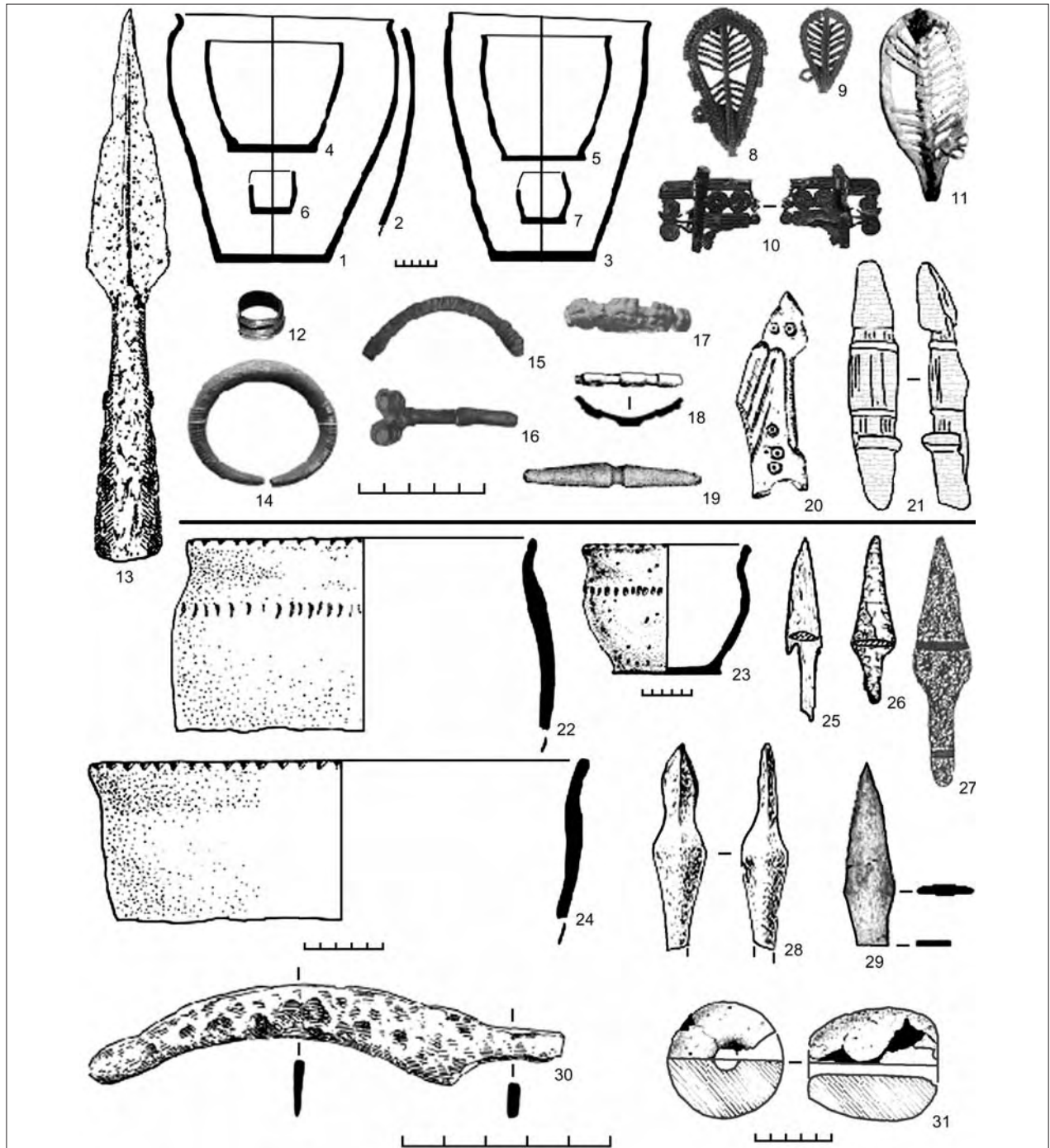

Рис. 1

Керамический и вещевой комплекс верхнеокской культуры (1–21) и памятников типа Упа 2 (22–31). 1–7, 12, 18, 21 – Николо-Ленивец; 8, 9, 14, 19 – Свинухово; 10 – Ромоданово; 11 – Козлово; 13, 20 – Вороново; 15, 16 – Надежда; 17 – Мужитино; 22, 24, 27 – Борисово; 23, 31 – Упа 2; 25, 26, 30 – селище 1 у с. Супруты; 28 – Дедилово; 29 – Лобынское

алы этого круга древностей, а также отражающему гидрологическую приуроченность большинства памятников региона (бассейн р. Упа).

Касаясь хронологии, необходимо отметить, что период бытования опорных городищ верхнеокской культуры – Николо-Ленивец, Свиухово, Мужитино, Гремячево, Вороново, Надежда, Дуна – может быть предварительно синхронизирован со скифским периодом VI–III вв. до н.э. В качестве хронологических маркеров выступают, как правило, импортные вещи (скифские, подгорцевского типа и латенского стиля) (рис. 1: 8–20). В этот период в бассейне Верхней Оки складывается новый этнокультурный комплекс на базе традиций верхнеокской культуры.

Поселения правобережного тульского течения р. Ока – памятники типа Упа 2, напротив, очень бедны в вещевом плане, поэтому решающую роль в определении времени бытования памятников играет форма сосудов и приемы их орнаментации. Среди находок можно лишь отметить два железных ножа с горбатой спинкой с городища и селища 1 у с. Супруты (рис. 1: 30) и два ножа с городища Страхово, костяные наконечники стрел с селища Супруты и городищ Дедилово и Лобыньское (рис. 1: 25, 28, 29), железные наконечники стрел с селища 1 у с. Супруты и городища Борисово (рис. 1: 26, 27), керамические грузила с поселения Упа 2 (рис. 1: 31).

На основе комплексного анализа материалов из памятников типа Упа 2, в первую очередь, керамики, а также согласно домостроительным традициям, ближайшие аналогии усматриваются в материалах верхнего слоя городища Полужье и нижнего слоя селища Синьково, исследованных А.К. Амброзом. Эти па-

мятники были им выделены в I и II этапы почепской культуры или представляли собой культуру позднеюхновского населения, сложившуюся под влиянием зарубинецкого населения, пришедшего на Верхнюю Десну из Среднего Поднепровья. В хронологических границах позднеюхновский период А.К. Амброз датировал рубежом эр I в. до н.э.–I в. н.э. (Амброз, 1964. С. 58–60). По мнению А.М. Обломского, данные этапы почепской культуры (I и II), представляют самостоятельную культуру, не имеющую отношения к почепским древностям и даже синхронную (хотя бы частично) памятникам почепского типа. В хронологическом отношении II этап позднеюхновской культуры должен начинаться, по его мнению, около середины или от середины I в. н.э. и позднее (Обломский, Терпиловский, 1991. С. 58, 59).

Таким образом, памятники типа Упа 2, представляют собой культурные традиции совершенно иного, не автохтонного, а позднеюхновского населения, пришедшего из Верхнего Подесенья на территорию Правобережья Верхней Оки. По аналогии, они могут быть предварительно датированы рубежом эр: I в. до н.э.–I в. н.э. Их верхнюю хронологическую границу здесь хорошо «отсекает» горизонт древностей римского времени Окско-Донского водораздела – памятники типа Ново-Клейменово – перекрывающий слой раннего железного века, и не простирающийся вглубь ниже II в. н.э. (Воронцов, 2007. С. 57). Дальнейшие исследования будут способствовать более глубокому пониманию описанных выше культурных процессов, а также позволят обратить внимание на нерешенные вопросы, главным из которых в настоящее время остается судьба населения верхнеокской культуры.

Амброз А.К., 1964. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н.э. // СА. № 1.

Воронцов А.М., 2007. Памятники типа Ново-Клейменово в первой четверти I тыс. н.э. на территории Окско-Донского водораздела // РА. № 3.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в I и II вв. н.э. М.

Столяров Е.В., 2010а. Очерк историографии раннего железного века // Материалы по истории и археологии России. Рязань. Т. 1.

Столяров Е.В., 2010б. К вопросу о преемственности культур бассейна верхней Оки эпохи раннего железа и римского времени // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 2. Тула. Ч. 1.

А.Д. Тауров

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск

Раннекочевнические воинские погребения пограничья степи и лесостепи Южного Зауралья

Под пограничьем степи и лесостепи Южного Зауралья понимается узкая полоса южной лесостепи, расположенная в настоящее время между реками Уй на юге и Миасс на севере. Природные ресурсы регио-

на и близость источников цветного металла обусловили привлекательность указанной зоны для кочевых сообществ степей Южного Урала. Эффективный контроль за территорией и ее ресурсами невозможен был

без сильной и четко отлаженной военной организации. О ее наличии у кочевников пограничья степи и лесостепи свидетельствуют воинские погребения сакского и раннесарматского времени, исследованные в этом регионе в последнее десятилетие.

Надмогильные сооружения *сакского времени* (VII–VI вв. до н.э.) представлены курганами или округлыми кольцевыми вымостками. Погребения совершались в простых грунтовых ямах, в могильных ямах с подбоем вдоль длинной продольной стороны или в ямах с дромосом. Следует отметить, что крупные курганы и погребения в могильных ямах с дромосом сакского времени исследованы только в пограничье степи и лесостепи. По сравнению со степной зоной, здесь чаще встречаются погребения в подбоях. Комплекс вооружения включает чеканы и бронзовые кинжалы, пока не найденные в степных погребениях Южного Урала.

Анализ мужских воинских захоронений этого времени позволяет разделить их на три основные группы, отличающиеся размерами и сложностью погребальных сооружений и составом сопроводительного инвентаря. В погребениях первой группы обнаружены наконечники стрел, колчаные крючки и ножи. Для погребений второй группы характерен представительный комплекс вооружения, включающий кинжал, колчан со стрелами, поясной набор, ат-

рибуты воинского статуса. Захоронения третьей группы отличает сложность погребальных сооружений, богатый набор вооружения и наличие изделий из драгоценных металлов.

Памятники *сарматского времени* представлены почти исключительно комплексами последней четверти V–IV вв. до н.э. Погребения являются основными или впускными в курганы раннего железного века. Надмогильные сооружения – курганные насыпи – входят в комплексы, состоящие из погребальных памятников раннего железного века, или являются одиночными. Количество погребений под одной насыпью различно – от одного до пяти. Абсолютное большинство исследованных воинских захоронений совершено в могильных ямах с подбоем вдоль длинной продольной стенки. Сопроводительный инвентарь представлен железными мечами и кинжалами, колчанами с большим количеством стрел, копьями, предметами конской узда. Имеющиеся материалы пока не позволяют четко дифференцировать их по статусу.

Особенностью воинских погребений пограничья степи и лесостепи является отсутствие в сопроводительном инвентаре керамики, относительно частая, по сравнению с памятниками степной зоны, встречаемость мечей с дуговидным или сломанным под тупым углом перекрестием («переходного типа») и железных наконечников копий.

А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, Н.Н. Серегин, Т.В. Тишкина
Алтайский государственный университет, Барнаул

Новые результаты исследований кургана № 4 на памятнике Бугры в предгорьях Алтая¹

Различные сведения о больших земляных курганных насыпях («буграх») в Сибири и Казахстане имеются в архивных материалах известных барнаульских краеведов С.И. и Н.С. Гуляевых, а также в работах В.В. Радлова, Н.М. Ядринцева, В.М. Флоринского и других дореволюционных исследователей и путешественников. Изучение этих трудов позволяет получить важную информацию. Так, упомянутые С.И. Гуляевым курганы «Злыдыри» ныне уверенно соотносятся с зафиксированными объектами памятника Бугры, который находится в Рубцовском районе Алтайского края (Тишкин, Тишкина, 2009). С 2006 г. там проводятся целенаправленные археологические исследования экспедициями Алтайского госуниверситета и Государственного Эрмитажа (Тишкин, Чугунов, 2008; 2009; Тишкин, 2010; и др.). Несмотря на то, что работы еще не закончены, уже получен значитель-

ный объем разнообразных сведений и материалов. В ходе изучения двух объектов памятника (курганы № 1 и 4) реализуется междисциплинарный подход: осуществлена тахеометрическая съемка, проведены геофизические и геохимические изыскания, получено несколько радиоуглеродных датировок, выполнены ксилотомические определения древесины, сделан рентгенофлюоресцентный анализ части находок из цветных металлов, начато дендрохронологическое изучение спилов, рассмотрен остеологический материал и т. д.

Курган № 4 находится как бы в стороне от основной цепочки курганов, выстроенных по линии Ю–С. В ходе его раскопок отмечена своеобразная структура насыпи, которая во многих местах оказалась изрыта грабителями и животными, а также деформирована естественно-природными процессами и при сельско-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №11–11–22603е/Т «Завершение полевых исследований на памятнике Бугры в предгорьях Алтая»).

хозяйственном воздействии. Однако сохранились нетронутыми и большие древние участки, которые свидетельствуют о том, что это была не простая наброска земли. Судя по многим показателям, в т. ч. и по данным микробиоморфных анализов, надмогильное сооружение возводилось по специальной технологии и одновременно.

Расположение могил под курганной насыпью, погребальный обряд и конструктивные особенности зафиксированных внутримогильных сооружений демонстрируют характеристики крупного объекта каменной археологической культуры. Одной из выявленных особенностей является подземный ход, который вел в центральную могилу от юго-восточного

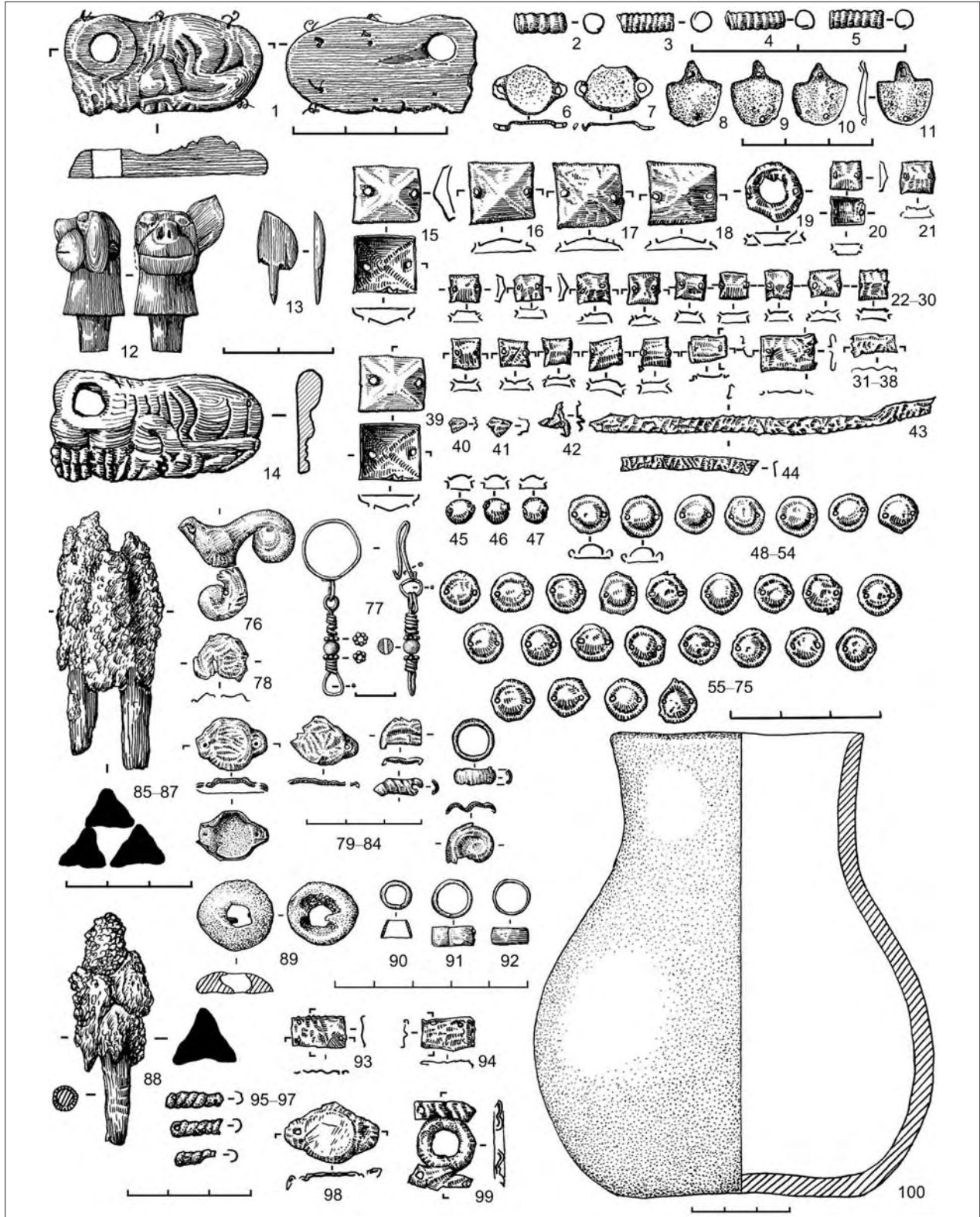

Рис. 1

Бугры. Курган № 4. Находки. 1, 12-14 – дерево; 2-11, 15-76, 78-84, 89-99 – цветной металл; 77 – золото, стекло; 85-88 – железо, дерево; 100 – керамика

края земляной насыпи. Именно при его исследовании получено значительное количество находок, вынутых грабителями из «элитного» погребения. Среди них наиболее значимыми являются мумифицированные останки человека (Тишкин, 2009), деревянные фигурки кошачьих хищников (рис. 1: 1, 12–14), фрагменты одежды, различные украшения из тонкой золотой фольги и многое другое.

Боковые могилы, которые располагаются вокруг центрального захоронения по кругу, оказались сильно разрушены при неоднократных проникновениях. В них зафиксированы остатки деревянных срубов прямоугольной формы. На сохранившихся деталях погребальных камер отмечены следы деревообработки. Несмотря на то, что исследованные могилы основательно ограблены, получен значительный по объему комплекс предметов материальной культуры. Многие древние изделия представлены в обломках. Однако обнаружены и целые вещи, из которых отметим находку золотой серьги (рис. 1: 77), а также серию украшений и деталей одежды, изготовленных из золота, бронзы или серебра (рис. 1: 15–76, 78–82, 93–99). В могиле 6 за пределами оставшейся части деревянной погребальной камеры зафиксировано компактное скопление железных наконечников стрел с черешками, на которых сохранились следы древков. Они все имеют округлый

в разрезе черешковый насад длиной 2,5–3,5 см, диаметром до 0,4 см (рис. 1: 85–88). Перо наконечников, судя по сохранившимся образцам, подтреугольного абриса. Его длина 3,5–4 см, ширина и толщина около 1–1,5 см. От острия до середины тело пера монолитно и имеет трехгранное сечение. В основании же пера сделаны выемки, которые преобразуют его нижнюю часть в лопасти и там сечение уже трехлопастное. Лопасти пера заканчиваются шипами длиной 0,8–1 см. Из других находок отметим фрагменты лака, обломок железного изделия, инкрустированного золотой фольгой и целый керамический сосуд (рис. 1: 100).

Близкие аналогии рассматриваемым бугровским находкам из кургана № 4 происходят из памятников, время сооружения которых определяется концом IV–II вв. до н.э.

Все обнаруженные свидетельства материальной культуры переданы на хранение в Государственный Эрмитаж. Часть из них находится в реставрации. Палеоантропологические находки дополнили собрание кабинета антропологии исторического факультета Алтайского госуниверситета. В полевом сезоне 2011 г. запланировано завершение работ на кургане № 4. Главной задачей является исследование оставшихся могил, среди которых основное внимание будет уделено центральному захоронению крупных размеров.

Тишкин А.А., 2009. Находка мумифицированной части умершей женщины на памятнике Бугры в северо-западных предгорьях Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул.

Тишкин А.А., 2010. Раскопки в предгорьях и горах Алтая // Археологические открытия 2007 года. М.

Тишкин А.А., Тишкина Т.В., 2009. История изучения памятника Бугры и результаты исследований кургана № 4 в 2009 году // Наука – Алтайскому краю, 2009 год. Барнаул. Вып. 3.

Тишкин А.А., Чугунов К.В., 2008. Начало исследований курганов на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // Труды II(XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М. Т. II.

Тишкин А.А., Чугунов К.В., 2009. Обследования в горах и предгорьях Алтая // Археологические открытия 2006 года. М.

А.А. Тишкин,

Алтайский государственный университет, Барнаул

А.Н. Мухарева

Кемеровский государственный университет, Кемерово

Изображения на «оленных» камнях Монгольского Алтая

Монгольский Алтай является одним из наименее изученных регионов Азии, хотя интерес к нему обозначился еще в XIX в. – исследователи фиксировали археологические памятники и интерпретировали их в рамках знаний того времени. Для советского времени отметим В.В. Волкова, основная деятельность которого была направлена на выявление «оленных» камней. На территории Ховдского аймака им зафиксирован ряд пунктов с такими изваяниями (Волков, 2002).

В настоящее время Буянтская российско-монгольская археологическая экспедиция, созданная в ходе выполнения совместных проектов тремя университетами (Алтайский, Ховдский и Улан-Баторский), исследует памятники археологии в Западной Монголии. Одним из направлений работы является обнаружение, комплексная фиксация и всестороннее изучение «оленных» камней. В ходе реализованных мероприятий удалось обнаружить ранее неизвестные монументы, а также обозначить перспективы дальнейших ис-

следований. Кроме этого, проводился мониторинг уже выявленных объектов. Особое внимание уделяется копированию изображений, что позволяет более детально отразить имеющиеся на изваяниях реалии разного значения. Полученные данные способствуют реконструкции культурно-исторической ситуации в период формирования кочевых общностей и дают необходимую информацию для изучения социальной структуры, экономических отношений и системы мировоззрений населения Центральной Азии в древности.

На многих изваяниях отражена одна и та же изобразительная схема. В верхней части сплошной линией выбита полоса, которую В.В. Волков (2002) однозначно трактовал как ленту-диадему. Однако при тщательном рассмотрении этого элемента и в ходе его копирования выяснилось, что предложенная интерпретация требует корректировки. Подобные изображения и характерные черты оформления верхней части демонстрируют такой этносоциальный показатель, как головной убор.

Следующее и хорошо фиксируемое изображение отражает нашейное украшение. Об этом свидетельствуют линии лунок, выбитых по периметру стел. Между нижним краем «головного убора» и «ожерельем»

на лицевой части скульптуры часто имеются три фактически параллельных желобка. Смысл этого широко распространенного элемента еще до сих пор не ясен. Предлагается довольно большое количество частных интерпретаций. Многие исследователи признают в них антропоморфный символический знак (например, раскраска или основные детали лица), несущий дополнительную смысловую нагрузку. Так это или иначе это еще предстоит выяснить при дальнейшем комплексном изучении «оленных» камней. Большая часть зафиксированных изображений может найти соответствующие подтверждения при проведении археологических раскопок в сравнении с новыми находками древних изделий. По большей части это относится к имеющимся выбивкам конкретного оружия (кинжал, чекан и лук в горите), олицетворяющего воина. Принципиально важной в этом случае является схема размещения предметов вооружения, которая, по всей видимости, отражает реальное их расположение: чекан на поясе с правой стороны, кинжал спереди, а лук слева. Особое значение имеют изображения животных на «оленных» камнях. В докладе будут представлены зафиксированные образы, их особенности и детали оформления.

А.Я. Труфанов

Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора», Сургут

Крестовая керамика лесостепного Прииртышья

Посуда, украшенная косым штампованным крестом, является одним из диагностирующих признаков керамики гамаюно-молчановской общности переходного времени к железному веку Урала и Западной Сибири. В территориальном отношении крестовая керамика представлена крайне неравномерно: она практически отсутствует в молчановской культуре, является почти обязательной принадлежностью атлымского набора посуды, хорошо представлена в керамических комплексах завьяловской и красноозерской культур.

Материалы красноозерской культуры Среднего Иртыша, накопленные за последние десятилетия, позволяют рассмотреть хронологию и развитие крестовой керамики. Установленная М.Б. Абрамовой и В.И. Стефановым хронологическая последовательность базовых красноозерских памятников по линии Инберень V–VII–VI в совокупности с материалами Новотроицкого I поселения позволяют представить количественную и качественную характеристику крестового комплекса на протяжении всего развития красноозерской культуры. Характеризуя хронологическую позицию Новотроицкого I поселения по отношению к памятникам инберенского «куста», отметим, что оно существовало дольше, чем любое из инберенских по-

селений. Возникнув где-то в период Инберени VII, оно функционировало в течение всего периода Инберени VI и, возможно, несколько дольше его.

Начальный этап появления в Среднем Прииртышье крестовой традиции маркируют материалы жертвенного места Хутор Бор I (Труфанов, 1983). Фиксируя сосуществование двух практически неслившихся культурных традиций – позднесургутской и «крестовой», материалы Хутора Бора I дают возможность зафиксировать пришлую традицию практически в «чистом» виде. Если крестовую керамику Хутора Бора I оценивать как красноозерскую (т. е. не собственно атлымскую, а характеризующуюся среднеиртышской спецификой), то для хуторборского этапа понятия «крестовый» и «красноозерский» будут совпадать. Другими словами, иной красноозерской керамики, помимо крестовой, в это время не существует.

Следующий этап развития крестовой традиции мы видим в материалах поселения Инберень V. В это время на территории лесостепи Прииртышья формируются собственно красноозерские керамические типы, среди которых особенно выделяется отступающе-накольчатый (около 30%). Крестовая керамика на Инберени V составляет 21,5%. Материалы последую-

щих памятников демонстрируют резкое снижение удельного веса крестовой посуды до 1,4% на Инберени VI с параллельным уменьшением количества мотивов, образованных крестом. Характеризуя крестовую керамику Инберени V, М.Б. Абрамова и В.И. Стефанов подчеркивают, что крестовый орнамент «если <...> имеется на сосуде, всегда доминирует» (Абрамова, Стефанов, 1985. С. 107). Отметим, что, если для Инберени V это наблюдение можно считать верным, то на керамике более позднего Новотроицкого I поселения эта закономерность в 10% случаев отсутствует. Этот факт можно рассматривать как проявление (впрочем, весьма слабое) процесса размывания типологического ядра красноозерской крестовой керамики.

Гораздо интереснее в этом плане поведение признаков, которые многие исследователи характеризуют, как вспомогательные. В первую очередь речь идет о ямках, которые, по мнению авторов, выполняют функцию разделителя орнаментальных зон. Отметим по этому поводу следующее:

1. Ряды ямок на крестовой, как, впрочем, и на остальной красноозерской посуде далеко не всегда разделяют орнаментальные зоны, зачастую накладываясь на «основной» узор. Кроме того, ямки нередко составляют простейшие *самостоятельные* мотивы: группируются парами по диагонали, располагаются в шахматном порядке, нередко соединяясь «резной» линией попарно или зигзагом;

2. Эти «самостоятельные» мотивы имеют четкую тенденцию к количественному увеличению по

мере развития культуры, что прослеживается как на крестовой посуде, так и на керамике других красноозерских групп. Добавим к перечисленным признакам черту, присутствующую только на венчиках Новотроицкого I поселения – расположение ямок в два ряда: вблизи среза венчика и у основания шейки. Отмеченные выше черты ямочной орнаментации можно считать поздними для всей красноозерской культуры. В Инберени V их число составляет 2,1%, причем три последних признака из вышеприведенных отсутствуют вообще. В Инберени VI их количество достигает 31,5% (в Новотроицком I поселении – 16,5%). Еще более показательна ситуация в крестовых группах: в Инберени V указанные мотивы отсутствуют, а в Новотроицком I поселении составляют 36,2%.

Таким образом, динамичность развития элементов орнаментации, сопутствующих крестовым узорам, с одной стороны, не подтверждает положения о «безусловной идентичности крестовой керамики» Прииртышья (Матвеев, Горелов, 1993. С. 54), а, с другой стороны, дает возможность выявления относительной хронологии красноозерских памятников, исходя из удельного веса крестовой посуды на поселениях, качественных и количественных особенностей ее орнаментации. Приведенные наблюдения особенно актуальны при анализе керамических комплексов периферии красноозерского «присутствия» – в Барабе (Чича I) и степном Прииртышье (Сибирское I).

Абрамова М.Б., Стефанов В.И., 1985. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск.
Матвеев А.В., Горелов В.В., 1993. Городище Ефимово I. Тюмень.

Труфанов А.Я., 1983. Жертвенное место Хутор Бор I (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск.

А.А. Туаллагов

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра РАН, Владикавказ

Ранние кочевники и оседлое население Северного Кавказа

В последнее время были предложены интересные наблюдения об условиях и причинах расселения алан на определенных территориях Восточной Европы. Предполагается зависимость их тяготения к горно-предгорным территориям, что было вызвано поиском экологической ниши, сходной с той, которая существовала на их азиатской родине и определяла их особый вид хозяйства (Раев, 2008а. С. 302–306). Сопоставимые наблюдения ранее были приведены по поводу проблемы скифов расселения на Северном Кавказе (Алексеев, 2003. С. 279).

Высказаны предположения, что вероятной моделью взаимоотношений оседлого населения Прикубанья с кочевниками (скифы, сарматы, аланы) было данничество. С появлением разных волн алан сопоставляется возникновение на Дону поселений, в т.ч. за счет переселенных меотов с Кубани. Обращено внимание и на предполагаемое переселение сарматами далеко на восток зарубинецкого населения (Раев, 2008б. С. 55–57).

Такая модель взаимоотношений алан с оседлым населением могла действовать и на других террито-

риях. Во второй половине II–IV в. н.э. аланы создали в Центральном Предкавказье мощное объединение, для которого были характерны исключительная концентрации населения и сравнительно большое количество поселений с урбанистическим типом экономики (Arzhantseva et al., 2004). Фиксируется участие в сложении позднесарматской культуры Южного Приуралья выходцев из автохтонов Армянского нагорья (Малашев, Яблонский, 2004. С. 116–118).

Было обращено внимание на присутствие среди кобанского населения и внедрившихся в их среду скифов, оставивших могильник Уллубаганалы (Карачаево-Черкесия), закавказских ремесленников, что сопоставляется с некоторыми сведениями Леонти Мровели

(Ковалевская, 2005. С. 59, 60). Приглашение или насильственное переселение скифами мидийских мастеров, возможно, отражено и в других скифских памятниках Северного Кавказа (Petrenko, 1994. Р. 350, 351). Некоторые исследователи полагают, что скифы переселяли кобанских мастеров и на более северные территории (Погребова, Раевский, 1989. С. 40–63).

Не исключено, что поиск особой экологической ниши и создание особой формы хозяйства были присущи различным группам мигрантов и могут указывать, по крайней мере, на происхождение этих групп среди общей массы тех объединений, которые в письменных источниках определяются как «скифы», «сарматы» или «аланы».

Алексеев А.Ю., 2003. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб.

Ковалевская В.Б., 2005. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э.–I тыс. н.э. М.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т., 2004. Поздние сарматы Южного Приуралья и Кавказ (по материалам могильника Покровка 10) // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. М.

Погребова М.П., Раевский Д.С., 1989. К вопросу об «отложившихся скифах» (Herod., IV, 22) // ВДИ. № 1.

Раев Б.А., 2008а. Были ли аланы кочевниками? // Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Владикавказ.

Раев Б.А., 2008б. Меоты и степь: к взаимоотношениям кочевого и оседлого населения в Прикубанье на рубеже эр // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М. Т. II.

Arzhantseva I., Deopik D., Malashev V., 2004. Zilgi: An Early Alan Proto-City of the First Millennium AD on the Boundary between Steppe and Hill Country // Les Sites archeologiques en Cremee et au Caucase durant l'Antiquite tardive et le haut Moyen-Age (Colloquia Pontica. Vol. 5). Leiden; Boston; Kulu.

Petrenko V.G., 1994. On the Interpretation of Early Scythian Sites in Central Ciscaucasia // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Napoli.

Д.Ф. Файзуллина

Казанский государственный университет культуры и искусств, Казань

Головные уборы «ленточного» типа населения Волго-Камья ананьинского времени (IX–VI вв. до н.э.)

На территории Волго-Камья в рассматриваемое время головной убор – единственная часть костюма, поддающаяся реконструкции ввиду обилия найденных в захоронениях находок металлических элементов и фрагментов органики в области головы погребенных.

С точки зрения визуального художественного образа первостепенное значения для выделения типов головных уборов имеет их форма и элементы убора, акцентирующие на себе внимание. Исходя из этих основных положений в ананьинское время на основе археологического материала могильников и изобразительного материала выделяются три типа головных уборов: головные повязки, круглые шапочки и конусовидные головные уборы.

С большой степенью достоверности фиксируется головной убор – повязка или головной убор «ленточного типа» (в литературе чаще используется термин «составной венчик», являющийся определе-

нием частного случая данного типа головного убора). Можно выделить следующие разновидности повязок.

Первый вариант – простой кожаный или плетеный тканевый шнурок без каких-либо украшений, либо с бронзовыми пронизьями или скобковидными украшениями. У ананьинцев данный тип повязок являлся общим для всех категорий населения.

Второй вариант – тканевая полоска или кожаный ремень с металлическими, стеклянными и др. нашивными элементами. Это наиболее часто встречающийся вариант повязки в ананьинских погребениях. Подробная типология «составных венчиков» по археологическим данным дана В.С. Патрушевым. Учитывая особенности форм и функционального назначения некоторых типов венчиков, выделенных В.С. Патрушевым, можно уточнить ряд типов и проанализировать их с точки зрения построения композиции.

Во-первых, часть повязок состоит из нашивных элементов одинаковой формы или одинаковой высо-

ты, равномерно распределенных по всей окружности головы, ширина же и края основы жестко не фиксируются. Во-вторых, часть повязок имеют форму, сужающуюся по ширине к затылочной части, что предполагает наличие завязок на концах. К этому типу венчиков относится и тип П-2 (по типологии В.С. Патрушева), который в большинстве случаев находится в погребениях в свернутом состоянии, и его можно однозначно реконструировать как головной убор – повязку. Данный тип отсутствует в постмаклашеевских могильниках и, вероятно, связан с аозинской, западной культурной традицией, либо является хронологически более поздним типом венчиков, т.к. он часто соседствует с шейными гривнами. По композиционному строю более всего данный тип венчика соответствует древностям балтов и прибалтийских финнов. Можно также предположить, что именно этот тип венчика развился в форму головных венчиков средневековых поволжских финнов. В-третьих,

встречаются повязки (погребение 1 Мурзихинского I, погребение 32 Мурзихинского IV, погребение 22 Морквашинского, погребение 200 Старшего Ахмыловского могильников) с более крупной возвышающейся центральной частью – подпрямоугольной бронзовой пластиной. Такая форма головного убора предполагает какую-то жесткую основу из бересты, дерева, войлока или меха для вертикального расположения центрального элемента надо лбом. Реконструируемая таким образом головная повязка напоминает головной убор типа сороки, широко распространенный по этнографическим данным среди финно-угорского и славянского населения Волго-Камья.

Как разновидность повязки выделяются собственно «венчики» – это сплошные металлические полоски с отверстиями на концах для продевания шнура: гладкие, с чеканно-резным узором, ажурные. Аналогичные венчики далее часто встречаются в последующее пьаноборское время.

Н.В. Федорова

Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс, Салехард

А.В. Пантелеев

Зоологический институт СПб НЦ РАН, Санкт-Петербург

Птицы в искусстве древнего святилища Усть-Полуй¹

Изучение птицевидных (орнитоморфных) бронзовых изображений эпохи раннего железного века на территории севера Западной Сибири и северного Приуралья имеет давнюю историю и обширную библиографию. Различные авторы рассматривали ареал их распространения, предлагали классификации, реконструировали место птицевидных фигурок в культурной практике населения региона.

Коллекции, полученные в результате раскопок древнего святилища Усть-Полуй (I в. до н.э.–I в. н.э.), являются уникальными, т.к. включают не только обычные для раннего железного века отлитые из бронзы изображения птиц, но также костяную и деревянную скульптуру, изображения из камня, глины и даже бересты. Необходимо предварительно отметить, что птицевидные изображения в комплексе святилища Усть-Полуй встречаются: а) на костяных ложках-черпаках; б) в виде отдельных фигур, отлитых из бронзы; в) в виде скульптур из дерева или камня. В докладе соавторами – археологом и орнитологом – делается попытка их комплексного анализа.

Видовой состав. Для изучения на данном этапе отобрано около 40 изображений, видовой состав которых поддается определению. Виды распределяют-

ся следующим образом: орлан белохвост – 14 изображений, сова полярная – 10; мелкие хищные птицы (сапсан, ястреб) – 5; белый журавль/стерх – 2; водоплавающие (гага-гребенушка, морянка) – около 14 изображений, белая куропатка – 1 изображение. Анализ костного материала из раскопок Усть-Полуя еще не закончен, но предварительно можно отметить, что состав орнитофауны в костном материале и ее состав в изобразительных памятниках не совпадает.

Иконография. Иконография изображения птиц достаточно стандартна. Все водоплавающие изображены в «плывущем» или «сидящем» положении. Образ хищной птицы передается либо в фас с распущенными крыльями – иногда это фигура пикирующей птицы, либо в профиль – со сложенными, иногда в композиции «птица, клюющая голову травоядного». Детали изображений и орнамент призваны подчеркнуть особенности того или иного вида.

Аналогии. Деревянные и костяные изображения эпохи раннего железа за пределами севера современной территории Ямало-Ненецкого автономного округа практически не известны. Наиболее близкие аналогии бронзовым изображениям птиц из святилища Усть-Полуй встречены в коллекциях из памятников северо-вос-

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ 09-06-00286.

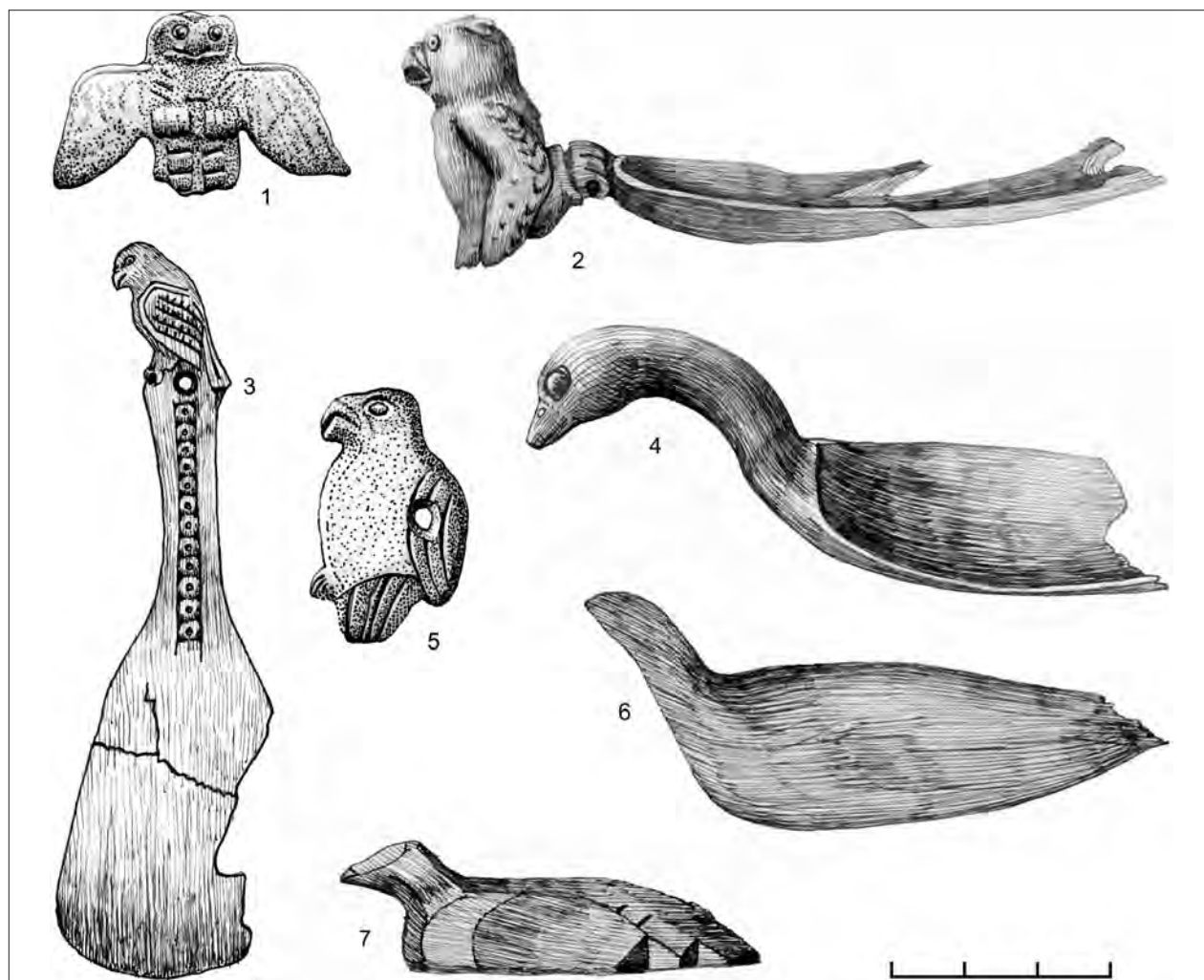

Рис. 1

Птицевидные изображения древнего святилища Усть-Полуй. 1 – бронза, 2–4 – кость, 5 – камень, 6, 7 – дерево

тока Европы, Среднего и Сургутского Приобья. Датируются они познеананьинским и кулайским временем.

Выводы. Орнитоморфные изображения Усть-Полуйского святилища, бесспорно, теснейшим образом связаны с культовой практикой посещавшего его населения. Как показывает изучение всей массы артефактов из культурного слоя памятника,

посещавшее его население проживало на довольно широкой территории от Северного Приуралья до Среднего Приобья. Вполне вероятно, что изображения представляют птиц, использовавшихся в обрядах, а костные остатки – сборные, от жертвенных и «пищевых» птиц, съеденных во время праздников.

Я.В. Фролов

Научно-производственный центр «Наследие», Барнаул

Специфика культурных трансформаций в лесостепной зоне Алтая в эпоху раннего железа¹

В лесостепной зоне Западной Сибири для скифского времени выделена целая серия археологиче-

ских культур: саргатская, гороховская, каменная, иткульская, байтовская, богочановская, новочекинская,

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 11-06-00360-а.

кижировская (шеломокская), староалейская, быстрянская и лесостепная тагарская. Предлагая реконструкции этапов формирования и развития лесостепных культур, исследователи отмечают незавершенность, переходность и маргинальность этих процессов (Савинов, 2007. С. 219; Могильников, 1997. С. 103). Как одна из основных причин рассматривается разнообразие ландшафтов.

Если для значительной территорий Западной Сибири смена ландшафтов и зональность выражены относительно стабильно, то в лесостепном Алтае представлена мозаичная ландшафтная картина. Ленточные боры, прорезающие степные пространства, леса Правобережья долины р. Обь, сочетающиеся с оспенными участками Левобережья, неоднородные ландшафты Бийско-Чумышской возвышенности, северных предгорий Алтая и Рудного Алтая представляют значительное разнообразие экологических ниш. Многообразие ландшафтов диктует наличие разных вариантов адаптации системы жизнеобеспечения коллективов на этих территориях. В подавляющем большинстве случаев подразумевается, что общность памятников, объединяющаяся в археологическую культуру, является результатом жизнедеятельности коллективов людей со сходным культурно-хозяйственным типом. В связи с этим возникают трудности при интерпретации групп памятников в лесостепной зоне Алтая и всей Западной Сибири, географически расположенных в одном регионе, но в разных ландшафтах.

Этнографами, в ходе исследования систем жизнеобеспечения народов лесостепной зоны Западной Сибири и Саяно-Алтая, отмечается их существенная неоднородность. Даже внутри первоначально единых этнических коллективов (барабинцев, хакасов, тувинцев и т. д.) на разных этапах их существования выделяются «лесные» и «степные» группы с различающимися вариантами систем жизнеобеспечения, что также обуславливает их культурную специфику (Томилов, 1993; Бельгибаев, Назаров, 2009). Поэтому в этнографии предлагается изучение локальных культурных комплексов – групп населения, связанных с определенным локальным ландшафтом (Селезнев, 1998). В этой связи выделение значительного числа археологических культур и их локальных вариантов для лесостепной зоны Западной Сибири в скифское время – закономерный процесс накопления и углубления изучения археологических материалов.

Для лесостепного Алтая, начиная с эпохи раннего железного века, одним из основных факторов этнокультурных изменений являются миграционные процессы – периодическое проникновение кочевых групп скотоводов на эту территорию. Поэтому механизмы взаимодействия местного и пришлого населения, трансформации разнокультурных групп населения, прежде всего, связаны с постепенной адаптацией системы жизнеобеспечения мигрантов к местным ландшафтам.

Адаптация к новому природному окружению и, прежде всего, к неблагоприятным условиям для развития скотоводства, приводят к кризисным явлениям в традиционной системе жизнеобеспечения кочевников-скотоводов – постепенному переходу некоторых коллективов мигрантов к комплексному хозяйству. Это отражалось в изменениях социального статуса и качества жизни, что прослеживается по данным антропологии и погребальной обрядности. Отдельными проявлениями данных процессов являются: уменьшение продолжительности жизни; появление специфических заболеваний, например, кариеса, характерного для населения, часто употребляющего растительную пищу; упрощение погребальной обрядности (уменьшение трудозатрат на сооружение погребений). Процесс адаптации системы жизнеобеспечения был постепенным. Многие кочевнические коллективы довольно долго продолжали придерживаться традиционной системы жизнеобеспечения, но неблагоприятные природные условия приводили к тому, что скотоводство деградировало, и все большие и большие группы скотоводов отказывались от кочевания из-за уменьшения поголовья скота.

Сочетание разнообразных ландшафтов приводило к тому, что занимавшие разные экологические ниши, первоначально единые этнические группы, использующие разные направления системы жизнеобеспечения, начали меняться и в культурном отношении. Традиции предшествующего населения, прежде всего в хозяйственной сфере, сохранялись и транслировались на протяжении длительных периодов. В частности, в подобном ключе, вероятно, следует интерпретировать различия между памятниками каменной культуры, которые отличаются друг от друга в зоне Обского Левобережья более оспенной территории и на Правобережье Оби – в пойме, на границе Приобского бора и сопредельных территориях. Специфика памятников каменной культуры обусловлена тем, что на Левобережье преобладал и сохранялся длительное время культурно-хозяйственный тип скотоводов-кочевников, а на Правобережье – интегрированный культурно-хозяйственный тип скотоводов с элементами комплексного хозяйства. Менее благоприятные условия на Правобережье (меньшее количество зимних пастбищ) приводили к кризису скотоводческого хозяйства, ориентированного на содержание скота на подножном корму. Оказавшееся в этих условиях каменское население было вынуждено недостаток в пищевых ресурсах восполнять с помощью охоты и собирательства, а также, возможно, перенимать некоторые приемы рыбной ловли и примитивного допашенного земледелия. К сожалению, о последних двух направлениях в системе жизнеобеспечения каменского населения нет никаких данных. При всем этом, скотоводство оставалось основным источником получения пищевых продуктов. Не исключено, что подобными причинами и объясняются различия в погребальной обрядности и антропологическом материале между расположенным на Право-

бережье Новотроицким некрополем и такими могильниками Левобережья, как Камень II, Рогозиха I и др.

Кроме того, в ходе процессов взаимодействия каменского и староалейского населения в зоне Обского Правобережья происходит их активная интеграция. Это отражается в появлении памятников, где наблюдается смешение черт каменской и староалейской культур. Коллективы каменцев, оседавших на землю, впитывали традиции более раннего староалейского

населения, связанные первоначально с хозяйственной сферой. В результате трансляции устоявшихся навыков, связанных с системой жизнеобеспечения, традиции местного населения сохраняются длительное время. В свою очередь, происходили встречные процессы ассимиляции староалейского населения, которое перенимало ряд культурных элементов более актуального (престижного) каменского комплекса традиций.

Бельгибаев Е.А., Назаров И.И., 2009. Методологические и методические приемы исследования традиционных занятий коренных народов Алтае-Саянского региона // Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования. Барнаул.

Могильников В.А., 1997. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М.

Савинов Д.Г., 2007. Археологическая периодизация и культурно-экологические области Саяно-алтайского

нагорья // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб.

Селезнев А.Г., 1998. Локальные (ареальные) культурные комплексы как форма существования традиционной культуры // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; СПб.

Томилов Н.А., 1993. Проблемы этнической истории. Томск.

С.В. Хаврин

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Археологическое олово

Основное применение олова – это легирующая примесь к меди, улучшающая свойства сплава. Оловянистая бронза хорошо отливается в форму, изменяет цвет изделия (на золотистый или серебристый), значительно увеличивает твердость, улучшает устойчивость к коррозии и т. д. В середине I тыс. н.э. на территории Восточной Европы полураспространение свинцово-оловянные изделия.

Само олово – металл не стойкий: при температуре ниже $13,2^{\circ}\text{C}$ происходит увеличение удельного объема, и оно переходит в другое – серое олово ($\alpha\text{-Sn}$). Этот процесс происходит тем быстрее, чем ниже температура окружающей среды. Олово трескается и превращается в порошок. Причем соприкосновение серого олова и белого приводит к «заражению» последнего. Эти свойства белого металла были известны давно: уже в эпоху средневековья имеются регламенты его состава – сколько примешивать к олову свинца.

Поэтому вероятность нахождения древних изделий из олова крайне мала. Однако при раскопках памятников пазырыкской культуры в Горном Алтае были найдены остатки украшений из оловянной фольги, где она использовалась наряду с золотой. В последние годы количество археологических изделий из олова резко увеличилось. Найдены украшения в погребениях пазырыкской культуры могильника Чултуков Лог-1 (Бородовский, 2005). Для раннескиф-

ского времени – это тонкие пластинки, пектораль и кольцо из кургана Аржан 2 в Туве. В одной из могил (№ 26) этого комплекса анализ необычного цвета почвы под скелетом показал наличие значительного количества олова. По-видимому, это остатки фольги, украшавшей подстилку и превратившейся в серое олово. К этому же времени относится и фрагмент витой гривны из богатого погребения на погребально-поминальном комплексе Чинге-Тэй (могила 3) в Туве.

К началу II тыс. н.э. относятся оловянные (найденные совместно с серебряными) перстни из могильника Санаторный-1 под Новосибирском. Имеются находки изделий из олова и из других регионов России.

Во всех случаях в составе олова прослежено небольшое количество естественных примесей, которые, способствовали его сохранности. Из более 90 минералов, содержащих олово, для его извлечения используются, в основном, касситерит и станин. Касситерит, оловянный камень, минерал химического состава SnO_2 . Теоретически касситерит содержит около 80% Sn, и обычно включает примеси Fe, Nb, Ta, Zr, Sc, W, Mn. Станин, оловянный колчедан, минерал из класса сульфидов с общей формулой вида $\text{Cu}_2(\text{Fe,Zn})\text{SnS}_4$. Содержит также примеси Zn, In, Sb, Cd, Pb и Ag. Накопление базы данных по изделиям из олова со временем может нам дать информацию об источниках его добычи.

Л.Д. Чадамба

Тывинский Государственный университет, Кызыл

Памятники древнего искусства правого берега Улуг-Хема

На правом берегу Улуг-Хема, на обращенных к реке скалах зафиксировано несколько местонахождений наскальных рисунков. Они были найдены на склонах горы Догээ, в районе правобережных дач около зверофермы, около пос. Эрбек. Здесь представлены выбитые изображения различных исторических эпох. Но интересно, что во всех исследованных пунктах встречаются рисунки гунно-сарматского времени, которые в других районах Тувы единичны. Это может говорить о том, что в начале н.э. здесь находились носители культуры переходного типа от скифского времени к эпохе Великого переселения народов.

Первым исследователем правобережных памятников стал А.В. Адрианов. В начале XX в. он обследовал скалы с петроглифами в четырех пунктах, находящихся на утесах правого берега Улуг-Хема на протяжении около 15 км между речками Баянкольчиком и Эрбеком. На этих местонахождениях им было учтено около 300 фигур горных козлов, оленей, верблюдов, лошадей, вооруженных всадников, медведей и т.д. С этих писаниц им сделаны эстампажи, фотографии, рисунки карандашом, хранящихся в МАЭ РАН (Кунсткамере) в Санкт-Петербурге (Дэвлет, 2004. С. 53). Далее исследования проводились уже в 80-х гг.

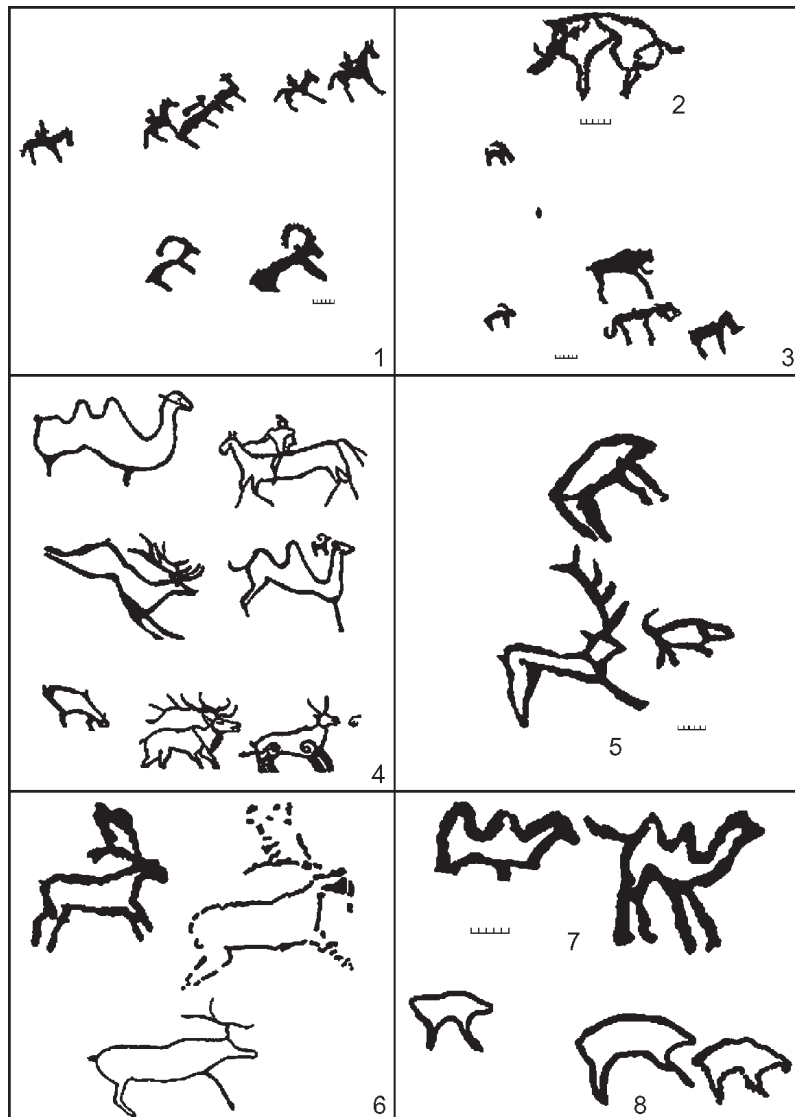

Рис. 1

Наскальные рисунки на правом берегу Улуг-Хема. 1, 2 – Эрбек 1; 3 – Эрбек 2; 4 – Эрбек 4; 5–8 – Эрбек 3

XX в., когда по трассе строящейся дороги Эрбек–Баян-Кол М.Е. Килуновской были исследованы рисунки на скалах в пунктах Эрбек 1, Эрбек 2 и Эрбек 3 (Килуновская, 1995. С. 166–174). В 2009 г. в ходе разведки Тувинской экспедиции ИИМК РАН по трассе проектируемой железной дороги Курагино–Кызыл обнаружен памятник Эрбек 4, находящийся на восточной окраине пос. Эрбек.

Особое место в ряду памятников наскального искусства Тувы занимает Малый Баян-Кол, который стал известен благодаря исследованиям А.В. Адрианова. В 1973–1974 гг. здесь работала Тоджинская экспедиция ИА АН СССР под руководством М.А. Дэвлет (Дэвлет и др., 1974. С. 205, 206). Малый Баян-Кол расположен в 4 км от г. Кызыл, на Правобережье Улуг-Хема, в районе городских дач и зверофермы. Памятник уникальный, т. к. в Туве и в соседних регионах редко встречаются рисунки таких крупных размеров. На сегодняшний день нами зафиксированы 16 плоскостей с рисунками. Большинство петроглифов можно датировать позднескифским и гунно-сарматским временем. По стилистическим особенностям изображений животных (четкость контуров, линейность, глубокая линия) и их размерам, памятник более близок к минусинским, что свидетельствует о культурных контактах и взаимовлияниях в те далекие времена (Чадамба, 2009). Им аналогичны петроглифы, обнаруженные нами в 2 км к востоку от Малого Баян-Кола в районе ЛДК и жилых домов, где расположены скалы с изображениями всадников, оленей и козлов.

Рисунки на горе Догээ, исследованные В.А. Киселем, С.В. Хавриным и М. Слободзяном, находятся на скальных выступах, расположенных на восточной стороне. Здесь изображены олень и травоядное животное. Также на правой стороне ущелья выбиты рисунки животных, всадников и антропоморфных фигур с фаллическими символами. Выше и западнее этой группы расположены изображения верблюдов и собаки. Исследователи датируют петроглифы, начиная с хуннского периода по этнографическое время (Кисель, Хаврин, 2009).

Около пос. Эрбек рисунки зафиксированы в четырех местах. Эрбек 1 находится в 2 км от пос. Эрбек. Здесь обнаружены фигуры козлов, выполненных в различных манерах. Часть рисунков датируется эпохой средневековья, т. к. они сочетаются с тамгообраз-

ными и руническими знаками. Наиболее интересными являются контурное изображение кабана в скифо-сибирском зверином стиле, вереница всадников в островерхих головных уборах и верблюда (Килуновская, 1995. С. 166–169). Эта писаница была известна А.В. Адрианову. В архиве МАЭС Томского государственного университета хранится фотография этого памятника, сделанная в 1915 г. На этой фотографии видно, что в настоящее время утрачен целый блок с рисунками, на котором были также изображения всадников и еще одного кабана. У А.В. Адрианова этот памятник отмечен как Эрбек III (Миклашевич, Ожередов, 2008. С. 185, 186).

В 200 м по направлению к Баян-Колу в пункте Эрбек 2, на отвесной скале выбиты изображения двух кабанов, хищника и козлов, которые заполнены красно-коричневой охрой и относятся к скифскому времени. Следует отметить, что рисунки, закрашенные краской, крайне редко встречаются на памятниках Тувы. Хищник выполнен в соответствии с канонами скифского стиля и относится к семейству кошачьих.

По трассе Кызыл–Эрбек находится Эрбек 3, который был обнаружен Л.Р. Кызласовым. Вероятно, здесь рисунков было больше. В этом месте в ходе строительства дороги проводились взрывные работы, поэтому некоторые рисунки не сохранились. На сегодняшний день остались изображения верблюдов, связанных веревкой, два кабана с оленем, большой лось, олень с ветвистыми рогами, а также плоскость с тремя кабанями.

Восточнее пос. Эрбек расположен пункт Эрбек 4. Скалы с рисунками тянутся вдоль реки. Петроглифы, в основном, предскифского, скифского и гунно-сарматского времени. Памятник сильно пострадал от актов вандализма. Многие прекрасные образцы наскального искусства закрашены краской и перекрыты современными надписями. По набору стилистических признаков и видовому составу животных изображения с Эрбека 4 схожи с петроглифами Малого Баян-Кола. Также изображения некоторых животных на Эрбеке 4 имеют довольно крупные размеры.

Таким образом, проведенный сюжетный и стилистический анализ петроглифов, а также компактность территории расположения памятников позволяют предполагать, что правобережные местонахождения наскального искусства Улуг-Хема составляют единый комплекс.

Дэвлет М.А., Панова Н.В., Спидиоти М.Н., 1975. Обследование наскальных изображений правобережья Улуг-Хема // АО в 1974 г. М.

Дэвлет М.А., 1996. Петроглифы Енисея. История изучения (XVIII–начало XX вв.). М.

Дэвлет М.А., 2004. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово.

Килуновская М.Е., 1995. Петроглифы на правом берегу Улуг-Хема // Ученые записки. Кызыл. Вып. XVIII

Кисель А.В., Хаврин С.В., 2009. Гора Догээ как археологический и этнографический памятник Тувы // Новые исследования Тувы № 4: http://www.tuva.asia/journal/issue_4.

Миклашевич Е.А., Ожередов Ю.И., 2008. Фотографии сибирских писаниц в наследии А.В. Адрианова // Тропой тысячелетий. К юбилею М.А. Дэвлет. Кемерово.

Чадамба Л.Д., 2009. Современное состояние памятника наскального искусства Малый Баян-Кол (Республика Тува) // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование: Мат. междунар. научно-практ. конф., посвященной 80-летию Национального музея им. Алдан-Маадыр. Кызыл. Ч. 1.

М.С. Шемаханская
 Государственный научно-исследовательский
 институт реставрации, Москва
Л.Т. Яблонский
 Институт археологии РАН, Москва

Парадный меч из царского кургана в Филипповке 1

В «царском» кургане № 4 могильника Филипповка 1, несмотря на попытку ограбления с помощью экскаватора, было обнаружено четыре захоронения (центральное и три дополнительных). В дополнитель-

Рис. 1

«Золотой» меч из погребения 2 кургана 4 могильника Филипповка 1. Раскопки Л.Т. Яблонского. Реставрация М.С. Шемаханской. Фото И. Седенькова

ном погребении 2 кургана был найден, в т. ч. железный меч очень плохой сохранности. Он был восстановлен М.С. Шемаханской. При этом оказалось, что клинок меча вдоль краев с обеих сторон покрыт рядами сложных композиций, выполненных в технике инкрустации. Композиции составляют изображения в скифо-сибирском зверином стиле, антропоморфные композиции и группы изображений, в которых участвуют как люди, так и животные. В частности, хорошо читаются сцены охоты всадника на вепря и жертвоприношения оленя.

Рукоять декорирована с двух сторон одинаково: в центральной части продольно расположена зона со сценой терзания волком сайгака или козла. На перекрестии с обеих сторон рельефно изображены симметрично расположенные фигуры кабана и оленя, в которые вписаны другие изображения в зверином стиле.

Меч имеет короткий и относительно широкий клинок, бабочковидное перекрестие и брусковидное или овальное навершие (плохо сохранилось). Типологически он относится к акинакам, которые датируются обычно V–IV вв. до н.э. Но набор наконечников стрел из этого же погребения склоняет нас в пользу более узкой датировки – IV в. до н.э.

Меч уникален как золотом инкрустации, так и техникой ее изготовления. Исследование проводилось в процессе реставрации, когда к предмету был наибольший доступ. В результате сильной коррозии меч был фрагментирован, поэтому оказалось возможным на некоторых фрагментах изучить как лицевую, так и обратную сторону золотой инкрустации. Изучение состава металла и примесей проводилось микрорентгеноспектральным методом в сочетании с электронным микроскопом в ИГЕМ РАН, а способ изготовления инкрустации навершия – металлографическим методом. Поверхность меча и все следы инструментов изучались с помощью цифрового стереомикроскопа фирмы Leica. Все наблюдения фотографировались.

Золото, использованное для украшения меча, содержит несколько процентов серебра, до 1% меди и очень большое количество включений, состоящих из металлов платиновой группы: осмия, иридия, рутения и платины в различных сочетаниях и количествах, располагающихся скоплениями. Такое количество включений металлов платиновой группы в истории древнего золота наблюдается впервые. Единичные включения в древнем золоте металлов платиновой

группы обнаруживались и исследовались неоднократно. В результате привлечения геологических данных с большой долей уверенности можно сказать, что золото, использованное для украшения меча, самородное, рассыпное, уральское.

На одну сторону клинка наложена продольно рифленая полоса, под которую было предварительно вырезано профилированное углубление. Полоса крепилась вбиванием ее краев. Для инкрустации на металле клинка по рисунку были сделаны углубления инструментом типа «сечка». Рисунок наносился за два прохода инструмента, сначала в одном направлении, далее – в другом. Затем в сделанные углубления вбивалось золото.

Перекрестие меча сделано из двух железных пластин, которые соединены с основой кузнечной сваркой. На железные пластины перекрестия с обеих сторон и со стороны рукояти наложены серебряные рельефы, выполненные в технике литья по восковой модели. Со стороны клинка обе пластины перекрестия вплотную примыкают к нему, со стороны рукояти есть отверстие, в которое входит рукоять. Серебряные рельефы украшены золотой инкрустацией. Инкрустация сделана не так, как на клинке: вырезаны углубления с плоским дном, в него уложены золотые элементы, которые придерживаются чуть завальцованными краями серебряной основы.

Рукоять с рельефами, вырубленными зубилом по железу, вся обтянута золотым листом, вбитым в поверхность. Характерной особенностью декора рукояти является наличие прорезных элементов в золоте рельефных полос, расположенных по ребрам рукояти. Конеч рукояти со стороны навершия заканчивается рельефным кольцевым уступом (обоймой), также обтянутым золотым листом с прорезанным ажуром.

Навершие инкрустировано золотом в технике, отличной от техники инкрустации клинка: углубле-

ния под инкрустацию имеют округлое очертание. При этом лицевая сторона элементов инкрустации оформлена продольными углублениями. Структура инкрустации показывает наследственную литую структуру.

Таким образом, инкрустация на клинке и рукояти меча выполнена с применением различных технологий. Не исключено, что в производстве меча участвовала группа мастеров, а не один человек.

Приемы украшения парадных мечей золотыми деталями хорошо известны в Евразийской степи, судя по оружию из кургана Аржан 2, по крайней мере, с конца VII в. до н.э. Среди древнейших находок можно также упомянуть «золотой меч» из могильника Южный Тагискен на Нижней Сырдарье и меч из кургана Иссык в Южном Казахстане. Однако техника украшения золотом на приведенных примерах резко отличается от филипповской: там речь идет либо о технике накладки/набивки золотом элементов декора, либо об украшении ножен отдельными золотыми накладками.

Принципиальные отличия филипповского экземпляра от прочих состоят, как в технике украшения золотом, так и в семантике изображений на его рукояти и клинке, которые в совокупности составляют текстовый документ мифологического свойства.

Нет необходимости предполагать, что наш меч был изготовлен далеко за пределами степи. Скорее, речь может идти о том, что он был сделан мастером или группой мастеров, находящихся в среде кочевников и владеющих ювелирной техникой инкрустации золотом по железу, – на заказ и с учетом вкусов заказчиков-кочевников, но из местного материала и по местным типологическим образцам. Подобные случаи использования «иностранных» мастеров в собственных целях, в принципе, известны в археологии степи еще с эпохи поздней бронзы.

Й. Шнеевайсс

*Институт пре- и ранней истории
Гёттингенского университета, Гёттинген*

Культурное и ландшафтное развитие в I тыс. н.э. в лесной зоне Восточной Европы между Волгой и Эльбой: постановка проблемы и проект мультидисциплинарных исследований

Общеввропейские культурные процессы, начавшиеся в I тыс. н.э. с падением Римской империи, имели своим итогом (с появлением феодальных госу-

дарств в конце этого тысячелетия) формирование основ современной Европы. Самыми яркими и значимыми проявлениями этого периода для всей Ев-

ропы явились масштабные переселения народов, когда были «перемешаны» старые и возникли новые культуры, на основе которых в дальнейшем развивалась средневековая и современная Европа. В это время христианство являлось самым значительным культурным фактором не только в процессе становления и развития государственности, но и в историографическом плане. Далекое «варварское» пространство на северо-востоке Европы за Эльбой и Дунаем только медленно и постепенно выходило на «свет истории», т. е. освещалось письменными источниками чаще всего христианских авторов. За миграцией германских племен из лесной зоны Северо-Восточной и Средней Европы на запад и на юг следовало распространение славянских племен через почти половину Европы. До сегодняшнего дня происхождение славян остается дискуссионным, также как и территория их возникновения, а, следовательно, время и направления их расселения. Более или менее хорошо известны и документированы только события, начиная где-то с IX/X вв., когда появляются письменные источники. Особенно в последней трети I тыс. лесной регион между Эльбой и Волгой, в частности, большие речные системы и водные пути, стали главными посредниками между севером и югом Европы, а также Центральной Азией.

Несмотря на важную роль, которую лесная зона Северо-Восточной Европы играла во всех этих процессах, всеобъемлющие исследования европейского уровня до сих пор сосредоточены в пределах территорий раннесредневековых государств или империй, а также их ближайших соседей. Начало широкомасштабных миграций до сих пор остается предметом дискуссий, равно как и мало изучен их ход. Также не решенным является вопрос о причинах этих миграций, среди которых указываются, в первую очередь, климатические и экономические факторы, а также нашествие гуннов в V в. Однако сложилось общее мнение, что нельзя называть только одну единственную причину миграций, а имеется целый комплекс причин, нуждающихся в дальнейшем изучении. Таким образом, историческая реальность оказывается более сложной, чем это раньше предполагали.

В течение последних десятилетий успешно развивалось археологическое изучение памятников I тыс. н.э. северо-запада России, при этом долгое время центральным научным интересом оставался этногенез славян. Теперь уже стало ясно, что эта проблема выходит за рамки стандартных региональных археологических исследований и нуждается в другом, мультидисциплинарном подходе на меж-

дународном уровне. Этногенез – один из вопросов, которые отдельные дисциплины не могут самостоятельно решать. Задачей археологов является, в первую очередь, исследование материальной культуры с целью последующей, как можно более полной реконструкции их образа жизни. Чтобы исследовать вопросы этногенеза необходимо привлекать различные гуманитарные науки, как, например, лингвистика, история, социология, а также обсуждать проблемы теории. Нельзя забывать, что этногенез всего лишь один из многих вопросов. Пришло время объединения всех доступных результатов для проведения широкомасштабного сравнительного анализа. Для этого необходимы такие общие реперы, как повсеместное радиоуглеродное датирование и понимание природных процессов, протекавших в данном промежутке времени. Палеоклиматические реконструкции, выполненные путем палинологических анализов, позволят проследить естественное развитие ландшафтов данного региона, охарактеризовать климатическую обстановку, а также установить антропогенное влияние на природную среду.

В докладе будет представлен запланированный международный научно-исследовательский проект, в рамках которого намечено создание общих реперов в отдельных, археологически хорошо изученных районах лесной и лесостепной зон Восточной Европы, чтобы получить в конечном итоге обобщенный синтез результатов гуманитарных и естественно-научных направлений по рассматриваемым вопросам. Для проведения сравнительных анализов на европейском уровне необходимо включить исследования, как минимум, в России, Белоруссии, Польше и Германии при обязательном преодолении языковых барьеров. Только с таким подходом станет возможным лучшее понимание масштабных процессов и феноменов, охвативших собой широкие территории. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Например, в районе Белого озера в Вологодской области и в Курской области получены важные материалы, начаты палинологические анализы и проведено частичное радиоуглеродное датирование. Особенно важными для предстоящего исследования станут дополнительные методы изучения археологического материала, такие как археозоологические и археоботанические анализы надежно датированных остатков из культурных слоев. С их помощью будет возможно более конкретно охарактеризовать экономические системы исследуемых культур. В качестве примера и перспектив в докладе будут представлены первые результаты и планы дальнейшего сотрудничества.

Особенности этнокультурных процессов на территории Синьцзяна (Китай) в VIII–III вв. до н.э.¹

Географически Синьцзян занимает промежуточное место между Казахстаном, Саяно-Алтаем, Монголией и Северным Китаем, а потому археологические материалы VIII–III вв. до н. э. этой территории представляют особый интерес для понимания этнокультурной ситуации в восточной части степного пояса. За последние 30 лет в Синьцзяне исследованы десятки представительных могильников рассматриваемого времени. Большинство из них расположены в предгорьях Тянь-Шаня, что объясняется как благоприятным климатом, позволявшим с глубокой древности заниматься скотоводством и земледелием в окруженных пустынями предгорьях, так и активизацией археологических исследований. Преобладают охранные раскопки памятников, попадающих в зоны хозяйственных работ или страдающих от «бугровщичества». Расположенные к югу и к северу от Тянь-Шаня районы изучены крайне слабо, но, в целом, накоплен значительный материал, на основе которого китайскими археологами выделен ряд археологических культур. Предполагается, что большинство из них сформировались уже в эпоху бронзы и существовали до V–I вв. до н.э. Эти выводы противоречат нашим знаниям по соседствующим Казахстану и Саяно-Алтаю, но вполне соответствуют представлениям о «культурах-долгожителях» Северного Китая. Основываются они, прежде всего, на радиоуглеродных датах, согласно которым типично раннескифские комплексы VIII–VII вв. до н.э. (а иногда и комплексы V–IV вв. до н.э.) датируются XIII–X вв. до н.э. Не удивительно, что некоторые китайские исследователи склонны относить к этому времени и начало раннего железного века в Синьцзяне. Судя по опубликованным в Синьцзяне материалам, вышеприведенные положения о преемственности и хронологии культур эпохи бронзы и раннего железного века ошибочны, но следует признать, что тому все же имеются некоторые основания.

Первоначально рассмотрим вопрос о якобы имеющейся преемственности культур эпохи бронзы и раннего железного века. В относимых к эпохе поздней бронзы и раннему железному веку наиболее представительных и хорошо исследованных могильниках в Чаухугоу и Янхэе, позднебронзовых комплексов нет. Даже в могильнике Яньбулакэ предметы эпохи бронзы единичны, а основной материал находит ана-

логии в памятниках Саяно-Алтая и Казахстана VIII–IV вв. до н.э. Каким бы временем не датировались по радиоуглероду ранние комплексы из Чаухугоу и Янхэе, но они по всем данным раннескифские, входящие в круг культур VIII–начала VI в. до н.э., синхронно существовавших на Саяно-Алтае и в Казахстане. Как видим, преемственность с эпохой бронзы пока не фиксируется, но она имела место позднее. Так, сформировавшиеся в VIII в. до н.э. упомянутые выше культуры чауху (Чаухугоу-1, 2, 4 и 5; и др.) и субэйси (Янхай-1, 2 и 3; и др.) сохраняли свою специфику примерно до V и даже III в. до н.э. В частности, наиболее хорошо изученная культура чауху не прекратила существования к середине VI в. до н.э., как это произошло на Саяно-Алтае и в Казахстане, а сохранялась где-то до середины V в. до н.э. Это достоверно зафиксировано на полностью раскопанном могильнике Чаухугоу-4 (248 могил), постепенно формировавшемся в северном направлении на протяжении 250–300 лет. Аналогичная ситуация и на других, частично исследованных могильниках Чаухугоу-1, 2, 5 и Хабуцихань (к западу от г. Хэцзин), насчитывающих до 750 компактно расположенных захоронений. Таким образом, в отличие от исчезнувших к середине VI в. до н.э. раннескифских культур степного пояса, могильники чауху продолжали функционировать до середины–конца V в. до н.э. Постепенная эволюция обрядности в это время отмечается и в культуре субэйси на могильниках Янхай-1, 2 и 3 (район г. Турфана).

Некоторые культуры первой половины I тыс. до н.э., по-видимому, сохранялись в Синьцзяне и позже. Так, на могильнике Дунхэйгоу (район г. Хами) схожий погребальный обряд фиксируется в погребениях с VII по IV–III вв. до н.э. Судя по опубликованным материалам из Янхэе и Цзяохэ Гоубэй, некоторая преемственность в обряде прослеживается там почти до рубежа эр. При этом вооружение, украшения, сбруйная и поясная фурнитура изменялись в той же хронологической последовательности, как и на Саяно-Алтае. По предварительным данным, эпохальные смены культур степного пояса в середине VI в. до н.э. (переход от раннескифских к скифским) и около рубежа III–II вв. до н.э. (переход от скифских к гунно-сарматским), на Тянь-Шане проходили в сглаженной форме. В этом отношении данный регион близок культурам «восточной» историко-культурной общности, существо-

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 08-01-00309а и Программы фундаментальных исследований РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

вавшей в I тыс. до н.э. от Забайкалья до Ордоса на восточной тупиковой окраине степного пояса. Тем не менее, общие процессы сказались и в Синьцзяне. Так, в середине VI в. до н.э. население культуры чауху резко сократилось, огромные могильники почти перестали достраиваться, и концу V в. до н.э. культура прекращает свое существование. Судя по крайне малому количеству выявленных комплексов середины VI–V вв. до н.э., этот кризис имел место на всей территории Синьцзяна. Причины его пока не ясны, но можно предположить, что они были схожи с теми, что вызвали эпохальную смену культур степного пояса в середине VI в. до н.э.

Важно подчеркнуть, что инвентарные комплексы (кроме керамики) VIII–III в. до н.э. Тянь-Шаня очень близки известным на Саяно-Алтае и в Казахстане. Предположительно, наиболее близкими окажутся

еще не изученные памятники на территории Джунгарии. На это, в частности, указывают материалы из могильника Цзяохэ Гоубэй (конец V–III вв. до н.э.), имеющие много общего с пазырыкской культурой Горного Алтая, а также обнаружение пазырыкского захоронения на севере Джунгарии в Кээрмуци. Влияние культур Северного Китая и Ганьсу начинает проявляться только с IV–III вв. до н.э., но и для этого времени на территории Синьцзяна автору не известно ни одного погребального комплекса, типа найденных в Маоцингоу. Соответственно, пока нет оснований говорить о каких-либо значительных миграциях с востока. По имеющимся данным, окруженный пустынями Тянь-Шань до появления Шелкового пути был довольно изолированной территорией, что и демонстрируют выявленные там самобытные культуры со специфическим погребальным обрядом и керамикой.

Список сокращений

АВ – Археологические вести. СПб.; М.
АНО – Автономная некоммерческая организация
АО – Археологические открытия. М.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БИ – Боспорские исследования. Симферополь Керчь
БССР – Башкирская советская социалистическая республика.
БФ – Боспорский феномен. СПб
ВААЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
Вестник НГУ – Вестник Новосибирского государственного университета.
ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края
ГАИМК – Государственная академия материальной культуры. Л., СПб.
ГИМ – Государственный исторический музей. М.
ГУ – Государственный университет.
ИА АОН КНР Институт археологии Академии общественных наук КНР. Пекин.
ИА РАН – Институт археологии РАН. М.
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск.
ИГЕМ РАН – Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН. М.
ИГиИПМНС – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов севера. Якутск.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН. СПб.
ИСО АН СССР – Известия Сибирского отделения АН СССР
КНР – Китайская народная республика.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН). М.; Л.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии РАН. Л.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
НА ИА РАН – Научный архив ИА РАН.
НА ИИМК РАН – Научный Архив Института истории материальной культуры. СПб.
НАН Беларуси – Национальная академия наук Беларуси
НВА ОПИ ГИМ – Научно ведомственный архив отдела полевых исследований ГИМ. М.
НГУ – Новосибирский государственный университет
НИЦ – Научно исследовательский центр
ННИО – Немецкое научно исследовательское общество.
ОАК – Отчеты Императорской Археологической Комиссии. СПб.
ПАЭАС – Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская Академия наук.
РБВ – Ранний бронзовый век.
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд. М.
РК – Республика Казахстан
РФ – Российская федерация
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований. М.
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.; Л.
Сборник МАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.; СПб.
СО РАН – Сибирское отделение РАН.

СОКМ – Свердловский областной краеведческий музей
СУАР – Синьцзяно-Уйгурский автономный район
ТМАЭ – Труды Маргианской археологической экспедиции. М.; СПб.
Труды ХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
Труды ЮТАКЭ – Труды Южно Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад; Л.; СПб.
УрО РАН – Уральское отделение РАН.
ФЦП – Федеральная целевая программа.
BAR – British Archaeological Reports
BSS – Black Sea Studies. Aarhus
CAR – Chaires d'archéologie romande. Lausanne
CNRS – Centre National de la Recherche Scientifique
CSIC – Consejo Superior de Investigaciones Cientificas
EAA – European Association of Archaeologists.
JAS – Journal of Archaeological Science.
PAS – Prähistorische Archäologie Südosteuropas. Berlin.
SEST – Sequential Energy System Tuning
UPA – Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie. Bonn.

Содержание

Оргкомитет III (XIX) Всероссийского археологического съезда	3
Структура издания «Трудов III (XIX) Всероссийского археологического съезда»	4

Пленарные доклады

<i>А.П. Деревянко, М.В. Шуньков</i> Палеолит Алтая: культурная динамика и развитие рода <i>Ното</i>	5
<i>Н.Н. Жервэ, П.Г. Гайдуков</i> К 100-летию XV Археологического съезда в Новгороде	7
<i>Е.Н. Носов, В.Л. Янин</i> К 1150-летию юбилею российской государственности: источники и проблемы	9
<i>Е.Н. Черных</i> Системный анализ серий радиоуглеродных датировок Эпохи Раннего Металла: основные результаты и проблемы исследований.	11
<i>В.Л. Янин, Е.А. Рыбина</i> Берестяные грамоты: 60 лет открытия и изучения	12

Культурно-исторические процессы в палеолите Евразии: расселение человека, культурогенез, материальная культура и природная среда

<i>Е.В. Акимова</i> Поздний палеолит зоны Красноярского водохранилища	15
<i>Х.А. Амирханов, Д.В. Ожерельев</i> Мухкай II, слой 80 – новая стоянка эпохи олдована в Центральном Дагестане	16
<i>А.А. Анойкин</i> Тинит-1 – многослойный памятник верхнего– среднего палеолита в Приморском Дагестане.	18
<i>Н.Б. Ахметгалеева</i> Основные приёмы первичного расщепления рога северного оленя по материалам верхнепалеолитической стоянки Анетовка 2 в Степном Побужье	20
<i>Н.О. Бадер</i> Человек из Сунгиря по данным археологии	22
<i>В.И. Беляева, Ю.Н. Грибченко, Л.В. Кулаковская</i> Мосолов Ров – стоянка эпохи среднего палеолита на Десне.	23
<i>Е.В. Беляева</i> Развитие ашельской бифасной традиции на Кавказе	24
<i>Н.Е. Бердникова</i> Заключительная стадия позднего палеолита Байкальской Сибири	26
<i>А.А. Бессуднов, А.Н. Бессуднов</i> Характер связи Дивногорских стоянок на Среднем Дону	27
<i>А.П. Бужилова</i> К вопросу о причинах смерти взрослого сунгирца (в контексте погребального обряда верхнепалеолитического захоронения с учетом антропологических источников).	28
<i>Е.В. Булочникова</i> Обработанная кость и мергель Авдеево (типология и планиграфия).	29
<i>Н.Д. Бурова, Е.А. Петрова</i> Анализ скопления костей мамонта верхнепалеолитического памятника Костенки-14 (I культурный слой)	30

<i>Н.Д. Бурова, Е.А. Петрова</i> Археозоология IVa культурного слоя верхнепалеолитического памятника Костенки 14.	31
<i>С.А. Васильев</i> Наследие П.И. Борисковского и современная наука о палеолите	33
<i>С.В. Васильев</i> Homo helmei или африканский центр происхождения Homo sapiens	34
<i>С.Б. Верещагин</i> Результаты изучения 25 горизонта поселения Усть-Менза – 1	35
<i>Е.А. Виноградова</i> Характер системы жизнеобеспечения на базовых стоянках каменнобалковской культуры.	36
<i>И.Е. Воробей</i> Практика интерпретации докерамических комплексов крайнего северо-востока Азии и археологические культуры Якутии, Приамурья и Приморья	38
<i>Г.А. Воробьева, Н.Е. Бердникова</i> Палеогеография Сартанского времени в Прибайкалье.	39
<i>Е.В. Воскресенская, К.Н. Гаврилов</i> Новый комплекс верхнепалеолитической стоянки Хотылево 2: раскопки 2005–2010 гг.	40
<i>Л.В. Голованова</i> Динамика среды и культуры в среднем и позднем палеолите Северо-Западного Кавказа	41
<i>Л.В. Голованова, В.Б. Дороничев</i> Ранние индустрии среднего палеолита в пещере Матузка	42
<i>Ю.Н. Грибченко, Е.И. Куренкова</i> Первичное расселение палеолитического человека в Центральных и Северных регионах Восточно-Европейской равнины	43
<i>А.П. Деревянко, Е.П. Рыбин, Гао Син, Д. Олсен</i> Ранняя пора верхнего палеолита в Северо-Западном Китае: местонахождение Лотоши	45
<i>В.Б. Дороничев</i> Кавказские источники в контексте раннего палеолита Западной Евразии	47
<i>О.А. Дружинина, М.А. Кулькова, Т.В. Сапелко, И.Н. Сходнов</i> Комплексные исследования стоянки Рядино 5 (Калининградская область)	48
<i>М.Н. Желтова</i> Место каменных индустрий Костенок 4 в контексте верхнего палеолита Европы	49
<i>Е.М. Инешин</i> Проблемы археологии Северной Азии в рамках когнитивного проекта	50
<i>А.В. Кандыба</i> Палеолитические индустрии Орхона в эпоху перехода от среднего к верхнему палеолиту.	51
<i>К.А. Колобова</i> Верхний палеолит Узбекистана: смена интерпретационной парадигмы.	51
<i>М.В. Константинов, Т.А. Константинова</i> Археологические исследования Г.Ф. Миллера в Забайкалье	52
<i>М.В. Константинов</i> Забайкалье: земля, проникнутая небом	53
<i>А.В. Константинов, И.И. Разгильдеева</i> Усть-Мензинский археологический комплекс: средняя пора верхнего палеолита.	55
<i>А.И. Кривошапкин</i> Индустрия грота Оби-Рахмат (Узбекистан) в контексте «комплекса современного поведения»	56
<i>Я.В. Кузьмин</i> Миграции древнего населения Дальнего Востока России в эпоху камня (по результатам изучения источников обсидиана).	57
<i>С.А. Кулаков</i> О присутствии «ашеля» на Ахштырской пещерной стоянке (северо-западный Кавказ)	58
<i>Е.И. Куренкова, Ю.Н. Грибченко</i> Особенности взаимодействия первобытного человека с природным окружением на различных этапах первичного заселения Восточной	

Европы	60
<i>С.А. Лаухин</i> Изменение технико-типологических традиций как один из способов адаптации палеолитического населения Северной Азии к крупным перестройкам природной среды	62
<i>Л.В. Лбова, Д.В. Кожевникова, П.В. Волков</i> Музыкальные инструменты ранней стадии верхнего палеолита в контексте знакового поведения (материалы Забайкалья)	63
<i>С.Ю. Лев</i> Зарайск В: некоторые итоги исследования памятника.	64
<i>Е.В. Леонова, К.Е. Агеева, О.И. Александрова</i> Динамика культурных процессов в верхнем палеолите – мезолите Северо-Западного Кавказа (по материалам многослойных памятников навес Чыгай и пещера Двойная)	65
<i>Н.Б. Леонова, С.А. Несмеянов, О.А. Воейкова</i> Реконструкция палеоландшафтов и систем природопользования юга Русской равнины	67
<i>С.Н. Лисицын</i> Новые данные о культурных связях граветтийского населения Костенковско-Борщевского района на Дону	69
<i>В.П. Любин, Е.В. Беляева</i> Открытие раннего ашеля на Кавказе	69
<i>С.В. Маркин</i> К вопросу о выделении сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая.	71
<i>Е.Н. Мащенко</i> Состав групп и морфология мамонтов с памятников поздней поры верхнего палеолита Русской равнины	72
<i>М.Н. Мещерин</i> Куналейская культура в верхнем палеолите Забайкалья.	72
<i>П.В. Мороз</i> Результаты петроархеологических исследований в Забайкалье	74
<i>В.М. Новосельцева</i> Проблемы стратиграфии и хронологии палеолита Северного Приангарья по результатам работ на геологическом объекте Усть-Ёдарма 3	75
<i>А.К. Очередной, Л.Б. Вишняцкий, П.Е. Нехорошев, Е.В. Воскресенская, А.Г. Иосифиди, Н.В. Сальная</i> Новый этап комплексных исследований памятников среднего палеолита Хотылево I и Бетово	77
<i>П.Ю. Павлов</i> Особенности заселения человеком северо-востока Европы в эпоху палеолита	78
<i>В.В. Попов</i> Аносовка-2. Культуры верхнего палеолита в Костёнках	80
<i>А.Ю. Пустовалов</i> Костёнки 9. Памятник средней поры верхнего палеолита в Костёнках	80
<i>И.И. Разгильдеева, С.А. Решетова</i> Палеоклимат и планиграфия древних поселений	81
<i>А.М. Родионов</i> Нуклеусы позднепалеолитического памятника Костенки XI (культурный слой 1а)	83
<i>Н.А. Рудая</i> Палинологическая характеристика палеолитической стоянки Чагырская пещера (Алтайский край)	85
<i>М.В. Саблин</i> Раннеантропогенные фауны и расселение рода <i>Ното</i>	86
<i>В.Я. Сергин</i> Кирилловское поселение.	87
<i>Г.В. Синицына</i> Финальный палеолит северо-запада Восточной Европы	88
<i>С.Б. Слободин</i> Бифронтальные клиновидные нуклеусы в культурах Берингии	89
<i>Т.Е. Солдатова</i> Костяная индустрия верхнепалеолитической стоянки Сунгирь: предварительные результаты	90
<i>А.Н. Сорокин</i> Финальный палеолит Центральной России: есть ли выход из тупика?	91

<i>К.Н. Степанова</i> Песты-терочники верхнего палеолита в контексте концепции «усложненного собирательства»	93
<i>А.В. Тетенькин</i> Проблема определения археологической специфики Байкало-Патомского нагорья в конце плейстоцена – первой половине голоцена	94
<i>Г.А. Хлопачев</i> Стоянка Бугорок и ее место в позднем верхнем палеолите Подесенья	95
<i>А.А. Цыбанков</i> Каменная индустрия верхнепалеолитического комплекса восточной галереи Денисовой пещеры	97
<i>А.А. Чубур</i> Новая палеоантропологическая находка на Новгород-Северской верхнепалеолитической стоянке (Средняя Десна)	98
<i>М.В. Шуньков</i> Древнейший палеолит Северной Азии	98
<i>В.Е. Щелинский</i> Технология первичного расщепления камня раннепалеолитической стоянки Кермек в Южном Приазовье	100

Мезолит и неолит Евразии: анализ источников, хронология, периодизация, культурная география

<i>М.В. Аникович, Н.И. Платонова</i> Первобытное искусство и «недоразвитый» кроманьонец (об одной новейшей концепции происхождения Homo sapiens и его искусства)	101
<i>С.В. Батаршев</i> Система размещения и структура древних поселений в среднем-позднем неолите Приморья	102
<i>С.В. Батаршев, О.Л. Морева</i> Межкультурное взаимодействие в среднем неолите юга Дальнего Востока: постановка проблемы	104
<i>Н.С. Березина</i> Новые памятники каменного века Среднего Приуралья	105
<i>В.В. Бобров, А.Г. Марочкин</i> Артынская культура	106
<i>Д.Л. Бродянский</i> Дальний Восток: петроглифы из культурного слоя	108
<i>И.Н. Васильева, А.А. Выборнов</i> К разработке проблем неолитизации Среднего Поволжья	109
<i>Н.Б. Васильева, Н.В. Косорукова</i> Функционально-планиграфическое исследование кратковременных мезолитических стоянок Молого-Шекснинского междуречья (р. Ратца)	110
<i>Е.А. Васильев, И.П. Глызин</i> Энеолит Нижнего Приобья: проблемы культурогенеза	112
<i>И.Ф. Витенкова</i> Ямочно-гребенчатая керамика среднего неолита на территории Карелии	114
<i>П.В. Волков, Е.Д. Жамбалтарова</i> Всегда ли сакрален «погребальный инвентарь» (по материалам Фофоновского могильника)	115
<i>А.В. Волокитин</i> Культуры, культурные типы, области и провинции в мезолите Приуралья	116
<i>Е.Е. Воробьева</i> Об истоках домостроительства на территории Марийского Поволжья	118
<i>Ю.Е. Вострецов</i> Культурные адаптации населения Южного Приморья в переходный период от атлантикума к суббореалу голоцена	119
<i>А.А. Выборнов, В.С. Мосин, И.В. Горащук</i> Неолит по обе стороны Урала	120
<i>М.Ш. Галимова, А.А. Чурбанов</i> Перспективы минералогических исследований в первобытной археологии Волго-Камья	120

<i>А.В. Гарковик</i> Антропоморфные изображения в материалах эпохи камня и раннего палеометалла в Приморье	121
<i>Д.В. Герасимов, А. Крийска, С.Н. Лисицын</i> Доисторический человек каменного века юго-восточного побережья Финского залива в регрессивную стадию Литоринового моря.	122
<i>К.Э. Герман, И.В. Мельников</i> Новые открытия памятников мезолита – раннего неолита в южном Заонежье.	124
<i>О.И. Горюнова, А.Г. Новиков, А.В. Вебер</i> Керамика раннего неолита Прибайкалья (по материалам многослойного поселения Саган-Заба II)	125
<i>А.Е. Гришин, Ю.Н. Гаркуша, Ж.В. Марченко</i> К проблеме выделения культур эпохи неолита в Северном Приангарье.	127
<i>С.В. Гусев</i> Ранненеолитические комплексы Северного Сахалина (по материалам исследований стоянки Хунмахта I)	129
<i>С.В. Гусев, Т.Ю. Репкина</i> Геоархеологические исследования историко-культурного комплекса «Сиклюк – Китовая Аллея» в Беринговом проливе	131
<i>С.В. Гусев, Т.Ю. Репкина</i> Древнекитобойная культура Чукотки и Аляски: комплексные исследования поселения Уненен и его окрестностей	132
<i>С.В. Гусев, В.Я. Шумкин</i> Инициальное заселение Евразийской Арктики: время, пути, общие и особенные черты	133
<i>Т.М. Гусенцова, П.Е. Сорокин, М.А. Кулькова, М.Н. Желтова, Т.А. Шаровская, А.Ю. Тарасов</i> Результаты комплексного исследования материалов памятника эпох неолита–раннего металла Охта 1 в Санкт-Петербурге (раскопки 2008–2009 гг.)	134
<i>М.А. Дикова</i> Мифологическое пространство в поздненеолитической графике малых форм (Чукотка)	136
<i>Е.В. Долбунова, М.Э. Полковникова, А.Н. Мазуркевич, М.А. Кулькова, Й. Фассбиндер</i> Комплексные исследования памятников Днепро-Двинского междуречья	138
<i>Н.А. Дорофеева, О.Л. Морева, С.В. Батаршев</i> Проблемы происхождения пластинчатых комплексов в неолите Приморья	139
<i>Е.Г. Дэвлет, Е.Ю. Гирия</i> О продолжении экспериментально-трассологического изучения петроглифов Евразии	141
<i>Н.С. Ефремова</i> Производственные культы Западной Сибири в эпоху палеометалла: к постановке проблемы	143
<i>В.С. Житенев</i> Новые исследования в Каповой и Игнатьевской пещерах на Южном Урале	144
<i>А.М. Жульников</i> Миграция и контакты древнего населения Северной Европы по данным изучения наскальных изображений.	145
<i>А.П. Забияко</i> Наскальные рисунки и татуаж	146
<i>А.Л. Заика</i> Об истоках «скелетного» стиля в петроглифах Северной Азии	147
<i>С.Ю. Зырянова</i> Многослойное поселение Шайдуринское V и проблемы хронологии неолита Среднего Зауралья.	148
<i>Е.Г. Калечиц</i> Мезолит Беларуси в свете новых данных	149
<i>С.С. Калиева, В.Н. Логвин</i> О соотношении терсекских и ботайских древностей	150
<i>Р.А. Кобызов</i> Смирновка писаница – древний памятник наскального искусства на Верхнем Амуре	151
<i>В.Т. Ковалева, С.Ю. Зырянова</i> Неолитические «утюжки» Евразии: проблема генезиса и функции	153

<i>Е.М. Колпаков</i> Петроглифы Канозера и Северной Европы	155
<i>С.А. Кондратьев</i> Культура ямочно-гребенчатой керамики Среднего Поволжья (современное состояние вопроса)	156
<i>Т.В. Корниенко</i> К вопросу о размещении рельефов, горельефов и скульптурных фигур на стелах Гёбекли Тепе	158
<i>В.Г. Котов</i> Некоторые итоги изучения пещеры Шульган-Таш (Каповой)	159
<i>Е.Б. Крутых</i> Финальный неолит Приморья.	161
<i>А.С. Куликова, А.И. Мартынов</i> Изображения лодок на петроглифах Евразии как исторический источник	163
<i>М.А. Кулькова</i> Естественно-научные методы исследования в оценке состава, источников сырья и технологии изготовления древней керамики	164
<i>З.С. Лапина</i> Предметы искусства и ранняя керамика Осиповской культуры поселения Хумми I (Нижний Амур)	165
<i>О.В. Лозовская, В.М. Лозовский, А.Н. Мазуркевич, I. Clemente Conte, E. Gassiot</i> Первые результаты подводных исследований на стоянке Замостье 2 (Сергиево-Посадский район Московской области)	167
<i>О.В. Лозовская, М.И. Колосова</i> Особенности использования сырья для изготовления деревянного инвентаря в позднем мезолите по материалам стоянки Замостье 2	168
<i>В.М. Лозовский, О.В. Лозовская, I. Clemente Conte, N. Desse-Berset, V. Radu, Y. Maigrot, Е.Ю. Гуря, E. Gassiot</i> Рыболовство в мезолите – раннем неолите Волго-Окского междуречья по материалам стоянки Замостье 2	169
<i>Е.Л. Лычагина</i> Неолит – энеолит Верхнего и Среднего Прикамья. Вопросы происхождения и хронологии	171
<i>А.Н. Мазуркевич</i> О моделях неолитизации Восточной Европы	172
<i>А.Н. Мазуркевич, Е.В. Долбунова</i> Подводные исследования неолитических памятников Северо-Запада России.	174
<i>Н.П. Макаров</i> Неолит Средней Сибири	175
<i>В.А. Манько</i> Проблемы происхождения неолитических индустрий Северного Приазовья и Горного Крыма	176
<i>В.Е. Медведев</i> О современных тенденциях в исследовании неолита юга Дальнего Востока России. Нижнее Приамурье	176
<i>А.В. Можяев</i> Региональные особенности устройства древних и средневековых жилищ острова Сахалин	179
<i>О.Л. Морева, Н.А. Ключев</i> Взаимодействие археологических культур Приморья на рубеже среднего и позднего неолита.	180
<i>А.А. Орехов</i> Новые материалы к характеристике древнеберингоморской культуры (ЧАО).	182
<i>С.Н. Панина</i> Новые данные в исследовании Усть-Вагильского холма – культового места эпохи неолита – железного века в лесном Зауралье	183
<i>А.А. Прут</i> Орудия для обработки кости в древних культурах морских зверобоев Чукотки.	185
<i>Е.О. Rogovskoy</i> Северное Приангарье. Проблемы и перспективы изучения неоплейстоценовой археологии	186

<i>А.Г. Рыбалко</i> Первые результаты исследований стоянки Дарвагчай-залив 1 (Республика Дагестан)	188
<i>Ю.Б. Сериков</i> Сакральные минералы древнего населения Урала	190
<i>В.В. Сидоров</i> Волосовская культура	191
<i>А.А. Синицын</i> Искусство раннего верхнего палеолита Костенок: хронология и культурная дифференциация.	194
<i>С.Н. Скочина, Д.Н. Еньшин</i> Неолитический комплекс поселения Мергень 6 в лесостепной зоне Западной Сибири	195
<i>С.Б. Слободин</i> Неолит Колымы в контексте археологии Северо-Востока Азии.	197
<i>Е.А. Строгова</i> Колымский край на археологической карте Якутии	198
<i>И.В. Усачева, Н.С. Ларина</i> Цветные почвы неолитического ритуального комплекса Чепкуль 21А: состав и происхождение	199
<i>И.В. Федюнин</i> Понятие «мезолит» в археологии Европейской России и некоторые проблемы периодизации каменного века в отечественной науке	200
<i>Н.А. Цветкова</i> Ранний неолит Верхнего Поволжья. Некоторые вопросы и проблемы историко-культурных реконструкций	202
<i>Н.В. Цыденова</i> Нуклеусы раннеолитического горизонта стоянки Красная Горка (Западное Забайкалье)	203
<i>Д.В. Черемисин</i> Исследование граффити на юге Российского Алтая	205
<i>А.Ф. Шорин</i> Святилище Кокшаровский холм и Юрьинское поселение: сходство и различие в категориях артефактов	207
<i>О.В. Янишина</i> К вопросу о происхождении орнамента: по материалам древнейшей керамической посуды Дальнего Востока	207

Эпоха бронзы Евразии

<i>Li Zhang</i> New Perspectives on Prehistoric Silk Routes	209
<i>В.И. Балабина, Т.Н. Мишина</i> Дискуссия об особенностях функционирования энеолитического могильника на телле Юнаците и его хроностратиграфия	209
<i>В.С. Бочкарев, П.Ф. Кузнецов</i> Новая разновидность металлических наконечников копий эпохи бронзы Волго-Уральского региона.	210
<i>Е.А. Васильев</i> Культура вары-хадыта и проблемы культурогенеза Северо-Западной Сибири в раннем бронзовом веке	212
<i>Е.И. Гак</i> Поселение Рыкань-3 и некоторые проблемы изучения катакомбной культуры в лесостепном Подонье	214
<i>С.П. Грушин</i> К вопросу об использовании транспортных средств населением Алтая в эпоху ранней бронзы	216
<i>Н.А. Дубова</i> Погребальные сооружения Гонур Депе, Туркменистан	218
<i>А.В. Епимахов</i> Синташтинское дистанционное вооружение (реконструкция некоторых параметров).	219

<i>В.А. Зах</i> О формировании федоровской культуры (по материалам Нижнего Притоболья)	220
<i>Л.С. Ильюков</i> Поминальные площадки срубной культуры Нижнего Дона	222
<i>Л.Б. Кирчо</i> Культурогенез и культурные трансляции во второй половине IV–III тыс. до н.э. на юго-западе Средней Азии.	223
<i>К.Ю. Кирюшин, С.М. Ситников, В.П. Семибратов, Ю.И. Гельмель</i> Поселение Новоильинка-III – памятник энеолита Кулунды.	226
<i>С.Н. Корневский</i> Становление курганного обряда в Предкавказье и Доно-Волжском междуречье	228
<i>Л.Н. Корякова, Р. Краузе, А.В. Епимахов, Н.А. Берсенева, С.В. Шаропова, С.Е. Пантелеева, Й. Форнасье, Э. Кайзер</i> К вопросу об обеспечении водой в древности: колодцы укрепленного поселения эпохи бронзы Каменный Амбар (Ольгино)	229
<i>Ю.В. Костомарова</i> Хозяйственная деятельность как механизм адаптации к природным и социальным факторам (по материалам позднего бронзового века лесостепного Притоболья)	230
<i>В.М. Костомаров</i> Территориальная и хронологическая дифференциация пахомовских древностей Тоболо-Иртышской лесостепи	232
<i>О.С. Кудрич</i> Север Западной Сибири: новые источники по энеолиту–раннему бронзовому веку низовий Оби	233
<i>М.Е. Кузнецова-Фетисова</i> Столица Инь династии Шан (XVI–XI вв. до н.э.) и хронология бронзового века Китая	235
<i>Е.Е. Кузьмина</i> Проблема происхождения индоевропейцев сегодня	237
<i>В.В. Куфтерин</i> О двух элементах погребального обряда сапаллинской культуры	239
<i>И.П. Лазаретов</i> Клад каменных орудий с окуневским изваянием	240
<i>Н.В. Лебедева, В.Г. Фадеев, А.А. Хохлов</i> Охранно-спасательные раскопки курганов бронзового века в лесостепном Заволжье	242
<i>Н.П. Матвеева, О.Ю. Зимина</i> Погребения заключительного этапа бронзового века в Зауралье	244
<i>В.И. Мельник</i> Природная среда, традиция и символика погребального сооружения	245
<i>Р.А. Мимоход</i> О южном компоненте синташтинского культурогенеза.	246
<i>Т.Н. Мишина</i> Орнаменты на керамике как хронологические маркеры для эпохи РББ (по материалам теля Юнаците)	247
<i>А.В. Моисеев</i> К вопросу о колесницах эпохи бронзы евразийской степи–лесостепи (происхождение, назначение, значение)	248
<i>В.И. Молодин, Т.А. Чикишева, Д.В. Поздняков, А.С. Пилипенко, А.А. Журавлев, Р.О. Трапезов, А.Г. Ромащенко</i> Миграция андроновского населения в Западную Сибирь: археологический, антропологический и палеогенетический аспекты	249
<i>В.И. Молодин, Ж.В. Марченко, А.Е. Гришин</i> Радиоуглеродная хронология позднекротовских и андроновских (федоровских) памятников центральной части Барабинской лесостепи (Западная Сибирь)	251
<i>В.И. Молодин</i> Погребальная практика одиновской культуры	252
<i>Н.Л. Моргунова</i> Культурная принадлежность и хронология Тамар-Уткульских курганов	254

<i>Ю.А. Морозов, И.А. Шутелева, Н.Б. Щербаков</i> Новые материалы погребального комплекса срубно-алакульского населения Башкирского Приуралья из Казбуруновского I курганного могильника	256
<i>О.Д. Мочалов</i> Керамика могильников эпохи бронзы северной части Волго-Уралья (проблемы взаимодействия культур).	258
<i>М.С. Нестерова</i> Общие тенденции развития очажных устройств в культурах эпохи бронзы лесостепной полосы Западной Сибири.	260
<i>О.И. Новикова</i> Интрамуральные погребения эпохи бронзы Западной Сибири: проблемы интерпретации	261
<i>А.В. Поляков</i> Соотношение пола погребенного и типов бронзового сопроводительного инвентаря в захоронениях эпохи поздней бронзы на Среднем Енисее	263
<i>А.Д. Пряхин</i> Памятники покровского типа конца средней–начала поздней бронзы на современном этапе изучения	265
<i>М.Н. Пшеницына</i> Погребальные памятники афанасьевской культуры в предгорьях Саян на юге Хакасии	267
<i>Н.В. Рослякова</i> Ритуальная практика населения срубной культуры Самарского Поволжья: роль и место животных в погребальном обряде.	270
<i>Н.В. Рындина, И.Г. Равич</i> Новые данные о металлопроизводстве племен майкопско-новосвободненской общности Северного Кавказа	272
<i>Е.Н. Сава</i> Новые данные о происхождении и функциональности «золотников» на поселениях эпохи поздней бронзы Юго-Восточной Европы	273
<i>Н.П. Салугина</i> Керамические традиции как показатель социокультурного состава населения позднего бронзового века	275
<i>В.И. Сарияниди</i> Каменные составные статуэтки в Маргиане	276
<i>Р.М. Сатаев, Л.В. Сатаева</i> Отдельные аспекты археологических исследований на Гонур-Депе (Республика Туркменистан).	277
<i>Н.Н. Скакун</i> Поселение Бодаки – крупный кремнеобрабатывающий центр трипольской культуры	278
<i>Р.В. Смольянинов, А.А. Свиридов, А.Н. Бессуднов</i> Памятники эпохи энеолита на Верхнем Дону	279
<i>Л.А. Соколова</i> Новая хронология и изучение окуневской культурной традиции	281
<i>В.В. Ставицкий</i> К вопросу о хронологии памятников алексеевского типа	283
<i>Н.Ф. Степанова</i> Эпоха бронзы горного Алтая: современное состояние изучения	284
<i>В.В. Ткачев</i> Особенности бытовой и погребальной архитектуры позднего бронзового века в Уральско-Мугоджарском регионе	286
<i>В.А. Трифонов</i> Происхождение керамического комплекса «дольменной» культуры эпохи бронзы.	289
<i>М.А. Турецкий, Н.В. Рослякова</i> Роль и место животных в погребальном обряде населения ямной культуры Самарского Поволжья и Оренбуржья	291
<i>С.М. Умрихин</i> Особенности погребального обряда населения эпохи поздней бронзы в долине р. Орь	292
<i>А.Ю. Худавердян</i> О некоторых антропологических аспектах индоевропейской проблемы	294
<i>Н.А. Цветкова, А.В. Борисов, З.Х. Албегова</i> Чидгом – памятник энеолита – средней бронзы Центрального Кавказа (результаты охранных раскопок)	296

<i>О.С. Шерстобитова</i> Памятники журавлевского типа в Среднем Прииртышье – этап или самодостаточный феномен?	298
<i>Н.И. Шишина</i> Культуры эпохи бронзы Евразийских степей: проблема идентификации уровня мобильности и проблема миграции населения	300

Археология античности

<i>А.М. Бутягин, Д.Е. Чистов, А.В. Ершова</i> Работы Стабианской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2010 году	303
<i>А.М. Бутягин, О.Ю. Соколова, М.Ю. Вахтина, В.А. Хриановский, Н.И. Винокуров, С.Ю. Внуков, А.А. Масленников, Т.В. Егорова, Е.А. Попова, В.Г. Зубарев, Е.А. Молев, В.П. Толстиков</i> Исследования Российских экспедиций в Крыму в 2009-2011 гг.	304
<i>М.Ю. Вахтина</i> Раскопки античного городища Порфмий: итоги, задачи, перспективы	305
<i>Л.Н. Водолажская, В.О. Пономаренко</i> Химический состав керамики светлоглиняных узкогорлых амфор варианта D типа C IV из Танаиса	307
<i>А.Н. Ворошилов, О.М. Ворошилова</i> Восточный некрополь Фанагории (исследования 2010 года)	308
<i>В.А. Гаибов</i> О локализации парфянской области Нисайи (по итогам работ Советско-Афганской археологической экспедиции)	309
<i>Г.П. Гарбузов, А.А. Завойкин</i> Динамика освоения сельских территорий греческих центров Таманского полуострова в VI-V вв. до н.э.	311
<i>Е.В. Добровольская</i> Реконструкция стада домашнего скота Фанагории в античное время	313
<i>Т.В. Егорова</i> Комплекс помещений позднего греческого периода (вторая половина III – начало II в. до н.э.) в юго-восточной части городища «Чайка».	314
<i>А.И. Иванчик</i> Келены – Апамея Фригийская: основные итоги исследований международной экспедиции в 2008-2011 гг.	316
<i>С.В. Кашаев</i> Новые открытия на некрополе Артющенко-2 и проблемы охраны памятника	317
<i>А.П. Медведев</i> Фанагорийский некрополь римского времени (по раскопкам 2005-2007 г.)	318
<i>С.В. Ольховский, О.С. Румянцева</i> Новая категория находок и проблема стеклоделия на Таманском полуострове в римское время	320
<i>А.В. Полеводов, М.А. Корусенко</i> «Обол Харона» на юге Западной Сибири	321
<i>Е.А. Попова</i> Городище «Чайка» и проблемы археологии Северо-Западного Крыма	323
<i>Д.В. Поспелов</i> О локализации античного маяка на мысе Тарханкут	324
<i>А.В. Сазанов</i> Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор и проблемы хронологии Боспора позднеримского времени	325
<i>О.В. Шаров</i> Погребения «сарматской знати» на Боспоре в позднеримскую эпоху.	327

Памятники раннего железного века Евразии

<i>О.В. Аникеева, С.В. Заседателева</i> Возможности минералого-технологического анализа при изучении каменных бус	329
--	-----

<i>С.В. Берлина, Н.А. Попов</i> Фортификации племен раннего железного века лесостепного Тоболо-Ишимья	330
<i>Н.А. Берсенева</i> О социальном статусе погребенных старшей возрастной группы в саргатских могильниках Зауралья и Западной Сибири (ранний железный век)	331
<i>Н.А. Боковенко</i> Тенденции развития элитного погребального обряда номадов Центральной Азии в I тыс. до н.э.: Аржан, Пазырык, Ноин-Ула	332
<i>А.П. Бородовский</i> Следы древней сейсмоактивности на курганах эпохи раннего железа горной долины Нижней Катунь	333
<i>С.Г. Боталов</i> Исследование погребальных комплексов кочевой аристократии на Южном Урале.	335
<i>С.Б. Вальчак, Ю.В. Демиденко, К.Б. Фирсов</i> Реконструкция погребального обряда населения скифского времени Повороскля (по материалам полевого дневника И.А. Зарецкого 1887–1889 гг.)	337
<i>А.В. Гусев</i> Костяной защитный доспех населения севера Западной Сибири в раннем железном веке: находки, аналогии, возможности реконструкции	339
<i>И.В. Исланова, Н.А. Кренке, Н.В. Лопатин, О.А. Лопатина</i> Новые подходы к систематике древностей раннего железного века лесной зоны Европейской России	340
<i>М.Т. Кашуба</i> Элементы воинской субкультуры («воинские знаки различия») у ранних кочевников Северного Причерноморья в X–VIII вв. до н.э.	342
<i>М.Т. Кашуба, О.Г. Левицкий</i> Раннекочевнические комплексы IX–VIII вв. до н.э. из Днестровского региона в свете «фрако-киммерийского» феномена	344
<i>М.Е. Килуновская</i> Керексурь и петроглифы на границе Тувы и Монголии	345
<i>О.А. Кириченко</i> К вопросу о конском снаряжении.	346
<i>В.А. Кисель</i> Высокие головные уборы женщин у кочевников Евразии	348
<i>А. Козубова</i> К вопросу о восточном влиянии в вежерцугской культуре	349
<i>Л.А. Краева</i> Сравнительная характеристика гончарных традиций савроматского и раннесарматского периодов	350
<i>С.В. Красниенко, А.В. Субботин</i> Древние крепости на севере Кузнецкого Алатау.	352
<i>Т.М. Кузнецова</i> О времени прихода скифов в Северное Причерноморье.	353
<i>Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко</i> Мечи из меотского могильника городища Спорное	354
<i>С.И. Лукьяшко</i> К хронологии скифских колчаных наборов	356
<i>В.Ю. Малашев</i> Культурная принадлежность и хронология могильника Паласа-сырт (Южный Дагестан)	357
<i>Л.С. Марсадолов</i> Древние историко-культурные и географические центры Саяно-Алтая и Евразии	359
<i>А.В. Мастыкова</i> Охранные раскопки на могильниках позднеиримского времени Шлакалькен-5 и Шлакалькен-6 на Самбийском полуострове.	360
<i>О.А. Митько</i> Деревянные огневые приборы из памятников скифского времени на территории Суар (Китай)	361
<i>В.Ю. Могрицкая</i> Берестяная утварь древнего святилища Усть-Полуй (I в. до н.э.–I в. н.э.) в контексте традиционной культуры населения севера Западной Сибири	363
<i>В.П. Мыльников</i> Методы изучения погребальных сооружений из дерева в поле	365

<i>Л.В. Панкратова</i> Камень с гравировкой из поселения Половинка-I	366
<i>В.С. Патрушев</i> Финноязычные племена с «текстильной» керамикой как этнический феномен	367
<i>Л.М. Плетнева</i> Нижнее Притомье в системе скифо-сибирского мира	368
<i>Б.А. Раев</i> Погребения в катакомбах могильника Спорное 1: кочевой компонент в меотском контексте	371
<i>С.А. Рузанова</i> Металлургия древнего Хорезма в раннем железном веке	372
<i>И.В. Рукавишников</i> Многофигурные композиции с антропоморфными сценами в контексте звериного стиля	373
<i>Е.А. Рябинина</i> Комплекс раннего железного века могильника Озерный-1 в Верхнем Притоболье	376
<i>Т.В. Рябкова</i> Начальный этап доисследования Костромского кургана	378
<i>Д.Г. Савинов</i> Ранние композиции скифо-сибирского звериного стиля	379
<i>Вл.А. Семенов</i> «Клады» конского снаряжения из погребальных комплексов алды-бельской культуры Тувы	381
<i>А.Ю. Скаков</i> Колокольчики «казбекского типа»	383
<i>А.Х. Сланов, А.А. Сланов</i> Элементы скифской материальной культуры в погребальных комплексах Кливанских могильников Южной Осетии	385
<i>О.С. Советова</i> Геральдические (антитетические) композиции в наскальном искусстве	386
<i>Е.В. Степанова</i> Седла гунно-сарматского времени – попытка реконструкции	388
<i>Е.В. Столяров</i> К вопросу о культурной ситуации в бассейне Верхней Оки в эпоху раннего железного века	389
<i>А.Д. Таиров</i> Раннекочевнические воинские погребения пограничья степи и лесостепи Южного Зауралья	391
<i>А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, Н.Н. Серегин, Т.В. Тишкина</i> Новые результаты исследований кургана № 4 на памятнике Бугры в предгорьях Алтая	392
<i>А.А. Тишкин, А.Н. Мухарева</i> Изображения на «оленных» камнях Монгольского Алтая	394
<i>А.Я. Труфанов</i> Крестовая керамика лесостепного Прииртышья	395
<i>А.А. Туаллагов</i> Ранние кочевники и оседлое население Северного Кавказа	396
<i>Д.Ф. Файзуллина</i> Головные уборы «ленточного» типа населения Волго-Камья ананьинского времени (IX–VI вв. до н.э.)	397
<i>Н.В. Федорова, А.В. Пантелеев</i> Птицы в искусстве древнего святилища Усть-Полуй	398
<i>Я.В. Фролов</i> Специфика культурных трансформаций в лесостепной зоне Алтая в эпоху раннего железа	399
<i>С.В. Хаврин</i> Археологическое олово	401
<i>Л.Д. Чадамба</i> Памятники древнего искусства правого берега Улуг-Хема	402
<i>М.С. Шемаханская, Л.Т. Яблонский</i> Парадный меч из царского кургана в Филипповке 1	404
<i>Й. Шнеевайсс</i> Культурное и ландшафтное развитие в I тыс. н.э. в лесной зоне Восточной Европы между Волгой и Эльбой: постановка проблемы и проект мультидисциплинарных исследований	405

П.И. Шульга Особенности этнокультурных процессов на территории Синьцзяна (Китай)
в VIII–III вв. до н.э. 407

Список сокращений 409

Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда.

Т. I

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом Института истории материальной культуры РАН

Редакционная группа:

*О.И. Богуславский, М.Ю. Вахтина, А.В. Голикова, Т.С. Дорофеева, М.Т. Кацуба, Н.В. Лопатин, Л.Б. Кирчо,
Н.С. Сафронова, Е.Е. Сырнева, Н.В. Хвоцинская, Л.Г. Шаяхметова*

Компьютерная верстка: *О.И. Богуславский*

Подписано к печати 08.09.2011
Формат 60x84 1/8 Усл. Печ.л. 53,0. Уч.-изд.л. 41,6
Печать офсетная. Бумага офсетная
Заказ № . Тираж 1000 экз.

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18
Отп. в ОАО «Новгородский технопарк», г. Великий Новгород, ул. Б. С.-Петербургская, 41